НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

ТОМ 8

1

Нюрнбергский процесс

Нюрнбергский процесс 2

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 8

Лебедева Н.С., докт. ист. наук — составитель, автор предисловия, ответственный редактор

Кульков Е.Н., канд. ист. наук — составитель, научный редактор, автор указателя имен и аннотированного списка руководящих деятелей нацистской Германии

Павлищев К.С. — научный редактор

Щемелева-Стенина Е.Е. — перевод и сверка текста документов на немецком языке

Валицкая В.И. — перевод и сверка текста документов на английском языке

Москаа «Юридическая литература» 1999

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 8

Сборник
материалов
в 8-ми томах

Москва
«Юридическая
литература»
1999

4

Нюрнбергский процесс

УДК 341.64(093.2)
ББК 67.412.1
Н97

ISBN 5-7260-0923-1
ISBN 5-7260-0015-3

Предисловие

В 8-й том настоящего сборника вошли выступления защитников, заключительные речи главных обвинителей, последние слова подсудимых и приговор Международного военного трибунала (МВТ) с относящимися к нему документами.

Вопрос о приглашении адвокатов был включен в повестку первого заседания МВТ, состоявшегося 9 октября 1945 г. Чтобы обеспечить подсудимым возможность выбора адвокатов, Трибунал запросил от оккупационных властей сведения о всех проживавших в их зонах лицах этой профессии. При этом возник ряд трудностей: одни юристы, названные подсудимыми, сами были соучастниками многих преступлений нацистского режима, другие решительно отказались от «чести» представлять на суде главных военных преступников; местонахождение третьих не удалось установить. Тем не менее к 10 ноября все подсудимые, кроме М. Бормана, имели защитников, выбранных ими самими или назначенных Трибуналом с правом их замены в ходе процесса по желанию подсудимого[1]. В ходе суда в Нюрнберге 27 защитников пользовались услугами 54 ассистентов-юристов и 67 секретарей, среди которых были даже родственники подсудимых: сын Папена, зять Риббентропа и т.п. В составе защиты оказалось много видных адвокатов нацистской Германии: Р. Дикс (защитник Шахта), О. Штамер (защитник Геринга), Ф. Экснер, профессор уголовного права в Лейпциге, Мюнхене, Тюбингене (защитник Иодля), О. Кранцбюллер, более десяти лет являвшийся судьей в военно-морском флоте Германии (защитник Деница), и др. На процессе выступили и несколько молодых юристов, которые зачастую превосходили своих старших коллег в использовании разнообразных, далеко не корректных методов защиты. Они писали своим клиентам ответы на вопросы, которые собирались им задать, подробно инструктировали вызываемых ими свидетелей каким образом отвечать на вопросы, компрометировали и запугивали свидетелей обвинения и т.д. В частности, защитник Гесса и Франка А. Зейдль неоднократно выступал по таким щекотливым темам, как советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретный протокол к нему, Катынский вопрос, Прибалтика, советско-финляндская война и т.д., не имевшим отношения к делам его подзащитных. Идейным руководителем всей защиты стал адвокат Геринга О. Штамер.

Трибунал принял все меры для обеспечения благоприятных условий работы защитников. Им выплачивался гонорар в 4 тыс. марок за одного подзащитного и 2 тыс. за следующего, генеральный секретарь МВТ предоставил адвокатам жилье, средства транспорта, питание[2]. Защите были выделены «документальная»

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 1. Д. 2608. Л. 54. См. также: Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 183—185.

[2] ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 2738. Лл. 1—2; Д. 2608. Л.92.

комната и центр информации, в котором сосредоточивались все материалы обвинения, переведенные на немецкий язык, а также книги, газеты и другие издания «третьего рейха». Открывая процесс, председатель МВТ лорд Дж. Лоренс заявил: «Трибунал весьма удовлетворен мерами, предпринятыми главными обвинителями для того, чтобы защита получила доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты»[1].

Обеспечивая право подсудимых на оспаривание предъявленных им обвинений, на выявление смягчающих вину обстоятельств, Трибунал допросил вдвое больше свидетелей защиты, чем обвинения. Секретариат МВТ сделал все возможное и для получения документов, которые собирались предъявить адвокаты, и для поиска и доставки в суд свидетелей. Если на предъявление доказательств обвинения в ходе процесса было затрачено 74 дня, то защита заняла 133 дня.

Нюрнбергский процесс был гласным в самом широком смысле этого слова. В ходе его состоялось 403 открытых судебных заседания. В зал было выдано 60 тыс. пропусков, многие из них получали немцы. Радио, кино, печать дали возможность миллионам людей во всем мире следить за ходом процесса. Для представителей прессы была отдана бóльшая часть мест в зале суда — 250 из 350.

Опытная и заодно действовавшая защита широко прибегала к аргументации о неправомерности норм Устава МВТ, считая его законодательством «ex post facto», оспаривала преступность агрессии, доказывала невозможность отличить ее от оборонительной войны. Адвокаты подсудимых утверждали, что нет и не было такого закона, согласно которому можно привлекать к уголовной ответственности руководителей государств за развязывание агрессии. Защитники делали вид, что не понимают разницы между понятиями закона, существующими в национальном и международном праве. Закон в сфере национального права — это облеченный в надлежащую форму акт законодательной власти государства. Применительно к нему и был выдвинут — в противовес произволу полицейского государства — прогрессивный принцип «нет преступления без указания в законе». Однако в сфере межгосударственных отношений не существует законодательных инстанций, стоящих над государствами и правомочных издавать обязательные для них законы. В межгосударственной сфере основными источниками права служат договор, а также международно-правовой обычай. Лондонское соглашение и его неотъемлемая часть — Устав МВТ — основывались на принципах и нормах, установленных Гаагскими конвенциями 1907 года, Женевской конвенцией 1929 года и рядом других международных актов. Они облекали в правовые нормы те международные принципы и идеи, которые в течение многих лет выдвигались в целях признания агрессии международным преступлением[2].

---

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми т. Т. 1. М., 1987. С. 356—357.

[2] См. подробнее: Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966. С. 69—118.

Женевский протокол 1924 года о мирном разрешении споров, подписанный представителями большинства цивилизованных стран, установил, что «агрессивная война...является международным преступлением». Декларация Лиги Наций об агрессивных войнах от 24 сентября 1927 г. провозглашала, что «всякая агрессивная война... остается запрещенной», что она «является международным преступлением».

Германия ратифицировала вместе с 62 другими государствами Генеральный договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г., известный как пакт Бриана — Келлога, или Парижский пакт. Тем самым она отказалась от войны как орудия национальной политики, обязалась решать все спорные вопросы только мирным путем и осудила войну как инструмент национальной политики в отношениях с другими странами.

Многие государства приняли законы, объявлявшие агрессивную войну международным преступлением. Одной из первых это сделала Советская Россия в Декрете о мире от 26 октября 1917 г. В ряде двусторонних договоров содержалось и определение агрессии, в частности, то, которое было внесено советской делегацией на конференции по разоружению в феврале 1933 г. Таким образом, к 1939 году агрессия уже рассматривалась международным правом как преступление.

Судьи, взвесив доводы защиты относительно неправомерности наказания за развязывание агрессии, признали их несостоятельными и указали в приговоре: «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но... является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право». Трибунал констатировал, что «война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»[1].

Защита широко использовала на процессе и доктрину суверенитета. Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия государств, но не устанавливает наказания для отдельных лиц. Адвокаты доказывали, что за все действия, совершенные от имени государства, политики и высшие чины не несут личной ответственности и находятся под защитой доктрины о суверенности государства. Трибунал напомнил в своем приговоре, что Германия, подписав Версальский договор, признала право союзных держав «привлекать к суду международных трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны»[2] (ст. 228 договора).

[1] См. с. 605 и 577 настоящего тома.

[2] См. с. 608 настоящего тома.

Действия в соответствии с приказом начальника и тем более главы государства или правительственного ведомства также, по мнению защиты, не были наказуемыми. В результате получался замкнутый круг — члены правительства действовали от лица государства, а остальные выполняли их приказы и, следовательно, ни те, ни другие не несли уголовной ответственности. Трибунал в своем приговоре отверг эти доводы, констатировав: «Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства... Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права... Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство... выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву»[1]. Положение же ст. 8 Устава МВТ о том, что наличие приказа или распоряжения начальника не освобождает от ответственности лицо, совершившее преступные действия, по мнению Трибунала, соответствует законам всех наций.

Ни подсудимые, ни их адвокаты не решились открыто выступить в защиту национал-социализма, более того, они старались уйти от вопросов, касавшихся сущности германского фашизма, откреститься от Гитлера. Последний изображался роковой, демонической личностью, сумевшей подчинить себе всех и вся. Не будь Гитлера, твердили они, не было бы ни нацизма, ни лагерей уничтожения людей, ни порабощенных народов. Непосредственными исполнителями всех изуверских приказов Гитлера, по их версии, были Гиммлер и подчиненные ему профессиональные убийцы из СС. Армия же в преступлениях не участвовала и даже якобы не знала о них.

Среди аргументов защиты был и тезис, что все страны в своей практике допускали противоправные действия, что западные державы способствовали приходу Гитлера к власти и перевооружению Германии, что именно они в период Мюнхена лишили Чехословакию возможности отстаивать свою независимость, и т.д. Обвинители западных держав, предвидя возможность подобных аргументов, приняли определенные меры для их недопущения. Еще до начала процесса по инициативе представителей США и Великобритании Комитет обвинителей вынес решение не допускать политических выпадов со стороны защиты против стран — учредителей МВТ. При этом Трибуналу должен был быть передан перечень вопросов, обсуждение которых не следовало допускать на процессе[2].

---

[1] См. с. 609 настоящего тома.

[2] ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 8. Лл. 57—58. См. также: Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье // Международная жизнь. 1989. № 9. С. 124—137; Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Там же. 1996. № 9. С. 100—109.

В конце ноября 1945 г. советская делегация составила свой «черный список», но по каким-то причинам не передала его Комитету обвинителей. Англичане же 1 декабря представили «меморандум о возможных политических выпадах», где перечислялись вероятные обвинения против Великобритании, начиная от англо-бурской войны и до второй мировой войны, обсуждение которых они предлагали пресекать. 3 декабря Главный обвинитель от США Р. Джексон напомнил о необходимости получить предложения и от других делегаций, дабы занять единую позицию и представить ее Трибуналу[1]. Этот вопрос стал особенно актуальным, когда по завершении обвинительной стадии процесса защита начала выдвигать встречные обвинения против стран антигитлеровской коалиции. Чтобы помешать этому, обвинители от четырех стран стали еще более тщательно координировать свою деятельность. 8 марта 1946 г. Р. Джексон напомнил, что советская и французская делегации так и не представили свои списки. Он дал понять, что защита намеревается нападать на советскую политику, «называя ее агрессивной в отношении Финляндии, Польши, Балкан, государств Прибалтики», а также на политику Франции на Западе и ее обращение с военнопленными[2].

11 марта советская делегация представила свой список, который включал: «1) Вопросы, связанные с общественно-политическим строем; 2) Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 года в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения; 3) Советские прибалтийские республики»[3].

Ни одна из делегаций стран — учредителей МВТ не использовала создаваемые защитой щекотливые ситуации, чтобы представить политику правительств союзных стран в неблагоприятном свете. Так было, когда поднимались вопросы мюнхенской эпопеи, советско-германского пакта, Катынского дела и др. Тем не менее полностью избежать их обсуждения на процессе обвинению не удалось.

Взаимодействие и поддержка обвинителями друг друга особенно зримо проявились при обсуждении пакта Риббентропа — Молотова от 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему. Защитник Р. Гесса А. Зейдль представил суду аффидевит бывшего начальника юридического отдела германского МИДа Фр. Гауса, сопровождавшего своего министра в Москву в августе 1939 г., с описанием хода переговоров и изложением текста секретного протокола[4]. Р. Руденко, не имея перевода аффидевита, не воспротивился его представлению Трибуналу в качестве доказательства защиты. Зейдль попытался предъявить и копию текста секретного протокола, однако отказался сообщить, от кого он ее получил. В результате Трибунал запретил оглашать текст этого

---

[1] ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Лл. 28—30, 43—46; Д. 404. Лл. 12—14.

[2] Зоря Ю., Лебедева Н. Указ. соч. С. 129.

[3] Там же. С. 129—130.

[4] ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 36. Лл. 74—75. См. также: Зоря Ю., Лебедева Н. Указ. соч. С. 132—133.

документа и последовательно придерживался данной позиции. Тем не менее вопрос о секретном протоколе вставал при допросе вызванного Зейдлем статс-секретаря германского МИДа Э. Вейцзекера, при даче показаний Риббентропом и др.

Поскольку защита не прекращала усилий включить в число доказательств текст секретного протокола, Комитет обвинителей 1 июня 1946 г. обратился к Трибуналу с совместным посланием. В нем указывалось не только на «дефектность» документа, который Зейдль намеревался представить суду, но и на необходимость противостоять принятой защитой тактике отвлечения внимания Трибунала с выяснения личной вины подсудимых на исследование действий государств, создавших Трибунал. Лишь через 50 лет среди бумаг Сталина были обнаружены и представлены на суд общественности подлинные тексты секретных протоколов к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г.[1].

Другим камнем преткновения для советской стороны в Нюрнберге стал Катынский вопрос. Несмотря на предостережение Р. Джексона, советское обвинение настояло на включении в Обвинительное заключение тезиса об ответственности гитлеровцев за расстрел польских офицеров в Катынском лесу. Советские представители в Нюрнберге и сталинское руководство были уверены, что застрахованы от неожиданностей — ведь в соответствии со ст. 21 Устава Трибунал был обязан принимать без доказательства доклады правительственных комиссий по расследованию злодеяний гитлеровцев. Именно таким документом и являлся доклад Комиссии Н.Н. Бурденко, обвинявший германские власти в расстреле 11 тыс. польских офицеров-военнопленных в Катынском лесу. Однако по настоянию защитника Геринга О. Штамера МВТ все же разрешил вызвать по три свидетеля от обвинения и защиты[2] (в данном томе впервые на русском языке публикуются пассажи защитников, касающиеся секретных протоколов и катынского преступления сталинского руководства, которые изымались из всех советских изданий материалов Нюрнбергского процесса).

Одним из методов защиты было затягивание процесса до бесконечности в надежде, что начавшаяся «холодная война» приведет к расколу в стане недавних союзников. Она надеялась на возникновение такой трещины в отношениях между союзниками, в которую «мог бы провалиться весь Нюрнбергский процесс»[3].

Однако эти надежды оказались напрасными. Заключительные речи главных обвинителей от СССР, США, Великобритании и Франции отличались единодушием, которое не смогла поколебать набиравшая обороты конфронтация между двумя мировыми системами. Оценка деяний лиц и фактов, вопросы соответствия нюрнбергских принципов нормам международного права и морали, требование сурово покарать главных военных преступников «третьего рейха» звучали в унисон в заключительных речах четы-

---

[1] См.: Документы внешней политики. 1939 г. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 630—632; кн. 2. М., 1992. С. 134—135.

[2] См. подробнее: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994.

[3] Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. М., 1983. С. 91.

рех главных обвинителей. Они не только опровергли аргументы защиты о несоответствии норм Устава международному праву, неосведомленности и непричастности их подзащитных к преступлениям нацистского режима, но и вновь убедительно и ярко создали образ величайшего из зол нашего времени — фашизма. Главные обвинители вскрыли внутренний механизм фашистской диктатуры, основу которого составляла национал-социалистская партия и ее полувоенные организации, показали разрушительные последствия тоталитарной системы гитлеризма.

Перед лицом бесспорных доказательств, которые были подытожены в их речах, оказались бессильными и высокая квалификация защитников, и изощренность их приемов, и экскурсы в область психологии и права, и показания большого числа свидетелей защиты, и попытки поставить на одну доску политику держав-победительниц и побежденных.

К 31 августа судебное следствие было завершено, и Трибунал предоставил последнее слово подсудимым. Приводя аргументы из истории и международного права, изображая скорбь по поводу миллионов жертв, бывшие нацистские главари пытались отвратить от себя суровую кару. Они вновь заявляли о своей неосведомленности во многих деяниях Гитлера, о своем несогласии с его приказами, которым якобы невозможно было противостоять. Риббентроп взывал к чувству антисоветизма представителей Запада, и лишь Гесс, бывший заместитель Гитлера по нацистской партии, открыто заявил: «Судьба дала мне возможность трудиться многие годы под руководством величайшего из сыновей Германии... Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя моего фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю»[1].

1 сентября 1946 г. Трибунал удалился на свои закрытые заседания для вынесения приговора. Подготовительная работа к этой стадии процесса началась еще в конце июня 1946 г., когда были произнесены все защитительные речи адвокатов подсудимых. В первую очередь члены Трибунала и их заместители обсудили концептуальные вопросы, связанные с международным правом. Об остроте дебатов, особенно в отношении понятия «общий план или заговор», свидетельствуют записи закрытых заседаний МВТ, которые приватно вел член Трибунала от США Фр. Биддл.

Как явствует из них, член МВТ от СССР И.Т. Никитченко одобрил структуру и форму проекта приговора, разработанного заместителем члена Трибунала от Великобритании Н. Биркеттом. В то же время он внес существенные поправки и предложения, многие из которых были учтены при окончательной редакции текста этого документа. Советский судья предложил расширить раздел о расистских теориях нацистов, об агрессивных идеях «Майн кампф», о планах захвата Европы и особенно ее восточной части. Подготовке агрессии против СССР, считал он, уделено мало внимания. И.Т. Никитченко и его заместитель А.Ф. Волчков

[1] См. с. 531 настоящего тома.

выступили решительно против отказа французских судей А. Доннедье де Вабра и Р. Фалько признать наличие заговора или общего плана в действиях подсудимых, о чем говорилось в разделе I Обвинительного заключения[1].

Советских судей поддержали их английские коллеги. Ф. Биддл же склонялся скорее к точке зрения члена МВТ от Франции о том, что понятие «заговор» не было ранее известно международному праву и его можно квалифицировать как «ex post facto». На закрытом заседании Трибунала 15 августа Никитченко обратил внимание своих коллег на то, что в Уставе много нововведений, в том числе предусмотрена уголовная ответственность за действия, которые и раньше признавались преступлением, но не был решен вопрос об их уголовной наказуемости. Со своей стороны Биркетт подчеркивал, что именно первый раздел является основой всего Обвинительного заключения. Если обвинение в заговоре будет отвергнуто, заявлял он, процесс утратит свой смысл. И он был прав. В этом случае процесс превратился бы лишь в суд над 22 отдельными лицами и не получил бы того морально-политического звучания, которое от него ждали народы всего мира.

В конце концов по этому вопросу был достигнут некий компромисс. Обвинения по первому и второму разделу в приговоре были объединены в одно как «Общий план или заговор и агрессивные войны». Судьи сочли, что началом заговора следует считать 1937 год, а не 1920 год, как было определено ранее. При этом исходили из того, что заговор должен иметь точно определенную преступную цель и решение о нем не должно быть слишком отдалено по времени от действия. В приговоре констатировалось, что война являлась неотъемлемой частью нацистской политики. «Но доказательства с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов, скорее, чем единого заговора, охватывающего все эти планы», — говорилось в этом документе. И тем не менее вывод приговора звучал однозначно: «Непрекращавшееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения»[2]. К сожалению, Трибунал отказался поддержать обвинение в наличии общего плана или заговора применительно к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

Непростым оказалось и решение вопроса о виновности каждого из подсудимых и определении им наказания. Прежде всего решался вопрос о доказанности обвинений по четырем разделам Обвинительного заключения, затем — вопрос о мере наказания. Принципиальный характер приобрела процедура голосования при определении виновности подсудимых. В предварительном голосовании участвовали и члены Трибунала, и их заместители. Однако при окончательном вынесении приговора в расчет принимались

---

[1] Ксерокопии записей Ф. Биддла были любезно предоставлены автору Торонтским университетом. Они не публиковались ранее, хотя и были использованы Т. Тэйлором в его воспоминаниях (Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials: a Personal Memoir. Boston, 1992). Запись от 27.II.1946, 20.VII.1946, 14.VIII.1946.

[2] См. с. 611 настоящего тома.

лишь голоса членов МВТ. Никитченко считал, что будет достаточным, если за осуждение проголосуют два члена Трибунала, однако большинство решило, что для этого необходимы голоса трех его членов. Такая процедура позволила оправдать трех подсудимых. Ведь, по мнению французских и советских судей, всех подсудимых на этом процессе следовало признать виновными.

Члены МВТ и их заместители высказались за смертную казнь для Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Штрейхера, Заукеля, Бормана[1]. Французские судьи, правда, предлагали военных расстреливать, а не вешать. Однако в этом вопросе Суд поддержал позицию И.Т. Никитченко, согласованную с Москвой, о повешении приговоренных к смерти, поскольку расстрел рассматривался как почетная казнь.

За пожизненное заключение, а не смертную казнь для Розенберга, Франка, Фрика, Иодля выступил де Вабр, аналогично в отношении Фрика и Розенберга высказался заместитель Биддла Дж. Паркер[2].

Особенно сложно решалась судьба Гесса. У судей возникло сомнение в его вменяемости, несмотря на заключение психиатров. Гесс был одним из ведущих нацистских деятелей, он помог Гитлеру разработать его философскую концепцию, был соавтором теории жизненного пространства, одним из разработчиков пресловутых «нюрнбергских законов», третьим после Гитлера и Геринга лицом в нацистской иерархии. Однако, по мнению западных судей, Гесс предпринял миссию мира и провел в заключении в Великобритании большую часть времени в годы второй мировой войны. Для Биддла ключевым был вопрос о том, почему тот предпринял свою миссию в Шотландию. Если Гесс действовал из-за искреннего стремления к миру, то это могло быть, по мнению судьи, рассмотрено как смягчающее вину обстоятельство. Если же он хотел воспрепятствовать поддержке Великобританией России в войне ее с Германией, то он сыграл свою роль в заговоре с целью развязывания агрессии. При первом рассмотрении вопроса все члены Трибунала и их заместители согласились с тем, что Гесс виновен по разделам I и II Обвинительного заключения, советские же судьи настаивали и на его виновности по III и IV разделам. Волчков напомнил, что пресловутые «нюрнбергские законы», в разработке которых принимал активное участие Гесс, делают его виновным в убийстве миллионов евреев. Судья от СССР не мог себе представить, что заместителя Гитлера по НСДАП не признают виновным по разделам III и IV. При вторичном обсуждении вопроса об ответственности Гесса французский судья Р. Фалько высказался за виновность Гесса по всем разделам Обвинительного заключения и пожизненное заключение, де Вабр — только по I и II разделам и 20-летнее заключение, Паркер и Биддл — по I и II разделам и пожизненное заключение, Никитченко и Волчков — по всем четырем разделам и смертную казнь. Лоренс предложил пожизненное заключение, что и решило судьбу бывшего заместителя Гитлера по нацистской партии[3].

[1] Архив автора. Записи Ф. Биддла от 2, 10, 11.IX.1946.

[2] Там же. Записи от 10.IX.1946.

[3] Там же. Записи от 2 и 10.IX.1946.

Достаточно много времени было уделено вопросу о виновности или невиновности Шахта, Папена и Фриче. Предложение об оправдании Шахта было внесено председателем Суда 6 сентября и вызвало возражение со стороны французских и советских судей. Де Вабр, правда, высказался за вынесение более мягкого приговора для таких лиц, как Шахт и Папен. Он напомнил о ропи Шахта в подготовке агрессивной войны, о его тесных связях с Гитлером. Биркетт же считал, что Шахт мог быть осужден лишь по II разделу Обвинительного заключения, но сомневался, что осуществлявшееся им перевооружение Германии было нацелено на ведение агрессивной войны, и склонялся все же к его оправданию. Паркер высказал мнение, что Шахт был против войны и, следовательно, должен быть оправдан. Его осуждение лишь дискредитирует Трибунал, полагал он. Советские судьи считали, что Шахт виновен по I и II разделам Обвинительного заключения и должен быть осужден. Поскольку для осуждения требовались голоса трех членов МВТ, а Лоренс и Биддл были против этого, Шахт так же, как и Папен, и Фриче, оказался оправданным[1].

В отношении Папена французы высказывались за его виновность по II разделу, в частности, за его активное участие в подготовке и осуществлении аншлюса. Именно он помог Гитлеру прийти к власти, пользуясь своими связями с Гинденбургом. Папен до конца оставался верен нацистскому режиму, в то время как Шахт принял участие в заговоре против Гитлера. Американцы же вновь высказались за оправдание подсудимого, исполнявшего якобы лишь свой служебный долг и в Австрии, и в Турции. По их мнению, сам аншлюс был осуществлен мирным путем, и поэтому за него нельзя привлечь к уголовной ответственности. Лоренс согласился с Паркером и Биддлом и, хотя счел, что аншлюс был стратегически связан с агрессивной войной, тем не менее указал, что к моменту его осуществления Папен уже находился в отставке и, следовательно, не несет за него ответственность. Роль посла в Анкаре не может быть основанием для его осуждения, полагал английский судья. Никитченко и Волчков настаивали на признании Папена виновным по всем разделам Обвинительного заключения.

Что касается Фриче, французские и советские судьи считали, что пропаганда имела огромное значение в гитлеровской Германии и Фриче как один из ее руководителей своими действиями подстрекал к совершению массовых злодеяний. Другие же члены МВТ считали, что он был мелкой сошкой и оказался на скамье подсудимых лишь потому, что Геббельса уже не было в живых. К тому же в их странах декларировалась свобода любой пропаганды, и они опасались, что осуждение Фриче будет воспринято там негативно.

Биддл и Паркер выступали за оправдание и Деница, но здесь их не поддержал никто из членов МВТ.

Советские судьи настаивали на повешении большинства подсудимых, но отнюдь не всех, вопреки утверждениям многих зарубежных авторов. Применительно к Деницу, Папену и Фриче предполагалось тюремное заключение сроком на 10 лет, а к Шахту и Функу — пожизненное заключение.

---

[1] Архив автора. Записи от 6, 7, 10, 11 и 12.IX. 1946.

Советские судьи настаивали на казни через 8 дней после вынесения приговора, их коллеги — через месяц. Было принято компромиссное решение: через 15 дней.

К 30 сентября 1946 г. Международный военный трибунал закончил свою работу: исторический приговор был составлен и подписан. В 10 часов утра в забитом до отказа зале Дворца юстиции в полнейшей тишине судьи приступили к оглашению приговора. Он был настолько обширным, что потребовалось два дня, чтобы, сменяя друг друга, члены МВТ и их заместители смогли зачитать его полностью. Присутствовавшие на Суде вслушивались в каждое слово, ведь это было новое слово в международных отношениях, в международном праве. Шаг за шагом проследил Международный военный трибунал кровавый путь нацизма, высветил историю планирования, подготовки и развязывания агрессивных войн против народов Европы, осуществление геноцида против еврейского, славянских и других народов, выявил человеконенавистническую сущность германского фашизма, изобличил преступный характер идеологических и политических установок гитлеризма, показал бездонную нравственную пропасть, в которую низвергает фашизм одурманенную им человеческую личность.

1 октября на последнем, 403-м, заседании председателем Трибунала каждому обвиняемому в отдельности был объявлен приговор. Суд народов приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Иодля, Зейсс-Инкварта, Кальтенбруннера и Бормана (последнего заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Редера и Функа — к пожизненному заключению; Шираха и Шпеера — к 20 годам, Нейрата — к 15 годам и Деница — к 10 годам тюремного заключения. Подсудимые Шахт, Папен и Фриче были оправданы и освобождены из-под стражи. Трибунал признал преступными организациями руководящий состав национал-социалистской партии, СС, СД и гестапо. Однако он отказался объявить преступными организациями гитлеровское правительство, верховное командование и генштаб вермахта, а также СА.

Оправдание Шахта, Папена и Фриче, сохранение жизни Гессу, отказ от признания германского правительства, верховного командования и генштаба вермахта преступными организациями побудили И.Т. Никитченко выступить с особым мнением, которое было согласовано заранее с Москвой[1].

---

[1] 3 октября 1946 г. заместитель министра иностранных дел В. Деканозов писал А.Я. Вышинскому: «Сообщая о приговоре, вынесенном в Нюрнберге, советская печать привела также заявление Лоренса об особом мнении о приговоре члена Трибунала от СССР Никитченко. Александров из ЦК (начальник отдела печати и пропаганды. — *Н.Л.*) просит сообщить, следует ли опубликовать, не ожидая соответствующего официального сообщения самого Трибунала, текст особого мнения тов. Никитченко или следует пока ограничиться уже опубликованным кратким заявлением Лоренса. Просьба согласовать с Молотовым и дать ответ. Деканозов». На письме резолюция Вышинского: «Следует опубликовать особое мнение т. Никитченко теперь же. С Молотовым согласовать не удалось ввиду его отъезда. 4.10» // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 410. Л. 161—162.

Хотя приговор Международного военного трибунала не полностью удовлетворил советское руководство, общие итоги процесса оценивались им достаточно высоко. «Мы разделяем соображения советского судьи, — писала газета «Правда» ... — Но и при наличии "Особого мнения" советского судьи нельзя не подчеркнуть, что вынесенный в Нюрнберге приговор над гитлеровскими душегубами будет оценен всеми честными людьми во всем мире положительно, ибо он справедливо и заслуженно покарал тягчайших преступников против мира и блага народов. Закончился суд истории»[1].

Приговор Нюрнбергского трибунала был встречен с удовлетворением всеми народами, кровно заинтересованными в сохранении мира и предотвращении войны, в недопущении в будущем геноцида и других массовых преступлений против человечества. Подавляющее большинство немецкого населения, по данным многочисленных опросов общественного мнения, также считало, что суд в Нюрнберге проводился в соответствии с нормами международного права, был законным, а его приговор — справедливым. Факт полного одобрения народом США Нюрнбергского процесса признавали все редакторы газет, комментаторы и политики, независимо от того, как они сами относились к нему. А простые американцы если и критиковали Нюрнберг, то лишь за мягкость его приговора[2].

На заседаниях Контрольного Совета, проходивших 9—10 октября в Берлиие, ходатайства осужденных или их защитников о помиловании были отклонены, как и ходатайство Редера о замене ему пожизненного заключения расстрелом[3].

В ночь на 16 октября 1946 г. подсудимые, приговоренные Международным военным трибуналом к высшей мере наказания, были повешены в здании, находящемся во дворе нюрнбергской тюрьмы. Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут. Геринг за два с половиной часа до казни покончил с собой, приняв цианистый калий. При казни присутствовали члены четырехсторонней комиссии, назначенные для этой цели Контрольным Советом, а также по два представителя прессы от каждой из четырех стран-победительниц и один официальный фотограф. От немецкого народа в качестве официально уполномоченных присутствовали министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер и главный прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер. Им был также предъявлен и труп Геринга. Тела казненных были перевезены в Мюнхен, там сожжены и прах их рассеяли с самолета где-то в Баварии.

Затем семь долгих месяцев страны-организаторы процесса договаривались, как приводить приговор в исполнение в отношении осужденных к тюремному заключению. Контрольный Совет решил выбрать место заключения в черте Берлина. Из четырнадцати городских тюрем самой изолированной оказалась Шпандау. Ранним утром 18 июля 1947 г. семеро заключенных нюрнберг-

---

[1] Правда. 1946. 2 окт.

[2] См.: Strank M. Public Opinion on 1935—1946. Princeton, 1951. P. 1035; Bosch W. Judgment on Nuremberg. Chapel Hill, 1970. P. 91.

[3] См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7-ми т. Т. 7. М., 1961. С. 545—548.

ской тюрьмы, прикованные наручниками к американским военным полицейским, были доставлены на автобусе английских ВВС в сопровождении бронетранспортеров и джипов с солдатами на ближайший аэродром. Через два с половиной часа самолет «Дакота» приземлился в английском секторе Берлина. А вскоре машина с зарешеченными окнами остановилась у мрачного дома № 23 по Вильгельмштрассе. Здесь в одиночных камерах тюрьмы Шпандау провели долгие годы Дениц, Нейрат, Редер, Шлеер, Ширах, Функ, а также Гесс, который погиб в 1987 году при загадочных обстоятельствах. После его смерти тюрьму сравняли с землей.

По окончании Суда народов СССР выступил с инициативой проведения еще одного международного процесса — на этот раз над германскими промышленниками. Данную идею поддержала Франция, но США и Великобритания отнеслись к ней сугубо негативно.

7 октября 1946 г. Р. Джексон в докладе президенту США Г. Трумэну констатировал, что «у США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода». Особенно его смущала идея процесса над промышленниками. «Особый процесс над промышленниками создаст впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами и французскими левыми», — писал он в докладе президенту[1].

Госсекретарь США Дж. Бирнс сообщил генералу Р. Тэйлору, на которого была возложена задача организации последующих процессов над главными немецкими военными преступниками, о желательности избежать нового процесса с участием трех других стран. Он писал: «Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации следующего процесса... Но если план реализации второго процесса провалится то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше»[2].

В итоге 12 последующих нюрнбергских процессов США провели единолично — с учетом набиравшей тогда обороты «холодной войны». На скамью подсудимых были посажены 176 обвиняемых, действовавших в различных звеньях нацистского государственного аппарата — верховном командовании вермахта, генштабе, министерствах внутренних и иностранных дел, экономики, в карательных органах (гестапо, СС, СД). Три судебных процесса были проведены против руководителей германских монополий, специальные процессы — против нацистских судей, а также убийц в белых халатах[3].

[1] Report of R.H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials London 1945. Department of State Publication 3030. Wash., 1949. P. 435—436.

[2] Taylor T. Final Report to the Secretary of the Army on Nuremberg War Crime Trials under Control Council. Wash., 1949. P. 282.

[3] См. некоторые материалы, представлявшиеся на этих процессах в качестве доказательств виновности подсудимых, в книге: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 3-х тт. М., 1965—1966.

Несмотря на то, что деятельность Международного военного трибунала ограничилась одним процессом, она внесла огромный вклад в дело мира. Устав МВТ и его приговор стали одной из важнейших вех на пути дальнейшего развития прогрессивных принципов международного права, положили начало формированию «нюрнбергского права», то есть системы правовых норм, которые призваны охранять мир, вести борьбу с агрессией, а в случае, если она развязана, осуществлять защиту жертв войны и привлекать к ответственности виновников агрессии и военных преступников.

Суд народов в Нюрнберге был самым крупным судебным процессом в истории человечества. Он оказал огромное влияние на судьбы людей во всем мире. И дело не только в том, что Международный трибунал осудил гитлеровскую клику и преступные организации фашизма, точно установил масштабы содеянных злодеяний и личное участие в них каждого из подсудимых. Нюрнберг означал конец безнаказанности агрессии. Впервые в истории руководители государства были осуждены как уголовные преступники, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны. В Нюрнберге восторжествовал принцип: «Положение в качестве главы государства или руководящего чиновника правительственных ведомств, равно как и то, что они действовали по распоряжению правительства или выполняли преступный приказ, не является основанием к освобождению от ответственности».

Принципы Нюрнберга были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. и от 27 ноября 1947 г. как общепризнанные нормы международного права. Впоследствии на их основе была выработана Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года. Большое значение имело и принятие международным сообществом определения агрессии. Впервые это было сделано в резолюции, одобренной XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 году. И здесь воплотился нюрнбергский принцип, что агрессия и агрессивная война являются международными преступлениями, которые не могут быть оправданы никакими соображениями и доводами.

Нюрнбергская идея ответственности за агрессию и подчинение преступному приказу глубоко проникла в сознание сотен миллионов людей и стала, таким образом, огромной силой. Поэтому можно говорить не только о политической и юридической роли Нюрнбергского процесса, но и о нравственном его значении. Именно поэтому интерес к нему не уменьшается и через полвека после вынесения приговора и казни главных нацистских преступников.

Н. С. Лебедева

Выступления защитников подсудимых

Выступление О. ШТАМЕРА, защитника подсудимого Германа Вильгельма Геринга

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 4 и 5 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Этот процесс, имеющий такие масштабы, такое историческое и политическое значение и такое значение для становления норм права, каких еще не знала история права, этот процесс, имеющий значение не только для присутствующих здесь в зале подсудимых, но и для всего немецкого народа, вступает в новую фазу. Слово имеет защита.

Положение защитника на этом процессе особенно затруднительно, ибо слишком неравно соотношение сил обвинения и защиты.

Обвинение имело возможность за несколько месяцев до начала процесса с большим аппаратом опытных сотрудников обследовать все учреждения и архивы внутри страны и за границей, допросить по всем вопросам свидетелей. Таким образом, обвинение было в состоянии представить Трибуналу огромное количество документов.

Трудность положения защиты усугубляется еще и тем, что англо-американским процессуальным нормам, которыми руководствуется Суд и стороны на этом процессе, чужда одна из норм немецкого уголовного права, по которой обвинение обязано доставлять и представлять доказательства, говорящие в пользу подсудимого.

Председатель: *Доктор Штамер, я хотел бы сказать Вам, что заявление, которое Вы только что сделали, совершенно неправильно. В Англии вообще не существует кодекса судебной процедуры по уголовным делам, но во всем мире, как и на этом процессе, принято, чтобы обвинение сообщало защите о всех добытых обвинением документах, а также об имеющихся свидетелях, говорящих в пользу обвиняемых, поэтому Ваше заявление совершенно не соответствует действительности. Обвинение на настоящем процессе, придерживаясь этого правила, сообщило защите о всех документах или свидетелях, имеющихся в его распоряжении, которые были бы полезны защите. Было уже несколько случаев, когда обвинение сообщало защите о полученных обвинением документах, которые, как ему казалось, могли быть полезны защите.*

Все или почти все документы, представленные защитой на этом процессе, были получены обвинением с большим трудом. Были произведены расследования по всей Германии и, я могу даже сказать, почти по всему миру с тем, чтобы помочь защитникам осуществлять их задачу на данном процессе.

Штамер: *Я благодарю Вас за Ваши разъяснения, господин председатель.*

После оглашения Обвинительного заключения рейхсмаршал Геринг на вопрос господина председателя, считает ли он себя виновным, ответил: «Нет, я не признаю себя виновным в духе предъявленных мне обвинений».

Это заявление подсудимого обязывает нас рассмотреть все пункты обвинения, выдвинутые в Обвинительном заключении. Подсудимый лично дал уже объяснения по многим важным для его защиты вопросам во время его допроса. Он подробно изложил свои соображения по поводу политических и военных событий и при этом детально осветил мотивы своих действий, а также возникновение и ход событий.

Я благодарен Высокому суду за то, что подсудимому было разрешено сообщить об этих событиях в полном объеме, как он их видел, воспринимал и переживал. Ибо именно непосредственное личное описание, и только оно, дает возможность понять действительные внутренние мотивы подсудимого и составить правильное представление о его личности. Такое знание личности необходимо, если Трибунал хочет принять решение, которое не только отвечало бы формальным требованиям права, но и было бы справедливым при учете индивидуальных особенностей лица, совершившего инкриминируемые действия.

После того, как подробные показания подсудимого были заслушаны Трибуналом, я не считаю нужным заниматься каждым вопросом, по которому подсудимый уже дал необходимые объяснения...

Для правильного понимания всех тяжких преступлений и заблуждений, на которых здесь строится обвинение, необходимо осветить и исторический фон... Средневековые проповедники первыми сделали попытку подчинить войну правовым принципам. До этого войну всегда воспринимали только как естественное явление, такое, как, например, болезнь или непогода. Часто войну почитали даже как суд божий. Такие люди, как святой Августин и Фома Акаинский, выступили против этой точки зрения и учили делать различие между войнами справедливыми и несправедливыми. Дальнейшим развитием устои средневекового поорядка были поколеблены... и государство, не признавая над собой никакой власти, по своему усмотрению завоевывало себе жизненное пространство на этой земле и делало это до тех пор, пока более сильная воля другого народа не устанавливала для него естественных преград...

Упоминавшаяся здесь обвинением теория деликта войны Гуго Гроция не имела успеха потому, что она противоречила динамике того времени. Она только представляла собой попытку сохранить вышеупомянутое христианское представление о войне, придавая ему светское обоснование.

С того времени мир волнует вопрос об истинном праве. Все социальные теории являются лишь попыткой разрешения этого вопроса. Люди снова ищут безопасности и порядка после того, как их слишком уж разочаровала обратная сторона чрезмерной свободы.

Державы-победительницы надеются приблизиться к решению проблемы мирового порядка, создавая дистанцию между

собой и побежденными путем коллективного обвинения и осуждения национал-социалистов как преступников.

Но откуда они хотят взять масштвбы, с которыми можно было бы подойти к разрешению вопроса о том, что справедливо и что несправедливо в правовом отношении? На действовавших до сих пор нормах международного права нет необходимости останавливаться. Я не буду возрвжать и против того, что на основании Устава был создан особый Трибунал. Но я решительно должен возразить против применения этого Уствва в той части, где им создаются существенно новые формы права, угрожающие наказанием за действтия, которые в период их совершения не считались преступными, по крайней мере, в смысле индивидуальной ответственности.

Можно ли ожидать, что уствновленные в соответствии с этим наказания будут признаны справедливыми, если преступник не мог знать о возможности применения их, так как в то время они не угрожали ему и он считал свои действия справедливыми? Рвзве может здесь помочь ссылка на закон нравственности, если этот закон нужно еще отыскать? Судья Джексон, правда, считвет, что нацистское правительство с самого начала не являлось предстввительным правительством законного государства, преследующего законные цели, стоящие перед ним как перед членом международного сообщества. Только исходя из зтого, вообще можно понять обвинение в заговоре, которого я коснусь позже... Действительно, это обвинение, как и вся аргументация судьи Джексонв, намного опережают время, ибо общепризнанных масштабов, с которыми независимо от позитивного международного прввa можно было бы подойти к определению законности госудврств и их целей, вообще не существовало так же, как не существовало и международного сообщества как такового. Все доводы о законности своих собственных и незаконности чужих притязаний помогали образованию политических группировок в такой же степени, как и попытки заклеймить своих политических противников как нарушителей мирв. Во всяком случае они не привели к создвнию новых норм права.

Судья Джексон справедливо сказвл, что побежденные находятся во власти победителей и последние могли поступать с побежденными по своему усмотрению. Но, сказал он, огульное наказание без окончательного и точного установления вины квждого было бы нарушением неоднократно дававшихся обещаний и легло бы тяжким бременем на совесть Америки. Поэтому он сам был за проведение судебного процесса. Правда, этот процесс должен был отличвться от обычного уголовного процесса тем, что подсудимые должны были быть лишены обычной возможности обструкции и затягивания хода судебного разбирательства. Но уствновить вину можно только на основании справедливого рассмотрения делв. И если подсудимые являются первыми, кому приходится нести ответственность перед лицом закона в качестве руководителей побежденной нации, то им также должна быть предоствлена возможность защищать свою жизнь «во имя справедливости».

Устав Трибунала может быть применен судом лишь в той мере, в квкой его положения не только формально, но и фактически могут рассматриваться как нормы права...

Другой вопрос заключается в том, действительно ли положения Устава настолько противоречат существовавшим до его появления нормам права и в особенности основным принципам всякого правового порядкв, что Суд не хочет признвть и применять их как уствревшие нормы прввв. Практически основная проблема здесь состоит в том, чем руководствоваться в спорных случаях — Уставом или положением права: «Nulla poena sine lege»[1].

В отдельных случаях, когда не учитывалось зто прввило, пытались ссылаться на ярко выраженный политический хврактер этого процесса. Такого родв обоснование, однвко, никвк не может быть принято. Политическое значение процессв будет выявляться в его непосредственных и далеко идущих последствиях, но никоим образом не в самом хврактере процесса. Судья должен осуществлять правосудие, а не делвть политику. И он тем более не существует для того, чтобы исправлять ошибки политических деятелей. Наквзания, в отношении которых своевременно не было сделвно предупреждения, не могут уствнавливвться на основании звкона, изданного впоследствии.

В противном случае следует, очевидно, придерживаться принципа разделения властей. Руководствуясь этим, Монтескье разграничил первоначально единую власть абсолютного монарха на область законодательства, администрации и правосудия. Эти три различные формы выражения государственной власти должны на основе равноправия уравновешивать чаши весов и, таким образом, помогать контролировать друг друга. Эта система разделения властей является характерным признвком сущности современного правового государства. Можно определить сферу компетенции и деятельности этих трех различных форм выражения власти следующим образом: законодательство имеет дело с будущим, администрация — с настоящим, а правосудие — с прошедшим временем.

Законодательство устанавливает нормы, по которым строится жизнь. Время от времени следует изменять эти нормы и приводить их в соответствие с изменившимися условиями жизни. Но до тех пор, пока условия не изменились, нормы остаются в силе.

Когда установление жизненного порядка чисто нормативным путем ствновится со временем недостаточным, этот порядок устанавливается администрацией, которая в свою очередь также связана определенными нормами, но в рамках своих задач может обычно действовать свободно, дабы действительно отвечать каждодневно меняющимся потребностям. Администрация так же, как и политический деятель, издающий законы, руководствуется идеей целесообразности.

[1] «Нет наказания без указания на то в законе». — **Прим. сост.**

Судья же не имеет права принимать решения, руководствуясь этой идеей. Он должен руководствоваться нормами права. Вообще, его задача состоит не в том, чтобы создавать новые нормы права, а в том, чтобы выносить приговор. Он исследует поступки после того, как они совершены, и условия после того, как они сложились. Он определяет, соответствуют ли они нормам, насколько они отступили от них, а также какие правовые последствия они влекут за собой. Его взгляд обращен, как правило, в прошлое. В государственной жизни, постоянно изменяющейся в результате деятельности политических руководителей, взгляд которых обращен в будущее, судья — противоположный статичный полюс. Правда, судья связан законами, изданными политическими деятелями, но он не просто их исполнительный орган. Более того, он со своей стороны должен контролировать законодателя, проверяя его законы с точки зрения их соответствия конституции. Он, следовательно, должен также следить за тем, соблюдается ли принцип разделения властей. Судья должен вершить правосудие, предоставляя законодателю право издавать законы, а законодатель не должен вмешиваться в функции судьи, вводя законы, имеющие обратную силу.

Критика правовых принципов национал-социалистского государства базируется в основном на том, что оно отвергло принцип разделения властей. Выдвинув на первый план политический принцип фюрерства, оно самовольно вмешивалось в компетенцию судьи. С помощью полиции, то есть администрации, оно арестовывало людей, не имея на это юридического права, исходя лишь из соображений политической безопасности, оно подвергало даже повторному аресту тех людей, которые раньше решением суда были оправданы и освобождены. С другой стороны, опять-таки по политическим соображениям, оно укрывало уличенного преступника от судебного преследования.

При этом некоторая гарантия от произвола со стороны судей заключалась в том, что национал-социалистское государство было проникнуто одной определенной, обязательной для судей идеологией. О тесной связи правосудия с идеологией еще много лет тому назад писал швейцарский профессор права Ганс Фер из Берна в книге «Право и действительность. Зарождение и отмирание форм права».

«Без определенной идеологической базы, — писал он, — право парит в безвоздушном пространстве... У кого нет идеологической базы, у того нет и определенной теории права...».

В противовес этому нельзя установить определенной идеологической основы Устава, так как лица, подписавшие его, стоят на идеологических позициях, значительно отличающихся друг от друга. Поэтому они должны исходить в Уставе, как это было и в существовавших до настоящего времени нормах международного права, из идей свободы мировоззрения. Для него особо священным должно являться положение права: «Nulla poena sine lege». Это доказывается, кроме того, также и тем, что Контрольный Совет в Германии в ясной форме напомнил о нем всем немцам, издав закон об устранении аналогии в уголовном законодательстве Германии.

Судья Джексон назвал Устав и данный процесс шагом вперед «в направлении создания права, устанавливающего также и личную ответственность того, кто начинает войну».

Вследствие фиаско принципа коллективной безопасности в последней войне и у противников Германии возникла мысль обеспечить безопасность в будущем на основе возложения ответственности на отдельных лиц, виновных в нарушении мира. Таким образом и возник Нюрнбергский процесс. Исходя из факта его возникновения, сегодня можно, бросив ретроспективный взгляд, сказать: в период второй мировой войны развитие приняло революционный характер... Но судья Джексон сам же выразил сомнение относительно того, сможет ли угроза наказания и оказываемое ею устрашающее действие воспрепятствовать нарушениям мира в будущем. Ведь решение о войне так или иначе принимает только тот, кто уверен в своей победе, и поэтому не может серьезно принимать в расчет наказание, которое грозит ему только в случае его поражения. Поэтому важнее, чем устрашающее действие, которое может быть достигнуто угрозой наказания в будущем, воспитательное значение данного процесса, достигаемое благодаря упрочению идеи права. Политический деятель должен усвоить, что принцип разделения властей должен соблюдаться также и им и что ни один судья не согласится исправлять его ошибки, прибегая к наказанию на основании законов, изданных после совершения преступления. Приговор, свободный от этих недостатков, значительно повысил бы доверие к международному правосудию, которое сегодня страдает от подозрения в том, что им легко злоупотребить в политических целях...

Таким образом, даже с точки зрения политической целесообразности нарушение положения «Nulla poena sine lege» не находит оправдания. Необходимо признать, что укрепление веры в непреложность права, как в стабильный фактор в невероятной динамике политических событий, лучше всего может послужить делу мира.

Этот вывод не может быть подвергнут сомнению также и на основании отдельных соображений, высказанных представителями обвинения.

Представители французского обвинения подчеркивали, что живое международное право немыслимо без международной морали и что всем претензиям на свободу как индивидуумов, так и наций должен предшествовать моральный закон. Это, конечно, истины, которые следует весьма приветствовать. Однако, если их правильно истолковать, они говорят только в пользу моей точки зрения, а именно, что укрепления идеи права нельзя достичь, начав с ее нарушения.

Если Главный обвинитель от Франции заявил, что без наказания главных преступников нацистской Германии в будущем не может быть больше веры в справедливость, то он здесь, очевидно, слишком далеко зашел. Справедливость проистекает не из необходимости любой ценой удовлетворить оскорбленное чувство справедливости. В этом случае мы быстро вернулись бы снова к возмездию в самом прямом смысле, очутились бы перед бесконечной цепью несчастий, дошли бы

до кровавой мести. Нет, справедливость требует чувства меры и рассмотрения доводов и контрдоводов. А в этом отношении односторонние действия против подданных держав оси нарушают идею справедливости.

Господин Главный обвинитель от Великобритании назвал самую возможиость издания законов, имеющих обратную силу, одной из самых отвратительных доктрин национал-социалистского правосудия. Между тем он полагает, что предоставление возможности наказания за действия, которые уже раньше были заклеймены как преступления, не означает изменения норм права, оно означает лишь их дальнейшее логическое развитие и является поэтому допустимым. Однако я вовсе не собираюсь порицать оправдываемое им на этом основании учреждение Трибунала. Основной вопрос состоит в том, должен ли этот Трибунал наказывать за действия, которые не составляли преступления в момент их совершеиия...

Далее важно, что если Устав имел в виду уголовное преследование за указанные в нем действия и наказуемость этих действий, то в нем это должно быть более ясно и четко обосновано. Между тем положения статьи 6 Устава совершенно неясны. Формулировка: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала» — может быть истолкована как в смысле простого определения компетенции Трибунала, так одновременно, хотя и с трудом, и как положение, обосновывающее наказуемость действий. Поэтому это положение должно быть истолковано в соответствии со старым правилом о том, что сомнения истолковываются в пользу подсудимого.

Следующее за ним положение о том, что виновный в таких преступлениях несет за них индивидуальную ответственность, и приведенные в дальнейших параграфах материальные положения уголовного права не дают по своему содержанию никакого основания для сомнений при их толковании. Они содержат лишь положения о разных степенях уголовной ответственности, которая сама по себе предполагается. Пусть Трибунал решит, считает ли он их совместимыми с основным принципом «Nulla poena sine lege».

Труднее всего мне понять точку зрения господина Главного обвинителя от США Джексона. С одной стороны, он резко выступает против произвола нацистов в области права, с другой — он не собирается удовлетвориться осуждением подсудимых только за те преступления, за которые уже во время их совершения грозило наказание. С одной стороны, он не хочет, чтобы применялись наказания без справедливого установления вины подсудимых, а с другой стороны, он требует строгого применения Устава также и в том случае, когда Устав содержит новые нормы права, новые также и для подсудимых. С одной стороны, он хочет, чтобы процесс явился для последующих поколений осуществлением стремлений человечества к сраведливости, а с другой — в ответ на возражения против положений Устава он ссылается на волю победителей, которые вообще могли бы не церемониться с подсудимыми...

Я перехожу к вопросу о заговоре...

Из всех преступлений, вменяемых в вину подсудимым, самым крупным по своему составу и по времени, которое оно охватывало, является заговор. Господин Экснер, профессор уголовного права, особенно подробно исследовал значение этого правового понятия для нашего процесса. Во избежание повторений и в интересах экономии времени профессор Экснер предоставил в мое распоряжение результат своего исследования. С его согласия я намереваюсь сказать по этому вопросу следующее.

Понятие «заговор» является понятием англо-американского права. Правда, и там это понятие не является бесспорным. Больше того, примечательно то, что и в Англии имеются люди, считающие это понятие устаревшим...

Для данного процесса важным является нечто иное. Понятие «заговор» в том смысле, в каком его употребляет обвинение, германскому праву совершенно неизвестно.

Поэтому на первый план своего краткого рассмотрения правовых вопросов я хотел бы поставить несколько вопросов, вызывающих сомнения:

1. Должен ли уголовный процесс, претендующий на справедливость, использовать правовые понятия, которые абсолютно чужды и всегда были чужды подсудимым и правовому мышлению их народа?

2. Как это может быть согласовано с положением «Nullum crimen sine lege»[1], которое было признано Главным обвинителем от Великобритании в качестве основного принципа уголовного права цивилизованных наций?

3. Можно ли утверждать, что еще до 1939 года не только развязывание противозаконной войны было признано действием, за которое грозило уголовное преследование отдельным лицам, но и заговор с целью развязывания таких войн был признан наказуемым действием?

Положительный ответ на этот вопрос, данный обвинением, вызвал удивление не только в Германии. В этой связи следует разъяснить одно недоразумение. Утверждалось, что национал-социалистское государство само издавало уголовные законы, которые противоречили принципу «Nullum crimen sine lege», и что поэтому подсудимые не вправе ссылаться на этот принцип. Я ни в коем случае не намереваюсь защищать национал-социалистское законодательство, но справедливости ради должен сказать: это — заблуждение. Во время существования «третьей империи», как это уже было упомянуто, было издано три закона, имевших обратную силу, которые увеличивали меру наказания. Эти законы предусматривали смертную казнь за действия, за которые в качестве наказания в момент их совершения было предусмотрено лишение свободы.

Устав, из которого я здесь исхожу, вводит новое понятие заговора. Если применять это понятие по отношению к немцам,

---

[1] «Нет преступления без указания на то в законе».— **Прим. сост.**

то это должно производиться со всеми ограничениями, которые диктуются требованиями справедливости.

По англо-американскому праву заговор означает сговор нескольких лиц о совершении преступлений. «Сотрудничество или соглашение между двумя или большим количеством лиц для достижения незаконной цели или законной цели незаконными средствами».

Сговор означает открыто высказанное или молчаливое согласие. Если несколько человек, независимо друг от друга, преследуют одну и ту же цель, то это не является заговором. Таким образом, недостаточно, что у них у всех единый план, они должны быть осведомлены об этой общности плана, и каждый из них должен добровольно признать этот план своим. Уже в самом слове «konspirieren» (конспирировать) заключен тот смысл, что каждый должен принимать участие в заговоре по своей воле и знать о нем. Тот, кого заставляют принимать участие в заговоре, не является заговорщиком, так как насилие исключает возможность соглашения, оно может лишь привести к внешней готовности оказывать помощь. Таким образом, если кто-либо навязывает другому свою волю, то это не заговор. Вот почему заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Диктатор не вступает в заговор с исполнителями своей воли, он не заключает соглашения с ними, он диктует, а участники подчиняются.

Заговорщики сознательно стремятся к созданию общего плана. Содержание этого плана может быть различным. В английском праве, например, существует понятие о заговоре для совершения убийства, обмана, шантажа, клеветы, отдельных экономических деликтов и т.д. Во всех этих случаях заговор рассматривается как деликт особого рода, поэтому заговорщики за участие в заговоре несут наказание, причем не учитывается, было ли в каждом отдельном случае действительно совершено убийство, обман или имела место только попытка совершить подобное преступление. Согласно значению этого термина в немецком языке мы бы сказали: заговор является одним из таких случаев, в которых уже подготовка к совершению преступления является наказуемой. То же самое положение существует и в германском уголовном праве. Наказанию подвергается то лицо, которое принимает участие в действиях группы людей, имеющих своей целью покушение на жизнь. Такое лицо наказывается согласно § 49b за преступление, которое заключается в подготовке к убийству, если даже задуманное действие не было совершено.

С этим имеет некоторое сходство ст. 129 германского Уголовного кодекса, в которой говорится, что «соучастие в действии, которое преследует определенные враждебные государству цели, является наказуемым, независимо от того, было ли совершено действие или нет». Если такое действие будет совершено, каждый привлекается к ответственности в той мере, в какой это соответствует степени его виновности в совершении этого действия. Если отдельный заговорщик невиновен в этом конкретном преступлении ни как исполнитель, ни как сообщник, то он может нести ответственность только за соучастие в

антигосударственных действиях, а не за отдельные преступления, совершенные другими участниками организации.

Обвинители на этом процессе идут дальше. Они при определенных условиях хотят наказать заговорщиков также и за отдельные действия, в которых они не принимали участия.

Такая концепция самым явным образом противоречит германскому уголовному праву, так как в последнем действует само собой разумеющийся и никем не оспоримый принцип: за то или иное действие человек отаетствен лишь в том случае, если он совершил его или по крайней мере являлся его соучастником.

Обратимся теперь к Уставу. В Уставе приведены два случая, которые объявлены наказуемыми и отнесены к юрисдикции Трибунала:

1. В пункте 6а говорится об участии в общем плане или заговоре, направленном к совершению преступлений против мира. Сюда относится планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров или заверений. Здесь бросается в глаза следующее обстоятельство: внутригосударственное уголовное и частное право Англии и Америки было без долгих размышлений применено в области международного права. Устав делает это с помощью того, что он обращается с лицами, которые планировали или вели противозаконные войны, как с гангстерами, принимающими участие в уличном грабеже. Это — юридическая смелость, так как в данном случае между отдельными лицами и успехом их действий находится суверенное государство; это лишает всякого основания какое бы то ни было сравнение с фактами внутригосударственных повседневных событий. Межународному праву понятие «заговор» было до сих пор неизвестно.

2. Согласно последнему пункту статьи 6 Устава, соучастники, то есть лица, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, несут ответственность за все действия, совершенные любым из участников при исполнении этого плана. Здесь имеется принципиальное различие по сравнению со случаем, упомянутым в пункте 1. Это означает не только наказание за деликт-заговор, но также ответственность за каждое отдельное действие любого заговорщика. Другими словами, здесь заговор не являет собой особого состава преступления, он представляет собой форму совиновности в действиях загоаорщиков.

Судья Джексон привел здесь пример: если из трех разбойников, состоящих в заговоре, один убьет жертву, то они все несут ответственность за убийство.

Этот пример имеет для нашего процесса огромное значение. Отдельный заговорщик должен быть наказан за действия, которые совершил не он, а другой заговорщик. Значит, подсудимый, который не имел ничего общего с уничтожением евреев, должен быть наказан за это преступление против человечности только потому, что он принимал участие в заговоре.

Принципиальный вопрос состоит в следующем: следует ли применять на этом процессе нормы ответственности, которые выходят за пределы основ германского уголовного права?

В статье 6 Устава сказано, что все заговорщики несут ответственность за любое действие, совершенное кем-либо из участников заговора с целью осуществления этого плана. Это положение имеет решающее значение для истолкования Устава.

По моему мнению, смысл этого положения заключается в следующем: заговорщики несут ответственность за те действия других заговорщиков, которые были совершены в рамках плана, который ими обдумывался, совершения которого они также желали или с которым они по крайней мере согласились... Ведь заговорщики могут отвечать лишь за то, что происходит «во исполнение плана»; к общему же плану относится лишь то, что с самого начала предусматривалось заговорщиками и одобрено как необходимое для достижения цели.

Правовой принцип, который распространяет ответственность заговорщиков на действия, в которых они невиновны, чужд германскому праву. Применение его противоречило бы самым явным образом основному принципу «Nullum crimen sine lege», который был признан английским обвинением. Ввиду того, что статья 6 допускает различные толкования, следует считать из двух возможных толкований соответствующим воле авторов то, которое не противоречит вышеназванному принципу.

Принимали ли 22 подсудимых участие в заговоре, как это изложено в Обвинительном заключении, то есть в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира, против человечности, на совершение военных преступлений? Если бы такой заговор существовал, то (в этом никто не сомневается) Гитлер был бы его главой. Но я уже обращал внимание на то, что заговор с диктатором во главе противоречит самой сущности понятия заговора. Гитлер, вероятно, смеялся бы, если бы ему сказали, что он заключил соглашение со своими министрами, партийными лидерами и генераламн о ведении той или иной войны с помощью тех или иных средств. Он был самодержцем. Для него не имело значения согласие тех или иных людей, для него было важно лишь выполнение его решений независимо от того, одобрялись эти решения или нет.

Но, помимо этих юридических соображений, следует упомянуть, что в действительности окружение Гитлера выглядело иначе, чем какая-то заговорщическая группа, как это пытались характеризовать здесь обвинители во время представления ими доказательств...

Я не могу поверить в заговор для совершения преступлений против мира и военных преступлений.

К этому следует добавить лишь два момента общего значения:

1. Поведение Геринга непосредственно перед началом войны. В то время он был лицом, которому Гитлер все доверял, он был вторым человеком в государстве, а теперь он — главная фигура среди подсудимых.

Если бы тогда действительно существовал заговор для ведения агрессивной войны, то он был бы вторым человеком в этом заговоре. Здесь следует сказать, что как раз он в последние дни августа напрягал все усилия для того, чтобы предотвратить нападение на Польшу. Больше того, он за спиной Гитлера прилагал все старания к тому, чтобы сохранить мир. Как это может быть совместимо с заговором для ведения агрессивных войн? Он был также не согласен с ведением войны против России и всячески отговаривал фюрера.

2. Если бы существовал заговор для совершения военных преступлений, то война велась бы с самого начала с полнейшей беспощадностью и в нарушение всех правил ведения войны. В действительности же было наоборот: как раз в первые годы войны, и это никем не оспаривается, международные правила ведения войны в основном выполнялись обеими сторонами. Как раз в первом периоде войну старались вести на началах рыцарства и порядочности.

Если нужны доказательства тому, то вполне достаточно взглянуть на предписания, которые издавало ОКВ по вопросу поведения войск в Норвегии, Бельгии, Голландии. Далее: каждый солдат при отправке на фронт имел в своей солдатской книжке памятку с «10 заповедями о ведении войны германскими солдатами». Фельдмаршал Мильх оглашал их здесь из своей книжки. Эти заповеди обязывали солдат вести себя лояльно и не нарушать международных правил ведения войны. Банда заговорщиков во главе государства с планом, состоявшим в том, чтобы вести войну, не соблюдая никаких норм права и морали, наверное, не послала бы своих солдат в бой, отдав им письменный детально разработанный приказ, повелевающий прямо противоположное.

Я думаю, что если обвинение считает этих 22 человек заговорщиками, и именно заговорщиками против мира, правил ведения войны и против человечности, то оно ошибается.

Защитники отдельных подсудимых покажут, какое отношение имели их подзащитные, каждый в отдельности, к мнимому заговору.

Я только что упомянул, что рейхсмаршал Геринг был вторым человеком в государстве; на протяжении всего процесса это неоднократно отмечало и обвинение, пытавшееся усмотреть в этом особо отягчающее для Геринга обстоятельство, и обвинение указывало, что в силу своего особого положения Геринг должен был иметь возможность вмешиваться во все дела правительства, самостоятельно решая важнейшие вопросы.

Эта точка зрения неверна, и она базируется на незнании, в чем заключалась исключительность положения Геринга. А заключалась она в следующем: Геринг был вторым человеком в государстве по рангу. Этот ранг закрепился за ним, когда осенью 1934 года Гитлер, составив завещание и секретный указ, назначил Геринга своим преемником в правительстве. В 1935 или 1936 году это было зафиксировано в неопубликованном правительственном законе, подписанном всеми министрами,

1 сентября 1939 г. Гитлер объявил этот закон в рейхстаге; таким путем преемственность Геринга стала известна всему немецкому народу.

В качестве заместителя фюрера в правительстве Геринг выступал только в тех случаях, когда Гитлер был болен или находился в отъезде вне Германии, как это было, например, в марте 1938 года, когда Гитлер несколько дней пробыл в Австрии. Когда же Гитлер был на месте и сам выполнял свои обязанности, положение заместителя не давало Герингу никаких особых прав и полномочий. Он мог давать указания лишь непосредстаенно подчиненным ему ведомствам и не имел права давать служебные указания другим ведомствам.

Из этого факта следует, что Геринг, будучи вторым человеком в государстве, не мог ни отменять, ни изменять, ни дополнять указания и приказы Гитлера. Он не мог отдавать распоряжения тем учреждениям, которые не были подведомственны непосредственно ему. У него не было возможности давать директивы, обязательные для других ведомств (будь то партийные органы, органы полиции, учреждения армии и флота), или вмешиваться в руководство ими.

Таким образом, положение Геринга как второго человека в государстве не может быть использовано против него в качестве особо отягчающего обстоятельства; оно не может также служить основанием для утверждения, что существовал заговор.

Подсудимый Геринг никогда не принимал участия в выработке или проведении в жизнь общего плана или заговора, который имел своим содержанием преступления, названные в Обвинительном заключении.

Как я уже отмечал, участие в подобном заговоре должно было иметь в первую очередь предпосылкой существование такого общего плана и то, что его участники были едины в своем намерении провести в жизнь преступления, вменяемые им теперь в вину. В отношении Геринга такие предпосылки отсутствуют.

Надо признать даже обратное. Конечно, Геринг хотел ликвидировать Версальский договор и обеспечить Германии ее прежнее положение крупной державы. Но он думал, что этой цели можно достигнуть если не при помощи правовых норм Лиги Наций, то во всяком случае только политическими средствами. Вооружение должно было только придать больше веса голосу Германии...

Находя себе поддержку в поразительных успехах Гитлера в первый период, Геринг надеялся, что мощные вооруженные силы Германии уже только одним своим существованием помогут достижению целей Германии мирным путем, пока эти цели не будут выходить за определенные границы. В политической жизни государство может выступать со своим мнением и его будут слушать только в том случае, если за его спиной стоит мощная армия, внушающая другим государствам уважение. Совсем недаано начальник американского генерального штаба Маршалл в своем втором годовом отчете констатировал: мир не считается серьезно с желаниями слабых. Слабый — это слишком большое искушение для сильных...

Германия вооружалась не для ведения агрессивной войны. Не для подготовки агрессивной войны осуществлялся и четырехлетний план, назначение и задачи которого точно выявлены в показаниях самого подсудимого и свидетеля Кернера.

Генерал-фельдмаршалы Мильх и Кессельринг единодушно показали, что созданные в ходе вооружения военно-воздушные силы имели только оборонительные цели, негодные для ведения агрессивной войны. Такое скромное вооружение Германии не дает осноаания сделать вывод о ее агрессивных намерениях.

Геринг не хотел войны...

Начиная с 1933 года в саоих выступлениях, в своих многочисленных речах Геринг часто подчеркивал, что он очень заинтересован в сохранении мира и что вооружение производится только для того, чтобы поднять авторитет Германии и снова обеспечить ей возможность играть на международной арене определенную политическую роль...

Герингу казалось очень важным сохранить добрые отношения с Англией. Об этом говорит его поведение во аремя беседы с лордом Галифаксом в ноябре 1937 года в Каринхале, во время которой Геринг совершенно откровенно сообщил лорду Галифаксу о целях внешней политики Германии, сводившейся к следующему:

а) аншлюс, то есть присоединение Австрии и Судетской области к Германии,

б) возвращение Германии Данцига и разумное разрешение вопроса о Польском коридоре.

При этом Геринг указал, что он не желает войны и может способствовать Англии разрешить этот вопрос мирно.

Встреча в Мюнхене осенью 1938 года состоялась по его инициативе. Мюнхенское соглашение обязано своим возникновением в значительной мере его влиянию.

Когда в марте 1939 года в результате оккупации оставшейся части Чехословакии и возмутительного поведения Гитлера, нарушившего Мюнхенское соглашение, отношения с Англией значительно ухудшились, Геринг приложил все усилия для восстановления нормальных отношений. Для достижения этой цели он организовал встречу с английскими промышленниками, которая состоялась в Зенке-Ниссен-Коог в начале августа 1939 года и о которой здесь рассказывал свидетель Далерус. В речи, произнесенной тогда, Геринг указал, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы началась война с Англией. Он просил участников беседы в меру сил содействовать восстановлению хороших отношений с Англией.

Когда после речи Гитлера, произнесенной на совещании командующих войсками 22 августа 1939 г. в Оберзальцберге и неоднократно цитированной здесь, возникла угроза войны, Геринг немедленно, то есть на следующий же день, вызвал к себе из Швеции Далеруса и, действуя через голову Министерства иностранных дел и на свой страх и риск, попытался добиться взаимопонимания с Англией для предотвращения войны.

Здесь выдвигалось возражение, что Геринг, мол, не посвятил Далеруса в свои истинные намерения и что его устремления были направлены не на сохранение мира, а лишь на то,

чтобы побудить Англию отказаться от договора о взаимопомощи с Польшей, то есть разобщить Англию и Польшу, после чего Германия могла бы оказать на Польшу давление и Польша подчинилась бы ее требованиям, или начать наступление на Польшу и, ничем не рискуя, осуществить свой план в отношении нее.

Сомневаться в том, что Геринг желал мира, несправедливо.

Если это сомнение основывается на том, что Геринг не сообщил свидетелю Далерусу содержания речей фюрера от 23 мая 1939 г. и от 22 августа 1939 г., то оно неубедительно и ничего не дает.

Ни при каких условиях Геринг не мог сообщить об этих строго секретных речах кому-то третьему, а тем более иностранцу, не подвергая себя обвинению в государственной измене и измене родине. Кроме того, эти речи не имели значения для выполнения того поручения, которое давалось свидетелю, тем более что налицо была особая ситуация, так как попытки дипломатов остановились на мертвой точке, и Геринг, не найдя другого выхода, решил в качестве крайней меры воспользоваться своими личными связями, своим личным влиянием и своим личным авторитетом.

Для выполнения поручения Далерусу было важно лишь то, что внешнеполитическое положение Германии в результате известного свидетелю инцидента между Германией и Польшей угрожающе обострилось и теперь в результате соответствующего отношения со стороны Англии должно было быть вновь переведено в мирное русло.

Геринг не собирался разобщать Англию и Польшу. Это следует со всей очевидностью из того факта, что вначале Геринг передал английскому послу в Берлине Гендерсону текст ноты, содержавшей предложения, которые Германия делала Польше и которые были квалифицированы Гендерсоном как умеренные, и этим он пытался достичь переговоров непосредственно с Польшей.

Но Польша совершенно откровенно не желала соглашения с Германией. На это указывают различные обстоятельства:

а) инцидент с Польшей начался почти год назад. Почему Польша не потребовала его разрешения на третейском суде, с которым был подписан специальный договор? Почему Польша не обратилась в Лигу Наций? Очевидно, она не хотела, чтобы третейский суд вынес приговор по вопросу о Данциге и Коридоре;

б) о нежелании Польши установить взаимопонимание с Германией еще яснее говорит заявление польского посла Липского, сделанное им послу Форбсу и переданное здесь свидетелем Далерусом. Липский заявил, что его не интересует какая-либо нота и какое-либо предложение Германии, но он уверен, что в случае войны в Германии тотчас же вспыхнет восстание и польская армия триумфально двинется на Берлин.

Это отрицательное и непонятное отношение Польши находит свое объяснение, по-видимому, в том, что, получив гарантии со стороны Англии, она почувствовала себя слишком уж сильной и уверенной.

Указание на предстоящее восстание дает основание полагать, что Польша была осведомлена о планах группы Канариса.

Таким образом, ни о каком двусмысленном поведении Геринга или о его фальшивой игре не может быть и речи.

Серьезное стремление подсудимого Геринга к сохранению мира и установлению хороших отношений с Англией призиается также послом Гендерсоном, который, зная хорошо положение в Германии и имея связи с руководителями Германии, имеет наиболее верное суждение о Геринге.

Я ссылаюсь на его цитату из его известной книги «Провал миссии», в которой на 83-й странице говорится дословно следующее: «Я хотел бы здесь выразить свою уверенность в том, что фельдмаршал, если бы это зависело от него, не затеял бы войны, как это сделал Гитлер в 1939 году. Как будет показано ниже, в сентябре 1939 года Геринг решительно стоял на стороне мира».

Лорд Галифакс также заявил, что и у него не было никвких сомнений в том, что все усилия Геринга, направленные против возникновения войны, были искренними.

То, что после начала войны, которой Геринг стремился помешать всеми имеющимися в его распоряжении средствами, но которой помешать он не смог, он, как главнокомандующий ВВС, отдавал все свои силы для победы Германии, не находится ни в каком противоречии с серьезностью его стремления не допустить войны. С этого момента он знал только свой долг солдата по отношению к своей родине.

Гитлер несколько раз выступал перед командующими войсками с речами, например, в ноябре 1937 года, 23 мая 1939 г. и 22 августа 1939 г. Во время допроса Геринг весьма подробно изложил значение и смысл этих выступлений. Для решения вопроса о том, означает ли факт присутствия на совещаниях, на которых имели место эти выступления, участие в заговоре в духе Обвинительного заключения, важно констатировать, что в этих выступлениях Гитлер односторонне излагал свое мнение по военным и политическим вопросам. Он информировал участников совещания только о том, в каком направлении будут развиваться события. Мнение участников совещания никогда не спрашивалось.

Из вышеупомянутых выступлений участники совещаний не могли узнать и так и не узнали, имелось ли у Гитлера твердое намерение начать агрессивную войну.

Это подтверждают единодушно все присутствовавшие на этих совещаниях.

Подсудимый обвиняется в бесцеремонном ограблении оккупированных Германией областей и тем самым в нарушении Гаагских правил ведения сухопутной войны. Это обвинение не обоснованно.

Во время допроса подсудимый Геринг привел убедительные доводы, почему он считал, что Гаагские правила ведения сухопутной войны от 1899 и 1907 годов не могут быть применимы к современной войне; он считал, что к началу второй мировой войны эти правила были в некотором отношении устаревшими и недостаточными. Во время возникновения их еще не были известны воздушная война, экономическая война и война пропаганды. Неизвестна была также и тотальная война, на

чтобы побудить Англию отказаться от договора о взаимопомощи с Польшей, то есть разобщить Англию и Польшу, после чего Германия могла бы оказать на Польшу давление и Польша подчинилась бы ее требованиям, или начать наступление на Польшу и, ничем не рискуя, осуществить свой план в отношении нее.

Сомневаться в том, что Геринг желал мира, несправедливо.

Если это сомнение основывается на том, что Геринг не сообщил свидетелю Далерусу содержания речей фюрера от 23 мая 1939 г. и от 22 августа 1939 г., то оно неубедительно и ничего не дает.

Ни при каких условиях Геринг не мог сообщить об этих строго секретных речах кому-то третьему, а тем более иностранцу, не подвергая себя обвинению в государственной измене и измене родине. Кроме того, эти речи не имели значения для выполнения того поручения, которое давалось свидетелю, тем более что налицо была особая ситуация, так как попытки дипломатов остановились на мертвой точке, и Геринг, не найдя другого выхода, решил в качестве крайней меры воспользоваться своими личными связями, своим личным влиянием и своим личным авторитетом.

Для выполнения поручения Далерусу было важно лишь то, что внешнеполитическое положение Германии в результате известного свидетелю инцидента между Германией и Польшей угрожающе обострилось и теперь в результате соответствующего отношения со стороны Англии должно было быть вновь переведено в мирное русло.

Геринг не собирался разобщать Англию и Польшу. Это следует со всей очевидностью из того факта, что вначале Геринг передал английскому послу в Берлине Гендерсону текст ноты, содержавшей предложения, которые Германия делала Польше и которые были квалифицированы Гендерсоном как умеренные, и этим он пытался достичь переговоров непосредственно с Польшей.

Но Польша совершенно откровенно не желала соглашения с Германией. На это указывают различные обстоятельства:

а) инцидент с Польшей начался почти год назад. Почему Польша не потребовала его разрешения на третейском суде, с которым был подписан специальный договор? Почему Польша не обратилась в Лигу Наций? Очевидно, она не хотела, чтобы третейский суд вынес приговор по вопросу о Данциге и Коридоре;

б) о нежелании Польши установить взаимопонимание с Германией еще яснее говорит заявление польского посла Липского, сделанное им послу Форбсу и переданное здесь свидетелем Далерусом. Липский заявил, что его не интересует какая-либо нота и какое-либо предложение Германии, но он уверен, что в случае войны в Германии тотчас же вспыхнет восстание и польская армия триумфально двинется на Берлин.

Это отрицательное и непонятное отношение Польши находит свое объяснение, по-видимому, в том, что, получив гарантии со стороны Англии, она почувствовала себя слишком уж сильной и уверенной.

Указание на предстоящее восстание дает основание полагать, что Польша была осведомлена о планах группы Канариса.

Таким образом, ни о каком двусмысленном поведении Геринга или о его фальшивой игре не может быть и речи.

Серьезное стремление подсудимого Геринга к сохранению мира и установлению хороших отношений с Англией признается также послом Гендерсоном, который, зная хорошо положение в Германии и имея связи с руководителями Германии, имеет наиболее верное суждение о Геринге.

Я ссылаюсь на его цитату из его известной книги «Провал миссии», в которой на 83-й странице говорится дословно следующее: «Я хотел бы здесь выразить свою уверенность в том, что фельдмаршал, если бы это зависело от него, не затеял бы войны, как это сделал Гитлер в 1939 году. Как будет показано ниже, в сентябре 1939 года Геринг решительно стоял на стороне мира».

Лорд Галифакс также заявил, что и у него не было никаких сомнений в том, что все усилия Геринга, направленные против возникновения войны, были искренними.

То, что после начала войны, которой Геринг стремился помешать всеми имеющимися в его распоряжении средствами, но которой помешать он не смог, он, как главнокомандующий ВВС, отдавал все свои силы для победы Германии, не находится ни в каком противоречии с серьезностью его стремления не допустить войны. С этого момента он знал только свой долг солдата по отношению к своей родине.

Гитлер несколько раз выступал перед командующими войсками с речами, например, в ноябре 1937 года, 23 мая 1939 г. и 22 августа 1939 г. Во время допроса Геринг весьма подробно изложил значение и смысл этих выступлений. Для решения вопроса о том, означает ли факт присутствия на совещаниях, на которых имели место эти выступления, участие в заговоре в духе Обвинительного заключения, важно констатировать, что в этих выступлениях Гитлер односторонне излагал свое мнение по военным и политическим вопросам. Он информировал участников совещания только о том, в каком направлении будут развиваться события. Мнение участников совещания никогда не спрашивалось.

Из вышеупомянутых выступлений участники совещаний не могли узнать и так и не узнали, имелось ли у Гитлера твердое намерение начать агрессивную войну.

Это подтверждают единодушно все присутствовавшие на этих совещаниях.

Подсудимый обвиняется в бесцеремонном ограблении оккупированных Германией областей и тем самым в нарушении Гаагских правил ведения сухопутной войны. Это обвинение не обоснованно.

Во время допроса подсудимый Геринг привел убедительные доводы, почему он считал, что Гаагские правила ведения сухопутной войны от 1899 и 1907 годов не могут быть применимы к современной войне; он считал, что к началу второй мировой войны эти правила были в некотором отношении устаревшими и недостаточными. Во время возникновения их еще не были известны воздушная война, экономическая война и война пропаганды. Неизвестна была также и тотальная война, на

службу которой без остатка ставится весь народ и все народное хозяйство.

До начала первой мировой войны согласно международному прву — во всяком случае, поскольку речь идет о сухопутной войне, — было неоспоримо, что война не затрагивает частноправовые отношения между гражданами воюющих государств, что в принципе частная собственность остается неприкосновенной, что война ведется только вооруженными силами и что она не затрагивает гражданское население противника. В войне на море, напротив, частная собственность не защищвется. Могут ли правила ведения сухопутной войны со своими ограничениями иметь силу и в отношении комбинированной войны на суше и на море?

По существующему международному праву, как и прежде, имеет силу принцип, согласно которому частнвя собственность в войне остается неприкосновенной. Этот принцип нарушается только в случаях, когда Гаагские правила ведения сухопутной войны разрешают известное вторжение в область частной собственности. Поводом к такому вторжению может быть бедственное положение государства; вторжение оправданно в той мере, в какой кажется необходимым в интересах самосохранения государства. В этих рамках в войне разрешаются также действия, которые в принципе не соответствуют военному праву, то есть сами по себе противоречат междунвродному праву.

Там, где жизненные интересы государства поставлены под такую угрозу, как бедственное положение государства, нельзя, по-моему, считать, что государство нарушает нормы права, если оно прибегает к методам, необходимым для предотвращения угрожающей опасности.

Вследствие образа действий вражеских держав экономическое положение Германии в ходе второй мировой войны стало в высшей степени угрожающим. В результате тотальной блокады у Германии была полностью отнята возможность какой-либо связи с нейтральными странами; поэтому стало невозможно достаточное снабжение сырьем, необходимым для ведения войны, и питанием, необходимым для снабжения гражданского населения. Германия должна была также заботиться о питании находящегося на оккупированных территориях гражданского населения.

Вследствие этого Германия в целях поддержания своей собственной экономики, которая в противном случае потерпела бы крвх, была вынуждена использовать в своих интересах находившиеся на оккупированной вражеской территории запасы сырья и продовольствия, а также предметы, необходимые для продолжения войны.

Может ли подсудимый быть лично привлечен к ответственности за возможно преднамеренное или сделанное по небрежности нарушение, которое было совершено им исключительно как уполномоченным фюрера, или в таких случаях несет ответственность только государство — этот вопрос ставится на рассмотрение Трибунала. Со своей стороны, мы считаем, что здесь имеет место только деликт против междуна-

родного права, который не может служить основанием для личной ответственности.

Положение на восточном театре военных действий имело свои особенности, так как в России не было частной собственности, а имелось только государственное хозяйство, строго регулируемое центром. Здесь правовое положение было в общем таково, что собственность вражеского государства могла быть используема как военная добыча.

За предписания, содержавшиеся в «Зеленой папке», подсудимый Геринг взял на себя полную ответственность, однако это не дает еще повода для его обвинения. Нельзя не учитывать, что речь идет о войне, связанной с такими трудностями и такого размаха, такой продолжительности и такого тотального характера, о которых творцы Гаагских правил ведения сухопутной войны определенно не только не имели, но и не могли даже иметь хотя бы малейшего представления. Эта война была войной, во время которой борьба шла за существование или гибель народов. Это была война, во время которой переоценивались все ценности.

С точки зрения бедственного положения может быть также оправдан и вывоз рабочих из оккупированных областей в Германию.

Подсудимый подробно изложил, по каким причинам он считал эти мероприятия необходимыми. В остальном защитник подсудимого Заукеля доктор Серватиус подробно остановится на этом вопросе. Поэтому я могу отказаться от дальнейшего его рассмотрения.

Относительно обвинения в ограблении произведений искусства подсудимый дал подробные показания, оправдывающие его действия. Дополнительно следует заявить, что к охране произведений искусства в Польше он вообще не имел непосредственного отношения. Из этих произведений искусства он ничего не взял для своей коллекции. Тем самым в этом отношении никоим образом не возникает обвинения для подсудимого.

Во Франции по приказу фюрера произведения искусства, находившиеся во владении евреев, были временно конфискованы в пользу империи, причем здесь речь шла об имуществе, не имеющем хозяина, так как владельцы покинули страну. Из числа этих конфискованных произведений искусства Геринг получил небольшую часть с разрешения фюрера не лично для себя, а для галереи, которую он должен был создать и в которую он намеревался передать находившиеся в его владении произведения искусства. Приобретая эти предметы, Геринг думал, как он подчеркнул это в своих показаниях, что он имеет право на приобретение их, так как они были конфискованы на основании указа фюрера.

Теперь я хочу рассмотреть обвинение в расстреле 50 английских офицеров военно-воздушного флота, бежавших из лагеря военнопленных в Сагане.

В Обвинительном заключении говорится: «В марте 1944 года 50 офицеров королевских военно-воздушных сил, бежавших из стационарного лагеря военнопленных "Люфт-3" в Сагане, были убиты после их поимки». Судя по более позднему

представлению обвинением документов, речь идет здесь о следующем случае:

В ночь с 24 на 25 марта 1944 г. из лагеря военнопленных «Шталаг Люфт-3» в Сагане бежали 76 офицеров английских королевских военно-воздушных сил. 50 из этих офицеров были после их поимки расстреляны СД.

Следует установить, кто дал приказ о расстреле. Имел ли рейхсмаршал Геринг какое-либо отношение к этому случаю? В частности, содействовал ли он изданию приказа о расстреле этих 50 летчиков? Одобрял ли он эту меру, хотя она являлась грубым нарушением статьи 50 Женевского соглашения об обращении с военнопленными?

Обвинение утверждает, что подсудимый Геринг содействовал изданию этого приказа. Оно ссылалось, в частности, на заявления генерал-майора Вестгофа и советника по уголовным делам Вилена, составленные в английском плену. Однако допрос этих свидетелей в Суде, а также дальнейшее представление доказательств показали, что первоначальные показания Вестгофа и Вилена были неточными как в отношении присутствия Геринга при обсуждении военной обстановки у Гитлера, так и в отношении его осведомленности о приказе относительно расстрела. Эти показания основывались на предположениях.

25 марта 1944 г. Гиммлер доложил фюреру о побеге 76 офицеров. По этому поводу Гитлер упрекал генерал-фельдмаршала Кейтеля; в побеге он усматривал значительную угрозу для общественной безопасности, так как бежавшие офицеры могли поддержать находящихся в Германии 6 миллионов иностранных рабочих при организации вооруженного восстания. Гитлер отдал затем приказ: «Военнопленных оставить у Гиммлера».

Эти данные полностью согласуются с изложением рейхсмаршала Геринга, который в момент обсуждения этого вопроса у Гитлера находился в отпуске. О факте побега ему доложил по телефону его адъютант. Лишь после своего возвращения из отпуска на пасху 1944 года он узнал от своего начальника штаба Кортена о том, что военнопленные расстреляны... В связи с этим Геринг не может быть признан ответственным за этот, в высшей степени прискорбный приказ, воспрепятствовать которому было свыше его сил.

Далее обвинение говорит о суде Линча, который в отдельных случаях в 1944 году был осуществлен немецким населением по отношению к сбитым вражеским летчикам. За эти события ответственность возлагается на подсудимых, в частности, также на рейхсмаршала Геринга.

Для подтверждения своих обвинений против рейхсмаршала Геринга обвинение в первую очередь ссылается на протокол от 19 мая 1944 г. так называемого совещания о летчиках-истребителях, которое имело место 15 и 16 мая 1944 г. под руководстаом Геринга.

В параграфе 20 этого протокола записаны высказывания Геринга о том, что он предложил фюреру дать указание расстреливать вражеских летчиков-террористов немедленно на месте совершения преступления. Подсудимый со всей реши-

тельностью оспаривает правильность этой записи и утверждает, что такого высказывания с его стороны не было.

Если на этом совещании действительно говорилось о летчиках-террористах, то это замечание могло быть сделано лишь в том смысле, что фюрер предложил такие меры...

Обвинение ставит в вину подсудимому Герингу, что он незамедлительно после 30 января 1933 г., занимая пост прусского министра внутренних дел, а вскоре затем — прусского премьер-министра, создал в Пруссии режим, при котором господствовал террор в целях подавления всякой оппозиции программе нацистов.

Для осуществления своих планов он использовал прусскую полицию, которой уже в феврале 1933 года для защиты нового правительства он дал приказ действовать беспощадно против всех политических врагов, не считаясь с последствиями. Для обеспечения власти он создал страшную тайную государственную полицию (гестапо) и уже в начале 1933 года — концентрационные лагеря.

Относительно этих обвинений следует сказать следующее: само собой разумеется, что это не может быть поставлено в вину подсудимому, а, наоборот, означало бы тяжелое нарушение порученных подсудимому обязанностей, если бы он со всей силой не выступил на защиту нового правительства и не принял бы все мыслимые меры для того, чтобы с самого начала сделать невозможным любое нападение на это новое правительство. Для достижения этой цели в первую очередь использовались полицейские учреждения.

Расследовать нужно лишь вопрос о том, были ли недопустимыми средства, использование которых подсудимый считал необходимым.

На этот вопрос надо ответить отрицательно по следующим соображениям.

Полиция в любом государстве является внутриполитическим инструментом власти; во всяком государстве она имеет своей задачей поддерживать правительство, защищать его во всех отношениях и, в случае необходимости, силой оружия обезвредить нарушителей порядка и права. Такие же задачи подсудимый поставил находившейся под его руководством полиции, которую он призывал в упомянутой обвинением речи действовать энергично и честно исполнять свой долг. Каким образом подобный призыв к выполнению долга может быть недопустимым, остается непонятным.

Во время допроса подсудимый Геринг подробно изложил, по каким причинам и на основании каких принципов он считал, что необходимо предпринять реорганизацию полиции. Эти причины никоим образом не могут быть подвергнуты сомнению.

В этой связи следует указать на то, что согласно существующим принципам международного права суверенные государства имеют право регулировать свои внутриполитические отношения по своему усмотрению.

Захват власти национал-социалистской партией, естественно, натолкнулся на сопротивление, и прежде всего со стороны левых партий, которые не были согласны с положением, создавшимся вследствие этого прихода к власти. Противники

вовсе не были слабыми ни в численном отношении, ни в отношении имевшихся в их распоряжении средств. По этой причине новые правители увидели серьезную опасность для своей власти в том, что эти враждебные им партии будут беспрепятственно продолжать свою деятельность, поэтому они должны были своевременно и заранее обезопасить себя от такой угрозы.

Чтобы стабилизировать собственную власть и с самого начала в зародыше подавить всякую возможность волнений, подсудимый Геринг по соображениям государственной целесообразности считал необходимым одним разом арестовать вождей и деятелей коммунистической партии и смежных с нею организаций. О причинах таких действий подсудимый сам подробно рассказал. Для устранения опасности и для обеспечения безопасности государства принятые подсудимым меры вызывались государственной необходимостью. Так как речь шла о превентивных мерах, то для ареста вовсе не было необходимой предпосылкой совершение наказуемого антигосударственного действия или наличие подготовки к совершению его. Для ареста было достаточно — так как речь шла о политическом акте государственной самозащиты — принадлежности к одной из упомянутых выше групп и активного участия в них.

Эти соображения вскоре после прихода национал-социалистов к власти привели к созданию концентрационных лагерей.

Подсудимый Геринг руководствовался мотивами такого же характера, когда он в 1933 году создал концентрационные лагеря и издал законы относительно тайной государственной полиции.

Когда обвинение утверждает, что здесь речь идет об осуществлении заговора, ставившего себе целью преступления против человечности, то оно, высказывая эту точку зрения, не учитывает действительную политическую жизнь тех лет. Такой заговор не существовал, у подсудимого не было намерения совершить преступления против человечности, и он не совершал этих преступлений. В качестве одного из политических уполномоченных германского правительства он чувствовал себя обязанным защищать последнее от опасных нарушителей и тем самым способствовать дальнейшему существованию национал-социалистского жизненного порядка. Будучи далеким от того, чтобы видеть преступления в этих мероприятиях, он считал их, напротив, неизбежными средствами, необходимыми для того, чтобы укрепить политический порядок как основу всякого права.

В 1936 году руководство полицией и тем самым концентрационными лагерями перешло от подсудимого к рейхсфюреру Гиммлеру. Нельзя приписать подсудимому вину за то, что стало впоследствии с концентрационными лагерями, за то, что они, особенно после начала войны, превратились в отвратительнейшее место страданий и уничтожения людей, за то, что они — отчасти намеренно, отчасти в результате хаоса, вызываемого военными условиями, — привели к уничтожению бесконечного числа людей, чтобы в конце концов в последние дни перед окончанием войны стать массовой могилой.

Конечно, он знал, что существовали концентрационные лагеря, что число заключенных увеличивалось в результате напряженной военной обстановки и что это число в результате

расширения масштабов войны по всей Европе включало и иностранцев, но ужасающие эксцессы, вскрытые на этом процессе, не были известны. Он не знал о безответственных экспериментах, которые проводились над заключенными, об экспериментах, являвшихся профанацией истинной науки...

Создание концентрационных лагерей как таковых не имело ничего общего с последующим уничтожением евреев, идея которого, несомненно, возникла в головах Гейдриха и Гиммлера и которое мастерски скрывалось и лишь после окончания войны было разоблачено в виде ужасов в Освенциме и Майданеке.

Перехожу к вопросу о преследовании евреев.

Подсудимого обвиняют в том, что он в 1935 году провозгласил «нюрнбергские законы», которые должны были иметь целью сохранение чистоты расы и что он с 1938 по 1939 год, будучи генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, издал постановления, которые были направлены на устранение евреев из экономической жизни.

Затем ему вменяется в вину издание целого ряда законов, которые означали определенно направленное, серьезное ограничение прав евреев.

Геринг всегда отвергал любое противозаконное насильственное мероприятие, направленное против евреев. Об этом ясно свидетельствует его отношение к организованному Геббельсом мероприятию, которое проводилось с 9 на 10 ноября 1938 г. и о котором он узнал лишь после того, как оно имело место. Он самым резким образом осуждал его, сделав Геббельсу и Гитлеру соответствующее представление...

О биологическом истреблении евреев он узнал лишь к концу войны. Такое мероприятие он никогда бы не одобрил и со всей силой противился бы ему, так как у него было достаточно политического чутья, чтобы распознать всю чудовищную опасность и бессмысленный риск, которые должны были неизбежно возникнуть для германского народа в результате такой жестокой и отвратительной акции уничтожения.

Подсудимого обвиняют в том, что он как второе лицо в государстве должен был быть осведомлен об этих ужасных мероприятиях. Заявление подсудимого о том, что он не знал о таких злодеяниях, воспринимается с некоторым недоверием. Несмотря на высказываемые сомнения, подсудимый, однако, настаивает на том, что до него не дошли сведения о подобных деяниях...

В таком случае напрашивается следующий вопрос: разве подсудимый не был лицом, обязанным расследовать и выяснить, где действительно находятся якобы эвакуироаанные евреи и какова их судьба? Какой юридический вывод можно сделать в связи с тем, что он по халатности нарушил вытекающую из его положения правовую обязанность, заключающуюся в том, чтобы вмешаться в это дело?

От решения этого чрезвычайно сложного вопроса о должном и сущем можно отказаться, потому что Геринг, хотя он и являлся вторым человеком в государстве, не обладал властью помешать осуществлению вышеупомянутых мероприятий, если их проводил Гиммлер и если последний, во всяком случае, одобрял их.

Господин председатель! Вчера я уже сказал, что я хотел бы осветить также и Катынское дело, и я сейчас, прежде чем перейти к заключению, хотел именно остановиться на Катыни. К сожалению, для меня было совершенно невозможно подготовить перевод, так как представление доказательств происходило в самые последние дни. Доклад не очень велик, у переводчиков имеются копии, так что я думаю, что могу сейчас начать.

В подробном рассмотрении нуждается также и Катынское дело, по которому несколько дней назад было закончено представление доказательств. Русское обвинение опиралось на результаты исследования, изложенные в документе СССР-54. В этом документе на основании материала сделано следующее заключение:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска, оставались там и после вступления немцев в Смоленск до сентября 1941 года включительно.

2. В Катынском лесу германские оккупационные власти осенью 1941 года произвели массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей.

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу были произведены германской воинской частью, сокрытой под ложным именем «Штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стоял подполковник Аренс и его сотрудники: старший лейтенант Рекс и лейтенант Ходт.

Спрашивается, доказало ли обвинение свое утверждение?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. На основании документа нельзя констатировать этого. Обвинение направлено против определенной воинской части и против определенных, названных по именам, офицеров. В качестве времени совершения преступления указывается осень, сентябрь 1941 года. В качестве места указывается Катынский лес. При столь точных указаниях на обстоятельства дела задачей защиты было лишь установить, выдержат ли эти констатации проверку. Сперва следует указать о круге лиц. Полковник Аренс, офицер, имеющийся в виду как подполковник Аренс, уже потому исключается в качестве лица, совершившего преступление, что действие это якобы было совершено осенью 1941 года, тогда как Аренс стал командиром 537-го полка лишь в конце ноября 1941 года. Лишь в это время он прибыл в Катынь, ранее же он никогда не бывал на Восточном театре военных действий. До Аренса полком командовал полковник Беденк, который со штабом своего полка в августе 1941 года прибыл в Катынь. Еще до Беденка старший лейтенант Ходт, непосредственно после взятия Смоленска, а именно в июле 1941 года прибыл на дачу на Днепре с передовым отрядом 537-го полка и пробыл там до прибытия штаба полка, к которому он тогда еще не принадлежал. В штаб полка он был переведен лишь в сентябре 1941 года и с этого момента постоянно жил на даче. Особые факты, которые могли бы доказать вину Ходта или Беденка, не явствуют из представленного документа, а другие документы об этом не были представлены. Тем самым не доказано, что Беденк и Ходт могут быть лицами, совершившими преступление.

Многие обстоятельства говорят против того, что 537-я или какая-либо другая воинская часть участвовала в преступлении.

Польские военнопленные, как указывалось, попали в руки немцев в трех лагерях западнее Смоленска. Таким образом они стали бы немецкими военнопленными. О захвате их в плен необходимо было бы доложить группе армий «Центр». Такого сообщения, согласно показаниям свидетеля Эйххорна, не поступало. То, что при таком большом количестве военнопленных донесение по недосмотру могло быть не сделано, совершенно исключается. Кроме того, захват в плен 11 000 польских офицеров ни в коем случае не мог остаться неизвестным группе армий. Но в группе армий, как это вытекает из показаний генерала Оберхойзера, никогда не получали об этом сообщения. Из показаний, данных обоими свидетелями — Эйххорном и Оберхойзером, следует, что ко времени занятия Смоленска немцами польские офицеры уже не могли находиться в этих лагерях. Свидетели, которые утверждали бы, что они видели этих офицеров после этого в лагерях, не были допрошены русской комиссией. Допрошенный по этому вопросу служащий железной дороги ничего не знает из своих собственных наблюдений. Утверждают, что 11 000 военнопленных были направлены из этих лагерей в Катынь. Переброска такого большого количества польских военнопленных не могла остаться скрытой от русского населения, даже если бы эта переброска производилась по возможности незаметно и тайно. Расстрел в таких больших масштабах также не мог остаться незамеченным для русского населения. Если даже лесок был оцеплен, то ведь на расстоянии 200 м находилось общедоступное шоссе, которое было без ограничений предоставлено для движения. По нему также передвигалось много русского гражданского населения. То, что происходило в Катынском лесу, можно было наблюдать с шоссе. В непосредственной близости от днепровской дачи находились крестьянские дворы, в которых во время оккупации находились жители и которые все время поддерживали контакт со штабом полка. Но ни в отношении переброски, ни в отношении наблюдения расстрелов нет надежных данных и показаний. Никогда с немецкой стороны для такой массовой экзекуции не было бы избрано такое место, как то, где были обнаружены могилы. Это место вследствие того, что оно находилось между шоссе и расположением полка, было совершенно не приспособлено для таких дел. Как уже было сказано, большое движение имело место не только на проходящем вблизи шоссе, но и непосредственно рядом с могилами по дороге к штабу полка. Таким образом, даже солдаты, не участвующие в этой операции, должны были бы иметь возможность наблюдать и знать о ней. Также и избранный для проведения операции род войск был крайне неблагоприятен, так как технические войска, к которым относился полк связи, меньше всего были приспособлены для выполнения таких задач. Правда, свидетели Оберхойзер и Эйххорн лишь 20 сентября 1941 г. поселились вблизи от места действий. Поэтому они могут говорить о своих наблюдениях только начиная с этого момента, в то время как уже с конца июля на даче сначала находи-

лась команда квартирьера, а с августа — штаб полка. В этот период времени, охватывающий приблизительно шесть недель, такие действия не могли быть приведены в исполнение. Это совершенно исключается. Те немногие люди, которые были в распоряжении полка, были загружены работой и не могли в такой короткий промежуток времени расстрелять 11 000 пленных и, кроме того, убрать их трупы. Правда, по утверждению русского обвинения, русские военнопленные помогали убирать трупы, но это не доказано, и в данном случае никто из русских жителей не видел таких пленных. Ни в коем случае нельзя так быстро устранить следы этого действия и замаскировать место действия так, чтобы свидетели Оберхойзер и Эйххорн, проезжая часто к даче, не могли заметить подозрительных признаков.

Заявлений допрошенных здесь свидетелей совершенно недостаточно: «Он из рассказов некоего Меньшагина, которого теперь уже нельзя найти, слышал о таких расстрелах. Сам он этого не видел. Он сам не видел поляков. Студенты сказали ему, что они видели поляков, но количества они не знали и не узнали также того, где они содержались». Показания, не полные во всех отношениях, цены не имеют.

Заслушанные здесь показания двух врачей не являются достаточными для оценки данных событий в духе обвинения. В рамках допущенного Трибуналом представления доказательств было бы невозможно произвести полнейшее расследование всех медицинских вопросов, которые имели бы решающее значение для экспертов при вынесении ими решения. Поэтому защита отказалась выставить здесь медицинского эксперта для оправдания подсудимых. Но не следует забывать следующего. Экспертиза была произведена по инициативе германского правительства комиссией из 12 членов из числа видных представителей высших европейских судебно-медицинских учреждений, в то время как представленная русским обвинением экспертиза была составлена исключительно русскими экспертами. Первая экспертиза заслуживает предпочтения, поскольку она составлена аполитичными экспертами.

Свидетель профессор Марков во время своего допроса отказался от того, что было им самим написано в протоколе от 30 апреля 1943 г. Он утверждает, что уже тогда на основании вскрытия им трупа он считал неправильными данные о том, что расстрел был произведен в марте—апреле 1940 г.

Эти показания вызывают большое сомнение. Свидетель сам не мог дать никакого точного разъяснения, почему он при таком своем отношении ко всему этому делу не выступил немедленно против формулировки протокола от 30 апреля 1943 г., почему он не отказался подписать этот протокол, также почему в последующем никогда не говорил, по крайней мере, остальным экспертам, которые участвовали в этом, о своем действительном научном заключении.

Из-за этого заявления германская экспертиза не теряет своего значения, тем более что все остальные 11 экспертов полностью и очевидно одобрили содержащиеся в данной экспертизе утверждения. При таком положении вещей вовсе не будет необходимым излагать отдельные причины во всех деталях, которые го-

ворят за правильность содержащегося в «Белой книге» заключения от 30 апреля 1943 г. Установленный русскими экспертами момент расстрела, а именно осень 1941 года, определен совершенно произвольно и не может быть ни при каких обстоятельствах верным, поскольку трупы были одеты в зимнюю одежду, как это установил также свидетель Маркоа на трупе, который он сам вскрывал. Тот факт, что в могилах обнаружены револьверные патроны германского изготовления, не допускает вывода, что расстрел был произведен немцами. В германской «Белой книге» указано на то, что германский завод, который производил эти патроны, в очень большом количестве поставлял их в другие страны и больше всего на Восток.

В заключение следует сказать, что задачей данного процесса не является установить, были ли 11 000 польских офицеров расстреляны после занятия Смоленска немцами и мог ли этот расстрел быть произведен немцами. Поэтому это обвинение выпадает из Обвинительного заключения.

Перехожу к заключению.

Если в свете всего сказанного рассматривать личность и жизнь подсудимого Геринга, то решающими для оценки его действий окажутся следующие моменты.

После того как империя кайзера была свергнута, немецкий народ хотел создать ноаую конституцию на демократической основе, надеясь, что в дальнейшем он сможет подняться путем прилежания и терпения. При этом большую роль играло доверие к дальновидности тогдашних держав-победительниц, в частности к 14 пунктам Вильсона.

После горького разочарования, принесенного Версальским договором, Веймарская демократия вступила в период жестокого кризиса, от которого ей не суждено было оправиться. Этот кризис вместе с наступившим позднее мировым экономическим кризисом, бесспорно, послужил предпосылкой захвата власти Гитлером.

Борьба против Версаля в первую очередь сделала возможным его взлет в качестве руководителя партии. В своих свидетельских показаниях Геринг говорил о том, что с первой встречи его объединяло с Гитлером их общее убеждение в том, что путем бумажных протестов ничего достигнуть нельзя. Геринг, как и Гитлер, был убежден в том, что Германия неизбежно станет жертвой мирового революционного большевизма, если не удастся пробудить в ней достаточную энергию к сопротивлению путем возрождения веры в свои силы. Было понятно, что эти силы следовало решительно направить на борьбу с державами, подписаашими Версальский договор. При этом Гитлер, безусловно, исходил из того, что Германия в основном составляет с Западом единое целое в культурном, экономическом и политическом отношении. Он считал, что большевистская опасность, направленная в первую очередь против Германии, угрожает также и западным странам. Поэтому он надеялся, что, объявив идеологическую борьбу против Востока, сумеет постепенно добиться ее признания и поддержки со стороны Запада.

Только в свете этого основного положения должна рассматриваться вся его политика в целом вплоть до фактического крушения. Сейчас можно справедливо осуждать ее как ошибочную с

самого начала, но все же нельзя игнорировать того, что тогда в процессе ее развития многое, казалось, говорило о ее правильности. Этим объясняется тот факт, что Гитлеру удалось превратить в своих приверженцев все большее количество немцев.

Геринг твердо верил в то, что спасение может принести только Гитлер. Он видел в нем прирожденного народного вождя, который умел влиять на народ и руководить им и удивительная сила воли которого не отступала ни перед какими препятствиями. Он понимал, что при демократической конституции выдвинуться мог лишь такой человек, обладавший поистине дьявольскими демагогическими способностями. Поэтому он примкнул к нему.

Поскольку Геринг был немцем, проникнутым искренней любовью к отечеству, он не думал о том, чтобы использовать Гитлера лишь как орудие для своего собственного возвышения. Напротив, он с самого начала признал его «фюрером» — человеком, которому принадлежало решающее слово; сам он решил довольствоваться подчиненной ролью. Поэтому он, знаменитый летчик, кавалер ордена «За заслуги», без колебаний принес еще неизвестному Гитлеру присягу на верность, присягу, которую он не должен был нарушить и в действительности не нарушил в течение всей жизни.

Трагично, что такая борьба, какую вел Геринг вместе с Гитлером, могла быть понята в самой своей основе таким образом, что ее уже с самого начала рассматривают как заговор, направленный на совершение преступлений.

Целью борьбы являлось прежде всего освобождение Германии от цепей Версальского договора. Правда, веймарское правительство неоднократно принимало попытки к избавлению от особенно обременительных условий этого договора, но они успеха не имели.

Не создавалось ли впечатления, что международное право является лишь орудием в руках версальских победителей, постоянно используемым для того, чтобы все время не дать Германии подняться? Не одержала ли снова сила верх над правом, и могли ли немцы достичь чего-либо иначе, чем набравшись мужества, с силой ударить кулаком по столу?

Такие размышления были вполне понятными в свете тогдашнего положения. Считать их доквзательством заговора, о котором говорит обвинение, — это значит совершенно не понимать их. Действительно, развитие событий после 1933 года, казалось, полностью подтверждало правоту Гитлера. Он, играючи, достигал власти во много раз больше, чем веймарское правительство, опиравшееся на принцип добровольности.

Из готовности, с которой иностранные государства не только заключали с Гитлером договоры, например, Морское соглашение 1935 года, Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, но и до последнего времени принимали участие в имперских партийных съездах, немецкий народ мог лишь заключить, что Гитлер избрал правильный путь для достижения взаимопонимания между народами.

Такое впечатление и такой вывод были вполне верными вплоть до осени 1938 года. Если бы Гитлер в дальнейшем ло-

ально придерживался Мюнхенского соглашения, он лишил бы силы аргументы политики торможения, которая велась против него. Не только был бы сохранен мир, но Гитлер спокойно смог бы собрать плоды своей всеми державами признанной внутренней и внешней политики.

В настоящее время спор идет в основном лишь о том, является ли он один виновником дальнейших событий, приведших к катастрофе, или ответственность должна быть возложена и на кого-то еще. Обвиняют всех немцев, которые когда-либо оказывали Гитлеру какую-нибудь поддержку, и, как говорят обвинители, в первую очередь тех, кто с самого начала не ожидвл от него ничего хорошего и даже отрицал законность его правительства, говоря: «Ведъ можно было предвидеть, что он именно так кончит». Значит все, кто когда-либо поддерживал его каким-либо образом, должны также считаться виновными...

Какую же часть этой вины можно и нужно возложить на приближенных к нему лиц?

Тому, кто не отвергал с самого начала методов Гитлера как незаконных, было очень трудно определить, где кончались политические стремления Гитлера найти оправдание своим мероприятиям и где его политика становилась преступлением...

Геринг оставался верным однажды избранному им фюреру, даже после того, как он утратил его доверие, и даже тогда, когда он был приговорен Гитлером к смерти...

Посол Гендерсон правильно характеризовал Геринга, написав о нем:

«Он был совершенным слугой своего господина, и я никогда не встречал большей верности и преданности, чем у него по отношению к Гитлеру. Он был, по общему признанию, вторым человеком в государстве и всегда давал мне понять, что является естественным преемником Гитлера как фюрера. Люди, занимающие второе место, часто бывают склонны подчеркиаать свою собственную значительность. Во всех откровенных беседах, которые происходили между мною и Герингом, он никогда не говорил о себе или о той большой роли, какую он сыграл в нацистской революции: все сделал Гитлер, все доверие было доверием к Гитлеру, каждое решение принадлежало Гитлеру, сам он был ничто».

Эта оценка сохраняет свою силу и теперь. Но правильность ее стала для него роковой...

Выступление А. ЗЕЙДЛЯ, защитника подсудимого Рудольфа Гесса

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 5 и 25 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Когда в 1918 году немецкая армия после более чем четырехлетней героической

борьбы сложила оружие, она поступила так, доверяя заверениям президента Вильсона, который неоднократно делал их в 1918 году. В своей речи в конгрессе 8 января 1918 г. президент Соединенных Штатов Америки требовал в 14 пунктах открытых, согласованных мирных договоров.

Председатель: *Я должен сказать Вам, доктор Зейдль, что Трибунал не хочет слушать Вас по вопросам, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемому делу и выдвинутым в отношении Гесса и других подсудимых обвинениям. Если Вы не можете перестроить свою речь на ходу, Вам будет дана возможность сделать это не спеша, а затем позже выступить...*

Зейдль: *Господин председатель, господа судьи!*

Когда в 1919 году германский народ после проигранной мировой войны приступил к преобразованию своей общественной жизни на демократической основе, он столкнулся с трудностями, которые были обусловлены не только самой аойной и саязанными с ней потерями, но и репарационной политикой держаа, победивших в 1918 году.

Последствия этой политики для Германии должны были стать тем более опустошительными, что Франция в 1923 году приступила к военной оккупации Рурской области, центра экономической мощи Германии. В это время, время экономического краха и полной беззащитности Германии, Адольф Гитлер сделал первую попытку 9 ноября 1923 г. захватить в свои руки государственную власть революционным путем. Подсудимый Рудольф Гесс также участаовал в этом шествии к «Дворцу полководцев» в Мюнхене.

Вместе с Адольфом Гитлером он отбыл наказание, наложенное на него народным судом, в крепости Ландсберг, где Гитлер написал саою книгу «Майн кампф».

Когда в 1925 году партия была восстановлена, Рудольф Гесс был одним из первых, кто сноаа был аместе с Адольфом Гитлером.

Во время выбороа в рейхстаг 14 сентября 1930 г. национал-социалистская партия добилась серьезной победы и получила в ноаом рейхстаге 107 мест. Этот факт не а последнюю очередь является результатом экономического кризиса того времени, большой безработицы и, следовательно, непосредственно результатом репарационных поставок, протиаоречащих здравому экономическому смыслу, результатом отказа держав-победительниц, несмотря на настойчивые предупреждения, от изменения существующего порядка. Правда, предусмотренные Версальским договором репарационные поставки и способ выполнения их были изменены планом Дауэса и планом Юнга. Однако правильно и то, что эти изменения произошли слишком поздно и потребоаали от Германии в дальнейшем поставок такого масштаба и при таких условиях, которые должны были неизбежно привести к экономической катастрофе и фактически привели к ней апоследствии.

В этой связи необходимо указать следующее: обвинение представило обширный доказательный материал в отношении подъема НСДАП до ее прихода к власти. Сравнение количества мандатов а рейхстаге в 1930 — 1932 годах с числом безра-

ботных в тот же самый период показало бы, что движение этих цифр приблизительно было одинаковым. Чем безутешнее становились социальные явления, обусловленные безработицей, — а 1932 году результаты безработицы отразились не менее чем на 25 миллионах человек, включая членов семей, — тем более разительными становились успехи национал-социалистов во время выбороа.

Я не думаю, чтобы можно было привести более убедительное доказательство причинной связи между следствиями политики репараций держав-победительниц в 1919 году и подъемом национал-социализма.

Эту причинную связь можно свести к одной короткой формуле: без Версальского договора не было бы репараций, без репараций не было бы экономического краха с теми, в особенности для Германии, катастрофическими последствиями, которые нашли свое выражение в 7 миллионах безработных, а без катастрофы национал-социализм не пришел бы к власти.

Политическая и историческая ответственность руководящих государстаенных деятелей противной стороны, вытекающая из этой причинной связи, так очевидна, что излишне делать по этому вопросу какие-либо дальнейшие пояснения на этом процессе.

Пусть эта формула покажется слишком заостренной и пусть даже верно, что не только бедственное экономическое положение и громадная цифра безработных заставили миллионы немцев а первый раз 14 сентября 1930 г. выбрать в рейхстаг национал-социалистов и апоследствии привели к дальнейшему укреплению власти партии. Определенно только, что это было одной из основных причин.

Другие причины, сыгравшие роль для многих избирателей при принятии их решения, в конце концов, также должны быть отнесены за счет роковых последствий Версальского договора и отказа держаа-победительниц, и в первую очередь Франции, согласиться на ревизию этого договора. Это прежде всего относится к выдвинутому позднее всеми демократическими правительствами требованию рааноправия.

Когда германский народ в порядке выполнения Версальского мирного договора разоружился, он по праау мог ожидать, что и страны-победительницы начнут разоружаться соответственно взятым ими на себя по договору обязательствам. Этого не случилось. И не подлежит сомнению, что отказ в равноправии, а данном случае отказ этих стран от своего разоружения, был одной из основных причин подъема национал-социализма в 1931 и 1932 годах.

30 января 1933 г. Адольф Гитлер был назначен президентом Гинденбургом на пост имперского канцлера и получил задание сформировать новое правительство...

Я уже заявил от имени подсудимого Гесса, что он берет на себя полную ответстаенность за все законы и приказы, которые были подписаны им в качестве заместителя фюрера и в качестве имперского министра или же члена совета министров по обороне империи. Я отказался от предстаалени доказательств по тем пунктам обаинения, которые затрагивают только внутренние дела Германской империи как суверенного государстаа и не находятся

ни в какой связи с преступлениями против мира и с преступлениями против законов и обычаев ведения войны, о которых говорится в Обвинительном заключении. Поэтому и сейчас я остановлюсь только на тех законах и государственно-правовых и политических мероприятиях, которые имеют какое-либо отношение к пунктам обвинения и к общему плану или заговору, о которых говорит Обвинительное заключение.

Обвинительное заключение ставит подсудимому Рудольфу Гессу в вину то, что он будто бы способствовал военной, экономической и психологической подготовке войны и принимал участие в политическом планировании и подготовке агрессивных войн. В доказательство этого утверждения обвинение указало на тот факт, что подсудимый Рудольф Гесс как имперский министр без портфеля 16 марта 1935 г. подписал закон о создании вооруженных сил. Этим законом в Германии вновь вводилась всеобщая воинская повинность и устанавливалось, что немецкая сухопутная армия в мирное время будет состоять из 12 корпусов и 36 дивизий.

Введение всеобщей воинской повинности законом от 16 марта 1935 г., по-видимому, рассматривается в Обвинительном заключении не квк наказуемое само по себе действие, а как часть того общего плана, который, по утверждению обвинения, был направлен на совершение преступлений против мира, против законов и обычаев ведения войны и против человечности...

Гесс обвиняется еще в том, что он лично в качестве заместителя фюрера создал заграничную организацию НСДАП, союз немцев на Востоке, германо-американский союз и германский иностранный институт. Документы, представленные обвинением по этому вопросу, не содержат доказательств того, что сам Гесс давал этим организациям указания или приказы о проведении деятельности, сходной с деятельностью «пятой колонны»... Обвинение не представило также доказательств и того, что названные организации в действительности занимались подрывной деятельностью в иностранных государствах. Эти обстоятельства делают излишним более подробное исследование деятельности перечисленных организаций, тем более что нет никаких данных, свидетельствующих о том, что имелась какая-либо причинная связь между задачами и функциями этих организаций и теми событиями, которые в 1939 году привели к развязке войны.

При помощи большого количества документов обвинение пыталось далее доказать, что подсудимый Гесс принимал решающее участие в оккупации Австрии 12 марта 1938 г. Я не намереваюсь останавливаться на деталях истории аншлюса и давать правовую оценку фактам, которые в 1938 году действительно привели к присоединению Австрии к Германской империи...

Что же касается участия подсудимого Рудольфа Гесса и национал-социалистской партии в осуществлении аншлюса, то и по этому вопросу представленные доказательства показывают, что присоединение Австрии было событием, не имевшим ничего общего с национал-социалистской партией в империи как таковой. В этой связи достаточно сослаться на показания, данные подсудимым Герингом, а также на показания доктора Зейсс-

Инкварта, из которых следует, что вопрос аншлюса был решен исключительно империей, то есть государственной властью, а не партией. Если останутся еще квкие-либо сомнеиия по этому поводу, то они будут устранены представленным обвинением документом США-61 (ПС-812).

Здесь речь идет о письме гаулейтера Зальцбурга доктора Фридриха Райнера, направленном им 8 июля 1939 г. имперскому комиссару Иозефу Бюркелю, в котором, между прочим, говорится:

«... Вскоре после прихода к власти в Остмарке[1] Клаузнер, Глобочник и я вылетели в Берлин для того, чтобы сделать доклад заместителю фюрера, члену партии Рудольфу Гессу о событиях, приведших к захвату власти...».

Такой отчет был бы, разумеется, излишним, если бы заместитель фюрера сам непосредственно и решающим образом принимал участие в разрешении вопроса об аншлюсе. Я напоминаю об этом не для того, чтобы привести причины, оправдывающие или извиняющие подсудимого Рудольфа Гесса. Я устанавливаю это исключительно в интересах исторической истины. Теперь я перехожу к вопросу о присоединении Судетской области...

Когда вопрос об аншлюсе в отношении Австрии был разрешен, нельзя было избежать того, чтобы положение судетских немцев в будущем — они насчитывали все же 3,5 миллиона человек и их принадлежность к германской нации не подлежала сомнению — было подвергнуто пересмотру. Я не собираюсь с фактической и с юридической точек зрения отдельно рассматривать все вопросы, связанные с присоединением Судетской области к империи. Однако, учитывая, что обвинители в представленных ими Суду судебных выдержках по делу подсудимого Гесса останавливались на судетско-немецком вопросе и предъявили несколько документов в качестве доказательств, необходимо все же кратко остановиться на этом. В документе ПС-3258 (ВБ-262), представляющем собой речь заместителя фюрера на конференции заграничной организации НСДАП 28 августа 1938 г., он останавливается только в общих выражениях на судетско-немецком вопросе. Остальные представленные обвинением документы — США-126 (ПС-3061) и США-26 (ПС-388) не содержат ничего, что давало бы основание судить о решающей роли подсудимого Рудольфа Гесса в разрешении судетско-немецкого вопроса. Однако степень его участия можно и не подвергать рассмотрению, так как аншлюс Судетской области сам по себе ни в коей мере не является действием, наказуемым на основании международного права. Ведь присоединение Судетской области было произведено не на основании односторонних действий Германии и не на основании договора между Германской империей и Чехословацкой республикой, который, возможно, мог бы показаться сомнительным. Аншлюс произошел на основании соглашения, которое было заключено 29 сентября 1938 г. в Мюнхене между Германией, Соединенным Королевством Великобританией, Францией

---

[1] Так гитлеровцы называли Австрию. — **Прим. сост.**

и Италией. В этом соглашении были предусмотрены и детально сформулированы условия вывода войск из области, уступаемой Германии, и постепенного занятия ее немецкими войсками. Окончательное установление границ было произведено международным комитетом. Не вдаваясь в детали соглашения, можно с уверенностью сказать, что этот договор был заключен на основании свободного волеизъявления и все его участники питали надежду, что он будет основой или, по крайней мере, важной предпосылкой для улучшения международных отношений в Европе.

Я перехожу теперь к другому пункту обвинения. Как в Обвинительном заключении, так и в материалах индивидуального обвинения, предъявленных обвинителями, подсудимому Рудольфу Гессу вменяется в вину то, что он участвовал в развязывании войны; на него возлагается ответственность за это. Действительно, подсудимый Гесс во многих речах высказывался по вопросу о Польском коридоре и проблеме вольного города Данцига. Однако прежде всего необходимо сказать следующее. Путем создания Польского коридора было нарушено не только право народа на самоопределение, потому что таким образом более миллиона немцев попало под польское господство, но, кроме того, в результате раздела государственной территории Германии на две территории, полностью отделенные друг от друга, было создано положение, которое не только противоречило экономическому смыслу, но и стало с первого же дня причиной постоянных трений и инцидентов. Начиная со дня подписания Версальского мирного договора, требования о ревизии этого договора именно по вопросу о Польском коридоре не замолкали никогда. В Германии не было ни одной партии и ни одного правительства, которые не признали бы и не требовали бы необходимости ревизии договора прежде всего по этому пункту.

Не подлежит никакому сомнению, что, если уж Польша при всех обстоятельствах должна была получить свободный доступ к Балтийскому морю, — эту проблему можно было бы разрешить разумнее, чем путем создания так называемого Коридора и вызванного этим раздела Германской империи на две совершенно изолированные территории. То же относится и к вопросу о положении свободного города Данцига с точки зрения международного и внутригосударственного права. Нет необходимости в том, чтобы здесь детально останавливаться на тех фактах, которые с течением времени создавали все большие трудности и, в конце концов, привели к такому состоянию, которое сделало необходимым изменение положения чисто немецкого города в международно-правовом и внутригосударственном отношении.

Неверно было бы считать, что только после прихода Гитлера к власти затронутые здесь проблемы начали подвергаться открытому обсуждению...

При таких обстоятельствах ни для кого не могло быть неожиданностью, что после прихода к власти Гитлера и его партии были еще раз подаергнуты пересмотру вопросы, возник-

шие в связи с созданием Польского коридора и отторжением Данцига от империи.

Это было неизбежно тем более потому, что и после заключения германо-польского договора в 1934 году ни в коей мере не прекратились попытки Польши во все возрастающей степени вытеснить германский элемент...

В первый раз имперский министр иностранных дел 24 октября 1938 г. в беседе с польским послом обсудил вопросы, связанные с Коридором и Данцигом, и сделал Польше соответствующее предложение, которое было построено на следующей основе:

«1. Свободный город Данциг возвращается в состав Германской империи.

2. Через Коридор будет проведена экстерриториальная автострада, принадлежащая Германии, а также экстерриториальная железная дорога в несколько путей.

3. Польша получает в Данцигской области также экстерриториальное шоссе или автостраду и железную дорогу, а также свободный порт.

4. Польша получает гарантии для сбыта своих товаров в Данцигской области.

5. Обе нации признают свою общую границу (гарантия) или территорию обоих государств.

6. Германо-польский договор пролонгируется сроком от 10 до 25 лет.

7. Обе страны присоединяют к своему договору также условие о консультации».

Ответ польского правительства на это предложение был предъявлен Трибуналу самим обвинением. Это документ ТС-73, в котором излагается точка зрения польского министра иностранных дел Бека от 31 октября 1938 г. и его поручение польскому послу Липскому в Берлине. В этом документе германское предложение категорически отклоняется...

Несмотря на эту отрицательную позицию Польши, все же во время дальнейших переговоров между польским послом и имперским министром иностранных дел, начавшихся 21 марта 1939 г., последний повторил предложение, сделанное 24 октября 1938 г. Из этого следует сделать вывод, что германское правительство стремилось к тому, чтобы разрешить вопросы, связанные с Коридором и Данцигом, путем переговоров.

Ответом на германские предложения от 21 марта 1939 г. была частичная мобилизация польской армии. Можно оставить открытым вопрос о том, в какой связи находилась частичная мобилизация, объявленная польским правительством, с английским предложением о консультации от 21 марта 1939 г. и высказало ли британское правительство уже в связи с передачей этого предложения о консультации в Варшаве свое согласие на заявление о гарантиях, сделанное им затем 31 марта, или только указало на такую возможность. Не подлежит никакому сомнению, что частичная мобилизация польской армии, которую признал также английский премьер-министр Чемберлен в своем заявлении в палате общин 10 июля 1939 г., меньше всего могла создать благоприятные предпосылки для дальнейших

переговоров. В действительности меморандум польского правительства, переданный 26 марта 1939 г. польским послом Липским, содержал окончательное отклонение германского предложения. Было заявлено, что не может быть и речи об удовлетворении требований Германии в отношении экстерриториальности транспортных путей, а вопрос о передаче Данцига империи не может подвергаться обсуждению. В беседе, которая происходила после передачи меморандума между имперским министром иностранных дел и польским послом, последний совершенно откровенно заявил, что дальнейшее стремление к осуществлению германских планов, в особенности касающихся передачи Данцига Германии, будет означать войну с Польшей...

Переговоры, которые начались 21 марта 1939 г. между Лондоном, Парижем, Варшавой и Москвой с целью заключить союз, направленный исключительно против Германии, не привели к желаемым результатам. Французская и британская военные миссии, посланные 11 августа 1939 г. в Москву, также не могли устранить трудностей, вызванных, очевидно, далеко идущими разногласиями. Можно оставить открытым вопрос о том, какую роль играл при этот тот факт, что Польша, которая должна была получить гарантию со стороны Англии, Франции и Советского Союза, очевидно, отказывалась от военной помощи со стороны Советского Союза. Можно не решать также вопрос о том, правильно ли утверждение советского комиссара иностранных дел Молотова на Чрезвычайной сессии Верховного Совета от 31 аагуста 1939 г. о том, что именно Англия не только не рассеяла сомнений Польши, а, наоборот, поддержала их.

Значительно важнее рассмотреть принципиальные расхождения...

На XVIII съезде Коммунистической партии 10 марта 1939 г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Сталин выступил с речью, в которой он намекнул, что советское правительство считает возможным или желательным улучшение отношений с Германией. Гитлер хорошо понял этот намек.

Подобным образом высказался народный комиссар иностранных дел Молотов в своей речи в Верховном Совете 31 мая 1939 г. Начатые после этого переговоры между германским и советским правительствами преследовали сначала цель заключения германо-советского соглашения о торговле и кредите. Это соглашение было подписано 19 августа 1939 г. в Берлине. Но уже во время этих переговоров экономического характера обсуждались также вопросы общеполитического порядка, которые, согласно сообщению советского агентства ТАСС от 21 августа 1939 г., показали, что обе стороны желают изменить свою политику и воспрепятствовать войне путем заключения пакта о ненападении. Этот пакт о ненападении был подписан в ночь с 23 на 24 августа в Москве, следовательно, как показало представление доказательств на этом процессе, за два дня до нападения германских армий на Польшу, которое было намечено на утро 26 августа 1939 г.

Наряду с этим пактом о ненападении был подписан в качестве его существенной составной части «Секретный дополнительный протокол». На основании результатов представления

доказательств, в частности, на основании письменного показания статс-секретаря министерства иностранных дел барона фон Вейцзекера и на основании заявлений подсудимых фон Риббентропа и Иодля можно считать, что установлено следующее содержание секретного дополнительного протокола: в случае территориально-политических преобразований в областях, относящихся к прибалтийским государствам, Финляндия, Эстония и Латвия попадут в сферу интересов Советского Союза, в то время как территория Литвы должна была принадлежать к сфере интересов Германии.

В отношении территории Польши сфера интересов была поделена таким образом, что области, расположенные восточнее рек Нарев, Висла и Сан, попадали в сферу интересов Советского Союза, в то время как области, лежавшие западнее демаркационной линии, проходившей вдоль этих рек, были включены в сферу интересов Германии. Впрочем, в отношении Польши было достигнуто соглашение такого содержания, что обе державы при окончательном урегулировании вопросов, касающихся этой страны, будут действовать с обоюдного согласия. В отношении юго-востока Европы было достигнуто разграничение сфер интересов таким образом, что с советской стороны была подчеркнута заинтересованность в Бессарабии, в то время как с германской стороны было провозглашено абсолютное отсутствие политических интересов в этой области. Согласно показаниям свидетелей, в частности, на основании показаний посла доктора Гауса и статс-секретаря фон Вейцзекера установлено, что это тайное соглашение содержало совершенно новое урегулирование вопроса, касавшегося Польши и судьбы польского государства.

Попытки соглашения с Польшей о Данциге и Коридоре, предпринятые после подписания германо-советского договора о ненападении и относящегося к нему секретного дополнительного протокола, окончились неудачей.

Пакт о взаимопомощи, заключенный 25 августа 1939 г. между Великобританией и Польшей, не предотвратил войны, а только оттянул на несколько дней ее начало. Я не намереваюсь подробно рассматриаать дипломатические переговоры, которые велись после подписания германо-советского договора от 23 августа 1939 г. для того, чтобы все-таки прийти к соглашению. Но одно можно с уверенностью заявить: если данная Англией 31 марта 1939 г. односторонняя гарантия увеличила неуступчивость польского правительства по отношению к германским предложениям, то пакт о взаимопомощи с Великобританией еще более отрицательно повлиял на готовность Польши вести переговоры.

Провал переговоров, которые велись между Германией и Польшей, не может казаться удивительным, если вспомнить показания свидетеля Далеруса в этом Трибунале. Этот свидетель ведь подтвердил, что польский посол в Берлине Липский заявил 31 августа 1939 г., что он не может вести переговоры относительно предложений германского правительства...

Когда 1 сентября 1939 г. вспыхнула война между Германией и Польшей, речь шла сначала о местном конфликте

между двумя европейскими государствами. Когда 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция объявили войну Германии, этот конфликт перерос в европейскую войну, которая, как все современные войны между большими государствами при характерной для нашего времени неудовлетворительной международной организованности и после окончательного провала системы коллективной безопасности, с самого начала имела тенденцию перерасти во всеобщую мировую войну. Эта война должна была причинить неимоверное горе всему человечеству, и когда 8 мая 1945 г. война в Европе закончилась безоговорочной капитуляцией Германии, Европа в результате войны была превращена в руины.

Адольф Гитлер не пережил поражения Германии и безоговорочной капитуляции.

На скамье подсудимых сидят 22 бывших руководителя национал-социалистской Германии, которые обвиняются в том, что они, осуществляя общий план, совершили преступления против мира, законов и обычаев ведения войны и против человечности.

Основой данного процесса является так называемое Лондонское соглашение, которое было заключено между правительством Великобритании и Северной Ирландии, правительством Соединенных Штатов Америки, временным правительством Французской республики и правительством Союза Советских Социалистических Республик. На основании этого соглашения был создан данный Трибунал, чей состав, чья компетенция и задачи изложены в Уставе Международного военного трибунала, представляющем собою составную часть соглашения упомянутых четырех правительств от 8 августа 1945 г. Устав Международного военного трибунала содержит не только положения о составе, компетенции и задачах Трибунала. В нем имеются наряду с этим — и это важнейшие части Устава — и положения, относящиеся к материальному праву. Это прежде всего относится к статье 6, в которой содержится определение понятий преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности со всеми отдельными признаками соответствующих составов преступлений. Абзац 3 статьи 6 Устава, в котором отдельно перечисляются признаки так называемого заговора, следует рассматривать как определение состава уголовного преступления. Статьи 7, 8 и 9 Устава также следует рассматривать как нормы материального права...

В самом Обвинительном заключении подсудимому Гессу вменяется в вину, что он содействовал захвату власти так называемыми нацистскими заговорщиками, укреплению их контроля над Германией, а также военной, экономической и психологической подготовке развязывания и ведения войны. Затем ему инкриминируется, что он принимал участие в политическом планировании и в подготовке агрессивных войн, а также войн в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий и участвовал в подготовке и разработке внешнеполитических планов так называемых нацистских заговорщиков.

Первый раздел Обвинительного заключения рассматривает так называемый общий план или заговор. Согласно этому раз-

делу все подсуднмые вместе с другнмн лицамн в пернод до 8 мая 1945 г. в качестве руководителей, организаторов, подстрекателей и сообщннков прнннмали участие в подготовке н осуществленнн общего плана, направленного на совершенне преступленнй протнв мнра, преступленнй, нарушающнх законы н обычан войны, н преступленнй протнв человечности. Утверждается, что подсуднмые планнровалн, подготавлнвали, развязывалн и велн агрессивные войны н в осуществленне зтого плана совершнлн военные преступлення и преступлення против человечностн.

В то время как Устав включает только трн состава преступлення: преступлення против мнра, преступлення протнв законов н обычаев ведення войны н преступлення протнв человечностн, Обвиннтельное заключенне содержнт четыре состава преступлення. В Обвиннтельном заключеннн общнй план нлн загоаор превращается в отдельный н самостоятельный пункт обвинення, хотя Устав не дает для этого достаточного основання. Можно оставнть в стороне вопрос о том, является лн заговор по англо-американскому праву спецнальным составом преступлення. Ввнду того, что Устав не прндерживается ни англо-американского, ни контннентального права, а самостоятельно создает правовые нормы... решающнмн являются лншь текст н смысл Устава. Поскольку, однако, в абзаце 3 статьн 6 Устава ясно говорнтся о составленни нлн осуществленнн плана, направленного на совершенне преступленнй протнв мнра, протнв законов н обычаев ведения войны н протнв человечностн, не может быть ннкакого сомнення в том, что не существует того самостоятельного состава преступления, на который указывается в первом разделе Обвнннтельного заключення под заглавнем «Общнй план нлн заговор», во всяком случае его не существует согласно положениям Устава.

Так как подсуднмому Гессу ннкрнмннруются преступлення, перечисленные во всех четырех разделах Обвнннтельного заключення, необходимо сначала рассмотреть первый пункт обвннення.

Обвнненне не могло предъявнть нн одного доказательства, которое позволнло бы сделать вывод о том, что партня н ее руководителн, прнменяя незаконные средства, сталн соучастннкамн в составленнн общего плана, нмевшего целью развязать агрессивную войну.

Когда Гнтлер 30 января 1933 г. был назначен рейхсканцлером, для него н его правнтельства, в которое вошлн и представнтели другнх партнй, не могло быть н речн о том, чтобы, полностью нгнорнруя полнтнческне, а главное — экономическне условня, заняться разработкой общего плана, имеющего целью агрессивную войну.

Германская нмперия добнаалась уравнення вооруженнй путем собственного перевооруження. Это делалось не тайно, а совершенно открыто, путем объявлення 16 марта 1935 г. закона о восстановленнн всеобщей воннской повинности. Обвннение не смогло предъявнть ннкакнх доказательств в подтверждение обвннення в том, что зтот закон был нздан в связн н во

исполнение общего плана, направленного на развязывание агрессивной войны...

В связи с этим нужно вкратце остановиться на одном документе, представленном обвинением в числе других так называемых ключевых документов, который должен служить доказательством существования совместного плана, упоминаемого в Обвинительном заключении. Документ, о котором я говорю, является протоколом совещания, происходившего в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. (США-25, ПС-386). Суду известно, что этот документ не является дословной передачей выступления Гитлера, а представляет собой запись полковника Госсбаха, датированную 10 ноября 1937 г. Я не стану подробно рассматривать содержание этого документа. Я сошлюсь в этом случве на те показания, которые давались здесь подсудимыми Герингом и Редером, а также на соображения, высказанные другими защитниками. Нужио еще только добавить, что Гитлер в обращении к главнокомандующим и тогдашнему министру иностранных дел имел в виду план последовательности проведения операций, который не находится ни в какой связи с позднейшими событиями. При таких обстоятельствах само существование определенного и твердо намеченного плана кажется весьма неправдоподобным, если учесть, что собою представлял Гитлер. Из содержания этого документа бесспорно вытекает лишь то, что 5 ноября 1937 г. Гитлер и сам имел в виду разрешение территориальных вопросов, возникших в связи с Версальским договором, мирным путем. Хотя бы по одной этой причине какой-либо совместный план, предусматривающий начало агрессивной войны, не мог существовать до этого дня... На основании общих результатов представления доказательств и, в частности, с учетом показаний свидетеля доктора Ламмерса и других свидетелей, а также целого ряда документов, предъявленных представителями обвинения, можно с уверенностью сделать вывод, что не позднее чем с 5 ноября 1937 г. все вопросы, затрагивающие проблемы войны и мира, не обсуждались больше ни правительством как государственным органом, ни каким-либо другим широким кругом постоянных сотрудников, а решались исключительно самим Гитлером...

Ни один из документов, предъявленных обвинением, не содержит никаких данных о существовании сотрудничества между имперским правительством, имперским руководством партии и имперским военным министерством, а позже ОКВ или главнокомандующими частями вооруженных сил и их начальниками штабов. Напротив, если из всех представленных доказательств можно сделать какой-либо вывод, то этот вывод лишь о том, что вся власть была сосредоточена исключительно в руках Гитлера, что имперское правительство, имперское руководство партии и вооруженные силы получали приказы только от него и что именно Гитлер всячески препятствовал независимости этих инстанций. Этим объясняется то, почему вопросами политического или военного характера занимались только те служебные инстанции, которые непосредственно имели дело с выполнением поставленной задачи...

Можно с уверенностью сказать, что не позднее чем с 5 ноября 1937 г. положение Гитлера стало настолько исключительным, а единоличные решения им всех важнейших политических и военных вопросов стали столь несомненными, что уже по одной этой причине существование какого-либо совместного плана невозможно.

Подсудимый Гесс не принимал активного участия в совещании у фюрера в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г., несмотря на то, что он был заместителем фюрера, а по партийной линии — высшим политическим руководителем, как и во всех остальных совещаниях, которые обвинением рассматриваются как доказательства существования общего плана; он также мало участвовал и в принятии важных политических или военных решений. Это в равной мере относится и к предъявленному обвинением доказательству за номером США-26 (ПС-388). Я имею в виду секретный документ командования — «план Грюн» о Чехословакии. Не вдаваясь в подробности этого документа, нужно, однако, сказать, что речь здесь идет о специфическом плане генерального штаба, который задуман был вначале в качестве разработки варианта, а затем переработан в настоящий план кампании. Этот план военных действий не был проведен в жизнь. Разработка «плана Грюн» прекращается по приказу № 1 фюрера и главнокомандующего вооруженными силами, в котором указывается на оккупацию территории, где проживали судетские немцы, отделенной от Чехословакии на основании Мюнхенского соглашения от 28 сентября 1938 г. При этих обстоятельствах излишне подробно останавливаться на письме начальника ОКВ на имя заместителя фюрера от 27 сентября 1938 г., которое также находится среди документов «плана Грюн» и говорит о мерах мобилизации, которые должны быть проведены без особого приказа.

То, что я сказал о документе США-25, в равной мере относится и к документу США-27 (Л-79). Это тоже один из так называемых ключевых документов, в котором приводятся инструкции, данные фюрером 23 мая 1939 г. в помещении новой имперской канцелярии главнокомандующим тремя родами войск и начальникам их штабов. Не останавливаясь подробно на содержании, значении и доказательной силе документа (доклад Гитлера закончился приказом о создании небольшого учебного штаба при ОКВ), надо сказать, что и этот документ со всей ясностью показывает, что общего плана в той форме, как это утверждает обвинение, не могло существовать, тем более между теми подсудимыми, которые сейчас предстали перед Судом. На этом совещании у фюрера — на самом деле это было не совещание, а информация для присутствующих и отдача приказов — не присутствовал ни один министр, ни один служащий гражданского ведомства.

Следующие три «ключевых» документа, предъявленные обвинением, относятся к одной и той же теме, а именно к речи Гитлера перед главнокомандующими вооруженными силами, произнесенной им 22 августа 1939 г. Это документы США-28 (Л-3), США-29 (ПС-798) и США-30 (ПС-1014). Изложенное в этих документах как по форме, так и по содержанию очень от-

личается одно от другого. Наиболее полное изложение сказанного Гитлером дается, по-видимому, в документе США-29. И здесь самым примечательным является конец, который до некоторой степени освещает тогдашнее положение и показывает, какие обстоятельства побудили Гитлера произнести эту речь.

«Я убежден в том, что Сталин никогда не согласится на предложение англичан. Россия не заинтересована в сохранении Польши и, кроме того, Сталин знает, что с его режимом будет покончено, все равно, вернутся ли его солдаты с войны побежденными или победителями. Замена Литвинова была решающей. Я постепенно подготовил перемену в отношениях к России. В связи с торговым договором мы пришли к разговору на политические темы. Предложение пакта о ненападении. Затем пришло универсальное предложение от России. Четыре часа тому назад я сделал особый шаг, который привел к тому, что Россия вчера ответила, что она готова подписать соглашение. Личная связь со Сталиным установлена. Послезавтра Риббентроп заключит догоаор. Теперь Польша в таком положении, в котором я хотел ее видеть...».

На этом совещании, кроме главнокомандующих, не присутствовал ни один министр или партийный руководитель и, в частности, подсудимый Гесс.

То же самое относится и к документу США-23 (ПС-789), где говорится о совещании у Гитлера 23 ноября 1939 г. Из этого документа явствует, что и здесь также присутствовали только главнокомандующие родами войск, которым фюрер дааал директивы относительно предстоящих операций на Западе. Далее идат документ США-31 (ПС-446). Это, собственно говоря, инструкция № 21 к «плану Барбаросса». Речь идет об инструкции фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами, носившей исключительно военный характер и предназначавшейся только для вооруженных сил. Возможность какого-либо участия в этом представителей гражданских ведомств или партии, даже в лице ее высшего партийного руководителя подсудимого Гесса, исключается по самому характеру этой инструкции.

Из документа США-32 (ПС-2718), который содержит запись результатов совещания от 2 мая 1941 г. по «плану Барбаросса», также явствует, что в этом совещании ни заместитель фюрера, ни какой-либо другой политический руководитель не участвовал.

И, наконец, последний из этих документов — США-33 (ПС-1881), на котором следует остановиться, является записью посла Шмидта о переговорах между фюрером и японским министром иностранных дел Мацуока, происходивших в Берлине 4 апреля 1941 г. Тема этих переговоров сама по себе исключает возможность участия в них подсудимого Гесса или какого-либо другого политического руководителя. Но из документов явствует еще другое, а именно тот факт, что не только нельзя говорить о наличии в Германии какого-либо общего плана, но что и, кроме того, между так называемыми державами оси не существовало никакого тесного военного или политического

сотрудничества, во всяком случае когда речь идет о Германии и Японии.

Какие же выводы можно сделать из содержания этих так называемых основных документов, которые обвинение представило в качестве веских доказательств существования общего плана? Не оценивая доказательной силы этих документов, можно, во всяком случае, учитывая их, сказать, что подсудимый Гесс не принимал участня в издании приказов. Учитывая это обстоятельство, а также и тот факт, что подсудимый Рудольф Гесс был заместителем фюрера, то есть верховным политическим руководителем, и что он с 1 сентября 1939 г. был назначен преемником Гитлера после подсудимого Германа Геринга, можно сказать, что не остается места для утверждения, что общий план существовал в той форме, как это говорит обвинение...

Надо считать доказанным, что даже в узком кругу соратников Гитлера не было полной согласованности относительно тех мероприятий, которые должны были проводиться в политической и военной областях, причем можно остааить в стороне вопрос о порядке подчиненности, основанном на государственном праве и существовавшем между офицерами вооруженных сил и главой государства и верховным главнокомандующим. Ясно, что нельзя признать существование общего плана, направленного на подготовку и ведение войны, даже среди того круга лиц, в котором это казалось бы наиболее правдоподобным...

В качестве второй общей цели заговора Обаинительное заключение указывает на захват областей, которые Германия потеряла в результате мировой войны 1914 — 1918 годов. Кроме того, из требования воссоединения Австрии с Германской империей и присоединения к ней Судетской области нельзя сделать вывод о существовании плана, который должен был быть осуществлен при помощи силы и путем войны.

На самом деле эти области присоединились бы к Германской империи еще в 1919 году, если бы им не помешали в этом, игнорируя право народов на самоопределение. По этому поводу я могу сослаться на то, что я сказал в начале своей речи. На основании представленных доказательств можно сказать, что присоединение Австрии к Германии произошло при таких обстоятельствах, которые не могут быть квалифицированы как военные действия и которые дают основание сделать вывод, что большая часть австрийского населения была согласна с присоединением. Что касается судетских немцев, то здесь достаточно указать на Мюнхенское соглашение, подписанное Германией, Великобританией, Францией и Италией, урегулировавшее вопрос воссоединения судетских немцев с империей.

Наконец, в качестае третьей цели общего плана указывается на захват других территорий европейского континента, которые должны были служить заговорщикам «жизненным пространством»... В этом пункте Обвинительное заключение изложено очень неясно и дает основания думать что угодно. На самом деле вопрос о так называемом жизненном пространстве

является проблемой, совершенно не зависимой от национал-социалистской идеологии...

Господа судьи! Я перехожу к юридической оценке дела, фактическую сторону которого следует считать установленной. Как я уже говорил, абзац 3 статьи 6 Устава представляет собою не определение самостоятельного состава преступления, а расширение уголовной ответственности организаторов, подстрекателей и соучастников, которые совместно участвовали в составлении общего плана, направленного на совершение одного из преступлений, указанных в пункте 2, или в совершении их. Согласно вышеназванным положениям эти лица отвечают не только за те действия, которые они сами совершали, но и за все действия, которые совершали другие лица при проведении в жизнь этого общего плана.

В статье 6 Устава (пункт «а» абзаца 2) состав преступления против мира определяется следующим образом: «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий».

Таким образом, если в абзаце 3 статьи 6 Устава говорится, что уголовная ответственность участников общего плана ограничивается действиями, совершенными любыми лицами с целью осуществления такого плана, то в пункте «а» абзаца 2 статьи 6 говорится, что состав преступления против мира будет и в том случае, когда война ведется в нарушение соглашений или заверений или когда устанавливается участие в общем плане или заговоре, направленное к осуществлению любого из вышеуказанных действий. В противоположность абзацу 3 статьи 6 здесь не требуется, чтобы вообще совершались действия по проведению данного плана; оказывается, достаточно одного участия в заговоре.

Я не собираюсь подробно рассматривать вопрос, можно ли считать начало войны 1 сентября 1939 г. согласно действовавшему тогда международному праву началом преступной, агрессивной войны...

Таким образом, уже на основании этих констатаций и исследований можно сделать вывод, что преступления против мира, как это изложено в пункте «а» абзаца 2 статьи 6 Устава, не существует.

Этот раздел статьи 6 Устава не находит достаточной основы в существующем международном праве...

Во вступительных речах четырех главных обвинителей и на предшествовавшей процессу дискуссии о правовых основах процесса были выдвинуты два совершенно противоречащих друг другу аргумента. В то время, как одни заявляли, что Устав является истинным выражением существующего международного права и что он полностью согласуется с общими правовыми воззрениями всех народов, другие утверждали, что одной из главных задач создаваемого Международного военного трибунала является дальнейшее развитие международного права. Последнее мнение выражено довольно ясно, например, в докладе американского Главного обвинителя Президен-

ту Соединенных Штатов от 7 июля 1945 г. В докладе, между прочим, сказано дословно следующее: «Организуя этот судебный процесс, мы должны помнить о тех стремлениях, с которыми наш народ принял на себя тяготы войны. После того, как мы вступили в войну, использовали наших людей и наши богатства для искоренения зла, весь народ почувствовал, что в результате этой войны должны быть созданы обязательные правила и эффективный механизм для того, чтобы всякий, кто питал бы мысль о новой разбойничьей войне, знал бы, что он за это будет лично привлечен к ответственности и лично наказан».

В другом месте доклада говорится следующее: «Покушение на основы международных отношений должно рассматриваться как преступление против всех стран, которые при помощи права должны защищать нерушимость своих принципиальных договоров, наказывая агрессора. Поэтому мы предлагаем выдвинуть требование о том, что агрессивная война должна считаться преступлением и что современное международное право должно отказаться от положения, согласно которому тот, кто начинает или ведет войну, действует в соответствии с законом».

И в самом деле вовсе не нужно было выдвигать требования о создании нового уголовного закона, если бы такое поведение было бы наказуемым уже в соответствии с существующим правом.

Очевидно, что выполнение подобного требования судом, каковы бы ни были юридические принципы процесса, противоречило бы принципу, на котором основано уголовное право почти всех цивилизованных народов и который находит свое выражение в правиле: нет преступления, не указанного в законе, то есть действие может лишь тогда повлечь за собой наказание, если наказуемость его установлена законом до того, как оно было совершено. Это положение кажется тем более примечательным, что правило «нет преступления, не указанного в законе» зафиксировано в конституциях почти всех цивилизованных государств...

Помимо участия в общем плане или заговоре, как это изложено в первом разделе Обвинительного заключения, подсудимому Рудольфу Гессу вменяется в вину совершение военных преступлений и преступлений против человечности. Это обвинение основывается, по существу, на одном документе, а именно на документе ВБ-268 (Р-96).

Речь идет о письме имперского министра юстиции имперскому министру и начальнику имперской канцелярии от 17 апреля 1941 г., в котором говорится о введении уголовного закона против поляков и евреев в присоединенных восточных областях. Подсудимого Гесса это касается лишь постольку, поскольку в письме, между прочим, упоминается, что заместитель фюрера поставил на обсуждение вопрос о введении телесных наказаний. Если учесть, что штаб заместителя фюрера насчитывал 500 чиновников и служащих и что по вопросам законодательства существовал особый отдел, который непосредственно вел переговоры с отдельными министерствами, то кажется очень сомнительным, чтобы подсудимый Гесс лично во-

обще занимался этим вопросом... Точка зрения фюрера или же в данном случае заместителя фюрера в том виде, как она изложена в письме имперского министра юстиции, не имеет отношения к делу с позиций уголовного права...

Другой документ, представленный обвинением, это документ США-696 (ПС-62). Здесь речь идет о распоряжении заместителя фюрера от 13 марта 1940 г., в котором говорится об инструктировании гражданского населения относительно поведения при высадке на территории Германской империи парашютистов или приземлении вражеских самолетов.

Это тот самый документ, об исправлении перевода которого я ходатайствовал, так как перевод с немецкого на английский, по моему мнению, был сделан неправильно.

Правда, этот документ не содержится в представленных британским обвинением судебных выдержках и не был упомянут господином полковником Гриффит-Джонсом 7 февраля 1946 г., когда он говорил об индивидуальной ответственности подсудимого Рудольфа Гесса, но, учитывая, что это распоряжение было официально представлено в качестве доказательства, необходимо вкратце на нем остановиться.

Поводом для издания этого распоряжения от 13 марта 1940 г. был тот факт, что французское правительство официальным путем и по радио дало указания французскому гражданскому населению, как оно должно вести себя при посадке германских самолетов.

Эти инструкции французского правительства заставили главнокомандующего германскими военно-воздушными силами со своей стороны соответствующим образом проинструктировать германское гражданское население, используя для этого партийные каналы. Главнокомандующий военно-воздушными силами издал инструкцию о поведении населения при посадке вражеских самолетов или парашютистов. Эта инструкция была использована заместителем фюрера Гессом в качестве приложения к вышеназванному распоряжению от 13 марта 1940 г.

Указанная инструкция, однако, не содержит в себе ничего такого, что противоречило бы законам и обычаям ведения войны, в частности Гаагским правилам ведения сухопутной войны. В пункте 4 инструкции дается указание задерживать вражеских парашютистов или обезвреживать их. Не подлежит никакому сомнению, что как по тексту, так и по смыслу этого пункта в нем подразумевалось лишь то, что вражеские парашютисты должны быть взяты путем применения силы или уничтожены, если они не сдаются добровольно и пытаются со своей стороны избежать задержания с помощью применения силы и, в частности, с помощью огнестрельного оружия. Это ясно вытекает уже из самого слова «или». В первую очередь следует пытаться взять их в плен. Это должно осуществляться хотя бы в интересах службы информации. И только если это окажется невозможным вследствие оказываемого ими сопротивления, они должны быть обезврежены, то есть уничтожены в бою.

Всякое другое истолкование этой инструкции противоречило бы как ее содержанию, так и ее духу и, кроме того, проти-

воречило бы тому факту, что, включая и французскую кампанию, война велась согласно Гаагским правилам ведения сухопутной войны и что во всяком случае в то время — март 1940 года — война не развилась еще до взаимной борьбы на уничтожение, какой она стала после начала германо-русской войны. Что возможность всякого другого истолкования исключается, вытекает также из содержания так называемого приказа о коммандос, изданного фюрером 18 октября 1942 г.; этот документ был предъявлен обвинением под номером США-501 (ПС-498). Этот приказ был обусловлен совершенно иными предпосылками и издание его самим Гитлером было бы совершенно излишним, если бы главнокомандующий военно-воздушными силами издал уже в марте 1940 года инструкции, которые служили бы тем же самым целям. Кроме того, в пункте 4 приказа фюрера от 18 октября 1942 г. совершенно недвусмысленно говорится, что пленные члены коммандос должны передаваться СД...

Документ ВБ-267 (ПС-3245), содержание которого также вменяется в вину подсудимому Гессу, не нуждается в подробном разъяснении, так как содержание его при условии применения вышеназванных принципов не может ни в каком случае рассматриваться как преступление против закона и обычаев ведения войны и против человечности.

Кроме индивидуального, Гессу были также предъявлены обвинения как члену СА, СС, руководящего политического состава и имперского правительства. Что касается принадлежности к СА и к СС, то всякие подробные разъяснения по этому вопросу являются излишними.

Из предъявленных обвинением документов вытекает, что подсудимый Гесс имел в этих организациях лишь почетное звание обергруппенфюрера, которое не давало ему права издавать приказы или пользоваться дисциплинарной властью.

В качестве заместителя фюрера подсудимый Рудольф Гесс занимал, однако, высшую должность, имевшуюся среди руководящего состава национал-социалистской партии. В мою задачу не входит подробное исследование обвинения, которое предъявлено руководящему политическому составу в пределах и на основании статьи 9 Устава; это обвинение нашло свое выражение в требовании объявить руководящий политический состав преступной организацией...

Ни в Обвинительном заключении, ни в судебных выдержках, где разбирается вопрос об индивидуальной ответственности подсудимого Гесса, последнему не вменяется в вину никакое действие, которое подпало бы под состав преступления, именуемого военным преступлением или преступлением против человечности, и совершено было бы Гессом как членом руководящего политического состава национал-социалистской партии. Осуждение его было бы равнозначным установлению уголовно-правовой ответственности за действия и упущения другого лица...

Наконец, Рудольф Гесс обвиняется как член имперского правительства. Что касается его принадлежности к тайному совету министров, то по этому поводу можно сказать следующее: процесс представления доказательств показал, что этот

тайный совет министров был создан только для того, чтобы общественность не восприняла отставку бывшего имперского министра иностранных дел фон Нейрате как разрыв между ним и Гитлером. В действительности ни разу не состоялось ни одного заседания этого тайного совета министров. Совет не собирался даже для учредительного заседания.

Что касается имперского кабинета, то в ходе представления доказательств было совершенно ясно доказано, что по крайней мере с 1937 года заседания кабинета больше не проводились. Задачи, которые должны были разрешаться имперским правительством, а также задачи, связанные с законодательными функциями, разрешались так называемым циркулярным методом. Представление доказательств показало, далее, что, по крайней мере начиная с 1937 года, все важные политические и военные решения выносились единолично самим Гитлером, причем членов имперского правительства предварительно не информировали по этим вопросам.

Имперское правительство как институт, начиная со времени назначения Гитлера на пост рейхсканцлера, еще задолго до 1937 года не принимало какого-либо значительного участия в вынесении политических и военных решений.

Господа судьи! Сейчас я перехожу к событию, которым закончилась политическая карьера подсудимого Рудольфа Гесса, а именно — к его полету в Англию 10 мая 1941 г. Это событие для данного процесса по многим причинам имеет очень важное значение. Как это показали представленные доказательства, подсудимый Гесс принял решение относительно этого полета уже в июне 1940 года, то есть сразу после капитуляции Франции. Осуществление этого плана задерживалось по целому ряду причин, в частности необходимо было наличие некоторых технических предпосылок. Кроме этого, определенную роль играли также соображения политического порядка, в частности то, что подобное предприятие может увенчаться успехом лишь в том случае, если политические условия и особенно военная обстановка будут благоприятными для начала переговоров о заключении мира. Восстановление мира, без сомнения, являлось целью, которую преследовал Гесс своим полетом в Англию.

Когда подсудимый Гесс на следующий день после своей посадки встретился с герцогом Гамильтоном, он заявил последнему: «Я прибыл с миссией, имеющей целью защиту интересов человечества». Во время бесед, которые состоялись у подсудимого 13, 14 и 15 мая с господином Киркпатриком из Министерства иностранных дел, он изложил последнему все причины, которые побудили его предпринять такой необычный шаг. Одновременно он сообщил Киркпатрику об условиях, при которых Гитлер готов заключить мир. 9 июня 1941 г. состоялась беседа между Рудольфом Гессом и лордом Саймоном, который явился по поручению Британского правительства. Записи этой беседы я предъявил Трибуналу в качестве документального доказательства и сейчас ссылаюсь на этот документ. Из этого документа видно, что причиной, вызвавшей этот полет, было намерение прекратить дальнейшее кровопролитие

и создать благоприятные условия для начала переговоров о мире. В ходе этой беседы подсудимый Гесс передал лорду Саймону документ, в котором были перечислены четыре условия, при которых Гитлер в то время согласен был заключить с Англией мир. Эти условия были таковы:

«1. Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн между державами оси и Англией, должно быть произведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов держав оси должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя.

2. Возвращение Германии ее колоний.

3. Возмещение германским гражданам, которые жили в Британской империи перед или во время войны, ущерба, причиненного их имуществу или жизни мероприятиями какого-либо правительства на территории империи или такими действиями, как грабежи, беспорядки и т.д. Германия обязуется обеспечить на равных условиях возмещение ущерба британским подданным.

4. Перемирие и заключение мира одновременно также с Италией».

Рудольф Гесс заявил господину Киркпатрику и лорду Саймону, что это как раз те условия, при которых Гитлер был готов сразу же после окончания французской кампании заключить мир с Англией, и что мнение Гитлера со времени окончания французской кампании в этом вопросе не изменилось. Нет никаких оснований считать это заявление подсудимого недостоверным. Как раз наоборот, эти заявления подсудимого находятся в полном согласии со многими заявлениями самого Гитлера, которые он сделал по вопросу о взаимоотношениях Германии и Англии. Подсудимые Геринг и фон Риббентроп в своих показаниях подтвердили, что сообщенные Гессом лорду Саймону условия полностью соответствовали намерениям Гитлера.

Если в выдвинутых Гессом условиях предусматривалось, что Европа будет сферой интересов держав оси, то из этого обстоятельства никоим образом не следует делать вывода, что это является равнозначным установлению господства держав оси в Европе.

Из разъяснений, данных Гессом, содержащихся в протоколе по поводу совещания между ним и лордом Саймоном, следует со всей ясностью, что это должно было лишь исключать возможность влияния Англии на континентальную Европу...

Господа судьи! Последующие соображения относятся к вопросу о том, какой юридический вывод следует сделать из полета подсудимого Гесса в Англию в отношении его участия в общем плане или заговоре, о котором говорится в Обвинительном заключении, в частности, можно ли считать, что подсудимый должен нести уголовную-ответственность за действия, совершенные в то время, когда он был в Англии...

Согласно абзацу 3 статьи 6 Устава подсудимый несет уголовную ответственность за все действия, совершенные любым лицом с целью осуществления общего плана, о существовании которого говорило обвинение...

В данном случае по общепринятым правовым принципам, которые могут быть установлены на основании юридического

права всех цивилизованных народов, должно быть применено правило исключения ответственности при установлении влиби.

Если этот принцип применить в отношении подсудимого Гесса, то следует признать, что после его полета в Англию 10 мвя 1941 г. он не должен нести ответственность за все последующие события, которые имели место не по его воле и в его отсутствие...

В этой связи следует еще коснуться утверждения обвинения в том, что подсудимый Гесс совершил свой полет в Англию не с целью создания благоприятных условий для мирных переговоров. Его намерением, как утверждает обвинение, якобы было защитить тыл Германии для планируемого похода против Советского Союза. Документы, представленные обвинением, не обосновывают этого предположения. Этому противоречит в первую очередь тот факт, что подсудимый Гесс принял решение совершить этот полет еще в июне 1940 года, то есть в то время, когда никто в Германии и не думал о походе против Советского Союза. Из письма, которое в свое время было оставлено подсудимым Гессом и которое было передано Гитлеру, когда Гесс был уже в Англии, следует со всей ясностью, что Гесс ничего не знал о предстоящем походе против Советского Союза. Как установлено показаниями свидетельницы Фаб, читавшей это письмо, подсудимый Гесс в этом письме ни одним словом не обмолвился о том, что он, совершая этот полет, намеревался защитить тыл Германии для предстоящего похода против Советов. В этом письме Гесс вообще не упоминает о Советском Союзе. Следует почти что с уверенностью предположить, что Гесс обязательно коснулся бы этого вопроса, если бы он знал о планируемом нападении и если бы он связывал со своим полетом такие намерения, о которых говорит обвинение...

Но даже в том случае, если бы Гесс имел точные сведения о планируемом походе против Советского Союза, это не должно было бы помешать снять с него ответственность за последующий период.

Как показало представление доказательств, Гитлер отдал приказ о нападении на Советский Союз в значительной мере для того, чтобы опередить предстоящее наступление Советов. По этому вопросу я ссылаюсь на доклад начальника американского генерального штаба Маршалла, который я уже оглашал среди тех вопросов, которые должны быть здесь рассмотрены. Можно оставить открытым вопрос о том, планировал ли Советский Союз в действительности такое нападение. Свидетельские показания Иодля дают возможность предполагать, что это было вполне вероятным, если это и нельзя утверждать с уверенностью. Решающим в данном случае является то, что Гитлер на основании полученных им сообщений субъективно придерживался такой точки зрения. Если бы подсудимому Рудольфу Гессу в Англии удалось создать предпосылки для перемирия и для мирных переговоров, то политическое и военное положение в Европе изменилось бы настолько, что нападение Советского Союза на Германию было бы почти невероятным и опасения Гитлера были бы лишены оснований. Попытка подсу-

димого Гесса, которую он предпринял, совершая полет в Англию, оставалась бы причиной для исключения ответственности за все то, что произошло после 10 мая 1941 г., и за все те события, которые были направлены на выполнение общего плана, который существовал, по утверждению обвинения, даже в том случае, если бы придерживаться мнения, что не опасения предстоящего советского нападения побудили Гитлера принять такое решение, а безвыходное экономическое положение, в котором в то время находилась Германия. Ибо в случае окончания войны с Англией это экономическое положение Германии изменилось бы или по крайней мере утратило свою остроту.

Резюмируя, можно сказать, что уголовная ответственность подсудимого Гесса во всяком случае должна ограничиться теми действиями, которые были совершены до полета в Англию.

Господа судьи! Закончившаяся война принесла всему человечеству такие несчастья, размеры которых трудно себе представить. Война превратила Европу в кровоточащую тысячами ран часть света, а Германию превратила в груду развалин. Совершенно очевидно, что при современном уровне техники человечество не сможет пережить катастрофу, которую принесла бы с собой новая мировая война. Можно предвидеть, что новая война полностью уничтожила бы цивилизацию, которая и так неслыханно пострадала в этой войне. Поэтому совершенно понятно, что при таких условиях во имя борющегося за свое существование человечества следует приложить все усилия также и в правовом отношении для того, чтобы избежать повторения подобной катастрофы.

Но нельзя сомневаться в том, что право, как бы велика ни была его сила в общественной жизни, играет лишь подчиненную роль в борьбе с войной... И какой бы заманчивой ни была попытка создать на развалинах, которые оставила нам закончившаяся мировая война, по крайней мере улучшенное и более сильное международное право, эта попытка с самого начала обречена на неудачу, если она одновременно не является частью установления всеобъемлющего нового порядка в области международных отношений и если международное право не явится одновременно существенной составной частью порядка, обеспечивающего бесспорные права всех народов и в особенности исполнение справедливых требований всех народов на соответствующее участие в распределении материальных богатств мира. Устав Международного военного трибунала, без сомнения, не является частью такого нового всеобщего порядка... Содержание Лондонского соглашения заставляет считать Устав Международного военного трибунала, который является существенной составной частью этого Соглашения, законодательной нормой, действие которой в силу статьи 7 ограничивается одним годом... Осуждение за преступления против мира и за участие в общем плане, направленном на ведение агрессивной войны, может иметь место вопреки действующему международному праву только в том случае, если Трибунал, нарушая принцип «Nulla poena sine lege», решится на дальнейшее развитие международного права. И как бы ни было велико это искушение, нельзя предусмотреть всех тех последствий,

которые оно может повлечь за собой. Будет нарушен принцип, который вытекает из принципа уголовного права всех цивилизованных народов и который является неотъемлемой составной частью международного права, а именно то, что действие является наказуемым только в том случае, если наказуемость его была установлена законом до того, как это действие совершено... И если не хотят закрыть дорогу действительному развитию международного права, то правовой основой для приговора этого Суда может явиться только подлинное международное право, то есть право, действовавшее во время совершения рассматриваемых действий.

Выступление М. ХОРНА, защитника подсудимого Иоахима фон Риббентропа

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 5 и 8 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Все великие потрясения в мировой истории, и в особенности в современной Европе, являлись одновременно войнами и революциями.

Мы сейчас переживаем как раз период таких потрясений. Этот период ни в коей мере не закончен. Вырвать из общей связи отдельные события для того, чтобы давать им юридическую оценку, не только невозможно, но и связано с опасностью скороспелого приговора. Не будем обманывать себя: мы рассматриваем вопрос не о каком-то локальном кризисе, причины возникновения которого ограничиваются определенной частью Европы. Мы должны представить себе ту катастрофу, которая затронула глубочайшие корни нашей цивилизации.

Обвинение применило строгий критерий при оценке определенных государственных событий и явлений, имевших место в отношениях между отдельными государствами. Германия полностью заинтересована в развитии идеи права, если последняя, будучи повсюду воплощенной в жизнь, приведет к совершенствованию международной морали. Перед настоящим Судом стоит благородная задача, заключающаяся не только в том, чтобы вынести решение относительно отдельных подсудимых и вскрыть причины происшедшей катастрофы, но также и в том, чтобы одновременно создать нормы, которые должны стать обязательными повсюду. Недопустимо, чтобы создавалось право, которое будет применяться лишь в отношении слабых. В противном случае возникнет опасность, что все усилия государств будут опять направлены на то, чтобы усилить сопротивление, придав ему всеобщий характер, и тем самым сделать войну еще более ожесточенной, чем та, которая является здесь предметом обсуждения.

Исходя из вышеизложенной основы я представлю Трибуналу на рассмотрение мои соображения и выводы.

Фон Риббентроп считается лицом, несущим среди заговорщиков главную ответственность за внешнеполитическую, дипломатическую сторону мнимого заговора, который якобы ставил себе целью подготовку и ведение агрессивных войн. Прежде всего моя задача заключается в том, чтобы, базируясь на результатах представления доказательств, установить, когда, с точки зрения международного права, и в каких случаях велась агрессивная война.

Понятие агрессивной войны не исчерпывается тем формально-юридическим определением, которое предложено главными обвинителями от США и Великобритании. Оно имеет прежде всего реальные предпосылки.

Лишь знание этих предпосылок допускает точку зрения, которая может служить основой для решения Суда. Поэтому я откладываю обсуждение понятия агрессии и агрессивной войны до тех пор, пока не представлю Суду соответствующий материал, изложив германскую внешнюю политику и участие в ней Риббентропа.

Трибунал намеревался рассмотреть положение вещей с точки зрения уголовного права. В соответствии с этим я особо остановлюсь на вопросе о том, насколько тормозящим или поддерживающим было влияние Риббентропа на внешнеполитические решения во время его политической деятельности.

Успешным был первый шаг господина фон Риббентропа в примирении интересов, а следовательно, и в ослаблении борьбы международных сил, когда он в 1935 году добился заключения морского соглашения между Германией и Англией.

Обстоятельства, сопутствовавшие подписанию этого соглашения, столь же показательны для политических проблем тех лет, как и характерны для самого фон Риббентропа и дальнейшего развития его политической деятельности. Это соглашение было заключено через голову официальной германской дипломатии. Посвященные круги знали об этом. Тогдашний германский посол в Лондоне фон Геш и Вильгельмштрассе[1] отнеслись к проекту этого соглашения с огромнейшим скептицизмом. И Геш, и Вильгельмштрассе не верили в то, что Англия склонна к заключению такого договора, который нарушал положения части V Версальского договора и который противоречил предыдущей позиции Англии на различных конференциях по разоружению. Они не верили в то, что такое соглашение может быть заключено через несколько недель после того, как Ассамблея Лиги Наций назвала восстановление германского военного суверенитета нарушением германских обязательств, и после того, как представители Англии, Франции и Италии собрались в Стрезе, чтобы ответить на этот шаг Германии. Они совсем уже не верили в то, что такому стоящему в стороне от дел человеку, как Риббентроп, удастся заключить договор, имевший колоссальное принципиальное значение.

Последствия подписания этого договора были столь же очевидными, как и важными. Престиж господина фон Риббен-

---

[1] Министерство иностранных дел Германии. — **Прим. сост.**

тропа, вышедшего из рядов национал-социалистской партии, поднялся в глазах Гитлера. Отношения между Риббентропом и консервативной дипломатией все более обострялись. Все сильнее росло недоверие к этому титулованному послу, который сумел завоевать доверие Гитлера, избежав того, чтобы его деятельность подвергалась контролю со стороны министерства иностранных дел.

После заключения морского соглашения Гитлер стал видеть в Риббентропе человека, который может эффективно помочь ему осуществить свое заветное желание — можно вполне сказать также и желание германского народа — заключить с Англией политический союз...

В политическом отношении морское соглашение представляло собой первую значительную брешь в политике Версаля, что санкционировалось Англией при последующем одобрении со стороны Франции. Таким образом, после многих лет безрезультатных переговоров было достигнуто первое соглашение об ограничении вооружений, имеющее практическое значение[1]. Одновременно создалась благоприятная общая политическая атмосфера. Морское соглашение и его последствия явились, видимо, основанием того, что после смерти Гешв Гитлер на следующий год назначил фон Риббентропа послом в Лондоне.

Насколько неожиданно быстро удалось Риббентропу добиться морского соглашения, настолько же мал был успех его предложения о звключении общего союза с Англией. Была в этом повинна дипломатия фон Риббентропа или причина заключалась в абсолютном расхождении интересов Германии и Англии, трудно сказать. Кто знаком с психологией англосаксов, тот знает, что не рекомендуется сразу осаждать этих людей предложениями и просьбами. Если немцам удалось в первый момент установить нечто общее с англичанвми, то при более близком ознакомлении с их политикой выяснилось, что имеются глубоко идущие расхождения...

На протяжении современной истории Англия постоянно испытывала потребность в союзе с какой-либо континентальной военной державой и, учитывая свои интересы, в зависимости от преследовавшихся ею целей, она искала и находила себе союзникв либо в Вене, либо в Берлине, а с начала XX столетия — в Париже.

Интересы Англии и во время деятельности фон Риббентропа не допускали отклонения от этой линии. К этому присоединялась принципиальная точка зрения Великобритании, состоявшая в том, что она не желала укрепляться нв континенте. С берегов Темзы наблюдали за осложнениями, намечавшимися на континенте. Руководящие лица в английском министерстве иностранных дел еще слишком сильно придерживались политики конца XIX и начала XX столетия, заключавшейся во французской ориентации.

Голоса тех, кто выступал за более тесную связь с Германией, были незначительными в своем политическом весе, они уступали оппозиции. Кроме того, существовали трудности, воз-

---

[1] Соглашение не имело целью ограничение вооружений, оно, наоборот, дало право Германии создать крупный военно-морской флот. — **Прим. сост.**

никшие в связи с участием Германии в комитете по невмешательству, который заседал в Лондоне, решая вопрос об изоляции держав от участия в гражданской войне в Испании.

Обвинение затронуло вопрос о том, как фон Риббентроп оценивал германо-британские отношения, когдв он покидал пост посла в Лондоне.

Ответ даст нам лучше всего документ ТС-75, который содержит точку зрения Риббентропа на международное положение Гермвнии в тот период и на то, как в будущем могут сложиться германо-британские отношения.

Риббентроп исходил из той предпосылки, что Германия не желает связывать себя существующим в Европе положением. Он был убежден, что осуществление поставленных целей неизбежно приведет Германию и Англию в «разные лагеря». Он советовал создать систему союзов с державами, интересы которых совпадают с интересами Германии (Италия и Япония).

Такой политикой он надеялся, с одной стороны, связать Англии руки, ставя под угрозу наиболее слабые места Британской империи, а с другой стороны, сохранить за ней возможность установления взаимопонимания с Германией.

Затем Риббентроп перешел к австрийскому и судетскому вопросам. По его тогдашнему убеждению, Англия не должна была согласиться на изменение статус-кво по этим двум вопросам, но под давлением обстоятельств ей пришлось бы допустить их разрешение.

Напротив, изменение статус-кво на Востоке, затронув жизненно важные интересы Франции, превратит Англию в противника Германии. Этой точки зрения Риббентроп придерживался не только в 1938 году, когда был написвн этот документ, но и в течение всего периода вплоть до начала второй мировой войны. Вопреки утверждениям обвинения, он предупреждал Гитлера об этой опасности.

Из приведенного документа не следует, что Риббентроп изображал Гитлеру англичан, как здесь утверждалось, вырождающимся народом; он ясно заявил, что Англия станет суровым и упорным противником, если Германия будет продолжать преследовать свои цели в Центральной Европе.

Эта изложенная в документе ТС-75 точка зрения относительно международного положения Германии в тот период, очевидно, совпадала с точкой зрения Гитлера, поскольку фон Риббентроп в связи с кризисом, связанным с фамилией Фрича, стал во главе Министерства иностранных дел вместо ушедшего в отставку фон Нейрата.

Согласно показвниям Риббентропа, когда он вступал на свой пост, Гитлер просил его, чтобы он помог решить четыре проблемы. Речь шла об австрийском, судето-немецком, мемельском вопросах, а также вопросе о Данциге и Польском коридоре. Как выяснилось из представления доказательств, это не было тайной договоренностью двух государственных деятелей.

Программв национал-социалистской партии в § 3 содержит требование ревизии мирных договоров 1919 года. Гитлер в ряде своих речей всякий раз указывал на необходимость удовлетворения этих германских претензий. Рейхсмаршал Геринг

показал здесь, что в ноябре 1937 года он разъяснил лорду Галифаксу необходимость решения этих вопросов, заявив, что они представляют собой неотъемлемую составную часть германской внешней политики. Так же открыто он изложил эти цели и французскому министру Бонне. Таким образом, фон Риббентроп, исходя из своего убеждения, помогал достижению целей, о которых было известно и которые неизбежно вытекали из динамики обстановки в Центральной Европе, обстановки, обусловленной усилением империи.

Вопрос о том, насколько широко пользовался Риббентроп свободой действий или насколько он был лишен ее в качестве министра, когда решались вышеупомянутые проблемы, я изложу в связи с рассмотрением вопроса об участии подсудимого в заговоре, которое инкриминируется ему. Пока нужно лишь упомянуть, что, как следует из представления доказательств, вместе с отставкой барона фон Нейрата решение проблем внешней политики полностью сосредоточилось в руках Гитлера. Фон Нейрат был последним министром иностранных дел, который при режиме национал-социализма сохранил в области внешней политики значительное влияние, утрачивая его по мере усиления упомянутого режима и уступая тоталитарным устремлениям Гитлера.

С назначением фон Риббентропа министром иностранных дел появился наконец человек, которого Гитлер избрал по своему вкусу.

Несомненно, наряду с различными формами государственного права и компетенцией различных государственных органов важным элементом управления государством являются чисто личные взаимоотношения правящих лиц. Рассматривая некоторые действия и исторические события с этой точки зрения, стоит коснуться вопроса об отношении Гитлера к Риббентропу.

Риббентроп как состоятельный человек, принвдлежавший к лагерю националистов, видел в Гитлере и его партии выразителей тех стремлений, которые отвечали его взглядам и чувствам. Мнения Риббентропа относительно тех стран, в которых он побывал, вызывали у Гитлера интерес. Личность Гитлера и его политические воззрения превратили фон Риббентропа в его приверженца, корни чего, в конечном итоге, надо искать в воздействии силы внушения и гипноза Гитлера.

Мы не должны скрывать от себя того факта, что жертвой этого воздействия стал не только фон Риббентроп, но и огромное количество людей в Германии и за ее пределами...

Как адвокат, и исключительно в качестве такового, я должен остановиться на рассмотрении результатов представленных доказательств. С разрешения Трибунала я перейду к вопросу о роли Риббентропа в так называемом заговоре, целью которого было планирование агрессивных войн и других актов агрессии, осуществлявшихся в нарушение существующих договоров, соглашений и заверений.

Прошло менее 10 дней со времени назначения фон Риббентропа на пост министра иностранных дел, как Гитлер пригласил его участвоввть в состоявшихся в Берхтесгадене 12 и 13 февраля 1938 г. переговорах с австрийским канцлером и ав-

стрийским министром иностранных дел. Представленные доказательства устанавл-вают, что вопросы, связанные с Австрией, входили исключите:ьно в компетенцию Гитлера. Тогдашний посол фон Папен представлял свои доклады непосредственно главе государства. Риббентроп не оказывал никакого влияния на деятельность национал-социалистской партии в Австрии, как и вообще в юго-восточных странах. Мой подзащитный утверждает, что он лишь изредка и неофициальным путем узнавал о той деятельности, которую партия там проводила.

Бывший австрийский министр иностранных дел доктор Гвидо Шмидт, вызванный сюда в качестве свидетеля, показал, что Риббентроп не участвовал в наиболее важных переговорвх, происходивших между Гитлером и Шушнигом в Берхтесгадене. Во время остальных переговоров он вел себя иначе, чем того требовал тогдашний стиль Гитлера, и у свидетеля создалось впечатление, что он не располагал необходимой информацией, так как до этого он находился в Лондоне и лишь совсем недавно был назначен на пост министра иностранных дел.

Из этого безупречного поведения Риббентропа обвинение делает вывод, что оно было маневром, заранее условленным между ним и Гитлером. Вообще обвинение видит в поведении Риббентропа типичный признак того, что оно представляло собой двойную игру. Разве неоспоримые даты и факты, относящиеся к личности Риббентропа, впечатление, вызванное им у свидетеля Шмидта, мои доводы относительно позиции, которую занимал Риббентроп в качестве министра, его осведомленность о давно составленных планах, касавшихся Норвегии и Дании, а также другие доказанные факты не заставляют нас поставить такой вопрос: не принимал ли Риббентроп в решении внешнеполитических вопросов несравненно меньшее участие, чем это утверждает обвинение?

Рейхсмаршал Геринг показал, что аншлюс в его первоначальной форме, как он был сформулирован в законе о воссоединении от 13 марта 1938 г., подписанном также Риббентропом, не только отвечал даже первоначальным намерениям Геринга, но был им осуществлен.

Аншлюс Австрии послужил для партии судетских немцев сигналом к тому, чтобы форсировать свое присоединение к Германии.

Обвинение вменяет Риббентропу в вину то, что он, будучи министром иностранных дел, занимался инсценировкой трудностей. Его обвиняют в том, что он подстрекал партию судетских немцев к тому, чтобы она вместо вступления в чехословацкое правительство шаг за шагом рвсширяла свои требования, мешая тем самым общему решению вопроса, причем внешне германское правительство должно было оставаться совершенно в стороне.

Представленный обвинением документ ПС-3060 доказывает обратное. Правда, Риббентропу было известно, что партия поощряла стремление судетских немцев присоединиться к Германии. Однако он не имел подробных сведений об этой партийной политике и не оказывал на нее влияния. На основании трудностей с чехословацким правительством, возникших в ре-

зультате сепаратистских стремлений судетских немцев и их частично бесконтрольной политики, Риббентроп считал себя вынужденным позаботиться о достижении целей судетских немцев предоставленными ему политическими средствами...

Мюнхенское соглашение внесло временное успокоение в международную обстановку. Она осложнилась снова в результате совершенно неожиданного для Риббентропа шага Гитлера, заключавшегося в посещении Берлина Гаха, и связанных с этим событий.

Как показал Геринг, Гитлер наперекор всем предостережениям после разрешения словацкого вопроса решнл создать протекторат Богемия и Моравия. Трудно на основании имеющегося материала определить конечные причины этого шага Гитлера. По словам подсудимого Герннга, корни их надо искать в постоянном опасении Гитлера, что чешский офицерский корпус примкнет к России и этим создаст новое осложнение на юго-востоке. Видимо, эти и вытекающие отсюда стратегические и исторические соображения побудили Гитлера к шагу, сделанному им 13 марта 1939 г. и явившемуся неожиданностью также и для Риббентропа.

Это решение, объяснимое склонностью Гитлера к внезапным решениям, принесло с собой полное изменение внешнеполитического положения Германии.

Риббентроп предостерегал Гитлера, указывая ему на ту реакцию, какую он вызовет со стороны западных держав, и в частности Англии.

Последствия сказались на вопросах Данцига и Польского коридора, поставленных еще в октябре 1938 года. Если до этого поляки не отказывались от переговоров по этим вопросам, основываясь на политике Германии, которую последняя вела с 1934 года, и на том факте, что Тешинская область снова перешла к ним, то в конце марта дала о себе знать реакция на образованне протектората. Англия видела в создании протектората нарушение Мюнхенского соглашения и начала консультацни с рядом государств. В то же время министр Бек, вместо того чтобы еще раз приехать в Берлин, отправился в Лондон и возвратился оттуда с заверением, что Англия будет выступать против всякого изменения существующего положения на Востоке. Это же заявление было сделано в палате общнн после предварительной консультации с французским правительством. 26 марта 1939 г. на Вильгельмштрассе явился польский посол Липский и заявил фон Риббентропу, что дальнейшие стремления к ревизии в отношении Польши, в частности в вопросе о передаче Данцига империи, означает войну.

Таким образом, польский вопрос стал вопросом европейским. Риббентроп заявил тогда польскому послу, что Германия не может удовлетвориться таким решением. Только полное присоединение Данцига к империи и экстерриториальная связь с Восточной Пруссией могут привести к окончательному решению проблемы.

Я сделал Трибуналу обзор польского кризиса в форме представления документальных доказательств. Поэтому я могу считать, что фактический ход событий, в том числе и прнсоеди-

нение Мемельской области, которая по договору с Литвой отошла к империн, всем известен. Чтобы зря не занимать времени Трибунала, я ограничусь тем, что выделю только те факты, которые помогут выяснить роль Риббентропа.

Господину Риббентропу предъявляется обвинение в том, что в период судетского кризиса и во время образования протектората Богемия и Моравия он усыпил Польшу, разыгрывая перед ней дружеские чувства. В опровержение этого утверждения я должен указать на то, что со времени соглашения в 1934 году отношения между Германией и Польшей были хорошими и даже дружественными и что факт передачи Польше Тешинской области, которым она обязана внешней политике Германии, оказал на них еще более благоприятное влияние. Таким образом, Польша имела все основания к выражению дружественных чувств по отношению к Германии, для этого не нужно было никакого фальшивого поведения Риббентропа. Как показали представленные здесь доказательства, Риббентроп продолжал придерживаться дружественной политики по отношению к Польше н после раздела Чехословакии, так как не было никакой причины отказываться от этой политики.

Риббентропу предъявляется далее обвинение в том, что он знал, что уже весной 1939 года Гитлер принял решение воевать с Польшей, и что Данциг послужил только поводом к этому конфликту. Такой вывод делается на основании документов США-27 и США-30, в которых говорится об известных речах Гитлера от 23 мая и 22 августа 1939 г. Я должен обратить Ваше внимание на то, что Риббентроп не присутствовал на этих совещаниях, участниками которых былн только военные лица...

Здесь подробно говорилось о целом ряде документов. Я назову только самые известные, например документ Госбаха, оба документа Шмундта, записи вышеупомянутых речей Гитлера.

Этим документам можно противопоставить ряд речей, в которых Гитлер утверждал обратное. Тут возразят, что в таких случаях Гитлер преследовал определенную цель, так как эти речи произносились для всех. Это, конечно, верно. Но также верно и то, что даже те немногие основные документы, представленные в доказательство того, что война была агрессивной, содержат в себе так много противоречий, что только критики, оценивающие все события прошлого, могут усмотреть в них эти планы. Кстатн говоря, содержание этих документов было известно только тем, кто принимал участие в совещаниях, как того и требовали строгие правила сохранення тайны.

Я могу заявить, что Риббентроп впервые узнал о них здесь, в зале суда.

В ходе представления доказательств не было представлено никаких данных, свидетельствующих о том, что в этом вопросе был хоть один повод, который должен был быть известен господину фон Риббентропу. Суду не было представлено доказательств того, что Риббентроп знал о целях Гитлера, которые значительно превышали бы требования, сформулированные Гитлером при его назначении. Также мало доказано утверждение обвинения о том, что еще до 1 сентября 1939 г. Риббентроп сделал все, что только мог, чтобы нарушить мир с Поль-

шей, хотя он знал, что война с Польшей вовлечет в конфликт Великобританию и Францию. Утверждая это, обвинение базируется на документе ТС-73, представляющем собой отчет польского посла в Берлине Липского министру иностранных дел Польши. Но документ вообще не содержит ничего, что могло бы служить обоснованием этого утверждения.

Кроме того, я не думаю, что после представленных доказательств Липский может считаться особенно хорошим свидетелем. Я должен напомнить о том, что именно Липский был тем человеком, который на решительной стадии переговоров, до начала войны, говорил, что у него нет ни малейшего повода интересоваться предложениями и нотами со стороны Германии. Он говорил, что за пять с половиной лет, в течение которых он был послом в Германии, он хорошо изучил положение там и убежден, что в случае возникновения войны в Германии начнутся беспорядки, и польская армия победоносно двинется на Берлин.

По показаниям свидетеля Далеруса, во время решающего совещания в польском посольстве именно Липский вызвал у шведов такое впечатление, что Польша саботирует всякую возможность начать переговоры.

Против вышеуказанного утверждения обвинения говорят и другие выводы из представленных доказательств, например, тот факт, что Риббентроп, узнав о подписании англо-польского договора о гарантиях, добился от Гитлера отмены данного войскам приказа о наступлении, потому что, по его мнению, в конфликт с Польшей были вовлечены западные державы. Это мнение совпадает с теми выводами по оценке положения в Европе, которые Риббентроп высказал уже в рассмотренном документе ТС-75.

Посланник Шмидт сообщил здесь, что как раз Риббентроп послал его 25 августа 1939 г., то есть после встречи Гитлера с сэром Невилем Гендерсоном, к последнему с вербальным коммюнике (документ ТС-72), в котором кратко были изложены предложения Гитлера. Риббентроп настоятельно просил немедленно и лично передать правительству Великобритании эти предложения Гитлера. Согласно английской «Синей книге» сэр Невиль Гендерсон не мог не квалифицировать эти предложения, а также предложения, представленные позже, как исключительно разумные и чистосердечные.

Тот, кто изучал переговоры последующих решающих дней, не сможет отрицать, что со стороны Германии было сделано все, чтобы по крайней мере начать переговоры и провести их на приемлемой основе. Но другая сторона сорвала их, потому что она твердо решила на этот раз действовать. Добрая услуга Англии на этот раз окончилась прекращением всяких переговоров; представители Польши так и не сели за стол, за которым эти переговоры должны были бы вестись.

Против Риббентропа выдвинуто обвинение в том, что практически он сорвал последние решающие переговоры с английским послом Гендерсоном, зачитав предложения, которые Германия делала Польше в такой форме, которая противоречила всем дипломатическим правилам и нормам международ-

ного этикета, и так быстро, что сэр Невиль Гендерсон не мог их понять и, стало быть, не мог передать. На этой решающей встрече присутствовал переводчик-посланник Шмидт. Здесь под присягой он показал, что это утверждение неверно. Можно считать неумным приказ Гитлера сообщить сэру Невилю Гендерсону только суть меморандума. Но факт остается фактом: Риббентроп не только прочел английскому послу вслух нормальным темпом все содержание, но и благодаря присутствию переводчика предоставил сэру Невилю Гендерсону возможность полностью познакомиться с содержанием меморандума и просить пояснения. Впрочем, по инициативе рейхсмаршала Геринга в ту же ночь меморандум был передан по телефону советнику британского посольства Форбсу. Таким образом, правительство Великобритании было в состоянии выполнить им же самим предложенную услугу по организации переговоров на основе позитивных предложений Германии.

На основании описанных фактов можно, пожалуй, усомниться в верности того утверждения, что подсудимый сделал все, чтобы избежать мира с Польшей.

В начале своей защитительной речи я подчеркнул, что невозможно рассматривать агрессивную войну с юридической точки зрения, не зная предпосылок, которые привели к ее началу.

Прежде чем перейти к юридической оценке конфликта с Польшей, я просил бы разрешения коротко остановиться на тех причинах, которые привели к нему.

Период между обеими мировыми войнами характеризуется реакцией удовлетворенных стран на поведение неудовлетворенных и наоборот. По-видимому, существует закон, по которому после крупных военных потрясений страны-победительницы стремятся к восстановлению довоенного состояния как в материальной, так и в духовной жизни, в то время как побежденные страны, прибегая к новым средствам и методам, вынуждены искать выхода из положения, явившегося следствием поражения. Так, после войны Наполеона возник «Священный союз», который под руководством Меттерниха пытался игнорировать последствия Французской революции, действуя под знаком законности.

Чего не достиг «Священный союз», того не добилась и Лига Наций. Созданная в минуту горячей веры в человеческий прогресс, она быстро превратилась в орудие удовлетворенных государств. Каждая попытка «укрепить» Лигу Наций означала возведение нового барьера для сохранения статус-кво. Под утонченными выражениями юридических форм продолжалась политика сильных. Идея безопасности, овладевшая всеми, вскоре лишила недавно созданный орган всяких следов свежести и жизненности. Таким образом, конечно, невозможно было найти разрешения проблем, возникших в результате первой мировой войны. В международной жизни к все большему столкновению приходили интересы консервативных стран, которые были довольны статус-кво, и революционных стран, пытавшихся изменить существующее положение вещей. В этих условиях переход политической инициативы в руки неудовлетворенных стран был вопросом времени. Создание фронтоа зави-

село исключительно от силы революционного духа, созревшего в противовес политическому самодовольству и тоске по прошлому.

На этой почве выросли доктрины национал-социализма, фашизма и большевизма, программы которых содержали много мракобесных, эластичных, а иногда и противоречащих друг другу пунктов. Эти направления вербовали себе приверженцев не своими программами. Их сила состояла в том, что они предлагали что-то новое и не требовали от своих приверженцев поклонения старым политическим идеалам, оказавшимся в прошлом несостоятельными...

У каждой революции есть только две возможности: или она встречает настолько незначительное сопротивление, что со временем появляются консервативные тенденции и создается амальгама со старым порядком, или контрсилы настолько велики, что революция разбивается в конце концов о свои же собственные чересчур заостренные средства и методы.

Национал-социализм пошел вторым путем, начав с мирного развития и поддержания традиций. Но и он не мог противостоять исторической закономерности развития. Цели, поставленные им перед собой, были слишком велики, чтобы их могло достичь одно поколение, его революционная эссенция была слишком крепкой. Первые успехи произвели ошеломляющее действие. Они заставляли умолкать критику, направленную против его методов и целей.

Очень вероятно, что процесс воссоединения всех крупных групп немецкого населения в центре Европы — я имею в виду создание протектората Богемия и Моравия и разрешение вопроса о Данцигском коридоре — окончился бы удачно, если бы под конец на основании прежних успехов не были бы слишком уже превышены революционные темпы и методы...

Здесь говорили о выражении «жизненное пространство». Я уверен, что это понятие никогда бы не стало политической программой, если бы после первой мировой войны вместо того, чтобы экономически душить Германию, ей предоставили бы возможность вновь выступать на мировых рынках. Систематическое отстранение Германии от сырьевых баз мира якобы в интересах безопасности, усиливало стремление к автаркии и поискам выхода из экономической блоквды. При создавшемся тяжелом экономическом положении крик о жизненном пространстве пал на плодородную почву.

Сталин прав, когда он говорит:

«Было бы неверно думать, что вторая мировая война возникла случайно или как следствие ошибок тех или иных государственных деятелей, хотя эти ошибки, без сомнения, делались. В действительности, война возникла как неизбежный результат развития международных экономических и политических сил на основе современного монополистического капитализма».

Раньше война рассматривалась как международное преступление. Это отметила, в частности, восьмая Ассамблея Лиги Наций в 1927 году. Однако, как мне представляется, преступление надо понимать не в юридическом конкретном смысле

этого слова, а как выражение пожелания избежать в будущем катастроф в масштабах первой мировой войны.

Как должен был признать господин представитель обвинения от Великобритании, все иные попытки заклеймить войну, попытки, имевшие место в период с первой по вторую мировую войну, остались проектами, потому что практическая политика не могла следовать этим моральным постулатам.

Из всех этих попыток — а их было немало — ясно, что трудность юридического определения агрессивной войны заключается в том, что невозможно охватить политические события, включающие в себя целый ряд компонентов, юридическим понятием, которое могло бы соответствовать многогранной жизни.

Неудачи в формулировке приемлемого определения агрессора привели к тому, что вместо выработки общих признаков, применимых в каждом отдельном случае, эту задачу перепоручили органу, стоящему над заинтересованными сторонами.

Возникла новая трудность в этой проблеме: что предпринимать против агрессора?

До того как предприняли попытку разработать определение понятия агрессии и те меры, которые должны быть применены в отношении агрессора, решающим в обязательствах отдельных стран не прибегать к войне было образование политических союзов. Чтобы улучшить неудовлетворительное анархическое положение, Соединенные Штаты в ряде договоров, заключенных при статс-секретаре Бриане, взяли на себя инициативу установления сроков «перемирия». Эти сроки должны были оттянуть возможные конфликты и утихомирить страсти.

Устав Лиги Наций использовал эту точку зрения, но пошел в этом отношении дальше, установив, что следует провести расследование, в результате которого было бы определено, допустима или недопустима война.

Это решение должно было установить, разрешена или не разрешена война по Уставу Лиги Наций. Целью этого упорядоченного расследования было ударить по нарушителю международного порядка. Однако понятие «нарушитель» не должно было обязательно означать понятие «агрессор». То государство, которое начинало войну, сообразуясь с решением органов Лиги Наций, действовало дозволенным образом, причем даже в том случае, если оно первым начинало военные действия и таким образом превращалось в агрессивную сторону с военной точки зрения.

Следовательно, выяснилось, что разграничение таких понятий, как «агрессор» и «подвергающийся агрессии», было еще недостаточно для того, чтобы справедливо упорядочить международные отношения.

Несмотря на то, что эти положения Устава, а также и то расследование, которое было проведено на основании этих положений, показали, что такие уравнения, как справедливо — несправедливо, дозволено — не дозволено, нападающий (агрессор) — подвергающийся агрессии, решить невозможно, в дальнейшем старались заклеймить нарушителя международного порядка таким понятием, как «агрессор». Так как ввиду

только что упомянутых трудностей фактического определения создать было невозможно, попытались сделать из юридического понятия, которое нельзя было сформулировать, политическое решение тех органов Лиги Наций, которые были призваны охранять международный порядок. Так это и было сделано в проекте договора о взаимопомощи, который был разработан в 1923 году по поручению Ассамблеи Лиги Наций. Женевский протокол, который должен был дополнить то, что недоставало в Уставе по вопросу о разрешении конфликтов, также передавал Совету Лиги Наций право принимать решение относительно того, кто нарушил договор и является таким образом агрессором.

Попытки заклеймить войну и уладить конфликты, упомянутые здесь господином Главным обвинителем от Великобритании, остались лишь проектами, за исключением одного только пакта Бриана — Келлога.

Этому факту следует приписать и то, что на конференции по разоружению еще раз обсуждался вопрос о юридическом определении понятия агрессора. В 1933 году Комитет по вопросам безопасности при Генеральной конференции по разоружению под руководством грека Политиса выработал такое определение. Ввиду того что конференция по разоружению не увенчалась успехом, это определение в том же самом году на Лондонском совещании вошло в целый ряд договоров. Из великих держав только один Советский Союз принял участие в этих договорах. Обсуждение определения этого понятия на Конференции по разоружению состоялось по инициативе Советского Союза. Этим определением воспользовался и господин Главный обвинитель от Соединенных Штатов, построив на нем обвинение в совершении преступлений против мира на данном процессе. Оно является не чем иным, как предложением обвинения в рамках Устава, который не говорит ничего более точного относительно понятия агрессивной войны. Необходимо подчеркнуть, что господин судья Джексон при этом не может сослаться на общепризнанные нормы международного права.

Определение агрессии от 1933 года не стало предметом общего договора, как это было предусмотрено, а напротив, только некоторые государства заключили между собой соглашения, которые были обязательными только для участников. Практически здесь имела место договоренность между некоторыми государствами, сгруппировавшимися вокруг Советского Союза, и самим Советским Союзом. Ни одна другая великая держава не приняла этого определения. В особенности же Великобритания держалась в стороне, несмотря на то, что эти соглашения были заключены именно в Лондоне. Для того чтобы создать норму международного права, которая имеет такое большое значение, было бы по крайней мере необходимо, чтобы все великие державы приняли в этом участие.

Независимо от этих чисто юридических соображений высказывания Главного обвинителя от Великобритании и Главного обвинителя от Соединенных Штатов показывают, что и с фактической стороны это предложение неудовлетворительно. В важ-

ном вопросе четвертого пункта этого определения британское обвинение отклоняется от американского обвинения. Старое противоречие в интересах, а именно противоречие между принципом открытого и закрытого моря, в обвинении привело к тому, что сэр Хартли Шоукросс не упомянул о морской блокаде побережья и портов какого-либо государства как об агрессивных действиях.

Если это определение 1933 года и содержит некоторые ценные предложения для установления того, кто является агрессором, все же нельзя обойти тот факт, что формально-юридическое определение не дает возможности удовлетворить все требования политической действительности.

Пытаясь по-новому организовать мир, Устав Объединенных Наций учитывает этот факт и, очевидно, возвращается к идее разрешения этой проблемы через международный орган. Устав говорит в статье 39 главы VII:

«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует принять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

В 1939 году не было общепризнанного определения такого понятия, как «агрессор», ни органа, который был бы призван решать вопрос о том, кто является агрессором. Лига Наций как орган устранения конфликтов совершенно не оправдала себя.

Внешне это выразилось и в том, что три великие державы ушли из Лиги Наций. Насколько мало прислушивались к голосу почти что распавшейся Лиги Наций, показывает поведение Советского Союза в финском вопросе. Он не посчитался с решением Лиги Наций относительно этого конфликта, а, напротив, преследовал свои собственные интересы в Финляндии.

И если я, после этих рассуждений, сделаю Трибуналу предложение относительно того, что следует понимать под понятием «агрессия» в пункте 6а Устава, то эта квалификация не может быть присоединена к тому определению, которое было принято в международном праве. Не остается ничего другого, как исходить из того условия, которое всегда связывалось с этим в практике государств и в традициях дипломатии.

Согласно существовавшей в 1939 году традиции начало войны с правовой точки зрения не расценивалось как преступление независимо от того, чем оно было обусловлено... Пакт Бриана — Келлога и последовавшие вслед за ним переговоры не могли устранить этого факта, который сложился в результате развития, продолжавшегося столетия. Об этом приходится искренне сожалеть, но нельзя пройти мимо него. То, что эта точка зрения находилась в соответствии с принципами международного права по вопросу о начале войны, которые разделялись державами, подписавшими Устав, явствует из того факта, что признанные во всем мире специалисты по международному праву придерживались того мнения, что если пакт Бриана — Келлога и коллективная система безопасности оказались несостоятельными, то в силе остается традиционное правовое восприятие войны.

Разве Риббентроп в 1939 году должен был предвидеть, что его действия, рассмотренные под углом зрения обычной дипломатической игры, будут расценены как международно-наказуемое преступление?

Я уже указывал на то, что Риббентроп тогдашнюю границу на Востоке считал неустойчивой. Поэтому-то он придерживался мнения, что ее надо изменить.

С помощью и в рамках европейской системы пактов нельзя было добиться гарантии этих границ. В рамках Локарнских договоров ввиду противоречиаых интересов участвовавших а них держав не было создано гарантии восточной границы, которая была установлена Версальским договором, в то время как для западных границ оказалось возможным создание подобной гарантии. Все, что было создано в результате бесконечных усилий, — это связанные с Локарнской системой договоры о третейских судах между Германией и Польшей и Германией и Чехословакией. В этих договорах не было никаких гарантий границ. В них была лишь предусмотрена процедура урегулирования возможных конфликтов. Я буду о них говорить при рассмотрении тех нарушений договоров, которые вменяются в вину Риббентропу.

После того как Гитлер, уйдя из Лиги Наций и с конференции по разоружению, выразил таким образом свое недоверие к коллективной безопасности, он перешел к системе двусторонних соглашений. При этом на предварительных переговорах, которые велись перед заключением соглашения между Польшей и Германией в 1934 году, было ясно высказано, что данными двумя государствами эта проблема должна быть разрешена в духе предстоящего договора. И не следует здесь забывать, что для разрешения этой проблемы были предусмотрены лишь мирные средства, что имела также место договоренность о заключении пакта о ненападении, который должен был действовать в течение 10 лет. Для оценки поведения Риббентропа сейчас не имеет значения, верил ли Гитлер в возможность такого разрешения этой проблемы или он надеялся путем эволюции добиться изменения положения на Востоке. Он не брал на себя инициативы в этом вопросе, он просто столкнулся с этой договоренностью как с уже свершившимся фактом.

Опыт уравновешивания государственных интересов показывает, что соглашения являются только тогда устойчивыми, когда они соответствуют политической действительности. Если этого нет, то сама сила фактов побеждает первоначальное устремление держав, заключивших этот договор.

Великий государственный деятель XIX столетия выразил эту истину следующими словами: «Для письменных договоров элемент политических интересов является необходимой подкладкой».

Таким образом, восточный вопрос не был снят с повестки дня в результате заключенного в 1934 году договора, напротив, он продолжал тормозить развитие международных отношений. Как показало представление доказательств, в ходе политического развития все яснее и яснее становилось то, что рано или поздно дóлжно прийти к какому-либо решению. Противоречащий этнологической, культурной и экономической

действительности Устав свободного города Данцига, а также и изоляция Восточной Пруссии путем создания Коридора дали пищу конфликтам, необходимость разрешения которых вызывала опасение у некоторых государственных деятелей еще в Версале.

Данные Англией гарантии Польше 31 марта 1939 г., которые привели к заключению пакта о взаимопомощи 25 августа 1939 г., способствовали бы в случае возникновения конфликтов с этим государством с самого начала отрицательному отношению поляков к любому пересмотру, причем даже к пересмотру в самом ограниченном размере.

Эти гарантии опять-таки показали, какие значительные выводы сделала Великобритания из наблюдения за реальными политическими событиями, которые позволили ей установить распад системы коллективной безопасности; эти гарантии показали, как мало доверяла она практическому значению морального осуждения войны в пакте Бриана — Келлога.

Следовательно, г-н фон Риббентроп должен был на основании позиции Великобритании сделать вывод, что польское правительство, от которого Германия могла ожидать взаимопонимания, не изменит ни в чем своей неуступчивой позиции. Развитие событий в последующие месяцы показало, что это предположение оправдалось.

То, что надвигающаяся опасность будет развиваться в рамках обычных принципов политики, направленной на реализацию интересов собственного государства, особенно ярко показало вступление Советского Союза в этот конфликт. И он, таким образом, расстался с основами, на которых зиждилась система коллективной безопасности. Он рассматривал надвигающийся конфликт только с точки зрения русских интересов. Учитывая положение вещей, г-н фон Риббентроп старался в случае неизбежности конфликта по крайней мере локализовать его. Он с полным правом мог надеяться на то, что эти его устремления увенчаются успехом, ибо две державы — Советский Союз и Германия, в первую очередь заинтересованные в Восточной Европе, заключили между собой перед началом вооруженного столкновения не только пакт о ненападении, но и пакт о дружбе. Одновременно путем заключения тайного договора они пришли к соглашению о будущей судьбе польской территории и прибалтийских государств.

Но несмотря на все это, весь механизм пактов о ненападении был выключен; это привело к тому, что локальный конфликт в Восточной Европе превратился в мировой пожар.

Если обвинение хочет создать правовой масштаб для этих событий, то нельзя не учитывать соучастия Советского Союза.

Конфликт в Восточной Европе превратился в европейский конфликт, который в свою очередь неизбежно вызвал впоследствии мировой конфликт, и все это благодаря тому, что Великобритания и Франция приняли в этом участие. Вступление этих держав в войну последовало в форме, предусмотренной Третьим гаагским соглашением относительно начала военных действий, а именно в форме ультиматума с обусловленным объявлением войны.

Г-н судья Джексон на заседании 9 марта 1946 г. (стенограмма, стр. 6135) уточнил обвинение в том направлении, что расширение театра войны западными державами не являлось наказуемым в связи с агрессивными действиями Германии. Эта точка зрения соответствует его общим заявлениям, сделанным при определении понятия агрессии. Если бы он (судья Джексон) захотел быть последовательным, то он должен был бы объявить Великобританию и Францию агрессорами по отношению к Германии, ибо они привели к состоянию войны с помощью ультиматума.

Мне кажется, что никакого противоречия между мной и обвинением не возникнет, если я и здесь выскажу предположение, что такой результат не соответствует истинному мнению обвинения. Обвинение исключает такие доказательства, которые касаются политико-исторического фона войны. Обвинение, следовательно, ограничилось формально-юридическим определением и не стало опираться на отдельные критерии этого определения. Тем самым оно подтвердило мой окончательный вывод, который я уже высказал перед Трибуналом, а именно то, что определение, предложенное обвинением, не представляет подходящей базы для квалификации неопределенного понятия агрессии.

Я хочу обратить внимание на результаты событий, имевших место перед началом войны. Пакт Бриана — Келлога и понятие агрессии, то есть столпы обвинения, не могут удержать этого обвинения. Пакт Бриана — Келлога не имел такого содержания, которое можно было бы признать юридической нормой; он не содержал угрозы наказания для государства, как не содержал ее и для отдельных лиц. Попытка придать ему жизненность с помощью формального понятия агрессии разбилась о политическую действительность.

В распространении конфликта на Скандинавию Риббентроп участвовал в такой незначительной степени, что это действие нельзя вменить ему в вину как отдельное законченное преступление. Как показали допросы Редера и Кейтеля, Риббентроп был предупрежден об этом мероприятии лишь за 36 часов до начала его проведения. Его соучастие состояло лишь в том, что он составил ноты, которые по форме и содержанию были ему заранее предписаны.

Относительно фактической стороны, а именно о предстоящем нарушении скандинавского нейтралитета западными державами, сведения он черпал из получаемой им информации. Как показало представление доказательств и как позднее покажу я при рассмотрении правовой стороны вопроса, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, не имел полномочий для проверки этой информации и никаких необходимых для этого вспомогательных средств. Если считать, что эта информация была правильной, то он с полным правом мог предположить, что Германская империя, намереваясь провести подобное мероприятие, действовала в соответствии с международным правом. Более точное освещение этих праaоaых вопросов я предоставляю моему коллеге доктору Зимерсу, подзащитный которого Редер предоставлял Гитлеру информацию о

намерениях противника и выступил перед последним с предложением оккупировать Скандинавию.

Что касается Бельгии и Нидерландов, то в ходе представления доказательств было выявлено, что эти державы не могли обеспечить соблюдения нейтралитета бельгийско-нидерландской территории. Еще до войны между генеральными штабами западных держав и генеральными штабами этих двух нейтральных государств имелись соглашения; между ними происходил также постоянный обмен мнениями по вопросу об оккупации в случае конфликта с Германией и о позиции, которую должны занять данные государства в случае конфликта. Детальные выступления и построенные под руководством офицеров западных держав системы укреплений должны были подготовить принятие союзных воинских частей. Эти планы распространялись не только на сотрудничество участвовавших армий, но и на включение определенных гражданских учреждений для обеспечения снабжения и успешного продвижения союзных армий.

Существенным моментом в этих приготовлениях является тот факт, что они были задуманы не только для обороны, но и для наступления. По этой причине Бельгия и Нидерланды не хотели или не могли воспрепятствовать постоянным перелетам британских боевых авиасоединений, которые ставили своей ближайшей целью разрушение Рурской области, ахиллесовой пяты германской военной промышленности. Эта область в случае наступления на суше явилась бы основной целью союзников.

Эти намерения, а также и интенсивная подготовка наступательных действий со стороны западных держав были точно установлены всевозможными источниками информации. В результате группировка наступательных сил привела к тому, что бельгийско-нидерландская территория была включена в область военных действий. Эти сообщения, как уже говорилось при описании предшествовавшего конфликта, все время доводились до сведения Риббентропа самим Гитлером или его уполномоченными. И здесь Риббентроп должен был доверять правильности этих сообщений, не имея права и не считая возможным проверять их. И он на основании этих сообщений пришел к выводу, что для предотвращения смертельной опасности, то есть для предотвращения наступления союзников на Рурскую область, необходимо принять контрмеры. Исходя из этих соображений и учитывая масштабы современных военных операций, нельзя было исключить Люксембург.

Обвинение в связи с этими мероприятиями вменяет в вину германской внешней политике и, таким образом, Риббентропу ввод войск на территорию Бельгии и Голландии, что противоречит Пятой гаагской конвенции относительно прав и обязанностей нейтральных держав и нейтральных лиц в случае войны.

Обвинение не учитывает при этом, что этот договор не имеет отношения к вовлечению в войну нейтрального государства, в войну, которая ведется другими государствами, и что договор существует лишь для установления прав и обязанностей нейтральных государств и государств, ведущих войну, до того момента, пока нейтралитет существует. Обвинение сделало ошибку, используя свою, как я уже показал, неправильную

интерпретацию пакта Бриана — Келлога, распространив его положения на соглашение, которое было заключено двадцатью годами ранее. Все соглашения относительно прав во время войны и в особенности относительно порядка ведения сухопутной войны, а также соглашение о нейтралитете в области сухопутной и морской войны строились исходя из того, что военное положение как бы существует.

Это установление уничтожает ссылку обвинения на Пятую гаагскую конвенцию о запрещении расширять театр военных действий за счет нейтральных государств, которые ратифицировали это соглашение.

Далее вообще сомнительно, можно ли, как это делает обвинение, упоминать Локарнский договор в связи с включением Бельгии в войну. Локарнская система после отказа от нее Германии в 1935 году совсем развалилась, как это покажет защитник фон Нейрата. Все попытки добиться нового соглашения, которое должно было встать на место этой системы, исходили из того факта, что созданное Германией действительное положение должно послужить исходной точкой нового соглашения. Об этом особенно свидетельствуют британские и французские планы, составленные в связи с предусмотренным новым соглашением. Согласия добиться не удалось. Однако длительные и детальные переговоры показали со всей ясностью, что Локарнский договор ни одним из участников не рассматривался как действующий. Напротив, западные державы перешли к обсуждению вопроса о том, каковы будут последствия обстоятельств, гарантирующих западные границы.

Остается признать, что система договоров, таким образом, стала устаревшей. В 1940 году, следовательно, у Германии не было тех обязательств, которые имелись у нее по западному пакту от 1925 года.

О соглашениях относительно третейских судов и о так называемых дополнительных соглашениях, которые связаны с Локарнским договором и которые были заключены с Бельгией, Польшей и Чехословакией, я буду говорить позднее, когда буду рассматривать обязательства Германской империи относительно мирного разрешения конфликтов.

Что касается Люксембурга, то само обвинение не ссылалось на нейтралитет этой страны.

Югославия. Когда 24 марта 1941 г. югославское правительство заявило о своем присоединении к Пакту трех держав, Риббентроп не мог предполагать на основании всех имеющихся в его распоряжении сведений, что через несколько дней после этого присоединения в силу политических причин необходимо будет военное вмешательство Германии на Балканах. Эта обстановка была создана в результате насильственной смены правительства в Белграде. Реакция на присоединение правительства Стоядиновича к Пакту трех держав имела своим последствием то, что в Югославии произошел новый политический переворот под руководством Симовича, цель которого заключалась в установлении тесного сотрудничества с западными державами против идеи Пакта трех держав.

Учитывая эту неясную обстановку внутри Югославии, которая усугубилась в результате мобилизации югославской армии и развертывания ее вдоль германской границы, Гитлер внезапно принял решение о военных операциях на Балканах. Он принял это решение без ведома Риббентропа, думая, что устранит серьезную опасность, угрожавшую итальянскому союзнику.

Допрос подсудимого Иодля с очевидностью показал, что Риббентроп после принятия решения Гитлером и после путча Симовича прилагал серьезные усилия для того, чтобы до начала военных операций попытаться исчерпать дипломатические возможности. Иодль здесь подтвердил, что эти усилия Риббентропа были отвергнуты так резко, что, учитывая характер Гитлера и господствовавшие методы, было невозможно оказать на него влияние...

После того как 23 августа 1939 г. Риббентроп подписал в Москве заключенный между Германией и Советским Союзом договор о ненападении, включая тайное соглашение о разделе Польши и передаче прибалтийских государств России, на ближайший период идеологические противоречия между национал-социализмом и большевизмом, которые временами были очень резкими, были исключены как элемент опасности из международной сферы.

Эта система договоров, которая в течение последовавших месяцев была дополнена, оказала благоприятное влияние на оценку внешней политики Гитлера со стороны широких слоев германского народа, обеспокоенных противоречиями в мировоззрении.

С того времени, как Бисмарк заключил с Россией договор о взаимных гарантиях, в Германии все были убеждены, что сохранение дружественных отношений с Россией всегда должно быть целью нашей внешней политики.

Г-н Риббентроп тогда, исходя из только что упомянутых традиционных соображений, видел в этих договорах прочную опору германской внешней политики. Следуя своим убеждениям, он зимой 1940 г. дважды приглашал народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова в Берлин, чтобы разрешить возникавшие в то время вопросы. К сожалению, вторая беседа не привела к желаемым результатам.

У Гитлера результаты этих переговоров и тайные сообщения вызывали большие опасения относительно позиции Советского Союза по отношению к Германии. В частности, Гитлер рассматривал образ действий России в прибалтийских странах, а также вступление советских войск в Бессарабию и Буковину как акты, которые представляли угрозу германским интересам в пограничных государствах на побережье Балтийского моря и в румынских нефтеносных районах. Кроме того, он видел в политике СССР возможность приобретения влияния на Болгарию. Он мог усмотреть подтверждение своего подозрения в заключении 5 апреля 1941 г. Советским Союзом пакта о дружбе с Югославией, который был подписвн в тот момент, когда Югославия после смены правительства угрожала перейти в лагерь западных держав.

Несмотря на то, что Гитлер неоднократно высказывался перед г-ном фон Риббентропом о своих опасениях, подсудимый все же пытался разрядить создавшуюся атмосферу. Суд разрешил мне предъявить показания, которые подтверждают, что г-н фон Риббентроп еще в декабре 1940 г. пытался во время одной подобной беседы с Гитлером склонить последнего дать ему полномочия для осуществления присоединения России к Пакту трех держав. Это доказательство подтверждает, что г-н фон Риббентроп после этой беседы придерживался мнения, что данный шаг он мог осуществить только с согласия Гитлера. В последующее время у Гитлера эти опасения появлялись все чаще и чаще; они подкреплялись исходящими от его тайной разведки секретными данными о военной подготовке, имевшей место по ту сторону восточной границы. Весной 1941 г. г-н фон Риббентроп пытался привезти тогдашнего посла в Москве и одного из его помощников к Гитлеру в Берхтесгаден. Оба дипломата к Гитлеру допущены не были. Этим при существующем режиме все возможности г-на фон Риббентропа, в рамках его должности, были исчерпаны. Он не видел возможности и дальше не признавать доведенных до его сведения данных.

Как сообщил генерал-полковник Иодль, у него, как и у всех командующих, принимавших участие в первых операциях похода на Россию, создалось впечатление, будто немецкие войска застали русских в самый разгар их сосредоточения для ведения наступательных операций. Это же, между прочим, доказывают и найденные карты с обозначением пространства по нашу сторону от русско-германской границы. Разве можно предположить, что такое поведение Советского Союза находилось в соответствии с положениями пакта о ненападении?

К этому времени симптомы превращения европейской войны в войну мировую стали весьма заметными. Соединенные Штаты вступили в войну с законом о нейтралитете, подчинившись заранее твердо установленным правилам на случай возможной войны. Закон о нейтралитете вступил в силу после оглашения его президентом. Закон указал на зоны опасности, находясь в черте которых американские суда не могут рассчитывать на помощь со стороны своего правительства.

Эта позиция в начале войны подтверждает, что инициаторы пакта Бриана — Келлога (Соединенные Штаты) не придерживались того мнения, что исконное право нейтралитета в какой-либо мере было бы этим поколеблено.

По мере расширения театра военных действий и обострения методов ведения войны в Европе Соединенные Штаты все больше и больше отказывались от своих прежних позиций по отношению к Германии, несмотря на то, что со стороны Германии не было сделано ничего такого, что могло бы привести к конфликту.

Опыт первой мировой войны вызвал у всех немцев, а также и у Риббентропа решимость всеми силами противиться вмешательству со стороны США. Со времени речи Рузвельта о «карантине» в 1937 году стали особенно заметны сильные разногласия в идеолого-политическом мышлении мировой обще-

ственности. Ситуация еще больше обострилась из-за событий, имевших место в 1938 году в Германии, которые затем послужили причиной, по которой посол Соединенных Штатов в Берлине был вызван в Вашингтон для отчета и затем вернулся обратно на свой пост.

Поскольку Соединенные Штаты продолжали придерживаться политики нейтралитета, что нашло свое выражение в законодательных актах, вступивших в силу в начале войны, Риббентроп мог сделать вывод, что разногласия во мнениях по вопросу внутриполитического устройства государства не нарушат нейтралитета Соединенных Штатов по отношению к Германии. Руководствуясь этим, Германия в начале войны отклоняла все, что могло бы послужить во вред Соединенным Штатам. Кроме того, даже целый ряд действий со стороны Соединенных Штатов, направленных на ослабление Германии и не вяжущихся с нейтралитетом Соединенных Штатов в отношении Германии, был оставлен германским правительством без внимания.

В августе 1941 года Соединенные Штаты стали прокламировать Атлантическую хартию в качестве программы нового порядка сосуществования народов и мировая общественность узнала о том, что политические цели нейтральной Америки и ведущей войну Великобритании общие. Атлантическая хартия носила явно враждебный характер по отношению к странам оси, не оставляя больше сомнений в том, что Соединенные Штаты выступают на стороне общих противников.

Следуют инциденты на море, которые, как показали предъявленные доказательства, свидетельствовали о том, что США оказывают материальную помощь Великобритании.

Занятием Исландии, Гренландии летом и осенью 1941 года Соединенные Штаты взяли на себя охрану важнейших коммуникаций для находившейся в тяжелом положении Великобритании. Таким образом, здесь имела место военная интервенция еще до начала официально объявленной войны... Значит, еще за несколько месяцев до 11 декабря 1941 г. США приняли меры, которые обычно проводятся только во время войны. Начало войны было лишь звеном — и то не самым главным — в целой цепи следовавших один за другим событий. Война началась нападением японцев на Перл-Харбор, которое, как было доказано на процессе путем представления доказательств, Германия не могла предвидеть и которое она ничем не провоцировала.

Согласно формальному определению агрессии факт объявления войны является одним из критериев для определения агрессора, но, как я уже говорил в связи с развитием войны в Европе, один этот критерий без учета сути дела не является единственной уликой, определяющей агрессора. В ответ на многочисленные нарушения нейтралитета со стороны Соединенных Штатов, которые могли быть приравнены к военным действиям, Германия давно была вправе ответить на это такими же военными действиями. Было ли это право ответа на подобные действия использовано до объявления войны или после объявления войны, не играет роли.

До сих пор я освещал события, рассматриваемые обвинением как агрессивные действия с начала польской кампании до

вступления в войну Соединенных Штатов. Остается еще осветить с юридической точки зрения нарушения заключенных Германией договоров, предусматривающих мирное разрешение политических конфликтов.

Риббентропу ставится в вину не только то, что он принимал участие в агрессивных действиях, но, оказывается, и то, что он был обязан привести в действие механизм этих договоров прежде, чем дело дошло до вооруженных конфликтов. Обвинение считает, что предусмотренные в договорах пути мирного урегулирования не были использованы и это упущение Риббентропа может считаться уголовным преступлением. Такое мнение является ошибочным с юридической точки зрения.

Если мы станем на точку зрения обвинения, то увидим, что сделанные им выводы не могут быть состоятельными, несмотря на фундамент, на котором они зиждятся.

Если отдельный министр будет нести уголовную ответственность за невыполнение договора, то обвинение должно спросить, был ли вообще в состоянии этот министр своей деятельностью достичь значительного влияния на развитие событий. Соглвсно присущему природе уголовной системы основному положению обвиняемый может быть наказан за свое упущение лишь в том случае, если он фактически был в состоянии и был обязан действовать с юридической точки зрения. Насколько незначительны были реальные возможности Риббентропа оказывать влияние я укажу, когда буду говорить о заговоре. Решающим при этом является то, что он юридически не был в состоянии делать обязательные заявления иностранным державам от лица Германской империи, если он не был уполномочен на это главой государства.

Гитлер как глава государства является представителем Германской империи на международной арене. Только он мог делать обязательные заявления внешнему миру. Все остальные лица могли это делать лишь на основании полномочий, полученных от главы государства.

Подсудимый никогда не мог бы достнчь юридического влияния, если бы он и попробовал против воли фюрера самостоятельно использовать предусмотренную в многочисленных договорах и соглашениях о третейских судах возможность разрешения споров. Только Гитлер мог пользоваться таким приемом. Подсудимый был бы в состоянии сделать это лишь по его поручению. Он не имел права давать советы, если Гитлер его игнорировал...

Обвинение далее говорит о заверениях, которые Гитлер и Риббентроп давали некоторым государствам, с которыми впоследствии Германия вступила в войну. Следует учесть, что Риббентроп давал их не от своего имени, и, поскольку речь шла о передаче высказываний фюрера, вопрос о его соучастии мог бы возникнуть лишь в том случае, если бы он давал Гитлеру в этом направлении советы. Никаких доказательств этому в процессе предъявления последних представлено не было. Большая часть этих заверений содержалась в речах, с которыми Гитлер выступал перед немецким народом как на митингах, так и в рейхстаге.

Сомнительно, чтобы такие заверения, поскольку они выражались в первую очередь перед германской общественностью, давали бы основание для обязательных действий в части международных взаимоотношений.

До сих пор я говорил об актах, относящихся к развязыванию войны и ее ведению, сейчас же я перехожу ко второму большому разделу Обвинительного заключения, разбирающему преступления во время войны.

Пункт «b» статьи 6 Устава объявляет наказуемым нарушение законов и обычаев войны. Он определяет это понятие путем перечисления ряда примеров, таких, как депортация, расстрел заложников и т.д. Эти примеры, однако, не исчерпывают полностью перечня военных преступлений и преступлений против человечности.

Мы также, как это указано в статье 6, должны представить Суду соображения о квалификации, которая может стать основой для его решения.

Я согласен с предложенным французским обвинителем методом. Он звявил, что ему не возбраняется дополнять исчерпываемый перечень преступлений, перечисленных в Уставе.

Что для обвинения правильно, то справедливо и для защиты.

Употребление выражения «законы и обычаи войны», так же как и перечисленные примеры, заставляет предполагать, что Устав хочет уничтожить классическое военное право. Отдельные факты, которые подпадают под совокупное понятие военных преступлений, должны каждый раз в отдельности расследоваться для установления, предусмотрены ли они как таковые традиционными правилами ведения войны между государствами. В то время как классическое международное право делает ответственным лишь государство в целом, военное право испокон веков являлось исключением, допускающим ответственность отдельных действующих лиц. Насколько эта ответственность отдельных лиц может после войны привести к уголовному преследованию, сделалось предметом многочисленных обсуждений. Можно считать установившимся государственной практикой такой порядок, когда воюющая страна, против которой были совершены военные преступления, может после войны привлечь к ответственности виновника. Если многие государства, воевавшие бок о бок, устроят единый суд над военными преступниками побежденного противника, то они воссоединят в себе компетенцию всех государств, принимавших участие в создании Трибунала, и государств, примкнувших к его Уставу.

Когда говорят о наказуемости отдельных лиц за преступления, совершенные по отношению к противнику во время войны, то в первую очередь имеют в виду лиц, принадлежавших ранее к составу вооруженных сил. Уже в Версале возникли трудности при рассмотрении вопроса о привлечении к ответственности военных командующих. Мысль о привлечении к уголовной ответственности министра еще никогда не возникала. И в Версале комиссия по военным преступлениям занималась вопросом привлечения к ответственности невоенных лиц только с политической точки зрения. Она делала ясное различие между виновностью в военных

преступлениях, за которые приговор должен быть вынесен союзническим Трибуналом, и виновностью за начало войны, для расследования и осуждения которой должен был быть создан особый политический международный трибунал.

Таким образом, существующих предпосылок недостаточно для того, чтобы возложнть ответственность за нарушение военного права на министра-специалиста. Обвинение достигло такого результата лишь обходным путем, выставив обвинение в заговоре. Если следовать этому истолкованию понятия, то имперский министр иностранных дел должен нести ответственность за уничтожение деревни Орадур, то есть он должен страдать за действия, которые не имеют ни малейшего отношения к внешней политике империи и представляют собой лишь отдельные действия каких-либо инстанций.

Как показало представление доказательств, имперский министр иностранных дел не только не ведал ведением войны, но и фактически не имел ни малейшей возможности оказывать сдерживающее или какое-либо иное влияние на аоенные мероприятия.

Если хотят рассматривать отдельных специальных министров как группу заговорщиков также и в отношении совершения военных преступлений, то надо доказать, что военные инстанции, призванные вести аойну, действовали с согласия, по крайней мере с ведома, этих министров.

Воссоединение военных командных инстанций и министров в одно целое, которое было направлено на совершение уголовных действий, внушающих омерзение всякому порядочному человеку, является чуждой действительности конструкцией обвинения, воздвигнутой задним числом. Это целое, не существовавшее во время совершения этих действий, получает свое определение как понятие лишь сейчас. Факты приводятся в соответствие с этим понятием задним числом. Ясно, что уголовный процесс не может строиться на таком методе.

Таким образом, Риббентроп не может быть наказан без разбора за все военные преступления, которые в течение последней войны были совершены германской стороной. На него может возлагаться ответственность за отдельные действия лишь в том случае, если он сам принимал участие в определенных конкретных действиях.

Риббентропу ставится в вину, что он, согласно показаниям генерала Лахузена, давал адмиралу Квнарису «указания» сжигать украинскне деревни и уничтожать живущих там евреев. В первую очередь я констатирую, что министр иностранных дел не мог давать военному учреждению никаких указаний...

Я прошу Суд при вынесении решения о военных преступлениях и преступлениях против человечности, в которых обвиняется Риббентроп, взять за основу общую позицию подсудимого в вопросе гуманности...

Далее, Риббентропу в качестве военного преступления инкриминируется его участие в преступном обращении с летчиками-террористами.

Мой подзащитный, так же как и подсудимый Геринг, оспаривает, что упоминаемое в документе ПС-735 совещание во

дворце Клесхейм действительно состоялось. Я хотел бы подчеркнуть, что генерал Варлимонт, сделавший записи об этом совещании, сам не принимал участия в нем. Приписываемые в документе Риббентропу высказывания вообще противоречат его обычной позиции в этом вопросе.

Дальнейшее представление доказательств по вопросу о летчиках-террористах в ходе допроса Иодля и Кейтеля показало, что не только министерство иностранных дел, но и Риббентроп лично в принципе выступали за то, чтобы придерживаться положений Женевской конвенции, и что Риббентроп вместе с другими руководящими лицами выступал перед Гитлером даже в самое жестокое время его правления за сохранение человеческих принципов...

С разрешения Трибунала я изложил, какова была роль фон Риббентропа до войны, в начале войны и во время войны.

Наряду с этим обвинение возлагает ответственность на всех подсудимых за все преступления, о которых на процессе шла речь. Для обоснования этого своего общего утверждения оно использует понятие заговора.

Я должен ограничиться разбором вопроса об участии в заговоре только с точки зрения фактического и юридического положения министра иностранных дел «третьей империи».

По Уставу и Обвинительному заключению под заговором понимается определенная форма соучастия в уголовно-наказуемых действиях.

Такой род преступлений до сих пор не был известен германскому и континентальному праву. Он существовал только в англосаксонском праве. В этом праве под заговором понимается соучастие в наказуемом действии, для доказательства которого в качестве минимального признака необходимо объединение для совершения преступления.

Дальнейшей предпосылкой является то, что общий план должен повлечь за собой осуществление определенно наказуемого действия.

Из этой формы соучастия в преступлении исходит также Устав, устанавливая наказание за все уголовные действия, перечисленные в статье 6-й.

Чтобы представить участников якобы существовавшего заговора как какое-то единое целое, обвинение пользуется примером пиратства. Все заговорщики находятся на пиратском корабле, который в нарушение всех законов и прав наций отправляется на разбой и поэтому совершенно свободен. Всякий, кто наказывает экипаж данного корабля, вносит свою лепту в дело восстановления права.

На первый взгляд эта картина подкупает. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что здесь мы имеем дело с метким словом, которое пытается перенести наличие единых целей у экипажа пиратского корабля, связанного со своим судном в горе и радости, на несравненно более сложные условия, существующие в современной государственной организации.

Бороться с пиратами в открытом море по традиционному общепризнанному и неоспоримому воззрению имеют право кораб-

ли всех наций, встретившие пиратское судно. В уголовном праве почти всех наций существуют положения о борьбе с ними.

Действия, которые вменяются в вину Риббентропу, были совершены в то время, когда Германская империя и ее противники выступили друг против друга на международной арене сначала в мирное, а затем и в военное время. Таким образом, пример из сферы внутригосударственного общего уголовного права не подходит для того, чтобы создать ясное представление о заговоре всего государственного аппарата.

Ни официальный пост министра иностранных дел, который занимал Риббентроп, ни отдельные действия, которые он совершал во время этой деятельности, не могут представить его членом какого-либо заговора.

Если следовать за Уставом и обвинением, то напрашивается вывод, совершенно чуждый действительности и праву, что Риббентроп, хотя он, как это доказано представлением доказательств, лично и в деловом отношении не имел никакого влияния на оккупированные восточные области, должен нести ответственность за все совершенные там военные преступления и преступления против человечности...

Если дать положительный ответ на вопрос о существовании заговора для совершения преступлений против человечности и военных преступлений, то на практике это приведет к тому, что, например, Риббентроп и министерство иностранных дел были ответственны за военные преступления, преступления против человечности, хотя из представления доказательств ясно, что именно это ведомство постоянно старалось соблюдать предписанные международным правом правила ведения войны и выступало за соблюдение Женевской конвенции...

С разрешения Суда я хочу перейти к рассмотрению заговора, который якобы имеет отношение к планированию и подготовке агрессивных войн и нарушению договоров. В рамках этого заговора подсудимый должен как министр иностранных дел, а также как лицо, занимавшее дипломатические посты до этого времени, нести ответственность.

Такого рода заговор имеет, очевидно, что-то общее со всеми действиями и планами, которые находятся в какой-либо связи с войной: подготовкой, началом и ходом ее. Так как эти отдельные действия, которые охватываются этим необычайным комплексным понятием, сами по себе не относятся к делу с точки зрения уголовного права и до сих пор никогда не охватывались с точки зрения уголовного преступления — «развязывания войны», то такая разновидность заговора не содержит в себе того состава преступлений, который охватывался бы средствами какой-либо уголовно-правовой системы мира. Поэтому мне не остается ничего другого, как рассмотреть этот комплекс с точки зрения положения Риббентропа как министра и его отношения к Германской империи, которая вела отдельные войны.

Фон Риббентроп с 4 февраля 1938 г. занимал пост министра иностранных дел Германской империи. Как показали результаты представления доказательств, Риббентроп был назначен на этот пост в то время, когда фактическое руководство внешней полити-

кой перешло уже к Гитлеру, занимавшему одновременно в то время два поста: рейхсканцлера и главы государства.

Гитлер в своей речи от 17 июля 1940 г., произнесенной в Кроль-опере, подчеркнул (я предъявил эту речь в качестве документального доказательства), что фон Риббентроп уже тогда и в течение последующих лет должен был проводить внешнюю политику соглвсно директивам Гитлера. Таким образом, фон Риббентроп не занимал такого положения министра, которое обычно связывается с этим понятием в современных конституционных государствах. Он не занимал такого положения ни фактически, как об этом говорится в только что упомянутой мной речи, ни юридически.

Риббентроп и другие подсудимые, несомненно, обладали значительной властью в их собственной, интересующей Гитлера сфере. От участия в вынесении решений о войне и мире они были устранены.

На посту министра иностранных дел, каким был Риббентроп, не нужен был самостоятельный человек. Риббентроп чувствовал это, как об этом показал здесь статс-секретарь Штейнграхт. Он высказался следующим образом: «Гитлеру нужен был самое большее секретарь по внешнеполитическим вопросам, но не министр иностранных дел...».

До сих пор при обсуждении результатов представления доказательств я ссылался на существующее международное право и Устав, которые Вы, господин председатель, охарактеризовали на заседании 20 июня 1946 г. как основу правосудия на этом процессе. До сих пор международный правопорядок не мог разрешить проблемы, которые должны быть разрешены здесь. По причинам этой несостоятельности возникла вторая мировая война.

Нельзя охватить сегодня всех последствий катастрофы, которую этот правопорядок не мог предотвратить. Предотвращение подобной катастрофы в будущем является величайшей целью всего человечества, которая лежит в основе Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. Что это не могло быть еще достигнуто, показывает с ужасающей ясностью тот факт, что в тот день, когда Устав данного Трибунала был провозглашен миру как новое право, между Советским Союзом и Японией началась война. Советский Союз обещал это союзникам уже полгода назад. В качестве обоснования наряду с другими причинами было приведено то, что Россия должна свести с этой страной старые счеты. Таким образом, здесь имел место типичный случай неспровоцированного нападения.

Я говорил о том, что невозможно дать общее определение агрессора и агрессии, которое охватило бы все события действительности. Только международная инстанция может заклеймить то или иное государство как агрессора. Эта верховная инстанция человечества должна иметь не только фактический, но и моральный авторитет. Должно быть внушено общее доверие к ее беспристрастной оценке. Должен быть создан ареопаг, который возвышается над всеми партиями и у которого спорящие партии должны искать правосудия, а не сидеть в качестве судей в нем.

Сейчас мы находимся в переходном периоде от старого права, при господстве которого мир покрылся развалинами, к

новому мировому праву, контуры которого начинают проявляться, но которое еще не укреплено достаточно в моральном отношении.

В этот период становления нового порядка и отмирания прошлого очень трудной, почти превышающей человеческие возможности задачей является взвесить и оценить с уголовной точки зрения действия, совершенные бывшим имперским министром иностранных дел фон Риббентропом, его участие в происшедшем, его несостоятельность и его личную вину.

Выступление О. НЕЛЬТЕ, защитника подсудимого Вильгельма Кейтеля

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 8 и 9 июля 1946 г.

«Мы должны подойти к своей задаче так рассудительно и с такой духовной неподкупностью, чтобы когда-нибудь в будущем этот процесс выглядел как исполнение мечты человека о справедливости».

Эти слова из обвинительной речи Главного обвинителя от США Джексона должны быть лейтмотивом для всех тех, кому выпала задача помочь установить истину на данном процессе. То, что эта истина не может быть абсолютной, высказали уже представители обвинения...

Было высказано мнение, что не существует намерения уничтожить весь германский народ. Безоговорочной капитуляцией мы отданы на милость державам-победительницам. Однако было сказано, что приговор Суда должен быть справедливым. Здесь, на данном процессе, лейтмотивом не должна быть милость или немилость, им должна быть справедливость. Справедливость не означает мягкость. Однако справедливым приговор может быть только в том случае, если он примет во внимание все обстоятельства, анализирующие действия и поведение подсудимого. То, что произошло и что составляет объект обвинения, нельзя простить. Я могу лишь попытаться сделать анализ. Горе, несчастье, постигшее все человечество, так велики, что их нельзя выговорить словами. Германский народ после того, как он узнал, какая катастрофа разразилась над народами Запада и Востока и над евреями, чувствует сострадание к жертвам, сострадание, полное ужаса. Германскому народу известно, что значит это несчастье, так как он разбит, как никакой другой народ, не только в военном отношении, но и вследствие ужасных воздушных налетов, миллионных потерь в рядах своей молодежи, оставшейся навсегда на поле битвы, вследствие эвакуации, бегства в мороз и стужу. Итак, мы знаем, что такое несчастье, мы знаем, что значит страдать. Но в то время, как другие народы могут рассматривать все эти ужасы и несчастье как страницу своего прошлого и под защитой государ-

ственного порядка питают надежду возвратиться к упорядоченному существованию и к счастливому будущему, над германским народом довлеет еще тьма безнадежности.

Приговор Трибунала, если бы он подтвердил вину германского народа, увековечил бы эту безнадежность. Германский народ не ждет оправдания. Он не ожидает, чтобы надо всем, что произошло, было распростерто покрывало христианской любви к ближнему и забвения. Германский народ готов нести на себе тяжесть последствий. Он хочет согласиться с этим, как со своей судьбой, и сделать все возможное для устранения последствий. Но он надеется также, что души и сердца остальных людей не так закостенели, что существующие напряженные отношения останутся и в дальнейшем, он надеется, что ненависть остального человечества к нему тоже не будет существовать вечно.

Ваша задача, господа судьи, чрезвычайно трудна. Мы не только говорим на различных языках, но и каждый из нас душой болеет за свою Родину...

Государственный порядок является твердой основой и опорой существования народа и обеспечивает ему чувство уверенности в жизни и в работе...

Руководство вооруженных сил, далекое от политических соображений, верило, как здесь засвидетельствовали все генералы и адмиралы, в законность правительства Гитлера. Оно рассматривало себя как инструмент законного правительства, так же как оно делало это, когда кайзер, Эберт и фон Гинденбург были верховными представителями Германии...

Задача защиты на данном процессе трудна. Германский народ относится к Нюрнбергскому процессу по-разному. Одни относятся к задаче защиты скептически и частично враждебно, так как считают защиту подсудимых поблажкой людям, которых они рассматривают как военных преступников, и думают, что защитники хотят увести подсудимых от справедливой кары. Другие называют этот процесс зрелищем, на котором защитники выступают в роли статистов, чтобы придать процессу видимость правосудия. В глазах этих немцев мы оказываемся виновными в покровительстве врагу.

У нас нет повода оправдываться, так как мы, будучи верными долгу нашей профессии, участием на процессе выполняем задачу, значение которой не нуждается в оправдании. Она состоит в выяснении истины, значение и последствия которой для нашего народа сейчас еще нельзя оценить, она состоит в обосновании причин и в ответе на вопросы в той мере, в какой это понадобится.

Только ясное понимание причин, сил и людей, приведших к разразившемуся над миром несчастью, обеспечит нашему народу возможность в будущем вновь найти путь к остальному миру.

Задача Трибунала состоит не в обосновании политических, экономических и метафизических причин второй мировой войны, не в изучении течения событий, а скорее только в решении вопроса о том, принимали ли подсудимые участие, и если да, то какое в том, чтó державы-победительницы сделали объектом данного процесса.

Задача защиты в рамках ее участия в установлении истины должна состоять в изучении вопроса о том, можно ли найти фактические или правовые доводы и какие именно в пользу подсудимых.

Документы играют главную роль в процессе предъявления доказательств на суде. По сравнению с ними свидетели отступают на задний план. Тем более велико значение изучения этих документов с точки зрения возможности использования и доказательственной ценности их...

Обвинение против Кейтеля распадается на два периода: с 1933 года по 4 февраля 1938 г. и с 4 февраля 1938 г. до конца войны. Поэтому подсудимый обвиняется не только как соучастник заговора, но и за личное участие во всех преступлениях. Этому обширному обвинению соответствует также место, отведенное подсудимому Кейтелю в выступлениях обвинителей.

Ни одна фамилия подсудимых не называлась обвинением так часто, как фамилия Кейтеля. Все время мы слышим: «приказ Кейтеля», «указания Кейтеля» и «приказ ОКВ», «директивы ОКВ» и т.д., причем это связывается с именем Кейтеля как «начальника ОКВ» с 4 февраля 1938 г.

Подсудимый относится к числу людей, которые в связи со смертью Гитлера попали под свет рампы общественности. С 1938 года он находился в непосредственном окружении Гитлера, был почти что постоянным его спутником. Ясно, какое значение это имеет для данного процесса. Обвинение неоднократно утверждало, что подсудимые, указывая на мертвых, хотят свалить на них собственную вину. Если целью данного процесса является установление правдивой картины всех событий и их связи между собой, то необходимое упоминание тех мертвых, которые, как известно обвинению, являются главными преступниками, не должно служить основанием для недоверия к тем, кто делает это. Это непосредственно относится к подсудимому Кейтелю, положение, влияние и действия которого невозможно правильно оценить, не осветив личности Гитлера и его отношения к Кейтелю.

Из выступления господина Джексона видно, что здесь речь идет об обвинении всей национал-социалистской системы. Обвинение является всеобъемлющим, но фактически выражается в 21 отдельном обвинительном акте.

Некоторые подсудимые являются в известной степени символическими фигурами сфер власти государства, в котором господствовала эта система — национал-социалистская партия, правительство и вооруженные силы.

Мне хотелось бы заявить, что все, о чем я буду говорить, делается с полного согласия подсудимого Кейтеля и, поскольку здесь будет идти речь о точке зрения и фактах, которые смогут оправдать подсудимого Кейтеля, это явится вкладом в дело выяснения событий и ответом на вопрос, как все могло произойти. Подсудимый не хочет, чтобы его положение и роль, которую он играл в драме, были приуменьшены, но в то же время он хотел бы предотвратить искажение его роли в событиях.

Я считаю себя обязанным объявить об этой позиции подсудимого Кейтеля, так как она значительно облегчает мою задачу. Подсудимому Кейтелю ясно, что если вспомнить об ужасных последствиях и обо всем чудовищном, что несомненно (не ставя здесь вопрос о виновности) совершено немцами и что неоспоримо следует отнести на счет приказов и распоряжений, с которыми Кейтель в той или иной форме соприкасался, то чувствуешь себя виновным, не размышляя о том, идет ли здесь речь о виновности в правовом смысле или о трагической сопричастности к самим событиям, их причинам и следствиям, в смысле выпавшей на их долю судьбы.

Обвинение утверждало, что все подсудимые в какой-то период времени объединились с нацистской партией для осуществления плана, который, как это было им известно, мог быть осуществлен только путем развязывания войны в Европе.

Относительно подсудимого Кейтеля было сказано, что он с 1933 года активно участвовал в заговоре.

В доказательство данного тезиса обвинение высказало следующее:

а) национал-социалистская программа сама по себе, то есть согласно ее точному тексту и смыслу, могла быть реализована только с применением насилия;

b) подсудимый Кейтель понимал это или должен был понимать;

c) зная это, он вместе с другими, в частности с некоторыми подсудимыми, участвовал в планировании агрессивных войн.

Я не хочу повторять то, что говорили здесь отдельные подсудимые во время дачи ими показаний...

Кейтель был кадровым офицером. В качестве такового он не мог быть членом партии. Офицерам запрещалась всякая политическая и партийно-политическая деятельность. Руководство вооруженных сил заботилось о том, чтобы не допустить влияния политики партии на вооруженные силы. Это относилось как к периоду до 1938 года, так и к позднейшему периоду. Гитлер сам подтвердил этот принцип, ясно сознавая, что не пришло еще время приобщать офицерский корпус к политике, не говоря уже о генералитете. Высшие офицеры по традиции и по профессии были «настроены националистически», как было принято говорить, и приветствовали выдвинутые Гитлером на первый план националистические пункты программы. Они рады были участию армии в осуществлении этой программы и без колебаний встали на сторону руководимого Гитлером правительства, когда оно объявило борьбу с Версальским договором и, в частности, с военно-политическими формулировками.

Нельзя не учесть и того, что осуществление национальных целей несло в себе опасность войны. Однако мне кажется, что дело обстоит таким образом, что генералы усматривали опасность не в том, что Гитлер хотел добиться национальных целей путем агрессивной войны, а скорее в том, что осуществление их привело бы к санкциям со стороны бывших «держав-противников». Генералы ввиду их вынужденного абсолютного военного бессилия были далеки от мысли о подготовке агрессивной войны.

Я остановлюсь более подробно на этой проблеме, тесно связанной с возобновлением вооружения, несколько позднее... Сейчас важно отметить, что круги, к которым принадлежал подсудимый Кейтель (я добавляю в период между 1933—1938 гг.):

1) не соприкасались с партийной программой,

2) не имели связи с партийными кругами,

3) симпатизировали одной части партийной программы, которая соответствовала их национальной позиции,

4) не думали об осуществлении национальных пунктов программы путем агрессивной войны, так как с военной точки зрения это не имело бы перспективы.

Можно было бы возразить, что если даже сами генералы и не думали об агрессивной войне, то они все-таки поняли или должны были бы понять, что Гитлер намеревается, если не сейчас, то в ближайшем будущем вести агрессивную войну.

Обвинение считает возможным утверждать, что подсудимый Кейтель сознавал это с 1933 года. Утверждение обвинения следует считать опровергнутым. То же самое относится и к утверждению о том, что он знал об этих целях из книги «Майн кампф», даже если считать, что она имелась у подсудимого. Поэтому здесь речь может идти только о том, знал ли Кейтель из других источников об агрессивных намерениях Гитлера. Что касается периода, предшествовавшего 1938 году, то получение таких сведений от самого Гитлера исключается, так как Кейтель говорил с ним первый раз только в конце января 1938 года.

Речи, произносимые Гитлером, так же как и прочими партийными руководителями, до этого периода были недвусмысленно направлены на сохранение мира. Оглядываясь назад, сейчас это можно назвать пропагандистской маскировкой противоположного намерения.

Если это было так, тогда такая маскировка успешно ввела в заблуждение не только миллионы немцев, но также и иностранные государства, настроенные по отношению к национал-социализму частично критически, частично враждебно...

Кейтель верил в мирные заверения. Он видел, что их правдивость подтверждается официальными предложениями о разоружении и договорами с Англией и Польшей. Он верил в это тем более, что, как уже было сказано, агрессивная война казалась ему невозможной.

Подсудимый фон Нейрат также неоднократно заявлял, что все, что он знал о политике Гитлера до 5 ноября 1937 г., оправдывало его глубокое убеждение в том, что Гитлер, осуществляя свои политические цели, не хотел прибегать ни к насилию, ни к агрессивным войнам. Это убеждение фон Нейрата было поколеблено только выступлением Гитлера от 5 ноября 1937 г. ...

Обвинение ставит подсудимому в вину то, что он знал о таком намерении Гитлера или должен был знать о нем. Это звучит неубедительно, и я предоставляю Трибуналу решить вопрос, учитывая все обстоятельства, имел ли он возможность быть в курсе дела относительно истинных намерений Гитлера. Мне кажется, что подсудимый Кейтель имеет право претендо-

вать на добрую веру в его неведение, если даже из других источников вытекает такая осведомленность или даже участие его в подготовке войны.

В качестве других источников в период с 1933 по 1938 год может быть принята во внимание деятельность Кейтеля в связи с вооружением и в комитете по вопросам обороны империи.

Обвинение в незаконном вооружении охватывает два момента, которые были объединены обвинением. Первое — тайное вооружение в нарушение Версальского договора и второе — вооружение в целях ведения агрессивных войн...

Кейтель воспринимал Версальский договор и особенно его военные формулировки как унижение Германии. Он считал долгом по отношению к своей стране содействовать устранению такого положения. Он был убежден в том, что Версальский договор вследствие невыносимых в военном и территориальном отношении положений должен быть когда-либо пересмотрен... На основании этого убеждения он, как немец и солдат, считал себя вправе на том служебном посту, который занимал в то время, рассматривать военные положения Версальского договора как невыносимые, то есть необеспечивающие эффективную оборону и ограничивающие возможности ее развития.

Не будучи сам к этому причастен, он при существующем положении вещей не считал несправедливым то, что Германия строила в Финляндии подводные лодки не для себя, а с целью приобретения опыта и обучения специалистов, что она финансировала конструкторское бюро в Амстердаме для того, чтобы следить за прогрессом в области авиации и воспользоваться новшествами, не строя самолетов...

Учитывая освещенные здесь факты, Трибунал должен проверить и решить, действительно ли подсудимый Кейтель преступным образом нарушал военные статьи Версальского договора в духе предъявленного ему обвинения. Во всяком случае, обвинение не предъявило ему конкретных фактов в связи с данным пунктом.

Бесспорно то, что с 1933 года в империи началось вооружение. Подсудимый Кейтель признал это и заявил, что на постах, которые он занимал до 30 сентября 1934 г., он соответственно своим функциям участвовал в вооружении. Вооружение проводилось продуманно и организованно. Обвинение, собрав относящиеся к этому документы, в частности, представило документ ПС-2353, протоколы заседаний имперского комитета обороны. Однако в ходе представления доказательств общая картина периода с 1933 по 1938 год не была ясно обрисована. Обвинение представило доказательства ретроспективно и на основании последствий войны сделало заключение о мотивах вооружения. Одновременно на основании того неоспоримого факта, что это вооружение не могло быть осуществлено одним человеком, заключило, что здесь имело место общее планирование в целях ведения агрессивных войн.

В чем же заключается решающий признак вооружения или какой-либо другой подготовки на случай войны, на основании которого можно заключить, что эти мероприятия носят агрессивный характер, то есть направлены на подготовку и ведение

агрессивной войны? Само вооружение не дает еще права заключить, что существовало такое намерение. Наоборот, вооружение может и даже должно при подготовке к обороне и обеспечению безопасности выглядеть точно так же, как и в случае подготовки к агрессивной войне.

В конце концов важно установить, было ли в связи с названными мерами высказано намерение о планировании агрессивной войны или же убеждение в подготовке к агрессивной войне основывается на оценке характера и объема проводившихся мероприятий...

В связи с этим особенно в отношении подсудимого Кейтеля как военного нужно учитывать, что до вступления на пост начальника ОКВ 4 февраля 1938 г. он не занимал руководящих постов, поэтому не мог играть решающей роли в вооружении...

Конечно, Кейтель несет ответственность за действия генерала Томаса как начальника управления военной экономики и вооружения ОКВ. Технические подробности и объем его деятельности вытекают из документа ПС-2353, который в основном правилен, хотя Томас в заявлении, подшитом к историческому документу, хочет теперь изложить дело так, что он якобы, опасаясь ареста, изменил свои первоначальные записи в более благоприятном с точки зрения Гитлера направлении, то есть в сторону преувеличения... В ходе предъявления доказательств выяснилось, что до начала 1938 года с трудом было вооружено только 27 дивизий мирного времени, а 10—12 резервных дивизий подготавливались; запасов вооружения и боеприпасов кроме этого в распоряжении вооруженных сил тогда не было.

Однако если все же удалось до осени 1938 года создать армию почти из 40 дивизий для нападения на Чехословакию без проведения мобилизации при одновременной незначительной охране границ на западе, то отсюда вытекает, что это был наивысший возможный для того времени военный потенциал.

При таких обстоятельствах, зная состояние вооружения и военный потенциал соседних государств, связанных между собой союзами и пактами о взаимопомощи, ни один из генералов старой школы не мог думать о том, чтобы развязать войну. Тот факт, что уже годом позже — в 1939 году состояние германского вооружения было значительно лучше, объясняется в первую очередь оккупацией Чехословакии.

В заключение следует указать на то, что в этот период не планировалась стратегическая агрессия.

Занятие демилитаризованной зоны в Рейнской области не было запланировано. Это была импровизация со стороны Гитлера.

«Директивы о наступлении и ведении боя» от июля 1937 года являются общими наставлениями на случай возможных военных осложнеиий.

Для полноты картины я должен указать также и на документ ЕС-194. Это приказ верховного командующего вооруженными силами фон Бломберга, говорящий об авиаразведке и наблюдениях за передвижениями подводных лодок во время оккупации Рейнской области. Кейтель подписал приказ и препроводил его дальше. Это единственный документ, относящийся к тому периоду.

Кейтель до 30 сентября 1933 г. находился в военном ведомстве в качестве полковника и руководителя отдела, а с октября 1935 года, будучи генерал-майором и начальником отдела вооруженных сил имперского военного министерства, являлся членом имперского комитета обороны.

Таким образом, с 30 сентября 1933 г. по 1 октября 1935 г. он не был в военном министерстве и тем самым не имел тех функций, которые подходят под пункт обвинения его по должности; в этот период он не участвовал в заседаниях имперского совета обороны, протоколы заседаний которого были представлены обвинением как имеющие большую доказательственную ценность...

Решения от 4 февраля 1938 г. оказались роковыми для генерала Кейтеля и для германских вооруженных сил: для Кейтеля потому, что он не мог еще оценить должным образом вновь созданную инстанцию «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ).

Гитлер устранил последний барьер между собой и вооруженными силами — народом под ружьем путем устранения фигуры главнокомандующего вооруженными силами и имперского военного министра, который по конституции должен был быть ответственным лицом за вооруженные силы. Такое судьбоносное решение стало для Кейтеля и для всего германского народа роковым, причем в момент вынесения решения причастные к этому лица даже не подозревали этого. Сейчас, оглядываясь назад, легко сказать, что такая непроницательность была преступной...

Для подсудимого Кейтеля, который в то время лично не знал Гитлера и впервые познакомился с ним во время предварительных переговоров по поводу данного решения, это не было его собственным решением. Гитлер назначил Кейтеля на вновь созданную должность начальника ОКВ. Кейтель принял ее. Если мы оставим без внимания человеческие чувства, то и тогда для начальника военного управления в имперском военном министерстве не было никакого основания отклонять данное предложение, тем более что оно было сделано фон Бломбергом. Какое значение придавал Гитлер этой должности, Кейтелю было не известно...

Привожу выдержку из показаний фон Бломберга:

«Гитлер заявлял:

"Я не хочу иметь в будущем военного министра, а также не хочу иметь впредь командующего вооруженными силами, который стоял бы между мной как верховным главнокомандующим и главнокомандующим отдельными частями вооруженных сил...".

Он потребовал кандидата на пост "начальника бюро", который должен был вести дела под его начальством. Таким образом ответственным за вооруженные силы должен был быть он, Гитлер...

Я предложил Кейтеля на должность "начальника бюро", и мне казалось, что он был на своем месте...».

Декрет о руководстве вооруженных сил от 4 февраля 1938 г. известен Трибуналу. Поэтому мне не нужно оглашать

его здесь. Положение подсудимого Кейтеля, круг его компетенции и ответственность ясно вытекают как из этого, так и из целого ряда других документов.

Гитлер не хотел иметь ответственное имперское военное министерство. Он не хотел также, чтобы кто-нибудь другой, кроме него, имел верховную власть над всеми вооруженными силами. В своем лице он объединил оба института, заявив по поводу верховной власти: отныне он лично и непосредственно будет осуществлять верховную власть и функции имперского военного министерства, которым должен по его поручению управлять Кейтель.

Таким образом, Гитлер создал военный штаб для осуществления своей военной и технической программы. Штаб назывался «верховное командование вооруженных сил» (ОКВ) и был не чем иным, как военной канцелярией фюрера и верховного главнокомандующего. Такие канцелярии уже существовали в аиде имперской, президентской канцелярии и партийной канцелярии. Начальником военной канцелярии был назначен подсудимый Кейтель, его назвали «начальником штаба верховного командования вооруженных сил» (начальник ОКВ).

Из этого следует, что ОКВ не должно было быть промежуточной инстанцией между верховным главнокомандующим вооруженными силами и тремя видами вооруженных сил. Противоположная точка зрения обвинения, выраженная в графическом изображении, покоится на ошибочной оценке. Между верховным главнокомандующим и тремя главнокомандующими — главнокомандующим сухопутными войсками, главнокомандующим военно-морскими силами и главнокомандующим военно-воздушными силами — не существовало промежуточной инстанции со своими собственными полномочиями, как это имело место до 4 февраля 1938 г.

ОКВ не было самостоятельным военным учреждением или ведомством. Оно было лишь военно-техническим штабом Гитлера и его военным министерским ведомством. ОКВ не имело никаких самостоятельных полномочий. Поэтому ОКВ не могло издавать собственные приказы. Больше того, все распоряжения, декреты, директивы или приказы, которые поступали из ОКВ, были выражением воли верховного главнокомандующего вооруженными силами. Главнокомандующие тремя видами вооруженных сил всегда сознавали, что между ними и верховным главнокомандующим не существует никакой промежуточной инстанции. Они никогда не рассматривали и не признавали ОКВ такой промежуточной инстанцией. Это было подтверждено письменными показаниями подсудимых Деница и Редера, так же как и показаниями Геринга и доктора Ламмерса. Мнение, что ОКВ или подсудимый Кейтель как начальник ОКВ были полномочны издавать собственные распоряжения или приказы, неправильно. Всякое устное или письменное служебное общение с другими военными учреждениями, выходящее за рамки обмена мнений, зависело от решения верховного главнокомандующего.

ОКВ являлось всего-навсего рабочим штабом верховного главнокомандующего. Поэтому если на документах, которые

исходили от верховного главнокомандующего или ОКВ, имеется подпись или инициалы подсудимого Кейтеля (или какого-нибудь начальника управления или отдела ОКВ), то из этого еще нельзя сделать вывода о том, что ОКВ имело полномочия издавать самостоятельно приказы. В каждом отдельном случае дело заключается лишь в ознакомлении, препровождении или передаче приказов верховного главнокомандующего. Учитывая, что Гитлер был очень занят на постах главы государства, рейхсканцлера, руководителя партии и верховного главнокомандующего вооруженными силами, понятно, что было невозможно получать от него во всех случаях собственноручную подпись, даже если дело подчас касалось особо важных или имеющих принципиальное значение вопросов. Следует, однако, обратить внимание и на то, что во всех случаях необходимо было иметь решение или согласие Гитлера.

Если обвинение при таком положении вещей придерживается той точки зрения, что подписи или инициалы Кейтеля на документах дают основание считать его ответственным и за деловое содержание данных документов, то такая точка зрения не может быть одобрена. Было бы юридической формальностью считать подсудимого Кейтеля как начальника военной канцелярии ответственным за приказы, распоряжения и т.д., которые он подписывал и препровождал дальнейшим инстанциям. Мне кажется, что ответственным за это может быть только тот, кто имел соответствующие полномочия издавать и разрешать издавать подобные приказы. Подсудимый Кейтель должен был бы нести персональную ответственность только в случае, если было бы доказано, что он по доброй воле участвовал в издании этих приказов и распоряжений и являлся их инициатором...

Чтобы разъяснить полностью рассматриваемый вопрос, я хотел бы отметить то, что указания, которые имели принципиальное значение для планирования военных операций или являлись оперативными приказами, отдавал верховный главнокомандующий главнокомандующим видами вооруженных сил. Прежде чем дать указания, Гитлер совещался о военно-технической стороне приказа с компетентными референтами из ОКВ, а также и с подсудимым Кейтелем. Главнокомандующие тремя видами вооруженных сил издавали приказы для осуществления того, что содержалось в основном указании верховного главнокомандующего. В этой связи я не буду ссылаться на положение Устава Трибунала, согласно которому выполнение приказа не рассматривается как причина, исключающая уголовную ответственность, так как препровождение приказа не является приказом ОКВ отдельным видам вооруженных сил, но является лишь передачей воли верховного главнокомандующего, нашедшей свое выражение в приказе.

Следует предположить, что обвинение неправильно оценило положение Кейтеля и что на точку зрения обвинения в данном случае оказал влияние фельдмаршальский ранг подсудимого. Этот ранг не имел никакого отношения к командным полномочиям подсудимого.

Подсудимый Кейтель в письменных показаниях, озаглавленных «Координирование в государстве и вооруженных силах», очень ясно описал деятельность ОКВ и свою деятельность.

Можно считать — а обвинение это так и делает, — что начальник военного управления Гитлера был тесно связан со своим начальником — Гитлером и что он должен нести ответственность за весь комплекс проводившнхся им мероприятий если не как виновник, то в какой-либо другой форме, предусматриваемой статьей 6 Устава. Это предположение является ошибочным. Не нужно заниматься рассмотрением существовавшей иерархии в государстве и обязательного характера приказа фюрера. Военная иерархия более стара, чем национал-социалистская идеология. Однако несмотря на все это следует сказать, и Вы должны обратить соответствующее внимание, что введение абсолютного принципа фюрерства в армии означает окончательное исключение всех стремлений, которые можно было бы рассматривать как демократические в определенном смысле, во всяком случае как стремления, тормозящие диктаторские прихоти Гитлера... Это нашло, между прочим, выражение в запрещении всякой критики снизу вверх, в запрещении генералам подавать прошения о выходе в отставку и, наконец, в устранении фигуры главнокомандующего вооруженымн силами и военного министра.

Нельзя и не следует оспаривать того, что подсудимый Кейтель был ярым приверженцем принципа фюрерства в руководстве вооруженными силами и что работу «Основы организации германских вооруженных сил» (документ Л-211) следует рассматривать как изложение точки зрения Кейтеля относительно руководства в будущей войне, хотя в тот момент не рассчитывали на какую-либо войну и не это было поводом для написания работы.

Что означает это для подсудимого Кейтеля? Тот, кто признает правильность принципа фюрерства с военной точки зрения, должен действовать в соответствии с данным принципом...

Кейтель происходит из военной среды и одобряет принцип фюрерства в армии, согласно которому вся ответственность ложится на того, кто уполномочен издавать приказы. В то время, как принцип фюрерства в гражданской сфере, в которой он также действовал, исчерпывался в большинстве случаев формальностями и фактически не внес почти никаких изменений, в военной сфере этот принцип должен был оказать более сильное влияние, особенно он должен был отразиться на взаимоотношениях командующих и начальников их генеральных штабов...

Кейтель, как установлено, не был ни командующим, ни начальником генерального штаба, он был начальником военной канцелярии Гитлера, солдатом и управляющим по всем военно-министерским вопросам, то есть «министром», как здесь говорит обвинение.

Военный рабочий штаб Гитлера, начальником которого был Кейтель, должен был проводить большую предварительную работу и подготовку, необходимую для выполнения указанных задач. В соответствии с этим на него ложится и часть ответст-

венности, но она не относится к важным, имеющим принципиальное значение вопросам. Конечно, вопрос о том, следует ли считать те или иные дела важными и следует лн о них докладывать Гитлеру, решал Кейтель. Но доказательства показывают, что Кейтель при возникновении у него сомнений был более склонен докладывать о таких вопросах после тщательной проверки их, чем самому заниматься их разрешением.

Важно установить, что Кейтель, будучи руководителем осуществления военно-материальных задач, возникавших в ОКВ, все же не был министром... Правда, декретом Гитлера главнокомандующим сухопутными войсками и военно-морскими силами, точно так же как и Кейтелю, был предоставлен ранг имперского министра, но это сделано для того, чтобы оба главнокомандующие имели право принимать участие в заседаниях кабинета. То, что Гитлер дал подсудимому Кейтелю ранг имперского министра, имело целью предоставить последнему возможность вести непосредственные переговоры с министрами. Если бы Кейтель не имел ранга министра, то ему пришлось бы ограничиваться переговорами со статс-секретарями и подобными лицами, что повлекло бы за собой определенные трудности в деле выполнения заданий фюрера.

Поэтому обвинение совершает ошибку, когда оно характеризует Кейтеля как имперского министра, хотя и «без портфеля». Он не был министром, членом имперского правительства... Он значился в списке лишь как лицо, занимавшее высшую должность...

Основным в вопросе об уголовной ответственности Кейтеля является его действительная позиция в той игре сил, которую вел Гитлер...

Показания свидетеля Гизевиуса приобрели для подсудимого Кейтеля решающее значение ввиду характера постановки вопросов господином Джексоном и ответов Гизевиуса.

Если бы то, что Гизевиус показал о Кейтеле, было правдой, то есть то, что он в своих показаниях облек в форму в основном осуждающего констатирования, то значит, подсудимый Кейтель, не сказал правды в своих показаниях. Значение данного обстоятельства становится совершенно ясным, если учесть, что отрицательное решение по поводу достоверности показаний Кейтеля должно подорвать всю защиту Кейтеля.

Судья Джексон использовал доктора Гизевиуса как главного свидетеля в своих нападках на подсудимого Кейтеля; по окончании предъявления доказательств против Кейтеля он остановился не только на отдельных фактическнх обстоятельствах, но коснулся всего обвинения и дал оценку показаниям Кейтеля...

Я, по возможности коротко, резюмирую те выводы, которые сделало обвинение из показаний Гизевиуса:

1) Для того чтобы Гитлер не имел правильного представления о действительности, Кейтель создал вокруг Гитлера непроницаемое кольцо.

2) Кейтель не передавал Гитлеру доклады, представляемые ему Канарисом, если в них говорилось о зверствах, преступлениях и т.п., или же он давал распоряжение внести в них изменения.

3) Кейтель оказывал большое влияние на ОКВ и на армию.

4) Кейтель грозил своим подчиненным, если они высказывались по политическим вопросам, что он их не будет защищать, и даже обещал передать в гестапо.

По показаниям Гизевиуса, фигура Кейтеля превращается в советчика Гитлера, скрывающего от него все планы и докладывающего только то, что ему, Кейтелю, выгодно, и не допускающего к Гитлеру ни одного человека. Утверждать, что Кейтель закрыл доступ к Гитлеру, может только тот, кто не знает обстановки, окружавшей Гитлера.

Гитлер ближе всего соприкасался со своими адъютантами, начальником партийной канцелярии, начальником имперской канцелярии в Берлине.

Кейтель не только не мог регламентировать доступ к Гитлеру, но не имел возможности даже помешать тому, чтобы кто-либо приходил к Гитлеру.

Источником информации для Гитлера были начальники соответствующих учреждений. Отчасти, как я уже говорил, эти источники информации были невидимыми, и было неизвестно, откуда Гитлер получает сообщения.

Гизевиус не знал об этом. Он сам никогда не был около Кейтеля, никогда не встречался с ним, не разговаривал и не знал его фамилии. И если он здесь высказал свое суждение, то это он сделал на основании сообщений, полученных от Канариса, Томаса и Остера...

Также установлено, что, кроме Иодля — начальника оперативного штаба вооруженных сил, только Канарис мог иметь личный доступ к Гитлеру. Это доказывает, что показания Гизевиуса о том, что Кейтель создал вокруг Гитлера кольцо, являются ошибочными.

Свидетель Гизевиус показал, что Канарис представлял доклады об ужасах в связи с переселением, изгнанием и истреблением евреев, о концентрационных лагерях, преследовании церкви и убийствах душевнобольных через Кейтеля. Они через Кейтеля шли к Гитлеру. Доклады генерала Томаса, начальника управления военной экономики и вооружения ОКВ, ставившие Гитлера в известность о военном потенциале противника, также поступали через Кейтеля.

Что касается докладов адмирала Канариса, то нужно сказать, что этот начальник абвера все время представлял доклады относительно ведения войны, включая сюда и военно-экономические вопросы.

Кейтель показал, что о всех ужасах, и особенно об изгнании евреев и о концентрационных лагерях, а также об уничтожении евреев, ему ничего не было известно. Это противоречит утверждению свидетеля Гизевиуса о том, что Канарис представлял подсудимому Кейтелю доклады по указанным вопросам...

Кейтель, по показаниям свидетеля Гизевиуса, оказывал огромное влияние на армию... Кейтель, будучи начальником ОКВ, безусловно, мог оказывать влияние. Но важно другое — оказывал ли Кейтель какое-либо преступное влияние на ход событий? Даже Гизевиус подтвердил, что Кейтель не оказывал решающего влияния на руководство вооруженных сил. Это ус-

тановлено и доказательствами. Особенно оскорбительным обвинением против подсудимого Кейтеля было то, что он «вместо того, чтобы стать во главе подчиненных ему офицеров и их защищать, угрожал им отдачей их в руки гестапо».

Однако установлено, что до 1944 года ни один начальник какого-либо управления ОКВ не был уволен, что до 20 июля 1944 г., то есть до покушения на Гитлера и перехода юрисдикции к Гиммлеру, ни один офицер ОКВ не был передан в руки полиции...

Несовместимым с показаниями свидетеля Гизевиуса является и тот доказанный факт, что Кейтель с подчиненным ему начальником управления Канарисом был в приятельских н дружеских отношениях...

Как показал Гизевиус, адмирал Канарис вел двойную игру не только на службе, но и в личных отношениях с Кейтелем: используя его дружбу, он старался показать, что придерживается тех же взглядов, в то время как за глаза в кругу своих людей он со злобой отзывался о Кейтеле...

Однако картина осталась бы незавершенной, если бы не осветить личность свидетеля Гизевиуса, исходя из его собственных показаний...

Он получил от Остера подложные документы, с помощью которых он уклонился от воинской повинности. С 1933 года он жил в Германии совершенно свободно и состоял на службе до 20 июля 1944 г., был имперским чиновником и получал все время жалованье, за исключением отпуска, которым пользовался с середины 1937 года до начала 1939 года.

С 1943 года он был имперским вице-консулом в Швейцарии при имперском генеральном консульстве в Цюрихе, куда он был назначен с помощью Канариса и где был одновременно агентом-информатором. Разумеется, ему за это платили. Одновременно он был связан с вражеской службой информации. С 1933 года он работал в гестапо и подробно знал о всех ужасах и последствиях, которые это могло иметь для всего немецкого народа...

Особым обстоятельством, характеризующим свидетеля доктора Гизевиуса, является тот совет, который он дал опытнейшему специалисту в банковских делах банкиру доктору Шахту, — довести дело до инфляции для того, чтобы взять все дела в свои руки. Такой совет он мог дать лишь в двух случаях: в случае полного незнания народнохозяйственного значения и социальных последствий инфляции или абсолютной беспринципности и полного безразличия к судьбе служащих и рабочих, на которых инфляция отразится в первую очередь. Сознательно осуществленная инфляция должна рассматриваться только как преступление против общества. Показания Гизевиуса раскрывают трагедию немецкого народа. Для меня они являются подтверждением слабости и вырождения определенных немецких кругов, которые играли идеей путча и государственной измены, не будучи внутренне заинтересованными в удовлетворении нужд народа. Это была верхушка, состоявшая из будущих министров и генералов, не имевшая поддержки широких масс

нашего народа и рабочего класса, как показал здесь имперский министр Зеверинг...

Я хочу, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что факт заговора сам по себе имеет значение для рассматриваемого здесь вопроса о том, заслуживают ли доверия эти люди. Тот, кто является заговорщиком по честным мотивам, тот, кто, сознавая опасность, грозящую его стране, ставит на карту свою жизнь, не только действует честно, но и заслуживает благодарности отечества.

Если бы Гизевиус и его друзья, знавшие в силу своего положения о всех тех ужасах, о которых большинство немцев узнало лишь по процессу, служили бы самоотверженно своей стране, то мы и весь мир, возможно, были бы избавлены от многих несчастий и страданий...

Был ли Кейтель политическим генералом? Подсудимый Кейтель обвиняется в том, что он участвовал, помогал и способствовал планированию, подготовке и развязыванию агрессивных войн, нарушая международные договоры и обязательства.

Я хочу рассмотреть здесь только одно событие, которое приобрело на данном процессе историческое и лично для подсудимого Кейтеля большое значение: совещание Гитлера с Шушнигом в Оберзальцберге 12 февраля 1938 г. Это была зарница, которая могла бы дать прозорливым людям возможность почувствовать приближение грозы. Кейтель, который в тот момент всего лишь неделю был начальником ОКВ и до того времени не сталкивавшийся с большими политическими событиями, не увидел этих признаков приближающейся грозы. Гитлер после произведенной им смены должностей 4 февраля 1938 г. выехал в Оберзальцберг и вызвал туда к себе Кейтеля, не сообщив ему причины вызова.

Кейтель прибыл, не зная, чего хочет Гитлер и что должно произойти в Оберзальцберге. Лишь в течение дня он осознал, что его присутствие может иметь какое-то отношение к присутствию Шушнига и к переговорам по австрийскому вопросу. В каких-либо переговорах, особенно с Шушнигом или доктором Шмидтом, он не участвовал, что подтверждено доказательствами. Однако Кейтель понял, что его присутствие, так же как и присутствие генералов фон Рейхенау и Шперле, должно было иметь некоторое значение для переговоров с Шушнигом. Так как Гитлер вообще не стал обсуждать с ним военных вопросов, то он должен был прийти к убеждению, что представители ОКВ, сухопутных войск и ВВС были приглашены, чтобы продемонстрировать Шушнигу мощь вооруженных сил империи.

Следовательно, обстоятельства были таковы, что Гитлер намеревался использовать представителей вооруженных сил как средство для оказания давления с целью достижения своих политических целей.

Далее обвинение упоминало о событиях, которые рассматриваются в этой связи как симптоматичные, а именно переговоры Гитлера с Гаха и Тисо, на которых Кейтель также присутствовал...

Гитлеру нравилось, когда Кейтель сопровождал его как представитель вооруженных сил. Так, Кейтель присутствовал в

Годесберге, когда туда приехал премьер-министр Чемберлен, а также в Мюнхене 30 сентября 1938 г. и во время визита Молотова в ноябре 1940 года Кейтель также присутствовал при встречах Гитлера с маршалом Петэном, генералом Франко, царем Борисом, регентом Хорти и Муссолини. Этой функции Кейтеля, однако, недостаточно для того, чтобы признать подсудимого Кейтеля генералом, игравшим руководящую роль в политике...

После представления меморандума Гитлеру Кейтель, как это соответствовало его пониманию служебного долга, не выражал больше отрицательного отношения к войне с Россией, особенно после того, как Гитлер принял решение.

Я напоминаю о том, что Кейтель, показывая здесь о так называемых идеологических приказах, изданных в связи с подготовкой войны и войной против России, говорил: «Я знал их содержание, я передавал их дальше, несмотря на мое отрицательное отношение к ним, хотя я знал о тяжелых последствиях, которые могли вызвать эти приказы»...

С течением времени возникло мнение, которое распространилось во всей армии, что фельдмаршал Кейтель является «поддакивателем» Гитлера, что он предает интересы армии. То, что он изо дня в день вел постоянную борьбу с Гитлером по самым различным вопросам и теми силами, которые оказывали на него со всех сторон влияние, генералы не видели, да они и не интересовались этим...

Подсудимый Кейтель за 37 лет военной службы, включая мировую войну, пришел к убеждению, что принцип повиновения является самой прочной опорой, на которой зиждется армия и тем самым безопасность страны.

Проникнутый значением своей профессии, он служил кайзеру, Эберту и фон Гинденбургу, а потом и Гитлеру, который выступал для него в роли руководителя государства.

То, что Гитлер оказывал сильное влияние на этого человека, который восхищался им и которого он полностью подчинил себе, является фактом, который признал сам Кейтель.

Это нужно принять во внимание, чтобы понять, как могло произойти, что Кейтель составлял и рассылал приказы Гитлера, которые были несовместимы с традиционными взглядами германского офицера, как, например, приказы, предъявленные советским обвинением (документы С-50, ПС-447)...

Подсудимый Кейтель открыто заявил во время допроса, что он сознавал преступный характер приказов, но думал, что он не может уклониться от выполнения приказов верховного главнокомандующего вооруженными силами и главы государства, который имел право последнего слова при рассмотрении всех возражений...

Последняя и во многих случаях обоснованная надежда Кейтеля состояла в том, что командующие и подчиненные им командиры войсковых частей на практике, в пределах их компетенции и ответственности, вообще не будут применять суровых, даже бесчеловечных приказов или будут выполнять умеренно.

Кейтель при занимаемом им положении стоял перед дилеммой: либо неповиновение, выражающееся в отказе передавать приказы, или выполнение указаний о передаче приказов.

Мог или должен ли был он что-либо сделать и что именно, я буду рассматривать в другой связи. Здесь речь идет о том, чтобы выяснить, как получилось, что Кейтель передавал приказы, которые, бесспорно, санкционировали совершение военных преступлений и преступлений против человечности, и что он не увидел той грани, на которой должен был кончиться долг повиновения солдата в его наиболее строгой трактовке. Произошло это вследствие того, что он считал необходимым соблюдать долг повиновения и верность, в которой он присягнул верховному главнокомандующему, а также вследствие того, что видел в приказе главы государства обстоятельство, освобождающее его от собственной ответственности...

Необходимо рассмотреть вопрос, освобождают ли эти факты подсудимого Кейтеля от уголовной ответственности.

Кейтель не оспаривает того, что несет тяжелую моральную ответственность. Он признал, что тот, кто в этой ужасной драме играл хотя бы небольшую роль, не может чувствовать себя свободным от моральной ответственности за действия, в которые был втянут...

Подсудимый Кейтель признал, что приказы Гитлера нарушали нормы международного права. Устав установил, что солдат не может для своего оправдания ссылаться на приказ своего начальника или правительства...

Правовая проблема заговора в том разрезе, в котором ее ставило обвинение, рассмотрена моими коллегами доктором Штамером и доктором Хорном.

Мне кажется, что сам характер заговора несовместим с задачами солдата и должностью Кейтеля в качестве начальника ОКВ.

Военное командование на Востоке мало соприкасалось с ОКВ, в том числе со штабом оперативного руководства. Когда я говорю «ОКВ», то имею в виду управление ОКВ, ибо всем известно, что Гитлер как верховный главнокомандующий вооруженными силами занимался всеми вопросами руководства войной, идеологической войной и вмешивался во все. Гитлер поддерживал постоянный контакт с главнокомандующим сухопутными войсками и его штабом, пока в декабре 1941 года он не взял на себя обязанности непосредственного командования сухопутными войсками.

Объединение в одном лице должности верховного главнокомандующего вооруженными силами (ОКВ) и главнокомандующего сухопутными войсками явилось, по-видимому, источником многих ошибок, приведших к обвинению в совершении тяжких преступлений со стороны ОКВ как управления или штаба и в аналогичном обвинении Кейтеля как начальника штаба.

Все, что Кейтель откровенно признал здесь, давая показания по комплексу вопросов, связанных с войной с Россией, возлагает на него уже достаточно большую ответственность, и он чувствует это. Понятно, что защита не только стремится, но и считает своим долгом четко установить в общем составе преступления по совершению ужаснейших зверств и неимоверных бесчеловечных злодеяний границы ответственности Кейтеля...

Учитывая тот обширный материал, который представило советское обвинение, в своей речи я могу остановиться только на сравнительно небольшой части документов и кратко резюмировать их.

В официальных отчетах, в которых выдвигаются обвинения против ОКВ, нет конкретных данных о том, что штаб ОКВ и Кейтель являются ответственными за организацию и осуществление злодеяний. Я не говорю здесь о фактической стороне этих документов, я указываю только на то, что Кейтель, находясь на своем посту, не имел ни полномочий, ни возможности отдавать приказы, которые привели к совершению преступлений...

В документах Кейтель или ОКВ, по крайней мере, названы в качестве несущих ответственность. Но имеется и много таких официальных документов, которые приводились в речах обвинения в качестве доказательств вины Кейтеля и в которых даже не упоминается имя подсудимого и нет указаний на ОКВ... Я могу только просить Трибунал просмотреть и остальные документы в этой связи, чтобы установить, являются ли документы, предъявленные в целях установления вины Кейтеля и ОКВ, действительно таковыми...

Далее я говорю о тех обвинениях, которые представило французское обвинение об участии ОКВ и Кейтеля в событиях в Орадуре и Тулле.

Французское обвинение выдвигает против подсудимого Кейтеля индивидуальные обвинения в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Речь идет об обвинении в убийстве французских гражданских лиц без суда. При этом особо выделяются события в Орадуре и Тулле. Они изложены в докладе французского правительства (документ Ф-236).

Французское обвинение заявило: «Вина Кейтеля во всех этих событиях установлена».

Моей задачей не является говорить об ужасных событиях в Орадуре и Тулле. Как защитник подсудимого Кейтеля я должен исследовать, обоснованно ли утверждение обвинения о том, что подсудимый Кейтель виновен в чудовищных событиях или несет за них ответственность.

Бесспорно, что Кейтель не принимал непосредственного участия в этом преступлении. Таким образом, вывод о виновности подсудимого может быть сделан только на основании занимавшегося им поста. Обвинением не было предъявлено никаких приказов, которые имели бы подпись Кейтеля. Таким образом, если вообще можно говорить о непосредственной ответственности, то Кейтель не принадлежит к кругу непосредственно ответственных лиц...

Господин председатель! Перед тем, как начать рассмотрение вопроса о заложниках, я хочу теперь с разрешения Суда остановиться на тяжелых обвинениях, связанных с приказом «Мрак и туман».

Пожалуй, нет ни одного приказа, который во время разбирательства Трибуналом настоящего дела сильнее врезался бы в память, чем приказ «Мрак и туман».

По приказу «Мрак и туман» подозрительные лица тайно отправлялись в Германию и об их местопребывании не давалось никаких сведений, так как объявление о наказании, а именно —

лишении свободы, не может действовать устрашающе в оккупированных областях вследствие ожидающейся амнистии по окончании войны.

Подсудимый Кейтель имел совещание с начальником юридического управления вооруженных сил и начальником абвера Канарисом, который являлся автором письма от 2 февраля 1942 г. о том, что надо делать. Неоднократные представления Гитлеру о том, чтобы он отказался от этого способа действия или, по крайней мере, несколько ослабил абсолютную его секретность, не имели успеха, и поэтому в конце концов был представлен предъявленный здесь проект указа от 7 декабря 1941 г. ...

Как уже было сказано, подсудимому Кейтелю неизвестно было письмо от 2 февраля 1942 г. ...

Приказ «Мрак и туман», как его называли впоследствии, лежал тяжелым грузом на его совести. Кейтель не оспаривает, что данный приказ недопустим с точки зрения международного праaa и что это ему было известно...

Судя по результатам предстaaления доказательста, следует полагать, что полицейские инстанции без ведома военных властей занимались всеми политическими подозрительными лицами, которые в соответствии с политическими мерами были перевезены из оккупированных областей a Германию и там помещены в концлагеря как заключенные согласно приказу «Мрак и туман». Судя по показаниям свидетелей, речь идет большей частью о людях, которые не были в результате обычного разбирательства в военных судах оккупированных областей приговорены к высылке в Германию.

Ясно, что полиция в оккупированных областях превышала полномочия в отношении выполнения этого приказа, не обращая внимания на исключительную юрисдикцию военных командных инстанций и на предписанные им процессуальные правила, используя его для всеобщей депортации населения.

То, что зто вообще было возможно без ведома инстанций вооруженных сил в оккупированных областях, объясняется исключительно тем обстоятельством, что командующие войсками в оккупированных областях были лишены полицейской исполнительной aласти вследствие назначения начальников СС и полиции, которые получали приказы непосредственно от рейхсфюрера СС.

Никогда ОКВ не признавало за рейхсфюрером СС и начальниками СС и полиции право на проведение в жизнь этого приказа, предназначенного только для вооруженных сил. Приказ имел силу только для инстанций вооруженных сил, имевших соответствующую юрисдикцию, и был ограничен только ими.

В той степени, в какой военный штаб Гитлера будет рассматриваться судом в качестве несущего отaетственность, подсудимый Кейтель берет на себя ответственность в пределах своей компетенции как начальник ОКВ...

Обвинение вменяет в аину подсудимому Кейтелю то, что он якобы участвовал a депортации людей в целях использования их на работах. Относительно этого Кейтель показал, что в его ведение не входили набор, вербоака и вывоз людей из оккупированных областей, а также направление полученной

таким образом рабочей силы на военные предприятия. Подсудимый Заукель дал об этом показания здесь 27 мая 1946 г.

Господин председатель! Я прошу принять к сведению следующие высказывания, не вошедшие в текст моей речи. Мой коллега, доктор Серватиус, в соответствии с достигнутым между нами соглашением опишет взаимоотношения между организацией комплектования вооруженных сил и получением рабочей силы генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Я должен, однако, разобрать некоторые документы, которые французское обвинение представило для обвинения ОКВ и Кейтеля а активном участии в депортации. Это документы: ПС-1292, ПС-3819, ПС-814 и ПС-824.

Первый документ — запись начальника имперской канцелярии доктора Ламмерса о совещании у Гитлера, на котором обсуждался вопрос о получении рабочей силы на 1944 год. Подсудимый Кейтель участвовал в этом совещании. К записи прилагается письмо подсудимого Заукеля от 5 января 1944 г., в котором последний резюмирует результаты совещания от 4 января и предлагает издать указ фюрера. Я цитирую из письма следующее место:

«§ 5. Фюрер указал на то, что необходимо убедить все немецкие учреждения в оккупированных областях и союзных странах в том, что нужно привлекать иностранную рабочую силу для работы в Германии, чтобы оказывать единодушную поддержку генеральному уполномоченному по использоаанию рабочей силы в проведении необходимых организационных, пропагандистских и полицейских мер».

Далее в письме говорится:

«Следующим учреждениям, мне кажется, в перауючередь следует направить этот указ».

Затем перечисляется, кому посылается указ:

«Начальнику ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, к сведению — командующим во Франции и Бельгии, командующему Юго-Восточным фронтом, уполномоченному генерала при республиканском правительстве Италии и командующим фронтами на Востоке...».

Следовательно, документ доказывает, что:

1) фельдмаршал Кейтель принимал участие в совещании, не высказыаая своего мнения относительно проблемы получения рабочей силы;

2) фельдмаршал Кейтель должен был быть поставлен в известность о приказе фюрера для того, чтобы довести его до сведения командующих. Тем самым подтверждается то, что признал и сам подсудимый Кейтель, говоря, что он сталкивался с данным вопросом.

Второй и третий документы также относятся к совещанию в имперской канцелярии от 11 июля 1944 г., в котором фельдмаршал Кейтель не принимал участия...

Здесь было предъявлено много документов с подписью «Кейтель». Положение Кейтеля, о котором здесь уже говорилось и которое не дааало ему права издавать приказы, привело к тому, что он никогда не говорил в первом лице в своих сообщениях или при передаче приказов. Кроме этого документа,

обвинение представило еще одну телеграмму, в которой встречается выражение Кейтеля в первом лице. Учитывая многочисленные документы, подтверждающие данное утверждение Кейтеля, остается только поверить, что здесь речь идет о передаче приказа фюрера, о чем свидетельствуют и формулировки документа. Я это сейчас цитировал. Генерал Варлимонт (документ ПС-3819) на совещании 11 июля также ссылался на «недавно изданный приказ фюрера», содержание которого он передает точно так, как оно передано в телеграмме, подписанной Кейтелем. Важным и подтверждающим аргументацию подсудимого Кейтеля является также и новый документ ПС-824 (РФ-1515), предъявленный здесь. Это письмо от 25 июля 1944 г., написанное командующим Западным фронтом фон Рундштедтом, который к этому времени объединил под своим командованием командующих оккупационными войсками во Франции и Бельгии. В нем говорится, что «по приказу фюрера следует выполнять требования генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и Шпеера, далее будут даны распоряжения относительно вербовки беженцев на работу при отступлении из района операции; наконец, приказано доложить в ОКВ о проведенных мероприятиях».

Ссылка на приказ фюрера сразу же после 11 июля 1944 г., как и замечания Варлимонта, показывают, что таких директив Кейтеля или ОКВ вообще не существовало. Таким образом, можно считать доказанным, что сам Кейтель или ОКВ не участвовали в мероприятиях по вербовке и мобилизации рабочей силы. ОКВ было учреждением, через которое проходили приказы, издаваемые Гитлером, как начальником Заукеля, и которые он, Гитлер, направлял командующим войсками, и не несло юридической ответственности.

В этом комплексе вопросов дело обстоит не так, как в тех областях, которыми ведало ОКВ как носитель министерских функций, ибо в данной области оно было связано с этими вопросами, что давало возможность высказывать свои соображения и опасения по тому или иному вопросу.

В области изыскания рабочей силы Кейтель имел с деятельностью Заукеля следующие соприкосновения:

а) Кейтель подписал указ фюрера от 21 марта 1942 г. о создании должности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы;

б) он направлял командующим войсками в оккупированных областях приказы Гитлера об оказании поддержки деятельности генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в соответствии с особыми директивами.

Французский обвинитель, выступая на заседании Трибунала 2 февраля 1946 г. по вопросу о депортации евреев, в связи с ответственностью подсудимого Кейтеля заявил следующее:

«Я позднее буду говорить о приказах об угоне евреев, и я докажу, что этот приказ был результатом совместных действий военной администрации, дипломатических органов и полиции безопасности. Из этого следует, что 1) начальник ОКВ, 2) имперский министр иностранных дел и 3) начальник полиции безопасности и главного управления имперской безопасности

должны были быть все время в курсе дела и вынуждены были согласиться с таким мероприятием. Совершенно ясно, что они, занимая эти должности, должны были знать, что подобные мероприятия по важным делам проводились в жизнь и что решение принималось каждый раз совместно отдельными звеньями трех различных ведомств.

Эти три человека, следовательно, ответственны и виновны...».

Из письменных показаний Кейтеля следует, что командующий оккупационными войсками во Франции, который здесь неоднократно упоминался, не был подчинен ОКВ... Он имел функции в области гражданской и военной администрации, представлял государственную власть. Таким образом, наряду с военными задачами ему принадлежали полицейские и политические функции. Командующие оккупационными войсками назначались командованием сухопутных войск (ОКХ), и от ОКХ они и получали приказы. Отсюда следует, что ОКВ не имело непосредственного отношения к данному вопросу...

ОКВ и подсудимый Кейтель не имели никакого отношения к разрешению еврейского вопроса во Франции, к высылке евреев в Освенцим и в другие лагеря; они не имели никаких полномочий на издание приказов, а также полномочий осуществлять контроль...

Перехожу к рассмотрению ответственности подсудимого Кейтеля за бесчеловечное обращение с военнопленными.

Инстанцией, занимавшейся этим вопросом в ОКВ, являлся начальник управления по делам военнопленных, которому обвинение неоднократно ннкриминировало совершение преступлений. Подсудимый Кейтель считает необходимым подчеркнуть, что начальник управления по делам военнопленных был подчинен ему через общее управление вооруженных сил.

Отсюда вытекает, естественно, ответственность подсудимого Кейтеля в этой области даже в тех случаях, когда он лично не подписывал приказы и распоряжения, касавшиеся военнопленных.

Основные установки ОКВ об обращении с военнопленными были изложены:

1) в изданных начальником ОКВ наставлениях в связи с обычной подготовкой к мобилизации как сухопутных войск, так и военно-морского флота и авиации;

2) в положениях Женевской конвенции, на которые обращалось особое внимание в наставлениях;

3) в регулярно издаваемых общих распоряжениях и приказах.

В обращении с военнопленными, за исключением советских военнопленных, к которым применялись особые правила и к которым я еще возвращусь, руководствовались положениями наставлений, отвечавшими международному праву, то есть Женевской конвенции.

ОКВ наблюдало за точным соблюдением этих наставлений через инспектора по делам военнопленных и с 1943 года еще через одну контрольную инстанцию — генерал-инспектора по делам военнопленных...

Рейхсфюрер СС пытался взять в свои руки содержание военнопленных. Возникшая на этой почве борьба за полномо-

чия привела в октябре 1944 года к тому, что Гитлер передал их в ведение Гиммлера якобы потому, что вооруженные силы оказались слишком слабыми и были связаны нормами международного права.

Другим существенным фактором было влияние, оказываемое на Гитлера, а через него на ОКВ, со стороны органов по использованию рабочей силы в промышленности, производящей вооружение, вследствие все усиливавшегося недостатка в рабочей силе.

Партийная канцелярия, «Германский трудовой фронт» и министерство пропаганды также ведали этими чисто военными вопросами. ОКВ вело со всеми этими учреждениями, которые по преимуществу имели более сильное влияние, чем ОКВ, непрестанную борьбу.

Перечисленные обстоятельства должны быть учтены в том случае, если хотят правильно понять и оценить показания подсудимого Кейтеля. Ввиду того что он выполнял свои функции «по поручению», так как Гитлер, по изложенным причинам, держал вопрос о военнопленных под личным контролем, подсудимый Кейтель почти никогда не мог добиться принятия во внимание своих личных, то есть военных, возражений по поводу приказов и распоряжений...

Я не хотел бы пройти мимо событий, которые неоднократно и справедливо были предметом обсуждения на данном процессе, а именно случая с 50 летчиками английских воздушных сил, позорного дела в Сагане. Оно особенно касается нас, немцев, так как в нем выражена вся беспринципность приказов и характера Гитлера, который ни на минуту не задумывался над вопросом чести германской армии, принимая свои внезапные решения.

Допрос подсудимого Кейтеля представителем английского обвинения выявил, в какой степени его имя связано с этими ужасающими событиями. Хотя в процессе предъявления доказательств со всей очевидностью было установлено, что Кейтель не передавал приказов Гитлера об убийствах и не слышал о них, что ни он, ни вооруженные силы ни в какой степени не были связаны с проведением данного приказа в жизнь и что, наконец, он всеми средствами препятствовал передаче совершивших побег офицеров Гиммлеру и добился того, что возвращенные обратно в лагеря были спасены, все-таки остается удручающее чувство вины за то, что он тогда не понял, какой ужасный удар был нанесен престижу германской армии в мире в результате такого мероприятия.

В связи с рассмотрением событий в Сагане французское обвинение предъявило подсудимому Кейтелю документ ПС-1650, касающийся обращения с бежавшими военнопленными.

Здесь, господин председатель, речь идет о так называемом декрете «Пуля». Я хотел бы сократить рассмотрение данного случая в целях экономии времени, но должен рассмотреть его, так как он является одним из самых важных и тяжелых обвинений, выдвинутых против моего подзащитного.

Я буду резюмировать. Кейтель во время перекрестного допроса показал следующее: «Этот документ ПС-1650 издан полицейской инстанцией и содержит ссылку на ОКВ в следую-

щих словах: ОКВ распорядилось о следующем»... Кейтель заявил: «Я определенно не подписывал этого приказа, не видел его, в этом не может быть никакого сомнения. Я не могу это разъяснить, я могу лишь высказать предположение, при каких обстоятельствах он был издан в главном управлении имперской безопасности Мюллером». Затем он в своих показаниях останавливается на различных возможностях того, каким образом такой приказ мог быть передан тем инстанциям, которые издали его. Далее он сослался на документ ПС-1544, в котором содержатся все приказы и распоряжения относительно военнопленных, но в нем нет приказов относительно военнопленных — офицеров и унтер-офицеров, совершивших побег. Свидетель Вестгоф подтвердил, что ни ему, ни управлению ОКВ по делам военнопленных не было известно понятие «3-я степень» и его значение. Он также заявил, что при вступлении на пост начальника управления 1 апреля 1944 г. он не обнаружил приказов такого рода, а следовательно, и никакой записи об этом документе. Было неясно, что имелось в виду под декретом «Пуля». Мне кажется, однако, что на основании показаний одного свидетеля было выяснено, что это за приказ, а именно на основании показаний подсудимого Кальтенбруннера, что он никогда не говорил по данному вопросу с подсудимым Кейтелем.

В заявлении Кальтенбруннера сказано: «Я не слышал название "приказ Пуля", которое мне совершенно ничего не говорило, когда я начал свою деятельность в главном управлении имперской безопасности, поэтому я спросил, что это такое. Мне ответили, что это приказ фюрера. Я не удовлетворился такими сведениями и в тот же день направил Гиммлеру телеграфный запрос с просьбой ознакомить меня с приказом фюрера под названием "Пуля". Через несколько дней ко мне явился Мюллер по заданию Гиммлера и ознакомил меня с одним приказом, который исходил, однако, не от Гитлера, а от Гиммлера. Гиммлер сообщал, что он передает мне устный приказ фюрера». На этом основании можно предполагать, что Гитлер, не говоря с подсудимым Кейтелем и не поставив его в известность об этом, отдал Гиммлеру устный приказ в том виде, в каком он передан в документе ПС-1650...

Кейтель при его допросе показал, что он знал о приказах, директивах и распоряжениях, которые имели такие ужасные последствия, и что он составлял и подписывал их, не задумываясь над возможными последствиями.

Эти показания оставляют открытыми три вопроса:

1) вопрос о методах выполнения приказов, 2) вопрос о предвидении фактически наступавших последствий и 3) вопрос о «dolus eventualis».

В своих письменных показаниях (книга документов II, № 12) подсудимый Кейтель в связи с комплексом вопросов о так называемых идеологических приказах рассказал о влиянии органов СС и полиции на ведение войны и о привлечении вооруженных сил к участию в событиях. Представленные доказательства показывают, что многие командующие войсками частично вообще не применяли, частично применяли в более мягкой форме под свою ответственность приказы, которые сами по себе были преступны-

ми. Методы СС, придававшие приказам их ужасную эффективность, были чужды и поэтому непонятны Кейтелю с его старыми взглядами на некоторые вопросы. Согласно его показаниям последствия приказов в таких масштабах не были ему известны.

То же самое относится к приказу фюрера «Мрак и туман», о котором я только что говорил. Но если он не задумывался над «возможными» последствиями, передавая приказы по инстанции, то нельзя утверждать о наличии «dolus eventualis» в результате наступивших последствий. Скорее следует предположить, что, если бы он мог предвидеть их ужасное действие, он, несмотря на запрещение подачи заявлений об отставке, сделал бы вывод, который освободил бы его от ужасных угрызений совести и противодействовал бы втягиванию его из месяца в месяц в водоворот событий.

Пусть это будет гипотезой, представление доказательств дало для подтверждения его правильности известные основания. Попытка уйти со своего поста, предпринимавшаяся им пять раз, и решение покончить жизнь самоубийством, о котором дал свидетельские показания генерал-полковник Иодль, дают вам возможность установить наличие серьезных намерений Кейтеля в этом отношении. Если они не претворялись в жизнь, то объясняется это теми обстоятельствами, на которых я уже останавливался: непременный и, как говорит Кейтель, безусловный долг быть верным своей присяге, добросовестно выполнять свой долг до горького конца...

Подсудимый Кейтель на вопрос, который так часто ставился на процессе, почему он не отказался от повиновения Гитлеру или не выступил против Гитлера, ответил, что он над ним не задумывался ни одной минуты...

Подсудимый Кейтель не слышал предостерегающего голоса мировой совести. Принципы его солдатской жизни так глубоко укоренились в нем, настолько сильно завладели его мышлением и поступками, что он был глух ко всем соображениям, которые могли бы увести его с пути повиновения и верности в том смысле, как он их понимал.

Это поистине трагическая роль, которую сыграл подсудимый Кейтель в самой ужасной драме всех времен.

Выступление К. КАУФФМАНА, защитника подсудимого Эрнста Кальтенбруннера

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 9 июля 1946 г.

Господин председатель, Высокий Суд!

Этот процесс войдет в мировую историю, так как история заполнена революционными потрясениями... Если мера вины моей родины не имеет предела, то и величайшее искупление,

которое выпадало на долю какого-либо народа, творится им вечно...

Европейский международный порядок, частью которого была моя родина, тяжело болен. Он болен духом отрицания и унижения достоинства человеческой природы...

Трибунал, выполняющий свою миссию в сознании своего высокого долга, предстанет перед испытующим оком истории. Я не сомневаюсь в том, что избранные судьи стремятся служить справедливости, которой они должны руководствоваться...

Право может создаваться лишь в том случае, если суд обладает внутренней свободой и независимостью, подчиненными только совести и богу. На моей родине была забыта эта священная заповедь, и прежде всего она была забыта в высших политических кругах нации. Гитлер превратил право в продажную девку, которую он использовал в своих целях. Нужно детально представить себе положение империи до 1933 года. Здесь уже достаточно говорили об этом, и мне нет необходимости все повторять.

Я думаю, что не смогу выполнить полностью своей задачи, если стану рассматривать чудовищные преступления лишь как эмпирические факты. Нужно дать немцу возможность познать развитие, происшедшее в короткий срок, чтобы понять связь событий...

Задача установить истину поднимает защитника до уровня помощника Суда и дает право защитнику ставить под сомнение не только показания свидетелей, но и документы, и прежде всего правительственные отчеты. Она позволяет защитнику заявить, что такие отчеты, хотя и допущены Уставом в качестве доказательств, могут быть приняты лишь с большими оговорками...

Кальтенбруннер до 1943 года по сравнению с остальными подсудимыми был почти неизвестным в Германии человеком, во всяком случае одним из тех, кто не имел тесной связи ни с германской общественностью, ни с виднейшими деятелями режима. В то время когда германский народ в военном, экономическом и политическом отношении уже с огромной скоростью катился в пропасть, ненависть и страх перед исполнительной властью достигли кульминации.

Я понимаю, что перед лицом моря крови и слез мне не следовало бы останавливаться на душевных особенностях и характере этого человека, но я его защитник...

Кальтенбруннер не является сыном злого духа, как его называло неоднократно обвинение, он не является «маленьким Гиммлером», его «доверенным», «вторым Гейдрихом» и т.д. Я думаю, что он не является тем холодным, как лед, существом, о котором, правда, основываясь только на слухах, говорил в таких абсолютно отрицательных тонах доктор Гизевиус. Подсудимый Иодль показал, что Кальтенбруннер не относился к доверенным Гитлера, которые после ежедневных обсуждений общей обстановки собирались вокруг последнего в главной ставке фюрера. Свидетель доктор Мильднер показал (обвинение не подвергло сомнению его показания) следующее:

«По собственным наблюдениям я могу подтвердить следующее: я знаю подсудимого Кальтенбруннера лично... Назна-

чение его на должность начальника полиции безопасности и СД произошло потому, что Гиммлер после смерти своего главного соперника Гейдриха в июне 1942 года не желал иметь рядом с собой или в своем подчинении человека, который смог бы угрожать его положению. Для Гиммлера подсудимый Кальтенбруннер, без сомнения, был наименее опасным человеком. У Кальтенбруннера не было честолюбия в отношении того, чтобы с помощью особых действий приобрести вес и, возможно, вытеснить Гиммлера. О стремлении его к власти не может быть и речи. Неверно называть его "маленьким Гиммлером"».

В том же духе высказались свидетели фон Эберштейн, Ванек и доктор Хеттль.

Несмотря на все, этот человек взял все-таки на себя руководство главным управлением имперской безопасности; да, он действительно взял его на себя в полном объеме, несмотря на договоренность с Гиммлером.

Я знаю, что сегодня он тяжело страдает из-за катастрофы, из-за того, что когда-то он действительно руководил управлением, о зверствах которого, если бы это было возможно, заговорили и камни. Но личность и сущность данного человека должны быть охарактеризованы иначе, чем это сделало обвинение...

Кальтенбруннер, конечно, положительно относился к личности Гитлера до тех пор, пока он не стал проявлять свои человеконенавистнические стороны. Он одобрял также, как признал на допросе, принципиальные меры, предпосылкой к проведению которых было более или менее значительное насилие, как, например, создание воспитательно-трудовых лагерей. Поэтому ни один разумный человек не станет оспаривать, что он в принципе считал вполне допустимым, по крайней мере на время войны, создание концлагерей или как бы там иначе ни называли эти учреждения, при упоминании о которых слушатель невольно вспоминает слова Данте.

В Баварии, в стране, в которой в настоящее время заседает Трибунал, также имелись подобные лагеря...

Однако преступления против человечности в немецких концентрационных лагерях ни в коей мере не умаляются. Что касается Кальтенбруннера, то этот человек, по моему убеждению... с отвращением констатировал наличие общего курса террора и порабощения, нараставшего в Германии из года в год.

Поэтому я считаю также необходимым сослаться на показания свидетеля Айгрубера, из которых вытекает, что утверждение обвинения «Кальтенбруннер создал Маутхаузен» является неверным...

Не подлежит никакому сомнению правильность того факта (это подтверждают также свидетели Ванек, доктор Хеттль, доктор Мильднер, Олендорф и даже само обвинение), что Гиммлер с момента убийства Гейдриха сам взял на себя исполнительную власть, так что в Германии в области исполнительной власти не мог произойти какой-либо хоть сколько-нибудь значительный случай без того, чтобы Гиммлер не сказал заключительного слова и тем самым не вынес бы окончательного решения...

Кальтенбруннер в силу своих внутренних склонностей в действительности занимался главным образом службой инфор-

мации внутри страны и за границей и тем самым все больше приобретал влияние на внешнюю и внутреннюю политику, к чему он стремился. Об этом показали свидетели. Я напомню о Ванеке, докторе Хеттле, а также о подсудимых Иодле, Зейсс-Инкварте и Фриче. Доктор Хеттль показал: «Кальтенбруннер, по моему мнению, никогда полностью не господствовал в огромном главном управлении имперской безопасности и вследствие отсутствия интереса к задачам полиции и исполнительной власти значительно больше занимался службой информации и оказанием влияния на всю политику. В этой области он был царем».

Из показаний Иодля я подчеркиваю следующую фразу: «Уже до того, как Кальтенбруннер принял от Канариса службу информации, он время от времени посылал мне очень хорошие отчеты о положении на юго-востоке, это заставило меня обратить внимание на его опыт в делах информации...».

Кальтенбруннер в главном управлении имперской безопасности действительно занимал позицию, имевшую целью главным образом обеспечение работы службы информации и дальнейшее расширение последней...

Этот человек затем под давлением политических и военных событий не сохранил разделения функций. Его послушание Гитлеру, а тем самым и Гиммлеру, в 1943 — 1945 гг. привело к тому, что он подчинился кажущейся необходимости гарантировать стабильность внутригерманского положения с помощью полицейского насилия, оказавшись тем самым среди виновных. Ясно, что он может рассчитывать на снисходительное решение вопроса только в том случае, если бы смог доказать, что он действительно отмежевался от IV управления (управления тайной государственной полиции — гестапо), которое вполне заслуживает названия дьявольского управления, и если бы он никоим образом не был причастен к идеям и методам, приведшим, как я считаю, в конце концов к данному процессу. Я не могу отрицать фактов: он не отмежевался от управления. В этом направлении не было предпринято ничего определенного, даже его собственные показания говорят против него. Этим следует объяснить, пожалуй, сделанное им в начале допроса перед Трибуналом заявление, которое я хотел бы назвать его тезисом о виновности:

«Вопрос. Ясно ли Вам, что против Вас выдвинуто совершенно особое обвинение? Представители обвинения ставят Вам в вину преступления против мира, а также Вашу идеологическую причастность или соучастие в преступлениях против человечности и военных преступлениях. Наконец, обвинение связывает Ваше имя с террором гестапо и жестокостью в концентрационных лагерях. Я спрашиваю Вас: берете ли Вы на себя ответственность в рамках широко представленных и известных Вам пунктов обвинения?

Кальтенбруннер: В первую очередь я хотел бы заявить Суду, что полностью сознаю всю тяжесть выдвинутых против меня обвинений. Я знаю, что я ненавистен миру, тем более что Гиммлера, Мюллера и Поля уже нет в живых, и я один должен ответить перед миром и Судом... Но я хотел бы в

самом начале заявить, что беру на себя ответственность за все несправедливости, совершенные в рамках деятельности этого управления с момента моего назначения начальником главного управления имперской безопасности, если это произошло под моим фактическим руководством, то есть если я знал о совершавшемся или должен был знать».

Таким образом, задача защиты распадается на 2 части, для выяснения которых следует задать следующие вопросы:

1. Что хорошего и плохого сделал Кальтенбруннер с момента его назначения на пост начальника главного управления имперской безопасности, то есть с 1 февраля 1943 г.?

2. В какой степени можно утверждать, что он не был достаточно осведомлен о всех преступлениях против человечности и военных преступлениях, об основных моментах этих преступлений?

3. В какой степени можно говорить о его виновности, если смотреть на все с той точки зрения, что он должен был знать о тяжелых преступлениях против международного права, в которых принимало непосредственное или косвенное участие IV управление главного управления имперской безопасности (государственная тайная полиция)?

Что сделал Кальтенбруннер? Я допускаю инкриминируемое ему участие в событиях при оккупации Австрии и Чехословакии, ибо с какой бы энергией он ни преследовал цель — присоединить свою австрийскую родину к империи и для достижения ее использовать руководимые им силы СС, — эта цель может осуждаться совестью мира как преступная...

Мне кажется, что в равной мере нельзя ответить утвердительно и на вопрос о наказуемой вине Кальтенбруннера в связи с якобы имевшей место деятельностью в чехословацком вопросе. По-моему, дискуссия о вине и искуплении ее Кальтенбруннером может возникнуть только в связи с событиями после 1 февраля 1943 г. Возмущение германского народа против одного из самых отвратительных средств террора — превентивного заключения было колоссальным еще до этого времени. Можно ли сказать, что Кальтенбруннер, чьи приказы о превентивном аресте, то есть приказы о превентивном заключении, за его подписью представлены Суду, сам чувствовал внутреннее отвращение к такому виду насилия над человеческой свободой? По-моему, можно. Я думаю, что Кальтенбруннер сейчас глубоко сожалеет о том, что он слишком долго следовал принципу насилия без оказания должного сопротивления...

Я не считаю показания Кальтенбруннера недостоверными, когда он говорит, что сам никогда не подписывал приказов о превентивном аресте. Но я не буду терять время на рассуждения о том, совсем отпадает или значительно уменьшается его вина из-за того, что такие приказы подписывались, может быть, без его ведома... Если речь идет о жизни или смерти людей, то не может быть ссылок на незнание, для того чтобы избегнуть наказания или смягчить последнее. Это знает и подсудимый. Приказы о превентивном аресте были роковыми предвестниками концентрационных лагерей, и я не открою какого-нибудь секрета, если скажу, что ответственность за издание

приказа о превентивном аресте означает начало ответственности за судьбу потерпевших лиц в концлагерях. Я никогда не соглашусь с тем, что доктор Кальтенбруннер знал во всех подробностях о страданиях тысяч людей, томившихся в концентрационных лагерях, ибо, как только за ними захлопывались ворота концентрационного лагеря, они подпадали под полную власть так часто упоминавшегося здесь главного административно-хозяйственного управления СС. Вместо того чтобы ссылаться на показания многих свидетелей по этому вопросу, я укажу на показания доктора Хеттля, который ответил на вопрос о порядке подчинения следующим образом: «Концлагеря подчинялись главному административно-хозяйственному управлению СС, то есть не главному управлению имперской безопасности, а поэтому и не Кальтенбруннеру. Он не имел права отдавать приказы и в этой области не обладал никакой компетенцией. Другие свидетели показали, что Кальтенбруннер должен был знать печальное положение в концлагерях, но нет сомнения в том, что коменданты концентрационных лагерей рьяно заботились о том, чтобы не сообщать даже своему начальству о наказуемых эксцессах со стороны своих охранников. Далее является фактом то, что при вступлении на территорию Германии союзники столкнулись с таким положением, которое было почти исключительно последствием катастрофического военного и экономического положения в последние недели войны и на основании которого мир неверно вывел заключение, что так было и раньше. Показания коменданта лагеря Освенцим Гесса, который вследствие своей прежней деятельности в отделе концлагерей главного административно-хозяйственного управления был осведомлен о положении в концлагерях, в полном объеме подтверждает это. У Гесса нет никакой внутренней причины давать неверные показания. Он посылал на смерть миллионы людей... Никакие человеческие критерии на него распространяться не могут. Я ни в коем случае не прихожу к заключению о полном знании Кальтенбруннером так называемого положения в концлагерях. Путь для установления истины был в Германии сложен, и даже перед начальником главного управления имперской безопасности вставали почти непреодолимые препятствия в виде иерархии компетенций власти в подведомственности третьих управлений и лиц. Улучшить судьбу заключенных с 1943 года было задачей, решить которую возможно было только путем устранения самих лагерей. Но Германия последних 12 лет без концлагерей означает утопию. Кальтенбруннер был в этом механизме лишь небольшим колесиком.

Я уже касался приказов о превентивном заключении и его последствиях. Кальтенбруннер признавал необходимость исправительно-трудовых лагерей вследствие общих, господствовавших тогда в империи условий, недостатка рабочей силы и многого другого, как он показал на допросе. И, если я не ошибаюсь, — убедительных доказательств об истязаниях и жестокостях в лагерях представлено не было. Возможно, это объясняется тем, что лагеря были схожи в некоторых отношениях с концлагерями, но не были приравнены к ним.

Кальтенбруннер, используя все возможные средства, выступил против обвинения в том, что он якобы подписывал приказы об экзекуциях. Свидетели Гесс и Цуттер утверждают, что в отдельных случаях они видели подобные приказы... Свидетель Цуттер, адъютант коменданта лагеря Маутхаузен, основываясь на слухах, говорил, что телеграммой за подписью Кальтенбруннера разрешалось проводить экзекуцию парашютистов весной 1945 года. Кальтенбруннер оспаривал свою осведомленность в этом... Свидетель Хеттль показал: «Нет, Кальтенбруннер не отдавал таких приказов и, по моему мнению, не мог сам давать таких приказов (об умерщвлении евреев)».

Ванек категорически подтверждает: «Мне известно, что Гиммлер лично выносил решения о жизни и смерти и иных наказаниях заключенных в концлагерях». Тем самым, пожалуй, доказано исключительное право Гиммлера в этой области.

Но было бы неверно, если бы я стал полностью отрицать вину Кальтенбруннера в данном пункте. Если такие приказы, например, на основании приказа Гитлера о коммандос от 18 октября 1942 г., приводились в исполнение по отношению к подданным иностранных держав, то встает вопрос об ответственности того лица, имя которого стоит под подобным приказом. Могло быть, однако, что подчиненные злоупотребляли этим именем. Установлено, что Кальтенбруннер не оказал ни малейшего влияния на составление приказа о коммандос, хотя едва ли может быть поставлено под сомнение, что этот приказ нарушает положения международного права...

Свидетель доктор Хеттль подтвердил, что Кальтенбруннер в вопросе будущей судьбы Германии доходил до пределов, граничивших с государственной изменой, если даже не перешел их. Свидетель подтверждает, например, что Кальтенбруннер сумел побудить Гитлера к умеренности в венгерском вопросе в марте 1944 года и воспрепятствовать вступлению в Венгрию румынских соединений; что благодаря его сопротивлению долгое время не назначалось намеченное националистическое венгерское правительство.

Обвинение возложило на Кальтенбруннера ответственность за эвакуацию и преднамеренное уничтожение известных концлагерей... Ему вменяется в вину попытка уничтожить концентрационный лагерь Дахау с обоими его дополнительными лагерями, о чем показали свидетели барон фон Эберштейн и тогдашний гаулейтер Мюнхена Гисслер. Но свидетель Ванек показал, что ему не был известен подобный приказ Кальтенбруннера, хотя при своем тогдашнем положении он знал, если бы Кальтенбруннер отдал подобный приказ или даже только обдумывал его.

Кто в действительности отдал такой приказ, нельзя установить определенно. Свидетель Гесс при допросе его упоминал приказы об эвакуации, отданные как Гиммлером, так и непосредственно Гитлером...

Мне кажется также сомнительным, чтобы так называемые оперативные группы (эйнзатцгруппы), созданные на основании приказа Гиммлера о комиссарах от 1941 года, существовали

после вступления Кальтенбруннера в свою должность с теми же функциями, что и до его назначения.

Одни данные говорят за, другие — против. Кальтенбруннер отрицает существование этих групп во время своей деятельности в качестве начальника главного управления имперской безопасности. Я не хотел бы зарываться в мелочах, но считаю необходимым обратить внимание Суда на это сомнение. То же самое верно и в отношении так называемого приказа «Пуля» (кугельэрласс). Документ ПС-1650, США-246 свидетельствует, что соответствующие распоряжения подписал не Кальтенбруннер, а пресловутый начальник IV управления Мюллер, тогда как документ ПС-3844, США-801 говорит о подписи самого подсудимого. Мне кажется, что первый документ заслуживает предпочтения... Я думаю, что Суд имеет настолько большой опыт в оценке документальных доказательств, что мне не надо приводить дальнейшие аргументы по данному вопросу...

В какой степени я вправе заявить, что Кальтенбруннер, действительно, не был достаточно осведомлен о многих военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены в течение двух последних лет войны при каком-либо участии IV управления? Будет ли такая защита иметь надежду в значительной степени оправдать начальника главного управления имперской безопасности? Кальтенбруннер показал во время своего допроса, что он узнал о некоторых приказах, распоряжениях, директивах и т.д., изданных задолго до вступления его на должность, очень поздно. Об отдельных приказах он узнал лишь в 1944 и в 1945 годах. Я хотел бы особенно подчеркнуть, что все приказы, которые противоречат международной морали и гуманности, были изданы в то время, когда Кальтенбруннер находился еще в Австрии...

Выполнялись ли подобные приказы, директивы и т.д. также и во время пребывания подсудимого на должности начальника главного управления имперской безопасности?..

Во время допроса Кальтенбруннера на Суде он описал трудность своего положения, которое застал при вступлении на должность 1 февраля 1943 г., и, я надеюсь, что никто не истолкует неверно эту ситуацию. Империя ведь еще не защищалась и даже в 1943 году была опасной для любого противника, которому приходилось сталкиваться с ней. Но это уже была борьба за цель, лежавшую явно в недосягаемой дали. Кто попытается схватить за спицу колесо экипажа, несущегося навстречу пропасти, тот погибнет... Кальтенбруннер сказал в отношении этого положения: «В начале февраля 1943 года я прибыл в Берлин. Исключая некоторые визиты в связи с вступлением в должность, я начал свою деятельность в мае 1943 года. За четыре года войны приказы и указы Германской империи, относившиеся к исполнительной власти, тысячами скопились на столах и в шкафах у чиновников. Одному человеку почти невозможно было прочитать все это за год. Даже если бы я чувствовал себя обязанным сделать это, я не смог бы узнать содержание всех приказов». В этой связи я напоминаю о том, что, согласно показаниям свидетеля доктора Хеттля и других,

во времена Кальтенбруннера главное управление имперской безопасности в Берлине охватывало около 3000 служащих всех категорий и что, по показаниям того же свидетеля, Кальтенбруннер полностью никогда не господствовал в этом управлении. Никто не будет оспаривать справедливости следующего вопроса: не был ли Кальтенбруннер обязан получить в кратчайшее время информацию, по крайней мере, о важнейших событиях во всех управлениях главного управления имперской безопасности и разве он не узнал бы тогда довольно быстро, например, об антиеврейских мероприятиях Гиммлера и Эйхмана и о некоторых других тяжких террористических мерах...

Свидетель Ванек следующим образом охарактеризовал отношение Кальтенбруннера к разрешению еврейского вопроса Гиммлером. К моменту вступления на должность Кальтенбруннера разрешение данного вопроса находилось уже на такой стадии, когда Кальтенбруннер не мог оказать на него влияния. Если Кальтенбруннер вообще высказывался по этому вопросу, то лишь в том духе, что здесь совершена ошибка, которую нельзя исправить. Далее свидетель подтверждает, что все мероприятия, связанные с разрешением еврейского вопроса, проводились самостоятельно, что Гиммлер передавал приказы непосредственно Эйхману, что доминирующее положение Эйхмана еще при жизни Гейдриха постоянно усиливалось, так что, в конце концов, он совершенно самостоятельно действовал во всем секторе по еврейскому вопросу.

Я хотел бы здесь заметить, что, согласно показаниям Гесса, единственного оставшегося в живых человека, который знаком с затронутым вопросом, ясно, что этот демонический приказ, который обсуждался всего лишь 10—15 минут в присутствии 200—300 человек, имел последствием более 4 миллионов человеческих жертв. Я добавлю: об этих жертвах едва ли знал 80-миллионный германский народ, и о событиях, разыгравшихся в юго-восточной части империи, едва ли было известно кому-либо.

В связи с проблемой о виновности остается принципиальный вопрос: может ли большое должностное лицо и руководитель влиятельного управления, подчиненные которого постоянно совершают преступления против человечности и международного права, вообще вступать на такой пост или оставаться на таком посту, если он осуждает эти преступления?..

Обязательство противиться приказам, продиктованным злом, существует само по себе для каждого человека независимо от его положения; оно признается также Кальтенбруннером. Тот, кто занимает посты в государстве, должен в первую очередь суметь доказать, что и он внес свой вклад в дело прекращения подобных гигантских несправедливостей, которые имели место в Европе; он должен доказать, что выступил сразу против них, как только он узнал о них, если не хочет оказаться виновным. Представил ли Кальтенбруннер такого рода доказательство? Ответить на этот вопрос я предоставляю Вам. В качестве собственного мнения я хотел бы выразить одно: Кальтенбруннер не был заговорщиком, он был лишь лицом, которое получало приказания, лицом, которое принуждали действовать тем или

иным образом... Устав Трибунала отказывает в праве ссылаться на полученный приказ в целях избежать наказания. Как железное кольцо приказ держал руководителей на своих постах во время войны. Нет сомнения в том, что лицо, не исполнившее приказ, особенно в последние годы войны, должно было опасаться за собственную жизнь и за существование всей своей семьи. С какой бы стороны ни подходили к проблеме приказа в Германии с 1933 года, нельзя все-таки отказывать подсудимому в праве ссылаться на упомянутое положение, ибо принцип, присущий немецкому уголовному праву, как и уголовному праву всех цивилизованных народов, основан на утверждении свободы воли человека, необходимой для всякой виновности.

Если преступник не может действовать свободно, так как кто-то другой лишает его этой свободы с помощью угрозы его существованию, то в принципе отпадает всякая вина. Я не хочу в данный момент исследовать, существовала ли в германской действительности последних лет такая непосредственная опасность для собственного существования некоторых людей. Вне всякого сомнения, такое ограничение свободы лица, подчиняющегося приказам, существовало в той или иной степени. Мне кажется ясным, что Гиммлер рассматривал бы категорический отказ Кальтенбруннера взять на себя руководство главным управлением имперской безопасности как саботаж и в результате уничтожил бы его.

Гитлер был одним из величайших правонарушителей, известных в мировой истории, как это показал данный процесс. Многие дают положительный ответ на вопрос об обязанности уничтожить подобное чудовище, чтобы тем самым гарантировать миллионам людей право на свободу и жизнь. На этом процессе были высказаны различные мнения со стороны свидетелей и подсудимых относительно путча и особенно относительно убийства тирана. На вопрос об обязанности я не могу дать положительного ответа, но право на это оспаривать, во всяком случае, нельзя. Если насилие над человеческой свободой происходит путем издания явно незаконного, человеконенавистнического приказа, то в возникающем конфликте между повиновением и свободой совести весы склоняются в сторону последней. Даже так называемая присяга на верность не может оправдать иную позицию, ибо, как всякий это ощущает, верность предусматривает обязательство со стороны обоих партнеров, так что тот, кто попирает ногами обязательства об уважении человеческой совести в лице подчиненного, в тот же момент теряет всякое право требовать послушания...

Как бы верно это ни было, все-таки существует непреложная обязанность сопротивляться исполнению приказа, который, как это ясно подчиненному, имеет целью насаждение зла и который, очевидно, оскорбляет здоровое чувство гуманности и мира между народами и людьми. «В борьбе народа не на жизнь, а на смерть не существует законности» — является тезисом, не продуманным до конца и неправильным к тому же. Он не стоит того, чтобы его опровергать, кто бы его ни высказал. Даже непосредственная опасность для жизни, угрожающая тому, кто отдает приказ, не может меня заставить изме-

нить свое мнение. Доктор Кальтенбруннер не станет оспаривать, что тот, кто стоит во главе управления, имеющего огромное значение для всего народа, обязан при упомянутых предпосылках пожертвовать даже своей жизнью. Если, таким образом, даже непосредственная реальная опасность для его собственной жизни и жизни его семьи не может извинить его, то она все-таки смягчает его вину; только на эту моральную и юридическую оценку своего положения хочет указать Кальтенбруннер. Он тем самым подчеркивает исторически установленный факт, который явился одной из глубочайших причин краха империи; ведь ни один человек не может принести какому-либо обществу свободу, мир и благосостояние, если сам с отвращением носит цепи и потерял свободу, которая является одним из самых главных признаков существ, обладающих человеческим обликом. Мне кажется, что Кальтенбруннер хотел бы родиться вновь, и я знаю, что тогда бы своей кровью он стал защищать эту свободу.

Кальтенбруннер виновен, но размер вины меньше, чем это кажется обвинению. Сейчас он как последний представитель зловещей силы из самых мрачных и тяжелых времен империи будет ожидать Вашего приговора.

Выступление А. ТОМА, защитника подсудимого Альфреда Розенберга

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 9 и 10 июля 1946 г.

Господин председатель!

Высокий Суд! Розенберг — по происхождению балтийский немец — уже в детстве научился говорить по-русски. После перевода высшего технического училища из Риги в Москву во время первой мировой войны он держал в Москве экзамены, интересовался русской литературой и искусством, имел знакомых русских и считал загадочным, почему русским народом, названным Достоевским «народом-богоносцем», овладел дух материалистического мышления, дух марксизма... В конце 1918 года он приехал в Германию...

Для подсудимого Розенберга военный конфликт с Советским Союзом, особенно агрессивная война с ним, был настолько же маловероятным, как и для каждого германского или иностранного политического деятеля... Розенберг никогда не требовал военной интервенции против Советского Союза. Когда Розенберг в августе 1939 года узнал о заключении пакта о ненападении между Германской империей и Советским Союзом (о предварительных переговорах, как и о других внешнеполитических мероприятиях фюрера он не был информирован), он мог бы пойти к фюреру и протестовать против этого. Он этого не сделал и вообще не произнес ни слова против

пакта. Подсудимый Геринг подтвердил это, сославшись на соответствующие высказывания Гитлера.

Розенберг (стенограмма от 16 апреля 1946 г.) показал, что в начале апреля 1941 года он был неожиданно вызван к Гитлеру, который заявил ему, что считает неизбежным военное столкновение с Советским Союзом... что в этой связи он уже отдал необходимые военные и другие приказы и что хочет использовать Розенберга в той или иной форме в качестве политического советника. Розенберг оказался тогда, как он об этом сообщил в своих показаниях, перед свершившимся фактом, и его попытка вообще сказать что-либо по данному поводу была пресечена фюрером, сделавшим замечание, что приказы все равно уже отданы и что дела не изменишь...

20 апреля 1941 г. Розенберг получил от Гитлера предварительное поручение — создать центральное учреждение по восточным проблемам и установить контакт с соответствующими высшими имперскими инстанциями по этим вопросам (документ ПС-865)...

Если эти показания Розенберга сами по себе недостаточны для опровержения обвинения в том, что Розенберг несет личную ответственность за планирование, развязывание и ведение агрессивной и грабительской войны с Россией... я могу привести еще несколько моментов.

1. Розенберг не присутствовал на известном совещании в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. («протокол Госбаха» ПС-386, США-25), когда Гитлер впервые раскрыл свои военные планы; это было в то время, когда Розенберг играл еще некоторую роль в политике или когда, по крайней мере, казалось, что он играл такую роль; если вообще он когда-либо играл какую-то роль близко стоявшего к Гитлеру политического вдохновителя, — он должен был играть ее именно в то время.

2. Свидетель Ламмерс показал на данном процессе, что все основные решения, в том числе и решение о войне с Россией, Гитлер принимал самостоятельно.

3. Геринг 16 марта 1946 г. на данном процессе ответил на мой вопрос о влиянии Розенберга на внешнеполитические решения Гитлера следующее: «Я считаю, что мнение внешнеполитического отдела партии после прихода фюрера к власти никогда не заслушивалось по внешнеполитическим вопросам и этот отдел был создан только для того, чтобы централизованно разрешать некоторые внешнеполитические вопросы, возникавшие внутри партии. К решению политических вопросов после прихода Гитлера к власти Розенберг, насколько я знаю, определенно не привлекался».

Это подтвердил здесь также Нейрат 26 июня 1946 г. ... Я хотел бы остановиться на «Кратком отчете о деятельности внешнеполитического отдела НСДАП» (документ ПС-003, США-603). В нем кратко упоминается о восточных областях, и на основании этого обвинением несправедливо утверждается, что если территории на Востоке были оккупированы в результате агрессивной войны, то, следовательно, все, что там делала германская администрация, было преступным, и что если Розенберг был ответственным имперским министром по делам

оккупированных восточных областей, то он должен быть наказан за все преступления, которые были там совершены, по крайней мере, за все то, что происходило в рамках функций и полномочий административных органов. Я попытаюсь доказать, что такое утверждение является неправильным с правовой и фактической сторон.

Розенберг, действительно, был организатором и главным ответственным лицом за администрацию на Востоке. 17 июля 1941 г. он был назначен имперским министром по делам восточных оккупированных областей. Еще до этого времени он, согласно данному ему поручению, проводил подготовительную работу, связанную с проблемами восточно-европейского пространства, путем установления контакта с соответствующими имперскими учреждениями (документ ПС-1039, США-146). Он запланировал и создал свое ведомство, которое занималось разработкой всех вопросов, связанных с восточноевропейским пространством (документ ПС-1024, США-278). Он отдал распоряжение о составлении предварительной инструкции для рейхскомиссаров (документ ПС-1030, США-144). Он выступил с программной речью 20 июня 1941 г. и, главное, участвовал в совещании у фюрера 16 июля 1941 г. (Л-221, США-317).

В присутствии Розенберга, Ламмерса, Кейтеля и Бормана Гитлер сказал тогда, что не следует сообщать всему миру о действительных целях войны с Россией: «Присутствующие должны уяснить себе, что мы никогда не уйдем из новых восточных областей; все, что будет сопротивляться нам, будет уничтожено; необходимо предотвратить создание армии западнее Урала, никто, кроме немца, не должен там никогда носить оружия».

Гитлер провозгласил идею порабощения и эксплуатации восточных территорий, противопоставив высказывание тому, что до этого ему говорил Розенберг о своих планах на Востоке и против чего он тогда не возражал.

Таким образом, Гитлер, возможно, наметил программу порабощения и эксплуатации. Отсюда, по мнению обвинения, со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что Розенберг еще до того, как он стал министром, знал о целях Гитлера на Востоке, а именно: 1) овладеть, 2) управлять им, 3) эксплуатировать его.

Обвинение считает, таким образом, доказанным, что Розенберг не только виновен в преступлении, состоящем в заговоре против мира, но что он лично также ответствен за преступления против человечности, которые чинились в восточных областях, так как Розенберг имел на Востоке всю полноту власти, наивысший авторитет.

Вопрос об автоматической ответственности Розенберга как главнокомандующего в восточных областях я рассмотрю де-юре и де-факто позже. Вначале я хочу рассмотреть вопрос о его индивидуальной ответственности. Ее можно было вывести по двум направлениям: во-первых, в связи с тем, что он якобы участвовал в подготовке агрессивной войны с Советским Союзом; я уже показал, что это утверждение неправильно: Розенберг не принимал ни идеологического, ни фактического

участия в подготовке агрессивной войны; во-вторых, что он якобы поддерживал захватнические планы Гитлера, участвуя в составлении их и поддерживая в выступлениях и административной деятельностью. Если министр или полководец разрабатывает планы на случай возможных конфликтов в будущем или проводит подготовительные организационные мероприятия по поручению главы государства, то такая деятельность не может рассматриваться как преступная, если при этом затрагиваются интересы других стран, и даже в том случае, если планы, приготовления и мероприятия проводятся на случай войны. Только тогда, когда соответствующий министр или полководец преследует цели, которые согласно здрввому смыслу, чувству порядочности и международному долгу справедливости должны рассматриваться как преступные, он может нести личную ответственность.

Розенберг словом и делом непрестанно доказывал, что традиционные взгляды на право являются также и его взглядами и что он намеревался действовать в соответствии с ними. Его положение, правда, было особенно тяжелым, так как его высший начальник в своих идеях, целях и планах находился, собственно говоря, по ту сторону допустимого. Его положение было тяжелым также и потому, что наряду с ним действовали еще и другие крупные силы, которые срыввли и саботировали хорошие и честные намерения Розенберга, как, например, Борман, Гиммлер и гаулейтер Эрих Кох...

Таким образом, мы видим странную картину, когда, с одной стороны, у власти находился министр, который частично не понимал и не одобрял намерений главы государства, а частично и вообще ничего не знал о них, и когда, с другой стороны, глава государства назначил министра, который хотя и был его старым и верным политическим соратником, но с которым он не имел больше никакого внутреннего контакта. Розенберг не мог просто уйти в отставку, он чувствовал себя обязанным бороться за взгляды, которые казались ему правильными и добропорядочными.

В своей речи 20 июня 1941 г. Розенберг заявил, что немцы обязаны подумать над тем, что Германия не должна бороться каждые 25 лет за свое существование на Востоке. Но он ни в коей мере не желает уничтожить славянские народы. Он желает способствовать развитию всех народов Восточной Европы, развитию их собственных государств, но не уничтожению...

В приведенной речи имеется также пункт, который обвинение особо вменяет ему в вину и который заключается в том, что, по его словам, снабжение германского народа в эти годы, несомненно, будет составлять одно из главных германских требований к Востоку и что южные области и Северный Кавказ должны поддерживать на определенном уровне снабжение германского народа.

Затем Розенберг продолжает: «Мы отнюдь не считаем, что обязаны снабжать русский народ продуктами из этих областей, располагающих излишками. Мы знаем, что это представляет собою жестокую необходимость, исключающую любые чувства. Возникает необходимость в эвакуации населения в большом

масштабе, и русским предстоит пережить тяжелые годы. В каком размере там будет сохранена промышленность, будет решаться позже».

Этот момент является совершенно неожиданным и стоит изолированно в длинной речи. Ясно чувствуется: он просто втиснут в общий контекст, но это не голос Розенберга. Розенберг не провозглашает здесь своей собственной программы, а лишь только констатирует факты, которые не зависят от его воли...

Сейчас я перейду к вопросу об автоматической ответственности Розенберга как министра по делам восточных областей, то есть к вопросу об уголовной ответственности, которую он несет в силу занимаемой должности. Речь идет об уголовной ответственности Розенберга, о его ответственности за те преступления, которые он якобы совершил сам, и за преступления других.

Известно, что 17 июля 1941 г. Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных областей. В качестве двух суверенных территориальных областей были созданы два рейхскомиссариата: Остланд (Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия) с рейхскомиссаром Лозе и Украина, подчинявшаяся рейхскомиссару Коху.

Далее особое значение имеет то, что Розенберг, будучи министром, не являлся главой всей администрации на Востоке, что одновременно существовало несколько высших лиц. Уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг был ответствен за руководство экономикой во всех оккупированных областях и в этом отношении он являлся начальником министра по делам восточных областей, ибо Розенберг мог лишь только с согласия Геринга издавать распоряжения по экономическим вопросам. Начальник германской полиции Гиммлер был ответствен за обеспечение полицейского порядка в оккупированных областях.

В министерстве по делам оккупированных восточных областей вообще не было полицейского управления, не располагали таковыми и рейхскомиссары.

Компетенция Розенберга также ущемлялась «рейхскомиссаром по консолидации германского народа» Гиммлером, а также Шпеером, в пользу которого на основании указа фюрера из компетенции администрации по делам восточных областей была выделена вся промышленность, и, кроме того, Геббельсом, который оставил за собой ведение пропаганды также и в восточных областях.

Мне кажется, что решающее значение имеет то обстоятельство, что Розенберг являлся министром по делам восточных областей, но не был сувереном. Суверенами являлись рейхскомиссары колоссальных территорий — Остланда и Украины. Еще не были выработаны принципы будущего нашего государственно-правового порядка в этих областях, но одно уже было ясно: главой являлся рейхскомиссар. При проведении таких важных мероприятий, как расстрел жителей области за акты саботажа, он выступал в качестве лица, которое обладает правом выносить окончательное решение. Я хочу доба-

вить, что в действительности полиция была единственной инстанцией, у которой была сосредоточена вся компетенция такого характера. Правительство, а следовательно, и другие инстанции обладали правом издания основных законов и правом верховного надзора. Положение Розенберга как министра по делам восточных областей можно изобразить, перефразировав известное изречение французского ученого в области государственного права Бенджамена Констана: «Король царствует, но не управляет» — следующим образом: «Министр управляет, но не царствует».

Существовала суверенная власть рейхскомиссара с центральным верховным надзором, осуществлявшимся министром по делам восточных областей... Следовательно, я прихожу к тому выводу, что не может быть автоматической уголовной ответственности Розенберга за то, что он не воспрепятствовал совершению преступлений на Востоке, уже потому, что, хотя в его руках и был верховный надзор, он не являлся сувереном. Суверенами были оба рейхскомиссара.

Далее следует выяснить, несет ли подсудимый индивидуальную ответственность за преступные эксплуатацию и порабощение народов восточных областей, а также и за другие преступления.

Своеобразное государственное положение Розенберга в качестве имперского министра по делам восточных областей и его все уменьшавшееся политическое значение осветил свидетель Ламмерс во время допроса 7 апреля 1946 г.

По показаниям Ламмерса, власть Розенберга ограничивалась тем, что в оккупированные восточные области были назначены два рейхскомиссара — Лозе и Кох. Высший чин СС и полицай-фюрер хотя и подчинялся «лично и непосредственно» рейхскомиссару, но, как показывает Ламмерс, по деловым вопросам он получал приказы не от рейхскомиссара или Розенберга, а только от Гиммлера. Ламмерс говорит, что Розенберг всегда хотел проводить на Востоке умереиную политику. Он, несомненно, был против «политики истребления» и «политики угона», которые широко проповедовались другими...

Гитлер в своих идеях больше следовал за Борманом и Гиммлером. Восток превратился в опытное поле...

В июле 1942 года Борман пишет Розенбергу. Розенберг отвечает. Третье лицо, доктор Маркулл, сотрудник Розенберга по министерству, критически разбирает это письмо Бормана. По словам доктора Маркулла, смысл письма Бормана, которое в оригинале больше не существует, сводился к следующему: славяне должны на нас работать, а те, кого мы не можем использовать, пусть умирают. Заботиться о состоянии их здоровья излишне. Плодовитость славян нежелательна. Образование опасно. Достаточно будет, если они смогут считать до ста. Каждый образованный человек — наш враг в будущем. Религию мы оставим им как средство отвлечься. Что касается их снабжения, то обеспечить надо только самым необходимым. Мы — господа и должны получать все в первую очередь.

На это письмо ближайшего сотрудника Гитлера Розенберг мог дать только один ответ: выразить внешнее согласие и сде-

лать кажущуюся уступку. Такая удивительная внешняя перемена в установках начальника вызвала озабоченность в восточном министерстве, которая и нашла свое выражение в меморандуме доктора Маркулла от 5 сентября 1942 г.

Розенберг, давая показания, сказал, что он согласился с этим только потому, чтобы успокоить Бормана и Гитлера...

12 октября 1944 г. Розенберг через Ламмерса передал фюреру прошение об отставке...

Не получив ответа на свое прошение об отставке, Розенберг неоднократно пытался поговорить лично с Гитлером, но безуспешно.

11 декабря 1945 г. господин Додд сказал: «Система ненависти, варварства и отрицания прав личности, которую заговорщики сделали государственной философией Германии, последовала за своими национал-социалистскими хозяевами, когда они наводнили Европу. Иностранные рабочие стали рабами народа господ, миллионы были угнаны и порабощены».

Генерал Руденко 8 февраля 1946 г. говорил: «В длинном ряду злодейских преступлений, совершенных немецко-фашистскими оккупационными войсками, особое место занимает насильственный угон мирных граждан в рабство и крепостничество в Германию. За эти бесчеловечные и варварские распоряжения, объявления и приказы гитлеровского правительства, издание которых имело своей целью угон советских людей в немецкое рабство, ответственность возлагается в первую очередь на Геринга, Кейтеля, Розенберга и Заукеля».

Я уже говорил о формальной и индивидуальной ответственности Розенберга как имперского министра по делам восточных областей. Я также говорил и о том, что в области использования рабочей силы не Розенберг, а Заукель как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы является главным и ответственным лицом на основании указа фюрера от 21 марта 1942 г. (документ ПС-580). Таким образом, Заукель в этой области стоял выше Розенберга, то есть Розенберг был ему подчинен. 3 октября 1942 г. он, например, писал Розенбергу (документ ПС-017): «Фюрер принял новую срочную программу вооружения. Для выполнения этой программы необходимо срочно достать еще два миллиона иностранных рабочих. Во исполнение своего указа от 21 марта 1942 г. фюрер предоставил мне новые полномочия; для выполнения моих новых задач он, в частности, уполномочил меня принять по моему собственному усмотрению все необходимые меры в империи... и в оккупированных восточных областях для того, чтобы при всех условиях обеспечить планомерное использование рабочих в немецкой военной промышленности». В своей «Программе использования рабочей силы» от 24 апреля 1942 г. (документ ПС-016) он подчеркивает, что все мероприятия технического и административного порядка в области использования рабочей силы входят в компетенцию одного лишь генерального уполномоченного по использованию рабочей силы...

Для того чтобы опровергнуть заявление обвинения о том, что Розенберг являлся представителем системы ненависти и варварства, подавления личных прав и рабства, мне следует

остановиться еще на других моментах. Розенберг получал отчеты, в которых говорилось о плохом состоянии дел.

Так, 7 октября 1942 г. он получил отчет о плохом обращении с украинскими рабочими-специалистами (ПС-054, США-198). Там обращалось внимание на отдельные недопустимые явления при вербовке и неполадки при перевозке рабочих. Сообщалось, что рабочих нередко ночью вытаскивали из постели и запирали в подвалах для последующей отправки. Угрозы и применение физической силы со стороны сельской полиции были частыми явлениями. Нередко полиция отбирала у специалистов те продукты, которые они брали с собой; на пути следования сопровождавшие их лица позволяли отдельные перегибы, небрежное обращение и так далее.

Розенберг не имел никаких полномочий для устранения этих нарушений. Однако он попытался сделать это. Письмо к Заукелю от 21 декабря 1942 г. (ПС-018, США-186).

Вначале Розенберг подчеркивает свое принципиальное согласие с Заукелем, а затем настойчиво жалуется на применяемые при мобилизации рабочей силы методы. Я цитирую: «Я в силу возложенной на меня ответственности за оккупированные восточные области должен со всей настойчивостью просить о том, чтобы при наборе необходимых контингентов исключались такие методы, последствия которых в один прекрасный день могут быть поставлены в вину мне и моим сотрудникам».

Далее Розенберг заявляет, что он уполномочил рейхскомиссара Украины применять свою верховную власть, если это окажется необходимым, и заботиться о ликвидации таких методов вербовки, которые противоречат интересам военного руководства и военной экономики в оккупированных областях...

Рейхскомиссар Кох был его тайным и поддерживаемым высшими инстанциями противником. Кох является одним из главных виновников ужасного метода вербовки и использования восточных рабочих, против которого Розенберг ничего не мог сделать.

Господин обвинитель Брудно 9 января 1946 г. упрекает подсудимого в том, что если последний и протестовал, то он протестовал не по каким-либо гуманным соображеииям, а в силу политической целесообразности. На это я могу сказать: не следует без достаточных оснований лишать подсудимого Розенберга всех человеческих качеств.

В качестве примера особой жестокости подсудимого обвинение неоднократно указывало на так называемую акцию «Сено» (документ ПС-031). Здесь речь идет о плане командования группы армий «Центр» эвакуировать из зоны операций 40—50 тысяч детей, поскольку они являлись большим бременем в зоне операций, причем большинство из них не имело родительского ухода... Розенберг как имперский министр по делам восточных оккупированных областей был вначале против этого, так как, с одной стороны, он боялся, что указанное мероприятие может быть рассмотрено как угон детей, и, с другой стороны, потому, что эти дети не могут представлять собой значительного укрепления военной силы. Начальник оперативно-политического штаба связался с Розенбергом и изложил

ему, что группа армий «Центр» придает решающее значение тому, чтобы дети попали в империю не через генерального уполномоченного по вопросам использования рабочей силы, а через ведомство имперского министра по вопросам оккупированных восточных областей... В обоснование своего ходатайства перед министром было также добавлено, что подростки не представляют собой существенного укрепления военной силы, но что важным является уменьшение биологической силы противника на длительное время; такого мнения придерживается не только рейхсфюрер СС, но даже и сам фюрер. В конце концов Розенберг дал согласие на проведение данного мероприятия. В этой связи следует сказать: здесь речь шла о таком круге вопросов, который по административной линии не входил в подчинение Розенбергу. Он не хотел уничтожить чужой народ даже несмотря на то, что в качестве обоснования была приведена необходимость биологического ослабления противника.

Обвинение считает Розенберга виновным потому, что он издавал нечеловеческие и варварские распоряжения, которые имели своей целью обеспечить угон советских людей в германское рабство. Поэтому мне сейчас придется заняться рассмотрением вопроса, противоречили ли положениям международного права декрет о трудовой повинности от 19 декабря 1941 г. и другие декреты Розенберга о введении трудовой повинности для жителей восточных областей.

Управляемые Розенбергом восточные области были заняты в ходе военных действий. В результате оккупации Германия достигла фактического господства в этих областях и приобрела там верховную власть, как на своей собственной территории.

В то время как старое международное право позволяло действовать оккупанту по своему произволу, не заботясь о праве и законе, новейшее развитие международного права устранило этот принцип и обеспечило победу культурного и гуманного принципа; неограниченная до того власть превратилась в ограниченное право оккупанта. Гаагские правила ведения сухопутной войны, в частности, установили правовые обязанности оккупантов. Но неправильно было бы думать, что эти правила ведения сухопутной войны представляют собой изложение лишь отдельных прав оккупантов. Они устанавливают границы в отношении самого по себе неограниченного права оккупантов и их полномочий, вытекающих из необходимости управления занятыми областями.

Отсюда вытекает следующий принцип, признанный международным правом: мероприятия оккупантов являются законными в оккупированной области, если проведению их не препятствует какое-либо существующее положение международного права. Это положение устанавливает право оккупантов без ограничений проводить все меры, вытекающие из их суверенных прав в оккупированной области...

Статья 52 Гаагских правил ведения сухопутной войны допускает привлечение к труду рабочих оккупированных областей. Там указывается, что от жителей оккупированных областей

можно требовать выполнеиия работы, которая должна ограничиваться потребностями оккупационных войск и должна находиться в соответствии с ресурсами страны, и по характеру своему не должна возлагать на население обязанности принимать участие в военных мероприятиях против их отчизны. В этом положении я не могу усмотреть запрета использования рабочих в оккупированных областях, наоборот, я склонен думать, что на основании этого положения трудовая повинность является вполне допустимой. Использование рабочих в военной экономике, несомненно, соответствует потребностям оккупационной армии и, по моему мнению, совершенно не означает использования их для военных мероприятий. В Гаагских правилах ведения сухопутной войны ничего не говорится о том, можно ли заставлять этих людей работать только на собственной территории или же привлекать для выполнения определенных работ в стране, оккупировавшей их родину. Поэтому существует мнение, что это постановление устанавливает право оккупанта неограниченно осуществлять все меры, вытекающие из суверенных прав.

Председатель: *Доктор Тома, Трибунал хотел бы знать, будете ли Вы утверждать, что Гаагскими правилами предусматривалась депортация мужчин, женщин и детей в другие страны для рабского труда в последних?*

Тома: *Господин председатель, я говорю о толковании Гаагских правил ведения сухопутной войны и разбираю здесь вопрос, допустимо ли вывозить для нужд оккупационной армии жителей страны. Я стою здесь на той точке зрения, что рабочих также можно перевозить в страну оккупанта. Относительно детей я ничего не говорил, относительно евреев я также ничего не говорил, я говорил только о трудоспособных людях, которых обязали работать на нужды оккупационной армии. Я стою также на той точке зрения, что допустимо перевозить их в страну оккупанта. Я предоставляю этот вопрос на рассмотрение Суда...*

Теперь я перехожу к новой теме.

В противовес утверждению обвинения Розенберг ни в коем случае не был вдохновителем преследований евреев, как и вообще не был руководителем и создателем политики, проводимой партией и Германской империей, как это утверждало обвинение.

Розенберг был, конечно, убежденным антисемитом, который отразил свои убеждения и принципы в сочинениях и речах. Но антисемитизм не находится на переднем плане его деятельности... Обвинение цитировало следующее высказывание Розенберга как программное: «Еврейский вопрос после устранения евреев со всех общественных постов найдет свое окончательное разрешение в создании гетто»...

Розенберг не участвовал в бойкоте евреев в 1933 году, не был привлечен к разработке еврейских законов 1933, 1934, 1935 годов и т.д. (лишение гражданства, запрещение вступать в брак, лишение избирательных прав, удаление со всех значительных постов и из учреждений). Он также не участвовал в мероприятиях против евреев в 1938 году, в разрушении сина-

гог и в антисемитских демонстрациях. Он не был закулисным руководителем, который подстрекал людей на такие действия или приказывал им совершать их...

Розенберг повторял лозунги Гитлера о «разрешении еврейского вопроса», а однажды и об «истреблении еврейства». При этом, возможно, мало думал, как большинство приверженцев Гитлера, о том, что все эти речи имеют жуткий смысл, а именно, что под этим подразумевается не только выселение, но также и физическое уничтожение, убийство евреев...

С 1941 года было разработано и осуществлено массовое преступление, далеко оставившее за собой все понятия человеческого разума и морали. «Еврейский вопрос» развивался дальше и был доведен до так называемого окончательного разрешения. Суд должен будет решить вопрос, ответствен ли Розенберг, видный представитель партии, имперский министр по оккупированным восточным областям, за убийства евреев, особенно за убийства евреев на Востоке...

Я думаю, что могу сказать, что Розенберг никогда открыто или скрытно не содействовал физическому уничтожению евреев. Превращение антисемитизма в преступление имело место без его ведома и желания...

Я хочу рассмотреть вопрос о его ответственности на основании представленных здесь документов.

Еврейские погромы в Слуцке (документ ПС-1104). 27 октября 1941 г. в Слуцке полицейским батальоном силой в 4 роты была учинена жуткая резня местных евреев, потому что командир получил задание от вышестоящих органов освободить город от всех евреев. Областной комиссар... сообщил об этом генеральному комиссару Кубе в Минск. Последний через рейхскомиссара Лозе обратился к имперскому министру по делам восточных областей с просьбой, чтобы вышестоящие органы немедленно предприняли соответствующие меры.

Имперский министр по делам оккупированных восточных областей послал доклад начальнику полиции безопасности и СД Гейдриху с просьбой о принятии дальнейших мер.

Вследствие утонченной системы, создавшей полицию, не ответственную перед местным начальником администрации и даже не обязанную докладывать ему, Розенберг в этом, как и в других подобных случаях, был не в состоянии предпринять какие-либо дальнейшие меры.

Он не был начальником полиции и мог надеяться, что будет достаточно передать сообщение Гейдриху для того, чтобы прекратить такие эксцессы полиции... Он не знал, что это был не эксцесс, а мера, проведенная по приказу Гейдриха и Гиммлера. Розенберг не мог предполагать ничего подобного...

Документ ПС-3428 касается письма генерального комиссара Белоруссии имперскому комиссару Остланда. Это потрясающий документ о массовом истреблении евреев в Белоруссии. Однако для обвинения Розенберга отсюда ничего нельзя взять, так как эти страшные события могли быть поставлены ему в вину только в том случае, если бы он знал о них и в нарушение служебного долга не выступил бы против них. Для ут-

верждения о наличии такой осведомленности не оказывается также и здесь отправного пункта.

Утверждение о том, что эти документы якобы найдены у Розенберга, не соответствует фактам, так как они адресованы имперскому комиссару в Риге.

В «Заметках для фюрера от 18 декабря 1941 года» (документ ПС-001, США-282) подсудимый писал: «Я ходатайствую перед фюрером о том, чтобы вместо 100 французов всякий раз расстреливать 100 или больше еврейских банкнров, адвокатов и т.д.». В мою задачу не входит говорить здесь о допустимости расстрелов заложников, но ясно, однако, одно, что Розенберг был убежден в допустимости таких мер...

Документ Р-135, СССР-289 представляет собой доклад генерального комиссара Белоруссии от 1 июня 1943 г. о происходившей из минской тюрьмы отправке золотых пломб имперскому комиссару Остланда, который передал этот доклад дальше 18 июня 1943 г. Во время допроса подсудимого Розенберга 16 апреля 1946 г. он уже высказался по этому поводу...

Никто не сомневается ни минуты в том, что ужасные преступления, которые ясны из этих документов, и многие другие события, которые не могут быть доказаны никакими документами, все же произошли и требуют искупления. Никто не сомневается в том, что не только мелкие помощники палачей, которые действовали по высокому приказу, должны быть наказаны, но должны быть наказаны также и прежде всего те, которые издавали приказы и которые ответственны за эти преступления.

Розенберг не издавал приказов об убийстве евреев — это, пожалуй, установлено. Является ли он тем не менее ответственным за эти страшные убийства, необходимо решить.

Имперские комиссары являлись суверенными господами своих областей, которые решали сами в качестве последней инстанции вопросы о расстрелах заложников н других мерах возмездия. Каковы были их фактические права? Если имперский комиссар был недоволен Розенбергом, то он обращался к Гитлеру. Вряд ли кто-нибудь серьезно думает, что Розенберг при наличии разногласий с Кохом по вопросу о еврейских экзекуциях был бы прав перед Гитлером.

Я перехожу к оперативному штабу Розенберга. Не менее трех обвинителей выступали на данном процессе с обвинением Розенберга в систематическом разграблении предметов искусства и науки на Западе и Востоке (Стори — 18 декабря 1945 г., Жертоффер — 6 февраля 1946 г., Смирнов — 15 февраля 1946 г.). Сначала я должен рассмотреть явно преувеличенные и несправедливые обвинения, а именно утверждения о том, что деятельность особого штаба на Западе распространялась без какого-либо различия на общественную и частную собственность, что Германия присвоила себе предметы искусства, которые превышают по ценности сокровища музея Метрополнтен в Нью-Йорке, Британского музея в Лондоне, парижского Лувра, Третьяковской галереи вместе взятых. Я должен также признать неправильным утверждение о том, что «программа разграбления» Розенберга имела целью лишение оккупированных

областей всех сокровищ искусства и науки, накопленных в течение столетий...

Как же в действительности обстояло дело?

Оперативный штаб Розенберга действовал на Западе и на Востоке. Он имел две задачи: 1) обследовать библиотеки, архивы и т.д. на предмет обнаружения материалов, которые годились бы для планируемой «высшей школы партии», конфисковать эти материалы и отправить их для исследования в Германию; 2) произвести учет таких культурных ценностей, которые находились во владении евреев или у которых не было владельца, а также такие культурные ценности, происхождение которых не было достаточно ясно установлено.

Обвинение говорит: истинным и единственным мотивом, единственной и истинной целью этого «учета» был грабеж, о каких-либо целях обеспечения сохранности не могло быть и речи.

20 августа 1941 г. Розенберг писал рейхскомиссару Остланда, что он категорически запрещает вывозить какие-либо культурные ценности без разрешения рейхскомиссара какими-либо инстанциями (документ ПС-1015). Главное командование сухопутных войск в согласии с Розенбергом 30 сентября 1942 г. издало приказ (документ ПС-1015-Н), в котором говорится: «Кроме исключительных случаев, когда необходимо обеспечить сохранность культурных ценностей, которые подвергаются опасности, последние должны оставаться пока на своих местах». Далее говорится: «Войска и все военные инстанции в зоне военных действий получили категорическое указание по возможности щадить ценные памятники культуры и охранять их от разрушений и повреждений». В отчете особого штаба по вопросам изобразительного искусства (рабочий отчет за время с октября 1940 года до июля 1944 года, документ ПС-1015-Б) говорится, что деятельность особого штаба по вопросам изобразительного искусства ограничивалась в оккупированных восточных областях научным и фотографическим учетом публичных коллекций; уход за ними производится в сотрудничестве с военными и гражданскими инстанциями. Далее там говорится, что в ходе эвакуации данных областей несколько сот ценных икон, картин и т.д. в сотрудничестве с отдельными группами армий были изъяты и отвезены для сохранения в империю. Наконец, 12 июня 1942 г. Розенберг издал циркуляр всем высшим имперским инстанциям, в котором говорится: «Я учредил центральную инстанцию для учета и охраны культурных ценностей на Востоке как особое управление в своем министерстве»...

Международное право не имеет ничего против того, чтобы оккупант заботился о сохранности и целостности предметов искусства, если это окажется возможным в данной военной обстановке, более того, считает долгом оккупанта по отношению к культуре спасать особо ценные предметы искусства из зоны огня и размещать их в наиболее безопасных местах. При определенных обстоятельствах правом и долгом оккупанта по международному праву и в интересах сохранения особо ценных с научной точки зрения предметов и культурных ценностей явля-

ется направление последних к себе на родину. В этом нет ничего недопустимого.

Что же сделал оперативный штаб с произведениями искусства? Он составил подробную картотеку с примечаниями о бывшем владельце каждой отдельной картины, сфотографировал произведения искусства... тщательно запаковал и отправил в баварские замки Нойшванштайн и Химзее. Ввиду опасности воздушного нападения они были впоследствии помещены в старые австрийские копи. Розенберг никогда не отрицал, что он и его сотрудники надеялись, что картины останутся в Германии, возможно, как компенсация или как залог для мирных переговоров.

Наконец, он действовал не по своей инициативе, а в порядке проведения в жизнь государственного приказа...

Геринг поддерживал работу оперативного штаба и, как он показывает, «отделил» кое-что с согласия фюрера для своих собственных целей... Розенберг ничего не мог предпринять против Геринга, но он поручил своему уполномоченному Роберту Шольцу по меньшей мере точно регистрировать все, что переходит к Герингу...

Я перехожу к мероприятиям, касающимся мебели. Розенбергу особенно вменяется в вину разграбление мебели и то, что будто бы он ограбил 79 000 еврейских квартир, из них 38 000 — в Париже, и отправил их обстановку в Германию. Бесспорно, эти мероприятия были проведены в целях помощи пострадавшим от воздушных налетов: в разрушенных воздушными налетами городах для людей, потерявших кров, создавались новые квартиры.

То, что конфискация ограничилась имуществом евреев, соответствовало национал-социалистскому образу мышления и, конечно, должно быть морально осуждено. Однако существенным является вопрос законности конфискации вообще. Я избегал его в своей речи и не хотел бы затрагивать его и здесь. Оправдывать слабую юридическую основу этих мер бедственным военным положением — значит, как говорит один специалист международного права, «пользоваться рычагом, при помощи которого можно снять с петель все военное право». Но разве в данном случае нет основания для оправдания на основе государственной и военной необходимости, разве воздушная война не принесла Германии всеобщего бедственного положения?.. Использование частной собственности противника происходило в порядке осуществления права реквизиций, вышедшего за юридические нормы военного права и оправдывающегося бедственным положением...

Я перехожу к кампании в Норвегии.

Обвинение называет Розенберга и Редера самыми энергичными заговорщиками, руководившими мероприятиями против Норвегии, и позднее называет Розенберга по этому же делу «пособником в государственной измене» (документ ТС-56).

Квислинг в первый раз увидел Розенберга в 1933 году. Квислинг появился еще раз в Берлине у Розенберга в декабре 1939 года. Последний устроил ему встречу с фюрером. Гитлер

заявил, что больше всего он хотел бы полнейшего нейтралитета Норвегии и что он не намеревается расширять театр военных действий и втягивать в конфликт другие нации, но сумеет противостоять дальнейшей изоляции и угрозе Германии. Для создания противовеса растущей деятельности вражеской пропаганды Квислингу была обещана финансовая помощь для развития его движения, базировавшегося на великогерманской идее.

Военную подготовку возникших в связи с этим вопросов поручили особому военному штабу. Политическую обработку этого вопроса должен был взять на себя Розенберг, назначивший своего сотрудника Шейдта связным между собой и Квислингом. Хагелин, доверенное лицо Квислинга в Норвегии, в январе 1940 года передал Розенбергу новые тревожные известия о возможном нарушении нейтралитета со стороны норвежского правительства, о чем Розенберг немедленно сообщил Гитлеру. После инцидента с судном «Альтмарк» Хагелин, вращавшийся в норвежских правительственных кругах, усилил свои предостережения. Союзники исследовали уже возможности высадки десанта, транспортировки в норвежских портах. Норвежское правительство в таком случае ограничилось бы бумажными протестами, и Квислинг приказал сообщить, что всякое промедление с началом германского контрнаступления означает чрезвычайный риск. Розенберг немедленно передал сообщения Гитлеру. Если бы этого он не сделал, то с его стороны была бы почти измена по отношению к своей стране. 9 апреля 1940 г. последовал германский контрудар, о котором Розенберг как любой рядовой гражданин государства узнал по радио и из газет. После упомянутых сообщений Гитлеру, которые он делал в порядке выполнения своего долга, Розенберг не участвовал ни в дипломатической, ни в военной подготовке данной операции... Розенберг слышал лишь о фантастическом и практически неосуществимом плане путча Квислинга (захват важных центральных учреждений в Осло путем неожиданного выступления, поддержанного особо подобранными и обученными в Германии норвежцами, затем вызов германского флота вновь созданным норвежским правительством). Однако менее фантастичным Розенбергу показалось более раннее сообщение Квислинга о том, что офицеры западных держав — указывались имена — объезжают Норвегию под видом чиновников консульства, определяют глубину воды в гаванях и осведомляются о поперечном сечении и высоте железнодорожных туннелей. Это было истинной и единственной причиной всего, что предпринял Розенберг в норвежском деле. Второй документ является донесением Розенберга Гессу от 17 июня 1940 г. о «Политической подготовке мероприятия — Норвегия» (документ ПС-004, ВБ-140). В нем нет ничего такого, что отклонялось бы от достоверного изложения Розенбергом мероприятий и показало бы его как поджигателя войны и государственного изменника. Розенберг не привлекался ни к одному политическому или военному совещанию, касавшемуся Норвегии.

Что же преступного совершил Розенберг? Разве было преступным то, что он попытался завоевать влияние в Норвегии

(документ TC-56) или что с его ведома Министерство иностранных дел выдавало Квислингу субсидии? Наконец, мне хотелось бы указать еще на то, что Розенберг в дальнейшем после удавшейся операции не получал никакой должности или функции, которые касались бы Норвегии, что даже назначение имперского комиссара по Норвегни произошло без какой-либо договоренности с ним.

Теперь я перехожу к теме «Преследование церкви».

Обвинение утверждало, что Розенберг совместно с Борманом издавал распоряжения о религиозных преследованиях и побуждал других участвовать в преследовании религии...

Розенберг не имел ничего общего с арестами и высылкой священников, с преследованием церкви. Он не участвовал также ни в переговорах с Ватиканом о конкордате, ни в назначении протестантского имперского епископа. Также мало он участвовал во враждебных церкви мероприятиях, проводнвшихся позднее полицией...

Я перехожу к обвиненню в разжиганин расовой ненависти...

Розенберг был убежденным антисемитом, выражавшим свои воззрения и их обоснования в письменных произведениях и в речах. Но, несмотря на резко отрнцательное отношение к евреям, он не требовал их «истребленния». В качестве ближайшей цели он выставлял лишение евреев политических прав, что означало поставить их в положение иностранцев... Конечная цель его заключалась, правда, в выселеннн евреев из стран с арийскими народами... Розенберг не знал об уничтоженни 5 миллионов евреев.

Я счнтаю, что обвинение Розенберга в том, что он принадлежал к числу людей, являвшихся в Германии «ндеологами расовой ненавистн, господства ужаса и насилия, безрассудства и жестокостн властн», не соответствует обстоятельствам дела...

Далее Розенберга обвиняют в том, что он проповедовал идею мнрового господства, но он отрицает, что думал о покорении мира...

Вначале руководящие органы партии в практической деятельности приняли многие его концепции, но затем стали пренебрегать ими во все большей степени, особенно с началом войны. Как это вскрылось теперь, во многих случаях они превратились, наконец, в противоположность того, за что боролся Розенберг...

Розенберг не смог воспрепятствовать многим ужвсным вещам на Востоке, но за это нельзя прнвлекать его к уголовной ответственности. Ему не подчинялнсь нн армия, ни полиция. Он не ведал вопросами использования рабочей силы. Узнавая о безобразиях н эксцессах разного рода, он делал все, что мог, чтобы прекратить нх.

Отмечая с болью раны, нанесенные всем народам, и гибель империи, он смотрит вперед, ожидая справедливого приговора Трибунала.

Выступление А. ЗЕЙДЛЯ, защитника подсудимого Ганса Франка

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 11 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Подсудимому Гансу Франку Обвинительным заключением вменяется в вину использование своего положения в партии и в государстве, личного влияния и связей с фюрером для содействия захвату власти национал-социалистами и укрепления их контроля над Германией. Далее ему вменяется в вину, что он в качестве руководителя санкционировал, участвовал в указанных в разделе III Обвинительного заключения военных преступлениях и упомянутых в разделе IV преступлениях против человечности, в частности в военных преступлениях и преступлениях против человечности при управлении оккупированными областями.

Как и все остальные подсудимые, подсудимый Франк обвиняется в разработке и осуществлении общего плана, направленного на подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн и на совершение в ходе этих войн преступлений в нарушение законов и обычаев войны.

Предъявленными доказательствами установлено, что подсудимый Франк в 1928 году вступил в национал-социалистскую рабочую партию Германии. Как до, так и после прихода к власти он занимался почти исключительно правовыми вопросами. Как рейхслейтеру партии, ему до 1942 года было подчинено имперское ведомство юстиции. После назначения Гитлера рейхсканцлером Франк был назначен государственным министром юстиции Баварии. В том же году он был назначен имперским комиссаром по унификации юстиции. Эта задача по существу ограничивалась передачей имперскому министерству юстиции правовых учреждений федеральных земель. В 1934 году эта работа закончилась. С передачей дел баварского министерства юстиции имперскому министерству юстиции закончилась деятельность подсудимого Франка как баварского министра юстиции. В декабре 1934 года он был назначен имперским министром без портфеля. С 1934 года он являлся также президентом основанной лично им Академии германского права и председателем палаты международного права. Наконец, он являлся руководителем национал-социалистского союза блюстителей права.

Уже одно перечисление разных постов, которые занимал подсудимый Франк в партии и государстве, показывает, что сферой его деятельности были почти исключительно правовые вопросы. Обязанности его ограничивались в основном выполнением 19-го пункта партийной программы, который требоавл создания германского общего права. На самом деле почти все речи и статьи подсудимого Франка как до, так и после захвата

власти национал-социалистами касались правовых вопросов в широком смысле.

Во время допроса подсудимый Франк показал, что он делал все, что было в его силах для того, чтобы Гитлер пришел к власти, и для того, чтобы осуществить идеи и программу национал-социалистской партии, но что бы ни предпринималось подсудимым в этом направлении, все делалось им открыто...

Представители обвинения не смогли предъявить никаких доказательств того, что ревизия Версальского договора должна была в случае необходимости быть проведена с применением методов насилия и войны.

Предъявление доказательств также не дало ничего такого, из чего можно было бы заключить о существовании общего плана, что утверждается в разделе I Обвинительного заключения, если под этим планом понимается определенный, твердо установленный план узкого круга одних и тех же лиц.

Если коснуться вопроса об участии подсудимого Франка в общем плане, то, наоборот, в результате представления доказательств, в частности, на основании показаний свидетеля доктора Ламмерса и показаний самого подсудимого, можно считать установленным, что Франк не принадлежал к узкому кругу сотрудников Гитлера.

Обвинение не смогло представить Суду ни одного документа, касающегося важных политических или военных мероприятий, в которых принимал участие подсудимый Франк. Подсудимый Франк, в частности, не участвовал ни в одном из совещаний с Гитлером, которые обвинение считает особенно важными для доказательства существования общего плана и протоколы которых оно представило в качестве доказательств (документы США 25-34). Единственным важным в этой связи законом является закон о введении всеобщей воинской повинности от 16 марта 1935 г. Подсудимый Франк подписал его как имперский министр. Этот закон имел целью восстановление суверенитета Германской империи, по крайней мере в военном отношении.

Деятельность подсудимого Франка после прихода к власти и до начала войны ограничивалась почти исключительно выполнением задач, вытекающих из руководства Академией германского права и национал-социалистским союзом блюстителей права.

Задачи Академии германского права ясны из указа о создании этой Академии от 11 июля 1933 г. Она должна была содействовать реорганизации германской юридической жизни и в тесной постоянной связи с соответствующими законодательными учреждениями проводить в жизнь национал-социалистскую программу в области права. Академия находилась под надзором имперского министра юстиции и имперского министра внутренних дел...

Гитлер в принципе был предубежден против всяких блюстителей права, и уже по одной этой причине совершенно исключалось, что между Гитлером и подсудимым Франком могли сложиться близкие отношения. Подсудимый Франк видел свою жизненную задачу в том, чтобы осуществить и в

национал-социалистской империи идею правового государства и прежде всего обеспечить независимость судей.

Эти принципы подсудимый Франк изложил еще в 1939 году до начала войны на заключительном заседании в большой речи в День германского права в Лейпциге.

Предъявленные доказательства свидетельствуют о том, что, еще будучи баварским министром юстиции в 1933 году, он возражал против создания концентрационного лагеря в Дахау, боролся за проведение так называемого принципа законности, то есть за преследование наказуемых действий обычным порядком и в этих лагерях, и, кроме того, требовал упразднения концентрационного лагеря Дахау. Последнее явствует из показаний допрошенного в комиссии свидетеля доктора Штеппа...

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что нет никаких фактических оснований предполагать, что подсудимый Франк участвовал в осуществлении общего плана, имевшего своей целью ведение агрессивной войны, и в связи с этим в совершении преступлений против законов войны.

Господа судьи!

Я перехожу теперь к пунктам обвинения, относящимся к деятельности подсудимого Франка в качестве генерал-губернатора...

После военного краха Польши сначала была создана военная администрация, которая охватывала четыре военных округа: Восточную Пруссию, Познань, Лодзь и Краков. Во главе ее стоял командующий на Востоке генерал-полковник фон Рундштедт. Подсудимый Франк в системе этой военной администрации яалялся главным начальником администрации.

Военная администрация прекратила свое существование 26 октября 1939 г. В этот день вступил в силу указ фюрера и рейхсканцлера об управлении оккупированными польскими областями от 12 октября 1939 г. Данным указом подсудимый Франк был назначен генерал-губернатором оккупированных польских областей, которые не вошли в состав империи и спустя короткий срок получили название «генерал-губернаторство»...

Согласно статье 3 декрета фюрера от 12 октября 1939 г. генерал-губернатор подчинялся непосредственно фюреру. Генерал-губернатору согласно тому же декрету была подчинена вся администрация.

Однако фактически генерал-губернатор не обладал полнотой власти, как это могло показаться. Декрет фюрера в 5-й статье предусматривал, что «совет министров по обороне империи» мог издавать законы для генерал-губернаторства.

Такие же права имел и уполномоченный по четырехлетнему плану. В статье 6 говорилось, что, сверх того, все высшие имперские инстанции могли издавать распоряжения, необходимые для планирования в социальной и хозяйственной сфере, имеющие силу также в генерал-губернаторстве.

Кроме этих, предусмотренных в указе фюрера от 12 октября 1939 г. ограничений полноты власти генерал-губернатора, и в более позднее время кое-кому давались полномочия, не в меньшей степени нарушавшие принцип единства администрации. Это, в частности, относится к положению генеральных

уполномоченных по использованию рабочей силы. Я ссылаюсь здесь на предъявленные обвинением и защитой важные документы, в частности на указ Гитлера от 21 марта 1942 г., который устанавливал, что праоа генерального уполномоченного по использованию рабочей силы распространяются и на территорию генерал-губернаторства. Вся военная экономика в генерал-губернаторстве сперва была подчинена верховному командованию вооруженных сил, а после создания имперского министерства вооружения она была подчинена этому министерству.

На основании предъявленных доказательств установлено далее, что принцип единства администрации нарушался также и в других областях. Здесь я ссылаюсь на показания доктора Ламмерса и доктора Бюлера и на представленные мною документы, в частности на документ США-135. Речь идет об указаниях для особых областей в директиве номер 21 («план Барбаросса»), где категорически устанавливается, что главнокомандующий сухопутными аойсками должен иметь праао «отдавать в генерал-губернаторстве распоряжения для выполнения его военных задач и для обеспечения войск», причем главнокомандующий был уполномочен передавать свои полномочия командующим группами армий и армиями. Все нарушения принципа единства администрации и все особые полномочия отходят на второй план перед тем особым положением, которое было отведено рейхсфюреру СС Гиммлеру в генерал-губернаторстве. На основании предъявленных доказательств и, а частности, на основании показаний старшего правительственного советника в главном упраалении имперской безопасности доктора Бильфингера установлено, что уже в 1939 году при назначении подсудимого генерал-губернатором был издан секретный указ, в котором устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен был получать свои указания непосредственно от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера. В декрете фюрера и рейхсканцлера о консолидации германской нации точно так же постановляется, что рейхсфюрер СС имеет право непосредственно создавать путем переселения новые области, которые будут заселяться немцами. Оба этих указа предоставляли рейхсфюреру Гиммлеру такие полномочия, которые должны были с первого же дня существования генерал-губернаторства создать для администрации этой области едва ли преодолимые трудности. И очень скоро выявилось, что подчиненная генерал-губернатору общая администрация не располагала исполнительной властью в собственном смысле. Ввиду того что высший начальник СС и полиции на Востоке получал все указания и распоряжения непосредственно от рейхсфюрера СС Гиммлера и отказывался выполнять указания генерал-губернатора, вскоре выяснилось, что на самом деле в генерал-губернаторстве господствовали две власти. Возникшие в связи с этим затруднения должны были быть тем большими, что высший начальник СС и полиции Крюгер, который не менее четырех лет был непосредственным представителем Гиммлера в генерал-губернаторстве, никогда не согласовывал своих полицейских мероприятий с администрацией генерал-губернаторства.

Если при этом учесть также, что не только рейхсфюрер СС Гиммлер передавал свои указания непосредственно начальнику СС и полиции, обходя генерал-губернатора, но что, кроме того, и III, IV, V и VI управления глааного управления имперской безопасности также передавали свои распоряжения непосредственно командующему полицией безопасности и СД в Кракове, то будет понятно, с какими трудностями ежедневно сталкивалась гражданская администрация генерал-губернаторства. При этих обстоятельствах генерал-губернатору не оставалось ничего иного, как постоянно стараться по возможности добиться в какой-либо форме сотрудничества с полицией безопасности, если он не хотел вовсе отказаться от попытки укрепления гражданской администрации в генерал-губернаторстве. И на самом деле, более чем пятилетняя история администрации генерал-губернаторства в значительной части является историей непрерывной борьбы между генерал-губернатором и администрацией, с одной стороны, и полицией безопасности (включая СД), олицетворявшей рейхсфюрера СС Гиммлера и высшего начальника СС и полиции на Востоке, с другой стороны.

То же самое относится и к деятельности Гиммлера и его органов в области переселения. Как имперский комиссар по укреплению германской нации Гиммлер со своими органами проводил мероприятия по переселению даже без предварительной связи с администрацией генерал-губернаторства и информирования генерал-губернатора.

Выявленные в ходе представления доказательств многочисленные жалобы генерал-губернатора имперскому министру и начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу относительно мероприятий рейхсфюрера СС и высшего начальника СС и полиции на Востоке на чинимые препятствия в управлении этой областью привели в 1942 году к попытке заново урегулировать взаимоотношения администрации и полиции. При проверке задним числом на основании предъявленных доказательств сегодня можно сказать, что и эта попытка со стороны Гиммлера и полиции безопасности была направлена на то, чтобы и с внешней стороны подорвать положение генерал-губернатора и его гражданской администрации.

Указом фюрера от 7 мая 1942 г. в генерал-губернаторстве был создан статс-секретариат по вопросам безопасности и статс-секретарем был назначен высший начальник СС и полиции.

Согласно статье II указа статс-секретарь по вопросам безопасности одновременно являлся представителем рейхсфюрера СС в его должности рейхскомиссара по укреплению германской нации. Решающее постановление содержится в статье IV этого указа, где, между прочим, сказано:

«Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции может непосредственно давать указания статс-секретарю по делам, связанным с безопасностью, и укреплением германской нации».

Стало совершенно ясным и на этот раз открыто подтверждалось содержание секретного указа, который был издан еще в 1939 году в связи с созданием генерал-губернаторства и которым устанавливалось, что высший начальник СС и полиции на Востоке должен получать все указания непосредственно от

центральных берлинских учреждений и прежде всего лично от рейхсфюрера СС. Правда, в статье V указа фюрера от 7 мая 1942 г. предусматривалось, что при разногласиях между генерал-губернатором и рейхсфюрером СС и начальником полиции должно быть запрошено решение фюрера и начальника имперской канцелярии...

На основании абзаца 3 статьи I указа фюрера от 7 мая 1942 г. деятельность статс-секретаря по вопросам безопасности приняла новое направление. Высший начальник СС и полиции, а за ним и рейхсфюрер СС попытались в связи с реорганизацией служебной деятельности статс-секретариата по делам безопасности получить возможно больше полномочий, в то время как генерал-губернатор в интересах поддержания в известной мере упорядоченной администрации, естественно, стремился получить в свои руки, по крайней мере, некоторые функции полиции охраны порядка и административной полиции. В этой борьбе полиция одержала полную победу.

3 июня 1942 г. генерал-губернатор в специальном указе должен был заявить о своей готовности передать статс-секретарю по вопросам безопасности все дела, входившие в компетенцию полиции безопасности и полиции охраны порядка.

Только при учете этих фактов и эволюции отношений между администрацией и полицией в генерал-губернаторстве можно составить себе более или менее верное представление о том, что происходило в генерал-губернаторстве и что частично включено в обвинение, предъявленное на данном процессе.

Господа судьи! Наличие составов преступлений, инкриминируемых подсудимому Франку, обвинение пыталось доказать с помощью цитат из дневника подсудимого. По этому поводу необходимо сказать следующее. Этот дневник велся не лично подсудимым Франком. Он составлялся стенографистками, которые присутствовали на заседаниях правительства и различных совещаниях, проводимых генерал-губернатором. Он состоит из 42 томов и насчитывает не менее 10—12 тысяч машинописных страниц. Записи производились, за одним-единственным исключением, не под диктовку подсудимого, а в форме протоколов, которые вели стенографисты. В значительной части — и это вытекает из дневника — составители дневника не записывали дословно отдельные речи и высказывания, а кратко излагали их содержание собственными словами...

Все эти факты заставляют прийти к заключению, что не следует переоценивать фактической доказательной ценности этого дневника...

Подсудимый Франк не мог избежать того, чтобы во все большей степени не вступать в резкое противоречие с представителями системы полицейского государства, что проявлялось все сильнее в ходе войны, и притом как на территории империи, так и в оккупированных областях.

Представителями полицейского государства были рейхсфюрер СС Гиммлер, а на территории генерал-губернаторства — высший начальник СС и полиции на Востоке обергруппенфюрер СС и генерал полиции Крюгер. Отношения между ними и Франком были крайне плохими уже при создании генерал-

губернаторства. Они должны были еще больше ухудшиться, по мере того, как разногласия во взглядах на задачи полиции становились все более явными, и подсудимый Франк был вынужден вследствие актов насилия со стороны полиции безопасности и СД постоянно обращаться с резкими жалобами к начальнику имперской канцелярии доктору Ламмерсу и к самому фюреру.

Как я уже сказал вначале, для генерал-губернатора вследствие отсутствия собственной исполнительной власти не оставалось ничего другого, как все время стараться координировать задачи общей администрации и задачи полиции для того, чтобы вообще иметь возможность вести административную деятельность. Но эта необходимость согласованных действий обусловливала, естественно, по крайней мере с внешней стороны, известные компромиссы с общей позицией полиции безопасности и прежде всего с позицией высшего начальника СС и полиции на Востоке. Кроме того, предъявление доказательств показало далее, что напряженные отношения, существовавшие между генерал-губернатором и высшим начальником СС и полиции, часто достигали такой остроты, что подсудимый Франк чувствовал себя в опасности и, говоря словами свидетеля доктора Бюлера, он более не был свободным и не мог сам принимать решения...

Господа судьи! Я перехожу сейчас к отдельным обвинениям, выдвинутым против подсудимого, и к их рассмотрению с правовой точки зрения. Подсудимый Франк обвиняется в том, что он санкционировал военные преступления и преступления против человечности в оккупированных областях, руководил ими и принимал в них участие. Существующие нормы права исходят в принципе из того, что субъектом международного права является только суверенное государство, а не отдельный человек. Ответственность отдельного человека по международному праву может существовать только в том случае, если само международное право определит, что эти нормы следует применять непосредственно к действиям, совершенным отдельным человеком. Только таким образом отдельные лица, которые согласно существующим нормам права ответственны только по внутригосударственному уголовному праву, как исключение, будут отвечать непосредственно по международному праву.

В отклонение от этого права существующие нормы международного права только в виде исключения допускают, что государство может наказать попавшего в его руки противника — подданного другого государства, если он перед захватом его в плен нарушил нормы военного права. Наказание, однако, и в этом случае исключено, если преступление было совершено не по личному убеждению, а должно быть отнесено исключительно за счет государства, подданным которого он является. В остальном вокруг понятия «военное преступление» и признаков его состава все время ведутся споры как в судопроизводстве, так и в литературе.

Гаагские правила ведения сухопутной войны, которые в качестве приложения к Четвертому соглашению о законах и обычаях сухопутной войны должны были стать кодексом отдельных

проблем военного права, не предусматривают составов преступлений, которые могли бы послужить основанием этого соглашения, наоборот, содержат явное указание на то, что не отдельные лица, а государство, которое нарушает эти права, обязано в случае нужды возместить ущерб и отвечает также за все действия, которые совершены лицами, входящими в состав его вооруженных сил.

Уже первая мировая война вышла за пределы этих рамок, и притом не только в отношении распространения военных действий на большие территории. Война превратилась в истребительную войну целых народов, в которой каждая воюющая сторона использует весь свой военный потенциал, все свои материальные и духовные силы.

Вторая мировая война должна была, учитывая усовершенствование военной техники, окончательно разрушить рамки, предусмотренные для ведения войны Гаагскими правилами ведения сухопутной войны. Если вспомнить, что только в Германии в результате аоздушных налетов не только разрушена большая часть почти всех городов, но что при этом значительно более миллиона гражданского населения поплатилось своей жизнью, что только при одном-единственном массированном налете на город Дрезден погибло около 300 тысяч человек[1], то можно будет установить, что Гаагские праaила ведения сухопутной войны не могут являться правильным отображением, во всяком случае, во многих областях права и тех законов и обычаев, которым необходимо следовать во время войны. Если все же остаются какие-либо сомнения в этом отношении, то они, безусловно, устраняются последствиями взрыва двух атомных бомб, которые сровняли с землей Хиросиму и Нагасаки и убили сотни тысяч людей.

При этих обстоятельствах положения Гаагских правил ведения сухопутной войны не могут быть использованы даже в переносном смысле и при соответствующем их применении для обоснования индивидуальной уголовной ответственности.

При таком положении дел следует считать невозможным установить общие и ясные признаки состава так называемых военных преступлений. Учитывая, что и статья 6 Устава Международного военного трибунала также лишь примерно перечисляет признаки, то на вопрос, следует ли в определенного рода поведении усматривать состав военного преступления или нет, можно дать ответ только в конкретном случае, но и то лишь при учете асех обстоятельств дела.

Для оценки поведения подсудимого Франка важно не то, что говорили Гитлер, Франк или другие лица в том или ином случае; важно то, какую политику проводил в действительности подсудимый Франк по отношению к польскому и украинскому народу. На основании общего результата представления дока-

[1] В результате массированного налета англо-американской авиации на г. Дрезден в феврапе 1945 г. быпо убито 35 тыс. человек и ранено окопо 16 тыс. чеповек. — **Прим. сост.**

зательств и особенно на основании звписей в дневнике самого подсудимого не может быть никакого сомнения в том, что он отказался осуществлять все тенденции и мероприятия, направленные на германизацию этих народов.

Теперь я перехожу к так называемой чрезвычайной акции умиротворения.

Когда в сентябре 1939 года закончилась польская кампания, то это не означало прекращения всякого сопротивления. Уже вскоре создались новые очаги сопротивления, и когда 9 апреля 1940 г. германские войска заняли Данию и Норвегию, а 10 мая 1940 г. перешли в наступление на Западе, руководители тогдашнего польского движения Сопротивления, учитывая общую политическую и военную обстановку, решили, что наступило время действовать. Движение Сопротивления было тем опаснее, что в нем принимали участие рассеянные, но значительные остатки бывшей польской армии. Из множества записей в дневнике подсудимого Франка следует, что положение в отношении безопасности с каждым днем становилось все хуже. Так, запись от 16 мая 1940 г. гласит:

«...Общая военная обстановка заставляет серьезнейшим образом рассмотреть вопрос о внутренней безопасности в генерал-губернаторстве. На основании ряда признаков и действий можно сделать заключение, что в стране проводится организованная польская кампания сопротивления и что мы стоим перед началом крупных бурных событий. Тысячи поляков объединены уже сейчас в тайные кружки, вооружены, и их подстрекают к совершению всевозможных насильственных действий».

Учитывая общее угрожающее положение, как это следует из дневника, фюрер отдал приказ о проведении в целях поддержания общественной безопасности всех мер для подавления предстоящего восстания. Задание было передано через Гиммлера высшему начальнику СС и полиции. Администрация генерал-губернаторства сначала не имела к этому ни малейшего отношения. Она вмешалась в дело для того, чтобы по возможности предотвратить насильственные мероприятия полиции безопасности и СД и при любых условиях добиться того, чтобы при данной акции не погибли невиновные. На основании тех показаний, которые были даны подсудимыми Франком и Зейсс-Инквартом, а также показаний свидетеля доктора Бюлера, можно считать установленным, что усилия администрации генерал-губернаторства увенчались успехом постольку, поскольку все члены движения Сопротивления, захваченные во время чрезвычайной акции на основании распоряжения, изданного в 1939 году, были преданы военно-полевому суду («штандгерихт») и, кроме того, приговоры этих судов перед приведением их в исполнение представлялись на утверждение специально созданного комитета по помилованию... Председателем его был до назначения на пост имперского комиссара в Нидерландах подсудимый Зейсс-Инкварт. Как следует из его показаний, не менее половины всех смертных приговоров, вынесенных военно-полевыми судами, было заменено лишением свободы. В остальном я в связи с этой чрезвычайной акцией уми-

ротворения, ссылаюсь на свидетельские показания и на выдержки из дневника подсудимого Франка, оглашенные мною здесь для записи их в протокол...

В индивидуальном обвинении подсудимому Франку вменяется в вину то, что он поддерживал переселенческие планы имперского комиссара по укреплению германской нации и, таким образом, также виновен в совершении военных преступлений. Совершенно ясно, что переселение, даже в том случае, если оно проводится планомерно и хорошо подготовлено, представляет собой большие трудности для тех лиц, которых он непосредственно затрагивает, ибо во многих случаях переселение равнозначно уничтожению экономической базы существования. Несмотря на это, кажется весьма сомнительным то, что проведение переселений представляет собой состав военного преступления или преступления против человечности...

Подсудимого Франка обвиняют в том, что он в нарушение законов войны и человечности санкционировал и осуществлял программу истребления польских евреев. Правильно то, что в ряде речей, которые были произнесены подсудимым Франком как генерал-губернатором, имеются высказывания по еврейскому вопросу. Представленные обвинением выдержки из дневника отражают все то, что имеется в нем на 10—12 тысячах машинописных страниц по этому вопросу. Нельзя оспаривать того, что подсудимый Франк никогда не скрывал своих антисемитских убеждений. Он подробно говорил об этом в своих показаниях...

На основании результатов представления доказательств, в частности, показаний свидетелей доктора Бильфингера и доктора Бюлера, на основании тайного указа о полномочиях полиции безопасности и СД от 1939 года, а также указа о задачах статс-секретаря безопасности можно считать установленным, что все мероприятия, касающиеся евреев, проводились в генерал-губернаторстве исключительно рейхсфюрером СС Гиммлером и его учреждениями. Это относится как к созданию гетто и установлению в них порядков, так и к так называемому окончательному решению еврейского вопроса. Что касается последнего, то на основании показаний свидетелей Вислицени и Гесса и документов, представленных обвинением, можно сказать, что эти мероприятия проводились в соответствии с приказом Гитлера и что проведением их занимался очень ограниченный круг лиц, который состоял из нескольких фюреров СС из отдела IV-а — IV-б главного управления имперской безопасности и начальников концентрационных лагерей.

Администрация генерал-губернаторства не имела никакого отношення к этим мероприятиям. Установлено, что представленные обвинением антисемитские высказывания подсудимого Франка не имеют никакой причинной связи с так называемым окончательным решением еврейского вопроса...

Памятуя об отношениях, существовавших между генерал-губернатором, с одной стороны, и рейхсфюрером СС Гиммлером и начальником СС и полиции в генерал-губернаторстве Крюгером — с другой, отношениях, доходивших иногда до разрыва, кажется совершенно невозможным расценивать вы-

сказывания подсудимого Франка как подстрекательство или помощь. Наоборот, представленными доказательствами устанавливается, что все усилия подсудимого Франка проверить возникшие слухи об уничтожении евреев, хотя бы в своей области, потерпели неудачу. Ради полноты картины следует упомянуть еще, что концентрационный лагерь Освенцим находился не в генерал-губернаторстве, а в той части бывшего Польского государства, которая была присоединена к Верхней Силезии.

Представленные доказательства подтверждают также, что создание концлагерей и управление ими входило в задачи ведомства рейхсфюрера СС Гиммлера. Как на территории империи, так и во всех областях, оккупированных германскими войсками, они подчинялись исключительно главному административно-хозяйственному управлению СС или генеральному инспектору концентрационных лагерей. Ни генерал-губернатор, ни общая администрация генерал-губернаторства не имели с ними ничего общего.

Другим пунктом обвинения против Франка является обвинение его в том, что он оказывал поддержку насилию и экономическому принуждению квк средству для получения рабочих в целях отправки их в Германию.

Первые годы управления генерал-губернаторством большинство польских рабочих направлялось в Германию добровольно. Позднее, когда в результате беспрерывных воздушных налетов на Германию в развалины были превращены не только города, но и фабрики и когда значительная часть германского военного производства была переведена по соображениям безопасности в генерал-губернаторство, само собой разумеется, подсудимый Франк должен был стремиться воспрепятствовать дальнейшему вывозу рабочей силы. Кроме того, подсудимый Франк с самого начала осуждал всякие насильственные меры при вербовке рабочих, и уже по одним только соображениям безопасности и во избежание создания новых очагов беспорядков он боролся против применения насильственных мер. Это установлено на основании показаний свидетелей доктора Бюлера и доктора Беппле. Это также вытекает из большого количества записей в дневнике.

Обвинение утверждает, что многие, если даже не все, иностранные рабочие были вывезены в Германию насильно и что там они должны были выполнять тяжелые работы в недостойных человека условиях.

Другой пункт обвинения касается вопроса закрытия школ... В результате представления доказательств выяснилось, что в большинстве случаев школы были закрыты уже к тому моменту, когда подсудимый занял пост генерал-губернатора...

Советское обвинение предъявило в качестве документального доказательства (СССР-336) распоряжение подсудимого от 9 октября 1943 г. о борьбе с налетами на германские строительства в генерал-губернаторстве и о предании участников налетов военно-полевым судам («штандгерихт»). Нет сомнения в том, что распоряжение отходит от тех требований, которые предъявляются к судопроизводству в нормальных условиях. Правильно оценить

этот документ можно лишь в случае, если будут учтены все обстоятельства, которые привели к его изданию...

В течение лета и осени 1943 года в результате усилившейся деятельности партизан и улучшения их военной организации и вооружения безопасность в генерал-губернаторстве была поставлена под угрозу в такой степени, что при создавшемся положении, вероятно, было бы целесообразнее передать все управления генерал-губернаторства соответствующему начальнику военной администрации и ввести чрезвычайное положение, ибо фактически существовавшее в генерал-губернаторстве положение нельзя было назвать иначе, как только войной. Это было время, когда каждую минуту можно было ждать начала общего восстания по всей стране... и подсудимый Фрвнк согласился издать распоряжение об организации военно-полевых судов («штандгерихт»), подписанное им 9 октября 1943 г. ...

В ходе настоящего процесса неоднократно упоминался отчет бригадефюрера СС Штропа от 1943 года об уничтожении Варшавского гетто, документ США-275 (ПС-1061). Из отчета и ряда других документов вытекает, что все мероприятия, связанные с Варшавским гетто, были проведены исключительно на основании непосредственного указания рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера. Я ссылаюсь на аффидевит бригадефюрера СС Штропа от 24 февраля 1946 г., который представлен обвинением под номером США-804 (ПС-3841), и на письменные показания, данные под присягой бывшим адъютантом начальника СС и полиции Варшавы Карла Калеске от того же дня (документ США-803, ПС-3840). Из документов явствует, что эти, как и все остальные мероприятия полицейского характера, проводились исключительно полицией безопасности или службой безопасности по непосредственному приказу рейхсфюрера СС Гиммлера и начальника СС и полиции на Востоке или по указанию главного управления имперской безопасности. Общая администрация генерал-губернаторства не имела к этим мероприятиям никакого отношения.

Далее советское обвинение в соответствии с 21-й статьей Устава предъявило в качестве документа СССР-93 отчет польского правительства...

Он не содержит никаких существенных данных о личной ответственности подсудимого Франка. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на большом по объему документе, который точно так же, как и Обвинительное заключение, представляет собой общие обвинения, не содержащие подробных сведений и доказательств, оправдывающих сделанные выводы. За данным документом можно признать фактическую документальную силу лишь в той степени, в какой содержащиеся в отчете утверждения доказаны с помощью подлинных документов или других безупречных доказательств. Согласно Обвинительному заключению и, в частности, согласно предъявленным обвинением досье подсудимый Франк должен нести ответственность за недостаточное снабжение польского населения продовольствием. Но обвинение не смогло представить никаких документальных доказа-

тельств того, что в управляемых подсудимым Франком областях свирепствовали голод или эпидемия...

В ряде пунктов Обвинительного заключения подсудимому Франку инкриминируется административная деятельность как генерал-губернатора, при этом не сделано даже попыток дать хоть в какой-то степени правильное изображение всей деятельности подсудимого и указать на трудности, с которыми было связано выполнение им своих задач...

Против подсудимого Франка выдвигается обвинение в том, что он в течение долгого времени проводил политику подавления, эксплуатации и германизации.

Господа судьи! Я хотел бы лишь просить Суд принять к сведению отчетный доклад, который был составлен главой правительства 26 октября 1943 г. в связи с четырехлетним существованием генерал-губернаторства... Он дает сжатое описание мероприятий и успехов административной деятельности подсудимого за эти четыре года, причем в нем освещаются все области: ремесленное производство, сельское хозяйство, торговля, транспорт, финансы, кредитное хозяйство, народное здравоохранение и т.д. Только при учете этих фактов можно дать в какой-то степени правильную оценку общего положения вещей.

Господа судьи!

Само собой разумеется, я не собираюсь оспаривать того, что в районах, называемых генерал-губернаторством, во время войны были совершены ужасные преступления, созданы концентрационные лагеря, в которых производилось массовое уничтожение людей, расстреливались заложники, проводились конфискации и т.д. Сам подсудимый Франк меньше всего хотел бы оспаривать это. Ведь он в течение пяти лет вел борьбу против всех насильственных мероприятий. Обвинение в качестве документального доказательства (США-610, ПС-437) представило меморандум, который был послан Франком фюреру 19 июня 1943 г. В нем на странице 11 он в 9 пунктах остро критикует все недостатки, которые создались в результате насильственных мероприятий, проводимых полицией и службой безопасности, и перегибов различных имперских инстанций. Все его усилия покончить с недостатками были безуспешными.

Эти 9 пунктов в основном составляют сущность обвинения, выдвинутого здесь против Франка. Однако из содержания всего меморандума от 19 июня 1943 г. вытекает, что подсудимый оспаривает свою ответственность за неполадки. Из отчета следует, что за описанные в нем неполадки не могут нести ответственность ни подсудимый, ни общая администрация генерал-губернаторства. Ответственность должны нести лишь вышеназванные организации, то есть полиция безопасности и СД, персонально начальник СС и полиции на Востоке...

Меморандум от 19 июня 1943 г. облечен в форму широкой политической программы...

При таких обстоятельствах следует спросить, что же мог сделать подсудимый Франк? Само собой разумеется, он должен был уйти в отставку, это он и пытался делать: не менее 14 раз подавал прошение о своей отставке. Гитлер столько же

раз отклонял прошение, сколько представлялось ходатайств... Гитлер видел в подсудимом Франке человека, за спиной которого с помощью Гиммлера и органов полиции безопасности и СД он мог проводить все мероприятия, которые стали необходимыми для достижения своих политических целей...

Решающим при отклонении его прошения было, очевидно, то соображение, что Гитлер считал более целесообразным заставлять полицию безопасности и прочие органы рейхсфюрера СС Гиммлера выполнять данные им задания, которые они считали необходимыми для достижения своих целей, за спиной подсудимого Франка.

Выступление О. ПАННЕНБЕКЕРА, защитника подсудимого Вильгельма Фрика

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 11 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Подсудимому Фрику вменяется в вину совершение преступных действий, предусмотренных статьей 6, пп. «a», «b» и «c» Устава.

Я хочу прежде всего коснуться вопроса о том, должна ли статья 6 Устава рассматриваться как руководящая норма материального уголовного права, устанавливающая в непреложной и обязательной для Трибунала форме, какие действия должны считаться наказуемыми, или же статья 6 Устава определяет процессуальные нормы, устанавливающие подсудность настоящему Трибуналу определенных преступлений.

Последняя точка зрения отражена в выступлениях обвинителей, а именно в указании сэра Хартли Шоукросса на то, что статья 6 Устава восполняет собою существовавший ранее пробел в процедуре отправления междунвродного уголовного правосудия, но что нормы материального уголовного права, подлежащие применению к подсудимым, установлены уже ранее посредством законов. В соответствии с этим часть II Устава, начинающаяся со статьи 6, озаглавлена: «Юрисдикция и общие принципы», из чего можно сделать вывод, что статья 6 предназначена для того, чтобы установить в процессуальном отношении подсудность определенных видов преступлений данному Трибуналу.

Доводы сэра Хартли Шоукросса имели целью опровергнуть возражение, состоящее в том, что недопустимо и противоречит одному из основных правовых принципов привлечение к ответственности за действие, которое в момент его совершения не являлось наказуемым. Это возражение вызвано тем толкованием, что Устав создал новые нормы материального уголовного права, имеющие обратную силу.

Надо решить, является ли запрет придавать закону обратную силу настолько важным правовым принципом, что его нельзя нарушать...

Я полагаю, что имеются веские основания для того, чтобы рассматривать статью 6 Устава в соответствии с текстом ее заголовка как норму, определяющую юрисдикцию настоящего Трибунала, тем более что державы, подписавшие соглашение, уже высказались решительно за строгое и обязательное восстановление запрета придания обратной силы уголовному закону.

Если толковать статью 6 как определяющую юрисдикцию данного Трибунала, то Трибуналу надлежит самому решить не только вопрос о доказанности предъявленных обвинений, но и правовой вопрос — существует ли в каждом отдельном случае материальный уголовный закон, предусматривающий наказание за действия, вменяемые в вину подсудимым. Такой возврат к нормам материального уголовного права, существовавшим во время совершения соответствующих действий, не означает невозможности предания суду подсудимых настоящему Трибуналу за такие действия, которые при всех обстоятельствах являются преступными. Однако отсюда вытекает ряд ограничений, которые, по мнению защиты, допустимы скорее, чем нарушение такого существенного принципа справедливого суда, состоящего в том, что закон не имеет обратной силы.

Таким образом, я отстаиваю ту точку зрения, что вполне возможно и не противоречит требованию справедливой кары за военные преступления истолкование статьи 6 Устава в соответствии с ее заголовком как нормы, определяющей процессуальную компетенцию настоящего Трибунала, а не как новой нормы материального уголовного права.

Дальнейшие объяснения касаются вопроса о «заговоре», но доктор Штамер так подробно останавливался на этом, что я могу это опустить.

Устав не содержит указания на то, что подсудимый должен нести ответственность за такие совершенные им действия, которые выходят за пределы его участия в общем планировании.

Формулировка Устава «во исполнение общего плана» не противоречит тому толкованию, что Устав устанавливает ответственность за действия, совершенные в пределах согласованного плана.

В таком объеме предположение об ответственности за действия, совершенные другими, соответствует требованиям справедливости, а за этими пределами оно было бы нарушением основных правовых принципов. Поэтому защита считает, что в тех случаях, когда речь идет о действиях, совершенных другими, и за которые подсудимый должен нести ответственность, необходимы доказательства того, что действия и форма их исполнения отвечали намерениям подсудимого.

Я хотел бы вернуться к отдельным видам преступлений, участие в которых инкриминируется подсудимому Фрику. В первую очередь, как утверждает обвинение, подсудимый участвовал в планировании и подготовке агрессивной войны. Здесь уже говорилось о том, является ли агрессивная война уголов-

ным преступлением с точки зрения правосознания данной эпохи. Что касается подсудимого Фрика, то я полностью присоединяюсь в этом вопросе к тому, что говорил профессор Ярайсс.

Существует лишь одна возможность осудить отдельных лиц за участие в агрессивной войне как уголовно наказуемом преступлении, а именно: вопреки утверждениям сэра Хартли Шоукросса, применить Устав как норму материального уголовного права, впервые определяющую агрессивную войну как уголовный деликт и притом имеющую обратную силу. Из иного толкования статьи 6 Устава, а именно как процессуальной нормы, определяющей юрисдикцию данного Трибунала, по мнению защиты, вытекает следующий вывод. Хотя Суд признан компетентным для рассмотрения преступлений против мира, это, однако, не доказывает еще виновность отдельных подсудимых, потому что отсутствует отдельная предпосылка, а именно возможность установить, что подсудимым нарушены какие-либо действующие нормы международного права или же правовые нормы отдельных стран, которые в то время определяли агрессивную войну как уголовно наказуемое деяние, совершить которое могут отдельные лица.

Теперь я обращаюсь к фактам, приводимым обвинением в доказательство участия подсудимого Фрика в планировании и подготовке агрессивных войн.

Такую деятельность обвинение усматривает уже в самом раннем сотрудничестве Фрика с партией, которое продолжалось до 1933 года и способствовало приходу Гитлера к власти.

Таким же образом обвинение расценивает и дальнейшую деятельность Фрика после прихода Гитлера к власти, когда он содействовал укреплению мощи партии и ее руководства путем внутриполитических мероприятий, в частности, своим участием в законодательных мероприятиях, благодаря которым были созданы вооруженные силы, и, наконец, участием в мероприятиях по прямой подготовке к войне.

Исходя из того, что с точки зрения уголовного права имеет значение лишь преднамеренное участие подсудимого в подготовке к агрессивной войне, я должен подойти к вопросу — представило ли обвинение доказательства того, что Фрик сознавал, что его содействие в достижении партией ее целей является подготовкой к войне, то есть что он сам участвовал в подготовке войны.

Обвинение утверждает, что Гитлер и его партия с самого начала открыто преследовали цель изменить внешнеполитическое положение Германии посредством войны. На основании этого утверждения обвинение заявляет, что не требуется специальных доказательств в подтверждение того, что каждый подсудимый, поддерживающий Гитлера и его партию, тем самым сознательно содействовал подготовке агрессивных войн. В доказательство того, что Гитлер со своей партией с самого начала спланировали агрессивную войну, обвинение ссылается на партийную программу и называет отмену Версальского договора одной из целей партии. Однако в програм-

ме партии не говорится ни слова о том, что подобная цель должна быть достигнута при помощи оружия.

С того времени, как Гитлер вступил в правительство, то есть 30 января 1933 г., когда он стал ответственным руководителем правительства, он занял совершенно недвусмысленную позицию относительно путей и целей германской внешней политики и высказывал свои намерения как в официальных речах и беседах, так и в частных разговорах.

Со времени прихода к власти при возможности он всегда подчеркивал свое настоятельное стремление к миру и отрицательное отношение к войне, подкрепляя высказывания убедительными аргументами. Он все время заявлял о том, что определенных изменений Версальского договора он решил достичь только мирным путем.

Нет необходимости повторять цитаты из речей Гитлера, которые были приведены обвинением в доказательство того, каким образом Гитлер обманывал весь мир и подвластный ему народ своими речами о мире.

Фрик, как и немецкий народ, принимал всерьез заверения Гитлера, которые он, будучи главой правительства, повторял без конца.

Поэтому те, кто с самого начала были убеждены в том, что Гитлер желает войны, и высказывали предостережения, оставались в безнадежном меньшинстве по всему миру.

На то, что мир серьезно верил мирным заверениям Гитлера, обвинение указывало не раз. Лучшим доказательством того факта, что иностранные государственные деятели, знакомые с партийной программой, были также обмануты этими мирными заверениями, служит то, что они проглядели вооружение Германии, проводившееся Гитлером для агрессивной войны, в которую ни в Германии, ни во всем мире никто не верил всерьез, кроме тех, кто был непосредственно посвящен в тайные планы Гитлера.

Далее обвинение утверждает, что если намерения, связанные с войной, вначале не всем были известны, то все же подсудимый Фрик обязательно должен был знать о подготовке Гитлером агрессивной войны благодаря тем задачам, которые он выполнял с 30 января 1933 г. в качестве министра внутренних дел.

Однако все эти меры не находились в непосредственной связи с подготовкой к войне. Для иного суждения не дают основания также и те меры, которые были направлены непосредственно на создание военной мощи Германии, то есть введение всеобщей воинской повинности и занятие демилитаризованной Рейнской зоны.

В качестве имперского министра внутренних дел подсудимый Фрик издавал распоряжения по линии гражданской администрации об учете военнообязанных, вследствие чего он должен был подписать закон о всеобщей воинской повинности.

Но и эти мероприятия сами по себе все же не могут рассматриваться как подготовка агрессивной войны. Восстановление всеобщей воинской повинности и установление военного суверенитета Германии в демилитаризованной области на Запа-

де обосновывались Гитлером перед его сотрудниками и перед мировой общественностью такими аргументами, справедливость которых была признана повсюду, и многие иностранные государственные деятели после того, как прошел первый испуг, продолжали верить в мирные заверения Гитлера и считали, что нет серьезных оснований для того, чтобы бояться воинственных стремлений Гитлера.

Бесспорно, что Гитлер 23 ноября 1939 г. сам заявил главнокомандующим (документ ПС-789, США-23), что вооруженные силы он создал для того, чтобы воевать. Однако свое намерение Гитлер до этого времени маскировал так удачно, что ему верили как в стране, так и за границей и, как показали представленные доказательства, верили даже члены его собственного кабинета, не посвященные в тайные планы Гитлера.

Этим объясняется то, что многие из подсудимых заявляют, что хотя они и согласились на восстановление вооруженных сил Германии вопреки условиям Версальского договора, однако не желали войны и свое участие в восстановлении вооруженных сил Германии не рассматривали как участие в планировании агрессивных войн. Что касается подсудимого Фрика, то, с точки зрения защиты, отсутствуют доказательства того, что Гитлер посвящал его в свои военные планы, а поэтому его содействие восстановлению немецких вооруженных сил не может рассматриваться как преднамеренное участие в планировании войны. Это же относится к деятельности подсудимого, направленной на то, чтобы централизовать гражданскую администрацию на случай возможной войны. Такая задача была возложена на подсудимого на основании второго закона о защите империи от 4 сентября 1938 г., в котором он назван генеральным уполномоченным по имперской администрации.

Я еще раз хочу указать на то, что должность генерального уполномоченного по делам имперской администрации была создана лишь вторым законом о защите империи, и то, что, таким образом, первым законом о защите империи от 21 мая 1935 г. она еще не предусматривалась.

Точно так же обстояло дело с должностью генерального уполномоченного по имперской администрации, которая была учреждена 4 сентября 1938 г. вторым законом о защите империи и на которую был назначен подсудимый Фрик по той причине, что он был имперским министром внутренних дел.

Эта должность введена была с целью централизовать всю гражданскую администрацию в интересах защиты отечества. Даже если Гитлер, судя по тем документам, которые предъявлялись здесь Суду, во время издания второго закона о защите империи уже хотел войны, то все же защита подсудимого считает важным установить, мог ли Фрик в то время знать об агрессивных намерениях Гитлера на основании содержания самого закона, подготовительных работ к нему, документов или другой информации, имевшихся в его распоряжении.

В самом законе не отражается намерение Гитлера использовать его в качестве инструмента для подготовки агрессивной войны.

Задачи, поставленные перед подсудимым Фриком как генеральным уполномоченным по имперской администрации, состояли исключительно в концентрации внутреннего управления Германии на случай любой войны или военной угрозы. Это явствует из дополнительно представленного здесь документа ПС-3787, США-782. Закон сформулирован так, что в нем говорится только о защите империи в случае войны. Закон говорит «о состоянии обороны» и предусматривает случай «внезапной угрозы территории империи», когда необходимо принять соответствующие меры.

В законе нет указания на то, что Гитлер планировал начать войну. Это вполне соответствует принципу, много раз упоминавшемуся здесь, которого Гитлер придерживался даже в отношении людей, непосредственно его окружавших, и который состоял в том, что никто не должен знать о планах Гитлера больше, чем это нужно для выполнения своей непосредственной работы. Учитывая этот принцип, нельзя предполагать, поскольку обратное не доказано, что министерству внутренних дел сообщалось больше, чем было необходимо для принятия им мер, обеспечивающих защиту империи в случае внезапной угрозы нападения со стороны других государств путем проводившейся для этой цели концентрации ресурсов внутреннего управления страны.

Мне не нужно подробно останавливаться на том, что такое мероприятие не может расцениваться как преднамеренная подготовка к агрессивной войне, поскольку соответствующим учреждениям внутренней администрации было сказано, что эти меры необходимы для обороны империи против угрожающей со стороны других государств агрессии, в чем Гитлер сумел убедить всех, кому не следовало знать о его тайных планах и кто, несмотря на это, должен был содействовать проводимому им вооружению и перестройке государства на случай войны.

Я должен лишь остановиться вкратце на некоторых документах, относящихся к деятельности подсудимого Фрика в качестве генерального уполномоченного по имперской администрации.

В своей речи от 7 марта 1940 г. Фрик говорил об этой должности (документ ПС-2608, США-714), заявив, что планомерная подготовка аппарата управления была проведена еще в мирное время, для чего и была учреждена должность генерального уполномоченного по имперской администрации.

Таким образом, эта речь подтверждает только то, что следует из текста самого закона. Точно так же обстоят дела с документом ПС-2986, США-409, представляющим собой письменное показание подсудимого, где подтверждается то же самое.

Поэтому должность генерального уполномоченного по имперской администрации вместе с созданными этим законом должностью генерального уполномоченного по вопросам экономики и должностью начальника ОКВ не могут рассматриваться как некий «триумвират», в руках которого сосредоточивалась вся правительственная власть Германии. Ни в самой Германии, ни за ее пределами никогда не говорили о том, что

Германия управляется подобным триумвиратом. Свидетель Ламмерс указал на то, что задачи, которыми занимались эти лица, имели явно второстепенное значение, выполнялись ими путем издания распоряжений и никакого отношения к подготовке агрессивной войны не имели.

Еще одна область деятельности подсудимого расценивается обвинением как участие в подготовке агрессивной войны. Речь идет о поддержке Фриком союза немцев, проживающих за границей.

Я ссылаюсь на документы «Фрик № 14» и ПС-3258, представленные под номером ВБ-262. Оба документа свидетельствуют о том, что Фрик поддерживал вышеназванный союз как объединение немцев, живущих за границей; задачей союза являлось поддержание культурных связей между ними.

Однако из документов не следует, что Фрик проводил какую-либо деятельность с целью поддержки так называемой пятой колонны за границей.

Следующим документом, из которого обвинение заключило, что Фрик одобрял политику агрессивных войн, является письменное показание Мессерсмита (ПС-2385, США-68). Ряд подсудимых указывали на неточность его показаний, и, в частности, подсудимый Шахт во время своего допроса показал, что этот документ вообще не может быть правильным в основных пунктах.

Я не думаю, чтобы письменные показания, вызывающие сомнения в основных пунктах, могли быть использованы для обоснования судебного приговора.

Для доказательства того, участвовал ли Фрик в сознательной подготовке агрессивной войны, обвинение далее предъявило документ Д-44, США-428.

Из него явствует, что имперским министерством внутренних дел в 1933 году было дано указание составлять все официальные сообщения в такой форме, чтобы не давать за границей возможности усмотреть в них нарушения Версальского договора.

Из документа не видно, должны ли быть скрыты при помощи этих указаний действительные нарушения договора или же речь шла о том, чтобы избежать лишь видимости нарушения договора.

Приблизительно так же обстоит дело и с документом ПС-1850, США-742. Речь идет о записи совещания между руководством СА и имперским министром обороны, который в 1933 году сделал СА предложение о том, чтобы при помощи министерства внутренних дел бюджетные средства империи были использованы для аоенной подготовки членов СА.

В документе не говорится о том, как отнеслось министерство внутренних дел к этому предложению, и если бы оно приняло его, то это опять-таки доказывает лишь то, что министерство внутренних дел способствовало воссозданию германских вооруженных сил — факт, который и без того доказан.

Следовательно, все эти документы не доказывают, что обвиняемый Фрик воспринимал как подготовку к агрессивной войне те мероприятия, которые Гитлер приказывал проводить как необходимые для обороны империи. В 1941 году, за несколько дней до начала войны с Советским Союзом, состоя-

лось, правда, совещание между обвиняемым Розенбергом и представителями министерства по вопросу о проведении мероприятий в случае оккупации областей Советского Союза. Это явствует из документа ПС-1039, США-146 — отчета Розенберга о переговорах, где сказано, что переговоры велись с «имперским министром Фриком» (присутствовал статс-секретарь Штукарт)[1].

Так как переговоры происходили всего лишь за несколько дней до начала войны на Востоке, то из документов не следует, что сам Фрик узнал об этих переговорах еще до начала войны...

На процессе при помощи многочисленных доказательств уже выяснено, насколько Гитлер хранил в тайне действительно агрессивные намерения и вообще как он умел скрывать действительную цель своих политических мероприятий, то есть войну, в течение многих лет при помощи тысячи убедительных причин, которыми оправдывал отдельные мероприятия своей агрессивной политики.

Существовал очень узкий круг сотрудников, которых Гитлер посвящал в свои военные планы, однако круг был избран не на основании должностей, занимаемых соответствующими лицами в кабинете или же их положения в партийной иерврхии, а исключительно под углом зрения того, должно ли соответствующее лицо с учетом выполняемой им работы в плане подготовки войны знать об агрессивном характере общей политики Гитлера или даже детали его агрессивных планов.

Из документов ПС-386, США-25 видно, с какой последовательностью соблюдался принцип сохранения тайны даже по отношению к руководящим членам партии и начальникам важных ведомств в имперском кабинете.

Тот, кто как министр внутренних дел должен был в рамках подготовки войны проводить только такие мероприятия, которые были бы совершенно такими же, как и в случае обороны, не посвящался в агрессивные намерения Гитлера, принимая во внимание его основной принцип.

По этой причине присутствие обвиняемого Фрика не зарегистрировано ни на одном из тех тайных совещаний, на которых Гитлер сообщал о своих внешнеполитических планах и военных целях кругу избранных лиц.

В только что упомянутом документе ПС-386 Гитлер особенно подчеркивает и обосновывает то, что такие планы не должны обсуждаться имперским кабинетом как высшим совещательным органом.

В другой записи о подобном совещании (документ Л-79, США-27) изложен принцип, согласно которому никому не разрешалось знать что-либо о военных планах, если он непосредственно для своей работы не должен знать этих планов.

---

[1] Имперское министерство внутренних дел на этих переговорах было представлено статс-секретарем Штукартом, так что Фрик лично в переговорах не участвовал. — **Прим. сост.**

Фамилии Фрика нет не только среди присутствовавших на совещаниях у Гитлера, проводившихся перед началом войны, где говорилось о его агрессивной политике, но и на многочисленных конференциях, посвященных дальнейшим целям войны и агрессивным намерениям Гитлера, которые проводились во время войны.

О последующих актах агрессии обвиняемый Фрик также ранее не информировался и не привлекался к разработке их планов, что вытекает из докладов Гитлера о своих планах и соответствующих списков лиц, присутствовавших на совещаниях, представленных Трибуналу.

Фрик, специалист по делам имперской администрации, считавшийся некомпетентным по военным и внешнеполитическим вопросам, был вполне подходящим лицом для создания гражданской администрации в случае возможной войны, но, по мнению Гитлера, его внешнеполитические и военные планы ни в коей мере не касались Фрика.

Однако обвинение далее утверждает, что подсудимый Фрик после завоевания чужих областей и их оккупации определял административную политику в них и несет за нее ответственность, и обвинение расценивает эту деятельность подсудимого согласно статье 6, пункт «а», Устава как «участие в ведении агрессивных войн».

Как утверждает обвинение, Фрик осуществлял «всеобщий контроль» над оккупированными областями, в частности, потому, что он был начальником «центрального управления» по делам оккупированных областей. Ввиду выполнения им этих функций на него возлагается ответственность за все военные преступления и преступления против человечности, которые были совершены в оккупированных и присоединенных областях перед войной и во время войны, вплоть до его отзыва с поста имперского министра внутренних дел 20 августа 1943 г.

Это вопрос толкования права: расценивать ли деятельность в управлении оккупированными областями согласно статье 6, пункт «а», Устава как «ведение агрессивных войн» или же наказуемым являются лишь военные преступления и преступления против человечности?

Такое толкование сделало возможным наказание за преступления, которые были совершены при управлении оккупированными областями. Во всяком случае, преступления против человечности или военные преступления согласно Уставу подлежат наказанию.

В связи с этим следует рассмотреть, за какие территории подсудимый Фрик несет ответственность. Это прежде всего области, которые на основе государственного права были включены в Германскую империю и назывались «присоединенными территориями». Они перешли под управление соответствующих имперских министерств, то есть в отношении внутренней администрации в ведение имперского министра внутренних дел. Таким образом, подсудимый Фрик несет ответственность за администрацию этих областей в пределах того периода времени, когда он был министром, то есть до августа 1943 г.

На востоке — это главным образом области Восточной Пруссии, Познань, Данциг...

На востоке в таком же государственном положении находилась область Мемеля; на западе — район Эйпен-Мальмеди, а на юго-востоке — Судетская область. Далее в состав Германской империи была включена Австрия. В отношении этих территорий Фрик участвовал в издании законов и проведении административных мероприятий, на основании которых было произведено их присоединение. За внутреннее управление этих областей он несет обычную ответственность министра внутренних дел вплоть до своей отставки.

Там, где существоаала собственная администрация, она никогда не зависела от соответствующих министерств в империи, она всегда подчинялась начальнику администрации данной области, который в свою очередь подчинялся непосредственно Гитлеру.

Это же распространялось на оккупированные советские области, администрация которых в общем подчинялась имперскому министру по делам оккупированных восточных областей.

В декретах о создании собственной гражданской администрации говорится о том, что имперский министр внутренних дел является центральной инстанцией, и на основании двнной формулировки обвинение сделало вывод об ответственности подсудимого Фрика за управление во всех оккупированных областях, как это изложено в Обвинительном заключении.

Фактические задачи центральной инстанции изложены в распоряжении о создании центральной инстанции для Норвегии — документ ПС-3082. В то время центральная инстанция в первую очередь имела своей задачей предоставлять в распоряжение начальников гражданской администрации в оккупированных областях необходимый персонал в соответстаии с предъявленными требованиями... Эта деятельность центральной инстанции не оправдывает предположения об ответственности Фрика за администрацию в оккупированных областях.

Требования о предоставлении чиновников для оккупированных областей рассматривались в имперском министерстве внутренних дел, что показал свидетель Ламмерс. Я цитирую из вышеупомянутого документа ПС-3082: «Унифицированное, согласующееся с потребностями Норвегии сотрудничество высших имперских властей между собой и с имперским комиссаром».

Представленные доказательства по делам подсудимых Розенберга, Франка и Зейсс-Инкварта, которые являлись начальниками гражданской администрации в оккупированных областях, ни в одном случае не установили их сотрудничества в какой-либо форме с подсудимым Фриком как имперским министром внутренних дел или руководителем центральной инстанции в этом министерстве...

Фрик, в частности, не имел никакого права вмешиваться в деятельность полиции в оккупированных областях, не присоединенных к империи. Поэтому подсудимый Фрик не может нести ответственность за преступления против человечности и за военные преступления в оккупированных областях, так как

они не могли совершаться в них по его приказу, и в то же время он не мог воспрепятствовать их совершению.

Что касается территории Германской империи, я должен теперь обратиться к возлагаемой обвинением на подсудимого Фрика ответственности за все мероприятия полиции, включая гестапо, а также за создание концлагерей и управление ими. Разрешите мне сначала сослаться на документы, представленные мною, из которых следует, что полиция, включая политическую полицию, в 1933 году была еще в ведении отдельных провинций внутри империи, то есть Пруссии, Баварии и т.д.

Имперский министр внутренних дел в тот период имел только так называемое право «имперского надзора» над провинциями, которое Фрик осуществлял путем издания общих директив и распоряжений правового характера, и это был единственный путь, при помощи которого Фрик как имперский министр мог оказывать влияние на политическую полицию и концентрационные лагеря.

Фрик... пытался путем издания распоряжений правового характера ограничить произвол в практической деятельности политической полиции отдельных провинций.

В этой борьбе Фрика со злоупотреблениями политической полиции провинций последняя имела все преимущества, так как находилась под руководством Геринга и Гиммлера, с которыми «бюрократ» Фрик — как Гитлер его презрительно называл — не мог даже сравниться в отношении влияния в партии и государстве.

Политическая полиция провинций часто на практике не выполняла распоряжения Фрика. Но Фрик не смотрел на это безучастно и вмешивался в тех случаях, когда считал, что его вмешательство может ввести в определенные правовые рамки анархическую практику политической полиции провинций...

Я сошлюсь на документ ПС-775 — меморандум Фрика Гитлеру, который ясно называет вещи своими именами... резко критикует отдельные случаи злоупотребления правом превентивного заключения со стороны политической полиции провинций...

Однако все эти попытки не имели успеха, потому что политическое влияние Фрика было слишком незначительным и он не мог бороться против Геринга и Гиммлера и, кроме того, по той причине, что практика Геринга и Гиммлера в основном соответствовала тому, чего в действительности хотел сам Гитлер, хотя этого Фрик в то время еще не сознавал...

Следовательно, вывод о том, что Фрик в какой-то степени принимал участие в терроре и актах насилия гестапо, необоснован.

В более поздний период правовое положение изменилось.

Указом Гитлера от 17 июня 1936 г. (документ ПС-2073) задачи полиции по всей территории империи были объединены и в целом переданы Гиммлеру, ведомство которого было формально включено в имперское министерство внутренних дел под наименованием «рейхсфюрер СС и начальник германской полиции в имперском министерстве внутренних дел».

Вопрос состоит в том, получил ли Фрик, будучи министром внутренних дел, в соответствии с новой структурой,

какое-либо право издавать приказы или практически осуществимое право давать указания политической полиции, ее органам и чиновникам? Когда Гиммлер по собственному желанию, осуществления которого он смог добиться благодаря своему влиянию на Гитлера, был назначен начальником полиции на всей территории империи, в Германии перестало существовать министерство полиции или безопасности в собственном смысле этого слова.

Этим следует объяснять то, что единоначальное руководство полицией в лице Гиммлера формально было включено в имперское министерство внутренних дел.

Гиммлер, однако, был больше чем начальником управления в министерстве внутренних дел...

Ему было присвоено специально учрежденное звание «рейхсфюрер СС», что давало Гиммлеру возможность осуществлять государственно-полицейские функции в качестве рейхсфюрера СС, то есть партийного руководителя, не зависеашего ни от каких распоряжений государстаенного министра...

Гиммлер с самого начала получил полномочия, приравнивавшие его к имперскому министру, а именно самостоятельно и под собственную ответственность представлять интересы полиции в кабинете, как это вытекает из указа о его назначении (документ ПС-2073).

Путем издания приказа от 25 января 1938 г. Фрик пытался ограничить право применения превентивного заключения и исключить его применение для целого ряда случаев, в которых им злоупотребляли.

Я ссылаюсь на документ ПС-1723, США-206.

Возможно, здесь будет сделано возражение, что на практике гестапо никогда не обращало внимания на эти директивы Фрика и Гиммлер и его подчиненные продолжали проводить абсолютное господство террора и насилия.

Это соответствует действительности и в деталях подтверждено свидетелем Гизевиусом...

Обвинение во время представления своих материалов 3 июля 1946 г. предъяаило документ Д-181, ВБ-528 и заявило, что политическая полиция не только формально была включена в министерство внутренних дел, но что Фрик действительно несет ответстаенность за мероприятия полиции. В действительности этот документ свидетельствует лишь о том, что Фрик, будучи министром внутренних дел, был причастен к вопросу стерилизации так называемых наследственных больных. Этот документ не имеет никакого отношения к мероприятиям полиции и прежде всего к мероприятиям политической полиции. Кроме того, он не раскрывает позицию Гиммлера в министерстве внутренних дел...

Речь идет здесь о той же проблеме, которая касается многих из подсудимых, а именно о формальном подписании приказа, издаваемого по указанию Гитлера...

Теперь я должен остановиться на нескольких документах, которые обаинение расценило как доказательства активного участия подсудимого Фрика в деятельности политической по-

лиции. Я уже касался документа ПС-3304, на который обвинение ссылалось. Это распоряжение об учреждении должности начальника полиции при имперском наместнике восточных областей, включенных в состав Германской империи. Следовательно, здесь рассматривается вопрос о структуре администрации ведомства имперского наместника в одной из частей империи...

Указанное распоряжение относится к сфере общей компетенции министерства внутренних дел и не свидетельствует о какой-либо специальной полицейской деятельности.

Кроме того, к каким-либо актам произвола со стороны гестапо это распоряжение не имеет никакого отношения...

Так же обстоит дело и с документами, которые обвинение расценило как доказательства участия подсудимого в создании концентрационных лагерей и в управлении ими или как одобрение террористических методов гестапо...

Обвинение предъявило далее документ ПС-1643, США-73, в котором речь идет о переговорах относительно отчуждения земельных участков для расширения территории концентрационного лагеря Освенцим.

Вопросами отчуждения всегда занимается общая внутренняя администрация. По этой причине к участию в переговорах был привлечен чиновник из министерства внутренних дел...

Обвинение указало на то, что подсудимый Фрик сам посетил концентрационные лагеря в Ораниенбурге и Дахау.

Подсудимый не оспаривает факт посещения им в 1938 году концентрационного лагеря в Ораниенбурге, о чем здесь также говорил в своих показаниях свидетель Гесс...

Официальный посетитель концентрационного лагеря в то время не мог заметить ничего такого, что свидетельствовало бы об убийствах, зверском обращении и других преступлениях; поэтому факт посещения лагеря не может служить решающим аргументом в подтверждение того, что данное лицо знало о преступлениях, происходивших в концентрационных лагерях...

Далее я должен коснуться обвинения, выдвинутого против подсудимого Фрика по вопросу о преследовании евреев. Фрик принимал участие в законодательных мероприятиях, в частности, в издании «нюрнбергских законов», и в осуществлении административных мероприятий, которые он рассматривал как выражение национал-социалистской политики.

В то же время не имеется никаких доказательств того, что Фрик сам участвовал и знал о мероприятиях, преследующих цель их физического уничтожения, которые проводили Гиммлер и его органы по непосредственному поручению Гитлера и которые держались в строгом секрете от всех тех, кто не принимал участия в этих ужасных событиях.

Фрику на основании его деятельности на посту министра внутренних дел вменяется также в вину убийство больных и душевнобольных.

Принципиальное указание Гитлера содержится в документе ПС-630, США-342, из которого видно, что Гитлер отдал такое распоряжение... Боулеру и доктору Брандту, минуя аппарат министерства.

Гитлер вопреки всем правилам подписал поручение не в качестве лица, выполняющего государственные функции, то есть фюрера и рейхсканцлера, а использовал для этого бумагу, предназначенную для частных писем со штампом «Адольф Гитлер»...

После того как Фрик оставил пост министра внутренних дел, он в августе 1943 года был назначен на должность имперского протектора в Богемии и Моравии... Я ссылаюсь на документы ПС-3443, СССР-60 и ПС-1366 и показания свидетеля Ламмерса.

Должность имперского протектора являлась первоначально воплощением власти империи в протекторате. Однако на практике полномочия постепенно переходили к тогдашнему статс-секретарю имперского протектора Карлу Франку.

С назначением Фрика в августе 1943 года имперским протектором в Богемии и Моравии правительственные полномочия были также и формально перенесены на Франка неопубликованным декретом фюрера. С этого времени Франк стал именоваться «германский государственный министр в Богемии и Моравии».

За имперским протектором в основном осталось лишь право представительства и право помилования. Обвинение не вменяет Фрику в вину злоупотребления этим правом. После издания упомянутого указа фюрера Франк в качестве «германского государственного министра» подчинялся непосредственно Гитлеру, от которого получил назначение и который, минуя Фрика, давал Франку указания. Изменить или повлиять на них Фрик не имел возможности.

При таком положении вещей нельзя выдвигать обвинения против Фрика на основании документв ПС-3589, США-720...

Далее, обвинение характеризовало Фрика как главу гестапо и вследствие этого назвало его членом данной организации. В качестве аргумента было приведено то обстоятельство, что гестапо со времени назначения Гиммлера на пост начальника германской полиции в 1936 году формвльно входило в состав имперского министерства внутренних дел.

Однако гестапо в лице Гиммлера имело собственного начальника, от которого оно получало все указания; формальное подчинение Гиммлера министру внутренних дел не делает последнего членом единолично руководимой Гиммлером организации.

На основании всего этого можно сказать, что подсудимый Фрик был человеком, который, несомненно, прилагал определенные усилия в политическом смысле для того, чтобы обеспечить Гитлеру приход к власти, и который после достижения цели в течение определенного времени оказывал значительное влияние на внутреннюю политику.

Но все его мероприятия преследовали внутриполитические цели. Они не должны были иметь ничего общего с внешнеполитическими целями, связанными с агрессивными войнами, и во всяком случае ничего общего с преступлениями против мира или военными преступлениями; а такая зависимость со-

гласно статье 6 Устава необходима для осуждения, как об этом говорили в своих выступлениях обвинители.

Когда Фрик позднее увидел, что политика направляется по такому руслу, которого он не мог одобрить, он пытался использовать свое влияние для того, чтобы изменить эту линию политики, но со временем должен был все больше убеждаться в том, что Гитлер не намеревался выслушивать его жалобы и возражения. Наоборот, он понял, что жалобы подрывали доверие к нему Гитлера, который гораздо охотнее выслушивал советы своих единомышленников, например Гиммлера и ему подобных. В конце концов с 1937 года Гитлер больше не стал принимать Фрика, если последний приходил с жалобами.

Затем Фрик отказался от таких безнадежных попыток добиться какого-либо изменения положения. Его отставка также не принесла бы с собой никаких изменений, если прошение об отставке, которое он неоднократно подавал, было бы удовлетворено. Этот момент достаточно ясно освещен в процессе представления доказательств. Таким образом, вся трагедия заключается в том, что он оказался запутанным в систему, первоначальные шаги которой он с восторгом приветствовал и развитие которой представлял себе совершенно иначе.

Для оценки личности и действий подсудимого мне кажется важным то обстоятельство, что в процессе представления доказательств, длившегося в течение месяцев, не было приведено ни одного доказательства, свидетельствующего о личном участии подсудимого в совершении каких-либо преступлений...

На какие только обманы и уловки пропаганды ни пускался Гитлер! Ими были обмануты многие — те, кто был увлечен гитлеровской силой внушения и кто в свое время не понял, что подчинялся преступной воле и что Гитлер для достижения своих целей готов разрушить опоры цивилизации. Они не предвидели, что в конце концов он оставит за собою необозримую груду развалин, обломки материальных и духовных ценностей.

Преодолению всего этого должен способствовать законный и справедливый приговор по настоящему процессу.

Выступление Г. МАРКСА, защитника подсудимого Юлиуса Штрейхера

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 11 и 12 июля 1946 г.

Высокий Суд! Господин председатель! Я начинаю свою защитительную речь по делу подсудимого Юлиуса Штрейхера.

Когда в мае прошлого года закончились последние военные действия самой ужасной из войн, немецкий народ начал медленно приходить в себя от того отупения, в котором находился в последние месяцы войны. Как и все народы Европы, он

в течение ряда лет терпел ужасные бедствия, особенно за последние месяцы налеты с воздуха принесли так много несчастий всему народу и всей стране, что это почти превышает пределы того, что может вынести человек.

К этому ужасу прибавилось еще сознание, что война проиграна, и страх перед неизвестностью судьбы — судьбы, которую принесет с собой оккупация.

Наконец прошло первое время страха, и немецкий народ вздохнул опять, но внезапно новый гнетущий ужас овладел им.

Пресса и радио, газеты и фильмы показали немецкому народу те злодеяния, которые были совершены на Востоке, в степях и в концентрационных лагерях. Германия узнала, что ее люди — соотечественники — истребили много миллионов невинных евреев. Большинство инстинктивно чувствовало, что это — самое большое обвинение из всех тех, какие мир может предъявить Германии.

Вопрос о том, знал ли в общем немецкий народ об этом и приветствовал ли он такие действия, — вопрос всей его судьбы. Это пробный камень для проверки того, сможет ли Германия когда-либо наравне с другими народами снова войти в единое мировое целое в экономическом и культурном отношении.

Как и всегда, сразу же возник вопрос, кто виновен в этом и кто должен нести ответственность? Кто приказывал совершать такие злодеяния, кто их выполнял и как вообще дело дошло до таких невероятных событий, до таких деяний, каких не знала самая ранняя история человечества?

И вот в то время, когда были подняты все вопросы, пришла весть о том, что в руки американской армии попал бывший гаулейтер Франконии, редактор «Штюрмера», нынешний подсудимый Юлиус Штрейхер. Из того, как реагировали на это известие газеты, целиком находящиеся в руках оккупационных властей и издаваемые ими, а также из сообщений по радио, было видно, что мир рассматривает захваченного Юлиуса Штрейхера не как одного из многих антисемитских пропагандистов «третьего рейха», а считает его антисемитом номер 1. И почти все в мире придерживались мнения, что Юлиус Штрейхер не только активно пропагандировал преследование и уничтожение евреев, но что он сам деятельно участвовал в этом.

Говорили, что он является не только ярым ненавистником евреев и проповедником их уничтожения, но и тем человеком, чье влияние обусловило уничтожение еврейства в Европе.

Только исходя из такой точки зрения, можно объяснить, что подсудимый Штрейхер вместе с остальными подсудимыми сидит здесь, на скамье подсудимых, среди лиц, несущих главную ответственность за нацистскую систему, потому что сам по себе он как личность, а также на основании занимавшихся им должностей не принадлежит к руководящим кругам НСДАП и к ее наиболее влиятельным членам. Эту первоначальную точку зрения сначала поддерживало и обвинение. Однако вскоре оно уже отошло от нее, так как в Обвинительном заключении уже не говорится о том, что Штрейхер непосредственно и прямо участвовал в массовых убийствах. В нем даже указано, что он менее, чем другие подсудимые, должен нести ответст-

венность за все свои непосредственные действия. Подзащитному вменяется в вину его деятельность, выражавшаяся в устной и письменной пропаганде.

Пункты обвинения, предъявленного подсудимому Штрейхеру, сформулированы следующим образом:

1) содействие приходу к власти и укреплению НСДАП после того, как представители этой партии вошли в состав правительства;

2) подготовка агрессивной войны путем пропаганды преследования евреев;

3) духовная и моральная подготовка к уничтожению евреев и воспитание в этом духе:

a) подготовка к этому немецкого народа,

b) немецкой молодежи,

c) подготовка лиц, активно уничтожавших евреев.

Итак, обвинение говорит, что без Юлиуса Штрейхера не было бы Освенцима, Маутхаузена, Майданека и Люблина.

Что касается первого пункта обвинения, то подсудимый не отрицает, что он с самого начала содействовал приходу НСДАП к власти. Эта поддержка выразилась в том, что созданное им во Франконии движение он поставил на службу Гитлеру. Это движение представляло партию, возникшую после первой мировой войны; она была весьма немногочисленна и существовала только в Южной Баварии. После освобождения Гитлера из крепости Ландсберг он снова немедленно примкнул к нему и впоследствии решительно выступал в поддержку его идей и целей.

До 1933 года вся деятельность подсудимого Штрейхера исчерпывалась пропагандой в пользу НСДАП и за ее цели главным образом в области еврейского вопроса. Такое поведение подсудимого само по себе не может рассматриваться как преступление. Принадлежность к партии, существующей в государстве, которое допускает наличие такой оппозиционной партии, может только тогда считаться преступной, когда цели партии с объективной точки зрения являются преступными и когда каждый, кто принадлежит к этому движению, субъективно сознает преступность целей, одобряет и поддерживает их.

Основа всех обвинений против подсудимых заключается в том, что НСДАП с самого начала ее существования вменяются в вину преступные цели. По утверждению обвинения, члены данной партии имели якобы с самого начала преступный план поработить весь мир, уничтожить другие расы и насадить расу господ-немцев по всему миру. Они обвиняются в том, что с самого начала хотели осуществить эти цели и планы с помощью агрессивных войн, убийств и насилия.

Таким образом, если уже само членство в НСДАП и поддержка партии должны вменяться подсудимому Штрейхеру в вину как преступление, то в таком случае нужно доказать, что эта партия действительно имела такие планы и что подсудимый знал о них и одобрял их.

Мои коллеги, выступавшие до меня, уже достаточно подробно изложили, что заговор, преследующий такого рода цели, не существовал. Поэтому я могу воздержаться от даль-

нейших рассуждений и сослаться на то, что уже здесь излагали другие защитники. Мне следует заняться лишь вопросом о том, что подсудимый Штрейхер не участвовал в подобном заговоре, если Высокий Суд признает, что он все-таки существовал...

Представленные доказательства не устанавливают, что существовали какие-либо тайные планы относительно агрессивной или реваншистской войны, которой предшествовало бы уничтожение евреев или которая была бы попутно связана с уничтожением евреев.

Если все-таки заговор существовал, то он должен был ограничиться узким кругом людей, группировавшихся исключительно вокруг личности Гитлера. Подсудимый же Штрейхер к этому кругу не относился. Ни одна из должностей, которые он занимал, не дает ни малейшего основания для такого предположения. Как почетный гаулейтер и как почетный обергруппенфюрер СА он был равным среди равных. Рассматривая посты, которые он занимал, нельзя обнаружить какой-либо близкой связи с основным зерном партии. Точно так же с конца 1938 года не наблюдаются какие-либо личные связи с руководящими лицами движения как с самим Гитлером, так и с подсудимым Герингом, Геббельсом, Гиммлером и Борманом... Ничто из того, что предъявлялось Суду в процессе представления доказательств, не может расцениваться как доказательство того, что подсудимый Штрейхер был настолько тесно связан с высшей партийной инстанцией, что мог знать ее конечную цель или даже обязан был знать ее.

Так же и по еврейскому вопросу конечные цели НСДАП, последствия которых проявились в концентрационных лагерях, до прихода к власти и длительное время после прихода к ней не были так сформулированы, как они позднее осуществлялись... В этой связи, констатируя факты, следует заметить, что подсудимый Штрейхер в противоположность почти всем подсудимым оставался на своей должности не до последнего момента и даже не все то время, пока велась война. Официально он был отрешен от должности гаулейтера в 1940 году, но в действительности уже раньше чем за год до этого фактически утратил всякое влияние и был отстранен от дел...

Пункт 2 обвинения, выдвинутого против подсудимого Штрейхера, где разбирается вопрос о преследовании евреев как о подготовке к агрессивной войне, может быть рассмотрен тут же.

До 1937 года никак нельзя было узнать, что планировалась какая-либо агрессивная война. Во всяком случае если Гитлер и имел такое намерение, то скрывал его от окружающего мира... В отдельных совещаниях, на основании которых обвинение сделало вывод о планировании позднее действительно начавшихся войн, подсудимый Штрейхер также не участвовал.

Штрейхеру вменяется в вину, что он в течение десятилетий натравливал немцев против евреев и подстрекал к преследованию евреев и затем к их уничтожению и что он несет ответственность за конечное уничтожение евреев в Европе.

Обвинение придерживается той точки зрения, что относительно ответственности подсудимого по этому вопросу возни-

кает мало сомнений, как и относительно преступного соучастия германского народа. В качестве доказательств обвинение представило здесь следующее:

a) речи Штрейхера до и после прихода к власти, например речь в апреле 1925 года, где он говорит об уничтожении евреев. По мнению обвинителя, она является вообще первым доказательством окончательного решения еврейского вопроса, которое намечалось партией и заключалось в уничтожении всех евреев;

b) активное участие подсудимого в организации и использовании своего авторитета во время бойкота 1 апреля 1933 г.;

c) многочисленные статьи в еженедельнике «Дер штюрмер», среди них статьи, в которых разбирается вопрос о ритуальном убийстве с цитатами из Талмуда.

Таким образом, по мнению обвинения, он сознательно и преднамеренно выставлял еврейскую нацию как неполноценную, хотел воспитать и воспитывал ненависть и волю к уничтожению этого народа... В действительности он пропагандировал лишь ту мысль, что евреев вследствие их чужеродности нужно удалить из народной и экономической жизни в Германии и лишить тесных связей с германским народом.

Далее, он всегда намеревался разрешить еврейский вопрос в международном масштабе, не признавал лишь частичного решения этого вопроса, то есть в масштабах Германии или Европы, и отклонял его. Именно с этим связано то, что он в передовой статье газеты «Дер штюрмер» в 1941 году предлагал избрать местом поселения для евреев французский остров Мадагаскар.

В соответствии с вышеупомянутым он видел окончательное решение еврейского вопроса не в физическом уничтожении евреев, а в их выселении...

Можно утверждать, что подсудимый, когда ему было поручено руководство антисемитскими мероприятиями, не допустил каких-либо насильственных мероприятий против еврейского населения.

Я считаю, что моей задачей как защитника является рассмотреть и изложить не только вопрос о том, стремился ли подсудимый Штрейхер с помощью своих речей, действий и публикаций добиться того успеха, о котором говорило здесь обвинение, но также и вопрос о том, добился ли он в действительности этого успеха.

Поэтому нужно исследовать вопрос о том, действительно ли Штрейхер привил германскому народу в такой степени антисемитский дух, что дал руководству германского народа возможность совершить такие преступления, которые действительно были совершены.

Далее следует рассмотреть вопрос о том, привил ли подсудимый германской молодежи ненависть к евреям в такой степени, о которой говорит обвинение.

Наконец, следует решить вопрос о том, был ли Штрейхер действительно тем человеком, который духовно и морально подготовил для совершения преступлений исполнительные органы власти по уничтожению евреев.

Мне кажется, что прежде, чем заняться рассмотрением этого вопроса, важно указать на то обстоятельство, что значительная часть статей, которые были опубликованы в газете «Дер штюрмер» и на основании которых обвинение хочет сделать вывод о существовании пропаганды, направленной на истребление и уничтожение евреев, была написана не самим Штрейхером, а принадлежит перу его сотрудников и исходит, в частности, от заместителя гаулейтера Карла Гольца, известного своими ультрарадикальными установками.

Хотя подсудимый Штрейхер и несет формальную ответственность за статьи и перед лицом суда решительно взял на себя эту ответственность, все-таки данный момент является важным для определения размера его уголовно-правовой ответственности...

Подсудимый Штрейхер не может оспаривать и никто не должен защищать это, что он постоянно помещал в газете «Дер штюрмер» статьи и выступал с речами, которые носили глубоко антисемитский характер и по меньшей мере имели своей целью исключение евреев из общественной жизни Германии.

Первая мировая война закончилась поражением Германии... Искали козла отпущения за проигранную войну и думали, что нашли его в лице евреев. Зависть, недовольство и упущение из вида собственных недостатков окончательно способствовали тому, чтобы создать неблагоприятное отношение к еврейскому населению...

На такой почве и из этой среды возник «Дер штюрмер»... Некоторые слои населения проявляли интерес к такого рода скандальным историям и по этой причине подписывались на газету «Дер штюрмер».

Но лишь только в том случае можно увидеть в этом преступный образ действий — вероятно, такова же точка зрения и обвинения, — если подобный род литературной и ораторской деятельности привел к преступному результату...

Господин обвинитель утверждал, что без продолжительных лет травли евреев со стороны Штрейхера германский народ не одобрил бы преследования евреев и Гиммлер не нашел бы в рядах германского народа исполнительных органов для проведения мероприятий по уничтожению евреев.

Если подсудимого Штрейхера следует за это привлечь к судебной ответственности, то нужно доказать, что совершенные преступления вытекали из имевшего место подстрекательства...

Затем произошло то, что с приходом партии к власти вся германская пресса попала под контроль партии, которая тотчас же приступила к тому, чтобы унифицировать прессу, то есть сделать так, чтобы какая-либо центральная инстанция сверху руководила бы прессой в духе национал-социалистской политики и национал-социалистского мировоззрения. Это произошло через министра пропаганды и руководителя имперской прессы с помощью официального партийного органа «Национал-социалистская партийная корреспонденция». Особенно министр пропаганды доктор Геббельс, которого такие сведущие лица, как Геринг, Ширах, Нейрат и др., охарактеризовали как самого

крайнего представителя антисемитского направления в правительстве, считал необходимым по нескольку раз в неделю помещать во всей германской прессе, охватывавшей более чем три тысячи ежедневных газет и иллюстрированных журналов, передовые статьи, написанные в антисемитском духе...

Подсудимый Штрейхер, по крайней мере с 1937 года, начал постепенно утрачивать свой авторитет и влияние даже в собственной области (гау) во Франконии. Причины этого достаточно известны...

Был издан целый ряд законов для того, чтобы отделить германские слои населения от еврейских. Примером являются так называемые законы об охране расовой чистоты в сентябре 1935 года, которые угрожали смертной казнью за кровосмешение германского народа с еврейскими слоями населения... Такими же были законы, изданные в ноябре 1938 года, относительно исключения еврейского населения из экономической жизни Германии...

Об антисемитской демонстрации, имевшей место в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г.

Доказано, что эти акты насилия не осуществлялись стихийно германским народом, а что они подготавливались по уквзанию доктора Геббельса и проводились при поддержке государственного и партийного аппарата.

Успех и последствия демонстраций, которыми руководило государство и которые самым циничным образом выставлялись за границей как выражение возмущения германского народа по поводу убийства секретаря посольства фон Рата в Париже, были совершенно иными, чем те, на которые рассчитывали зачинщики демонстрации. Эти акты насилия и эксцессы, основанные на низменных инстинктах, единогласно порицались... Вместо враждебного отношения к еврейскому народу они вызывали чувство сострадания и участия в его судьбе. Вряд ли какое-либо другое мероприятие партии вызывало такое всеобщее внимание. Общественность находилась под таким впечатлением, что подсудимый Штрейхер, будучи гаулейтером, счел необходимым в речи, произнесенной в Нюрнберге, предостеречь от столь большого сочувствия к евреям...

Все эти факты свидетельствуют о том, что сам народ не испытывал вражды к евреям, несмотря на антисемитскую пропаганду, проводимую государством...

Обвинение заявило, что такие мероприятия, как массовое истребление евреев, мог одобрять лишь только народ, воспитанный в духе сильной ненависти к евреям такими людьми, как подсудимый. Таким образом, всем немцам делается упрек в том, что они знали об уничтожении евреев и одобряли это уничтожение. Это такое обвинение, тяжесть и последствия которого для будущего германского народа вообще не поддаются измерению.

Да, но одобрял ли действительно германский народ эти мероприятия?

Одобрять можно только такие вещи, о которых вы осведомлены. Но если считать доказанным утверждение обвинения,

то логически нужно сделать также вывод о том, что германский народ действительно знал об этих фактах.

Из представленных доказательств по данному вопросу явствует, что рейхсфюрер СС Гиммлер, уполномоченный Гитлером, и его сотрудники непосредственно окружили все эти мероприятия мраком неизвестности, угрожая строжайшими наказаниями за каждое нарушение строго предписанного молчания, сумели скрыть все то, что разыгрывалось на Востоке и в лагерях уничтожения, за железным занавесом, полностью скрывавшим от общественности все преступления...

Народ Германии мог узнать о мероприятиях по уничтожению евреев только от людей, которые сами работали в лагерях.

Необходимо также осветить и ту роль, которую обвинение приписывает подсудимому Штрейхеру, утверждая, что он воспитал немецкую молодежь в антисемитском духе и настолько пропитал ее духом ненависти к евреям, что это пагубное действие сохранится надолго после смерти Штрейхера.

Центральный момент обвинения, выдвинутого против подсудимого, заключается в том, что молодые люди, воспитанные Штрейхером в духе ненависти к евреям, подстрекались к совершению преступлений против евреев, которых они при других обстоятельствах не могли бы совершить, и что от молодежи, воспитанной в таком духе, можно ожидать совершения преступлений в будущем.

Обвинение основывается в этом пункте главным образом на книгах для молодежи, опубликованных издательством «Штюрмер», и на нескольких статьях, обращенных к молодежи и помещенных в этом журнале...

Немецкие юноши и девушки предпочитали другую литературу.

Необходимо подчеркнуть, что ни содержание, ни иллюстрации в таких книгах не могли в какой-либо степени привлекать молодых людей. Наоборот, они невольно должны были производить отталкивающее впечатление...

Для подтверждения заявления обвинения, что немецкая молодежь была охвачена преступной ненавистью к евреям, не было представлено никаких доказательств.

Теперь я перехожу к последнему решающему пункту обвинения, а именно к рассмотрению вопроса о том, кто несет основную ответственность за издание приказов о массовом уничтожении евреев и как произошло, что нашлись люди, которые выразили готовность выполнять эти приказы. И возникает еще вопрос — могли ли быть изданы и выполнены такие приказы, если бы не велось такой пропаганды, какую вел подсудимый Штрейхер?

Главную ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, за уничтожение евреев в Европе, без сомнения, несет Гитлер.

Этому величайшему из всех процессов мировой истории присущ тот недостаток, что главные виновники не сидят на скамье подсудимых, так как они либо умерли, либо их невозможно найти.

То, что беспредельная жестокость являлась основной чертой Гитлера, в первый раз проявилось со всей очевидностью

при подавлении так называемого путча Рема в июне 1934 года. Тогда Гитлер принял решение расстрелять своих старейших соратников без судебного разбирательства. Его безудержный радикализм выразился и в методе ведения войны с Польшей. Только потому, что он опасался отрицательного отношения ведущих кругов польского народа к Германии, он приказал уничтожить их. Еще более радикальными были его приказы во время русской кампании. Уже тогда он издал распоряжение об уничтожении евреев путем различных мер.

Приведенные примеры явно показывают, что этому человеку было несвойственно учитывать какие-либо принципы человечности...

В октябре 1942 года был издан указ Бормана, которым предписывалось уничтожение евреев (документ ПС-3244). Как установлено, он исходил от Гитлера и был направлен рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, которому поручили активно осуществлять уничтожение евреев.

Со своей стороны он поручил окончательное выполнение этого приказа начальнику гестапо Мюллеру и его уполномоченному по еврейскому вопросу Эйхману. Таким образом, эти люди после Гитлера несут главную ответственность. Ничем не доказано, что Штрейхер мог как-то оказать на них влияние или действительно оказал его...

Затем я перехожу к вопросу о том, оказала ли деятельность подсудимого Штрейхера решающее влияние на исполнительные органы, производившие казни, на членов оперативных групп (эйнзатцгруппы), с одной стороны, и на команды, производившие расправы в концлагерях, с другой стороны, и была ли вообще нужна моральная и идеологическая подготовка этих людей для того, чтобы они проявили готовность и пошли на то, чтобы осуществить подобные мероприятия.

Рейхсфюрер СС в своих часто упоминавшихся здесь речах в Николаеве, Познани, Харькове заявлял, что он не только наряду с Гитлером несет ответственность за окончательное решение еврейского вопроса, но что предписанные мероприятия можно было осуществить лишь только благодаря использованию сил СС, которые он сам отобрал для этого...

Из показаний Олендорфа мы знаем, что так называемые оперативные группы (эйнзатцгруппы) состояли из сотрудников гестапо и СД, из рот, входивших в состав войск СС, из старых служащих полиции и из местного населения.

Не идеологические причины и не то, что Штрейхер подстрекал людей, которым поручили уничтожение евреев, принудили этих людей выполнять вышеупомянутые приказы, а лишь только их повиновение приказу Гитлера, переданному им Гиммлером, и сознание того, что невыполнение приказа фюрера будет означать смерть...

Не Штрейхеру, а подсудимому Розенбергу Гитлер поручил идеологическое воспитание германского народа. Розенберг отвечал за институт по исследованию еврейского вопроса во Франкфурте, а не подсудимый Штрейхер, который даже не был привлечен для сотрудничества в этом институте.

Подсудимому Розенбергу поручили проведение антисемитского конгресса в 1944 году. Правда, конгресс никогда не состоялся, но это характерно...

Борьба против евреев в «третьем рейхе» обострялась из года в год, особенно после начала и во время войны. В противоположность этому влияние подсудимого Штрейхера из года в год уменьшалось. Уже в 1939 году он почти игнорировался, не имел никаких связей с Гитлером или иными руководящими лицами государства и партии, с 1940 года был отрешен от должности гаулейтера и с тех пор в политическом отношении был трупом.

Если бы подсудимый Штрейхер действительно был тем человеком, каким его считает обвинение, то влияние и деятельность его должны были бы автоматически расширяться по мере обострения антисемитской борьбы. И итогом должно было явиться не отсутствие политического влияния и не изгнание, как в действительности произошло, а поручение осуществить уничтожение евреев.

Из-за своей многолетней писательской деятельности, во время которой он до пресыщения обсуждал одну и ту же тему в неуклюжей, грубой и резкой форме, подсудимый Штрейхер — этого нельзя отрицать — снискал враждебность мировой общественности. Тем самым он создал о себе мнение, на основании которого сильно переоценивается его значение и влияние, а также возникает опасность, что таким же образом может быть преувеличена и его ответственность...

Он писал об исчезновении еврейских масс на Востоке, но из этого нельзя заключить, что он располагал сведениями о каких-либо зверствах. Таким образом, он мог просто считать, что это исчезновение не связано с физическим уничтожением евреев, а что, может быть, речь идет лишь о переселении сконцентрированного еврейского населения в какую-либо нейтральную страну или на территорию Советского Союза.

Пусть приговор в отношении подсудимого Штрейхера будет каким угодно... Однако кажется установленным, что германский народ и этот подсудимый никогда не были единого мнения по данному вопросу, являющемуся в деле определяющим. Германский народ постоянно отмежевывался от принципов подсудимого, которые он излагал в своих публикациях, и сохранил собственное мнение и отношение к евреям...

Решение о виновности или невиновности подсудимого находится в руках Высокого Суда.

Выступление Ф. ЗАУТЕРА, защитника подсудимого Вальтера Функа

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 12 и 15 июля 1946 г.

Господа судьи! Моя задача состоит в том, чтобы проанализировать деятельность подсудимого доктора Вальтера Функа,

следовательно, выступить на тему, которая, к сожалению, является довольно сухой и малоинтересной. Я должен сделать следующую оговорку.

Я не буду выступать с какими-либо общими заявлениями политического, исторического или психологического характера, хотя подобные высказывания кажутся особенно заманчивыми в рамках процесса. С такими обширными общими высказываниями уже выступали другие защитники, и кто-нибудь еще, вероятно, выступит с дополнениями к сказанному.

Я хотел бы ограничиться тем, чтобы под углом зрения защиты рассмотреть вопрос о том, какая картина нарисована представленными доказательствами на процессе, и сообщить Вам свои соображения по этому поводу, а также дать характеристику личности подсудимого Функа, действий, совершенных им, сказать о мотивах, которыми он при этом руководствовался.

Господа судьи! Весь ход процесса и представление доказательств по делу подсудимого показали, что он никогда не играл решающей роли в национал-социалистском государственном руководстве.

Права Функа на то, чтобы принимать решения, всегда были значительно ограничены полномочиями вышестоящих лиц. Замечание подсудимого во время допроса, что его всегда только подпускали к дверям, но никогда не пропускали через них, подтверждается предъявленными доказательствами.

В партии, в противоположность государственному аппарату, на подсудимого Функа лишь только в последний год перед приходом к власти, следовательно в 1932 году, были возложены некоторые задачи. Выполнение их, однако, не имело никакого практического значения потому, что поручения были кратковременными. С момента прихода партии к власти Функ никогда не занимал партийной должности. Он не принадлежал также ни к партийным организациям, ни к СС, ни к СА, ни к корпусу политических руководителей. Мандат депутата рейхстага был у Функа только немного более полугода до прихода к власти национал-социалистов. Таким образом, он не являлся членом рейхстага в то время, когда принимались основные законы, направленные на укрепление власти национал-социализма. Законы, вменяемые подсудимому Функу в вину, в частности, закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, были, напротив, приняты имперским кабинетом министров в то время, когда Функ не являлся еще членом имперского кабинета министров. Он стал им лишь после его назначения на пост имперского министра экономики к концу 1937 года, то есть тогда, когда больше не происходили заседания кабинета министров. Но, будучи руководителем печати в имперском правительстве, Функ не имел в кабинете ни места, ни голоса и не мог оказывать никакого влияния на содержание проектов законов. Я ссылаюсь на показания Ламмерса по этому пункту.

То же самое относится и к расовым законам, к так называемым «нюрнбергским законам».

Близкие отношения с Гитлером были у Функа только в течение полутора лет, когда он, будучи руководителем печати

имперского правительства, систематически делал Гитлеру доклады по вопросам печати, следовательно, с февраля 1933 года до августа 1934 года, то есть до кончины президента империи Гинденбурга. Позже Функ виделся с Гитлером редко ... Гитлер давал свои директивы по экономическим вопросам до 1942 года Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, ответственному за руководство всей экономикой, а с 1942 года — Шпееру, который, будучи министром вооружения, мог в силу особых полномочий давать указания всем отраслям производства и который с 1943 года сам руководил всем производством.

Итак, Функ в руководстве экономикой национал-социалистской империи никогда не играл главную роль; подсудимый Геринг на процессе подтвердил это в своем показании от 16 марта.

Точно так же и подсудимый Шпеер на заседании Трибунала от 20 июня заявил, что он, будучи министром вооружения, с самого начала имел решающие полномочия в важнейших областях экономики, как-то: по углю, железу и стали, металлу, алюминию, машиностроению и т.п. Все энергетическое хозяйство и все строительство еще до назначения Шпеера подчинялось его предшественнику — министру вооружения Тодту...

Обвинение заявляет, что Функ должен был знать о различных событиях, которые составляют объект обвинения... Из распоряжений, которые издавал лично Функ, или из директив, которые исходили от него, обвинение ссылается в основном на изданные Функом инструкции по четырехлетнему плану и по устранению евреев из экономической жизни в ноябре 1938 года...

Имперское министерство экономики, как было доказано показаниями Геринга, Ламмерса и Гейлера, стало просто министерством торговли, которое должно было в основном заниматься распределением предметов потребления и технической стороной в области ведения внешней торговли.

Управление по четырехлетнему плану выносило таким же образом свои решения и в отношении имперского банка, когда речь шла об использовании золота и валюты. Как только Функ занял должность президента рейхсбанка, рейхсбанк был лишен права выносить решения относительно предоставляемых кредитов в области внутреннего финансирования страны на военные нужды. Тем самым Функ вообще отстранялся от ответственности за финансирование на военные нужды.

Лицом, которое могло выносить решения о финансировании, был имперский министр финансов, а не Функ. И, наконец, господа судьи, будучи генеральным уполномоченным по вопросам экономики, Функ занимался лишь только в августе 1939 года координацией деятельности гражданских и экономических ведомств к проведению мероприятий, которые должны были обеспечить беспрепятственный переход экономики мирного времени на рельсы военного времени. Результатом совещаний с этими ведомствами явились предложения, которые Функ передал на рассмотрение Гитлеру в письме от 25 августа 1939 г., цитировавшемся здесь много раз документом под номером ПС-699.

В отношении оккупированных областей Функ вообще не имел никаких полномочий выносить решения...

Необходимо указать, что обвинение вменило подсудимому Функу в вину то, что в 1940 году, в день своего 50-летия, он принял денежное приношение... Президент и президиум экономической палаты, следовательно, высшие сословные представители германской экономики, подарили ему усадьбу в Верхней Баварии размером в 55 га. Она находилась сначала только на бумаге, о ней говорилось в жалованной грамоте, и ее нужно было еще построить. Преподношение подарка охотно было санкционировано главой государства Гитлером. Таким образом подарок был преподнесен имперскому министру экономики не тайно, а официально. Функ, не имевший до этого никаких долгов и постоянно живший в приличных условиях, как раз из-за «преподношения» усадьбы влез в долги. Геринг, который услышал об этом, помог Функу, выдав ему большую сумму. Когда Гитлер узнал о денежных затруднениях Функа от министра Ламмерса, он предложил для приведения в порядок материального положения Функа перевести ему требуемую денежную сумму в виде дотации. Таким образом Функ смог оплатить налоги и долги...

Господа судьи! До сих пор я занимался общими вопросами, относящимися к деятельности подсудимого Функа, и перехожу теперь к вопросу об уголовной ответственности подсудимого в связи с отдельными пунктами обвинения.

Первый пункт обвинения относится к вопросу о способствовании захвату власти партией и, таким образом, к деятельности подсудимого Функа в партии с 1931 года до конца 1932 года.

Утверждают, что подсудимый Функ способствовал захвату власти заговорщиками. В этом пункте Обвинительного заключения рассматривается деятельность подсудимого Функа с момента вступления его в партию в июне 1931 года до прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. Обвинение утверждает, что Функ, выступая в это время на стороне партии, способствовал захвату власти национал-социалистами. Это верно. Подсудимый Функ во время его допроса 4 мая сам признал это...

Та роль, которую обвинение приписывает ему, не соответствует действительности. Значение деятельности Функа отчасти сильно переоценивается обвинением, а отчасти о ней создается неправильное представление. Подсудимый Функ в 1932 году установил контакт между Гитлером и некоторыми руководящими лицами из германских экономических кругов. Он выступал также за то, чтобы национал-социалистские идеи нашли понимание, и ратовал за поддержку партии экономическими кругами. Его часто называли советником Гитлера по экономическим вопросам, но это не было ни партийной должностью, ни партийным титулом...

Во время перекрестного допроса подсудимого Функа советское обвинение предъявило последнему статью, появившуюся в журнале «Дас рейх» в связи с 50-летием Функа. В ней автор, экономист, по имени доктор Герле, подчеркивает, что Функ «как посредник между партией и экономическими круга-

ми расчистил дорогу для новой идеологии германских предпринимателей».

По этому поводу следует сказать: Функ никогда не оспаривал, что он видел тогда свою задачу в том, чтобы найти такой синтетический принцип построения экономики... Функ всегда признавал политические цели и идеалы национал-социализма...

30 января 1933 г. Функ как руководитель прессы имперского правительства занял пост министериаль-директора в имперской канцелярии. Однако руководство политикой в области прессы уже через полтора месяца перешло к доктору Геббельсу, когда он стал имперским министром народного просвещения и пропаганды, и отдел прессы имперского правительства, которым до этого должен был руководить Функ, был слит с вновь образованным министерством пропаганды.

До смерти Гинденбурга за Функом сохранилась еще обязанность лично докладывать по вопросам прессы имперскому президенту фон Гинденбургу и имперскому канцлеру Гитлеру. Затем и эта деятельность полностью прекратилась. Следовательно, должность руководителя прессы в имперском правительстве практически существовала лишь на бумаге, что подтвердил также подсудимый Фриче во время его допроса 28 июня.

Господа судьи! Я перехожу теперь ко второму пункту обвинения, а именно к вопросу об укреплении власти правительства и партии, в связи с этим к преследованию евреев в области интеллектуального труда.

Я не буду подробно излагать свои объяснения по пункту, господа судьи, я хочу лишь отметить несколько соображений, вытекающих из процесса.

Предъявленные доказательства показали, что Функ, являясь статс-секретарем, по существу вообще не занимался пропагандистской деятельностью. Он не выступал ни с какими речами по радио и на митингах. Политикой прессы в тот период руководил только Геббельс.

Подсудимому Функу инкриминируется то, что он «имея полное представление об агрессивных планах заговорщиков, активно участвовал в мобилизации немецкой экономики для агресснвной войны».

В доказательство этого в Обвинительном заключенни указывается прежде всего на то, что Геринг включил в управление по четырехлетнему плану министерство экономики в качестве «верховного командования немецкой военной экономики», которое затем было подчинено подсудимому Функу. Далее обвинение указывает, что на основании Закона о защите империи от 4 сентября 1938 г. на Функа как генерального уполномоченного по экономике была возложена задача мобилизации германской экономики на случай войны. Утверждение обвинения, что имперское министерство экономики было включено в управление по четырехлетнему плану прежде, чем Геринг передал его Функу, безусловно, правильно. Так называемое верховное командование немецкой экономикой осуществлялось, но не подсудимым Функом, а уполномоченным по четырехлет-

нему плану подсудимым Герингом. Функ был связан его директивами, и это подтвердил здесь сам Геринг... Имперское министерство экономики было лишь ведомством, которое должно было проводить указания управления по четырехлетнему плану...

При перекрестном допросе Функа американским обвинением был предъявлен документ ЕС-255 — письмо от 29 ноября 1937 г. имперского военного министра фон Бломберга на имя Геринга, в котором Бломберг предлагает только что назначенного имперским министром экономики Функа назначить также генеральным уполномоченным по военной экономике. Этого, однако, не случилось. Вначале Геринг сам взял руководство имперским министерством экономики и лишь через несколько месяцев, в феврале 1938 года, передал его подсудимому Функу.

Затем ОКВ, а именно штаб военной экономики, возглавляемый многократно упоминавшимся генералом Томасом, потребовал, чтобы генеральный уполномоченный по военной экономике в дальнейшем по всем вопросам, связанным со снабжением вооруженных сил во время войны, выполнял указания ОКВ. В другом письме (ЕС-270, США-240) штаб военной экономики ОКВ требует даже предоставления ему права давать указания генеральному уполномоченному по военной экономике почти во всех областях деятельности. Подсудимый Функ пытался тогда посредством переговоров с рейхсмаршалом Герингом в письме к имперскому министру Ламмерсу определить свое положение в качестве генерального уполномоченного по военной экономике и требовал, чтобы он в качестве генерального уполномоченного по экономике подчинялся непосредственно Гитлеру, а не был связан с указаниями ОКВ. Геринг и Ламмерс тогда согласились со взглядом Функа...

Следует отметить, что подсудимый Функ согласно закону об обороне империи от 4 сентября 1938 г. являлся не генеральным уполномоченным по военной экономнке, а генеральным уполномоченным по экономике. Здесь нет слова «военной» и в этом втором законе о защите империи было точно установлено, что Функ должен выполнять требования ОКВ. Таким образом, в конечном итоге ОКВ все же настояло на своем...

В материалах, предъявленных обвинением, нигде не указывается на то, что подсудимый Функ знал что-либо о политических и военных переговорах, совещаниях и подготовке, которые касались бы планирования войны и, в частности, агрессивной войны со стороны Германии. Функ никогда не привлекался к таким переговорам, в частности, он не присутствовал и на совещании у Геринга 14 октября 1938 г., о котором обстоятельно говорилось в обвинении...

Когда 25 августа 1939 г. Функ написал письмо Гитлеру, польские и германские армии уже стояли в полной боевой готовности друг против друга. Поэтому тогда он должен был действовать таким образом и не мог отказаться от каких-либо приготовлений...

Представленный обвинением документ ПС-3787 — это протокол второго заседания имперского совета обороны от 23 июня 1939 г. Оно происходило за 2 месяца до начала войны.

Функ участвовал в нем в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики. Однако весь протокол в целом не оставляет сомнения в том, что при этом речь шла вообще о теоретических полномочиях на случай какой-либо войны. Кроме того, при оценке протокола нельзя упускать из виду то, что во время войны, которая разразилась через четверть года, деятельность Функа в области распределения рабочей силы полностью перешла к управлению по четырехлетнему плану...

Об угрозе войны с Россией Функ узнал впервые в апреле 1941 года, когда Розенберг был назначен уполномоченным по единому разрешению проблем Восточной Европы. Подсудимый Функ получил тогда, как мы помним, некоторые разъяснения от Ламмерса и Розенберга. Они в общих чертах были изложены некоторыми свидетелями при допросе их в суде. В качестве причины указывалось то, что русские будут концентрировать вдоль всей границы много войск, что они вторглись в Бессарабию и что Молотов в своих беседах выдвинул требования в отношении Восточной Европы.

28 мая 1941 г. у Функа происходило совещание с Розенбергом (документ ПС-1031). На нем, как Вы, очевидно, помните, обсуждался вопрос, как должна быть урегулирована денежная проблема на Востоке, если будет война с Россией и если эти области будут оккупированы войсками.

Если на совещании с Розенбергом говорилось о том, правда, не подсудимым Функом, что нужно печатать рубли для удовлетворения необходнмой потребности в платежах, то Функу это предложение не казалось преступным и необычным...

Война началась уже через несколько недель после этого совещания. О том, что существует угроза войны с Россией, подсудимому Функу было известно. Однако то, что Германия давно готовится к войне, ему не было известно, так же как и то, что Германия будет нападать, то есть будет вести превентивную войну...

Функ ничего не знал о планах Гитлера в области внешней политики и о том, что Гитлер планирует какие-либо агрессивные войны. Правда Функ особенно летом 1939 года заблаговременно начал заниматься вопросом перевода мирного хозяйства на рельсы военного на случай войны...

С точки зрения уголовного права, существенным для рассмотрения дела Функа является не то, отдавал ли он со своей стороны распоряжения о такой подготовке, а то, знал ли Функ, что Гитлер планирует агрессивные войны и что Гитлер намеревается вести такие агрессивные войны, нарушая заключенные договоры и пренебрегая международным правом. Но Функ заявил под присягой, что он не знал и не предполагал этого. Постоянные уверения Гитлера о том, что он хочет сохранить мир, не позволяли ему, Функу, думать о такой возможности. Правда, мы сегодня знаем на основанин событий последующего времени и фактов, установленных процессом, что мирные заверения Гитлера, которые он давал даже в момент самоубийства, в действительности были не чем иным, как ложью и обманом. Однако Функ в то время рассматривал мирные заверения Гитлера как чистую правду. В то время ему и в голову не при-

ходила мысль о том, что Гитлер может обмануть его и весь немецкий народ. Напротив, Функ так же верил словам Гитлера и стал жертвой обмана, как и весь мир...

Функа считают также ответственным за применение принудительного труда иностранных рабочих по той причине, что он, начиная с осени 1943 года, был членом так называемого управления центрального планирования. 22 ноября 1943 г., то есть в разгар войны, он впервые участвовал в заседании этого учреждения... Функ вообще, и я хочу это особенно подчеркнуть, не занимался вопросами использования рабочей силы ни в качестве имперского министра экономики, ни в качестве президента рейхсбанка...

Теперь, господа судьи, я перехожу к предпоследнему разделу обвинения, а именно к деятельности Функа по исключению евреев из участия в хозяйственной жизни в ноябре — декабре 1938 года, что является третьим пунктом обвинения.

Господа судьи, в Германии никогда не утверждали, что Функ принадлежит к тем антисемитам-фанатикам, которые принимали участие в еврейских погромах или приветствовали эти погромы и извлекали из них личную пользу...

Для Функа трагичным является то, что, несмотря на все это, его имя на данном процессе неоднократно упоминалось в связи с распоряжениями от ноября 1938 года, на основании которых евреи были изгнаны из хозяйственной жизни. Независимо от его желания он, будучи министром экономики, должен был рассматривать вопросы, относящиеся к участию евреев в хозяйственной жизни Германии. Он, как чиновник, обязан был издавать необходимые распоряжения по выполнению этих мероприятий...

Функ был особенно удручен, когда 10 ноября 1938 г. в Берлине стал свидетелем ужасных опустошений в еврейских домах и магазинах и когда одно за другим стали поступать сообщения, которые вновь все время подтверждали, что Геббельс и его клика, используя возмущение народа по поводу убийства евреями немецкого дипломата в Париже, организовали такие еврейские погромы по всей Германии, которые привели не только к уничтожению еврейского имущества, но и к убийству большого числа евреев, и к преследованию многих тысяч ни в чем не повинных сограждан...

Мы не должны упускать из виду того, что при проведении всех этих мероприятий Функ действовал лишь в качестве министра экономики, то есть как чиновник, который давал лишь распоряжения, относящиеся к выполнению приказа, изданного по указанию Гитлера Герингом, как уполномоченным по четырехлетнему плану. При этом Функ действовал не по своей воле точно так же, как, например, имперский министр финансов граф Шверин фон Крозигк, который в тот же период должен был издать распоряжение относительно выполнения приказа об уплате евреями выкупа в миллиард рейхсмарок, или как имперский министр юстиции и имперский министр внутренних дел, которые также издавали аналогичные распоряжения в своей области.

Господа судьи, является ли служебный приказ начальника обстоятельством, исключающим ответственность для лиц, выполнявших их?

В связи с этим правовым вопросом я должен высказать следующие принципиальные соображения.

Естественное восприятие права подсказывает нам, что всякий гражданин государства, а также чиновник и даже солдат в том случае не может ссылаться в свое оправдание на выполнение им служебного приказа, если приказ предписывает совершение явно противозаконных действий, особенно преступления, и если подчиненный по существу дела и при учете всей совокупности обстоятельств сознает или должен сознавать, что служебный приказ начальства противоречит существующему правопорядку. Если имеется эта последняя предпосылка, то есть если приказ начальника явно противоречит существующему праву, то в таком случае правильно, если подчиненному не будет предоставлено право ссылаться в свое оправдание на служебный приказ начальника и утверждать, что он лишь выполнял его. В этом отношении данное положение Устава Трибунала, собственно говоря, не содержит в себе по существу ничего нового, а является подтверждением и дальнейшим развитием правовых принципов, которые, хотя и в различном объеме, уже нашли признание в уголовном праве большинства современных цивилизованных государств. Правда, при этом будет весьма уместна известная осторожность, ибо, с другой стороны, господа судьи, нельзя забывать, что повиновение приказам начальника, а не только закону, является основой любого государственного управления во всех странах и останется ею в дальнейшем для того, чтобы было обеспечено правильное функционирование государственного административного аппарата и что весьма опасным было бы предоставить на усмотрение самого чиновника вопрос о том, должен ли он соблюдать данную им присягу на верность.

Однако, господа судьи, в данном случае речь идет о другом. Здесь речь идет о повиновении граждан государства, и в особенности чиновника, которым был тогда Функ, закону государства, который согласно конституционным положениям данного госудврства издан правомерно...

Эти правовые вопросы должен разрешить сам суд. В свою защиту Функ может, однако, указать на тот факт, что именно ему в силу его мировоззрения и всего прошлого, безусловно, было очень трудно издавать распоряжения по проведению таких законов в жизнь, хотя он и думал, что при этом исполняет только свой долг как чиновник...

Если Функ во время допроса 22 октября 1945 г. заявил американскому офицеру: «Я виновен», то здесь совсем не следует выяснять, имел ли подсудимый в виду уголовную или лишь моральную вину, которую он усматривал в том, что остался на своем посту, который обязывал его проводить в жизнь законы, противоречащие его собственному мировоззрению...

Таким образом, господа судьи, сознание своей обязанности, с одной стороны, и человеческие чувства — с другой, были теми факторами, которые удерживали подсудимого на его

посту и поставили его в такое положение, которое сейчас ставится ему в вину как преступный образ действий.

Сейчас, господа судьи, я перехожу к последней главе, которая в моей защитительной речи носит название «Золотые вклады СС имперскому банку и концентрационные лагеря».

Действительно, особой трагедией в жизни подсудимого Функа было то, что он не только в 1938 году был принужден судьбой издавать распоряжения по проведению в жизнь законов, которые он внутренне осуждал и отрицал, как никто другой, но также и то, что в 1942 году он еще раз особенно ужасным образом оказался связан с преследованием евреев; я имею в виду вклады СС в имперском банке, то есть дело, по которому здесь был показан фильм, демонстрирующий стальные сейфы филиала имперского банка во Франкфурте, и были заслушаны два свидетеля: вице-президент Эмиль Пуль и советник имперского бвнка Альберт Томс.

По поводу этого дела подсудимый Функ был допрошен на предварительном следствии 4 июня 1945 г. Правда, тогда он ничего не мог сказать о подробностях и заявил, что этим делом он занимался всего несколько раз и непродолжительное время и не придал ему никакого значения. Это было также одной из причин, почему он первое время не мог подробнее припомнить обстоятельств данного дела... Во всяком случае, Функ должен был считаться с тем, что об этом будут говорить на процессе во время перекрестного допроса. Так и произошло: 7 мая 1946 г. об этом говорил представитель американского обвинения, причем он представил письменные показания свидетеля Эмиля Пуля, в которых, как известно, Пуль вначале обвинял подсудимого Функа...

Действительно, в свое время, как припомнил подсудимый после допроса Пуля, рейхсфюрер СС Гиммлер обратился к нему, Функу, однажды с вопросом, нельзя ли хранить в сейфах имперского банка ценности, конфискованные СС на Востоке?

На этот вопрос Гиммлера Функ ответил утвердительно и сказал, что Гиммлер может кому-либо поручить обсудить и урегулировать это дело с вице-президентом Пулем.

Гиммлер в то время заявил Функу, что это может сделать его группенфюрер Поль, который свяжется с вице-президентом Пулем. Мне кажется, что это было все, о чем Функ говорил в 1942 году с имперским руководителем СС Гиммлером и о чем он при случае сообщил своему вице-президенту Пулю, так как Пуль фактически вел дела имперского банка и этот вопрос входил в его компетенцию.

Существенным во всем деле является вопрос, знал ли или видел ли Функ, что среди поставляемых СС вещей в большом количестве, которое бросалось бы в глаза, находились также золотые опрввы очков, золотые зубы и тому подобные предметы, попавшие в руки СС не на основе законной конфискации, а преступным путем?

Функ не знал ни о размерах, которые постепенно принимали вклады СС, ни о том, что среди фонда имелись украшения, жемчуг и драгоценные камни, оправы от очков и золотые зубы... Он только один раз по просьбе вице-президента Пуля

обратился с вопросом к рейхсфюреру СС Гиммлеру — это была вторая беседа с Гиммлером — о том, могут ли быть реализованы ценности СС, хранившиеся в имперском банке, то есть реализованы в законном торговом порядке. Гиммлер разрешил это сделать, и Функ сообщил своему вице-президенту Пулю...

От многочисленного персонала имперского банка не скрывали того, о каких вещах здесь шла речь. Наоборот, личный персонал имперского банка получил от Пуля задание сортировать поступавшие драгоценные вещи и оценивать их в ломбарде; десятки чиновников имперского банка, регулярно ходившие в хранилище, могли видеть там отдельные вещи, а главная имперская касса, как обычно совершенно открыто, вместе с имперским министерством финансов оценивала золотые вещи.

Я прихожу к выводу: хотя имперский банк и производил расчеты по счетам империи, где фигурировали вещи, которые добывались преступными действиями СС, но Функ все же об этом ничего не знал, следовательно, не может быть за это привлечен к ответственности в уголовном порядке.

То же самое, господа судьи, относится к кредитам имперского банка, выдаваемым предприятиям СС.

Господа судьи! В этой связи кажется необходимым остановиться еще на вопросе о том, посещал ли когда-либо Функ концентрационные лагеря. Допрошенный здесь свидетель доктор Блаха заявил, что Функ в первой половине 1944 года один раз посетил Дахау. Визит имел место тотчас же после одного совещания с министром финансов, в котором участвовал Функ и которое происходило в Берхтесгадене или в другом местечке. Функ знал, что в Германии существовали концентрационные лагеря, так же как он знал о том, что в Германии имелись каторжные работы, тюрьмы и прочие учреждения исправительного характера.

Но ему не было известно о большом количестве подобных концентрационных лагерей и о громадном числе заключенных, доходившем до сотен и миллионов. Ему не были известны также совершаемые в лагерях и выявленные только на процессе многочисленные злодеяния. В частности, Функ узнал о существовании так называемых лагерей уничтожения, служивших для целей убийства миллионов евреев, только благодаря процессу.

Господа судьи! Таким образом, защита выразила свою точку зрения по данной части обвинения, которая в том случае, если она является правильной, тягчайшим и ужаснейшим образом падет на голову Функа. В одном пункте, по мнению подсудимого Функа, может быть расхождение во мнениях, а именно относительно ужасов в концлагерях, которые совершались там в течение ряда лет и особенно над евреями. Всякий, кто принимал участие в таких неслыханных злодеяниях, должен, по мнению германского народа, нести суровое наказание. Это является также точкой зрения подсудимого Функа, которую он выразил в ответе 6 мая 1946 г. американскому обвинению, когда заявил, что он, как человек и как немец, чувствует тягчайшую вину и глубокий стыд за то, что совершили немцы над миллионами несчастных людей.

Господа судьи! Итак, я заканчиваю рассмотрение дела Функа. Я коснулся всего, что касается уголовных моментов и что входит в задачи защиты на этом процессе...

Вашей задачей, как судей, будет вынесение справедливого приговора подсудимому Функу, приговора, который не заставил бы его искупать чужую вину, которую он не мог предотвратить и о которой даже не знал; приговора, который установил бы меру его виновности, не политической его виновности, а уголовной, что только и может быть предметом данного процесса; приговора, который имел бы значение не только сегодня, но был бы признан правильным в будущем, когда мы уже отдалимся на необходимое по времени расстояние от ужасных событий и когда бесстрастно рассмотрим все эти вещи как принадлежащие далекой истории; приговора, господа судьи, который удовлетворил бы не только представляемые вами народы, но и был воспринят как справедливый и мудрый всем германским народом в целом.

Выступление Р. ДИКСА, защитника подсудимого Гельмара Шахта

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 15 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Исключительный характер Шахта становится совершенно очевидным уже при одном взгляде на скамью подсудимых, на которой сидят Кальтенбруннер и Шахт. Какова бы ни была компетенция Кальтенбруннера, но он, во всяком случае, являлся начальником главного управления имперской безопасности. Шахт вплоть до мая 1945 года находился в заключении в различных концентрационных лагерях главного управления имперской безопасности. Это на редкость гротескная картина: главный тюремщик и его узник сидят на одной скамье подсудимых. Сама по себе эта необычная картина уже в начале судебного процесса должна была бы заставить призадуматься всех его участников: судей, обвинителей и защитников.

Установлено, что Шахт был заключен в концентрационный лагерь по приказу Гитлера. Ему предъявили обвинение в государственной измеие, измене гитлеровскому режиму. Он был бы осужден «народным судом» во главе с кровавым судьей Фрейслером, если бы, находясь в заключении, не перешел в ведение союзных держав-победительниц. Летом 1944 года на меня была возложена задача защищать Шахта перед «иародным судом» Адольфа Гитлера; летом 1945 года меня просили осуществить его защиту в Международном военном трибунале. Такое положение вещей само по себе в корне противоречиво. Оно также должио побудить всех участников процесса вдумчиво отнестись ко всему, что касается личности Шахта.

Путем подробного и тщательного представления доказательств перед Трибуналом была полностью раскрыта сущность «третьего рейха». В ней таилось многое. В пределах возможного была воспроизведена также и закулисная сторона. В пределах возможного! Это означает, что при всей его глубине исследование было ограничено рамками представления судебных доказательств, и хотя оно и производилось тщательно, все же в силу Устава должно было закончиться, по возможности, скорее. Чтобы понять, как выглядела Германия при Гитлере, многое должно быть воспринято Трибуналом интуитивно.

Невозможно когда-либо в будущем оценить гитлеровскую Германию с государственной точки зрения, опираясь при этом на понятия человека, обладающего правовой культурой.

Меня, как защитника подсудимого Шахта, не интересуют многие преступления, о которых может идти речь, потому что обвинение Шахта должно рассматриваться независимо от действий других, и только лишь исходя из оценки его собственных действий, которые не содержат в себе никакого преступления...

Шахт заявил здесь, что он чувствует себя жестоко обманутым Гитлером. Этим он признал ошибочность некоторых своих взглядов и действий. Обвинение оспаривает добрую волю Шахта и обвиняет его в том, что он умышленно и сознательно в качестве финансового агента Гитлера содействовал подготовке агрессивной войны, а поэтому, с точки зрения заговора, должен нести уголовную ответственность за все злодеяния и жестокость, которые были совершены другими в ходе войны. Обвинение не могло привести прямых доказательств этому утверждению. Оно попыталось сделать это, ссылаясь на отдельные, неправильно истолкованные и выхваченные из общего контекста высказывания Шахта. Затем обвинение ссылалось на свидетелей, которые не могли быть вызваны для допроса в суд, потому что один из них отсутствует, а другие умерли. Я напомнаю о письменных показаниях Мессерсмита и Фуллера и о записях в дневнике посла Додда...

Обвинение попыталось обосновать обвинение Шахта теми действиями, которые бесспорно установлены. Шахт был противником Версальского договора, утверждает обвинение. В действительности он был им. Этот факт сам по себе обвинение не вменяет ему в вину. Однако оно делает из него тот вывод, что Шахт хотел насильственным путем освободиться от обязательств этого договора. Шахт был сторонником колониальной политики, утверждает обвинение. Да, он действительно был сторонником колониальной политики. Это ему вменяется в вину. Однако отсюда делается вывод, что он стремился к захвату колоний силой и т.д. Шахт работал совместно с Гитлером в качестве президента рейхсбанка и министра экономики. Отсюда делается вывод, что он являлся носителем нацистской идеологии. Шахт являлся членом имперского совета обороны, следовательно, был сторонником агрессивной войны; содействовал финансированию вооружений в первый период, до начала 1938 года, следовательно, хотел войны. Шахт приветствовал присоединение Австрии, следовательно, был согласен с политикой насилия, применявшейся в отношении этой страны. Он

приветствовал «новый план» в области торговой политики, отсюда делается вывод, что хотел обеспечить поставку военного сырья. Шахт заботился об обеспечении жизненных потребностей избыточного населения Центральной Европы, следовательно, стремился к нападению на чужие страны и к уничтожению народов. Шахт неоднократно предупреждал мир о недопустимости проаедения политики подавления Германии и моральной диффамации ее, следовательно, Шахт угрожал войной. Поскольку не нашлось никакого письменного доказательства того факта, что Шахт аышел в отставку в результате его несогласия с политикой войны, делается вывод, что он вышел в отставку исключительно в результате своего соперничества с Герингом. Можно было бы бесконечно продолжать перечень неправильных выводов. Их кульминационной точкой является такое заключение: Гитлер никогда не пришел бы к власти, если бы не было Шахта; Гитлер никогда не смог бы осуществить вооружения Германии, если бы ему не помог Шахт...

Шахт в своих речах и письменных произведениях никогда не пропагандировал насилия или войны. Ему, как признанному специалисту в области экономической политики, более чем кому-либо другому, было ясно, что война никогда не может решить данный вопрос, даже если она будет выиграна. Во всех высказываниях Шахта неизменно выявляются его пацифистские воззрения, и, пожалуй, особенно четко они были выражены им на берлинском конгрессе Международной торгоаой палаты, когда Шахт в присутствии Гитлера, Геринга и других главарей этого режима сказал: «Поверьте мне, друзья мои, народы хотят жить, а не умирать».

Чтобы понять образ действий Шахта как сразу после прихода Гитлера к власти, так и позднее, когда он убедился в пагубных действиях последнего, необходимо иметь перед глазами ясную картину гибельного и чудодейственного влияния Гитлера и сущности его режима, так как оба эти момента составляют ту почву, на которой возникли действия Шахта и которой можно все объяснить...

К сожалению, Германия оказалась самым первым и, я надеюсь, последним примером создания режима тирании и деспотизма с помощью дьявольской демагогии. Не подлежит никакому сомнению, что гитлеровский режим представлял собой деспотию одного человека, прообразы которой можно найти лишь в Азии давно прошедших времен... Вот почему для правильного понимания событий необходимо дать оценку личности этого деспота, политического крысолова, гениального демагога, который, как Шахт с вполне понятным волнением говорил во время его допроса, обманул не только его, но весь германский народ, больше того — весь мир...

Адольф Гитлер... оставался полуобразованным, лишенным всякой духовности мелким буржуа, у которого, кроме того, отсутствовало всякое сознание права.

Шахт не мог понять тогда всего пагубного влияния, которое оказывали Гиммлер и Борман на Гитлера. Впрочем, этого никто не мог понять. Эта тройка культивировала все те преступления, которые составляют сейчас сущность обвинения, так

как для Гиммлера политика была равнозначна убийству, а его чисто биологическое восприятие человеческого общества усматривало в последнем конюшню для племенных лошадей, но ни коим образом не социально-этническое единство.

Мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы признать, что сотрудничество Шахта с Гитлером не может служить основанием для обвинения его. Из этого факта нельзя делать того вывода, что он соглашался с преступными действиями Гитлера и его режима.

Шахт не оказывал Гитлеру помощи в приходе его к власти. Гитлер был уже у власти, когда Шахт начал для него работать...

В то время, когда Шахт начал служить Гитлеру, он служил, по его мнению, не Гитлеру, а своей стране. Пусть это мнение было совершенно неправильным, а при учете личности Гитлера, как впоследствии оказалось, это мнение было абсолютно неправильным.

Шахт вступил на должность министра экономики лишь после 30 июня 1934 г. Весь ужас событий нам становится понятен только теперь... События 30 июня[1] *ни в коей мере не могли быть для Шахта основанием для того, чтобы с отвращением отвернуться от Гитлера, так же как они не помешали правительствам других стран поддерживать с Гитлером дипломатические отношения. То же самое относится к участию Шахта в так называемом совещании промышленников. Здесь я хотел бы только заметить (см. аффидевит Шницлера), что Шахт не руководил этим совещанием и не ведал фондами, предназначенными для национал-социалистской партии.*

Доктор Нельте подверг критике моральные качества свидетеля Гизевиуса и тем самым поставил под сомнение его показания, касающиеся участия Шахта в заговоре против Гитлера...

Шахт относится к тому небольшому числу людей, которые остались в живых после 20 июля[2]*. Как известно, и он должен был погибнуть во Флоссенбюрге, как погибли, я указываю, сотни тысяч жертв политического террора в государстве Гитлера.*

Я намеренно, в целях сокращения времени опускаю аргументы, которые Суд мог в подробностях слышать при допросе подсудимого, как, например, о неучастии Шахта в законодательстве, которое ослабило народ. Это законодательство было введено до его вступления в кабинет. Решающее событие в деле укрепления власти Гитлера — объединение в его лице должностей рейхспрезидента и рейхсканцлера — произошло также без его участия, следовательно, он не несет за это от-

---

[1] Имеется в виду путч Рема 30 июня 1934 г., при ликвидации которого Гитлер жестоко расправился не только с некоторыми из недовольных им штурмовиков: по его приказу было убито свыше тысячи человек, не имевших отношения к штурмовикам. — **Прим. сост.**

[2] Речь идет о покушении на Гитлера 20 июля 1944 г. Адвокат пытается создать впечатление, что Шахт тоже был причастен к заговору, имевшему целью убрать Гитлера. — **Прим. сост.**

ветственности. На основании этого закона армия присягала на верность Гитлеру. Рейхсканцлер получил не только полицейскую власть, как это было до сих пор, но и власть над армией.

В мои задачи не входит разбирать, на кого ляжет политическая ответственность за этот закон и вместе с тем историческая вина; во всяком случае, не на Шахта. Основные антиеврейские законы возникли прежде, чем Шахт стал министром. Позднейшими «нюрнбергскими законами» он был просто потрясен. Распоряжение об исключении евреев из германской экономической жизни от 12 ноября 1938 г. и распоряжение об использовании еврейского имущества от 3 декабря 1938 г. вышли после того, как он покинул пост министра экономики, и поэтому без его активного содействия. Закон о смертной казни за сокрытие валюты был направлен не специально против евреев. Он возник не по инициативе Шахта, а по инициативе министра финансов. Шахт не хотел, чтобы из-за таких законов произошел раскол, так как считал, что следует заняться решением более сложных задач...

По Уставу наказанию подлежит тот, кто желал войны и связанных с ней ужасов, если действия, которые ставятся ему в вину, совершены в целях осуществления общего плана или заговора. Такая правовая трактовка вопроса не исключает возможности осуждения Шахта за зверства в отношении евреев. При допросе Шахта судья Джексон неоднократно указывал на то, что подсудимому не вменяется в вину антисемитизм как таковой, его несогласие с Версальским договором, даже его высказывания по поводу так называемого жизненного пространства и высказывания о колониальных притязаниях, если это не связано с подготовкой войны.

Он обвиняется во всем этом постольку, поскольку своими действиями способствовал подготовке агрессивной войны. Поэтому при оценке доказательств я должен коснуться этих проблем. С еврейским вопросом, мне кажется, я закончил. В связи с так называемой проблемой жизненного пространства я, пожалуй, могу в целях экономии времени сослаться на то, что сказал Шахт при его допросе. Колониальная проблема была предметом перекрестного допроса. Своими вопросами господин Джексон стремился доказать, что без мирового господства или по меньшей мере подготовленного военным путем морского господства колониальная деятельность Германии была бы невозможна. Отсюда в ущерб подсудимому Шахту вытекало, что стремление к захвату колоний было логически обусловлено планированием агрессивной войны. Это неправильный вывод.

Ничем не доказано, что Шахт в своем стремлении к колониям ставил цель устранить всякое морское господство другого государства.

Теперь я перехожу к теме о вооружении, то есть к деятельности Шахта как президента имперского банка и имперского министра экономики до 1937 года, то есть до того момента, когда лояльный государственный слуга Гитлера сделался заговорщиком против него и вступил на темный путь хитрости и маскировки с целью подготовки покушения.

Обвинение расценивает нарушение Версальского, Локарнского и других договоров как косвенное доказательство, как косвенную улику подготовки агрессии. Это прежде всего вызывает вопрос, имели ли вообще место объективные нарушения договоров, а если да, то должны ли эти нарушения договоров имперским правительством в лице его членов, в том числе и Шахта, рассматриваться как улики, свидетельствующие о наличии агрессивных планов? Невозможно, да и нет необходимости в рамках защитительной речи исчерпать связанную со всеми этими вопросами проблематику, установить, имели ли в действительности место нарушения договоров. Мой коллега Хорн уже разбирал такой вопрос в своей защитительной речи.

Конечно, милитаризация Рейнской области, а также введение всеобщей воинской повинности, вооружение в таких размерах, как этого желал Шахт, присоединение Австрии к Германии, которого в принципе также желал Шахт, противоречат смыслу и тексту указанных договоров, в частности Версальского договора...

Нарушением договора Гитлером было занятие Рейнской области, которое произошло в марте 1936 года. Этот акт нарушал не только Версальский договор, но и Локарнский пакт, заключенный, без сомнения, совершенно добровольно. Буквально через 10 дней после занятия Рейнской области Шахт узнал о том, что после нарушения договора державы, участники Локарнского пакта, предъявили Совету Лиги Наций меморандум, в котором требовали ограничения германского войска в Рейнской области до 35 500 человек, уменьшения числа находящихся там эсэсовцев и членов СА, а также крепостей и аэродромов.

Разве этот меморандум не нужно рассматривать как нарушение договора? Третьим нарушением договора было возведение на острове Гельголанд, на которое участники договора обратили внимание и о котором Иден 29 июля 1936 г. в своей речи в Палате общин ограничился лишь вскользь сделанным замечанием, что не имеет, мол, смысла осложнять переговоры постановкой отдельных вопросов, подобных этому. Должен ли был германский министр Шахт занять другую, более резкую позицию? А как обстоит дело с террористическим аншлюсом Австрии в марте 1938 года, когда Шахт уже не был имперским министром экономики? Если бы именно этот акт послужил источником, из которого иностранные державы почерпнули уверенность в подготовке Гитлером агрессивной войны, то они не отказались бы от применения силы...

Если за границей могли надеяться поддерживать с Гитлером и в дальнейшем мирные отношения, то нужно оставить это право и за Шахтом...

Я хочу напомнить суду, что после отставки Шахта за оба отчетных года, 1938/39 и 1939/40, на вооружение было истрачено 31,5 миллиарда. Это значит, что и без Шахта на вооружение производились затраты, и гораздо большие, чем при нем...

Учреждением мефо-векселей он создал автоматический тормоз для выплаты денег на вооружение. Это мероприятие,

несколько смелое в финансово-техническом отношении, с юридической точки зрения было, однако, вполне терпимым.

Мефо-векселя служили финансированию вооружения, но тормозили дальнейшие траты на вооружение после срока наступления платежей, с 1 апреля 1939 г., потому, что империя была обязана их компенсировать. Предвидения Шахта оправдались. Увеличение занятости привело к такому повышению государственных доходов, что оплата мефо-векселей при наступлении срока, то есть через пять лет, стала бы нетрудной.

Кейтель показал, что в бюджетном году, начавшемся 1 апреля 1938 г., на вооружение было истрачено на 5 миллиардов марок больше, чем в предыдущем, несмотря на то, что 1 апреля 1938 г. кредиты со стороны имперского банка были закрыты.

Половины этих пяти миллиардов было бы достаточно для того, чтобы начать выплату по мефо-векселям с апреля 1939 бюджетного года, в связи с наступлением срока. Он ограничил срок оборота мефо-векселей с самого начала пятью годами. То, что Гитлер просто не будет платить по векселям и нарушит свое обещание, Шахту, конечно, не могло быть известно.

Меморандум имперского банка от ноября 1938 года повлек за собой отставку Шахта...

То обстоятельство, что он остался министром без портфеля, должно было помочь ему в получении информации о событиях, которыми интересовалась на пути достижения своих целей его заговорщическая группа больше, чем если бы он совсем отстранился от дел. Факт вооружения как таковой, таким образом, не может служить доказательством того, что Шахт сознательно принимал участие в подготовке агрессивной войны...

Отмечая тот факт, что Шахт был членом имперского правительства (до января 1938 года министром экономики, а затем до января 1943 года министром без портфеля), обвинение считает его, как и все имперское правительство, ответственным за военные нападения Гитлера, имевшие место в тот период времени. Эта аргументация действует убедительно на того, кто исходит из нормального понятия имперского правительства...

Имперский кабинет, который Гитлер называл «клубом пораженцев», в последний раз собрался в 1938 году и то лишь с целью выслушать сообщение Гитлера, а не для делового обсуждения вопросов и принятия решений. Гитлер умышленно скрывал от имперского кабинета политически важные дела. То же самое относится и к членам имперского совета обороны, который весной 1939 года Гитлер окончательно отстранил от дальнейшей подготовки к войне...

Если здесь один из подсудимых говорил о единстве германского народа во время второй мировой войны в противоположность первой, я должен возразить ему, так как едва ли когда-либо в своей истории германский народ был внутренне так расколот, как во время существования «третьей империи». Кажущееся единство было только спокойствием кладбища, вызванным террором. Отражением внутренней раздробленности

германского народа, державшейся только искусственно, втайне вследствие террора гестапо, были противоречия между отдельными высокопоставленными лицами, о которых мы здесь говорили. Чтобы дать несколько примеров, я упомяну о том, что здесь перед нами выступили противоречия между Гиммлером и Франком, Гиммлером и Кейтелем, Заукелем и Зельдте, Шелленбергом и Канарисом, Борманом и Ламмерсом, СА и СС, вооруженными силами и СС, СД и юстицией, Риббентропом и Нейратом и т.д. Даже в отношении идеологии партия была расколота на многочисленные группы, что выяснилось в начале слушания дела уже из показаний Геринга. Эти противоречия были принципиальными, и Гитлер не примирял их, а усугублял. Они были клавиатурой власти, на которой он играл. Министры не были ответственными руководителями, они были не чем иным, как профессионально обученными служащими, которые должны были выполнять указания. Если какой-нибудь министр, как, например, Шахт, не подчинялся этому, то дело доходило, как и у него, до конфликта и отставки. Поэтому в преступлениях Гитлера, которые он совершил, навязав своему собственному народу и человечеству агрессивную войну, не мог принимать участие ни один заговорщик, а только служившие Гитлеру его помощники...

При таком положении власти в «третьем рейхе» можно предположить, что было преступное соучастие или преступное пособничество, но не групповое уголовное преступление, каким является заговор. Вопрос о том, является ли каждый из подсудимых соучастником в совершенном Гитлером преступлении развязывания агрессивной войны, может быть рассмотрен и решен индивидуально в каждом отдельном случае.

Я рассмотрю его в этой плоскости только в отношении Шахта.

Даже при наличии объективного факта заговора в какой-либо части обвинения и даже при самой широкой трактовке понятия заговора заговорщик должен согласиться с планом заговора и с целью заговора хотя бы частично, в форме «dolus eventuelis».

Если судья Джексон во время перекрестного допроса предъявил Шахту фотографии и фильмы, которые с внешней стороны документируют связь его с Гитлером и его паладинами, то это могло произойти только потому, что он старался завуалировать свою неприязнь к Гитлеру. Поэтому мне необходимо будет коснуться вопроса о фотографиях и о такого рода аргументации.

Судья Джексон дополнил предъявление фотографий цитированием речей, из которых можно сделать вывод, что Шахт даже во время путча был предан Гитлеру. Это представление цитат можно рассматривать в той же плоскости. Я думаю, что такая аргументация является несостоятельной и не может устоять ни перед жизненным опытом, ни перед историей... Он, как заговорщик, должен был особенно маскироваться. Это должен был делать каждый, кто жил в Германии при таком режиме...

Шахт, уходя с должности министра экономики и с поста президента имперского банка, с января 1939 года по 1943 год оставался министром без портфеля. Шахт говорил о том, что это было условие, которое поставил перед ним Гитлер перед тем как он был снят с должности в министерстве экономики.

Для того чтобы его уволили с этой должности, необходима была подпись Гитлера как главы государства. И если бы Шахт не захотел остаться министром без портфеля, то совершенно очевидно рано или поздно был бы арестован как подозрительная личность в политическом отношении...

Он предстает перед Трибуналом, доверяя ему, как это он высказал в своем заявлении, посланном Трибуналу в начале процесса. Выдвинутые против него обвинения уголовного порядка он рассматривает с чувством полной уверенности в своей невиновности, и вправе делать это, ибо, кто бы ни был признан виновным и несущим уголовную ответственность за войну, зверства и бесчеловечность, которые были совершены во время ее, Шахт после установления обстоятельств дела может посылать слова проклятия виновникам.

Я ходатайствую о признании Шахта невиновным в предъявленных ему обвинениях и прошу оправдать его.

Выступление О. КРАНЦБЮЛЛЕРА, защитника подсудимого Карла Деница

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 15 и 16 июля 1946 г.

Господин председатель! Господа судьи! «Война — жестокая вещь. Она влечет за собой несправедливость и преступления».

Этими словами Плутарха Гуго Гроций начинает исследование вопроса об ответственности за военные преступления, и они также правдивы сегодня, как и две тысячи лет тому назад. Во все времена стороны, ведущие войну, совершали действия, которые были военными преступлениями или рассматривались как таковые противной стороной...

Если в сухопутной войне господствуют в известной степени твердые правила ведения военных действий, то в морской войне испокон веков воззрения участников в отношении международного прааа всегда сильно разнились...

На этом процессе выдвинуто обвинение против двух адмиралов за такое ведение морской войны, которое называется преступным.

Каковы же эти обвинения? Они делятся на две большие группы: незаконное потопление судов и намеренное убийство людей, оставшихся в живых после потопления судна.

Сначала я займусь обвинением относительно незаконного потопления судов.

В основу этого обвинения легли два доклада господина Роджера Аллена из британского министерства иностранных дел, относящиеся к осени 1940 года и весне 1941 года. В докладах одна пятая незаконных нападений приписывается подводным лодкам, а четыре пятых — минам, самолетам и надводным вооруженным силам. Четыре пятых обвинение отбрасывает, и эту сдержанность можно объяснить тем, что использование боевых средств британской стороной ничем не отличается от использования их германской стороной...

Доклады господина Роджера Аллена достигают своей кульминационной точки в утверждении, что германские подводные лодки, начиная с лета 1940 года, торпедировали все, что попадалось под их торпедные аппараты. Без сомнения, методы ведения подводной войны постепенно обострились под давлением ряда мероприятий, направленных против Германии. Однако эта война никогда не принимала формы дикой стрельбы, которая производилась бы только по соображениям целесообразности...

Юридической основой ведения подводной войны Германией в начале войны являлся Лондонский протокол 1936 года, все пункты его были дословно перенесены в статью 74 германских правил взятия призов, которые даже господин Роджер Аллен считает достаточно разумными и не лишенными человечности.

Проект правил о взятии призов в формулировке 1938 года был направлен двум существовавшим тогда подводным флотилиям и подводной школе и служил основой обучения командиров подводных лодок. Задержание и досмотр торговых судов рассматривались как тактические задачи. Чтобы облегчить командирам подводных лодок в войне против торговых судов быструю и правильную оценку юридического положения по отношению к судну и грузу противника и нейтрала, были сконструированы так называемые призовые диски, которые с помощью несложного приема дают указания, на какие статьи следует ссылаться в распорядке о взятии призов. В той степени, в какой для ведения подводной войны против торгового судоходства вообще были приняты какие-либо подготовительные меры, они основывались исключительно на германских правилах взятия призов и тем самым на Лондонском протоколе.

Этих юридических основ германское верховное командование действительно придерживалось в начале войны. В боевых директивах подводным лодкам от 3 сентября 1939 г. содержался ясный приказ о ведении подводной войны согласно правилам о взятии призов: потопление допустимо лишь после задержания и досмотра, а также в тех случаях, когда судно пыталось уйти или оказывало сопротивление. Поэтому верно то, что констатирует господин Роджер Аллен, что германские подводные лодки в первые недели войны строго придерживались Лондонского соглашения.

Почему это положение не осталось таким же и далее? Потому, что поведение противной стороны сделало невозможным применение таких методов с военной точки зрения и одновременно создало юридические предпосылки для их изменения...

Основной причиной было полное вооружение вражеского торгового флота. Уже 6 сентября 1939 г. одна немецкая подводная лодка подверглась артиллерийскому обстрелу с британского парохода «Манавр», и это послужило сигнальным выстрелом для начала крупных конфликтов, которые имели место между подлодками, с одной стороны, и вооруженными, оснащенными артиллерией и глубинными бомбами торговыми судами — с другой, как между равноценными военными противниками...

Все эти меры противника я иллюстрировал несколькими примерами, которые не хотел бы повторять. Они ясно показывают, что дальнейшие действия против торговых судов на основе правнл ведения войны были уже невозможны с военной точки зрения и означали самоубийство для подводной лодки. Несмотря на это, германское командование еще несколько недель не изменяло своих действий на основании правил о взятии призов. Лишь после того, как было установлено, что в отношении действий вражеских торговых судов, в частности в отношении использования оружия, речь идет не об отдельных случаях, а об общепринятых мерах, 4 октября 1939 г. был издан приказ о потоплении без предупреждения всех вооруженных торговых судов противника. Торговый корабль, будучи вооружен, не подпадает под защиту от потопления без предупреждения, которая признается за торговыми судами Лондонским соглашением.

Во время перекрестного допроса обвинение назвало подобное изложение Лондонского соглашения неверным. Оно в узкой дословной интерпретации считает потопление торгового судна допустимым лишь после того, как оно оказало активное сопротивление...

Специалисты по международному праву после Лондонского соглашения и подписания Лондонского протокола 1936 года рассматривают вопрос об обращении с вооруженным торговым судном в войне на море как вопрос неразрешенный. Здесь я хотел бы указать на один лишь источник, который пользуется высоким авторитетом, это проект соглашения о правах и обязанностях нейтральных держав в войне на море, опубликованный в июле 1939 года ведущими американскими профессорами международного права Джессупом, Борхардом и Чарльзом Уоренном с обоснованием, которое дает прекрасный обзор новейших мнений по этому вопросу. Статья 54 проекта дословно соответствует тексту Лондонского соглашения 1936 года с одним важным исключением: выражение «торговое судно» заменено выражением «невооруженное судно».

Приказы британского адмиралтейства частично содержатся в «секретных приказах по флоту», главным образом в «Руководстве по обороне торгового судоходства», изданном в 1938 году.

В них предписывается:

1) сообщать о подводных лодках с помощью радиотелеграфа;

2) использовать корабельную артиллерию;

3) использовать глубинные бомбы.

Эти директивы дополнены переданным в октябре 1939 года по радио приказом таранить все германские подводные лодки... В действительности во всех случаях торговое судно с самого начала войны имело приказ стрелять по любой подводной лодке, которая появлялась в сфере дальнобойности его орудий. Так действовали все капитаны британских торговых судов...

Большое значение, по-видимому, имела британская пропаганда в связи с потоплением по недоразумению немецкой подводной лодкой английского пассажирского судна «Атения», имевшим место 3 сентября 1939 г. Через агентство «Рейтер» 9 сентября был распространен слух о неограниченной подводной войне... Германский приказ о торпедировании без предупреждения вражеских вооруженных торговых судов был издан только 4 сентября. Таким образом, он был оправдан во всех отношениях, даже если хотят признавать различие в обращении с судами с оборонительным или наступательным оружием...

Еще большее значение и большую опасность для подводных лодок имел, однако, приказ немедленно сообщать тип и местоположение всякого замеченного вражеского судна... Если вспомнить, что в силу соглашения о госпитальных судах даже госпитальные суда теряют свой иммунитет, если они передают военные сведения подобного характера, то не может быть никакого сомнения в неизбежности последствий подобных действий для торгового судна. Тот, кто выходит в море с приказом и стремлением при всякой возможности передавать собственным военно-морским и воздушным силам военные сведения о противнике, принимает участие в течение всего рейса в военных действиях и согласно упомянутому докладу комитета юристов от 1930 года не может претендовать на то, чтобы его рассматривали как торговое судно...

17 октября 1939 г. был издан приказ атаковывать без предупреждения все вражеские торговые суда...

На пассажирские пароходы приказы, имевшие силу в отношении остальных судов, распространили лишь с начала 1940 года.

Теперь я перехожу к обращению с нейтральными судами в практике ведения германской подводной войны.

Для германских подводных лодок до последнего дня войны существовал принципиальный приказ не атаковывать опознанные нейтральные торговые суда. Из приказа существовали точно установленные исключения, о которых в нотах было сообщено нейтральным государствам. Они относились, во-первых, к судам, которые вели себя подозрительно или враждебно, и, во-вторых, к судам в запретных зонах операций.

К первой группе прежде всего относятся те суда, которые идут с погашенными огнями в зонах военных действий. 26 сентября 1939 г. командующий подводным флотом ходатайствовал перед главным командованием военно-морских сил о разрешении проводить атаки без предупреждения на затемненные суда в Канале. Военно-морской штаб удовлетворил ходатайство командующего подводными лодками...

24 ноября 1939 г. германское правительство направило всем нейтральным странам, имеющим торговый флот, ноту, в которой оно указало, что в водах вокруг Британских островов и вблизи Французского побережья оно не может больше гарантировать безопасности нейтрального судоходства, так как в условиях боевых действий с противником больше нельзя было считаться с нейтральным судоходством.

После разгрома Франции летом 1940 года Британские острова стали центром военных событий. 17 августа 1940 г. имперское правительство сообщило в ноте нейтральным правительствам о том, что весь район боевых действий вокруг Англии без всякого ограничения объявляется районом боевых операций.

Начиная с этого момента район использовался в полном объеме. Всем военно-морским и военно-воздушным силам разрешено было немедленно применять оружие против встреченных там судов, если не давался приказ об отдельных исключениях.

Председатель: *Вы утверждаете, что любая страна, находящаяся в состоянии войны, имеет право объявлять районом боевых действий ту зону, которую она считает подходящей и отвечающей ее интересам. Я спрашиваю Вас, зависит ли право объявления какой-нибудь зоны районом боевых операций, если вообще такое право существует, от возможности или способности страны, объявившей эту зону, укрепить ее для того, чтобы предотвратить вхождение судна, не захватывая и не подвергая его обстрелу?*

Кранцбюллер: *Господин председатель, в науке, мне кажется, еще нет единого мнения по этому вопросу. В отличие от области блокады в классическом смысле этого слова, когда необходима полная эффективность, район боевых операций предусматривает только эффективную угрозу ввиду происходящих там военных операций, и я считаю, что как раз эта эффективная угроза имела место в германском районе боевых действий.*

В этой связи я должен упомянуть также приказ от 18 июля 1941 г., которым суда США в районе операций приравнивались к судам всех других нейтральных стран, то есть на них разрешалось нападать без предупреждения...

Я постарался показать Трибуналу наиболее важные приказы и сказать кое-что об их юридическом обосновании. Без сомнения, имели место случаи, когда атаке подвергались суда, которые согласно названным приказам нельзя было атаковывать. Однако таких случаев немного, и о некоторых из них говорили здесь, на процессе. Самый известный случай — это потопление английского пассажирского парохода «Атения» 3 сентября 1939 г. подводной лодкой «У-30», командиром которой

был капитан-лейтенант Лемп. Потопление объясняется тем, что командир подводной лодки принял его ошибочно за вспомогательный крейсер...

Командующий подводным флотом приказал изъять из судового журнала подлодки «У-30» запись о потоплении «Атении» и дополнить его таким образом, чтобы изъятые записи не бросались в глаза.

Как видел Трибунал, приказ был выполнен не очень хорошо, по-видимому, потому, что офицер, который занимался этим, не имел практики.

Обвинение представило факт изменения судового журнала как особо преступный акт подлога...

Я не занимался здесь вопросом о том, кто из обвиняемых адмиралов в большей или меньшей степени несет за то или иное действие ответственность. Формально почти во всех случаях имелись приказы фюрера. Однако оба адмирала заявили, что полностью берут на себя ответственность за все приказы в связи с морской войной, которые они отдали или передали...

Я перехожу ко второму основному разделу обвинения — преднамеренному убийству экипажей потопленных судов. Это обвинение направлено только против адмирала Деница, а не против адмирала Редера.

Юридические принципы обращения с оставшимися в живых после потопления судов, на которые распространяется Лондонское соглашение 1936 года, указаны в самом протоколе. В нем говорится, что до потопления следует обеспечить спасение его экипажа и пассажиров.

В отношении всех судов, на которые не распространяется Лондонский протокол, их потопление рассматривается как военные действия. Юридическими принципами для обращения с оставшимися в живых является в этих случаях Гаагская конвенция относительно применения положений Женевской конвенции к морской войне от 18 октября 1907 г., хотя она не была ратифицирована Великобританией.

Согласно этой Конвенции после каждого боя обе стороны должны принять соответствующие меры для розыска оставшихся в живых, насколько это допускают военные цели. Немецкие подводные лодки придерживались также принципа оказания помощи экипажу тех судов, которые были потоплены без предупреждения, если:

1) подводная лодка не подвергалась опасности и

2) не наносилось ущерба выполнению поставленной ей военной задачи...

Основной приказ о действиях подводных лодок был издан штабом военно-морского командования 4 октября 1939 г. Он предусматривал спасение экипажей потопленных судов, если для этого предоставлялась возможность с военной точки зрения. Данные мероприятия на время были ограничены приказом за номером 154, изданным в декабре 1939 года, касавшимся тех немногих подводных лодок, которые тогда оперировали непосредственно у Английского побережья... Когда по окончании норвежского похода действия подводных лодок постепен-

но переместились в свободную часть Атлантического океана, этот приказ потерял свое значение и осенью 1940 года был отменен.

В последующее время немецкие командиры предпринимали спасательные мероприятия, если они могли оправдать это в военном отношении...

Такое положение изменилось в результате приказа от 17 сентября 1942 г., которым адмирал Дениц категорически запретил спасательные меры. Приказ гласил:

«Не должно предприниматься никвких попыток к спасению членов экипажей потопленных судов. Спасение противоречит элементарнейшим требованиям ведения войны на уничтожение вражеских кораблей и экипажей».

Обвинение оспаривает, что здесь речь действительно идет о запрещении спасательных мер. Оно рассматривает приказ как завуалированный приказ к умерщвлению утопающих, и в мировой прессе этот приказ истолковывался как призывающий к убийствам...

Каким же образом обвинение пришло к заключению, что данный приказ является «приказом об убийствах»?...

Его исходным пунктом является разговор между Гитлером и японским послом Осима в январе 1942 года, во время которого Гитлер высказался о перспективе издания приказа подводному флоту об умерщвлении оставшихся в живых членов экипажей потопленных кораблей. Это сообщение, заключает обвинение, Гитлер, вне всякого сомнения, реализовал, а адмирал Дениц провел в жизнь своим приказом о «Лаконии».

В действительности, фюрер в связи с докладом по вопросам подводного флота, который должны были сделать ему оба адмирала в мае 1942 года, сам проявил инициативу в вопросе о применении активных мер против экипажей потопленных судов, то есть их расстреле...

Затем обвинение приводило приказ о нападении на так называемые спасательные суда как доказательство того, что существовало намерение уничтожать людей, оставшихся в живых после потопления судна. Но таким лицом является только тот, кто находится в воде или в спасательной лодке...

Капитан 3-го ранга Меле некоторым командирам подводных лодок намекнул, что приказ о «Лаконии» требует или, по крайней мере, одобряет уничтожение людей, оставшихся в живых после потопления судна...

Мне кажется, что на этом процессе не было выяснено, как, собственно, Меле пришел к такому истолкованию приказа. Он утверждает, что капитан 3-го ранга Купиш рассказал ему в штабе командования подводным флотом историю подводной лодки «У-386», командир которой по возвращении с боевой операции в штабе командования подводных лодок получил порицание за то, что не расстрелял находившихся в надувной резиновой лодке летчиков. Этот рассказ Меле не соответствует действительности. На основвнии дневника военных действий и с помощью свидетелей доквзано, что командиру

подводной лодки «У-386» сделано порицание за то, что он не взял летчиков на борт и не доставил их на базу...

Насколько мне известно, в этой войне с германской стороны имел место лишь один случай расстрела оставшихся в живых, а именно случай с капитан-лейтенантом Экком...

Он не хотел уничтожать людей, а хотел устранить обломки и плоты, обнаружение которых могло дать основание летчикам союзников заключить, что в этой части моря находятся германские подводные лодки. За такие действия Экк вместе с двумя своими офицерами был приговорен к смерти...

Военно-морское командование заявило ставке фюрера о том, что оно отказывается применять репрессалии в виде уничтожения оставшихся в живых членов команд судов противника.

Я должен разобрать другие пункты обаинения против гросс-адмирала Деница, не имеющие отношения к морской войне.

Прежде всего речь идет об обвинении в подготовке агрессивных войн. Известно, насколько большое сопротивление вызвало именно это обвинение в среде профессиональных офицеров, пожалуй, всех союзных стран. Отвечая на подобные нападки со стороны общественности, судья Джексон следующим образом сформулировал мысли обвинения по этому пункту на пресс-конференции 4 декабря 1945 г.:

«Я объяснил, что мы преследуем этих милитаристов не потому, что они служили своей стране, а потому, что они господствовали в ней и привели ее к войне; не потому, что они вели войну, а потому, что они привели к войне».

К началу войны Дениц был сравнительно молодым командующим, его единственная задача состояла в обучении и руководстве подводными лодками, он не принадлежал к генеральному штабу в том смысле, как это имеет в виду обвинение, и не принимал участия ни в одном из совещаний, записи о которых были представлены здесь в качестве доказательств о наличий агрессивных намерений.

Когда адмирал Дениц 1 февраля 1943 г. был назначен главнокомандующим военно-морскими силами, война для Германии перешла в стадию обороны, более того, опасных неудач и поражений на всех фронтах. Этот факт может иметь значение для вопроса об участии в так называемом заговоре. Обаинению не совсем ясно, с какого именно момента оно хочет приписать подсудимому Деницу участие в заговоре...

Адмирал Дениц познакомился с фюрером лишь осенью 1943 года, во время доклада о военных делах, а в последующие годы имел с ним короткие беседы всего 8 раз, всегда о военных вопросах и никогда с глазу на глаз. Так как подсудимый, кроме того, не принадлежал ни к одной организации, которая обвиняется в заговоре, я не вижу никакой связи Деница с этим заговором до 1 февраля 1943 г. ... Вследствие назначения на пост главнокомандующего военно-морскими силеми он стал членом имперского правительства. Основой этого утверждения служит распоряжение, согласно которому главнокомандующие сухопутными и военно-морскими силами получали

ранг имперского министра и по распоряжению Гитлера должны были принимать участие в заседаниях кабинета.

Ясно, что лицо, лишь получившее ранг имперского министра, не является в действительности имперским министром. Оно не является также членом кабинета, если может принимать участие в его заседаниях лишь на основании особого распоряжения...

Гросс-адмирал всегда участвовал в обсуждении обстановки у фюрера, если находился в его ставке. О всех встречах и совещаниях главнокомандующего его сопровождающие вели записи, которые находятся в руках обвинения. Но оно не представило ни одной записи, согласно которой главнокомандующий военно-морскими силами принимал бы участие в докладе или в решении политического вопроса, и можно, пожалуй, полагать, что подобных записей вообще не существует. Но тем самым подтверждаются показания свидетелей о том, что обсуждение обстановки у фюрера не имеет ничего общего с заседанием правительства и что оно было исключительно инструментом военного руководства.

Таким образом, ни в коем случае не существует общей ответственности гросс-адмирала за все происшествия и события с 1943 года, которые были охарактеризованы на процессе как преступные...

Деницу ставятся в вину только такие дела, в отношении которых он принимал непосредственное участие.

Это относится прежде всего к приказу фюрера об уничтожении диверсионных отрядов от 18 декабря 1942 г. ... Дениц, как он сам признал это, читал его осенью 1942 года, будучи командующим подводным флотом... Приказ о том, чтобы не давать этим людям пощады и в определенных случаях передаать их СД, сам по себе нарушает обычаи войны, это признает всякий высший офицер.

Обвинение полагает, что адмирал Дениц через несколько месяцев после того, как стал главнокомандующим военно-морскими силами, должен был и имел возможность осведомиться о причинах издания приказа о диверсантах.

Здесь я должен сказать, что приказы о военных мероприятиях на суше издавались без сотрудничества штаба военно-морского командования и об их исполнении в штабе военно-морских сил не докладывалось.

Такой порядок издания приказов о территориальных задачах объясняет также полную неосведомленность Деница и его сотрудников в штабе военно-морских сил о передаче экипажа норвежского торпедного катера МБТ-345 службе безопасности после его взятия в плен частями адмирала фон Шрадера. Как следует из протоколов суда над военными преступниками в Осло, штаб военно-морских сил получил лишь сообщение о бое и о захвате торпедного катера и о количестве пленных. Во всех остальных вопросах согласно приказу о коммандос адмирал фон Шрадер договаривался с командующим в Норвегии. Решение о судьбе экипажа было прислано из главной ставки фюрера на запрос гаулейтера Тербовена...

Вторую попытку обвинения установить участие в заговоре для совершения военных преступлений я вижу в представленном протоколе допроса адмирала Вагнера по вопросу о выходе из Женевской конвенции в начале 1945 года. Подробности становятся ясными без свидетельских показаний Вагнера. Согласно этим показаниям при обсуждении положения 17 февраля Гитлер указал на то, что вражеская пропаганда о хорошем обращении союзников с военнопленными явно производит впечатление на находящиеся на Западе войска, и было доложено о большом количестве перебежчиков. Он приказал рассмотреть вопрос о выходе из Женевской конвенции. Таким путем он стремился убедить собственных солдат в том, что они больше не могут рассчитывать на хорошее обращение с ними как с военнопленными и подорвать действие вражеской пропаганды. Через два дня Гитлер снова вернулся к этой мысли, но теперь на переднем плане стояло другое обоснование. Он охарактеризовал ведение войны противником на Востоке и воздушные налеты на немецкое гражданское население как полный отказ противника от соблюдения международного права и теперь, со своей стороны, хотел путем отказа от Женевской конвенции освободиться от всяких обязательств. Он вновь запросил вооруженные силы об их мнении и при этом обратился прямо к гросс-адмиралу Деницу. Дениц не дал никакого ответа. Позиция военного руководства в данном вопросе была недвусмысленно отрицательной. Перед обсуждением положения на следующий день имела место 10-минутная беседа между Деницем, генерал-полковником Иодлем и послом Гевелем, во время которой Дениц сообщил о своем отрицательном отношении. Судя по заметке адмирала Вагнера, он сказал:

«Лучше принять необходимые меры без всякого о том оповещения и сохранить для внешнего мира, на всякий случай, прежнюю мину».

Обвинение видит в этом готовность и желание выдать сотни тысяч союзных военнопленных на произвольное убийство.

Сам адмирал Дениц не помнит такой фразы. Это и неудивительно, так как речь идет не о протоколе, а о резюме довольно длительного разговора в четырех фразах, которые были сформулированы лишь на следующий день после разговора и написаны адмиралом Вагнером...

Адмирал Дениц не одобрял отказа от Женевской конвенции, и Гитлер вследствие очевидного отрицательного отношения всех военных руководителей вообще не настаивал на этой мысли...

Переходя теперь к заговору для совершения преступлений против человечности, я хотел бы сперва указать на то, что против подсудимого Деница согласно пункту 4 обвинения не выдвигается обвинение в непосредственном совершении преступлений против человечности. В индивидуальном обвинении также ничего не говорится об участии в заговоре для совершения преступлений против человечности... Несмотря на это, обвинение представило некоторые документы, которые внешне

должны обосновать его совместную ответственность за известные преступления против человечности.

Передача предложения министерства вооружения об использовании на верфях 12 тысяч человек из концентрационных лагерей в качестве рабочих является для обвинения доказательством того, что адмирал Дениц знал и одобрял арест невиновных, жестокое обращение с ними и их умерщвление в концентрационных лагерях.

Фактически он знал, конечно, что существуют концлагеря и что в лагерях, кроме уголовных преступников, содержатся политические заключенные... но это не может быть вменено ему в вину. Главнокомандующему военно-морскими силами, а также его сотрудникам, как и подавляющей части немецкого народа, не было известно о совершаемых в концентрационных лагерях истязаниях и убийствах...

В заключение обвинение установило связи также с еврейским вопросом с помощью одного высказывания, в котором Дениц говорил о «медленно действующем яде еврейства». Относительно этого я констатирую:

План уничтожения еврейства не был известен Деницу, как не было известно и выполнение его. Ему было известно о переселении проживавших в Германии евреев в генерал-губернаторство...

Дениц никогда не отождествлял себя с партией и поэтому не может, конечно, привлекаться к ответственности за ее идеологические стремления или даже эксцессы...

Я ни в коем случае не хочу создать впечатление, что адмирал Дениц не был национал-социалистом.

Напротив. Я как раз на его примере хочу показать неправильность тезиса, что каждый национал-социалист как таковой должен быть преступником. Этот Трибунал является единственной инстанцией, в которой авторитетные деятели главных союзных держав подробно и непосредственно занимаются немецким прошлым последних 12 лет. Он является единственной надеждой очень многих немцев для устранения роковой ошибки и, таким образом, открывает путь к политическому оздоровлению.

Сознание ответственности побудило Деница после вступления его на пост главы государства 1 мая 1945 г. прекратить военные действия на Западе, а на Востоке задержать еще на несколько дней капитуляцию.

Возвращаясь к исходному пункту обвинения, следует сказать, что Дениц ничего не сделал для того, чтобы начать войну, и сделал решающий шаг для того, чтобы ее окончить.

В начале своей речи я указал на те сомнения, которые данный процесс над военными преступниками пробуждает в груди юриста. Они возникают у каждого, кто разделяет ответственность за такой процесс...

Да будет приговор этого Трибунала представлен суду истории!

Выступление В. ЗИМЕРСА, защитника подсудимого Эриха Редера

*Стенограмма заседаний
Международного военного трибунала
от 16 и 17 июля 1946 г.*

Высокий Суд! В своей защитительной речи по делу подсудимого гросс-адмирала доктора Редера при изложении материала я хочу придерживаться той же последовательности, что и в своих книгах документов и при предъявлении доказательств. Я полагаю, что это облегчит рассмотрение дела в целом.

Редер, которому недавно исполнилось 70 лет, с 18 лет, то есть примерно в течение полувека и притом в период, богатый событиями, был солдатом и только солдатом душой и телом. Хотя он всегда знал только свой солдатский долг, обвинение на этом большом процессе против национал-социализма обвиняет его не только как солдата — командующего германским военно-морским флотом, но и как политического деятеля, как политического заговорщика и члена правительства, хотя все три функции в действительности ему свойственны не были. Поэтому передо мной стоит своеобразная задача: защищать Редера как политического деятеля, хотя, как я покажу, его жизненный принцип состоял в том, чтобы быть совершенно аполитичным офицером и руководить офицерским корпусом и военно-морским флотом, которые также должны были оставаться совершенно аполитичными.

Если я предпошлю эти соображения, то станет ясно, почему Редер, как показывает его допрос, отчужденно и удивленно встретил обвинения.

Само собой разумеется, я остановлюсь также и на военных преступлениях, за исключением тех, которые касаются ведения подводной войны, на которых уже остановился доктор Кранцбюллер также и по делу Редера. Обвинение о нарушении Версальского договора включается в заговор, поэтому я коснусь его.

Редер прямо признал, что нарушения договора имели место. Однако небольшой масштаб этих нарушений свидетельствует о том, что они не могли быть связаны с планами ведения агрессивных войн. Кроме того, я хотел бы добавить, что с юридической точки зрения нарушение договора не может рассматриваться как преступление. Согласно аргументации обвинения наказуемое действие имеется налицо только в том случае, если нарушение было сделано с преступными намерениями, то есть было направлено вопреки пакту Бриана — Келлога на ведение агрессивной войны.

Несколько иначе обстоит дело с обвинением германского военно-морского флота в строительстве подводных лодок в Голландии. При этом обвинение опиралось на документ за номером С-156, книгу капитана 1-го ранга Шустлера «Борьба военно-морского флота против Версаля», а также на высказы-

вания историка военно-морского флота адмирала Ассмана в его записках (документ Д-854).

Документы доказывают, что германский военно-морской флот участвовал в работе конструкторского бюро по строительству подводных лодок в Голландии, а именно в фирме «Н.Ф. Инженерскантор фон Шифсбау». Участие относится еще к периоду, когда военно-морской флот не находился под руководством Редера. Суд вспомнит, что Редер был назначен начальником главного морского штаба только 1 октября 1928 г., в то время как участие в работе голландского конструкторского бюро относится к 1923 году и последующему периоду... Участие в деятельности иностранного конструкторского бюро не было запрещено, и не в этом состоял смысл Версальского договора. Решающим было то, что Германия не создавала своего подводного флота.

Сконструированные голландской фирмой и построенные за границей подводные лодки были и использованы за границей, а именно в Турции и Финляндии...

Нарушения договора в период с 1933 года до германо-английского морского соглашения от 1935 года дают также аналогичную фактическую и юридическую картину... В марте 1935 года, то есть за несколько месяцев до заключения морского соглашения, было начато планирование строительства линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау» с водоизмещением в 27 тысяч тонн каждый, хотя формально в тот период и в течение последующих месяцев еще действовало положение Версальского договора, предусматривавшее возможность иметь военные корабли водоизмещением в 10 тысяч тонн, в противоположность морскому соглашению 1935 года, предусматривавшему водоизмещение линкора в 35 тысяч тонн.

При этом я прошу учесть, что Германия в марте 1935 года уже могла рассчитывать на то, что в скором времени будет заключено германо-английское соглашение и что время между планированием строительства линкора и спуском его на воду исчисляется не месяцами, а годами.

В действительности «Шарнхорст» и «Гнейзенау» вступили в строй только через 3—4 года после заключения морского соглашения, а именно в 1938—1939 гг. 17 июня 1937 г. было заключено новое соглашение о морских вооружениях... Обвинение в доказательство того, что военно-морской флот снова нарушил морское соглашение в агрессивных целях, приводит следующие факты.

В соглашении от 1937 года оба договаривавшихся правительства дали обязательство взаимно обмениваться информацией и в течение первых четырех месяцев каждого календарного года сообщать в деталях о программе строительства. Согласно документу за номером С-23 военно-морской флот нарушил это обязательство в том отношении, что уменьшил сведения относительно водоизмещения и осадки обоих линкоров, строившихся в то время — в начале 1938 года «Бисмарка» и «Тирпица», а именно: указал водоизмещение каждого 35 тысяч тонн вместо 41 700 тонн. Факт этого нарушения договора Редер признал...

31 марта 1938 г., то есть 6 недель спустя после даты, обозначенной в документе за номером С-23, Англия со своей стороны предложила увеличить тоннаж линкоров. Соглашение об этом было подписано обеими странами 30 июня 1938 г.

Второе обвинение предъявлено представителями американского обвинения во время перекрестного допроса. Оно основано на записках адмирала Ассмана для своего исторического труда, где он говорит о том, что Германия в области строительства подводных лодок меньше всего придерживалась границ германо-английского морского соглашения: до 1938 года могло быть предусмотрено строительство 55 подводных лодок; в действительности же было построено и находилось в стадии строительства 118. Это утверждение Ассмана является неправильным. В действительности Германия в области строительства подводных лодок строго придерживалась положений германо-английского морского соглашения. В морском соглашении от 1935 года Германия, несмотря на заверения в равноправии, ограничилась 45 процентами английского тоннажа; но за ней было оставлено право повысить тоннаж с помощью дружественного соглашения с Англией в любое время.

В декабре 1938 года между британским адмиралом лордом Кэнингхемом и гросс-адмиралом Редером состоялись соответствующие переговоры, во время которых правительство Его Величества одобрило увеличение до 100 процентов...

В заключение я хотел бы сказать, что упомянутое Ассманом число — 55 подводных лодок — соответствует 45 процентам, а число 118 подводных лодок соответствует 100 процентам.

Сейчас я перехожу к обвинению против Редера в том, что он якобы принимал участие в заговоре для ведения агрессивных войн и что он, в частности, поддерживал Гитлера и национал-социализм, несмотря на то, что должен был знать, что Гитлер с самого начала намеревался вести агрессивные войны...

Редер до 1933 года не имел ничего общего с национал-социализмом и не знал ни Гитлера, ни работников его партии. Он познакомился с Гитлером 2 февраля 1933 г., когда в числе других командующих был представлен Гитлеру бароном фон Гаммерштейном. Для Редера как начальника военно-морского штаба существовал лишь один начальник, а именно рейхспрезидент Гинденбург, который согласно конституции и воинскому закону был верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами. Гинденбург как рейхспрезидент назначил Гитлера рейхсканцлером, и вследствие этого непроизвольно между Гитлером и вооруженными силами установилась связь...

Обвинение вменяет Редеру в вину то, что он был осведомлен о многих политических решениях и в качестве главнокомандующего военно-морским флотом проводил стратегическое планирование и подготовку в связи с политическими мероприятиями. Речь идет о выходе Германии из Лиги Наций 14 октября 1933 г., о милитаризации Рейнской области 7 марта 1936 г., об аншлюсе Австрии в марте 1938 года, о включении Судетской области в состав империи осенью 1938 года и о создании протектората Богемия и Моравия в марте 1939 года...

Для всех решений общим было то, что Редер в политическом отношении не содействовал принятию ни одного из них. Редера никогда предварительно не спрашивали, и он в качестве главнокомандующего военно-морским флотом не обладал правом содействовать принятию подобных решений. Редер не делал ничего, кроме того, что он в соответствии с этими решениями отдавал те распоряжения, которые необходимо было отдать с военной точки зрения на случай, если бы возникли военные осложнения.

Если обвинение в случае с Австрией и с созданием протектората Богемия и Моравия, действуя объективно, безусловно правильно указывает, что Гитлер применил весьма сомнительные и, может быть, даже преступные средства, то это для главнокомандующего военно-морским флотом не имеет никакого значения, так как установлено, что он не был осведомлен об этих действиях, не говоря уже о примененных средствах...

Правильно, что Редер принадлежал к созданному в феврале 1938 года тайному совету министров. Правильно и то, что тайный совет министров представлял собой чистый фарс, поэтому излишне обсуждать данный пункт, которому обвинение придавало сначала такое большое значение...

Из представленного обвинением документа ПС-2098 следует, что главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич и главнокомандующий военно-морским флотом Редер, цитирую, «приравниваются в ранге к имперским министрам». Тем самым доказано, что Редер не являлся министром, а лишь только по соображениям этикета приравнивался в ранге к имперским министрам.

Точно так же и принадлежность к имперскому совету обороны нельзя рассматривать на основании документа ПС-2194 как отягчающее обстоятельство. Как следует из текста, речь идет лишь о мероприятиях по подготовке обороны империи, там не говорится ни о политической деятельности, ни о деятельности, которая имела бы что-либо общее с агрессивными войнами.

В качестве последнего отдельного момента в этой связи я хочу указать на то обстоятельство, что утверждение обвинения о том, что Редер являлся членом партии, оказалось необоснованным. Правда, Редер получил от Гитлера золотой почетный значок члена партии, но это означало не что иное, как награждение орденом, и не могло означать ничего другого...

Редер не мог предполагать и знать, что Гитлер и в последнее время, и перед началом войны говорил ему не то, что думал и делал...

В подтверждение обвинения в участии Редера в заговоре представлено много документов, которые могут свидетельствовать о том, что Редер знал об агрессивных планах Гитлера. Правда, имеется много правительственных документов, из которых видно, что военно-морской штаб или Редер получили их по одному экземпляру, но действительно уличающими Редера из всех этих документов могут быть признаны лишь 4 документа, которые охарактеризованы обвинением в силу их значимости как ключевые документы. В данном случае имеются в виду

четыре речи Гитлера перед главнокомандующими: от 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г.

Обвинение утверждает, что из них вытекает факт участия в заговоре и что из речей совершенно ясно видно, что Гитлер готовился к ведению агрессивных войн...

Без сомнения, эти ключевые документы имеют важное значение для последующей исторической констатации того, какие мысли руководили Гитлером... Подкупает мысль, что содержание документов отражает действительные события, поскольку там речь идет о высказываниях, имевших место в узком круге лиц, перед которыми Гитлер, естественно, шире раскрывал свои намерения, чем в публичных речах. Я признаю ценность этих документов, но мне кажется, что обвинение сильно переоценивает их значение... Они не дают нам ключа для раскрытия истинных планов Гитлера, не дают никаких масштабов для определения выводов, которые должны были, по мнению обвинения, сделать из них присутствовавшие на совещаниях.

Для меня совершенно ясно, что поведение Гитлера в период после Мюнхенского соглашения до начала войны с Польшей дает основание для тягчайших обвинений, и это является решающим для дела Редера, но не как военного, а как политического руководителя. Мы знаем, что Гитлер и сам признал это, а потому решил избегнуть ответственности путем самоубийства, нисколько не заботясь в годы войны и особенно в конце ее о жизни и благе немецкого народа...

Я рассматривал события довоенного времени. Теперь перехожу к событиям, имевшим место во время войны.

Когда, несмотря ни на что, война с Англией все же началась 3 сентября 1939 г., в первый же день произошел прискорбный случай: потопление "Атении"», на основании которого строится тяжкое моральное обвинение против Редера, причем не столько на основании чисто военного значения этого события, то есть потопления, о котором уже говорил мой коллега' доктор Кранцбюллер, сколько на основании статьи в «Фелькишер беобахтер» от 23 октября 1939 г. под заголовком «Черчилль потопил "Атению"». Если обстоятельства дела, изложенные обвинением, соответствовали бы действительности, то упреки морального порядка, которые делаются Редеру и военно-морскому флоту, являлись бы обоснованными...

На основании показаний Редера, Шульте-Ментинга, Вейцзеккера и Фриче, а также на основании документов установлено следующее:

1. В начале сентября 1939 года Редер был твердо убежден в том, что потопление произведено не немецкой подводной лодкой, потому что из сообщений было видно, что ближайшая немецкая подводная лодка находилась от места потопления на расстоянии не менее 75 морских миль.

2. В соответствии с этим Редер, как видно из документа Д-912, опубликовал и дал соответствующие объяснения американскому военно-морскому атташе и статс-секретарю барону Вейцзеккеру.

3. Редер узнал о том, что это было неправдой, лишь после возвращения подводной лодки «У-30», то есть 27 сентября 1939 г.

4. Гитлер... настоял на том, чтобы о действительном положении вещей не знали другие германские или иностранные органы и чтобы не было сделано сообщения о том, что германская подводная лодка потопила «Атению».

По-видимому, он руководствовался политическими соображениями, потому что хотел избегнуть осложнений с Соединенными Штатами, вызванных этим случаем, хотя и прискорбным, но непоправимым. Приказ Гитлера был настолько строгим, что немногие офицеры, знавшие правду, были приведены к присяге о том, что они будут хранить тайну.

5. Фриче показал, что после первого запроса, с которым обратился к военно-морскому флоту в начале сентября 1939 года, он больше не делал запросов и что статья в «Фелькишер беобахтер» появилась на основании личного распоряжения Гитлера и Геббельса, о чем Редер предварительно не был информирован. Это подтверждается одинаковыми показаниями Редера и Шульте-Ментинга. Далее установлено, что Редер вопреки утверждению обвинения не являлся инициатором появления этой статьи и вообще ничего не знал о статье до ее опубликования... Нельзя делать Редеру морального упрека, основываясь на том факте, что он, узнав о статье, не выступил с опровержением, потому что был связан приказом Гитлера и в то время не мог предполагать, что Гитлер имел отношение к данной статье, которую Вейцзеккер справедливо назвал плодом извращенной фантазии...

По вопросу о Греции обвинение вменяет Редеру в вину нарушение нейтралитета и международного права в двух направлениях, а именно:

1. Основываясь на документе С-12, из которого следует, что Гитлер в соответствии с докладом Редера 30 декабря 1939 г. принял следующее решение:

«Греческие торговые корабли, находящиеся в зоне, пролегающей вдоль берегов Англии и объявленной США запретной зоной, рассматриваются как вражеские суда».

2. Согласно документу С-176 Редер в связи с докладом у Гитлера 18 марта 1941 г. просит подтверждения того, что, я цитирую, «всю Грецию следует оккупировать даже в том случае, если будет достигнуто мирное решение вопроса»...

Редеру и руководству военно-морского флота в октябре-ноябре 1939 года стало известно, что греческие торговые корабли по инициативе или с согласия греческого правительства в большинстве своем были предоставлены в распоряжение Англии. Этот факт несовместим с нейтралитетом, поэтому в соответствии с принципом международного права он разрешал Германии принять эквивалентные контрмеры...

Планы союзников на Балканах известны. Они предусматривали создание Балканского фронта против Германии. С этой целью союзный генеральный штаб обследовал с помощью союзных офицеров местные условия как в Греции, так и в Румы-

нии для того, чтобы создать там авиабазы. Кроме того, проводились мероприятия для высадки десанта в Греции...

Гитлер в своей директиве за номером 20 еще 13 декабря 1940 г. предусмотрел, что следует занять всю территорию Греции для того, чтобы свести на нет стремление Англии создать под прикрытием Балканского фронта опасную авиабазу и особенно авиабазу, угрожающую румынскому нефтяному бассейну...

9 апреля 1940 г. германские войска всех трех составных частей вооруженных сил заняли Норвегию и Данию. На основании этого и предшествующих планов наряду с общим обвинением в участии в заговоре гросс-адмиралу Редеру предъявлено еще одно тягчайшее обвинение. Обвинитель от Англии указал на то, что Редер первый внушил Гитлеру идею о занятии Норвегии... Правильно только то, что... Редер первый обратился к Гитлеру с вопросом о Норвегии, а именно 10 октября 1939 г. Но я покажу, что и в данном случае он действовал не как политик, а лишь как солдат.

Редер заметил чисто стратегическую опасность и указал Гитлеру на эту угрозу потому, что предполагал, что в Скандинавии, особенно в Норвегии, союзники хотят создать новый фронт. Он знал, что оккупация Англией Норвегии может сказаться неблагоприятно на ходе войны для Германии.

Редер, будучи главнокомандующим военно-морским флотом... неохотно согласился с норвежской операцией. Он чувствовал, что нейтральное государство нельзя втягивать в уже начавшуюся войну, если к этому не вынуждает создавшееся положение. В период с октября 1939 года по весну 1940 года Редер все время придерживался той точки зрения, что лучшим решением этого вопроса было бы сохранение абсолютного нейтралитета Норвегией и всей Скандинавией...

Обвинение указало на соглашение, существовавшее между Германией и Норвегией, и в частности на документ ТС-31, в котором германское имперское правительство еще 2 сентября 1939 г. категорически заверяло Норвегию в том, что будет уважать ее нейтралитет и неприкосновенность...

Нарушение Германией нейтралитета Норвегии явилось в данном случае актом самообороны, предусмотренным международным правом.

В конце сентября — начале октября 1939 года Редер, как показывают представленные доказательства, получил от генерал-адмирала Карлса и из текущих сообщений адмирала Канариса — руководителя контрразведки — сведения о том, что возникла опасность, что союзники, осуществляя свои планы по блокаде Германии, оккупируют опорные пункты Норвегии с тем, чтобы был прекращен подвоз руды из Скандинавии. Опасность была очевидной. Она заключалась в прекращении всякого подвоза руды из Скандинавии, в частности, в прекращении подвоза железной руды, а также и в том, что союзники получили бы, таким образом, удобную базу для воздушных налетов и в конце концов в том, что германский военно-морской флот находился бы под угрозой с фланга и был бы, следовательно, ограничен в своих операциях. Это последнее по счету, но немаловажное обстоятельство.

Блокада Северного и Балтийского морей имела бы в стратегическом отношении опустошающие последствия... Я твердо убежден, что Высокий Суд, учитывая описанные обстоятельства и ныне действующие положения международного права, констатирует, что Редер в отношении оккупации Норвегии действовал из чисто стратегических соображений, соблюдая нормы международного права, и оправдает его в этой части обвинения.

В заключение я хотел бы в связи с темой о Норвегии подчеркнуть, что... Редер и командующий флотом в Норвегии генерал-адмирал Бем старались заключить мир с Норвегией при соблюдении норвежских национальных интересов. Этим усилиям противостояла назначенная Гитлером и Гиммлером так называемая гражданская администрация во главе с имперским комиссаром Тербовеном, которая в противоположность вооруженным силам находилась в связи с партией, СС, СД и гестапо.

Редер... вместе с Бемом вел решительную борьбу с Тербовеном. Но и здесь налицо то трагическое обстоятельство, что вооруженные силы, несмотря на большие усилия, не могли достичь своего из-за диктатуры Гитлера, а также диктатуры, которая с ведома Гитлера осуществлялась имперским комиссаром Тербовеном...

Я перехожу к обвинению, выдвинутому представителями обвинения, относительно войны против России.

Обвинение заявило, что Редер не был противником войны с Россией. Единственно, что может остаться от такого обвинения, это утверждение, что Редер в принципе был за войну с Россией и возражал Гитлеру лишь в отношении срока.

Ссылаясь на документ С-170, обвинение говорит, что Редер лишь рекомендовал оттянуть войну с Россией до победы над Англией. При изучении документа С-170, в самом деле может возникнуть такое представление. Однако в действительности все обстоит иначе, и истинное положение вещей было выяснено с помощью представления других доказательств... Редер защищал тот взгляд, что война против России явится неверным шагом в стратегическом отношении. Его собственные поквзания и показания Шульте-Ментинга показывают, что Редер в сентябре, ноябре и декабре 1940 года постоянно старался отвлечь Гитлера от мысли о войне против России... Это верно, что в документе С-170 изложено только стратегическое обоснование возражений. Да это и неудивительно, ибо в бумагах командования военно-морских сил, естественно, записывались только те аргументы, которые имели значение в военно-техническом и стратегическом отношении, а не в политическом.

Однако Редер высказывал Гитлеру соображения не только стратегического, но и политического характера.

Остается признать, что трагическое положение заключается в том, что Гитлер мало слушал политические возражения Редера относительно России, как и относительно Норвегии и Франции.

Так же обстоит дело с обвинением в отношении агрессивной войны против Америки и в отношении нейтралитета Бразилии. Оба обвинения в рамках представленных доказательств в

достаточной мере доказывают неправильность их. Мне остается лишь кратко коснуться этого.

Прежде всего обвинение представило все таким образом, будто Редер как-то способствовал тому, чтобы вовлечь Японию в войну против Америки. В действительности же не имели места какие-либо переговоры между Японией и Редером по вопросам морской стратегии. Редер придерживался всегда той точки зрения, что надо избегать войны с США и с Россией... В представленном обвинением документе С-152 говорится лишь о предложении, заключающемся в том, что Япония должиа выступить против Сингапура, чтобы на допустить участия Соединеиных Штатов в войне. Пожелание, высказанное Редером Гитлеру относительно того, что Японии следовало бы напасть на Сингапур, в любом отношении является вполне логичным. Мы уже находились в состоянии войны с Англией, и Редер должен был попытаться сконцентрировать все силы против нее.

Еще более реальным опровержением обвинения, предъявленного в связи с вопросом о Бразилии, является то, что обаинители после моего выступления во время представления доказательств ни в одном из перекрестных допросов Редера, Шульте-Ментинга и Вагнера ие возвращались к этому вопросу.

Речь идет об обвинении в том, что согласно дневнику Иодля штаб воеино-морского командования уже за 2 месяца до начала войны Германии с Бразилией просил дать разрешение на то, чтобы начать военные действия против бразильских военных и торговых судов, и оно было получено. Помимо показаний свидетелей, это обвинение документально опровергнуто выдержкой из дневника Иодля...

Из документов явствует, что Бразилия нарушила нейтралитет тем, что разрешила Соединенным Штатам пользоваться бразильскими аэродромами для того, чтобы оттуда можно было совершать налеты на немецкие и итальянские подводные лодки. Кроме того, бразильское министерстао авиации официально сообщило, что бразильские военно-воздушные силы предприняли налеты. При такой позиции, нарушавшей нейтралитет, ходатайство штаба военно-морского командования относительно того, чтобы начать военные действия против бразильских судов, было оправданным...

Я считаю возможным в защитительной речи по делу Редера отказаться от аргументации относительно военных преступлений и преступлений против человечности, ибо я не мог установить связи между Редером и материалами обвинений, представленных по этим преступлениям.

Обвинение игнорирует фактическое и юридическое положение дел, когда оно привлекает Редера к ответственности за политические решения, хотя он не имел к ним никакого отиошения, а действовал всегда только как солдат...

Остается еще один вопрос: является ли долгом солдата выступать с протестом, открыто восставать? На него каждый военный начальник и вообще всякий человек даст отрицательный ответ. Исключение может составить только приказ диктатора, заставляющий совершить преступление, причем командующий, получивший приказ, должен ясно осознать его пре-

ступный характер. В соответствии с этим Редер мог бы быть привлечен к ответственности только за военные преступления, но не за политические, ибо за политические отвечает диктатор...

Перед историей Редер может быть виновен потому, что он, как и многие другие в стране и за границей, не распознал Гитлера и не имел достаточной силы для того, чтобы выступить против него. Но бездействие в данном случае не является преступлением...

Выступление Ф. ЗАУТЕРА, защитника подсудимого Бальдура фон Шираха

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 17 и 18 июля 1946 г.

Господа судьи!

Бальдур фон Ширах, которого я защищаю, будучи имперским руководителем молодежи, в 1936 году приветствовал гостей, присутствовавших на олимпийских играх в Берлине, следующими словами:

«Молодежь преодолевает все преграды и моря»...

Будучи гаулейтером Вены, он обратился в 1940 году к Гитлеру: «Вену можно завоевать не штыками, а только музыкой».

Приведенные высказывания подсудимого являются характерными для этого подсудимого.

Задачей защиты является рассмотреть результаты представленных на этом процессе доказательств с тем, чтобы установить, действительно ли Ширах совершил те преступления против права и человечности, которые ему обвинение вменяет в вину.

Ширах — самый молодой подсудимый на процессе. Он является тем подсудимым, который при своем вступлении в партию был намного моложе всех прочих. Ему тогда не было и 18 лет. Уже одни эти факты являются в известной мере достаточными для того, чтобы судить о нем. Еще на школьной скамье он поддался обаянию нарождавшегося национал-социализма: его неудержимо привлекала идея социализма, в соответствии с которой в его земельном воспитательном доме не делалось никакого различия между детьми представителей различных сословий и профессий; эти юноши, группировавшиеся вокруг Шираха, надеялись, что народное движение 20-х годов в Германии возродит наше отечество, избавив от последствий проигранной первой мировой войны, и обеспечит ему счастливое будущее. И судьбе было угодно, чтобы уже в 1925 году семнадцатилетний Ширах в городе Гёте — старом Веймаре — лично установил контакт с Гитлером... Юноша стал убежденным нациоиал-социалистом и... антисемитом, разумеется, антисемитом не в духе тех фанатиков, которые затем создали Освенцим и убили миллионы евреев...

То, что таковы были действительно взгляды Шираха, свидетельствует заявление Ширвха, которое он сделал на процессе во время утреннего заседания от 24 мая 1946 г. и в котором прямо назвал преступления, совершенные Гитлером, позорным пятном нашей истории, вызывающим стыд у каждого немца. Это то заявление, в котором Ширах открыто высказывается в том духе, что Освенцим должен явиться концом всякой расовой политики и всякого антисемитизма.

Это показание Шираха в зале заседания явилось результатом тех страшных разоблачений, о которых он узнал на процессе, и Ширах заявил это перед лицом широкой общественности для того, чтобы вывести немецкую молодежь с ложного пути, по которому она идет, на путь справедливости и терпимости.

Господа судьи, я хочу рассмотреть выдвинутые против Шираха важнейшие пункты обвинения и дать оценку результатам представления по ним доказательств...

Во-первых, подсудимому Шираху вменяется в вину то, что он до прихода национал-социалистов к власти, то есть до 1933 года, активно содействовал национал-социалистской партии и примыкающей к ней молодежи и тем самым способствовал приходу партии к власти. Как указывается в представленных документах, «он был покорным и преданным приверженцем Гитлера, слепо верил в него и в его национал-социалистские идеи и как руководитель союза студенческой молодежи приобщал студентов политически и идеологически к национал-социализму и завоевывал их для служения фюреру». Все это Ширах никоим образом не оспаривает. Все, что ему в этом отношении вменяется в вину, он совершил, в чем открыто и признается... Единственное, что он отвергает категорически, как не имевшее место ни в упомянутый период, ни позже, это обвинение в том, что он принимал участие в заговоре...

Из результатов процесса мы знаем, что Гитлер, кроме Бормана и Гиммлера, не имел других друзей и советников, которых посвящал бы в свои планы и цели. Напротив, он осуществлял принцип фюрерства до крайних пределов, не признавал ни обсуждений, ни высказываний, которые имели какое-либо влияние на его волю. Все решения он принимал самостоятельно, не выслушивая мнения людей, окружавших его. Он признавал лишь только свои приказы, с одной стороны, и беспрекословное повиновение — с другой.

Так в действительности выглядел этот «заговор»...

Сегодня Ширах знает, что до конца он был верным спутником человека, который того не заслуживал, и что идеи, которые воодушевили его в молодые годы и которым он принес себя в жертву, на практике служили целям, о которых он никогда не думал. Но даже до сегодняшнего дня Ширах, очищенный от скверны в результате своего горького опыта, не может усмотреть уголовного преступления в деятельности, которую он в молодые годы с доброй надеждой развивал вместе с миллионами других немцев, служа Гитлеру и партии, ибо партия казалась ему тогда вполне законной...

Второе, гораздо более серьезное обвинение, которое предъявляется подсудимому Шираху, заключается в том, что он, будучи имперским руководителем молодежи с 1932 по 1940 год (я дословно здесь цитирую обвинение), «отравлял мировоззрение молодежи нацистской идеологией и, в частности, подготавливал эту молодежь к агрессивной войне».

Ширах с самого начала категорически оспаривал данное утверждение... В программе гитлерюгенд, сформулированной Ширахом, в его речах и сочинениях... нельзя найти ни одного слова, которое бы свидетельствовало о военном воспитании молодежи, не говоря уже о подготовке ее к агрессивной войне...

Ширах принципиально отказался от того, чтобы офицеры, состоящие на действительной службе, и офицеры в отставке воспитывали молодежь, так как он считал, что эти люди совсем не подходят для воспитания молодежи в том духе, который он рассматривал как цель своей деятельности[1].

Почему Ширах ввел для членов гитлерюгенд военную форму и не только для молодежи мужского пола, но и для девушек? Ответ на вопрос мы слышали от многих свидетелей. Ширах видел в этой единой форме мальчиков и в форменном платье девушек «одеяние социализма»...

Правда, представители обвинения утверждали, что Ширах в книге «Гитлерюгенд»... говорнл о жизненном пространстве, сделав якобы тем самым этот лозунг гитлеровской агрессивной внешней политики своим собственным. Однако это утверждение абсолютно неправильно. Ни в книге «Гитлерюгенд», ни в его речах и сочинениях такого слова вообще не употребляется. Правда, Ширах в книге «Гитлерюгенд», которая была издана в 1936 году, в двух местах говорит о восточном пространстве, но это слово у него относилось не к Польше и не к Советскому Союзу, а к восточным провинциям, принадлежавшим раньше Германии.

Господа судьи!

Обвинение не смогло доказать, что подсудимый Ширах когда-либо до начала войны в чем-либо помогал осуществлять военную политику Гитлера. Его хотят обвинить в том, что он различными путями был связан с СС и СА, в частности, что СС и СА, а также корпус руководящих работников в партии пополнялись именно из числа членов организации «гитлерюгенд».

Да, последнее утверждение действительно правильно, но оно все же не доказывает, что Ширах принимал участие в военной политике Гитлера или что он принимал какое-либо участие в военном заговоре Гитлера. Правда, обвинение может указать на соглашение между имперским руководством молодежи и рейсхфюрером СС о «службе патрулирования», которая была введена в гитлерюгенд с октября 1938 года (документ ПС-2396). Но «служба патрулирования» была не чем иным, как

[1] В действительности «воспитатепями» моподежи были чаще всего эсэсовцы. — **Прим. сост.**

родом общественной полиции, которая имела власть только в отношении членов гитлерюгенд и только в отношении их. Для того чтобы по данному вопросу не получилось осложнений с общей государственной полицией, необходимо было этот вопрос урегулировать соглашением с рейхсфюрером СС — Гиммлером, ибо он был начальником германской полиции в Германии и мог воспрепятствовать осуществлению «службы патрулирования»...

Что же касается его отношения к СС, то... Ширах в Вене всегда опасался того, что за ним следят и шпионят эсэсовцы. Ему к началу его венской деятельности по должности имперского наместника и имперского комиссара обороны дали постоянного заместителя в лице одного из высших руководителей СС доктора Дельбрюгге, который, как Ширах знал, был близок к рейхсфюреру СС, то есть к тому человеку, который предложил в 1943 году Гитлеру арестовать Шираха за пораженческие настроения и судить в народном суде, что практически означало быть повешенным по настоянию Гиммлера. Ширах отказался от так называемой охраны, предоставленной ему полицией, и решился вверить охрану своей личности одному из подразделений вооруженных сил, которое не подчинялось Гиммлеру...

Обвинение при представлении доказательств связало имя подсудимого Шираха с концентрационными лагерями. Допрошенный здесь свидетель Хелльригель на вопрос, был ли когда-либо Ширах в концлагере Маутхаузен, ответил утвердительно... Следует отметить, что подсудимый фон Ширах посетил концлагерь Маутхаузен в 1942 году, а не в 1944 году, как ошибочно показал свидетель Марсалек... После 1942 года или в какое-либо другое время Ширах не посещал больше никаких концлагерей. Но посещение Маутхаузена в 1942 году не может служить поводом к обвинению Шираха в том, что он будто бы знал о зверствах в концлагерях, одобрял или даже поддерживал их. В 1942 году он не видел в Маутхаузене ничего такого, что могло бы указывать на такие преступления. В 1942 году там еще не было газовых камер, и массовые казни тогда еще не проводились. Во время официальных визитов, о которых сообщалось заранее, все тщательно готовилось, чтобы показать посетителям только то, что не боялось отклика общественного мнения. Издевательства и пытки во время официальных визитов скрывались точно так же, как самовольные казни или жестокие эксперименты. Так было в 1942 году в Маутхаузене, так было в Дахау в 1935 году.

Будучи имперским руководителем молодежи, он, естественно, с самого начала не имел ничего общего с созданием концлагерей, и счастье Шираха, что в его области, в Вене, не было ни одного концлагеря...

В интересах экономии времени я не буду рассматривать вопрос о якобы существовавшей связи между Ширахом и Розенбергом или Штрейхером. Я не намерен также затрагивать якобы существовавшего сотрудничества подсудимого по осуществлению программы рабского труда, так как не было приведено доказательств соучастия его в этом. Не собираюсь я

обсуждать здесь того разговора по телефону, который якобы имел какой-то венский чиновник с каким-то штандартенфюрером СС относительно трудовой повинности для евреев, о чем Шираху вообще не было известно.

Мне хотелось бы сделать здесь попутное замечание по теме, которая, в частности, разбиралась в связи с делом Розенберга, а именно высказать точку зрения по так называемой операции «Сено».

Как известно, это была операция, во время которой тысячи юношей и девушек концентрировались в восточных районах военных действий и затем направлялись частично в Польшу, частично в Германию... Об этих делах подсудимый Ширах ничего не знал. Данный вопрос не входил в его компетенцию. Этим комплексом вопросов занималась группа армий «Центр» при содействии министерства по делам Востока. И мне кажется вероятным, что как восточное министерство, так и группа армий «Центр» не обращались к гаулейтеру Вены для того, чтобы получить его согласие на эту акцию, или даже для того, чтобы сообщить ему об этом...

Разрешите сделать еще одно промежуточное замечание, а именно о письме, которое подсудимый Ширах послал из Вены после убийства Гейдриха рейхслейтеру Борману и в котором он предлагает рейхслейтеру Борману осуществить репрессалии в форме террористического налета на какой-либо английский культурный центр. Подсудимый тогда действительно направил письмо Борману, и он не отказывается от этого. С самого начала я должен указать, что, к счастью, эта инициатива осталась только на бумаге и не была осуществлена. Подсудимый, однако, рассказал нам, что тогда под впечатлением покушения на Гейдриха ему было ясно, что возможность восстания населения в Богемии может привести к катастрофе германской армии в России, а он, как гаулейтер Вены, считал своим долгом сделать что-либо, чтобы защитить тыл германской армии, находившийся на Востоке...

Я хочу как защитник подсудимого Шираха подробно остановиться на одной проблеме, а именно на отношении Шираха к еврейскому вопросу...

Ширах совершенно явно не думал ни о погромах, ни о кровавом преследовании евреев и т.д. ...

Но и после ноября 1938 года Ширах никогда не мог думать о том, что Гитлер планирует уничтожение евреев... Когда Ширах в июле 1940 года получил от Гитлера приказ взять на себя руководство Венским гау, Гитлер сам лично говорил с Ширахом по вопросу о том, что он прикажет эвакуировать евреев из Вены в генерал-губернаторство... На основании записей Госбаха и других доказательств, которые предъявлялись на процессе, мы можем заключить, что Гитлер уже в 1937 году планировал выселение евреев, кажется, в Польшу, но решение об уничтожении еврейского народа он принял лишь в 1941—1942 гг.

С эвакуацией евреев из Вены, с которой связывается имя Шираха, он вообще ничего не имел общего. Проведение таких мероприятий находилось исключительно в руках главного уп-

равления имперской безопасности и венского филиала этого управления... Единственное указание, которое Ширах получил в связи с вопросом о венских евреях и которое он выполнил, заключалось в том, что в 1940 году он должен был доложить Гитлеру, сколько евреев еще осталось в Вене. Отчет был помещен в письме от декабря 1940 года, где сообщалось о численности венских евреев в 1940 году (60 тысяч человек). Как известно, на это письмо подсудимого Шираха министр Ламмерс послал ему ответное письмо от 30 декабря 1940 г. (ПС-1950), из которого следует, что не Ширах был тем лицом, которое распорядилось о переселении венских евреев в генерал-губернаторство. Из письма вытекает также, что не Ширах был тем лицом, которое провело эти мероприятия. Они были проведены рейхсфюрером СС Гиммлером.

60 тысяч евреев, пребывавших в Вене к началу деятельности Шираха в должности гаулейтера, были вывезены оттуда СС без какого бы то ни было участия последнего. И, несмотря на это, Ширах все-таки выступил со всем известной венской речью от сентября 1942 года, в которой заявил: «Любой еврей, который действует в Европе, представляет собой опасность для европейской культуры». Далее Ширах заявил, что если его упрекнут в том, что он выселил из этого города (Вена), который когда-то был метрополией еврейства, десятки и сотни тысяч евреев в восточное гетто, то он должен будет ответить: «Он видит в этом активный вклад в дело процветания европейской культуры». Ширах признал здесь, что он действительно высказался тогда в таком духе, в чем он сейчас раскаивается. Если Трибунал усмотрит в этих словах законно наказуемое преступление против человечности, то Ширах должен взять на себя ответственность за это... О показаниях француженки Иды Вассо, которая была руководителем дома для престарелых во Львове и которая, по сообщению комиссии (документ СССР-6), якобы утверждает, что «гитлеровская молодежь получала от львовского гетто в подарок детей и использовала их в качестве мишеней для стрельбы», следует сказать, что этот единственный случай, о котором здесь говорилось, не мог быть проверен, и особенно не могло быть выяснено, шла ли здесь речь действительно о молодых людях — членах организации «гитлерюгенд». Но если даже среди 8 миллионов членов этой организации на протяжении 10—15 лет и имел место подобный единственный случай, то он ни в какой мере не доказывает, что Бальдур фон Ширах подстрекал к этому молодежь, так как он тогда уже не стоял во главе этой организации.

Обвинение старалось обосновать определенную ответственность подсудимого фон Шираха за еврейские погромы, имевшие место в Польше и в России, тем, что оно пыталось обратить против него так называемые оперативные отчеты, которые СС регулярно посылал имперскому комиссару по вопросу обороны в XVII военном округе. Действительно, надо сказать, если Ширах, я подчеркиваю, если Ширах в то время знал об этих регулярных «оперативных отчетах эйнзацгрупп полиции безопасности и СД на Востоке», это является при всех обстоятельствах тяжким морально-политическим обвинением, и

тогда его неминуемо должно упрекнуть в том, что он из этих сводок мог бы сделать вывод, что наряду с военными операциями на Востоке имели место чрезвычайно жестокие массовые убийства коммунистов и евреев. Если бы Ширах действительно видел и читал эти сообщения, тогда бы он знал, что в Латвии и Литве, в Белоруссии и Киеве имели место массовые убийства и совершенно очевидно без всякого суда и приговора.

Что же в действительности было доказано в этой области в процессе представления доказательств?

Упомянутые сообщения посылались в управление имперского комиссара по вопросам обороны в военном округе XVII, так же, как и в десятки других учреждений...

Как известно, Ширах занимал в Вене три ответственных поста. Будучи имперским наместником и комиссаром по обороне империи, он являлся начальником всей государственной администрации; будучи обербургомистром, он являлся главой общинной администрации и, будучи, наконец, гаулейтером Вены, являлся руководителем местного партийного аппарата...

Для каждого из этих трех учреждений у него имелся постоянный заместитель. Заместителем в государственной администрации был правительственный комиссар Вены доктор Дельбрюгге... На представленных «оперативных отчетах» СС нет ни одной пометки, на основании которой можно было бы сказать, что эти сообщения представлялись подсудимому фон Шираху или что о них ему докладывали...

Для оценки поведения Шираха важно также его поведение в последние недели в Вене: для Шираха было само собой разумеющимся то, что не следовало выполнять те безумные приказы, которые поступали в то время из Берлина. Он решительно отклонил линчевание вражеских летчиков, которое приказал проводить Борман, так же как и приказ вешать пораженцев независимо от того, были ли это мужчины или женщины. Напротив, он делал все для того, чтобы, например, защитить летчиков, совершивших вынужденную посадку, от возбужденной толпы... Он действовал сознательно не в соответствии с приказом Бормана, в котором говорилось, что таких летчиков не следует защищать от населения. Он также не выполнял распоряжения, в которых говорилось, что Вену надо оборонять до последнего человека и что следует разрушить в Вене мосты, церкви и жилые кварталы; отклонил приказ о ведении бесполезной и преступной борьбы с помощью «вервольфа»...

Характеристика подсудимого фон Шираха останется незавершенной, если мы не вспомним заявления, которое он сделал здесь на утреннем заседании 24 мая 1946 г. Я имею в виду заявление, в котором он говорит о Гитлере как об убийце миллионов, говорит здесь перед всем немецким народом и перед мировой общественностью.

Господа судьи! Каждый человек может ошибаться, он может совершать такие ошибки, которые впоследствии не может понять. И Ширах ошибся: он воспитывал молодежь для человека, которого долгие годы считал безукоризненным и о котором сегодня он должен говорить как о дьявольском пре-

ступнике. Он в своей лояльности сдержал присягу на верность человеку, который разочаровал и обманул его и немецкую молодежь и который, как мы узнали здесь от Шпеера, до последнего дыхания преследовал свои собственные интересы, ставя их выше существования и счастья 80 миллионов людей.

Ширах, может быть, и является тем подсудимым, который не только ясно видит совершенные им ошибки, но и честно признает их и который своими откровенными заявлениями предотвратил возникновение легенд о Гитлере в будущем. Такому подсудимому надо засчитать в заслугу то, что он старается исправить по возможности тот вред, который был нанесен им, когда он был преисполнен веры...

Бывший имперский руководитель молодежи хотел прежде всего открыто сказать немецкой молодежи, что он бессознательно и будучи преисполнен хорошими намерениями вел эту молодежь по неправильному пути и что она должна теперь выбрать другой путь, если не хочет, чтобы немецкий народ и немецкая культура были бы погребены.

Господа судьи, Вы являетесь верховным судом нашего времени. Мощь всего мира стоит за Вашей спиной, четыре сильнейших народа земного шара выступают здесь в Вашем лице. Сотни миллионов людей не только в побежденных странах, но в странах-победительницах прислушиваются к Вашему мнению и напряженно ожидают Вашего приговора, чтобы следовать за Вашим советом и учиться у Вас. Ваш авторитет дает Вам возможность Вашим приговором и обоснованием его сделать много хорошего для того, чтобы и из теперешней катастрофы можно было бы найти путь к лучшему будущему, на пользу Ваших народов и на благо германского народа...

Господа судьи! Гитлер умер, а с ним погребен и его режим, характеризовавшийся совершением бесчисленных преступлений, терроризировавших Германию и почти всю Европу, осквернивших слово «немец» на много поколений вперед...

...Но Вы, беспристрастные судьи, не забывайте одного, что всегда существовала и теперь существует другая Германия. Германия трудолюбивая и бережливая, Германия Гёте и Бетховена. Поверьте нам, Германия просыпается от тяжкой болезни и приступает к строительству своего лучшего будущего, она уходит от развалин злого прошлого к будущему для своей молодежи, которая не участвовала в этих преступлениях. На Вас смотрят 70 или 80 миллионов немцев и надеются, что Вы вынесете приговор, который откроет путь к восстановлению германской экономики, к воскрешению немецких сердец и истинной свободы.

Германский народ, а с ним весь мир ожидают от Вас, господа судьи, такого приговора, который не только сегодня будет приветствоваться державами-победительницами как последняя победа над Германией, но и в будущем историей будет признан правильным, — приговора во имя справедливости!

Выступление Р. СЕРВАТИУСА, защитника подсудимого Фрица Заукеля

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 18 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Защита подсудимого Заукеля должна в первую очередь рассмотреть вменяемый подсудимому в вину «рабский труд».

Что такое рабский труд?

Правовой основой для анализа является Устав Трибунала. Однако он не указывает на то, что нужно понимать под «рабским трудом» и под «угоном». Следовательно, эти понятия нужно разъяснить путем интерпретации. В статье 6 Устава в двух местах в различных аспектах речь идет об «угоне» и «рабском труде».

Угон квалифицируется как военное преступление и как преступление против человечности, а принудительный труд появляется как под рубрикой военных преступлений с обозначением «рабский труд», так и под рубрикой преступлений против человечности с обозначением «порабощение»... Угон, упомянутый в статье 6 (в), не может быть тем же самым, что угон, упомянутый в статье 6 (с), и в такой же малой степени принудительный труд, о котором говорится в статье 6 (в), может быть идентичным принудительному труду, рассматриваемому в статье 6 (с)...

Согласно Уставу наказуемым действием является не просто «угон», а «угон на рабский труд» и «угон с какой-либо другой целью».

Подсудимый Заукель признает, что он участвовал в привлечении населения к «принудительному труду» как к обязательному. Этот вид труда обозначен общим термином «рабский труд». Но он оспаривает тот факт, что настаивал на применении «рабского труда», который может рассматриваться как труд, нарушающий принципы человечности, следовательно, как порабощение.

Обвинение, рассматривая использование рабочей силы как военное преступление, опирается на положение Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, на военные соглашения, на военные обычаи, а также на общие принципы уголовного права цивилизованных наций и уголовные кодексы соответствующих стран. Если использование рабочей силы допустимо с точки зрения международного права, то рассмотрение его с точки зрения уголовного права оказывается излишним. Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны может считаться основой рассматриваемого здесь военного права...

Обвинение цитировало статью 46 Гаагской конвенции, согласно которой должны охраняться основные права населения... Изучая Гаагскую конвенцию с целью выявления какого-

либо положения, запрещающего депортацию и использование рабочей силы, приходится констатировать, что такого положения в ней нет...

Статья 52 Гаагской конвенции, рассматривающая в основном право на реквизицию имущества, затрагивает эту спорную область, но только в масштабе потребностей войсковых частей, испытывающих нужду в дополнительных материалах, которую можно покрыть за счет местных ресурсов.

Характерным в данном случае является то обстоятельство, что право на реквизицию соответствующих материалов предоставлялось командирам частей, в то время как 51-я статья Гаагской конвенции допускает наложение этой повинности только на генералов и командиров отдельных соединений. Оккупационные власти согласно Гаагским правилам не могут требовать выполнения большей работы, чем та, выполнение которой они требуют от населения в своей стране. Однако нужно учитывать интенсивность современной тотальной войны. В связи с этим трудовая повинность может приобрести довольно большой масштаб.

Смысл и цель Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, несомненно, заключается не в том, чтобы поставить граждан побежденного государства в лучшие условия, чем граждан государства-победителя, оккупировавшего данную страну. Но таков был результат, если бы Гаагскую конвенцию продолжали истолковывать в соответствии с ее текстом...

Ограничение трудовой повинности заключается и в том, что нельзя требовать от рабочих, чтобы они участвовали в военных операциях, направленных против их родины. Косвенно всякая работа, производимая в интересах оккупационных властей, идет на пользу войны, которую они ведут. Поэтому подобное запрещение, по моему мнению, распространяется на участие непосредственно в операциях действующих войск. Международно-правовая доктрина противопоставляет участие в военных операциях допустимому участию в работах по подготовке операций. Положения Женевской конвенции об использовании военнопленных на работах всем хорошо известны. Ее основная идея, заключающаяся в том, что никого нельзя заставить производить оружие, которое будет направлено против его соотечественников, полностью применима и к гражданским рабочим...

Организованное использование рабочей силы не противоречит правилам Гаагской конвенции. Оно допускается и другими нормами международного права. Первое — это согласие правительства оккупированного государства. Франция дала такое согласие. Приводимые здесь возражения о том, что правительство маршала Петэна было незаконным правительством, не имеют значения, так как это правительство было законным преемником временного правительства, созданного после перемирия...

Причины военного характера могут заставить эвакуировать часть населения с оккупированной области и использовать его в качестве рабочей силы в другом месте. Это тот случай, когда население, вместо того чтобы, как это надлежит, вести себя

мирно, участвует в партизанской борьбе и группах сопротивления, угрожая тем самым безопасности...

Эвакуация, предпринимаемая в целях обеспечения безопасности действующих войск, находится в полном соответствии с нормами международного права, а перевод эвакуированных на новое место работы является не только правом, но и долгом оккупационных властей...

Когда такая эвакуация становится необходимой, ее нужно организовывать, не причиняя населению излишних страданий. Для этого эвакуацию необходимо заранее подготовить, что является обязанностью властей, предусмотренной статьей 43 Гаагских правил ведения войны...

Конечно, критическая военная обстановка не может служить основанием для нарушения положений международного права. Победу не следует добывать путем нарушения в критические моменты правил ведения войны, ибо они существуют как раз для определения допустимости тех или иных военных действий, связанных с критическими моментами...

Подсудимый Заукель был убежден в допустимости организованного использования рабочей силы. Это убеждение складывалось у него на основании отношения к этому со стороны вышестоящих инстанций.

Когда Заукель вступил на свой пост, иностранные рабочие уже работали. Хотя они были завербованы во время различных вербовочных кампаний, Заукель мог думать, что государство вправе использовать их труд...

Субъективная сторона состава преступления подсудимого Заукеля, а следовательно, и его уголовная ответственность в вопросе организованного использования рабочей силы не может быть доказана.

Подсудимый Заукель не должен быть наказан и по другим соображениям правового характера даже в том случае, если бы организованное использование рабочей силы действительно было нарушением норм международного права. Согласно Гаагским правилам ведения сухопутной войны в данном случае нет места для индивидуальной ответственности. Гаагские правила различают два рода военных преступлений: преступления, совершенные отдельным лицом, как-то: убийства, издевательства и преступления, совершенные одной из воюющих сторон.

Плановое использование рабочей силы — это процесс, который может быть организован только государством. В то время как согласно уголовному кодексу всех государств индивидуальное преступление наказуемо, преступления одной из воюющих сторон наказываются соответственно положению статьи 3 вводной части Гаагских правил, в которой предусматривается только возмещение убытков...

Перехожу к рассмотрению вопроса об использовании рабочей силы как преступления против человечности.

Мы считаем, что «организованное использование рабочей силы» допустимо с точки зрения международного права. Остается открытым вопрос о методах его проведения, то есть вопрос о том, в каких пределах использование рабочей силы

можно считать плановым, организованным и когда нарушается допустимая граница...

В случае, если будет установлено, что использование рабочей силы проводилось негуманными методами, тогда состав преступления в духе Устава налицо. Перед нами будет преступление против человечности независимо от того, являлся ли сам факт использования рабочей силы допустимым с точки зрения военного права или нет, так как в таком случае это использование рабочей силы проводилось в связи с преступлением против мира.

Однако подвергнуть преступника наказанию можно только в том случае, если сам он субъективно сознает, что война, которая ведется, запрещена и что своими действиями он способствует ведению ее. Подсудимый Заукель заявляет, что он не знал этого. Требуется доказать, что он знал это.

Другая возможность доказать наличие состава преступления состоит в том, чтобы в бесчеловечных действиях установить состав военного преступления, предусмотренного Уставом. Сюда относятся: убийства, угон гражданского населения и издевательства над ним.

Издевательства могут проводиться на основании распоряжений высшей инстанции, которая тем самым несет ответственность за них; они могут проводиться и подчиненными учреждениями на основе своих полномочий без ведома вышестоящих инстанций.

В таком случае ответственным является руководитель самостоятельно действовавшей инстанции. Наконец, может иметь место чисто индивидуальное действие, совершенное вопреки существующим положениям. За него несет ответственность данное лицо.

Из этого следует, что подсудимый Заукель в первую очередь ответствен за общие распоряжения и директивы, изданные им, а не за действия не подчиняющихся ему учреждений в оккупированных областях или правительственных учреждениях в самой империи, как, например, начальника СС и полиции.

Распоряжения и директивы подсудимого Заукеля перед нами. На основании их следует установить, действительно ли использование рабочей силы, на которое он давал директивы, представляло собой издевательство над населением.

Помимо вербовки добровольцев рабочая сила использовалась на основе трудовой повинности, которая по приказу Гитлера властями на местах была введена в качестве закона.

Наряду с издевательскими методами мобилизации рабочих издевательскими могут быть и условия их труда, что может рассматриваться как военное преступление...

Содержание восточных рабочих за колючей проволокой и запрет выходить оттуда, на что имелось распоряжение Гиммлера, следует рассматривать как издевательство, если это продолжалось в течение длительного времени.

Подсудимый Заукель, чувствуя, что здесь перешли границы допустимого, немедленно предпринял соответствующие шаги и в упорной борьбе с Гиммлером добился снятия колю-

чей проволоки и отмены запрещения выходить, как это явствует из последовавших затем распоряжений...

Другим спорным пунктом являлся вопрос о ношении рабочими значка «Восток», что практиковалось до 1944 года, когда он был заменен другим с названием страны, откуда рабочие прибыли. Это обозначение восточных рабочих, которые могли вращаться среди населения, было необходимо по причинам полицейского порядка, в чем нельзя усматривать «издевательства»...

Эксцессы, возникавшие при проведении распоряжений в жизнь, можно рассматривать как издевательства. Они могут означать преступления против человечности. За них несет ответственность тот, кто был их инициатором, или тот, кто не предотвращал их, имея на то право и будучи обязанным это делать. Сравнивая только что изложенные правовые идеи с тем обширным комплексом преступлений, которые инкриминируются подсудимому Заукелю, надо в первую очередь отделить вопросы, за которые он, судя по результатам представления доказательств, не может нести ответственность.

Не доказано, что подсудимый Заукель имел отношение к биологическому уничтожению населеиия. Наоборот, выяснилось, что все его стремления были направлены как раз в обратную сторону. Он был заинтересован в том, чтобы сохранять людей в качестве рабочей силы. К переселению и к применяемым при этом методам он не имел никакого отношения.

Подсудимый Заукель совершенно не занимался вопросом об использовании труда заключенных концентрационных лагерей...

Мы знаем, что СС создали огромные собственные военные предприятия, что Гиммлер покрывал потребность своих заводов в рабочей силе произвольными арестами людей в оккупированных областях. Даже в Германии по всякого рода ничтожным поводам Гиммлер арестовывал рабочих и, обманывая учреждения, ведавшие использованием рабочей силы, заключал в концентрационные лагеря. Это ясно показывает документ ПС-1063 — отношение от 17 декабря 1942 г., а также отношение от 25 июня 1943 г., представляющее собой заявку на 35 тысяч заключенных. Вся корреспонденция относительно труда заключенных в концлагерях никогда не проходила через аппарат Заукеля. В качестве примера я ссылаюсь на документ ПС-1548, содержащий переписку между учреждениями Гиммлера. Фамилия подсудимого Заукеля никогда и нигде не упоминается в связи с использованием труда заключенных...

Надо также исключить из обвинения, выдвинутого против Заукеля, обвинение в использовании труда евреев. Еврейский труд является частью труда заключенных концлагерей; все это было тайной вотчиной Гиммлера. Это следует, например, из документа Р-91, в котором содержится приказ одного из учреждений Гиммлера произвести по «еврейскому сектору» арест 45 тысяч человек и использовать их как заключенных концлагерей на работах.

Предъявив документ Л-61, обвинение хотело доказать виновность подсудимого Заукеля в этой области. Документ является отношением от 26 ноября 1942 г., направленным из аппа-

рата Заукеля председателем управления труда провинций. Согласно ему еврейские рабочие, еще находившиеся на предприятиях, с согласия начальника полиции безопасности и СД должны были быть изъяты с предприятий и отправлены в Польшу. Отношение подтверждает, что Заукель не имел никакого отношения к использованию труда евреев, заключенных в концлагерях, ибо еврейские рабочие изымались из его сферы деятельности под предлогом эвакуации...

В документе говорится об «уничтожении с помощью труда». Однако документы ПС-682 и ПС-654 от сентября 1942 года ясно показывают, что Гиммлер, Геббельс и министр юстиции Тирак предприняли здесь секретный маневр. Подсудимый Заукель непричастен к нему.

Вопрос об использовании рабочих в рамках организации Тодта также не входил в компетенцию подсудимого Заукеля. Поэтому к нему совершенно не относится обвинение, предъявленное на основании документа ВБ-58, относительно методов использования рабочей силы на островах в Ла-Манше. Документы не показывают, что подсудимый Заукель знал об этих вещах или что он мог воспрепятствовать их проведению...

Особой областью является вербовка рабочей силы гражданскими и военными учреждениями. Частично она осуществлялась нелегально, «дико» и держалась в секрете от подсудимого Заукеля, так как последний боролся с ней и старался при всех обстоятельствах пресечь ее. Иногда распоряжения о проведении ее давались через голову Заукеля. Такую нелегальную вербовку рабочих проводили эсэсовские органы, дирекции железных дорог, строительные батальоны, военно-воздушные силы, транспортные подразделения Шпеера, штабы подразделений по строительству укреплений, саперные части и иные учреждения.

Исключение этих пунктов из обвинения, предъявляемого Заукелю, должно сократить инкриминируемые ему преступления, ибо в таких вопросах распоряжения Заукеля не имели решающего значения.

Документ ПС-204 показывает положение в Белоруссии при вербовке «подсобных рабочих для транспорта».

Об аналогичном явлении свидетельствует документ ПС-334, говорящий о необходимости и организации самостоятельной кампании по мобилизации подсобных рабочих для военно-воздушных сил, что никак не может быть поставлено в вину Заукелю. Использование молодежи как пункт обвинения, известное под названием акции «Сено» (документ ПС-031 от 14 июня 1944 г.), находилось вне сферы деятельности Заукеля. Инициатором акции было командование 9-й армии совместно с министерством по делам восточных оккупированных областей.

Письмо подсудимого Розенберга имперскому министру Ламмерсу от 20 июля 1944 г. (документ ПС-345) ошибочно ссылается на «согласованность» с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, но зато подтверждает, что подсудимый Заукель не имел никакого отношения к кампании по вербовке вспомогательных рабочих для СС и отказался от участия в ней.

Согласно документу ПС-1137 от 19 декабря 1944 г. в министерстве Розенберга существовал особый отдел по вербовке молодежи, который выполнял эту задачу с помощью своего собственного персонала. Без ведома подсудимого Заукеля рабочих привозилн непосредственно на военные предприятия.

Через голову всего аппарата подсудимого Заукеля проводились мероприятия, на которые Гитлер давал приказы непосредственно местным военным инстанциям и инстанциям гражданской администрации...

Из обвинения против Заукеля должны быть исключены, например, изложенные в документе ВБ-78 мероприятия, осуществленные в порядке подавления движения Сопротивления во Франции, непосредственная ответственность подсудимого Заукеля за которые отпадает.

По этой же причине подсудимого Заукеля нельзя сделать ответственным за отягчающие вину обстоятельства, перечисленные в пункте 3 раздела VIII Обвинительного заключения под заголовком «Депортация», целью которой было заключение в концлагеря.

Подсудимый Заукель не отвечал за депортацию, проводившуюся по политическим и расовым соображениям, о чем говорится в разделе VIII (в) Обвинительного заключения.

Из упомянутых там приблизительно 5 мнллионов советских граждан лишь часть была использована по линии Заукеля...

Вопрос об ответственности Заукеля за использование военнопленных также отпадает. Эту рабочую силу нечего было вербоввть, ее надо было только распределять, что делали особые организации, находившиеся при лвгерях военнопленных и работавшие в контакте исключительно с военными инстанциями. Их задачи состояли только в том, чтобы использовать военнопленных там, где это было нужно.

Подсудимый Заукель мог лишь подавать заявки о переводе военнопленных на работу в то или нное место. Об этом говорит документ обвинения ПС-1296 от 27 июля 1943 г., в третьем пункте которого указывается на рост использовання военнопленных, происходящий по согласованию с командованием сухопутных войск.

Военнопленные направлялись на предприятия только под контролем военных организаций, которые наблюдали за выполнением положений Женевской конвенции. Заукель никоим образом не связан со смертью сотен тысяч военнопленных Советского Союза в 1941 году, о которых говорит Гиммлер в своей речи в Познани и которые должны были служнть заменой рабочим (документ ПС-1919).

Если, несмотря на это, в офнциальном советском отчете о лагере Ламсдорф (документ СССР-415) устанавливается связь подсудимого Заукеля с теми фактамн истязаний военнопленных, которые там имели место, то это происходит лишь на основании утверждения, что ему по служебной линии якобы сообщалось о положении в лагере. Это обвинение неверно...

Руководящие инстанции предлагали использовать для питания заключенных в лагере лошадиное и кошачье мясо (документ ПС-1206) и выпекать хлеб очень низкого качества (доку-

мент СССР-177). Совсем незадолго до вступления подсудимого Заукеля на свой пост Гиммлер строго приказал размещать рабочих за колючей проволокой. Можно сказать, что тогда обращение с иностранными рабочими было хуже, чем когда-либо в стране...

Подсудимый Заукель потребовал убрать колючую проволоку, установленную вокруг лагерей, и добился этого...

Установлено, что высшие инстанции оккупированных областей, издавая законы о трудовой повинности, неукоснительно выполняли их. Все эти инстанции имели собственный административный аппарат и защищали свои ведомства от посягательств других. Это доказывается письмом министра по делам восточных оккупированных областей Розенберга, адресованным имперскому комиссару Украины Коху, от 14 декабря 1942 г. (ПС-194), в котором подсудимый Розенберг особенно подчеркивает право самостоятельно решать вопрос, связанный с мобилизацией и использованием рабочей силы, для чего у него были свои собственные учреждения — от министерства до бирж труда на местах.

Давая этим учреждениям указания как специалист, подсудимый Заукель мог требовать от них только представления установленного числа рабочих с целью перевозки их в Германию. Этим ограничивались полномочия, за рамки которых он никогда не выходил... Для выполнения приказов в каждую область был назначен уполномоченный. Последний согласно распоряжению от 30 сентября 1942 г., хотя и подчинялся непосредственно подсудимому Заукелю, однако не принадлежал к его аппарату, а числился сотрудником какого-либо из областных учреждений...

В письме к подсудимому Заукелю от 21 декабря 1942 г. подсудимый Розенберг жалуется на методы мобилизации и использования рабочей силы на Востоке. Это следует расценить как жалобу министра, который видит, что он не в состоянии добиться своего от подчиненных, и обращается к предполагаемому источнику трудностей, которые встают перед ним...

Выполнение Заукелем заданий по набору рабочей силы являлось его обязанностью, которую он должен был выполнять «при всех условиях». Он должен был побороть слабость и ведомственный эгоизм и следить за тем, чтобы местные инстанции не бездействовали, а своевременно предоставляли необходимое количество рабочей силы и чтобы другие инстанции не задерживали ее в своих целях...

Нельзя говорить о непосредственной ответственности подсудимого Заукеля за мобилизацию рабочих. Ответственность подсудимого Заукеля заключается в том, что он знал о непорядках, понимал, что они не могут быть устранены, и, несмотря на это, продолжал требовать рабочих...

Можно ли верить подсудимому Заукелю, когда он заявляет, что не знал о том положении, о котором здесь говорило обвинение?

То, что поступало к нему официальным порядком, недостаточно для доказательства того факта, что он знал о нем. Свидетели подтверждают, что ему были неизвестны «методы»

вербовки рабочих. Здесь представлены документы учреждений оккупированных областей, из которых ясно вытекает, что рейхскомиссар Украины приказал сжигать дома для подавления сопротивления, оказываемого населением оккупационным властям. Имеются распоряжения, которые предусматривают такие мероприятия.

Сообщения относительно этих событий, поступавшие в министерство по делам восточных оккупированных областей, не говорят о том, что виновные в этих событиях подвергались уголовному преследованию; напротив, они говорят о том, что такое преследование прекращалось, как, например, дело Рааба (документ ПС-254), дело Мюллера (документ ПС-290)...

Подсудимый Заукель объездил всю Украину, но местные инстанции, конечно, не сообщали ему ничего такого, что могло причинить неприятности...

Издавались распоряжения, в которых содержались указания о принятии строгих мер за неисполнение трудовой повинности: лишение продовольственных и промтоварных карточек, арест членов семьи и взятие заложников.

Допустимы ли такие меры?

Лишение продовольственных карточек стало теперь обычным средством принуждения, которое покоится на системе рационирования и которое находит полное обоснование в существующем положении. Такая мера наказания легко применима и не требует никаких особых инстанций для приведения ее в исполнение; с другой стороны, она очень эффективна.

Что касается ареста членов семьи, то и по сегодня можно наблюдать тяжелые нарушения индивидуальной ответственности. Гаагские правила ведения сухопутной войны охраняют население от коллективного наказания, но они не охраняют членов семей, которые могут рассматриваться как совиновники в случае отказа от работы одного из членов семьи. Предъявленный в качестве документа РФ-30 французский закон от 11 июля 1943 г. предусматривает такую ответственность только при наличии сознательного содействия...

Наложение оков можно толковать по-разному, но к полному пониманию субъективной стороны этого вопроса можно прийти, лишь учтя обстоятельства, при которых распоряжения были сделаны, и что послужило поводом к ним.

Основной причиной таких распоряжений явилась борьба с сопротивлением и с саботажем, которые принимали во Франции все более острые формы. Это не заявления, свидетельствующее о жестокости и цинизме, это высказывания, которые означали призыв к борьбе с нерешительностью соответствующих учреждений.

Следующий вопрос, который должен быть здесь затронут, заключается в следующем: не исчерпал ли подсудимый Заукель своими мероприятиями источники рабочей силы страны в такой степени, что дополнительную рабочую силу можно было получить только с помощью применения нечеловеческих методов, и знал ли об этом подсудимый Заукель?

Установлено, что цифры были очень высокими, но... главным было не отсутствие возможности добиться выполнения намеченных планов, а то, что эти планы срывались...

Я перехожу к вопросу об обращении с рабочими. Чтобы облегчить рассмотрение этого вопроса, необходимо выделить отдельные области, ответственность за которые несли разные инстанции.

За общие условия труда на предприятиях отвечали руководители предприятий. За общие условия жизни вне предприятий отвечал «Германский трудовой фронт».

Это разграничение ответственности довольно ясно очерчено в Обвинительном заключении, где названы два представителя: Крупп и доктор Лей.

За деятельность в этих областях подсудимый Заукель отвечает лишь постольку, поскольку она основывалась на его директивах или если Заукель не осуществлял должного надзора и не принимал нужных мер...

Подсудимый Заукель не может уклониться от непосредственной ответственности, если он знал и терпел вещи, которые, по утверждению обвинения, накладывали особый отпечаток на способ вербовки рабочих и их жизнь в лагерях и на предприятиях. Его обязанность состояла в осуществлении надзора, притом и в тех областях, за которые он не нес непосредственной ответственности. За размещение и продовольственное снабжение рабочих отвечали предприятия, где они работали...

«Германский трудовой фронт» ведал перевозками рабочих, действуя в соответствии с распоряжением номер 4 Заукеля. Задача «Трудового фронта» состояла в перевозке рабочих вплоть до места их работы. Те факты, которые приведены в ноте Министерства иностранных дел СССР (документ СССР-51), не могут относиться к перевозкам, проводившимся организованно под руководством ответственных за это лиц; они могут относиться только к так называемым диким перевозкам. То же относится и к перевозкам, местом назначения которых были концентрационные лагеря...

Случаи, упомянутые обвинением и имевшие место в некоторых из 60 лагерей фирмы Круппа, могут быть объяснены только необычным стечением обстоятельств. Эти случаи не были типичны, и они не могут свидетельствовать о существовании невыносимых условий вообще...

Нужно рассмотреть еще один правовой вопрос Устава, состоящий в том, как квалифицировать положение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы: по статье 6 или по статье 8, то есть являлся ли подсудимый Заукель правительственным чиновником, имевшим самостоятельную власть, или он действовал согласно приказам.

Требования на рабочую силу выдвигались каждый раз на основе особого приказа Гитлера как программные требования. Заукель должен был только распределять ее. Этим объясняется то обстоятельство, что подсудимый Заукель в своих действиях всегда ссылался на «приказы и задания» Гитлера...

Заукель не имел самостоятельной власти. Об этом говорит и то, что после приказа о его назначении он должен был подчиняться непосредственному уполномоченному по четырехлетнему плану и был включен в состав министерства труда, которое сохранилось в прежнем виде со всеми статс-секретарями. В его ведение было передано только два отдела.

Таким образом, ответственность Заукеля может быть установлена только в рамках статьи 8 Устава.

На этом я заканчиваю рассмотрение специального вопроса об использовании рабочей силы.

Подсудимому Заукелю предъявлено обвинение по всем пунктам Обвинительного заключения, причем отдельные преступления не вменяются ему лично в вину.

Какую роль мог играть подсудимый Заукель в заговоре?

Он был гаулейтером в Тюрингии и ничем не выделялся из числа прочих гаулейтеров...

До своего назначения на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, то есть до марта 1942 года, подсудимый Заукель не принадлежал к узкому кругу тех, которые в какой-то мере могли знать о планах Гитлера. Он знал только то, что передавали по радио и печатали в прессе, то есть то, что знал каждый...

Будучи верным приверженцем Гитлера, подсудимый Заукель оставался одиноким в кругу людей, знавших многое. Понятно, что эти люди не делились с Заукелем своими взглядами. Он не был посвящен в секреты тех людей, которые хотели быть одновременно и друзьями, и убийцами Гитлера, как он не был осведомлен и о той группе людей, которые были врагами Гитлера, но держали свои истинные отношения к нему в строжайшем секрете.

Еще и сегодня подсудимый Заукель не может охватить всего случившегося.

Я прошу оправдать подсудимого Заукеля.

Выступление Ф. ЭКСНЕРА, защитника подсудимого Альфреда Иодля

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 18 и 19 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Перед нами имеется материал, охватывающий четверть столетия мировой истории и события в четырех частях света. На основании этого огромного материала обвиняются одновременно 22 человека. Это чрезмерно затрудняет рассмотрение вины и ответственности каждого, ибо здесь были выявлены бесчеловечные акты, размеры которых трудно себе представить, и возникает опасность, что густая тень, которая падает на одну часть подсудимых, затмит и другую. Я опасаюсь, что, на-

ходясь в данном обществе, кое-кто покажется совсем в другом свете, чем он казался бы, если бы сидел на скамье подсудимых один.

Обвинение употребляет понятие «заговор» с целью сделать вывод, что отдельные лица должны нести индивидуальную ответственность за то, что совершили другие. Из выступлений моих коллег следует, что в действительности никакого заговора с целью совершения преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечности не существовало. Но я хочу сказать и другое: если бы даже такой «заговор» действительно и существовал, то Иодль, во всяком случае, в нем не участвовал.

Он не участвовал ни на одном из больших совещаний, на которых Гитлер излагал свою программу. Книгу Гитлера «Майн кампф» — это Евангелие национал-социализма — он читал лишь отрывками. Иодль остался аполитичным человеком соответственно своим личным наклонностям, которые были далеки от партийной политики, и соответственно традициям старого офицерского рода, из которого он происходит. Будучи внутренне настроен либерально, он питал мало симпатии к национал-социализму. Формально ему, как офицеру, запрещалось быть членом партии. Иодль не присутствовал ни на одном из решающих совещаний у Гитлера: ни 5 ноября 1937 г., ни в Оберзальцберге в феврале 1938 года, ни 23 мая 1939 г., ни 22 аагуста 1939 г. И в этом нет ничего удивительного. Иодль был тогда слишком маленьким человеком, чтобы его привлекали к решениям вопросов государственного значения.

В октябре 1938 года Иодль был переведен из ОКВ в Вену в качестве начальника артиллерии дивизии.

То, что в случае войны он должен будет работать в штабе фюрера, было давно решено. Это определялось порядком, установленным на текущий мобилизационный год. Этот мобилизационный год заканчивался 30 сентября 1939 г. ...

23 августа 1939 г. Иодль прибыл в Берлин. Начало военных действий было назначено на 25 августа. Однако по неизвестным ему причинам начало войны было затем отложено на 6 дней. План польской кампании был уже готов...

Гитлеру Иодль был представлен 3 сентября 1939 г., то есть после начала войны, когда основные решения были уже приняты.

Его служебное положение приблизило его к Гитлеру... Но и тогда он не узнал планов и намерений Гитлера.

Обвинитель все время ссылался на речь Иодля перед гаулейтерами, стараясь показать, что Иодль, несмотря на все, отождествлял себя с партией и ее устремлениями, что он был не только солдатом, но и политиком, что он был преданным приверженцем Гитлера... Надо принять во внимание обстоятельства, послужившие поводом для этой речи. После четырех суровых лет войны партия попыталась, дав информацию специалиста о военном положении, поднять падающий дух гаулейтеров. Выполнить это по назначению фюрера должен был генерал-полковник Иодль... Доклад назывался «Военное положение в начале 5-го года войны», и его содержание является чисто деловой информацией о военном положении на различных фронтах с описанием того, как оно создалось. Доклад на-

чинается и заканчивается, по крайней мере, согласно представленному документу, хвалебной песней фюреру, из чего обвинители делают не совсем верные выводы...

Теперь я перехожу к тем отдельным действиям, которые вменяются в вину Иодлю.

Согласно статье 6 Устава Суд рассматривает дело о преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые перечислены в Уставе и за которые установлена индивидуальная уголовная ответственность виновных в совершении этих действий лиц...

Иодлю ставится в вину участие в планировании и осуществлении нападения на Австрию и Чехословакию.

Плана наступления на Австрию вообще не существовало... На заседании 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге Иодль не присутствовал. Через два дня было приказано представить проект известных демонстративных маневров, очевидно, для того, чтобы оказать давление на Шушнига и заставить его придерживаться Оберзальцбергского соглашения. В этом нет ничего противоречащего нормам права, хотя обвинитель и говорил о «преступных методах». О решении фюрера относительно ввода войск в Австрию Иодль узнал совершенно неожиданно за два дня до его осуществления. Это свое решение в виде приказа фюрер передал по телефону. Письменный приказ Иодля являлся только изложением в письменной форме приказа Гитлера.

Затем операция в Чехословакии. Еще в начале 1938 года Гитлер заявил, что он не намерен «в ближайшее время нападать на Чехословакию». После неспровоцированной чешской мобилизации он изменил свою точку зрения, решив с 1 октября 1938 г. заняться решением чешского вопроса... Иодль должен был провести ряд подготовительных мероприятий в рамках штаба. Делая это, он был убежден, что его работа останется чисто теоретической, так как, учитывая желание фюрера при любых обстоятельствах избежать конфликта с Западом, следовало ожидать мирных соглашений...

Иодлю ставится в вину то, что он в одном из тезисов своего доклада предложил «организовать» инцидент, чтобы иметь повод к началу наступления. Причины этого он нам объяснил здесь. Однако дело не дошло до какого-либо инцидента...

Занятие Судетской области само по себе протекало так же мирно, как и занятие Австрии...

Указанные выступления Иодля не являются наказуемыми согласно Уставу действиями. Здесь не было нападения (в таких случаях имеет место применение силы); еще меньше это были войны (для этого необходимо наличие вооруженной борьбы), не говоря уже о том, что они не являлись агрессивными войнами.

Устав, предусматривая наказание за подготовку агрессивных войн, имеет, очевидно, в виду следующее: лицо, подготовившее агрессивную войну, которая действительно была осуществлена, должно быть наказано. Но планы войн, которые остались только планами, очевидно, сюда не относятся.

Оккупация остальной части чехословацкой территории в марте 1939 года не нуждается в более подробном обсужде-

нии, ибо Иодль был тогда в Вене и не участвовал в этой операции. Он не имел никакого отношения и к ее планированию, так как это совершенно не связано с его работой в генеральном штабе...

Планирование войны с Польшей. По этому поводу основное уже сказано. Когда Иодль выехал из Берлина, никакого плана наступления на Польшу не существовало. Когда же 23 августа 1939 г. он вернулся, существовало намерение 25 числа выступить против Польши. План операции был, конечно, уже готов, но Иодль к нему непричастен.

В обвинении упоминается еще о том, что 3 сентября Иодль был в поезде фюрера в Польше, и это является доказательством его участия в войне. Разве военному человеку следует делать упреки такого рода?

Пункт 8 говорит о нападении на семь государств, начиная с Норвегии и кончая Грецией...

Принимая во внимание выступление доктора Зимерса по этому вопросу, я хотел бы во избежание недоразумений добавить следующее.

Не может быть ни малейшего сомнения в том, что торговые суда воюющей державы могут совершать плавания в территориальных водах нейтральных государств. Если противник с целью предотвращения подобного плавания заминирует эти воды, то это является типичным нарушением нейтралитета. Военные суда также имеют право проходить через эти воды, пребывая в них не более установленного срока и не ведя в них боевых действий. Если это относится к военным судам, то еще в большей степени к тем, которые перевозят военнопленных.

Деятельность Иодля в штабе нельзя рассматривать как наказуемое сотрудничество.

Иодль, как всякий военный специалист, знал, что если Германия должна вести войну на Западе, то для нее нет другого пути, кроме пути военного наступления. Учитывая недостаток в вспомогательных средствах германского вооружения в то время, а также мощность линии Мажино, с военной точки зрения не было иной возможности для наступления, как наступление через Бельгию...

Голландия и Бельгия в действительности уже задолго до 10 мая 1940 г. не были нейтральными, ибо над их территориями с их согласия или против их воли практически летала авиация противника Германии. Всякий знает, какую помощь в укреплении военной мощи оказывали они тем самым Англии, то есть именно одной из воюющих сторон. Достаточно подумать лишь об «ахиллесовой пяте» Германии, о Рурской области. Наши противники, очевидно, стояли на следующей точке зрения: поскольку барьер, который представляли собой Голландия и Бельгия, защищал наши промышленные районы от авиации, нейтралитета этих стран можно было бы не уважать, но, поскольку он защищал Францию и Англию, нарушение его является преступлением...

Председатель: *Можно ли напасть на нейтральную страну без предварительного предупреждения, то есть будет ли нару-*

шением норм международного права нападение на нейтральное государство без предупреждения?

Экснер: *Мое утверждение состояло в том, что они не представляли собой нейтральных государств в момент, когда мы выступали против них.*

Председатель: *Значит, Вы отвечаете утвердительно. Вы говорите, что можно совершить нападение без всякого предупреждения.*

Экснер: *В международном праве существует положение о том, что необходимо заранее объявлять войну. Германия обязана была бы тоже заранее объявить войну, но раз перед нею были не нейтральные государства, мне кажется, она могла и не соблюдать подобную обязанность...*

Гитлер не собирался вовлекать Балканы в войну, но в начале октября 1940 года Италия вопреки его воле напала на Грецию. Когда итальянцам пришлось туго, они попросили у Германии помощи. Иодль рекомендовал отказать в ней, ибо в противном случае пришлось бы считаться с возможностью вмешательства Англии в дела на Балканах и тем самым потерять всякую надежду на локализацию итало-греческого конфликта. Гитлер приказал все подготовить на случай, если все-таки возникнет необходимость оказать помощь Италии в ее войне с Грецией. Это приказы от 12 ноября и 13 декабря 1940 г.

Локализовать греко-итальянский конфликт не удалось. Стало ясно, что Греция будет втянута в войну Германии и Англии. Вопрос заключался лишь в том, под чьим военным контролем будет находиться Греция — под контролем Англии или Германии... Выбора не было, так как греческая территория все более и более переходила бы в сферу влияния Англии, и если бы Германия не воспрепятствовала этому, превратилась бы в плацдарм бомбардировочных эскадр в их операциях против румынских нефтеносных районов.

Гитлер не хотел втягивать в войну и Югославию. Германские войска на Балканах имели строжайшую директиву пунктуально соблюдать ее нейтралитет. Гитлер даже отклонил ходатайство начальника штаба сухопутных войск о том, чтобы просить у югославского правительства разрешения на провоз через югославскую территорию запломбированных немецких эшелонов с военными материалами.

Путч Симовича в Белграде в ночь после присоединения Югославии к Пакту трех держав Гитлер воспринял как коварное предательство. Он считал, что смена правительства в Белграде, которая изменила курс внешней политики на 180 градусов, оказалась возможной только благодаря тому, что Англия или Советский Союз обеспечили тыл. С этого момента ему стало очевидно, что Балканы целиком будут вовлечены в перипетии войны. Для него было ясно, что германские войска в Болгарии подвергаются серьезной угрозе, так же как и германская коммуникационная линия, проходившая вблизи югославской границы.

При таком положении Гитлер наутро после белградского путча принял решение начать войну, к которой не было проведено ни малейшей подготовки. Предложения Иодля, а позднее

также и Риббентропа, заключавшиеся в том, чтобы, предъявив ультиматум, окончательно выяснить положение вещей, даже не обсуждались. Гитлер хотел обеспечить германский контроль над Югославией и Грецией и не допустить такового со стороны Англии... Решение о войне с Югославией принял Гитлер и только Гитлер.

Пункт 9 касается войны с Советским Союзом... Советский Союз был для германского партнера совершенно загадочной величиной. Так это и осталось. Тот, кто не учтет этих фактов, тот вообще не сможет оценить решение Гитлера о военном нападении на Советский Союз и прежде всего не сможет решить вопрос о виновности Иодля.

Если когда-нибудь Гитлер вообще действовал иначе, то в данном случае он принял свое решение, не выслушав ни от кого ни малейшего совета, не говоря уже о том, чтобы последовать последнему...

Переброска нескольких дивизий с запада, где они не были больше нужны, на восток не имела никакого отношения к подготовке нападения. Эта переброска была произведена по ходатайству командующего войсками на востоке, который слабыми силами, имевшимися у него в распоряжении, не мог решить задачи безопасности... В конце августа (директива от 27 августа 1940 г.) 10 пехотных и 2 танковые дивизии были переброшены в генерал-губернаторство на тот случай, если возникнет необходимость проведения молниеносного наступления с целью защиты румынских нефтепромыслов...

Кажется, в то же самое время Гитлер без ведома Иодля поставил перед штабом сухопутных войск задачу на всякий случай подготовить план операций против Советского Союза. Начиная с осени 1940 года штаб сухопутных войск начал разрабатывать такой план...

18 декабря 1940 г. Гитлер приказал начать военные подготовительные мероприятия... Наготове нужно было быть для того, чтобы не позднее начала лета 1941 года нанести удар. Этот срок был последним и в то же время самым ранним сроком, так как для развертывания сил было необходимо более четырех месяцев...

Иодль лишь выполнял при этом свои задачи офицера генерального штаба. Он был убежден и продолжает оставаться при этом убеждении и сейчас, что мы вели настоящую превентивную войну.

Наконец, пункт 10 касается войны против США.

То, что Иодль не хотел увеличивать число наших врагов еще на одну державу мирового значения, является само собой разумеющимся фактом...

Иодль был начальником штаба оперативного руководства, и этот штаб входил в состав ОКВ как самостоятельный отдел, который, в свою очередь, подчинялся Кейтелю. Главная задача Иодля, как показывает название его штаба, состояла в оказании помощи верховному главнокомандующему в деле оперативного руководства вооруженными силами. Он был советником фюрера по всем оперативным вопросам, по сути, начальником генерального штаба вооруженных сил. Задачей началь-

ника генерального штаба во всех странах, которые имеют подобное ведомство, является не издание приказов, а консультация, помощь при разработке военных операций и выполнение принятых решений... В главной ставке фюрера находился только штаб оперативного руководства, о деятельности которого Иодль докладывал непосредственно фюреру. К другим отделам ОКВ он не имел никакого отношения.

Какой же вывод следует сделать из всего этого относительно ответственности Иодля за действительные и мнимые агрессивные войны?

Иодлю предъявляется обвинение в том, что он принимал участие в планировании и подготовке войн, которые велись в нарушение норм международного права. Это обвинение было справедливо лишь в том случае, если бы в его функции входила проверка правомерности поставленных перед ним задач, например подготовка какой-то войны. Однако это в его функции не входило... И далее, понятие агрессивной и противозаконной войны, как об этом уже говорилось, еще не совсем ясно определено практиками и теоретиками международного права и является спорным...

Обвинители говорят, что генералов хотят наказать не за то, что они вели войну, в конце концов, это их задача. Их обвиняют в том, что они способствовали развязыванию агрессивной войны. Без генералов, которые были помощниками Гитлера, он не мог бы вести войн... Утверждают, что Иодль способствовал делу развязывания агрессивных войн. Однако, как это было уже в полной мере доказано, он не принимал участия в развязывании войны с Польшей. А ведь как раз эта война была походом, который в силу стратегической необходимости повлек за собой все остальные...

Прежде чем перейти к военным преступлениям и преступлениям против человечности, я должен сказать еще несколько слов о том, каков был круг компетенции Иодля как начальника штаба оперативного руководств вооруженных сил.

Иодль прежде всего был советником фюрера по вопросам оперативного руководства вооруженными силами. Он не имел никакого отношения к военнопленным, которыми занимался особый отдел ОКВ; он не имел никакого отношения ни к администрации оккупированных областей, ни к заложникам, ни к массовой депортации. Иодль не имел ничего общего с полицейскими задачами в зоне операций или в тыловых районах армии. Штаб оперативного руководства ОКВ не имел права издавать приказы, однако существует много приказов, которые Иодль или подписал «по поручению», или визировал своим инициалом «И».

Сейчас мы должны рассмотреть эти приказы и вопрос, кто является ответственным за них.

Во-первых, это приказы, которые начинаются словами «фюрер приказал» и которые подписаны Иодлем или подписаны Кейтелем и завизированы Иодлем. Это приказы, отданные фюрером устно Иодлю с поручением оформить их письменно и обработать стилистически. Что касается вопроса об ответственности за них, то в принципе Иодль ответствен за них так же,

как и за приказы, подписанные непосредственно Гитлером... Но если признавать приказ фюрера противозаконным и наказуемым, все-таки нельзя уйти от того факта, что в задачу Иодля не входила проверка его правомерности, — в его задачу входило лишь правильное оформление приказа, то есть выполнение воли приказавшего. Если он делал это и только это, то он не может нести ответственности за них.

Во-вторых, Иодль очень часто подписывал приказы, ставя перед подписью буквы «I.A.», что значит «По поручению», или визировал приказы, подписанные Кейтелем, ставя свой инициал «И». Как обстоит дело с ответственностью за эти приказы? Здесь мы должны различать военную и уголовно-правовую ответственность. В военном отношении за приказ отвечает начальник, по поручению которого этот приказ был подписан. Уголовное право акцентирует внимание на действительно виновном, а не на ответственном с военной точки зрения. В большинстве случаев тот, кто проставляет свои инициалы, или тот, кто подписывает «по поручению», является автором документа. Возможно, что именно он несет уголовно-правовую ответственность, хотя с военной точки зрения он не ответствен за них. Поэтому в каждом отдельном случае следует установить фактическое участие обоих подписавших и после этого уже решать вопрос о виновности.

В-третьих, если Иодль проставлял свой инициал не справа под последним словом документа, а на первой странице справа наверху, то это значит, что этот документ был представлен ему лишь для ознакомления. Но это еще не говорит за то, что он действительно читал этот документ и одобрил его. Проставление инициалов само по себе не возлагает на человека, таким образом завизировавшего данный приказ, какую-либо уголовно-правовую ответственность за его содержание.

В-четвертых, в качестве уличающих документов по делу Иодля были представлены отдельные записи Иодля, так называемые «Заметки к докладу», а также замечания, сделанные им от руки на планах и других документах. Как могут быть расценены с юридической точки зрения такого рода замечания и записи? Относительно плана «Грюн» в связи предложением при случае устроить инцидент эти заметки содержат соображения, донесения о фактическом положении дел, мнение автора или других лиц и т.п. Это не приказ, это лишь материал, на основании которого начальник может прийти к решению, будет он издавать приказ или нет, и если да, то какой именно. До тех пор, пока эти записи остаются в таком виде, они представляют собой документ, лишенный с точки зрения международного права всякого значения; документ, который не может означать никакого нарушения законов и обычаев войны, не является основанием для наказания. То же самое можно сказать и о замечаниях на полях, которых очень много в документах ОКВ. Это — замечания следующего характера: «да», «нет» или «это невозможно» и т.д. ... При оценке таких замечаний следует быть осторожным: очень часто эти замечания делаются весьма небрежно, без особого раздумывания над ними, рассчитаны на то, что их будет читать определенное лицо, и т.д. Если мы все

это примем во внимание, то уже с самого начала отпадут отдельные моменты обвинения, выдвинутые против Иодля.

1. Отпадает вопрос о виновности Иодля относительно летчиков, отданных на самосуд толпе (ПС-721, ПС-735). Иодль был против этой мысли, так как она должна была привести к массовому убийству всех летчиков, выбросившихся с парашютом...

2. Приказ о комиссарах (ПС-884). На этом ужасном проекте приказа, составленном еще до начала войны с Россией, Иодль сделал следующее замечание: этот приказ вызовет месть по отношению к нашим солдатам, лучше представить данное дело как репрессалии. В последующее время Иодль не занимался больше этим вопросом...

3. Женевская конвенция (Д-606). По этому вопросу Иодль предъявил Гитлеру не только заметки к докладу, но и очень подробное заключение, так как он ни за что не хотел допустить осуществления планов последнего, предусматривающих расторжение Конвенции. Иодль привел все доводы против расторжения и успокоил Гитлера словами, что и без расторжения Конвенции можно не выполнять ее отдельных положений. Это тоже не уголовно наказуемое деяние и в крайнем случае свидетельствует лишь о настроении, идущем вразрез с нормами международного права.

4. Приказ о Ленинграде. 7 октября 1941 г. Иодль сообщил командующему сухопутными войсками (и это было не чем иным, как сообщением), что Гитлер повторил уже ранее изданный им приказ, согласно которому воспрещалось принимать предложения о капитуляции Москвы и Ленинграда. Однако такого предложения о капитуляции никогда не делалось. Все это дело осталось только на бумаге и уже поэтому не может служить поводом для обвинения в нарушении международного права...

Далее я хочу остановиться на отдельных военных преступлениях, которые ставятся Иодлю в вину.

Приказ о коммандос. Два приказа, целиком составленные Гитлером и подписанные им 18 октября 1942 г., сыграли на процессе особую роль: так называемый приказ войскам о коммандос (ПС-498) и приказ командующим, идущий в дополнение к первому приказу (ПС-503) и разъясняющий его.

Эти приказы по своему содержанию находятся вне поля деятельности Иодля... и являлись инструктивными распоряжениями к приказу, изданному Гитлером за 11 дней до этого, также лично им составленному и опубликованному в виде приложения к оперативной сводке от 7 октября 1942 г. ...

Иодлю вменяется в вину два обстоятельства: 1) он передал по инстанции составленные Гитлером приказы и 2) на втором приказе, являющемся инструктивным распоряжением к первому и адресованном командующим, поставил гриф секретности...

Иодль считал понятной основную тенденцию приказа Гитлера, опубликованного в сводке верховного командования вооруженных сил. Приказ Гитлера о коммандос от 18 октября 1942 г. он считал частично приемлемым, частично вызывавшим сомнения с точки зрения норм международного права. По мере сил Иодль содействовал тому, чтобы применение на

практике приказа о коммандос оставалось в пределах безусловно допустимого.

Требование Иодля о сохранении приказа в тайне истолковано как признак сознания Иодлем своей вины. Основной приказ, помещенный в оперативную сводку, стал известен всему миру. Правда, Иодль дал указание о хранении второго приказа, изданного с целью разъяснения первого, в тайне. Он не хотел, чтобы стала известной заключительная его часть, согласно которой пленных участников диверсионных команд после их допроса надлежало расстреливать.

В остальном необходимо подчеркнуть следующее: рассылка приказа не является основанием для того, чтобы считать лицо, разославшее приказ, ответственным за его содержание.

Что же касается борьбы с партизанами, то Иодль лично не ведал этим делом, но он должен был заинтересоваться им, когда движение партизан приняло такие масштабы, что начало ставить под угрозу срыва проведение военных операций. В 1942 году он издал наставление по борьбе с партизанами, которое в 1944 году было заменено новым наставлением. Не может быть и речи о том, чтобы эта борьба не регулировалась никакими правилами. Хотя Гитлер и хотел вести борьбу с этим опасным противником, не считаясь с существовавшими нормами морали и международного права, Иодль без его ведома издал памятку о борьбе с партизанами, которая, по моему мнению, находится в полном соответствии с нормами международного права... Нельзя обвинять Иодля в том, что, несмотря ни на что, борьба с партизанами приняла такой характер. В задачи начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил не входит контроль за выполнением своих распоряжений на четырех театрах военных действий.

Во время перекрестного допроса обвинение инкриминировало Иодлю приказ о разрушении деревень в Норвегии. Имеется в виду телеграмма от 28 октября 1944 г. командующему 20-й горно-стрелковой армии. Обвинение не признает той роли, которая выпала при этом на долю Иодля... Гитлер не по предложению генералов, а по предложению имперского комиссара по делам оккупированных областей Норвегии издал приказ, который Иодль по его поручению передал командующему 20-й горно-стрелковой армии со всеми комментариями Гитлера как военного, так и морального порядка...

Обвинение хочет возложить на Иодля ответственность за депортацию евреев из Дании. При этом оно опирается на телеграмму, которую Иодль послал по поручению фюрера командующему германскими войсками в Дании. Данное утверждение обвинения особенно трудно понять, ибо из различных представленных обвинением документов ясно видно, что решение о депортации евреев из Дании было принято Гитлером по предложению доктора Беста, то есть гражданских властей, и вопреки возражениям командующего германскими войсками, выполнение же решения было передано рейхсфюреру СС. ОКВ вообще пришлось иметь дело со всем этим только потому, что в Дании тогда было объявлено чрезвычайное военное положение.

У нас долго спорили о том, должен ли преступник сознавать, что он действует против закона, или достаточно того, чтобы он сознавал, что делает что-то несовместимое со своим долгом...

Наш вопрос состоит в том, сознавал ли Иодль, подписывая и передавая различные приказы и планы, которые сегодня служат обвинительным материалом, что он совершает какие-либо противоправные действия. По-моему, нет...

Господа судьи! Я прошу оправдать генерал-полковника Иодля.

Выступление Э. КУБУШОКА, защитника подсудимого Франца фон Папена

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 22 и 23 июля 1946 г.

Господин председатель, Высокий Трибунал!

Папен обвиняется в участии в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира. Излагая обстоятельства дела, обвинение ограничивает его участие периодом до окончания его деятельности в Вене. Оно признает, что за последующий период, в частности за время его пребывания послом в Анкаре, отсутствуют данные для поддержания обвинения. Таким образом, хотя Папен и участвовал в приготовлениях к агрессивной войне, которые, по утверждению обвинения, начались уже в то отдаленное время, но он не принимал активного участия в непосредственной подготовке и совершении преступлений против мира.

Обвинение охватывает деятельность Папена в качестве рейхсканцлера последнего донацистского кабинета, его участие как вице-канцлера в кабинете Гитлера до 30 июня 1934 г., его деятельность в качестве чрезвычайного посланника в Вене. Обвинение столкнулось с необходимостью представить объективные доказательства того, что в этот промежуток времени уже велись подготовительные действия к совершению преступлений против мира и что Папен участвовал в них, ясно сознавая намеченную цель. Поскольку пунктами обвинения охватывается деятельность сама по себе легальная, а преступность отдельных действий определяется преступными целями, субъективная сторона играет в деле Папена основную роль.

Обвинение столкнулось с тем фактом, что зачастую высказываемые Папеном взгляды и проводившаяся им в действительности политика не соответствуют тому толкованию, какое придает им обвинение. Поэтому оно считает, что он был двуличным оппортунистом, который свои искренние или, во всяком случае, открыто демонстрируемые им убеждения приносил в жертву злободневным требованиям или желаниям Гитлера. Поэтому задача защиты состоит в том, чтобы осветить его лич-

ность и доказать, что действия и высказывания Папена представляют собой единое и последовательное целое и что вся его деятельность сама по себе исключает всякую связь с преступлениями, предусмотренными Уставом; что его действия преследовали иные цели, чем те, которые обвинение считает установленными...

Обвинение считает, что участие Папена в заговоре началось 1 июня 1932 г., то есть с момента назначения его рейхсканцлером. Однако оно не может ответить на вопрос о том, какие данные свидетельствуют о присоединении Папена к преступному сообществу, которое в то время, очевидно, уже существовало. Ответа на этот вопрос дать невозможно. Деятельность Папена в качестве рейхсканцлера ни в какой степени не может рассматриваться как деятельность участника гитлеровского заговора. Слишком очевидны его цели при создании кабинета, а также цели правительства, осуществлявшиеся за время пребывания его канцлером, и, наконец, его отставка для того, чтобы можно было приписывать ему проведение нацистских идей, стремление расчистить дорогу для национал-социализма или же участие в якобы существовавшем уже заговоре...

Папен стремился привлечь национал-социалистскую партию к разделению ответственности, не давая ей, однако, возможности овладеть решающим постом рейхсканцлера. Такая совместная ответственность понудила бы эту политически оппозиционную партию к признанию существующего положения вещей и тем самым исключила бы возможность ведения демагогической пропаганды.

Эти первые попытки Папена привлечь национал-социалистское движение к совместной работе с правительством рассматриваются обвинением как прокладывание пути к власти для национал-социализма...

Каковы же те данные, которые обвинение считает возможным представить в подтверждение этого обвинения?

Прежде всего то, что Папен во время своих первых переговоров с Гитлером вскоре после сформирования им, Папеном, кабинета согласился отменить запрет на ношение формы — мероприятие, которое согласно парламентарным правилам было совершенно естественным, даже если бы оно было проведено исключительно как средство политической компенсации за проявление терпимости в отношении кабинета...

Письмо от 13 ноября 1932 г., в котором Папен пытается склонить Гитлера к участию в правительстве, обвинение расценивает как недостойную по форме и предосудительную по содержанию попытку проложить национал-социалистам путь к власти... Оно игнорирует тот факт, что и здесь непременным условием предложений Папена было то, что пост рейхсканцлера не будет занят кандидатом от НСДАП.

Обвинение усматривает во временном ограничении прусского местного правительства, проведенном распоряжением от 20 июля 1932 г., признаки идейной общности в деятельности Папена с национал-социализмом...

«Государственный переворот», как именует обвинение осуществление распоряжения от 20 июля, ничего общего не имеет с покровительством национал-социалистам...

Если даже при исполнении этого распоряжения министру внутренних дел, временно отстраненному от этого поста, полиция предложила покинуть служебное помещение, то все же называть это «государственным переворотом» было бы сильным преувеличением...

Отношение Папена к НСДАП проявилось еще резче, когда в конце ноября 1932 года рейхспрезидент привлек его к участию в формировании нового правительства...

Какую роль играл Папен при формировании правительства 30 января 1933 г., можно было бы оставить без рассмотрения. Достаточно того, что все усилия сформировать парламентское правительство без участия Гитлера не могли увенчаться успехом из-за численности голосов, полученных национал-социалистами в рейхстаге...

Обвинение усматривает во встрече Гитлера с Папеном в доме Шредера, состоявшейся 4 января, первую попытку формирования правительства от 30 января. В действительности же эта встреча у Шредера была не чем иным, как обменом мнениями о тогдашнем положении, причем Папен и Гитлер продолжали придерживаться своих прежних взглядов; Папен указал на то, что Гинденбург, судя по высказанным им опасениям, ни в коем случае не согласится на то, чтобы Гитлер занял пост канцлера...

Что касается Гитлера, то было совершенно ясно, что он будет упорствовать в своем требовании о назначении его на пост рейхсканцлера...

Папену удалось свести число национал-социалистских министров до минимума. Трем национал-социалистским членам правительства противостояли восемь не национал-социалистов, которые в большинстве своем были членами старого кабинета и гарантировали проведение прежней политики в своих ведомствах... Папен получил пост вице-канцлера. Он не был связан ни с каким ведомством и в основном он должен был служить в качестве противовеса рейхсканцлеру...

Обвинение усматривает в этом решающий сознательный шаг для передачи всей власти национал-социалистам...

Участие Папена в формировании кабинета министров 30 января не было с его стороны попыткой добиться того, чтобы национал-социализм обладал исключительной властью.

Обвинение считает, что деятельность Папена как вице-канцлера в период с 30 января 1933 г. по 30 июня 1934 г. была продолжением его заговорщической деятельности, которая преследовала цель укрепления пришедшего к власти национал-социализма. В этой связи обвинение вменяет ему в вину участие в различных изданных в этот период правительством законах, которые, по мнению обвинения, служили лишь тем целям, о которых здесь говорило обвинение...

Если на основании закона о профессиональных чиновниках с должностей смещались только те, которые заняли свои посты не на основании специальной квалификации, а благодаря при-

надлежности к политическим партиям, то, помимо этого, увольнялись все те чиновники-евреи, которые были назначены на должность после 1918 года...

Затем подсудимый обвиняется в действиях, направленных против профсоюзов...

Позиция Папена по отношению к профсоюзам явствует из его речи от 4 марта 1933 г.

И в данном случае нужно учитывать, что на основании проводившихся тогда мероприятий нельзя было предвидеть размаха, который приняли события в дальнейшем, когда «Германский трудовой фронт» благодаря своим бесчисленным насильственным мероприятиям заслужил осуждение.

Представленными доказательствами установлено, что закон об амнистии не был каким-либо новшеством... Учреждение особых судов было мероприятием, диктовавшимся мотивами целесообразности для быстрейшего осуждения за политические преступления, так как обычный, более длинный, судебный путь не обеспечивал желанного устрашающего действия...

С момента смерти Гинденбурга Гитлер выступает в качестве диктатора, ничем уже не сдерживаемого и начинающего проводить свою беспощадную политику, по крайней мере, внутри страны.

Кроме законодательной деятельности кабинета, обвинение занималось вопросом о том, в какой степени Папен несет ответственность за подавление политических противников и за некоторые насильственные действия, происходившие в то время, которое по тогдашней терминологии называлось «национальной революцией».

Папен знал, что на основе закона имперского президента о защите народа и государства были проведены мероприятия по лишению свободы большого количества деятелей левого направления.

Этот закон был издан имперским президентом, то есть помимо компетенции Папена... под впечатлением пожара в рейхстаге.

Обвинение упрекает Папена в том, что он в своей телеграмме в газету «Нью-Йорк таймс» от 25 марта 1933 г. относительно мероприятий против евреев сообщил, что положение в Германии совершенно спокойное, и указал на то, что хотя отдельные действия имели место, но они якобы были запрещены распоряжением Гитлера...

Бойкот евреев, объявленный несколькими днями позже и проведенный 1 апреля 1933 г., был, в противоположность мнению обвинения, не мероприятием правительства, а чисто партийным мероприятием, против которого Папен на заседании кабинета вместе с другими заявил протест...

Еще более важным, чем выяснение внутриполитических отношений, является рассмотрение внешней политики империи в период, когда Папен был вице-канцлером.

В своей первой речи по внешнеполитическим вопросам, произнесенной 17 мая 1933 г., он анализировал отношение Германии к Польше, которое до этого времени никогда не было вполне удовлетворительным...

Уход Германии с конференции по разоружению произошел после того, как длительные переговоры не дали никакого положительного результата, и со стороны других держав не было заметно склонности удовлетворить в будущем требования Германии...

Одновременно последовавший выход Германии из Лиги Наций мог рассматриваться по-разному. И здесь можно было считать, что этот выход является шагом протеста и что фактические усилия в этом доказывают желание продолжать мирную политику...

Обвинение ставит Папену в вину, что он в своей речи в Эссене восхвалял правительство Гитлера и призывал к безусловному и положительному ответу на вопросы, поставленные на голосование при проведении плебисцита...

Если бы народ во время плебисцита высказался против проведенного мероприятия, это нанесло бы ущерб германской внешней политике. Поэтому совершенно понятно, что в торжественных публичных заявлениях эта политика должна была одобряться...

Наступили события 30 июня...

Бозе был первой жертвой в самом ведомстве вице-канцлера, Юнг, который был арестован вне Берлина, также был расстрелян... Другие сотрудники штаба, которых удалось обнаружить, были арестованы полицией и позже направлены в один из концлагерей.

Обвинение во время перекрестного допроса предъявило Папену письма, которые, на первый взгляд, представляют собой некоторое расхождение с его обычной позицией.

Папен заверяет Гитлера в этих письмах в том, что он является его сторонником и верен ему...

Для Папена положение тогда было следующим: он знал об убийстве Бозе, судьба Юнга тогда была еще неизвестна. Он надеялся, что тот бежал. Трое из его сотрудников были в концентрационном лагере. Их нужно было в первую очередь освободить оттуда. Кроме того, и на будущее надо было ликвидировать подозрение о том, что кто-либо из них или сам Папен находились в связи с кругами СА... Поэтому Папен считал себя вынужденным заверить в этих письмах Гитлера в своей лояльности и верности...

Факт назначения Папена на пост посла в Вене обвинение использует для утверждения о безусловной приверженности его Гитлеру, несмотря на противоположные факты, якобы служащие, по мнению обвинения, целям маскировки.

Деятельность Папена в Вене ясно характеризуется тремя моментами: обстоятельствами его назначения 26 июля 1934 г., его письмом к Гитлеру от 16 июля 1936 г., написанным после заключения польского соглашения, и его отозванием 4 февраля 1938 г.

Его назначение объясняется следующими причинами.

Произошли важные события. Дольфус убит, отношения между Германией и Австрией не только напряжены, но даже достигли крайне опасного пункта развития. Международное положение угрожающее. Италия концентрирует войска у Брен-

нера. Следовало непосредственно опасаться окончательного присоединения Австрии к одной из заинтересованных групп держав. Тем самым создавалась угроза такого положения, которое навсегда сделало бы невозможным поддержание сносных отношений между Германией и Австрией.

При столь тяжелой ситуации Гитлер, очевидно, решил отбросить в сторону свои сомнения относительно личности Папена и доверить ему пост в Вене. Папен был особенно подходящим лицом для проведения такой политики, при которой дела сдвинулись бы с мертвой точки, на которой они застыли в результате убийства Дольфуса.

Со стороны Папена, естественно, имелись большие сомнения относительно того, следует или не следует занять этот пост...

Обвинение утверждает, что Папен, как верный приверженец уже известных агрессивных планов Гитлера, охотно заявил о своей готовности вступить на этот новый пост...

Письмо Папена к Гитлеру от 16 июля 1936 г., являющееся сообщением об успехе его многолетних усилий, направленных на установление мирных отношений с Австрией, раскрывает истинные причины согласия Папена занять этот пост. Папен указывает, что теперь достигнута та цель, для осуществления которой он был 26 июля 1934 г. назначен в Вену. С заключением договора от 11 июля 1936 г. он считал свою задачу выполненной.

Что же хотели с помощью сомнительных истолкований приписать его миссии? Он якобы как послушный инструмент агрессивных планов Гитлера взялся выполнить задачу по подготовке и осуществлению насильственного присоединения Австрии. Он якобы был уполномочен изнутри подрывать правительство Шушнига и сотрудничать с нелегальным нацистским движением в Австрии ради достижения этой цели. А все то, что он сделал для улучшения обоюдных отношений, — маскировка, чтобы легче было осуществлять истинные планы...

Третий момент, который ясно характеризует деятельность Папена в Вене, это отзыв его из Вены 4 февраля 1938 г. В этот период было произведено преобразование важнейших военных и политических инстанций. Личности смещенных военных и дипломатов ясно говорят о том, какова была истинная причина произведенного тогда необычного и обширного преобразования. Если Гитлер тогда безо всякой видимой причины, совершенно неожиданно и не приведя никаких объяснений, сместил также и Папена с его поста, то это ясно доказывало, что Гитлер, начиная радикальный внешнеполитический курс, не считал больше Папена подходящим лицом для Вены...

Обвинение при перекрестном допросе представило доклады разных заграничных инстанций, которые Папен пересылал в Берлин. Оно считает, что Папен использовал содержание этих докладов. Это предположение неверно. Совершенно ясно, что целью пересылки докладов заграничной службы разведки является информация...

Доклады из-за границы, которые Папен передавал непосредственно Гитлеру, могли и должны были обратить его внимание на отрицательные моменты и побудить его устранить их...

В регулярных сообщениях Папен информировал Гитлера о положении в соседних государствах. Проверка содержания этих сообщений показывает, что здесь речь шла только о проблемах, которые находятся в непосредственной связи с внешнеполитическим положением Австрии на Балканах, то есть о проблемах, которые входили в круг задач аккредитованного посланника в Вене.

Наконец, я хочу еще коснуться аффидевита Мессерсмита.

Моя критика могла бы вообще ограничиться тем утверждением, что содержание аффидевита противоречит всем правилам опыта и логики. Дипломат не может открыть тайные цели своей политики представителю другого государства, который с подчеркнутой сдержанностью обращается к нему.

Невозможно, чтобы Папен, как это говорит в другом месте Мессерсмит, не только ему, но и вообще совершенно открыто огласил свой якобы существующий план свержения Шушнига, при правительстве которого Папен был аккредитован... Все обвинения, выдвигаемые Мессерсмитом: сотрудничество Папена с нелегальным нацистским движением, интриги и намерение свергнуть режим Шушнига, агрессивная политика нв юго-востоке, разделение Чехословакии между Польшей и Венгрией — все это опровергает в своих показаниях... свидетель Габронский...

Обвинение, кроме того, касалось участия Пвпена в совещании в Берхтесгадене 12 февраля. Совещание в Берхтесгадене не было начальной стадией нового курса. Напротив, это был результат всего предшествовавшего развития...

Поэтому совершенно понятно, что Папен во время своего прощального посещения Гитлера 5 февраля, когда разговор перешел на эту тему, несмотря на свою отставку, все же принял задание установить срок предполагаемого совещания и сопровождать австрийскую делегацию в Берхтесгаден на это совещание...

Из того, что произошло 12 февраля, зная личность Гитлера, нельзя сделать вывод о том, о чем он думал, когда 5 февраля впервые возникла и подверглась обсуждению идея о подобном совещании, и, безусловно, нельзя предположить, что именно о своих планах он, Гитлер, сообщил Папену.

Обвинение расценило не в пользу Папена утверждение о том, что он якобы, встретив австрийскую делегацию на австрийско-немецкой границе, обратил внимание Шушнига на присутствие генералов. Представление доказательств подтверждает, что это соответствует действительности. Единственными показаниями, которые это подтверждают, являются показания Шмидта. Шмидт не мог точно сказать, говорил ли Папен об одном генерале, то есть о Кейтеле, который после назначения на новую должность постоянно находился в ближайшем окружении Гитлера, или он говорил о нескольких генералах. Сам Папен сейчас не помнит, говорил ли он об этом Шушнигу, и если да, то в какой форме...

Участие Папена в совещании выяснено в ходе представления доказательств. Руководил один Гитлер, который грубостью старался произвести впечатление на Шушнига. Эта грубость

удивила даже людей, хорошо знавших его. Технические детали обсуждались с Риббентропом. Папен участвовал в совещании главным образом как наблюдатель, что было вполне естественно, поскольку он уже не занимал никакого официального поста.

Как расценивал Гитлер деятельность Папена в Австрии и его участие в совещании в Берхтесгадене, показывает лучше всего тот факт, что после этого Папен не получал никаких заданий, связанных с официальной деятельностью в Вене...

И если, я, наконец, разрешу себе коснуться пребывания Папена в Берлине 11 марта, то я даже и теперь, оглядываясь назад, не могу окончательно выяснить, чем объяснялось желание Гитлера, чтобы Папен был в Берлине...

Папен высказывал Гитлеру свое мнение о необходимости отсрочить проведение плебисцита для того, чтобы разрядить атмосферу. Свою точку зрения относительно дальнейших событий Папен выразил в высказываниях по поводу военной подготовки, а также по поводу отмены приказа о вступлении в Австрию. Это подтверждено документально.

Наглядное описание событий, имевших место в имперской канцелярии, содержится в стенограммах телефонных переговоров Геринга...

Независимо от правового вопроса о том, можно ли вообще говорить о присоединении Австрии в пределах обвинения, установленного Уставом, защитой Папена приведены доказательства, которые показывают, что Папен не был инициатором вступления в Австрию и не проводил политики, преследующей эту цель, и что его деятельность в Австрии была направлена лишь к достижению целей, которые были поставлены перед ним 26 июля 1934 г. при его назначении; цели эти были таковы: проводить политику, которая способствовала бы установлению мирных отношений между обеими странами, то есть это была легальная цель, которая не имеет ни малейшего отношения к какой-либо особой или же общей агрессивной политике...

Обвинение рассматривает деятельность Папена только в период его пребывания в Вене и предшествующие периоды, но не объясняет, чем была вызвана пассивность Папена в последующие периоды...

Мы переходим теперь к периоду непосредственной подготовки к войне и началу войны.

Хотя обвинение не может использовать для укрепления своих позиций деятельность Папена в Анкаре, оно все же не отказывается от того, чтобы факт назначения Папена на этот пост истолковать в неблагоприятном для него смысле. Поэтому надо остановиться на этом пункте.

Папен принял это назначение после больших колебаний.

Имелись причины, из-за которых он более не мог оставаться в стороне...

Конфликт Италии с Турцией мог вызвать в порядке выполнения существующих договоров всеобщую войну. Папен думал, что если он своей работой сможет помешать возникновению войны, то это внутренне оправдывает принятие им на себя этого назначения...

Обвинение считает, что Папен, состоя в заговоре с Гитлером, способствовал возникновению войны.

Обвинение не смогло доказать, что Папен когда-нибудь имел какое-либо отношение к предполагаемому заговору. Этому противоречит действительность. В порядке представления доказательств со стороны защиты установлены факты, которые не допускают связи его личности даже с мыслью о тех преступлениях, которые изложены в Обвинительном заключении.

Вывод ясен. Франц Папен не виновен в предъявленном ему обвинении.

Выступление Г. ШТЕЙНБАУЭРА, защитника подсудимого Артура Зейсс-Инкварта

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 19 и 22 июля 1946 г.

Милорд, высокий Военный Трибунал! Развалины Нюрнберга, древнего, достойного уважения города, подарившего не только немецкому народу, но и всему миру величайшего художника Альбрехта Дюрера, непревзойденного резчика Вейба Штоса и майстерзингера Ганса Закса, служит теперь ареной, где происходит величайший уголовный процесс из всех процессов, известных истории права...

Мы выслушали здесь обвинение, которое стремилось в широком масштабе доказать, что существовал заговор, направленный на завоевание всего мира путем ведения агрессивных войн. При ведении этих войн не только были нарушены соглашения, воспрещавшие ведение таких войн и негуманное поведение во время войны, но и попирались самые основные права человечества. Мы видели, как в течение месяцев целые горы документов и длинная вереница свидетелей должны были подтвердить выдвинутые обвинения, а защита, со своей стороны, являясь поборником и слугой правосудия, старалась помочь суду в установлении истины. В зале присутствовали представители всех частей света, и очень часто весь мир, затаив дыхание, следил, как разрывалась густая завеса тумана и перед его взором открывались все новые бездны неслыханных преступлений. За воротами же суда стоит глубоко потрясенный германский народ, вождями которого являлись подсудимые. Однако, как бы ни закончился процесс, у защиты нельзя будет отнять одной заслуги перед германским народом, а именно той, что уже никогда в дальнейшем при обсуждении вопроса о вине германского народа нельзя будет говорить о коллективной вине или соучастии германского народа в преступлениях, а речь может идти лишь о коллективном позоре, так как люди, под руководством которых совершались возмутительные преступления, были немцами.

И вот в заключение этой мировой трагедии занавес поднимается еще раз для того, чтобы выслушать защиту, за чем последует приговор, который должен соответствовать не только основным принципам права, но и содействовать тому, чтобы преступления, о которых говорит обвинение, никогда не могли больше совершаться.

В начале процесса — 20 ноября 1945 г. — господин председатель заявил, что этот процесс будет иметь огромное значение для миллионов людей во всем мире. Поэтому всякий, кто принимает в этом процессе участие, должен торжественно взять на себя обязанность выполнять свой долг без страха, без пристрастия к кому-либо, руководствуясь только основными принципами права и справедливости. Для защиты эта обязанность иногда становилась почти непосильным бременем. Не из-за количества представленных на процессе материалов и совершенно новых правовых вопросов, возникающих в связи с этими материалами, а потому, что здесь были вскрыты ужасные факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку трудно поверить в возможность всего происходившего. При этом я имею в виду не препарированную человеческую кожу, не куски мыла из человеческого жира, которые нам показали, а ту методичность, с какой мучили, пытали, убивали, расстреливали, вешали и отравляли газом миллионы невинных людей. Я думаю о многих отдельных захватывающих картииах, которые произвели глубочайшее впечатление как на меня, так и на всех остальных.

Три с половиной миллиона человек — мужчин, женщин и детей — было уничтожено в одном лишь Освенциме. Самое страшное оружие обвинения заключается именно в том, что призраки всех этих невинных людей стоят рядом с обвинителем, угрожая и требуя мщения. Но и я также не одинок. На моей стороне стоят многие невинные жертвы войны с германской стороны, женщины и дети, погибшие во Фрейбурге, Кельне, Дрездене, Гамбурге, Берлине и почти во всех остальных немецких городах...

Однако, если бы даже их не было и подсудимый стоял бы один перед судьями, моим долгом, как адвоката, было бы защищать его и помогать ему...

Прежде чем перейти к отдельным пунктам обвинения, я хотел бы вкратце обрисовать облик подсудимого... Обвинение описывает его как прожженного, хладнокровного, расчетливого политического авантюриста, преследовавшего свои личные цели. Обвинение считает абсолютно очевидным его злоупотребления своим положением министра в целях ведения двойной игры для того, чтобы выдать Австрию заговорщикам. В Польше и Нидерландах, по утверждению обвинения, он хладнокровно совершал жестокости, не заботясь о международных обязательствах, и попирал ногами право малых наций на их религиозную и политическую свободу.

Его политическая программа состоялв в идее аншлюса.

Обвинение сделало основой этого процесса понятие о заговоре для того, чтобы этим кольцом окружить всех обвиняемых и привлечь их к общей ответственности. Мои коллеги уже

достаточно говорили на этом процессе о понятии заговора и пределах его действия. Повторять эти высказывания нет необходимости.

...Я перейду к рассмотрению обвинения, предъявленного моему подзащитному, в том, что он как заговорщик участвовал в захвате Австрии и, кроме того, что он в Польше и в Нидерландах якобы совершал военные преступления, а также преступления против человечности.

Итак, первый акт разыгрывается в Австрии, второй — в Нидерландах после краткой интермедии, имевшей место в Польше...

Когда Гитлер в 1933 году пришел к власти, австрийские социал-демократы отреклись от аншлюса, ибо они увидели в самом начале, что их партия в Германии разгромлена, профсоюзы распущены, рейхстаг подожжен и что началось преследование евреев. Католические круги, которые путем аншлюса хотели усилить влияние католической церкви в империи, также отреклись от аншлюса ввиду начавшегося в империи преследования церкви, за аншлюс выступали только национал-социалисты, число которых за короткое время возросло в 10 раз. Так как доктор Дольфус отрезал национал-социалистам в Австрии путь к власти с помощью выборов в парламент, они под руководством государственного инспектора Тео Габихта стремились к власти в государстве всякими другими путями. Наступают кровавые события 1934 года. Доктор Дольфус умирает от руки убийцы. Его преемник доктор Шушниг пытается снова привести в порядок глубоко потрясенную государственную систему. Социалисты после февральских событий 1934 года, ухмыляясь, стояли в стороне. Меняется также и внешнеполитическая ситуация. Если в 1934 году Италия еще стояла на стороне Австрии и Муссолини угрожающе придвинул свои дивизии к Бреннеру, то абиссинская авантюра привела Италию к союзу с Гитлером. Австрия вынуждена участвовать в изменении внешнеполитического курса. Для того чтобы улучшить экономическое положение, она заключает 11 июля 1936 г. соглашение, по которому Германия признает ее независимость и прекращает экономическую войну. Однако ценой всего этого являлся ряд мероприятий, которыми национал-социалисты добивались упрочения своего положения в Австрии. Для того чтобы расширить узкую платформу своего правительства, канцлер Шушниг объявляет о привлечении так называемых националистов к сотрудничеству. Среди этих лиц находился также и подсудимый, который затем в мае 1937 года стал австрийским государственным советником. Как уже упоминалось выше, его политической программой была идея аншлюса, он никогда не делал из этого секрета. Нельзя забывать, что подсудимый происходит из рядов национальной оппозиции. Аншлюс приблизил его к национал-социализму. Я не буду заниматься исследованием, когда он формально стал членом этой партии...

В задачи Зейсс-Инкварта входил контроль за проведением в жизнь июльского соглашения, он должен был быть посредником между австрийским правительством и национальными кругами, с одной стороны, и с империей — с другой. Эта задача была очень трудной и неблагодарной...

Постоянно нарушалось июльское соглашение. Австрийская полиция обнаружила известный теперь под именем Тавса план переворота, целью которого было коренное изменение формы правления. Министр Гидо Цернатто говорил, что подсудимый стоял в стороне от всех этих планов. Последоаало совещание от 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге. Ход этого совещания известен...

На осноаании достигнутого на этом совещании соглашения Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел и министром безопасности...

Благодаря берхтесгаденскому соглашению нацистам в Австрии была дана широкая возможность деятельности и аедения пропаганды. Выпущенные из тюрем согласно закону об амнистии две тысячи членов нацистской партии, а также аозвратившиеся из империи в Австрию стали вести пропаганду, особенно в провинциях, за вступление в партию. В частности, речь Гитлера в рейхстаге от 20 февраля они использовали а качестве сигнала к антигосударственным демонстрациям для того, чтобы а кратчайший срок захватить правительственную власть в свои руки...

Дальнейшее развитие событий известно, особенно события 11 марта 1938 г. Главным моментом для объявления Зейсс-Инкварта участником заговора является телеграмма о мнимых беспорядках, которая будто бы дала толчок вступлению немецких войск в Австрию. Мы встречаем эту историческую ложь, принесшую подсудимому имя «Иуды Австрии», в описаниях, связанных с аншлюсом событий, например, в книге Рафаэля Лемкина «Господство оси в оккупированной Европе». Но кроме того, мы встречаем это имя во вступительной речи Главного американского обвинителя судьи Джексона, несмотря на то, что представление записи телефонных разговоров Геринга (ПС-2449) в связи с показаниями, которые Геринг дааал, неопровержимо доказало, что эта телеграмма не была послана, а была продиктована третьему лицу в тот момент, когда немецкие войска уже получили приказ перейти границы. В связи с этим указанные телефонные разговоры Геринга представляют собой важнейший исторический документ...

15 марта 1938 г. Адольф Гитлер прибыл в Вену...

Вместе с фюрером а Вену прибыл Геббельс, пустивший в ход саою гигантскую машину пропаганды с наиаысшим напряжением. Митинги следовали один за другим... Вместе с Геббельсом прибыл и Гиммлер со своим гестапо и СС. Уже в ночь на 13 марта в Вене началась большая кампания арестов. Она коснулась бывших членов союзов обороны, выдающихся руководителей социалистического союза «шутцбунд», а также занимавшихся политикой и участвовавших в общественной жизни евреев, коммунистов, монархистов, духовенства и масонов. Она коснулась даже руководителей бойскаутов и австрийской организации молодежи. Только в одной Вене было произаедено 76 тысяч арестов. А уже 2 апреля 1938 г. с западного вокзала отошел первый эшелон в Дахау, в котором находилось 165 бывших рукоаодящих деятелей, среди которых были также теперешний канцлер Фигль, министр просвещения Худрес и ми-

нистр юстиции доктор Гере. 21 мая был отправлен второй эшелон, в конце мая — третий, и так продолжалось и дальше. Раз в 8 дней отбывали эшелоны в Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен.

А подсудимый? Он был лишен влияния и прижат к стенке. Имперским комиссаром воссоединения Австрии с империей был назначен победитель в саарской избирательной борьбе Иозеф Бюркель, который получил диктаторскую власть. Полномочия подсудимого были едва ли больше полномочий оберпрезидента в империи, то есть он обладал административной властью второй инстанции... Он был не руководителем, а руководимым или, по-моему, правильнее сказать, лицом, которое ввели в заблуждение, вернее, послушным орудием в руках Гитлера и Геринга. Его политическим идеалом был аншлюс, конечно, без всякого намерения ведения агрессивной войны...

После аншлюса Австрия не переставала надеяться на свое освобождение и бороться за него. Было много горя и много жертв. 6 тысяч человек были казнены в Австрии. Только в результате деятельности венского областного суда погибло на гильотине 1200 человек, среди которых 800 человек было казнено лишь за антинацистские настроения. В последние дни войны прекрасные здания в Вене обратились в развалины, собор святого Стефана, один из величайших памятников немецкой готики, погиб в пламени. Так претворялись в действительность слова Гитлера, сказанные им 15 марта 1938 г. о том, что «жемчужина имеет такую оправу, которую заслуживает ее красота»...

В заключение моих рассуждений по австрийскому вопросу я перейду к краткому рассмотрению, с точки зрения права, обвинения, предъявленного моему подзащитному.

После соглашения, заключенного 11 июля 1936 г., австрийский канцлер доктор Шушниг привлек подсудимого Зейсс-Инкварта к сотрудничеству в качестве представителя национальной оппозиции, а не как политического единомышленника.

Зейсс-Инкварт все время заявлял, что теперь национальная оппозиция состоит только из национал-социалистов, которые руководствуются только волей Гитлера и, во всяком случае, никогда не выступят против этой воли.

Зейсс-Инкварт заявлял о том, что он является национал-социалистом, то есть что он всегда будет представлять интересы австрийских национал-социалистов. Это подтверждают не только свидетель Скубль, но и высказывания заслуживающих доверия лиц, которые я ранее цитировал.

Во избежание военного или международного конфликта Зейсс-Инкварт преследовал цель вести деятельность в интересах австрийских национал-социалистов, независимых от имперской партии, при тесном сотрудничестве Австрии и Германии.

Зейсс-Инкварт заявлял, что эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если с нею согласен Гитлер, который даст указание австрийским национал-социалистам встать на путь вышеупомянутой политики. Этого он хотел добиться...

Перехожу к деятельности подсудимого в качестве министра внутренних дел и министра безопасности...

11 марта 1938 г. Зейсс-Инкварт выполнял обязанности «связного» по берхтесгаденскому соглашению. Вместе с Глейзе-Хорстенау утром 11 марта он совершенно откровенно изложил доктору Шушнигу создавшееся положение. В частности, он указал на угрожающие национал-социалистские демонстрации и на возможность вступления германских войск. В полдень он передал Шушнигу требование Геринга, а затем его ответ — Герингу.

После того как доктор Шушниг подал в отставку, Зейсс-Инкварт держался в стороне от дел. Он ни в коей мере не выполнял требования Геринга способствовать передаче поста канцлера в его руки или захвату власти. Как известно, ультиматум, содержавший угрозу вступления германских войск, был передан советником посольства фон Штейном и генералом фон Муффом, под давлением которых президент Миклас, наконец, сдал свои позиции. Это видно из показаний президента Микласа (ПС-3697) и свидетелей Рейнера и Шмидта...

Призыв не оказывать сопротивления германским войскам Зейсс-Инкварт взял из прощальной речи доктора Шушнига...

13 марта 1938 г. был издан закон об аншлюсе...

Никогда не считалось, что в основе присоединения Австрии к Германской империи лежал преступный политический замысел, но присоединение было единственной целью подсудимого.

Сейчас я представлю суду решить вопрос о том, можно ли вступление немецких войск в Австрию совместить с положением, изложенным в статье 6 Устава...

Несколько месяцев спустя после занятия Аастрии и присоединения этой малой страны к Германии 29 сентября 1938 г. в Мюнхене был заключен договор в отношении второго малого государства...

По вопросу о Чехословакии мне нечего сказать. По вопросу о Польше я могу сказать лишь немногое, так как мой подзащитный ни с какой стороны не проявил себя по отношению к полякам в течение того короткого времени, пока находился в Польше, где он главным образом занимался организационными вопросами, связанными с созданием германского административного аппарата. В данном случае достаточно будет указать на те результаты, которые показали предъявленные доказательства. То же нужно сказать и о его почетном звании в СС. Я добавлю, что человек, имевший почетное звание в СС, никогда не подчинялся Гиммлеру как в отношении выполнения приказов, так и в дисциплинарном отношении. Люди, имевшие почетное звание в СС, каких-либо функций в СС никогда не имели. Что касается его работы в качестве министра без портфеля, то значение этой его деятельности будет разбираться в связи с рассмотрением вопроса об организациях по делу «имперского правительства».

Поэтому я перехожу ко второй части обвинения — к вопросу о Нидерландах.

...Здесь, на процессе, мы узнали, что по сравнению с народами других оккупированных стран нидерландцы оказывали наиболее целеустремленное, самое упорное, становив-

шееся все более эффективным политическое сопротивление. Этот народ в течение нескольких лет не терял надежды на то, что в один прекрасный день для него опять восторжествует свобода...

В эту страну в мае 1940 года в качестве верховного начальника гражданской администрации прибыл Зейсс-Инкварт. Что бы он ни думал и что бы он ни планировал, его трагедией оставалось то, что он приехал в эту страну в качестве представителя Гитлера, то есть как представитель одной из самых ненавистных систем в мире. Сотни законов, постановлений и указов имели его подпись, и как бы они ни были правильно оформлены с точки зрения законодательства, они являлись в глазах народа мероприятиями врага, а Зейсс-Инкварт — угнетателем...

В Нидерландах имелись следующие власти:

1) рейхскомиссариат (гражданская администрация, представлявшая интересы империи);

2) командующий оккупационными войсками и различные начальники, включая специальные суды;

3) полиция, о которой я буду еще говорить позже;

4) управление по четырехлетнему плану, руководимое Герингом;

5) оперативный штаб Розенберга;

6) генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы — Заукель;

7) министерство вооружения Шпеера и

8) не в последнюю очередь, НСДАП с ее учреждениями и организациями.

Рейхскомиссар согласно приказу фюрера должен был деюре следовать директивам этих учреждений. Он не имел права вмешиваться в мероприятия этих центральных инстанций... Что касается нидерландского населения, то оно, как уже упоминалось, относилось отрицательно к существовавшему порядку, а движение Сопротивления, организованное, вооруженное и руководимое нидерландским правительством из Лондона, усиливалось из года в год. Именно с этих двух позиций нужно рассматривать действия подсудимого для того, чтобы вынести справедливый приговор.

Главное обвинение заключается в имевшем якобы место нарушении суверенитета страны путем введения рейхскомиссариата с входившими в него четырьмя генеральными комиссариатами, отмены гражданских свобод, введения принципа фюрерства и роспуска законных союзов и политических партий. В этих мероприятиях нельзя видеть нарушения международного права, так как Германия, которая так же, как и Нидерланды, являлась одной из стран, подписавших IV Гаагскую конвенцию 1907 года, придерживалась правил ведения сухопутной войны... Ввиду того, что вся страна была оккупирована, а королева и министры бежали из страны, верховная правительственная власть в области гражданских дел перешла от королевы и парламента в руки оккупационной администрации и тем самым в руки рейхскомиссара. Оставленный в стране с особыми полномочиями генерал Винкельман отка-

зался от осуществления прав, предусмотренных в безоговорочной капитуляции от 10 мая 1940 г.

Далее, французское обвинение заявляет, что подсудимый совершил целый ряд террористических актов. Однако мы во время представления доказательств слышали, как в действительности обстояло дело с коллективными наказаниями...

Замена нормальных судов и передача прав на осуждение людей, нелояльных в отношении оккупационных властей, последовали по прямому приказу фюрера в июле 1944 года.

Одним из самых тяжких пунктов обвинения является обвинение в связи с вопросом о расстреле заложников, вследствие чего я на нем должен остановиться детально. Я упомяну о том, что уже в общем было сказано доктором Нельте, и в частности, о правовой стороне этого вопроса. Обвинение выхватило из документа РФ-379 два случая: так называемый расстрел заложников в Роттердаме и расстрел в связи с покушением на высшего руководителя СС и полиции Раутера.

На своем предварительном допросе, производившемся обвинителем, подсудимый уже говорил о первом случае — затребовании армейскими инстанциями 25—30 заложников. Свидетель Виммер показал, что эти заложники были затребованы армейскими инстанциями и что число их в результате вмешательства подсудимого в конце концов было уменьшено, и что расстрел был произведен по указанию высшего руководства СС и полиции.

Что касается второго здесь упомянутого случая с заложниками, то там речь идет о последствиях покушения в марте 1945 года на высшего руководителя СС и полиции обергруппенфюрера СС Раутера, то есть о начальнике полиции Нидерландов, непосредственно подчиненном Гиммлеру. Если мы вспомним последствия убийства в мае 1942 года чешскими патриотами тирана Гейдриха, то мы можем себе представить, как старался Гиммлер на вершине своего могущества в 1945 году соответствующими наказаниями отомстить за удар, нанесенный одному из его ближайших и непосредственных сотрудников.

Ясно и то, что после покушения на одного из своих генеральных комиссаров подсудимый, как представитель администрации, требовал в виде серьезного предупреждения устрашающих мероприятий.

Далее, обвинение утверждает, что подсудимый, будучи рейхскомиссаром, проводил, поддерживал и одобрял угон очень большого числа нидерландских граждан в империю. В принципе вопрос об этом угоне иностранных рабочих уже обсуждался другими защитниками...

Осенью 1944 года среди работоспособного населения была проведена так называемая акция по ловле людей. Как показали свидетели Гиршфельд, Швебель и Виммер, это мероприятие проводилось вооруженными силами, за приказ которым подсудимый не несет ответственности...

Что касается обвинения в так называемом экономическом разграблении страны, то это также требуется пояснить. Конфискация сырья последовала тотчас за оккупацией согласно установкам по четырехлетнему плану и проводилась при учас-

тии нидерландских властей, которые при проведении указанных мероприятий имели возможность смягчить ненужную жестокость... Производя реквизиции, подсудимый настаивал на соблюдении всех правил возмещения за убытки, предотвращал незаконный перевод предприятий и учреждений в Германию, как, например, маргариновой фабрики в Дортрехте и холодильного института в Лейдене...

Приказ о конфискации исходил в первую очередь от вооруженных сил, в силу военного положения, что видно из доклада офицера полевого экономического штаба при командующем войсками в Нидерландах от 9 октября 1944 г. (РФ-132) и из доклада лейтенанта Гаупта (ПС-3003, США-196)...

Я укажу лишь в противовес утверждению обвинения на то, что подсудимый не имел никакого влияния на установление размеров оккупационных платежей и даже никакой возможности контроля над ними. Рейхскомиссариат при участии империи осуществлял контроль лишь над бюджетом, причем последний утверждался империей и контролировался имперским казначейством. По согласованию с нидерландскими учреждениями расходы на гражданские нужды составляли 3 миллиона гульденов ежемесячно...

Что касается изъятия ценностей, не имеющих военного значения, как, например, памятников искусства, библиотек и т.д., то подсудимый к этому отношения не имел...

Еврейский вопрос связан до некоторой степени с экономическим вопросом. Но прежде чем перейти к этому пункту, я должен обязательно сказать о роли полиции в Нидерландах. Обвинение старается показать, что полиция, и в частности немецкая полиция, особенно полиция безопасности в Нидерландах, была подчинена подсудимому...

Из декрета от 18 мая 1940 г. явствует, что немецкая полиция не являлась частью учреждений рейхскомиссара и ему не подчинялась.

Таким образом, если рейхскомиссар и обладал высшей гражданской правительственной властью, то она все же не распространялась на полицию...

Из всего сказанного ясно, что рейхскомиссар несет лишь косвенную ответственность за действия германской полиции, поскольку он использовал ее для проведения своих распоряжений в гражданской области...

В судебных выдержках обвинение утверждает, что всю ответственность за выполнение нацистской программы в отношении преследования евреев в Нидерландах несет рейхскомиссар Зейсс-Инкварт, потому что он сам в своей речи, обращенной к членам НСДАП в Амстердаме 13 марта 1941 г., заявил: «Евреи не являются для нас нидерландцами, евреи — враги национал-социализма и национал-социалистской империи». Зейсс-Инкварт обосновывает в этой речи также и то, почему он, будучи представителем интересов империи, считал необходимым занять такую позицию в отношении евреев. В его намерения входило удалить евреев с ответственных постов в государстве и экономике на время оккупации, не предпринимая, однако, никаких дальнейших мер. Фактически он и провел только эти ме-

роприятия... Тем временем разрешение еврейского вопроса было возложено Гитлером целиком и полностью на Гиммлера, облеченного обширными полномочиями, а также на Гейдриха...

Наряду с распоряжениями о лишении евреев свободы передвижения было также конфисковано имущество, принадлежащее еврейским организациям и отдельным евреям. Рейхскомиссар назначил доктора Бемкера своим специальным уполномоченным, поручив ему осуществлять, по мере возможности, надзор за мероприятиями, проводимыми полицией, и не допускать перегибов...

Документ США-195 (ПС-1726), касающийся выселения евреев, дает ясное представление о всей еврейской проблеме в Нидерландах...

Приказ об эвакуации издал не подсудимый, а Гиммлер через Гейдриха, подсудимый даже не давал согласия на эту эвакуацию...

Большая часть этих евреев направлялась в Польшу, и вероятно, одной из самых ужасных фраз, которые имеются в документах, предъявленных обвинением, является та, которая содержится в документе США-195: «Общее количество угнанных составляет 117 тысяч. После того как их вывезли из Голландии, следы их были потеряны».

Знал ли подсудимый о судьбе этого большого количества несчастных и невинных людей и одобрял ли он это или преступно не прилагал усилий для того, чтобы предотвратить это? Подсудимый неоднократно... заявлял, что он об этом ничего не знал и что он считал, что действительно евреи были переселены на время войны на Восток...

Теперь, когда поднялась плотная завеса, за которой скрывались ужасы этих массовых убийств, мы знаем истинное положение.

Следующим пунктом обвинения является утверждение о том, что подсудимый как имперский комиссар в ходе осуществления намеченной политики уничтожения и ослабления оккупированных стран намеренно не заботился о питании голландцев, что в конце концов привело к катастрофическому голоду... По утверждению подсудимого, питание в Голландии было, несомненно, не хуже, чем в Германии.

С осени 1944 года положение с питанием значительно ухудшилось.

Страна после вторжения в большей своей части стала театром военных действий, и дороги были разрушены бесчисленными воздушными налетами. Это привело к тому, что, в частности, на западе Голландии, где на небольшом пространстве в трех крупных городах были скучены миллионы людей, создалось тяжелое положение с питанием...

Итак, с чувством доверия вручаю судьбу моего подзащитного Вам, уважаемые господа судьи. Я знаю, что Вы хорошо взвесите также и все те обстоятельства, которые говорят в пользу Зейсс-Инкварта...

Выступление Г. ФЛЕКСНЕРА, защитника подсудимого Альберта Шпеера

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 23 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

Обвинение инкриминировало подсудимому Шпееру преступления по всем четырем разделам Обвинительного заключения, которые в основном соответствуют положениям пунктов «а», «b» и «с» статьи 6.

Французское обвинение, детализировавшее отдельные обвинения, выдвинутые против подсудимого Шпеера, отказывается от инкриминирования подсудимому Шпееру преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 6 Устава, и требует применения против Шпеера только пунктов «b» и «с» этой статьи. Однако так как во время судебных заседаний юридическое понятие заговора неоднократно упоминалось именно в связи с подсудимым Шпеером и было выдвинуто утверждение, что подсудимый Шпеер также виновен в преступлениях, предусмотренных пунктом «а» статьи 6 Устава, необходимо детально рассмотреть этот вопрос.

Подсудимому инкриминируется далее планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны, нарушавшей международные договоры, хотя империя в это время уже находилась в состоянии войны со всеми государствами, сам подсудимый занимал пост руководителя министерства вооружения, которое лишь через полтора года после начала войны было реорганизовано в министерство вооружения и боеприпасов. Следовательно, в то время, когда подсудимый занял свой пост в правительстве, обстоятельства, упомянутые в пункте «а» статьи 6, уже имелись налицо, и деятельность подсудимого Шпеера не внесла ни малейшего изменения в фактически существовавшее положение. Подсудимый ничем не способствовал созданию такого положения.

Его деятельность до этого представляла собой деятельность архитектора, который занимался исключительно мирным строительством и ничем не способствовал ни подготовке, ни развязыванию войны, нарушавшей международные договоры. Я ссылаюсь на документ ПС-1435...

Обвинение утверждало, что, войдя в состав правительства, подсудимый тем самым одобрил или выразил свое согласие с совершенными до этого преступлениями против мира. Такое понятие, заимствованное из гражданского права, не может быть применено в уголовном. Уголовное право охватывает только те преступления, которые состоят из действий, направленных на достижение результата, признаваемого преступным. В это не вносит никакого изменения введение юридического понятия заговора. Я сошлюсь на высказанные другими защитниками, и в частности доктором Штамером, соображения о за-

говоре. Чтобы избежать повторения, я не буду подробно останавливаться на этом. По-моему, надо считать установленным, что подсудимому Шпееру не может быть инкриминировано так называемое преступление против мира... Шпеер в связи со своей специальностью архитектора выполнял в партийном аппарате только архитектурно-художественные функции. Шпеер был уполномоченным по строительству в штабе Гесса; речь шла при этом о чисто технической задаче, которая не имела ни малейшего отношения к какой-либо подготовке к войне...

Обвинение инкриминирует подсудимому Шпееру участие в военных преступлениях, которые были совершены в период, когда он находился на посту министра, и выразились в том, что рабочие оккупированных областей против их воли направлялись в Германию и использовались в целях ведения войны или изготовления военных материалов...

В ходе процесса обвинение неоднократно утверждало, что ввезенные рабочие были предназначены для того, чтобы высвободить солдат для фронта. Несомненно, это было одним из тех соображений, которые послужили поводом к вербовке иностранной рабочей силы. Однако это не было единственным и даже не самым решающим из поводов... Нарушения экономической жизни, вызванные войной, требовали большого количества рабочих.

Поскольку отправка иностранных рабочих в империю была таким мероприятием, которое объективно нарушало нормы международного права, необходимо рассмотреть, в какой степени участие в нем можно инкриминировать подсудимому Шпееру. Подсудимый Шпеер во время своего допроса перед началом процесса 18 октября 1945 г. признал, что ему было известно, что, по крайней мере, с сентября 1942 года иностранные рабочие не направлялись более в империю добровольно. Он был согласен с этим, потому что не было никакой возможности удовлетворить потребности в рабочей силе иным путем. Из данного заявления можно сделать вывод, что подсудимый был убежден в необходимости этого мероприятия в связи с бедственным положением. Таким образом, субъективно в качестве довода в его защиту можно сказать, что он верил в наличие такого бедственного положения, исключавшего незаконность указанных действий. При этом надо учитывать и то, что подсудимый Шпеер выполнял чисто техническую задачу.

В отличие от других ведомств, проводивших политику отправки иностранных рабочих на территорию Германии, подсудимый Шпеер стремился использовать рабочих каждой страны для ее собственных нужд. Вследствие этого он старался препятствовать депортации рабочих с родины.

В доказательство своего утверждения о том, что Шпеер интенсивно помогал проведению депортации иностранных рабочих с целью их применения на принудительных работах в Германии, обвинение сослалось на документ ПС-556, представляющий собой заметку Заукеля об одном телефонном разговоре со Шпеером 5 января 1943 г. Однако в противовес этому документу был представлен другой документ — копия протокола заседания у Гитлера с 3 по 5 января 1943 г., в котором

затрагивается та же самая тема, которой касался и указанный телефонный разговор. Хотя в этом протоколе и приводятся резкие замечания Гитлера, все же из него видно, что запись в заметках Заукеля не соответствует действительности. Подсудимый Шпеер уже тогда был не в ладах с Заукелем. Содержащееся в протоколе заседания у Гитлера поручение фюрера, данное Шпееру об организации управления французской военной промышленностью, содержало указания Шпееру по поводу того, как следует создавать предприятия закрытого типа. Практически этим было достигнуто прекращение вывоза рабочей силы из Франции, то есть как раз обратное тому, что желало бы доказать обвинение. Нужно еще указать и на документ РФ-22, который констатирует, что по соглашению, заключенному Шпеером с Бишелоном, вывоз в Германию рабочих с октября месяца 1943 года сократился до 1/10...

Подсудимому Шпееру нельзя вменять в обязанность проверять с точки зрения международного права мероприятия, которые проводились Заукелем, по следующей причине.

Переброска иностранных рабочих на территорию империи практиковалась еще задолго до того, как Шпеер в 1942 году был назначен на свой пост. Он полагался нв то, что законность этих мероприятий была проверена еще до их введения. Обязанность самостоятельной проверки законности указанных мероприятий не была возложена на него, и он мог положиться на то, что инстанции, занимающиеся вопросами распределения рабочей силы, имеют все законные основания к проведению своих мероприятий. За время его деятельности генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы несколько раз говорил ему о том, что переброска рабочей силы в Германию производится в рамках законности. Он мог полагаться на то, что уполномоченные правительством инстанции, занимавшиеся вопросами распределения рабочей силы, вполне удостоверились в том, что такие мероприятия допускаются законом...

Обвинение особо подчеркивает то обстоятельство, что подсудимый Заукель был назначен германским уполномоченным по распределению рабочей силы по настоянию Шпеера и что поэтому Заукель в большей или меньшей степени был орудием в руках подсудимого Шпеера и по этой причине находился в большой зависимости от него. Но этот взгляд не соответствует тому, что было в действительности. Заняв пост министра вооружения, Шпеер в скором времени установил, что существовавшая до тех пор система распределения министерством труда рабочей силы по предприятиям не отвечала требованиям, которые к ней предъявлялись. Поэтому Шпеер добился учреждения должности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, предложенная им кандидатура была отклонена, и на эту должность был назначен Заукель.

Тот факт, что подсудимый в качестве члена управления по центральному планированию принимал участие в тех заседаниях управления, на которых рассматривалась проблема распределения рабочей силы, не может подкрепить утверждения обвинения.

Обвинение хочет использовать материалы заседания управления по центральному планированию в доказательство того, что Шпеер был ведущим участником мероприятий по получению рабочей силы из-за границы. В противовес этому нужно заметить, что обвинение предъявило лишь протоколы заседаний управления, отражающие ход заседания, но не решения, принятые на этих заседаниях, в то время как значение имеют именно решения управления.

Следует признать, что деятельность подсудимого Шпеера в управлении по центральному планированию не дает оснований считать его ответственным за переброску рабочей силы из оккупированных областей в Германию.

Весьма сомнительно с правовой точки зрения предъявляемое Шпееру обвинение в том, что он использовал рабочую силу на подведомственных ему предприятиях, заведомо зная о том, что Заукель доставлял этих рабочих из оккупированных областей в Германию в большинстве случаев помимо их воли.

Если бы отправка рабочей силы в Германию была преступлением с точки зрения международного права, то состав этого преступления был бы законченным с того момента, как эта рабочая сила была бы доставлена в Германию. Тот факт, что доставленные в Германию люди посылались на работу, представляет собою новый состав преступления, для обозначения которого обвинение применяет понятие «рабский труд». При этом нужно иметь в виду, что специальным имперским законом и последующими распоряжениями была введена общая повинность, в силу которой каждый немец был обязан работать на военные нужды...

Иностранные рабочие, направленные в Германию, также подчинялись этому порядку. Не подлежит сомнению, конечно, что распространение трудовой повинности, относящейся непосредственно к немцам, на жителей оккупированных областей не соответствует тексту Гаагских правил ведения сухопутной войны.

Гаагские правила ведения сухопутной войны составлялись на основе другого понимания войны и не могли предвосхитить условий, создаваемых экономической войной. На вопрос о том, предусматривают ли Гаагские правила всю сумму полномочий оккупационных властей, надо ответить отрицательно...

Главный обвинитель от США судья Джексон при перекрестном допросе подсудимого Шпеера предъявил ряд документов, свидетельствующих о плохом обращении с иностранными рабочими, работавшими в фирме Круппа в Эссене, заявив при этом, что он не пытается возложить вину за каждый отдельный случай на подсудимого Шпеера.

Среди этих документов находятся аффидевит доктора Егера, о котором уже говорил доктор Серватиус; далее идет письмо паровозостроительного отдела фирмы Круппа, датированное февралем 1942 года, то есть тем временем, когда подсудимый Шпеер только что вступил на должность министра... Далее предъявленный документ Д-321 описывает обстоятельст-

ва, при которых в 1941 году русские рабочие были отправлены в Эссен, то есть говорит также о том периоде, когда Шпеер еще не был министром...

На основании проверки положения рабочих одной фирмы нельзя делать выводы о том, что вся система была такова. Необходимо было бы доказать существование такой системы.

Хотя эти факты не имеют принципиального значения для оценки деятельности подсудимого Шпеера с точки зрения уголовного првва, но они имели бы решающее значение при определении степени его участия в системе использования иностранных рабочих на военных предприятиях.

Когда подсудимый приступил к исполнению своих обязанностей, он застал уже существующую практику использования иностранной рабочей силы и военнопленных. Другими словами, он не может рассматриваться как основоположник этой практики, что также должно быть принято во внимание при вынесении приговора, так как отойти от уже усвоенной практики было невозможно. Еще до назначения подсудимого Шпеера министром иностранные рабочие в большом количестве привозились в Германию как с Запада, так и с Востока...

Весной 1943 года вооружение военно-морского флота было передано министерству Шпеера, и с этого времени заявки на рабочую силу проходили через отдел по использованию рабочей силы.

Осенью 1943 года к этому присоединилось и все остальное производство, причем промышленность вооружений военно-воздушного флота продолжала самостоятельно подавать заявки на рабочих генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы до августа 1944 года...

Распределение рабочих находилось исключительно в распоряжении подчиненных подсудимому Заукелю органов труда, так что ни отдельные заводы, ни учреждение подсудимого Шпеера, ни он сам не имели влияния на распределение. Предоставлять ли по заявкам отечественных рабочих, иностранцев или военнопленных, зависело исключительно от органов труда.

Учреждениям Шпеера оставалось лишь руководство находившимися в хозяйственных отраслях рабочими, которые ранее уже были направлены на заводы генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

Полномочия органов министерства вооружения в отношении рабочей силы были сведены к так называемым «перемещениям», то есть к переброске рабочих с одного военного завода на другой. Было бы ошибочно делать отсюда вывод об ограничении полномочий генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и о значительном расширении полномочий Шпеера.

Подводя итоги по этому пункту обвинения, следует сказать следующее.

Шпеер не ответствен за методы вербовки иностранной рабочей силы так же, как и за отправку ее в Германию. На него

может быть возложена лишь ответственность за использование части этой рабочей силы в Германии.

В следующем пункте Обвинительного заключения подсудимому вменяется в вину то, что он использовал труд военнопленных в руководимом им секторе экономики, чем нарушил статью 32 Женевской конвенции о правилах обращения с военнопленными 1929 года. Подсудимый не отрицал, что на подчиненных ему предприятиях работали военнопленные, но это само по себе не является нарушением статей 31 и 32 названной Конвенции.

Выражение «военная экономика» или «военный завод» не тождественно понятию «промышленность» или «завод», задачей которых является производство оружия или другой продукции, предназначенной для военных нужд... Есть все основания считать, что из предприятий, подчиненных инспекции по вооружению, лишь 20 или 30 процентов изготовляли такие предметы вооружения, которые предусмотрены Женевской конвенцией. Об этом необходимо было сказать для того, чтобы можно было судить, в какой степени была нарушена статья 31 Женевской конвенции в связи с использованием труда военнопленных. Под номером ПС-2520 обвинение предъявило аффидевит американского статистика по экономике Деусса, чтобы доказать, какое большое количество военнопленных и иностранных рабочих работало в промышленности вооружения. Эти данные, которые в основном опираются на цифры, взятые из документов, бывших в распоряжении подсудимого Шпеера, не дают представления о том, в каких отраслях промышленности вооружения работали отдельные военнопленные. Крупное предприятие, принадлежавшее к одной из упомянутых категорий и поэтому в целом рассматривавшееся как военное предприятие, могло производить лишь детали или вообще не производить оружия или иных предметов, непосредственно связанных с военными действиями...

Использование военнопленных в промышленности страны, захватившей их в плен, как нам предстааляется, не запрещено Женевским соглашением о военнопленных. Запрещается лишь использование военнопленных на работе, которая связана непосредственно с боевыми действиями, например, на земляных работах, выполняемых для действующих войск. Такое использование не может ставиться в вину подсудимому Шпееру. Производство и транспортировка оружия всех видов, а также транспортировка военных материалов для действующих войск также запрещается...

В отношении военной экономики, находившейся под контролем подсудимого Шпеера, как нарушение упомянутых постановлений могло бы рассматриваться только производство оружия и боеприпасов всех видов...

То, что в отдельных случаях Женевская конаенция могла нарушаться, нельзя оспаривать. Если, например, как показывают представленные американским обвинением фотографии, военнопленные действительно использовались для разгрузки

поездов с боеприпасами вблизи линии фронта, то это, без сомнения, представляет собой нарушение статьи 31 Женевского соглашения.

Однако, такие случаи не могут инкриминироваться подсудимому Шпееру, так как они не относятся к его компетенции. На основании того факта, что производилось использование военнопленных в военной промышленности, нельзя делать обобщающего заключения о нарушении постановлений Женевской конвенции о военнопленных.

Германское правительство считало, что в отношении советских военнопленных должны применяться другие правовые принципы, нежели в отношении граждан западных государств, которые подписали Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 года, в то время как Советский Союз не присоединился к ней[1].

Советское обвинение представило в качестве доказательства документы СССР-338, СССР-356 — доклад начальника разведки и контрразведки при ОКВ относительно незаконности предписаний, изданных по вопросу об обращении с советскими военнопленными, и подвергло их резкой критике. Следует рассмотреть вопрос о том, являются ли положения статей 31 и 32 Женевского соглашения о военнопленных выражением общих норм международного права, которые должны были бы выполняться даже в том случае, если бы не было особого договора, то есть этого Женевского соглашения о военнопленных.

Упомянутые положения договоров не могут рассматриваться как выражение общеправовой идеи.

Исходя из этой мысли, по изложенным мною причинам нельзя возражать против использования советских военнопленных на работах, которые запрещаются статьей 31 Соглашения о военнопленных. Бывшие военнослужащие-итальянцы, которые после выхода Италии из войны были интернированы в Германию, также не подпадают под положение Женевского соглашения о аоеннопленных ввиду того, что Германия и Италия не находились в состоянии войны между собой... В связи с тем, что

---

[1] 25 августа 1931 г. СССР присоединился к Женевской конвенции 1929 года «Об улучшении участи больных и раненых в действующих армиях» и в законодательном порядке установил уголовную ответственность за нарушение положений этой Конвенции, ограждающей права больных и раненых военнопленных.

27 апреля 1942 г. в циркулярной ноте НКИД было заявлено о том, что немецкие фашисты совершают чудовищные преступления и игнорируют все законы и обычаи войны в отношении советских военнопленных.

«Несмотря на все это, Советское Правительство, — говорилось далее в ноте, — верное принципам гуманности и уважения к своим международным обязательствам, не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных по Гаагской конвенции 1907 года, подписанной также, но столь вероломно нарушенной во всех ее пунктах Германией».

Советский Союз строго придерживался этих принципов гуманности. Тем не менее защитник прав в том, что СССР не подписал общую конвенцию о военнопленных 1929 года. — **Прим. сост.**

французское правительство[1] было согласно с использованием французских рабочих как на строительстве под руководством организации Тодта, так и на военных предприятиях в Германии и оккупированных областях, всякое предположение о противозаконности их привлечения к работе исключается...

Дальнейшее обвинение против подсудимого Шпеера заключается в том, что в контролируемом им секторе экономики были заняты на работах заключенные концентрационных лагерей. Подсудимый признает это.

Однако ответственность за условия в концентрационных лагерях не может возлагаться ни на руководителей предприятий, ни на учреждения подсудимого Шпеера, даже если там имели место злоупотребления. Как видно из письма начальника управления Шибера от 7 мая 1944 г., направленного подсудимому Шпееру, заключенные сами предпочитали работу на подобных предприятиях той работе, которая предоставлялась администрацией лагерей, и Шибер совершенно определенно говорит в указанном письме, что по этим соображениям было бы желательно использовать заключенных концлагерей на таких предприятиях в более широком масштабе, ибо это облегчало бы их судьбу...

Предположение обвинения, будто бы использование таких заключенных в промышленности вооружения привело к повышению требований на такого рода рабочие руки и что это требование было удовлетворено тем, что в концентрационные лагеря направлялись лица, которые при нормальных условиях никогда бы туда не попали, было неправильным.

Не было представлено доказательств, что Шпеер предпринимал попытки заключения людей в концлагеря.

Во время своего допроса подсудимый согласился с тем, что в Германии повсеместно существовала боязнь быть заключенным в концентрационный лагерь. Этот страх населения был вполне обоснованным, потому что заключение в концлагерь полностью зависело от усмотрения руководимых Гиммлером полицейских властей, потому что не имелось никакой судебной инстанции, которая проверила бы те обвинения, результатом которых явилось заключение в концлагерь, и, наконец, что было самым главным, потому, что срок заключения в концлагере всецело зависел от усмотрения администрации лагеря.

Обвинение, далее, заявило, что Шпеер продолжал использовать заключенных концлагерей в промышленности после того, как он посетил лагерь Маутхаузен и ознакомился с существовавшим там положением. То, что это было так, показало заявление подсудимого по этому пункту. Речь здесь идет об очень кратком посещении, целью которого было лишь дать указание администрации лагеря о прекращении начатых ею, вопреки запрещению, работ, служивших чисто мирным целям, и предоставить рабочую силу в распоряжение промышленности вооружения.

[1] Имеется в виду правительство Виши. — **Прим. сост.**

Поэтому подсудимый Шпеер мог получить только поверхностное впечатление об условиях жизни в концлагере. Свидетели обвинения подробно останавливались на том, что во время такого рода посещений концентрационных лагерей высокопоставленными лицами лагеря показывались им только с самой лучшей стороны и любые признаки жестокостей и т.п. тщательно скрывались с тем, чтобы у посетителей не могло сложиться неблагоприятного впечатления о лагере...

В целях подтверждения своей точки зрения о том, что подсудимый Шпеер содействовал заключению людей в концлагеря, обвинение приводит его выступление на одном из заседаний управления центрального планирования от 30 октября 1942 г. по вопросу о борьбе с саботажниками. Однако за этим заявлением ничего не последовало, и только в ноябре 1943 года Заукель издал приказ против саботажников[1]*... На основании этого распоряжения мог произойти перевод в исправительные лагеря для рабочих на срок в 56 дней. Только в особо тяжелых случаях нарушения рабочими своих трудовых обязанностей это распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы предусматривало перевод в концентрационный лагерь.*

Господа судьи, статья 6 Устава в числе других наказуемых действий предусматривает ведение агрессивной войны. Я не должен здесь говорить о том, что такое агрессивная война и как она определяется. Здесь надо лишь уточнить, что такое ведение агрессивной войны. Я в данном случае придерживаюсь мнения, что агрессивную войну может вести только тот, кто облечен властью верховного командования. Все остальные участники подчиняются его руководству независимо от того, велико их участие в войне или нет. Поэтому подсудимого Шпеера нельзя обвинять в «ведении агрессивной войны». В его действиях нет такого состава преступления.

С июня 1944 года подсудимый Шпеер исчерпывающе информировал Гитлера о положении в его промышленности и неоднократно настойчиво указывал ему на то, что при дальнейшем упадке производства война будет проиграна. Это подтверждают представленные Трибуналу докладные записки Шпеера Гитлеру.

Суду были предъявлены чрезвычайно красноречивые приказы Гитлера и Бормана о разрушениях и об эвакуации войск, которые были изданы ими на следующий день после совещания со Шпеером 18 марта 1945 г. ...

Шпеер уже с середины марта 1944 года принял решение делать все, чтобы ввиду неизбежного проигрыша войны сохранить для немецкого народа необходимые жизненные условия, что подтвердил свидетель Роланд...

---

[1] Саботажниками гитлеровцы считали даже тех, кто в изнеможении от непосильного труда или из-за болезни не мог выходить на работу. — **Прим. сост.**

Господа судьи! Подсудимый вступил на пост министра в возрасте 36 лет, он слишком поздно понял, что Гитлер думает не о своем народе, а только о себе самом.

Выступление О. ЛЮДИНГХАУЗЕНА, защитника подсудимого Константина фон Нейрата

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 23 и 24 июля 1946 г.

Достопочтенный лорд, господа судьи... Уже в середине прошлого столетия стремления людей, стоявших на высоком моральном и этическом уровне, были направлены на то, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить или устранить ужасы войны. Создание Красного Креста в Женеве было первым очевидным и многообещающим успехом этих стремлений. Данный процесс был обусловлен и продиктован не только стремлением ограничить методы ведения войны и свободу применения военных средств и действий, но также и стремлением найти средства и пути к тому, чтобы изъять войну вообще как средство политики из сферы взаимоотношений между народами. Кроме того, процесс преследует еще высокую цель создания такого международного права в жизни народов и сотрудничества государств, которому подчинились бы все народы и государства, если они хотят считаться цивилизованными государствами, связанными обязательствами, как связывает каждого отдельного гражданина государства изданный этим государством закон, регулирующий совместную жизнь граждан данного государства. И хотя вы, господа судьи, как и весь мир, поймете, как несказанно тяжело нам, немцам, сознавать, что именно та война, которую вели наше Германское государство и наш германский народ, вызвала эту попытку создания такого международного права, мой подзащитный подсудимый барон фон Нейрат и я можем лишь приветствовать лежащую в основе данного процесса попытку...

Впервые в истории человечества должна быть претворена в жизнь мысль о том, что государственные деятели того или иного народа должны нести ответственность и наказание за вызванные ими агрессивные войны и за использование во время этих войн бесчеловечных и жестоких средств. Эта мысль, которую Высокий Суд должен претворить в действительность, как правовой принцип представляет собой что-то совершенно новое в истории международного права. Но если нынешний процесс вместе с Уставом, положенным в его основу, действительно вызван волей и решимостью заставить нести личную ответственность государственных деятелей тех народов, которые вызвали эту войну, и изъять тем самым войну с ее ужасами вообще из сферы международного общения государств, то тогда

это будет приветствоваться всеми сторонниками мира в соответствии с их искренними стремлениями...

Вы, господа судьи, в этом я убежден, должны будете констатировать, что мой подзащитный с первого до последнего дня своей официальной деятельности на посту имперского министра иностранных дел и на посту имперского протектора был преисполнен лишь одним желанием и все его поступки диктовались единственным стремлением — избежать войны и всех связанных с ней ужасов и поддержать мир. Он ушел в отставку лишь тогда, когда убедился, что все его старания были напрасны, что воля и решимость верховного правителя государства, то есть Гитлера, были сильнее, чем он. Поэтому самый факт его принадлежности к правительству до этого момента нельзя рассматривать как согласие — я уже не говорю о содействии и соучастии в планировании, подготовке и ведении войны — и возлагать на него ответственность за войну и тем более за совершенные за время этой войны ужасы и злодеяния...

Тем самым, господа судьи, на Ваши плечи возложена неслыханная ответственность — такая ответственность, какой не знал еще ни один суд в мире. Вы должны... заложить первый камень храма мира всех народов земного шара. Вы должны построить фундамент для достижения грезившегося покойному президенту Рузвельту идеала вечного мира. Будущие поколения должны будут продолжать строительство на основании Вашего приговора. Вы должны указать направление, по которому те, кто будут жить после нас, будут стремиться к осуществлению этой высокой цели. Ваша задача не в том, чтобы создать прецедент, не в том, чтобы на основании данных этого дела наказать виновных, — Вы должны создать принципиальные положения нового международного права, которое будет господствовать в будущем. Уже это одно, то есть эта поставленная перед Вами задача, определяет собою значение данного Трибунала, его смысл и высокую этическую сущность, перед чем мы все преклоняемся. Однако одновременно это означает, что приговор, который Вы должны вынести подсудимым, не является обычным приговором над отдельными подсудимыми и их действиями, а представляет собой новый закон, на основании которого все позднейшие суды будут творить правосудие и выносить свои приговоры...

Утверждение обвинения, что подсудимый фон Нейрат своим вступлением в кабинет Гитлера и пребыванием в правительстве действовал на консервативные круги Германии, как действует «пятая колонна» с ясной целью привлечь их на сторону национал-социализма, обвинение даже и не пыталось подкрепить какими-либо доказательствами. Между тем оно опровергается показаниями свидетелей и другими доказательствами, из которых видно, что отставка подсудимого с поста министра иностранных дел именно этими кругами была воспринята с большим огорчением и беспокойством, так как в уходе фон Нейрата из правительства они видели признак того, что отныне его последовательная политика мира будет заменена другой, направленной на подготовку войны внешней политикой, которую с полным правом расценивали как национальное бедствие.

...Нейрат не отказался, как это сделал министр Эльтц фон Рюбенах, от назначения почетным группенфюрером СС в сентябре 1937 года, а также от золотого партийного значка, который был вручен ему Гитлером на заседании комитета 30 января 1937 г., в чем обвинение усматривает доказательство его мнимого национал-социалистского мировоззрения. Как доказывают показания подсудимого Геринга, такой отказ со стороны подсудимого фон Нейрата, так же как и со стороны Эльтца фон Рюбенаха, был бы воспринят Гитлером как оскорбление, и на него Гитлер ответил бы немедленным увольнением подсудимого в отставку. Этого подсудимый как раз не хотел...

Нейрат никогда не приносил присягу, которая являлась условием вступления в СС, никогда не осуществлял никакой деятельности в СС и за всю свою жизнь лишь два раза надел форму СС ввиду настойчивого желания Гитлера.

Награждение подсудимого орденом Орла, как и подсудимого фон Риббентропа, имело место не за достигнутые ими лично успехи, а скорее, связано было с положением имперского протектора как такового, чтобы придать этому ордену, который был предназначен только для награждения иностранцев, особое значение в глазах иностранных государств, что явствует уже из того, что подсудимый при своем уходе в отставку должен был его вернуть...

Подсудимый испытал величайшее, может быть, самое тяжелое разочарование за время своей служебной деятельности, когда он 5 ноября 1937 г. из речи Гитлера понял, что все его стремления, борьба, все его личные жертвы последних пяти лет были бесполезны, что его влияние на Гитлера окончилось и что Гитлер решил отказаться от него...

Если считать, что подсудимый как ответственный руководитель германской внешней политики и нарушил международные договоры, то следует указать на то, что согласно точному тексту Устава нарушение международных договоров само по себе не является наказуемым деянием, а становится таковым лишь в том случае, если оно служит подготовке агрессивных войн.

Вскоре после прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. по причинам, освещение которых здесь завело бы слишком далеко, за границей, и не только во Франции и у ее союзников, но и в Англии, создалось впечатление, что эта так называемая немецкая революция представляет опасность для Европы.

Однако совершенно ясно, что Германия в эту весну 1933 года не была в состоянии вести войну. Было бы верхом безумия и самоуничтожением вести войну с хорошо вооруженной современным оружием многомиллионной армией Франции и ее союзников, имея маленькую армию (рейхсвер) в сто тысяч солдат, не располагающую вообще наступательным оружием, не имеющую танков, тяжелой артиллерии и военных самолетов. Следовательно, страх перед предстоящим военным нападением со стороны Германии, даже с точки зрения западных держав, ни при каких условиях не мог явиться причиной отказа их от разоружения. Единственной возможной причиной могло быть вообще отношение западных держав к вопросу о разору-

жении, то есть могло быть их желание вообще не начинать разоружения...

Заметная разрядка наступила лишь после того, как Гитлер в своей речи в рейхстаге 17 мая 1933 г. еще раз заявил миру о своем желании и о желании всего немецкого народа сохранить мир... Эта речь привела также к окончанию изоляции Германии и к объединению четырех великих держав — Англии, Франции, Италии и Германии так называемым Пактом четырех...

На международной конференции по экономическим вопросам, которая открылась 12 июня 1933 г. в Лондоне, австрийский канцлер Дольфус обратил внимание держав на якобы возникшую угрозу для самостоятельности Австрии со стороны Германии. Он обвинил Германию в том, что она оказывает поддержку австрийским национал-социалистам в их борьбе против его правительства.

Таким образом, он ставил австрийский вопрос в центр внимания всей европейской политики и призывал державы защитить независимость Австрии, которую называл одним из краеугольных камней во всем сооружении европейского соотношения сил, потому что ей якобы угрожала Германия.

Таким образом, он опять обострял то настроение, которое лишь незадолго до этого установилось.

...Интересным в предшествовавших переговорах был и должен быть отмечен тот факт, что произошли изменения в отношениях между Францией и Россией. Развитие этих отношений в дальнейшем стало решающим не только для внешней политики Германии, но и для всей политики Европы в последующие годы... Каково было значение этого факта, показывают события, происшедшие год спустя... Переговоры о проекте так называемого Восточного пакта в течение лета 1934 года, уход Германии с конференции по разоружению и выход из Лиги Наций вызваны были позицией западных держав, заключивших ряд соглашений и пактов о взаимопомощи...

Эта союзная система имела отчаянное сходство с той, которой Германия уже противостояла однажды в 1914 году. И как раз это невольное сравнение должно было привести каждого государственного деятеля Германии к убеждению, что все эти союзы были направлены исключительно против Германии и, во всяком случае, означали угрозу для нее...

Германия начала создавать военно-воздушный флот и восстанавливать на основе всеобщей воинской повинности армию, составившую в мирное время 36 дивизий...

Западные державы восприняли этот шаг Германии по-разному. Англия и Италия немедленно объявили протест против такой якобы односторонней отмены международных договоров, но они не обрывали нитей, которые могли бы привести к дальнейшим переговорам.

Английская нота протеста содержала ясный вопрос: согласно ли германское правительство вести дальнейшие переговоры в том плане, как это предусмотрено лондонским коммюнике, вопрос, на который подсудимый фон Нейрат тотчас же ответил утвердительно, изложив его в коммюнике Германии от 18 марта 1935 г.

В конце марта 1935 года в Берлин прибыл министр иностранных дел Англии Иден для ведения переговоров о существовавших возможностях относительно подписания соглашения по морским вопросам...

Франция сочла необходимым 20 марта 1935 г. поставить на оь ѵждение Лиги Наций вопрос о поведении немцев, потребовав от нее решения, констатировавшего нарушение Германией взятых ею на себя обязательств, выполнять которые должны все нации...

Само собой разумеется, что германское правительство в своей ноте от 20 апреля 1935 г. не согласилось с такой резолюцией Лиги Наций, заключающей в себе новую дискриминацию...

18 июня 1935 г. между Англией и Германией было заключено известное морское соглашение, которым устанавливалось твердое соотношение сил обоих флотов.

Это германо-английское соглашение имело большое значение. С политической точки зрения оно означало фактическое признание Англией военного суверенитета Германии, отказ от резолюции Лиги Наций, следовательно, от мнения, представлявшегося французами, и одобрение, санкционирование Англией шага Германии, заклейменного Лигой Наций как нарушение договоров...

После ратификации Францией договора с русскими о взаимопомощи 7 марта 1936 г. немецкие войска снова заняли свои старые гарнизоны в демилитаризованной зоне Рейнской области. Немецкая империя восстановила полный суверенитет на всей своей территории...

Я думаю, господа судьи, что своей речью я в достаточной степени доказал, что действия, которые инкриминируются обвинением подсудимому, — нарушение договора, восстановление военного суверенитета империи и милитаризация Рейнской области — не носили агрессивного характера или характера подготовки к войне. Нет необходимости еще раз подчеркивать, что отсутствует какое-либо основание квалифицировать эти действия как подготовку Германии к будущей агрессивной войне...

Когда после речи Гитлера, произнесенной им 5 ноября 1937 г., и последующей беседы с ним относительно этой речи, состоявшейся в январе 1938 года, фон Нейрат убедился в том, что его влияние на Гитлера исчезло, что Гитлер не остановится перед насильственными военными мероприятиями, он сразу сделал должный вывод, подав прошение об уходе в отставку, которое и было удовлетворено...

Но это не исключало для подсудимого возможности снова предоставить себя в распоряжение Гитлера... В силу всей его позиции становится совершенно понятным, что когда 11 марта 1938 г. Гитлер вызвал его к себе для того, чтобы сообщить ему о вступлении германских войск в Австрию, и в связи с отсутствием имперского министра иностранных дел фон Риббентропа, находившегося в тот момент в Лондоне, спросить его совета и попросить его составить ответ на протест английского посла, фон Нейрат согласился. Обвинение ставит подсудимому в вину то, что содержание этого ответа фактически было неправиль-

ным. В связи с этим мне придется указать на следующее: в этом письме подсудимый передал лишь то, что рассказал ему лично Гитлер...

У него не было никакого основания сомневаться в правильности сделанного Гитлером описания предшествующих событий, тем более что это было в присутствии Геринга и последний не возражал...

Точно так же ему не может быть предъявлено никакого обвинения за заявление, сделанное им некоторое время спустя чехословацкому доктору Мастны. Мастны воспринял заявление фон Нейрата о том, что Гитлер не намеревается нападать на Чехословакию и считает себя теперь, так же как и раньше, связанным договором об арбитраже, не как заявление, сделанное на все будущее время, а лишь на самое ближайшее время, а именно на время до окончания операции в Австрии...

После показаний Геринга и показаний других свидетелей, совпадающих друг с другом, я считаю излишним более пространно описывать отдельные подробности о созыве Мюнхенской конференции в конце сентября 1938 года. Доказанным фактом является то, что своим созывом и своим успехом, то есть тому, что было достигнуто соглашение по судетскому вопросу с Англией и Францией, конференция в значительной степени обязана инициативе и содействию подсудимого. Он мог повлиять на ход событий благодаря одному обстоятельству, которое обвинение, совершенно превратно истолковывая вещи, вменяет ему в вину, а именно благодаря тому обстоятельству, что он после его ухода с поста министра иностранных дел был назначен председателем созданного в то время Гитлером тайного совета министров. Если бы он не занимал этого поста, ему не удалось бы получить аудиенции у Гитлера в сентябре 1938 года и добиться от него согласия на созыв мюнхенской конференции...

Когда Гитлер несколько дней спустя после оккупации Чехословакии вызвал фон Нейрата в Вену и сообщил ему, что он избрал его на пост имперского протектора Богемии и Моравии, мой подзащитный в силу вышеуказанного сознания своей ответственности счел себя обязанным принять это назначение... Он с полным правом мог и должен был сказать себе, что если он откажется от этого назначения, то весьма вероятно, что из окружения Гитлера будет назначен на пост имперского протектора другой человек, который не будет подходить для этой миссии.

По поводу предпринятой обвинением попытки показать путем предъявления фотокопии письма подсудимого, адресованного начальнику имперской канцелярии Ламмерсу, от 31 августа 1940 г. (документ ПС-3853) и якобы существующих к нему приложений, я хотел бы заявить следующее: оба отчета, приложенные к письму на имя Ламмерса, в действительности не соответствуют намерениям и тенденциям подсудимого по вопросу о германизации чешского народа. Эти фотокопии, как с уверенностью заявляет подсудимый, не только не соответствуют по содержанию, форме и по величине подлинным приложениям, представленным ему на подпись и одобренным им

самим с тем, чтобы присоединить их к письму на имя Ламмерса, но они вызывают и более чем обоснованное сомнение относительно того, действительно ли идентичны эти фотокопии подшитым к письму Ламмерса приложениям...

С самого начала имперскому протектору не только не была передана полная власть в протекторате, ему, не говоря уже о его подчинении Гитлеру, не только никогда не было предоставлено авторитетное и главенствующее положение, но даже и его собственные полномочия и сфера компетенции не были достаточно ясно определены. Правда, в указе Гитлера от 16 марта 1939 г. о создании протектората и в дополняющем его постановлении от 22 марта 1939 г. устанавливается, что имперский протектор подчиняется фюреру и рейхсканцлеру и является единственным представителем последнего, а также и имперского правительства и должен получать свои указания от фюрера и рейхсканцлера. Однако в то же время с самого начала из его компетенции были изъяты не только такие определенные административные сферы, как вооруженные силы, транспорт, почтовая и телеграфная связь, но и имперскому правительству и имперским органам было дано право подчинять своей власти независимо от имперского протектора административные органы, входившие в сферу компетенции имперского протектората, и в случае необходимости создавать так называемые собственно имперские органы, которые не подлежали бы компетенции имперского протектора. Империи было также предоставлено право принимать меры, необходимые для обеспечения безопасности и порядка в протекторате, через голову имперского протектора.

Ни в коем случае нельзя возложить на него ответственность за распоряжения, мероприятия и действия, если они исходили не от него и проводились не по его приказу, а осуществлялись другими учреждениями и инстанциями, не входящими в сферу его компетенции и не подчиненными ему.

На основании статьи 5 указа от 16 марта 1939 г. о назначении Нейрата протектором обвинение делает вывод о том, что он в качестве имперского протектора должен нести ответственность решительно за все, что происходило в протекторате за время его деятельности, то есть с 17 марта 1939 г. по 27 сентября 1941 г. Такой вывод при учете фактического распределения сфер компетенции в протекторате является объективно неправильным и ошибочным.

Приказ от 1 сентября 1939 г. о структуре управления протектората и о германской полиции безопасности был издан без предварительного уведомления подсудимого советом министров по обороне империи. Хотя согласно этому приказу все немецкие административные власти и их чиновники в протекторате и были подчинены имперскому протектору, однако это подчинение носило чисто формальный характер, то есть это не было подчинением по деловой линии...

Карл Франк, назначенный в протекторат начальником СС и полиции, одновременно получил и пост статс-секретаря и в качестве такового был подчинен ему. Из этого подсудимый мог сделать вывод о желании Гитлера централизовать руководство

полицией, хотя и не в руках подсудимого, но, по крайней мере, в его учреждении, а именно в руках его статс-секретаря. На практике же отношения сложились совершенно иначе, так как статс-секретарь Франк совершенно не думал о том, чтобы как-нибудь приобщить к деятельности полиции начальника своего ведомства, подсудимого, признавая только компетенцию и руководство Гиммлера или начальника главного управления имперской безопасности...

Естественно, что вследствие такого разделения сфер влияния и в результате различного отношения Франка и фон Нейрата к чешскому народу должны были сразу выявиться противоречия и резкие разногласия между ними, ибо Франк, будучи судетским немцем и одним из руководителей, был охвачен ненавистью и жаждой мести ко всему, что было чешским...

Из всего вышеизложенного явствует, что подсудимый фон Нейрат не мог быть также ответственным и за произведенные аресты во время оккупации чешской территории, а также и за то, что 8 тысяч видных чешских деятелей были в начале войны арестованы в качестве заложников и за то, что они были заключены в концлагерь или казнены. Эти аресты согласно показаниям подсудимого, с которыми совпадают показания Франка, были произведены по прямому приказу из Берлина...

Наконец, я считаю, что представленными доказательствами неоспоримо установлено, что подсудимый не ответствен за приказ о расстреле 9 студентов и за арест 1200 студентов в ночь с 16 на 17 ноября 1939 г. Эти мероприятия, фактически являющиеся актами террора, были проведены по личному приказу Гитлера без ведома подсудимого и в его отсутствие. Выполнены они были по прямому указанию Франка, а объявление от 17 ноября 1939 г. за подписью Нейрата, в котором доводилось до сведения населения об этом мероприятии, не было ни издано, ни подписано им, его именем просто злоупотребили.

Подсудимый не несет ни малейшей ответственности за такие отвратительные акты.

Приказ об этом точно так же, как и приказ о закрытии высших школ, был издан Гитлером в Берлине и передан непосредственно Франку...

Утверждения, содержащиеся в докладе чешского правительства и в свидетельских показаниях, положенных в основу этого доклада, о том, что Нейрат приказал в середине ноября 1939 года закрыть высшие учебные заведения, являются неправильными. Закрытие высших учебных заведений произошло по категорическому приказу Гитлера...

Наконец, что касается того, что обвинение вменяет подсудимому в вину проводившиеся якобы им мероприятия против евреев, то и в данном случае утверждение обвинения не соответствует действительности, так как из 21 постановления, представленного суду, только 4 были подписаны подсудимым, 6 были изданы непосредственно имперским министерством, 10 издали статс-секретарь Франк или непосредственно подчинявшийся ему доктор фон Бургсдорф.

Издание первого постановления от 21 июня 1939 г., подписанного самим Нейратом, представляет собою не что иное, как

введение инструкций, действовавших в империи, относительно того, как распоряжаться еврейским имуществом в протекторате, включенном с 16 марта 1939 г. в состав Германской империи.

Встает вопрос: совершил ли подсудимый, приняв на себя пост имперского протектора и оставаясь на нем, несмотря на развязанную Гитлером войну, начавшуюся через несколько месяцев после его назначения, преступление, являющееся наказуемым согласно Уставу и выразившееся в поддержке или помощи Гитлеру и его сообщникам при совершении ими преступлений? Обвинение отвечает на этот вопрос утвердительно...

Я спрашиваю, не является ли, по крайней мере, более моральным и нравственным посвятить себя цели, которая состояла в том, чтобы активно бороться, пусть в ограниченной сфере, против режима, не признаваемого им из-за его порочности и аморальности, препятствовать применению методов этой системы, спасая тем самым невинных людей от нужды и смерти, даже если эта деятельность будет внешне выглядеть как сотрудничество, чем, испытывая личное отвращение, с неприязнью отойти в сторону и пассивно наблюдать за тем, как этот режим без всяких препятствий свирепствует над людьми?

Господа судьи, я полагаю, что я в своей речи продемонстрировал и доказал, что ни одно из действий, инкриминированных моему подзащитному, не является преступным в соответствии с положениями Устава и что ни одно из этих действий подсудимого не было преднамеренно направлено на совершение преступлений, предусмотренных Уставом, что, таким образом, ни объективно, ни субъективно нельзя усмотреть в его поступках наказуемых действий, которые Устав квалифицирует как преступления, достойные наказания, будь то преступления, выражающиеся в планировании, подготовке или ведении агрессивных войн, будь то военные преступления или преступления против человечности...

Я передаю теперь с доверием судьбу моего подзащитного, барона фон Нейрата, в Ваши руки.

Выступление Г. ФРИЦА, защитника подсудимого Ганса Фриче

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 24 июля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! По делу Фриче результат представления доказательства сравнительно ясен...

Прежде всего я должен осветить, какое место занимал Фриче в министерстве пропаганды и какую роль вообще он играл в немецкой пропаганде...

Фриче, занимая должность министериальдиректора и руководителя отдела радио в министерстве пропаганды, был

лишь одним из 12 чиновников, которые имели одинаковый ранг. Уже только одно это обстоятельство с самого начала исключает предположение о том, что Фриче мог давать директивы в области политики, директивы в области передачи информации и основные установки о том, должны или не должны были узнать Германия и весь мир о том или ином событии...

Политику в области печати направлял имперский руководитель прессы — доктор Дитрих. Руководителем отдела радиовещания, как уже здесь говорилось, Фриче стал лишь в ноябре 1942 года (не получив при этом повышения по службе), и в этой области он также не создал ничего нового. Руководство немецкой прессой и немецким радио никогда не выпускали из своих рук ни Геббельс, ни Дитрих. Подробности относительно этого изложены в показаниях свидетеля Ширмейстера, на которые я и ссылаюсь...

Обвинение неоднократно пыталось связать работу Фриче в ее различных стадиях с так называемой группой заговорщиков и сделало на основе этого далеко идущие выводы о том, что Фриче также ответствен за военные преступления, за преступления против человечности и даже за преступления против мира. Эти попытки даже в изложении самого обвинения недостаточно подтверждены фактами...

Фриче не присутствовал ни на одном из заседаний, на которых Гитлер совместно со своими самыми близкими сотрудниками или более широким кругом лиц обсуждал какие-либо планы или мероприятия. И вообще он не принимал участия в каких-либо совещаниях, которые могли бы способствовать вовлечению всего мира в кровавую агрессивную войну. Он не был «старым борцом»; позднее он не получил «золотого партийного значка». Он не был членом ни одной из трех организаций, вопрос о признании преступными которых должен здесь решиться, и это я должен особенно подчеркнуть... Фриче не принадлежал даже и к тесному окружению Геббельса.

Я думаю, что обвинение против Фриче было выдвинуто не на основании его служебного положения. Я полагаю, что это объясняется исключительно его речами по радио, которые сделали его и его имя, и то только во время войны, известными в Германии, а может быть, и еще в какой-либо другой стране.

Как в действительности согласно представленным доказательствам освещала пропаганда, проводившаяся Фриче, отдельные военные агрессивные действия? Что было Фриче известно о закулисной стороне этих сообщений?

При оккупации Богемии и Моравии ему лишь незадолго до решающего шага, предпринятого 15 марта 1939 г., были даны руководителем имперской прессы соответствующие указания. Эти указания, как и во всех других случаях, состояли из так называемых ежедневных лозунгов, которые вырабатывались на пресс-конференциях...

Неясно, почему Фриче в большей степени причастен к вступлению германских войск в Чехословакию, чем любой другой чиновник или офицер? Насколько Фриче было мало известно о тогдашних тайных намерениях Гитлера, выяснившихся здесь на процессе, настолько же он мало знал о «Плане

Грюн». Как руководитель внутригерманской прессы, он не мог влиять на пропагандистские приемы, которые должны были быть использованы в самой Чехословакии.

То же самое относится и к польской кампании. И здесь Фриче не способствовал с помощью слова военному конфликту и не передавал намеренно сведений, которые могли бы поддерживать милитаристские цели. Именно в своей речи по радио от 29 августа 1939 г., которая была ему предъявлена во время перекрестного допроса, он недвусмысленно подчеркивал, что не может быть никакого сомнения в миролюбивых стремлениях Германии. Эта речь и многие другие особенно доказывают добрые намерения Фриче. Он выражал в них как разочарование германского народа, так и свое собственное разочарование по поводу того, что воля к миру, которую Гитлер неоднократно рекламировал, оказалась фикцией и даже хитростью...

Роль печати перед неожиданным нападением на Советский Союз была выяснена на этом процессе особенно тщательно. Уже хотя бы из-за стратегических соображений весь пропагандистский аппарат, а вместе с ним и Фриче как руководитель отдела печати внутри страны, не должен был ничего знать заранее. Именно эта кампания искусно скрывалась Геббельсом, он выдавал подготовку к этой кампании за подготовку к вторжению немецких войск в Англию. Своих ближайших сотрудников Геббельс тогда сам сознательно направлял по ложному пути, как это видно из показаний свидетеля Ширмейстера.

Показание Фриче о том, что он ничего не знал о секретных приготовлениях к созданию так называемого министерства по делам восточных областей, не было опровергнуто здесь так называемым докладом Розенберга, который был предъявлен ему во время перекрестного допроса...

Следует ли рассматривать участие в агрессивной войне после того, как эта агрессивная война началась, как участие в преступлении против мира и должно ли такое участие караться?..

Ведущими агрессивную войну можно считать тех лиц, которые сами планировали эту войну. Именно они осуществляют свой единый план, начиная войну без предварительного объявления или с предварительным объявлением...

Упомянутое выше понятие «ведение войны» следует рассматривать как «развязывание войны». Обвинять в преступлении против мира можно только тех, кто планировал это преступление...

Международное право уже многие годы различает такие два понятия, как «военные преступления» в узком смысле этого слова и «преступления против мира» в широком смысле этого слова. Военные преступления — это нарушения установленных в договорах или иным образом установленных правил ведения войны, нарушения обычаев войны и нарушения принципов человечности. Преступления против мира заключаются в преступном развязывании войны и в особенности неоправданной агрессивной войны...

Из этих рассуждений следует, что деятельность, способствующая войне, уже во время самой войны не может считаться наказуемым действием; это же относится и к речам Фриче, произнесенным по радио...

Совершенно не доказано, что Фриче одобрял те нарушения международного права, которые уже имели место или которые намечались, как, например, так называемый приказ о комиссарах или линчевание летчиков противника, самолеты которых были сбиты, или что Фриче даже уделял им место в пропаганде...

Фриче не может нести ответственности за то, какую роль действительно играл большой аппарат всей пропаганды «третьей империи» в планах и в руках маленького круга во все посвященных людей, роль, которую только теперь можно оценить. Если при этом какой-то частью людей, с которыми сотрудничал Фриче, злоупотребили, то и Фриче был жертвой этого злоупотребления. Предположение, что Фриче был ближайшим соучастником, правой рукой Геббельса, даже его заместителем, предположение, на котором, вероятно, строится много пунктов обвинения, выдвинутого против Фриче, опровергнуто уже установленными здесь фактами. Утверждение, что Фриче несет ответственность, равную или подобную ответственности Геббельса, оказалось несправедливым в ходе процесса...

Был ли Фриче лжецом, причем даже всем известным лжецом? То, что Геббельс был им, ясно из данных этого процесса. Неправильно полагают, что Фриче был его правой рукой, и при этом переносят качества Геббельса на Фриче. Это предположение, безусловно, не верно. Я убежден в том, что если бы Геббельс не умер и он не ушел бы от ответственности, мы не видели бы здесь Фриче в качестве представителя министерства пропаганды на скамье подсудимых... Конечно, это был грех, даже очень тяжкий грех — продолжать служить системе. Решающим, однако, при этом является то, мог ли он установить больше, чем простые недостатки. Ложь ведь была заложена уже в самом фундаменте. Следовательно, лживым должно было быть все, что на нем строилось. Не только министерство, все в Германии было отравлено ложью...

Пусть Фриче раньше, чем другие, понял, что он сослужил службу плохому делу, или пусть он не отвернулся от государственного руководства только потому, что он хотел выпить вместе с немецким народом чашу до дна, виновным в смысле предъявленных ему перед этим Высоким Трибуналом обвинений он не является.

Выступление Ф. БЕРГОЛЬДА, защитника подсудимого Мартина Бормана

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 июля 1946 г.

Господин председатель, господа высокие судьи! Дело подсудимого Мартина Бормана, защита которого была поручена Высоким Судом мне, является необычным делом. Подсуди-

мый жил в тени, когда национал-социалистская империя еще блистала, он остался в тени на этом процессе и пребывает, по всей вероятности, в царстве теней, как говорили про мертвых в античном мире. Он является единственным подсудимым, который не присутствует здесь и в отношении которого дело на основании статьи 12 Устава рассматривается заочно...

Высокий Суд должен очень тщательно проверить, следует ли при теперешнем положении процесса пользоваться предоставленным Суду статьей 12 Устава правом рассматривать дело в отношении отсутствующего.

По моему мнению, рассмотрение дела можно продолжать, если соответствующим образом, основываясь на прекрасных и ясных принципах русского права, будет доказано, во-первых, что подсудимый Мартин Борман преднамеренно и сознательно уклоняется от явки в суд, во-вторых, если обстоятельства дела не будут вызывать никаких сомнений.

Ответственность Высокого Суда вследствие того, что приговор является окончательным, в этом случае очень велика. Мое мнение о том, что приговор является окончательным, подтверждается тем, что в официальной публикации о вызове подсудимого Бормана в Суд в последнем предложении ясно указывается, что в том случае, если подсудимый будет признан виновным, приговор будет немедленно приведен в исполнение, как только Борман будет обнаружен и задержан.

По моему мнению, вовсе не доказано, что подсудимый уклоняется от явки на процесс. Допросом свидетеля Кемпка, и по-моему, с большой вероятностью установлено, что подсудимого Бормана нет в живых.

Свидетель Кемпка показал, что в ночь с 1 на 2 мая 1945 г. он вместе со статс-секретарем Науманом, подсудимым Борманом, штандартенфюрером Штумпфэккером, выбравшись из бункера имперской канцелярии, пытался бежать, следуя с левой стороны за прорывавшимся через русские боевые порядки танком. При этом подсудимый Борман шел совсем близко от танка около его середины, так что у свидетелей создалось впечатление, что Борман одной рукой держался за танк. Свидетелю показалось, что он делал это для того, чтобы не отставать от движущегося танка. Этот танк, миновав немецкие противотанковые заграждения и пройдя 30—40 метров, очевидно, взлетел на воздух, в результате попадания бронебойного снаряда.

Свидетель совершенно ясно видел, что именно там, где Борман шел около танка, во время взрыва из самого танка вырвалось пламя, и охваченный этим пламенем Борман, а также идущий впереди него статс-секретарь Науман упали на землю.

Свидетель уверен в том, что Борман, оказавшийся в центре взрыва, при этих условиях, несомненно, должен был быть убит. На основании того факта, что силой этого взрыва не был убит свидетель, нельзя делать вывод о том, что и Борман остался в живых... Кемпка показал, что Борман был одет в форму и носил знаки различия — обергруппенфюрера СС. Даже если бы Борман и не был убит этим взрывом, он был бы, очевидно, так тяжело ранен, что не мог бы продолжать бегст-

во. Он в таком случае неминуемо попал бы в руки советских частей, которые, по показанию свидетельницы Крюгер, были уже совсем близко от имперской канцелярии и заняли ее уже 2 мая 1945 г. СССР, само собой разумеется, при той лояльности, какую он проявляет на этом процессе, передал бы Бормана суду Высокого Трибунала.

Имеются только две возможности, по крайней мере, насколько я могу судить: первая из них — что Борман раненый попал в руки Советского Союза, но эта возможность, как доказано, исключается, таким образом, остается вторая возможность, а именно — что Борман погиб...

Итак, я прежде всего считаю, что смерть подсудимого Бормана доказана с достаточной достоверностью, причем эта смерть настолько очевидна, что на этом основании следует вообще навсегда прекратить его дело...

Подсудимый Борман отсутствует. Он не мог лично защищаться против предъявленных ему обвинений... Обвинения, которые многие подсудимые на данном процессе выдвинули против него, возможно, по каким-либо особым причинам и, несомненно, для облегчения своей собственной участи, а также оправдания своих действий, не могут быть положены в основу приговора без детального рассмотрения. Само обвинение в лице своих представителей неоднократно заявляло, что подсудимые будут стремиться переложить основную вину за действия, которые рассматривает Высокий Суд, на мертвых или отсутствующих. Некоторые из моих коллег во время своих защитительных речей также придерживались этой тактики.

Никто, однако, не знает, что подсудимый Борман ответил бы этим людям, если бы он присутствовал на процессе. Может быть, он смог бы доказать, что вся его деятельность не находилась в причинной связи с действиями, которые рассматривает обвинение, и что не имел такого влияния, какое ему приписывают как заместителю фюрера по руководству национал-социалистской партией...

Партийная канцелярия, начальником которой был Борман, была центральной канцелярией для политического руководства государством. Через нее направлялись все предложения и вся информация, адресованные Гитлеру низшими инстанциями, а также все распоряжения и директивы Гитлера низшим инстанциям...

Эта деятельность представляет собой такую деятельность, какая должна осуществляться даже при самой худшей тирании, даже при существовании самого ужасного господства произвола, а тем более в таком современном государстве, каким являлась национал-социалистская империя. Кто-то должен препровождать все распоряжения и приказы подчиненным инстанциям. Это чисто формальная работа...

Нельзя сделать вывод, что лицо, осуществлявшее эту передачу, имело какое-то влияние на издание декретов, приказов и решений. Это возможно, но это не доказано со всей определенностью...

Никто не может на основании этой посреднической деятельности, которая в любом бюро и канцелярии является необ-

ходимой, сделать точного вывода относительно размера и истинной природы влияния Бормана. Некоторые документы показывают, что Борман очень часто выступал в роли простого стенографа, делая необходимые записи во время бесед Гитлера с отдельными подсудимыми. Об этом ясно говорится в документе Л-221 относительно аннексии восточных территорий и в русском документе СССР-172.

Я не хочу, чтобы меня здесь поняли превратно. Я далек от мысли оспаривать тот факт, что Борман в руководстве «третьей империи» занимал значительную должность. Но на этом процессе не было ясно установлено, какой вес имел Борман в действительности, насколько преувеличивается его значение другими лицами и, наконец, в чем состояло его влияние. Заявления других подсудимых, которые делались ими в целях их собственной защиты, не представляют собой доводов, имеющих доказательную силу...

Я не хочу отнимать времени у Высокого Суда обсуждением дальнейших деталей...

Я настойчиво ходатайствую о том, чтобы Высокий Суд либо прекратил дело в отношении Бормана ввиду доказанности его смерти, либо приостановил слушание дела до тех пор, когда его можно будет допросить лично и когда он лично сможет осуществить свою защиту, то есть отказаться от права, предоставляемого Суду статьей 12 Устава Трибунала.

Заключительные речи главных обвинителей

Заключительная речь Главного обвинителя от США Р.Х. ДЖЕКСОНА

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 26 июля 1946 г.

Господин председатель, господа члены Трибунала!

Редко юристу приходится сталкиваться с более сложной задачей, чем выбор аргументов для заключительной речи при таком громадном несоответствии между отведенным ему временем и объемом материала, которым он располагает. В течение восьми месяцев, а это — недолгий срок для процесса государственной важности, мы представляли доказательства, которые охватывают столь широкую и разнообразную картину событий, что едва ли нечто подобное было когда-либо охвачено рамками одного судебного процесса. Резюмируя, невозможно нарисовать широкими мазками более чем контуры основных моментов выразительной и печальной летописи этого процесса, которая останется в истории как свидетельство позора и извращенности XX столетия.

Принято думать, что наше время является вершиной цивилизации, вершиной, с которой мы можем покровительственно взирать на недостатки предшествовавших веков в свете того, что считается «прогрессом». В действительности положение вещей таково, что взятая в перспективе история нашего столетия не будет выглядеть с благоприятной стороны, если только вторая его половина не искупит пороки первой. Эти четыре десятилетия XX века будут занесены в летопись истории в числе самых кровавых в ее анналах. Две мировые войны оставили столько убитых, что число их превышает численность всех армий, участвовавших в древних и средневековых войнах. На протяжении полувека никогда не происходило такого количества кровавых убийств и в таком масштабе, не совершалось таких жестокостей и бесчеловечных поступков, не производилось такого массового угона людей в рабство, такого уничтожения национальных меньшинств.

Террор Торквемады[1] бледнеет перед нацистской инквизицией. Эти деяния являются неопровержимыми историческими фактами, по которым будущие поколения будут судить о нашем десятилетии. Если мы не сумеем уничтожить причины и предотвратить повторение подобного варварства, можно будет с основанием сказать, что XX столетие приведет к гибели цивилизации.

Руководствуясь данными фактами, мы предприняли шаги для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему процессу гни-

[1] Томас Торквемада — доминиканский монах, деятель инквизиции в Испании, первый «великий инквизитор». Отличался исключительной жестокостью, приговорил к сожжению на костре более 8 тысяч «еретиков», добился изгнания в 1492 году из Испании евреев. — **Прим. сост.**

ения в летописи нашей эры. Подсудимые жалуются, что мы двигаемся вперед слишком быстро. Создавая Устав этого Трибунала, мы полагали, что лишь регистрируем уже достигнутое в развитии международного права. Однако они говорят, что мы обогнали наше время, что мы предвосхитили процесс, который только должен произойти, но еще не совершился. Лондонское соглашение, независимо от того, создает ли оно или лишь регистрирует достигнутое, при всех обстоятельствах знаменует собой сдвиг в международном праве, который в общих чертах соответствует эволюции во внутреннем законодательстве, заключающейся в том, что люди перестали карать за преступление «преследованием и криками», а стали руководствоваться при определении наказания доводами рассудка и результатами расследования. Сообщество народов выросло из примитивного закона «преследований и криков», из закона «лови и убивай». Оно стремится применять санкции для того, чтобы претворять в жизнь международное право, но руководствоваться в этом применении санкций доказательством, законом и разумом, а не интуитивным протестом. Подсудимые отрицают закон, по которому они привлекаются к ответственности. Их отвращение к закону, который осуждает их, не является оригинальным. Еще до них говорили, что «вор, который чувствует на своей шее веревку, не может придерживаться хорошего мнения о законе».

Я не стану касаться правовых основ данного процесса. Позиция, которую занимают Соединенные Штаты, была достаточно разъяснена в моей вступительной речи. Мой достойный коллега Генеральный прокурор Великобритании[1] даст ответ от имени всех главных обвинителей на возражения подсудимых относительно правовой основы данного процесса. На данной стадии судебного разбирательства я остановлюсь на законе, относящемся к данным преступлениям, в соответствии с тем, как он изложен в Уставе. Подсудимые, которые вообще не имели бы права быть заслушанными, если бы Устав не предоставил им такого права, теперь требуют уничтожения правовой основы данного процесса. Трибунал, конечно, не имеет полномочий отвергнуть или изменить соглашение между четырьмя державами, к которому присоединились 18 других стран. Формулировки Устава являются обязательными для всех участников этого судебного разбирательства.

Однако при толковании Устава мы не должны забывать о том, какой исключительный, чрезвычайный характер имеет Международный военный трибунал. Он не является частью установленной конституцией системы юстиции ни одной из подписавших соглашение сторон. Германия безоговорочно капитулировала, однако еще не подписан мирный договор и не достигнуто соглашение о нем. Формально союзники все еще находятся в состоянии войны с Германией, хотя политическая и военная система противника прекратила свое существование.

[1] Имеется в виду Главный обвинитель от Великобритании Х.Шоукросс. — Прим. сост.

Как Военный трибунал этот суд является продолжением военных усилий союзников. Как международный — он не связан никакими процессуальными или материально-правовыми утонченностями системы юриспруденции или конституционной системы каждой из наших стран; его решения также не внесут новых прецедентов во внутреннюю систему их гражданской юстиции. Как Международный военный трибунал — он поднимается над местным и преходящим и стремится руководствоваться не только международным правом, но и основными принципами юриспруденции, которые присущи цивилизации и давно уже нашли воплощение в кодексах всех народов.

Мы можем быть уверены в одном — будущим поколениям никогда не придется с недоумением вопрошать, что же могли сказать нацисты в свое оправдание. История будет знать: все, что они могли сказать, им было позволено сказать. Они получили возможность предстать перед судом такого рода, право на который в дни их процветания и славы они не предоставляли никому.

Но справедливость — это не слабость. Необычайная справедливость этого судебного разбирательства является атрибутом нашей силы. Предъявленное обвинение к концу процесса оказалось внутренне неуязвимым потому, что оно основательно покоилось на германских документах, аутентичность которых неоспорима. Но именно долгие недели этого судебного разбирательства, в течение которых подсудимые один за другим пытались уязвить достоверность этих доказательств, продемонстрировали подлинную их силу. Несомненным фактом является то обстоятельство, что показания подсудимых устранили всякое сомнение в их виновности, которое ввиду необычайного характера и размаха этих преступлений могло существовать до того, как они выступили здесь. Они помогли написать себе Обвинительный приговор.

Справедливость этого процесса не имеет ничего общего с некоторыми из аргументов, выдвинутыми подсудимыми или их защитниками. Ни прежде, ни теперь не являлось необходимым оценивать достоинства туманной и извилистой философии подсудимых. Мы не судим их за их дурные идеи. Они вправе, если желают, порочить вклад древних иудеев в цивилизацию, частью которой некогда являлась Германия. Нас не касается также то обстоятельство, что они отвергают эллинское влияние. Интеллектуальное банкротство и моральная извращенность нацистского режима не касались бы международного права, если бы они не были использованы для того, чтобы провести «расу господ» гусиным шагом через границы государств. Мы вменяем им в вину как преступление не их идеи, а их реальные действия. Их кредо и их учение имеют значение лишь постольку, поскольку они свидетельствуют о мотивах, целях, намерениях, осведомленности в происходящем.

Мы вменяем подсудимым в вину незаконную агрессию, но мы не судим их за те мотивы, надежды и разочарования, которые могли толкнуть Германию на путь агрессивных войн в качестве инструмента политики. Закон в отличие от политики не занимается вопросами добра и зла при статус-кво, он не рас-

смагривает также вопроса о состоятельности возражений против статус-кво. Он просто требует, чтобы статус-кво не нарушался силой и чтобы политика не проводилась в жизнь с помощью войны.

Мы можем признать, что смешение этнических и культурных групп, стирание экономических барьеров, столкновение национальных интересов создали в 30-х годах, как будут создавать и впредь, серьезные проблемы для Германии точно так же, как и для остальных народов Европы. Мы можем также признать, что мир не сумел найти политического или правового средства для того, чтобы противопоставить его как достойную и реальную замену войне. Мы не можем сослаться ни на этику, ни на мудрость ни одной из стран, в том числе моей собственной, перед лицом этих проблем. Но мы утверждаем, что теперь точно так же, как уже в течение некоторого времени до 1939 года, для Германии или для любой другой страны являлось незаконным и преступным осуществлять свои притязания или стремиться к экспансии, прибегая для этого к агрессивной войне.

Разрешите мне подчеркнуть один кардинальный момент. У Соединенных Штатов нет интересов, которые могли бы выиграть от того, что кто-либо из подсудимых будет осужден в том случае, если не будет доказана его виновность, по крайней мере, по одному разделу Обвинительного заключения из инкриминируемых ему. Достижение любого результата, который был бы признан несправедливым критическим и беспристрастным судом будущих поколений, не явится победой ни для одной из стран, объединившихся в ведении этого судебного разбирательства. Но в итоге перед нами сейчас имеются проверенные доказательства преступности; мы заслушали шаткие оправдания и трусливые увертки подсудимых.

Предварительное суждение, основываясь на котором мы открывали этот процесс, не является более достаточным. Наступило время для принятия окончательных решений, и если дело, по которому я выступаю, сейчас кажется трудным и не допускающим компромиссов, это объясняется тем, что таким его делают представленные доказательства.

Быть может, лучше всего будет, если я попытаюсь извлечь это дело из бездны деталей, которыми полон протокол[1], и представить перед Вами лишь общие его контуры, впечатляющие своей простотой.

Правильно, что многие тысячи страниц свидетельских показаний и тысячи документов по данному делу охватывают целую эпоху, целый континент и касаются почти всех сторон человеческого существования. Они освещают различные стороны профессиональной деятельности — дипломатию, развитие морского флота и морскую войну, сухопутную войну, происхождение воздушной войны, политический механизм прихода нацистов к власти, финансовые вопросы и экономику, связан-

[1] Имеются в виду стенограммы судебного заседания. — **Прим. сост.**

ные с тотальной войной, социологию, уголовное право, психологию, патологию масс.

Предоставим экспертам заниматься анализом доказательств и писать тома по их специальности, в то время как я сам широкими мазками нарисую картину нарушений права, признание которых законными угрожало бы самому существованию цивилизации. Я должен, как сказал Киплинг, «кистью из хвоста кометы бросить краски на полотно в десять лиг длиной».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

Обоснованность обвинения подсудимых по разделу о заговоре, доказать которое поручено Соединенным Штатам, заключается в его простоте. Оно включает лишь три основных вопроса: первый — были ли совершены акты, которые определяются Уставом как преступление, второй — были ли они совершены в ходе осуществления общего плана или заговора, и третий — входят ли эти подсудимые в число тех, кто несет за это уголовную ответственность.

Обвинение требует рассмотрения преступной политики в целом, а не множества отдельных незапланированных или спорных преступлений. Совершение основных преступлений, на которых мы строим обвинение и которые представляют собой либо конечную цель общего плана, либо средство его осуществления, уже признано. Краеугольный камень, на котором покоится обвинение в заговоре, представляет собой пять категорий преступных деяний, характер и размах которых является важным моментом оценки доказательства существования заговора.

1. ЗАХВАТ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Нацистская партия захватила контроль над германским государством в 1933 году. «Захват власти» является термином, которым пользуются подсудимые и свидетели защиты, причем термином столь подходящим, что он вошел как в историю, так и в повседневную речь.

Нацистская клика в первые дни своего существования жила в постоянном страхе переворота. Геринг в 1934 году указывал, что врагам нацизма имя — легион, и заявлял: «Поэтому были созданы концентрационные лагеря, в которые мы прежде всего заключили тысячи коммунистов и социал-демократов» (ПС-2344).

В 1933 году Геринг предвосхитил всю программу преднамеренных жестокостей и репрессий, публично заявив: «Тот, кто в будущем попытается поднять руку на представителя национал-социалистского движения или государства, должен знать, что очень скоро после этого он лишится жизни» (ПС-2494).

Для достижения этой цели были введены новые виды политических преступлений. Была объявлена изменой родине, наказуемой смертью, организация или поддержка какой-либо другой политической партии, кроме нацистской (ПС-2548). Пре-

ступлением объявлялось распространение ложных или преувеличенных слухов или слухов, которые вредили государству и даже партии (ПС-1652). Были введены столь двусмысленные законы, что они могли быть использованы для наказания почти всякого, даже невинного, поступка. Так, преступлением признавалось провоцирование любого акта, противоречащего общественному благополучию (ПС-1390). Доктрина наказания по аналогии была задействована для того, чтобы можно было осуждать за действия, не запрещаемые законом (ПС-1962).

Министр юстиции Гертнер разъяснил, что национал-социализм рассматривает всякое противодействие целям, которые поставила перед собой община, преступным per se (по самой своей сути) и что такой акт может быть наказуем даже в том случае, если он не противоречит существующим «официальным» законам.

Гестапо и СД являлись инструментами системы шпионажа, которая пронизывала всю общественную и частную жизнь (ПС-1680). Геринг лично курировал отдел, занимавшийся прослушиванием частных телефонных переговоров (ПС-1390). Неприкосновенность переписки была уничтожена. На каждые 50 домовладений были назначены партийные блоклейтеры[1], которые постоянно шпионили за теми, кто жил в их квартале (ПС-1893). На основании их доносов людей бросали в места «превентивного заключения» и в концентрационные лагеря без какой-либо судебной процедуры (ПС-1956) и без предъявления каких бы то ни было обвинений (ПС-2533). Политическая полиция, действовавшая по указанию партии, была освобождена от всякой ответственности перед законом за свои действия (ПС-2347).

После того как контроль над всеми государственными учреждениями перешел в руки нацистов и рейхстаг был лишен каких бы то ни было полномочий, последним препятствием на пути к господству террора оставалась система юстиции (ПС-2469), но ее независимость скоро была уничтожена и она была реорганизована для того, чтобы творить продажное правосудие (ПС-784). Судьи смещались по политическим или расовым соображениям, за ними постоянно шпионили и на них оказывали давление с тем, чтобы заставить их вступить в нацистскую партию (ПС-2967).

После того как верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, которых нацисты обвиняли в поджоге рейхстага, юрисдикция по делам об измене родине была передана вновь организованному «народному суду»[2], который состоял из двух судей и пяти партийных чиновников (ПС-2967). В германском фильме о деятельности данного суда, который мы демонстрировали в этом зале, показано, как председательствующий,

---

[1] Блоклейтер, как правило, назначался на каждые 40—60 домов. — **Прим. сост.**

[2] Речь идет о так называемой народной судебной палате, которая играла немаловажную роль в общей системе гитлеровского террористического режима; она была создана для рассмотрения в порядке упрощенного судопроизводства дел о государственных преступлениях. — **Прим. сост.**

проявляя пристрастие, изливает поток оскорблений по адресу бессловесных подсудимых (ПС-3054). Были созданы специальные суды для того, чтобы судить за политические преступления. Только члены партии назначались на должности судей (ПС-2065), «письма к судьям» инструктировали марионеток-судей, какой «генеральной линии» им следовало придерживаться (Д-229).

Результатом этого явилось устранение всех мирных способов противодействия или смены правительства, нацисты захлопнули эту дверь перед всеми другими, кто мог пожелать войти в нее. Поскольку законом считалось то, что нацисты называли «законом», оппозиция в любой форме искоренялась, и каждому, кто пытался высказывать недовольство, затыкали рот. Германия очутилась в тисках полицейского государства, которое использовало угрозу заключения в концлагеря как средство подавления сопротивления. Партия стала государством, государство — партией, террор днем и умерщвления ночью являли собой политику, принятую и партией, и государстаом.

2. ПОДГОТОВКА И ВЕДЕНИЕ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН

С момента захвата власти нацисты начали лихорадочно, хотя и тайно, в нарушение Версальского договора, вооружать армию. В 1935 году у них не было военно-воздушных сил. К 1939 году у них была 21 эскадрилья, состоявшая из 240 звеньев, насчитывавших примерно 2400 самолетов первой линии и имевших учебные и транспортные самолеты. В 1933 году они располагали армией, состоявшей из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. В 1939 году они сформировали и вооружили армию, состоявшую из 51 дивизии, в том числе: четыре — полностью моторизованных и четыре — танковых дивизии. В 1933 году их военно-морской флот состоял из одного крейсера и шести легких крейсеров. В 1939 году они создали военно-морской флот, состоявший из четырех линейных кораблей, одного авианосца, шести крейсеров, 22 эсминцев и 54 подводных лодок. Они также создали за этот период военную промышленность, столь же мощную, как в любой другой стране (ЕС-28).

Созданное оружие было введено в действие в сентябре 1939 года, когда в нарушение многократных гарантий началась целая серия необъявленных войн против народов, с которыми Германия имела договоры об арбитраже и о ненападении. 1 сентября 1939 г. перевооруженная Германия напала на Польшу. Апрель следующего года стал свидетелем вторжения в Данию и Норвегию и оккупации их, май увидел захват Бельгии, Голландии и Люксембурга, в следующую весну под ударом оказались Югославия и Греция, и в июне 1941 года началось вторжение в Советскую Россию. Затем Япония, которую Германия приветствовала как своего союзника, без предупреждения нанесла удар по Перл-Харбору в декабре 1941 года, и через четыре дня после этого Германия объявила войну Соединенным Штатам.

Нам нет необходимости заниматься рассмотрением абстрактных трудностей, возникновение которых можно себе

умозрительно представить при определении того, что в сомнительных случаях должно считаться агрессией. Я покажу вам, рассматривая вопрос о заговоре, что по всем критериям, когда-либо выдвинутым ответственными лицами, по всем законам здравого смысла эти войны являлись незаконными, агрессивными войнами в нарушение договоров и заверений.

3. ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ ВОПРЕКИ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Нет необходимости детально рассматривать этот пункт на основе фактического материала. Геринг утверждал, что законы сухопутной войны устарели и что никакой народ не мог вести тотальную войну в их рамках. Он показал, что нацисты отказались бы от соблюдения конвенций, которые в качестве одной из сторон подписала и Германия, но генерал Иодль хотел, чтобы захваченные в плен германские солдаты продолжали пользоваться преимуществами соблюдения конвенций союзниками.

Однако в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ, несмотря на предупреждение адмирала Канариса о том, что такого рода обращение является нарушением международного права.

Поэтому для рассмотрения раздела о заговоре нам нет необходимости приводить вопиющие подробности умерщвления голодом, избиений, убийств, умерщвления холодом и массовых уничтожений, которые, как было признано, совершались по отношению к солдатам, воевавшим на Восточном фронте. Мы также можем считать установленным и признанным, что имели место незаконные действия, например, расстрел британских и американских летчиков, жестокое обращение с военнопленными из западных стран, принуждение французских военнопленных принимать участие в военных усилиях Германии и другие преднамеренные нарушения Гаагской и Женевской конвенций, а также то, что все это совершалось во исполнение приказов высших властей (Р-110).

4. ПОРАБОЩЕНИЕ И ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Подсудимому Заукелю, генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы (ПС-1666), принадлежит заявление о том, что «из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не приехали туда добровольно» (Р-124). Подсудимому Розенбергу официально докладывали, что на подчиненных ему территориях «применялись такие методы вербовки рабочей силы, которые, быть может, берут свое начало в самых черных периодах торговли рабами» (ПС-294). Сам Заукель сообщал о том, что агенты — мужчины и женщины охотились за людьми, спаивали их и затем обманом увозили в Германию (ПС-220). Этих пленников перевозили в поездах, которые не отапливались, они не получали пищи и были лишены элементарных санитарных условий. Трупы умерших выбрасывались

из вагонов на станциях, а новорожденных выбрасывали из окон идущего поезда (ПС-054).

Заукель приказал, чтобы «все рабочие получали лишь такое питание, кров и обращение, которые обеспечивали бы максимальную возможность для их эксплуатации при самых минимальных затратах, которые только можно себе представить» (ПС-054). Из этих рабочих около 2 миллионов было непосредственно занято в производстве вооружения и боеприпасов (ПС-016). Директор паровозостроительного завода Круппа в Эссене жаловался руководству фирмы, что русские, находящиеся у них на принудительной работе, настолько недоедают, что слишком истощены, чтобы справиться со своей работой (Д-316). Врач фирмы Круппа также подтвердил сообщения о жутких условиях их содержания (Д-228). Советские рабочие были заключены в лагеря, охраняемые гестапо. Охране разрешалось наказывать за неповиновение заключением в концлагеря или смертью через повешение на месте (ПС-3040).

Население оккупированных территорий эксплуатировали и другими способами, его безжалостно угнетали. Террор был поставлен в порядок дня. Гражданских лиц арестовывали без предъявления каких-либо обвинений, им не было предоставлено право иметь защитников, их казнили без суда. Уничтожали целые деревни, мужское население расстреливали или отправляли в концентрационные лагеря, женщин направляли на принудительные работы, а детей их рассылали по различным районам (ПС-3012). Масштабы этой бойни в одной только Польше показаны Франком, который сообщал: «Если бы я хотел вывесить одно объявление о расстреле каждых семи поляков, то в Польше не хватило бы лесов для производства бумаги для всех этих объявлений» (ПС-2032).

Нельзя ожидать, чтобы те, кто порабощает людей, воздержались бы от того, чтобы их грабить. Хвастливые отчеты показывают, как тщательно и «научно» ресурсы оккупированных стран поглощала германская военная экономика, вызывая инфляцию, голод и нужду населения (ЕС-312). Кроме этого грандиозного плана помощи германским военным усилиям, проводилась также гнусная деятельность эйнзатцштаба Розенберга, который грабил сокровища искусства для Геринга и других членов его банды (ПС-014). Трудно сказать, трагично или комично зрелище, героем которого является второй по значению фюрер Германии, убеждающий свой народ отказаться от всяких удобств и приложить все силы для выполнения необходимых работ военного времени, в то время как он сам мечется с одного места на другое, руководя конфискацией предметов искусства и отправляя их целыми эшелонами. В любом случае его действия преступны.

Во все времена, да и во время этой войны, международное право точно и авторитетно определяло положение по охране прав гражданских лиц оккупированной страны; торговля рабами и грабеж оккупированных стран всегда рассматривались как явное беззаконие.

5. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН

Нацистское движение навсегда оставит о себе ужасную память в истории из-за преследований евреев — самого яростного и самого широкого по масштабам расового преследования в истории народов. Хотя антисемитизм не является ни изобретением, ни монополией нацистской партии, ее руководители с самого начала приняли его, подстрекали к нему и использовали в своих целях. Они использовали его как «психологическую искру, которая воспламеняет толпу». После захвата власти антисемитизм стал официальной государственной политикой.

Преследование евреев началось целым рядом дискриминирующих законов, отстранявших евреев от государственной, профессиональной деятельности и от участия в экономической жизни. Увеличиваясь в своих масштабах, оно дошло до применения изоляции евреев в гетто и до высылки их. Партийные руководители организовывали беспорядки с целью ограбления еврейских предприятий и поджога синагог; еврейская собственность была конфискована, и на евреев наложен коллективный штраф в миллиард марок. Неистовство и безответственность этой программы привели к «окончательному решению». Оно состояло в отправке всех трудоспособных евреев в концентрационные лагеря на рабский труд и в отправке всех нетрудоспособных, включая детей моложе 12 лет и стариков старше 50 лет, и других лиц, объявленных эсэсовскими врачами нетрудоспособными, в концлагеря для умерщвления (ПС-2605).

Адольф Эйхман, зловещий исполнитель этой программы, подсчитал, что операции против евреев привели к уничтожению 6 миллионов человек. Из этого числа 4 миллиона были уничтожены в специальных учреждениях для истребления людей и 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами, мобильными частями полиции безопасности и СД, которые преследовали евреев в гетто и в их домах, массами уничтожали их в душегубках, расстреливали в противотанковых рвах и использовали для уничтожения все средства, которые только могла выдумать нацистская изобретательность. Настолько тщательной и безжалостной была эта программа, что евреи в Европе как раса больше не существуют. Таким образом осуществлялось дьявольское «пророчество» Адольфа Гитлера, сделанное в начале войны (ПС-2738).

Конечно, любая такая программа должна была считаться с оппозицией христианской церкви. Нацисты это поняли с самого начала. Подсудимый Борман писал всем гауляйтерам в 1941 году, что «национал-социализм и христианские догматы несовместимы» и что народ должен быть отделен от церкви и влияние церкви должно быть полностью ликвидировано (Д-75). Подсудимый Розенберг даже писал скучные трактаты, выдвигая новую противоестественную нацистскую религию (ПС-2349).

Гестапо назначило «специалистов по делам церкви» и дало им инструкции в качестве конечной цели стремиться к уничтожению конфессиональной церкви (ПС-1815). Протокол данного судебного разбирательства полон конкретными примерами

преследований священнослужителей (ПС-1164, ПС-1521, ПС-848, ПС-849), конфискации церковного имущества (ПС-1481), вмешательства в выпуск религиозных изданий, прекращения религиозного воспитания (ПС-121) и запрещения религиозных организаций (ПС-1481, ПС-1482, Р-145).

Основным средством преследования и истребления были концентрационные лагеря, порожденные подсудимым Герингом и взращенные под руководством подсудимых Фрика и Кальтенбруннера.

Ужасы этих черной памяти мест былн наглядно вскрыты документами и показаниями свидетелей. Трибунал завален грудой материалов, изображающих графически и воспроизводящих в письменном виде показания свидетелей об ужасах в этих лагерях.

Из протокола явствует, что концентрационные лагеря были первым и самым страшным орудием угнетения в арсенале национал-социалистского государства и что они использовались прежде всего как средства преследования христианской церкви и истребления еврейской расы. Это признали перед судом и некоторые подсудимые. Скажем словами Франка: «Пройдут тысячелетия, а эта вина с Германии еще не будет снята».

Таковы были пять групп наиболее существенных преступлений нацистского режима. Совершение их не может быть опровергнуто, оно полностью доказано. Подсудимый Кейтель, который по своему положению должен знать факты, представил Трибуналу то, что кажется довольно точным резюме всего обвинения, основанного на этих фактах.

Подсудимый заявил, что он «признает, что содержание общих положений Обвинительного заключения было доказано с объективной и фактической точек зрения (другими словами, не в отношении каждого отдельного подсудимого), а также в соответствии с регламентом данного Трибунала. Бессмысленно, несмотря на возможность опровержения некоторых документов или отдельных фактов, доказывать несостоятельность Обвинительного заключения в целом».

Перехожу теперь к вопросу о том, являлись ли эти группы преступных действий составными частями общего плана или заговора.

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР

Обвинение утверждает, что эти пять категорий преднамеренно совершенных преступлений не представляли собою отдельные и независимые явления, но были совершены в соответствии с общим планом или заговором. Защита признает совершение этих преступлений, но она отрицает, что они были связаны друг с другом как части единой программы.

Центральным преступлением в этой цепи преступлений, центральным связующим звеном, которое их объединяет, является заговор в целях ведения агрессивной войны. Именно этот факт является главной причиной преступности этих действий с точки зрения международного права.

Доказали ли мы наличие плана или заговора для ведения агрессивной войны?

Конкретные признанные или неоспоримо доказанные факты помогают нам ответить на этот вопрос. Первым из них является тот факт, что агрессивные войны в действительности имели место. Во-вторых, признано, что с самого момента прихода нацистов к власти все они, как и все подсудимые, трудились, как бобры, чтобы подготовиться к «некой» войне. В связи с этим встает вопрос: готовились ли они к той войне, которая произошла, или к той войне, которая никогда не стала реальностью? Вполне возможно, что на ранней стадии никто из них не знал, в каком именно году и в каком месяце начнется война, какие именно разногласия ускорят ее развязывание, против кого она будет направлена в первую очередь — против Австрии, Чехословакии или Польши. Но я утверждаю, что подсудимые или знали, или должны были знать, что война, к которой они готовились, будет агрессивной войной со стороны Германии. Частично это объясняется тем, что не было никакой реальной опасности, что какая-нибудь держава или какой-нибудь союз держав нападет на Германию. Но главным образом это может быть объяснено тем, что по своей внутренней природе германские планы были таковы, что должны были рано или поздно натолкнуться на сопротивление и, следовательно, они могли быть осуществлены лишь путем агрессии.

Планы Адольфа Гитлера в отношении агрессии были столь же «секретными», как и «Майн кампф», которая была издана в Германии более чем шестимиллионным тиражом. Он не только открыто призывал к ликвидации Версальского договора, его требования выходили далеко за пределы простого исправления несправедливостей, якобы причиненных Версалем (ВБ-128). Он признавал, что намеревается напасть на соседние государства и захватить их земли, которые, как он говорил, необходимо было завоевать «силой победоносного меча». В этих словах для каждого немца звучали «голоса предков, предсказывавшие войну».

В этом зале Геринг, рассказывая о своей первой встрече с Гитлером задолго до захвата власти, показал: «Я заметил, что Гитлер определенно придерживался мнения, что протесты бесполезны, и полагал, что Германия должна быть освобождена от Версальского договора... Мы не говорили, что нам необходима война и разгром наших противников. Это было целью, а методы должны были приспосабливаться к политической ситуации». Когда спросили, предполагалось ли достижение этой цели, в случае необходимости, путем войны, Геринг не отрицал такой возможности, но уклонился от прямого ответа и сказал: «Мы даже не обсуждали подобных вещей в то время». Он сказал затем, что цель уничтожения Версальского договора не скрывалась и была общеизвестной и что, по его мнению, «каждый немец был за его изменение, и это, несомненно, являлось большим стимулом для вступления в партию».

Итак, ни один из тех, кто помогал Гитлеру достичь абсолютной власти над германским народом или сотрудничал с его режимом, не может ссылаться в качестве оправдания на то,

что он не знал о природе тех требований, которые Гитлер собирался предъявить соседям Германии.

Немедленно после захвата власти нацисты приступили к осуществлению своих агрессивных намерений путем военных приготовлений. Сначала они включили немецких промышленников в секретную программу перевооружения. Через 20 дней после захвата власти Шахт принимал Гитлера, Геринга и 20 ведущих промышленников. Среди них был Крупп фон Болен, представлявший громадный военный концерн «Крупп», представители «И.Г.Фарбениндустри» и других концернов тяжелой промышленности Рура. Гитлер и Геринг разъяснили свою программу промышленникам, которые так восторженно встретили ее, что решено было собрать 3 миллиона марок для укрепления и упрочнения власти партии (ЕС-433). Через два месяца Крупп пытался добиться согласования деятельности реорганизованного объединения германской промышленности с политическими целями нацистского правительства (Д-157). Позже Крупп хвастливо говорил о том, как удалось втайне сохранить германскую военную промышленность и держать ее наготове, несмотря на требования Версальского договора о разоружении. Он также вспоминал восторженное признание промышленниками «великих намерений фюрера в период перевооружения 1933—1939 гг.» (Д-317). Примерно через два месяца после того как Шахт организовал эту первую встречу, чтобы добиться поддержки промышленников, нацисты начали подчинять промышленность своим агрессивным планам.

В апреле 1933 года Гитлер приказал доктору Лею «взять на себя руководство профсоюзами», насчитывающими около 6 миллионов членов. Руководствуясь этой партийной директивой, Лей захватил профсоюзы, их имущество и фонды. СС и СА подвергли профсоюзных руководителей превентивному заключению и бросили их в концентрационные лагеря (ПС-2283, ПС-2271, ПС-2335, ПС-2334, ПС-2928, ПС-2277, ПС-2332, ПС-2333). Свободные профсоюзы были заменены нацистской организацией под названием «Германский трудовой фронт» во главе с доктором Леем. Количество ее членов постоянно увеличивалось, пока не достигло 23 миллионов человек (ПС-2275). Отменены были коллективные договоры, рабочие больше не имели права голоса по вопросам, касающимся условий труда. Условия трудового договора диктовались уполномоченными по труду, назначаемыми Гитлером (ПС-405). Военная направленность этой трудовой программы была открыто признана Робертом Леем через пять дней после начала войны, когда в своей речи он заявил:

«Мы, национал-социалисты, за период последних семи лет взяли под свой контроль все ресурсы и все мощности, чтобы быть подготовленными к великому испытанию боем» (ПС-1939).

Нацисты начали сразу приспосабливать также правительственную систему к требованиям войны. В апреле 1933 года кабинет образовал совет обороны, рабочий комитет которого впоследствии часто собирался. На заседании 22 мая 1933 г. под председательством подсудимого Кейтеля его члены были проинструктированы о том, что «ни один документ не должен

быть утерян, так как иначе вражеская пропаганда воспользуется им. То, что передается устно, не может быть доказано, и мы поэтому сможем отрицать это в Женеве» (ЕС-177).

В январе 1934 года — привлекаю внимание Суда к значению приводимых дат — в присутствии подсудимого Иодля совет разрабатывал мобилизационный план и составил проект приказа о мобилизации примерно для 240 тысяч промышленных предприятий. Собравшиеся пришли к соглашению ничего не записывать с тем, чтобы «нельзя было обнаружить военные цели совещания» (ЕС-404).

21 мая 1935 г. был издан совершенно секретный закон об обороне империи. Подсудимый Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики с задачей тайно подготовить всю экономику к войне и в случае мобилизации обеспечить финансирование войны (ПС-2261). Эта тайная деятельность Шахта была дополнена в октябре 1936 года назначением подсудимого Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану с задачей привести за четыре года всю экономику в состояние готовности к войне (ЕС-408).

Проведение секретной программы накопления сырья и иностранных кредитов, необходимых для широкого перевооружения, также началось немедленно после захвата власти. В сентябре 1934 года министр экономики уже жаловался, что «звдача накопления осложняется отсутствием иностранной валюты и что требования секретности и маскировки также тормозят работу» (ЕС-128).

Немедленно был введен контроль над иностранной валютой. Задача финансирования была поручена «кудеснику» Шахту, который своим волшебством создал счета «МЕФО»[1], имевшие двоякую цель: использовать кратковременные кредиты для перевооружения и в то же время скрывать размеры этих затрат (ЕС-436).

Существо всей нацистской государственной деятельности было резюмировано в высказываниях Геринга 27 мая 1936 г. на заседании совета министров, на котором присутствовал также и Шахт. Геринг тогда заявил: «Все мероприятия следует рассматривать с точки зрения обеспечения ведения войны» (ПС-1301).

Генеральный штаб, конечно, должен был включиться в эти военные приготовления. Большинство генералов, привлеченных возможностью реорганизовать свои врмии, стали добровольными соучастниками. Однако бывший военный министр фон Бломберг и начальник штаба генерал фон Фрич, недружелюбно относившиеся к возрастающей агрессивности политики гитлеровского режима, были дискредитированы и смещены с должностей в январе 1938 года в результате порочного и грязного звговора против них. После этого Гитлер принял на себя верховное командование вооруженными силами и посты фон Бломберга и фон Фрича былн заняты другими, которые стали,

[1] «МЕФО»—мошенническая банковская операция, проведенная Шахтом для финансирования вооружения Германии. — **Прим. сост.**

говоря словами Бломберга о Кейтеле, «послушным орудием в руках Гитлера для выполнения любого его решения». В своих приготовлениях генералы не ограничивались лишь вопросами. Они участвовали во всех дипломатических и политических маневрах, например, на встрече в Оберзальцберге, в ходе которой Гитлер при поддержке Кейтеля и других руководящих генералов предъявил ультиматум Шушнигу (ПС-1780).

5 ноября 1937 г. план нападения начал уже принимать определенные очертания в отношении установления времени и жертв. На заседании в присутствии подсудимых Редера, Геринга и фон Нейрата Гитлер цинично сформулировал свои цели: «Вопрос для Германии состоит в том, где можно добиться больших завоеваний наименьшей ценой».

Он проанализировал возможные планы вторжения в Австрию и Чехословакию, ясно указывая на то, что считает захват этих стран не конечной целью, а лишь средством для осуществления дальнейших завоеваний. Он отметил значительные военные и политические выгоды, которые будут сопутствовать владению этими странами, и обсуждал возможность комплектования из их населения новых армий численностью около 12 дивизий. Он прямо и самоуверенно заявил, что его целью является приобретение дополнительного жизненного пространства в Европе, и признал, что «германский вопрос может быть решен только силой» (ПС-386).

Через шесть месяцев, окрыленный бескровной австрийской победой, Гитлер в секретной директиве Кейтелю писал о своем «неуклонном решении разбить Чехословакию военными силами в ближайшем будущем» (ПС-388). В тот же день Иодль записал в своем дневнике, что фюрер заявил о своем окончательном решении уничтожить Чехословакию в ближайшем будущем и приступил ко всеобъемлющим военным приготовлениям (ПС-1780). К апрелю план был усовершенствован таким образом, что предусматривал нападение на Чехословакию с «молниеносной быстротой» в результате какого-либо «инцидента» (ПС-388).

Во всех областях приготовления все больше принимали очертания подготовки к завоевательной войне на основе предположения, что она разовьется в мировую войну. В сентябре 1938 года адмирал Карлс официально заявил о «проекте ведения морской войны против Англии»:

«Мы вполне согласны с основной темой этого трактата.

1. Если, согласно решению фюрера, Германия хочет занять положение мировой державы, ей нужно не только достаточное количество колониальных владений, но также безопасные морские коммуникации и безопасный выход к океану.

2. Оба требования могут быть осуществлены лишь вопреки англо-французским интересам и путем ограничения господствующего положения этих стран как великих держав. Считается маловероятным, чтобы это могло быть достигнуто мирным путем. Следовательно, решение возвести Германию в ранг мировых держав толкает нас на необходимость проводить соответствующие военные приготовления.

3. Война с Англией в то же время означает войну против Британской империи, против Франции и, возможно, против России и против большого количества заокеанских стран, другими словами, против 1/2 или 1/3 всего мира.

Она может быть оправданна и может рассчитывать на успех, лишь если она будет подготовлена с экономической точки зрения так же, как и с точки зрения политической и военной, и будет вестись с целью завоевания для Германии выхода к океану» (С-23).

Трибуналу известны те категорические заверения, которые немцы давали обеспокоенному общественному мнению после аншлюса, после Мюнхена и после оккупации Богемии и Моравии в том, что все требования Германии удовлетворены и что у Гитлера «нет больше территориальных требований к Европе». Протокол заседания этого Суда показывает, что эти заверения были преднамеренно ложными и что те, кто занимал высокие посты в кровавом братстве нацизма, знали об этом.

Уже 15 апреля 1938 г. Гитлер указывал Муссолини и Чиано, что обладание этими территориями сделает возможным нападение на Польшу (ПС-1874). Один из чиновников министерства Риббентропа писал 26 августа 1938 г., что «после разрешения чехословацкого вопроса все будут считать, что Польша будет следующей на очереди» (ТС-76).

После вторжения в Польшу Гитлер бахвалился, что именно триумф в Австрии и Чехословакии явился «основой для действий против Польши» (ПС-789). Геринг рационально использовал этот триумф и немедленно отдал инструкции по эксплуатации сначала Судетов, а затем и всего протектората для усиления германского военного потенциала (Р-133).

В мае 1939 года проводимая нацистами подготовка достигла такого состояния, что Гитлер признался подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и другим, что он готов «напасть на Польшу при первой удобной возможности», хотя он и признавал, что «дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без кровопролития». Грабительские мотивы, лежавшие в основе этого решения, будут понятны из следующей цитаты, которая вторит лейтмотиву «Майн кампф»:

«Обстоятельства должны приспосабливаться к целям; это невозможно без вторжения в другие государства и без захвата их собственности. Жизненное пространство, пропорциональное могуществу государства, является основой всякой власти. Дальнейшие успехи не могут быть достигнуты без расширения нашего жизненного пространства на Востоке...» (Л-79).

В то время как доверчивый мир был убаюкан и окутан паутиной лживых заверений о мирных намерениях, нацисты готовились не как прежде к войне вообще, а к определенной войне. Подсудимые Геринг, Кейтель, Редер, Фрик, Функ и другие собрались в июне 1939 года в качестве членов имперского совета обороны. Протокол этого совещания, аутентичность которого удостоверена Герингом, является ярким свидетельством того, каким образом каждый пункт нацистского плана представлял собой звено в общей цепи. Пять главных подсудимых за три месяца до того, как первое танковое со-

единение пересекло границу Польши, уже планировали «использование населения в военное время» и зашли так далеко, что стали определять очередность отдельных отраслей промышленности в отношении снабжения их рабочей силой «после того, как будет мобилизовано 5 миллионов рабочих». Они выработали меры с тем, чтобы избежать «неразберихи в ходе мобилизации», и объявили, что намерены «захватить и удерживать инициативу в первые и самые решающие недели войны». Далее они намеревались использовать в промышленности военнопленных, уголовных преступников и заключенных концентрационных лагерей. После этого они приняли решение о «трудовой повинности для женщин во время войны». Они к тому времени уже обратились с просьбой о доставке 1172 тысяч рабочих-специалистов и утвердили использование 727 тысяч из них; это мероприятие было отнесено к числу совершенно необходимых. Они бахвалились тем, что повестки о явке на работу «лежат наготове в пачках в управлениях по труду». Они решили увеличить снабжение промышленности рабочей силой путем вывоза в Германию «сотен тысяч рабочих» из протектората, которых они собирались расквартировать в бараках (ПС-3787).

Именно из протокола этого весьма важного совещания, на котором присутствовали многие из основных подсудимых, явствует, каким образом план о начале военных действий сочетался с планом ведения войны путем использования в промышленности незаконных источников рабочей силы.

Гитлер, объявляя о своем плане нападения на Польшу, уже предвидел в качестве одного из логических последствий этого плана проведение программы рабского труда; при этом он под секретом сообщил подсудимым Герингу, Редеру, Кейтелю и ряду других, что населением Польши «можно будет располагать в качестве источника рабочей силы». Эта часть плана была приведена в исполнение Франком, который в качестве генерал-губернатора сообщил Герингу, что он поставит империи по крайней мере миллион сельскохозяйственных и промышленных рабочих мужского и женского пола (ПС-1374), и Заукелем, под давлением которого в результате вербовки, проводимой на оккупированных территориях, было собрано количество рабочих, подчас равное количеству всего населения некоторых небольших европейских стран.

Здесь снова выявляется связь между работой на военные нужды и концентрационными лагерями, которые представляли собой источник рабочей силы, используемый все шире и со все увеличивающейся жестокостью. Соглашение между Гиммлером и министром юстиции Тираком, заключенное в 1942 году, предусматривало, что «для приведения в исполнение вынесенных приговоров асоциальные элементы должны передаваться рейхсфюреру СС с тем, чтобы умерщвлять их тяжелым трудом» (ПС-654).

По директиве СС заключенные, прикованные к постели, предназначались для работ, которые могли выполняться в кровати (ПС-1395). По приказу гестапо было арестовано 45 тысяч евреев в целях «пополнения концентрационных лагерей рабочей силой» (ПС-1472). Из Венгрии было доставлено 100 тысяч

евреев с тем, чтобы пополнить лагеря рабочей силой (Р-124). По инициативе подсудимого Деница рабочая сила из концентрационных лагерей использовалась при постройке подводных лодок (С-195). Таким образом, концентрационные лагеря, с одной стороны, были включены в военную промышленность и, с другой, — в систему отправления правосудия и осуществления политических целей нацистов.

Использование рабочей силы военнопленных, как это предусматривалось по плану, утвержденному на этом совещании, увеличивалось с ростом потребностей Германии. В период, когда каждый германский солдат был нужен на фронте и в тылу не хватало людей, русских военнопленных заставляли обслуживать зенитные орудия, направленные против самолетов союзников. Фельдмаршал Мильх в следующих словах показывал, как забавляли нацистов эти вопиющие нарушения международного права: «Очень забавно, что русским приходится обслуживать орудия» (Р-124).

Приказы об обращении с советскими военнопленными были настолько жестокими, что адмирал Канарис, указав на то, что «следствием их явятся произвол в обращении с заключенными и убийства», обратился в ОКВ с протестом против этих приказов, основываясь на том, что они представляют собой нарушение международного права. Кейтель ответил весьма недвусмысленно:

«Возражения строятся, исходя из концепции рыцарского способа ведения войны! Это гибельно для идеологии! Поэтому я одобряю и поддерживаю эти мероприятия!» (С-338).

Женевская конвенция была бы открыто выброшена за борт, если бы Иодль не представил своих возражений, так как он хотел извлечь преимущества из дальнейшего соблюдения статей этого договора союзниками, в то время как Германия не чувствовала бы себя ни в коей мере ими связанной.

С подобной же тщательностью в нарушение правил ведения войны подготавливались другие преступления, которые ставили своей целью победу германского оружия. В октябре 1938 года, почти за год до начала войны, уже намечалась политика последующих нарушений установленных правил ведения войны в самых крупных масштабах. Верховное командование издало совершенно секретный список лживых объяснений, которые должны были в подобных случаях приводиться министром пропаганды (С-2). Еще ранее командующим вооруженными силами был отдан приказ использовать любые способы ведения войны в случае, если они могут облегчить победу (Л-211). Уже в ходе войны приказы становились все более и более беспощадными. Характерный приказ Кейтеля, требовавший применения «самых жестоких мер», гласил: «Войска обязаны применять любые меры без ограничения, направляя их даже против женщин и детей, если такие меры гарантируют нам успех».

Германские военно-морские силы были в той же степени заражены данной теорией, как сухопутные войска. Редер каждый раз, когда это было необходимо для достижения стратегических успехов, издавал приказы о нарушении существующих правил ведения войны (С-157). Дениц требовал, чтобы экипажи

его подводных лодок не спасали остававшихся в живых членов команд торпедированных вражеских судов с тем, чтобы наносить урон торговому флоту союзных наций, опустошая ряды его моряков (Д-642).

Таким образом, военные преступления против войск союзников и преступления против человечности, совершаемые на оккупированных территориях, неоспоримо представляют собой часть программы ведения войны, так как, по расчетам немцев, они являлись обязательным условием осуществления надежд Германии на успех.

Подобным же образом все преступления, совершенные до начала войны, включая преследования внутри Германии, подобно камням в мозаике, складываются в тонкий узор вокруг плана ведения агрессивной войны. Нигде так ясно не видно, что вся система преступлений нацистского гнета и террора, совершенных внутри Германии, тесно переплетается с военными преступлениями, как в той странной смеси легкомыслия и расчета, которую представляют собой показания Германа Геринга. Описывая цели нацистской программы до захвата власти, Геринг сказал: «Прежде всего вставал вопрос о том, чтобы добиться установления в Германии иного политического строя, который дал бы Германии возможность выступить не просто с протестом против ограничений [Версальского договора], но и с протестом такого рода, с которым нельзя будет не считаться».

Геринг признал, что с этой целью был составлен план свержения Веймарской республики, захвата власти и проведения нацистской программы всеми необходимыми для этого методами, вне зависимости от того, имели ли они законный или противоправный характер.

Из перекрестного допроса Геринга явствует, как неизбежно следовали за этим все элементы программы преступлений. В связи с тем, что нацисты признали необходимым создание сильного государства для того, чтобы избавиться от Версальского договора, они приняли принцип фюрерства. Захватив власть в свои руки, нацисты пришли к выводу, что необходимо эту власть защищать путем упразднения парламентского правительства и подавления всей организованной оппозиции со стороны политических партий (Л-83). Это получило отражение в философской концепции Геринга, гласившей, что опера важнее, чем рейхстаг. Не допускалась даже «оппозиция со стороны отдельных лиц, за исключением тех случаев, когда затрагиваемые вопросы не имели никакого значения».

Для того чтобы гарантировать подавление оппозиции, необходимо было создать тайную политическую полицию. В целях подавления «неисправимых» противников необходимо было создать концентрационные лагеря и учредить институт превентивного заключения. Превентивное заключение, в соответствии с показаниями Геринга, означало следующее:

«Арестовывались и направлялись в превентивное заключение люди, не совершившие какого-либо преступления, но способные в том случае, если бы они остались на свободе, совершить возможные действия, направленные к причинению вреда германскому государству».

Те же цели развязывания войны доминировали и в вопросе об истреблении евреев. Вначале главную роль играли фанатизм и политический расчет, так как антисемитизм и связанная с ним теория «козла отпущения» представляли собой ту тележку, на которой нацисты ехали к власти. Имеино по этой причине развратник Штрейхер и богохульник Розенберг радушно встречались как участники партийных съездов, именно поэтому их сделали руководителями и высшими чиновниками государства и партии. Однако вскоре нацисты стали рассматривать евреев как авангард оппозиции, направленной против полицейского государства, с помощью которого они планировали реализовать свои планы военной агрессии. В качестве причины, объяснявшей необходимость отстранения евреев от участия в политической и экономической жизни Германии, приводились опасения по поводу их пацифистских настроений и их оппозиции по отношению к ярко выраженному национализму. В связи с этим евреев, как скот, перевозили в концентрационные лагеря, где их насильственно использовали как рабочую силу для военных нужд.

На совещании, имевшем место 12 ноября 1938 г., через два дня после неистовых еврейских погромов, спровоцированных Геббельсом и проведенных руководящим составом партии и СА, Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие нацисты, занимавшие высокие посты, разработали программу устранения евреев из германской экономики.

Принятые к проведению мероприятия включали заключение евреев в гетто, сокращение норм продовольственного снабжения для них, «ариизацию» их магазинов и ограничение свободы их передвижения (ПС-1816). Здесь таился еще один довод в объяснение причины преследования евреев, заключавшийся в том, что полная конфискация их собственности содействовала финансированию германского перевооружения. Хотя план Шахта получить иностранную валюту в качестве выкупа за еврейское население Германии не был принят, тем не менее евреев ограбили до такой степени, что Геринг получил возможность сообщить имперскому совету обороны о том, что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на евреев, и благодаря доходам, полученным Германией в результате ариизации еврейских предприятий» (ПС-3575).

Общий взгляд, брошенный на скамью подсудимых, позволяет заключить, что, несмотря на склоки среди них, каждый выполнял свою роль, действуя согласованно с другими, и все они активно помогали осуществлению общего плана. Противоречит практике, что люди, столь различные по происхождению и по своим способностям, содействовали все же друг другу в достижении своих целей.

Огромная и разносторонняя деятельность **Геринга** носила полумилитаристский и полугангстерский характер. Он тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога. Он использовал своих молодчиков из СА для того, чтобы привести банду к власти. Для того чтобы укрепить эту власть, он задумал сжечь рейхстаг, основал гестапо и создал концентрацион-

ные лагеря. Он в равной степени умело действовал как при истреблении оппозиции, так и при инсценировке скандальных инцидентов для того, чтобы избавиться от упрямых генералов. Он создал военно-воздушные силы и бросил их на своих беззащитных соседей. Он был одним из самых активных участников изгнания евреев из страны. Путем мобилизации всех экономических ресурсов Германии он сделал возможным ведение войны, в планировании которой принимал активное участие. Он являлся вторым после Гитлера лицом, координировавшим деятельность всех подсудимых для достижения общей цели.

Роль, которую играли остальные подсудимые, хотя она и была менее представительной и менее наглядной, чем роль рейхсмаршала, тем не менее являлась неотъемлемым и необходимым вкладом в общие усилия; без любого из подсудимых успех общего дела был бы поставлен под угрозу срыва. Виновность этих людей в совершении целого ряда отдельных действий была здесь доказана. Нет никакого смысла рассматривать сейчас те преступления, с которыми предъявленные доказательства связывают имена подсудимых; кроме того, я не располагаю для этого достаточным временем. Тем не менее, рассматривая заговор как единое целое и как механизм в действии, мне хотелось бы бегло остановиться на наиболее значительных услугах, которые каждый из этих людей оказал общему делу.

*Фанатик **Гесс**, перед тем как его обуяла страсть к странствованиям [1], был инженером, управлявшим механизмом партии, передававшим составу партии пропагандистские установки, осуществлявшим надзор над всеми сторонами деятельности партии и сохранявшим ее наготове как преданное и послушное орудие власти.*

*Когда за границей начинали осознавать положение вещей и тем самым ставился под угрозу успех нацистских захватнических планов, на сцену выступал двуличный **фон Риббентроп** — торговец ложью, которому поручено было рассеивать подозрения, выступая с проповедями об ограниченных и мирных намерениях.*

***Кейтель**, безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы и направлял их при выполнении поставленных перед ними преступных задач.*

***Кальтенбруннер**, великий инквизитор, принял от Гейдриха его кровавый плащ с тем, чтобы задушить оппозицию и добиться покорности террором; он утвердил власть национал-социализма на трупах безвинных жертв.*

***Розенберг**, духовный отец и проповедник теории «расы господ», явился создателем доктрины ненависти, которая послужила первым импульсом к уничтожению евреев; он применил свои атеистические теории на практике на восточных оккупированных территориях. Длинный список нацистских злодеяний разбавлялся еще скукой его путаной философии.*

---

[1] Р. Джексон имеет в виду полет Гесса в Англию. — **Прим. сост.**

Фанатик ***Франк*** *утвердил нацистский контроль путем установления нового порядка — власти, основанной на беззаконии, тем самым превращая волю партии в единственный критерий законности; он экспортировал свою систему беззакония в Польшу, которой правил с тиранией Цезаря, и сохранил в живых лишь жалкие остатки населения.*

Фрик*, безжалостный организатор, помогал партии при захвате власти, руководил полицейскими учреждениями с тем, чтобы сохранить для нее власть, и приковал экономику Богемии и Моравии к германской военной машине.*

Штрейхер*, ядовитый пошляк, составлял и распространял непристойные расовые пасквили, которые побуждали народ одобрять все усиливавшиеся по своей безжалостности операции по «расовому очищению» и содействовать их проведению.*

В качестве министра экономики ***Функ*** *ускорял темпы перевооружения, а в качестве президента рейхсбанка помещал на хранение в банк золотые коронки с зубов жертв концентрационных лагерей. Это, по всей вероятности, самый жуткий источник дохода в истории банков.*

Шахт*, скрываясь под личиной накрахмаленной респектабельности, на раннем этапе служил удобной витриной (приманка, на которую ловились сомневающиеся элементы); впоследствии его махинации дали возможность Гитлеру финансировать колоссальную программу перевооружения, сохраняя при этом полную секретность.*

Дениц*, принявший от Гитлера в качестве наследства поражение, способствовал успеху нацистских агрессий, инструктируя свою свору убийц с подводных лодок вести морскую войну с беззаконной свирепостью джунглей.*

Редер*, адмирал-политик, украдкой построил военно-морской флот Германии вопреки Версальскому договору и затем предоставил его для использования в серии агрессий, в планировании которых он принимал активное участие.*

Фон Ширах*, отравивший целое поколение, посвящал германскую молодежь в суть нацистской доктрины, готовил ее в огромном количестве для службы в СС и вооруженных силах и передавал нацистской партии как фанатичную, послушную исполнительницу воли последней.*

Заукель*, самый крупный и самый жестокий работорговец со времен египетских фараонов, поставлял остро необходимую рабочую силу путем угона народов других стран в страну рабства, причем в таких масштабах, которые были неизвестны даже в древние времена тирании в царстве на Ниле.*

Иодль*, предатель традиций своей профессии, руководил вооруженными силами, нарушая их собственный кодекс военной чести для того, чтобы осуществлять варварские цели нацистской политики.*

Фон Папен*, благочестивый агент атеистического режима, держал стремя, когда Гитлер вскакивал в седло, помог аннексировать Австрию и посвятил свою дипломатическую изворотливость делу достижения нацистских целей за границей.*

Зейсс-Инкварт*, возглавлявший «пятую колонну» в Австрии, возглавил правительство своей собственной страны лишь для*

того, чтобы преподнести ее Гитлеру в качестве подарка, и затем, двинувшись на север, принес террор и угнетение в Нидерланды, разграбил их экономику ради германского неумолимого Молоха.

Фон Нейрат, дипломат старой школы, который метал бисер своего опыта перед нацистами, руководил нацистской дипломатией в ранние годы, успокаивал опасения будущих жертв и как имперский протектор Богемии и Моравии укрепил позицию Германии для будущего нападения на Польшу.

Шпеер в качестве министра вооружения и военной промышленности начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для германской военной промышленности, добившись того, что выпуск продукции этой промышленности повышался, в то время как рабочие таяли, вымирая от голода.

Фриче, шеф радиопропаганды, подтасовывая факты, добивался от германского общественного мнения яростной поддержки режима и таким образом парализовал у населения способность к самостоятельному суждению, так что оно, ни о чем не спрашивая, подчинялось приказам своего хозяина.

Борман, который не принял нашего приглашения на этот форум, управлял разветвленным и могучим партийным механизмом, используя его во всех областях национальной политики, начиная от бичевания христианской церкви и кончая линчеванием захваченных союзных летчиков.

В своей деятельности все эти подсудимые, несмотря на их различное происхождение и способности, присоединились к усилиям других заговорщиков, которые сейчас не находятся на скамье подсудимых, но которые тем не менее играли важную роль в выполнении других задач общего плана. Они представляли собой хорошо слаженный, четко работавший механизм, движимый стремлением к общей цели: перекроить карту Европы силой оружия.

Некоторые из этих подсудимых были ревностными членами нацистского движения с первых дней его существования.

Другие, менее фанатичные, вошли в общее дело позднее, после того как успехи сделали привлекательным участие в нем, так как оно сулило награды. Эта группа новообращенных более позднего периода возместила критическую нехватку в рядах первоначальных искренних последователей, поскольку, как это указывал в своих выводах доктор Зимерс[1], «среди национал-социалистов не было специалистов для выполнения особых задач. Большинство из сотрудников национал-социализма ранее не занималось профессиями, которые требовали бы специального образования».

Роковая слабость нацистской банды в первый период ее существования заключалась в том, что у членов ее отсутствовали специальные знания. Они не могли создать из своих собст-

---

[1] Адвокат, защищавший на процессе подсудимого Редера. — **Прим. сост.**

венных рядов правительство, способное провести в жизнь все планы, необходимые для реализации целей нацистского движения. Именно отсюда и проистекают преступления и предательство людей, подобных Шахту и фон Нейрату, Шпееру и фон Папену, Редеру и Деницу, Кейтелю и Иодлю.

Вряд ли нацистам удалось бы реализовать свой генеральный план, если бы не специальные познания и интеллект этих людей, которые они с такой охотой предоставили в распоряжение нацистов.

Эти люди действовали, хорошо знвя о широко объявленных целях и методах нацистов, и продолжали свою службу даже тогда, когда на практике увидели, куда вел путь, по которому они шли.

Их превосходство над обычной нацистской посредственностью не оправдывает их. В этом — их обвинительный приговор. Из тысяч страниц материалов этого процесса с определенностью явствует, что главное преступление из всей группы нацистских преступлений — нападение на мир во всем мире — было четко и преднамеренно запланировано.

Агрессивнвя война началась не из-за того, что население без подготовки стихийно схватилось за оружие в порыве негодования по какому-то конкретному поводу.

За неделю до вторжения в Польшу Гитлер сказал своим военным командующим:

«Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет ли он правдоподобным. Победителя потом не спросят — говорил ли он правду. В начале и при ведении войны значение имеет не право, а победа» (ПС-1014).

Инцидент пропагандистского характера был должным образом сфабрикован при помощи использования заключенных концентрационных лвгерей, переодетых в польскую военную форму для того, чтобы создать видимость польского нападения на германскую пограничную радиостанцию (ПС-2751).

План оккупации Бельгии, Голландии и Люксембурга впервые появился в августе 1938 года в связи с планом нападения на Чехословакию (ПС-375).

Намерение напасть оформилось в программу в мае 1939 года, когда Гитлер заявил своим командующим, что «голландские и бельгийские авиационные базы должны быть оккупированы с помощью вооруженных сил. Заявления о нейтралитете следует игнорировать» (Л-79).

Таким образом, войны, которые должны были последовать, планировались прежде, чем начиналась первая война. Это были наиболее тщательно спланированные войны в истории.

Вплоть до того времени, когда все преступные акты агрессии в их ужасающей последовательности и развитии уже были давно завершены, не было сделано ни одного шага, который бы не соответствовал искусно составленному генеральному плану или вытекающим из него календарным графикам и расписаниям.

Военные преступления и преступления против человечности также не являлись внеплвновыми, отдельными или стихийными актами.

Даже если оставить в стороне наши неоспоримые доказательства существования заговора, достаточно спросить, разве возможно было выделить 6 миллионов человек из населения нескольких стран на основании их принадлежности и происхождения, умертвить их, а тела их уничтожить, если эта операция не являлась частью генеральной программы, разработанной правительством? Разве можно было поработить 5 миллионов рабочих, насильственно их завербовать и вывезти в Германию, распределить на те работы, где они могли быть наиболее полезны, организовать систему их снабжения, если медленная смерть от голода вообще может быть названа снабжением, и осуществить их охрану, если все это не являлось частью общего плана? Разве могли быть созданы сотни концентрационных лагерей по всей Германии, рассчитанных на сотни тысяч жертв и требовавших материалов и рабочей силы для своего строительства, персонвла и руководства для своего обслуживания и включения их в качестве составной части в экономику страны; разве могли быть затрачены все эти усилия при германской автократии, если они не были частью плана? Разве тевтонская страсть к организации стала знаменитой из-за своей терпимости и бессистемной деятельности?

Каждая отдельная часть плана была тесно связана со всеми остальными. Программа рабского труда была согласована с нуждами промышленности и сельского хозяйства, а они, в свою очередь, приспосабливались к потребностям военной машины. Сложный пропагандистский механизм приводится в движение для осуществления программы господства над народом и побуждения его к войне, в которой должны были сражаться его сыновья. Промышленность вооружения черпала рабочую силу из концентрационных лагерей. Концентрационные лагеря черпали ее из гестапо. Гестапо опиралось на шпионскую систему нацистской партии. Нацистский железный закон исключил все, что не соответствовало нацистской программе. Все значительные события, происходившие в этом регламентированном обществе, были лишь проявлениями заранее запланированной и открыто объявленной программы захвата для нацистского государства места под солнцем ценой ввержения во мрак всех остальных.

Подсудимые отвечают на это небывалое обвинение по-разному: одни — признавая ограниченную ответственность; другие — перекладывая вину на других; а некоторые утверждают, что, хотя колоссальные преступления действительно совершались, преступников все же нет.

Ограниченное время не позволяет мне рассмотреть в отдельности построение защиты каждого подсудимого. Однако есть моменты, общие для многих дел, и они заслуживают некоторого рассмотрения.

Защитники подсудимых пытаются опровергнуть обвинение в заговоре или наличие общего плана на том основании, что характер нацистского плана не соответствует понятию заговора, применимому в германском праве, — заговора о разбое на большой дороге или о краже со взломом. Их представление о заговоре ассоциируется со встречей украдкой глухой

ночью в уединенном, скрытом месте, где небольшая группа преступников обдумывает каждую деталь конкретного преступления.

Устав, предвосхищая возможность применения в качестве критерия такой ограниченной и узкой концепции заговора, взятой из внутреннего права, употребляет дополнительное и не являющееся формально-юридическим понятие «общий план». Устав гласит, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана, направленного на совершение любого из названных преступлений, «несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Концепция общего плана, изложенная в Уставе, представляет собой в действительности принципиальное понимание термина «заговор» в международном праве. Общий план или заговор для захвата государственной машины, для совершения преступлений против мира во всем мире, для того, чтобы стереть с лица земли целую расу, поработить миллионы, покорить и ограбить целые народы, не может рассматриваться в тех же рамках, что и планирование менее значительных преступлений, хотя и в данном случае применимы те же самые основные принципы.

Обыкновенные бандиты могут планировать, кто из них возьмет револьвер и кто — стилет, кто подойдет к жертве спереди, кто — сзади и где именно они ее подстерегут. Но при планировании войны револьвер становится вооруженными силами — «вермахтом», а стилет — военно-воздушным флотом.

Выбор места для удара ограничивается не темной аллеей, а пространствами всего мира. В эту операцию входят в качестве элементов: умелое обращение с общественным мнением, государственные законы, полицейская служба, промышленность и финансы. Там, где в обыкновенном заговоре использовались угрозы и обещания, здесь была пущена в ход внешняя политика нации. Степень секретности, которая указывает на преступный умысел заговора, зависит от его цели. Тайные приготовления государства, направленные против народов других стран мира, даже если они и скрыты от других стран, могут быть совершенно открыты и широко известны его народу.

Но не тайна является существенной составной частью такого замысла. Некоторые части общего плана могут объявляться с крыш домов, как это было с антисемитизмом, а другие держаться в секрете, как это было в течение долгого времени в отношении программы перевооружения.

Исключительно соображения стратегического характера определяют, какая именно часть подготовительных мероприятий должна быть обнародована, как, например, это было с заявлением, которое сделал Геринг в 1935 году, о создании военно-воздушного флота, и какая их часть должна сохраниться в тайне, как, скажем, это было в связи с использованием нацистами лопат для обучения «трудовых отрядов» обращению с оружием (ПС-3054).

Этот заговор большого размаха аморфен по форме и оппортунистичен по средствам его выполнения. Однако ни то, ни другое не может помешать закону проникнуть в его существо.

Подсудимые, однако, утверждают, что не могло существовать заговора, предусматривавшего ведение агрессивных войн, во-первых, потому, что никто из нацистов не желал войны; во-вторых, потому, что целью перевооружения было лишь обеспечение усиления Германии с тем, чтобы и ее голос был слышен в семье народов, и, в-третьих, потому, что войны, по существу, не являлись агрессивными, а были лишь оборонительными войнами против «большевистской угрозы».

Когда мы анализируем доводы, приведенные в доказательство того, что нацисты не хотели войны, мы видим, что в сущности своей они сводятся к следующему:

«С точки зрения объективной, факты выглядят довольно скверно, но если вы рассмотрите мое душевное состояние, то убедитесь, что я лично субъективно ненавидел войну. Мне были известны ужасы войны, я хотел мира».

Я не так уж уверен в этом. И еще менее склонен согласиться с определением, данным Герингом генеральному штабу, который он называл пацифистской организацией.

Однако нашему обвинению не повредит, если мы примем в качестве абстрактного предположения, что никому из этих подсудимых не нравилась война. Но они хотели получить то, что, как они знали, они не могли получить без войны. Они хотели получить земли и богатства своих соседей. Их философия, как кажется, сводилась к тому, что, если эти соседи не уступят добровольно, они тем самым станут агрессорами и на них нужно будет возложить ответственность за развязанные войны.

Однако остается фактом то обстоятельство, что война никогда не казалась нацистам ужасной до тех пор, пока она не вошла к ним в дом, до тех пор, пока не был раскрыт обманный характер их заверений германскому народу о том, что германские города, подобные тому разрушенному городу, в котором мы находимся, останутся неуязвимыми. Начиная с этого времени война стала ужасной и для них.

Но опять-таки подсудимые пытаются доказать: «Конечно, мы производили пушки, но не для того, чтобы стрелять, — они должны были только придать нам вес при переговорах». В лучшем случае этот аргумент сводится к утверждению, что военные силы были предназначены для шантажа, а не для военных действий.

Угроза военного вторжения, с помощью которой силой был навязан аншлюс Австрии, угрозы, предшествовавшие Мюнхену, угроза Геринга подвергнуть бомбардировке прекрасный город Прагу, если президент Чехословакии не согласится на создание протектората, являются примерами того, что подсудимые имели в виду, когда они говорили об использовании вооружения как аргумента при ведении переговоров. Но из самой природы германских требований ясно, что должен был наступить день, когда какая-нибудь страна откажется купить себе мир, откажется внести за себя выкуп, потому что «конец

этой игры — угнетение и позор, и народ, который играет в нее, погиб».

Намеревались ли в таком случае подсудимые отказаться от германских требований или Германия собиралась настаивать на них и проводить пропаганду таким образом, чтобы возложить вину за ведение войны на тот народ, который оказался столь безрассудным, что стал сопротивляться? События ответили на этот вопрос, а документы, подобные меморандуму адмирала Карлса, ранее мною цитировавшемуся, не оставляют никакого сомнения в том, что события совершались именно так, как это предполагалось.

Некоторые подсудимые заявляют, что войны не были агрессивными и целью их было лишь защитить Германию от новой возможной опасности — «угрозы коммунизма», которая являлась своего рода навязчивой идеей многих нацистов.

С самого начала этот довод о самозащите терпит крах, поскольку в этом случае полностью игнорируется сочетание фактов, установленных материалами Суда. Во-первых, быстрые и колоссальные по размаху германские приготовления к войне; во-вторых, неоднократные, открыто объявленные намерения руководителей Германии совершить нападение (о которых я говорил ранее), и, в-третьих, тот факт, что имела место целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары без предупреждения и пересекали границы стран и других народов. Даже если бы могло быть доказано, а это доказать невозможно, что война с Россией на самом деле носила оборонительный характер, совершенно очевидно, что дело обстоит иначе в отношении всех тех войн, которые предшествовали ей.

Кроме того, можно также отметить, что даже те, кто хотел бы убедить Вас в том, что коммунизм угрожал Германии, соперничают друг с другом в попытках доказать, что они были против этой пагубной авантюры. Можно ли поверить, что они выступали бы против такой войны, если бы она была на самом деле оборонительной?

Легковесное отношение к фактам, характерное для этой теории самозащиты, защитники пытаются компенсировать, как это часто делают адвокаты, ссылками на теорию права. Доктор Ярайсс в своей «ученой» речи от имени защиты указывает, что ни одно условие договора, ни одно положение праaa не лишает Германию как суверенную нацию права на самооборону. Он далее утверждает, ссылаясь на авторитет классического международного права, что каждое государство должно само решить вопрос о том (я цитирую), «является ли война, которую оно ведет в данном случае, оборонительной».

Нет необходимости рассматривать основательность абстрактного принципа, не относящегося к фактам настоящего дела. Я не сомневаюсь, что, если какая-нибудь нация пришла бы к решению, что она должна прибегнуть к войне в целях самозащиты, исходя из условий, дающих достаточное основание для того, чтобы честно принять такое решение, любой Трнбунал придал бы этому большое и, возможно, решающее значение, даже если бы последующие события показали, что такое решение было заблуждением.

Но факты на данном процессе не допускают никакой скидки на честное решение, потому что нацисты даже не пытались сделать вид, что они пришли к такому решению; еще в меньшей степени оно являлось честным.

Ни в одном из документов, которые раскрывают планирование и обоснование планов этих нападений, не было и не может быть процитировано ни одного предложения, которое указывало бы на действительное опасение по поводу нападения извне. Вполне возможно, что у государственных деятелей других наций не хватило мужества немедленно и полностью разоружиться. Возможно, они подозревали Германию в тайном перевооружении. Но если они и медлили с отказом от вооружения, они во всяком случае не побоялись пренебрегать развитием промышленности вооружения.

Германия отлично знала, что ее бывшие враги довели свое вооружение до упадка, столь маловероятной казалась им возможность новой войны. Германия противостояла Европе, которая не только не хотела нападать, но которая была слишком слаба и пацифистски настроена даже для того, чтобы соответствующим образом защищаться, и должна была заплатить чуть ли не своей честью, а может быть, и большим, чтобы купить себе мир. Те протоколы о секретных нацистских совещаниях, которые мы Вам представили, не называют потенциального агрессора. В них чувствуется дух агрессии, а не оборонительной войны. Они всегда замышляли территориальную экспансию, а не сохранение территориальной целостности.

Военный министр фон Бломберг в своей директиве от 1937 года, в которой устанавливались общие принципы для подготовки вооруженных сил к войне, опровергает эти жалкие притязания на самозащиту. Он заявлял в то время следующее: «Общая политическая обстановка оправдывает политическое предположение относительно того, что Германии не грозит нападение ни с какой стороны. Основанием этого предположения является то, что почти все страны, и особенно западные державы, не испытывают желания вести войну, и, кроме того, в целом ряде государств, и в России особенно, ведется недостаточная подготовка к войне».

Тем не менее он предлагал «постоянно готовиться к войне с тем, чтобы: а) быть в состоянии в любое время нанести контрудар и b) суметь использовать в военных целях политическую ситуацию, если таковая представится» (С-175).

Если эти подсудимые могут сейчас цинично приводить в свое оправдание довод о самозащите, хотя ни один из ответственных лидеров в тот период искренне не заявил и не считал, что самозащита является необходимой, то тем самым доводятся до полного абсурда, с правовой точки зрения, все договоры о ненападении. Они становятся лишь дополнительным средством обмана в руках агрессора и ловушкой для миролюбивых стран. Даже если договоры о ненападении подразумевают то условие, что каждая страна может добросовестно (bona fide) принять решение о необходимости самозащиты против непосредственной угрозы нападения, оно тем не менее ни в коей

мере не может служить прикрытием для тех, которые никогда не приходили к решению такого рода.

В своей вступительной речи я осмелился предсказать, что не будет серьезных опровержений того, что преступления, которые вменяются в вину подсудимым, были совершены действительно, и что речь будет идти об ответственности отдельных подсудимых. Подсудимые действительно показали, что мое пророчество сбылось. Вообще говоря, они не отрицают того, что все это имело место «само по себе», а не являлось результатом общего плана или заговора.

Одним из основных доводов отрицания подсудимыми наличия заговора является довод относительно того, что при диктатуре заговор невозможен. Далее подсудимые аргументируют свое заявление тем, что все они должны были повиноваться приказам Гитлера, которые имели силу закона в Германском государстве, и, следовательно, повиновение нельзя считать основой для предъявления обвинения в совершении преступления. В том же духе приводятся объяснения, что, хотя массовые убийства и совершались, убийц не было.

Этот довод преследует цель обойти статью 8 Устава, согласно которой приказ правительства или начальника не освобождает подсудимого от ответственности, но может только приниматься во внимание как смягчающее вину обстоятельство.

Эта статья Устава является справедливой и отвечает действительному положению вещей, как об этом заявил подсудимый Шпеер, определяя, что он подразумевает под общей ответственностью руководителей Германского государства:

«В отношении вопросов, имеющих решающее значение, должна существовать общая ответственность. Общая ответственность должна существовать постольку, поскольку данное лицо является одним из руководителей, ибо кто еще может принять на себя ответственность за развитие событий, как не непосредственные сотрудники, которые работают вместе, рядом с главой государства?»

Он далее заявил Трибуналу:

«Невозможно после катастрофы уклоняться от общей ответственности. Если бы война была выиграна, то руководители также приняли бы на себя полную ответственность».

Утверждение относительно того, что неограниченная власть фюрера исключала возможность существования заговора, как и многое другое в абстрактных аргументах защиты, явно опровергается фактами, которые имеются в судебных протоколах. Фюрерский принцип абсолютизма, как указывал Геринг, был сам по себе частью общего плана.

Подсудимые могли стать рабами диктатора, но именно он был их диктатором. И Геринг заявил в своих показаниях: с самого начала цель нацистского движения заключалась в том, чтобы сделать его таковым. Каждый нацист произносил следующую присягу: «Я обещаю, что я буду вечно верен Адольфу Гитлеру. Я обещаю безоговорочно повиноваться ему и фюрерам, назначенным им» (ПС-1898).

Более того, они заставили всех тех, кто находился в их власти, также принести такую присягу. Эта присяга была неза-

конной согласно германскому праву, ибо стать членом организации, в которой дается присяга о повиновении неизвестному начальнику или о безоговорочном повиновении известному начальнику, согласно закону считалось преступным.

Эти люди уничтожили свободное правительство в Германии, а сейчас просят освободить их от ответственности, потому что они стали рабами. Они находятся в положении мальчика из сказки, который убил своего отца и мать, а затем просил о снисхождении, потому что остался сиротой. Но эти люди не заметили того, что действия Адольфа Гитлера — это их действия. Именно эти люди из миллионов других, именно они, руководя миллионами других, создали Адольфа Гитлера и облекли эту психопатическую личность властью не только принимать решения по многочисленным общим вопросам, но и разрешать важнейший вопрос о войне и мире. Они допьяна напоили его властью и заставили людей заниматься перед ним низкопоклонством. Они разжигали его ненависть и вселяли в него чувство страха. Вложив в протянутые руки Гитлера заряженное ружье, они именно ему предоставили нажать курок, и когда он это сделал, все они это в то время одобрили.

Его вина признается одними подсудимыми неохотно, другими с чувством мести. Но его вина — это вина всех вместе и каждого в отдельности из тех, кто находится на скамье подсудимых. Защита убеждает нас, что подсудимые не могли создать общий план или быть соучастниками единого заговора, потому что между ними происходила борьба и они принадлежали к различным фракциям и кликам. Нет необходимости в том, чтобы люди были согласны абсолютно по всем вопросам для того, чтобы они сумели сговориться между собой по достаточному количеству вопросов, в результате чего они будут разделять ответственность за преступный заговор.

Без сомнения, были заговоры и внутри заговора, так же как интриги, соперничество и борьба за власть. Шахт и Геринг разошлись во мнениях по вопросу о том, кто из них должен осуществлять контроль над экономикой страны, но у них не было разногласий в отношении того, что вся экономика должна быть регламентирована для проведения подготовки к войне.

Геринг заявляет, что действовал помимо общего плана, аргументируя это тем, что через Далеруса он вел некоторые переговоры с влиятельными людьми Англии как раз перед польской войной. Однако совершенно ясно, что это было сделано не для того, чтобы предотвратить агрессию против Польши, а имело своей целью обеспечение успеха и безопасное проведение этой агрессии, добившись нейтралитета Англии (ТС-90). Розенберг и Геринг, быть может, были не во всем согласны по вопросу о том, как распределить награбленные произведения искусства, но в отношении того, как следует производить этот грабеж, у них никаких разногласий не было. Йодль и Геббельс, быть может, расходились во мнениях по вопросу о том, следует ли денонсировать Женевскую конвенцию, но у них никогда не было разногласий по поводу нарушения ее.

Подобным же образом обстояло дело на всем протяжении подлой истории их заговора. Мы не встретили ни едиюго

случая, когда бы один из подсудимых противостоял остальным и заявил: «Это неправильно, я не буду делать этого». Как бы они ни расходились во мнениях, спорным всегда являлся лишь вопрос о методе или компетенции, но эти разногласия никогда не выходили за рамки общего плана.

Некоторые подсудимые также утверждают, что во всяком случае не существовало заговора для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, потому что члены кабинета никогда не встречались с военными руководителями для того, чтобы планировать такого рода действия. Однако следует сказать, что эти преступления являлись неизбежным и неотъемлемым результатом осуществления плана агрессии для расширения жизненного пространства («лебенсраум»).

На совещании командующих Гитлер заявил: «В Польше главная задача заключается в том, чтобы уничтожить противника, а не достичь определенной географической линии» (ПС-1014).

Франк подхватил этот мотив и заявил, что после того, как из них будет выжата вся рабочая энергия, «...можно будет превратить в котлету поляков, украинцев и всех тех, кто находится поблизости, неважно к чему это приведет» (ПС-2233).

Рейхскомиссар Кох на Украине вторил ему: «Я выгоню из этой страны всех, вплоть до последнего человека. Я пришел сюда не для того, чтобы источать благодать».

Такова была изнанка «жизненного пространства». Могли ли люди с таким практическим складом ума, как у них, рассчитывать на то, что им удастся добыть соседние земли, презрев права их обитателей, и не совершить при этом преступлений против человечности?

И, наконец, последним доводом каждого из подсудимых является утверждение, что даже если заговор и существовал, то он лично в нем не был замешан. Поэтому очень важно при рассмотрении их попыток избежать ответственности знать прежде всего, что именно подразумевается под обвинением в участии в заговоре и за что оно предусматривает наказание.

При рассмотрении вопроса об участии в заговоре мы не наказываем одного человека за преступление, совершенное другим. Мы стараемся наказать каждого за его собственное преступление, за его участие в осуществлении общего преступного плана, в котором также принимали участие и другие. Степень преступности плана, а поэтому и виновности каждого, кто принимал участие в его проведении, несомненно, представляет собой общую сумму преступлений, совершенных всеми участниками при осуществлении этого плана. Но сущность обвинения заключается в участии в разработке или осуществлении этого плана. Таков закон, который каждое общество считает необходимым для того, чтобы покарать таких людей, как эти подсудимые, которые сами никогда не марали руки в крови, но разрабатывали планы, приведшие в результате к кровопролитию.

Сейчас по всей Германии в каждой оккупационной зоне все мелкие исполнители, которые по приказу проводили в жизнь эту преступную политику, предаются суду и подвергаются наказанию. Было бы величайшей и непростительной паро-

дией на справедливость дать людям, которые планировали эту политику и направляли мелких исполнителей, возможность избегнуть кары. Люди, находящиеся на скамье подсудимых, перед лицом фактов, отразившихся в судебном протоколе, не могут отговориться незнанием преступной программы или отдаленным и неопределенным к ней отношением.

Именно они являются творцами этой программы. Посты, которые они занимали, показывают, что мы избрали подсудимых, ответственность которых совершенно очевидна. Это самые высокопоставленные из оставшихся в живых представителей власти, каждый из которых играл главную роль в своей области и в нацистском государстве в целом.

В настоящее время нет в живых никого, кто бы, по крайней мере, вплоть до последнего момента войны, стоял выше Геринга по занимаемому положению и располагал большей властью и влиянием. Никто в армии не стоял выше Кейтеля и Иодля, никто во флоте не занимал более высокого поста, чем Редер и Дениц. Кто может нести большую ответственность за двуличную дипломатию, чем министры иностранных дел фон Нейрат и Риббентроп и их подручный фон Папен? Кто должен нести ответственность за деспотическое управление оккупированными странами, как не гаулейтеры, протекторы, губернаторы и комиссары, такие, как Франк, Зейсс-Инкварт, Фрик, фон Ширах, фон Нейрат и Розенберг? Где искать тех, кто мобилизовал всю экономику для тотальной войны, если мы забудем о Шахте, Шпеере и Функе? Кто был хозяином огромного рабовладельческого предприятия, как не Заукель? Чья рука, как не рука Кальтенбруннера, направляла деятельность концлагерей? Кто подхлестывал ненависть и страх в народе и искусно направлял партийные организации на подстрекательство к преступлениям, если не Гесс, фон Ширах, Фриче, Борман и гнусный Юлиус Штрейхер?

Список подсудимых состоит из лиц, которые играли главные, связанные между собой роли в этой трагедии. Фотографии и фильмы вновь и вновь показывают их вместе в дни важных событий. Документы свидетельствуют, что они были согласны по вопросу о политике и методах и что все они энергично занимались деятельностью, направленной на расширение территории Германии силой оружия. Каждый из подсудимых внес реальный вклад в дело нацистского плана, каждый из них играл в нем ключевую роль. Лишите нацистский режим того, что было сделано такими людьми, как Шахт, Заукель, фон Папен или Геринг, и этот режим перестанет быть самим собой. Взгляните на этих людей и представьте себе их такими, какими они изображены на фотографиях и в документах в дни их величия и славы. Имеется ли среди них хотя бы один, чья деятельность значительно не продвинула бы этот заговор вперед по кровавому пути к достижению кровавой цели? Можем ли мы допустить, что огромные усилия этих людей были направлены на достижение целей, о существовании которых они никогда не подозревали?

Защищая себя, все подсудимые пытаются единодушно уйти от ответственности, вытекающей из их деятельности на за-

нимаемых ими постах. Мы слышим, как один и тот же припев повторяется вновь и вновь: у этих людей не было власти, они ничего не знали, не пользовались никаким влиянием, не играли важной роли.

Функ подводит итог этому самоуничижению подсудимых в своей жалобной ламентации: «Я всегда, так сказать, подходил к двери, но мне никогда не разрешалось в нее войти».

В своих показаниях каждый подсудимый на каком-то этапе подходит к общему для всех тупику: никто ничего не знал о том, что происходило. Время от времени мы слышим голоса, раздающиеся со скамьи подсудимых: «Я слышу об этом впервые, только здесь».

Эти люди не видели зла, о зле ничего не говорили, и о зле ничего не было сказано в их присутствии. Это заявление могло бы звучать вполне правдоподобно, если бы оно было сделано одним подсудимым. Но когда мы складываем все их показания вместе, то о «третьей империи», которая должна была существовать в течение тысячи лет, создается очень смешное впечатление.

Если мы объединим повествования всех подсудимых первой скамьи, то получится нелепая картина правительства Гитлера. Оно состояло из: ***человека №2****, который ничего не знал об эксцессах созданного им гестапо и никогда не подозревал о программе истребления евреев, хотя он лично подписал более десятка декретов, которые санкционировали преследования евреев в этот период;* ***человека №3****, который был просто невинным посредником, передающим, подобно почтальону или посыльному, приказы Гитлера, которых он сам даже не читал;* ***министра иностранных дел****, который очень мало знал о внешнеполитических проблемах и ничего не знал о внешней политике;* ***фельдмаршала****, который издавал приказы вооруженным силам, но не имел ни малейшего представления о результатах, к которым приведут эти приказы на практике;* ***начальника службы безопасности****, который считал, что полицейские функции возглавляемого им гестапо и СД являлись по своему характеру чем-то вроде регулирования уличного движения;* ***партийного философа****, который интересовался исследованиями в области истории и не имел ни малейшего представления о насилии, которое порождала его философия в XX веке;* ***генерал-губернатора Польши****, который царствовал, но не управлял;* ***гаулейтера Франконии****, обязанность которого заключалась в том, чтобы фабриковать грязные документы относительно евреев, но который не имел никакого представления о том, будет ли их кто-нибудь читать;* ***министра внутренних дел****, который не знал даже, что происходит внутри его собственного ведомства, еще меньше знал, что творится в его собственном министерстве, и абсолютно ничего не знал о том, что происходит внутри Германии;* ***президента рейхсбанка****, который совершенно не знал о том, что поступало и что изымалось из сейфов его банка;* ***уполномоченного по вопросам военной экономики****, который втайне перестраивал всю экономику для производства вооружения, но не имел при этом никакого представления о том, что в какой-либо степени имеет отношение к войне.*

Это может показаться фантастическим преувеличением, но именно к таким выводам Вы должны были бы прийти для того, чтобы оправдать этих подсудимых.

Они действительно слишком много протестуют. Они отрицают, что знают то, что являлось общеизвестным. Они отрицают, что знали о планах и программах, которые были настолько же общеизвестными, как и «Майн кампф», и программа партии. Они даже отрицают, что им известно содержание документов, которые они получали и в соответствии с которыми они действовали.

Почти все подсудимые высказывали две или более противоречащие одна другой точки зрения. Давайте проиллюстрируем несовместимость их точек зрения на записи показаний одного из подсудимых, одного, который, если бы мы настаивали, охотно бы согласился с тем, что он самый умный, честный и невинный человек из всей скамьи подсудимых. Это Шахт. Таково впечатление от его показаний.

Но не следует забывать, что все это я выдвигаю не только против него одного, поскольку большое количество внутренних противоречий свойственно показаниям нескольких подсудимых: Шахт открыто не присоединялся к нацистскому движению до тех пор, пока оно не победило, так же как открыто не покидал этого движения до тех пор, пока оно не потерпело краха. Он признает, что никогда публично не выступал против этого движения, что лично никогда не относился к нему лояльно.

Когда мы его спрашиваем, почему он не остановил режим на его преступном пути, режим, при котором он был министром, он заявляет, что был лишен всякого влияния. Когда мы его спрашиваем, почему он продолжал оставаться членом этого преступного режима, он заяaляет нам, что, оставаясь на службе этого режима, он надеялся сделать его программу более умеренной. Подобно брамину среди неприкасаемых, он не мог себе позволить общаться с нацистами на уровне светских контактов, но он также никогда не мог позволить себе порвать с ними политические связи. Из всех агрессивных действий нацистов, которыми, как он теперь утверждает, он был потрясен, нет ни одного, которому он бы не оказывал поддержку перед лицом всего мира авторитетом своего имени, своим престижем.

Вооружив Гитлера и дав ему тем самым возможность шантажировать континент, он сейчас обвиняет Англию и Францию в том, что они поддались шантажу Гитлера. Шахт всегда боролся за свое положение в рамках существовавшего режима, которому сейчас он пытается выказать свое презрение.

Иногда он не соглашался со своими нацистскими сообщниками относительно средств для достижения их цели, но никогда не расходился во мнениях по вопросу о самой цели. Он действительно порвал с ними, когда наступили сумерки этого режима, но это было сделано по тактическим, а не по принципиальным соображениям. С этого времени он не переставал призывать других рисковать своим положением и жизнью для того, чтобы оказывать содействие в осуществлении его планов, но никогда, ни в одном случае, он не подвергал риску ни свое положение, ни свою собственную жизнь.

Теперь он хвастает, что собственноручно застрелил бы Гитлера, если бы для этого представилась возможность, но германская кинохроника показывает, что даже после падения Франции, когда он встретился с живым Гитлером, он выступил вперед для того, чтобы пожать руку человеку, к которому, как он теперь говорит, он питает огромное отвращение, и ловил каждое слово человека, которого, как он теперь говорит, считал недостойным доверия.

Шахт заявляет, что неуклонно «саботировал» гитлеровское правительство. Однако самая безжалостная секретная разведка в мире никогда не обнаружила даже следов его вредоносных действий по отношению к режиму; положение изменилось лишь спустя много времени после того, как он узнал, что война проиграна и что нацизм обречен на гибель. Шахт всю жизнь лавировал и обеспечивал себе такое положение, чтобы можно было заявить, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

Его защитительные доводы при анализе оказываются столь же показными, сколь убедительными они кажутся на первый взгляд. Шахт является представителем самого опасного и отвратительного типа оппортунизма. Он представляет собой человека, занимающего влиятельное положение, который готов присоединиться к любому движению, зная, что оно является порочным, лишь потому, что оно, по его мнению, побеждает.

Подсудимые не могут отрицать того, что они являлись людьми, занимавшими очень высокое положение; они не могут также отрицать, что преступления, о которых я говорил, действительно были совершены; они знают, что их собственные опровержения будут неправдоподобными, если только они не смогут переложить вину на кого-нибудь другого.

Подсудимые были единодушны, когда под давлением обстоятельств они старались свалить вину на других лиц — то на одного, то на другого. Но имена, которые они неоднократно называли, были — Гитлер, Гиммлер, Гейдрих, Геббельс и Борман. Все они мертвы или исчезли. Как бы настойчиво мы ни пытались добиться признаний от подсудимых, они, называя виновных, никогда не указывали на тех, кто находится в живых.

Соблазнительно размышлять о чудесной, замечательной изобретательности судьбы, которая умерщвляла всех виновных и оставляла в живых всех невинных.

Глааным злодеем, на которого возлагается вся вина, — некоторые подсудимые соревнуются друг с другом в подыскании наиболее подходящих зпитетов, — является Гитлер, на которого почти каждый из подсудимых поднимает указующий перст. Я не оспариваю этого единодушного мнения так же, как не отрицаю того, что на всех этих мертвых и исчезнувших лиц в равной степени падает вина. В преступлениях, которые требуют такого наказания, что степень виновности утрачивает даже свое значение, они, может быть, играли самую ужасную роль. Но их вина не может оправдать подсудимых. Гитлер унес всю вину с собой в могилу. Вся вина не окутана саваном Гиммлера. Именно этих мертвецов находящиеся здесь лица избрали в качестве своих партнеров а этом обширном сообщничестве заговорщиков, и за преступления, которые они совершали вместе,

они должны отвечать все до одного. Можно с полным основанием сказать, что последнее преступление Гитлера было преступлением против страны, которой он правил.

Он был безумным мессией, который беспричинно начал войну и беспричинно ее продолжал. Поскольку он не мог уже властвовать, для него была безразлична судьба Германии. Как нам заявил здесь Фриче, Гитлер пытался использовать поражение Германии для самоуничтожения германского народа. Он продолжал войну, зная, что не может победить, а продолжение войны означало лишь катастрофу. Шпеер в этом зале изложил это следующим образом:

«Жертвы, которые понесли обе стороны после января 1945 года, были бессмысленны. Мертвые, погибшие в этот период, будут обвинять человека, несущего ответственность за продолжение этой войны, — Адольфа Гитлера — так же, как его будут обвинять и руины городов, разрушенных в период этой последней фазы, городов, которые утратили огромные культурные ценности и огромное количество жилых домов. Германский народ до самого конца оставался верным Адольфу Гитлеру. Он сознательно предал этот народ. Он старался столкнуть его в бездну...»

Гитлер приказал каждому сражаться до конца и затем отступил, покончив жизнь самоубийством. Он оставил сообщение о том, что погиб в бою, в качестве официальной версии. Это был человек, которого подсудимые возвеличили до положения фюрера. Именно они вступили в заговор для того, чтобы передать ему абсолютную власть над всей Германией. И в конце концов он и система, которую они создали для него, привели их всех к катастрофе.

Шпеер заявил следующее при перекрестном допросе (я цитирую):

«...Огромная опасность, содержавшаяся в этой тоталитарной системе, стала совершенно явной лишь в тот момент, когда мы приближались к концу. Только тогда стал ясен смысл принципа, что любой приказ должен выполняться беспрекословно. Все, что содержалось в приказах, которые выполнялись без обсуждения, в конце концов оказывалось ошибочным. Разрешите мне это изложить следующим образом: к концу существования этой системы стало совершенно ясным, какая громадная опасность таилась в системе такого рода, даже если оставить в стороне гитлеровский принцип фюрерства. Сочетание Гитлера и этой системы, таким образом, принесло ужасающую катастрофу в этот мир».

Я позволю себе на минуту превратиться в адвоката дьявола. Я допускаю, что Гитлер был главным злодеем. Но возлагать всю вину на него одного будет немужественно и несправедливо со стороны подсудимых. Нам известно, что даже глава государства так же ограничен своими умственными способностями и количеством часов в сутки, как и все остальные. Он должен доверять другим быть его глазами и ушами, чтобы следить за всем, что происходит в «великой» империи. Он должен иметь ноги, которые выполняли бы его поручения; руки, которые выполняли бы его планы.

На кого полагался Гитлер в выполнении всего этого, как не на тех, кто находится здесь на скамье подсудимых? Кто внушил ему, что он имеет непобедимую военно-воздушную армаду, как не Геринг? Кто скрывал от Гитлера все неблагоприятные сообщения? Разве не Геринг запретил фельдмаршалу Мильху предупредить Гитлера о том, что, по его мнению, Германии не по силам война с Россией? Разве не Геринг согласно заявлению Шпеера сместил генерала Галланта с поста главнокомандующего военно-воздушными силами за то, что тот говорил о недостатках и просчетах военно-воздушных сил? Кто, как не Риббентроп фон Нейрат и фон Папен, пытались убедить Гитлера, который сам совершенно никуда не выезжал, в колебаниях и робости демократических народов? Кто, как не Кейтель, Иодль, Редер и Дениц, питали его иллюзиями о непобедимости Германии? Кто, как не Штрейхер и Розенберг, сильнее разжигали в нем ненависть к евреям? Кого бы назвал Гитлера в качестве человека, который ввел его в заблуждение относительно условий в концентрационных лагерях, как не Кальтенбруннера, который так же пытался обмануть и нас?

Эти люди имели доступ к Гитлеру и часто могли контролировать поступавшую к нему информацию, на основе которой он должен был строить свою политику и издавать приказы. Они являлись преторианской гвардией[1]*, и хотя они подчинялись приказам цезаря, цезарь всегда был в их руках.*

Если бы мертвые могли встать и ответить здесь на то, что было сказано против них, быть может, тогда перед нами была бы менее искаженная картина того, какую роль играли эти подсудимые. Представьте, какое бы волнение произошло на скамье подсудимых, если бы они увидели Адольфа Гитлера, направляющегося к свидетельскому пульту, или Гиммлера с кипой досье, или Геббельса, или Бормана с сообщениями его партийных шпионов, или убитых Рема и Канариса!

Защита, оправдывающая кровавые деяния, утверждает, что мир может требовать возмездия лишь от мертвых, — аргумент, достойный преступлений, которые она стремится оправдать.

Мы представили Трибуналу неопровержимое обвинение, опирающееся на обвинительные документы, которых, если не будет приведено оправдательных доводов, вполне достаточно для того, чтобы предъявить требование о признании каждого из подсудимых виновным по первому разделу Обвинительного заключения. При вынесении окончательного решения встает единственный вопрос: могут ли показания самих подсудимых заслуживать доверия, учитывая документы и другие доказательства их виновности? Какова в таком случае ценность их показаний?

---

[1] Преторианцы — в Древнем Риме вначале солдаты личной охраны полководцев, а затем солдаты привилегированной императорской гвардии. Преторианская гвардия должна была служить непосредственной военной опорой императора. — **Прим. сост.**

Дело в том, что обыкновение нацистов говорить как можно меньше правды лишь выбивает почву из-под ног их собственной защиты.

Ложь всегда была весьма испытанным оружием в нацистском арсенале. Гитлер в «Майн кампф» проповедовал ложь как политику. Фон Риббентроп признавал использование «дипломатической лжи». Кейтель предлагал держать в строгом секрете тот факт, что Германия перевооружалась, с тем чтобы наличие его можно было отрицать в Женеве (ЕС-177). Редер лгал относительно создания нового военно-морского флота в нарушение условий Версальского договора. Геринг просил Риббентропа сообщить «законную ложь» британскому министерству иностранных дел относительно аншлюса и таким образом направлял его по тому же пути, по которому шел сам (ПС-2947). Геринг дал свое честное слово Чехословакии и затем нарушил его (ТС-27). Даже Шпеер предлагал вводить в заблуждение французов для того, чтобы выявить лиц со специальной подготовкой из числа французских военнопленных (Р-124). Но ложь не являлась единственным способом обмана.

Все они говорят лицемерным языком нацистов с тем, чтобы ввести в заблуждение доверчивых. В нацистском лексиконе сардонических эвфемизмов «окончательное решение» еврейской проблемы означает — уничтожение; «особое обращение» с военнопленными — убийство; «превентивное заключение» — заключение в концентрационные лагеря; «обязательная трудовая повинность» — рабский труд, а приказ «занять решительную позицию» или «проводить решительные меры» означает — действовать с необузданной жестокостью.

Прежде чем согласиться с тем объяснением слов, которое дают они, мы всегда должны искать скрытый смысл этих слов. Геринг заверил нас под присягой, что имперский совет обороны никогда не собирался «как таковой». Когда мы представили стенографический отчет совещания, на котором он председательствовал и в основном говорил, он напомнил нам о значении слов «как таковой» и объяснял, что это не было совещание совета «как такового» (я подчеркиваю значение слов «как такового»), поскольку на совещании присутствовали другие лица. Геринг отрицает, что он «угрожал» Чехословакии; он лишь сказал президенту Гаха, что ему «было бы чрезвычайно неприятно подвергать бомбардировке прекрасный город Прагу».

Помимо явного лицемерия и лживых заявлений имеются также другие извращения истины, заключающиеся в фантастических объяснениях и абсурдных утверждениях. Штрейхер торжественно заявил, что единственным его стремлением в отношении евреев было переселить их на остров Мадагаскар. Причиной для разрушения синагог, успокаивающе заявил он, являлась их уродливая архитектура. Розенберг, по заявлению его защитника, всегда стремился к «рыцарскому разрешению» еврейского вопроса. Когда после аншлюса появилась необходимость устранить Шушнига, Риббентроп пытался убедить нас в том, что австрийский канцлер отдыхал на «вилле».

В ходе перекрестного допроса удалось установить, что этой «виллой» был концентрационный лагерь Бухенвальд. В протоколе имеется масса других примеров лицемерия и изворотливости. Даже Шахт показал, что он также принял нацистскую точку зрения о том, что всякая удачная выдумка — правда. Когда ему во время перекрестного допроса был предъявлен длинный список нарушенных клятв и лживых заявлений, он в свое оправдание заявил следующее:

«Я считаю, что можно добиться значительно больших успехов в руководстве людьми, не говоря им правды, чем говоря им правду».

Такова была философия национал-социалистов. Если в течение ряда лет они обманывали мир и маскировали свою ложь различного рода высказываниями, может ли кто-нибудь удивляться тому, что сейчас, находясь на скамье подсудимых, они продолжают вести себя так, как привыкли в течение всей своей жизни? Вопрос о достоверности является одним из основных вопросов данного процесса. Только те, кого ничему не научили горькие уроки последнего десятилетия, могут сомневаться в том, что те люди, которые всегда играли на слепой доверчивости своих великодушных противников, остановятся перед тем, чтобы сделать то же самое и сейчас.

Именно в свете этих событий подсудимые сейчас просят Трибунал признать, что они не виновны в планировании, осуществлении и составлении ими заговора для совершения длинного списка преступлений и злодеяний.

Они стоят перед этим Судом подобно тому, как стоял запятнанный кровью Глостер[1] над телом убитого им короля. Он умолял вдову так же, как они умоляют Вас: «Скажи, что я не убил». И королева ответила: «Тогда скажи ты, что они не были убиты. Но ведь они убиты, тобой убиты, гнусный раб!».

Признать этих людей невиновными — значит с тем же основанием сказать, что не было войны, не было убийста, не совершалось преступлений.

Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. ШОУКРОССА

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 26 и 27 июля 1946 г.

Господа судьи! Как и мой коллега господин Джексон, с которым я не смею надеяться сравниться в лаконичности, убедительности и красноречии, от имени британского обвинения я

[1] Герцог Глостер — один из главных персонажей трагедий Шекспира «Генрих IV» и «Ричард III». Р.Джексон цитирует диалог из трагедии «Ричард III» между Глостером и вдовой короля Генриха IV. — **Прим. сост.**

хотел бы представить Трибуналу некоторые замечания (боюсь, что они окажутся несколько длинными) по поводу тех особенно характерных и необычайных в своей убедительности доказательств, которые, по нашему мнению, доказывают виновность подсудимых.

Хотя в настоящем процессе представители обвинения работали в самом тесном содружестве и согласии и хотя по некоторым вопросам я буду выступать от имени всех обвинителей, мы все считали, что на этой конечной стадии процесса, быть может, даже за счет неизбежного повторения тех же вопросов, каждому из нас следует подготовить свою заключительную речь самостоятельно, чтобы Трибунал и страны, которые мы представляем, знали, на каком основании мы требуем осуждения этих людей. И если окажется, что некоторые из нас будут указывать на одни и те же доказательства, либо мы придем к одним и тем же выводам, как это, несомненно, случится, самое это совпадение, быть может, явится лишним подтверждением того, что, как мы утверждаем, каждый из этих подсудимых виновен с точки зрения закона. Повторяю — виновен с точки зрения закона.

Не подлежит сомнению, что подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что саму мысль о них воображение отказывается постичь.

Хорошо запомним слова подсудимого Франка, который повторил Вам сегодня утром: «Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии не будет смыта».

Тотальная и тоталитарная война, проводимая вопреки торжественным решениям и в нарушение договоров; большие города — от Ковентри до Сталинграда, — стертые в прах; опустошенные деревни и неизбежные последствия такой войны — голод и болезни, распространившиеся по всему миру, миллионы бездомных, искалеченных, обездоленных. И в могилах своих вопиют не о мщении, а том, чтобы это больше никогда не повторилось, 10 миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и спокойствии, 10 миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных людей, павших в боях, которых не должно было быть.

Но это не единственное и не самое большое преступление. Когда в любой из наших стран, быть может, в порыве страстей или по другим причинам, которые заставляют терять самообладание, совершается убийство, оно становится сенсацией, и мы не успокаиваемся до тех пор, пока преступника не постигнет кара и не восторжествует правосудие. Должны ли мы сделать меньше, когда совершено убийство не одного, а по самым скромным подсчетам, 12 миллионов мужчин, женщин и детей не в бою, не в порыве страстей, а в результате холодного, расчетливого и преднамеренного стремления уничтожить народы и расы, сломать традиции, учреждения и прекратить самое существование свободных и древних государств? Двенадцать миллионов убийств! Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более 6 миллионов, по данным самих убийц. Убийства совершались, подобно серийному производству в какой-нибудь из отраслей промышленности, в газовых ка-

мерах и печах Освенцима, Дахау, Треблинки, Бухенвальда, Маутхаузена, Майданека и Ораниенбурга.

Должен ли мир пройти мимо возрождения рабства в Европе, мимо порабощения 7 миллионов мужчин, женщин и детей, которых увезли из-под родного крова, с которыми обращались, как с животными, которых морили голодом, избивали и умерщвляли?

Весьма возможно, что вина Германии не будет смыта, потому что немецкий народ в большой степени разделяет ее, но именно эти люди вместе с горсткой других навлекли эту вину на Германию и растлили германский народ.

«Моя вина в том, — признался подсудимый Ширах, — что я воспитывал германскую молодежь для человека, который совершал миллионы убийств».

За такие преступления можно было бы с полным основанием покарать этих людей без суда и следствия, и если бы эта мера, в применении которой они участвовали по отношению к миллионам невинных людей, была применена к ним самим, они вряд ли могли бы жаловаться. Но Трибунал должен определить их вину не только с точки зрения моральной или этической, но и на основании закона, той подлинной справедливости, которая требует не оставить эти преступления безнаказанными, требует также и того, чтобы никто не был наказан до тех пор, пока путем терпеливого и тщательного расследования фактов не будет доказано, что он разделяет вину за то, что было совершено.

И вот в течение долгих месяцев Трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон для того, чтобы, с одной стороны, совершить правосудие в отношении этих людей и восстановить справедливость ради их бесчисленных жертв и, с другой — оповестить мир о том, что в конце концов право силы будет уничтожено и закон и справедливость будут руководить отношениями между государствами, потому что решения этого Суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных.

Здесь поставлены на карту вопросы гораздо более важные, чем их судьба, хотя от их судьбы в известной мере зависит решение этих вопросов.

Для истории не будет иметь никакого значения, длился ли этот процесс два месяца или десять. Но зато будет иметь очень большое значение то обстоятельство, что в результате справедливого и терпеливого разбирательства была установлена истина о деяниях, столь ужасных, что след их никогда не изгладится, и что в конце концов восторжествует справедливость и закон.

На протяжении года доказательства, во много раз превосходящие по объему те, которые когда-либо прежде в истории были представлены какому-нибудь трибуналу, собирались, рассматривались и были затем представлены Вам.

Почти все доказательства представляют собой захваченные протоколы и документы того правительства, к которому принадлежали эти люди, и почти все они непосредственно указывают на то, что каждый из этих подсудимых знал и участвовал в

той или иной группе преступлений, совершенных нацистским государством.

Эти доказательства не опровергнуты, и они навсегда сохранят силу, чтобы противостоять тем, кто, быть может, попытается впоследствии найти оправдание или смягчающие обстоятельства тому, что было совершено.

И все же теперь, когда Вам уже представлена вся эта масса доказательств, я попрошу Вас на некоторое время отвлечься от деталей для того, чтобы определить их совокупное значение и рассмотреть всю сумму убедительных доказательств как некое целое.

Лишь случайно, благодаря захвату этих документов, мы получили возможность установить наличие преступления на основании того, что говорили сами преступники, но дело против этих подсудимых может строиться на более широкой основе и должно рассматриваться в свете исторических событий.

Когда рассматриваешь характер и огромный масштаб совершенных преступлений, с несомненностью выступает ответственность тех, кто занимал высшие государственные посты и пользовался большим влиянием и властью в нацистском государстве.

Долгие годы в мире, где сама война была объявлена преступлением, Германское государство было организовано для войны. В мире, где мы провозглашали равноправие людей, долгие годы евреев подвергали бойкоту, лишали элементарных прав на собственность, свободу и самую жизнь. Долгие годы честные граждане жили под страхом доносов и ареста одной из тех организаций, которые мы обвиняем как преступные и с помощью которых эти люди правили Германией. Долгие годы миллионы иностранных рабов трудились на фабриках и в деревнях по всей Германии и, как скот, транспортировались по всем дорогам, по всем железнодорожным линиям Германии.

Эти люди вместе с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом и несколькими другими сообщниками являлись одновременно руководителями германского народа и его движущей силой. Именно тогда, когда они занимали самые высокие государственные посты и пользовались огромным влиянием, были запланированы и совершены все эти преступления. Если не они несут ответственность, тогда кто же несет ее? Если их креатуры, подобные Достлеру, Экку, Крамеру[1] и сотням других, которые лишь выполняли их приказы, уже заплатили самой высокой ценой, разве они, эти люди, должны нести меньшую ответственность? Как можно говорить, что они и государственные учреждения, которыми они руководили, не принимали в этом участия? Начальник имперской канцелярии Ламмерс, их собственный свидетель, сказал в 1938 году (ПС-3863):

«Несмотря на принцип полной концентрации власти в лице фюрера, не имеет места излишняя и не вызванная необходи-

---

[1] Немецкие военные преступники, осужденные военными судами к смертной казни. — **Прим. сост.**

мостью централизация административных функций в руках фюрера в области управления государством. Полномочия подчиненных руководителей исключают вмешательство сверху в каждый конкретный приказ. Фюрер придерживается этого принципа в государственном руководстве таким образом, что, например, положение имперских министров практически гораздо более независимо сегодня, чем оно было прежде, хотя теперь имперские министры и подчинены неограниченной власти фюрера и его приказам. Готовность нести ответственность, умение принимать решения, наступательная энергия и подлинная авторитетность — вот каких качеств прежде всего требует фюрер от подчиненных ему руководителей. Поэтому он предоставляет им величайшую свободу в ведении их дел и в выборе методов, с помощью которых они осуществляют свои задачи».

Пусть даже они, уже заклейменные именем убийц, пытаются теперь всячески преуменьшить власть и влияние, которыми они располагали, достаточно только вспомнить то бахвальство, с которым они, пользуясь своей краткосрочной властью, шагали по Европе, для того, чтобы увидеть, какую роль они играли. Тогда они не говорили германскому народу и остальному миру, что они лишь невежественные и бессильные марионетки в руках фюрера.

Подсудимый Шпеер говорил (протокол заседания от 21 июня 1946 г.): «Даже в тоталитарном государстве должна существовать тотальная ответственность. Невозможно после катастрофы избежать этой тотальной ответственности. Если бы война была выиграна, руководители также взяли бы на себя полную ответственность за это». Что же следует предполагать, что если бы война была выиграна, то эти люди отошли бы в сторону и заняли позицию сравнительно непричастных обывателей?

Такая возможность не была исключена для них перед тем, как началась война, если бы они пожелали отмежеваться от того, что происходило. Они избрали иной путь. Начиная с малого, с того времени, когда сопротивление могло бы уничтожить все это дело в зародыше, они пропагандировали легенду о Гитлере, они помогали консолидировать нацистскую власть, создавать идеологию и направлять ее деятельность до тех пор, пока, подобно огромному осьминогу, она не распустила свои щупальцы по всей Европе и не протянула их через весь мир. Разве эти люди не знали о целях, к которым стремился фюрер в период прихода к власти? Пауль Шмидт, переводчик Гитлера, свидетель, располагающий большим знанием фактов, показал (ПС-3308):

«Общие цели нацистского руководства были ясны с самого начала — господство над европейским континентом, которое должно было быть достигнуто прежде всего включением всех говоривших по-немецки групп населения в состав империи и, во-вторых, территориальной экспансией под лозунгом "жизненное пространство"».

Лозунг «жизненное пространство» — это целиком фальшивая идея о том, что самое существование германского народа зависело от территориальной экспансии под нацистским фла-

гом — с самого начала являлся открыто признанной частью нацистской доктрины; таким образом, всякий мыслящий человек должен был знать, что она не может не привести к войне.

Это было оправданием, которое Гитлер предложил своим сообщникам по заговору на тех секретных совещаниях 5 ноября 1937 г. (ПС-386), 23 мая (Л-79) и 23 ноября 1939 г. (ПС-789), на которых была решена судьба столь многих стран.

Не являясь столь конкретной, эта идея, тем не менее, не была менее фальшивой, чем требование о пересмотре Версальского договора. Так называемая несправедливость Версальского договора, которой хитроумно пользовались для того, чтобы собрать народ под нацистское знамя, сумела объединить вокруг нацистов многих немцев, которые в другом случае не поддерживали бы некоторые из остальных пунктов нацистской программы.

Об эффективности этой пропаганды можно судить хотя бы по многочисленным попыткам, которые сделала здесь защита, развивать аргументацию по поводу этой предполагаемой несправедливости договора. Независимо от того, был ли он справедлив или нет, это был договор, и ни одно правительство, которое хотело жить в мире, не должно было сетовать на его положения. Даже если бы эти жалобы были справедливы, довольно скоро для них не осталось никаких оснований. Положения Версальского договора могли быть и в некотором смысле действительно были пересмотрены путем мирных переговоров. В 1935 году, за четыре года до того, как мир был брошен в пучину войны, эти люди открыто отвергли договор. Какой жалкий вздор представляют собой многословные разглагольствования по поводу договора, когда осознаешь, что к 1939 году они были не только свободны почти от всех его ограничений, на которые они сетовали, но, более того, они захватили территории, которые никогда в течение всей европейской истории не принадлежали Германии. Сетования на Версальский договор послужили средством объединения людей в достижении их порочных, агрессивных целей. Но эта уловка была не менее дьявольской, чем антисемитские вопли и требования чистоты расы, с помощью которых эти люди стремились, с одной стороны, собрать и консолидировать различные группы извращенного общественного мнения внутри страны, с другой стороны, посеять раздоры и разногласия среди народов других стран. Раушнинг приводит следующее заявление Гитлера (СССР-378):

«Антисемитизм является удобным революционным средством. Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей политической кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это самое сильное оружие в нашем пропагандистском арсенале».

В качестве примера результатов этой злонамеренной пропаганды я напоминаю Вам слова Бах-Зелевского, который, когда его спросили, как могло случиться, что Олендорф с на-

ходившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, ответил:

«Я придерживаюсь мнения, что когда в течение долгих лет, в течение десятилетий проповедуется доктрина о том, что славяне являются низшей расой, а евреи вообще не являются людьми, такой исход неизбежен».

Таким образом, с самых первых дней были ясны цели нацистского движения: экспансия, господство над Европой, уничтожение евреев, необузданная агрессия, безжалостное пренебрежение правами всех других народов, кроме их собственного.

Таково было начало. Я не буду задерживать Вашего внимания на том, чтобы рассматривать шаг за шагом приход нацистов к власти. Я не буду рассматривать, каким образом, как писал автор истории СА, они обнаружили, что «господство над улицами — ключ к власти в государстве». Я не буду рассматривать, каким образом с помощью организованного террора, который здесь описывал свидетель Зеверинг, штурмовые отряды коричневорубашечников запугивали народ, в то время как нацистская пропаганда, возглавляемая «Дер штюрмер», обливала грязью всех противников нацизма и возбуждала народ против евреев.

Я не буду рассматривать этот период, как бы ни были серьезны уроки, которые демократические народы должны извлечь из него, потому что может оказаться нелегким точно сказать, когда именно каждый из этих подсудимых должен был осознать, если фактически он не знал об этом и не гордился этим с самого начала, что, казалось бы, истерические излияния Гитлера в «Майн кампф» являлись вполне реальным выражением его намерений и первоосновой нацистского плана.

Некоторые из них, такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Шахт, Ширах и Фриче, без сомнения, поняли это очень рано. В отношении одного-двух других, например, Деница и Шпеера, это могло случиться несколько позднее. Немногие могли остаться в неведении после 1933 года. Все должны были быть активными участниками к 1937 году. Когда вспоминаешь озабоченность, возникшую за границей в течение этого периода, не остается никакого сомнения в том, что эти люди, почти все бывшие руководители Германии и, начиная с 1933 года, близкие сотрудники Гитлера, имевшие доступ на его секретные совещания, находившиеся полностью в курсе его планов и текущих событий, не только примирялись с тем, что творилось, но и являлись активными добровольными участниками всего происходившего. Позвольте мне несколько подробнее остановиться на периоде «наращивания сил», т.е. на позиции правительства Германии между 1933 и 1939 годами; именно события того времени, ясно указывают на преступную причастность этих людей к тому, что было сделано позднее. То, о чем я говорю сейчас, имеет особое отношение к разделу первому Обвинительного заключения; ведь именно на этом общем фоне нам следует рассматривать обвинение в том, что эти люди были участниками общего заговора для совершения преступлений (таких, как преступления против

мира и преступления против человечности), что более конкретно раскрывается в последующих его разделах.

Тоталитарное правительство не терпит никакой оппозиции. Цель оправдывает любые средства, а непосредственной целью было, не считаясь ни с чем, достичь полного контроля над германским государством и ожесточить и подготовить его народ к войне. Что мешало этому в январе 1933 года? Во-первых, члены других политических партий; во-вторых, демократическая система выборов и общественных собраний, организация рабочих в профессиональные союзы; в-третьих, моральные устои германского народа и церковь, которая эти устои укрепляла.

Поэтому нацисты совершенно сознательно начали уничтожать эту оппозицию: первую группу — заключая в тюрьмы и подвергая террору своих противников; вторую — объявив незаконными все элементы терпимости и либерализма, поставив вне закона профессиональные союзы и оппозиционные партии, превратив демократические выборы в фарс и взяв под свой контроль проведение выборов; третью — систематическим третированием и преследованием религии, заменой христианской этики поклонением фюреру, превращенному в кумира, культом крови и введением сурового контроля над образованием и молодежью. Молодежь систематически готовили к войне и учили ненавидеть и преследовать евреев. Для осуществления планов агрессии был нужен народ, тренированный в жестокости и обученный тому, что вторжение в страны других народов является одновременно и необходимым, и героическим.

Насколько зловредна и эффективна была их внутренняя политика, можно судить по тому, что после шести лет пребывания у власти нацисты сумели, не встретив затруднений, вовлечь свой развращенный народ в величайшее в истории преступное предприятие.

Быть может, имеет смысл выбрать из материалов дела несколько примеров, иллюстрирующих, как развивалась эта политика в течение шести лет, и рассмотреть их здесь.

Это примеры того, что происходило в каждом немецком городе и в каждой деревне. Здесь следует иметь в виду, что, стремясь по необходимости избегать кумулятивных доказательств, Вы в результате оказываетесь лишенными их общего эффекта (Д-911).

Начнем с уничтожения политических противников. В течение шести недель после того, как нацисты пришли к власти в январе 1933 года, германские газеты, основываясь на данных из официальных источников, сообщали, что в тюрьмы было заключено 18 тысяч коммунистов; в числе 10 тысяч заключенных в тюрьмах Пруссии было много социалистов и представителей интеллигенции. Судьба многих из этих людей была описана Зеверингом, по подсчету которого по крайней мере 1500 социал-демократов и такое же количество коммунистов было убито в концентрационных лагерях, незадолго до этого созданных Герингом как начальником гестапо.

Эти лагеря, контролируемые партийными организациями, были умышленно организованы таким образом, чтобы устрашить всю страну. Говоря словами свидетеля Зеверинга, кон-

центрационные лагеря были в глазах народа «олицетворением всего ужасного».

Геринг заявил: «Мы считаем необходимым не допускать существования никакой оппозиции». Он также заявил, что арестовывали и подвергали превентивному заключению людей, не совершивших никакого преступления. Было бы неплохо, если бы еще в то время они прочли положение, о котором толковали вчера: nulla poena sine lege. Геринг добавил: «Если каждый будет знать, что, в случае если он будет действовать против государства, он кончит концентрационным лагерем, это нам только выгодно».

Вначале лагеря управлялись как СА, так и СС и, по словам Геринга, были созданы «в качестве орудия, которое во все времена являлось орудием власти во внутренней политике».

Гизевиус, который в то время только что поступил в гестапо, как Вы помните, дал следующее описание событий:

«Не пробыв и двух дней на своей службе, я заметил, что там царят ужасающие порядки. Это была не та полиция, которая бы боролась против нарушений, убийств, грабежей, против лишения свободы. Это была полиция, которая защищала преступников, позволяющих себе подобные эксцессы. Арестовывались не те люди, которые были виновниками этих преступлений, арестовывались те, которые обращались за помощью в полицию. Это была не полиция, которая предпринимала какие бы то ни было меры по устранению беспорядков, но полиция, которая ставила своей задачей скрывать, маскировать преступления и, более того, способствовать им. Те отряды СС и СА, которые выступали в роли полиции, все время поддерживались так называемой тайной государственной полицией, им оказывалась всевозможная помощь. Были созданы специальные концентрационные лагеря для арестованных гестапо. И названия их останутся навсегда позорным пятном в истории. Это были Ораниенбург и собственная тюрьма гестапо на Папештрассе — Колумбия-Хауз, или, как ее еще цинично называли, "Колумбийский притон".

Я спросил одного из моих коллег (он был профессионалом, сотрудником старой полиции и перешел в новую полицию): "Скажите, что я здесь, в учреждении полиции или просто в разбойничьей пещере?" Я получил ответ: "Вы в разбойничьей пещере и будьте готовы ко всему. Вам предстоит еще очень многое пережить"».

Далее Гизевиус описывает приказ Геринга об убийстве национал-социалиста Штрассера и то, как он дал «карт бланш» политической полиции, подписав бланки, гарантировавшие амнистию полицейскому, и оставив незаполненным место для имени человека, за убийство которого гарантировалась эта амнистия.

Если потребуется подтверждение показаний этих свидетелей защиты, то их можно найти в серии докладов прокурора Мюнхена министру юстиции в мае и июне 1933 года, находящихся в материалах Суда, в которых зафиксирован бесконечный ряд убийств, совершенных членами СС в концентрационном лагере Дахау (ПС-641, ПС-642, ПС-644, ПС-645).

В 1935 году имперский министр юстиции в письменном виде (ПС-375) изложил Фрику свой протест против многочисленных случаев жестокого обращения в концентрационных лагерях, включая «избиение как меру дисциплинарного наказания», «жестокое обращение, главным образом с политическими заключенными, для того, чтобы заставить их говорить», и «жестокое обращение с заключенными беспричинно или по садистским мотивам».

Далее он жаловался, что «избиение находящихся в заключении коммунистов рассматривается как обязательная полицейская мера, необходимая для более эффективного подавления коммунистической деятельности». После приведения примеров пыток он заключил: «Эти несколько примеров показывают степень жестокости, которая оскорбляет чувство каждого немца».

Чувства Фрика, очевидно, были не столь нежными. Уже на следующий год, получив подобный же протест от одного из своих подчиненных, он вскоре после этого издал декрет о подчинении всех полицейских сил Гиммлеру, то есть тому самому человеку, который, как он знал, являлся ответственным за эти зверства (ПС-775).

Эти жестокости, как мы полагаем, хорошо известные министрам, были свойственны не только концентрационным лагерям, где все происходило втайне от посторонних глаз.

Пожалуй, имеет смысл привести один случай из тысячи ему подобных, происшедших с людьми, пострадавшими от этой политики.

Трибунал помнит отчет Зольмана, социал-демократа и депутата рейхстага с 1919 по 1933 год. Он говорил об инциденте, имевшем место 9 марта 1933 г., когда, говоря его собственными словами (ПС-3231):

«Члены СС и СА пришли в мой дом в Кельне, сломали мебель и уничтожили мои личные записи. Затем меня взяли в "коричневый дом" в Кельне, где в течение нескольких часов мучили, избивали и пинали ногами. После этого меня перевели в обычную государственную тюрьму в Кельне, где два врача оказали мне медицинскую помощь, а на следующий день меня освободили. 11 марта 1933 г. я покинул Германию».

Вторая задача — подавление всех демократических институтов — оказалась сравнительно простой. Были проведены законы, необходимые для того, чтобы поставить профессиональные союзы вне закона; деятельность рейхстага немедленно превратилась в фарс, оппозиционные партии были распущены, а члены их брошены в концентрационные лагеря. Свидетель Зеверинг говорил об обращении с членами рейхстага. В 1932 году, по приказу фон Папена, он, занимавший тогда пост министра внутренних дел Пруссии, был насильственно удален с этого поста. Через короткое время после 30 января 1933 г. коммунистическая и социал-демократическая партии были объявлены незаконными и были запрещены все общественные выступления, кроме нацистских. Эта мера была заранее спланирована.

Фрик сказал уже в 1927 году (ПС-2513), что «национал-социалисты всегда стремились к тому дню, когда они смогут по-

ложить бесславный, но полностью заслуженный конец этой дьявольской бутафории — парламенту — и открыть дорогу для национальной диктатуры».

Сейчас, когда демократическая форма правления добивается своего восстановления во всем мире, не следует забывать об отношении нацистов к выборам. Свободные выборы, конечно, не могли быть допущеиы.

Геринг, пытаясь добыть от промышленности денег для партии, сказал Шахту в феврале 1933 года (Д-203):

«Промышленности будет, несомненно, легче принести те жертвы, о которых ее просят, если вы учтете, что выборы 5 марта будут последними на следующие 10 лет, а возможно, и на следующие 100 лет».

Учитывая эти обстоятельства, не приходится удивляться тому, что после этого, как явствует из отчета СД о проведении плебисцита в Каппеле, происходившие время от времени народные выборы, которые всегда объявлялись как триумф нацистов, проводились нечестными методами (Р-142).

Я обращаюсь к третьей группе оппозиции — к церкви.

В меморандуме Бормана, направленном в декабре 1941 года всем гаулейтерам и разосланном СС, резюмируется сущность отношения нацистов к христианству (Д-75):

«Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы. Поэтому, если в будущем наша молодежь ничего не будет знать о христианстве, чьи доктрины во многом уступают нашим, оно исчезнет само собой.

Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть все более и более отделен от церкви и ее рупора — пасторов».

Печальна летопись преследования церквей.

Из обильного материала, который был представлен Трибуналу, я позволю себе процитировать отрывок из жалобы, адресованной Фрику в начале 1936 года (ПС-775):

«За последнее время половина докладов политической полиции касается вопросов, связанных с церковью. У нас имеются бесчисленные петиции от кардиналов, епископов и других сановников церкви. Большая часть этих жалоб касается вопросов, входящих в область юрисдикции имперского министерства внутренних дел, хотя не им были изданы соответствующие правила по этому вопросу».

И затем после ссылки на хаос, создавшийся в результате разделения власти между различными полицейскими организациями, в отчете говорится о результатах борьбы с религией.

«В последнее время случаи грубых вмешательств в церковные службы очень быстро увеличиваются, это вызывает необходимость вмешательства дежурного полицейского наряда. После того, как мы отказались от резиновой дубинки, положение, в которое мы ставим наших оперативных работников, которые во время крупных беспорядков на собраниях могут быть

вынуждены прибегать к холодному оружию, является нестерпимым».

Дневник министра юстиции за 1935 год изобилует многочисленными примерами такого рода поведения, которое поощрялось «гитлеровской молодежью», руководимой подсудимыми Ширахом и Розенбергом.

«Гитлеровская молодежь», число членов которой увеличилось примерно со 108 тысяч в 1932 году почти до 8 миллионов в 1939 году, была организована на военной основе (ПС-2435). Тесное сотрудничество между Кейтелем и Ширахом в военном воспитании этой молодежи было уже описано.

Суду уже были представлены материалы об имевшейся особой договоренности между Ширахом и Гиммлером, в соответствии с которой «гитлеровская молодежь» стала организацией, поставляющей членов для СС (ПС-2396). Вы не забыли слова заместителя Шираха (ПС-1992): «С течением лет мы хотим добиться того, чтобы немецкий мальчик так же уверенно обращался с оружием, как с пером».

Какая ужасная доктрина!

Терроризирование, убийства и преследование политических противников, роспуск всех организаций, дающих возможность возникновению оппозиции, критическим высказываниям или даже свободному выражению своих мыслей, систематическое извращенное воспитание молодежи и подготовка ее к войне — все это, однако, создает неполную картину, если исключить преследование евреев.

Пусть никто не будет введен в заблуждение метафизическими объяснениями этих ужаснейших преступлений. То, что Гитлер в этом самом городе назвал фанатической борьбой против евреев, является неотъемлемой частью политики создания «херренфольк» — «расы господ», которая должна стоять во главе Европы и всего мира. Таким образом, преследование евреев широко популяризировалось по всей стране. Оно оказалось тем цементом, который связал народ с нацистским режимом. Оно являлось своего рода учебной мишенью для молодежи и давало ей возможность пройти практическую школу зверств.

С приходом гитлеровцев к власти преследование евреев стало еще более неистовым. Тогда было задумано окончательное разрешение этого вопроса путем массовых убийств.

В книге «Майн кампф» — библии нацизма — Гитлер высказал сожаление о том, что в течение последней войны для уничтожения евреев не применялся отравляющий газ.

Уже в 1925 году Штрейхер заявил (М-13): «Давайте положим сегодня начало уничтожению евреев». Возможно, что он даже раньше Гитлера, Гиммлера и других мысленно видел уничтожение евреев, но нацисты сначала не были готовы полностью пренебречь мировым общественным мнением и ограничили себя преследованием евреев и созданием для них в Германии невыносимых условий существования. Под несмолкавший аккомпанемент «Штюрмера» и официальной нацистской прессы проводились и поощрялись кампании травли евреев.

Розенберг, фон Шнрах, Геринг, Гесс, Функ, Борман и Фрик объединили усилия со Штрейхером и Геббельсом.

Приход нацистов к власти ознаменовался бойкотом в апреле 1933 года, который был только пробой по сравнению с тем, что за этим последовало. Он сопровождался демонстрациями и битьем витринных стекол — акцией «зеркало», как ее называли здесь в Суде.

Описание типичных инцидентов в письменных показаниях свидетеля Гейста, который говорил о событиях в Берлине 6 марта 1933 г. (ПС-1739): «Повсеместные нападения на коммунистов, евреев и на людей, подозреваемых в том, что они являлись теми или другими; толпы членов СА, которые слонялись по улицам, избивали, грабили и даже убивали людей».

В 1935 году последовали позорные «нюрнбергские законы». В 1938 году в результате так называемых стихийных демонстраций, которые были организованы по всей Германии, сжигались синагоги и были брошены в концентрационные лагеря 20 тысяч евреев. Это сопровождалось штрафами, ариизацией имущества и приказом о ношении желтой звезды.

Цинизм этих людей и безжалостный характер их политики по отношению к евреям проявились на совещании у Геринга 12 ноября 1938 года, когда присутствующие соперничали друг с другом в предложениях методов уничтожения и преследования их беспомощных жертв. Ни Гитлер, ни Гиммлер, которых сегодня они[1] стараются обвинять, не присутствовали на этом совещании. Кто, прочтя протокол этого совещания, может еще сомневаться в том, какой конец был уготован евреям в Европе?

На этом совещании Гейдрих сообщил о событиях в ночь на 9 ноября, когда по всей империи была сожжена 101 синагога, 76 были разрушены, разбито 7500 магазинов. Приблизительная стоимость стекол, которые нужно было вставить вместо разбитых, составляла 6 миллионов рейхсмарок, а ущерб, причиненный только одному магазину в Берлине, — 1700 тысяч рейхсмарок. Гейдрих также сообщил о 800 случаях ограбления, об убийстве 35 евреев и оценил общий ущерб, причиненный собственности, мебели и товарам, в несколько сот миллионов рейхсмарок. Вы припомните приказ Гейдриха о совершении погромов, включая аресты евреев и помещение их в концентрационные лагеря.

Указав, что следует ожидать демонстраций в связи с убийством чиновника германской миссии в Париже, которое имело место в ту ночь, он дал инструкции полиции по поводу намечаемого сожжения синагог, разрушения предприятий и жилых домов евреев, а также о том, что полиция не должна чинить препятствия демонстрантам: «Полиция должна лишь обеспечить соблюдение инструкции». И, наконец, (ПС-3051):

«...Во всех областях должно быть арестовано столько евреев, в особенности богатых, сколько может быть размещено в имеющихся в наличии тюрьмах. В настоящее время должны

[1] Подсудимые. — **Прим. сост.**

быть арестованы только здоровые и не слишком старые мужчины. По аресте их следует связаться немедленно с соответствующими концентрационными лагерями для того, чтобы как можно скорее направить их в эти лагеря».

Из материалов, представленных Трибуналу, нам теперь известны факты, касающиеся захвата Нейратом и Розенбергом домов, принадлежавших евреям. Для этого был отдан приказ ориентироваться на самых богатых (ПС-1759).

Эти события не происходили тайно и не скрывались. Министры писали о них друг другу и обсуждали их. Задолго до 1939 года они были общеизвестны не только в Германии, но и во всем мире. Каждый из этих подсудимых должен был много раз слышать рассказы, подобные истории Зольмана.

Почти каждый из них пытался заработать хорошую репутацию тем, что помог одному или двум евреям. Вы вспомните показания о существовании специального отдела в министерстве Геринга, созданного для того, чтобы рассматривать протесты, а также показания его свидетеля Кернера, который с гордостью заявил, что Геринг всегда вмешивался в эти дела, защищая отдельных лиц (стенограмма заседания от 12 марта 1946 г. после перерыва). Быть может, им давала некоторое удовлетворение или облегчала их совесть демонстрация время от времени своего влияния, освобождая какого-нибудь несчастного, который искал их защиты от ужасов того режима, который они постоянно поддерживали. Но эти лица участвовали в правительстве, которое руководило, не принимая во внимание ни соображения человеческой порядочности, ни установления закона. Нет ни одного среди них, который, будучи членом правительства в течение этого периода, не обагрил бы руки кровью сотен своих соотечественников.

Геринг и Фрик создали концентрационные лагеря. Показания свидетеля Зеверинга и оглашенные документы свидетельствуют об убийствах, которые там совершались в то время, когда эти два человека несли за это непосредственную ответственность.

Даже Геринг не смог оправдать все убийства, совершенные 30 июня 1934 г.[1]*. Он вместе с Гессом и Фриком несет ответственность за «нюрнбергские законы». Протокол совещания от 12 ноября 1938 г. (ПС-1816) и инициалы Геринга на приказе Гейдриха от 9 ноября (ПС-3051) не требуют комментариев.*

Как послу в Англии Риббентропу должны были быть хорошо известны факты, хотя бы из английских газет, в то время как его заместитель Вёрман признал, что имели место зверства, о которых было доложено на совещании от 12 ноября 1938 г.

Прежний владелец его имения господин фон Ремиц был сослан в концентрационный лагерь. Риббентроп же в беседе с

---

[1] Речь идет о «ночи длинных ножей», когда были убиты Рем и тысячи его сторонников. — **Прим. сост.**

господином Бонне 8 декабря 1938 г. выразил свое мнение относительно евреев следующим образом (Л-205):

«Поэтому германское правительство решило приравнять их (евреев) к уголовным элементам населения. Собственность, которую они приобрели незаконно, будет отобрана у них. Мы вынудим их жить в районах, обычно заселяемых преступными элементами».

Гесс, который в 1933 году создал управление расовой политики, также несет ответственность за «нюрнбергские законы» (ПС-1814). На совещании 12 ноября был дан полный отчет о проведении подобных же мер против евреев в Австрии (ПС-1816), и вполне очевидно, что подсудимый Кальтенбруннер как верный член партии оказал полную поддержку в проведении необходимых мер. Доказательства относительно того, что Зейсс-Инкварт сыграл в этом деле свою роль, уже представлены Трибуналу. Розенберг писал «Миф XX века» и принимал активное участие в борьбе с церковью и в проведении антисемитской политики правительства. И даже Редер в «День героев» в 1939 году говорил «о ясном и вдохновляющем призыве бороться с большевизмом и международным еврейством, чью деятельность, разрушающую расу, мы достаточно испытали на нашем собственном народе».

Фрик как министр внутренних дел несет ответственность за небывалые ужасы в концентрационных лагерях и за гестапо, в то время как Франк, будучи министром юстиции в Баварии, по-видимому, получал отчеты об убийствах в Дахау. Он был главным юристом партии, членом центрального комитета, который проводил бойкот евреев в марте 1933 года. В марте 1934 года он выступал по радио с заявлениями, оправдывающими расовое законодательство и уничтожение враждебных политических организаций. Он также присутствовал на совещании у Геринга.

Трибуналу не придется напоминать о роли, которую играл Штрейхер. В марте 1938 года газета «Дер штюрмер» начала последовательно пропагандировать идеи истребления евреев; первая из той серии статей, которые продолжали печататься в течение последующих 7 лет, статья, подписанная Штрейхером, заканчивалась следующими словами: «Мы приближаемся к чудесным временам — Великой Германии без евреев!».

Функ как вице-президент имперской палаты культуры, начиная с 1933 года, принимал участие в политике истребления евреев; он присутствовал на совещании у Геринга в ноябре 1938 года, на котором, как следует напомнить, когда Гейдрих упомянул о том, что было убито всего 35 евреев, Геринг заявил, что лучше было бы убить 200 евреев, Функ согласился с рекомендациями, принятыми на этом совещании (ПС-1816).

Шахт признал, что уже во второй половине 1934 года и первой половине 1935 года он убедился в том, что был не прав, предполагая, что Гитлер придаст более умеренный характер «революционным» силам нацизма. Он пришел к выводу, что Гитлер ничего не предпринимал для того, чтобы сократить эксцессы отдельных членов партии или партийных групп, фактически проводя «политику террора». Тем не менее он ос-

тался на своей должности и принял золотой значок партии в январе 1937 года, в то время как фон Эльц отказался от него.

Ширах подтвердил свою роль в том, что молодое поколение Германии росло под его руководством ярыми антисемитами. Он не может уклониться от ответственности за то, что обучал молодежь запугивать евреев, преследовать церковь, готовиться к войне. Это растление детей, быть может, является самым гнусным из преступлений нацистов.

Заукель, который вступил в пвртию в 1921 году, занял пост гаулейтера Тюрингии (ПС-2974). Он не мог не знать о преследовании церкви, профсоюзов, других политических партий и евреев в этой весьма важной области империи, и есть все основания предполагать, что он оказывал полную поддержку этой политике и тем самым завоевал себе положение в нацистском кругу.

Папен и Нейрат были в состоянии, конечно, лучше, чем кто-либо другой из подсудимых, оценить эту политику, поскольку именно их политические коллеги подвергались преследованию; например, несколько человек из собственного штата Папена были убиты, а сам он арестован и едва остался в живых.

Отношение Нейрата к евреям явствует из его речи, произнесенной в сентябре 1933 года: «Пустые разговоры на тему о чисто внутренних делах страны, как, например, о еврейском вопросе, очень скоро прекратятся, когда каждый поймет, что необходимое наведение порядка в общественной жизни должно временно повлечь в отдельных случаях личные лишения и нужду, но что тем не менее это поможет установлению непоколебимой власти правосудия и закона в Германии».

Какое проституирование этих великих слов!

Что касается остальных подсудимых, то все они были людьми с интеллектом и к рассматриваемому нами времени уже занимали посты, облеченные значительной властью.

Каждый из них на своем посту — и весьма значительном посту — служил злому делу, конечная цель которого была так хорошо им известна, насаждал доктрины зла, которые являлись важным условием для достижения этой цели.

Лорд Эктон — этот великий европеец — 80 лет тому назад заявил, что, по его убеждению, человеческая жизнь священна, и сказал: «Убийство является тягчайшим преступлением. Сообщник ничуть не лучше самого убийцы; хуже всех тот, кто планирует убийство».

С вашего разрешения позднее я вернусь к вопросу о заговоре и о роли этих людей в заговоре; однако следует сказать, что невозможно прийти к заключению по вопросу обвинения в заговоре по первому разделу Обвинительного заключения, пока не будут рассмотрены конкретные преступления, излагаемые в последующих разделах. И первыми стоят преступления против мира, описываемые в разделе втором. Я говорю «первыми» — первыми по их месту в Обвинительном заключении.

Моралисты могут спорить относительно того, что является самым большим преступлением с точки зрения морали, но это,

вероятно, следовало бы сказать с самого начала. Некоторые заявляют, что не существует такого преступления, как преступление против мира, и те поверхностные философы, которые на данном процессе или сидя в мягких креслах где-нибудь в другом месте, подвергают сомнению правомочность данного судебного разбирательства, много говорили именно в этом разрезе. О том, насколько основательна эта аргументация, я скажу сейчас несколько слов. Однако необходимо ясно себе представить, что эти подсудимые обвиняются также в обыкновенных убийствах. Это обвинение само по себе обосновывает назначение высшей меры наказания и включение обвинения в преступлении против мира в качестве самостоятельного в Обвинительное заключение и не может увеличить наказание, которое и без того может быть вынесено этим людям.

Что же, тогда включение этого вопроса в Обвинительное заключение является излишним?

Мы считаем, что это не так и главным образом потому, что здесь на карту поставлено нечто гораздо большее, чем судьба этих людей. Не преступление ли, заключающееся в развязывании войны, является одновременно целью и источником других преступлений — преступлений против человечности, военных преступлений и обыкновенных убийств?

Это происходит тогда, когда люди обращаются к тотальной войне как к орудию политики, преследующей агрессивные цели. Кроме того, если мы рассмотрим это преступление, преступление против мира, отдельно, то увидим, что оно явилось причиной смерти в бою 10 миллионов человек и привело на край гибели всю духовную и материальную структуру нашей цивилизации. Хотя и невозможно усилить ту меру наказания, которая может быть определена для этих людей, все же основная задача этого процесса заключается в том, чтобы навсегда установить, что международное право имеет силу, которая вытекает из самой его сущности, чтобы объявить войну преступлением и покарать тех, кто подстрекает к ней свои государства. Я еще вернусь к вопросу о праве, но прежде разрешите мне сослаться на факты. Суд получил от защиты подробный, но пристрастный и весьма противоречивый обзор отношений между иностранными государствами за период вплоть до 1939 года. Я не намереваюсь в своем выступлении анализировать эти отношения, я также не намереваюсь говорить о том, что, как показало развитие событий, политика, осуществлявшаяся демократическими державами, возможно, порой оказывалась слабой, нерешительной, открытой для критики. Защитники пытались обосновать некоторые свои аргументы наличием германо-советского пакта и приложенного к нему протокола. Они утверждают, что это было неправомерно. Я не рассматриваю это и, разумеется, не соглашаюсь с этой аргументацией. Однако, пусть они утверждают, что это было неправомерно. Разве суммирование двух несправедливостей составляет в итоге справедливость? Это невозможно по тем нормам международного права, которое настоящий Трибунал намерен претворять в жизнь.

Обзор, представленный защитниками, полностью обходит молчанием два факта, имеющих первостепенное значение в этом деле, а именно, что уже со времени появления «Майн кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству и что демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти основные цели. Если вообще могла идти речь о мире, то он был возможен лишь за счет получения преимущества Германией. И зная, что эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить ее силой.

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры для перевооружения. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события этого подготовительного периода (ПС-789): «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги Наций и уход с конференции по разоружению. После этого приказ о перевооружении. В 1935 году введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны».

Заговорщики намеревались прежде всего избавиться от политических уз, которые мешали проведению перевооружения. В октябре 1933 года Германия вышла из Лиги Наций, а в мае 1935 года отказалась от тех пунктов Версальского договора, которые касались вооружения, и сообщила миру о создании военно-воздушных сил, большой регулярной армии и установлении обязательной воинской повинности. Был создан «имперский совет обороны», и уже 25 апреля 1935 г. состоялось второе заседание его рабочего комитета с участием представителей от каждого ведомства.

Трудно поверить, не правда ли, что, читая протоколы этих совещаний, как они это должны были делать, Нейрат, Фрик, Шахт, Геринг, Редер, Кейтель и Иодль (причем последние двое обычно присутствовали на совещаниях) могли предполагать, что режим не намеревается вести войну.

В экономической сфере Шахт, будучи уже президентом рейхсбанка и министром экономики, был назначен в мае 1935 года генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. Это назначение должно было держаться в полном секрете (ПС-2261). Свои заслуги в этом отношении он прекрасно сформулировал сам (ЕС-611):

«Возможно, что ни один крупный банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал рейхсбанк с момента захвата власти национал-социалистами. Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала

непревзойденное вооружение, и это вооружение, в свою очередь, позволило добиться достигнутых нами результатов».

Речь Шахта от 29 ноября 1938 г. не кажется пустым бахвальством, когда рассматриваешь ее в связи с отчетом его заместителя — документом, представленным в качестве доказательства. Этот отчет свидетельствует о том, что под руководством Шахта 180 тыс. промышленных предприятий было осмотрено с целью установления их пригодности для военных целей (ЕС-258). Были разработаны экономические планы производства основных 200 видов материалов. Система военных заказов была пересмотрена, разрешен вопрос о распределении угля, горючего для моторов и энергии, 248 млн. рейхсмарок были затрачены на одно лишь строительство складских помещений; разработаны планы эвакуации квалифицированных рабочих и военных материалов из зон военных действии; 80 млн. продовольственных карточек военного времени были напечатаны и разосланы на места; кроме того, была подготовлена особая картотека на 20 млн. квалифицированных рабочих с указанием их профессии.

Самая детальная и тщательная подготовка, о которой говорится в этом отчете, проводилась не без ведома всех членов правительства. Нельзя найти более наглядного доказательства наличия общей цели и того, что об этой цели, связывавшей все ведомства в государстве, было известно, чем протокол второго заседания «имперского совета обороны», состоявшегося 25 июня 1939 г. под председательством подсудимого Геринга — уполномоченного по проведению четырехлетнего плана.

Подсудимые Фрик, Функ, Кейтель и Редер присутствовали на этом заседании, а Гесс и Риббентроп послали на него своих представителей.

Детализация методов осуществления планов, которые разрабатывались, и проведение подготовки рабочей силы с расчетом на использование рабочих из концентрационных лагерей и несчастных рабов протектората являются красноречивым свидетельством масштабов той борьбы, которую, как этим лицам уже было известно, Германия собиралась начать.

Вопросами проведения перевооружения занимались главным образом подсудимые Геринг, Шахт, Редер, Кейтель и Иодль, но другие также принимали в этом участие, каждый в своей области. Розенберг, Ширах и Штрейхер — в области образования, Дениц — в подготовке подводного флота, Нейрат и Риббентроп — в области внешней политики, Функ и Фриче занимались вопросом реорганизации пропаганды и системы подачи последних известий до тех пор, пока первый из них не заменил Шахта и не стал сначала министром экономики, а в сентябре 1938 года — генеральным уполномоченным по вопросам экономики.

Как уполномоченный Функ нес ответственность за обеспечение экономических условий для производства вооружения в соответствии с требованиями верховного командования. Фрик как главный уполномоченный по администрацни империи (ПС-2978) вместе с Функом и Кейтелем вошел в состав «коллегии

трех», занимавшейся планированием специальных административных мероприятий и подготовкой декретов на случай войны.

Нет необходимости для оценки деятельности, связанной с перевооружением, приводить какие-либо другие цитаты, кроме слов Гитлера из меморандума, который, как заявил Иодль, был написан самим Гитлером в течение двух ночей и который был им послан подсудимым Редеру, Герингу и Кейтелю. В этом меморандуме от 9 октября 1939 г. Гитлер полностью опровергает показания подсудимых, заявлявших, что Германия никогда не была в достаточной степени подготовлена к войне (Л-52):

«Военное приращение нашей народной мощи осуществлялось в таких масштабах, что в течение столь короткого времени невозможно было бы что-то заметно улучшить каким-либо образом в этих усилиях».

И далее:

«Военное снаряжение германского народа в настоящее время значительно больше по объему и лучше по качеству для значительно большего числа германских дивизий, чем это было в 1914 году. Само вооружение, если провести масштабный сравнительный анализ, сейчас намного более современное, чем в любой другой стране мира.

Германское оружие только что доказало свои высокие боевые качества в победоносной кампании. Что касается мощи вооружения других стран, то она еще не была продемонстрирована. В настоящее время по некоторым видам вооружения Германии принадлежит совершенно неоспоримое превосходство».

И далее, говоря о боеприпасах, которыми располагала Германия после окончания польской кампании, он писал:

«Нет доказательств, которые бы могли подтвердить, что в мире имеется страна, обладающая в целом лучшими боеприпасами, чем Германская империя. Военно-воздушный флот в настоящее время в численном отношении является самым сильным в мире. Противовоздушная артиллерия не имеет себе равной в мире».

Это было практическим результатом шестилетнего интенсивного перевооружения, которое проводилось за счет и с ведома всего германского народа.

Тем временем молодежь Германии воспитывали и муштровали для войны в полувоенных формированиях и затем, по достижении призывного возраста, призывали для прохождения интенсивной боевой подготовки. Это проводилось по всей Германии наряду с огромной работой в области экономической подготовки. Можно ли поверить тому, что никто из этих лиц не догадывался, точнее говоря, не знал о целях этих громадных усилий?

Если действительно кто-нибудь из них и сомневался, то успешные действия, в которых, если говорить словами одного из свидетелей по делу Нейрата, «нацисты пожинали лавры без войны путем успешно проводимой тактики обмана и внезапности», должны были открыть им глаза.

Первым шагом явился захват Рейнской зоны, и этот метод стал затем образцом для проведения последующих агрессив-

ных действий. 21 мая 1935 г. Гитлер дал торжественные заверения в том, что условия Версальского и Локарнского договоров неуклонно соблюдаются. Однако тремя неделями раньше, в день заключения франко-советского пакта, который позже был использован в качестве формального оправдания для реоккупации Рейнской области, а также был выдвинут в качестве оправдательного аргумента на данном процессе, была издана первая директива начальникам различных родов войск о реоккупации. Подсудимый Иодль, быть может, обратив внимание на важность этой даты, пытался убедить Трибунал в том, что его первое признание относительно того, что «операция Шулунг» касалась реоккупации Рейнской области, было неправильным и что этот термин относился к каким-то военным экскурсиям в Тироль. Однако еще 26 июня он сам обратился к рабочему комитету имперского совета обороны с речью относительно планов реоккупации и сообщил, что оружие, снаряжение, знаки различия и серая полевая военная форма уже находятся в Рейнской зоне, где хранятся под большим секретом (ЕС-405). Может ли кто-нибудь, кто будет читать эти слова, сомневаться в том, что эта операция продолжалась в течение, по крайней мере, семи недель?

Любой из представителей бесчисленных департаментов, который присутствовал на этом совещании 26 июня 1935 г. и слушал замечания Иодля, или тот, кто впоследствии читал протоколы совещания, знал, чего следует ожидать. 2 марта 1936 года были отданы последние приказы; они были переданы военно-морскому флоту на четыре дня позже (С-194).

Подсудимые Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт и Геринг принимали участие во всех необходимых оперативных мероприятиях, и поскольку подводные лодки действовали в соответствии с инструкциями от 6 марта, то к их числу следует отнести и подсудимого Деница.

Вы видите, что с самого начала был разработан общий план каждой стадии, причем таким образом, как он мог быть разработан лишь в том случае, если каждый из этих людей сыграл в его составлении свою, соответствующую роль.

Первый период — период видимого спокойствия, во время которого заключались договоры, давались заверения, произносились торжественные заявления о дружбе, в то время как под прикрытием этого «Аусландорганизацион», руководимая Гессом и Розенбергом, начала свою подрывную и разрушительную деятельность. Жертва вводилась в заблуждение открытыми обещаниями и ослаблялась тайными методами воздействия. Затем принималось решение о нападении и убыстрялся темп военной подготовки.

Если жертва начинала проявлять признаки недоверия, количество заверений в дружественных намерениях удваивалось.

Тем временем наносились последние штрихи на творение, созданное в результате деятельности «пятой колонны». Затем, когда все уже было подготовлено, подбирался, как говорил Гитлер, так называемый пропагандистский повод для начала войны, фабриковались пограничные инциденты, угрозы и оскорбления сменяли красивые слова, и делалось все для того,

чтобы запугать жертву и привести ее в состояние покорности. Наконец, наносился неожиданный удар без всякого предупреждения. План изменялся в деталях от случая к случаю, но по существу он оставался неизменным; вновь и вновь повторялся этот же «идеальный» метод предательства, запугивания и убийств.

Следующей жертвой агрессии явилась Австрия. Прежде всего нацисты в 1934 году подстроили убийство Дольфуса. После того как были представлены доказательства по делу подсудимого Нейрата, остается мало сомнений в том, что план убийства был задуман в Берлине и разработан Габнхтом н Гитлером за какие-нибудь шесть недель до этого. Провал этого путча сделал необходимым приспособиться сообразно времени и обстоятельствам, н в соответствии с этим в мае 1935 года Гнтлер дал заверения Австрии в мирных намерениях (ТС-26).

В то же время подсудимый Папен был послан в Австрию для того, чтобы подорвать основы австрийского правительства. После оккупации Рейнской области следующей на очередь была поставлена Австрия, но Гитлер все еще не был готов; нменно этим объясняется заключение торжественного соглашения в июле 1936 года (Т-23). К осени 1937 года в сообщениях Папена говорилось о наличии определенного прогресса, и поэтому на так называемом совещании Госбаха был оглашен этот план (ПС-386). Однако необходима была некоторая отсрочка для удаления непокорных военачальников из армии; в феврале 1938 года Папен вместе с Зейсс-Инквартом закончили разработку плана, тогда как Гитлер, Риббентроп и Кейтель запугнвали Шушнига, заманив его в Берхтесгаден. Вскоре после этого наступила конечная фаза, Геринг сыграл свою роль в Берлине. Подсудимые Геринг, Гесс, Кейтель, Иодль, Редер, Фрик, Шахт, Папен и Нейрат все былн осведомлены об этом заговоре в отношении Австрии, прнчем Нейрат и Папен зналн об этом плане с самого начала.

За исключением Геринга, каждый из подсудимых пытался оправдаться тем, что якобы не знал об этом, — это утверждение может показаться лишь смешным в свете имеющихся документов. Никто нз них не заявлял, что протестовал протнв этого, и все они продолжали оставаться на своих постах.

План в отношении Чехословакии уже был готов к тому времени: он обсуждался на так называемом совещании Госбаха в ноябре 1937 года. Через три недели после Мюнхенского соглашения был отдан приказ о подготовке к вторжению, и 15 марта 1939 г., после того как президент Гаха был соответствующим образом запуган Гитлером, Риббентропом, Герингом и Кейтелем, Прага была оккупирована и Нейрат и Фрик установили там протекторат.

Вы помните поразительное признание Геринга в том, что хотя он действительно угрожал подвергнуть Прагу бомбардировке, он, однако, никогда фактически не намерен был этого делать. Риббентроп, по-вндимому, также считал, что в дипломатии допустима любая ложь. Теперь былв подготовлена арена для операции против Польши. Согласно объяснению Иодля (я цитирую):

«Мирное разрешение чешского конфликта осенью 1938 года присоединением Чехословакии округлило территорию расширяющейся Германии таким образом, что сделало возможным рассматривать польскую проблему в свете более или менее благоприятных стратегических предпосылок».

Теперь наступил тот подходящий момент, когда, говоря словами Гитлера, «Германия должна разделаться с двумя своими ненавистными врагами — Англией и Францией».

И вслед за этим начала проводиться политика, изложенная Риббентропом в январе 1938 года (ТС-75):

«Создание в строгом секрете, но с подлинным упорством коалиции против Англии».

Однако в отношении Польши германское министерство иностранных дел уже за месяц до Мюнхенского соглашения дало следующее указание Риббентропу (ПС-76): «Неизбежно, что отказ Германии от завоевательных планов на Юго-Востоке и обращение ее к Востоку и Северо-Востоку должно заставить поляков насторожиться.

Дело в том, что после разрешения чешского вопроса все будут считать, что следующей на очереди будет Польша. Но чем позднее это предположение войдет в международную политику как определяющий фактор, тем лучше. Однако в этом отношении важно в настоящее время проводить германскую политику под хорошо известными и оправдавшими себя лозунгами права на автономию и расовое единство. Все другое может быть интерпретировано как откровенный империализм с нашей стороны и породит сопротивление нашему плану со стороны Антанты, которое начнется гораздо раньше и в более энергичной форме, чем то, которому могут противостоять наши силы».

Поэтому теперь были вновь повторены обычные заверения, а Гитлер и Риббентроп вновь и вновь выступали с самыми «чистосердечными» заявлениями.

Тем временем предпринимались обычные меры, и вслед за совещанием от 23 мая 1939 г. (Л-79), которое Редер охарактеризовал как академическую лекцию на тему о войне, была проведена окончательная военная, экономическая и политическая подготовка для войны против Польши, — и в назначенное время война началась.

«Победителя позднее не спросят о том, говорил ли он правду. В развязывании и ведении войны имеет значение не правда, а победа» (ПС-1014).

Это были слова Гитлера, но эти люди всякий раз и на каждой стадии повторяли и употребляли эти слова. Эта доктрина являлась краеугольным камнем нацистской политики. Делая шаг за шагом, заговорщики достигли решающей стадии и бросили Германию в борьбу за установление господства в Европе, принеся всему миру неописуемые страдания. Ни один из подсудимых не выступал против режима. Никто из них, за исключением Шахта, к значительной роли которого в создании нацистского чудовища я возвращусь позднее, не ушел в отставку, и даже он продолжал разрешать нацистскому правительству использовать свое имя.

После того как была оккупирована Норвегия, ход войны вскоре показал, что военные цели Германии и интересы ее стратегии будут достигаться путем дальнейшей агрессии.

Я не намерен сейчас занимать время для того, чтобы вновь касаться различных этапов их действий. Как заявил Гитлер на совещании в ноябре 1939 года (ПС-739), «нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет ставить под сомнение правильность этого после того, как мы победим. Мы не будем выдвигать столь же глупую причину нарушения нейтралитета, как мы это сделали в 1914 году».

Норвегия и Дания были оккупированы. Ни тогда, ни сейчас ничего не было представлено для оправдания оккупации Дании, но со стороны подсудимых были сделаны самые энергичные попытки в ходе этого процесса для того, чтобы доказать, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что немцы были уверены, что союзники имели то же самое намерение. Даже если это было правдой, это не могло послужить ответом. Но германские документы совершенно опровергают предположения о том, что именно по этой причине немцы нарушили силой нейтралитет Норвегии. Гитлер, Геринг и Редер еще в ноябре 1934 года договорились о том, что «никакая война не могла бы проводиться, если бы военно-морской флот не смог обеспечить безопасность импорта руды из Скандинавии» (С-190).

Поэтому как только приблизился период битвы в Европе, 31 мая 1939 г. с Данией был заключен пакт о ненападении (ТС-24), последовавший за взаимными заверениями, которые были уже даны Норвегии и Дании за месяц до этого (ТС-30).

С началом войны Норвегии были даны дальнейшие гарантии (ТС-31), за которыми 6 октября последовали новые заверения (ТС-32). Через четыре дня после своих заверений Гитлер обсуждал с Редером скандинавскую проблему и политические намерения в отношении северных государств, которые отражены в дневнике адмирала Асмана следующим образом: «Северогерманское сообщество с ограниченным суверенитетом и в полной зависимости от Германии».

9 октября, через три дня после его последних заверений, в своем меморандуме для информации Редера, Геринга и Кейтеля Гитлер писал об огромной опасности блокирования союзниками выхода для подводных лодок между Норвегией и Шетландскими островами и о вытекающей отсюда важности «создания баз для подводных лодок помимо тех, которые имеются в Германии» (Л-52). О каких базах вне Германии могла идти речь, если не имелась в виду Норвегия?

Характерно, что уже на следующий день Дениц представил отчет о сравнительных преимуществах различных баз Норвегии (С-5), после того как он обсудил этот вопрос за шесть дней до этого с Редером (С-122). Стратегические преимущества были очевидны для всех этих лиц. Неискренние заявления защиты о том, что вторжение в Норвегию было предпринято лишь потому, что ожидалось вторжение союзников, полностью разоблачаются после рассмотрения заявлений, содержащихся

в меморандуме Гитлера, в абзаце, предшествующем тому, который я только что цитировал (С-52):

«Если только не появятся совершенно непредвиденные факторы, в будущем следует продолжать заверения в уважении их нейтралитета. Продолжение торговли между Германией и этими странами кажется возможным даже в условиях затяжной войны».

В то время Гитлер еще не видел угрозы со стороны союзников. Розенберг и заместитель Геринга Кернер уже в июне установили связь с Квислингом и Хагелином, и из последующего отчета Розенберга явствует, что Гитлера все время держали в курсе событий (ПС-004). В декабре настало время составлять планы, и соответственно на совещании между Гитлером и Редером было принято решение проводить подготовку к вторжению (С-66). Вскоре после этого Кейтелем и Иодлем были изданы необходимые директивы, и через определенное время, поскольку это вызывалось необходимостью, в подготовку включились Геринг, Дениц и Редер.

9 октября, как я уже упоминал, Гитлер был вполне уверен в том, что северным государствам не грозит никакая опасность со стороны союзников. Все упоминавшиеся здесь отчеты разведывательной службы даже в самой отдаленной степени не подтверждают того, что предполагаемое вторжение основывалось — это звучит смехотворно — на необходимости самозащиты.

Верно, что в феврале 1940 года Редер указал Гитлеру на то, что в случае оккупации Норвегии Англией возникнет угроза поставкам руды из Швеции в Германию (Д-881). Однако 26 марта он сообщил, что в связи с прекращением русско-финского конфликта нельзя более считать серьезной угрозой высадку союзников. Тем не менее Гитлер предложил, чтобы вторжение, по поводу которого были уже изданы все директивы, было проведено в следующее новолуние, 7 апреля (Р-81). Интересно отметить, что в личном военном дневнике Редера, подписанном им самим и начальником его оперативного штаба, содержится подобное же мнение, причем запись сделана за четыре дня до этого.

Если бы понадобились дальнейшие доказательства того, что при проведении вышеуказанных мероприятий совершенно не принималась во внимание возможность вмешательства со стороны Запада, их можно было бы обнаружить в телеграммах германских послов в Осло и в Стокгольме, а также военного атташе рейха в шведской столице. В них сообщалось, что скандинавские правительства, нисколько не беспокоясь о вторжении британцев, опасаются, что именно немцы собираются произвести нападение (Д-843, Д-844, Д-845).

Возможно, замечание, сделанное Иодлем, и его записи в дневнике от марта о том, что «Гитлер все еще ищет предлог» (ПС-1809), неуклюжие попытки Редера объяснить, что это замечание относится к содержанию дипломатической ноты, которая должна была быть послана, и уверения Риббентропа относительно того, что ему сообщили об этом вторжении всего лишь за день или за два перед тем, как оно должно было произойти, более чем что-либо иное позволяют сделать вывод о

лживости этого аргумента защиты. Еще раз все эти люди, каждый в своей сфере деятельности, сыграли заранее назначенные им роли, главным образом, разумеется, Розенберг, который прокладывал путь, Геринг, Редер, Кейтель, Иодль и Риббентроп, которые проводили в жизнь необходимые оперативные мероприятия. Никто из них не протестовал. Даже Фриче приводит в качестве единственного аргумента в свою защиту, что ему ничего не сообщали до того момента, когда он, как обычно, должен был произнести речь по радио. Он даже не говорит о том, что протестовал. Вновь в нарушение всех договоров и гарантий было предпринято безжалостное вторжение на территорию двух стран лишь потому, что со стратегической точки зрения было желательно получить норвежские базы и обеспечить Германию скандинавской рудой.

Так продолжалось и в дальнейшем. Югославия, судьба которой была определена еще до начала войны, Греция и, наконец, Советская Россия. Путь к этому проложил германо-советский пакт от 23 августа 1939 года. Из меморандума Гитлера, изданного спустя шесть недель, явствует, что подпись Риббентропа ничего не стоила. Гитлер замечает (Л-52):

«Все стороны в течение последних лет показали, насколько ничтожно значение договоров и соглашений».

К 18 декабря 1940 г., по-видимому, стало ясно, что безуспешными оказались надежды немцев сломить сопротивление Великобритании, которая и тогда и в течение многих месяцев одна удерживала крепость свободы и демократии против врага, который никогда не был так силен, как в то время.

Тогда и были изданы первые директивы по поводу нападения в другом направлении — против Советской России (ПС-446). Совершенно достоверно — и это следует отметить как интересное явление, — что в данном случае целый ряд подсудимых выступили с возражениями. При наступлении на маленькую Норвегию возражений не возникало: там не угрожала никакая опасность. При захвате мужественных Нидерландов и Бельгии имело место счастливое единодушие. Теперь, однако, речь шла о враге, который мог зажечь страх в сердце задиры. Возражения подсудимых основывались, конечно, исключительно на соображениях военного характера, хотя Редер и говорил, что в своих возражениях он руководствовался сознанием той моральной несправедливости, которую повлекло бы за собой нарушение германо-советского договора. Решать должны Вы. Угрызения совести у этого подсудимого, которым следовало бы возникнуть в целом ряде других случаев, проявились лишь в инциденте, когда один из подчиненных ему офицеров захотел жениться на женщине сомнительной репутации.

Дело в том, что к тому времени уже многие из этих людей начинали предвидеть недоброе. Сопротивление, оказываемое Великобританией, заставило их призадуматься. Не вступит ли Гитлер в борьбу еще с одним противником, которого он не в силах победить? Однако после того как решение уже было принято, все они взялись за выполнение своих обязанностей и играли предназначенные им роли с обычным пренебрежением ко всем законам морали и даже простой порядочности.

Ни в одном случае началу военных действий не предшествовало официальное объявление войны. Сколько тысяч безвинных и беззащитных мужчин, женщин и детей, спавших в своих постелях в счастливой уверенности в том, что их страна находится и будет находиться в состоянии мира, были внезапно перенесены в иной мир смертью, которая без всякого предупреждения упала на них с неба! В какой мере отличается вина подсудимых от вины простого убийцы, который бесшумно подкрадывается к своим жертвам, чтобы убить и забрать себе их пожитки?

Как явствует из документов (ПС-386, Л-79), в каждом отдельном случае мероприятия осуществлялись в соответствии с общим планом. Нападение должно было проводиться «блитцартигшнель» — то есть без предупреждения, с быстротой молнии: Австрия, Чехословакия, Польша. Редер повторял директивы Кейтеля по поводу «нанесения тяжелых ударов без предупреждения»: Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Россия. Как заявил Гитлер в присутствии многих из этих людей[1] (Л-79):

«Соображения по поводу того, справедливо это или нет и соответствует ли это имеющимся соглашениям, не имеют к этому никакого отношения».

Убийство солдат во время войны оправдывается как международными, так и национальными законами лишь в тех случаях, если сама война носит законный характер. Если же война является незаконной, как война, начатая не только в нарушение Парижского пакта, но и без каких-либо предупреждений или объявлений, совершенно ясно, что убийства во время такой войны не могут быть ничем оправданы и что подобные убийства ничем не отличаются от убийств, совершаемых стоящими вне закона разбойничьими бандами.

Все эти люди знали об этих планах на той или иной стадии их развития. Каждый из них молчаливо соглашался с тактикой их проведения, прекрасно зная о том, что они должны были означать для человеческих жизней. Как же теперь может кто-либо из них заявлять о том, что он не являлся соучастником обычных убийств, совершавшихся самым безжалостным образом?

Сейчас, однако, я занимаюсь не вопросом об убийствах, уже одного совершения которых вполне достаточно для осуждения этих людей, а преступлениями против мира. С Вашего разрешения я хотел бы коротко рассмотреть этот вопрос с правовой точки зрения в связи с тем, что правительство Его Величества придает большую важность точному определению этого понятия и, насколько я понимаю, все главные обвинители придают этому вопросу также большое значение.

Примечательная речь от имени защиты профессора Ярайсса совершенно недвусмысленна: ее целью было доказать, что, несмотря на то, что пакт Бриана — Келлога и другие международные декларации и договоры рассматривали агрессивную войну как незаконный акт, они не объявляли ее преступной. В

[1] То есть подсудимых. — **Прим. сост.**

качестве подтверждения было заявлено, что эти соглашения и не могли признать агрессивную войну преступной, так как это противоречило бы суверенным пррвам государств, и что во всяком случае вся система запрещений войны рухнула перед началом второй мировой войны и перестала быть законом; далее, здесь утверждали, что все эти соглашения не принимались всерьез многочисленными юристами и журналистами, мнения которых здесь цитировались, и вообще не предназначались для того, чтобы их рассматривали серьезно, так как они даже не предусматривали разрешения проблемы мирного изменения статус-кво.

Что касается самого Парижского пакта, защита утверждает, что вообще не может быть и речи о преступном или хотя бы противоправном нарушении Парижского пакта, так как по этому пакту всем государствам, включая Германию, самим разрешалось устанавливать, имеют ли они право начать войну в целях самозащиты. И, наконец, утверждалось, что государство вообще не может служить объектом для уголовной ответственности, а на случай, если это положение не будет принято, утверждалось, что преступление было совершено Германским государством в целом, а не отдельными его членами, потому что в Германском государстве, которое вело эту войну против всего мира, не существовало воли отдельных лиц, а была лишь одна верховная, не подвергающаяся контролю окончательная воля, воля его диктатора — фюрера.

Господин председатель, возможно, для меня было бы достаточно указать, что вся эта цепь аргументов не относится к существу дела и не может быть заслушана данным Трибуналом, так как содержание их противоречит Уставу, который безоговорочно устанавливает, что планирование — я подчеркиваю слово планирование, — подготовка и развязывание агрессивной войны или ведение агрессивной войны или войны, нарушающей международные договоры, соглашения и гарантии, являются преступлением, подсудным настоящему Трибуналу. Поэтому очевидно, что единственная возможность для подсудимых избежать ответственности заключается в том, чтобы убедить настоящий Трибунал, что эти войны не были агрессивными и не велись в нарушение договоров. Этого им сделать не удалось, и, поскольку это так, возникает вопрос, какова же цель тех аргументов, которые были здесь выставлены от имени подсудимых? Ставят ли они своей целью оспорить правомочность Трибунала рассматривать эти вопросы? Или, быть может, что более вероятно, эти аргументы представляют собой политическое воззвание, обращенное к какой-то находящейся вовне аудитории, на которую легче произвести впечатление жалобами на то, что подсудимых судят здесь на основании придания закону обратной силы?

Что бы ни являлось целью приведения этих доводов, весьма важно, чтобы они не были оставлены без опровержения. Я стремлюсь не занимать напрасно время Трибунала, повторяя то, что я уже сказал в своей вступительной речи по поводу изменений, возникших в понимании термина «война» в международном праве, происшедших в результате заключения целого

ряда договоров и в особенности общего договора об отказе от войны. Я уже указывал, что этот договор, подписанный большим числом стран, чем любой другой международный договор, создал новые положения международного права, торжественности и ясности которых могут позавидоввть другие привычные, международно-правовые нормы. Я также утверждал, что коренные изменения, которые они повлекли за собой, — и это чрезвычайно важно, хотя, в сущности, еще в период средневековья умели проводить грань между справедливыми и несправедливыми войнами, — нашли свое отражение в весьма весомых декларациях правительств и государственных деятелей. Я утверждаю, что эти положения международного права объявили незаконным обращение к войне в нарушение договоров, они также предусматривали, что при нарушении закона, которое влечет за собой гибель миллионов и прямое посягательство на самые основы цивилизации, перестает существовать различие между противоправным действием и преступлением. Я не хочу также занимать время Трибунала, подробно отвечая на всю эту, если мне будет позволено ее так назвать, странную цепь правовых аргументов, выдвинутых защитой, как, например, на утверждение о том, что договор не имеет силы, которую ему придали подписавшие его страны, на том основании, что во многих кругах этот договор принимался с недоверием и цинизмом.

Для обычного правового мышления еще более странным представляется тот довод, что во всяком случае этот договор, так же как и другие договоры и гарантии, заключенные впоследствии, потерял свою законную силу в 1939 году в связи с тем, что к этому времени распалась вся система коллективной безопасности. В качестве примера распада этой системы приводился тот факт, что в 1939 году Соединенные Штаты объявили себя нейтральным государством, как будто бы Соединенные Штаты были связаны каким-либо обязательством законного характера действовать иначе. Но какое значение имеет сейчас тот факт, что система, которая должна была укрепить эти договоры, предотвратить и покарать преступное обращение к войне, не сработала? Разве агрессивные действия Японии и Италии, двух других стран, вовлеченных в заговор оси, за которыми последовала агрессия Германии против Австрии и Чехословакии, лишили эти соглашения их законной и обязательной силы просто потому, что эти преступления увенчались временным успехом? С каких пор цивилизованный мир принял тот принцип, что в случае, если преступник временно избежал наказания, не только закон теряет свою обязательную силу, но и само преступление получает законное основание?

Следует, между прочим, отметить, что в случае как японской, так и итальянской агрессии Совет и Ассамблея Лиги Наций рассматривали эти действия как нарушение Устава Лиги Наций и всеобщего договора об отказе от войны и что в обоих случаях были изданы декреты о применении санкций. Возможно, что полицейские не действовали так эффективно, как этого хотелось бы. Но это уже вина полицейских, а не закона.

Однако, не удовлетворяясь тем поразительным утверждением, что агрессоры отменили закон против агрессии путем совершения самой агрессии ввиду нежелания миролюбивых государств браться за оружие для борьбы с направленным против них шантажом и попытками запугать, подсудимые подняли вопрос о самозащите. Они, правда, не решались утверждать, что эти войны являлись оборонительными. Так далеко не зашел даже Геббельс в своих самых диких измышлениях. Как представляется, их аргументы сводятся не к тому, что их войны были оборонительными, а к тому, что Парижский пакт сохранил не только право государств на самозащиту, но также и суверенное право каждого государства определять, можно ли при данных обстоятельствах оправдать самозащиту как повод к войне. Следовательно, этот пакт, по их мнению, вообще не содержит в себе никаких обязательств правового характера. Мы категорически утверждаем, что это совершенно ложный тезис. Действительно, в декларациях, изданных до и во время подписания и ратификации Парижского пакта, самозащита не только была признана неотъемлемым и неоспоримым правом стран, подписавших этот договор, но все эти страны сохранили за собой исключительное право решать, оправдывают ли обстоятельства применение этого права.

Таким образом, встает вопрос о том, уничтожило ли это право на самозащиту целевую установку и правовое значение этого договора. Если Германия имела право начать войну в целях самозащиты и если она совершенно свободно могла решать, при каких обстоятельствах она может применять это право, можно ли вообще считать, что она нарушила торжественные обязательства этого договора? На этот вопрос защита пыталась ответить отрицательно. Но подобный ответ равняется утверждению о том, что торжественный договор, подписанный более чем шестьюдесятью нациями, представляет собой лишенный всякого значения клочок бумаги. Результатом такого утверждения явилось бы то, что всякое запрещение или ограничение права на ведение войны ничего собой не представляет, если особо оговаривается право на самозащиту. Я настоятельно прошу Трибунал отвести этой пародии на правовую аргументацию то место, которое ей пристало.

Ни Парижский пакт, ни любой другой договор не намеревался и не мог отменять право на самозащиту. Этот договор также не лишал страны, подписавшиеся под ним, права определять, в первую очередь, грозит ли опасностью отсрочка и вызываются ли непосредственной необходимостью немедленные операции по самозащите.

Именно это означает прямо выраженная оговорка, гласящая, что каждое государство само решает, необходимо ли выступление в порядке самозащиты. Но из нее не вытекает, что действующее таким образом государство является единственным судьей правильности и законности своих поступков. Оно действует на свой риск. Так же как отдельное лицо отвечает за использование своих прав на самозащиту по общему праву, так и государство несет ответственность, если оно злоупотребляет своей свободой действия, если оно превращает самозащиту в

орудие завоеваний и беззакония, если оно превращает естественное право самозащиты в орудие хищнического увеличения территории и удовлетворения своих посягательств. Окончательное решение в отношении законности действия, которое объясняют необходимостью самозащиты, не принадлежит заинтересованному государству. По этой причине право на самозащиту независимо от того, оговорено оно особо или подразумевается, не уменьшает правомочности договора создавать правовые обязательства воздерживаться от войны.

Согласно Уставу Лиги Наций Япония первая имела право решать, оправдывалось ли применение силы в целях самозащиты событиями в Маньчжурии. Однако беспристрастной организации было поручено установить, и она действительно установила, что фактически не существовало оснований для выступления в порядке самозащиты.

В качестве еще более современного примера упомянем статью 51 Устава Объединенных Наций, которая гласит, что ничто в Уставе не умаляет неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самозащиту в случае вооруженного нападения. Однако Устав оставляет за Советом Безопасности категорическое право окончательного действия и решения. Следует надеяться на то, что приговор, который вынесет этот Трибунал, пресечет с соответствующей решительностью всякое желание в будущем ссылаться на то, что, если договор оговаривает за подписавшими его сторонами право действовать в порядке самозащиты, он тем самым теряет силу налагать на подписавшие его стороны какие-либо действенные правовые обязательства не вести войну.

Теперь я перейду к аргументу о том, что положение об уголовной ответственности несовместимо с понятием о национальном суверенитете. Профессор Ярайсс, адвокат, выступавший от имени защиты по общеправовым вопросам, согласен с тем, что государство может совершить нарушение международного права, но он утверждает, что наложение на государство уголовной ответственности и наказание его явятся отрицанием суверенитета государства.

Странно видеть, что подсудимые, которые, действуя в качестве членов германского правительства, захватили большинство европейских государств и грубо попирали их суверенные права, которые с кичливым и чванливым цинизмом подчиняли суверенитет завоеванных государств новому понятию «гроссраумордн̆унг»[1], сами взывают к мистической силе святости суверенитета государства. Не менее удивительно, быть может, что они обращаются к ортодоксальному международному праву для того, чтобы защитить побежденное Германское государство и его правителей от справедливой кары победоносных держав. Но в международном праве не существует положения, к которому они смогли бы для этого прибегнуть. В некотором смысле настоящий процесс не ставит своей целью наказание

---

[1] То есть установление порядка на огромных территориях. — **Прим. сост.**

Германского государства. Он занимается наказанием отдельных лиц. Однако выглядело бы довольно странно, если бы отдельные лица несли уголовную ответственность за действия государства, которые сами не являлись бы по существу преступлениями. Совершенно беспочвенной является точка зрения, что положения международного права исключают уголовную ответственность государств и что, так как, будучи суверенными, государства не могут быть подвергнуты принуждениям, все их действия являются законными. Пусть пуристы от права утверждают, что все, что не предписано сверху суверенным органом, обладающим властью принуждать к повиновению, не является законом. Такое понятие, которого придерживаются юристы-аналитики, никогда не применялось к международному праву. Если бы оно применялось, не могло бы существовать несомненных обязательств государств в отношении договоров и нарушений гражданского права.

Возможно, правильно, что до войны в международных отношениях не существовало верховного органа, который одновременно предписывал бы нормы международного права и претворял их в жизнь. Но, по крайней мере, в международных отношениях существование закона никогда не зависело от наличия соотносящейся с ним санкции, существующей помимо самого закона. Международное право всегда основывалось на принципе общего согласия, и, поскольку существует комплекс правил, которые по общему согласию или договору являются обязательными для членов всемирного сообщества, данные правила становятся законом для этого сообщества, несмотря на то, что согласие не было достигнуто путем принуждения и, быть может, не применялись прямо или извне акции для того, чтобы обеспечить повиновение. Дело в том, что абсолютный суверенитет в старом смысле этого слова, к счастью, перестал существовать. Это понятие, совершенно не соответствующее обязательствам, налагаемым любым международным договором.

В процессе работы Постоянной палаты международного правосудия ссылка на суверенные права государств стала избитым аргументом для доказательства того, что, так как государства суверенны, принятым ими договорным обязательствам следует давать, по крайней мере, ограниченное толкование. Постоянная палата последовательно боролась с этой точкой зрения. В самом первом своем решении, решении против Германии по Уимблдонскому делу, она отклонила аргумент о суверенности как основание для ограниченного толкования договорных обязательств. Постоянная палата отказалась рассматривать договор, согласно которому государство обязуется следовать определенной линии поведения, как отказ от своего суверенитета. Постоянная палата напомнила Германии о том, что само право принять на себя международные обязательства является атрибутом суверенитета государства. Обратившись к области философии, скажем, что право заключать договоры и право на свободу действия находятся, как мне кажется, в вечном противоречии.

Но точно так же, как отдельное лицо обеспечивает себе свободу тем, что придерживается законов, суверенные госу-

дарства подобным же образом сохраняют свой индивидуальный статус. Уже давно отказались от точки зрения, что, поскольку государство суверенно, оно не может быть подвергнуто принуждению.

Устав Лиги Наций в статье 16 предусматривал санкции в отношении суверенных государств, санкции, являющиеся не чем иным, как принуждением, очевидно, принуждением, носящим характер наказания. Устав Объединенных Наций последовал этому примеру в еще более решительной форме.

Правда, что из-за отсутствия инстанции, компетентной осуществлять принудительную юрисдикцию, уголовное преследование государств является беспрецедентным в истории права. Однако это в такой же степени относится к гражданской ответственности, которая, несомненно, существует, потому что ни один Международный трибунал не сможет принудительно осуществлять свою юрисдикцию, если он не будет исходить в своем решении из договоров. Первый человек, которого судили за убийство, мог жаловаться на то, что ни один суд не разбирал такого дела ранее.

Процессуальные нормы, специфические меры наказания, соответствующие суды могут быть всегда определены последующей декларацией. Единственное нововведение настоящего Устава заключается в том, что он создал, с большим опозданием, механизм для проведения в жизнь уже существующего закона. Совершенно беспочвенными являются жалобы на то, что Устав декретирует применение обратной силы закона как в пункте, объявляющем агрессивные войны преступными, так и в декларации о том, что государство не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Затем выдвигается следующий довод: даже если государство должно нести ответственность, то именно государство, а не отдельное лицо может быть привлечено к ответственности с точки зрения международного права. Этот довод повторяется в самых разнообразных формах. Говорят, например, что только государства, а не отдельные лица являются субъектами международного права. Однако такого положения в международном праве не существует.

Достаточно лишь упомянуть судебное преследование за пиратские действия, нарушение блокады или за шпионаж, чтобы натолкнуться на многочисленные примеры привлечения отдельных лиц к ответственности согласно нормам международного права.

Всегда признавалось, что совершение военных преступлений делает отдельных лиц субъектами международного права.

В Англии и в США наши суды неизменно действовали, придерживаясь принципа, что общепринятые положения международного права являются обязательными для подданных и граждан страны. В основном такое же положение существует в большинстве других стран. В самой Германии статьей 4 Веймарской конституции было установлено, что общепринятые положения международного права должны рассматриваться как составная часть германского федерального права. И, действительно, что это может означать, кроме того, что положения

международного права являются обязательными для отдельных лиц? Разве мы должны отклониться от этого принципа только потому, что в данном случае имеем дело с тягчайшими из преступлений — с преступлениями против мира между народами и преступлениями против человечности?

Закон — это нечто живое, развивающееся. Ни в какой другой области не является столь необходимым утверждать, что права и обязанности государств являются правами и обязанностями людей и что если права и обязанности не являются обязательными для индивидов — они не являются обязательными ни для кого. Нелепо полагать, что те, кто помогает, поощряет и содействует совершению преступления, те, кто выступает в качестве советника при совершении преступлений, сами ответственности не подлежат. В этом отношении преступления против международного права не отличаются от преступлений против национального права. Затем этот довод преподносится в другой форме: если данное действие совершено государством, то лица, которые являются орудием государства в его совершении, не несут личной ответственности и, как утверждают, имеют право прятаться за суверенитет государства.

Конечно, не приводится утверждение, что этот довод в какой-либо степени применим к военным преступлениям, а поскольку мы утверждаем, что каждый из данных лиц виновен в совершении бесчисленных военных преступлений, этот довод можно было бы просто отклонить как академический. Но, быть может, поступить так означало бы умалить ценность, которую этот судебный процесс представляет для дальнейшего развития международного права.

Правда, имеется ряд решений, в которых различные суды утверждали, что одно государство не властно над другим суверенным государством или над его главой или представителем. Эти решения основывались на принципах взаимного признания прав и обычаев между нациями и на мирных и нормальных международных отношениях, они в действительности не зависят ни от какой «святости» суверенитета иностранного государства, за исключением тех случаев, когда само признание суверенитета способствует нормализации международных отношений. Они не оставляют места для утверждения, что лица, входящие в состав государственных органов, то есть те, кто стоит за действиями государства, имеют право укрываться за метафизическим единством, которое они создают и контролируют, — в тех случаях, когда по их указаниям это государство начинает разрушать то самое взаимное признание прав и обычаев, на котором покоится международное право.

Предположим, что какое-нибудь государство пошлет на территорию другого государства группу лиц с указаниями убивать и грабить. Будут ли эти лица пользоваться правом неприкосновенности потому, что, выполняя свое преступное задание, они действовали в качестве органа другого государства? Предположим, что отдельные лица, пославшие эту группу с грабительскими целями, попадутся в руки государства, которое подверглось нападению, — могут ли они ссылаться на право неприкосновенности? Я утверждаю, что, несомненно, не

могут. Однако приведенный пример в точности соответствует данному случаю. В действительности эта попытка оставить преступление без наказания потому, что причина, побудившая к его совершению, носит скорее политический, нежели личный характер, не подкрепляется никаким правовым принципом, а основывается лишь на произвольных политических доктринах, относящихся скорее к области политики силы, чем к области права.

Наконец, указывается, что эти «несчастные» люди являлись лишенным власти орудием в руках Гитлера, которым приказывали то, что, по их словам, они делали против своей воли. Тот факт, что приказ был получен сверху, в качестве защитительного аргумента исключается Уставом, однако статья 8 предусматривает, что в известных случаях он может рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство, если Трибунал сочтет, что этого потребует справедливость.

Но Устав лишь фиксирует существующие положения права. В международном праве нет такого положения, которое предусматривало бы неприкосновенность лиц, выполняющих приказы, которые независимо от того, законны они или нет в стране, где они созданы, — являются явно противоречащими самому естественному праву, из которого выросло международное право. Если международное право вообще следует применять, оно должно стоять выше национального права в том отношении, что оно должно определять законность или незаконность какого-либо действия, применяя критерии международного, а не национального права. Согласно любому критерию — критерию международного права, общественной совести, согласно элементарному понятию человечности, эти приказы, если действительно эти люди действовали во исполнение приказов, были незаконными. Следует ли из этого, что этих людей надо оправдать?

Диктатура, за которой эти люди пытаются укрыться, была создана ими самими. Желая добиться для себя власти и положения, они создали систему, при которой они получали такие приказы. Продолжение существования этой системы зависело от продолжения оказываемой ими поддержки. Даже если бы было правдой то, что сказал Иодль, а именно, что этих людей могли сместить, быть может, даже заключить в тюрьму, если бы они не повиновались полученным ими приказам, — разве такой исход, во всяком случае, не был бы лучшим, чем то, что они дали втянуть себя во все это? Но это не соответствует действительности. Эти люди были членами тайных советов, они сами планировали, сами осуществляли запланированное и были единственными, кто мог бы советовать Гитлеру, удержать, остановить Гитлера, вместо того, чтобы поощрять его в дьявольских мероприятиях. Принцип коллективной ответственности членов правительства не является искусственной теорией конституционного закона. Он является основой защиты прав человека и сообщества народов; международное право правомочно защищать свое собственное существование, применяя этот закон.

Разрешите мне перейти к разделам III и IV Обвинительного заключения. В этих разделах идет речь о военных преступлениях и о тех преступлениях, которые мы назвали, — и они действительно ими являются — преступлениями против человечности.

Я хотел бы прежде всего высказать некоторые соображения правового характера. Что касается военных преступлений, нет необходимости давать пространные пояснения по поводу закона, касающегося военных преступлений, так как закон достаточно ясен и не вызывает никаких сомнений. Эти преступления по своим масштабам ужаснее всего, что было известно до сих пор, но тем не менее их легко квалифицировать согласно уже существующим нормам международного права.

Совершенно очевидно также, что они подсудны как национальному, так и международному трибуналам. В данном случае полностью отсутствует применение обратной силы закона или принятие законов постфактум. В положении Устава о том, что те, кто несли основную ответственность за совершение этих ужасных деяний, должны нести индивидуальную ответственность, нет ничего нового. Правильно, что юристы и государственные деятели, которые в прошлом в Гааге и в других местах составляли кодекс законов и устанавливали обычаи, с помощью которых мир пытался смягчить жестокости войны и охранить от ее крайностей не участвовавшее в военных действиях мирное население, даже не могли себе представить подобных массовых убийств.

Но убийство никогда не перестанет быть убийством только потому, что жертвами его являются не один человек, а десятки миллионов. Преступления не перестают быть преступлениями потому, что они совершаются по политическим мотивам. Эти преступления многочисленны и многообразны. Нет смыслв приводить здесь их подробный перечень. Они весьма различны по количеству жертв: умерщвление пятидесяти военнопленных, бежавших из шталага «Люфт-3»; уничтожение сотен коммандос н летчиков; тысячи умерщвленных заложников из числа гражданского населения; десятки тысяч моряков и пассажиров, погибших во время проведения кампании пиратских атак; сотни тысяч военнопленных, в особенности русских, гражданских лиц, умерших из-за лишений и жестокостей, которым их подвергали, если их сразу вообще не убивали, многие миллионы убитых сразу и жертв более медленного метода преднамеренного умерщвления голодом, 6 миллионов из которых были уничтожены лишь потому, что они принадлежали к еврейской нации или исповедовали еврейскую религию.

Одно лишь число жертв не может служить настоящим критерием преступности действия. Величие смерти, сочувствие к невиновному, ужас и отвращение перед лицом подлости, совершенной по отношению к человеку, созданному по образу и подобию божьему, — все зто не может явиться объектом математического подсчета. Тем не менее в известной степени цифры имеют отношение к делу, потому что мы не рассматриваем здесь случайные проявления жестокости, которые, возможно, имеют место в ходе всякой войны.

Возможно, что война раскрывает лучшие черты в человеке, но в ней, несомненно, проявляются худшие его черты. Это не игра в крикет. В любой войне и, несомненно, в ходе и этой войны, причем безусловно с обеих сторон, было совершено множество жестокостей и зверств. Эти жестокости должны были казаться ужасными тем, по отношению к кому они были совершены. Я не хочу ни извинять, ни преуменьшать их. Однако они были явлением случайным, неорганизованным и представляли собой отдельные действия отдельных людей. Мы рассматриваем здесь нечто совсем иное. Мы рассматриваем здесь систематические массовые организованные действия, совершенные в результате преднамеренных расчетов, произведенных в высших кругах.

Таким образом, главным военным преступлением как по размаху, так и по масштабу, в котором мы обвиняем этих людей, является нарушение наиболее твердо установленных и наименее противоречивых правил ведения войны, а именно правил о том, что мирное население не должно являться непосредственным объектом военных действий. Какое издевательство пытались немцы совершить над четвертой Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения войны, над Конвенцией, которая лишь формулировала то, что являлось уже прежде основным законом:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как религиозные убеждения и отправления религиозных культов, должны быть уважаемы»!

Убийства миллионов мирных жителей, совершаемые по приказу германского правительства, члены которого сидят здесь на скамье подсудимых, производимые на территориях, оккупированных военными частями, командиры которых сидят здесь на скамье подсудимых, независимо от того, были ли они совершены в ходе осуществления политики расового уничтожения, в результате или в связи с угоном на рабский труд, вследствие желания покончить с идейными и политическими руководителями стран, которые были оккупированы, или являлись частью общей политики террора, проводившегося путем массовых репрессий против мирных жителей и заложников, — эти убийства миллионов мирных жителей являются военными преступлениями. В такой же мере эти преступления можно считать преступлениями против человечности.

Воображение и ум, потрясенные ужасом этих действий, не в силах вложить эти величайшие в истории преступления в сухую формулу «военное преступление», употребляемую в учебниках. Тем не менее важно помнить, что именно таковы эти преступления. В основном, независимо от того, где они совершались и к какой расе или национальности принадлежали жертвы, — это были преступления против гражданского населения, совершенные вопреки законам войны вообще и законам военной оккупации в частности. Истина состоит в том, что массовые, преднамеренные, систематические убийства стали неотъемлемой частью хорошо укрепившейся и, по видимости, надежно защищенной системы военной оккупации. Никто не пытался оспаривать, что зто является военным преступлением.

Однако были сделаны попытки оспаривать незаконность трех других видов действий, которые также инкриминируются этим людям: угона на рабский труд в Германию, преступлений на море в связи с подводной войной и расстрела бойцов коммандос. Разрешите мне кратко остановиться на этих вопросах.

Угон гражданского населения на рабский труд, безусловно, является преступлением как с точки зрения международных обычаев, так и с точки зрения общепринятых норм международного права, сформулированных в Гаагской конвенции. Статья 46 четвертой Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующая держава должна уважать «честь и права семейные» и «жизнь людей». Статья 52 той же Конвенции устанавливает, что «нельзя требовать от муниципалитетов и населения никаких услуг, кроме тех, которые необходимы для нужд оккупационной армии», и что «они должны находиться в соответствии с ресурсами страны и должны носить такой характер, чтобы не накладывать на население обязанности принимать участие в военных действиях против их родной страны».

Эти простые и четкие формулировки мы должны противопоставить потрясающим масштабам мероприятий, которые направлял подсудимый Заукель и в которых принимали участие другие подсудимые. Мы должны их противопоставить той безжалостности, с которой мирных жителей отрывали от их семей, привычной обстановки и работы, условиям, в которых их перевозили, обращению, которому их подвергали по прибытии, условиям, в которых они работали и умирали тысячами и десятками тысяч, характеру работы, которую их принуждали выполнять в качестве непосредственных участников процесса производства вооружения, боеприпасов и других орудий войны против их собственной страны и против народа, к которому они принадлежали. Как может все это быть согласовано с законом?

Кажется, высказывалось предположение, что запрещения, связанные с депортацией, сформулированные в международных законах, в известной степени устарели перед лицом современного развития тотальных войн, которые предусматривают широчайшее использование и эксплуатацию материальных ресурсов оккупированной территории и ее рабочей силы. Признаюсь, что я лично не понимаю, каким образом размах деятельности, которую собирается вести воюющая сторона, размер усилий, которые она должна совершить для того, чтобы избежать поражения, может расширить ее права по отношению к мирному населению или позволить ей отмести законы ведения войны. Мы не можем постфактум отменять установления международного права для оправдания его нарушителей.

Не существует также и тени правового обоснования, которое могло бы в какой-либо степени изменить положение вещей, явившись оправданием их преступлений, совершенных на море, преступлений, которые стоили жизни 30 тысячам одних лишь британских моряков. Мы не должны строить обвинение лишь на нарушении общепринятых правил ведения войны в том виде, как они сформулированы в Лондонских протоколах от 1930 и 1936 гг., подписанных Германией и запрещающих по-

топление без предупреждения или даже с предупреждением, если не были приняты необходимые меры для спасения пассажиров и команды.

Мы не должны увлекаться здесь интересным спором о том, изменяет ли практика вооружения торговых судов положение вещей. Не следует также терять время на рассмотрение вызывающего удивление заявления о том, что потопление нейтральных судов получило законную силу в результате издания письменного приказа, запрещающего этим судам не вход в определенную военную зону, над которой Германия осуществляла непосредственный контроль, но появление их на всей колоссальной территории всех семи морей.

По крайней мере это был один из тех случаев, по поводу которых никто не подвергает сомнению закон и не оспаривает его.

Если Вы считаете доказанным, что были отданы приказы о том, что оставшихся в живых не следует спасать, что следует предпринимать шаги для того, чтобы не дать спастись пассажирам и команде с тонущих судов, что был приказ применять оружие, исключавшее всякую возможность спасения, если Вы считаете все это доказанным, у Вас не будет никакого сомнения в том, что все, что совершалось, противоречило закону. Не может явиться оправданием то обстоятельство, что спасение мирных людей влекло за собой большой риск для нападающих. Убийца не может быть прощен вследствие того, что он заявляет, что ему было необходимо убить жертву, на которую он напал, для того, чтобы впоследствии она не могла опознать его.

То же относится к приказам об уничтожении бойцов коммандос. Новые методы ведения войны, новые формы нападения сами по себе не отменяют уже установленных норм права.

Святость жизни одетого в форму солдата, который сдается в плен, выполнив свой долг и не совершив никаких военных преступлений до того, как он был захвачен в плен, является и — я прошу Вас провозгласить это — должно остаться незыблемым принципом международного права. Те, кто независимо от мотивов, которые ими руководят, попирают этот принцип вопреки закону, человечности и нормам рыцарского поведения, должны заплатить за это хотя бы тогда, когда, наконец, торжествует закон.

Я не буду более останавливаться на этом вопросе или детализировать другие типы военных преступлений, которые содержатся в Обвинительном заключении, потому что все эти действия, различные по способу и методу их совершения, несомненно, являлись преступлениями против установленного закона. Трибунал должен будет лишь подтвердить закон и решить вопрос о том, в какой мере эти подсудимые замешаны в его нарушении. Перед тем, как я перейду к фактам, позвольте мне остановиться на разделе четвертом Обвинительного заключения — на преступлениях против человечности. Как мне представляется, удобно рассматривать эти деяния вместе, так как, поскольку они были совершены во время войны, они в какой-то степени частично совпадают, во всяком случае они взаимосвязаны.

По своему размаху военные преступления являлись преступлениями против человечности. Преступления против человечности нередко были военными преступлениями еще большего масштаба. Однако преступления против человечности, рассмотрение которых входит в юрисдикцию данного Трибунала, ограничиваются следующим: они должны являться преступлениями, совершение которых известным образом было связано с планированием или осуществлением преступлений против мира или военных преступлений stricto sensu — в точном смысле этого слова, которые вменяются в вину подсудимым. Такова квалификация, которую дает статья 6 (с) Устава.

Однако соображения, применимые в данном случае, отличаются от тех, которые касаются других типов нарушений — преступлений против мира или обычных военных преступлений. Вы должны считать доказанным не только то, что совершенные действия являлись преступлениями против человечности, но также и то, что совершение их не являлось чисто внутренним делом, а что прямо или косвенно оно было связано с преступлениями против других стран или их граждан; такое преступление, например, могло быть предпринято для того, чтобы помочь нацистской партии в проведении ее политики достижения господства с помощью агрессии или в устранении политических противников, престарелых, евреев, существование которых могло помешать проведению политики тотальной войны.

Остановимся кратко на этом вопросе. Расовая политика, направленная против евреев, являлась лишь одним из аспектов доктрины расы господ. В «Майн кампф» Гитлер заявил, что одним из решающих факторов в поражении Германии в 1918 году было то, что немцы не сумели осознать значение расовой проблемы и еврейской угрозы. Борьба против евреев являлась одновременно секретным оружием — надежным оружием «пятой колонны», направленным на раскол и ослабление демократических держав, и методом объединения германского народа для ведения войны. В речи 4 октября 1943 г. Гиммлер ясно указал, что все мероприятия, направленные против немецких евреев, были тесно связаны с военной политикой. Он заявил:

«Потому что мы знаем, как трудно было бы нам сейчас, если бы сегодня евреи по-прежнему населяли каждый город, тайно саботируя, проводя агитацию и сея беспокойство».

Таким образом, действия против евреев в той мере, в какой они являются преступлениями против человечности, но не военными преступлениями, вменяются в вину подсудимым, так как они тесно связаны с преступлениями против мира.

Такая квалификация является, несомненно, очень важной для преступлений против человечности, о которых идет речь в Обвинительном заключении, и это обстоятельство не всегда учитывается теми, кто поставил под вопрос возможность применения данной нормы. Оставляя место для изменений в этой квалификации, мы, однако, полагали правильным рассматривать действия, которые уголовное право всех стран, естественно, определило бы как преступные: убийство, уничтожение, порабощение, преследование по политическим, расовым или

экономическим соображениям. Все эти действия, совершенные по отношению к населению воюющей страны или совершенные по отношению к гражданам Германии на территории, оккупированной противником, считались бы обычными военными преступлениями, судебное преследование которых не представит ничего нового.

Будучи совершены в отношении других, они явились бы преступлениями против национального права, если бы германское право, отступающее от всех установлений цивилизованного судопроизводства, не разрешало бы совершение их государству или лицам, действующим от имени государства. Это обстоятельство ни в коей мере не поставит данных подсудимых в более тяжелое положение, чем это было бы при других условиях. Народы, подписавшие Устав данного Трибунала, сочли необходимым и правильным в интересах цивилизации заявить, что такие действия, даже если они были совершены в соответствии с законами Германского государства, созданного и управляемого этими людьми и их вожаками, являлись в том случае, если они совершались с намерением задеть интересы международного сообщества, то есть в связи с другими вменяемыми в вину преступлениями, не только действиями внутреннего характера, но преступлениями против международного права.

Я не преуменьшаю значения, которое будет иметь для будущего политическая и правовая доктрина, связанная с этим. В обычных случаях международное право предоставляет государству решать вопрос о том, как оно будет обращаться со своими собственными подданными; этот вопрос является предметом внутренней юрисдикции, и хотя Социальный и Экономический Совет ООН стремится сформулировать хартию прав человека, Устав Лиги Наций и Устав ООН признают это общее положение.

Однако международное право в прошлом стремилось установить некоторый предел всемогуществу государства и создать положение, при котором человек, являющийся основным субъектом всякого закона, не лишается права на защиту со стороны человечества в случае, если государство попирает его права так, что это возмущает совесть человечества. Гроций, создатель основ международного права, в известном смысле имел в виду этот принцип еще в то время, когда различие между справедливой и несправедливой войной было установлено более ясно, чем в XIX столетии; он называл справедливой войну, предпринятую для защиты подданных иностранного государства от несправедливостей, совершаемых его правителями. Он утверждал в отношении жестокостей, совершаемых тиранами против своих подданных, что вмешательство в таком случае является оправданным, поскольку «права на социальные связи в таком случае не уничтожаются». Та же мысль была высказана Джоном Уэстлейком, самым выдающимся из британских теоретиков международного права. Он писал:

«Бесполезно в таких случаях настаивать на том, что долг соседних народов состоит в спокойном наблюдении за происходящим. Законы созданы для людей, а не для существ, явля-

ющихся плодом воображения, а поэтому эти законы не должны создавать для людей или терпеть такие ситуации, которые являются нетерпимыми».

Исходя из этой же точки зрения, действовали европейские державы, когда в прошлом они выступали на защиту христиан, подвергаемых в Турции жесточайшим преследованиям. Право гуманного вмешательства путем войны не является новеллой в международном праве. В таком случае может ли юридическое вмешательство быть незаконным? Устав Трибунала предусматривает благотворный принцип, гораздо более ограниченный, чем некоторые того бы желали, и содержит предупреждение на будущее. Я говорю и повторяю вновь, Устав содержит предупреждение диктаторам и тиранам, маскирующимся под правовое государство, предупреждение о том, что, если для того, чтобы содействовать своим преступлениям против сообщества народов, они будут пренебрегать святостью прав человека в своей собственной стране, они поставят самих себя под угрозу, поскольку тем самым оскорбят международное право народов.

Что касается критики относительно применения обратной силы закона, о которой говорится, что она объявляет преступным то, о чем совершавший действие не знал, что оно является таковым во время совершения им преступных действий, то как такая критика может быть применена здесь?

Вы не оставите без внимания, даже если подсудимые постоянно пренебрегали ими, бесчисленные предупреждения, делавшиеся иностранными государствами и иностранными государственными деятелями по поводу линии, которой придерживалась Германия до войны. Несомненно, эти люди рассчитывали на победу, вся их политика основывалась на убеждении в успехе, они не думали о том, что сами они будут призваны к ответу. Но можно ли позволить хоть одному из них говорить здесь, что, если он вообще знал об этих вещах, он не знал, что они были преступлениями, вопиющими к небу об отмщении?

Разрешите мне сначала обратиться к тому, что они делали с военнопленными, так как только это одно, самое явное из всех преступлений, требует их осуждения и навсегда кладет пятно на честь германского оружия.

8 сентября 1941 г. за подписью генерала Рейнеке, начальника управления по делам военнопленных при верховном командовании, были изданы правила по обращению с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных. Они являлись результатом соглашения с СС и гласили следующее (ПС-1519):

«Большевистский солдат потерял право претендовать на обращение с ним как с честным противником в соответствии с Женевской конвенцией. Следует отдать приказ действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских смутьянах. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)...

При выполнении этого приказа каждый, кто не употребит своего оружия или употребит его с недостаточной энергией, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не производить предупредительного выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным. Лагерная полиция должна быть сформирована из соответствующего контингента советских военнопленных, находящихся в лагере.

Внутри пространства, огороженного колючей проволокой, лагерная полиция может быть вооружена палками, кнутами или другим оружием такого рода для того, чтобы иметь возможность эффективно выполнять свой долг».

Далее в этих правилах содержится указание об изоляции гражданских лиц и политически нежелательных военнопленных, взятых в плен в течение Восточной кампании.

После того, как указывается, что важной задачей вооруженных сил является избавляться от всех тех элементов среди военнопленных, которых можно рассматривать как носителей и возбудителей большевизма, подчеркивается, что для этого необходимы особые меры, свободные от бюрократических административных влияний; соответственно как метод для достижения «намеченной цели» предлагается передавать таких лиц полиции безопасности и СД.

То, что Кейтель, который непосредственно отвечает за этот приказ, прекрасно знал, что именно под ним подразумевалось, ясно из меморандума адмирала Канариса от 15 сентября 1941 г., являющегося протестом, в котором точно излагается правовая сторона этого вопроса (ЕС-338):

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными.

С XVIII столетия эти принципы постепенно устанавливались на той основе, что пребывание в плену в военное время не является ни местью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением, единственной целью которого является исключение возможности дальнейшего участия солдат в войне. Этот принцип развивался в соответствии с разделявшейся всеми армиями точкой зрения о том, что убийство беспомощных людей или нанесение им увечий противоречит военной традиции...

Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются скорее на принципиально иной точке зрения».

Далее Канарис указывал на скандальный характер приказов о применении оружия охраной и о вооружении лагерной полиции дубинками и кнутами.

На этом меморандуме Кейтель написал (я уже напоминал об этом утром): «Возражения возникли из военной идеи о рыцарском ведении войны. Это подрыв идеологических основ. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры. К.».

После изучения этого документа вряд ли может остаться сомнение в том, что Кейтель знал, что передача пленных полиции безопасности и СД должна была означать их ликвидацию.

Канарис пишет о так называемой проверке нежелательных лиц: «Решение их судьбы определяется эйнзатцгруппами полиции безопасности и СД». На документе Кейтель, особо подчеркнув полицию безопасностн, комментнрует: «очень действенно». В то время как в связи с дальнейшей критикой Канариса о том, что «принцнпы, на которых они строят свои решения, неизвестны военным властям», Кейтель замечает: «отнюдь».

Параллельная инструкция для полиции безопасности и СД содержит соглашение с верховным командованием; после приказа о тесном сотрудничестве между сотрудниками полиции и комендантами лагерей и приводимого списка лиц, подлежащих передаче, эта инструкция гласит (ПС-502):

«Казни не должны проводиться в лагере. Если лагеря в генерал-губернаторстве расположены в непосредственной близости от границы, заключенных нужно перевести, если это возможно, на террнторию бывшей Советской России для специального обращения с ними».

Нет необходнмости напоминать Вам о количестве показаний, которые были даны в связи с численностью советских и польских заключенных, содержавшихся в концентрационных лагерях. Чтобы судить, каково было обращение с ними, достаточно вспомннть лишь отчет коменданта концентрационного лагеря Гросс-Розен, который докладывал 23 октября 1941 г. о расстреле 20 русских заключенных между 5 и 6 часами дня, и циркуляр Мюллера из той же книги документов, в котором говорится (ПС-1165):

«Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10 процентов советских людей, приговоренных к смертной казни, прибывают в лагеря мертвыми или полумертвыми. Поэтому создается впечатление, что постоянные лагеря (шталаги) этим путем избавляются от таких пленных. В особенности было замечено, что при переходе пешком, например, по дороге от станции железной дороги до лагеря, значительное число военнопленных падает мертвыми илн полумертвыми от истощения и их должна подбирать идущая сзади машина. Нельзя предотвратить того, чтобы немецкое население не замечало этих случаев».

Обратил ли кто из подсудимых внимание на эти события, которые не могли быть скрыты от немецкого народа? Я продолжаю:

«Хотя подобные перевозки до концлагерей, как правило, осуществляются германской армией, население все-таки запишет такое положение дел на счет СС. Для того, чтобы в будущем по возможностн избежать подобных явлений, я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня всех советских пленных, в отношении которых существует подозрение в заболевании и с очевидностью обреченных на смерть (например, от сыпного тифа) и поэтому неспособных противостоять напряжению, связанному даже с краткими пешимн переходами, в будущем исключать из списков перевозимых в концентрационные лагеря

для смертной казни. Прошу немедленно дать соответствующие указания командирам эйнзатцкоманд».

2 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД направил своим местным отделам следующий приказ ОКВ относнтельно обращения с пленнымн, захваченными при попытке к бегству (Л-158). За исключением англичан и американцев, которых следовало возвращать в лагеря, все остальные подлежали отправке в Маутхаузен, где с ними расправлялись согласно инструкции под кодовым названием «Кугель» («Пуля»), которая, как Трибунал помнит, предусматривала немедленный расстрел. В случае наведения спраоок родственниками, другими заключенными, странами-гарантами и Международным Красным Крестом следовало поступать таким образом, чтобы судьба этих людей, солдат, единственное преступление которых заключалось в том, что они выполняли свой долг, осталась навсегда неизвестной (ПС-1650).

Вскоре после издания приказа об операции «Пуля» 80 британскнх офицеров королевских военно-воздушных сил совершили попытку к бегству из шталага «Люфт-3» для военнопленных летчиков, находящихся в Сагане. Подсудимые, непосредственно связанные с этим вопросом, не отрицали, что расстрел 50 офицеров из их числа являлся умышленным убийством и был осуществлен согласно решению, принятому высшими инстанцнями. Несомненно, что Геринг, Кейтель и, возможно, Риббентроп принимали участие в принятии этого решения и что Иодль, Кальтенбруннер и Рнббентроп, если даже они и не принимали непосредственного участия, были прекрасно осведомлены об этом в то время. Факт участия Геринга в принятни этого решения с несомненностью вытекает из следующих трех обстоятельств:

1. Приказ был отдан Гитлером.

2. Вестгоф нз управления по делам военнопленных в ОКВ заявнл, что, как сообщил ему Кейтель, Геринг порицал его за то, что он не присутствовал на заседании, на котором принималось это решение.

3. В министерстве Геринга, которое было ответственно за обращение с военнопленными летчиками королевского воздушного флота, Вальде слышал 28 марта о приказе на заседании начальников штабов и сказал об этом генералу Грошу. Грош сообщил об этом Фостеру, который немедленно отправился к Мильху, начальнику штаба Геринга, и вновь возвратился к Грошу с тем, чтобы уведомить его о том, что Мильху уже передано это сообщение и что он сделал необходимые записи (Д-730, Д-731). Вы сами решите, является ли прямым лжесвидетельством отказ Геринга и Мильха признаться в том, что они принимали участие в принятии решения.

Кейтель признал, что Гитлер прнказал «передать их СД» и что «он боялся», что их могут расстрелять. Он заявил своим офицерам Гревенитцу и Вестгофу: «Мы должны подать пример. Они будут расстреляны, а, возможно, некоторые уже расстреляны». Когда Гревенитц запротестовал, он добавил: «Мне наплевать». На основании этих показаний его соб-

ственных офицеров, без сомнения, вопрос о его соучастии вполне ясен.

Иодль заявил, что в то время, когда Гиммлер докладывал о побеге, он разговаривал по телефону в соседней комнате. Вдруг он услышал громкий разговор и, подойдя к дверям с тем, чтобы узнать, в чем дело, понял, что речь шла о побеге аоеннопленных из Сагана. Неправдоподобно, чтобы при данных обстоятельствах, даже если он сам и не принимал участия в решении, он не узнал бы о нем от Кейтеля тут же после совещания. И зная об этом, он продолжал выполнять свою часть работы в заговоре.

Что касается виновности Кальтенбруннера, то на заседании, на котором Вальде было сообщено об этом решении, присутствовали также Мюллер и Небе — подчиненные Кальтенбруннера. И, наконец, решающим доказательством являются показания Шелленберга относительно беседы между Небе, Мюллером и Кальтенбруннером, состоявшейся примерно в то время по поводу запроса, присланного Международным Красным Крестом относительно 50 английских и американских военнопленных. Шелленберг слышал, как Кальтенбруннер давал указания своим подчиненным относительно того, какой ответ следует дать на этот щекотливый запрос, и никто не может сомнеааться в отношении полной осведомленности Кальтенбруннера в этом вопросе.

В настоящее время общепризнанно, что ответ, направленный Риббентропом странам-гарантам и Международному Красному Кресту, представлял собой сплошную ложь. Следует ли верить тому, что Риббентроп также не участвовал в принятии этого решения? То, что любой из этих подсудимых был бы готов принять подобное решение сам лично или согласиться с ним в случае если оно будет принято Гитлером, — вполне ясно, как мы полагаем из переписки о линчевании и расстрелах летчиков, которых немцы называли террористами. Эти документы свидетельствуют о том, что ни Кейтель, ни Иодль не испытывали никаких колебаний в данном вопросе; в то же время Геринг и Риббентроп были согласны с проектом приказа (Д-777, Д-783, Д-784).

Вспомните те совещания, которые предшествовали этой переписке, — прежде всего соаещание между Герингом, Риббентропом и Гиммлером, на котором было решено изменить «первоначальное предложение, сделанное имперским министром иностранных дел, который предлагал считать любые террористические акты в отношении германского гражданского населения действиями, оправдывающими такого рода меры» (ПС-735).

В заключение было сказано: «Суд Линча должен стать общим правилом».

На последующем совещании между Варлимонтом и Кальтенбруннером было решено, что те летчики, которым удалось избежать суда Линча, должны в соответствии с порядком, который будет установлен, передаваться СД, чтобы быть подвергнутыми «особому обращению» и, наконец, Кейтель сделал

следующую пометку на деле: «Я против судебной процедуры. Она не оправдывает себя».

Подобные же доказательства мы находим при рассмотрении точки зрения, принятой в феврале 1945 года, когда Гитлер захотел отказаться от соблюдения Женевской конвенции. Дениц тогда посоветовал: «Лучше было бы провести те меры, которые будут сочтены необходимыми без предупреждения, любой ценой сохранить свою репутацию перед внешним миром» (С-158). С этим решением согласились представители Иодля и Риббентропа. Их защитительный довод, заключающийся в том, что эта мера была лишь чисто тактической и что фактически они не намеревались совершать какие-либо конкретные действия, опровергается меморандумом Иодля по этому вопросу (Д-606):

«Насколько неправильным было то, что мы в 1914 году сами торжественно объявили войну всем тем странам, которые в течение долгого времени хотели вести войну против нас, и из-за этого в глазах всего внешнего мира полностью возложили на свои собственные плечи всю вину за войну, и насколько неправильно было признать, что необходимый проход войск через Бельгию в 1914 году был нашей собственной ошибкой, настолько же неправильно было бы сейчас открыто отказаться от принятых нами обязательств международного характера, и, таким образом, снова выглядеть виновной стороной в глазах внешнего мира». После этого примечательного заявления он добавил, что ничто не могло помешать ему потопить английское госпитальное судно в порядке репрессалий, а потом выразить свое сожаление и назвать это потопление ошибкой...

Я хочу очень кратко рассмотреть вопрос об использовании военнопленных. Согласно статье 31 Женевской конвенции военнопленных разрешалось использовать на некоторых работах, связанных с подготовкой сырья для военной промышленности. Но заявление, сделанное Мильхом на заседании центрального управления по планированию 16 февраля 1943 г. в присутствии Шпеера и Заукеля, не имело никакого законного оправдания. Он сказал:

«Мы обратились с просьбой издать приказ о том, что определенный процент людей, работающих в противовоздушной артиллерии, должны составлять русские. Всего для этой цели потребуется 50 000 человек... 30 000 уже используются в качестве орудийной прислуги. Весьма занятно, что русским приходится обслуживать орудия» (Р-124).

Такое использование военнопленных было явно незаконным. Ни у кого не могло возникнуть по этому поводу ни малейшего сомнения. В протоколах не записано в связи с этим никаких возражений. Там не отмечено, что Геринг или кто-нибудь из других лиц, которые должны были прочесть их и знать, что происходило, усмотрели что-либо необычайное в этом грубом нарушении существующих правил со стороны человека, занимавшего в то время пост руководителя германских военно-воздушных сил.

Те циничные выражения, в которых Гиммлер 4 октября 1943 г. в Познани говорил о русских военнопленных, захвачен-

ных в первые дни кампании, следует здесь процитировать с тем, чтобы они вошли в историю:

«В то время мы еще не ценили человеческие массы так, как мы ценим их сейчас, то есть как сырье, как рабочую силу. То, что военнопленные десятками и сотнями тысяч умирали от голода и истощения, сейчас вызывает сожаление, так как при этом терялась рабочая сила; однако, рассматривая это в масштабах поколений, в этом раскаиваться не стоит» (ПС-1919).

Я перехожу к вопросу об убийстве коммандос. Доказательства, представленные в связи с приказом о коммандос от 18 октября 1942 г. (ПС-498), показывают, что в этом деле были непосредственно замешаны Кейтель, Иодль, Дениц, Редер, Геринг и Кальтенбруннер. Согласно статье 30 Гаагских правил «шпион, захваченный на месте преступления, не должен подвергаться наказанию, не будучи предварительно предан суду».

Даже правила, содержащиеся в памятной книжке каждого немецкого солдата, предусматривают, что «сдающийся враг не должен быть убит даже в том случае, если он партизан или шпион. Захваченные таким образом лица должны быть наказаны по приговору суда».

Эти люди не были шпионами, это были солдаты в военной форме. Здесь не утверждалось, что хотя бы один человек, с которым расправлялись по этому приказу, до расстрела был подвергнут суду. С точки зрения закона нет оправдания тем подсудимым, которые передавали и применяли этот отвратительный приказ; даже Иодль признал, что при проведении этого приказа в жизнь совершались убийства, а Кейтель в осознании своего позора признал его беззаконность.

Редер констатировал, что этот приказ был неправомерен; даже Дениц заявил, что, после того как теперь ему стали известны действительные факты, он более не считает этот приказ правильным. Единственные защитительные аргументы, выдвинутые в этой связи, заключались в том, что каждый подсудимый лично не приводил этого приказа в исполнение, что он считал первый параграф приказа оправдывающим эти действия в качестве репрессалий, что он делал все возможное, чтобы ограничить действие этого приказа, и что он не смел подвергать сомнению спущенные сверху директивы. Но никто из них серьезно не опроверг того, что передача в руки СД в этом контексте буквально означала расстрел без суда.

Ответом на эти защитительные доводы в той мере, в какой они не являются попросту бесчестными, может служить следующее: предосторожности, предпринимаемые в целях безопасности, о которых упоминалось в самом приказе, с исключительной ясностью говорят о том, что факты, упомянутые в первом параграфе, не представляют собой оправдания, которое можно было бы вынести на дневной свет. Небольшие предосторожности были предприняты в связи с приказами «Пуля», «Мрак и туман» и другими подобными им зверскими приказами. То, что инцидент с заковыванием в кандалы, имевший место в Дьеппе, не имел ничего общего с этим приказом, явствует из меморандума, исходящего из штаба Иодля и датированного 14 октября 1942 г. (ПС-1266). В нем говорится, что

Гитлер ставил своей целью прекратить метод ведения войны при помощи коммандос, заключавшийся якобы в том, что высадившиеся небольшие отряды при помощи подрывных операций и другими методами наносили колоссальный урон и затем сдавались в плен.

Отмена этого приказа в 1945 году (Д-649) является дальнейшим доказательством того, что люди, несущие за него ответственность, признавали свою вину, которая, возможно, получила наилучшее свое выражение в записи в дневнике военных действий военно-морского штаба относительно расстрела коммандос, захваченных в военной форме в Бордо. «Новое в международном праве» (Д-658) — так озаглавлен этот отрывок. Тем не менее Редер и начальник его штаба с готовностью поставили свои инициалы под этим отрывком из дневника. Осведомленность Кальтенбруннера об этом приказе ясно вытекает из его письма от 23 января 1945 г. в штаб по планированию при командовании вооруженных сил (ПС-535), в котором он детально останавливался на этом приказе и обсуждал его применение к отдельным категориям лиц. Некоторые лица уже были приговорены к смерти за приведение в исполнение этого приказа. Их единственный защитительный довод состоял в том, что они выполняли приказ своих начальников. Я имею в виду членов СД, которые были казнены в Норвегии за убийство экипажа торпедного катера 345, и генерала Достлера, казненного в Италии. Бесчисленные выдержки из их собственных записей являются доказательствами против этих подсудимых. Неужели они избегнут кары? Вы припомните, как реагировал в 1944 году нацистский суд на попытку оправдаться выполнением приказов сверху (ПС-3881). Приказ о коммандос по своей жестокости и зверству не может сравниться даже с приказом «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 г.

В директиве Гитлера, завизированной Кейтелем, после указания — карать смертью всех лиц, своими действиями ставящих под угрозу безопасность или боеготовность оккупирующих держав, указывается, что лица, расправа над которыми не может быть произведена в наикратчайший срок, должны перевозиться в Германию, причем таким образом, чтобы не поступало никаких дальнейших известий об их судьбе. Сопроводительное письмо Кейтеля от 12 декабря приводит следующее основание этому:

«Эффективного и длительного устрашения можно добиться или смертной казнью, или путем мероприятий, при которых родственники лиц, совершивших преступление, и население не будут знать об их судьбе. Эта цель достигается увозом преступников в Германию» (Л-90).

Интересно противопоставить это заявление, написанное в то время, когда Кейтель считал, что Германия выигрывает войну, тому, что он показал перед Трибуналом. Как Вы помните, он сказал: «Эти патриоты сочли бы каторжные работы бесчестием. Когда их отправили в Германию, они не страдали от бесчестия».

В феврале 1944 года этот приказ все еще проводился в жизнь, причем комендантам примерно 18 концентрационных

лагерей напомнили о целях этого приказа и указали, как избавиться от трупов лиц, заключенных согласно приказу «Мрак и туман», не обнаруживая места их смерти (Д-569). Обращение с этими военнопленными описывалось здесь норвежским свидетелем Каппеленом. Члены Трибунала не забыли его рассказа о переброске 2500—2800 заключенных согласно приказу «Мрак и туман» из одного концентрационного лагеря в другой в 1945 году, когда в пути погибло 1447 человек. Мы, говорящие о человеческом достоинстве, не должны забыть этого.

«Мы были так слабы, — показал Каппелен, — что не могли идти достаточно быстро. Они схватили свои ружья и изо всех сил ударяли ими по головам людей, идущих в пятерке непосредственно перед нами. Это действие сопровождалось возгласами по-немецки: "Если вы не будете идти так, как полагается, вы увидите, что с вами будет..." Наконец после шести — восьми часов ходьбы мы подошли к железнодорожной станции. Было очень холодно, и на нас, конечно, была только полосатая арестантская одежда и худая обувь, но мы говорили: "О, как мы рады, что пришли на станцию. Лучше стоять в вагоне для скота, чем в середине зимы идти пешком. Было очень, очень холодно, я думаю, от 10 до 12 градусов ниже 0 по Цельсию. Очень холодно. Для нас был приготовлен длинный поезд из открытых товарных платформ. В Норвегии мы называем их товарными платформами для песка. Нас вталкивали на эти платформы примерно по 80 человек на каждую... На этой товарной платформе мы сидели около пяти дней без пищи, в холоде, без воды. Когда шел снег, мы делали вот так (показывает) для того, чтобы набрать в рот немного воды; через долгое-долгое время — мне показалось, что прошли годы — мы приехали в местечко, которое, как я впоследствии узнал, называлось Дора и находилось в окрестностях Бухенвальда. Итак, мы туда прибыли. Нас начали сталкивать с платформ, но многие из нас были уже мертвы. Человек, сидевший рядом со мной, также был мертв, но я не имел права отойти от него. В течение последнего дня я должен был сидеть рядом с мертвецом; я видел, что примерно треть или половина людей уже мертва и окостенела, хотя, естественно, не мог определить точного числа погибших. Нам сообщили, и я впоследствии услышал эту цифру в Доре, что число погибших на нашем поезде равнялось 1447. О том, что произошло в Доре, я уже плохо помню, так как все время находился в полумертвом состоянии. Я всегда был оптимистом и человеком веселого нрава. Обычно я держался сам и поддерживал друзей, но тут я почти перестал сопротивляться. Мне повезло, так как была предпринята акция Бернадотта, нас спасли и привезли в Нейенгамме близ Гамбурга; когда нас туда доставили, я встретил там нескольких своих друзей, студента из Норвегии, вывезенного в Германию, несколько заключенных, доставленных из Заксенхаузена и других лагерей, и немного, сравнительно немного, неизвестных норвежцев, заключенных согласно приказу "Мрак и туман", которым приходилось жить в исключительно тяжелых условиях. Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии, некоторые умерли по возвращении домой».

За приказом «Мрак и туман» последовал в июле 1944 года еще более решительный приказ. 30-го числа этого месяца Гитлер издал директиву относительно терроризма и диверсий, в которой указывалось, что со всеми актами насилия, совершаемыми негерманским населением на оккупированных территориях, следует бороться, как с актами терроризма и диверсий. Лица, не уничтоженные на месте, должны были передаваться в руки СД (Д-763), женщины — направляться на принудительные работы; щадили только детей. В течение месяца Кейтель расширил действие этого приказа, указав, что он распространяется также на лиц, ставящих под угрозу безопасность и готовность к войне любыми иными методами, чем акты терроризма и диверсий (Д-764). Далее излагались обычные требования о соблюдении секретности приказа, его распространение в письменном виде было ограничено до минимума. Гитлер далее указал, что директива о терроризме и диверсиях должна лечь в основу систематического энергичного инструктажа кадров вооруженных сил, СС и полиции. Этот приказ должен был распространяться и на преступления, посягавшие на интересы Германии, а не только на те, которые причиняли ущерб безопасности оккупирующей державы или ее готовности к войне. По соглашению отдельных командующих с высшими руководителями СС в этой связи могли издаваться новые распоряжения. Иными словами, любые нарушения, произведенные любым лицом на оккупированных территориях, подпадали под этот приказ.

9 сентября 1944 г. состоялось торжественное совещание представителей высшего военного командования и СС, на котором обсуждалось соотношение между приказом «Мрак и туман» и директивой о терроризме и диверсиях. Было признано, что приказ «Мрак и туман» стал излишним, и затем совещание перешло к рассмотрению вопроса о перевозке 24 тыс. не германских гражданских лиц, задержанных СС и СД в соответствии с этим приказом. Далее, на совещании обсуждался вопрос о нескольких гражданах нейтральных стран, которые были «превращены в туман» по ошибке[1]. Немецкий «вернебельт» подтверждает обоснованность заявления свидетеля Блаха о том, что специальные выражения, использовавшиеся в концентрационных лагерях, могут быть произнесены только по-немецки, фактически их невозможно перевести на какой-нибудь другой язык.

Может быть, излишне напоминать Трибуналу о том случае, когда Кристиансен — генерал германских военно-воздушных сил в Голландии просил дать ему право расстрелять бастовавших железнодорожников (Д-769) в связи с тем, что передача их в руки СД, как следовало бы сделать по декрету, слишком окольным путем вела бы к расправе с ними. Кейтель в ответ на

---

[1] Vernebelt — окутан туманом. Английское выражение «turned into fog», использованное Шоукроссом, буквально означает «превращен в туман». — **Прим. перев.**

просьбу — копии ответа были разосланы в адмиралтейство и министерство военно-воздушных сил, а также всем командующим на оккупированных территориях, — немедленно согласился с его предложением, заявив, что если передача заключенных СД вызывает трудности, то «следует безжалостно и самостоятельно прнменять другие эффективные меры». Иными словами, генерал Кристиансен мог расстрелять железнодорожников, если находил это нужным.

Не будем забывать, рассматривая ситуацию в Европе в тот период, что для человека, которому не приходилось жить на территории, оккупнрованной немцами, нелегко понять те страдания и то состояние ужаса и постоянной настороженности, которые пришлось испытать народам Европы в течение долгих лет подчинения. Франк 16 декабря 1941 г. пнсал:

«Мы принципиально сохраним жалость лишь по отношению к немецкому народу и более ни к кому на свете» (СССР-223). Излишне говорить о том, что эти люди не имели жалости даже к своему народу, настолько неотступно они следовали этому принципу. Сейчас я перехожу к действиям протнв партизан. Если оставалось еще какое-то сомненне в том, что во главе германских вооруженных сил стояли не честные солдаты, а бессердечные убнйцы, оно разрушится доказательствами о той поразительной безжалостности, с которой они пытались разгромить партнзан. Свидетель Олендорф показал здесь, что методы ведения войны против партизан были изложены в письменном соглашении, заключенном между германским военным министерством, высшим военным командованием н СС. В результате этого соглашення каждому штабу группы армий была придана эйнзатцгруппа, которая по согласованию с военными властями руководила работой эйнзатцкоманд, действовавших в районе этой группы армий. Если здесь нужно приводить подтверждения того, что армия поддерживала эти действия, знала о них и одобряла их, то следует лишь обратиться к отчету эйнзатцгруппы «А», касающемуся ее деятельности в течение первых трех месяцев после начала кампании против Советского Союза. Цитирую:

«Наша задача состояла в том, чтобы срочно установить личный контакт с командующими войсками и с командующим армией на территории тыла. Следует с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с вооруженными силами было в общем хорошее, в некоторых случаях... оно было очень тесным, почти сердечным...» (Л-180).

Далее в отчете повествуется о трудностях борьбы с партизанами в конкретном районе, после чего говорится: «После неуспеха чисто военных мероприятнй, как, например, размещение часовых и прочесывание целыми днвизиями вновь оккупированных территорнй, даже вооруженным силам пришлось изыскивать новые методы борьбы. Эйнзатцгруппа сочла своей первостепенной задачей изыскание таких новых методов. Поэтому вскоре вооруженные силы воспользовались опытом полнции безопасностн и принятыми ею методами борьбы с партизанами». Однн из этих методов описывается в том же отчете следующим образом:

«По окружении деревни всех жителей силой сгоняли на главную площадь. Подозрительных согласно секретным сведениям и прочих жителей допрашивали, и таким образом в большинстве случаев становилось возможным обнаружить лиц, оказывавших помощь партизанам. Этих последних или немедленно расстреливали, или, если дальнейший допрос мог оказаться полезным в смысле получения сведений, их доставляли в штаб. После допроса их расстреливали. Для того чтобы добиться устрашающего действия, дома тех, кто помогал партизанам, в ряде случаев сжигались дотла». И далее, после указания на то, что крестьянам постоянно угрожали сожжением всей деревни, в отчете добавлялось: «Тактика противопоставления террора террору удалась великолепно» (Д-735).

По заявлению Олендорфа, эйнзатцкоманды подчинялись Кальтенбруннеру, но приказы, согласно которым они действовали, не могли превзойти своей суровостью те, которые были подписаны Кейтелем. Приказ от имени фюрера, изданный Кейтелем 16 декабря 1942 г. о борьбе с партизанами, гласил:

«Если борьбу с партизанами на Востоке и на Балканах не вести самыми жестокими методами, мы скоро дойдем до такого положения, при котором имеющихся сил будет недостаточно для контроля над этим бедствием. Поэтому не только вполне оправдано, но и является обязанностью войск использовать все без исключения средства, даже по отношению к женщинам и детям, если эти средства могут обеспечить успех» (ВБ-66).

Три дня спустя, во время завтрака, Кейтель и Риббентроп сообщили своим итальянским коллегам: «Фюрер заявил, что сербские заговорщики должны быть уничтожены и что этого невозможно достигнуть мягкими мерами». Тогда Кейтель вставил замечание: «...Каждая деревня, в которой могли бы быть обнаружены партизаны, должна быть сожжена дотла» (Д-735).

Два месяца спустя Риббентроп убеждал итальянского посла в Берлине принимать более жесткие меры против партизан в Хорватии. Он говорил: «Банды следует истреблять, причем членами банд нужно считать мужчин, женщин и детей, так как продолжение их существования ставит под угрозу жизни немцев и итальянцев — мужчин, женщин и детей».

Геринг помогал Гиммлеру набирать необходимые кадры для борьбы с партизанами. Один из советников кабинета записал, что 24 сентября 1942 г. Геринг заявил, что он ищет дерзких людей для использования их на Востоке в отрядах особого назначения и что он рассматривает вопрос о привлечении для этой цели осужденных и браконьеров.

Его идея заключалась в следующем: «Эти банды, первостепенной задачей которых было уничтожение командования партизанских групп, в районах, где им предназначено было действовать, могут убивать, жечь, грабить. В Германии они вновь будут взяты под строгий надзор» (ПС-638).

Через месяц Геринг описал дуче германские методы борьбы с партизанами в следующих выражениях:

«Прежде всего с данной территории вывозится весь скот и все продукты питания для того, чтобы лишить партизан каких-

либо источников питания. Мужчины и женщины увозятся в трудовые лагеря, дети — в детские лагеря, а деревни сжигаются. В случае нападения все мужское население деревни выстраивалось с одной стороны, а женщины — с другой; затем женщинам говорили, что все мужчины будут расстреляны, если они (женщины) не укажут, кто из мужчин не является жителем этой деревни. Для того, чтобы спасти своих мужчин, женщины всегда указывают, кто не из их деревни» (Д-729).

Использование этих методов не ограничивалось Востоком. Они применялись на всем пространстве оккупироаанных территорий. Если оказывалось малейшее сопротивление, немцы стремились подавить его с крайней жестокостью. Было бы нетрудно привести сотни примеров, которые могли бы выдержать сравнение с событиями в Лидице и в Орадур-сюр-Глане.

Одно из самых жестоких мероприятий — захват заложников — явилось предметом приказа германского верховного командования от 16 сентября 1941 г. Кейтель приказывал:

«а. Невзирая ни на какие частные обстоятельства, в каждом случае сопротивление германским оккупационным силам следует расценивать как сопротивление, вызванное коммунистами.

б. Для того, чтобы пресечь эти коварные действия в зародыше, следует принимать самые энергичные меры немедленно при появлении самых первых их признаков с тем, чтобы сохранить власть оккупационных сил и помешать дальнейшему распространению таких действий. В этой связи следует помнить, что в таких странах, где еще не установлен порядок, человеческая жизнь часто ничего не стоит и устрашающее действие может быть достигнуто лишь необычайной суровостью. В этих случаях смертная казнь для 50—100 коммунистов должна обычно рассматриваться как соответствующее возмездие за жизнь одного германского солдата. Форма, в которой приговор приводится в исполнение, должна еще более усиливать устрашающее действие» (С-148).

Можно сопоставить этот текст с формулировкой отчета эйнзатцкоманды: «Зная о том, что русские давно привыкли к безжалостному обращению с ними со стороны властей, мы применяли самые суровые меры» (Л-180).

У Кейтеля и Кальтенбруннера не было расхождений во взглядах; германским солдатам было приказано следовать примеру эсэсовцев на местах.

Две недели спустя после издания этого приказа Кейтелю, чьим единственным защитительным доводом является то, что он требовал казни от 5 до 10 заложников за одного немца вместо 50—100, пришла еще одна мысль. 1 октября 1941 г. он высказал мнение о том, что будет целесообразно, если военные командиры будут всегда иметь в своем распоряжении некоторое число заложников различных политических взглядов: националистических, демократически-буржуазных или коммунистических. Он добавил:

«Очень важно, чтобы среди них имелись хорошо известные, выдающиеся личности или члены их семей, чьи имена должны быть преданы гласности. В случае нападения должны

быть расстреляны заложники соответствующей группы, в зависимости от партийной принадлежности виновного» (ПС-1590).

На оригинале документа имеется зловещая пометка: «Применяется во Франции и Бельгии».

Действие этих приказов в германской армии можно хорошо видеть по трем примерам мероприятий, осуществленным командирами на местах.

В Югославии через месяц после первичного приказа Кейтеля один местный комендант сообщил, что в отместку за убийство 10 и ранение 26 германских солдат было расстреляно 2300 человек, то есть по 100 за каждого убитого и 50 за каждого раненого германского солдата.

11 июля 1944 г. комендант района Коволо в Италии в публичном объявлении угрожал расстрелять 50 человек за каждого раненого представителя германских вооруженных сил, военного или штатского, и 100 за каждого убитого немца. В случае убийства или ранения более чем одного солдата или штатского все мужчины района подлежали расстрелу, дома — сожжению, женщины — интернированию, а скот — немедленной конфискации. Кессельринг сообщил, что в июне того же года 560 человек, включая 250 мужчин, были заключены в тюрьму с угрозой быть расстрелянными в течение 48 часов, так как партизанами был захвачен один германский полковник (Д-39).

Лицами, непосредственно замешанными в совершении этих жестокостей, являются Геринг, Риббентроп, Кейтель, Иодль и Кальтенбруннер, но кто вообще может сомневаться в том, что всем подсудимым, сидящим на этой скамье, были известны эти приказы и о том, как германские вооруженные силы были обучены убивать мужчин, женщин и детей и что они это делали по всей Европе? Редер, который говорит, что осуждал такую линию поведения в Норвегии, указывает, что он попытался разубедить Гитлера, однако продолжал занимать свой пост и предоставлять свое имя для того, чтобы его использовал режим, во время которого такие действия совершались.

Я перехожу к тем вопросам, за которые он и Дениц несут самую непосредственную ответственность. Ведение войны на море являет собой совершенно такое же пренебрежение к праву и к нормам порядочности. Мало существует примеров возможности так подробно проникнуть в мысли двух морских командующих с помощью их документов, как в отношении подсудимых Редера и Деница в данном случае.

Уже 3 сентября 1939 г. германский военно-морской флот в меморандуме, адресованном министерству иностранных дел, стремился получить разрешение топить без предупреждения суда противника и торговые суда нейтральных стран в нарушение Лондонских правил подводной войны, своих собственных правил по взятию трофеев и, разумеется, международного права. Целый ряд документов, изданных в течение следующих шести недель, обнаруживает наличие постоянного давления на министерство иностранных дел со стороны Редера с тем, чтобы добиться его согласия на проведение этой политики.

16 октября 1939 г. Редер представил меморандум об интенсификации морской войны против Англии. В этом докумен-

те, декларировав «крайнюю жестокость» как необходимость и намерение уничтожить в кратчайший срок боевой дух Великобритании, Редер заявил:

«Главной целью морской войны является торговое судно и не только вражеское, но вообще всякое торговое судно, идущее по морю с целью снабжения военной промышленности противника, как в отношении импорта, так и в отношение экспорта».

Именно в этом документе содержится позорный пассаж:

«Желательно все принимаемые военные меры основывать на существующем международном праве; однако меры, считающиеся необходимыми с военной точки зрения, в случае если от них можно ожидать решающего успеха, следует применять, даже если они не соответствуют существующим нормам международного права. Поэтому в принципе следует прибегать, обосновывая их какой-нибудь правовой концепцией, к любым военным средствам, способным сломить сопротивление врага, даже если они повлекут за собой создание нового кодекса морской войны».

В другом меморандуме от 30 декабря он призывал к дальнейшей интенсификации операций, особенно в отношении нейтральных стран, «не связывая себя какими-либо концепциями, как, например, объявлением запретных зон». Далее он предложил, что, поскольку они так или иначе должны вторгнуться в нейтральные государства, не имеет большого значения, если на море они хватят через край. Я цитирую: «Усиление мер по линии ведения войны на море с политической точки зрения сыграет лишь небольшую роль в общей интенсификации военных действий» (С-100).

Вы уже, вероятно, заметили, что эти меморандумы о ведении войны на море лишь повторяют точку зрения верховного командования относительно будущей войны, изложенную за полтора года до этого следующим образом:

«В зависимости от того, будет ли применение действующих правил ведения войны создавать большие преимущества либо причинять большие неудобства, воюющие нации будут либо считаться в состоянии войны с нейтральными государствами, либо нет».

Было ли это простым совпадением? Во всяком случае таким был план, изложенный Редером и исполнявшийся Деницем. С самого начала штаб военно-морских сил не имел ни малейшего намерения соблюдать законы ведения войны на море. Аргумент защиты, заключающийся в том, что потопление союзных торговых судов без предупреждения оправдывается действиями союзников, столь же неоснователен, сколь и утверждение, что потоплению нейтральных торговых судов при их появлении предшествовало предупреждение, что соответствовало требованиям международного права. Вы видели, какие расплывчатые и неопределенные предупреждения делались нейтральным судам, а также знакомились с меморандумом штаба военно-морских сил, который показывает, что эти предупреждения намеренно делались в таких общих выражениях потому, что Редеру было известно, что задуманные им планы действия

против нейтралов были совершенно незаконными. Мне нет необходимости напоминать Вам документ, в котором говорится, что приказы должны передаваться устно, о фальшивой записи в судовом журнале, о том самом методе, который был использован в деле с «Атенией», или о записи в дневнике самого Редера, в которой говорилось, что следует топить тщательно опознанные нейтральные суда во всех тех случаях, когда применение электроторпед даст немцам возможность утверждать, что судно в действительности наскочило на мину.

Вы можете найти подтверждение этому в опровержениях, подготовленных Редером в ответ на протесты норвежского и греческого правительств по поводу потопления «Томаса Вальтона» и «Гаруфалии», и в неохотном признании в связи с потоплением «Детфорда». Все эти суда были потоплены в декабре 1939 года одной и той же подводной лодкой. Ничто не раскрывает лучше цинизм и оппортунизм, с которым Редер и Дениц относились к нормам международного права, чем контраст в их отношении к потоплению испанского судна в 1940 году и в сентябре 1942 года. В 1940 году Испания ничего не значила для Германии, в 1942 году она приобрела значение.

Не требуется снова повторять подробности о различных мерах, последовательно принятых во время введения в действие политики потопления судов без предупреждения, но существуют два момента в ведении этими двумя подсудимыми морской войны, которые я подчеркиваю. Во-первых, они продолжали уверять мир, что не нарушают Лондонских правил и своих собственных правил взятия трофеев. Причина тому явствует из меморандума Редера от 30 декабря 1939 г., в котором он заявил:

«Настоятельно следует возразить против публичного объявления о проведении усиленных мероприятий по ведению морской войны для того, чтобы снова не запятнать военно-морской флот в глазах истории позорным пятном — ведением неограниченной подводной войны» (С-100).

Это, как Вы видите, является одним из моментов общего плана. Этот же самый аргумент был выдвинут Иодлем и Деницем в феврале 1945 года в поддержку политики нарушения Женевской конвенции вместо объявления всему миру об отказе Германии от этой Конвенции. Здесь мы снова сталкиваемся с доктриной военной целесообразности: если Германии выгодно нарушать какой-нибудь конкретный закон, это нарушение всецело оправданно. Но производить его следовало так, чтобы об этом никто не знал и мировое общественное мнение не могло бы осудить его.

Не следует думать, что, вводя практику потопления судов без предупреждения и игнорируя законы ведения морской войны, Редер был более решителен, чем Дениц. Защищая себя, Дениц делал усиленные попытки объяснить задним числом свой приказ от 17 сентября 1942 г. Поэтому я прошу Трибунал вспомнить его содержание:

«Не следует делать никаких попыток спасать членов команды потопленных кораблей. Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны, направленной на уничто-

жение вражеских судов и команд» (Д-630). Запись в его дневнике от того же числа, подтверждающая этот приказ, начинается следующими словами:

«Вновь обращается внимание всех командующих офицеров на тот факт, что все попытки спасения противоречат элементарным требованиям ведения войны».

Подсудимый отрицал, что это означало, что команды должны были быть уничтожены или истреблены. Но предыдущие события совершенно ясно показывают нам, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих торговых судов, но в то же время он составлен таким образом, что оставляет Деницу лазейку для оправдания в случае нужды, и, действительно, в настоящее время такая необходимость возникла. Этот приказ в сущности был составлен в соответствии с идеями, высказанными Гитлером Осиме[1]*. 3 января 1942 г. Гитлер сказал ему, что «он должен отдать приказ о том, что, если взять иностранных моряков в плен окажется невозможным, подводные лодки должны всплывать на поверхность после торпедирования и обстреливать спасательные лодки» (Д-423). Доказательства указывают на то, что Гитлер постоянно оказывал давление с тем, чтобы этот приказ был издан. Признано, что Гитлер настаивал на этом на совещании 14 мая 1942 г., на котором присутствовали Дениц и Редер, и что он снова поднял вопрос 5 сентября 1942 г. Сам Дениц ссылался на нажим Гитлера во время инцидента с «Лаконией». Вы располагаете подтверждением того, что приказ, изданный 17 сентября, был составлен в такой форме, что он вполне подтверждает толкование, данное ему обвинением, основывавшимся на показаниях свидетелей Хейзига и Меле. Разве можно вообразить, что старшему командиру было бы позволено начиная с 17 сентября 1942 г. и до конца войны инструктировать сотни подводных лодок, выходивших в море из Киля, о приказе на уничтожение, если бы таково не было намерение военно-морского штаба? Вы располагаете доказательствами о том, что сам Дениц встречался с каждым командиром подводной лодки как перед выходом, так и по возвращении из плавания. Вы располагаете собственными признаниями Деница по поводу замечаний, исходивших от офицеров его штаба в период подготовки приказа, а также о его собственной установке, проявившейся в приказе от октября 1939 года. Этот приказ, по признанию Деница, был приказом о запрещении спасать утопающих: обвинение утверждает, что защита не в состоянии оспорить этот приказ. Далее имеется совпадение, заключающееся в том, что тот самый аргумент, который Гитлер выставил Осиме, а именно: необходимость не дать союзникам возможности найти команды судов, создаваемых по гигантской американской программе, являлся доводом, который, по признанию Деница, был выдвинут им 14 мая. Это был тот аргу-*

---

[1] Осима — японский посол в Берлине, осужден как военный преступник Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. — **Прим. сост.**

мент, который, как показывает Хейзиг, он услышал, и это же послужило причиной издания последующего приказа о том, что следовало предпочтительно атаковать конвой, а не топить спасательные суда. Перед Вами примеры «Антонисы», «Норин Мэри», «Пелеуса». А человек, ужасающийся при одной только мысли о возможности издания такого приказа, по собственному признанию, видел судовой журнал лодки, потопившей «Шиф Мид», и видел бесчеловечную запись в этом журнале, описывающую страдания тех, кто оставался в воде. Дениц в своих показаниях заявил, что «издание подобной директивы может быть оправдано лишь в том случае, если таким образом может быть достигнут решающий военный успех». Не потому ли был издан этот приказ, что, как это явствует из его собственных документов, процент потопленных в сентябре 1942 года судов, помимо судов конвоя, был столь высок, что было возможно достигнуть решающего военного успеха, в то время как в апреле 1943 года, в период, когда почти все потопленные суда относились к судам конвоя, не было необходимости в издании еще одного приказа, сформулированного в более точных выражениях?

Обвинение самым настоятельным образом утверждает, что подсудимый Дениц этим приказом намеревался поощрять и заставить как можно большее количество командиров подводных лодок уничтожать команды торпедированных торговых судов, но преднамеренно сформулировал приказ так, чтобы он мог утверждать обратное, если обстановка этого потребует. В свете показаний адмирала Вагнера о том, что главный морской штаб утвердил приказ от 17 сентября 1942 г. по поводу уничтожения оставшихся в живых членов команд потопленных судов, Редер не может уйти от ответственности. И на самом деле, поскольку он присутствовал на совещании у Гитлера в мае 1942 года, а также 5 сентября того же года (документы Дениц-16 и 39), когда он получил приказание фюрера об издании инструкции по поводу уничтожения спасавшихся членов команд потопленных судов, не может быть никаких сомнений в том, что он также несет полную ответственность и за эти действия своего подчиненного.

Несмотря на то, что через несколько месяцев союзные военно-воздушные силы сделали невозможным для подводных лодок в большинстве районов всплывать после торпедирования и этот вопрос стал менее актуальным, все же интересно отметить, что 7 октября следующего года вышел приказ, направленный против спасательных лодок, и в нем снова встречалась фраза «уничтожение команд судов» (Д-663).

Несмотря на опровержение капитан-лейтенанта Экка, не может быть никаких сомнений в том, что, будучи проинструктирован Меле, он осуществил намерения вышестоящих начальников. Почему следует предполагать, что у человека, который через месяц безропотно принял приказ Гитлера о коммандос, не хватило духу приказать уничтожать моряков, находящихся на плотах или на обломках, оставшихся после крушения, после того, как Гитлер объяснил военную необходимость этого мероприятия? Экк, который выполнял приказы Редера и Деница, за-

платил за это высшей мерой наказания. Неужели эти люди понесут меньшую кару?

Я перехожу теперь к рассмотрению еще одного военного преступления — использованию рабского труда. Еще задолго до начала военных действий подсудимые оценили значение его для германской военной машины. Гитлер упомянул об этом в «Майн кампф» и подчеркнул значение этого фактора на совещании в мае 1939 года.

Несколько недель спустя в июне «имперский совет обороны» (Геринг, Функ, Фрик, Редер и представители всех остальных министерств) планировал использовать в будущей войне 20 тысяч заключенных концентрационных лагерей и сотни тысяч рабочих из протектората.

План Гитлера в отношении Польши, раскрытый им Шираху и Франку, гласил:

«Идеальная картина такова: поляк может владеть лишь незначительным участком земли в генерал-губернаторстве, который до некоторой степени снабдит его и его семью пищей. Деньги, которые ему нужны для приобретения одежды и т.п., он должен заработать в Германии. Генерал-губернаторство должно стать центром снабжения нас неквалифицированной рабочей силой, в особенности сельскохозяйственными рабочими. Этим рабочим при всех условиях будут гарантированы средства к существованию, так как они всегда могут быть использованы там, где требуется дешевый труд» (СССР-172).

Эта политика была, конечно, рассчитана на короткий срок, а конечной ее целью фактически было уничтожение восточных народов. Заукель был назначен генеральным уполномоченным, перед ним была поставлена задача — дать замену 2 млн. немецких рабочих, которые были призваны на военную службу.

Он сам говорит, что после того как Гитлер подчеркнул, что такие мероприятия являются военной необходимостью, он не стал стесняться в средствах и спустя месяц после своего назначения направил Розенбергу свою первую программу мобилизации рабочей силы.

Я цитирую: «Если мы не сумеем обеспечить нужное количество рабочей силы на добровольных началах, нам придется немедленно ввести насильственную трудовую мобилизацию; огромное количество новых иностранных рабочих — мужчин и женщин — является несомненной необходимостью» (ПС-016).

Эту программу он сам вызвался провести в жизнь «путем всевозможного давления и безжалостного использования всех имеющихся в нашем распоряжении средств».

Нет необходимости приводить многочисленные доказательства, показывающие ход выполнения этой политики мобилизации рабочей силы. Достаточно будет привести цитату из обращения Заукеля к центральному управлению по планированию в марте 1944 года:

«Специально обученные агенты — мужчины и женщины — насильственно угоняли мужчин на работу в Германию. Из 5 миллионов иностранных рабочих, которые прибыли в Германию, даже 200 тысяч не приехали добровольно» (Р-124).

Методы, которые применялись при насильственном угоне, отвратительны по своей жестокости, и каждый из подсудимых должен был знать о них. В апреле 1941 г. Гиммлер в речи перед офицерами полка СС «Адольф Гитлер» сказал:

«Очень часто военнослужащие войск СС задумываются над угоном этих людей сюда. Эти мысли возникли у меня сегодня, когда я наблюдал эту крайне трудную работу, которую выполняет полиция безопасности при самой активной помощи ваших людей. То же самое происходило в Польше, где мы должны были отправлять десятки тысяч и сотни тысяч людей при сорокаградусном морозе» (ПС-1918). И дальше: «Умрут или не умрут от изнеможения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов — интересует меня лишь постольку, поскольку этот ров, нужный Германии, должен быть закончен. Если кто-нибудь придет и скажет мне: "Я не могу допустить, чтобы этот ров рыли женщины и дети; это бесчеловечно, это их убьет", — я отвечу: "Вы — убийца людей собственной крови, так как, если этот ров не будет вырыт, то погибнут германские солдаты, а они сыновья германских матерей. Мы должны помнить, что в Германии имеется 6—7 миллионов иностранцев. Возможно, теперь их численность достигает 8 миллионов. В Германии имеются пленные. Они безопасны для нас до тех пор, пока мы будем принимать жесточайшие меры по самому пустяковому поводу»[1] (ПС-1919).

В августе 1943 года потребность в рабочей силе еще больше возросла. Гиммлер приказал:

«Все молодые трудоспособные женщины должны быть отправлены в Германию на работу через ведомство имперского генерального уполномоченного Заукеля. Дети, пожилые женщины и старики должны быть собраны вместе и использованы на работах в женских и детских лагерях».

Приказы, отданные группенфюрерам СД, действовавшим на Украине, содержали такие же настоятельные требования:

«Деятельность министерства труда должна быть поддержана в наибольшей степени. Временами нельзя будет воздержаться от применения силы. При обыске деревень, в особенности в тех случаях, когда явится необходимость сжечь целую деревню, местное население должно быть принудительно передано в распоряжение уполномоченного[2]. Как правило, детей расстреливать более не следует. Если мы временно ограничиваем наши строгие меры на основании вышеприведенного приказа, это делается из следующих соображений: нашей важнейшей целью является мобилизация рабочей силы» (ПС-3012).

Шпеер признал — и как он мог отрицать это, — что он знал и одобрял порядок мобилизации и доставки рабочих в Германию против их воли.

Кальтенбруннер писал своему другу Блашке:

---

[1] Эта цитата из речи Гиммлера от 4 октября 1943 г. — **Прим. сост.**

[2] Речь идет о ведомстве Заукеля. — **Прим. сост.**

«Между тем по специальным соображениям я приказал отправить несколько транспортов с эвакуированными в Вену, в ближайшее время должны быть отправлены четыре транспорта с 12 тысячами евреев. Они должны прибыть в Вену через несколько дней... Нетрудоспособные женщины и дети этих евреев — все они держатся наготове для специальной акции и посему однажды вновь будут перемещены. Они должны содержаться в охраняемом лагере и в дневное время» (ПС-3803).

Опять мы встречаем эту зловещую фразу, значение которой они так хорошо знали, — «специальное обращение», «специальная акция». Убийство остается убийством независимо от того, каким эвфемизмом убийцы вздумают его прикрыть. Нужда в рабочей силе стала такой острой, что не только евреев не отправляли в газовые камеры, пока они были трудоспособны, но хватали даже детей и заставляли их работать. Это все, что относится к насильственному угону людей в Германию. Какая участь ожидала их по прибытии?

Еще в марте 1941 года районные объединения крестьян получили инструкции о том, как обращаться с польскими сельскохозяйственными рабочими, которых они должны были получить (ЕС-68). Рабочим не предоставлялось право подавать жалобы; им, этим религиозным людям, запрещалось посещать церковь; запрещались все виды развлечений, пользование общественными транспортными средствами. Их наниматели получали право применять телесные наказания и ни в коем случае «не могли быть привлечены к ответственности официальными учреждениями». В конце приказывалось: «Сельскохозяйственные рабочие польской национальности должны по возможности быть удалены от людей, живущих в доме, жить вне села и не в домах; их можно поместить в конюшни и т.д. Чувство жалости не должно помешать проведению таких мероприятий».

Обращение с теми, кто был занят в промышленности, было еще хуже. Я напомню показания польского врача в Эссене, который по мере сил пытался обслуживать русских военнопленных:

«Эти люди содержались в таких страшных условиях, что нельзя было оказать им медицинскую помощь. Мне кажется, что держать людей в таких условиях было ниже человеческого достоинства. Каждый день ко мне приводили по крайней мере 10 человек, с кровоподтеками от постоянных избиений резиновыми шлангами, стальными прутьями или палками. Люди часто корчились от боли, и я не мог им оказать ни малейшей медицинской помощи. Мне тяжело было смотреть, как могли заставлять людей, которые так мучились, производить такие тяжелые работы. Мертвые тела оставались лежать на соломенных тюфяках по два или три дня, пока они не начинали издавать такое зловоние, что их соседи по заключению выносили их и где-нибудь закапывали. В беседе со мной некоторые русские женщины говорили мне лично, что они работали на заводе Круппа и что их ежедневно зверски избивали. Избиения были в порядке вещей» (Д-313).

К концу 1943 года более 5 млн. мужчин, женщин и детей работали в империи, и если сюда добавить военнопленных, то

общее количество работавших в то время в Германии достигало 7 миллионов (Д-524). К этому числу следует добавить сотни тысяч доставленных в течение 1944 года. Миллионы мужчин и женщин были выгнаны из своих домов самым зверским образом, их привозили в любую погоду на транспорте для скота со всех концов Европы; они работали на фермах и заводах по всей империи часто в отвратительных условиях. Детей отнимали у родителей, и некоторые дети навсегда оставались сиротами, так как они не знали ни своих настоящих имен, ни откуда они родом. Их забирали тогда, когда они были еще слишком малы, чтобы помнить, откуда они приехали.

Какой мерой следует заплатить за это преступление? Ни один подсудимый не может отрицать того, что он знал об этом или был к этому причастен. Протоколы центрального управления по планированию, несомненно, читались во всех государственных ведомствах. Вы видели, каков объем доказательств, связывающих военных руководителей и все другие правительственные ведомства с этой колоссальной программой применения рабского труда. Ни один подсудимый не может быть оправдан за совершение этого преступления. Никто из них не мог не знать о масштабах этого преступления и о зверствах, при помощи которых оно осуществлялось.

Я перехожу к вопросу, связанному с предыдущим, но еще более ужасному — к общим методам проведения подсудимыми военной оккупации захваченных ими территорий. Доказательства, говорящие о том, что эти территории являлись местом, где в масштабах, непревзойденных в истории, господствовали убийство, рабство, террор и грабеж в нарушение всех элементарных правил оккупации воюющей стороной, не были ничем серьезно опровергнуты. Эти преступления не являлись ни в коей мере случайными или совершенными в результате садизма какого-нибудь Коха в одном месте или жестокости какого-нибудь Франка в другом. Преступления были неотъемлемой частью преднамеренного и систематического плана, в котором мероприятия в отношении рабского труда были лишь побудительным мотивом. Чтобы создать «тысячелетнюю империю», нацисты приступили к истреблению или ослаблению расовых и национальных групп в Европе или таких прослоек, как интеллигенция, от которых в значительной мере зависит существование этих групп.

Эта ужасная попытка прекратить существование этих групп и древних наций проистекает из всей нацистской доктрины о тотальной войне, которая отказывается от понятия, что войны являются лишь войнами государств и армий, как это предусматривает международное право. Нацистская тотальная война явилась также войной против гражданского населения, против народа в целом. Гитлер заявил Кейтелю в конце польской кампании: «Предусмотрительность и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей» (ПС-864). Эта цель геноцида была сформулирована Гитлером в разговоре с Германом Раушнингом в следующих выражениях: «После войны французы жаловались, что немцев на 20 миллионов больше, чем нужно.

Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем регулирование численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы вычтем эти 20 миллионов где-нибудь в другом месте. После всех этих веков хныканья о защите бедных и угнетенных пришло время для нас решиться защищать сильных от слабых. Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами рост численности славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние времена победитель получал прерогативу на уничтожение целых племен, целых народов. Осуществляя это постепенно и без кровопролития, мы демонстрируем нашу гуманность» (СССР-387). Аналогичным образом подходил к этому вопросу Гиммлер:

«Для нас окончание этой войны будет означать открытую дорогу на Восток, создание тем или иным путем германского рейха, обеспечение жилья для 30 миллионов человеческих существ нашей крови с тем, чтобы уже на протяжении жизни нашего поколения мы стали народом численностью в 120 миллионов германских душ. Это означает, что при таких условиях мы сможем держать в руках проблему мира, причем на протяжении первых 20 лет этого мира мы готовы будем расширять территории с нашими деревнями и городами, и что мы передвинем границы нашей германской расы на 500 километров в направлении на восток» (Л-70).

Их цели выходили далеко за пределы стремления германизировать другие народы и перестроить их культуру по германскому образцу. Гитлер твердо решил изгнать всех негерманцев с той земли, которая была нужна ему и которую он собирался заселить германцами. Это ясно сказано в его книге «Майн кампф»:

«Польская политика в смысле германизации Востока, проведения которой требовали столь многие, к сожалению, почти всегда основывалась на одном и том же неправильном заключении. Здесь также считали возможным германизировать польские элементы лишь чисто лингвистической интеграцией в германскую нацию. Результат был бы неблагоприятным, так как живущий там народ, выражающий свои, чуждые нам мысли на немецком языке, умалил бы значение и достоинство нашей нации своей неполноценностью» (США-256, стр. 429, 430).

Гиммлер говорит об этом еще более откровенно:

«В нашу задачу не входит германизация Востока в старом смысле этого слова, а именно в смысле обучения живущих там людей немецкому языку и германским законам. Наша задача — проследить, чтобы на Востоке жили только люди чисто германской крови».

Подсудимые тщательно скрывали свои истинные цели от своих жертв. В захваченном донесении от января 1940 года можно прочесть следующее:

«Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве и на освобожденном Востоке, следует временно перебрасывать дешевые рабочие руки

сотнями тысяч, используя их в течение нескольких лет в старой империи и таким образом препятствуя их естественному биологическому размножению». Документ заканчивается следующими словами: «Следует принимать особые меры с тем, чтобы секретные циркуляры, меморандумы и официальная переписка, содержание инструкций, направленных против поляков, хранились под замком, чтобы они не смогли попасть на страницы "Белых книг", выпускаемых в Париже и в США» (ПС-661).

И снова за день до назначения Розенберга министром по делам восточных оккупированных территорий Гитлер сказал ему в присутствии Кейтеля, Геринга и Бормана: «Мы должны здесь действовать точно таким же образом, как мы действовали в Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. В этих случаях мы также не разглашали наши конечные цели, и благоразумие требует продолжать ту же политику и теперь. Таким образом, мы будем снова подчеркивать, что были вынуждены оккупировать и охранять определенную зону и управлять ею и что само население заинтересовано в том, чтобы мы занимались наведением порядка, вопросами питания, коммуникациями и др. Отсюда следуют все наши мероприятия. Никто не сумеет определить, что все это ведет в конечном итоге к окончательному решению вопроса. Все это отнюдь не значит, что мы не должны прибегать ко всем необходимым мерам, к расстрелам и пр., и мы будем прибегать к ним» (Л-221).

Вспомните, что, предупредив таким образом своих соучастников, Гитлер продолжал тщательно разрабатывать свои планы уничтожения советских народов. Он заявил, что из Крыма должны быть эвакуированы все местные жители и он должен быть заселен одними лишь немцами.

«Теперь перед нами стоит задача разрезать этот громадный пирог так, как это нам нужно, с тем чтобы суметь: во-первых, господствовать над территорией, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать ее».

Эта программа имела своим образцом бесстыдный план, разработанный Нейратом и Карлом Германом Франком в отношении Богемии и Моравии, тем самым Нейратом, чей защитник позавчера призывал Вас уважать святость личности (ПС-3859). Как я сказал, программа эта имела своим образцом план для Богемии и Моравии. Не было представлено ни одного более веского доказательства, чем этот ужасный документ, полностью разоблачающий лживость лозунга о «жизненном пространстве», которым пытаются оправдать насилие, совершенное над Чехословакией. Этот план требовал уничтожения интеллигенции — хранительницы традиций истории и обычаев этой страны. Так как долгосрочная программа полной эвакуации всех чехов из страны и замены их немцами не могла быть осуществлена немедленно, поскольку не было достаточного количества германцев, чтобы заселить страну, была избрана краткосрочная программа — германизация оставшегося населения.

Это должно было быть осуществлено путем превращения их языка в диалект, уничтожения системы высшего образования, установления строгих правил вступления в брак, ограниченных специальными предварительными расовыми обследова-

ниями. Вы помните выводы, сделанные Франком: «Помимо пропаганды за германизацию и некоторых поблажек в отдельных случаях, следует применять против всех саботажников строжайшие полицейские меры с высылкой и особым режимом обращения. Принцип: "кнут и пряник"» (ПС-3859).

Вы также помните план в отношении Польши, который обсуждался Риббентропом, Кейтелем и Иодлем в поезде Гитлера 12 сентября 1939 г., о котором говорил в своих показаниях свидетель Лахузен и дальнейшее обсуждение которого состоялось тремя неделями позже, после обеда на квартире фюрера между Гитлером, Ширахом и подсудимым Франком:

«У поляков должен быть только один хозяин — немец. Не могут и не должны существовать два хозяина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни» (СССР-172).

Таковы были их планы против Советского Союза, против Польши и против Чехословакии. Геноцид не ограничивался истреблением еврейского населения или цыган. В различных формах он применялся в Югославии и против негерманского населения Эльзас-Лотарингии, против народов Нидерландов и Норвегии. Тактика менялась в зависимости от национальности и от народа. Но конечная цель была одна и та же во всех случаях.

Методы были одни и те же: прежде всего, широкая, преднамеренно разработанная программа убийств, прямого уничтожения. Подобные методы применялись против польской интеллигенции, против цыган и евреев.

Нелегко было, даже пользуясь газовыми камерами и массовыми расстрелами, уничтожить миллионы людей.

Подсудимые и их соучастники применяли также методы постепенного уничтожения, причем самым излюбленным методом было постепенное умерщвление тяжелым трудом, особенно после договора Гиммлера с министром юстиции Тираком в сентябре 1942 года, согласно которому все «антисоциальные элементы» передавались в руки СС для того, чтобы умерщвлять их тяжелым, непосильным трудом (ПС-654). 14-го числа того же месяца Геббельс рекомендовал этот метод в следующих выражениях:

«По вопросу ликвидации асоциальных элементов доктор Геббельс придерживается следующего мнения: уничтожению должны быть подвергнуты следующие группы: евреи и цыгане, безусловно, поляки, которым предстоит отбыть срок каторжных работ на 3—4 года, а также чехи и немцы, приговоренные к смертной казни, либо к пожизненным каторжным работам, либо к превентивному заключению. Наилучший идеей является уничтожение их с помощью труда» (ПС-682).

Другим излюбленным способом уничтожения было умерщвление голодом. Розенберг — архитектор и создатель этой политики убийства целых народов — говорил своим сотрудникам в июне 1941 года:

«Цель накормить германский народ в этом году, несомненно, является одним из первоочередных требований, которые Германия предъявляет к восточным территориям. И здесь южные пространства и Северный Кавказ должны будут послу-

жить дополнительным источником пищевых продуктов для германского народа. Мы не видим абсолютно никаких оснований для каких-либо обязательств с нашей стороны кормить также и русское население продуктами, полученными с этих дополнительных территорий. Мы знаем, что такова жестокая необходимость, далекая от каких-либо эмоций. Несомненно, будет необходима эвакуация в самых широких масштабах и совершенно очевидно, что в будущем русским предстоят очень тяжелые годы» (ПС-1058).

Методом, применяемым в Эльзасе, являлась депортация. Захваченный отчет гласит:

«Первая акция по вывозу населения была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В ходе этой операции 105 тысяч человек было либо выслано, либо увезено и лишено возможности вернуться домой. В основном это были евреи, цыгане и другие элементы иной расы, преступники, антиобщественные элементы и неизлечимые душевнобольные, а кроме того, французы и франкофилы. В результате этих "прочесываний" население, говорившее на местном французском диалекте, было вывезено точно так же, как эльзасцы» (Р-114).

Далее в отчете говорится, что готовятся новые акции по депортации, приводятся категории, подлежащие депортации, суммируются меры, которые применяются в ходе депортации. Я цитирую: «Прежде всего следует иметь в виду проблему расы, причем разрешать ее таким образом, чтобы лица, обладающие ценностью с расовой точки зрения, увозились собственно в Германию, а расово неполноценные — во Францию».

Нацисты пользовались также различными биологическими методами, как они их называли, для того, чтобы добиться геноцида. Они намеренно понижали рождаемость в оккупированных странах путем стерилизации, кастрации и абортов, разлучая жен и мужей, отделяя женщин от мужчин и запрещая браки.

«Мы обязаны освобождать пространства от населения, — сказал Гитлер Раушнингу, — это часть нашей миссии по сохранению населения Германии. Мы должны разработать методы обезлюживания. Если вы спросите меня, что я подразумеваю под термином "обезлюживание", я скажу, что я имею в виду устранение целых расовых групп. Именно это я собираюсь провести в жизнь, такова в общих чертах моя задача. Природа жестока, поэтому и мы должны быть жестокими. Если я могу бросить цвет германской нации в ад войны, не испытывая никакой жалости перед пролитием драгоценной германской крови, тем более я, несомненно, имею право устранить миллионы представителей низшей расы, которые размножаются, как паразиты» (СССР-378).

Вы видели, как Нейрат применял этот биологический метод в своем плане действий в Чехословакии.

Послушайте, каковы директивы Бормана для восточных территорий; они суммированы одним из подчиненных Розенберга:

«Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать. Поэтому обязательное проведение прививок и медицинское обслуживание со стороны

немцев является излишним. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборты, и чем больше, тем лучше. Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста. В лучшем случае приемлемо образование, которое готовит для нас полезных марионеток» (Р-36).

Гиммлер вторил ему:

«Мы должны вести себя по-товарищески по отношению к людям одной с нами крови, более ни с кем. Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русских или чехов. Мы возьмем то, что народы могут предложить по части хорошей крови нашего типа. Если будет необходимо, мы будем для этого выкрадывать их детей и воспитывать их в нашей среде. Живут ли народы в достатке или умирают с голоду, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны нам как рабы для нашей культуры, в остальном это меня совершенно не интересует» (ПС-1919).

В противоположность методам искусственного сокращения рождаемости на оккупированных территориях в самой Германии искусственно повышали рождаемость.

В феврале 1941 года подсудимый Зейсс-Инкварт ввел систему выдачи замуж голландских девушек за германских солдат. В нарушение статьи 43 Гаагской конвенции он распорядился об изменениях в голландском законодательстве с тем, чтобы иметь возможность осуществлять вместо родителей родительские и опекунские права в отношении девушек, чьи родные отказывались разрешать им вступать в брак с немецкими солдатами.

Эта политика Зейсс-Инкварта была впоследствии одобрена высшими представителями власти в Германской империи — Гитлером, Кейтелем и Ламмерсом 28 июля 1942 г., когда был издан декрет, предоставлявший пособия и преимущества при поступлении на работу голландским и норвежским женщинам, рождавшим детей солдатам и офицерам германской армии (и они еще имеют наглость говорить о святости личности!). Это был просто план, имевший своей целью поставить биологические ресурсы Голландии и Норвегии, как если бы они были товаром, на службу германскому народу.

Гиммлер был одним из апологетов теории выкрадывания детей. Как он заявил 14 октября 1943 г., «совершенно очевидно, что при таком смешении народов всегда найдется расовополноценные типы. В таких случаях я считаю нашим долгом забирать к себе их детей, удалять из их окружения и, если будет необходимо, даже выкрадывать или отнимать их силой. Или мы заберем себе всех тех, кто, обладая полноценной кровью, может быть использован для нас, и дадим им место в нашем народе, или мы уничтожим их» (Л-70).

Применительно к России Кейтель, который, эксплуатируя Польшу, научился применять установку «умная политика и жестокость», наметил вехи своими приказами от 13 мая и 23 июля 1941 г. (С-50 и С-52). Я цитирую последний приказ, проект которого был составлен, по его собственному признанию, Иодлем:

«Имея в виду большие размеры оккупированных восточных территорий, военные силы, которыми мы располагаем для охраны безопасности на этих территориях, являются достаточными лишь в том случае, если всякое сопротивление будет подавляться не преследованием виновных судебным порядком, а проведением оккупационной властью такого террора, который будет достаточным фактором для искоренения всякого намерения к сопротивлению среди населения. Командующие должны изыскать способы для поддержания порядка не путем истребования дополнительных сил для охраны безопасности, а путем применения соответствующих драконовских мер».

Несомненно, что лишь непосредственные нужды военной машины спасли западные территории от такой же судьбы, однако Трибуналу представлены исчерпывающие доказательства относительно грабежей во Франции, Нидерландах и на других территориях, которые эти люди эксплуатировали в наивысшей степени. Если принять во внимание, какова была их политика убийств, нет ничего удивительного в том, что люди, которым они поручили проводить эту политику, были скотами.

Так, в сфере деятельности Розенберга подвизался Кох, которого Розенберг рекомендовал на пост комиссара Москвы именно потому, что он отличался «абсолютной безжалостностью». Именно Кох учинил кровавую расправу над несколькими сотнями невинных людей в Цуманском лесу для того, чтобы устроить для себя охотничий заповедник.

Другим представителем Розенберга был Кубе, который писал:

«Мы ликвидировали за последние десять недель приблизительно 55 тысяч евреев в Белоруссии. На территории Минской области евреи были уничтожены без ущерба для поставок рабочей силы; в населенной по большей части поляками Лиде было уничтожено 16 000 евреев, в Слониме 8000 евреев и т.д.» (ПС-3428). Приказы, которые отдавались Франку в отношении Польши, гласили:

«Безжалостная эксплуатация... сокращение всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого для поддержания жизни... поляки станут рабами Великой германской мировой империи» (ЕС-344). А мы знаем, как он использовал эти приказы. В январе 1940 года он докладывал:

«Дешевая рабочая сила должна вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это будет препятствовать биологическому росту местного населения...» (ПС-2233).

В мае он говорит о том, что нужно «... воспользоваться интересом, проявляемым в мире к Западному фронту, и ликвидировать тысячи поляков, в первую очередь ведущих представителей польской интеллигенции». И в декабре: «Поляки должны чувствовать, что у них только одна обязанность: работать и вести себя тихо. Мы должны безжалостно осуществлять все мероприятия; положитесь на меня...».

Стараясь понять проблемы, стоящие перед Восточной Европой, мы должны попытаться понять, что невозможно описать в подробностях это мученичество Польши. Треть населения

была убита, миллионы ввергнуты в нищету, искалечены, разбиты болезнями, стали беспомощными.

Освободители пришли как раз вовремя для того, чтобы спасти этот древний народ от полного выполнения той ужасной программы, которую замыслили эти люди.

Существовала одна группа населения, в отношении которой политика уничтожения применялась в таких громадных масштабах, что я считаю своим долгом специально на этом остановиться. Я имею в виду уничтожение евреев. Если бы это было единственным преступлением, совершенным этими людьми, единственным, в котором замешаны они все, его одного было бы достаточно, чтобы осудить их. История не знает подобных ужасов.

Как только возможность второй мировой войны стала реальностью, Штрейхер, который начал проповедовать эту постыдную доктрину еще в 1925 году, стал совершенно серьезно выступать за уничтожение евреев (М-13). Так же как, по его собственному признанию, проведением долголетней пропаганды в пользу расовых законов он содействовал изданию «нюрнбергских декретов», так в январе 1939 года в ожидании войны, которая должна была начаться, он «при полной поддержке высших имперских властей» стал выдвигать в статьях, публикуемых в «Дер штюрмер», яростные требования физического истребления еврейского народа.

Если только слова не совсем еще утратили свой смысл, то что иное, кроме убийства, означают такие выражения: «Они должны быть вырваны с корнем» (Д-811), «тогда преступная еврейская раса будет выкорчевана навсегда» (Д-813), «тогда евреи будут вырезаны в массовом масштабе» (Д-812), «приготовьте им могилу, из которой они не смогут восстать» (М-148).

Почти сразу после начала войны началось организованное истребление еврейского народа. Гесс[1] сказал Вам:

«Полное разрешение еврейского вопроса означает полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года я получил указание подготовить необходимое для уничтожения оборудование в Освенциме. К тому времени в генерал-губернаторстве существовало уже три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Волчек».

Евреи Германии и Польши уже были сконцентрированы в различных гетто в генерал-губернаторстве. За обедом у фюрера в октябре 1940 года Франк разъяснял:

«Деятельность генерал-губернаторства можно считать весьма успешной. Теперь евреи Варшавы и других городов заперты в гетто. Краков скоро будет очищен от них. Рейхслейтер фон Ширах заметил, что у него в Вене еще имеется 50 тыс. евреев, которых Франк должен будет у него забрать» (СССР-172).

---

[1] Речь идет о коменданте Освенцима. — **Прим. сост.**

Когда вышел самый приказ, подготовительные меры в той степени, в которой они касались Польши и Германии, уже были проведены в жизнь.

Красноречивым свидетельством акции, проведенной в Варшаве, уничтожения гетто и кровавой расправы с его населением является отчет генерала Штропа (ПС-1061). Но судьба евреев в Варшаве была лишь типичным примером судьбы евреев во всех других гетто Польши. Если их не убивали в самих гетто, их отправляли в газовые камеры. Гесс, комендант Освенцима, следующим образом описывал эту процедуру:

«Я поехал в Треблинку, чтобы узнать, как они проводили операции по уничтожению. Комендант лагеря Треблинка сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек за полгода. Он главным образом занимался ликвидацией евреев из Варшавского гетто».

Гесс описывает свои усовершенствования в Освенциме. Он ввел в употребление новый газ — циклон Б, который — я цитирую: «Умерщвлял людей в газовой камере за время от 3 до 15 минут, в зависимости от температурных условий. Мы узнавали о том, что люди задохнулись потому, что они переставали кричать. Второе наше усовершенствование по сравнению с Треблинкой заключается в том, что мы построили газовые камеры, рассчитанные на одновременное уничтожение 2 тыс. человек, в то время как в Треблинке десять газовых камер были оборудованы лишь на двести человек каждая».

И далее он описывает, как отбирались жертвы из ежедневно прибывавших транспортов:

«Те, кто был пригоден для работы, отправлялись в лагерь. Остальные немедленно посылались на установки для уничтожения. Маленькие дети уничтожались без исключения, поскольку они не могли вследствие своего возраста быть использованы на работе. Следующее усовершенствование, которого мы достигли по сравнению с Треблинкой, заключалось в том, что в Треблинке жертвы почти всегда знали, что их ведут на уничтожение, а в Освенциме мы старались одурачить их и заставить думать, что они должны пройти санитарную обработку. Конечно, очень часто они понимали, каковы были наши истинные намерения. Тогда женщины прятали своих детей под одежду, но, найдя их, мы направляли этих детей на уничтожение.

От нас требовали, чтобы мы проводили уничтожение в обстановке самой строгой секретности, но, конечно, отвратительный и тошнотворный запах постоянно сжигаемых человеческих тел пропитывал воздух в окрестностях, и все жители окружающих селений знали о том, что в Освенциме производится уничтожение людей».

Об этом также должны были знать те, кто жил близ Бельзена, Треблинки, Волчека, Маутхаузена, Заксенхаузена, Флоссенбурга, Нейенгамма, Гузена, Натцвейлёра, Люблина, Бухенвальда и Дахау.

Я не для того повторяю все это, чтобы заставить кровь стынуть в жилах. Следовало выбрать эти несколько примеров из большого количества доказательств, собранных здесь, для того чтобы увидеть все эти события в их истинной перспективе

и правильно в целом оценить общее значение того, что было здесь доказано.

За германскими армиями, вторгшимися в Россию и в прибалтийские государства, шли по пятам эйнзатцкоманды. И их ужасная работа была заранее подготовлена и запланирована. В папке, где содержится описание действий эйнзатцгруппы «А», имеется карта Прибалтики, на которой показано, сколько евреев, подлежащих изгнанию и умерщвлению, проживало в каждом из прибалтийских государств (Л-180). На другой карте показаны результаты этой двух- или трехмесячной работы — 135 567 уничтоженных евреев. В другом отчете о деятельности эйнзатцкоманд за октябрь 1941 года содержится заявление о том, что они продолжали «идти вслед за наступающими войсками в секторы, которые были выделены для них» (ПС-25).

Эти акции — дело рук не только Гиммлера и СС. Они проводились в сотрудничестве с командующими армиями с ведома Кейтеля и Иодля (несомненно, каждый солдат в армии на Востоке должен был знать о них) и также с ведома всех членов правительства.

«Наша задача, — говорится в отчете эйнзатцгруппы «А», — заключалась в быстром установлении личного контакта с генералами — командующими армиями и с генералом — командующим армией тыла. Необходимо с самого начала подчеркнуть, что сотрудничество с частями регулярной армии было, как правило, хорошо налажено. В некоторых случаях, как, например, с четвертой танковой группой под командованием генерал-полковника Гепнера, оно было очень тесным, почти сердечным» (Л-180).

Германские генералы, купаясь в крови сотен тысяч беззащитных невинных мужчин, женщин и детей, действовали почти сердечно. Возможно, им нравилась эта работа, так же как она, очевидно, нравилась самим членам эйнзатцкоманд.

«Следует упомянуть, — говорится в отчете, — что командиры вооруженных отрядов СС и регулярной полиции, находящиеся в запасе, заявили о своем желании остаться в составе полиции безопасности и СД» (Л-180).

Снова и снова в отчетах об успехах эйнзатцкоманд подчеркивается роль, которую в них сыграло сотрудничество с армейскими властями. После описания того, каким образом тысячи литовских евреев были «обезврежены» во время одного из погромов в июне, в одном из отчетов говорится:

«Эти мероприятия по самоочищению проходили гладко благодаря тому, что армейские власти, которые были поставлены об этом в известность, проявили должное понимание этой задачи».

Армейские власти проявляли не одну только «сердечность» и понимание задач. В некоторых случаях они брали инициативу в свои руки. После описания умерщвления больных из психиатрической больницы, которые попали в руки эйнзатцкоманды, в отчете говорится:

«Иногда армейские власти просили нас подобным же образом очистить другие учреждения, помещения которых были нужны для расквартирования войск. Однако поскольку интере-

сы полиции безопасности не требовали такого вмешательства, армейским властям предоставлялось самим, с помощью их собственных частей, провести необходимые мероприятия».

И далее:

«Продвижение частей оперативной группы "А", которая должна была действовать в Ленинграде, производилось по договоренности с танковой группой 4 и в соответствии с выраженным желанием танковой группы 4».

Могло ли случиться, что операции такого рода, длившиеся в течение месяцев и лет на громадных территориях, проводившиеся в сотрудничестве с вооруженными силами по мере их продвижения и на тыловых территориях, которыми они управляли, оставались неизвестными руководителям Германии? Даже их собственные уполномоченные на оккупированных территориях заявляли протесты. В октябре 1941 года уполномоченный по Белоруссии направил имперскому уполномоченному по делам восточных территорий в Риге отчет об операциях в своем округе. На основании этого отчета можно получить некоторое представление об ужасах этих мероприятий:

«Не говоря уже о том, что евреи подвергались самому ужасному и варварскому обращению на глазах белорусов, самих белорусов также "обрабатывали" резиновыми дубинками и ружейными прикладами... Все это зрелище в общем было более чем ужасно... Я не присутствовал на расстрелах за городом, поэтому я не могу говорить об их жестокости, но достаточно будет сказать, что расстрелянные сами выкапывали себя из могил через некоторое время после того, как их засыпали землей» (ПС-1104).

Однако протесты такого рода ни к чему не вели, массовые убийства продолжались с ужасающей жестокостью.

В феврале 1942 года в оперативном отчете Гейдриха о деятельности эйнзатцкоманд в СССР, отчете, копия которого была адресована лично Кальтенбруннеру, говорилось:

«Нашей целью является полное очищение восточных территорий от евреев... Эстония уже очищена от них. В Латвии в Риге, где было 29 500 евреев, количество их сокращено до 2500 человек» (ПС-3876).

В июне 1943 года уполномоченный по Белоруссии снова протестовал. После того как он упомянул о том, что 4,5 тысячи человек были убиты, он писал:

«Политический эффект таких операций широкого масштаба на мирное население ужасен, в особенности если учесть многочисленные расстрелы женщин и детей».

Имперский комиссар по восточным территориям, передавая этот протест Розенбергу, имперскому министру по оккупированным восточным территориям в Берлине, добавил:

«Тот факт, что евреи должны быть подвергнуты особому обращению, не требует дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить тому, что это делается таким образом, как это описано в докладе генерального комиссара. Что такое Катынь по сравнению с этим! Вообразите только, что эти события станут известны противной стороне и будут использованы ею! Наиболее вероятно, что такая пропаганда не окажется

действенной, но только потому, что люди, которые услышат или прочтут об этом, не смогут поверить этому» (Р-135).

Как правильно то, что здесь говорится! Разве даже сейчас мы можем поверить этому?

Описывая трудности в установлении различия между врагом и другом, он говорит:

«Тем не менее было бы возможно избежать зверств и похоронить тех, которые были ликвидированы. Запирать мужчин, женщин и детей в амбары и поджигать их — неподходящий метод борьбы с бандами, даже если желательно уничтожить население. Этот метод недостоин миссии Германии и наносит жестокий ущерб нашей репутации.

Из всех евреев, убитых в Белоруссии, более 11 тысяч было умерщвлено в Либавском округе и 7 тысяч из них в самом военном порту» (Л-180, Д-841).

Как может кто-нибудь из этих подсудимых заявлять, что он ничего не знал об этом? Когда Гиммлер говорил об этих действиях открыто перед своими генералами СС и остальными офицерами дивизий СС в апреле 1940 года, он сказал им:

«Антисемитизм — это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей не вопрос идеологии, это вопрос гигиены. Точно так же для нас и антисемитизм являлся не вопросом идеологии, а вопросом гигиены, который вскоре будет решен. Скоро мы избавимся от "вшей". У нас осталось только 20 тысяч "вшей", и затем с этим вопросом будет покончено во всей Германии» (ПС-1919).

А в октябре того же года он говорил:

«Большинство из вас должны знать, что это такое, когда рядами лежат 100 трупов, или 500, или 1000».

Тем временем массовое уничтожение евреев в Освенциме и в других центрах уничтожения стало отраслью государственной промышленности, производящей большое количество побочных продуктов. Тюки волос, некоторые из них, как Вы вспомните, все еще заплетенные в косы, в таком виде, как они были срезаны с девичьих голов; тонны одежды, игрушек, очков и других предметов направлялись в империю для набивки стульев в домах жителей нацистской Германии и для того, чтобы служить им одеждой. Золото с зубов жертв, 72 полных транспорта, были направлены в Германию с тем, чтобы заполнить сейфы рейхсбанка Функа. Порой даже тела жертв использовались для того, чтобы возместить вызванный войной недостаток мыла (СССР-272). Жертвы прибывали со всей Европы. Евреев из Австрии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Голландии, Советской России, Франции, Бельгии, Польши, Греции собирали вместе для того, чтобы депортировать в лагеря уничтожения или убивать на месте.

В апреле 1943 года Гитлер и Риббентроп оказывали давление на регента Хорти с тем, чтобы он предпринял действенные меры против евреев в Венгрии. Хорти спросил:

«Что он может сделать еще с евреями после того, как он лишил их почти всех возможностей существования; не может же он убить их. Имперский министр иностранных дел заявил, что евреи должны быть или истреблены, или посланы в кон-

центрационные лагеря. Другой возможности не существует» (Д-736).

Гитлер разъяснял: «В Польше ситуация в принципе приведена в порядок. Там, если евреи не желали работать, их расстреливали. Если они не могли работать, они вынуждены были погибнуть. С ними пришлось обращаться, как с бациллами туберкулеза. Это не было жестокостью, если вспомнить, что приходится убивать даже невинные создания природы, как, например, зайцев и оленей, с тем чтобы они не могли причинить вреда».

В сентябре 1942 года статс-секретарь Риббентропа Лютер писал:

«Имперский министр иностранных дел инструктировал меня сегодня по телефону о том, что нужно ускорить, насколько это возможно, эвакуацию евреев из различных стран... После краткого обзора проходящей сейчас эвакуации в Словении, Хорватии, Румынии и на оккупированных территориях имперский министр иностранных дел приказал, чтобы мы вступили в переговоры с болгарским, венгерским и датским правительствами с тем, чтобы в этих странах также началась эвакуация» (ПС-3688).

К концу 1944 года 400 тысяч евреев из одной только Венгрии были казнены в Освенциме. В архивах германского посольства в Бухаресте в числе прочих имеется меморандум, который я цитирую:

«110 тысяч евреев эвакуируют из Буковины и Бессарабии в два леса в районе реки Буг. Цель этого мероприятия — ликвидация этих евреев» (ПС-3319).

День за днем, год за годом женщины поднимали на руках своих детей и указывали им на небеса в то время, как они ждали своей очереди перед пропитанной кровью общей могилой. 12 миллионов мужчин, женщин и детей погибли, таким образом, в результате хладнокровного убийства; миллионы и миллионы оплакивают сегодня своих матерей, отцов, мужей, жен и детей.

Какое право на милосердие имеет тот, кто принимал хотя бы косвенное участие в подобном преступлении?

Пусть Гребе вновь расскажет нам о Дубно (ПС-2992):

«5 октября 1943 г., когда я посетил строительную контору в Дубно, мой десятник сказвл мне, что поблизости от строительного участка евреев из Дубно расстреливали в трех больших ямах — 30 метров длины и 3 метров глубины каждая. Ежедневно убивали около 1500 человек, 5 тысяч евреев, которые еще оставались в живых в Дубно до погрома, должны были быть ликвидированы. Так как расстрелы происходили в то время, когда десятиик там находился, он был вообще страшно подавлен. Вслед затем я поехал на строительный участок в сопровождении моего десятника и увидел вблизи от участка большую насыпь земли около 30 метров длины и 2 метров высоты. Несколько грузовиков стояло перед этой насыпью. Вооруженные полицаи-украинцы сгоняли людей с грузовиков под надзором эсэсовца. Полицаи действовали в качестве охранников на грузовиках, а также служили водителями грузовиков,

подъезжавших к яме и отъезжавших от нее. Спереди и сзади на одежде у всех этих людей были полагавшиеся по распоряжению желтые лоскуты, по которым в них можно было узнать евреев.

...Мой десятник и я направились прямо к ямам. Никто нам не помешал. Затем я услышал нестройный ружейный залп, раздавшийся из-за одной насыпи.

Люди, которые сошли с грузовиков, — мужчины, женщины и дети всех возрастов — должны были раздеться по приказу членов СС, имевших при себе кнуты или плетки. Они должны были сложить свою одежду в определенных местах, таким образом соответственно рассортировывались обувь, верхняя одежда и белье.

Я видел груду обуви, приблизительно от 800 до 1000 пар, огромные кипы белья и одежды. Без криков и плача эти люди, раздетые, стояли вокруг семьями, целовали друг друга, прощались и ожидали знака от другого эсэсовца, который стоял около насыпи также с кнутом в руке. В течение 15 минут, пока я стоял там, я не слышал ни одной жалобы, ни одной мольбы о милосердии. Я наблюдал за семьей, состоявшей из 8 человек: мужчины и женщины, в возрасте около 50 лет с детьми, около 8 и 10 лет, и двумя взрослыми дочерьми, около 20 и 24 лет. Старая женщина со снежно-белыми волосами держала на руках годовалого ребенка, пела ему и играла с ним. Ребенок ворковал от удовольствия. Родители смотрели на него со слезами в глазах. Отец держал за руку мальчика приблизительно лет 10 и что-то мягко говорил ему. Мальчик боролся со слезами. Отец указывал на небо, гладил рукой его по голове и, казалось, что-то объяснял ему. В этот момент эсэсовец у насыпи крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти за насыпь. Среди них была и та семья, о которой я говорил. Я запомнил девушку, стройную, с черными волосами, которая, проходя близко от меня, показала на себя и сказала: "23". Я обошел вокруг насыпи и оказался перед огромной могилой. Люди тесно были сбиты друг к другу и лежали друг на друге, так что были видны только их головы. Почти у всех по плечам струилась кровь из головы. Некоторые из расстрелянных еще двигались. Некоторые подымали руки и поворачивали головы, чтобы показать, что они еще живы. Яма уже была заполнена на две трети. По моему подсчету, там уже было около тысячи человек. Я поискал глазами человека, производившего расстрел. Это был эсэсовец, сидевший на краю узкого конца ямы; ноги его свисали в яму. На его коленях лежал автомат, он курил сигарету. Люди, совершенно нагие, сходили вниз по нескольким ступенькам, которые были вырублены в глиняной стене ямы, карабкались по головам лежавших там людей к тому месту, которое указывал им эсэсовец. Они ложились перед мертвыми или ранеными людьми, некоторые ласкали тех, которые еще были живы, и тихо говорили им что-то. Затем я услышал автоматную очередь. Я посмотрел в яму и увидел, что там бились в судорогах люди; их головы лежали неподвижно на телах, положенных до них. Кровь текла из затылков. Я был удивлен, что не получил приказа уйти, но

затем увидел, что вблизи находились еще два или три охранника в форме.

Следующая группа уже приближалась. Они спустились в яму, легли на линию против предшествовавших жертв и были расстреляны. Когда я, возвращаясь, огибал насыпь, я заметил другой, только что прибывший грузовик, нагруженный людьми. На этот раз это были больные и дряхлые люди. Старая, очень худая женщина со страшно тонкими ногами была раздета другими, уже обнаженными, в то время как два человека поддерживали ее. Женщина, очевидно, была разбита параличом. Обнаженные люди пронесли ее вокруг насыпи. Я покинул это место вместе со своим десятником и уехал в машине обратно в Дубно.

Утром следующего дня, когда я снова посетил строительный участок, я увидел около 30 обнаженных людей, лежавших вблизи от ямы, примерно в 30—50 метрах от нее. Некоторые из них были еще живы, смотрели прямо перед собой остановившимися глазами и, казалось, не замечали ни утреннего холода, ни рабочих моей фирмы, которые стояли вокруг. Девушка около 20 лет заговорила со мной и попросила дать ей ее одежду и помочь бежать. В этот момент мы услышали шум быстро приближавшейся машины, и я заметил, что это была команда СС. Я отошел обратно на свой строительный участок.

Через 10 минут мы услышали выстрелы со стороны ям. Еще живым евреям было приказано бросить тела в яму; затем они сами должны были туда лечь и были расстреляны выстрелами в затылок».

То, что ни один человек из сидящих на этой скамье не мог оставаться в неведении об ужасах, которые совершались для того, чтобы поддержать нацистскую военную машину и политику геноцида, становится еще более ясным, когда Вы рассматриваете доказательства в отношении другого огромного преступления, о котором мало слышали в течение этого процесса и которое так же ясно, как и любое другое, иллюстрирует безнравственность и порочность этих людей и их режима — убийство около 275 тысяч людей, так называемое убийство из милосердия. Какие низменные поступки прикрывали они этим высоким словом!

Летом 1940 года Гитлер издал секретный приказ убить всех больных и престарелых людей Германии, которые не могли уже больше продуктивно работать для германской военной машины. Фрик больше, чем кто-либо иной в Германии, был ответствен за то, что произошло в результате этого приказа. Имеется обильный материал, свидетельствующий о его осведомленности и о том, что это было известно огромному количеству людей в Германии.

В июле 1940 года епископ Вурм писал Фрику (М-152):

«В течение нескольких последних месяцев умалишенные, слабоумные, эпилептики — пациенты государственных и частных медицинских учреждений — были переведены в другое медицинское учреждение по приказу "имперского совета обороны". Их родственников, даже в тех случаях, когда пациент содержался на их счет, информировали о переводе только

после того, как он уже совершался. В большинстве случаев лишь через несколько недель после этого их информировали о том, что данный пациент скончался в результате болезни и что в связи с опасностью инфекции тело его должно было быть подвергнуто кремации. По приблизительному подсчету несколько сот пациентов только из одного медицинского учреждения в Вюртенберге умерли таким образом...

В связи с многочисленными запросами из города и сельской местности из самых различных кругов я считаю своим долгом указать имперскому правительству, что этот факт является причиной особого возбуждения в нашей маленькой провинции. Транспорты с больными людьми, которые разгружаются на маленькой железнодорожной станции Марбах на Лане, автобусы с непрозрачными стеклами, которые доставляют больных с более отдаленных железнодорожных станций или непосредственно из госпиталей, дым, поднимающийся из крематория и заметный даже на большом расстоянии, — все это дает пищу для размышлений, тем более что никому не разрешается входить в замок, где происходят казни. Каждый убежден в том, что причины смерти, которые опубликовываются официально, выбраны наугад. Когда в довершение всего в обычном извещении о смерти выражается сожаление о том, что все попытки спасти жизнь пациента оказались напрасными, это воспринимается как издевательство. Но, кроме всего, атмосфера тайны будит мысль о том, что происходит нечто противоположное справедливости и этике, и поэтому правительство не может открыто выступить в защиту этого, как это происходит в отношении других необходимых и обязательных мер военного времени. Это положение постоянно подчеркивается простыми людьми и в многочисленных устных и письменных заявлениях, которые к нам поступают».

Фрик был глух, когда к нему взывали о справедливости и этике. Через год, в августе 1941 года, епископ Лимбургский писал имперским министерствам внутренних дел, юстиции и по церковным делам (ПС-615):

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамар, на холме, возвышающемся над городом, имеется учреждение, которое прежде служило для различных целей, но с недавнего времени использовалось как инвалидный дом. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором, по единодушному мнению, приблизительно с февраля 1941 года в течение нескольких месяцев систематически осуществляется предание людей вышеупомянутой "легкой смерти". Этот факт стал известен за пределами административного округа Висбаден... Несколько раз в неделю автобусы с довольно большим числом таких жертв прибывают в Хадамар. Окрестные школьники знают этот автобус и говорят: "Вот снова едет ящик смерти".

После прибытия автобуса граждане Хадамара видят дым, поднимающийся из трубы, и с болью в душе думают о несчастных жертвах, в особенности когда до них доходит отвратительный запах. В результате того, что здесь происходит, дети, по-

ссорившись, говорят: "Ты сумасшедший, тебя отправят в печь в Хадамар".

Те, которые не хотят или не имеют возможности вступить в брак, говорят: "Жениться?! Никогда! Произвести на свет детей с тем, чтобы их потом бросили в эти мясорубки". Часто можно слышать, как старики говорят: "Не посылайте меня в государственную больницу: после того как будет покончено со слабоумными, настанет очередь следующих бесполезных едоков-стариков..."

Говорят, что чиновники государственной тайной полиции стараются подавить обсуждение событий в Хадамаре путем применения суровых угроз. Это может быть вызвано хорошими намерениями в интересах общественного спокойствия, но осведомленность, убежденность и негодование населения не могут быть этим изменены.

Убежденность укрепится после горького осознания того, что обсуждение запрещено под угрозами, но сами действия не преследуются уголовным правом. Факты говорят сами за себя».

Если простой народ Германии знал об этих сравнительно незначительных по масштабам убийствах и жаловался по этому поводу, если министерства юстиции, внутренних дел и по делам церкви получили протесты от епископов двух округов, далеко отстоявших один от другого, о том, что было общеизвестно в их епархиях, то насколько более серьезной являлась проблема обеспечения тайны в деятельности эйнзатцкоманд на Востоке. В мае 1942 года руководитель СС, докладывая в Берлин по поводу своей инспекторской поездки по проведению мероприятий по умерщвлению, писал о газовых автомобилях:

«Приказав установить по одной ставне с каждой стороны в маленьких автомобилях и по две ставни с каждой стороны в больших автомобилях, — такие, как можно часто видеть в крестьянских домах в деревне, — я добился того, что автомобили группы "О" стали выглядеть, как автомобили, приспособленные для жилья. Они настолько хорошо известны, что не только власти, но и гражданское население называют такие автомобили "душегубками", как только они появляются. По моему мнению, даже при маскировке нельзя будет держать это в секрете хоть сколько-нибудь продолжительное время» (ПС-501).

Могли ли эти подсудимые оставаться в неведении? Что именно ниспослало им провидение для того, чтобы не дать им узнать об этом, чтобы спасти их от знания того, что было содеяно ими же? Эти убийства престарелых и слабоумных — предмет толков всей Германии и тема статей в мировой прессе — должны были быть известны каждому из этих людей.

Насколько больше еще они должны были знать о концентрационных лагерях, которые в течение этих лет покрыли, как сыпь, всю Германию и оккупированные территории! Если они могли молча согласиться с убийствами из милосердия, то с каким одобрением они должны были рассматривать убийства евреев!

В 1939 году существовало шесть основных концентрационных лагерей: Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Флоссенбург и Равенсбрюк.

Бюджет Фрика, составленный на 1939 год для министерства внутренних дел, включает сумму в 21 155 тысяч рейхсмарок для вооруженных отрядов СС и концентрационных лагерей, сумму, которая представляет собой не менее одной пятой всего бюджета. К апрелю 1942 года к этим лагерям прибавилось еще девять. Позднее было создано много других лагерей.

Однако эти лагеря были только сердцевиной этой системы, причем, подобно тому, как планета имеет свои спутники, сопутствующие ей, так и каждый из этих лагерей имел свои вспомогательные лагеря.

Цирайс[1] *дал Вам некоторое представление о масштабах этой системы (ПС-626). Он описывает вспомогательные лагеря, которые были у одного только лагеря Маутхаузен. Он упомянул названия 33 из этих лагерей, указав при этом число заключенных в каждом из них, причем общее их число превышает 102 тысячи.*

Помимо этих 33 лагерей было и 45 других, которые также управлялись комендантом лагеря Маутхаузен.

Все Вы видели карту Европы, на которой было показано расположение всех тех основных и вспомогательных концлагерей, которые стали известными. Более 300 из них отмечены на этой карте (Ф-324). К августу 1944 года общее число заключенных в этих лагерях составляло 1 миллион 136 тысяч, из них 90 тысяч человек из Венгрии, 60 тысяч из полицейской тюрьмы и гетто Литиманнштадта, 15 тысяч поляков из генерал-губернаторства, 10 тысяч осужденных из восточных территорий, 17 тысяч бывших польских офицеров, 400 тысяч поляков из Варшавы и от 15 тысяч до 20 тысяч человек, постоянно прибывавших из Франции (ПС-1166). Это были только лица, пригодные для физической работы, поэтому они были постоянными заключенными этих лагерей, постоянными, по крайней мере, до тех пор, пока в силу их физического изнурения неприятные заботы, связанные с тем, чтобы они продолжали жить, переставали окупаться производительностью их труда. После этого они занимали свое место среди людей, ежедневно отправляемых в газовые камеры. День за днем из труб крематориев исходило тошнотворное зловоние, распространявшееся по всей окружающей местности. Если епископ Лимбургский мог написать Фрику об отвратительном запахе, исходившем из сравнительно небольших печей Хадамара, можем ли мы сомневаться в правдивости показаний Гесса относительно того, что «отвратительный тошнотворный запах от постоянно сжигаемых тел распространялся по всей местности и все население окружающих на-

---

[1] Штандартенфюрер СС Франц Цирайс — последний комендант концлагеря Маутхаузен, был арестован и 13 августа 1945 г. дал подробные показания о совершенных злодеяниях. — **Прим. сост.**

селенных пунктов знало, что в Освенциме происходило истребление людей».

День за днем поезда с жертвами, обреченными на истребление или рабство, курсировали по железным дорогам всей империи. Многие прибывали умирающими или даже мертвыми из-за тех ужасных условий, в которых им приходилось путешествовать. Один чиновник из управления железнодорожной станции в Эссене описал прибытие рабочих из Польши, Галиции и Украины следующим образом: «Они прибыли в товарных вагонах, в которых перевозился картофель, строительные материалы и скот. Вагоны были битком набиты людьми. Я лично считаю, что перевозить людей подобным образом просто бесчеловечно. Люди были так тесно прижаты друг к другу, что даже не было места свободно повернуться. Каждый порядочный немец пришел бы в ярость, если бы видел, как били этих людей, ударяли их ногами и вообще подвергали их жестокому обращению. Уже в самом начале, как только прибыл первый эшелон, мы могли видеть, как бесчеловечно обращались с этими людьми. Каждый вагон был настолько переполнен, что казалось невероятным уместить такое количество людей в одном вагоне. Одежда военнопленных и гражданских рабочих была в ужасном состоянии. Это были просто лохмотья, обувь была в таком же состоянии. Во многих случаях они должны были выходить на работу, намотав на ноги тряпки. Даже в самую плохую погоду и ужасный холод я никогда не видел, чтобы хоть один вагон отапливался» (Д-321).

Эти люди не были предназначены для концентрационных лагерей — об этом можно сказать наверняка. Насколько ужаснее было положение тех, которые были предназначены для них!

Большие колонны людей также проходили пешком по шоссейным дорогам Германии. Они шли до тех пор, пока могли идти, а затем они падали и умирали на обочине дороги.

Цирайс, комендант Маутхаузена, в своем предсмертном признании говорит:

«В присутствии Бальдура фон Шираха и других я получил следующий приказ от Гиммлера: "Все евреи, проживающие на юго-востоке, работающие в так называемых командах по строительству укреплений, должны быть посланы пешком в Маутхаузен".

В результате этого приказа мы ожидали получить 60 тысяч евреев в Маутхаузен, но в действительности только небольшая часть этого количества прибыла на место назначения. Я помню, что из одной конвоируемой партии, состоявшей из 4500 евреев, которая была направлена в лагерь из одного местечка внутри страны, прибыло на место назначения только 180. Женщины и дети были разуты, одеты в лохмотья и покрыты насекомыми. В этой партии были целые семьи, которые отправились в путь все вместе, но очень многие из их членов ослабели в пути и были расстреляны».

Что бы ни было спрятано от постороннего взгляда за колючей проволокой концентрационных лагерей, эти факты могли видеть все. Каждый из этих подсудимых должен был это

видеть, как он должен был видеть тысячи заключенных концентрационных лагерей, работавших на полях и фабриках, в полосатой пижаме — форменной одежде, которая была так же знакома всем, как и любая другая форма в Германии. Как мог каждый из этих подсудимых, если в нем была хоть искра человеческой жалости, продолжать принимать активное участие в поддержке той системы, которая была ответственна за подобные страдания? Но у них не было никакой жалости. С помощью своей идеологии и воспитания они отучили и германский народ проявлять чувство жалости. Цирайс описывает тот страшный конец, который Кальтенбруннер предназначал для концентрационных лагерей и заключенных в них, когда приближение наступавших союзных армий вызвало угрозу захвата этих лагерей и раскрытия виновности нацистского правительства. Я цитирую:

«Заключенные должны быть введены в туннели фабрики Бергкристалл, и оставленный единственный вход должен быть взорван с помощью взрывчатых веществ, таким образом заключенные должны быть умерщвлены» (ПС-3870).

Даже Цирайс — убийца 65 тысяч заключенных Маутхаузена — испугался и отказался от выполнения этого приказа. Эти показания подтверждаются совершенно определенно письменным приказом, изданным начальником ЗИПО и СД в генерал-губернаторстве. Этот приказ был представлен в качестве доказательства. Я цитирую его:

«Следует заранее провести подготовку с тем, чтобы, если этого потребует положение на фронте, можно было полностью очистить лагерь от заключенных. Если же события будут разворачиваться совершенно неожиданно и таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, то все заключенные должны быть умерщвлены и по возможности следует уничтожить их тела (сжигание, подрыв зданий и т.д.).

Если будет необходимо, то с евреями, которые все еще используются в промышленности вооружения или на других работах, следует расправиться подобным же образом. При всех обстоятельствах следует избегать того, чтобы заключенные или евреи были освобождены противником, безразлично — будь то враг с запада или Красная Армия. Они не должны также попасть в их руки живыми» (Л-532).

И Кальтенбруннер лично заботился о том, чтобы эти приказы были выполнены. Располагая этим доказательством, мы можем придать только одно значение той телеграмме, которая была найдена среди документов при его аресте: «Прошу сообщить рейхсфюреру СС и доложить фюреру о том, что я лично позаботился сегодня о проведении всех мероприятий против евреев, политических заключенных и заключенных концентрационных лагерей в протекторате» (ПС-2510).

Утверждение, которое Вас просят принять, заключается в том, что человек, который был министром или играл какую-то другую ведущую роль в государстве, которое в течение шести лет перевезло в ужасных условиях 7 миллионов мужчин, женщин и детей на работу, истребило 275 тысяч собственных старых и душевнобольных людей, уничтожило в газовых камерах или расстреляло по минимальным подсчетам 12 миллионов,

оставался в неведении и не несет ответственности за совершение этих преступлений.

Вас просят также согласиться с тем, что ужасы транспортировки этих людей, условия рабского труда, используемого в трудовых лагерях по всей стране, зловоние от сжигаемых тел — все это было известно всему миру — было неизвестно тому 21 человеку, согласно приказам которых осуществлялись все эти действия.

Вам предлагают согласиться с тем, что, когда они высказывались или писали в поддержку этой жуткой политики геноцида, они действовали, не зная фактов, в ходе выполнения своего долга поддерживать политику правительства или, наконец, с тем, что их высказывания следует считать чисто теоретическими, иными словами, что только делая подобные письменные и устные высказывания, они имели возможность отвлекать Гитлера от жестокостей и агрессии. Решить, что же правильно, должны Вы.

Геринг, Гесс, фон Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Дениц, Редер, фон Ширах, Заукель, Иодль, фон Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, фон Нейрат, Фриче, Борман — вот люди, которые виновны в этом.

Разрешите мне сделать краткие замечания о каждом из них, но особенно я остановлюсь на тех, чье тесное соучастие в совершении самых подлых преступлений — зверских убийств — было, возможно, менее очевидным.

Ответственность Геринга за все эти преступления вряд ли возможно отрицать. Скрываясь за маской показного добродушия, он не меньше, чем все остальные, был творцом этой дьявольской системы. Кто же еще, помимо Гитлера, был более осведомлен о том, что происходило, или имел большую силу повлиять на ход этих событий?

Руководство правительством в нацистском государстве, последовательное проведение подготовки к войне, заранее рассчитанная агрессия, зверства — все это не происходит самопроизвольно или без тесного сотрудничества людей, возглавляющих различные высшие учреждения государства. Люди сами по себе не вступают на чужую территорию, не спускают курок винтовки, не сбрасывают бомб, не строят газовых камер, не сгоняют вместе свои жертвы, если только их не организуют для этого и им не приказывают делать это.

В преступлениях, совершавшихся систематически и в национальном масштабе, должен был быть замешан каждый, кто являлся необходимым звеном этой цепи, ибо без участия такого человека выполнение агрессивных планов в одном месте и проведение массовых убийств в другом было бы невозможным.

Принцип фюрерства, согласно которому нацисты передали себя, душой и телом, в распоряжение своего фюрера, был созданием нацистской партии и этих людей. Выступая перед Вами в начале процесса, я отметил, что приходит время, когда надо сделать выбор между своей совестью и своим фюрером. Ни один из тех, кто, как эти люди, предпочел отречься от своей

совести ради этого чудовища, которое они сами создали, не может теперь жаловаться на то, что их привлекают к ответственности за их соучастие в действиях этого чудовища.

И меньше всего Гесс. Роль Гесса в нацистской партии точно установлена. Не удовольствовавшись созданием этого чудовища, он оказывал ему помощь во всех областях его чудовищной деятельности. Я приведу только один пример. Вы помните указание, данное им партийным чиновникам в связи с вопросом об истреблении восточных народов, об оказании помощи набору в войска СС. Он сказал: «Они состоят из национал-социалистов, являющихся наиболее подходящими по сравнению с другими вооруженными войсками для выполнения особых задач на оккупированных восточных территориях, благодаря их усиленной национал-социалистской подготовке по расовым и национальным вопросам» (ПС-3245).

Роль Риббентропа также ясна. Никто в истории не проводил такой извращенной дипломатии, никто не был виновен в более низком предательстве. Но он, как и все остальные, также является просто обыкновенным убийцей. Именно Риббентроп начиная с 1940 года направлял свои креатуры в посольства и миссии по всей Европе, чтобы ускорить проведение политических мер, то есть мер по расовому истреблению (ЕС-265). Не Гиммлер, а имперский министр иностранных дел гордо доложил дуче в феврале 1943 года, что «все евреи были вывезены из Германии и с оккупированных ею территорий в различные гетто на Восток» (Д-734).

Его наглые советы Хорти, высказанные через два месяца после этого, и протокол совещания, созванного Штейнграхтом, его постоянным заместителем, выдают смысл этих чудовищных эвфемизмов. Практика показывает, что никто так не настаивал на проведении беспощадных мер на оккупированных территориях, как Риббентроп. Вы припомните его совет итальянцам относительно того, как расправляться с забастовками. «В подобном случае только проведение безжалостных мер может привести к каким-нибудь результатам» (Д-736, ПС-3319). «На оккупированных территориях мы ни к чему бы не пришли, применяя мягкие методы или пытаясь достичь соглашения» (Д-740). Этот совет он еще раз подкрепил, с гордостью ссылаясь на успехи, достигнутые проведением «жестоких мер» в Норвегии, «жестоких мероприятий» в Греции, и на успех «драконовских» мер во Франции и Польше.

Были ли Кейтель и Иодль менее ответственны за убийства, чем их сообщники? Они не могут отрицать своей осведомленности и своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми их собственные командующие работали в тесном и сердечном содружестве. Примером отношения верховного командования к этому вопросу в целом может служить замечание Иодля относительно эвакуации евреев из Дании:

«Я ничего не знаю об этом. Если политическое мероприятие в Дании должно проводиться командующим, ОКВ должно быть извещено об этом министерством иностранных дел» (Д-547). Нельзя замаскировать убийство, назвав его политической мерой. Кальтенбруннер, начальник главного управления

имперской безопасности, должен быть признан виновным. Отчеты эйнзатцкоманд посылались ему ежемесячно (ПС-3876). Вы вспомните слова Гизевиуса, свидетеля защиты:

«Мы спрашивали себя, можно ли было себе представить, что существует еще более жестокий человек, чем такой изверг, как Гейдрих... Появился Кальтенбруннер, и положение ухудшалось с каждым днем... Мы на опыте убедились, что импульсивные акты убийств Гейдриха не были уже столь плохими в сравнении с хладнокровной правовой логикой юриста, которому подчинялось такое ужасное орудие, как гестапо».

Вы вспомните его[1] описание этих ужасных званых завтраков, на которых Кальтенбруннер обсуждал в деталях убийства в газовых камерах и технику массовых убийств.

Виновность Розенберга как философа и теоретика, который подготовил благоприятную почву для развития нацистской политики, несомненна. Невероятно, чтобы, будучи имперским министром по вопросам оккупированных восточных территорий, он не знал и об уничтожении различных гетто и не помогал этому, а также не знал о действиях эйнзатцкоманд. В октябре 1941 года, когда деятельность эйнзатцгрупп достигла высших пределов, один из начальников отдела министерства Розенберга в письме к имперскому уполномоченному по делам оккупированных восточных территорий в Риге информировал его о том, что главное управление имперской безопасности недовольно тем, что он запретил уничтожение евреев в Либаве, и просил прислать объяснения по этому поводу. 15 ноября в ответ на это пришло следующее сообщение, адресованное имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий:

«Я запретил зверское уничтожение евреев в Либаве, поскольку оно не было обоснованным в том виде, в каком оно проводилось. Я желал бы получить информацию относительно того, следует ли Ваш запрос от 31 октября рассматривать как директиву относительно уничтожения всех евреев на Востоке и следует ли это проводить независимо от пола, возраста и экономических интересов. ...Конечно, очищение Востока от евреев является крайне важным, однако разрешение этого вопроса следует согласовать с необходимостью выпуска военной продукции» (ПС-3663).

Франк, которого следует осудить уже за то, что он был ответственным за управление генерал-губернаторством и за участие в одной из наиболее кровавых жестоких глав нацистской истории, сам заявил: «Нельзя убить всех вшей и всех евреев в один год» (ПС-2233-С).

Не случайно, что он говорит языком Гиммлера. И далее:

«Что касается евреев, то я хочу вам сказать совершенно откровенно, что они должны быть уничтожены тем или иным путем. Господа судьи, я должен просить Вас отказаться от чувства жалости. Мы должны уничтожать евреев всюду, где бы мы

[1] Гизевиуса. — **Прим. сост.**

их ни находили, и всегда, когда это возможно, для того чтобы сохранить структуру империи в целом. Если мы не можем расстрелять или отравить 3 миллиона 500 тысяч евреев, то тем не менее мы сможем принять меры, которые тем или иным образом приведут к их уничтожению» (ПС-233-д).

Мог ли Фрик как министр внутренних дел не знать о политике уничтожения евреев? В 1941 году один из его подчиненных — Гейдрих писал министру юстиции: «Можно безошибочно сказать, что в будущем не будет более евреев на присоединенных восточных территориях».

Может ли он как имперский протектор Богемии и Моравии отрицать свою ответственность за вывоз сотен тысяч евреев с этой территории и за помещение их в газовые камеры в Освенциме, расположенном всего лишь в нескольких милях по ту сторону границы?

Что касается Штрейхера, то о нем нет необходимости говорить. Этот человек, возможно, более чем кто-либо другой, ответствен за совершение наиболее ужасных из всех преступлений, которые когда-либо были известны миру. В течение 25 лет уничтожение евреев являлось ужасной целью его жизни. В течение 25 лет он воспитывал немцев в духе ненависти, жестокости и убийства. Он учил и подготавливал их поддерживать нацистскую политику, одобрять и участвовать в жестоких преследованиях и уничтожении миллионов своих соотечественников. Без него этого бы не могло быть. Он давно уже потерял всякие права на жизнь.

Тот факт, что подсудимые Шахт и Функ занимались главным образом экономическими вопросами, не должен отвлечь внимание Трибунала от того, что они играли важную роль в осуществлении общего плана. Шахт сказал, что он не причастен к этому. Дело Трибунала решить этот вопрос. Шахт сыграл свою роль в приходе Гитлера к власти. Он сказал, что, по его мнению, Гитлер был «человеком, с которым можно было сотрудничать», и заверил Гитлера в том, что он может всегда на него рассчитывать как на надежного помощника (ЕС-457).

Шахт способствовал укреплению положения нацистов и являлся главной фигурой в сборе средств среди промышленников в фонд избирательной кампании. Затем в его функции вошло создание экономического плана и механизма, необходимого для начала проведения и осуществления агрессии. Он знал о политике, проводимой в отношении евреев, о методах, которые применял Гитлер для укрепления своей власти, о том, что конечной целью была агрессия. Но он продолжал принимать участие в осуществлении этих планов. Мессерсмит следующим образом резюмировал содержание его деятельности:

«Однако благодаря находчивости Шахта, совершенно безжалостным методам, которых он придерживался в финансовой политике, и своему абсолютному цинизму Шахт смог сохранить и стабилизировать ситуацию для нацистов. Несомненно, без полной передачи всех его способностей в руки нацистского правительства для решения всех его амбициозных задач Гитлеру и нацистам было бы невозможно создать вооруженные

силы, достаточные для того, чтобы дать возможность Германии развязать агрессивную войну» (ЕС-451).

Тот факт, что именно к этому стремился Шахт, явствует весьма определенно из очень давнего секретного отчета министерства экономики от 30 сентября 1934 г. (ЕС-128). Я уже ссылался на отчет его помощника, в котором говорилось о поразительной тщательности, с которой были разработаны планы для подготовки к управлению германской экономикой в период войны до ухода Шахта в отставку в 1937 году (ЕС-258). Неудивительно, что в день шестидесятилетия Шахта тогдашний германский военный министр Бломберг сказал ему: «Без вашей помощи, мой дорогой Шахт, не могло бы быть создано это вооружение».

Здесь на процессе Шахт показал, что уже во второй половине 1934 года и в первой половине 1935 года он понял, что «был не прав в своих предположениях» относительно того, что Гитлер придаст умеренный характер «революционным силам» нацизма, и что он понял, что Гитлер не сделал ничего для того, чтобы приостановить эксцессы отдельных членов партии, а также партийных групп. Гитлер проводил «политику террора».

Это совпадает с заявлением Шахта американскому послу в сентябре 1934 года, когда он сказал: «Гитлеровская партия полностью посвятила себя войне; народ также проявляет желание вести войну и готов к этому, лишь некоторые правительственные чиновники сознают опасность этого и выступают против такого решения» (ЕС-461).

Дальнейшие объяснения Шахта, будто цель его участия в правительстве заключалась в том, чтобы быть критическим началом и тормозом, нельзя совместить с его собственными действиями. Исходя из его собственных соображений, он не должен был становиться министром экономики, но тем не менее он это сделал. В мае 1935 года, когда он принял на себя функции генерального уполномоченного по вопросам военной экономики с тем, чтобы «поставить все экономические ресурсы на службу войне и обеспечить германский народ в экономическом отношении», он писал Гитлеру:

«Все расходы для других целей, в которых нет особой необходимости, должны быть приостановлены, и вся финансовая мощь Германии, сама по себе незначительная, должна быть сконцентрирована и направлена для достижения одной цели — вооружения» (ПС-1168).

В мае 1936 года на секретном совещании нацистских министров он заявил, что его программа финансирования вооружения означала «использование для этой цели с самого начала всех резервных фондов» (ПС-1301). Шахт сказал, что будет продолжать работать, поскольку он «относится с неизменной лояльностью к фюреру, так как он полностью признает все основные идеи национал-социализма».

В 1937 году, когда Гитлер наградил его золотым значком партии, Шахт призвал всех своих коллег «в дальнейшем отдавать всю свою душу, все свои силы делу фюрера, делу империи. Будущее Германии находится в руках нашего фюрера» (ЕС-500).

Убийства «из милосердия»[1]; преследование евреев. В то время об этих вещах должно было быть известно. Были ли его руки столь чисты?

В свете этих выдержек нет ничего неожиданного в том, что посол Додд, которого Шахт включил в число своих друзей, вспоминал в своем дневнике в записи от 21 декабря 1937 г.:

«С какой неприязнью он ни относится к диктаторской политике Гитлера, он, Шахт, так же, как большинство других немцев с положением, желает аннексии, по возможности, без войны или путем войны, если Соединенные Штаты не будут в это вмешиваться» (ПС-2832).

Эта цитата, по нашему мнению, ясно указывает, что Шахт очень хорошо знал гораздо раньше, чем он это утверждает, о том, что целью Гитлера являлась война. Однако он признает, что ему было известно также и о том, что дискредитация генерала фон Фрича означала войну. Несмотря на то, что ему было известно об этом, 9 марта 1938 г. он принял пост президента рейхсбанка дополнительно еще на четыре года. Он с радостью принял участие в захвате бывшего австрийского национального банка 21 марта 1938 г. и 7 июня 1939 г. писал Гитлеру:

«С самого начала рейхсбанк отдавал себе полный отчет в том, что успех внешней политики может быть достигнут лишь путем реорганизации германских вооруженных сил. Поэтому банк в весьма значительной степени возлагает на себя ответственность по финансированию вооружения, несмотря на очевидную опасность, которая может в результате грозить денежному обращению. Оправдание этого — необходимость, которая отодвинула все другие соображения на задний план, немедленно начать перевооружение из ничего, и, более того, маскируя его первое время, что создавало возможность для Германии вести внешнюю политику, требовавшую уважения» (ЕС-369).

Эти и другие, подобные им, высказывания — всего лишь выраженная в красивой форме осведомленность Шахта о том, что, если намеченные жертвы окажут сопротивление, Гитлер готов и обладает возможностями развязать войну для достижения своих целей. Интеллект Шахта и положение, которое он занимал в международном общественном мнении, лишь увеличивают циннчную безнравственность его преступлений. Более того, Шахт должен быть поставлен перед лицом этих фактов. Трибунал располагает в качестве доказательства фильмом, который показывает, как он льстиво расшаркивался перед Гитлером в 1940 году. Задолго до 1943 года он должен был знать о том, как обращались с евреями, и о господстве террора в оккупированных странах. Однако до 1943 года Шахт оставался министром без портфеля и во всяком случае отдавал свой авторитет и свое имя делу этого режима ужаса. Можно ли позволить кому-либо хвастаться тем, что он совершил все это и остался безнаказанным?

---

[1] Имеется в виду эвтаназия. — **Прим. сост.**

Функ продолжил работу Шахта. Он оказал неоценимую услугу заговорщикам, организовав министерство пропаганды. Начиная с 1938 года он занимал пост министра экономики, президента рейхсбанка и главного уполномоченного по вопросам экономики, мобилизуя экономику для целей агрессивной войны и хорошо зная о нацистских планах агрессии. Мы находим его работающим в различных областях: он участвует в совещании, проводимом Герингом 12 ноября 1938 г., в совещании «имперского совета обороны» в июне 1939 года. Он дает советы по изданию декретов против евреев на первом совещании и относительно использования рабского труда и труда заключенных концентрационных лагерей — на втором.

В качестве решающего доказательства того, как доброжелательно он относился к агрессии, можно привести его письмо к Гитлеру от 25 августа 1939 г., накануне дня, первоначально намеченного для наступления на Польшу. Он пишет: «Как счастливы и как благодарны Вам должны мы быть за то, что нам довелось жить в такое великолепное время, меняющее судьбы мира, когда мы имеем возможность вносить свой вклад в грандиозные события этих дней. Генерал-фельдмаршал Геринг сообщил мне вчера вечером, что вы, мой фюрер, в принципе одобрили подготовленные мною мероприятия, касающиеся финансирования войны, установления системы цен и заработной платы и осуществления плана по изысканию дополнительных средств. С теми планами, которые были мною разработаны в отношении безжалостного сокращения всех маловажных расходов, а также всех государственных расходов и проектов, не нужных для военных целей, мы сможем удовлетворить все наши финансовые и экономические потребности без серьезных для нас последствий» (ПС-699).

Нет необходимости говорить здесь еще что-нибудь о его участии в войне, но мне хотелось бы сослаться на протоколы центрального управления по планированию, на его соглашение с Гиммлером по поводу использования того, что было награблено СС и, как он знал, привозилось в подвалы рейхсбанка на грузовиках из Освенцима и других концентрационных лагерей. Трибунал также вспомнит тот документ, который показывает, что министерство экономики получало колоссальное количество гражданского платья, оставшегося после гибели несчастных жертв (ПС-1166).

Разве Дениц был в неведении, когда он обращался к 600-тысячной аудитории моряков военного флота со словами о «распространении заразы еврейства» (ПС-2878)?

Неужели об этом не знал Дениц, который нашел возможным передать военно-морскому штабу директиву Гитлера относительно расправы со всеобщей стачкой в Копенгагене, — «на террор нужно отвечать террором», который направил запрос о доставке 12 тысяч рабочих из концентрационных лагерей для использования их на судостроительных верфях и предложил применить коллективные репрессии против скандинавских рабочих ввиду эффективности подобных мер во Франции (С-171, С-195)?

Разве руки Редера не испачканы в крови от совершенных убийств? Еще в 1933 году он писал буквально следующее:

«Гитлер совершенно ясно заявил, что, с политической точки зрения, к 1 апреля 1938 г. ему нужно иметь такие вооруженные силы, которые он мог бы бросить на весы как орудие своей политической мощи» (С-135).

Поэтому, когда затем он последовательно получал приказы вести борьбу, если внешняя политика Гитлера приведет к войне, он прекрасно понимал, что существовал определенный риск войны в случае неудачи этой политики. Вновь и вновь он получал об этом предупреждения: в первый раз, когда Германия ушла с конференции по разоружению, затем во время переговоров по поводу военно-морского соглашения в 1935 году, во время возникновения вопроса о Рейнской области и позднее, когда он присутствовал на известном «совещании Госсбаха». Он пытался убедить Трибунал в том, что выступления Гитлера на этих совещаниях казались ему только разговорами; однако мы знаем, что они вызвали у Нейрата сердечный припадок.

С его старыми товарищами по службе — фон Бломбергом и фон Фричем, которые были настолько недальновидны, что выступили с возражениями на совещании, которое определило судьбу Австрии и Чехословакии, обошлись так, что, по его собственным словам, тогда пошатнулась не только его вера в Геринга, но и в Гитлера.

Разве мог Редер не знать об убийствах тысяч евреев в Либаве в Прибалтике? Вы припомните, что по имеющимся у нас показаниям по этому поводу, многие евреи были убиты в военно-морском порту. Об этих фактах офицеры местного военно-морского штаба сообщили в Киль (Д-841, Л-180). Из отчета эйнзатцгруппы, которая расправлялась с евреями в Либаве, мы теперь знаем, что к концу января 1942 года в одном этом районе было уничтожено 11 860 евреев. Ведь Редер в 1939 году в «День героев» обратился с недвусмысленным и вдохновляющим призывом бороться с международным еврейством (Д-653). Можете ли Вы действительно поверить в то, что Редер, который, по его собственным словам, всегда оказывал помощь отдельным евреям, никогда не слышал об ужасах концентрационных лагерей и об убийстве миллионов? Однако он не отступал от намеченной цели.

Фон Ширах. Что следует сказать о нем? Сказать, что лучше всего было бы, если бы в свое время ему был повешен на шею мельничный жернов? Именно этот подлец совращал миллионы невинных немецких детей с тем, чтобы, когда они вырастут, сделать из них то, чем они стали, — слепое орудие политики убийства и установления господства, проводимой этими людьми.

Акция «Сено», получившая позорную известность и заключающаяся в том, что 40—50 тысяч советских детей были насильно увезены в рабство, является делом его рук (ПС-031).

Вы припомните еженедельные отчеты СС по поводу истребления евреев, обнаруженные в его отделе (ПС-345).

Каково преступление Заукеля, гаулейтера той области, на территории которой находился покрывший себя позором лагерь Бухенвальд?

Заукель может теперь пытаться истолковывать в благоприятном свете свой приказ об увозе в рабство французов; он может пытаться отрицать, что выступал за повешение префекта или мэра города с тем, чтобы подавить оппозицию, он может утверждать, что ссылки на безжалостные действия относились к межведомственным спорам и что исправительные трудовые лагеря были чисто воспитательными учреждениями. Вы, которые видели документы, объясняющие совершенные ужасы тем, что они называют чрезвычайной ситуацией — острой необходимостью в рабочих для нацистской военной машины, Вы, которые слышали и читали об условиях, в которых 7 миллионов мужчин, женщин и детей были вырваны из-под родного крова и увезены в рабство по его приказам, нуждаетесь ли в дальнейших доказательствах его виновности?

Папен и Нейрат, если удастся пройти мимо его деяний в Чехословакии, находятся в положении, сходном с положением Редера. Как и последний, они притворно придерживались старых семейных и профессиональных традиций, что накладывает на них колоссальную ответственность, от которой свободны такие люди, как Риббентроп и Кальтенбруннер. В течение тех 18 месяцев, когда он продвигал Гитлера к власти, Папен знал, что правительство Гитлера означало притеснение оппозиционных элементов, жестокое обращение с евреями и преследование церквей, включая ту, к которой он сам принадлежал. Его недавние политические друзья, такие люди, как фон Шлейхер и фон Бредов, были брошены в концентрационные лагеря или убиты. Сам он был подвергнут аресту, два его сотрудника были убиты, а третьего заставили присутствовать при убийстве. Ни одна из этих подробностей не ускользнула от Нейрата, тем не менее он продолжал оставаться на своем посту.

В 1934 году Папен писал Гитлеру льстивые письма, а вскоре мы видим его в Австрии на службе у человека, которого он знал как убийцу. Папен готовит подрыв государственной системы, которую внешне он полностью признавал. Даже после аншлюсов он все еще работал на укрепление режима, который, как он знал, использовал убийство в качестве орудия своей политики. Потеряв еще одного секретаря, который был убит, он готов был принять новый пост в Турции. Конкордат с церковью, к которой он принадлежал, конкордат, по поводу которого он лично вел переговоры, рассматривался, употребляя его собственное выражение, как «клочок бумаги», и все католики — от архиепископа до простых верующих людей — были сильно возмущены этим. Он говорил: «Гитлер — самый большой обманщик, который когда-либо жил на свете». Резюмируя в одной фразе точку зрения обвинения, можно сказать, что, будучи обо всем прекрасно осведомлен, Папен оказывал Гитлеру поддержку и сотрудничал с ним потому, что жажда власти и высокого положения привела его к принципу: «Лучше царствовать в аду, чем прислуживать на небе».

Адвокат пытался изобразить Папена как защитника мира. Если он предпочитал достигнуть целей заговора методом убийства, запугивания или шантажа, нежели открытой войной, то это объяснялось, как явствует из его собственных показаний, боязнью, что «если разразится мировая война, положение Германии будет безнадежным».

Что касается Зейсс-Инкварта, то мне хотелось бы напомнить Вам о тех инструкциях, которые он получил от Геринга 26 марта 1938 г. относительно проведения антисемитских мероприятий в Австрии, и об отчете от 12 ноября, составленном одним из его чиновников по поводу хода этих операций (ПС-3460, ПС-1816). Он признал свою осведомленность в том, что евреев депортировали из Нидерландов, однако заявил, что не мог приостановить этого, так как приказ исходил из Берлина. Он далее заявил, что ему было известно об их отправке в Освенцим, но сказал, что направил туда запрос об их судьбе и ему сообщили, что они хорошо устроены, после чего он добился для них разрешения пересылать письма из Освенцима в Голландию. Разве можно поверить тому, что Зейсс-Инкварт, признавая свою осведомленность о преступлениях, совершаемых в огромных масштабах против евреев в Нидерландах, признавая, например, что он знал «о мерах, направленных к тому, чтобы заставить евреев подвергаться стерилизации», признавая, что в концентрационных лагерях в Голландии имели место многочисленные и крупные эксцессы и что в военное время он действительно «считал это почти неизбежным», — разве можно поверить, что Зейсс-Инкварт, который заявил Суду, что по сравнению с другими лагерями «в Нидерландах было, быть может, не так уже плохо», действительно был введен в заблуждение и что его убедили, как он утверждает, в том, что в Освенциме заключенные были «сравнительно хорошо устроены»?

Теперь я перехожу к подсудимым Шпееру и Фриче, которые предстали на настоящем процессе в качестве специалистов[1]*.*

Шпеер признал, что благодаря его деятельности по мобилизации рабочей силы общее число подведомственных ему рабочих удалось довести до 14 миллионов. Он заявил, что к тому времени, когда он в феврале 1942 года занял свой пост, все преступления и нарушения международного права, в которых он мог бы обвиняться, были уже совершены. Тем не менее, он далее сказал: «Рабочих доставляли в Германию против их воли. Я не имел возражений против того, чтобы их насильственно привозили в Германию. Напротив, в первое время, до осени 1942 года, я, несомненно, тратил немало энергии на то, чтобы подобным образом было доставлено в Германию как можно больше рабочих». В последующем рабочие поступали в

---

[1] Шоукросс имеет в виду утверждения подсудимых Шпеера и Фриче о том, что они якобы были лишь специалистами, а не политиками. — **Прим. сост.**

его распоряжение от Заукеля, он же нес ответственность за их распределение на работу. Он признал, что в августе 1942 года был доставлен в Германию 1 миллион советских рабочих (Р-124). 4 января 1944 г. он обратился с запросом о доставке 1 миллиона 300 тысяч рабочих для использования в текущем году.

Шпеер не выдвинул никаких защитительных аргументов по этому поводу, однако заявил, что начиная с 1943 года он стоял за оставление французских рабочих во Франции, что, в сущности говоря, представляет собой лишь мероприятие смягчающего характера (ПС-1202). Сдержанный характер Шпеера не должен оставлять в тени того факта, что его политика, которую он оптимистически воспринимал и проводил в жизнь, означала самые ужасные несчастья и страдания для миллионов советских семей и семей других стран.

Эта политика еще раз демонстрирует полнейшее безразличие к судьбе других народов, красной нитью проходящее в доказательствах, представленных на настоящем процессе. Никакое моральное побуждение, возникшее в связи с интересами германского народа (я подчеркиваю «германского народа») в конце войны, не может оправдать участие в этих ужасных деяниях.

В отношении обращения с иностранными рабочими основная точка зрения Шпеера состоит в том, что доказательства, представленные по этому поводу обвинением, касаются всего лишь отдельных случаев дурного обращения и не могут относиться к общему положению. Если бы имела место постоянная практика дурного обращения, он принял бы на себя за это ответственность. Обвинение считает, что предъявленные здесь инкриминирующие доказательства, рассматриваемые в целом, представляют собой решающие доказательства по поводу существовавших тогда общих условий, которые были чрезвычайно тяжелыми.

Нейрат, который заявил, что он присоединился к правительству Гитлера с намерением привить этому правительству миролюбивые тенденции и сделать его респектабельным, уже через несколько недель узнал о преследовании евреев, о том, что достойные доверия иностранные, как, кстати, и достойные доверия немецкие, газеты приводили официальные цифры числа интернированных граждан, выражавшихся в 10—20 тысяч человек. Он узнал, что таких оппозиционных элементов, как коммунистов, профсоюзных деятелей, социал-демократов, уничтожали как политическую силу. Затем последовала кровавая чистка, но Нейрат, тем не менее, не отступал и поддерживал Гитлера в его нарушении Версальского договора. Из показаний Пауля Шмидта мы узнаем, что убийство Дольфуса и попытка организовать путч в Австрии серьезно смутили сотрудников министерства иностранных дел, в то же время пакт о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом рассматривался ими как новое, весьма серьезное предупреждение о скрытых последствиях германской внешней политики. Я цитирую слова Шпеера:

«На этот раз сотрудники министерства иностранных дел, по крайней мере, поделились своими опасениями с министром иностранных дел Нейратом. Я не знаю, высказал ли Нейрат в свою очередь эти опасения Гитлеру» (ПС-3308).

Однако, в то время как Редер издавал приказ об опасности обнаружить «энтузиазм по отношению к войне», фон Нейрат хочет заставить Вас поверить в то, что он не осознавал роста этого энтузиазма. Он, так же, как и Редер, наблюдал последующие события и принимал в них участие, например, в секретных совещаниях, в мероприятиях против фон Бломберга и фон Фрича.

Это он в период аншлюса, несмотря на то, что больше не являлся министром иностранных дел, позволил использовать свое, еще не слишком запятнанное имя для поддержки этого мероприятия Гитлера посредством лживых сообщений в опровержение британской ноты и посредством заверений чехам (С-194). Этих заверений никогда не следует забывать: существует немного примеров более мрачного цинизма, чем образ фон Нейрата, слушающего речь Госбаха, в которой этот последний торжественно заявлял г-ну Мастны о том, что Гитлер будет соблюдать договор об арбитраже с Чехословакией. Как только Гитлер вошел в Прагу, именно он, фон Нейрат, стал протектором Богемии и Моравии. Вы слышали его признания в том, что он применял все декреты об обращении с евреями, появившиеся в Германии между 1933 и 1939 гг.

Работа Фриче заключалась в том, чтобы организовать всю германскую печать с тем, чтобы она стала «постоянным орудием министерства пропаганды» (ПС-3469). Пропаганда была самым могучим фактором всей нацистской стратегии.

В свою очередь этот фактор сделал всю печать самым мощным своим оружием. Тот факт, что Фриче знал об использовании своей организации и участвовал в этом использовании, доказывается его попыткой обелить последовательные пропагандистские мероприятия, которые подводили к каждой из соответствующих агрессий, упомянутых в его письменных показаниях. Так, он заявил: «Все проверенные мною известия были тенденциозны или вымышленны».

Совершенно невероятно, что, периодически проводя поручаемые ему определенные мероприятия и являясь каждый раз свидетелем практических результатов этих мероприятий, он не отдавал себе отчета в бесчестности, с которой проводилась германская политика, или в том, что целью нацистского правительства являлась агрессивная война. Его личные способности в качестве радиокомментатора привели к тому, что он был фактически назначен официальным комментатором. Цитирую его собственные слова: «Я хотел бы добавить, что мне известно о том, что на самых отдаленных участках фронта и в германских колониях за границей речи, которые я произносил по радио, воспринимались, так сказать, как политическое руководство».

Он подчеркнул, что в этих комментариях ему было предоставлена полная свобода действий. Подлежит ли сомнению, что это происходило потому, что он был готов передавать по

радио любую ложь по желанию Геббельса? Говоря о том, как использовалось его влияние, он сам заявляет: «Снова и снова меня просили возбуждать ненависть к отдельным лицам и системам».

Вы видели пример этого в его радиопередаче об «Атении» (Д-912). Уже в 1940 году он в достаточной мере освободился от чувства стеснения, которое пытался изобразить, давая свидетельские показания, чтобы называть поляков «низшей расой» и «животными в человеческом облике» (СССР-492).

18 декабря 1941 г. он высказывался о судьбе европейских евреев следующим образом: «Судьба европейского еврейства оказалась такой неприятной, как фюрер предсказал ее в случае войны в Европе. После распространения войны, подстрекаемой евреями, эта неприятная судьба может также распространиться и на Новый Свет, так как едва ли можно предположить, что народы Нового Света простят евреям те несчастья, которые не простили им народы Старого Света» (ПС-3064).

Среди всех этих миазмов нацистской лжи о евреях одним из наиболее ужасных и подстрекающих к ненависти являлось лживое утверждение, что они являются поджигателями войны, принесшей человечеству такие ужасные несчастья. Однако такое заявление было умышленно сделано этим образованным и рассудительным подсудимым.

Трудно себе представить более низкое и подлое толкование гитлеровской агрессии, чем его речь 9 октября 1941 г., в которой среди прочего говорилось следующее:

«...И мы особо благодарны за эти молниеносные победы потому, что, как фюрер это подчеркнул в прошлую пятницу, они дали нам возможность предпринять организацию Европы и вывезти сокровища этого старого материка уже сейчас, в самый разгар войны, не будучи связанными необходимостью выставлять охранение из миллионов и миллионов германских солдат...».

Возможно, что ключом к готовности Фриче к сокрытию военных преступлений его хозяев является основной принцип пропаганды Фриче. Я цитирую: «Но решающую роль для нас в этом информационном аппарате играют не подробности, а фундаментальная основа, на которой строится пропаганда. Решающим является вера в чистоту руководителей государства, на которую должен опираться каждый журналист».

Практически почти до самого конца Фриче поддерживал прекрасные отношения с Геббельсом. Когда Трибунал представит себе, каким крайним экстремистом и яростным антисемитом, по описанию других подсудимых, являлся Геббельс, трудно вообразить, что поклонение его ближайшего сотрудника могло быть основано на невинном неведении.

Обвинение утверждает, что смехотворным является то положение, в котором этот человек старается Вас убедить, что, будучи в неведении об этих ужасах, он призывал и убеждал немецкий народ следовать по пути своей гибели. Фриче разделяет со Штрейхером, Розенбергом и Ширахом ответственность за полнейшее падение германского народа с тем, чтобы немцы «закрыли перед человечеством врата милосердия». Из-за них

происходили события, подобные тем, которые имели место на еврейском кладбище в Швеце в воскресенье утром в октябре 1939 года, где совершались убийства женщин и детей, привезенных сюда на грузовике, убийства, которые 200 кейтелевских «честных солдат» германской армии наблюдали без ропота и сомнений. Вспомните, как об этом рассказывали трое из этих солдат:

«В субботу... я узнал... из разговоров своих товарищей, что утром на еврейском кладбище в Швеце было расстреляно много поляков... Среди солдат, расквартированных в Швеце, часто происходили разговоры о неминуемых расстрелах. Поэтому в воскресенье утром я отправился на еврейское кладбище в компании с большинством солдат моей роты. Там мы напрасно прождали до 9 часов».

«... Затем на кладбище въехал большой грузовик, на котором находились женщины и дети. Мы видели, как к одной из заранее вырытых могил повели группу, состоявшую из одной женщины и троих детей. Женщину заставили спуститься в могилу, на руках у нее находился самый младший из ее детей. Двух других детей ей передали двое людей из отряда, производившего расстрел. Женщина была вынуждена лечь в могилу лицом вниз, так же были положены трое ее детей по левую сторону от нее. После этого четыре человека из отряда спустились в могилу, подняли свои винтовки и, прицелившись в женщину и ее детей с расстояния примерно в один фут, расстреляли их в затылок. В целом, девять или десять групп, состоявших из женщин и детей, были расстреляны группами по четыре человека в этом массовом захоронении. После расстрела трех или четырех групп еще двум товарищам было приказано засыпать могилу. Свидетелями этих расстрелов стали двести солдат вермахта, наблюдавших за ними с расстояния примерно в 100 футов».

«... Несколько позже на кладбище прибыл еще один автобус с людьми, в числе которых была одна женщина. Мужчин разделили на группы по четыре человека и заставили их спуститься в могилу. Находившиеся там трупы были лишь едва прикрыты песком. Мужчин заставляли ложиться лицом вниз, и четверо из отряда расстреливали их выстрелами в затылок».

Вас просят поверить тому, что 21 человек — министры и ведущие государственные деятели — не знали об этом и не отвечали за это. Вам надлежит решить этот вопрос.

Много лет тому назад Гете сказал про германский народ, что однажды судьба его накажет...

«Накажет его, потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелестей истины; отвратительно, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность; достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его самым низменным инстинктам, который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобщение и жестокость».

Как пророчески звучат его слова, так как ведь именно они — эти безумные негодяи — совершили эти деяния.

Возможно, что некоторые больше виноваты, чем другие; некоторые играли более деятельную и более непосредствен-

ную роль, чем другие, в этих ужасающих преступлениях. Но, когда эти преступления таковы, как те, которые Вы должны рассматривать здесь: обращение в рабство, массовые убийства и мировая война, когда последствия преступлений выражаются в смерти 20 миллионов наших собратьев, опустошении целого материка, распространении по всему миру неописуемых трагедий и страданий, каким же смягчающим обстоятельством может явиться то, что некоторые играли меньшую роль, чем другие, что некоторые были главными персонажами, а другие — более второстепенными? Какое имеет значение тот факт, что некоторые заслужили стократную смерть, тогда как другие заслужили миллион смертей?

В некотором отношении судьба этих людей значит очень немного: их личная возможность творить зло навсегда уничтожена. Они обвиняли и дискредитировали один другого и в конце концов уничтожили легенду, которую они создали вокруг образа своего фюрера. Но от их судьбы может еще зависеть очень многое, так как будущее правды и справедливости в отношениях между народами всего мира, надежда на международное сотрудничество в будущем в деле свершения правосудия находятся в Ваших руках. Этот процесс должен стать краеугольным камнем в истории цивилизации, принеся не только возмездие этим преступникам, не только показав, что в конце концов право торжествует над злом, но также показав, что все простые люди во всем мире (и здесь я не делаю разницы между друзьями и врагами) теперь будут определенно знать, что отдельный человек должен стоять выше государства. Государство и закон созданы для человека с тем, чтобы он с их помощью мог более полно пользоваться жизнью, видеть перед собой более высокую цель и жить более достойно. Государства могут быть великими и могучими. В конечном итоге права человека, созданного, как все люди, по образу и подобию божьему, являются самыми важными. Когда какое-нибудь государство либо потому, что, как в данном случае, его руководители жаждали власти, территорий, либо под тем благовидным предлогом, что цель может оправдывать средства, нарушает этот принцип, он, возможно, временно придет в забвение и останется в тени. Но он вечен, и в конечном итоге он станет еще более непоколебимым, и вечная его сущность станет еще более очевидной. Итак, после этой голгофы, через которую заставили пройти человечество, само человечество, которое борется теперь за то, чтобы восстановить во всех странах мира самые обычные и простейшие вещи: свободу, любовь, взаимопонимание — обращается к настоящему Трибуналу и восклицает: «Вот наши законы, пусть они восторжествуют!».

И тогда, как мы должны надеяться, не только для германского народа, но и для всего сообщества народов будут претворены в жизнь слова Гете: «Так должен вести себя германский народ, даря миру и принимая от него дары, держа свои сердца открытыми для всех плодотворных чудесных источников, будучи великим, благодаря своему пониманию других и любви, благодаря общению и духовной близости с людьми — таким он должен быть, таково его предназначение»...

Заключительная речь Главного обвинителя от Франции Ш. ДЕ РИБА, продолженная Ш. ДЮБОСТОМ

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 29 июня 1946 г.

Представляя заключительную речь Главного обвинителя от Франции, прошу Трибунал позволить мне выразить восхищение и благодарность моей страны в связи с объективностью и спокойствием, характеризовавшими данный судебный процесс.

В продолжение девяти месяцев на этой трибуне мы вызывали в памяти события истории за пятнадцать лет.

Германские архивы, которые нацисты не успели уничтожить перед поражением, раскрыли нам их тайны.

Нами были заслушаны многочисленные свидетели, чьи воспоминания остались бы неизвестными истории, если бы не этот процесс.

Все факты изложены с предельной объективностью, которая никогда не допускала ни увлечения, ни чувствительности. Трибунал исключил из обсуждения все, что казалось ему недостаточно убедительным, все, что смогло бы показаться продиктованным чувством мести.

Поэтому, господа судьи, настоящий процесс имеет значение прежде всего в силу своей исторической правдивости.

Благодаря этому процессу историк будущего так же, как и летописец сегодняшнего дня, узнает правду о политических, дипломатических и военных событиях наиболее трагического периода нашей истории, он узнает о преступлениях нацизма, а также о колебаниях, слабостях и упущениях миролюбивых демократий.

Он узнает, что то, что было создано за 20 веков цивилизации, которую считали вечной, едва не рухнуло в связи с возвращением варварства древних времен, обретшего новую форму, варварства, которое было еще более свирепым, потому что оно опиралось на серьезные научные познания. Он узнает, что достижения в области техники, новейшие методы пропаганды и дьявольские приемы, которые использовала полиция, горделиво попиравшая самые элементарные человеческие права, что все это позволило кучке преступников в течение нескольких лет извратить коллективное сознание великого народа и превратить его, как сказал д-р Заутер, защитник Шираха, «верного, справедливого, исполненного добродетелей», в народ Гитлера, Гиммлера и Геббельса, если говорить лишь о тех, кто мертв. Он узнает, что преступления этих людей заключались прежде всего в том, что они замыслили гигантский план достижения мирового господства, и в том, что они стремились осуществить этот план всеми средствами. Всеми средствами, то есть, разумеется, путем нарушения обязательств и путем развязывания худшей из агрессивных войн, но прежде всего с помощью методичного, научно разработанного уничтожения мил-

лионов человеческих существ, а именно — ряда национальных и религиозных групп, чье существование мешало гегемонии германской расы.

Столь чудовищное преступление никогда не было известно истории до того, как появился гитлеризм, и поэтому для определения этого преступления потребовалось создание неологизма «геноцид», а для того, чтобы поверить в то, что такое преступление возможно, пришлось собирать многочисленные документы и свидетельские показания. К стыду тех времен, в которые мы живем, это преступление оказалось возможным.

Плодотворное сотрудничество обвинителей от четырех стран позволило это доказать, и Франция полагает, что она оказала поддержку общему делу в рамках тех разделов Обвинительного заключения, которые ей были предоставлены.

После того как подсудимые и защитники пространно говорили перед Трибуналом о необходимости обеспечения безопасности ни в чем не повинного гражданского населения как об очевидном принципе, мы установили, что подсудимые умышленно нарушали этот принцип в обращении с гражданским населением, полностью пренебрегая человеческой жизнью. Есть ли необходимость в том, чтобы напомнить чудовищную фразу подсудимого Кейтеля: «Человеческая жизнь на оккупированных территориях ничего не стоит»?

Возродив традицию, символизирующую практику наиболее примитивных способов ведения войн, подсудимые вновь стали использовать систему взятия заложников. Они ставили свою подпись под общими приказами о захвате и казни тысяч несчастных мучеников. Только во Франции было расстреляно 29 тысяч заложников.

Мы знаем, что участники движения Сопротивления, чьим патриотизмом подсудимые сегодня восхищаются, были зверски замучены, их подвергали пыткам, помещали в заключение для того, чтобы медленно уничтожать. Нам известно, что под предлогом карательных действий, выполняя приказы, или же, наконец, в результате жестокости отдельных лиц, которую прикрывало соучастие в этих деяниях вышестоящих лиц, были казнены совершенно произвольно отобранные лица из числа гражданского населения, были сожжены целые деревни: Орадур-сюр-Глан и Майе во Франции, Пюттен — в Голландии.

У всех у нас живо воспоминание о зверских приказах, которые были отданы фельдмаршалом Кессельрингом для того, чтобы подавить с помощью террора действия партизан. Мы столкнулись с тем, что офицер единолично приказывает казнить в порядке репрессии 50 100 или даже всех местных жителей — мужчин в ответ на отдельные акты, направленные против германской армии. Выполнение этого приказа санкционировалось инструкциями командующего театром боевых действий, который в свою очередь руководствовался инструкциями более общего порядка подсудимого Кейтеля.

Этот пример показывает, сколь тесным было сотрудничество национал-социалистов и государства, и вместе с тем подтверждает, если в этом есть еще необходимость, что разделяют ответственность все руководители режимв.

Нам известно, что тысячи людей оторвали от очага и заставили ковать оружие против их собственных стран.

Зверское обращение с военнослужащими нас тем более потрясло, что Германия — все равно, имеется ли в виду традиционная Германия или же Германия нацистская, или же Германия, которая теперь излагает жалкие аргументы в свою защиту на скамье подсудимых, — Германия всегда заявляла о поддержке общепринятых законов воинской чести и о необходимости уважать всех сражающихся. И, несмотря на это, мы видим, что сам Кейтель, который, стремясь изобразить себя убежденным приверженцем этой идеи, говорил о ней вновь на завершающей стадии своих показаний здесь, на суде, настаивал на том, чтобы и на Вильгельмштрассе, и Геринг одобрили его преступные предложения относительно обращения с попавшими в их руки летчиками.

Такие документы, как показания Грюнера, не позволяют оспаривать того, что преступные приказы о казни и линчевании летчиков были составлены в соответствии с принятой формой и переданы в органы, которым было поручено их выполнять.

Не возникает никакого сомнения ни в отношении принципов, которыми руководствовались при составлении приказа о «коммандос», ни в отношении того, как этот приказ проводился в жизнь в различных театрах военных действий. Обвинение представило по этому вопросу цепь бесспорнейших доказательств.

Мы были еще более потрясены, когда у нас создалась уверенность в том, что зверские приказы о казнях или о заключении под стражу были отданы для уничтожения людей, которые уже находились в беспомощном состоянии будучи в лагерях для военнопленных.

В нашей памяти сохранилась мрачная история лагеря Саган, о котором не раз говорили в ходе судебного разбирательства; сами подсудимые ограничились попыткой ускользнуть от личной ответственности, не отрицая в то же время, что это является зверством и что эти события действительно имели место. Нами было показано, как совершившие побег непокорные офицеры и унтер-офицеры, чьи предшествующие действия и поведение свидетельствуют об их стойкости, были казнены в соответстаии с акцией «Кугель» («Пуля»).

Наконец, нацистская Германия разоблачила свой план экспансии и мирового господства путем организации систематического уничтожения населения оккупированных ею территорий.

Это деяние, доказательства которого мы представили первоначально, заключалось в политическом, экономическом и моральном уничтожении народов оккупированных стран. Средствами служили грубый и последовательный захват власти или осуществление неустанного проникновения германских властей в самые различные сферы, подготовка программы ограбления народного хозяйства и безжалостное проведение ее в жизнь в целях полного истощения оккупированных стран, в целях полнейшего подчинения их оккупантам и в заключение — нацификация государств и их граждан, связанная также с уничтожением культурных и моральных ценностей.

Но это методическое уничтожение производилось и в конкретной форме — в форме систематически осуществлявшихся массовых убийств людей.

Разве необходимо напоминать о том, чем явились эти колоссальные истребления групп людей, которые были сочтены неспособными ассимилироваться в национал-социалистском мире, разве необходимо напоминать о гигантском кладбище концлагерей, в котором погибло 15 миллионов человек, разве необходимо напоминать о последствиях чудовищных деяний эйнзатцгрупп, которые были описаны с неоспоримой точностью Олендорфом?

Мы считаем также подтвержденным доказательствами то, что эти злостные попытки уничтожения были, как это явствует из их рассмотрения, одним из наиболее ярких выражений политики, которую проводили подсудимые. Я хочу указать на преднамеренное неудовлетворительное снабжение продовольствием лиц негерманского происхождения, которые по тем или иным причинам оказывались во власти нацистов, на то, что в качестве репрессии заставляли голодать целые народы, на то, что выдаваемые гражданам оккупированных территорий пайки были жестоко урезаны, что входило в систему ограбления этих территорий. Трибунал помнит речь Геринга перед гауляйтерами (этот документ был предъявлен под номером СССР-70), в которой он сказал:

«Мне совершенно безразлично, если вы сообщите, что ваши люди падают от истощения. Пусть это будет так для того, чтобы ни один немец не умер от голода».

И далее, относительно Голландии: «Наша задача заключается не в том, чтобы кормить народ, который в душе нас ненавидит. Тем лучше, что люди настолько ослабели, что не могут даже поднять руки, если не используются на работах для нас».

Голод, предельное физическое истощение и, как результат, снижение жизненного потенциала — всё это, как и медленное умерщвление голодом интернированных и военнопленных, входило в общий план уничтожения населения для расширения германского жизненного пространства.

С этим же стремлением связано содержание в плену или, как это имело место в отношении лиц, угнанных на работы, заключение, которое почти равнялось плену, молодых, здоровых людей, чье пребывание на родине было необходимо для будущего их стран.

Все это было подтверждено результатами последних переписей. Опираясь на них, мы установили, что во всех оккупированных Германией странах численность населения уменьшилась от 5 до 25 процентов, в то время как Германия является единственной страной в Европе, численность населения которой возраствла.

Все эти преступления мы доказали. После предъявления документов, после того как были заслушаны свидетели, после демонстрации кинофильмов, при просмотре которых даже сами подсудимые содрогнулись от ужаса, никто в мире не сможет утверждать, что лагеря уничтожения, расстрелянные военнопленные, умерщвленные мирные жители, горы трупов,

толпы людей, изуродованных душой и телом, орудия пыток, газовые камеры и кремационные печи, что все эти преступления существовали лишь в воображении антинемецки настроенных пропагандистов, этого не сможет утверждать никто.

А разве нашелся хотя бы один подсудимый, который оспаривал бы справедливость сообщенных нами фактов? У них нет возможности их отрицать. Они лишь пытаются освободиться от личной ответственности, переложив ее на плечи тех из числа своих сообщников, которые сами совершили над собой суд.

«Нам не было ничего известно об этих ужасах», — говорят они, или же: «Мы делали все, чтобы этому воспрепятствовать, но всемогущий Гитлер отдавал приказы и не допускал, чтобы ему не подчинялись, он не допускал даже ухода в отставку».

Жалкая защита! Кого они могут заставить поверить в то, что лишь им одним не было ничего известно о том, о чем знал весь мир, в то, что их служба подслушивания никогда не сообщала им об официальных предупреждениях, которые неоднократно делали по радио руководители Объединенных Наций.

Они не могли не подчиняться приказам Гитлера, они не могли подать в отставку? Прекрасно! Но ведь Гитлер мог располагать ими самими, но не их волей: не подчинившись ему, они, быть может, рисковали бы свободой, даже жизнью, но тогда, по крайней мере, они сохранили бы честь. Трусость никогда не являлась ни оправданием, ни даже смягчающим обстоятельством.

Истина заключается в том, что все они прекрасно знали доктрину национал-социализма, так как участвовали в ее разработке. Им было прекрасно известно, к каким чудовищным преступлениям приведет сторонников этой доктрины и тех, кто проводил ее в жизнь, стремление к мировому господству, и они приняли на себя ответственность за это, так же как приняли материальные и моральные выгоды, которыми воспользовались.

Но они твердо верили в то, что останутся безнаказанными, так как были уверены в победе и в том, что перед лицом торжествующей силы не возникнет вопрос о правосудии. Они убеждали себя, что так же, как это было после войны 1914 года, никакое международное правосудие никогда не сможет свершиться. Они считали, что всегда будет сохраняться пессимистическое суждение Паскаля о человеческой справедливости в сфере международных отношений: «Справедливость является предметом споров. Силу легко узнать, она неоспорима. Вот почему не смогли сделать так, чтобы справедливое было сильным, а сделали сильное справедливым».

Они ошиблись. После Паскаля медленно, но верно появились понятия «мораль» и «справедливость»; эти понятия обрели плоть в международных обычаях цивилизованных наций и во спасение мира от варварства. Победа Объединенных Наций утвердила сегодня союз силы и справедливости, об этом упоминает Устав, на основании которого учрежден настоящий Трибунал, и это будет подтверждено Вашим приговором.

Трибунал, несомненно, помнит, что в заключительной части изложения материалов французское обвинение уточнило ответственность всех подсудимых, «виновных в том, что, буду-

чи главными гитлеровскими руководителями германского народа, они запланировали, одобрили, приказали совершать или же только допустили, сохранив молчание, систематические убийства и другие бесчеловечные деяния, систематические насилия над военнопленными и лицами гражданского населения, производили систематические, ничем не мотивируемые уничтожения, являвшиеся преднамеренными средствами для того, чтобы достигнуть европейского и мирового господства, к которому они стремились с помощью террора и путем уничтожения целых народов для расширения жизненного пространства германского народа».

Нам остается лишь показать, что судебное разбирательство, которое развернулось перед Вами, лишь подтвердило и усилило обвинение и определение состава преступления, которые мы уже в начале процесса сформулировали в отношении главных военных преступников, представших во исполнение Устава перед этим Трибуналом для того, чтобы были удовлетворены требования справедливости и Объединенных Наций.

Я прошу Трибунал разрешить господину Дюбосту продолжить это выступление[1]...

Ш. Дюбост: Я напомню факты, изложенные французской делегацией. Они свидетельствуют о том, каков был вклад, сделанный нами в настоящий процесс. Но мы вовсе не намерены выделять нашу чвсть из общего целого, которое составляют выступления обвинителей всех четырех делегаций и результаты судебного разбирательства. Основываясь на этом, мы продолжим нашу обвинительную речь и рассмотрим вопрос об индивидуальной ответственности подсудимых. Все последовательно рассмотренные действия, за которые они ответственны, сводятся к убийствам, квалифицированным крвжам и другим тяжким деяниям, которые караются во все времена во всех цивилизованных странах. Г-н де Ментон уже говорил об этом в своей вступительной речи.

Подсудимые не являлись физическими исполнителями этих преступлений, они ограничились тем, что отдавали приказы об их совершении. Следовательно, они являются соучастниками согласно французскому праву. За исключением некоторых различий в форме, в большинстве стран виновники тяжких преступлений и те, кто стал их соучастниквми, караются смертной казнью и другими суровыми наказаниями, приговариваются к каторжным работам и одиночному тюремному заключению.

Таков и англосаксонский порядок. Во Франции об этом свидетельствует применение статьи 221 и других статей французского Уголовного кодекса. В Германии согласно статье 212 германского Уголовного кодекса карается тяжкое убийство, согласно статье 211 — простое убийство, статьям 223—226 — пытки, статье 229 — отравление и умерщвление с помощью газа, статье 234 — обращение в рабство, порабощение, призыв

[1] Далее речь продолжил представитель обвинения от Франции Ш. Дюбост. — **Прим. сост.**

на военную службу для несения ее за границей, статьям 242 и 243 — кражи и грабежи, статье 130 — подстрекательство населения к совершению насилий. Наказание соучастников и инициаторов предусматривается статьями 47 и 49.

Аналогичные положения существуют и в советском законодательстве, а также во всех законодательствах крупных цивилизованных государств.

Руководители империи, сообщники фюрера ответственны за преступления, совершенные в период их правления, и их ответственность в глазах всех людей доброй воли является более тяжкой, чем ответственность простых исполнителей.

Двое подсудимых — Франк и фон Ширах — признали, что их ответственность более велика, чем ответственность простых исполнителей. Франк показал: «Я никогда не создавал лагерей для уничтожения евреев. Я также не способствовал тому, чтобы такие лагеря существовали, но если Адольф Гитлер возложил на плечи своего народа такую страшную ответственность, то эта ответственность ложится также и на меня, так как мы на протяжении долгих лет вели борьбу с евреями, мы выступали против них с самыми различными заявлениями».

И эти последние слова Франка выносят приговор как ему, так и всем тем, кто в Германии либо за ее пределами проводил кампанию преследования евреев.

Примем к сведению также ответ Франка на вопрос его защитника касательно обвинений, выдвинутых против Франка в Обвинительном заключении. Этот ответ распространяется на всех подсудимых и более всего на тех, кто был ближе к Гитлеру, чем сам Франк. «Что касается этих обвинений, то я скажу лишь следующее, — показал Франк, — я прошу Трибунал в результате судебного разбирательства решить вопрос о степени моей виновности, но я лично хотел бы сказать, что после всего, что я увидел на протяжении этих пяти месяцев процесса, благодаря чему я смог получить общее представление обо всех совершенных ужасах, у меня создалось чувство моей глубокой виновности...».

В свою очередь фон Ширах показал: «Вот в чем моя вина, за которую я отвечаю перед самим собой, перед Богом и перед германским народом. Я воспитывал нашу молодежь для человекв, которого на протяжении долгих и долгих лет считал безупречным вождем нашей страны. Я воспитал для него молодежь, которая видела его таким, каким видел его я. Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей... Каждый немец, который после Освенцима еще придерживается расовой политики, является виновным... Вот что я считаю своим долгом сегодня заявить». В ходе настоящего процесса такие крики, продиктованные совестью, раздавались редко; значительно чаще, подражая вздорному тщеславию Геринга, подсудимые пытались оправдаться, ссылаясь на политический неомакиавеллизм, который якобы освобождает руководителей государства от всякой личной ответственности. Отметим только, что ничего подобного не записано нигде, ни в каком законе ни одной цивилизованной страны, а наоборот,

акты произвола или посягательства на свободу личности, гражданские права и конституцию караются тем более строго, если они совершены государственным чиновником, высшим государственным служащим, и самому суровому наказанию должны быть подвергнуты сами министры (статьи 114 и 115 французского Уголовного кодекса).

Но ограничимся сказанным. Наше намерение заключается лишь в том, чтобы напомнить, что основные деяния, инкриминируемые подсудимым, деяния, о которых здесь говорилось, могут рассматриваться, взятые порознь, как нарушение уголовных законов внутреннего позитивного права всех цивилизованных стран и, кроме того, международного уголовного права. Таким образом, наказание за совершение каждого из этих действий не является необоснованным, напротив, даже если мы ограничимся данным предварительным анализом, то можно считать справедливыми наиболее суровые наказания.

Однако необходимо пойти еще далее, так как, несмотря на то, что анализ ответственности подсудимых в свете внутренних законов не опускает ни одного из преступных деяний, он является лишь первой, приблизительной стадией, которая позволит нам привлекать к суду подсудимых только как соучастников, а не как главных виновников. Мы не замедлим доказать, что они были действительно главными виновниками.

Мы надеемся достичь этого, развив три следующих положения: 1. Действия подсудимых являются элементами преступного политического плана. 2. Координация действий различных учреждений, во главе которых стояли эти люди, предполагает тесное сотрудничество между ними в целях осуществления их преступной политики. 3. Подсудимые должны быть осуждены в связи с тем, что они проводили эту преступную политику.

ДЕЙСТВИЯ ПОДСУДИМЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРЕСТУПНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНА

Подсудимые занимались самой различной деятельностью. Политики, дипломаты, военные моряки, экономисты, финансисты, юристы, публицисты или пропагандисты — они представляют почти все формы государственной и общественной деятельности. Однако без затруднений можно определить связь, объединяющую их. Все они поставили на службу гитлеровского государства все, что у них есть самого лучшего или самого худшего. В определенной мере они представляли собой мозг этого государства. Взятые порознь, они не являлись мозгом всего государства. Тем не менее ни у кого не вызывает сомнений, что каждый из них являлся важной частью этого мозга. Они замыслили политику государства. Они хотели, чтобы мысль их претворялась в действие, и все почти в равной степени этому способствовали. Это справедливо квк в отношении Гесса, Геринга — профессиональных политиканов, которые признали, что они никогда не имели другой профессии, нежели агитатор или государственный деятель, так и в отношении Риббентропа, Нейрата, Папена — дипломатов при этом ре-

жиме; Кейтеля, Иодля, Деница или Редера — военных; Розенберга, Штрейхера, Франка, Фрика — мыслителей (впрочем, можно ли их так называть?), выразителей идеологии режима; Шахта, Функа — финансистов, без которых режим обанкротился бы и рухнул под ударами инфляции до того, как было начато перевооружение, юристов — таких, как Франк; публицистов и пропагандистов — Фриче и того же Штрейхера, преданно служивших делу распространения общей идеи; технических специалистов — Шпеера и Заукеля, без которых идея никогда бы не была так претворена в действие, как это произошло; полицейских, — например, Кальтенбруннера, который с помощью террора подчинял умы; либо просто гаулейтеров — Зейсс-Инкварта, Шираха или снова Заукеля — администраторов, должностных лиц и в то же время политиканов, которые облекли в конкретные формы общую политику, намеченную всей совокупностью государственного и партийного аппарата.

Я знаю, что тень отсутствующих витает над этим залом, и сегодняшние подсудимые напоминают нам об этом беспрестанно... «Гитлер хотел, Гиммлер хотел, Борман хотел, — говорят они. — Я лишь повиновался». А защитники наперебой раздувают это! Гитлер — чудодейственный тиран, фантазер-фанатик, навязывающий свою волю с неотразимой сверхъестественной силой. Это слишком примитивно. Это слишком общее утверждение.

Нет человека, который был бы полностью невосприимчив к советам, внушениям, влияниям, и Гитлер не был исключением. Это неопровержимо явствует из всего судебного разбирательства, которое позволяет нам догадываться о борьбе различных влияний, разыгрывавшихся в окружении этого «великого человека». Плелись коварные и скрытые интриги, распространялась клевета — и порой во время судебного разбирательства это заставляло нас думать о небольших дворах эпохи итальянского Возрождения. Здесь было все, вплоть до убийства. Разве Геринг до того, как он сам впал в немилость, не избавился от Рема и Эрнста, вступивших в заговор не против своего хозяина, а против него, как сообщил нам об этом свидетель Гизевиус. Такое воображение, такое упорство, когда речь идет о зле, а также такая эффективность — все это показывает нам, что Гитлер не был уж так нечувствителен по отношению к действиям и интригам в своем окружении. Какая жалость, что такие интриги не использовались для доброго дела!

Относительно того, насколько Гитлер поддавался влияниям, мы слышали прямое свидетельское показание — это показание Шахта, указавшего, помимо этих людей, и на германскую толпу, в которой все разжигали нездоровые страсти и стремились уничтожить всякое собственное суждение.

Разве Шахт не сказал во время судебного заседания о Гитлере: «Я полагаю, что сначала у него не было совершенно дурных наклонностей; без сомнения, он думал, что желает добра, но мало-помалу он пал жертвой поклонения, которое внушал толпе, ибо тот, кто начинает с развращения толпы, кончает тем, что сам бывает развращен ею. Подобные отношения между вождем и тем, кто ему подчиняется, приводят к тому,

что он подчиняется инстинктам толпы, чего должны стараться избегать все политические вожди».

Итак, в чем же заключалась основная идея, которая была в основе всего этого? Бесспорно, она заключалась в завоевании жизненного пространства всеми способами, даже самыми преступными.

В тот период, когда Германия оставалась еще разоруженной и следовало соблюдать осторожность, Шахт, находясь на стороне Гитлера, требовал колоний — мы помним это из свидетельских показаний Гиршфельда, но Шахт скрывал, он часто маскировал эту основную идею государственного аппарата, в который входил, и нам было бы труднее разоблачить эту основную идею, если бы к нам не пришла на помощь вызывающая смущение откровенность «великого человека», поведавшего миру еще 10 годами ранее все свои бредовые планы.

Действительно, мы читаем в «Майн кампф» (выдержка со стр. 641, первая цитата):

«Следовательно, германская нация может защитить свое будущее только в качестве мировой державы. В течение более двух тысячелетий защита интересов нашего народа, а именно так нам следует обозначить нашу более или менее успешную деятельность в сфере международных отношений, являлась мировой историей. Мы сами являлись свидетелями этого факта: гигантская борьба стран в 1914—1918 годах являлась только борьбой германского народа за свое существование на земном шаре, но мы отнесли событие этого типа к категории мировой войны.

Германский народ вступил в эту борьбу в качестве предполагаемой мировой державы. Я говорю здесь «предполагаемой», потому что в действительности она таковой не являлась. Если бы в Германии в 1914 году было бы иное соотношение между размером территории и численностью населения, то Германия действительно была бы мировой державой, и война, помимо всех других факторов, могла бы завершиться благоприятно».

Выдержка со стр. 647, вторая цитата: «Я желал бы сделать нижеследующие предварительные замечания. Требование о восстановлении границ 1914 года является политическим абсурдом такого масштаба и чревато такими последствиями, что представляется преступным. При этом мы еще не упомянули о том, что границы рейха 1914 года были чем угодно, но только не логичными. Дело в том, что фактически они не были ни совершенными в том смысле, что ими не охватывались люди германской национальности, ни разумными с точки зрения геовоенной целесообразности. Это не был результат взвешенной политической акции, это были лишь кратковременные границы, появившиеся в ходе политической борьбы, которая отнюдь не была завершена; на деле частично они были результатом случая».

Выдержка со стр. 649, цитата третья: «Границы 1914 года абсолютно ничего не значат для будущего Германии. Они не обеспечили защиты в прошлом, не будут они сдерживать какие-либо силы и в будущем. С помощью таких границ не будет достигнута целостность германской нации, не будут эти

границы также гарантировать средства существования германской нации; кроме того, эти границы, если посмотреть на них с военной точки зрения, не представляются ни целесообразными, ни даже удовлетворительными, и, наконец, эти границы не могут способствовать улучшению тех отношений, в которых мы в настоящее время находимся с другими мировыми державами, или, лучше сказать, действительными мировыми державами».

Еще одна цитата (выдержка со стр. 650): «Мы, национал-социалисты, должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается в этом мире. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое может быть оправдано перед богом и грядущими германскими поколениями; перед Богом потому, что мы пришли на эту землю, чтобы зарабатывать здесь свой насущный хлеб ценой вечной борьбы, пришли как существа, которым ничего не было дано без боя и которые будут обязаны своим господствующим положением на земле лишь своему уму и отваге, благодаря которым они смогут завоевать и сохранить такое положение; оно может быть оправдано перед грядущими германскими поколениями, поскольку мы пролили кровь, из которой воспрянут тысячи новых людей. Земля, на которой однажды поколения германских крестьян произведут на свет сильных сыновей, простит то, что в нее лягут сегодняшние сыновья, и однажды оправдает государственных деятелей за кровь и жертвы своего народа, даже если современники этих государственных деятелей проклинают...

Государство, которое в эпоху деградации рас ревностно следит за сохранением лучших элементов своей расы, должно в один прекрасный день стать господином на земле...

Более сильная раса изгонит слабые, так как окончательный стремительный натиск вперед к жизни разорвет смехотворный путь пресловутого индивидуалистически настроенного человечества и освободит место для человечества, действующего согласно закону природы, который уничтожает слабых, чтобы предоставить их место сильным...».

Затем государственная и партийная машина набрала силу. Реорганизованная втайне армия вскоре оказалась достаточно сильной, чтобы дать возможность Германии перевооружаться открыто. Кто в то время осмелился бы противостоять чудовищному росту этой биологической материальной силы?

Гитлер разъяснил свою мысль в узком кругу лиц, и не все нацисты положительно восприняли его высказывания. Осведомленные о намерениях своего господина, они тем не менее остались рядом с ним, и уже это их обрекло. Разве не так обстоят дела с Редером?

«Речь идет не о завоевании народов, а о завоевании территорий, которые могут быть культивированы...», — сказал Гитлер на совещании с фон Бломбергом, фон Фричем и Редером 5 ноября 1937 г.

«Экспансию можно осуществить, лишь сокрушая жизни и идя на риск...» (ПС-386).

После того как фон Фрич и фон Бломберг оказались в опале, Кейтель и Иодль, избранные благодаря их рабскому служению целям нацистского режима, получили в руки солидную военную машину. Перевооружение продолжалось. Накануне конфликта Гитлер напомнил свою идею:

«Обстоятельства должны приспосабливаться к целям, которые необходимо достигнуть. Это невозможно без вторжения в иностранные государства или без захвата чужого имущества.

Жизненное пространство, соответствующее величине государства, является основой всякой мощи. На время можно отказаться от рассмотрения этой проблемы, но она должна быть разрешена в конечном итоге тем или иным путем. Выбор таков: прогресс или упадок. Через 15 или 20 лет мы будем вынуждены найти решение. Ни один государственный деятель Германии не сможет избежать этого вопроса.

В настоящий момент мы пребываем в состоянии патриотического рвения, которое разделяется двумя другими государствами — Италией и Японией.

Период, который остался позади, был действительно хорошо использован. Были предприняты все конкретные меры, находящиеся в соответствии с поставленными нами целями.

После шести лет положение на сегодня таково: политическое и национальное объединение немцев достигнуто, за некоторыми небольшими исключениями. Последующих успехов достичь нельзя без пролития крови. Данциг отнюдь не является предметом спора. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке и обеспечения продовольственного снабжения...

Население негерманских территорий не будет нести воинской повинности, оно будет являться источником рабочей силы. Польская проблема неразрывно связана с конфликтом на Западе». Это выдержка из протокола совещания, проходившего 23 мая 1939 г. в имперской канцелярии, на котором присутствовали Гитлер, Геринг, Редер и другие (документ Л-79, США-27).

И началась война, которая несколько месяцев спустя позволила всей Германии считать, что сила ее неотразима и она может приступить к завоеванию мира.

Все, что включала в себя самого жестокого и чудовищного фраза Гитлера: «В противодействие этому мы, национал-социалисты, должны неуклонно придерживаться наших внешнеполитических целей: обеспечить германскому народу ту территорию, которая для него предназначается в этом мире. И это действие, которое вызовет пролитие крови, единственное, которое может быть оправдано перед богом и грядущими поколениями...»[1], было развито им в заявлении по вопросу о восточных территориях на совещании 16 июля 1941 г. (документ Л-221): «...Мы снова будем подчеркивать, что были вынуждены

---

[1] Имеется в виду фраза из «Майн кампф», цитировавшаяся Дюбостом выше. — **Прим. сост.**

занять определенную территорию, навести на ней порядок и установить безопасность... Никто не сумеет распознать, что это начало окончательного решения вопроса. Не должно быть распознано, что дело касается окончательного регулирования. Тем не менее мы все же будем применять все необходимые меры: расстрелы, выселения и т.п.».

И далее: «Партизанская война даст нам одно преимущество: она позволит нам искоренить всех тех, кто оказывает нам сопротивление...».

Эта же идея была подхвачена и цинично провозглашена другими рупорами государства, ее донесло к нам на данный процесс. В одной из своих речей Гиммлер заявил (документ ПС-1919):

«То, что могут предложить нам нации в качестве благородной крови, мы возьмем, в случае необходимости отберем у них детей и будем воспитывать их среди нас».

В той же речи: «Процветают ли нации или погибают от голода, — интересует меня лишь постольку, поскольку мы можем использовать их как рабов в интересах нашей цивилизации.

Умрут или не умрут от измождения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов, меня интересует лишь постольку, поскольку этот ров, нужный Германии, должен быть закончен...».

Из той же речи: «Если кто-нибудь придет и скажет мне: "Я не могу допустить, чтобы этот ров рыли женщины и дети; это их убьет", — я отвечу: "Вы — убийца людей собственной крови, так как, если этот ров не будет вырыт, то погибнут германские солдаты, а они — сыновья германских матерей"».

Из той же речи по вопросу об истреблении евреев: «Мы истребили микроб. Мы не хотим дольше терпеть такой заразы и умирать от нее. Мы выполнили этот долг из любви к нашему народу. Наш дух, наш характер не пострадали от этого».

Завоевание жизненного пространства, то есть территорий, население которых было ликвидировано всеми возможными средствами, в том числе путем его уничтожения, — вот в чем заключалась основная идея партии, режима, государства, а следовательно, и всех этих людей, стоявших во главе важнейших государственных и партийных органов.

Вот та основная идея, в служении которой они объединились, ради которой они прилагали свои усилия. Все средства были хороши для ее осуществления: нарушение договоров, вторжение и порабощение в мирное время слабых и миролюбивых соседей, ведение агрессивных тотальных войн со всеми теми ужасами, которые за ними скрываются. Во всем этом они принимали духовное и физическое участие; Геринг и Риббентроп в этом цинично признались, а генералы и адмиралы всеми силами содействовали этому.

Шпеер использовал вплоть до полного истощения и гибели рабочую силу, которую набирали для него Заукель и Кальтенбруннер, гаулейтеры и генералы. Кальтенбруннер использовал

газовые камеры, для которых Фрик, Ширах, Зейсс-Инкварт, Франк, Иодль, Кейтель и другие поставляли жертвы. Но создание этих газовых камер стало возможным в результате разработки соответствующей политической теории, допускавшей такие вещи; за это ответственны все: Геринг, Гесс, Розенберг, Штрейхер, Фрик, Франк, Фриче, даже сам Шахт. Разве он не сказал: «Я хочу, чтобы Германия стала великой, и для этого я готов заключить союз с самим чертом»? Он заключил этот союз и с чертом, и с адом... Ответствен даже Папен, который видел, как умерщвляли его секретарей, друзей, а он продолжал тем не менее принимать официальные назначения в Вену и Анкару, потому что, как он полагал, служа Гитлеру, он его умиротворял.

Не все находятся здесь, среди отсутствующих виновных имеются мертвые и живые, например промышленники, использовавшие рабочую силу порабощенных стран после того, как они привели Гитлера и его режим к власти, предоставив деньги, без которых ничто не могло бы свершиться; эти промышленники привели их к власти из националистического фанатизма, а также и потому, что они надеялись, что нацизм будет стоять на страже их интересов.

Одно опиралось на другое, все было неразрывно связано, так как политика тоталитаризма, тотальная война, подготовка и проведение плана уничтожения народов для завоевания жизненного пространства — все это требовало согласованной тесной связи между всеми частями механизма — между полицией и армией; между министерством иностранных дел, полицией и армией; между органами юстиции и полицией; между системой экономики и органами юстиции; между университетами, органами пропаганды и полицией.

Теперь мы приступаем ко второму положению, которое должны раскрыть.

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ВО ГЛАВЕ КОТОРЫХ СТОЯЛИ ЭТИ ЛЮДИ, ПРЕДПОЛАГАЕТ ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ НИМИ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКИ

Защита пытается установить существование непроницаемых перегородок между различными составными частями Германского государства. Если в это поверить, то это значит согласиться с тем, что существовали лишь параллельные, но не вертикальные нити между различными государственными и партийными органами, между конкретными управлениями министерств и между национал-социалистскими организациями. Единственным связующим звеном якобы являлся лично руководитель, стоявший во главе соответствующего органа. Согласно заявлению защиты, господствующим принципом в структуре Германского государства якобы являлась связь, осуществляемая на личностном уровне, а не согласованность и сотрудничество.

Это неверно. Это противоречит принципам нацистского государства, противоречит нуждам государства, в котором все силы были направлены к достижению одной цели, а также противоречит той германской действительности, которую выявило судебное разбирательство.

Согласно концепции национал-социализма, партия должна занять место демократии. В соответствии с ней партия — это политическое выражение нации, которое материализуется в политической деятельности государства, осуществляемой через работу государственных ведомств. Акт от 1 декабря 1933 года устанавливает, в целях обеспечения единства партии и государства, что партия служит единственной поддержкой концепции государственности, и неразрывно объединяет партию и государство.

На партийном съезде в 1931 году Гитлер сказал: «Это не государство создало нас. Мы создали государство для себя. Для некоторых это может представляться партией, для других — организацией, для третьих — чем-то иным, но фактически мы то, что мы есть».

Таким образом, целью, которую преследовала партия, являлось достижение все более полноценного союза между государством и партией. Именно этим объясняется издание законодательных норм, согласно которым при назначении чиновников на высокие посты обязательно следовало проконсультироваться с главой партийной канцелярии, согласно которым в муниципальные администрации вводились партийные руководители, СС было интегрировано в полицию, эсэсовцы превращались в сотрудников полиции, руководство организации «гитлерюгенд» было преобразовано в государственное ведомство, руководство партийными управлениями за границей было подчинено министерству иностранных дел, обеспечивалось все более тесное слияние военных кадров партии с военнослужащими армии. В военном дневнике генерала фон Бродовского, который мы представили Трибуналу, говорится, что к моменту вступления во Францию такое слияние стало фактом. Гитлер, однако, продолжвл сохранять систему государственного и партийного управления, так как в таких условиях государственные и партийные органы осуществляли взаимный контроль и надзор. При этом Гитлер настаивал на теснейшем сотрудничестве между обеими сторонами с тем, чтобы быть уверенным, что контроль будет эффективен.

Следует также отметить, что все подсудимые, исключая Гесса, являются представителями государственных ведомств. Они не могут ссылаться на абсолютную власть партии как на оправдывающий их действия аргумент, так как партия и государство делили между собой власть. Доктрина, провозглашаемая партией, должна определять действия государства, но действия государства в свою очередь модифицируют и развивают доктрину партии. Многие пункты программы партии от 24 февраля 1920 г. так и не вступили в силу и оказались совершенно забытыми к тому времени, когда партия уже пребывала у власти в течение определенного времени. Например, не были упразднены рентные доходы (пункт 11), не национализированы

тресты (пункт 13), не проводилась земельная реформа, как это предусматривалось в пункте 17; сохранялись проценты на имущество и спекуляция недвижимостью[1]. Каждый аспект жизни Германии оказался под воздействием влияния и государственных, и партийных сил. Все ведомства государства и партийные органы объединились, чтобы сформировать составные элементы такого влияния. Примеров этому множество, и их можно найти во всех государственных учреждениях.

Возьмем министерство иностранных дел. Из всех министерств именно оно, в соответствии с общепринятой концепцией, должно было бы быть наиболее отдалено от политической доктрины. Но в нацистской Германии дело обстояло иначе. Осуществляя задачу по истреблению евреев, находящиеся за границей штаб-квартиры министерства сотрудничали с главным управлением имперской безопасности через Вильгельмштрассе, о чем свидетельствуют документы РФ-1206, 1220, 1502, 1210 и США-433 (ПС-3219). Чиновникам с Вильгельмштрассе предлагалось консультировать военную полицию и гестапо (РФ-061). Именно Вест, представитель Риббентропа в Дании, передал приказ о депортации евреев шефу германской полиции Мильднеру (РФ-1503). В документе РФ-1501 зафиксировано, что Риббентроп в разговоре с Муссолини приводил доводы в пользу антисемитизма и просил о сотрудничестве со стороны Италии. Во всех террористических мероприятиях, направленных против интеллигенции, были замешаны Риббентроп и Кальтенбруннер; СД и Вильгельмштрассе также были замешаны в организации нападений провокационного характера, как, например, нападение на радиостанцию в Глейвитце, что должно было послужить предлогом для нападения на Польшу. Из отчетов германской военной администрации о разграблении произведений искусства во Франции явствует, что виновниками являются как специальный штаб Розенберга, так и германское посольство в Париже (документ РФ-1505). Вильгельмштрассе и армия действовали совместно с полицией в мероприятиях против заложников, в карательных действиях и в угоне населения. Можно было бы умножить эти примеры. Мы не намереваемся исчерпывающе освещать этот вопрос, а лишь хотим наглядно подтвердить наше мнение по нему.

Рассмотрим теперь деятельность организации Розенберга. Розенберг, в соответствии с возложенными на него функциями, координировал деятельность различных ведомств Германского государства. Его внешнеполитическое управление было включено в министерство иностранных дел. Помимо этого, он был идеологом режима, министром по делам восточных оккупированных территорий и начальником специального штаба, который ведал произведениями искусства[2]. В сотрудничестве с ним действовали СД и тайная полиция (документы Л-188 и ПС-946).

---

[1] Текст программы НСДАП см.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 181—183.

[2] Имеется в виду «эйнзатцштаб Розенберга», который занимался разграблением произведений искусства на оккупированных территориях. — **Прим. сост.**

Следует отметить, что в вопросе о принудительном использовании рабочей силы внутри государства существовали такая же связь и такая же согласованность. Их осуществляли все министры и высшие должностные лица, например гаулейтеры, либо потому, что они планировали или готовили это мероприятие, либо потому, что они оказали поддержку в проведении этого мероприятия, либо, наконец, потому, что им это было выгодно.

Мы помним межминистерские совещания в Берлине по этому вопросу и совещание Заукеля, Кальтенбруннера, Шпеера, Функа и представителей ОКВ, которые описываются в документе ПС-3819; мы помним о совещании в Париже под председательством Заукеля, в котором участвовали представители армии, полиции и посольства (документ РФ-1517). Не было большой независимости и в экономической сфере.

Во время войны под руководством Функа осуществлялось тесное сотрудничество между экономическими и административными управлениями армии и министерства экономики (документ РФ-3-бис). Для развития планов экономической германизации министерство экономики привлекло полицию (документы РФ-803 и 804). Министерство финансов субсидировало организацию СС для проведения научных экспериментов над заключенными, принудительно используя их в ужасающих условиях для этих опытов (ПС-002). Задолго до войны под руководством Шахта аналогичные связи, сначала скрытые, а затем гласные и гораздо более тесные, чем в какой-либо другой стране мира, объединяли политику, финансы и экономику с армией. В речи 29 ноября 1938 г. Шахт так высказался о проделанной им работе:

«Возможно, что ни один другой эмиссионный банк в мирное время не проводил такой смелой кредитной политики, как это делал рейхсбанк с момента захвата национал-социалистами власти... Однако с помощью этой кредитной политики Германия создала непревзойденное вооружение, и это вооружение позволило нашей политике добиться желаемых результатов...» (ЕС-611).

Судебная система также не была более независимой. Министерство юстиции совместно с полицией принимало участие в наиболее преступных деяниях. В документе ПС-654 приводится запись совещания, состоявшегося между Тираком, Гиммлером и другими, во время которого было решено, что асоциальные элементы и заключенные концлагерей: евреи, цыгане, русские, украинцы, поляки, приговоренные к заключению на срок более трех лет, — будут в дальнейшем передаваться Гиммлеру для их истребления путем использования на работах и что в будущем лиц, принадлежащих к этим же категориям, больше не будут предавать обычным судам, а будут немедленно направлять в органы Гиммлера.

Наконец, во время войны террористическая деятельность армии и полиции, государства и партии переплелись еще более тесно. Порой полиция подчинялась армии, сохраняя при этом некоторую самостоятельность, в соответствии с приказами

РСХА. Таково было положение в Бельгии. Во Франции, несмотря на то, что полиция была независима от армии, между ними существовало тесное сотрудничество. Вместе с ЗИПО и СД армия принимала участие в преследовании евреев, в управлении лагерем для интернированных в Компьене, в отборе заложников (документы РФ-1212, 1212-бис) и в их казни (документ РФ-1244). Как мы видели, армия и полиция совместно участвовали в террористических мероприятиях, направленных против мирного населения. Органы военно-морского флота и полиция также объединялись для уничтожения коммандос, а полиция несет ответственность за убийство некоторых категорий военнопленных, несмотря на то, что все военнопленные находились в ведении ОКВ (документ ПС-1165)[1].

Можно было бы умножить число примеров тесного сотрудничества партийных органов и государственных учреждений, согласованности их действий, доходившей иногда до симбиоза. Все эти органы стремились тем или иным путем реализовать политическую идею — завоевать жизненное пространство любыми средствами.

Из этого, безусловно, явствует, что существовало сотрудничество между подсудимыми. Помимо точных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве, которые были нами приведены, то, что нам известно об общем функционировании тоталитарного государства, связанного с судьбами партии, о его непреклонной суровости в отношении оппозиции, для которой были уготованы концлагеря и газовые камеры, — все это позволяет нам утверждать, что подсудимые в качестве министров, сановников или высших чиновников, облеченных властью государством или партией, образовали одно целое вместе с другими, которых здесь нет и которые или мертвы, или предназначены для последующего судебного преследования. Этим единым целым являлось правительство рейха, этим единым целым являлось партийное государство или государственная партия; возможно, оно было единым существом, но существом сознательным и преступным, которое для того, чтобы безгранично расширить пределы империи, заставляло истреблять миллионы людей.

Действия подсудимых не ограничиваются лишь теми деяниями, которые мы только что подробно разбирали в свете внутреннего уголовного законодательства наших стран и страны подсудимых. Делом их рук также являются все действия Германского государства, которому они отдали жизнь, совесть, мысли, волю, за что они теперь должны в полной мере и до конца нести ответственность и понести всю тяжесть последствий, самых суровых последствий, ибо индивидуально они не смогли отделить себя от этих преступлений.

Мы подходим к третьему положению.

---

[1] Лишь осенью 1944 г. военнопленные были переданы в ведение ведомства Гиммлера. — Прим. сост.

ПОДСУДИМЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСУЖДЕНЫ В СВЯЗИ С ТОЙ ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКОЙ, ИНИЦИАТОРАМИ И ОРУДИЕМ КОТОРОЙ ОНИ ЯВЛЯЛИСЬ

Разве не заявил доктор Зейдль, защищавший Франка, следующее: «Является признанным принципом, а этот последний явствует из положений уголовного права всех цивилизованных наций, принцип, согласно которому однородные и естественные действия должны оцениваться в целом, и следует дать оценку всем обстоятельствам, которые могут быть рассмотрены для того, чтобы создать основу для вынесения приговора»?

Все преступления подсудимых связаны с их политической жизнью. Эти преступления являются, как мы знаем, составными частями преступной политики государства. Рассматривать подсудимых как уголовных преступников, забыть о том, что они действовали от имени Германского государства и в интересах этого государства, применить по отношению к ним те же нормы, как и к хулиганам и убийцам, означало бы уменьшить масштабы настоящего процесса, неправильно определить характер их преступлений.

Преступления, которые обычно рассматриваются в судах наших стран, являются нарушениями общественного порядка. Эти преступления являются деяниями отдельных лиц. Их масштабы носят ограниченный характер. Их последствия — также. Эти преступления к тому же затрагивают лишь небольшое число жертв, и в архивах наших стран нельзя обнаружить примеры методичных убийств, совершенных террористическими организациями, жертвами которых явились бы более нескольких сот человек. Таковы самые значительные преступные заговоры, которые создавались в наших странах. При своей высокой иерархической организованности, имея вооруженные силы и судебные учреждения, наши национальные сообщества способны изолировать правонарушителей еще до того, как те сумеют принести тот вред, на который они способны.

Данные подсудимые наращивали свою преступную деятельность в сообществе государств в еще неорганизованном мире, который лишь начинал осознавать собственное существование и в то время не обладал ни вооруженной силой, ни судьями.

Эти подсудимые захватили Германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную власть государства. Они действовали в качестве начальников или руководителей политического, дипломатического, юридического, военного, экономического и финансового штабов. Деятельность этих штабов обычно согласуется в любой стране ввиду того, что они преследуют общую цель, намеченную общей политической идеей. Но мы знаем, что в национал-социалистской Германии эта согласованность была усиленной из-за взаимного проникновения партийных и административных органов. Преступления отдельных лиц превратились в общие преступления, став преступлениями государства. К тому же они явились результатом политических устремлений каждого: «завоевать жизненное пространство любой ценой».

Государственные преступления, совершенные кем-либо из тех, кто контролировал одно из главных учреждений, могли быть совершены только потому, что этому содействовали все руководители всех прочих основных учреждений и оказывали этому поддержку. Если бы некоторые из них и их учреждения уклонились от этого, это вызвало бы крушение государства, уничтожение его преступной мощи и в итоге положило бы предел газовым камерам или сделало бы технически невозможным их создание. Но ни один из них и ни одно из учреждений не хотели уклониться, так как газовые камеры и уничтожение в целях приобретения жизненного пространства являлись выражением высшей идеи режима, а этим режимом были они сами.

Разве доказательством этого единства в преступлении не служат заявления самих подсудимых, их постоянные усилия и постоянные попытки их защитников доказать, что их учреждения были автономны, для того чтобы свалить ответственность армии на полицию, министерства иностранных дел на главу правительства, управления по использованию рабочей силы на управление по четырехлетнему плану, ответственность гаулейтеров на генералов, — одним словом, для того чтобы заставить нас поверить в то, что в Германии все происходило в водонепроницаемых отсеках, в то время как взаимная зависимость государственных и партийных органов и сложная система многочисленных органов связи и контроля, существующих между государством и партией, свидетельствуют об обратном.

Все французы, которым довелось жить в оккупированной Франции, помнят, что на стенах местных комендатур были плакаты с изображением кирпичной стены со словами: «Teneo quia teneor»[1]. В этом заключался девиз системы. Достаточно было вынуть из стены всего несколько кирпичей, чтобы она рухнула. Однако никто из этих людей этого не сделал. Напротив, все они положили в здание по собственному кирпичу.

Таким образом, господа судьи, с помощью фактов и помимо какого-либо юридического толкования понятий заговора и сообщничества, которое, возможно, может явиться предметом спора в связи с различными позициями юристов по этому вопросу, мы представляем Вам доказательства солидарности и общей виновности всех подсудимых в совершенном преступлении.

Для доказательства того, что они действительно совершили преступления, достаточно, что они являлись руководителями и высшими должностными лицами партии или одного из главных государственных органов, а также того, что, действуя в интересах государства, они, чтобы содействовать расширению германского жизненного пространства любыми средствами, замыслили, выразили желание, приказали или же только способствовали, сохраняя молчание, чтобы договоры, обеспе-

[1] В переводе с латинского это означает: «Я держу, так как меня держат». — **Прим. сост.**

чивающие независимость других стран, были нарушены, чтобы были подготовлены и развязаны агрессивные войны, чтобы систематически совершались массовые убийства и прочие зверства, чтобы систематически производились ничем не мотивируемые опустошения и грабежи.

Эти преступления являются преступлениями Германской империи, и все подсудимые, вступив в заговор, содействовали их совершению. Мы покажем это в отношении каждого подсудимого на материалах судебного разбирательства.

В отношении каждого подсудимого высказанные трн основных положення сводятся к следующему:

1. Подсудимый занимал в государственном и партийном аппарате видное положение, которое предоставляло ему власть над целым учреждением или несколькими учреждениями.

2. В том случае, если подсудимый и не замышлял «завоевания жизненного пространства любыми средствами», тем не менее он был согласен с этой установкой режнма.

3. Подсудимый своей собственной деятельностью принял личное участие в политическом развитии этой установки.

В отношении Геринга и Гесса, без сомнения, Трибунал освободит меня от пространного изложения. Онн являлись назначенными преемниками фюрера. Они примкнули к движению с самого начала. Гесс взял на себя ответственность за расовые законы. И тот и другой принимали участие в формулнрованин политнческой идеи режима, которую они олицетворялн в глазах масс. Своими речами, своими докладами они распространяли эту ндею во всех кругах населення.

Геринг активно содействовал экономнческой и военной подготовке ведения агрессивных вонн. Он является создателем гестапо и концентрационных лагерей, в которых погиблн миллионы предполагаемых противников режнма и в которых был осуществлен почти весь геноцид.

Значительная часть его преступной деятельности связана с проведением четырехлетнего плана, который согласно представленным доказательствам целнком обеспечивал подготовку к войне. Так же, как и другие, он ответствен за угон рабочнх, за жестокости по отношению к ним, за их назначенне на работу в производство, которое было направлено против их собственных стран. Помимо этого он участвовал в назначении военнопленных н полнтическнх заключенных на работы, непосредственно связанные с военнымн усилиями нмперии. Он организовал разграбление оккупированных стран и разрушение их экономикн. Он также организовал с помощью эйнзатцштаба Розенберга разграбление в крупных масштабах произведеннй нскусства, часто для того, чтобы пополнить свои собственные коллекции.

Декретом фюрера от 21 апреля 1933 г. Гесс получил полномочия разрешать все вопросы партийного руководства. Он принимал участие в подготовке всех законов и декретов и даже в предварительной разработке приказов фюрера. Он участвовал в назначении правнтельственных чиновников и руководителей по использованию рабочей силы. Он укрепил контроль партии над внутренней жизнью Германии. Он оказывал

непосредственное влияние на армию и на внешнюю политику. Участие, которое он принимал в развитии антисемитизма, распространяет на него ответственность за связанные с этим преступные последствия и определяет его виновность.

Риббентроп был одной из важнейших пружин в механизме партии и государства. Он был назначен на Вильгельмштрассе Гитлером, который относился с недоверием к дипломатам «старой школы». Риббентроп прилагал все усилия, чтобы создать благоприятную дипломатическую обстановку для агрессивных войн, что являлось важным средством для завоевания жизненного пространства. Мы помним документ, предъявленный нашими британскими коллегами, из которого явствует, что Риббентроп заверял Чиано в августе 1939 года, что Германия будет воевать, даже если ей уступят Данциг и Коридор. Как это было доказано, он и его министерство были замешаны в террористических действиях и в уничтожении населения оккупированных стран.

В отношении ответственности Кейтеля мое выступление будет также кратким. Условия, при которых он занял по указанию Гитлера посты, которые ранее занимали фон Фрич и фон Бломберг во главе верховного командования армии, его вступление в состав правительственных советов и его политическая активность на этих постах, выражавшаяся в том, что он вместе с фюрером был в Годесберге, позднее участвовал с ним в переговорах с Петэном и Хорти, а также в подписании приказов, из которых инструкция к приказу «Мрак и туман» не является наименее известной, — все это показывает, что речь идет не о рядовом военном, а о генерале — политическом деятеле, выполнявшем приказы режима.

Приговором ему служит та роль, которую он играл в арестах и убийствах патриотов. Он, вне всякого сомнения, участвовал в уничтожении некоторых категорий военнопленных, даже если это участие выражалось только в передаче их для «специального обращения» полиции и вооруженным силам партии.

Кальтенбруннер вступил в партию и в СС в Австрии в 1932 году. Он был статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии, руководителем австрийской полиции, а затем начальником полиции Вены и начальником РСХА с 30 января 1943 г. вплоть до капитуляции. В течение этого последнего периода он был ответственным за деятельность гестапо, полиции, СД и концентрационных лагерей.

Он был одним из важнейших элементов в преступном аппарате, в проведении политики уничтожения и геноцида. Его ответственность за массовые убийства доказана. Он издавал приказы о заключении в концлагеря и о казнях.

Как он заявлял, «меры, связанные с помещением в превентивное заключение, оправдываются войной». Однако он пытался заставить нас поверить, что был против тех мер, которые применялись. Но это невозможно, нам хорошо известно, что он осуществлял верховную власть над лагерями.

Нам известно, сколь важное место занимал Розенберг в «третьей империи». Одно из учреждений носило его имя. Помимо этого, он был министром по делам восточных оккупиро-

ванных территорий и выразителем доктрины нацизма. В своей книге «Кровь и честь» он использовал и развил положение, согласно которому пресловутой германской расе должно принадлежать жизненное пространство. Исходя из ни на чем не основанных утверждений о том, что «распространение нордизма создает основу для развития человечества» и что «повсюду существует упадок в том случае, когда эта нордическая культура вместо того, чтобы обречь на постоянное рабство азиатов и семитов, соединяется с этими нечистыми элементами», он заключает, что континент должен быть подчинен идее германской расы и самой германской расе.

Темой произнесенной им в Нюрнберге в 1933 году речи было то, что Германия должна любыми средствами возродить расовую чистоту. Он предусмотрел истребление евреев, и мы знаем, что это не было лишь простым ораторским приемом. Кроме того, в докладе фюреру 11 августа 1943 г. (документ ПС-042) он писал:

«Декреты, направленные на то, чтобы не способствовать росту населения на Украине, и для того, чтобы не применять статью 218 германского Уголовного кодекса, начали издавться в прошлом году, и их рассмотрение было возобновлено в связи с поездкой директора министерства здравоохранения...

На Украине меры по предупреждению эпидемий были предприняты не в интересах других народов, а исключительно для охраны германских оккупационных сил и для сохранения рабочей силы, используемой в интересах германской военной экономики».

Наконец, Розенберг был замешан в агрессии против Норвегии и с помощью своего особого штаба производил систематическое разграбление художественных ценностей Европы.

Франк одним из первых вступил в партию. Он являлся ее консультантом по правовым вопросам и участвовал в составлении ее программы. Он был также советником фюрера, министром юстиции в Баварии, затем имперским министром, которому была поручена координация правовых вопросов в Германии, и, наконец, он был генерал-губернатором Польши. Именно он пытался облечь в юридическую форму государственную и партийную программу преследования и уничтожения людей. В 1936 году он защищал в «Журнале германского права» создание концентрационных лагерей и объявил, что вторым основным законом гитлеровской Германии является расовое законодательство. Его личная деятельность в Польше способствовала уничтожению большого числа поляков. Он этим кичился на протяжении всего своего дневника.

Фрик был членом партии с 1925 года. Он стал рейхслейтером, затем генеральным уполномоченным по выборам с 30 января 1933 г. по 20 августа 1943 г. Он возглавлял учреждение по присоединению Австрии к Германии, по включению в состав империи Судетской области, Мемеля, Данцига, территорий на Востоке, Эйпена, Мальмеди и Морене. Кроме того, он был директором центрального управления протектората Богемия и Моравия, генерал-губернатором Нижней Штирии, Верхней Каринтии, Норвегии, Эльзаса, Лотарингии и всех остальных окку-

пированных территорий. Более года он был протектором Богемии и Моравии. С момента захвата власти он был имперским министром внутренних дел, членом совета обороны. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, предложил издать антисемитские законы. Сохраняя полнейшее повиновение, он неоднократно был рупором политической мысли режима. В частности, он заявлял:

«В национал-социалистской Германии руководство находится в руках организованного сообщества, т.е. национал-социалистской партии; так как эта партия выражает волю нации, принятая ею политика, согласующаяся с жизненно важными интересами нации, является одновременно политикой, принятой страной» (ПС-3258).

Это он, Фрик, назначил Гиммлера. Фрик ответствен за антисемитское законодательство. Наконец, он заставил подвергнуть стерилизации потомков людей, принадлежащих к цветным расам. Помимо этого он приказал уничтожать всех душевнобольных, признанных неизлечимыми.

Штрейхер вступил в партию почти сразу же после ее основания. Он отдался целиком необузданной пропаганде против евреев как в своих выступлениях, так и в статьях и призывал немецкий народ преследовать и истреблять евреев. Он был гаулейтером. Он не отмежевывался ни от чего, что было сделано.

Он показал: «Тот, кто узнает, сколь глубокой была личность фюрера, так, как это узнал я, и если учесть (что я узнал потом из его завещания), что он умышленно отдал приказ об истреблении евреев, — в таком случае я заявляю — он имел право на это».

Функ вступил в партию в 1932 году. Он был награжден золотым значком партии. Он был начальником прессы имперского правительства, статс-секретарем по пропаганде и, наконец, в 1937 году — преемником Шахта в министерстве экономики. В 1941 году он был назначен главным уполномоченным по экономике и президентом рейхсбанка.

В 1932 году он был посредником между Гитлером и рядом руководителей германской промышленности. Он участвовал в совещании промышленников 20 февраля 1933 г., созванном Герингом для получения политической и финансовой помощи со стороны промышленников для проведения нацистской программы.

Функ показал 4 мая 1946 г.: «Как статс-секретарь по пропаганде, я официально несу ответственность. Я, естественно, покровительствовал пропаганде, как это делал каждый, занимавший ответственное положение в Германии, так как пропаганда все заполнила и проникла во все тайники духовной жизни народа...».

Он требовал, чтобы евреи были сняты с ответственных должностей и издавал декреты для того, чтобы провести эту мысль в жизнь. Он получил от эсэсовцев груды золотых зубов и драгоценностей, принадлежавших жертвам массовых истреблений. Наконец, он создал военную экономику и подписал секретный закон от 4 сентября 1938 г.

Дениц был главнокомандующим военно-морским флотом. Он был преемником Гитлера вместе с Зейсс-Инквартом, ставшим министром иностранных дел. Он получил золотой партий-

ный значок. Бесспорно то, что он выражал согласие с преступной политикой режима. Он, в частности, заявил (Д-640): «Офицер является представителем государства. Весь этот разговор об офицерах, находящихся вне политики, является чистым вздором».

Он рекомендовал использовать на работах заключенных лагерей уничтожения для того, чтобы, как он говорил, производительность труда возросла на 100 процентов. Как он сам заявил, он провозгласил неограниченную подводную войну и приказал своим морякам «быть жестокими», не принимать в дальнейшем мер по спасению утопающих. Наконец, он одобрял и поощрял убийства коммунистов.

Редер был главнокомандующим военно-морским флотом до Деница. Он участвовал в совещаниях у Гитлера, во время которых тот развивал свои планы. На протоколах этих совещаний им были сделаны пометки. Он поставил флот на службу нацистского режима, осуществлял тайное перевооружение и принимал участие в подготовке агрессии против Польши и Норвегии. Его пренебрежение нормами международного права общеизвестно. Это явствует из его докладной записки от 15 октября 1939 г. (ВБ-65).

Ширах был членом партии с 18 лет. Он вступил в партию в 1925 году; был руководителем гитлерюгенд с 1931 года по 1940 год, гаулейтером Вены вплоть до капитуляции, был одной из важнейших фигур режима. Он признает, что, будучи гаулейтером Вены, он объедннял в своем лице власть государства, города и партии. Это он, Ширах, сформировал немецкую молодежь в соответствии с идеологией партии и взял на себя ответственность за последствия единственной тогда формы воспитания. Он разрешил Гиммлеру вербовать эсэсовцев из рядов гитлерюгенд.

Начиная с 1943 года, согласно его собственному признанию, ему было известно об обращении с евреями, но он уже с давних пор придерживался весьма определенной позиции в отношении этого вопроса и вел активную антисемитскую пропаганду.

Заукель вступил в партию в 1925 году; был гаулейтером Тюрингии, генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы; ему было присвоено почетное звание обергруппенфюрера СС, он занимал видное положение в партийно-государственном аппарате.

Будучи истовым пропагандистом, он произнес более 500 речей, посвященных развитию национал-социалистской идеологии. Он одобрял политику истребления и заявлял: «Что касается истребления антиобщественных элементов, то д-р Геббельс считает, что идея уничтожения их путем использования на работах является лучшей из всех возможных по этому вопросу» (документ ПС-682).

Он также заявил: «...Фюрер сказал, что мы должны пересмотреть свои школьные понятия относительно переселения народов.., и желание фюрера заключается в том, чтобы через 100 лет, начиная с сегодняшнего дня, 250 миллионов людей, говорящих на немецком языке, были размещены в Европе» (документ ПС-025).

Он лично принимал активное участие в подготовке истребления. Он сказал по этому вопросу 28 мая 1946 г.: «Добиться хороших результатов в производстве можно только путем разумного использования рабочей силы».

Не считая миллионов граждан других стран, он принудил более 2 миллионов французов принимать участие в работах на военные нужды. Для их вербовки он прибегал к силе и вмешательству полиции, СС и армии (С-827).

«Я доверил, — заявил он, — исполнительную власть в отношении рабочей силы нескольким толковым людям под руководством рейхсфюрера СС и полиции. Я вооружил и обучил их, и я должен просить министерство вооружения снабдить их необходимым обмундированием...» (Р-124).

Это заявление сводит к нулю инсинуацию защитника Шпеера о том, что французское правительство якобы добровольно дало согласие на отправку в Германию принудительно завербованных рабочих.

Иодль был начальником оперативного штаба ОКВ. Он так же, как и Кейтель, пользовался полным доверием фюрера (ПС-3798). Он принимал участие в последовательной разработке планов. Его вдохновляло на служение Гитлеру то обстоятельство, что при Гитлере состояли такие консерваторы, как Нейрат, Папен и Шахт. Он передал 22 марта 1943 г. приказ относительно угона евреев из Дании и помещения их в заключение в Германии, он также обеспечил исполнение приказа Гитлера относительно уничтожения коммандос — приказ от 18 октября 1942 г. (ПС-530).

Он принимал участие в обсуждении мер против летчиков со сбитых самолетов, подписывал директиву верховного командования вооруженных сил относительно «борьбы с бандами», директиву, содержащую предписания, противоречащие законам человечности.

Папен подготовил приход Гитлера к власти. Формирование его кабинета 30 мая 1932 года было осуществлено вразрез с нормальными парламентскими процедурами. Второго июня он издал приказ о роспуске рейхстага и одновременно предоставил полную свободу гитлеровскому террору. Он заявил о своей встрече с Гитлером в июне 1932 года: «Я согласился с требованием Гитлера относительно предоставления права ношения формы членами СС и СА».

Тем не менее он не строил иллюзий относительно последствий гитлеровской агитации, которой он сам дал толчок. Но он предпочитал Гитлера демократии. После выборов 30 июля он принял меры для того, чтобы побудить Гинденбурга признать Гитлера, и в течение ноября ему это удалось. Он позволил нацистским функционерам узурпировать государственные службы. Сэр Дэвид Максуэлл-Файф напомнил нам о том, что в своем выступлении в Эссене в ноябре 1933 года Папен оправдывал национал-социализм.

В отношении расовой проблемы Папен занял весьма благосклонную и весьма определенную позицию.

У нас всех живы в памяти выдержки из его речи в Глейвитце в 1934 году: «Разумеется, ничего нельзя возразить против

проведения расовых исследований и обеспечения расовой гигиены с тем, чтобы сохранить по возможности национальные черты народа и пробудить дух национального сообщества».

Нам известно, что это были за мероприятия. Папен служил партийно-государственному аппарату вплоть до капитуляции, и его деятельность не прерывалась ни в связи с убийствами, ни с арестами его сотрудников, в которых были виновны государство и партия.

Зейсс-Инкварт стал членом национал-социалистской партии 13 марта 1938 г. Он занимал различные посты как в самой партии, так и в правительстве и, наконец, стал заместителем генерал-губернатора Польши, а затем имперским комиссаром Голландии. Он заявил:

«...Я непоколебимо и неразрывно связан с тем, во что я верю: в великую Германию и фюрера» (выдержка из письма Зейсс-Инкварта Герингу от 14 июля 1939 г., документ ПС-2219).

В речи от 23 января 1939 г. он заявил: «...Задача поколения, то есть движущая сила народа, рассматривается нами как создание и сохранение жизненного пространства для культурной и экономической жизни народа» (ПС-640).

Он также заявил: «...Все наше поколение должно поставить перед собой задачу, чтобы вся территория по реке Висле, а не только захваченные на Востоке территории, была заселена немцами... Нынешняя Словакия, нынешняя Венгрия и нынешняя Румыния должны быть реорганизованы.

Ситуация мне кажется подходящей... Я думаю, что вскоре вся эта территория будет находиться под единым германским руководством» (выдержка из письма Зейсс-Инкварта Борману от 20 июля 1940 г., документ ПС-3645).

Зейсс-Инкварт работал для того, чтобы претворить в жизнь основную политическую идею партии: завоевать пространство любой ценой. Он прилагал все силы для аннексии Австрии, выходцем из которой он был (он признался в том, что в течение 20 лет работал для осуществления идеи аншлюса). Доказано, что им было заключено соглашение с Конрадом Генлейном относительно присоединения территории Судетской области к Германии. Наконец, что касается Нидерландов, то он отдавал приказы о казни заложников и политически и экономически связывал принудительно эту страну с империей.

Кроме того, он также несет индивидуальную ответственность за систематический грабеж в Голландии, за депортацию населения и за те мероприятия, которые привели к голоду.

Шпеер вступил в партию в 1933 году. Он стал личным архитектором Гитлера и в качестве такового стал пользоваться его полным доверием. Он возглавлял организацию Тодта с февраля 1942 года. Был начальником отдела вооружения в управлении по четырехлетнему плану с марта 1942 года и с сентября 1943 года был министром вооружения. Он был одним из важнейших деятелей государства и партии. Шпеер эксплуатировал в организации Тодта больше миллиона человек и только в одном Руре около 50 тысяч французов, угнанных в 1943 году. Он ответствен за зверское обращение с иностранными рабочими на германских заводах, в частности на заводах Круппа. Он

использовал более 400 тысяч военнопленных на военных заводах, нарушая международные конвенции. Его уполномоченным вменялось в обязанность при посредстве ОКВ посещать концентрационные лагеря и отбирать там квалифицированных рабочих. По его собственному признанию, он использовал более 32 тысяч человек из числа заключенных концентрационных лагерей.

Он посещал лагерь Маутхаузен и разделяет ответственность за угон евреев в специальные трудовые лагеря, где их уничтожали, а также за угон 100 тысяч венгерских евреев на авиационные заводы.

Нейрат, министр иностранных дел с 1932 года, остался на этой должности и после захвата нацистами власти в 1933 году. Он оставался на этом посту до 1939 года. И он, и его учреждения были поглощены все увеличивавшейся партийной и государственной машиной.

Так как он был членом правительства с самого начала его образования, ему была известна политическая идеология движения. Если он и пытается утверждать, что был потрясен в 1937 году, когда узнал, что Гитлер собирается предпринять агрессивные действия, он тем не менее не покинул своего поста и после этого и ничего не предпринял для того, чтобы разубедить Гитлера. Напротив, именно он благосклонно отнесся к мысли о занятии левого берега Рейна, вдохновил на этот шаг, являвшийся первым этапом агрессивных войн в целях захвата жизненного пространства, Гитлера. Он оставался имперским министром вплоть до конца.

Так как сам Нейрат был консерватором, его участие в правительстве вдохновляло консервативную Германию на сотрудничество с Гитлером. Выполняя важнейшую роль в партийно-государственном аппарате, фон Нейрат был тесно связан с ним в преступлениях, заключавшихся в уничтожении людей, о чем ему было известно и о чем он сам отдавал приказы.

31 августа 1940 г. он направил доктору Ламмерсу два меморандума: один из них был составлен им самим, а другой — статс-секретарем Франком. Оба эти меморандума предусматривали полную германизацию Богемии и Моравии, а также истребление чешской интеллигенции.

Один из этих меморандумов (документ ПС-3859) содержит следующие строки:

«Все, что относится к вопросу устройства Богемии и Моравии, должно быть направлено к одной цели, которая ставится в отношении этой территории, определяющейся политическими и национально-политическими соображениями. С точки зрения политической существует только одна цель: полное включение в Великую Германию. С точки зрения национально-политической — полное заселение этой территории немцами. Беглый взгляд с точки зрения политической и национально-политической на современное положение, каким оно является по наблюдениям и по опыту со времени аннексии, указывает путь, который надо избрать для достижения этой ясной и вполне определенной цели.

Положение таково, что надо будет принять определенное решение в отношении судьбы чешского народа и достигнуть

цель, заключающуюся в полном присоединении этой страны и возможно быстром и полном заселении ее немцами».

Фриче работал в партии до захвата власти, но вступил в нее только в 1933 году и вскоре стал известным пропагандистом. Во время войны он был руководителем управления по радиовещанию. Выражая основную идею режима, он подстрекал к убийству евреев.

Кроме того, своими неоднократными выступлениями он стремился внедрить в умы немецкого народа мысль о том, что евреи и демократия подвергают опасности самую жизнь этого народа и поэтому народ должен полностью полагаться на дальновидных людей, которые им руководят.

Шахт занимает особое положение. Я более подробно остановлюсь на его деле. Он хочет представить себя жертвой режима и делает вид, что удивлен тому, что находится на одной скамье с Кальтенбруннером, который был его тюремщиком. Шахт заявил, что он не симпатизировал программе партии. Однако бывший министр Зеверинг показал на судебном заседании 21 мая 1946 г., что в 1931 году он узнал из сообщения полиции Берлина, что Шахт вел переговоры с руководителями партии. Он также добавил, что отношения между Шахтом и представителями плутократии и милитаризма казались ему чрезвычайно компрометирующими и что он никогда бы не вступил в один кабинет с Шахтом. Нам известно, что с 1930 года Шахт вступил в деловые отношения с Гитлером и представил ему преимущества своей высокой репутации в Германии и за границей. Национал-социализм извлек из этого большую выгоду. В октябре 1931 года на совещании национального фронта в Гарцбурге Шахт занял место рядом с Гитлером, Гугенбергом и Зельдтом. Он ранее уже предпринимал попытки ввести Гитлера в правительство Брюнинга. В результате совещания крупнейших промышленников у Геринга, на котором выступал Гитлер, он организовал финансирование выборов в марте 1933 года, имевших решающее значение (документ США-874). С момента захвата власти Шахт играл видную роль в аппарате партии и правительства. Он стал председателем рейхсбанка и министром экономики. 19 января 1939 г. он оставил свой пост в рейхсбанке и стал имперским министром. Он оставался на этой должности до 21 января 1943 г.

Умный, изворотливый, он умел скрывать свои мысли за личиной иронии или наглости и никогда не был полностью откровенен. Тем не менее установлено, что Шахт настойчиво требовал расширения германского жизненного пространства. Он пытался ввести в заблуждение допрашивавших его лиц, заговорив о колониальных претензиях Германии. На это ему было сказано, что никакие колониальные приобретения при существующем положении вещей не могут помочь Германии в разрешении ее внутренних проблем; он не смог ничего возразить.

Он умел применять угрозы в отношении демократических государств, прибегал даже к запугиванию с помощью шантажа. Во время одной из своих поездок в Америку после одного из успехов партии он заявил: «Я предупредил вас в самой определенной форме, сказав: если вы, иностранцы, не измените

своей политики в отношении Германии, то скоро будет гораздо больше членов и сочувствующих партии Гитлера».

Он также сказал: «Это совершенно очевидно: мы требуем территорий, чтобы кормить свой народ».

Какую роль он играл в развитии преступной политики? После того как он обосновался в рейхсбанке, начала осуществляться гигантская программа финансирования государственных проектов. Строительство новых дорог, автострад — все эти работы преследовали стратегические цели. Помимо этого, значительная часть кредитов секретно использовалась исключительно на военные нужды.

Начиная с 1935 года, темпы перевооружения возросли, чему весьма способствовали новые финансовые мероприятия, которые были им задуманы.

Классический и неподкупный экономист, он становится мошенником, чтобы осуществить основную установку партии. С помощью мефо-векселей финансировалось перевооружение страны. Векселя выписывались на трассата — компанию, созданную только для этой цели, которая не обеспечивала их погашения, бланковые передаточные векселя индоссировались второй аналогичной компанией.

Когда был выписан первый вексель, трассант добавлял продленные переводные векселя, рассчитанные таким образом, чтобы последний платеж приходился на январь—март 1942 года. Если мы обратимся к прошлому, весь смысл выбранной даты становится очевидным. 1942 год был именно той датой, которую Шахт установил для полной реализации своей мошеннической операции в надежде на то, что к этому времени все проблемы будут решены с помощью войны. Первоначальный вексель дисконтировался рейхсбанком. Векселя не подлежали налогообложению для того, чтобы избежать оценки сумм, находящихся в обращении путем контроля поступления налогов. Эти операции проводились в обстановке строжайшей секретности. Уже к 1935 году все находящиеся в распоряжении рейхсбанка кредиты в марках были использованы им для выписывания этих оборонных векселей. В конце 1938 года 6 миллиардов марок находились в виде мефо-векселей в активе рейхсбанка и 6 миллиардов марок были оценены для дисконтирования, из которых векселя на 3 миллиарда марок были выписаны как краткосрочные. Когда наступил срок выплаты по векселям, Шахт не мог не отдавать себе отчета в том, что существовало только три возможных решения:

1. Консолидация долга с помощью иностранных займов, но в этих займах нацистской Германии, которая была уже вооружена сверх меры, ей отказывали.

2. Инфляция, подобная инфляции 1923 года, и это означало бы гибель режима.

3. Война.

Расчеты, произведенные членом французской делегации Ш. Жертоффером (доклад о расчетах прилагается), вскрыли масштабы операции по перевооружению, которая финансировалась Шахтом за период до 31 декабря 1938 года. Не следует забывать, что Гитлер в письме к Шахту от 19 января 1939 г.

писал: «Ваше имя для нас всегда и прежде всего будет связано с первым этапом национального перевооружения» (ЕС-397). С 1 апреля 1935 г. по 31 декабря 1938 г. расходы Германии на вооружение, о которых нам известно, возросли до 345 миллиардов 415 миллионов франков. За то же самое время Франция израсходовала лишь 35 миллиардов 964 миллиона франков.

Расхождение между этими суммами ясно свидетельствует о цели, которую преследовал Шахт. Это было делом Шахта и только его одного. То же соотношение существовало в 1940 году на полях сражения во Франции, где одной французской бронетанковой дивизии противостояло 10 германских.

Уход Шахта из рейхсбанка и из министерства экономики ни в коей мере не может быть истолкован в его пользу. Между Герингом и им возникли трения по вопросу о проведении четырехлетнего плана. Шахт не хотел находиться в подчинении у Геринга. Он вышел в отставку с поста министра экономики 26 ноября 1937 г., но продолжал оставаться президентом рейхсбанка и министром без портфеля. 7 января 1939 г. он вручил Гитлеру меморандум, в котором сообщал, что имеющееся в обращении количество мефо-векселей по его вине создает угрозу инфляции. Оставаться в рейхсбанке ему было невозможно по техническим причинам, следовательно, его уход был вызван не политическими соображениями, а соображениями, связанными с организацией экономики. К тому же он продолжал оставаться министром без портфеля. Он ушел в отставку с этой должности лишь в январе 1943 года, во время разгрома немцев под Сталинградом, в то время, когда нацистский партийно-государственный аппарат и рейх начали трещать по швам. Несомненно то, что в это время он уже не мог быть полезен. Но также очевидно и то, что он мог стать снова полезен позднее в качестве посредника для заключения компромиссного мира.

Объясняются ли его дальнейшие политические неприятности интригами советников Гитлера, интригами, которые мы теперь легко можем себе вообразить, или эти политические неприятности были следствием проявлявшегося Шахтом макиавеллизма, либо ему просто не повезло?

Какое значение имеет все это, когда речь идет о человеке, который сумел сгруппировать вокруг себя все пангерманские финансовые и промышленные силы, чтобы подвести их к Гитлеру и дать ему возможность захватить власть, о человеке, который своим присутствием внушал доверие к нацистской Германии, о человеке, который сумел своим финансовым искусством обеспечить Германии самую мощную в то время военную машину, человеке, который позволил партийно-государственной машине устремиться на завоевание жизненного пространства? Этот человек был одним из лиц, которые несут главную ответственность за преступную деятельность партийно-государственного аппарата.

Его финансовые способности были способностями нацистского государства, его участие в преступлении этого государства не вызывает сомнения. Это участие имеет основополагающее значение. Он полностью виновен и несет ответственность в полной мере.

Что касается последнего приближенного Гитлера — Бормана, то нам известно, что он взял на себя истребление евреев.

Говорить больше не имело бы смысла.

На этом я заканчиваю изложение вопроса об индивидуальной ответственности каждого подсудимого, но не потому, что эта тема исчерпана, а потому, что время, которое Трибунал отводит каждому представителю обвинения для обвинительной речи, позволяет нам лишь наметить тезисы выступления, заслуживающего того, чтобы быть систематически изложенным. Примеры, иллюстрирующие наши тезисы, могут быть умножены. Все факты, которые в продолжение девяти месяцев были сообщены представителями четырех делегаций, свободно могут быть включены в наш план, и уже это одно показывает, что наша логика безупречна и что наши выводы полностью соответствуют действительному положению вещей.

Итак, мы считаем, что доказательства представлены и что все подсудимые принимали участие в совершении преступлений Германского государства. Мы считаем, что все эти лица были действительно связаны стремлением к одной политической цели, что все они тем или иным образом участвовали в совершении наиболее тяжкого преступления — геноцида, содействовали истреблению рас и народов, гибель которых дала бы им возможность завладеть так называемым жизненным пространством, которое они считали необходимым для германской расы.

Мы заслушали возражения защиты. С наибольшей силой они были изложены доктором Зейдлем (стр. 25 его защитительной речи по делу Франка):

«Действующие законы исходят из основного положения, которое гласит, что субъектом преступления в международном праве является лишь суверенное государство, а не отдельные лица...». В заключение он отрицает Ваше право судить этих людей.

Начнем с того, что ни один из подсудимых не был тем «отдельным лицом», о котором говорит доктор Зейдль. Мы полагаем, что доказали наличие сотрудничества между ними и единодушия, подкрепленных действиями партии, которые существовали помимо связи между министрами и руководителями управлений, имеющейся во всех демократических странах. Заметим также, что совести претило бы сохранение безнаказанными людей, которые поставили на службу этому единому целому — «государству» свой ум и свою волю, чтобы использовать мощь и материальные возможности государства для того, чтобы, как это имеет место в данном случае, умерщвлять миллионы человеческих существ, проводя в жизнь задолго до этого преднамеренно задуманную преступную политику. Суверенность государства, которой прикрывались эти люди, была лишь маской. Снимите эту маску — за ней скрывается ответственность человека.

Господину Зейдлю это так же известно, как и нам. Но он утверждает: «Таково действующее международное право».

Какое уважение он проявляет к этому действующему праву, но сколь удивительно звучат в его устах следующие далее слова, когда он, спустя немного времени, рассматривает Гаагские конвенции 1907 года, которые, как мы заметим, не

были денонсированы ни одним из подписавших их государств, даже Германией, и учтиво подчеркивает, что положения этих Конвенций, основвнные на практике войн XIX века, не имеют силы в XX веке. Современные войны якобы решительно вышли за рамки, предусмотренные Гаагскими конвенциями.

Так он заявляет:

«Положения Гаагской конвенции, касвющиеся ведения сухопутной войны, даже в самом широком их толковании, даже адаптируя их соответствующим образом, при данных обстоятельствах, неприемлемы для того, чтобы с их помощью сформулировать индивидуальную уголовную ответственность».

Итак, для доктора Зейдля международное право находится в статике, когдв он полагает, что таким образом ему удастся извлечь из него благоприятные выводы, если же это право осуждает его подзащитного, он предпочитает считать, что такое право все еще находится в процессе эволюции.

Подобная диалектика, в интересах которой используются ложные умозаключения, создает видимость правдоподобия. Господин Зейдль ловок в софистике, но он не сумеет убедить никого.

Едва ли можно говорить об иммунитете руководителей государства и их аппарата, если допустить, что этот иммунитет является субъектом положений и ограничительных норм обычного права, конвенций и международного права. Этот иммунитет ствновится нетерпимым с того момента, как они перестают считаться со всеми нормами и когда двввление со стороны сознания мировой общественности порождает новое развитие в международном обычном праве с целью противостоять указанным явлениям. Я уже говорил об этом при завершении своего выступления в феврале; нет надобности вновь возвращаться к этим вопросам. Достаточно добавить, что Устав от 8 августа 1945 г., принявший во внимание рвботу различных комиссий по военным преступлениям, функционировавших с 1940 г. вплоть до капитуляции, подтвердил выводы француза г-на Лапраделя, являвшегося членом Комиссии по ответственности за войну, созданной в 1919 г. Подсудимые предсталн перед Вами в результате деяний, совершенных ими от имени Германского государства. И если есть необходимость, чтобы закон подкрепил силу обычая, то Лондонский устав, составленный на основании обычного права, пребывающего в стадии формирования, обосновал тем самым правомерность проводимого нами расследования ответственности подсудимых за преступления, совершенные Германским государством. Фактически статья 6 Устава касвется только преступлений, совершенных от имени государства.

Речи защитников создают впечатление, что большинство из них возлагает все надежды на сугубо юридические или псевдоюридические доводы.

Многочисленные вопросы явились предметом дебатов. Существуют ли справедливые и несправедливые войны, войны оборонительные и войны агрессивные, существует ли мировое юридическое сознание, существует ли недвусмысленный критерий агрессии? Вот что волнует защиту, а не интерес к тому, как следует покарать тех, кто принимал участие в функционировании этого механизма уничтожения.

Когда защитники говорят о «действующем праве», то это они делают для того, чтобы отрицать право настоящего Трибунала на вынесение приговора. Доктор Ярайсс отрицает какой бы то ни было авторитет права «в том виде, в каком оно должно было бы пониматься в свете морали и прогресса». Все они забывают, что действующее право, то единственное право, на которое они ссылаются, является не только правом, которое провозглашают судьи в конкретном случае на процессе. Все они забывают, что предметом юридической науки являются законы в их эволюции. И в тех случаях, когда не существует писаных законов, то можно самое большее говорить о предшествующих традициях и исследовать, продолжают ли они обладать силой и можно ли на них ссылаться.

Но не будем далее останавливаться на этом. Мы сами можем внести путаницу в рассматриваемый вопрос.

Единственное деяние из числа тех, которые рассматривались на этом процессе, стоит над всеми прочими деяниями — это методическое и систематическое истребление людей, занимавших жизненное пространство, на которое зарилась Германия.

Конечно, совершались и другие преступления, но они являлись лишь средством для достижения определенной цели, о них стали говорить как об имеющих второстепенное значение, как о подсобных преступлениях — в такой мере основное преступление превосходило их по своему характеру.

Было бы целесообразно вникнуть в характер и масштабы этих зверств, серьезно установить, какую опасность они могут представлять для человечества, для того чтобы подыскать соответственно с этим и наказание.

ЗВЕРСТВА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ГОСУДАРСТВОМ

Преступление, совершенное этими людьми, не является простым. Мы это уже показали. Обычный преступник знает свою жертву, он ее видит. Он сам наносит ей удар, знает, какое действие этот удар оказывает. Даже если он является только соучастником, он достаточно тесно связан в моральном и психологическом отношении с главным виновником, чтобы разделять с ним в какой-то определенной мере его опасения и следить за реакцией, когда удар нанесен и жертва падает.

Геноцид, убийства или какое-либо другое преступление, совершенное государственным аппаратом, становится анонимным. Никто не несет главной ответственности, все ее разделяют: и тот, кто своим присутствием поддерживает аппарат, и тот, кто замышляет преступление, и тот, кто выражает желание, чтобы оно было совершено, точно так же, как и тот, кто издал приказ о его совершении. Что касается того лица, которое приводит в исполнение приказ, то он сам себе повторяет: «Приказ есть приказ» и выполняет свои обязанности палача.

Тот, кто принимает это решение, делает это без содрогания, он, может быть, и не представляет себе точно, конкретно все последствия, к которым приводят изданные им приказы.

Только так следует толковать то оцепенение, которое овладело некоторыми подсудимыми в течение нескольких минут, когда демонстрировали фильм о концлагерях. Что касается тех, кто своим общим участием в деле партии и государства допускал совершение преступления, то у них было такое чувство, как будто они являются пассивными наблюдателями в действии, не имеющем к ним никакого отношения. При этом они считали, что им нечего бояться какого бы то ни было наказания.

Согласно германскому плану государство и партия сильны и полны решимости просуществовать тысячу лет. Они уничтожили правосудие.

Взятое в международном аспекте действующее право обеспечивает иммунитет привлечения к суду, по крайней мере, так полагают. Кроме того, не существует постоянной международной юрисдикции, которая была бы способна противостоять разбойничьим государствам. Что касается возможности военного поражения, то об этом никто не думал, так как они считали, что были приняты достаточные меры предосторожности. Примечательно к тому же то, что кульминационная точка в массовых убийствах — приказ, который явился причиной использования газовых камер, относится к тому времени, когда государство и весь режим были уверены в победе или еще не принимали всерьез предвестников поражения. Это действительно было идеальное анонимное преступление. Обстановка благоприятствовала тому, чтобы не последовало реакции. Факты показали, что ни один из этих людей не испытывал подлинного отвращения к этим обстоятельствам.

Большинство подсудимых хорошо понимали, что они участвовали в трагедии. Я полагаю, что они прилагали больше усилий для того, чтобы успокоить свою совесть, чем для того, чтобы обмануть судей, перекладывая свою вину на кого-нибудь из своих соседей по скамье подсудимых.

Только немногие имели мужество сознаться, как это сделали Ширах и Франк, что, являясь частью государственного аппарата, они не могут избежать ответственности. Другие подсудимые все отвергали, пытаясь свалить всю вину на немецкий народ, который не сумел сбросить своих хозяев. При предъявлении доказательств по их делу они старались всячески умалить свою ответственность, надеясь, что им это удастся, но, как сказал Зеверинг после выступления бургомистра Ораниенбурга и бургомистра Бухенвальда, как подтвердил и Франк, повсюду в Германии перешептывались, что люди умирали в лагерях. Это теперь уже известно всему миру. Надеются ли они еще, что им удастся заставить нас поверить в то, что лишь им одним ничего не было известно?

Те из них, которые менее виновны, если можно вообще установить какую-либо иерархию среди главных преступников, не смели оказывать сопротивления, но их преступная трусость привела к таким ужасным последствиям, что не может быть и речи о каком-нибудь смягчении им наказания.

Как мы теперь видим, с точки зрения преступника легче всего осуществить преступление, совершаемое государством при режиме, в котором партия и государство являются единым

целым, где контроль со стороны народа не может осуществляться ввиду отсутствия свободы мысли, свободы выражения и свободных выборов. Кроме того, технический прогресс во всем мире поставил почти все естественные ресурсы на службу человечеству. Это значительно усилило способность преступника творить зло. В то же время моральные сдерживающие факторы ослабли из-за того, что преследуется цель получить материальную выгоду, а это в свою очередь есть коррумпированный плод материального прогресса, не контролируемого интеллектом.

В целом, как представляется, преступность во всех странах растет, несмотря на то, что методы пресечения преступлений совершенствуются. В международной сфере имеет место аналогичное явление. Оно имеет лишь еще больший размах, так как до сих пор не существует международных средств пресечения преступлений. Промышленная революция и развитие естественных наук умножили потенциальные силы государств.

Если государство концентрирует в своих руках естественные богатства и их эксплуатацию, если оно захватывает кредиты, производя этим путем всякие валютные манипуляции, увеличивает налоги, увеличивает дополнительные принудительные и добровольные займы, если оно еще больше свяжет народы со своей судьбой развитием сети учреждений социального обеспечения, если оно будет влиять на духовную жизнь народа с помощью радиопропаганды, используя для этой цели красноречивых пропагандистов, умеющих апеллировать к слепым инстинктам толпы, состоящей из самых мирно настроенных и весьма разобщенных людей, если такое государство одновременно лишит своих оппонентов всякой возможности высказывать свои позиции, если оно будет мешать любому контролю со стороны народа и предупреждать любые формы критики даже частного порядка — тогда такое государство превращается в абсолютного правителя, обладающего колоссальными средствами действовать как во благо, так и во зло. Все преступные средства, находящиеся в его распоряжении, для него приемлемы, и оно может располагать ими по своему усмотрению до тех пор, пока Вы, господа судьи, не введете в международное право положения о санкциях. Необходимо отныне сделать возможным пресечение преступной деятельности любого разбойничьего государства, действуя через власть надгосударственной организации, направляемой определенным правовым институтом того же рода, иначе свобода наций обречена. Оружие сопротивления выпало из их рук, поскольку государства — и государства единолично — могли владеть методами истребления, против которого мужество отдельных граждан оказывалось бесплодным. Когда оружие пускает в ход небольшая группа людей, преданных преступному режиму, такое оружие, являющееся собственностью государства, может утопить в крови малейшие попытки к сопротивлению, и, хотя мятеж против тирании все еще является одной из самых священных обязанностей, такой мятеж теперь беспо-

лезен. Такова опасность, и Германия подверглась ей, и поддалась. Правда, этому способствовали различные существовавшие в то время благоприятные условия. Под влиянием промышленной революции, которая начиная с 1850 года более энергично протекала в Германии, чем в какой-либо иной стране, колоссальным образом изменились социальные стандарты; в то же время само население из сельского и агрокультурного превращалось в городское и промышленное. Это привело к снижению ментального уровня населения, что повлекло за собой катастрофические последствия, так как при имперском правлении буржуазия политического воспитания не получала.

Бывшие правители Германии сознательно дистанцировали народные массы от государственных дел; высший класс промышленников и пролетариат интересовались только экономическим развитием рейха, что же касается среднего класса, то он интересовался только армией и будущим рейха. Когда после первой мировой войны Германии пришлось испытать разочарование в связи с поражением, когда к убогим банальным условиям жизни присовокупились та озлобленность и то чувство обиды, о которых говорил Геринг в начале своих показаний на суде, а к этому добавилось горькое осознание социального и морального упадка, когда люди — в особенности молодежь — стали стремиться превратить свои надежды в конкретную реальность — именно тогда пробудился пангерманизм, он получил распространение и был низведен до уровня толпы, после чего к нему стали обращаться все недовольные. В то же время была возрождена старая антитеза между жизненной силой и интеллектуализмом, между культурой и цивилизацией, между здоровой энергией и упаднической вялостью, между культом жизни и культом интеллекта; этой антитезе была придана конкретная форма, понятная простым невежественным умам, — форма динамичной антитезы между нордическим арийцем и евреем-семитом. С помощью соответствующего воспитательного воздействия этот биологический материализм был с легкостью насажден, почва для этого была подготовлена уже давно. Для немца особенно привлекательна внушаемая доктрина, так как только такая доктрина способна компенсировать недостаток личностной самостоятельной дисциплины, характеризующей немца в интеллектуальном и моральном плане. Немцу нравится все, что может отразиться в виде признаваемого всеми кредо, в виде фразы-стереотипа, пригодной на все случаи. Поэтому для сдачи экзамена на аттестат зрелости молодые немцы заучивали материал о шести расах, допущенный Гюнтером, подобно тому, как они заучивали грамматику; у них не возникла мысль о том, чтобы усомниться в первом, так же как и не возникла мысль усомниться во второй. Когда германский менталитет стал обвинять нации, страны, столь жизнелюбивые, преданные своей стране, своим традициям и своей гибкой и разнообразной человеческой культуре,

как Англия и Франция, в том, что они удовлетворяются лишь слабой искусственной интеллектуальной жизнью, когда германский менталитет стал обвинять их в преступлении против жизни — доктор Штамер повторил это — тогда германский менталитет создал для себя, воспользовавшись грубо сформулированным и легко понятным кредо, которое предполагалось в равной степени навязать всем — тогда он создал интеллектуализм, отличающийся от нашего, так как он опасен и искусственен. Результатом этих так называемых этических норм жизни стали практика и доктрина чистого оппортунизма — коллективного и социального, биологического, материалистического; завершилось это стерилизацией, физиологическими экспериментами, проводившимися в лагерях, и 12 миллионами погибших. Столкнувшись с таким результатом, мы не можем не вспомнить размышления старого французского философа: «Наука без совести — это гибель души». Пустил корни неомакиавеллизм, пример которого дал Геринг в своих показаниях.

Недавно в материалах заключительных выступлений защиты я прочел, что право само по себе не существует, что усилия провести разграничительную линию между добром и злом подчинены влиянию исторических и национальных стандартов (доктор Нельте). Гитлер уже говорил: «Право — это то, что выгодно нации». По словам его защитника, Франк следующим образом перефразировал это высказывание: «То, что выгодно для народа есть право. Коллективные интересы берут верх над интересами личности». Прочтя это, я подумал, какой отает дал бы абсолютист Боссюэ[1], умевший определять человеческие стандарты. Защитник сравнил французский абсолютизм с нацизмом. Вот мой ответ:

«Политика приносит в жертву индивида ради общего блага; это в определенной степени правильно; прааильно, что один человек должен умереть ради своего народа. Под этим Каиафа[2] понимал, что невинный человек может быть приговорен к смертной казни ради общего блага, а это недопустимо никогда, так как, напротив, невинная кровь вопиет о мести тем, кто ее пролил».

Мы знаем, к чему смогли привести нацистские доктрины. Свидетель Розер сообщил о высказываниях молодого германского солдата, который, описав резню в одном из гетто, заключил свое повествование: «Друг мой, это ужасно, но... приказ есть приказ».

Трибунал обнаружит в конце документа РФ-655, который находится в книге документов, представленных французской делегацией, страшное замечание Крамера. Крамер, до того как он стал начальником лагеря в Берген-Бельзене, возглавлял концлагерь в Натцвейлере (Эльзас), и там он лично отравил с помощью газа 80 человек. У нас есть доказательства этого. На вопрос: «Что бы вы

---

[1] Жак Бенинь Боссюэ (1627—1704) — французский писатель, епископ. Отстаивап идею божественного происхождения абсолютной власти монарха. — **Прим. сост.**

[2] Каиафа — первосвященник (период распятия Христа). — **Прим. перев.**

сделали, если бы не все умерли?» — он ответил: «Я постарался бы вновь отравить их, добавив в камеру еще одну порцию газа. Я не испытывал никакого волнения, совершая эти действия, так как я получил приказ казнить 80 заключенных тем способом, о котором я Вам сообщил. Впрочем, меня воспитали таким». Какое страшное обвинение против всей системы! Этот человек, прежде чем стать по приказу убийцей, был счетоводом в Аугсбурге... Сколько еще воспитанных подобным образом счетоводов осталось сегодня в Германии? А теперь невинная кровь вопиет о мщении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вам известно преступление. Вам известно, по какой причине и с помощью каких средств оно было совершено. Это чудовищное преступление, не имеющее прецедента, — преступление национал-социалистского государства. Но все подсудимые в качестве руководителей национал-социалистской партии и высших руководителей государства несут главную ответственность за то, что они замыслили или совершили это преступление. Их участие в преступлении государства, партии является их личной виной, они не могут претендовать на какой бы то ни было иммунитет. Их вина доказана.

Они должны понести кару.

Вам известны также, господа судьи, те опасности, которым их преступление подвергло мир, Вам известны те страдания и бедствия, которые они обрушили на людей.

Следует их покарать безжалостно и сурово.

Да будет справедлив приговор — этого достаточно.

Конечно, степень виновности в некоторой мере различна. Но разве из этого вытекает, что и наказание должно быть различным? Ведь даже тот, кто, как мы считаем, виновен менее всех остальных, заслуживает смертной казни.

Сразу же после того как закончится настоящий международный процесс, после того как главные военные преступники будут наказаны, мы возвратимся в свои страны и, возможно, там мы подвергнем судебному преследованию тех, кто лишь выполнял приказы национал-социалистского государства, тех, кто выступал лишь в роли палачей.

Но как смогли бы мы потребовать смертной казни для какого-нибудь нового Крамера, какого-нибудь нового Гесса, для начальников лагерей, на чьей совести жизнь миллионов человеческих существ, которые были казнены по приказу, если сегодня у нас возникнут колебания в отношении того, следует ли применить высшую меру наказания к тем, кто являлся движущим рычагом преступного государства, государства, издававшего эти приказы?

Судьба этих людей находится целиком и полностью во власти Вашей совести.

Их судьба не находится более в наших руках, наша задача закончена. Теперь Вы, удаляясь на совещание, должны в молчаливом раздумье внять призывам крови невинных, взывающих к правосудию.

Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. РУДЕНКО

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 29 и 30 июля 1946 г.

Господин председатель! Господа судьи! Мы подводим итоги судебиого следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, аменяемое а вину подсудимым, не осталось без проверки, ни одно обстоятельство, имевшее значение, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечестаа несут ответственность за свои преступления перед Международным уголовным судом, апервые народы судят тех, кто обильно залил кроаью обширнейшие пространстаа земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушал культурные ценности, ввел в систему убийства, истязвния, истребление стариков, женщин и детей, кто заяалял дикую претензию на господство над миром и вверг мир в пучину невиданных бедствий. Да, такой судебный процесс впервые проводится в истории праaосудия. Судит Суд, созданный миролюбивыми и свободолюбивыми странами, выражающими волю и защищающими интересы всего прогрессивного человечества, которое не хочет повторения бедствий, которое не допустит, чтобы шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народоа и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план.

Человечестао призывает к отаету преступникоа, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества, как несостоятельны попытки лишить народы права карать тех, кто сделал своей целью порабощение и истребление народов и эту преступную цель много лет подряд осуществлял преступными средствами! Настоящий процесс проводится таким образом, что подсудимым, обвиняемым а тягчайших преступлениях, были предоставлены все возможности защиты, асе необходимые законные гарантии. В своей стране, стоя у руля правления, подсудимые уничтожили все законные формы праaосудия, отбросили все усaоенные культурным человечеством принципы судопроизводстаа. Но их самих судит Международный суд с соблюдением всех правовых гарантий, с обеспечением подсудимым всех законных возможностей для защиты.

Мы подводим сейчас итоги судебного следствия, делаем выводы из рассмотрениых на Суде доказательств, азвешиааем все данные, на которых осноaано обаинение. Мы спрашиaаем: подтвердилось ли на Суде предъявлениое подсудимым обвинение, доказана ли их вина? На этот вопрос можно дать только один ответ: судебное следствие полностью подтвердило обвинение. Мы вменяем подсудимым в вину только то, что на Суде

доказано с полной несомненностью и достоверностью, а доказаны все чудовищные преступления, которые в течение многих лет подготовляла банда оголтелых преступников, захвативших в Германии государственную власть, и в течение многих лет их осуществляла, не считаясь ни с принципами права, ни с элементарными нормами человеческой морали.

Эти преступления доказаны, их опровергнуть не могли ни показания подсудимых, ни доводы защиты, их опровергнуть нельзя и потому, что нельзя опровергнуть истину, а именно истина является прочным результатом настоящего процесса, надежным итогом наших длительных и упорных усилий. Обвинение доказано во всех его элементах. Доказано, что существовал общий план или заговор, в котором принимали участие подсудимые для подготовки агрессивных войн, нарушающих нормы международного права, для порабощения и истребления народов. Наличие такого плана или заговора является несомненным, как несомненной является руководящая роль в нем подсудимых по этому делу. В этой части обвинение подтверждено всеми данными судебного следствия, бесспорными документами, показаниями свидетелей и самих подсудимых. Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке и развязыванию агрессивных войн.

Вся их так называемая идеологическая работа заключалась в культивировании зверских инстинктов, во внедрении в сознание немецкого народа нелепой идеи расового превосходства и практических задач уничтожения и порабощения людей «неполноценных рас», представлявших якобы лишь удобрение для произрастания «расы господ». Их «идеологическая работа» заключалась в призывах к убийствам, грабежам, разрушению культуры, истреблению людей.

Подсудимые готовились к этим преступлениям давно, а затем их осуществляли, нападая на другие страны, захватывая чужие территории, истребляя людей.

Когда же возник этот план или заговор? Конечно, установить точную дату, день и час, когда подсудимые договорились совершить свои преступления, вряд ли возможно.

Мы не можем и не будем основывать свои выводы и утверждения на догадках и предположениях. Но с полной несомненностью следует считать установленным, что с того момента, когда фашисты захватили в Германии государственную власть, они приступили к реализации своих преступных планов, они использовали власть для подготовки агрессивной войны.

Вся деятельность подсудимых была направлена к подготовке Германии к войне.

Факт вооружения и перестройки экономики для целей войны совершенно бесспорен, он установлен документально, его признают подсудимые.

Спрашивается, к какой же войне подсудимые стали готовиться сразу после захвата власти? Неужели к оборонительной войне?

Ведь никто не собирался на Германию нападать, ни у кого не было такой цели, по-моему, и не могло быть.

Если Германия готовилась не к оборонительной войне, то, поскольку факт подготовки к войне установлен, ясно, что она

готовилась к войне агрессивной. Такова логика фактов и таковы факты. Германия начала и развязала ту самую войну, которую она подготовляла, и в 1937—1939 гг. произошло то, что подготовлялось с 1933 года. Отсюда вывод: план или заговор существовал, по крайней мере, с 1933 года, то есть с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей.

Это факты, а слова подсудимых, произнесенные ими тогда, когда они не предполагали, что будут подсудимыми, только подтверждают эти факты.

Достаточно указать на выступления Шахта, Круппа и других о том, как готовилось фашистское правительство к войне и как этой цели подчинили все области политической и экономической жизни.

Я считаю доказанным обвинение подсудимых в том, что в 1933 году, когда гитлеровцы захватили власть в Германии, они разработали план или заговор, включающий совершение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности.

Судебным следствием полностью доказано совершение преступлений подсудимыми против мира, заключающихся в планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств.

Здесь сами факты говорят за себя: это те войны, которые повлекли невиданные жертвы и опустошения и агрессивный характер которых установлен с несомненностью.

Вина подсудимых в совершении преступлений против мира полностью доказана.

Доказано полностью обвинение в совершении военных преступлений, заключающихся в ведении войны методами, противоречащими законам и обычаям войны. Ни подсудимые, ни их защитники ничего не могли возразить против самих фактов совершения таких преступлений. Все, что они могли сказать по этому поводу, это то, что подсудимые сами непосредственно не совершали этих зверств — уничтожение людей в «душегубках» и концентрационных лагерях; своими руками не истребляли евреев и даже не знали отдельных подобных фактов, а что факты эти были — против этого не спорят и подсудимые. Подсудимые признают эти факты.

Бесплодный способ защиты!

Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, исполняемые беспрекословно.

Поэтому безнадежна попытка разорвать свою связь с этими палачами, отгородиться от них. Эта связь несомненна и бесспорна. И если комендант Освенцима Рудольф Гесс вырывал золотые зубы у мертвецов, то имперский министр Вальтер

Функ открывал для хранения этих золотых зубов специальные сейфы в подвалах имперского банка.

Если подчиненные Кальтенбруннера умерщвляли людей в «душегубках», то строились эти «газенвагены» на заводах Заурэра, Даймлера и Бенца, подчиненных подсудимому Шпееру.

Если военнопленных уничтожали профессиональные палачи из соединения «Тотен копф» («Мертвая голова») и лагерная охрана, то приказы об уничтожении подписывались фельдмаршалом германской армии Кейтелем; именно подсудимые намечали сроки уничтожения, отдавали приказы о создании специальной техники умерщвления, идеологически обосновывали «право высших рас» на уничтожение, истребление «неполноценных народов».

Это они спокойно и безжалостно наблюдали за замученными жертвами и, как Ганс Франк, произносили парадные речи «о еще новом шаге», пройденном германским фашизмом по пути очищения «жизненного пространства» от «низших рас».

За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови, пролитой гитлеровскими палачами, несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями преступлений, убийств, истязаний разница только в ранге и масштабе деятельности: те — непосредственные палачи, а они — главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки. Они во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются.

Полностью доказана вина подсудимых в совершении военных преступлений, в том, что они оргаиизовали систему уничтожения военнопленных, мириого населения, женщин, стариков и детей; в том, что по их вине всюду, где ступала нога немецкого солдата, оставались горы убитых и замучеиных людей, развалины и пожарища, опустошенные города и села, оскверненная и залитая кровью земля.

Доказаиы полностью преступления против человечности, совершенные подсудимыми.

Мы не можем пройти мимо тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех тех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрациоиных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено. Какие же средства защиты были использованы подсудимыми и их защитниками, какие доказательства и аргументы они могли противопоставить обвинению?

Средства защиты подсудимых можио разделить на две основные группы. Это, во-первых, ряд свидетелей, вызванных защитниками. Эти свидетели должны были своими показаниями смягчить вину подсудимых, умалить их действительную роль в совершении злодеяний, обелив их во что бы то ни стало. Эти свидетели в подавляющем большинстве случаев являлись обвиняемыми по другим делам.

О какой объективности и достоверности показаний таких свидетелей защиты можно говорить, если невиновность подсу-

димого Функа должен был подтвердить его заместитель и соучастник, член СС с 1931 года Хойлер, имеющий чин группенфюрера СС; если в пользу Зейсс-Инкварта был призван свидетельствовать преступник Рейнер — член фашистской партии с 1930 года, гаулейтер Зальцбурга, а затем Каринтии?

Эти так называемые свидетели, такие, например, как Бюлер — правая рука подсудимого Франка и соучастник его во всех преступлениях или Боле — один из основных руководителей шпионско-диверсионной деятельности гитлеровцев за границей и заведующий заграничным отделом фашистской партии, приходили сюда для того, чтобы, совершив клятвопреступление, попытаться выгородить своих бывших хозяев и сохранить свою собственную жизнь.

И все же большинство свидетелей защиты во время их допроса неизбежно превращалось в свидетелей обвинения. Их самих изобличали «немые свидетели» — документы, причем преимущественно немецкие, и они сами принуждены были изобличать тех, кого они хотели оправдывать.

Другая группа средств защиты — это доводы и соображения юридического порядка.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА

Обвинение в данном процессе, опирающееся на огромный и бесспорный фактический материал, прочно стоит на позициях права и законности. Поэтому уже в первых вступительных речах обвинителей было уделено много внимания уголовно-правовому обоснованию ответственности подсудимых.

Защита в своих выступлениях перед Трибуналом вновь поставила ряд правовых вопросов:

а) о значении принципа «Nullum crimen sine lege»[1],

б) о значении приказа,

в) об ответственности государства и отдельных лиц,

г) о понятии заговора и др.

В связи с этим считаю необходимым вновь вернуться к некоторым правовым вопросам в ответ на попытки защиты запутать простые и ясные положения и превратить юридическую аргументацию в дымовую завесу, призванную скрыть от Суда кровавую быль фашистских преступлений.

ПРИНЦИП «NULLUM CRIMEN SINE LEGE»

Защита пыталась отвергнуть обвинение, доказывая, что в момент совершения подсудимыми инкриминируемых им деяний последние не были предусмотрены действовавшими законами, а потому подсудимые не могут нести за них уголовную ответственность.

Я мог бы просто отвести все ссылки на принцип «Nulum crimen sine lege», так как Устав Международного военного трибунала, являющийся непреложным законом, подлежащим обяза-

[1] «Нет преступления без указания на то в законе». — Прим. сост.

тельному исполнению, устанавливает, что этот Трибунал «имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организаций», совершили любое из преступлений, перечисленных в статье 6 Устава.

Следовательно, юридически для вынесения приговора и применения наказания не требуется, чтобы совершенные подсудимыми преступления были предусмотрены уголовными законами в момент их совершения. Однако не подлежит сомнению, что действия подсудимых являлись преступными с точки зрения законов, действовавших в момент, когда эти преступления имели место.

Нормы уголовного права, содержащиеся в Уставе Международного трибунала, представляют собой выражение принципов, содержащихся в ряде международных договоров, перечисленных в моей вступительной речи 8 февраля 1946 г., и в уголовном законодательстве всех цивилизованных государств. Законодательство всех цивилизованных народов предусматривает уголовную ответственность за убийства, истязания, насилия, грабежи и т.д.

То обстоятельство, что эти преступления были организованы подсудимыми в превосходящих человеческое воображение размерах и в неслыханных по своей садистской жестокости формах, конечно, не исключает, а лишь многократно усиливает ответственность преступников. Если бы подсудимые совершили преступления на территории и в отношении граждан какой-либо одной страны, то они согласно Декларации глав правительств СССР, Великобритании и США, опубликованной 2 ноября 1943 г.[1]*, в полном соответствии с общепринятыми началами уголовного и уголовно-процессуального права были бы судимы в этой стране и по ее законам.*

Эта Декларация гласила, что «германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни нли добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы».

Однако подсудимые являются военными преступниками, «преступления которых не связаны с определенными географическими местами» (статья 1 Соглашения четырех держав от 8 августа 1945 г.), и потому их преступления подсудны Международному военному трибуналу, действующему на основании Устава.

Защитник подсудимого Гесса позволил себе утверждать: «Не может быть никакого сомнения в том, что преступления против мира, как изложено в статье 6, абзац 2, Устава, не существует».

Нет нужды здесь делать ссылки на международные договоры (я их называл в своей вступительной речи 8 февраля), в которых агрессивная война была признана международным преступлением.

Подсудимые обвиняются в действиях, которые цивилизованное человечество и ранее признавало преступлениями.

---

[1] Речь идет о Московской декларации 1943 года. — **Прим. сост.**

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИКАЗА

Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера.

В поисках правовой базы для этой позиции защитник Ярайсс много говорил о значении приказов Гитлера. По мнению защитника Ярайсса, приказ Гитлера «был чем-то совершенно иным», чем приказ любого другого руководителя, что приказ Гитлера являлся актом, «неприкосновенным в правовом отношении». Поэтому защитник Ярайсс утверждает: «Что бы ни понимал Устав Трибунала под приказами, которые он отрицает как основание, исключающее уголовное преследование, можно ли все-таки под этим подразумевать приказ Гитлера? Может ли этот приказ подойти под понятие приказа, предусмотренное Уставом?».

Право толкования закона — неоспоримое право каждого судебного работника, в том числе, конечно, и защитников. Представляется, однако, совершенно непостижимым, какими логическими или иными методами руководствовался защитник, утверждая, что положение Устава, специально разработанного для Суда над главными военными преступниками фашистской Германии, именно условий деятельности этих преступников не имело в виду?

О каких же приказах, кем изданных, в какой стране говорит Устав Трибунвла?

Бесспорно, разумеется противоположное: авторы Устава были в полной мере ориентированы в специфической обстановке гитлеровской Германии, были в полной мере ориентированы (по материалам Харьковского и иных процессов) в попытках подсудимых прятаться за приказы Гитлера, и именно потому они специально оговорили, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

В известной мере, надо полагать, сами авторы этой попытки скрыть большую группу министров, гаулейтеров и военных начальников за спину Гитлера усомнились в убедительности подобного защитительного маневра, ибо на помощь этому маневру выдвигается новая линия обороны.

«Если Германская империя начала наступление вопреки еще действовавшему договору о ненападении, — говорил защитник Ярайсс, — то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права.., только империя, но не отдельное лицо».

Нельзя прежде всего не отметить, что приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а Германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления.

Нарушение субъектом международного права — государством норм международного права влечет те или иные послед-

ствия международного характера, во всяком случае, не уголовную ответственность государства.

Те или иные действия государства в сфере международных отношений совершаются физическими лицами, должностными лицами и агентами государства. При выполнении этих действий лица могут совершать самые разнообразные нарушения как гражданско-правового, так и уголовно-правового характера. За последние, то есть содержащие состав преступления, они несут в надлежащих случаях уголовную ответственность по законам и перед судом как своего, так и чужого государства, в зависимости от обстоятельств.

В данном случае не только гитлеровское государство нарушило нормы международного права, последствием чего являются меры, принятые в отношении государства, но и отдельные физические лица, совершая эти акты нарушений, персонально совершили уголовные преступления, за которые они в соответствии с Уставом Трибунала подлежат уголовной ответственности перед Международным военным трибуналом.

О ПОНЯТИИ ЗАГОВОРА

Защита единодушно, хотя и в разных формах и вариантах, пытается оспаривать обвинение подсудимых в преступном заговоре. Вытаскивая из различных источников односторонние и тенденциозно подобранные определения заговора, защитники стремятся доказать, что Геринг, Гесс, Риббентроп и другие не могут рассматриваться в качестве участников заговора.

Я хотел бы привести несколько аргументов в доказательство несостоятельности положения защиты.

Заговор предполагает наличие преступного сообщества, созданного и действующего для достижения общих преступных целей. Такое сообщество, бесспорно, имелось. Разумеется, в настоящем случае, поскольку заговорщиками было захвачено управление государством, нити и рычаги, связывающие членов заговорщического преступного сообщества, весьма сложны.

В любом преступном сообществе, а в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые охватываются общим планом заговора, но конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого преступного плана, общего для всего сообщества, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих отдельных преступных деяний и конкретно о них не были осведомлены.

В настоящем деле наличие заговора не исключается тем обстоятельством, что, например, Ширах мог не знать об отдельных мероприятиях работорговца Заукеля или погромщика Штрейхера.

Наличие заговора не исключается и разногласиями по частным вопросам, существовавшими между отдельными участниками заговора (интриги Геринга против Бормана и т.п.). Такие столкновения могут иметь место в любой шайке разбойников и воров, но от этого шайка или банда не перестает быть таковой.

Почти в каждом сообществе существует определенная иерархия среди его участников. Весьма часто атаманы преступной шайки присваивают себе неограниченную власть над другими членами шайки, вплоть до права жизни и смерти.

Однако ни одному юристу в мире, кажется, не приходило в голову отрицать наличие преступного сообщества на том лишь основании, что участники его не были равны, а один имел власть над другими.

По меньшей мере странно отрицать наличие заговора в настоящем случае на основании того бесспорного факта, что в руках главаря — Гитлера была сосредоточена огромная личная власть. Равным образом наличие заговора не исключает, а предполагает определенное распределение ролей между участниками преступной группы в достижении общей преступной цели (один координирует всю преступную деятельность, второй ведает вопросами идеологической подготовки, третий готовит армию, четвертый организует работу военной промышленности, пятый ведет дипломатическую подготовку и т.д.). Поэтому фашистский заговор не перестает быть заговором, но и является заговором особо опасным, ибо в руках заговорщиков находятся государственный аппарат и огромные людские и материальные ресурсы.

В руках международных преступников, в руках Геринга, Кейтеля и других подсудимых огромные армии людей становятся орудием тягчайших преступлений.

Вот почему те специфические черты, которые отличают заговорщиков фашистской Германии от любой иной банды, не меняя правовой природы заговора, лишь придают ему особо опасный характер.

На этом я заканчиваю краткий анализ юридических аргументов защиты, на которых подробно останавливались мои уважаемые коллеги.

Как Вы видели, господа судьи, аргументы защиты оказались несостоятельными и неспособными поколебать обвинение.

Перехожу к рассмотрению вопроса о виновности отдельных подсудимых.

Геринг

Подсудимый Геринг являлся в гитлеровской Германии вторым после фюрера лицом, его первым преемником. Он взял себе огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он председатель совета министров по обороне Германской империи, диктатор по руководству германской экономикой, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами. Главное, эту обширную область он использовал и все силы посвятил организации и осуществлению тех преступлений, которые указаны в Обвинительном заключении.

Как мы уже знаем, сущность этого заговора состояла в том, чтобы покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии, не останавливаясь ни перед какими средствами, как бы они ни были преступны и бесчело-

вечны. Чтобы достичь этой цели, надо было расчистить путь, надо было, как говорил Гитлер еще в феврале 1933 года на совещании с виднейшими германскими промышленниками, уничтожить парламентскую систему.

Этим и занялся Геринг. Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, в котором с самого начала его создания установился кровавый террористический режим. Он требовал от всех должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми, изувечения их и убийства под его руководством стали основным методом работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетавшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит, это я убил» (из книги Геринга «Восстановление нации», написанной им в 1934 году).

Так он расчистил дорогу фашизму, так он прокладывал путь к тому, чтобы фашистский заговор мог беспрепятственно развиваться и реализовываться.

Геринг был неистощимым в искоренении всего и всех, что мешало укреплению этого заговора. И Гитлер всячески расхваливал его за это. Так, он заявил в рейхстаге 13 июля 1934 г., что Геринг «... своим железным кулаком сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла развиться».

Вся эта террористическая деятельность Геринга была рассчитана на то, чтобы расчистить путь для осуществления основной цели фашистского заговора — покорить Европу, а затем добиться мирового господства гитлеровской Германии.

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии. Суду были представлены многочисленные документы, говорящие об активной роли Геринга в развертывании агрессивных войн. Напомню заявление Геринга в 1935 году на собрании офицеров военно-воздушных сил. Там он заявил, что «...намеревается создать военно-воздушные силы, которые будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала поражения враг должен чувствовать, что он пропал». И это намерение, как мы знаем, он осуществлял, подготовляясь к войне изо дня в день.

На совещании руководителей германской авиационной промышленности 8 июля 1938 г. Геринг дал понять, что война близка и что, если Германия выиграет эту войну, она будет величайшей державой в мире, господствующей на мировом рынке, и она станет богатой страной. «Надо рисковать, чтобы добиться этой цели» — это лозунг, который бросил тогда Геринг.

14 октября 1938 г., незадолго до предъявления требований Польше, Геринг заявил, что «приступил к проведению в жизнь гигантской программы, в сравнении с которой меркнет все, что было до сих пор».

«В кратчайшее время военно-воздушные силы должны быть увеличены в пять раз; военно-морской флот должен более быстрыми темпами вооружаться; армия должна получать

более мощное вооружение.., особенно тяжелую артиллерию и тяжелые танки. Наравне с этим должно быть увеличено производство военных материалов и горючего».

С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке агрессии против СССР.

В отчете о совещании от 29 апреля 1941 г. по вопросу о структуре экономического штаба «Ольденбург», в отчете о совещании у генерала Томаса от 28 февраля 1941 г., а также в показаниях самого Геринга в судебном заседании 21 марта 1946 г. Трибунал найдет доказательства того, что Геринг уже с ноября 1940 года активно участвовал в разработке плана нападения на СССР.

Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств СССР. Это при его участии тогда планировалось «сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам». Это он выдвинул палача Коха в качестве рейхскомиссара Украины как «личность с очень большой инициативой и хорошей подготовкой».

Так что с несомненностью можно считать доказанным, что Геринг виновен в планировании и подготовке агрессивных войн гитлеровской Германией, и за это он должен нести ответственность.

Мои коллеги уже останавливали внимание Суда на преступном отношении к военнопленным.

Я позволяю себе только напомнить Трибуналу показания свидетеля Мориса Лампа на вечернем заседании 25 января 1946 г. о казнях советских, английских, французских и других офицеров концлагеря Маутхаузен, о лагерях уничтожения Освенцим и Майданек, о предъявленных Суду нотах Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г., о чудовищных издевательствах германских военных властей в отношении советских военнопленных, об издевательствах, за которые большая доля ответственности ложится на Геринга. Я напомню также о показаниях свидетеля Гальдера от 31 октября 1945 г., в которых свидетель сообщил о совещании у Гитлера по вопросу о неприменении положений Гаагской конвенции при обращении с русскими военнопленными и о директиве из ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. об обращении с захваченными в плен русскими командирами и политработниками.

Все эти с неоспоримостью установленные на Суде факты злодеяний не нуждаются в дополнительном освещении, так как защита не привела в своих речах каких-либо опровергающих эти доказательства доводов.

В «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке» от 1 июня 1941 г. (шестая заповедь) сказано:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции в новой Европе. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которых требует от вас государство».

С именем Геринга связано начало организованного подавления и истребления еврейского населения. Именно он подпи-

сал человеконенавистнические «Нюрнбергские законы», декреты о лишении евреев собственности, о наложении штрафа на евреев в один миллиард и другие; эта деятельность вполне соответствует всему каннибальскому миросозерцанию Геринга.

На Суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории, между тем в 1935 году Геринг произнес в рейхстаге речь в защиту нюрнбергских расовых провокаторов. Тогда он громогласно заявил: «Бог создал расы, он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...».

Многочисленные документы, предъявленные обвинением Трибуналу, изобличают преступные действия Геринга в отношении других наций.

Директива Геринга от 19 октября 1939 г. ясно показывает отношение подсудимого к польскому народу, к Польскому государству.

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 г., изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом пишет об отношении к русским:

«Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь».

Как уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг отвечает за разграбление и расхищение государственной собственности и личной собственности граждан, произведенные фашистами на оккупированной части территории СССР, в Чехословакии, Польше, Югославии и других странах. Именно Геринг возглавил деятельность фашистских заговорщиков по экономическому ограблению оккупированной территории СССР.

Еще до вероломного нападения на СССР, 29 апреля 1941 г., состоялось совещание по разработке экономических мероприятий по варианту «Барбаросса». В результате этого совещания был создан экономический штаб особого назначения «Ольденбург», подчиненный Герингу. Было предусмотрено создание в крупнейших городах СССР специальных хозяйственных инспекций и команд, перед которыми были поставлены обширнейшие задачи в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства.

В папке окружного сельскохозяйственного фюрера содержались инструкции для сельскохозяйственных фюреров, которым предоставлялась полная свобода в выборе методов для достижения своих преступных целей. Выдвигалось требование о беспощадном обращении с советскими людьми, в первую очередь с русскими, украинцами, белорусами.

Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР о злодеяниях, совершенных гитлеровцами в Киеве, в Сталинской области и других местах, говорят о том, что эти преступные планы подсудимого Геринга и его сподвижников были в значительной степени реализованы.

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и вместе с тем в целях физического уничтожения и экономического ослабления порабощен-

ных народов подсудимый Геринг и его соучастники по нацистскому заговору использовали рабский труд иностранных рабочих.

Использование принудительного труда было запланировано фашистами еще до начала войны. Достаточно напомнить о совещании у Гитлера 23 мая 1939 г., в котором принимал участие и подсудимый Геринг. На совещании 7 ноября 1941 г. и в приказе от 10 января 1942 г. Геринг требовал от всех подведомственных ему органов обеспечения любыми методами германской промышленности рабочей силой за счет населения оккупированных советских территорий.

6 августа 1942 г. Геринг провел совещание с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования. Обращаясь к участникам совещания, Геринг говорил:

«Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное... Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что. Я намереваюсь грабить, и именно эффективно».

Эти намерения были реализованы. Грабил Геринг, грабили рейхсминистры и рейхскомиссары оккупированных областей, грабили представители военного командования, начиная от генерала и кончая рядовым солдатом.

Так действовал подсудимый Геринг.

Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды, и за все свои действия он должен понести должное наказание.

Гесс

Подсудимый Рудольф Гесс уже с момента зарождения фашистской партии занимал ведущее положение среди нацистских заговорщиков.

Это Гесс был руководителем фашистской организации Мюнхенского университета, это он участвовал в мюнхенском путче, это он совместно с Гитлером работал над библией фашизма — книгой «Майн кампф», выполняя обязанности личного секретаря Гитлера, это он в 1932 году являлся председателем центральной политической комиссии фашистской партии, а после захвата власти в качестве заместителя фюрера проводил в жизнь звериную политику фашистских головорезов.

Именно Гессу декретом Гитлера от 21 апреля 1933 г. было предоставлено «полное право принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам, касающимся руководства партией».

Вслед за тем Гесс продолжал прибирать к рукам все новые и новые посты в гитлеровском государстве. С 1 декабря 1933 г. он имперский министр без портфеля для обеспечения близкого сотрудничества партии и штурмовых отрядов с гражданскими властями; 4 февраля 1938 г. он назначается членом тайного совета; 30 августа 1939 г. — членом совета министров по обороне империи, а 1 сентября 1939 г. Гитлер объявляет

Гесса своим преемником после Геринга. Гесс получает также звание обергруппенфюрера СС и СА.

Декретом от 27 июля 1934 г. Гитлер обязал руководителей всех ведомств и министерств Германии представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение.

Гесс занимался подбором и расстановкой руководящих фашистских кадров. Об этом свидетельствуют указ Гитлера от 24 ноября 1935 г. и другие документы, представленные Трибуналу обвинением.

Особо следует отметить активную роль Гесса в планировании и проведении агрессивных войн. Все агрессивные акции гитлеровской Германии намечались и подготовлялись при самом непосредственном участии Гесса и подчиненного ему партийного аппарата фашистов.

Еще 12 октября 1936 г., выступая в Баварии, Гесс призывал немцев «употреблять немного меньше жира, немного меньше свинины, немного меньше яиц... Мы знаем, — говорил Гесс, — что иностранная валюта, которую мы этим самым сберегаем, идет на вооружение. И на сегодня действителен лозунг: "Пушки вместо масла"».

Об этом же говорил Гесс и накануне своего отлета в Англию — 1 мая 1941 г., выступая на заводе Мессершмидта с призывом к продолжению агрессивной войны.

Вместе с Гитлером, Герингом и другими руководящими деятелями фашистского заговора Гесс подписывал указы о присоединении к Германии захваченных территорий.

В человеконенавистнических «нюрнбергских законах», за издание которых несет ответственность и подсудимый, имеется специальный пункт, уполномочивающий Фрика и Гесса издавать необходимые декреты для проведения в жизнь этих законов. Гесс подписал закон «об охране крови и чести», указ от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и права работы в общественных учреждениях, а также указ от 20 мая 1938 г. о распространении «нюрнбергских законов» на Австрию.

На данном процессе уже достаточно освещен вопрос о роли Гесса в организации сети шпионажа и террористических групп за границей, в создании СД (службы безопасности) и комплектовании частей СС.

Само положение Гесса в фашистской партии и гитлеровском правительстве говорит об активном руководящем участии подсудимого в подготовке и осуществлении общего преступного плана фашистских заговорщиков, а следовательно, об огромной доле его вины и ответственности за преступления против мира, и за военные преступления, и за преступления против человечности.

Господа судьи, чтобы еще более правильно оценить значение преступной деятельности подсудимого Гесса как одного из видных руководителей нацистской партии и гитлеровского правительства, я напомню статью в газете «Национал цейтунг» от 24 апреля 1941 г., посвященную Гессу:

«Много времени тому назад — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса называли «совестью партии». Если мы спросим, почему заместителю фюрера было дано это почет-

ное звание, то на этот вопрос нетрудно ответить: нет ни одного события в нашей общественной жизни, которое не было бы связано с именем заместителя фюрера. Он настолько многосторонен и своеобразен в своей работе и в сфере своей деятельности, что это нельзя сказать несколькими словами... многие мероприятия, проведенные правительством, особенно в сфере военной экономики и в партии, проводились полностью по инициативе заместителя фюрера».

Гесс отказался давать объяснения Трибуналу. Его защитник Зейдль с ложным пафосом заявил, что Гесс считает настоящий Трибунал некомпетентным для суда над германскими военными преступниками... и тотчас без паузы приступил к предъявлению доказательств в защиту Гесса.

Гесс даже пытался объявить себя сумасшедшим, чтобы избежать заслуженного наказания. Но когда Гесс убедился, что такой маневр ему не поможет, он вынужден был заявить в Суде, что он симулировал потерю памяти, что это была тактическая уловка с его стороны, и должен был признать, что несет полную ответственность за все то, что он сделал, и подписал вместе с другими.

Итак, на Суде полностью разоблачена неуклюжая попытка Гесса уйти от ответственности, и Гесс должен в полной мере понести наказание за участие в общем плане или заговоре для совершения преступлений против мира, в военных преступлениях, тягчайших преступлениях против мира и человечности, которые совершены им совместно с другим подсудимыми.

Борман

Имя подсудимого Мартина Бормана неразрывно связано с созданием гитлеровского режима. Он был одним из тех, кто совершал самые дикие преступления, направленные на уничтожение сотен тысяч невинных людей.

Совместно с подсудимым Розенбергом Борман с жестокой последовательностью проводил пропаганду расовой теории и преследование евреев.

Им были изданы многочисленные директивы, направленные на дискриминацию евреев в гитлеровской Германии, сыгравшие впоследствии роковую роль и повлекшие истребление миллионов евреев. Этой своей деятельностью он заслужил большое доверие у Гитлера, ему было «предоставлено право представлять партию в сфере государственной жизни...» (Постановления и распоряжения партийной канцелярии, том II, страница 228), и он ее представлял. Так, в качестве начальника партийной канцелярии он принимал непосредственное участие в уничтожении евреев, цыган, русских, украинцев, поляков и чехословаков.

НСДАП под его руководством превратилась в полицейскую организацию, находившуюся в самом тесном взаимоотношении с германской тайной полицией и СС.

Борман не только знал о всех агрессивных планах гитлеровского правительства, но и принимал активное участие в их осуществлении. Он привлек весь партийный аппарат НСДАП на реализацию агрессивных планов гитлеровского правительства,

а партийных гаулейтеров назначал уполномоченными по обороне империи в тех областях, в которых они действовали.

Партийный аппарат НСДАП и лично Борман принимали активное участие в мероприятиях немецких военных и гражданских властей по бесчеловечному использованию военнопленных. Об этом свидетельствуют многочисленные директивы и указания, изданные Борманом.

Материалами обвинения и судебного следствия сейчас установлено, к какой массовой гибели привело зверское обращение с военнопленными.

Партийный аппарат и лично подсудимый Борман принимали непосредственное участие в мероприятиях гитлеровского правительства, связанных с угоном в рабство населения оккупированных территорий.

С одобрения Бормана производилась тайная доставка в Германию украинских девушек, предназначенных для насильственного онемечивания.

Приказом Гитлера от 18 октября 1944 г. на Бормана и Гиммлера было возложено руководство фольксштурмом, состоявшим из всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, способных носить оружие.

Накануне краха гитлеровской Германии Борман возглавлял созданную для диверсионной и подрывной деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Борман непосредственно участвовал в разграблении культурных, исторических и других ценностей на оккупированных территориях.

Он внес в 1943 году предложение о необходимости усиления экономического разграбления оккупированных территорий.

Таковы преступления подсудимого Бормана, ближайшего сподвижника Гитлера, разделяющего всю полноту ответственности за бесчисленные преступления гитлеровского правительства и фашистской партии.

Риббентроп

Один из главных вдохновителей и руководителей внешней политики гитлеровской Германии — Иоахим фон Риббентроп был и одним из самых активных участников преступного заговора.

Официально вступив в нацистскую партию в 1932 году, подсудимый, однако, еще до прихода фашистов к власти активно содействовал ее захвату и стал в скором времени официальным советником партии в качестве «сотрудника фюрера по вопросам внешней политики».

Продвижение Риббентропа по служебной линии находится в неразрывной связи с развитием деятельности фашистских заговорщиков, направленной против интересов мира.

В своих показаниях Риббентроп заявил: «Он (Гитлер) знал, что я являлся его верным сотрудником». Именно поэтому Гитлер 4 апреля 1938 г., как убежденного, преданного фашиста, назначил Риббентропа официальным руководителем внешней политики, которая являлась одним из важнейших рычагов осуществления всего фашистского заговора.

Однако Риббентроп не ограничивал своей деятельности сферой внешней политики. Как член гитлеровского правительства, как член имперского совета по обороне империи, как член тайного совета он участвовал в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с подготовкой агрессивных войн. Вот почему он, Риббентроп, будучи министром иностранных дел, принимал участие в решении и проведении в жизнь таких далеко отстоящих от внешней политики вопросов, как использование рабочей силы во время войны, организация концлагерей и т.п. В этой связи следует отметить, что Риббентропом было заключено специальное пространное соглашение с Гиммлером об организации совместной разведывательной работы.

Имперским министром иностранных дел Риббентроп стал как раз в начале осуществления планов агрессии, рассчитанных на покорение Германией Европы. Это совпадение не случайно. Не без основания Риббентроп считался самым подходящим человеком для осуществления этого преступного заговора. Его предпочли даже такому специалисту международных провокаций, как Розенберг, на что последний, не без некоторого основания, подал официальную жалобу. И Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие Гитлера он полностью оправдал.

Уже 12 февраля 1938 г., через неделю после своего назначения, Риббентроп совместно с Гитлером и подсудимым Папеном, возглавлявшим в течение долгого времени до этого подрывную работу нацистских агентов в Австрии, принял участие в совещании в Оберзальцберге, где он от австрийского канцлера Шушнига и его министра иностранных дел Шмидта, под давлением угроз, ультимативно требовал согласия на отказ от независимости Австрии и добился этого.

В качестве министра Риббентроп присутствовал на совещании 28 мая 1938 г., на котором было принято решение о введении в действие «плана Грюн» — плана агрессии против Чехословакии.

В соответствии с тактикой фашистов ослаблять изнутри будущую жертву Риббентроп постоянно поддерживал тесную связь и оказывал материальную помощь сначала партии судетских немцев, а потом и словацким националистам с тем, чтобы вызвать внутренний раскол и братоубийственную войну в Чехословакии.

Захватив Чехословакию, фашистские заговорщики, и в числе их подсудимый Риббентроп, перешли к подготовке и осуществлению следующего акта агрессии, заранее намеченного ими в плане преступлений против мира, — к нападению на Польшу.

Будучи вынужден в связи с только что закончившимся захватом Австрии и Чехословакии временно скрывать дальнейшие намерения Германии, Риббентроп сам и через своих дипломатов старался усыпить бдительность европейских государств, лицемерно заявляя, что никаких других территориальных требований Германия не имеет.

26 января 1939 г. в Варшаве министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп заявил, что «укрепление дружественных отношений между Германией и Польшей на основании существующих соглашений составляет важнейший элемент внешней политики Германии».

Прошло немного времени, и Польша испытала ценность этих заверений Риббентропа.

Я не останавливаюсь здесь на той вероломной роли, которую сыграл подсудимый Риббентроп в германской агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, так как об этом достаточно убедительно говорили мои коллеги.

Подсудимый Риббентроп принял непосредственное активное участие в проведении агрессии против Югославии и Греции.

Прибегая к излюбленному своему методу обманных гарантий для сокрытия готовящейся агрессии, подсудимый Риббентроп 20 апреля 1938 г. дал заверение Югославии, что после аншлюса германские границы с Югославией рассматриваются как «окончательные и нерушимые». В то же время при деятельном участии подсудимого Риббентропа велась всесторонняя подготовка к агрессии. 12 и 13 августа 1939 г. на совещании Гитлера и Риббентропа с Чиано в Оберзальцберге было достигнуто соглашение о «ликвидации нейтралов одного за другим».

При непосредственном и прямом участии подсудимого Риббентропа фашистские заговорщики планировали, подготавливали и осуществляли также и вероломное нападение на Союз Советских Социалистических Республик 22 июня 1941 г.

Подсудимый Риббентроп сам признал здесь, в зале Суда, что в конце августа — начале сентября 1940 года, то есть когда уже проводилась разработка «плана Барбаросса» (как это с очевидностью следует из показаний генерала Варлимонта, генерала Мюллера и фельдмаршала Паулюса), подсудимый Кейтель беседовал с ним по вопросу о нападении на СССР.

Деятельность подсудимого и министерства, которым он руководил, играла первостепенную роль в организации войны против СССР с участием Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Уже после начала агрессии Германии против Советского Союза подсудимый Риббентроп продолжал прилагать усилия к тому, чтобы привлечь на сторону Германии новых сообщников. Так, в телеграмме послу в Токио от 10 июля 1941 г. он писал: «Я прошу Вас всеми находящимися в Вашем распоряжении средствами повлиять на Мацуока, чтобы Япония как можно скорее вступила в войну с Россией. Чем быстрее это произойдет — тем лучше. Конечной целью должно оставаться и в дальнейшем то, что Япония и мы перед наступлением зимы протянем друг другу руку на Сибирской железной дороге...».

Как установлено на Суде, Риббентроп совместно с другими подсудимыми подготавливал ту политику уничтожения и разграбления, которую гитлеровцы наметили, а затем и проводили на временно оккупированных территориях Советского Союза. Подсудимый Розенберг, который разрабатывал планы эксплуатации оккупированных территорий Восточной Европы, проводил совещание по этому вопросу с ОКВ, министерствами экономики, внутренних дел, иностранных дел. В своем «Отчете о подготовительной работе по восточно-европейскому вопросу» он писал: «В результате переговоров с МИД последнее назначило в качестве своего представителя к Розенбергу генерального консула господина Брейтигама».

Таким образом, бесспорно, что Риббентропу не только было известно о подготовке военного нападения на СССР, но

он вместе с другими заговорщиквми заранее намечал планы колонизации территорий Советского Союза, порабощения и истребления советских граждан.

Подсудимый был вынужден признать, что ему были известны ноты Народного комиссара иностранных дел СССР о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупироаанных территориях Советского Союза. Ему, как и другим заговорщикам, были известны и другие декларации глав союзных правительств о той ответственности, которая ложится на нацистское правительство за совершение гитлеровцами чудовищных злодеяний в оккупированных странах.

Риббентроп, как это подтвердил свидетель защиты по его делу — бывший статс-секретарь министерстаа иностранных дел Штейнграхт, был одним из организаторов и намечался в качестве почетного члена международного антиеврейского конгресса, который немцы предполагали созвать в июле 1944 года в Кракове.

Сам Риббентроп признал на Суде, что он вел переговоры с правительствами европейских стран относительно массового изгнания евреев.

Согласно протоколу беседы Риббентропа с Хорти, «министр иностранных дел заявил Хорти, что евреи должны быть либо уничтожены, либо направлены в концентрационный лагерь. Другого решения не может быть».

Этот факт в достаточной мере подтверждает, что Риббентропу было известно о сущестаовании концентрационных лагерей, хотя он упорно пытался доказать здесь обратное.

Риббентроп оказывал поддержку другим фашистским руководителям и прежде всего подсудимому Заукелю в угоне на германскую каторгу жителей оккупированных стран.

Кроме того, подсудимый Риббентроп, во исполнение общего плана заговорщиков, включавшего уничтожение национальной культуры народов оккупированных стран, активнейшим образом участвовал в разграблении культурных ценностей, являющихся общенародным достоянием.

Для выполнения этой задачи по указанию Риббентропа был создан «батальон особого назначения» при министерстве иностранных дел, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизировал и вывозил в Германию согласно указаниям Риббентропа всевозможные культурные ценности с оккупированных территорий на Востоке.

Таким образом, подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими загоаорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершения тягчайших преступлений против народов, территория которых была временно оккупирована гитлеровскими захватчиками.

Военная группа

Несколько подсудимых в этом процессе главных преступников войны как бы образуют группу собственно военных. Если оставить в стороне Геринга как фигуру совершенно специфи-

ческую — и политика, и хозяйственника, и военного в одном лице, то мне надо будет назвать Кейтеля, Иодля, Деница и Редера. В процессе следствия в отношении этих лиц также были не только полностью подтверждены все данные Обвинительного акта, но оснований к обвинению стало еще больше.

Документальные доказательства, показания свидетелей, в том числе частично и тех, которых вызывали по ходатайству защиты, не могли не лечь тяжким грузом на чашу весов обвинения.

Защитники этих подсудимых пытались убедить в том, что их подзащитные волей судьбы против своего желания стали участниками зловещей трагедии.

Сами подсудимые — Кейтель, Иодль, Дениц и Редер — здесь, на Суде, пытались выступить в роли благородных простаков. Надо отдать справедливость, что в меру своих сил защита помогла им в этом деле. Мы слышали много о чести солдата, о воинской дисциплине, о верности долгу и присяге, о вынужденном в связи с этим выполнении ими гитлеровских приказов, даже тех, которые вызывали в их душах сомнение и прямой протест. Такое освещение их позиции совершенно искажает реальное положение вещей.

Я считал бы нужным перед тем, как говорить о виновности Кейтеля, Иодля, Деница и Редера, поставить и разрешить четыре вопроса.

Первый: знали ли эти подсудимые, что гитлеровская Германия в нарушение международных обязательств готовит целую серию агрессивных, захватнических, грабительских войн?

Второй: принимали ли они сами активное участие в планировании, подготовке, развязывании и проведении этих войн?

Третий: виновны ли они в циничном попрании законов и обычаев войны?

Четвертый: отвечают ли они за зверски растерзанных и уничтоженных мирных жителей, за потопленные пассажирские и госпитальные пароходы, за города и деревни, уничтоженные военной машиной гитлеровского рейха?

Я думаю, что после столь тщательного судебного расследования каждый, кто не хочет сознательно заблуждаться, ответит утвердительно на все эти четыре вопроса.

Представленные Суду документальные доказательства с полной очевидностью подтвердили виновность военной группы преступников в тягчайших преступлениях, их активное участие в планировании и осуществлении общего преступного заговора.

То обстоятельство, что совершали эти преступления люди в военных мундирах, не только не снижает, а, как мне представляется, существенно усиливает их ответственность.

Как можно им в оправдание ссылаться на «долг солдата», «честь офицера», на «обязанность выполнить приказ»? Да разве можно с «долгом солдата» и «честью офицера» совместить расстрелы без суда и клеймение военнопленных, массовое уничтожение женщин, стариков и детей?

Единственно правильное, реальное объяснение тому удивительному факту, что эти генералы и адмиралы занимались грязными, по существу уголовными преступлениями, состоит в том, что они были генералами и адмиралами гитлеровской формации.

Это люди особого качества. Это фашисты в военных мундирах, душой и телом преданные фашистскому режиму.

Именно этим нужно объяснить, что Гитлер приблизил их к себе и столь длительно сотрудничал с ними. Этим только можно объяснить, что они сотрудничали с Гитлером в совершении беспримерных в истории гнуснейших преступлений. Они друг другу вполне подходили и друг друга вполне понимали.

Кейтель

Переходя к группе военных, я, естественно, хотел бы начать с подсудимого Кейтеля.

Ведущее положение в гитлеровской военной машине Кейтель занял с первых лет ее организации. Адвокат Кейтеля признает, что «декрет (от 4 февраля 1938 г.) преподнес Кейтелю чудесное должностное наименование — начальника верховного командования вооруженных сил».

И несколько далее: «...Фактическое значение работы Кейтеля было громадным... Это была чудовищная, неблагодарная работа, мизерным вознаграждением за которую было блестящее положение в непосредственной близости от главы государства».

В свете всех последующих событий надо считать, что начальным этапом будущих агрессивных войн было все то, что связывалось с секретными вооружениями Германии после Версальского мира.

Трудно преуменьшить значение всего проделанного тогда еще полковником Кейтелем в комитете экспертов, который последовательно и настойчиво изыскивал и находил пути для обхода или прямого нарушения договора. В частности, именно полковник Кейтель, а не кто иной, давал указания о том, что в Женеве можно говорить все что угодно, лишь бы не оставлять письменных следов.

Это циничное заявление полностью соответствует той роли, которую играл Кейтель в последующей подготовке и проведении агрессивных войн.

Во время переговоров Гитлера с Шушнигом живым напоминанием о готовности Германии применить оружие была фигура Кейтеля.

Кейтель давал директивы двинуть войска в Чехию, когда президент Гаха был вероломно вызван в Берлин «для продолжения переговоров».

Это ОКВ, а не какая-либо иная организация, была готова через отдел «Абвер» спровоцировать пограничный инцидент с Чехословакией, чтобы оправдать вторжение германских полчищ, готовых ринуться в Чехию.

Своим совершенно секретным меморандумом Кейтель требовал от Гесса и Гиммлера заранее сообщить ОКВ о всех мерах, проводимых партийными организациями или полицией, которые не предусмотрены «планом Грюн».

Фактически сплошной ложью были декларации об отсутствии каких-либо дальнейших претензий Германии в Европе после захвата Чехословакии. Это было звеном в цепи агрессивных войн.

Я хочу подчеркнуть ведущую роль ОКВ в подготовке и осуществлении агрессии. Директива относительно ведения войны и вторжения в Польшу известна нам как директива Гитлера и Кейтеля от 10 мая 1939 г. Она была направлена командованию ВВС, военно-морского флота и сухопутных сил. Как можно после этого говорить о том, что ОКВ не было руководящей головкой всех видов вооруженных сил фашистского рейха?

Если еще раз взглянуть на документы, относящиеся к германской агрессии против Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Югославии и Греции, мы не раз встретимся с именем Кейтеля. Он выступает то в качестве участника ответственнейших совещаний, то как автор секретных приказов, адресованных Редеру, Герингу и генеральному штабу. Собственноручные инициалы Кейтеля и Иодля мы находим и на секретной директиве, подписанной Гитлером, о проведении «операции Марита». Много говорилось здесь о «плане Барбаросса» и его авторах. Сейчас нам важно подчеркнуть, что документ этот рожден в недрах ОКВ по непосредственной инициативе этой организации, что запланированные методы вероломного нападения на СССР являлись его[1] работой.

Каждому ясна роль визы военного специалиста на документе. Некоторые подсудимые пытались лживо объяснить нападение на СССР как войну превентивную. Заявления эти в такой мере несостоятельны и противоречат установленным в Суде неопровержимым доказательствам (немецким же документам), что я не вижу необходимости отнимать время у Трибунала.

Защитник Кейтеля заявил, что защита этого подсудимого строится под тем углом зрения, что Кейтель «борется не за свою голову, а за свое лицо». Я хочу помочь Суду увидеть подлинное лицо Кейтеля. Для этого мне нужно напомнить Вам о нескольких кейтелевских директивах, которые по праву займут одно из первых мест среди позорных документов о бесчеловечности германской военщины, ее низости и безгранично подлом попрании понятий о правилах и обычаях ведения войны.

Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен. Предъявлением документов РФ-351, ПС-884 было доказано, что директива была дана до начала военных действий. Нами был также предъявлен документ под номером СССР-62 (текст письма немецких военнопленных). Из этого документа видно, как еще до нападения на СССР полевые войска инструктировались по поводу обязательного истребления советских женщин-военнослужащих и политического состава.

---

[1] То есть Кейтеля. — **Прим. сост.**

А что можно сказать о фразах, страшных по своему беспредельному цинизму: «Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости»?

А директива о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г.? А приказ от 16 сентября 1941 г. о казни от 50 до 100 коммунистов за каждого убитого немца? Что мог сказать здесь Кейтель о документе, известном под названием «Нахт унд небель»?

Это кровавые документы. Никто не может подсчитать, сколько тысяч военнопленных солдат и офицеров Красной Армии было убито и замучено в лагерях фашистской Германии. Вы помните, как на вечернем заседании 25 января 1946 г. свидетель Ламп рассказал, что из расстрела 50 советских офицеров в лагере Маутхаузен устроили развлечение для Гиммлера. Вы помните показания свидетеля Блаха, как весной 1944 года были истерзаны пытками, а затем убиты 94 советских офицера, отказавшиеся давать сведения военного характера.

Я хочу упомянуть о показаниях эсэсовца Пауля Вальдмана об истреблении русских военнопленных. Вы помните, о каком конвейере издевательств и мучений для каждого советского человека, попавшего в немецкий плен, показывал свидетель Кивелиша. Могу ли я умолчать о директиве Кейтеля клеймить советских военнопленных?

Нельзя забыть директиву Кейтеля от 16 декабря 1942 г. Она называется «Борьба с бандами». Под «бандами» подсудимый Кейтель понимал всякое движение Сопротивления и требовал от войск применения жесточайших мер без ограничения, в том числе против женщин и детей.

Под номером СССР-162 советское обвинение предъявило показание Ле-Курта. Ле-Курт заявил, что расстреливал и сжигал советских граждан, поджигал их дома. Только он один лично расстрелял 1200 человек, за что ему досрочно было присвоено звание обер-ефрейтора и он был награжден восточной медалью. Он действовал в соответствии с указаниями Кейтеля. Директива Кейтеля о военной подсудности в районе «Барбаросса» делала подобных людей безнаказанными. На Кейтеле кровь убитых Ле-Куртом и ему подобными.

Выполняя директиву Кейтеля о том, что жизнь в восточных странах абсолютно ничего не стоит, солдаты и офицеры гитлеровской Германии совершали свои злодеяния.

Обвинением предъявлен документ СССР-51 о том, как 28 августа 1941 г. немецкие войска перед своими боевыми порядками, идя в атаку, гнали женщин, детей и стариков. А в деревне Колпино, заставив крестьян строить для немцев мосты и блиндажи, фашисты потом всех расстреляли.

В Югославии массовые расстрелы заложников стали повседневной практикой военного командования и военной администрации.

В секретном докладе от 15 февраля 1940 г. на имя Геринга ОКВ оправдывает заложничество.

Я хочу закончить документом СССР-356 (ЕС-338). Вы помните, господа судьи, этот документ. В нем адмирал Канарис сообщал Кейтелю о произволе в лагерях военнопленных, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Даже матерый фашистский разведчик Канарис, боясь ответственности, не мог пройти мимо вопиющих фактов произвола и нарушения всех общепринятых законов и обычаев войны.

Вы помните также резолюцию Кейтеля на этом докладе:

«Я одобряю и покрываю эти мероприятия».

Я спросил подсудимого Кейтеля во время перекрестного допроса 6 апреля[1]*:*

«Вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь перед Трибуналом именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к Вам в плен. Это правильно?»

Кейтель вынужден был признать этот факт.

Уже одна такая резолюция полностью раскрывает действительное, подлинное лицо фельдмаршала Кейтеля. Никакие изощренные доводы защиты не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля.

Иодль

Подсудимый Альфред Иодль несет равную ответственность с подсудимым Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера.

Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Иодля, так же как и именем Кейтеля.

Нет необходимости в том, чтобы снова перечислять все те агрессивные акции гитлеровской Германии, которые теперь достаточно хорошо известны и каждая из которых была задумана и осуществлена при непосредственном участии подсудимого Иодля.

Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Иодля. Но это не только подпись.

Еще летом 1940 года в Рейхенгалле Иодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как подсудимый Иодль, еще до нападения на СССР, издал известные «Указания о применении пропаганды в районе "Барбаросса"». В этих «Указаниях» прямо указывалось,

[1] 1946 года. — **Прим. сост.**

что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза».

Таким образом, подсудимый Иодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривающей расчленение Советского Союза.

Это он, Иодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии в целях оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны. Это он, Иодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 г. относительно порядка использования так называемого корпуса Генлейна на случай реализации «плана Грюн».

Издевательски звучат слова подсудимого Иодля о «солдатской чести», когда читаешь его приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза.

Не кто иной, как тот же Иодль, на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 г. с неповторимым цинизмом утверждал, что советских патриотов немецкие войска могут безнаказанно «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Ближайший военный советник Гитлера, непосредственный участник подготовки и осуществления всех кровавых агрессивных планов гитлеровской Германии — подсудимый Иодль по праву занимает место в ряду главных немецких военных преступников.

Дениц и Редер

Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих гроссадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры.

Дениц при допросе его советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского «рейха» шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский гроссадмирал Дениц, по мнению сошедшего со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля.

При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой тактики волчьей стаи. Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили в Балтийском и Черном морях госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужи-

ли поводом к преданию Суду Международного военного трибунала главных военных преступников.

С именем Редера связана кощунственная директива об уничтожении Ленинграда.

На процессе Редер пытался рвзыграть роль «честного военного». Но уже одно то, что именно он вместе с Гитлером и Кейтелем замышлял «стереть с лица земли» Ленингрвд и уничтожить более чем трехмиллионное население великого города, имя которого неразрывно связано с развитием человеческой культуры и истории, делвет Редера одним из глввных военных преступников.

Редер участвовал в разработке всех важнейших планов агрессии германского фашизма. Этот участник преступного фашистского заговора должен поэтому понести наказание наравне с другими его соучастниками.

Кальтенбруннер

Подсудимый Эрнст Кальтенбруннер был тем, кого Гиммлер счел наиболее достойным назначить на место казненного чешскими патриотами палача Гейдриха.

30 января 1943 г. он был назначен начальником главного управления полиции безопасности и СД. Многочисленными документальными данными, в частности приказвми за подписью Кальтенбруннера о массовом направлении людей в концлагеря, показаниями своих подчиненных, в том числе показаниями бывшего начальника главного разведывательного управления (амт VI) Вальтера Шелленберга и начальника внутренней разведки СД (амт III) Отто Олендорфа, Кальтенбруннер полностью изобличен в совершении тягчвйших преступлений.

На судебном заседании 12 апреля 1946 г., при допросе Кальтенбруннера, были оглашены показания Иоганна Кандутора, бывшего заключенного Маутхаузена. В своих показаниях Кандутор рассквзывает о том, как проводил время Кальтенбруннер при посещениях лвгеря.

«Кальтенбруннер со смехом вошел в гвзовую камеру; затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни — повешение, расстрел в затылок и отравление газом».

Я не стану останавливаться на имеющихся многочислеиных доказательствах, они достаточно освещены перед судом. Но на одном обвинении из числа предъявленных Кальтенбруннеру я все же считаю нужным остановиться.

Вместе с другими учреждениями РСХА Кальтенбруннер принял после Гейдриха пять эйнзатцгрупп. Граждане Советского Союза хорошо помнят эти злодейские организации германского фашизма, возглавленные Кальтенбруннером.

Эйнзатцгруппа «А» дошла до подступов к Ленинграду. Это она организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Свлвспилсском и Бикернекском лесу под Ригой, ставила ряды виселиц в парках одного из пригородов Ленинграда — Пушкине.

Эйнзатцгруппа «В» остановилась под Смоленском. Это она сжигала заживо крестьян Белоруссии, расстреливала людей при страшной акции в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила «душегубками» в Минске, ликвидировала гетто в районе Верхних Садков в Смоленске.

Эйнзатцгруппа «С» дислоцировалась в Киеве. Эта группв осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру под Киевом, где за один день было уничтожено сто тысяч советских людей.

Эйнзатцгруппе «D» были отданы на растерзание южные области из числа временно оккупированных областей Советского Союза. Эта группа впервые испытыввла на советских людях «душегубки» в Ставропольском крае и Краснодвре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя позабыть этих людей, отравленных в «душегубках» под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и под Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Эти невинные жертвы — на его грязной совести.

Преемник палача и сам палач Кальтенбруннер осуществлял наиболее отвратительную функцию в общем преступном плане гитлеровской клики.

Розенберг

Перехожу к доказательству вины и ответственности подсудимого Розенберга.

Как бы ни пытался Розенберг умалить свою роль и значение, как бы он ни подтасовывал исторические факты и события, ему не уйти от того, что он был официальным идеологом нацистской партии, что он еще четверть века тому нвзад заложил «теоретические» основы фашистского гитлеровского государства и на протяжении этого периода морально растлил миллионы немцев, «идейно» подготовив те неслыханные в истории чудовищные преступления гитлеровцев, которые составляют предмет разбирательства на данном процессе.

Когда на процессе Розенбергу был поставлен вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?», — он даже не ответил, а закричал: «Нет, это неправда, я никогда не был». Но как бы ни отрекался Розенберг от своего «фюрера», ему не смыть каинову печать «одного из старейших и самых верных боевых товарищей Гитлера». На протяжении 25 лет Розенберг, вначале совместно, а затем под руководством Гитлера, разрабатывал и содействовал осуществлению сумасбродных планов мирового господства, избрал для оправдания этих преступных планов человеконенавистническую расовую теорию.

Может ли иметь значение для решения вопроса о виновности и ответственности Розенберга то, что он использовал в своих целях отбросы науки и позаимствовал кое-что у Карла Люэгера и Поля Лагарда, графа Гобино и Лапужа, Освальда Шпенглера и Артура Меллера?

Важно то, что Розенберг, собрав все эти «научные» отходы, довел все расовые воззрения до предела расового изуверства и в этом духе воспитывал членов нацистской партии, не-

мецкую молодежь. И когда представители «высшей расы» разрабатывали и совершали акты агрессии, когда немецкие оккупанты порабощали и уничтожали нации и народы, когда создавали комбинаты смерти в Майданеке и Освенциме, Треблинке и Хелмно, во всем этом немалая доля ответственности Розенберга.

В этом сказался результат фашистской расовой идеологии, сущность которой состоит в том, что «арийская» — «северогерманская» — раса есть «раса господ», а все остальные расы и нации — «низшая порода».

Защитник Розенберга говорил: «Трибунал должен рассматривать преступления, а не мировоззрения». Этот аргумент в отношении Розенберга явно неубедителен. Ибо Розенберг не только исповедовал, но сознательно распространял и внедрял в сознание немецкого народа фашистскую расовую теорию, которая стала прямой угрозой существованию демократических государств Европы. Носителя бацилл надо изолировать, а того, кто сознательно распространяет бациллы, надо судить.

Преступная деятельность Розенберга не ограничивалась идеологической подготовкой агрессии и проповедями человеконенавистничества. Она очень многогранна.

На процессе уже была достаточно освещена деятельность внешнеполитического отдела НСДАП, ведавшего сетью полулегальной нацистской агентуры за границей, которой много лет руководил подсудимый Розенберг. Влияние этой организации на внешнеполитические мероприятия гитлеровской Германии и на развязывание агрессивных войн очень велико.

В одном из представленных защитником Нейрата и принятых Судом документов прямо говорится: «... Одно время в Берлине даже существовали три вида министерств иностранных дел: министерство Розенберга, министерство Риббентропа и официальное министерство на Вильгельмштрассе».

Наконец, о своем реальном влиянии на внешнюю политику гитлеровской Германии и своих «заслугах» в этой области указывал сам Розенберг в письме к Гитлеру от 6 февраля 1938 г., когда он просил назначить его членом тайного совета министров.

Я не вижу необходимости анализировать всю преступную деятельность Розенберга и намерен только кратко остановиться на его деятельности в качестве сначала «уполномоченного фюрера», а затем имперского министра восточных оккупированных территорий. На этом поприще Розенберг наиболее активно проявил себя как участник преступного заговора.

Розенберг заявляет, что он был против войны с СССР, что о подготовке военного нападения на Советский Союз он узнал от Гитлера тогда, когда уже все приказы по военной линии были отданы, что он никогда не имел реального влияния на внешнюю политику гитлеровской Германии. Я утверждаю, господа судьи, что все эти заявления Розенберга ничего общего не имеют с действительностью.

Общеизвестно, что внешняя политика национал-социалистов, изложенная в новогоднем номере 1921 года газеты «Фелькишер беобахтер», начинается с плана германского крестового похода против Советской России и автор этой политики — Альфред Розенберг. Это он вместе с Гитлером, будучи инспи-

рирован Людендорфом и Рехбергом, проповедовал внешнюю политику, направленную на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы.

Выступления Розенберга с планами «обмена» Польского коридора на Украину, его «дипломатические» поездки в некоторые страны после прихода фашистов к власти, его неуклюжие попытки осуществить программу нацистов были широко освещены в печати.

Из представленных документов видно, какую лихорадочную деятельность развил Розенберг в апреле 1941 года — в период, непосредственно предшествовавший нападению Германии на СССР, когда он был назначен «уполномоченным фюрера по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими облвстями».

За две недели до своего назначения Розенберг 7 апреля 1941 г. направил Гитлеру свои предложения о разделе Советского Союза на рейхскомиссарнаты и нвзначении фашистских правителей в оккупированные области. В предложениях Розенберга фигурируют Белоруссия и Украина, Минск и Киев, Ростов и Тбилиси, Ленинград и Москва. И в качестве рейхскомиссара Москвы Розенберг рекомендовал небезызвестного Эриха Коха.

Мы слышали о беседах Розенберга с Браухичем и Редером, его совещании с Функом, генералом Томасом, статс-секретарем Бакке и другими по вопросам экономической эксплуатации восточных областей, о его переговорах с Риббентропом, начальником штаба СА, руководителем германской контрразведки адмиралом Канарнсом. Уже за полтора месяца до нападения на СССР он разработал инструкцию для всех рейхскомиссаров оккупируемых восточных областей, в которой он предусмотрел «рейхскомиссариат России», «рейхскомиссариат Кавказа», а Белорусскую республику включил в «рейхскомиссариат Остланд».

Розенберг пытался заверить, что он не разделял захватнических, грабительских целей войны против СССР, а в качестве министра восточных оккупированных территорий чуть ли не облагодетельствовал население этих областей. Это говорилось после того, как в инструкции рейхскомиссару Прибалтики и Белоруссии указывалось, что его целью являлось «... создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть Великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов».

Это говорилось после того, как в другой директиве Розенберга о задачах германского управления в оккупированных восточных областях предписывалось:

«Первой здачей... является проведение интересов империи. Положения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны не имеют действия, так как СССР надо считать уничтоженным... Поэтому допустимы также все мероприятия, которые германской администрации кажутся необходимыми и удобными».

Розенберг поторопился объявить СССР уничтоженным, он проболтался, выдал свои тайные замыслы. Но этот документ является неопровержимым доказательством, отметающим все

попытки подсудимого переложить ответственность за чудовищные преступления, творимые немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории СССР, на отдельных чиновников и полицейских, на Коха и Гиммлера.

Это Розенберг разрешил попирать решения Гаагской конвенции и применять все мероприятия, которые окажутся «удобными». Когда Кох для своего удобства уничтожил население целого района Цуман, то он действовал в духе этой директивы Розенберга.

Розенберг здесь говорил о своих разногласиях с Кохом, о том, что он придерживался гуманной политики и даже ввозил сельскохозяйственные машины. Если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления. Не гуманностью, а боязнью руководствовался при этом Розенберг.

Подлинная политика Розенберга изложена во многих документах, ставших теперь известными мировой общественности и имеющихся в делах Трибунала.

В «официальной заметке для фюрера» от 16 марта 1942 г. Розенберг писал о целях германской политики на оккупированных территориях СССР и прежде всего на Украине. Это «... использование полезных ископаемых, в определенных областях создание немецкой колонии, никакого искусственного интеллектуального развития населения, а сохранение его как рабочей силы».

В докладе о преобразовании Кавказа Розенберг писал:

«Проблема Востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии. Задача Украины состоит в том, чтобы обеспечить продуктами питания Германию и Европу и снабдить сырьем континент. Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».

Я хочу, наконец, напомнить, что не кто иной, как Розенберг, выступая на заседании «Германского трудового фронта», по вопросу о политике на оккупированных территориях СССР говорил: «Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Защита утверждает, что Розенберг и его эйнзатцштаб занимались не разграблением культурных ценностей, а их сохранением. Это также не имеет ничего общего с правдой. Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 года, то есть за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза.

16 октября 1941 г. в письме к Гитлеру Розенберг указывал:

«Теперь я дал указание аналогичному оперативному штабу моего аппарата провести выполненную на западе работу также в оккупированных восточных областях.

...Имея образовавшуюся таким образом мощную картину, можно было удовлетворить все справедливые желания и тре-

бования Великой Германской империи. На этой основе я бы взял на себя также гарантирование того, чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы для ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были использованы в этих целях».

Розенберг 17 октября 1944 г. писал Борману, что для транспортировки «учтенного» его организациями добра понадобилось 1418 тысяч железнодорожных вагонов, а 427 тысяч тонн, кроме того, было перевезено водным путем. В этом же письме Розенберг писал, что из захваченных товаров отправлено в Германию 9 тысяч вагонов сельскохозяйственных и прочих машин. И после этого он смеет говорить о каких-то машинах, якобы ввезенных на Украину!

И последнее: о смехотворной теории так называемого благородного антисемитизма Розенберга. Нелепо полемизировать с защитниками Розенберга, утверждавшими, что существует «благородный антисемитизм», ни тем более с самим Розенбергом.

В своем заявлении перед Трибуналом я обратил внимание на фашистскую пропаганду, содержащуюся в защитительной речи. Сейчас я хочу напомнить Суду содержание двух документов Розенберга.

В директиве от 29 апреля 1941 г. он писал: «Общее разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться методом временного разрешения ее. Рабский труд для евреев, создание гетто и т.д. должны быть разрешением этой проблемы».

Еще более цинично, еще более откровенно Розенберг, будучи министром восточных оккупированных областей, высказывался в ноябре 1942 года на заседании «Германского трудового фронта». «Мы не должны, — говорил Розенберг, — довольствоваться тем, что евреи будут выселены в другое государство и, может быть, там или здесь будет находиться большое еврейское гетто, нет, наша цель должна оставаться прежней. Еврейский вопрос будет решен в Европе и Германии только в том случае, если на европейском континенте не останется больше евреев».

И все эти операции «Котбус», истребление евреев в городах прибалтийских республик, на Украине и в Белоруссии — все производилось на основе установок Розенберга и с его согласия.

В 1937 году Розенберг получил германскую национальную премию. В связи с этим фашистская печать написала о нем:

«Альфред Розенберг блестяще помог своими книгами заложить научные и духовные основы, усилить и укрепить философию национал-социализма. Только будущее сумеет полностью оценить глубину влияния этого человека на философские основы национал-социалистского государства».

И это будущее стало настоящим. И я уверен, что Трибунал надлежаще оценит не только влияние Розенберга «на философские основы национал-социалистского государства», но и его активную роль во всех преступлениях против мира и человечности, совершенных гитлеровцами.

Франк

Юрист по образованию, подсудимый Ганс Франк был тем, кто любил говорить о рецепции «старонемецкого» права для

немцев, о «принципвх справедливости» для «избранных» и о «праве избранных» на уничтожение народов и государств.

В 1939 году именно этому человеку, длительное время растлевавшему немецкую юридическую мысль, Гитлер вверил судьбу порабощенной Польши.

Франк прибыл в Польшу для того, чтобы практически осуществить на территории страны с многовековой историей и самобытной высокой культурой программу порабощения и уничтожения народа, который гитлеровцы считали навсегда покоренным.

Я хотел бы напомнить Суду некоторые высказывания Франка, относящиеся к первым месяцам его пребывания в Польше, взятые из его так называемого дневника. Вряд ли стоит полемизировать с защитником о доказательной силе этого документа.

Сам Франк заявил следователю, что «это документ исторического значения», и на вопрос: «Являются ли истинными утверждения, содержащиеся в дневнике?», ответил: «Это полностью соответствует тому, что мне известно».

19 января 1940 г. Франк с циничной откровенностью заявил на совещании руководителей отделов:

«15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область, как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения экономической, социальной, культурной и политической структуры».

31 октября 1939 г. в присутствии Геббельса на совещании руководящих сотрудников «генерал-губернаторства» он заявил: «Следует совершенно четко выделить различие между германским народом — народом господ и поляками».

Он вспомнил тогда же и о польской культуре, о которой, как говорил здесь защитник Зейдль, Франк проявлял много забот. Он заявил: «... Полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые доказывали бы безнадежность судьбы их народа. Речь может идти поэтому о плохих фильмах или о таких, которые демонстрируют величие и мощь немцев».

Одним из первых распоряжений Франка был приказ о расстреле заложников. Затем подобные приказы стали исчисляться сотнями и тысячами, пока не закончились, наконец, изданием «постановления» от 2 октября 1943 г.

10 ноября 1943 г. Франку донесли о том, что близится День польской независимости. На некоторых домах были вывешены плакаты, напоминавшие полякам о дне их национального праздника. Тогда в дневнике Франка появилась запись: «Господин генерал-губернатор распорядился о том, чтобы из каждого дома, на котором остается висеть такой плакат, расстреливали одного жителя мужского пола. Поляк должен чувствовать, что мы для него не намерены строить правовое государство».

Приведенный нами короткий отрывок из речи Франка на совещании руководителей отделов «генерал-губернаторства» характеризует этого гитлеровского «юриста» значительно лучше, чем обширные выдержки из его парадных речей, которые мы вынуждены были выслушивать здесь.

Преступная деятельность Франка в Польше настолько многообразна, что нет никакой возможности в краткой речи восстановить перед Судом все многочисленные доказательства виновности Франка, предъявленные в этом зале и, очевидно, свежие еще в памяти судей.

Но в преступной деятельности Франка в Польше нужно выделить главное, и этим главным является преступная деятельность Франка как убийцы миллионов людей.

Конечно, он грабил, он был уполномоченным Геринга по четырехлетнему плану и грабил, так сказать, «по должности».

Он послал более двух миллионов поляков на каторгу в Германию. Только на предположении о том, что, кроме адвоката, никто не изучал дневников Франка, могут покоиться попытки защиты представить Франка «врагом насильственных методов вербовки». Ибо Франк никуда не может уйти от таких документов, как протокол заседания руководителей отделов от 12 апреля 1940 г., запись совещания с гаулейтером Заукелем от 18 августа 1942 г., стенограмма совещания с Бюлером, Крюгером и другими от 21 апреля 1940 г.

Но он посылал людей на каторгу для того, чтобы выжать из них все возможное в интересах рейха перед тем, как обречь их на смерть. Режим, установленный Гансом Франком в Польше на всех стадиях временного немецкого господства в этой стране, был бесчеловечным режимом умерщвления миллионов людей различными, но одинаково преступными методами.

Не случайно (как убедился в том Суд из недавно прозвучавших в этом зале показаний бывшего заместителя бургомистра Смоленска — профессора Базилевского) на режим, установленный Франком в Польше, как на пример для своих действий, ссылались те немецко-фашистские убийцы, которые уничтожили 11 тысяч пленных польских офицеров в Катынском лесу.

Я считаю особенно важным подчеркнуть здесь, как представлялась Франку политика в отношении польского населения после войны.

«Я настоятельно обращаю внимание на то, — говорил Франк, — что в случае заключения мира в этом обращении ничего не изменится. Этот мир будет означать, что мы тогда как мировая держава будем еще интенсивнее, чем до сих пор, проводить в жизнь нашу общую политическую линию. Он будет означать, что мы должны будем проводить колонизацию в еще более грандиозном масштабе, но ничего в принципе не изменит».

Это говорилось в 1940 году, когда Франк замышлял первое массовое убийство польской интеллигенции, так называемую операцию «АВ»[1].

В 1944 году на совещании сельскохозяйственных фюреров в Закопане Франк сказал: «Если бы мы выиграли войну, то тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг генерал-губернаторства, можно превра-

---

[1] Чаще принято обозначение для этой операции «АБ». — **Прим. сост.**

тить в рубленое мясо. Лишь бы удержать их во время войны в подчинении. Пусть будет что будет».

Уже не от Франка зависело то, что в 1944 году он, мечтая о том, как обратить поляков и украинцев в рубленое мясо, должен был добавить неопределенную формулу «если бы мы выиграли войну». В то время он не мог быть столь определенным в своих выражениях, как 2 августа 1943 г., когда на приеме функционеров НСДАП в королевском зале Краковского дворца заявил о судьбе уничтоженных польских евреев:

«Здесь мы начали с трех с половиной миллионов евреев, сейчас от них осталось лишь несколько рабочих рук. Все другие, скажем мы когда-нибудь, эмигрировали».

Как сам Франк, так и его защитник пытались утверждать, что подсудимый ничего не знал о происходившем в концентрационных лагерях «генерал-губернаторства». Однако в том самом «секретном рапорте» Франка на имя Гитлера, который пыталась использовать в интересах Франка защита, можно найти подтверждение того, что Франк был отлично информирован о происходившем в концлагерях. Там говорилось: «Бо́льшая часть польской интеллигенции не поддается влиянию известий из Катыни и противопоставляет немцам подобные же злодеяния в Освенциме».

Затем Франк приводит в высшей степени характерную фразу, описывая реакцию польских рабочих на провокационные сообщения немцев о Катыни. «Ведь имеются же концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовые убийства поляков производились по конвейеру». И далее: «Сегодня, к сожалению, польская общественность и не только интеллигенция сравнивает Катынь с массовой смертностью в германских концентрационных лагерях и с расстрелами мужчин, женщин и даже детей и стариков при проведении куммулятивных наказаний в районах».

После «секретного рапорта» на имя Гитлера не было никакого «нового курса» Франка. Наоборот, Франк издал то свое постановление от 2 октября 1943 г., которое сам подсудимый при допросе его защитником назвал «ужасным». После введения в действие этого постановления жертвами его стали многие тысячи невинных людей. Число казнимых все увеличивалось, пока в Варшаве не достигло 200 человек, единовременно расстреливаемых за одну казнь. То же самое происходило на улицах всех польских городов, где так называемые полицейские суды осуществляли казни, как сказано в тексте самого постановления, немедленно за приговором. Обреченных на смерть привозили на место казни одетыми в одежду из бумаги, с губами, заклеенными пластырем, или ртом, наполненным алебастром, обескровленных в тюрьмах. На правительственном заседании в Кракове 16 декабря 1943 г., где Франк с удовлетворением констатировал, что казни имели «благоприятные последствия», одновременно обсуждался другой вопрос. В протоколе этого совещания сказано:

«Нужно обсудить, не является ли возможной организация особых мест для казни, так как установлено, что польское на-

селение стекается к доступным местам казни, набирает в сосуды пропитанную кровью землю и несет ее в церкви».

Защита пыталась здесь говорить о бесконечных разногласиях Франка с полицией, который был якобы не согласен с ее действиями. Посмотрим, что это за разногласия.

Первая же «зондер-акция», произведенная в Польше, а именно операция «АВ» — физическое уничтожение нескольких тысяч польских интеллигентов — была произведена не по инициативе полиции, а по инициативе самого Франка. Согласно декрету Гитлера от 2 мая 1942 г. руководитель полиции был подчинен генерал-губернатору. Когда между Франком и начальником полиции Крюгером действительно начались некоторые разногласия, то с поста начальника полиции должен был уйти Крюгер, а Франк остался генерал-губернатором Польши. Что касается сменившего Крюгера обергруппенфюрера Коппе, то кто, как не Франк, 16 декабря 1943 г. выразил ему благодарность за расстрел заложников, признательность за его плодотворную работу и с удовлетворением отметил, что «во главе полиции в генерал-губернаторстве стоит крупнейший специалист». Непонятно, о каких разногласиях Франка с полицией говорил адвокат Зейдль.

Защита пыталась даже изобразить Франка «своеобразным мирным антисемитом», который хотя и отрицательно относился к еврейскому народу, но не только не организовывал сам убийства евреев, но даже и не подстрекал к ним.

Непостижимо, как в таком случае могут быть истолкованы защитником следующие слова Франка:

«Евреи — это раса, которая должна быть уничтожена. Где бы мы ни поймали хотя бы одного, с ним будет покончено».

Или его заявление на правительственном заседании от 24 августа 1942 г., когда он говорил:

«То, что мы приговариваем к голодной смерти 1,2 миллиона евреев, само собой понятно. Разумеется, что если эти евреи не умрут с голода, то это, вероятно, вызовет, как следствие, ускорение, активизацию мероприятий, направленных против евреев».

Преступная деятельность палача польского народа Франка привела к гибели миллионов людей.

«Вы видите, как работают государственные органы, вы видите, что они ни перед чем не останавливаются и ставят людей дюжинами к стенке» — так сам Франк характеризовал насажденный им в Польше режим кровавого террора на совещании штандартенфюреров 18 марта 1942 г.

«Я не постеснялся заявить, что за одного убитого немца будет расстреляно до ста поляков» — эти слова были произнесены Франком 15 января 1944 г. на заседании политических руководителей НСДАП.

«Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: "Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 тысяч поляков", то он бы сказал: "Прекрасно, если это было необходимо"», — заявил 18 марта 1944 г., произнося речь в Рейхсгофе, тот самый Франк, который ныне пытается уверить Суд в том, что имел какие-то «принципиальные разногласия» с Гитлером и Гиммлером.

Те заявления, которые сделал Франк в первые месяцы своего пребывания в Польше, были настоящей программой убийств, осуществляемых подсудимым планомерно, методично и беспощадно.

Франк, конечно, хорошо понимал, что в случае, если война не принесет победы, ему придется нести ответственность за преступления, совершенные в Польше, и за участие в фашистском заговоре. Еще в 1943 году на заседании с сообщниками Франк говорил об этом. И надо отдать должное, он как юрист гораздо более правильно представлял и формулировал понятие преступного заговора, чем некоторые адвокаты на этом процессе, которые, опираясь на устарелые понятия, пытаются оспаривать обоснованность обвинения в заговоре.

На этом правительственном заседании совместно с полицией 25 января 1943 г. тогдашний генерал-губернатор заявил «гиенам Гиммлера»:

«...Я хотел бы подчеркнуть одно: мы не должны жеманничать, когда слышим о 17 тысячах расстрелянных. Эти расстрелянные тоже являются жертвами войны. Давайте вспомним сейчас, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке преступников господина Рузвельта. Я имею честь быть номером первым. Мы стали, так сказать, сообщниками в масштабах мировой истории. Именно поэтому мы должны держаться вместе и разделять общие идеи, и было бы просто смешно, если бы мы стали выносить сор из избы, касающийся споров о методах».

Этот призыв к убийствам очень далек от «бесконечных споров с полицией», о которых говорил здесь защитник Франка.

Подсудимый ошибся в одном — он неверно определил свое место на скамье подсудимых. Но он не ошибся в основном — как преступник «в масштабах мировой истории» он сел на скамью подсудимых.

Фрик

С именем подсудимого Вильгельма Фрика неразрывно связана история развития нацистского движения в Германии и многочисленные преступления гитлеровцев.

В качестве министра внутренних дел гитлеровского правительства Фрик участвовал в издании многочисленных законов, указов и других актов, направленных на уничтожение в Германии демократии, преследование церкви, дискриминацию евреев и т.д. В этой роли Фрик активно способствовал созданию в Германии гитлеровского тоталитарного государства.

В течение ряда лет в подчинении подсудимого Фрика находилась получившая мрачную известность германская государственная тайная полиция (гестапо).

Не кем иным, как подсудимым Фриком, в 1940 году был издан приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых.

В качестве министра внутренних дел гитлеровской Германии Фрик, как показал об этом в Суде и свидетель Гизевиус, был полностью осведомлен о широко развитой в «третьей империи» системе концентрационных лагерей и о существовавшем в них изуверском режиме.

Значительная роль принадлежит подсудимому Фрику в подготовке и осуществлении агрессивных планов гитлеровского правительства. Он являлся членом «совета министров по обороне империи» и генеральным уполномоченным по вопросам администрации.

Все документы, которыми гитлеровскне заговорщики «узаконивали» присоединение к Германии захваченных территорий, в числе других гитлеровских главарей были подписаны также Фриком.

Лично Фрик в качестве протектора Богемии и Моравии несет ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами на этой территории.

Возглавляемое Фриком Министерство внутренних дел после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз принимало самое активное участие в создании администрации на захваченных территориях СССР. Из числа служащих Министерства внутренних дел комплектовался в основном аппарат немецких оккупационных властей на Востоке.

Нет необходимости повторять, какую роль в истреблении, угоне в рабство и других бесчеловечных действиях в отношении мирного населения оккупированных территорий сыграл этот аппарат, созданный при самом активном участии подсудимого Фрика.

За все эти преступления Фрик как активный участник фашистского заговора несет прямую и полную ответственность.

Штрейхер

Несмотря на то, что в годы войны подсудимый Юлиус Штрейхер формально не занимал должностей, непосредственно связанных с осуществлением убийств и массовых казней, трудно переоценить преступления, совершенные этим человеком.

Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, теми, кто замышлял, конструировал и приводил в действие газовые камеры, «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

И не случайно так высоко расценил заслуги «Дер штюрмер» и его главного редактора Гиммлер в своем, известном уже Суду, приветствии Штрейхеру, датированном апрелем 1937 года.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюрмера» и его редактора германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществляли преступные планы Гитлера и его клики, уничтожив более 6 миллионов евреев Европы.

В течение долгого ряда лет Штрейхер духовно растлевал детей и молодежь Германии. Суду были представлены гнусные «детские издания» «Штюрмера». И поэтому вместе с Бальдуром фон Ширахом Штрейхер должен нести ответственность за

то, что морально изуродованная им гитлерюгенд использовала в качестве мишеней еврейских детей, взятых из Львовского гетто. Не случайно фон Ширах так высоко ценил «исторические заслуги» Штрейхера.

Изуверские «нюрнбергские законы» были для этого «юдофоба № 1», как он сам называл себя, и организатора первых еврейских погромов лишь «началом борьбы». Как помнит Суд, после издания этих законов Штрейхер, призывая к физическому уничтожению евреев Европы, писал: «... Только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет разрешена».

Я не стану возвращаться также к тем лживым и позорным «ритуальным номерам» «Штюрмера», которые должны были натравить эсэсовцев на убийство миллионов беззащитных людей и оправдать любые зверства в отношении евреев. Эти доказательства виновности Штрейхера, предъявленные Суду в числе других, общеизвестны и бесспорны.

В 1939 году он, предвкушая Майданек и Треблинку, писал о том, что «возможно, только могилы евреев заявят о том, что они существовали в Европе».

В 1943 году, когда газовые камеры Треблинки и Освенцима уже принимали миллионы жертв, в «Штюрмере» были опубликованы статьи, подстрекающие к ликвидации гетто, статьи, полные лжи и злорадства, и, наконец, «Штюрмер» с садистским удовлетворением констатировал: «Евреи в Европе исчезли». Штрейхер лгал всю жизнь. Он пытался лгать и здесь, во время Суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть когонибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха.

Но мне кажется, что самому подсудимому должно быть ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Шахт

Подсудимый Гельмар Шахт играл выдающуюся роль в подготовке и осуществлении преступных планов фашистского заговора, выполняя большую и сложную работу.

Защитительная позиция Шахта чрезвычайно проста.

Если ему поверить, он пришел к гитлеризму исключительно из патриотических побуждений, он был против агрессивных войн, но за вооружение Германии с целью сохранения мира. Он был за возврат Германии колоний с целью установления экономического равновесия в Европе.

Убедившись в том, что политика гитлеровского правительства преследует чрезмерное вооружение и таким образом угрожает развязыванию второй мировой войны, Шахт перешел в оппозицию к Гитлеру, саботировал мероприятия гитлеровского правительства и в результате как участник заговора против Гитлера был репрессирован.

Свои восторженные письма, адресованные Гитлеру и полные выражений преданности, подсудимый Шахт пытался представить как метод маскировки его подлинных оппозиционных настроений к гитлеровскому режиму.

На самом деле Шахт уже в 1930 году сблизился с нацистским движением. Шахт тяготел к национал-социалистам, а Гитлер и Геринг добивались поддержки Шахта, который имел обширные связи в промышленных и финансовых кругах Германии и, как никто иной, мог оказать и в действительности оказал неоценимые услуги гитлеризму.

Уже 29 августа 1932 г. в письме Гитлеру Шахт заверил его в своей преданности. Эти заверения не остались словами. Не кто иной, как подсудимый Шахт, сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти. Именно он, Шахт, был организатором обращения промышленных кругов Германии с требованием назначения Гитлера рейхсканцлером. Именно он, Шахт, еще в 1932 году заявил тогдашнему рейхсканцлеру Германии фон Папену — отдайте свой пост Гитлеру. Именно он, Шахт, в 1933 году, накануне выборов в рейхстаг, организовал совещание промышленников, на котором был создан выборный фонд для нацистской партии в несколько миллионов марок.

Роль и значение Шахта в создании гитлеровской Германии характеризует ближайший сподвижник Гитлера Геббельс. В своем дневнике он записал 21 ноября 1932 г.:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Сам Шахт в своем выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге 4 марта 1935 г. так определил свою роль в гитлеровском государстве:

«Я могу уверить, что все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера и что я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер...».

Заслуги подсудимого Шахта были, как это и ожидал сам Шахт, достойно оценены Гитлером. После прихода к власти в 1933 году Гитлер сразу же назначил Шахта президентом рейхсбанка, а затем — министром экономики и, наконец, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Материалами обвинения и судебного следствия доказана исключительная роль подсудимого Шахта в подготовке вооружения Германии и тем самым развязывания агрессивных войн.

Бывший военный министр Бломберг в своих показаниях сообщил, что в 1937 году планы развития вооруженных сил были близки к выполнению и что Шахт был информирован об этих планах и необходимом финансировании.

Шахт являлся одним из наиболее последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев. В беседе с послом США Фуллером 23 сентября 1936 г. Шахт заявил ему, что «...колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их...».

Выступая в Вене в марте 1938 года, Шахт заявил:

«Слава богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь, потому что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами, и, в конце

концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Подсудимый Шахт был наделен чрезвычайными полномочиями в области военной экономики.

В течение ряда лет Шахт одновременно являлся президентом рейхсбанка, министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики.

Уже в силу одного этого своего положения подсудимый Шахт сыграл огромную и решающую роль в создании и возрождении военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии.

Эта роль Шахта достаточно освещена в неоднократных хвалебных письмах Гитлера к Шахту.

Не кто иной, как Шахт, являлся создателем авантюристического метода «МЕФО», при помощи которого в германскую экономику на цели вооружения было вложено сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

Как уже указывалось, Шахт пытался в разные периоды своей деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострявшиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай лояльность к этому режиму.

Только в 1943 году, когда для такого прожженного политикана, как Шахт, стал очевиден крах гитлеровской Германии, он установил связь с оппозиционными гитлеровскому режиму кругами, но, оставаясь верным себе и страхуя себя и в этом случае, ничего реального для свержения гитлеровского режима лично не сделал и именно поэтому был сохранен Гитлером.

Таков облик подсудимого Шахта, такова его роль в общем заговоре и военных преступлениях — роль творца военной экономики гитлеровской Германии и поджигателя развязанной преступным гитлеровским правительством второй мировой войны.

Функ

Вальтер Функ стал нацистом задолго до своего официального вступления в 1931 году в члены НСДАП и оставался нацистом до конца. Свои экономические знания, свой опыт журналиста, свои обширные связи с руководителями германской промышленности, торговли и финансов он поставил на службу гитлеровским заговорщикам.

В опубликованной в газете «Дас рейх» от 13 августа 1940 г. статье под названием «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления» указывалось:

«Вальтер Функ оставался верен себе потому, что он был, есть и будет национал-социалистским борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера».

Каковы были идеалы Гитлера, достаточно хорошо известно. Этим идеалам Функ посвятил полтора десятка лет своей жизни.

Функ утверждал, что он ничего общего не имел с СС, но не кто иной, как Функ, превратил кладовые рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами в восточных и других оккупированных областях.

Лично Функ после переговоров с Гиммлером распорядился принять в рейхсбанк золотые зубы, коронки, оправы от очков и другие ценные вещи замученных жертв многочисленных концлагерей.

Заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер. Под руководством Функа работал Олендорф — убийца 90 тысяч человек.

Функ, продолжая мероприятия Шахта, поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику территорий, оккупированных Германией.

Еще в мае 1939 года Функ и его заместитель Ландфрид разработали планы военного финансирования и использования для войны всех экономических ресурсов Германии и захваченной немцами Чехословакии.

23 июня 1939 г. Функ участвовал в заседании «имперского совета обороны», на котором были приняты детальные планы перевода всего народного хозяйства на военные рельсы.

Уже тогда Функ не только был осведомлен о готовящемся нападении Германии на Польшу, не только способствовал осуществлению этих агрессивных планов, но и экономически подготавливал новые войны, захват новых областей. Это и были «большие политические цели фюрера», о которых спустя несколько месяцев Функ писал в своей статье «Хозяйственная и финансовая мобилизация».

Я напомню еще об этом документе. 25 августа 1939 г. Функ писал Гитлеру: «Переданная мне господином фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко осчастливила».

Задолго до вероломного нападения Германии на СССР Функ принял участие в разработке планов по разграблению богатств Советского Союза.

Функ прикомандировал к министерству Розенберга и хозяйственному штабу «Ост», этому грабительскому центру, своих сотрудников. Люди Функа принимали также участие в разграблении Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран.

Функ являлся президентом компании «Континенталь Ойль», организованной для эксплуатации немцами нефтяных богатств восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской нефти. Функ полностью разделял грабительские цели войны гитлеровской Германии против СССР. Выступая 17 декабря 1941 г. в Праге, он говорил, что Восток является будущей колониальной областью Германии.

Функ принимал участие в совещании у Геринга 6 августа 1942 г., на котором намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Норвегии и других стран. На этом совещании, а также на заседаниях уп-

равления «центрального планирования» Функ принимал участие в разработке планов угона в рабство миллионов людей оккупированных областей.

Таковы основные этапы активной преступной деятельности гитлеровского заговорщика подсудимого Функа — личного советника Гитлера по экономическим вопросам еще в 1931 году, имперского министра и генерального уполномоченного по вопросам экономики, президента рейхсбанка и члена «имперского совета обороны» — в период подготовки и осуществления общего преступного плана (заговора).

Виновность Функа — активного участника фашистского заговора — в совершении преступлений против мира, в участии в военных преступлениях, преступлениях против человечности полностью доказана, и он должен понести ответственность за совершенные им злодеяния.

Ширах

С 1931 года и до конца войны подсудимый Бальдур фон Ширах возглавлял руководство нацистской молодежью.

После издания 1 декабря 1936 г. закона о «гитлеровской молодежи» фон Ширах в качестве имперского руководителя молодежи был подчинен непосредственно Гитлеру.

В своих показаниях на Суде подсудимый Ширах, пытаясь избежать ответственности за воспитание немецкой молодежи в духе национал-социалистских идей, неоднократно ссылался на то, что Гитлерюгенд являлась самостоятельной, независимой от нацистской партии и гитлеровского правительства молодежной организацией.

В целях своей защиты Ширах счел возможным и уместным сослаться на великого Гете, слова которого «сама юность воспитывает молодежь» с неприкрытым цинизмом были использованы Ширахом.

Гете был, конечно, прав, когда говорил, что «сама юность воспитывает молодежь». Но он имел в виду здоровую, полноценную жизнедеятельность, а не юность, растленную мракобесием гитлеризма, ярко выраженным в словах Гитлера, сказанных им Раушнингу:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

И подсудимый Ширах, методически внедряя идеи гитлеризма в сознание немецкой молодежи, воспитывал немецкую молодежь в духе требований Гитлера, по образу и подобию матерых вожаков гитлеровской банды.

На перекрестном допросе подсудимый Ширах в конце концов все же вынужден был признать, что немецкая молодежь воспитывалась в духе национал-социалистских идей, что к ее воспитанию были привлечены члены СА, офицеры немецких вооруженных сил и СС, что в гитлеровской Германии проводилась усиленная военная подготовка молодежи.

В этих целях между имперским руководством гитлерюгенд и ОКВ, в лице подсудимого Кейтеля и рейхсфюрера СС Гиммлера, были заключены специальные соглашения, предусматривавшие воспитание молодежи в духе воинственного милитаризма и соответствующую вербовку и подготовку молодежи для германских вооруженных сил и соединений СС.

Роль и участие подсудимого фон Шираха в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности лучше всего характеризуется поведением во время войны немецкой молодежи, воспитанной в гитлерюгенд.

Советское обвинение представило Трибуналу под номером СССР-6 в порядке статьи 21 Устава Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немцев на территории Львовской области. В этом сообщении приводилось заявление французской подданной Иды Вассо об изуверской расправе членов гитлерюгенд над малолетними детьми, из которых они делали мишень для стрельбы.

В своих письменных показаниях от 16 мая 1946 г., а также в ответах на опросный лист защитника подсудимого Шираха Ида Вассо полностью подтвердила свое заявление.

Убедительные показания о действиях членов гитлерюгенд в составе немецких вооруженных сил были даны военнопленным немецким солдатом Гертом Кнителем, который сам с 1938 года являлся членом гитлерюгенд и в возрасте 18 лет в 1942 году был призван в немецкую армию.

Описывая свое участие в многочисленных злодеяниях, Герт Книтель сообщил:

«В местечке Липайск наша рота в июне 1943 года подожгла дом с находившимися там людьми... Всех, пытавшихся выпрыгнуть из дома, мы расстреливали, только одну старуху не расстреляли, так как на наших глазах она сошла с ума...»

За все эти преступления несет полную ответственность вместе с Гертом Кнителем и десятками тысяч ему подобных и подсудимый фон Ширах.

Сам Ширах, конечно, не стрелял, не занимался поджогами, но это он вложил оружие в руки морально развращенной им и подготовленной к осуществлению любых зверств немецкой молодежи.

Но этими преступлениями не исчерпывалась преступная деятельность гитлерюгенд и подсудимого Шираха во время войны.

Гитлерюгенд активно участвовала в подготовке агрессивных войн путем создания «пятых колонн» в Польше и Югославии, о чем свидетельствуют представленные Трибуналу официальные доклады польского и югославского правительства.

Организация гитлерюгенд принимала активное участие в мероприятиях министерства оккупированных восточных территорий, о чем свидетельствует представленный Трибуналу под номером ПС-1039 отчет подсудимого Розенберга, а также активно участвовала в угоне в рабство с оккупированных территорий детей в возрасте от 10 до 14 лет, о чем свидетельствует представленный Трибуналу документ под номером ПС-031.

Будучи имперским наместником и гаулейтером Вены, Ширах принимал личное руководящее участие в выселении из

Вены 60 тысяч евреев, которые затем были истреблены в концентрационных лагерях на территории Польши.

Предъявленные обвинением документы — еженедельные отчеты, поступавшие к Шираху, устанавливают, что он был осведомлен о многочисленных злодеяниях, чинимых немецкими войсками и оккупационными властями на Востоке, и, в частности, о трагической судьбе насильственно вывезенных из Вены десятков тысяч евреев.

Подсудимый Ширах в 1940 году требовал в своей телеграмме на имя Бормана в ответ на убийство палача Богемии и Моравии Гейдриха уничтожить воздушной бомбардировкой один из культурных городов Великобритании.

Одна эта телеграмма достаточно ярко и убедительно рисует моральный облик фон Шираха.

Преданный до конца гитлеровской клике, осведомленный о всех ее преступных делах, в которых он сам принимал самое активное участие, подсудимый фон Ширах являлся одной из наиболее зловещих фигур «третьей империи».

Заукель

Я уже указывал в своей вступительной речи, что в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков особое место занимал насильственный угон в Германию на рабский труд мирных граждан — мужчин, женщин и детей.

Подсудимому Фрицу Заукелю принадлежит решающая роль в этом мрачном преступлении.

В судебном заседании во время перекрестного допроса подсудимый Заукель был вынужден признать, что в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

Признавая вывоз в Германию с оккупированных территорий миллионов рабочих и использование их, прежде всего, в интересах военной экономики гитлеровской Германии, Заукель отрицал преступный характер этих действий, утверждая, что вербовка рабочих производилась будто бы добровольно.

Это не просто ложь, это клевета на миллионы честных патриотов Советского Союза, Чехословакии, Югославии, Польши, Франции, Голландии, преданных своей родине, насильственно угнанных на рабский труд в гитлеровскую Германию.

Попытки подсудимого Заукеля представить свою роль в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы как лица, только координирующего и инспектирующего деятельность других государственных органов по использованию рабочей силы, являются несостоятельными.

В качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель был наделен Гитлером чрезвычайными и всеобъемлющими правами и был подчинен в своей деятельности непосредственно и лично Гитлеру.

И Заукель широко использовал эти полномочия для угона в Германию рабочей силы с оккупированных территорий.

Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесспорностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильственный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

Подсудимый Заукель пытается уверить Трибунал в том, что он будто бы строго выполнял требования Женевской и Гаагской конвенций об использовании труда военнопленных. Однако его же собственные директивы полностью разоблачают его ложь. Заукель заранее планировал принудительное использование советских военнопленных в военной промышленности Германии и не проводил никакой разницы между ними и гражданской рабочей силой.

О нечеловеческих условиях, в которых находились угнанные в рабство иностранные рабочие и военнопленные, свидетельствуют многочисленные документальные доказательства. Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

Вызванный в судебное заседание по ходатайству защитника Заукеля свидетель доктор Вильгельм Егер нарисовал страшную картину тех условий, в которых находились подневольные рабочие на предприятиях фирмы Круппа.

Смехотворно после всего этого звучат показания другого свидетеля — Фрица Висгофера, который, желая выгородить Заукеля, явно переусердствовал, сообщив Трибуналу, что он будто бы видел разгуливающих и веселящихся в венском Пратере иностранных рабочих.

Подсудимый Заукель проявлял большую активность в совершении всех этих преступлений. В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь.

Именно в результате своей поездки на Украину в 1943 году Заукель объявил благодарность за успешную мобилизацию рабочей силы рейхскомиссару Украины Коху, известному своими драконовскими, бесчеловечными мерами, которые он широко применял в отношении украинского населения.

И не случайно поэтому преступная деятельность Заукеля находила высокую оценку в гитлеровской Германии.

6 августа 1942 г. на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей подсудимый Геринг заявил:

«...Я не хочу хвалить гаулейтера Заукеля. В этом он не нуждается. Но то, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своем роде дости-

жением. Я должен сказать всем, господа, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии, которую приложил гаулейтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи, которые возложены на вас...».

В статье, опубликованной в «Рейхсарбейтсблатт» за 1944 год и посвященной 50-летию Заукеля, говорилось: «Верный своей политической задаче, он с непоколебимой последовательностью и упорством, с фанатической верой идет по своему ответственному пути. Как один из наиболее верных сторонников Гитлера он черпает свои созидательные и духовные силы в доверии фюрера».

Давая оценку преступной деятельности Заукеля, Высокие судьи, несомненно, учтут слезы, пролитые миллионами томившихся в немецком рабстве людей, тысячи замученных в нечеловеческих условиях рабочих лагерей — учтут и воздадут ему должное.

Зейсс-Инкварт

Подсудимый Артур Зейсс-Инкварт был назначен Гитлером в начале сентября 1939 года начальником гражданской администрации Южной Польши, а с 12 октября того же года — заместителем генерал-губернатора Польши. На этом посту он находился по май 1940 года.

На протяжении семи месяцев Зейсс-Инкварт лично, а также под руководством Франка и совместно с ннм насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабощения народов Польского государства.

17 ноября 1939 г. Зейсс-Инкварт выступил с речью перед начальниками управлений и отделов варшавского губернаторства, в которой, между прочим, указал, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве «руководящим принципом должны быть интересы германской империи.

Путем строгого и несгибаемого управления эта область должна быть использована германской экономикой, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала немецкую территорию».

Через два дня Зейсс-Инкварт по этому же вопросу инструктировал люблинского губернатора — бригадефюрера СС Шмидта:

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешить развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн».

Из отчета о служебной поездке Зейсс-Инкварта устанавливается, что губернатор Варшавы Фишер осведомил подсудимого о том, что все ценности варшавских банков в золоте, драгоценных металлах и векселях были переведены в рейхсбанк, причем польское население было обязано оставлять свои вклады в банках; что немецкая администрация применяет принуди-

тельный труд; что люблинский губернатор Шмидт заявил в присутствии Зейсс-Инкварта: «Эта территория с ее ярко выраженным болотистым характером могла бы служить областью для евреев, где можно было бы создать условия для расстрела каждого десятого».

Я обращаю внимание Трибунала на то, что именно в Люблине, на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти, в котором они истребили около полутора миллионов человек.

Известно также, что Зейсс-Инкварт в качестве заместителя Франка выполнял от его имени «чрезвычайные задания».

Зейсс-Инкварт 8 декабря 1939 г. принял участие в конференции, на которой шла речь: о назначении Франка доверенным уполномоченным по четырехлетнему плану и задачах генерал-губернатора «по получению для империи самого лучшего и полезного из хозяйства генерал-губернаторства»; о том, что из вновь присоединенных областей с 1 декабря прибыло много поездов с поляками и евреями, и эти перевозки, как указал обергруппенфюрер СС Крюгер, будут продолжаться до середины декабря; об издании дополнительного распоряжения, согласно которому трудовая повинность распространяется на возраст от 14 до 18 лет.

21 апреля 1940 г. подсудимый принимал участие в совещании, на котором были разработаны мероприятия по принудительному вывозу польских рабочих в Германию.

16 мая 1940 г. подсудимый принимал участие в разработке операции «АВ», которая являлась не чем иным, как планом заранее обдуманного массового истребления польской интеллигенции.

В связи с назначением Зейсс-Инкварта имперским комиссаром Нидерландов Франк и его достойный заместитель обменялись прощальными речами.

«Я весьма рад, — говорил Франк, — заверить вас, что память о вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации...».

«Здесь, — ответил Зейсс-Инкварт, — я изучил многое... и в первую очередь, в области инициативы и твердого руководства в том виде, в каком я их увидел в моем друге д-ре Франке...

Все мои мысли связаны с Востоком. На Востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на Западе мы имеем функцию».

Какова была на Западе функция Зейсс-Инкварта, как и прочих имперских министров и комиссаров во всех оккупированных немцами территориях, известно — это функция палача и грабителя.

Мои коллеги подробно говорили о преступной роли Зейсс-Инкварта в захвате Австрии и осуществлении других агрессивных планов гитлеровских заговорщиков, наглядно показали, как Зейсс-Инкварт применил в Нидерландах кровавый опыт, приобретенный им в сотрудничестве с Франком в Польше. И это дает мне все основания полностью поддерживать в отношении Зейсс-Инкварта обвинение, как оно сформулировано Обвинительным актом.

Папен

Подсудимый Франц фон Папен еще в 1932 году, будучи рейхсканцлером Германской республики, активно способствовал развитию в стране фашистского движения.

Папен отменил декрет своего предшественника Брюнинга о запрещении деятельности штурмовых отрядов (СА). Им же было свергнуто социал-демократическое правительство Брауна-Зеверинга в Пруссии. Эти мероприятия в весьма значительной степени усилили положение фашистов и способствовали приходу их к власти.

Так Папен расчистил путь Гитлеру. Обеспечив власть фашистам, сам Папен занял в кабинете Гитлера пост вице-канцлера. На этом посту фон Папен участвовал в принятии и проведении ряда законодательных актов, направленных на укрепление немецкого фашизма.

И в дальнейшем в течение многих лет, вплоть до разгрома гитлеровской Германии, фон Папен остался верен своим фашистским друзьям, принимая посильное участие в осуществлении преступного заговора.

Подсудимый фон Папен пытается сейчас объяснить свою роль в развитии фашистского движения и захвате власти Гитлером той политической ситуацией в стране, которая будто бы сделала приход Гитлера к власти неизбежным. Действительные мотивы, которыми руководствовался фон Папен, состоят в том, что он сам был убежденный, преданный Гитлеру фашист.

Выступая во время выборной кампании в рейхстаг в Эссене 2 ноября 1933 г., Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими усилиями работу национал-социалистского движения и его руководителя. Так же, как, став канцлером, я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы передать власть в руки нашего канцлера и фюрера, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие, — милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий дал ей такого руководителя с надежной интуицией государственного деятеля, который поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

Международный военный трибунал даст должную оценку преступной деятельности подсудимого фон Папена, который сыграл решающую роль в захвате Гитлером власти, широко использовал провокационные методы в своей дипломатической деятельности, всеми силами способствуя созданию темных сил фашизма, которые ввергли мир в кровопролитные войны и причинили неисчислимые бедствия.

Шпеер

Архитектор Альберт Шпеер еще до захвата власти нацистами был личным другом архитектурного чертежника Гитлера и

остался им до конца. Их сблизила и сроднила общность не только профессиональных интересов, но и политических.

Шпеер начал свою карьеру в 1932 году с реконструкции «коричневого дома» — штаба НСДАП — в Берлине, а через 10 лет он возглавлял все военное строительство и военное производство фашистской Германии.

Начав со строительства здания имперского «партейтага», Шпеер закончил строительством «Атлантического вала».

Шпеер занимал выдающееся место в государственном и военном механизме гитлеровской Германии и принимал самое непосредственное активное участие в планировании и осуществлении преступного заговора.

В чем заключается «линия обороны» Шпеера на Суде? Шпеер представляет дело таким образом, что пост министра ему был навязан Гитлером: он был близким другом Гитлера, но о планах Гитлера ничего не знал, он в течение 14 лет состоял членом нацистской партии, но от политики был далек и даже не читал «Майн кампф». Правда, будучи изобличен, Шпеер признался, что солгал во время допроса на предварительном следствии.

Шпеер лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА, а затем и к СС. В распоряжении Суда имеется подлинное дело члена СС Альберта Шпеера, который состоял в личном штабе рейхсфюрера СС Гиммлера.

Шпеер занимал довольно высокий ранг и в нацистской партии. Он был в партийной канцелярии делегатом по всем техническим вопросам, возглавлял главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников национал-социалистов, был уполномоченным штаба Гесса, руководителем одной из крупных организаций «Германского трудового фронта».

Можно ли после этого серьезно принимать во внимание заявление Шпеера, что он был аполитичным специалистом? В действительности ближайший сотрудник Гитлера, Гесса, Лея и Геринга Шпеер руководил германской техникой не только в качестве имперского министра, но и как нацистский политический руководитель.

Став преемником Тодта, Шпеер, как он сам выразился в речи перед гаулейтерами, беззаветно отдался разрешению военных задач.

Путем безжалостной эксплуатации населения оккупированных областей и военнопленных союзных государств, за счет здоровья и жизни сотен тысяч людей Шпеер увеличивал выпуск вооружения и боеприпасов для германских армий. Путем разграбления сырьевых и иных ресурсов оккупированных территорий Шпеер всячески усиливал военный потенциал гитлеровской Германии.

Его полномочия росли с каждым месяцем войны. Указами Гитлера от 2 сентября 1943 г. Шпеер стал уполномоченным и ответственным за снабжение сырьем, за руководство и производство военной промышленности. Ему даже было поручено регулирование товарооборота, а указ Гитлера от 24 августа 1944 г. фактически делал Шпеера диктатором над всеми германскими инстанциями как внутри самой Германии, так и на ок-

купированных территориях, деятельность которых в какой бы то ни было мере имела отношение к усилению военной мощи Германии.

И когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда «Фау» разрушали города Англии, — это был результат деятельности Шпеера.

Это под его руководством было широко развернуто производство газов и других средств химической войны. Сам подсудимый при допросе его господином Джексоном на Суде признал, что три фабрики готовили продукцию для газовой войны и до ноября 1944 года они работали на полном ходу.

Шпеер не только знал о применяемых Заукелем методах при угоне в рабство населения оккупированных областей, но и сам принимал участие вместе с Заукелем на совещаниях у Гитлера и в управлении «центрального планирования», где принимались решения об угоне в Германию миллионов людей с оккупированных территорий.

Шпеер имел тесный контакт с Гиммлером: он получал от Гиммлера заключенных для работы на военных заводах; на многих заводах, подведомственных Шпееру, были организованы филиалы концентрационных лагерей. За услуги Гиммлера Шпеер, в свою очередь, предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Шпеер очень много говорил здесь о том, что он резко критиковал близкое окружение Гитлера и что у него якобы были очень серьезные разногласия с Гитлером, что в своих письмах он указывал на бесцельность дальнейшего ведения войны. Когда представитель советского обвинения спросил Шпеера, кого именно из близкого окружения он критиковал и в связи с чем была эта критика, подсудимый ответил: «Я вам этого не скажу».

Совершенно очевидно, что Шпеер не только не хотел, но и не мог этого сказать по той простой причине, что он никого из близкого окружения Гитлера не критиковал, да и не мог критиковать, так как сам был убежденным нацистом и входил в это близкое окружение. Что касается так называемых серьезных разногласий, то, как признал Шпеер, они начались после того, как ему стало ясно, что Германия проиграла войну.

Письма Шпеера к Гитлеру датированы мартом 1945 года. Тогда-то Шпеер мог без особого риска обрисовать безнадежное положение Германии. Оно уже было ясно для всех и не составляло предмет разногласий. И не случайно, что после этих писем Шпеер продолжал оставаться фаворитом Гитлера. Именно Шпеера Гитлер назначил 30 марта 1945 г. руководить мероприятием по тотальному разрушению индустриальных объектов, обязав все партийные, государственные и военные учреждения оказывать ему всемерную помощь.

Таков истинный облик и истинная роль подсудимого Шпеера в преступлениях гитлеровской клики.

Нейрат

Константину фон Нейрату принадлежит выдающаяся роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их агрессивных планов.

На протяжении многих лет, каждый раз, когда нужно было замести следы, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на подмогу гитлеровцам появлялся со своим многолетним опытом в области внешней политики Нейрат — нацистский дипломат в чине генерала СС.

Я напомню официальную оценку деятельности Нейрата, которая была опубликована 2 февраля 1943 г. во всех газетах фашистской Германии.

«Самыми яркими политическими событиями после прихода к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, является уход с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области и денонсирование Локарнского договора...».

В качестве имперского протектора Богемии и Моравии Нейрат представлял для гитлеровских заговорщиков те «твердые и надежные руки», о которых писал в своем меморандуме генерал Фредериче и которые должны были превратить Чехословацкую республику в «неотъемлемую часть Германии». Для достижения этой цели Нейрат насаждал пресловутый «новый порядок», сущность которого теперь всем известна.

Нейрат пытался здесь уверить, что все зверства творились полицией и гестапо по прямому приказу Гиммлера, а он о них вовсе и не знал. Можно понять Нейрата, когда он это утверждает, но согласиться с ним никак нельзя.

Допрошенный 7 марта 1946 г. Карл Франк показал, что Нейрат регулярно заслушивал доклады командующего полицией безопасности и лично Франка о «важнейших событиях в протекторате, имевших отношение к полиции безопасности», что Нейрат имел возможность и давал директивы государственной полиции безопасности, а в отношении СД (службы безопасности) его права были еще шире и не зависели ни при каких обстоятельствах от согласия главного управления имперской безопасности.

Я напомню также параграфы 11, 13 и 14 декрета «совета министров по обороне империи» от 1 сентября 1939 г., устанавливающие, что рейхсфюрер СС и начальник германской полиции проводит административные мероприятия в Богемии и Моравии с ведома имперского протектора и что органы германской полиции безопасности в протекторате обязаны осведомлять имперского протектора, а также ему подчиненные учреждения и держать их в курсе важных событий.

Если к этому еще добавить, что подсудимый Нейрат назначил 5 мая 1939 г. своим политическим референтом фюрера СД и уполномоченного полиции безопасности, если вспомнить оглашенные на Суде показания бывшего при Нейрате президента Чехии Рихарда Бинерта, в которых говорится, что гестапо производило аресты по распоряжению имперского протектора, —

разве могут быть сомнения в том, что Нейрат санкционировал массовые аресты, казни без суда и другие бесчеловечные акты, совершенные гестапо и полицией в Чехословакии?

Я перехожу к событиям 17 ноября 1939 г., когда девять студентов были без суда расстреляны, свыше тысячи студентов было брошено в концентрационные лагеря и все чешские высшие учебные заведения были закрыты на три года.

Нейрат говорил, что он узнал об этих террористических мероприятиях постфактум. Но мы предъявили Суду сообщение о расстреле и аресте студентов, на котором значится подпись Нейрата. Нейрат пытается найти другую лазейку: он заявляет, что Франк подписал сообщение его, Нейрата, именем, а для убедительности Нейрат еще добавил, что позднее он от одного чиновника узнал, что Франк часто злоупотреблял его именем на документах. Правдоподобны ли эти заявления Нейрата? Достаточно бегло проанализировать факты, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно.

Нейрат говорит, что Франк злоупотреблял его именем. Что же предпринял он? Может, он потребовал отставки Франка или наказания его за подлог? Нет. Может быть, он официально сообщил кому-либо об этом подлоге? Тоже нет. Напротив, он продолжал сотрудничать с Франком, как и прежде.

Нейрат говорит, что он узнал о злоупотреблениях Франка от «одного чиновника». Кто же этот чиновник? Как его фамилия? Почему не было ходатайства о вызове его в Суд или хотя бы о получении его письменных показаний?

Все дело в том, что никто Нейрату не говорил о злоупотреблениях Франка с подписью Нейрата на документах и не мог говорить, так как самих злоупотреблений не было. Зато в распоряжении Суда имеются доказательства, подтверждающие, что сообщение от 17 ноября 1939 г. подписано Нейратом и террористические мероприятия, о которых в этом сообщении говорится, были санкционированы Нейратом. Я имею в виду два показания Карла Франка — непосредственного участника этих кровавых событий.

Карл Франк на допросе 26 ноября 1945 г. показал: «Этот документ был датирован 17 ноября 1939 г. и подписан фон Нейратом, который не протестовал ни против расстрела девяти студентов, ни против числа студентов, которые должны были быть отправлены в концентрационные лагеря».

Я цитирую второе показание Карла Франка по этому вопросу от 7 марта 1946 г.: «Имперский протектор фон Нейрат своей подписью, которую он поставил под официальным сообщением, доводившем до сведения о расстреле студентов, утвердил эту акцию. Я точно проинформировал Нейрата о ходе расследования, и он подписал сообщение. Если бы он не был согласен и потребовал бы изменения, например, смягчения, на что он имел право, то я должен был бы присоединиться к его мнению».

В августе 1939 года Нейрат издал так называемое предупреждение в связи с «чрезвычайным положением», в котором он объявил Богемию и Моравию «составной частью Великой Германской империи» и установил, что «ответственность за все

акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население», то есть установил принцип коллективной ответственности, ввел систему заложничества.

Если расценить события 17 ноября 1939 г. в свете этого распоряжения Нейрата, мы найдем еще одно неопровержимое доказательство против Нейрата.

Начиная с 1 сентября 1939 г. в Чехии и Моравии были арестованы как заложники около 8 тысяч чехов, большинство из которых было отправлено в концентрационные лагеря, многие были казнены или умерли от голода и пыток. Вы, господа судьи, слышали по этому поводу показания Бинерта, Крейчи и Гавелки.

Разве эти террористические действия против чешской интеллигенции не совершались на основе указанного выше так называемого предупреждения Нейрата?

Мне нет необходимости излагать все то, что произошло в Лидице, а затем селении Лежаки, — это широко известно. Разве там немецкие оккупанты не действовали исходя из «предупреждения» Нейрата и установленного им принципа: «ответственность несут не только отдельные лица, но и все чешское население»?

Это Нейрат в августе 1939 года положил начало массовому террору против народов Чехословакии, это на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных. И я не вижу разницы между бароном фон Нейратом и другими главарями преступного нацистского режима.

Фриче

Роль подсудимого Ганса Фриче в общем заговоре, военных преступлениях и преступлениях против человечности, несомненно, более значительна, чем это может показаться на первый взгляд.

Преступная деятельность Фриче, ближайшего помощника Геббельса, проводимая систематически, изо дня в день являлась важнейшим звеном в общем преступном плане (заговоре) и самым активным образом способствовала созданию тех условий, при которых зародились и культивировались многочисленные преступления гитлеровцев.

Все попытки подсудимого Фриче и его защиты умалить его значение и роль в этих преступлениях явно провалились.

Какая совершенно особая роль отводилась лживой пропаганде в гитлеровской Германии, свидетельствуют высказывания Гитлера в «Майн кампф».

Он писал: «Вопрос о возрождении германского могущества гласит не "как мы сфабрикуем оружие?", а "как мы произведем дух, который сделает народ способным носить оружие?" Если этот дух овладеет народом, воля найдет тысячу путей, из которых каждый приведет к оружию».

Не случайно также, что на съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1936 году были провозглашены лозунги:

«Пропаганда помогла нам прийти к власти»,

«Пропаганда поможет нам удержать власть»,

«Пропаганда поможет нам завоевать весь мир».

Подсудимый Фриче по своему положению, несомненно, был одним из наиболее видных пропагандистов и одним из наиболее информированных людей гитлеровской Германии, пользовавшийся особым доверием Геббельса.

Как известно, Фриче с 1938 года по 1942 год являлся руководителем важнейшего в министерстве пропаганды отдела немецкой прессы, а с 1942 года до разгрома гитлеровской Германии руководил немецким радиовещанием.

Выросший на журналистском поприще в реакционной прессе Гугенберга и являясь членом фашистской партии с 1933 года, Фриче в качестве правительственного радиокомментатора своей личной пропагандой сыграл большую роль в распространении в Германии фашизма, в политическом и моральном растлении немецкого народа.

Об этом подробно сообщили в своих письменных показаниях свидетели — бывший генерал-фельдмаршал германской армии Фердинанд Шернер и бывший вице-адмирал германского флота Ганс Фосс.

Представленные Трибуналу под номерами ПС-3064 и СССР-496 тексты перехваченных британской радиовещательной компанией выступлений по радио подсудимого Фриче полностью подтверждают эти выводы обвинения.

В своей деятельности германская пропаганда и лично подсудимый Фриче широко использовали методы провокации, ложь и клевету, причем особенно широко применялись эти методы с целью оправдания агрессивных акций гитлеровской Германии.

Гитлер в «Майн кампф» писал: «При помощи умелого и длительного прнменения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай».

Фриче оказался самым подходящим человеком для такой грязной роли.

В своем заявлении Трибуналу 7 января 1946 г. Фриче подробно описал широко применяемые немецкой пропагандой и лично им самим провокационные методы в связи с агрессивными акциями против Австрии, Судетской области, Богемии и Моравии, Польши и Югославии.

9 апреля и 2 мая 1940 г. Фриче выступил по радио с лживыми объяснениями причин оккупации Германией Норвегии. Он заявил, что «никто не был ранен, ни один дом не был разрушен, жизнь и труд текли обычным путем».

Между тем а представленном норвежским правительством официальном докладе указывалось: «Германское нападение на Норвегию 9 апреля 1940 г. ввергло Норвегию в войну впервые за 126 лет. В течение двух месяцев война велась по всей стране, принося разрушения... Более 40 тысяч домов было повреждено или разрушено и около тысячи из числа гражданского населения было убито».

Наглая клевета была распространена немецкой пропагандой и лично Фриче в связи с потоплением английского пассажирского парохода «Атения». Особенную активность немецкая

пропаганда проявила в связи с вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Подсудимый Фриче пытался утверждать, что о нападении на СССР он будто впервые узнал, будучи вызван в пять часов утра 22 июня 1941 г. на пресс-конференцию к министру иностранных дел Риббентропу, и что об агрессивных целях этого нападения ему стало известно в результате его личных наблюдений лишь в 1942 году.

Подобные утверждения опровергаются таким документальным доказательством, каким является отчет подсудимого Розенберга. Этим документом устанавливается, что Фриче еще задолго до нападения на СССР знал о соответствующих приготовлениях и в качестве представителя министерства пропаганды участвовал в разработке министерством восточных оккупированных территорий пропагандистских мероприятий на Востоке.

Отвечая во время перекрестного допроса на вопросы советского обвинения, Фриче заявил, что, если бы ему были известны преступные приказы гитлеровского правительства, о которых он узнал только здесь, на Суде, он не пошел бы за Гитлером.

И в этом случае — перед лицом Международного военного трибунала Фриче сказал неправду. Он вынужден был признать, что преступные гитлеровские приказы об истреблении евреев и расстреле советских комиссаров были ему известны еще в 1942 году, однако и после этого он продолжал оставаться на своем посту и заниматься лживой пропагандой.

В своих выступлениях по радио 16 июня и 1 июля 1944 г. Фриче широко пропагандировал применение Германией новых видов оружия, всячески стремясь побудить армию и народ на дальнейшее бессмысленное сопротивление. Уже накануне краха гитлеровской Германии, а именно 7 апреля 1945 г., Фриче выступил по радио с призывом к немецкому народу о продолжении сопротивления союзным войскам и вступлении для этой цели в организацию «Вервольф».

Так до самого конца подсудимый Фриче оставался верен преступному гитлеровскому режиму. Он всего себя отдал осуществлению фашистского заговора и всех преступлений, намеченных и проводимых для осуществления этого заговора. Он активный участник всех гитлеровских преступлений и должен понести за них тягчайшую ответственность.

Господа судьи!

Перед Вами прошли все подсудимые — люди, лишенные чести и совести, ввергшие мир в бездну несчастий и страданий, причинившие огромные бедствия собственному народу.

Политические авантюристы, не останавливающиеся ни перед какими злодеяниями для достижения своих преступных целей, низкие демагоги, прикрывавшие свои разбойничьи планы лживыми идеями, палачи, убившие миллионы невинных, — они объединились в клику заговорщиков, захватили власть и превратили аппарат Германского государства в орудие своих преступлений.

Ныне наступил час расплаты.

В течение девяти месяцев мы наблюдали бывших правителей фашистской Германии. Перед лицом Суда, на скамье подсудимых, они притихли и присмирели. Некоторые из них даже осуждали Гитлера. Но они корят сейчас Гитлера не за провокацию войны, не за убийство народов и ограбление государств, единственно чего не могут они ему простить — это поражения.

Вместе с Гитлером они были готовы истребить миллионы людей, поработить все передовое человечество для достижения преступных целей мирового господства.

Но иначе судила история: победа не пришла по следам злодеяний. Победили свободолюбивые народы, победила правда, и мы горды тем, что Суд Международного военного трибунала — это Суд победившего правого дела миролюбивых народов.

Защитники подсудимых говорили о гуманности. Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность нераздельны.

Но борцы за цивилизацию, демократию и мир, мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам. Защитник Кальтенбруннера тоже говорил здесь о человеколюбии. В сочетании с именем и делами Кальтенбруннера слова о любви к человеку звучат кощунственно.

Господин председатель! Господа!

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей.

Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь.

Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

Последние слова подсудимых

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

*Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 31 августа 1946 г.*

Председатель: *Статья 24 (пункт j) Устава предусматривает право каждого из подсудимых выступить с последним словом перед Трибуналом. Поэтому я сейчас спрашиваю подсудимых, хотят ли они воспользоваться этим правом и выступить с последним словом? Подсудимый Герман Вильгельм Геринг.*

Геринг: *Обвинители в своих заключительных речах объявили защиту и ее доказательства совершенно несостоятельными. Показания, данные подсудимыми под присягой, признавались ими абсолютно истинными лишь тогда, когда они служили для поддержки аргументов обвинения, и объявлялись ложными и нарушающими присягу, когда эти показания опровергали доводы обвинения. Это очень примитивно и недостаточно основательно для доказательств обвинения.*

В качестве доказательства того, что я должен был знать и знал обо всем, что происходило, обвинители приводят тот факт, что я был вторым человеком в государстве. Они не приводят никаких документальных или других веских доказательственных материалов там, где я оспариваю под присягой, что я знал о чем-либо или стремился к совершению этого. Таким образом, утверждение обвинения основывается на следующем предположении: кто же должен был знать об этом, как не Геринг в качестве преемника фюрера.

Мы слышали здесь, что как раз самые тяжкие преступления были совершены самым тайным образом. О том, что я самым строгим образом осуждал эти ужасные массовые убийства и что я не могу постичь, при каких обстоятельствах они были совершены, я должен здесь еще раз категорически заявить. Я хочу еще раз перед Высоким Судом ясно заявить: я никогда ни в одном из периодов своей жизни не отдавал в отношении кого-либо приказа об убийстве, а также не отдавал приказов о жестокостях и не попустительствовал им там, где я имел власть и мог воспрепятствовать этому.

Утверждение господина Додда в заключительной речи о том, что я приказал Гейдриху умерщвлять евреев, лишено всякого доказательства и не соответствует действительности. Нет ни одного приказа, который я дал бы или который был бы подписан по моему приказанию о расстреле летчиков противника или передаче их СД. Не было также установлено ни одного случая, когда подразделения авиации совершали бы подобные преступления. Обвинение частично предъявило документы, в которых якобы имеются записи высказываний, сделанных третьими или четвертыми лицами. Я, однако, никогда ранее не видел этих документов и поэтому не имел возможности выяснить те заблуждения или недоразумения, которые в них содержатся. Как легко, однако, в тех случаях, когда третьи лица дают письменные показания, могут возникнуть записи, совершенно извращающие смысл высказываний, доказывают и стенографические записи заседаний данного Суда, часто требующие проверки и исправлений. Обвинение приводит высказывания за период в 25 лет, включая и сделанные при совершенно иных условиях, и, не давая никакого анализа им, приводит их в качестве доказательств предумышленности действий и их пре-

ступности, высказывания, которые когда-либо имели место на протяжении четверти столетия.

Вероятно, среди наших противников нет ни одного руководящего деятеля, который в течение последних 25 лет не выступал бы или не писал бы подобно тому, что вменяется нам. Из всего того, что происходило в течение этих 25 лет — совещаний, речей, законов, действий и решений, обвинение делает вывод об имевшейся якобы последовательности и тесной связи и о том, что будто бы согласно этому все с самого начала было предусмотрено и запланировано именно таким образом. Это совершенно неправильное и лишенное всякой логики утверждение, которое история когда-либо исправит.

Господин Джексон в заключительной речи заявил, что державы, подписавшие соглашение, находятся еще в состоянии войны с Германией и что сейчас имеется лишь перемирие, возникшее в результате безоговорочной капитуляции Германии. Однако международное право должно иметь равную силу для обеих сторон. Поэтому если все, что сегодня происходит со стороны держав, оккупировавших Германию, допустимо с точки зрения международного права, то до этого Германия, по крайней мере в отношении Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Югославии и Греции, находилась в равном положении. Если сегодня Женевская конвенция не имеет силы в отношении немцев, если сегодня на всей территории Германии демобилизуют ее промышленные предприятия, если сегодня ее огромные ценности вывозятся в другие страны, а имущество миллионов немцев конфискуется, если сегодня нарушаются свободы и совершаются посягательства на собственность, то подобные же действия со стороны Германии в вышеназванных странах не могут быть объявлены преступными с точки зрения нарушения международного права.

Далее господин Джексон заявил, что нельзя судить и карать государство и что ответственность за действия последнего необходимо возлагать на его руководителей. Обвинение, кажется, забывает, что Германия была суверенным государством и ее законодательство не подпадает под юрисдикцию других государств. Ни одно государство никогда путем предъявления какой-либо ноты не обратило внимания империи на то, что деятельность в этой империи в духе национал-социализма будет подвергаться судебному преследованию. Таким образом, если сейчас отдельных лиц, в первую очередь нас, руководителей, привлекают к ответственности и хотят осудить, — пусть будет так, однако нельзя карать немецкий народ. Немецкий народ доверял фюреру и при его тоталитарном образе государственного правления не имел никакого влияния на события. Не зная о тяжелых преступлениях, о которых сегодня известно, народ был верен фюреру, был храбр и готов был к самопожертвованию в этой борьбе за существование. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, немецкий народ перенес все возможные страдания в этой войне. Немецкий народ не виновен.

Я не хотел войны и не способствовал ее развязыванию. Я делал все для того, чтобы предотвратить ее путем переговоров. Однако, когда она началвсь, я делал все, чтобы обеспечить победу, так как три величайшие мировые державы со многими другими нациями выступили против нас. В конце концов мы потерпели поражение перед лицом подавляющего превосходства.

Я отвечаю за то, что сделал. Я, однако, самым решительным образом отметаю то, что мои действия диктовались волей и стремлениями порабощать чужие народы путем войны, убивать, грабить, совершать зверства или преступления. Единственное, чем я руководствовался, это любовь к своему народу, мечты о его счастье, свободе и его жизни! В качестве свидетелей я призываю мой немецкий народ и всемогущего Бога.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Рудольфу Гессу.*

Гесс: *Прежде всего я обращаюсь к Суду с просьбой, учитывая состояние моего здоровья, дать мне возможность произносить мое слово сидя.*

Председатель: *Пожалуйста.*

Гесс: *Некоторые из моих товарищей могут здесь подтвердить, что я в самом начале этого процесса предсказал следующее:*

во-первых, что здесь выступят свидетели, которые под присягой будут давать недостоверные показания, причем эти свидетели могут производить абсолютно надежное впечатление и располагать наилучшей репутацией;

во-вторых, что надо учитывать возможность получения Судом письменных показаний, содержащих недостоверные данные;

в-третьих, что подсудимые в результате показаний некоторых свидетелей-немцев будут весьма неприятно поражены;

в-четвертых, что отдельные подсудимые будут вести себя странным образом, они будут произносить бесстыдные высказывания о фюрере и обвинять свой собственный народ, частично будут обвинять друг друга, причем неправильно, и, может быть, даже будут сами себя обвинять, причем тоже неправильно.

Все эти предсказания оправдались, причем письменные показания свидетелей, данные ими под присягой, и показания подсудимых во многих случаях противоречивы. Я назову в этой связи хотя бы имя Мессерсмита, который показал, что он якобы говорил с гросс-адмиралом Деницем в Берлине именно в то время, когда он, как я знаю, находился в районе Тихого или Индийского океана.

Я предсказывал это не только здесь в начале процесса, но еще и за несколько месяцев до начала процесса в Англии, в том числе находившемуся при мне доктору Джонстону. В тот период я в письменном виде заявил об этом, и это можно доказать.

Я основывался в моих предсказаниях на некоторых событиях, которые происходили в негерманских странах. Я хотел бы сейчас еще раз подчеркнуть, что если я упоминаю эти события, то с самого начала я убежден, что соответствующие правительства ничего не знают и не знали о них. Поэтому я не упрекаю эти правительства... В одной из этих негерманских стран в 1936—1938 годах проходили политические процессы. Для них было характерно то, что подсудимые удивительным образом изобличали сами себя. Они перечисляли в некоторых случаях целый ряд преступлений, которые они совершили. Когда оглашались смертные приговоры, то они, к удивлению всех, бурно аплодировали. Некоторые иностранные корреспонденты сообщали, что подсудимых приводили в это ненормальное состояние с помощью какого-то неизвестного до той поры средства. Именно по этой причине они вели себя таким образом. В Анг-

лии я вспомнил об этих событиях в связи с определенным обстоятельством. Я не смог получить отчеты о тогдашних процессах, так же как и здесь. Но в моем распоряжении были соответствующие номера «Фелькишер беобахтер». При просмотре этих номеров я нашел соответствующее место в газете от 8 марта 1938 г. В одном из отчетов из Парижа, датированном 7 марта 1938 г., сказано следующее: «Влиятельная парижская газета "Ле жур" сообщила о разоблачениях, касающихся средства, которое, очевидно, было применено в упомянутых процессах. Дословно там сказано: "Это средство дает возможность заставить жертвы, которые избраны, действовать и говорить как это им приказывается"».

Я подчеркиваю, что в этой статье говорится о том, что можно заставить не только говорить, но и действовать согласно данным приказам. Последнее имеет огромную важность при рассмотрении необъяснимого образа действий обслуживающего персонала немецких концентрационных лагерей, включая научных деятелей и врачей, предпринимавших ужасные опыты над заключенными. Действия, которые нормальные люди, в особенности научные деятели и врачи, ни в коем случае не могли бы совершить, однако были совершены ими. Они давали эти указания и приказы о совершении зверств в концентрационных лагерях, они, включая самого фюрера, давали приказы о расстреле военнопленных, о суде Линча и т. д.

Я напомню показания свидетеля генерал-фельдмаршала Мильха о создавшемся у него впечатлении, что в последние годы фюрер находился не в нормальном душевном состоянии. И ряд моих товарищей здесь независимо друг от друга и не зная того, о чем я буду говорить, сказали мне, что выражение лица и глаз фюрера в последние годы носило в себе нечто ужасное, выражавшее даже безумие. Я могу назвать их свидетелями. Я сказал раньше, что один повод заставил меня вспомнить об этих отчетах.

Люди, окружавшие меня во время моего пребывания в плену в Англии, вели себя странным и непонятным образом, позволявшим сделать вывод, что они находятся в ненормальном душевном состоянии и действуют в соответствии с ним. При этом эти люди, окружавшие меня, время от времени сменялись. Некоторые из них, а именно те, которые сменяли старых, имели странное выражение глаз. Это были глаза, имевшие стеклянное и зачарованное выражение. Этот симптом, однако, проявлялся только в течение нескольких дней. Затем они опять производили совершенно нормальное впечатление, их нельзя было более отличить от нормальных людей.

Не только я обратил внимание на это странное выражение глаз, но и врач, который находился тогда при мне, — доктор Джонстон, английский военный врач. Весной 1942 года ко мне пришли несколько посетителей, из которых один держался весьма странным образом по отношению ко мне. Этот посетитель имел такие же странные глаза. Вслед за этим доктор Джонстон спросил меня, каково мое мнение об этом посетителе. Я сказал, что у меня такое впечатление, как будто бы он по какой-то причине не был совершенно нормальным. Однако, вопреки моему ожиданию, доктор Джонстон не стал возражать против этого, а в свою очередь согласился со мной и спросил меня, не обратил ли я внимания на его глаза, которые имели какое-то необычное выражение. Доктор Джонстон не предполагал, что он сам, когда пришел ко мне, имел такое же

выражение глаз. Самое главное состоит в том, что в одном из отчетов — их можно найти в архивах прессы, где речь идет о московских процессах — было сказано, что у подсудимых были очень странные глаза, как бы стеклянные, с каким-то потусторонним выражением. Я упомянул уже о своем утверждении, что соответствующее правительство ничего не знало об этих событиях. Было отнюдь не в интересах британского правительства, чтобы во время моего выступления по поводу того, что я пережил в британском плену, общественность была бы исключена. Тогда могло бы возникнуть впечатление, как будто здесь хотят что-то скрыть или британское правительство действительно имело отношение ко всем этим делам.

Я же, однако, убежден в том, что как правительство Черчилля, так и теперешнее правительство давали указания о том, чтобы со мной до самого конца обращались корректно, согласно правилам Женевской конвенции.

Я сознаю, что все то, что я должен сказать об обращении со мной, на первый взгляд кажется невероятным. Однако, к моему счастью, еще в гораздо более ранний исторический период лица, обслуживавшие военнопленных, обращались с ними таким образом, что когда первые слухи об этом проникли в мир, то на первый взгляд это казалось совершенно невероятным. Слухи заключались в том, что военнопленных преднамеренно заставляли голодать, что та скудная пища, которую они получали, содержала в себе молотое стекло, что врачи, которые обслуживали пленных, вводили вредные вещества в лекарства и таким образом увеличивали страдания, в результате чего число жертв увеличивалось.

Все эти слухи впоследствии подтвердились. Историческим фактом является то, что бурским женщинам и детям, умершим в британских концентрационных лагерях в большинстве случаев от голода, был построен памятник. Многие англичане, среди них и Ллойд Джордж, самым решительным образом протестовали тогда против таких действий в британских концлагерях. То же относится и к английскому свидетелю-очевидцу мисс Эмилии Хопфордс.

Мир, английский народ и даже британское правительство стояли тогда перед неразрешимой загадкой в отношении событий в южноафриканских лагерях, так же как мир, немецкий народ, члены германского имперского правительства и остальные подсудимые здесь и на других процессах стоят перед такой же загадкой в отношении событий в немецких концлагерях. Было бы само собой разумеющимся и имело бы огромное значение, если бы то, что я говорил в отношении событий, имевших место во время моего пленения в Англии, было сказано под присягой. Однако я не смог побудить ни моего, ни другого защитника поставить мне соответствующие вопросы во время допроса.

Большое значение имело бы, если бы то, что говорю, было сказано под присягой. Поэтому я заявляю: клянусь всемогущим и всеведущим Богом, что я говорю чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

Прошу Высокий Суд поэтому считать все, что я скажу далее, сказанным под присягой. Хотел еще добавить в отношении моей присяги. Я не являюсь последователем церкви, не имею внутренней связи с церковью, однако являюсь глубоко религиозным человеком. Я убежден в том, что моя вера в Бога является сильнее, чем вера в Бога у других людей. Поэтому я

прошу Суд оценить еще в большей степени то, что я скажу под присягой, ссылаясь на свою веру в Бога.

Председатель: *Я должен обратить Ваше внимание, подсудимый Гесс, на тот факт, что Вы говорите уже в течение 20 минут, поэтому Трибунал не может на данной стадии процесса разрешить Вам говорить более продолжительное время, чем всем остальным подсудимым. Трибунал желает, чтобы Вы заканчивали свое выступление.*

Гесс: *Господин председатель, я хочу обратить Ваше внимание на следующее: я считаю, что являюсь единственным подсудимым, который до сих пор не мог высказаться здесь, так как то, что я хочу сказать, я мог бы сказать только в том случае, если бы мне были заданы соответствующие вопросы. Как я уже говорил...*

Председатель: *Я не намерен, подсудимый, вступать с Вами в спор. Трибунал вынес решение о том, что подсудимые в последнем слове ограничатся краткими заявлениями. Вы имели полную возможность давать здесь свои объяснения, если бы этого желали. Сейчас Вы выступаете с последним словом и должны подчиниться решению Трибунала так же, как ему подчиняются все остальные подсудимые.*

Гесс: *Поэтому, господин председатель, я откажусь от тех высказываний, которые я хотел сделать в этой связи. Я прошу только разрешения сказать несколько заключительных слов, которые не имеют ничего общего с тем, что я только что говорил.*

Те выводы, к которым пришел защитник здесь, на этом Суде, от моего имени в отношении оценки моего народа и истории, яаляются для меня важными. Я не защищаюсь от того, что выдвинуто обвинителями, которые, по моему мнению, не имеют права обвинять меня и моих соотечественников. Я не придаю значения тем упрекам, которые касаются событий, являющихся суверенным делом Германии и поэтому не относящихся к компетенции иностранцев. Такого рода выпады моих врагов — это честь для меня. Судьба дала мне возможность трудиться многие годы под руководством величайшего из сыновей Германии за всю ее тысячелетнюю историю.

Даже если бы я мог, я не хотел бы исключать это время из своей жизни. Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя моего фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю. Независимо от того, что делают люди, наступит время и я предстану перед престолом Всевышнего. Только перед ним я несу ответственность и знаю, что он оправдает меня.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Иоахиму фон Риббентропу.*

Риббентроп: *Этот процесс должен был выявить историческую правду. С точки зрения немецкой внешней политики я могу сказать только следующее. Этот процесс войдет в историю как образец того, как, ссылаясь на неизаестные до сих пор юридические формулы и на справедливость, хотят обойти кардинальные проблемы 25-летнего тяжелейшего периода, наполненного историческими событиями. Если корни нашего зла находятся в Версальском договоре, а они действительно находятся в нем, разве целесообразно было запретить обсуждение*

его? Прозорливые люди из числа авторов этого договора в самом начале видели в нем будущее зло и тогда уже самые умные из них предсказывали, из-за какой ошибки Версаль приведет к новой мироаой войне.

Свыше 20 лет моей жизни я посвятил предотвращению этого несчастья, а в результате оказалось, что иностранные государственные деятели, которые знали об этом, в своих письменных показаниях заявляют, что они мне не верили. Оии должны были бы написать, что не хотели верить мне в интересах своих стран.

На меня возлагают ответственность за руководство внешней политикой, которой, однако, руководил другой. Но я знаю о ней во всяком случае столько, чтобы заявить, что она никогда не имела целью установление мирового господства, а занималась лишь устранением последствий Версальского договора и вопросами сиабжения продовольствием немецкого народа.

Если я оспариваю то, что эта немецкая внешняя политика плаиировала и подготавливала агрессивную войиу, то зто не отговорка. Это истина подтверждается фактами, а именно тем, какие силы мы развернули в ходе второй мировой войны и насколько слабыми мы были по сравнению с ними к началу этой войны. История поверит, если я скажу, что мы значительно лучше подготовили бы агрессивную войну, если бы действительно думали вести ее. То, что мы намеревались сделать, заключалось в том, чтобы обеспечить самые элементарные условия существования, подобно тому, как Англия использовала свои интересы для того, чтобы подчинить себе пятую часть всего мира, как США захватили весь континент или как Россия, самая большая континентальная держава мира, использовала свою гегемонию. Единственная разница в политике этих стран по сравнению с нашей политикой заключалась в том, что мы требовали Данциг и Коридор, которые вопреки всякому праву были у нас отняты, в то время как другие государства привыкли думать о целых континентах. При создании Устава этого Трибунала державы, подписавшие Лондонское соглашение, очевидно, придерживались другой точки зрения в отношении международного права и политики, чем сегодня. Когда я в 1939 году прибыл в Москву к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможности мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога. Сталин дал мне понять, что я могу сразу же лететь обратно, если он не получит не только половину Польши и Балтийские страны, но еще и Литву с портом Либава. В 1939 году ведение войны там еще не считалось международным преступлением против мира, иначе как можно объясиить телеграмму, посланную после окончания польской кампании? Ее текст я цитирую: «Дружба Германии и Советского Союза скреплена совместно пролитой кровью и имеет все, чтобы стать прочной и длительной».

Здесь мне хотелось бы особо подчеркнуть — тогда я горячо желал этой дружбы. Сегодня для Европы и мира осталась лишь одна основная проблема: владеет ли Азия Европой или западные державы смогут остановить распространение влияния Советов на Эльбе, на Адриатическом побережье и в районе Дарданелл. Другими словами, Великобритания и США сегодня практически стоят перед той же дилеммой, как и Германия, когда я вел переговоры с Россией. Я иадеюсь во имя своей родины, что результаты будут более успешные.

Что же на данном процессе говорилось о преступном характере немецкой внешней политики и что было доказано? Из предъявленных защитой 300 документов 150 были отвергнуты без всякого обоснования. Архивы других стран и даже Германии были недоступны для защиты. Дружественный намек, сделанный мне Черчиллем о том, что слишком сильная Германия будет уничтожена, для оценки внешней политики Германии был признан на данном форуме не относящимся к делу. Революцию нельзя лучше понять, если рассматривать ее с точки зрения заговора. Судьба сделала меня одним из представителей этой революции. Я сожалею о тех ужасных преступлениях, о которых мне здесь стало известно и которые порочат эту революцию. Я не могу, однако, судить о них в масштабах пуританской морали, тем более после того, как я узнал, что и противная сторона, несмотря на полную победу, не могла воспрепятствовать многочисленным мерзостям, да и не хотела этого. Можно рассматривать теорию заговора как угодно, но для критического наблюдателя это является лишь выходом из неудачного положения. Тот, кто находился на руководящих постах «третьей империи», знает, что это является исторической неправдой, и текст Устава показывает лишь, мышление какой среды он отражает.

Если я оглянусь на свои действия и намерения, то могу сказать лишь одно. Единственное, в чем я чувствую себя виновным перед моим народом, а не перед данным Судом, является то, что мои внешнеполитические планы оставались безуспешными.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Вильгельму Кейтелю.*

Кейтель: *В показаниях на Суде я признал свою ответственность в границах моего служебного положения. Сущность и значение этого служебного положения изложены в порядке представления доказательств и в защитительной речи моего защитника. Я далек от того, чтобы умалять долю моего участия в случившемся. В интересах исторической правды возникает необходимость пояснить некоторые ошибки в заключительных речах обвинения.*

Господин американский обвинитель заявил в заключительной речи: «Кейтель — безвольное и послушное орудие, передал партии орудие агрессии — вооруженные силы».

«Передачу» вооруженных сил партии нельзя совместить с моими функциями ни до 4 февраля 1938 г., ни после этого периода, когда Гитлер назначил непосредственно себя верховным главнокомандующим вооруженными силами и с этого времени получил неограниченную власть над вооруженными силами и над партией.

Я не помню, чтобы в ходе этого процесса было предъявлено доказательство, которое смогло бы подтвердить это утверждение обвинения. Представление доказательств также показало, что утверждение, будто бы «Кейтель руководил вооруженными силами при осуществлении преступных намерений», ошибочно. Это утверждение противоречит также и материалам англо-американских досье, из которых ясно видно, что я не имел никаких прав отдавать приказы. Поэтому не прав также и господин британский обвинитель, когда он говорит обо мне как о «фельдмаршале, который отдавал приказы вооруженным силам». И если он приписывает мне слова: «Я не имел ни малейшего понятия о том, какие практические результаты дости-

гались этим», то, мне кажется, это не совсем так, как я сказал во время моего допроса. Я сказал:

«Но если приказ был отдан, то я действовал, по моему мнению, по долгу службы, не давая себя смущать возможными и не всегда видимыми последствиями».

Утверждение о том, что «Кейтель и Иодль не могут отрицать своей ответственности за действия эйнзатцкоманд, с которыми в тесном сотрудничестве работали их собственные командиры», не основывается на результатах допроса свидетелей. ОКВ было исключено из числа высших командных инстанций на советском театре военных действий, ему не подчинялись войсковые начальники.

Господин французский обвинитель сказал в заключительной речи: «Необходимо вспомнить ужасные слова подсудимого Кейтеля о том, что "человеческая жизнь в оккупированных областях ничего не стоит"».

Эти ужасные слова не мои. Не я их придумал и я не клал их в основу содержания приказа. Достаточно тяжким для меня является тот факт, что мое имя связано с передачей приказов фюрера.

В другом месте господин Шампетье де Риб говорит: «Этот приказ — речь шла о борьбе с партизанами — выполнялся на основании указаний командующего фронтом, который, в свою очередь, действовал согласно общим указаниям подсудимого Кейтеля».

Здесь опять говорится об «указаниях Кейтеля», хотя в самой обвинительной речи французского обвинения говорится, что я, как начальник ОКВ, не мог непосредственно отдавать приказы составным частям вооруженных сил.

В заключительной речи представителя советского обвинения говорится:

«Начиная с документов о расстреле политических работников, Кейтель, этот солдат, как он любит себя называть, игнорируя присягу, беззастенчиво врал на предварительном следствии американскому обвинителю, говоря, что этот приказ носил характер ответной репрессии и что политических работников отделяли от остальных военнопленных по просьбе самих военнопленных. На Суде он был изобличен».

Речь идет о документе ПС-884. Обвинение во лжи необоснованно. Советский обвинитель не учел, что протокол моего допроса на предварительном следствии по этому вопросу не был принят Трибуналом в качестве доказательства. Поэтому он не должен был также использоваться в заключительной речи обвинения. Я не видел протокола допроса на предварительном следствии и не знаком с его текстом. Если этот текст достоверен, то он содержит разъяснение заблуждения, которое возникло в результате того, что мне не был предъявлен этот документ. Во время прямого допроса я правильно изложил обстоятельства дела моему защитнику.

На последней стадии процесса обвинители попытались выдвинуть против меня серьезное обвинение в том, что мое имя связано с приказом о подготовке к бактериологической войне. Свидетель — бывший генерал медицинской службы доктор Шрайбер — в своем заявлении писал: «Начальник ОКВ, фельдмаршал Кейтель, издал приказ о подготовке бактериологической войны против Советского Союза».

Давая свидетельские показания, этот свидетель, правда, говорил о «приказе фюрера». Но и это неправильно.

Принятые Трибуналом с согласия обвинения показания полковника Бюркера доказывают, что я осенью 1943 года энергично и категорически отклонил предложение санитарной инспекции сухопутных сил и управления вооружения сухопутных сил об активизации опытов с бактериями, как буквально говорит Бюркер, «указав на то, что об этом не может быть и речи, ведь это запрещено!».

Это правильно. Генерал-полковник Иодль также может подтвердить, что никогда не издавался приказ такого характера, о котором говорит свидетель. Наоборот, Гитлер запретил ведение бактериологической войны, когда с разных сторон поступили соответствующие предложения.

Тем самым противоположные утверждения свидетеля доктора Шрайбера оказываются не соответствующими действительности. Я сам считал своим долгом во всех вопросах, также и в тех случаях, когда я давал показания не в свою пользу, говорить правду, во всяком случае я пытался, несмотря на широкий круг моей деятельности, по мере сил способствовать выяснению действительного положения дел. И в конце этого процесса я хочу открыто заявить о том, к каким выводам я пришел, и изложить мое кредо.

Мой защитник во время процесса задал мне два принципиальных вопроса. Первый из них, заданный несколько месяцев назад, гласил: «В случае победы Вы отказались бы от участия в дележе ее лавров?» Я ответил: «Нет, я был бы безусловно горд этим». Второй вопрос гласил: «Как бы Вы поступили, если бы еще раз попали в аналогичное положение?» Мой ответ: «В таком случае я лучше избрал бы смерть, чем дал бы затянуть себя в сети таких преступных методов».

Пусть Высокий Суд на основании этих двух ответов вынесет мне приговор. Я верил, я заблуждался и не был в состоянии предотвратить то, что необходимо было предотвратить. В этом моя вина.

Трагедия состоит в том, я должен признать это, что то лучшее, что я мог дать как солдат — повиновение и верность, было использовано для целей, которые нельзя было распознать, и в том, что я не видел границы, которая существует для выполнения солдатского долга. В этом — моя судьба.

Пусть на основании ясного определения причин, гибельных методов и ужасных последствий этой войны для немецкого народа появится надежда на новое будущее в семье народов.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Эрнсту Кальтенбруннеру.*

Кальтенбруннер: *Обвинители возлагают на меня ответственность за концентрационные лагеря, за уничтожение евреев, за действия эйнзатцгрупп и т. д.*

Все это не соответствует ни предъявленным доказательствам, ни истине. Обвинители, так же как и подсудимые, находятся в опасности, которая связана с коллективным осуждением. Правильно то, что я должен был взять на себя должность начальника главного управления имперской безопасности, однако в одном этом факте еще не содержится вины. Такие ведомства существуют и в других государствах. Задача, которая была мне поручена, и деятельность, которую я должен был вести с 1938 года, состояла почти исключительно в реорганизации политической и военной службы информации, но не в качестве преемника Гейдриха. Это произошло почти через год после его смерти, когда возникло подозрение о том, что Квна-

рис в течение многих лет служит иностранной разведке. Когда это подозрение возникло, я должен был взять, как офицер, на себя выполнение его функций. В течение короткого времени я установил в огромном масштабе ужасные факты деятельности Канариса и его пособников; пятое и шестое управления главного управления имперской безопасности подчинялись мне лишь формально, но никогда де-факто.

Схема, предъявленная здесь, и те выводы в отношении полномочий, которые были здесь сделаны, являются неверными и вводящими в заблуждение.

Гиммлер, который мастерски умел разделить СС, давно уже не являющуюся единой ни в структурном, ни в организационном смысле, на мельчайшие группы и подчинить их своему влиянию, насколько это было необходимо, вместе с Мюллером — начальником гестапо совершал преступления, о которых мы знаем сегодня. Вопреки общераспространенному мнению я решительно и категорически заявляю, что не знал о деятельности Гиммлера, его пособников и управлений, которые ему подчинялись. Я знал об этом лишь столько, сколько было мне необходимо для моей специальной задачи.

В вопросе о евреях я также был введен в заблуждение, как и другие высокопоставленные деятели. Я никогда не одобрял и не терпел биологического истребления евреев. Антисемитизм в указах партии и государства был объявлен необходимым мероприятием во время войны, и в таком духе я с ним соглашался, но антисемитизм Гитлера, как он представлен был здесь, являет собой варварство, и я в этом не принимал участия. Однако, как я потом на этом остановлюсь, меры, предпринятые к тому, чтобы смягчить положение евреев, можно и следует объяснить моим влиянием.

Во время представления доказательств был предъявлен целый ряд фотографий, которые свидетельствуют о том, что я знал о преступлениях в концентрационных лагерях Маутхаузен и других. Я никогда не был в лагере Маутхаузен и только наблюдал за работами в каменоломне, где были заняты преступники. Однако я не видел среди людей, находившихся там, евреев или политических заключенных. Фотографии не показывают ни здания управления лагерей, ни каких-либо других мест. Документ США-909 и фотографии с Ф-840 до 848[1] являются недостоверными и неправильными. На фотографии с Гитлером снято посещение места строительства в Линце, находившегося в 35 километрах от лагеря Маутхаузен.

Показания свидетеля доктора Моргена являются в основном правильными, однако они требуют дополнений в той части, где речь идет обо мне. Свидетель, находясь под арестом, слишком много говорил о себе и не говорил о том, что он был напраален по моей просьбе в пятое упраление для того, чтобы в качестве судебного чиновника расследовать действия, которые совершались в концентрационных лагерях. Он не смог подтвердить, что я якобы знал о дальнейших событиях. Я потерял дар речи, получив отчет о концентрационных лагерях, в противовес Мюллеру, который, получив этот отчет, впал в бе-

[1] Речь идет о фотографиях концлагерей, представленных Трибуналу французскими обвинителями в качестве доказательства под номерами Ф-840—848.— **Прим. сост.**

шенство. Я в тот же день послал подробный отчет Гитлеру в ставку. На следующий день он вызвал меня к себе и после длительного доклада Гитлер обещал мне произвести расследование против Гиммлера и Поля. Он обещал, что учредит специальный суд для того, чтобы произвести необходимые расследования и аресты. Поль должен был быть немедленно уволен. Через офицера связи он передал Гиммлеру приказ явиться к нему. Мне он обещал принять немедленные меры против дальнейших бесчинств. Мою просьбу о направлении на фронт Гитлер отклонил, указав на то, что меня нельзя заменить в информационной службе. Эйхман был арестован, и об этом мне было сообщено. Директива Гиммлера от октября 1944 года, которая в конце концов все это подтверждает, является дьявольским поступком Гиммлера.

Разве обвинение не видит до сих пор противоречий в том обстоятельстве, что пятое управление главного управления имперской безопасности аскрыло те преступления, которые совершили четвертое управление и тайная клика преступников? Я в этом вижу доказательство того, что я никогда не знал о настоящем положении дел, а когда узнал, то выступил против в своем управлении. Должен ли я был в тот период, симулируя болезнь, уйти в отставку или приложить все силы и бороться за то, чтобы было прекращено варварство, которое не имело до сих пор прецедента? Является ли это моей виной, вот что должно быть здесь обсуждено.

Предъявленное здесь письмо, которое произаодит апечатление такого обличающего меня документа в бытность мою бургомистром Вены, я не помню, чтобы подписывал. Сегодня мне ясно, что все 12 тысяч лиц, которые тогда вместе с десятками тысяч немецких женщин и мужчин были использованы на работах восточнее Вены вместе с другими 2 тысячами лиц в Гунскирхене (Верхняя Австрия), обслуживались Международным Красным Крестом при моем посредничестве.

При том волнении, которое я испытывал во время перекрестного допроса, я забыл, что в тот период уже давно в лагерях действовали представители пятого управления, и я не мог верить, что евреям грозит опасность. Тогда вопрос стоял о достоверности моих показаний. Если бы соответствующий запрос был послан Международному Красному Кресту в Женеву, это недоразумение могло бы быть выяснено.

Если ставится вопрос, почему я оставался на моем посту после того, как узнал, что мои начальники совершали преступления, я могу лишь ответить, что я не мог их судить. Даже Суд здесь не в состоянии установить полностью их вину.

В последние дни обвинители инкриминировали мне участие в убийстве французского генерала. Я слышал об убийстве немецкого генерала Бродовского и о приказе Гитлера рассмотреть вопрос об ответной репрессии. Об убийстве французского генерала я впервые услышал здесь несколько дней тому назад.

Панцингер был начальником военно-следственного отдела в имперском управлении уголовной полиции и не подчинялся никому, кроме Гиммлера, который был начальником резервной армии и начальником управления по делам военнопленных. Он не был чиновником гестапо, как утверждает обвинение.

В отношении моей подписи под телеграммой от 30 декабря 1944 г., в которой говорится о выполнении приказа, посланной из Берлина, я хочу прежде всего отметить, что с 23 декаб-

ря до 3 января находился в Австрии со своей семьей. Эту телеграмму я не видел и не мог ее подписывать. В ноябре 1944 года я имел только приказ о том, чтобы сообщение имперского начальника прессы Дитриха об убийстве немецкого генерала во Франции было проверено. Результаты расследования были переданы в ставку соответствующими инстанциями.

Я сожалел о том, что Гитлер в ситуации, которая сложилась к началу моего вступления в должность, не занимал лучших позиций по отношению к церкви, как это приинято во всех государствах. Мои представления были неправильны. Я честно старался доказать это. Это показали предъявленные документы. Однако обвинение из этого не сделало соответствующих выводов. Я знаю лишь, что все свои силы отдавал моему народу, веря Адольфу Гитлеру. Я, как немецкий солдат, служа в контрразведке, мог только бороться с теми разрушительными силами, которые почти довели однажды Германию до катастрофы, которые и сейчас, после поражения, опять угрожают миру.

Если я совершал незаконные действия, то это следует объяснить неправильным пониманием чувства долга. Если принять во виимание, что все приказы, которые имеют кардинальное значение, были изданы до того, как я занял мою должность, то следует сделать вывод, что мною руководила судьба. Я прошу Вас принять во внимание судьбу и честь сотен тысяч людей, находившихся в «общих СС», в войсках СС и среди чиновников, которые храбро и с верой в идеалы защищали рейх до последнего дня. Я прошу не связывать их с тем проклятием, которое они справедливо послали на голову Гиммлера. Я полвгаю, что действовал в соответствии с законом.

Председатель: *Последнее слово предоставляется Альфреду Розенбергу.*

Розенберг: *Обвинители не ограничились повторением прежних обвинений. Они с особой силой выдвинули новые: как будто все мы собирались на тайные совещания для разработки планов агрессивной войны, а затем якобы приказали убить, как здесь утверждали, 12 миллионов человек. Все эти обвинения объединены под одним названием «геноцид», то есть истребление народов. В связи с этим я должен заявить следующее: в отношении такой вины, как содействие в истреблении народов, моя совесть совершенно чиста.*

Я выступал не за то, чтобы уничтожать культуру и подавлять национальные чувства народов Восточной Европы, я боролся за улучшение физических и духовных условий их существования. Не за то, чтобы лишать их личной безопасности и попирать их человеческое достоинство, а, как уже было доказано, я боролся всеми силами против всякой политики насилия и строго требовал, чтобы немецкие чиновники были справедливы в своих действиях и чтобы восточные рвбочие подвергались гуманному обращению. Я не обращал детей в рабство, как это утверждают, а оказывал им защиту и проявлял особую заботу о детях из разоренных войной областей. Не уничтожал я и религию, а изданием эдикта о веротерпимости восстановил свободу церквей в восточных областях.

Исходя из моего мировоззрения, я требовал в Германии свободы совести, относился с терпимостью ко всякому противнику и никогда не занимался преследованием религии.

Мыслей о физическом уничтожеиии славян и евреев, то есть о действительном уничтожении народов, у меня иикогда

не было, я никогда этому не способствовал и не помогал. Я считал, что еврейский вопрос должен быть разрешен путем предоставления прав национальным меньшинствам, путем выезда или размещения евреев на национальной территории в результате переселения, которое протекало бы в течение десятков лет. «Белая книга» британского правительства от 24 июля 1946 г. показывает, как ход исторических событий может вызвать применение никогда ранее не намечавшихся мер.

Вскрытая здесь, на процессе, практика германского государственного руководства в период войны была совершенно отличной от моей точки зрения. Адольф Гитлер все в большей степени приближал к себе таких лиц, которые были не моими товарищами, а моими противниками. Об их пагубном влиянии я хочу немного сказать. Это было вовсе не осуществлением национал-социализма, ради которого боролись верившие в него миллионы мужчин и женщин, а просто извращением, которое я целиком осуждал.

Я от души приветствую ту идею, что геноцид народов должен быть заклеймен международным соглашением как преступление и должен строжайшим образом наказываться. Однако я, естественно, предполагаю при этом, что ни сейчас, ни в будущем он ни в какой мере не будет допущен по отношению к германскому народу.

Советский обвинитель заявил, что «вся так называемая идеологическая деятельность» являлась «подготовкой к преступлениям». В связи с этим я хочу заявить следующее. Национал-социализм выражал идеи преодоления разлагающей народ классовой борьбы и имел целью создание единства сословий в рамках общности всего народа. Так, путем трудовой повинности он восстановил честь физического труда на родной земле и обращал внимание немцев на необходимость создания крепкого крестьянства. Посредством кампании «зимней помощи» он пробудил в целой нации чувство товарищества по отношению ко всем оказавшимся в беде и нужде соотечественникам, вне зависимости от их прежней партийной принадлежности. Он создал дома «матери и ребенка», туристские базы, общежития для фабричных рабочих. Он привлек миллионы людей к неизвестным им до тех пор сокровищам искусства. Всему этому служил и я.

В своей любви к свободной и сильной Германской империи я никогда не забывал о долге по отношению к Европе. К поддержанию и мирному развитию Европы я призывал еще в 1932 году в Риме. Во имя идеи духовного завоевания народов Восточной Европы я боролся, когда в 1941 году стал министром по делам Востока и до тех пор, пока это было возможно. Поэтому в час испытаний я не могу отречься от идеи всей моей жизни, от идеала социально умиротворенной Германии и знающей себе цену Европы; я остаюсь верен этой идее.

При всех несовершенствах человеческой натуры честная служба этому мировоззрению не была заговором. Мои действия никогда не были преступными. Я считаю, что и моя борьба, подобно борьбе многих тысяч моих товарищей, велась во имя благороднейшей идеи, за которую уже боролись и знамя которой подняли более чем 100 лет тому назад.

Я прошу Вас поверить, что это правда. Тогда этот процесс не смог бы породить гонений на иноверцев. Тогда, по моему убеждению, был бы сделан первый шаг к новому взаимопони-

манию между народами, без предрассудков, без неприязни и без ненависти.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Гансу Франку.*

Франк: *Господа судьи! Адольф Гитлер, главный подсудимый, не сказал немецкому народу и всему миру своего последнего слова. В годину тяжких невзгод, переживаемых его нацией, он не нашел исцеляющих слов. Он окаменел и не выполнил своего долга фюрера. Он ушел в неизвестность и во тьму как самоубийца. Что это было? Ожесточенность, отчаяние или упрямство против Бога и людей? «Если я погибну, то пусть погибнет и немецкий народ». Кто может постигнуть это? Мы. И если я говорю «мы», то имею здесь в виду себя и тех национал-социалистов, которые единодушно поддерживают меня в этом заявлении. Но я не имею в виду подсудимых, от имени которых не уполномочен говорить.*

Мы не хотим таким же образом оставить народ на произвол судьбы, не сказав ему ни слова. Мы не хотим просто сказать: «Теперь смотрите, как вы сами одолеете эту катастрофу и поражение, которое осталось вам в наследство от нас». Мы и сейчас, как никогда ранее, несем большую духовную ответственность. Мы, начиная свой путь, не знали, что отречение от Бога будет иметь такие пагубные, такие смертельные последствия и что мы неизбежно будем все больше и больше усугублять свою вину.

Мы не могли в то время знать, что величайшая верность и величайшее самопожертвование немецкого народа будут нами так плохо использованы. Итак, мы обрекли себя на позор, отрекаясь от Бога, и мы должны были погибнуть. Это не были технические неполадки или какие-либо несчастные обстоятельства, в результате которых мы проиграли войну. Это не было несчастьем или предательством. Бог вынес свой приговор над Гитлером и привел его в исполнение по отношению ко всей системе, которой мы служили, позабыв о Боге.

Поэтому я хотел бы, чтобы наш народ пошел по другому пути, не тому, по которому мы вели его с Гитлером. Я прошу наш народ не упорствовать, не идти более ни шагу дальше по этому пути, ибо гитлеровский путь был самонадеянный путь, это путь без Бога, путь отречения от христианства и, наконец, путь политических безумств, путь уничтожения и смерти. Путь Гитлера был просто ужасающей авантюрой, без совести и чести, как сегодня известно, когда кончился процесс.

Мы зовем немецкий народ, руководителями которого мы были, сойти с этого пути. И мы, и наша система должны были погибнуть на этом пути по всем законам божьим. И всех, кто пойдет по этому пути, ожидает та же участь. Этот процесс, продолжающийся уже несколько месяцев, возник над могилами миллионов погибших на этой ужасной мировой войне как главный законный эпилог.

Я благодарен за то, что мне дали возможность защищаться и оправдываться против тех обвинений, которые были мне предъявлены. Я благодарю всех и думаю о тех жертвах, о тех ужасах, которые принесли с собой события войны. Ведь миллионы должны были погибнуть в эти дни, не будучи выслушаны или опрошены.

Я отдал свой военный дневник со своими объяснениями и описанием своих действий в то время, когда я лишился свободы. Если я когда-либо и поступил сурово, то это происходило

в те минуты войны, о которых я писал совершенно открыто прежде всего для самого себя. Я не хочу оставить после себя какой-либо сокрытой вины без разъяснений. Я принял на себя вину и ту ответственность, которую должен нести, когда выступал свидетелем по своему делу. Я признал также часть вины, которая выпадает на меня как на участника движения Адольфа Гитлера.

После ужасов военного времени и после того, как началось мирное развитие, в котором, может быть, примет участие и наш народ, я говорю это с надеждой, что наступит, наконец, торжество справедливости, справедливости божьей по отношению к нашему народу и ко мне. И я преклоняюсь перед этой справедливостью.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Вильгельму Фрику.*

Фрик: *Перед лицом обвинения я стою с чистой совестью. Вся моя жизнь была посвящена служению народу и моей родине. Я убежден, что ни один патриот-американец или гражданин какого-либо другого государства действовал бы по-другому, находясь на моем месте в своей стране, так как другие действия означали бы нарушение присяги, государственную измену и измену родине. Я считаю, что за исполнение моего морального долга я не должен понести наказание...*

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Юлиусу Штрейхеру.*

Штрейхер: *Господа судьи, в начале этого процесса господин председатель спросил меня, считаю ли я себя виновным в предъявленных мне обвинениях. Я ответил на этот вопрос отрицательно. Проведенный процесс и представленные доказательства показали правильность моего ответа. Установлено, что, во-первых, массовые убийства все были произведены по приказу главы государства Адольфа Гитлера; во-вторых, проведение массовых убийств происходило без ведома немецкого народа, в совершенной секретности, причем проводилось это рейхсфюрером Генрихом Гиммлером.*

Обвинение утверждало, что без Штрейхера и без его «Штюрмера» массовые убийства были бы невозможны. Однако в подтверждение этого обвинение не представило доказательств и даже не ходатайствовало о приобщении подобных доказательств.

Установлено, что я в 1933 году проводил так называемый день антибойкота и в 1938 году участвовал в демонстрации, которую приказал проводить Геббельс. И я должен сказать, что, руководя этими мероприятиями, я не принимал никаких мер насилия, ничего не предпринимал против евреев и не участвовал в каких-либо мероприятиях против евреев.

Далее установлено, что во многих статьях моей газеты «Штюрмер» я считал совершенно естественным разрешение еврейского вопроса путем создания еврейского государства. Я требовал создания этого государства и поддерживал это требование. Эти факты доказывают, что я не хотел, чтобы еврейский вопрос был решен с применением насилия. Если в некоторых статьях моей еженедельной газеты «Штюрмер» я или другие авторы говорили об уничтожении или искоренении еврейства, то это были, так сказать, контрвысказывания, направленные против провокационных заявлений еврейских писателей...

Приказ Адольфа Гитлера о проведении массовых убийств, по его завещанию, должен был представлять возмездие за неблагоприятный ход войны, который тогда стал ясно выявляться. Эти действия главы государства объясняются точкой зреиия, отличной от моей. Гитлер хотел наказать евреев, так как считал их ответственными за развязывание войны и за воздушные налеты на немецкое население.

Обвинение в массовых убийствах я, таким образом, также отклоняю, как их отклоняет каждый честный немец.

Господа судьи! Будучи гаулейтером и политическим писателем-журналистом, я не совершал никаких преступлений и поэтому с чистой совестью встречу Ваш приговор. Вам, господа судьи, судьба вручила силу и дала право произнести приговор, любой приговор. Господа судьи, не произносите такого приговора, который заклеймил бы весь немецкий народ как бесчестный народ.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Вальтеру Функу.*

Функ: *Во время глубочайших страданий моего народа я примкнул к политическому движению... Легальиым путем это движение стало руководящим в государстве. Этому государству я служил как чиновник, основываясь на служебиом долге, и как исполнитель немецких законов. Я чувствовал себя в высшей степени обязаниым выполнять этот долг во время угрозы военной опасности и во время самой войны, когда под угрозой оказалось само существование родины. А во время войны государство зависит от лояльности и верности своих чиновников.*

Теперь здесь раскрылись кошмарные преступления, в которые были втянуты частично и руководимые мною учреждения. Об этом узнал я впервые лишь здесь, на Суде. Я не знал об этих преступлеииях и не мог знать о них. Эти преступления заставляют меня, как и любого немца, испытывать жгучий стыд. Я тщательно проверял совесть и память, открыто и честно сказал Суду все. Эти преступления заставляют меня краснеть. Я сказал Суду все, что знал, и ничего не умолчал.

В отношении вкладов СС в рейхсбанке я тоже действовал как президент рейхсбанка, выполняющий свой обязательный служебный долг. Прием золота и девизов относился согласно законному предписанию к деловым операциям рейхсбанка. То, что происходила конфискация этих ценностей подчинениыми Гиммлеру органами СС, не могло возбудить во мне никакого подозреиия.

Гиммлеру подчинялись вся полиция, пограничная охрана, а также люди, занимавшиеся поиском девизов в государстве и во всех оккупированных областях. Но Гиммлер обманул меня, обошел меня. Вплоть до этого процесса я не знал и не подозревал, что среди переданных рейхсбанку ценностей находилось колоссальное количество жемчуга, ценных камней, украшений, различных золотых вещей, оправы для очков и золотые зубы. Этого мне никогда не сообщали, я об этом не знал и никогда не видел этих вещей.

До этого процесса я также иичего не знал о том, что происходили убийства миллионов евреев в концентрационных лагерях и силами эйнзатцкоманд на Востоке. Ни разу ни один человек не говорил со мной о подобных случаях. Мне было неизвестно о существоваиии таких лагерей уничтожения. Я не знал ни одного из названных здесь лагерей и моя нога не ступала ни в один из них.

То, что часть полученного рейхсбанком золота и девизов сдавалась концлагерями, я все-таки предполагал, но с самого начала я сам говорил об этом во время всех допросов. Каждый должен был согласно немецкому закону сдавать такие ценности рейхсбанку. Кроме того, меня подробно не знакомили со способом и объемом этих поставок. Как же я мог хотя бы только предполагать, что СС добыла эти ценности путем осквернения трупов?

Если бы я знал об этом кошмаре, мой рейхсбанк никогда не взял бы такие ценности на хранение и для реализации. Я отказался бы от этого, даже невзирая на ту опасность, которая мне угрожала, даже если бы это могло мне стоить жизни. Если бы я знал об этих преступлениях, я не сидел бы сегодня на скамье подсудимых. В этом Вы можете быть уверены. Легче было бы мне лежать в земле, чем эта мучительная и позорная жизнь, которую я влачу из-за выдвинутых против меня обвинений и клеветы.

В результате принятых мною мер не погиб ни один человек. Я всегда уважал чужую собственность, всегда думал о том, чтобы оказать людям помощь в их нужде, поскольку я имел возможность внести в их существование радость и счастье. И многие будут и останутся мне за это благодарны.

Человеческая жизнь состоит из заблуждений и вины. Я также во многом заблуждался, и во многом меня обманули, и я должен открыто признать, что во многих вещах я был слишком беспечным и легковерным, в этом я вижу свою вину. Но я не чувствую себя виновным в уголовных преступлениях, которые я якобы совершил, выполняя мой долг по руководству моими учреждениями.

Я не виновен, в этом отношении моя совесть точно так же чиста, как в тот день, когда 10 месяцев тому назад я впервые переступил порог этого судебного зала.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Гельмару Шахту.*

Шахт: *Чувство справедливости во мне глубоко оскорблено тем, что в заключительных речах обвинение полностью игнорировало результаты представления доказательств на этом процессе. В соответствии с Уставом единственным обвинением против меня является то, что я стремился к войне, желал войны, но огромное число доказательств по моему делу показало, что я был фанатическим противником войны и пытался как активно, так и пассивно, прибегая к протестам, саботажу, хитрости и силе, предотвратить войну. Как может обвинение после этого утверждать, что я выступал за войну? Как может русский обвинитель заявлять, что я отвернулся от Гитлера лишь в 1943 году, в то время как я предпринял мою первую попытку совершить государственный переворот осенью 1938 года?*

Наконец, судья Джексон в заключительной речи выдвинул против меня новое обвинение, о котором до этого вообще не говорили на процессе, — якобы я планировал отпустить евреев из Германии за выкуп, оплаченный иностранной валютой.

Это неправда. Будучи возмущенным еврейским погромом в ноябре 1938 года, я добился от Гитлера согласия на проведение плана, который должен был облегчить эмиграцию евреев. Я хотел передать в ведение Международного комитета полтора миллиарда рейхсмарок из конфискованного еврейского состояния с тем, что Германия должна была взять на себя обязательство уплатить эту сумму комитету в 20-летний срок, в част-

ности, в иностранной валюте. Следовательно, это совершенно обратное тому, что утверждал здесь судья Джексон.

Я обсуждал этот план в декабре 1938 года в Лондоне с лордом Берштедтом, лордом Винтертоном и с американским представителем мистером Рабли. Все они благосклонно отнеслись к этому плану.

Но так как Гитлер вскоре после этого устранил меня из рейхсбанка, дело заглохло. Если бы этот план был проведен в жизнь, то ни один немецкий еврей не погиб бы.

Мое враждебное отношение к политике Гитлера было известно как внутри страны, так и за границей, и причем нвстолько хорошо, что поверенный в делах США мистер Керк еще в 1940 году, прежде чем он покинул свой пост в Берлине, прощаясь со мной, заявил, что он относится ко мне как к человеку, совершенно не запятнавшему себя, и что после войны на меня будут рассчитывать, о чем подробно говорил свидетель Гюльзе в докВзательстве № 37-б моей книги документов.

Вместо этого обвинение целый год в мировой печати выставляло меня к позорному столбу как разбойника, убийцу и обманщика. Я обязан этому обвинению тем, что на закате моей жизни оказался без средств к существованию и родины. Но обвинение заблуждается, если оно думает, что может причислить меня к «жалким сникшим фигурам», как оно заявило во вступительной речи.

Безусловно, у меня были политические заблуждения. Я никогда не претендовал быть политическим деятелем, но моя экономическая и финансовая политика в деле устранения безработицы путем предоставления кредитов оправдала себя. Число безработных упало с 7 миллионов до нуля. В 1938 году так сильно повысились государственные доходы, что были полностью гарантированы платежи по кредитам рейхсбанка. То, что Гитлер отказался от уплаты, которую он торжественно пообещал, явилось чудовищным обманом, который я не мог предвидеть.

Моя политическая ошибка заключалась в том, что я недостаточно скоро разгадал размах преступной натуры Гитлера. Но я не замарал моих рук ни одним незаконным или безнравственным поступком. Террор гестапо не запугал меня, потому что любой террор бессилен перед зовом совести. Именно она дает нам силу, нисходящую от религии. Несмотря на это, судья Джексон считал нужным упрекнуть меня в оппортунизме и трусости, и это после того, квк конец войны застал меня после десятимесячного пребывания в лагере уничтожения в Флоссенбюрге, где я только милостью судьбы избежал приказа Гитлера, обрекавшего меня на смерть.

Я стою перед завершением этого процесса, будучи потрясенным в глубине моей души тем невыразимым несчастьем, которое я пытался предотвратить, жертвуя собой и прибегая ко всем доступным средствам, но которое мне не привелось устранить не по моей вине. Поэтому я по-прежнему высоко держу голову, веря в то, что мир исцелится не с помощью нвсилия, а с помощью силы духа и соблюдения нравственности в поступках.

Председатель: *Последнее слово предоставляется Карлу Деницу.*

Дениц: *Я хочу высказаться по трем вопросам.*

Первое. Говорите и судите о справедливости подводной войны, проводимой Германией, так, как это подсказывает Вам

Ваша совесть. Я считаю, что такое ведение войны допустимо. Я действовал, сообразуясь с совестью. Если бы пришлось вновь вести войну, я поступил бы так же. Мои подчиненные, которые выполняли мои приказы, действовали, полагаясь на меня, действовали без тени сомнений относительно справедливости приказов и необходимости их выполнения. Моего мнения не изменит и предстоящий приговор, если он признвет, что они боролись неспрввведливо.

Второе. Здесь много говорили о заговоре, который якобы существовал у подсудимых. Я считаю это заявление политической догмой. Как таковую, ее нельзя доказать, в нее можно верить или отрицать. Но большая часть немецкого народа не поверит никогда, что такой заговор явился причиной его несчастья. Пускай политические деятели и юристы спорят об этом. Эти споры только приведут к тому, что немецкому народу будет трудно сделать выводы на основании этого процесса,— выводы, которые являются очень важными для определения отношения немецкого народа к прошедшему и действиям будущего. Ему будет трудно понять, что принцип фюрерства как политический принцип являлся неверным. Принцип фюрерства в военном отношении оправдал себя во всех армиях мира. Поэтому я считал такой принцип правильным и в политическом руководстве, в особенности в тот момент, когда народ находится в тяжелом положении, в таком положении, в каком находился немецкий народ в 1932 году. Огромные успехи нового правительства и неизвестное дотоле чувство счастья для нвции, казалось, оправдали этот принцип. Если же, несмотря на весь идеализм, честь и самоотверженность всего немецкого народа, принцип фюрерства не принес ничего, кроме несчастья для немецкого народв, в таком случае этот принцип является неверным, потому что человек, очевидно, не может использоввть силу этого принципа для совершения хорошего и подпвдает под власть злой воли.

Третье. Моя жизнь была посвящена моей профессии и служению немецкому народу. Как последний главнокомандующий военно-морским флотом и квк последний руководитель государства, глава государства, я считвю себя по отношению к немецкому народу ответственным за все то, что я сделал, и за все то, что я приказывал делать.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Эриху Редеру.*

Редер: *К концу представления доказательств процесс привел к результатам, которые были нежелательными для обвинителей... Показаниями свидетелей... опровергнуто обвинение в том, что мы якобы знали об убийстве миллионов евреев и других людей или, более того, даже участвовали в этом уничтожении. Обвинители на предварительных допросах уже выявили истину и тем не менее включили эти обвинения в Обвинительное звключение, уточняли их в перекрестных допросах. Обвинители, как проповедники морали, все время поддерживали свои обвинения... но эта попытка не увенчалась успехом.*

Вторым результатом процесса является тот факт, что на основании представленных доказательств было подтверждено, что немецкий военно-морской флот честно боролся и соблюдал звконы. Я и военно-морской флот стоим перед всем миром, перед историей и перед этим Судом чистыми, наше знамя не запятнано. Попытки господина Шоукросса постввить подводную войну на одну ступень со зверствами мы полностью

отвергаем, так как результаты представления доказательств не подтвердили этого, в особенности обвинения в том, что военно-морской флот якобы никогда не намеревался придерживаться законов ведения морской войны. Это утверждение оказалось лишенным оснований. Было доказано, что руководство военно-морского флота никогда не пренебрегало законами ведения войны...

Доказано, что руководство военно-морских сил все время пыталось вести войну, которая бы отвечала требованиям законов и человечности, так же как это пытались делать наши противники. Я очень сожалею о том, что обвинители все время пытались обесчестить меня и весь военно-морской флот, как это показывает вторая часть Обвинительного заключения, отличающаяся от первой только тем, что в ней больше резких выражений и нападок...

Я также убежден, что английские и американские обвинители сослужили плохую службу своему собственному военно-морскому флоту, представляя противника лишенным моральных устоев, хотя с этим противником их флоты долгие годы вели войну. Я убежден, что адмиралы этих двух государств[1] *понимают меня и знают, что они боролись не против преступников...*

Я резюмирую: как солдат я исполнял свой долг, так как был убежден, что служу немецкому народу и немецкому отечеству... И если я мог оказаться виновным вообще, то только в том отношении, что, несмотря на мое чисто военное положение, я был не только солдатом или, вернее, должен был быть не только солдатом, но и политическим деятелем. Это противоречило бы всем традициям немецкой армии, но это была бы вина только по отношению к немецкому народу, и это не может сделать меня военным преступником. Эту вину я признаю не перед людьми, а только перед Богом.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Бальдуру Шираху.*

Ширах: *24 мая я сделал здесь заявление*[2]*, за которое готов нести ответственность перед Богом и перед моей собственной совестью, заявление, которое полностью остается действительным и сегодня, так как оно выражало и выражает мое честное внутреннее убеждение.*

Английский обвинитель в заключительной речи заявил, что Ширах погубил миллионы немецких детей для того, чтобы сделать их тем, чем они стали сегодня — послушным орудием той политики убийств и насилий, которую проводили эти люди.

Если бы это обвинение было обоснованным, я не сказал бы ни слова в свое оправдание. Но это обвинение необоснованно, это неправда. Кто хотя бы в некоторой степени учитывает результаты представленных доказательств на этом процессе и честно воздает этим доказательствам должное, тот не может предъявить мне обвинения в том, что я своей воспитательной работой мог погубить молодежь и отравить ее душу.

---

[1] Англия и США. — **Прим. сост.**

[2] Ширах напоминает о своих показаниях, в частности, о следующем своем заявлении: «Моя вина заключается в том, что я воспитал эту молодежь для человека, который был убийцей, который погубил миллионы людей...». — **Прим. сост.**

Те принципы и те цели, которые я ставил перед молодежью, посредством которых я направлял весь коллектив, созданный под моим руководством, силами самой молодежи, были следующими: готовая на самопожертвование любовь к родине; преодоление сословных предрассудков и классовой ненависти; постоянная забота о здоровье и укреплении организма туризмом, спортом и играми; развитие профессионального обучения и, в особенности, товарищеское взаимопонимание молодежи за рубежом.

Эти принципы и цели я всегда помнил с молодых лет и считал их идеалом будущего немецкого национального воспитания. Эти принципы и цели не были мне предписаны партией и государством, и если бы Гитлер присутствовал здесь, то для моей защиты это не имело бы ни малейшего значения, ибо как имперский руководитель молодежи я ссылаюсь не на него, а только на самого себя. Принципы этого воспитания, существование которых ясно доказывается всеми моими речами, статьями и директивами, принципы, которым я оставался верным, будучи имперским руководителем молодежи, являются, по моему твердому убеждению, принципами, направляющими каждого руководителя молодежи, сознающего свой долг перед народом и молодежью.

Дела нашей молодежи, ее нравственное поведение доказали мою правоту и доказали, что молодежь никогда не была испорченной и не была мною погублена. Немецкая молодежь была и осталась трудолюбивой, нравственной, честной и приверженной идеалам. В мирное время она честно работала над собой, а во время войны смело выполняла свой долг перед нашим народом, нашим отечеством.

И в час, когда я в последний раз обращаюсь к этому Военному трибуналу четырех держав-победительниц, я с чистой совестью хочу подтвердить нашей немецкой молодежи, что она совершенно неповинна в вырождении и извращениях гитлеровского режима, что она никогда не хотела войны и что ни в мирное время, ни во время войны она не принимала участия в каких-либо преступлениях.

Я был в течение многих лет руководителем молодежи Германской империи и хорошо знаю развитие, настроения и поведение нашего молодого поколения. Кто может лучше знать его, чем я? Я всегда радовался, глядя на эту молодежь. В ее кругу я был всегда счастлив и всегда гордился ею. Я знаю, что на протяжении всех этих лет, когда я был руководителем молодежи империи, несмотря на то, что число членов исчислялось миллионами, молодежь (вообще и без исключения) не совершала поступков, за которые теперь она должна была бы краснеть.

Она ничего не знала о мучениях, зверствах, совершенных немцами, так же как она ничего не знала о совершаемой несправедливости, она и не хотела этой несправедливости. Даже самые ожесточенные люди послевоенного времени не могут подумать о том, что немецкая молодежь должна быть обвинена как преступная организация.

Беззаветная дружба в движении молодежи, которая как раз самым бедным детям народа несла большую любовь, верность родине, увлечение спортом и честное взаимопонимание с молодежью других народов, — вот что являлось целью молодежи и содержанием ее воспитания с первых и до последних дней моей работы в качестве имперского руководителя

молодежи. Эта молодежь действительно не заслужила той тяжкой судьбы, которая сейчас выпала на ее долю.

Моя собственная судьба — это дело второстепенное, но молодежь — надежда всего нашего народа, и если я в последнюю минуту высказываю просьбу, то эта просьба заключается в следующем. Вы как судьи помогите устранить искаженное представление о немецкой молодежи, представление, которое сегодня часто возникает в мире и которое не может выдержать исторической проверки. Скажите в своем приговоре всему миру, что использованный обвинителем пасквиль некоего Грегора Цимера не содержит ничего, кроме злостной клеветы человека, который свою ненависть ко всему немецкому перенес на молодежь.

Помогите и Вы как судьи тому, чтобы организации молодежи Ваших народов опять бы установили связь с немецкой молодежью и как раз именно там, где эта связь в 1939 году была прервана не по вине молодого поколения.

Сердца нашей молодежи переполнились благодарностью, когда она услышала слова лорда Бевириджа, который, как человек дальновидный, со страстью выступил за оправдание немецкой молодежи. Радостно она пожмет протянутую ей через развалины и руины руку.

Внесите своим приговором вклад в дело создания для молодого поколения атмосферы взаимного уважения, свободной от ненависти и мести. Это моя последняя просьба, искренняя просьба за нашу немецкую молодежь.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Фрицу Заукелю.*

Заукель: *Господа судьи, бесчеловечные действия, выявленные на этом процессе, поразили меня в самое сердце. Я с глубоким смирением склоняю свою голову перед жертвами всех наций и перед теми несчастиями и страданиями, которые разразились над моим собственным народом.*

Я происхожу из совершенно иной среды, чем лица, сидящие со мной вместе на скамье подсудимых. В душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим.

После первой мировой войны мой жизненный путь определился моими собственными переживаниями, связанными с заботами и горестями моего народа, боровшегося за свое существование. Внутренние конфликты вынудили меня заняться политикой. Я не мог быть не кем иным, как социалистом. Я никогда не был противником религии или даже атеистом, как раз наоборот, я был глубоко верующим человеком. Я вел тяжелую борьбу с самим собой прежде, чем я обратился к политике.

В конце концов я стал исповедовать социалистическую любовь и справедливость по отношению к тем, все богатство которых составляют их здоровые рабочие руки. Тем самым я соединил мою судьбу с судьбой всей нации. В этом я видел единственную возможность для соединения социалистического мировоззрения с истинной любовью к родине. Эта вера определила мою жизнь и мою деятельность. Я не видел здесь никакого противоречия с законами гуманизма. В фюрерстве и принципе повиновения ни в коей степени не видел неограниченной диктатуры или тирании.

Моя ошибка, очевидно, заключалась в том, что чувства и крайнее доверие затмили мой разум, что мое почитание Гитлера не имело пределов. Я знал его лишь как защитника жизненных прав германского народа, я видел в нем доброго человека

по отношению к рабочим, женщинам и детям. Того Гитлера, который предстал перед нами на данном процессе, я не знал.

Вторая моя ошибка, возможно, заключалась в моем одиночестве и в углублении в мир моих идей. Общественных связей с лицами, занимаашими высокие посты, у меня почти не было.

Все небольшое свободное время я отдавал моей семье. Я был счастлив и сейчас счастлив тем, что моя жена — дочь рабочего, который был социал-демократом и остался таковым.

Я торжественно заявляю в этом моем последнем слове: все внешнеполитические события и начало военных действий были для меня совершенно неожиданными. Ни при каких обстоятельствах я не принимал участия ни в планировании, ни в осуществлении безумного намерения вызвать дух, развязавший агрессивную войну.

Я стал национал-социалистом потому, что осуждал классовую борьбу, гражданскую войну и глубоко верил в стремления Гитлера добиться мирным путем взаимопонимания и созидательного труда. В моей сфере деятельности я всегда прилагал все усилия к тому, чтобы предотвратить возможность всяких перегибов, произвола и грубости. Я сам был рабочим и был достаточно наивен для того, чтобы вопреки установкам Гиммлера и Геббельса написать манифест об использовании рабочей силы, который требовал корректного и гуманного обращения с иностранными рабочими во всех организациях, и добиться его претворения в жизнь.

Я никогда не мог бы вынести без протеста тяжести сознания того, что мне известно об ужасных тайнах и преступлениях, я не мог бы предстать, зная об этом, перед глазами моего народа или моих невинных детей.

Я не принимал участия в каком-либо заговоре против мира или человечности и никогда не терпел никаких злодеяний. Во время войны я должен был выполнять мой долг. Должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы я получил совершенно неожиданно в 1942 году. Я был связан уже существовавшими законами о труде, поручениями фюрера и распоряжениями совета министров. Я не знаю, почему именно я получил эту должность. В моем гау я завоевал доверие рабочих, крестьян и ремесленников и еще до 1933 года был избран подавляющим большинством голосов на основании свободных выборов главой правительства провинции.

Я считаю, что провидение одарило меня хорошими способностями в области организации и практической деятельности, а также способностью воодушевляться. Может быть, поэтому я получил эту должность. Она возложила на мои плечи тяжелое бремя. Воздух Берлина был мне совершенно чужд. И потому что я рабочий, я никогда не думал о том, чтобы превратить иностранцев в рабов. Я всегда требовал, чтобы с людьми обращались должным образом. И если я требовал такого обращения с людьми, это не значит, что я думал их эксплуатировать. Я требовал разумного обращения и использования этих людей и никогда не намеревался совершать преступления против международного права, правил ведения войны и законов человечности. Ни минуты я не сомневался в законности и легальности моих задач, так как не считал, что германское правительство нарушит нормы международного права.

Если против меня были выдвинуты обвинения в том, что в оккупированных областях не применялись немецкие законы о

труде, то я должен возразить, что даже высокопоставленные французы, бельгийцы, поляки, русские заявляли мне, что они поддерживают Германию, выделяя в ее распоряжение рабочую силу, потому что они хотят спасти Европу от коммунистической системы и потому что они хотят предотвратить безработицу и массовую нужду.

Но я не только с максимальной энергией взялся за выполнение моих задач. Я одновременно прилагал все силы для того, чтобы любыми средствами ликвидировать прорыв в организации и снабжении иностранных рабочих, который возник в результате зимней катастрофы 1941—1942 годов, и устранить все неполадки и неувязки. Я считал также, как это показывают мои документы, что при корректном обращении, которого я требовал, иностранных рабочих можно было привлечь на нашу сторону.

Может быть, в глазах Гиммлера и Геббельса я был безнадежным утопистом. Они были моими противниками. Однако я честно боролся за то, чтобы все иностранные рабочие имели одинаковые права и были бы поставлены в равные условия с немцами. Об этом свидетельствуют большое количество документов моего защитника и все показания свидетелей, которые даны были здесь, перед лицом Высокого Суда.

Если мой труд не был завершен, никто не может об этом больше и сильнее сожалеть и ощущать это болезненнее, чем я сам. К сожалению, это лишь частично зависело от меня, как доказал это мой защитник. Предъявленные доказательства показали, что в оккупированных областях, находившихся в ведении военной администрации, и в рейхскомиссариатах происходили события, на которые учреждения, ведавшие использованием гражданской рабочей силы, не имели никакого влияния. Ко мне поступали жалобы с предприятий и из учреждений, подававших заявки на рабочую силу, о том, что постоянно не хватало рабочих и что я виновен в том, что военной экономике и продовольственному снабжению угрожал кризис. Эта ответственность и заботы настолько владели моей душой, что у меня оставалось слишком мало времени, чтобы думать о чем-либо другом. Я теперь сожалею об этом. За мои распоряжения всем подчиненным мне инстанциям несу ответственность я. Протоколы центрального планирования я увидел впервые только на этом процессе. В противном случае я уточнил бы неправильные места или места, вводящие в заблуждение, например, место о невероятно плохих условиях 200 тысяч добровольно прибывших в Германию рабочих. Это относится также к ряду моих высказываний, которые записывались третьими лицами, но не соответствовали действительности.

Потому что я рабочий и служил на иностранных судах, я испытывал чувство благодарности по отношению к иностранным рабочим, так как они хорошо работали в Германии и помогали нам. Это может служить доказательством того, что с ними в основном обращались корректно и по-человечески. Я сам их часто посещал, потому что сам был рабочим. В 1943 и 1944 годах я провел рождество среди иностранных рабочих Запада и Востока, чем показал свое истинное отношение к ним. Мои собственные дети работали рядом с иностранными рабочими и в одинаковых с ними условиях. Мог ли я или какой-либо другой германский рабочий, или германский народ рассматривать это как рабство? Это тяжелое положение было вызвано войной. Германский народ и германские рабочие ни-

когда бы не потерпели у себя такого состояния, которое можно было бы приравнять к рабству.

Мой защитник правдиво изложил мое дело, основываясь на подлинных фактах. Я благодарен ему всей душой. Он был строг и корректен при подготовке материалов по делу. Моя совесть и мои желания заключались в том, чтобы все ужасное, что было вызвано этой войной, было устранено. Я сам готов принять любую судьбу, которую ниспошлет мне провидение, как было уже с моим сыном. Гаулейтеры, которые стали затем моими уполномоченными по использованию рабочей силы, имели задачу заботиться о корректном обращении и должном снабжении германских и иностранных рабочих.

Да защитит Бог мой любимый народ и дело его тружеников, ради которых я жил! Да ниспошлет он подлинный мир человечеству!

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Альфреду Иодлю.

Иодль: Господин председатель, господа судьи! Моя непоколебимая вера заключается в том, что история более позднего времени выскажет объективное и справедливое суждение о высших военных руководителях и об их соратниках. Ибо они и вместе с ними вся германская армия стояли перед неразрешимой задачей, а именно: вести войну, к которой они не стремились, которой они не хотели, находясь под руководством верховного главнокомандующего, доверием которого они не пользовались и которому они сами не вполне доверяли, с применением методов, часто противоречащих их принципам и взглядам, унаследованным от прошлого и проверенным на практике.

Они должны были вести войну с использованием войск и полицейских частей, не полностью подчинявшихся их приказам, и с такой разведкой, которая работала отчасти в пользу противника. И все это при ясном сознании того, что война решала, будет существовать или погибнет любимое отечество. Они служили не аду и не преступнику, а своему народу и своему отечеству.

Что касается меня, то я думаю следующим образом: ни один человек не может совершить лучшего поступка, чем избрать из целей, представившихся в его положении, самую возвышенную. Это и только это давно было руководящим началом моих действий. И поэтому какой бы приговор ни вынесли Вы, господа судьи, я покину этот судебный зал с высоко поднятой головой, с какой вошел в него несколько месяцев назад. Тот, кто скажет, что я предал честные принципы германской армии, или тот, кто будет утверждать, что я остался на своем посту, будучи движим личными эгоистическими побуждениями, про того я скажу, что он далек от истины.

Во время такой войны, как эта, когда градом бомб уничтожали женщин и детей и когда партизаны применяли любые средства, которые казались им целесообразными, жестокие меры, хотя они и должны были казаться сомнительными с точки зрения международного права, не представляют собой преступления против морали и совести.

Я верю и признаю, что долг по отношению к своему народу и своей родине стоит превыше всего. Честь и высший закон заключались для меня в выполнении долга. Я горжусь этим. Пусть этот долг в будущие, более счастливые времена, уступит

место еще более возвышенному долгу — долгу по отношению ко всему человечеству.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Францу Папену.*

Папен: *Милорд, Высокий Суд! Когда я в 1919 году возвратился на родину, я увидел народ, разобщенный политическими распрями различных партий и пытавшийся после катастрофы найти новые формы жизни. В эти дни несчастья, постигшего мою родину, мне как немцу, сознающему свою ответственность, казалось, что я не вправе стоять в стороне без дела. Мне было ясно, что возрождение родины могло произойти только в мирной обстановке с помощью духовной борьбы, которая затрагивала бы не только политические формы, но и значительно в большей степени решение насущных социальных проблем, являющихся предпосылкой для любого умиротворения внутри страны.*

Противостоя атакам рационалистической идеологии, нужно было сохранить (и это было моим самым сильным убеждением) христианскую веру как исходный момент для новой созидательной работы. От того, каков будет исход этой внутренней борьбы, должно было зависеть сохранение мира в Европе.

Все лучшие годы моей жизни были посвящены этому вопросу, в общине, в парламенте, в прусском государстве и в империи. Тот, кто знаком с фактами, знает, что в 1932 году я не добивался высокого поста. Настойчивый призыв Гинденбурга от имени отечества явился для меня приказом.

Если я решился в тяжелой обстановке 1933 года к сотрудничеству с бесчисленным количеством людей, занимая при этом значительный пост, то только потому, что считал, что в этом заключается мой долг, и потому, что думал о возможности направить развитие национал-социализма по мирному пути, на котором сознавалась бы вся ответственность. Я надеялся, что сохранение христианских принципов явится лучшим противовесом идеологическому и политическому радикализму и обеспечит мирное развитие в области как внешней, так и внутренней политики. Эта цель не была достигнута. Силы зла оказались могущественнее, чем силы добра, и неотвратимо увлекли Германию к катастрофе.

Должны ли быть прокляты те, которые высоко держали знамя веры в ее борьбе с безверием? Дает ли это судье Джексону основание для заявления, что я был лишь ханжествующим агентом атеистического правительства? А что дает право сэру Хартли Шоукроссу говорить с издевательством, насмешкой и презрением: «Он предпочел господствовать в аду, нежели служить на небе»?

Господа обвинители, не Вам выносить такие суждения! Не Вам судить меня! Другие меня будут судить за это. Разве сегодня вопрос о защите преходящих ценностей не стоит еще более остро, в самом центре усилий по переустройству мира?

Я считаю, что могу с чистой совестью держать ответ. Любовь к родине и народу была единственным решающим мотивом всех моих действий. Когда я должен был говорить, я говорил без страха перед людьми. Я служил не нацистскому режиму, а родине. Когда не сбылись надежды в области внутренней политики, я пытался на дипломатическом посту предотвратить войну, спасти мир.

Обращаясь к моей совести, я не нахожу никакой вины там, где ее ищет и находит обвинение. В историческом плане она,

эта вина, может быть, заключается в трагическом 2 декабря 1932 г., когда, несмотря на банкротство конституции и угрозы Шлейхера начать гражданскую войну, я не сделал попытки всеми средствами побудить рейхспрезидента не изменять принятые им накануне решения.

Разве обвинение действительно хочет предать проклятию всех людей, которые согласились сотрудничать, будучи руководимы самыми хорошими чувствами? Разве обвинение хочет утверждать, что в 1932 году германский народ избрал Гитлера потому, что он хотел войны? Разве оно действительно хочет утверждать, что германский народ в большинстве своем принес эти огромные духовные и материальные жертвы и даже пожертвовал своей молодежью на поле битвы в этой войне для утопических и преступных целей Гитлера?

Перед Высоким Судом стоит очень трудная задача: сразу же после катастрофы выявить причины и следствия исторического развития и их действительную связь между собой. Если Высокий Суд установит историческую истину, будет выполнена и историческая миссия этого процесса. Тогда германский народ, несмотря на то, что его империя разрушена, поймет свои ошибки, но он также найдет в себе силу для выполнения своих задач в будущем.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Артуру Зейсс-Инкварту.

Зейсс-Инкварт: Господин председатель, в заключительном слове я хочу внести последний вклад в дело установления ясности в вопросы, явившиеся здесь предметом разбирательства, изложить личные мотивы и соображения, которыми я руководствовался в моих действиях.

Я мало что могу сказать по вопросу об Австрии. Я рассматриваю аншлюс изолированно от более поздних событий как исключительно внутригерманское явление. Для каждого австрийца аншлюс являлся самоцелью и никогда ни в чем не представлял собою шага по подготовке агрессивной войны. Идея аншлюса была слишком важной и слишком благородной целью германского народа.

«Я докладываю германскому народу о том, что закончена величайшая миссия моей жизни». Я повторил эти слова фюрера, произнесенные 15 марта 1938 г. в Гофбурге в Вене. Они были правдивы.

11 марта 1938 г. в 8 часов вечера, после того как был полностью устранен всякий другой политический и государственный авторитет, я избрал путь, предложенный Берлином. Причина этого заключалась в следующем: оказание неоправданного сопротивления тому, чтобы проводились упорядоченные выборы, практически и психологически проложило бы дорогу для совершения радикальных действий. Я спрашивал себя: имею ли я право выступать против этих методов после того, как стало очевидно, что путь оказался непроходимым. Поскольку акт присоединения казался оправданным, я чувствовал себя обязанным внести ту долю, которую я мог вложить, учитывая обстановку.

Я уверен, что именно от этого участия зависит то, что основной переворот, в частности в ночь иа 12 марта, произошел при сохранении спокойствия и без какого бы то ни было кровопролития, хотя у австрийских национал-социалистов накопилась сильная злоба. При всех обстоятельствах я был за объеди-

нение немцев независимо от того, какова будет форма правления в Германии.

Мне кажется, что обвинение ссылается на документы, относящиеся к периоду после аншлюса, для того, чтобы усмотреть в них мое стремление к аннексиям и к агрессии. Здесь идет речь о документах ПС-3640 и ПС-3645, которые предъявило французское обвинение в своей заключительной речи, и о документах ПС-3391 и ПС-2278, следовательно, о высказываниях относительно Дунайского бассейна и Чехословакии после 1 октября 1938 г. и о бассейне реки Вислы после 1 сентября 1939 г., после начала войны. Я и сейчас признаю эти высказывания, и время подтвердило их правильность. Пока Дунайский бассейн входил в состав Австрийской монархии, он процветал на благо всем, и германские элементы развивали не империалистическую, а культурную, экономически прогрессивную примирительную деятельность.

С тех пор, как это пространство оказалось расколотым в результате полной победы национального принципа, в нем не стало спокойствия. Помня это, я думал о создании общего жизненного пространства, которое, как я открыто говорил, обязательно должно было дать всем, то есть немцам, чехам, словакам, венграм и румынам, такой социальный порядок, чтобы каждому в отдельности жизнь была бы дорога. Так я думал и о Чехословакии, вспоминая при этом уравнение языков в Моравии, которому я сам был свидетелем.

И если я после 1939 года говорил о бассейне реки Вислы как о пространстве, которое должно решить судьбу Германии, то делал это, стараясь предотвратить опасность в будущем, опасность, которая с момента начала войны стала реальностью и которая сегодня для каждого немца превратилась в ужасную действительность. Для доказательства того, что существовало намерение вести агрессивную войну, это высказывание не может иметь доказательной силы.

Итак, началась эта война, которая, как я сразу понял и все время говорил, для германского народа была борьбой не на жизнь, а на смерть. На требование безоговорочной капитуляции я мог только ответить безоговорочным «нет» и безоговорочной отдачей всех моих сил. Я верю в то, что говорил Ратенау: «Смелые народы могут быть сломлены, но не могут быть поставлены на колени».

Что касается Нидерландов, то я хочу констатировать следующее: в Нидерландах имущественное состояние и личная свобода ни в одном случае не были ограничены из-за того, что человек во время оккупации был враждебно настроен по отношению к империи или нацистам, не занимаясь при этом враждебной деятельностью.

Я уже говорил о том, что в отношении эвакуации евреев у меня были серьезные, человеческие опасения и опасения правового характера. Сегодня я должен сказать себе, что, кажется, в самом деле мы имели право осуществлять эвакуацию в больших масштабах и на длительный срок. Ведь сейчас это коснулось более десяти миллионов немцев, которые столетиями жили на своих местах.

Начиная с середины 1944 года на основании приказа непосредственно фюрера полиция расстреливала лиц, уличенных в саботаже и терроризме. Только о таких расстрелах я слышал в

этот период, но ничего не слышал о расстрелах заложников в точном смысле этого слова.

Нидерландские патриоты, пожертвовавшие своей жизнью во время оккупации, по праву считаются сегодня погибшими героями.

Разве это не значит умалять их героизм, если представлять их только жертвами преступлений, утверждая тем самым, что их действия не были связаны с такими опасностями, если бы оккупационные власти вели себя корректно. Все они добровольно и активно участвовали в движении Сопротивления. Они разделили судьбу фронтовиков, пуля попадает в того, кто находится под огнем.

Разве я мог быть другом нидерландцев, если они выступали против моего народа, боровшегося за свое существование? Я мог только сожалеть, что пришел в эту страну не как друг, но я не был там ни палачом, ни (насколько мне позволяли обстоятельства) грабителем, как это утверждало советское обвинение. Мою совесть успокаивает то обстоятельство, что в тот период моей деятельности, за который я несу ответственность, то есть в период до середины 1944 года, положение нидерландского народа в биологическом отношении было лучшим, нежели во время первой мировой войны, хотя тогда не было ни оккупации, ни блокады. Об этом свидетельствуют цифры браков, рождений, данные о смертности и болезнях. Несомненно, это в известной степени является следствием ряда принятых мною мер, таких как повсеместное страхование больных, материальная помощь при заключении браков и рождении детей, установление социальной градации при взимании подоходного налога и т. д. Наконец, я не выполнил данного мне приказа подвергнуть страну разорению и по собственной инициативе провел приготовления к окончанию оккупации, предпринятой с целью обороны, когда сопротивление в Нидерландах потеряло всякий смысл.

Я еще хочу высказаться по двум вопросам; они касаются тех двух областей, в которых мне больше всего пришлось действовать.

Во-первых, относительно Австрии. Если австрийские немцы хотят сделать свою область самостоятельной или присоединиться к немцам — не надо насильно ставить преград и позволять посторонним личностям вмешиваться в это решение, иначе немецкий народ примкнет к самым радикальным тенденциям в вопросах аншлюса.

Во-вторых, относительно действий законов международного права во время войны. Германия в своих собственных интересах не должна желать войны, она должна следить за тем, чтобы никто не вложил в ее руки оружие. Другие народы также не хотят войны, но тем не менее, несмотря на все отвращение, питаемое народами к войне, возможность ее не исключена. Поэтому неправильно было бы стараться приукрасить будущую войну и тем самым ослаблять силу сопротивления народов, создавая у них представление, что грядущая мировая война будет еще каким-то образом удерживаться в рамках Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны или каких-либо иных международно-правовых соглашений.

Теперь мне остается сделать еще только одно заявление — о моем отношении к Адольфу Гитлеру. Он видел меру всех вещей только в самом себе. Показал ли он себя неспособным к осуществлению задачи, решающей весь исход войны,

оказался ли он человеком, который доходил в своих действиях до непостижимых крайностей в сопротивлении исходу неумолимой судьбы, для меня он остался человеком, сделавшим великую Германию действительной реальностью в германской истории. Ему, этому человеку, я служил.

Что же случилось потом? Я не могу кричать сегодня: «Распните его!» — после того, как еще вчера я провозглашал ему осанну.

В заключение я благодарю моего защитника за ту предусмотрительность и старание, которые он проявил, защищая меня. В своем последнем слове я выскажу свой принцип. Я верю в Германию.

Председатель: Последнее слово предоставляется подсудимому Альберту Шпееру.

Шпеер: Господин председатель, господа судьи! Гитлер и крах его системы причинили германскому народу невероятные страдания. Бесполезное продолжение войны и ненужные разрушения затруднили восстановление. Лишение и нужду терпит немецкий народ. После этого процесса немецкий народ будет презирать Гитлера и проклинать его как зачинщика всех несчастий. Диктатура Гитлера отличалась в одном принципиально от всех его исторических предшественников. Это была первая диктатура индустриального государства в эпоху современной техники, она целиком и полностью господствовала над своим собственным народом и техникой. Многие из выявленных здесь феноменов установления диктатуры были бы невозможны без помощи техники. С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у 80 миллионов людей было отнято самостоятельное мышление, они были подчинены воле одного человека. Телеграф, телефон и радио давали, например, возможность высшим инстанциям передавать свои приказы непосредственно низшим организациям, где они ввиду их высокого авторитета беспрекословно выполнялись. Это приводило к тому, что многочисленные инстанции и штабы были соединены непосредственно с верховным руководством, от которого они получали ужасные приказы; следствием этого был надзор за каждым гражданином государства и строгое засекречивание преступных действий. Для постороннего этот государственный аппарат покажется неразберихой среди всех проводов телефонной станции, но так же, как и станция, этот аппарат управлялся единой волей.

Прежние диктатуры нуждались в квалифицированных сотрудниках для низших организаций, в лицах, которые могли думать и действовать самостоятельно. Авторитарная система в период господства техники может отказаться от них, одни только средства связи позволяют механизировать деятельность низших звеньев управления государством. Как следствие этого возникает новый тип бессловесного исполнителя приказов.

Мы наблюдали только начало этого развития, кошмарное видение многих людей того, что однажды техника будет господствовать над людьми. Это видение стало почти действительностью в диктаторской системе Гитлера.

Гитлер использовал технику не только в целях господства над германским народом. Ему чуть не удалось благодаря своему техническому преимуществу подчинить себе Европу. Только некоторые серьезные ошибки в вопросах взаимодействия между отдельными руководящими органами, которые ввиду отсутствия критики являются типичными при диктатуре, были

причиной того, что Гитлер не имел в 1942 году вдвое больше танков, самолетов и подводных лодок.

Но если современное государство использует свою интеллигенцию, свою науку, развитие техники и свое производство в течение ряда лет для того, чтобы сделать шаг вперед в области вооружения, то оно может использовать людей для того, чтобы полностью подчинить мир, если другие нации в это время будут заняты тем, чтобы использовать успехи в развитии техники для культурного прогресса человечества.

Чем сильнее развита в мире техника, тем большую она таит опасность, тем больший вес имеют технические средства ведения войны.

Эта аойна окончилась управляемыми ракетами, самолетами, летающими со скоростью распространения звука, новыми видами подводных лодок и торпедами, которые сами находят свою цель, атомными бомбами и перспективами на ужасную химическую войну. Следующая война неизбежно явится войной, которая будет вестись под знаком новых разрушающих открытий человеческого разума.

Военная техника через пять — десять лет даст возможность проводить обстрел одного континента с другого при помощи ракет с абсолютной точностью попадания. Такая ракета, которая будет действовать силой расщепления атома и обслуживаться, может быть, всего десятью лицами, может уничтожить а Нью-Йорке а течение нескольких секунд миллион людей, достигая цели невидимо, без возможности предварительно знать об этом, быстрее, чем звук, ночью и днем. Появилась возможность распространять в различных странах заразные болезни среди людей и животных и при помощи бактерий уничтожать урожаи. Химия нашла страшные средства, чтобы причинить беспомощному человеку невыразимые страдания.

Неужели найдется такое государство, которое использует технические достижения этой войны для подготовки новой войны, а то время как весь остальной мир будет использовать технические преимущества этой войны на пользу человечества и, таким образом, попытается избавить его от этого ужаса?

Как бывший министр высоко развитой промышленности вооружения, я считаю своим последним долгом заявить:

Новая мировая война закончится уничтожением человеческой культуры и цивилизации. Ничто не может задержать развития техники и науки и помешать им завершить свое дело уничтожения людей, которое начато в таких страшных формах во время этой войны. Поэтому этот процесс должен способствовать тому, чтобы а будущем предотвратить опустошительные войны и заложить основы для мирного сосуществования народов. Что значит моя собственная судьба после того, что случилось, и перед лицом такой высокой цели!

Германский народ в предыдущие столетия внес большой аклад в развитие человеческой культуры. Этот вклад он вносил часто даже в такие времена, когда был таким же беспомощным и слабым, как и сейчас. Выдающиеся люди не поддаются отчаянию. Они создают новые творения, которые в условиях невероятного гнета, тяготеющего над всеми, будут еще величестаеннее.

Если немецкий народ в это неизбежное время своей бедности и бессилия, но одновременно и своего развития создаст новые произведения культуры, то этим самым он внесет в мироаую историю ценнейший вклад, какой в состоянии только

внести в своем положении. Историю человечества определяют не только войны, но и высшие достижения культуры, которые когда-нибудь станут достоянием всего человечества. А народ, который верит в свое будущее, не погибнет. Да защитит Бог Германию и западную культуру!

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Константину Нейрату.*

Нейрат: *Проникнутый убеждением, что и перед этим Высоким Судом правда и справедливость пробьют себе дорогу сквозь всю ненависть, клевету и искажение истины, я считаю, что мне остается добавить к словам моего защитника только одно: вся моя жизнь была посвящена служению правде и чести, сохранению мира и согласия между народами, человечности и справедливости, и моя совесть чиста как перед самим собой, так и перед историей и германским народом.*

Если же, несмотря на это, Ваш приговор объявит меня виновным, я сумею его перенести и принять на себя его тяжесть, как последнюю жертву, которую я приношу моему народу, служение которому составляло весь смысл и содержание всей моей жизни.

Председатель: *Последнее слово предоставляется подсудимому Гансу Фриче.*

Фриче: *Высокий Суд! Главные обвинители повторили в своих заключительных речах некоторые направленные против меня обвинения, хотя они, по моему мнению, явно опровергнуты в результате представления доказательств.*

В основном речь идет о следующих пунктах. Я сейчас не намереваюсь оглашать их, но если это не будет противоречить правилам Трибунала и если это будет угодно Трибуналу, то я попрошу Высокий Суд принять к сведению эти пункты, которые составлены мной и перевод которых уже готов. Я хотел бы сказать следующее. Если бы я в моем радиовещании занимался пропагандой, которую мне ставят в вину, если бы я пропагандировал учение о расе господ, ненависть по отношению к отдельным народам, призывал бы к агрессивной войне, насилию, убийству и бесчеловечности, если бы я делал все это, то германский народ отвернулся бы от меня и отверг бы систему, в пользу которой я выступал. Даже если бы я делал это в завуалированной форме, германский народ отвернулся бы от меня, он отклонил бы систему, за которую я выступал. Но несчастье заключается именно в том, что я не придерживался всех тех тезисов, в соответствии с которыми тайно действовал Гитлер со своим маленьким кругом приспешников, кругом, который, согласно показаниям свидетелей Гесса, Рейнеке и Моргена, постепенно вырисовывался из тумана, окутывавшего его.

Я верил заверениям Гитлера о его честном стремлении к миру. Я верил во все официальные германские опровержения иностранных сообщений о немецких зверствах. Моей верой я укреплял веру немецкого народа в честность германского государственного руководства. Вот в чем заключается моя вина. Ни больше, ни меньше.

Обвинители выразили свое возмущение своих народов по поводу тех зверств, которые совершались. Но ведь они никогда не ожидали ничего хорошего от Гитлера и все-таки они поражены масштабами того, что действительно происходило. Попытайтесь представить себе возмущение тех, кто ожидал от Гитлера лишь хорошего и кто увидел, что их верой, их доброй волей и их идеализмом злоупотребляли. Я нахожусь в положе-

нии человека, пережившего разочарование вместе со многими и многими другими немцами, о которых обвинители говорят, что они могли понять то, что происходило, видя дымящиеся трубы в концентрационных лагерях и то, как выглядели заключенные.

Я воспринимаю как огромное несчастье то обстоятельство, что обвинение изображает вещи таким образом, словно вся Германия была необъятной преисподней, в которой совершались преступления. Несчастье в том, что обвинение обобщает преступления, которые уже сами по себе ужасны. В противовес этому я должен констатировать: кто верил в Гитлера в годы мирного строительства, тот должен был продолжать верить, проявлять мужество и готовность приносить жертвы до тех пор, пока не смог увидеть в нем дьявола и раскрыть старательно скрывавшиеся тайны. Только таким образом можно объяснить ту борьбу, которую вела Германия в течение 68 месяцев. Такая готовность приносить жертвы зиждется не на преступной основе, а на идеализме и доброй вере в умную и якобы справедливую организацию.

Я сожалею о том, что обвинение обобщило преступления, потому что это еще больше увеличит ту ненависть, которой объят сейчас весь мир. Но уже давно наступило время остановить круговорот нового посева ненависти, которая до сих пор господствует в мире. Наконец, убийство 5 миллионов — грозное предостережение, а человечество сегодня владеет техническими средствами для самоуничтожения. Поэтому я считаю, что обвинение не должно прибавлять к доныне существовавшей новую ненависть. Я имею право говорить об этом перед лицом своей совести... Даже среди самых ожесточенных боев я всегда поднимал голос за человеколюбие. Это доказывает большое количество моих обращений, которыми всегда можно опровергнуть высказывания моих противников.

Вполне возможно, даже может быть понятно, что буря мирового возмущения, вызванная свершившимися злодеяниями, развеет границы индиаидуальной ответственности. Если это случится, если коллективная ответственность должна коснуться и людей, доверчивостью которых злоупотребили, тогда, господа судьи, привлекайте и меня к ответственности. Я не спрячусь, как уже подчеркивал мой защитник, за миллионы людей, доверчивостью которых злоупотребляли. Я встану впереди тех, для которых доверие к моим мыслям было дополнительной гарантией чистоты целей системы.

Эта моя позиция относится, однако, только к доверчивым, а не к виновным соучастникам или знавшим о злодеяниях, начиная от убийств и кончая выбором живых людей для анатомических коллекций.

Между этими преступлениями и мной существует только одна-единственная связь. Они использовали меня только иным образом, чем тех, которые пали их жертвами. Может быть, очень тяжело говорить о наличии таких преступлений и о наличии идеализма германского народа. Но ничего невозможного нет. Если это различие все-таки будет поддержано, тогда германскому народу и всему миру будет значительно легче.

Председатель: *Трибунал внимательно рассмотрит заявления, сделанные подсудимыми, а теперь объявит перерыв и удалится на совещание для вынесения приговора. Прежде чем удалиться на совещание, Трибунал хотел бы отметить ту добро-*

совестность, с которой представители обвинения и защиты выполнили свои обязанности.

У Трибунала есть сведения о том, что защитники все время получали письма от немцев, содержащие несправедливую критику поведения защитников на этом процессе. Трибунал считает необходимым оградить защитников от этой критики в той степени, в какой это будет необходимо, пока будет продолжаться процесс. Совершенно несомненно, что Контрольный Совет после окончания процесса также будет ограждать их от таких нападок. По мнению Трибунала, защитники выполняли очень важный общественный долг, в соответствии с высокими традициями своей профессии, и Трибунал благодарит их за оказанную ими помощь.

Теперь Трибунал объявляет перерыв до 23 сентября и удаляется на совещание для вынесения приговора. В этот день приговор будет оглашен. В том случае, если возникнет необходимость отложить дату оглашения приговора, будет сделано соответствующее объявление.

Приговор Международного военного трибунала

Особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР И.Т. НИКИТЧЕНКО

ПРИГОВОР[1]

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ,

заседавший в Нюрнберге (Германия) в составе:

достопочтенного лорда-судьи Джеффри Лоренса (члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — председателя),

достопочтенного судьи Нормана Биркетта (заместителя члена Трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии),

генерал-майора юстиции И.Т. Никитченко (члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

подполковника А.Ф. Волчкова (заместителя члена Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик),

достопочтенного Фрэнсиса Биддла (члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

достопочтенного Джона Дж. Паркера (заместителя члена Трибунала от Соединенных Штатов Америки),

господина профессора Анри Доннедье де Вабра (члена Трибунала от Французской Республики),

господина советника Робера Фалько (заместителя члена Трибунала от Французской Республики),

с привлечением уполномоченных, назначенных Трибуналом для допроса свидетелей по делу организаций: подполковника А.М.С. Нива — главного уполномоченного; господина И.В. Разумова; капитана Джозефа Ф. Губриди; господина Джорджа Р. Тэйлора; господина И.Д. Мак-Иллрейта; господина Армана Мартен-Авара и Секретариата Трибунала в составе: Генерального Секретаря: а) бригадного генерала Вильяма И. Митчелла с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г., б) полковника Джона Е. Рея с 24 июня 1946 г.; секретаря от Союза Советских Социалистических Республик майора А.И. Полторака; секретаря от Соединенных Штатов Америки: а) Гарольда Б. Вилли с 6 ноября 1945 г. до 16 июня 1946 г., б) Вальтера Гилкисона с 16 июня 1946 г.; секретаря от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии И.Д. Мак-Иллрейта; секретаря от Французской Республики А. Мартен-Авара;

рассматривал дело по обвинению: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Иодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: имперский кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской на-

---

[1] Печатается по тексту, хранящемуся в фонде Нюрнбергского процесса в Государственном архиве Российской Федерации: Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1648. ЛЛ. 1-361. Некоторые из перечисленных здесь фамилий даны в иной, чем принятая в настоящем сборнике, транскрипции. — **Прим. сост.**

ционал-социалистской партии (известные под названием СС), включая службу безопасности (известную под названием СД), государственная тайная полиция (известная под названием гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (известные под названием СА), генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил — всех, как они названы в приложении «В» к Обвинительному заключению;

С участием главных обвинителей:

от Соединенных Штатов Америки — господина судьи Роберта Х. Джексона;

от Союза Советских Социалистических Республик — государственного советника юстиции 2-го класса — Р.А. Руденко;

от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — сэра Хартли Шоукросса, адвоката Королевской скамьи, члена парламента;

от Французской Республики — господина Шампетье де Риба

и *защитников:*

подсудимого	Геринга	д-ра Отто Штамера
—" —	Гесса	д-ра Альфреда Зейдля
—" —	Риббентропа	д-ра Мартина Хорна
—" —	Кейтеля	д-ра Отто Нельте
—" —	Кальтенбруннера	д-ра Курта Кауффмана
—" —	Розенберга	д-ра Альфреда Тома
—" —	Франка	д-ра Альфреда Зейдля
—" —	Фрика	д-ра Отто Панненбекера
—" —	Штрейхера	д-ра Ганса Маркса
—" —	Функа	д-ра Фрица Заутера
—" —	Шахта	д-ра Рудольфа Дикса
—" —	Деница	капитана Отто Кранцбюллера
—" —	Редера	д-ра Вальтера Зимерса
—" —	фон Шираха	д-ра Фрица Заутера
—" —	Заукеля	д-ра Роберта Серватиуса
—" —	Иодля	проф. Франца Экснера
—" —	фон Папена	д-ра Эгона Кубушока
—" —	Зейсс-Инкварта	д-ра Густава Штейнбауэра
—" —	Шпеера	д-ра Ганса Флекснера
—" —	фон Нейрата	д-ра Отто фон Людингхаузена
—" —	Фриче	д-ра Гейнца Фрица
—" —	Бормана	д-ра Фридриха Бергольда

имперского кабинета (рейхсрегирунг) — д-ра Эгона Кубушока,

руководящего состава национал-социалистской партии — д-ра Роберта Серватиуса,

охранных отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СС) — д-ра Бабеля и д-ра Пелькмана,

службы безопасности (известной под названием СД) — д-ра Ганса Гавлика,

государственной тайной полиции (известной под названием гестапо) — д-ра Рудольфа Меркеля,

штурмовых отрядов национал-социалистской партии (известных под названием СА) — д-ра Георга Бёма,

генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил — д-ра Ганса Латернзера.

ПРИГОВОР

8 августа 1945 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден Трибунал для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

В соответствии со статьей 5-й Правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению: Греции, Дании, Югославии, Голландии, Чехословакии, Польши, Бельгии, Эфиопии, Австралии, Гондураса, Норвегии, Панамы, Люксембурга, Гаити, Новой Зеландии, Индии, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая.

Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции Трибунала.

Трибунал был облечен властью судить и наказать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, как они определены в Уставе.

Устав также предусматривает, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

18 октября 1945 г. в Берлине, в соответствии со статьей 14-й Устава, Трибуналу было представлено Обвинительное заключение в отношении вышеперечисленных подсудимых, которые были названы Комитетом главных обвинителей подписавших соглашение держав главными военными преступниками. Экземпляр Обвинительного заключения на немецком языке был вручен каждому подсудимому, находившемуся в заключении, по крайней мере, за 30 дней до начала процесса.

Согласно Обвинительному заключению подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн, которые являются также войнами в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий; военные преступления и преступления против человечности. Кроме того, подсудимым вменяется в вину участие в создании и осуществлении общего плана или заговора для совершения всех этих преступлений.

Обвинение далее просило Трибунал объявить все вышеназванные группы или организации преступными в том смысле, как это определено Уставом.

Обвиняемый Роберт Лей покончил с собой в тюрьме 25 октября 1945 г. 15 ноября 1945 г. Трибунал вынес постановление о том, что обвиняемый Густав Крупп фон Болен унд Гальбах не может предстать перед Судом в связи со своим физическим и умственным состоянием, но что обвинения, предъявленные ему по Обвинительному заключению, остаются в силе и обвиняемый должен будет впоследствии предстать перед судом, если его физическое и умственное состояние позволит это.

17 ноября 1945 г. Трибунал постановил слушать дело подсудимого Мартина Бормана в его отсутствие, в соответствии со статьей 12 Устава. После обсуждения аргументов и рассмотрения подробных медицинских заключений и заявления самого подсудимого 1 декабря 1945 г. Трибунал решил, что умственное состояние подсудимого Гесса не является основанием для откладывания

рассмотрения его дела. Подобное же решение было вынесено в отношении подсудимого Штрейхера.

В соответствии со статьями 16 и 23 Устава подсудимые, находящиеся в заключении, либо сами выбрали себе защитников, либо, по их желанию, защитники были назначены Трибуналом.

В связи с отсутствием подсудимого Бормана Трибунал назначил ему защитника, а также назначил защитников для названных выше групп или организаций.

Процесс начался 20 ноября 1945 г. и велся на четырех языках — английском, русском, французском и немецком. Все подсудимые, кроме Бормана, не признали себя виновными.

Предъявление доказательств и речи сторон закончились 31 августа 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания Трибунала. 33 свидетеля обвинения дали устные показания против отдельных подсудимых; кроме 19 подсудимых был допрошен 61 свидетель защиты. Еще 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы. Трибунал назначил уполномоченных для подбора доказательств, относящихся к организациям. 101 свидетель защиты дал показания перед уполномоченными, и было представлено 1809 письменных показаний других свидетелей. Было также представлено 6 отчетов, резюмирующих содержание большого числа других письменных показаний. 38 000 письменных показаний, подписанных 155 000 человек, было представлено по делу политических руководителей; 136 213 — по делу СС; 10 000 — по делу СА; 7 000 — по делу СД; 3 000 — по делу генерального штаба и ОКВ и 2 000 — по делу гестапо.

Трибунал сам заслушал 22 свидетеля по делу организаций. Документы, представленные в качестве доказательств по обвинению отдельных подсудимых и организаций, исчисляются несколькими тысячами. Во время процесса производилась полная стенографическая запись всего, что говорилось на Суде, а также электрозвукозапись всех заседаний Трибунала.

Копии всех документов, представленных в качестве доказательств обвинения, передавались защите на немецком языке. Ходатайства подсудимых о вызове свидетелей и истребовании документов в некоторых случаях вызывали серьезные затруднения в связи с неустройством в стране. Было также необходимо ограничить число свидетелей, вызываемых в Трибунал, для того, чтобы обеспечить скорый суд в соответствии со статьей 18-й (с) Устава. Трибунал после их рассмотрения удовлетворил все те ходатайства, которые, по его мнению, имели отношение к защите любого из подсудимых или любой из названных групп или организаций и не являлись кумулятивными. Через Генеральный секретариат, учрежденный Трибуналом, была предоставлена возможность доставки свидетелей и документов, ходатайства о вызове и истребовании которых были удовлетворены.

Большая часть доказательств, представленных Трибуналу обвинением, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и других местах. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копях, зарытыми в земле, спрятанными за ложными стенами и в других местах, которые считались недоступными с точки зрения обнаружения этих документов.

Таким образом, обвинение против подсудимых базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев.

ПОЛОЖЕНИЯ УСТАВА

Отдельные подсудимые обвиняются по статье 6 Устава, которая гласит:

«Статья 6. Трибунал, учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений.

Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».

Эти положения представляют собой правовую основу для Трибунала при рассмотрении данного судебного дела. Позднее Трибунал обсудит эти положения более детально, но перед этим необходимо остановиться на фактах.

С целью дать представление об обстановке, предшествовавшей агрессивной войне, и условиях совершения военных преступлений, инкриминируемых Обвинительным заключением, Трибунал начнет с обзора некоторых событий, последовавших за первой мировой войной, и, в частности, проследит за ходом развития нацистской партии под руководством Гитлера вплоть до момента, когда она стала той верховной властью, которая управляла судьбой всего немецкого народа и

готовила почву для всех тех преступлений, в совершении которых обвиняются подсудимые.

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ В ГЕРМАНИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЦЕЛИ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

5 января 1919 г., не более чем через два месяца после заключения перемирия, которым закончилась первая мировая война, и за шесть месяцев до подписания мирных договоров в Версале, в Германии появилась небольшая политическая партия под наименованием Германская рабочая партия. 12 сентября 1919 г. Адольф Гитлер стал членом этой партии и на первом открытом собрании, состоявшемся в Мюнхене 24 февраля 1920 г., объявил программу партии. Эта программа, остававшаяся неизменной до момента, когда партия была распущена в 1945 году, содержала 25 пунктов, из которых следующие 5 представляют особый интерес, поскольку они освещают те вопросы, рассмотрением которых занимается Трибунал:

«Пункт 1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

Пункт 2. Мы требуем для германского народа равных прав с другими нациями; аннулирования Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Пункт 3. Мы требуем земли и территории для существования нашего народа и для колонизации их нашим избыточным населением.

Пункт 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином; только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе...

Пункт 22. Мы требуем уничтожения наемных войск и создания национальной армии».

Одной из этих целей, которая, очевидно, рассматривалась как самая важная и о которой говорилось почти во всех публичных выступлениях, было уничтожение «позора» перемирия и ограничений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров. Типичной является речь Гитлера, произнесенная в Мюнхене 13 апреля 1923 г., в которой он, например, заявил относительно Версальского договора:

«Договор был создан для того, чтобы привести к гибели 20 миллионов немцев и погубить германскую нацию... При своем возникновении наше движение выдвинуло три требования: 1) аннулирование мирного договора, 2) объединение всех немцев, 3) земля и территория для нашего народа».

Требование о воссоединении всех немцев в пределах Великой Германии сыграло важную роль в событиях, предшествовавших захвату Австрии и Чехословакии; отказ от Версальского договора стал ведущим мотивом в попытке оправдать политику германского правительства.

Требования земельных приобретений должны были послужить оправданием для захвата «жизненного пространства» за счет других народов. Исключение евреев из расового единства германской крови привело к зверствам против еврейского народа, а требования национальной армии не могли не привести к мероприятиям по перевооружению в самом широком масштабе и впоследствии к войне.

29 июля 1921 г. партия, переименованная в Национал-социалистскую германскую рабочую партию (НСДАП), была реорганизована, и Гитлер стал ее первым «председателем». Именно в этом году были основаны штурмовые отряды, или СА, во главе с Гитлером, являвшиеся полувоенными отрядами личной охраны, которые якобы предназначались для защиты руководителей НСДАП от нападения со стороны соперничавших с ней политических партий и для поддержания порядка на митингах НСДАП, а на самом деле использовались для борьбы с политическими противниками на улицах. В марте 1923 года подсудимый Геринг был назначен руководителем СА.

Внутрипартийная жизнь строилась на непреложном соблюдении «принципа фюрерства» («фюрерпринцип»).

Согласно этому принципу каждый фюрер имел право управлять, администрировать и издавать распоряжения без всякого контроля и по своему собственному усмотрению, руководствуясь только указаниями сверху. Этот принцип осуществлялся прежде всего в отношении самого Гитлера как фюрера партии и затем, в меньшей степени, в отношении всех других партийных чиновников. Все члены партии давали клятву в «вечной верности» фюреру.

Существовало только два пути, при помощи которых Германия могла достичь этих трех главных целей: путем переговоров или силой. В 25 пунктах программы НСДАП не указываются специально те методы, которыми руководители партии предполагали действовать, однако история нацистского режима показывает, что Гитлер и его последователи были готовы вступить в переговоры только при том условии, если их требования будут удовлетворены, и что в противном случае ими применялась сила.

В ночь на 8 ноября 1923 г. в Мюнхене произошел неудавшийся путч. Гитлер и несколько его последователей ворвались на митинг в погребке «Бюргерброй», на котором выступал баварский премьер-министр Кар, с намерением добиться от него решения идти на Берлин. Однако утром 9 ноября баварцы не оказали им поддержки, и гитлеровская демонстрация была встречена вооруженными частями рейхсвера и полиции. Было сделано всего несколько залпов, и после того, как несколько десятков его последователей было убито, Гитлер убежал, спасая свою жизнь, и демонстрация кончилась. Подсудимые Штрейхер, Фрик, Гесс принимали участие в этой попытке к восстанию. Гитлер позднее предстал перед судом по обвинению в государственной измене, был осужден и приговорен к тюремному заключению. СА была объявлена вне закона.

Гитлер был освобожден из тюрьмы в 1924 году, и в 1925 году были созданы охранные отряды, или СС, якобы в качестве его личной охраны, а в действительности для того, чтобы терроризировать политических противников.

В том же году Гитлер опубликовал свою книгу «Майн кампф», где изложил свои политические взгляды и цели, которая стала рассматриваться впоследствии как первоисточник нацистской доктрины.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

В течение восьми лет, последовавших за опубликованием «Майн кампф», НСДАП широко распространила свою деятельность по всей Германии, сосредоточив свое внимание прежде всего на воспитании молодежи в духе идей национал-социализма. Первая нацистская молодежная организация начала свое сущест-

вование в 1922 году, но лишь в 1925 году Гитлерюгенд была официально признана НСДАП. В 1931 году Бальдур фон Ширах, который вступил в НСДАП в 1925 году, стал имперским руководителем молодежи НСДАП.

Партия приложила все усилия для того, чтобы завоевать политическую поддержку германского народа. Она выставила свои кандидатуры как в рейхстаг, так и в ландтаги.

Руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя Веймарской республики и замена его нацистским тоталитарным режимом, который позволил бы им открыто проводить свою политику, не встречая оппозиции.

Готовясь к тому дню, когда он намеревался захватить власть в Германии, Гитлер в январе 1929 года назначил Генриха Гиммлера рейхсфюрером СС, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную, отборную группу, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах. 30 января 1933 г. Гитлеру удалось добиться назначения его президентом фон Гинденбургом на пост канцлера империи. Подсудимые Геринг, Шахт и фон Папен очень активно действовали с тем, чтобы заручиться поддержкой для достижения этой цели.

Фон Папен был назначен рейхсканцлером 1 июня 1932 г. 14 июня он отменил декрет кабинета Брюнинга от 13 апреля 1932 г., которым распускались нацистские полувоенные организации, в том числе СА и СС. Это было сделано по соглашению между Гитлером и фон Папеном, хотя фон Папен отрицает, что это соглашение было заключено уже 28 мая, как это утверждает доктор Ганс Фольц в «Датах из истории НСДАП», но в своих показаниях фон Папен признает, что это было результатом такого соглашения.

Выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г. имели своим результатом огромный рост силы НСДАП, и фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера, от которого тот отказался, настаивая на предоставлении ему поста канцлера.

В ноябре 1932 года руководящими промышленниками и финансистами была подписана и представлена президенту фон Гинденбургу петиция, призывавшая его доверить канцлерство Гитлеру, причем Шахт принял видное участие в сборе подписей под этой петицией.

Выборы 6 ноября, которые последовали за поражением правительства, сократили число членов НСДАП, но фон Папен прилагал дальнейшие усилия к тому, чтобы склонить Гитлера войти в состав правительства, однако безуспешно.

12 ноября Шахт писал Гитлеру:

«Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к тому, что Вы станете канцлером. Как мне кажется, наша попытка собрать подписи в деловых кругах с этой целью в общем не была напрасной...».

После того как 16 ноября Гитлер отказался от поста, фон Папен ушел в отставку и за ним последовал генерал фон Шлейхер, но фон Папен все еще продолжал свою деятельность. Он встретился с Гитлером в доме кельнского банкира фон Шредера 4 января 1933 г. и также вместе с подсудимыми Герингом и другими присутствовал на совещании в доме подсудимого Риббентропа 22 января. 9 января он также имел беседу с президентом Гинденбургом и начиная с 22 января официально обсуждал с Гинденбургом вопрос о формировании кабинета во главе с Гитлером.

Гитлер созвал первое заседание своего кабинета в день своего назначения канцлером, на котором по долгу службы присутствовали подсудимые Геринг, Фрик, Функ, фон Нейрат и фон Папен.

28 февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага в Берлине. Этот поджог был использован Гитлером и его кабинетом для издания декрета, отменявшего конституционные гарантии свободы. Декрет был подписан президентом Гинденбургом и скреплен подписью Гитлера и подсудимого Фрика, который звнимал тогда пост имперского министра внутренних дел. 5 марта произошли выборы в рейхстаг, на которых НСДАП получила 288 мест из общего количества 647 мест. Кабинет Гитлера стремился провести «Закон о защите народа и империи», который дал бы ему полную законодательную власть, включая полномочия на отход от принципов конституции. Однако они[1] не имели необходимого большинства в рейхстаге для того, чтобы осуществить это конституционным путем. Поэтому они воспользовались декретом об отмене гарантии свободы и подвергли так называемому превентивному заключению большое число коммунистов — депутатов и партийных работников.

Сделав это, Гитлер внес «Закон о защите народа и империи» на рассмотрение рейхстага, и, после того, как он ясно показал, что в случае, если закон не пройдет, будут приняты дальнейшие насильственные меры, этот закон был принят 24 марта 1933 г.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Достигнув таким образом власти, НСДАП стала забирать в свои руки все области германской жизни. Другие политические партии преследовались, их собственность и имущество конфисковывались, и многие их члены были направлены в концентрационные лагеря.

26 апреля 1933 г. Геринг основал в Пруссии государственную тайную полицию, или гестапо, и сказал заместителю начальника гестапо, что главной задачей гестапо являлось уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера.

14 июля 1933 г. был издан закон, объявлявший НСДАП единственной политической партией и считавший преступлением существование или создание любой другой политической партии. Для того чтобы передать полный контроль над правительственной машиной в руки нацистских руководителей, была издана серия законов и декретов, которые ограничивали полномочия областных и местных правительств[2] во всей Германии, превращая их в ведомства, подчиненные правительству империи. Правительственные законодательные органы в провинциях были уничтожены, и вместе с ними были ликвидированы все местные выборы.

Затем правительство перешло к обеспечению контроля над деятельностью государственных учреждений. Это было достигнуто путем централизации и в результате тщательной чистки всей гражданской администрации.

Закон от 7 апреля предусматривал отставку чиновников «неарийского происхождения»; устанавливалось также, что «следует увольнять с работы чиновников, которых в связи с их прошлой по-

[1] То есть Гитлер и его клика. — **Прим. сост.**

[2] Речь идет о правительствах земель. — **Прим. сост.**

литической деятельностью нельзя с уверенностью рассматривать как людей, которые отдадут себя безоговорочно на службу национал-социалистскому государству».

Закон от 11 апреля 1933 г. предусматривал увольнение «всех гражданских служащих, принадлежащих к коммунистической партии». Подобным же образом под контроль были взяты и судебные органы. Судьи снимались со своих постов по политическим и расовым мотивам. За ними шпионили, и они подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы вынудить их вступить в нацистскую партию, причем в ином случае им грозило увольнение. Когда Верховный Суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвинявшихся в причастности к поджогу рейхстага, дела о государственной измене были изъяты из его юрисдикции и переданы вновь образованному «народному суду»[1], состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии. Были учреждены специальные суды для преследования лиц, совершивших политические преступления, причем только члены партии назначались на должность судей. Граждане арестовывались СС по политическим мотивам, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены нацистской партии, осужденные за совершение преступления, амнистировались. В 1935 году несколько должностных лиц концентрационного лагеря Хохштейн были обвинены в зверском обращении с заключенными. Высокопоставленные нацистские чиновники пытались оказать влияние на суд, и, после того, как эти должностные лица были осуждены, Гитлер всех их освободил. В 1934 году правительство рассылало всем германским судьям «письма судьям», инструктировавшие их, «какой генеральной линии» им следует придерживаться.

В своей решимости устранить все источники оппозиции руководители НСДАП обратили свое внимание на профессиональные союзы, церковь и евреев. В апреле 1933 года Гитлер приказал ныне умершему подсудимому Лею, который был тогда руководителем отдела кадров политической организации НСДАП, «взять на себя руководство профессиональными союзами». Большинство профессиональных союзов в Германии было объединено в две большие федерации — «свободные профессиональные союзы» и «христианские профессиональные союзы». В союзах, не входивших в эти две большие федерации, состояло только 15 процентов всех членов профсоюзов. 21 апреля 1933 г. Лей издал директиву НСДАП, объявлявшую о назначенной на 2 мая «акции по координации» против свободных профсоюзов. Директива предусматривала участие членов СА и СС в запланированном «захвате собственности профессиональных союзов и в помещении в превентивное заключение работников профсоюзов». По завершении этого мероприятия официальное пресс-бюро НСДАП сообщало, что национал-социалистские ячейки на предприятиях «устранили прежнее руководство свободными профсоюзами» и взяли руководство ими в свои руки. Подобным же образом 3 мая 1933 г. пресс-бюро НСДАП объявило, что «христианские профсоюзы безоговорочно отдали себя под руководство Адольфа Гитлера». Вместо профсоюзов нацистское правительство создало «Германский трудовой фронт», контролировавшийся НСДАП, в который практически были обязаны вступать все рабочие Германии. Председатели со-

[1] Речь идет о так называемой народной судебной палате. — **Прим. сост.**

юзов были взяты под стражу и подвергались жестокому обращению, которое включало все, начиная от физического насилия и побоев и кончая убийством.

В своем стремлении бороться с влиянием христианской церкви, доктрины которой находились в полном противоречии со взглядами и практикой национал-социализма, нацистское правительство действовало более медленно. Нацисты не пошли на такую крайнюю меру, как запрещение исповедования христианской религии, но год за годом они делали все, что могли, для того, чтобы ограничить влияние христианства на германский народ, поскольку, по словам подсудимого Бормана, обращенным к подсудимому Розенбергу в официальном письме, «христианская религия и национал-социалистские доктрины несовместимы». В июне 1941 года подсудимый Борман издал секретный декрет об отношениях между христианством и национал-социализмом. Декрет гласил:

«Впервые в истории Германии фюрер сознательно и полностью держит руководство в своих руках. В лице партии, ее составных частей и примыкающих к ней организаций фюрер создал для себя, и тем самым для Германской империи, орудие, которое делает его независимым от договора[1]... Следует все более и более изолировать народ от церкви и ее органов — пасторов... Никогда более нельзя уступать влияния на народ и руководство им церкви. Это влияние должно быть уничтожено целиком и навсегда. Только имперское правительство и, по его указанию, партия, ее составные части и примыкающие к ней организации имеют право руководить народом».

С самых ранних дней существования НСДАП антисемитизм занимал видное место в национал-социалистском мышлении и пропаганде. Считалось, что евреи не должны были иметь права на германское гражданство и что на них должна была возлагаться главная ответственность за все те бедствия, которые были причинены нации в результате войны 1914—1918 гг. Далее, антипатия к евреям усиливалась благодаря утверждению о превосходстве германской расы и крови. Вторая глава 1-й книги «Майн кампф» посвящена теории так называемой расы господ — доктрине арийского превосходства над другими нациями и праву немцев, в силу своего превосходства, господствовать над другими народами и использовать их для достижения собственных целей. С приходом нацистов к власти в 1933 году преследование евреев стало официальной государственной политикой. 1 апреля 1933 г. нацистский имперский кабинет одобрил бойкот еврейских предприятий, и в течение последующих лет была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных силах. В сентябре 1935 года были изданы так называемые нюрнбергские законы, наиболее важным последствием которых явилось лишение евреев германского гражданства. Таким образом, влияние еврейских элементов на положение вещей в Германии было ликвидировано, и еще один потенциальный источник оппозиции нацистской политике был устранен.

При любом рассмотрении вопроса о подавлении оппозиции не следует забывать кровавой резни 30 июня 1934 г. Она стала известна под названием «чистки Рема» или «кровавой бани» и рас-

[1] Речь идет о конкордате (см. том 1, с. 668). — **Прим. сост.**

крыла методы, к которым Гитлер и его ближайшие пособники, включая подсудимого Геринга, были готовы прибегнуть для подавления всякой оппозиции и для консолидации своей власти. В тот день Рем, бывший начальником штаба СА с 1931 года, был убит по приказу Гитлера, и «старая гвардия» СА была истреблена одним ударом без всякого суда. Этот случай был использован для уничтожения большого количества людей, которые в тот или иной период выступали против Гитлера.

Причиной для убийства Рема послужило то, что он замышлял свергнуть Гитлера, и подсудимый Геринг показал, что этот замысел дошел до его ушей. Нет необходимости устанавливать, было это действительно так или нет.

3 июля кабинет одобрил действия Гитлера, назвав это «законной самозащитой государства».

Вскоре после этого Гинденбург умер, и Гитлер стал одновременно имперским президентом и канцлером. Во время последовавшего за этим плебисцита, который проводился под контролем нацистов, 38 миллионов немцев выразили свое одобрение, и, после того как рейхсвер присягнул в верности фюреру, вся власть оказалась в руках Гитлера.

Германия приняла диктатуру со всеми ее террористическими методами, с ее циничным и открытым отрицанием управления посредством законов.

Помимо политики разгрома потенциальных противников нацистского режима, гитлеровское правительство предприняло активные шаги для того, чтобы укрепить свою власть над германским народом. В области образования было сделано все для того, чтобы германская молодежь воспитывалась в духе национал-социализма и воспринимала национал-социалистские идеи. Еще 7 апреля 1933 г. был принят закон о реорганизации государственной службы, который дал возможность нацистскому правительству устранить всех учителей, «занимающихся подрывной деятельностью и неблагонадежных в политическом отношении», и за этим последовало проведение целого ряда других мер, которые обеспечивали уверенность в том, что школы будут укомплектованы такими учителями, которым можно было доверить внедрение в сознание учеников национал-социалистских доктрин. Кроме внедрения национал-социалистских идей в школах, нацистские руководители опирались также на организацию «гитлеровской молодежи» для обеспечения фанатической поддержки своему режиму со стороны молодого поколения.

Подсудимый фон Ширах, который с 1931 года был имперским руководителем молодежи НСДАП, в июне 1933 года был назначен фюрером молодежи Германской империи. Вскоре все молодежные организации были распущены или поглощены «гитлеровской молодежью», за исключением организации католической молодежи. «Гитлеровская молодежь» была организована по строго военному принципу, и уже в 1933 году вермахт принимал участие в проведении допризывной подготовки гитлеровской молодежи.

Нацистское правительство пыталось объединить народ для поддержки его политики путем усиленного использования пропаганды. В Германии был учрежден целый ряд официальных агентств, в обязанность которых входили осуществление контроля и оказание влияния на прессу, радио, кино, издательства и т.д. и надзор за развлечениями, искусством и культурой. Все эти официальные агентства были подчинены министерству народного просвещения и пропаганды, возглавлявшему Геббельсом, которое вместе с соответствующей организацией в НСДАП и с имперской

палатой культуры несло полную ответственность за осуществление этого надзора. Подсудимый Розенберг играл ведущую роль в распространении национал-социалистских доктрин от имени партии, а подсудимый Фриче вместе с Геббельсом выполнял такую же задачу от имени государственных органов.

Особенно подчеркивалась высшая миссия германского народа — руководить и господствовать в силу его нордической крови и расовой чистоты, и таким образом была подготовлена почва к осуществлению идеи мирового господства.

В результате эффективного контроля над прессой и радио немецкий народ, начиная с 1933 года, был подвергнут сильнейшему воздействию пропаганды в пользу режима; и не только враждебная критика, но и всякая критика была запрещена. Независимые суждения, основанные на свободе мысли, стали совершенно невозможными.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ

В течение лет, непосредственно последовавших за тем, как Гитлер стал канцлером, нацистское правительство приступило к реорганизации всей экономической жизни Германии и, в особенности, промышленности производства вооружения. Это было проведено в больших масштабах и исключительно тщательно.

Было необходимо заложить финансовый фундамент для создания вооружения, и в апреле 1936 года подсудимому Герингу была поручена координация вопросов, связанных с сырьем и с иностранной валютой, и он был уполномочен осуществлять надзор за деятельностью государственных и партийных учреждений в этой области. В соответствии с этими обязанностями он собрал у себя одновременно военного министра, министра экономики, имперского министра финансов, президента имперского банка и министра финансов Пруссии для обсуждения вопросов, связанных с военной мобилизацией; 27 мая 1936 г. в выступлении перед вышеупомянутыми лицами Геринг возражал против какого-либо ограничения развития военной промышленности по финансовым соображениям, при этом он добавил: «Все меры должны рассматриваться с точки зрения обеспечения ведения войны».

На партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году Гитлер объявил об утверждении четырехлетнего плана и о назначении Геринга уполномоченным по его проведению. В это время Геринг уже осуществлял строительство мощных военно-воздушных сил, а 8 июля 1938 г. он заявил нескольким видным представителям авиационной промышленности Германии, что военно-воздушные силы Германии превосходят английские как по количеству, так и по качеству; 14 октября 1938 г. на другом совещании Геринг объявил, что Гитлер дал ему указания организовать проведение в жизнь гигантской программы вооружения, по сравнению с которой покажутся незначительными все предыдущие достижения. Он сказал, что ему было приказано в максимально короткий срок построить военно-воздушные силы, в пять раз превосходящие прежние, ускорить перевооружение армии и флота и обратить внимание на постройку наступательного оружия, в частности тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Затем он предложил конкретную программу по выполнению этих задач. Размеры, которых достигло вооружение, характеризуются Гитлером в его меморандуме от 9 октября 1939 г., после окончания польской кампании:

«Применение силы нашего народа в военных целях было проведено в таких размерах, что в течение короткого периода вре-

мени никакими усилиями нельзя добиться большего воздействия... Немецкий народ в настоящее время имеет больше дивизий, чем в 1914 году, и они вооружены в количественном и качественном отношении лучше.

Само оружие, в основном, является более современным, чем в других странах мира в настоящее время. Оно только что доказало свое военное превосходство в победоносной кампании... Нет никаких доказательств того, что какая-либо страна мира располагает лучшим вооружением, чем Германская империя. Ни одна страна мира не имеет такой зенитной артиллерии».

При этой реорганизации экономической жизни Германии для военных целей нацистское правительство встретило со стороны германской промышленности вооружения полное желание сотрудничать и сыграть свою роль в программе перевооружения. В апреле 1933 года Густав Крупп фон Болен от имени имперской ассоциации германских промышленников представил Гитлеру план реорганизации германской промышленности, который, как он заявил, характеризовался желанием координировать экономические меры с политической необходимостью. В самом плане Крупп заявил, что «поворот в политических событиях согласуется с желаниями, которые я сам и правление лелеяли в течение долгого времени». То, что Крупп хотел сказать этим заявлением, полностью раскрывается в проекте текста речи, которую он предполагал произнести в университете в Берлине в январе 1934 года, но эта речь никогда не была произнесена.

Касаясь периода с 1919 до 1933 год, Крупп писал: «Одной из великих заслуг всей германской военной экономики является то, что она не оставалась праздной в течение этих тяжелых лет, несмотря на то, что ее деятельность по совершенно понятным причинам не могла быть предана гласности. В годы тайной работы была заложена научная основа и подготовлен фундамент для того, чтобы в назначенный час быть готовыми снова работать для германских вооруженных сил без потерь времени, используя опыт. Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, полученному в тот же период путем производства товаров мирного времени, стало возможным после 1933 года идти в ногу с новыми задачами, возникшими в ходе восстановления германской военной мощи».

В октябре 1933 года Германия покинула Международную конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций. В 1935 году нацистское правительство решило, что оно может предпринять первые открытые шаги для снятия с себя обязательств по Версальскому договору. 10 марта 1935 г. подсудимый Геринг объявил, что Германия приступила к строительству военно-воздушных сил.

Через шесть дней, 16 марта 1935 г., был принят закон, подписанный, в числе прочих, подсудимыми Герингом, Гессом, Франком, Фриком, Шахтом и фон Нейратом, согласно которому вводилась обязательная воинская повинность и предусматривалось создание германской армии мирного времени численностью в 500 000 человек. Пытаясь вновь успокоить общественное мнение других стран, правительство 21 мая 1935 г. объявило, что Германия, несмотря на отказ от выполнения обязательств по статьям о разоружении, продолжает придерживаться территориальных ограничений, предусмотренных Версальским договором, и будет соблюдать Локарнский пакт. Несмотря на это, именно в тот день, когда было сделано это заявление, был принят секретный закон об обороне империи, опубликование которого было запрещено

Гитлером. Полномочия и обязанности канцлера и других министров на случай вступления Германии в войну были определены этим законом. Из этого закона явствует, что к маю 1935 года Гитлер и его правительство пришли к такому этапу в осуществлении своей политики, когда им было необходимо иметь соответствующий аппарат для администрации и управления Германией в том случае, если их политика приведет к войне.

В то время как проводилась подготовка германской экономики к войне, сами германские вооруженные силы подготавливались к восстановлению военной мощи Германии. Особенно активную подготовку проводил германский военно-морской флот. Официальные лица, занимавшиеся историей германского военно-морского флота, Асман и Гладиш, признают, что Версальский договор был в силе всего несколько месяцев до того, как он был нарушен, особенно в отношении создания подводного флота. Труды капитана Шлюсслера и полковника Шерфа, которые издавались под общим наблюдением подсудимого Редера, были предназначены для того, чтобы показать германскому народу огромный размах усилий флота в области перевооружения вопреки Версальскому договору. Полное содержание этих изданий представлено Суду в качестве доказательств.

12 мая 1934 г. Редер окончил разработку совершенно секретного плана вооружений, так называемой третьей фазы вооружения. В нем содержалась следующая фраза:

«Все теоретические и практические приготовления «А» должны быть закончены заблаговременно в расчете на готовность к войне без какого-либо предварительного периода приведения в боевую готовность».

Месяц спустя, в июне 1934 года, подсудимый Редер имел беседу с Гитлером, во время которой последний проинструктировал его о том, что он должен держать в тайне предпринятое тогда строительство подводных лодок и военных кораблей водоизмещением свыше 10 000 тонн.

2 ноября 1934 г. подсудимый Редер имел другую беседу с Гитлером и подсудимым Герингом, во время которой Гитлер заявил, что он считает жизненно необходимым, чтобы германский военно-морской флот был «увеличен в соответствии с планом, поскольку никакая война не может вестись, если военно-морской флот не будет в состоянии обеспечить безопасность транспортировки руды из Скандинавии».

Крупные заказы на строительство, поступившие в 1933 и 1934 гг., оправдываются подсудимым Редером на том основании, что к тому времени уже велись переговоры между Германией и Великобританией о соглашении, разрешающем Германии строительство кораблей сверх цифры, установленной Версальским договором. Это соглашение, подписанное в 1935 году, ограничивало тоннаж германского военно-морского флота одной третью по отношению к британскому, за исключением подводных лодок, относительно которых согласились на ограничение до 45 процентов, причем предусматривалось право превышения этих установленных ограничений при условии предварительного уведомления английского правительства с тем, чтобы оно имело возможность рассмотреть этот вопрос.

В 1937 году последовал англо-германский договор, согласно которому обе стороны обязались давать подробные сведения о своей программе строительства, по крайней мере, за четыре месяца до проведения какого-либо мероприятия. Признано, что Германия не придерживалась этих условий. Например, данные о во-

доизмещении кораблей линейного класса были на 20 процентов фальсифицированы, в то время как относительно подводных лодок немецкие историки Асман и Гладиш говорят следующее:

«Быть может, именно в области строительства подводных лодок Германия менее всего соблюдала ограничения англо-германского договора».

Значение этих нарушений договора становится ясным при рассмотрении причин этого перевооружения. В 1940 году подсудимый Редер писал:

«До последнего момента фюрер надеялся, что он сможет оттянуть нависший конфликт с Англией до 1944—1945 года. К этому времени военно-морской флот будет располагать кораблями, подавляющую часть которых будут составлять подводные лодки, и более выгодным соотношением сил в отношении всех других типов кораблей и особенно тех, которые предназначены для войны в открытом море».

21 мая 1935 г. нацистское правительство объявило о своем намерении уважать территориальные ограничения Версальского договора. 7 марта 1936 г. германские войска вопреки Версальскому договору вступили в демилитаризованную зону Рейнской области. Гитлер, объявляя об этом в рейхстаге, пытался оправдать реоккупацию ссылкой на только что заключенные договоры о союзе между Францией и Советским Союзом, а также между Чехословакией и Советским Союзом. Он также пытался предупредить враждебную реакцию, которую он, несомненно, ожидал в результате нарушения договора, заявляя: «У нас нет территориальных притязаний к Европе».

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР И АГРЕССИВНЫЕ ВОЙНЫ

Трибунал теперь обращается к рассмотрению преступлений против мира, которые инкриминируются Обвинительным заключением.

Раздел I Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину составление общего плана или заговора для совершения преступлений против мира.

Раздел II Обвинительного заключения вменяет подсудимым в вину совершение конкретных преступлений против мира путем планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против ряда государств.

Будет удобнее рассматривать вопрос о наличии общего плана и вопрос об агрессивной войне одновременно и остановиться на вопросе об индивидуальной ответственности этих подсудимых в последующих частях приговора.

Обвинение, содержащееся в Обвинительном заключении, а именно обвинение в планировании и ведении подсудимыми агрессивных войн, является наиболее серьезным обвинением.

Война по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных.

Первым актом агрессии, который инкриминируется подсудимым, согласно Обвинительному заключению, является захват Австрии и Чехословакии, а первая агрессивная война, упомянутая в Обвинительном заключении, — это война против Польши, начатая 1 сентября 1939 года. До рассмотрения всего обвинения необходимо подробно остановиться на некоторых событиях, которые предшествовали этим актам агрессии. Война против Польши не была внезапным ударом грома среди ясного неба. Из представленных доказательств с очевидностью явствует, что эта война, так же как захват Австрии и Чехословакии, была преднамеренным и тщательно подготовленным актом и началась лишь после того, как было решено, что наступил подходящий момент для проведения ее как определенной части заранее намеченной схемы и плана, потому что агрессивные планы нацистского правительства не возникли случайно в связи со сложившейся политической обстановкой в Европе и в мире. Они явились заранее предусмотренной и весьма существенной частью внешней политики нацистов.

С самого начала национал-социалистское движение претендовало на то, что целью его является объединение германского народа в сознании его миссии и предназначения, объединение, основанное на чертах, внутренне присущих ему, как расе, и осуществляемое под руководством фюрера.

Для достижения этого объединения считалось необходимым добиться двух целей: уничтожения порядка, сложившегося в Европе со времени подписания Версальского договора, и создания великой Германии в более широких границах, чем границы 1914 года. Это с несомненностью означало захват чужих территорий.

Война считалась неизбежным или, по крайней мере, очень вероятным условием достижения этих целей. Поэтому германский народ и все его ресурсы должны были быть организованы в громадную военно-политическую армию, выученную беспрекословно повиноваться любому политическому курсу, объявленному правительством.

ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ

В книге «Майн кампф» Гитлер очень ясно изложил эту точку зрения. Следует помнить, что «Майн кампф» — это не личный дневник, в который записывались тайные думы Гитлера. Скорее можно сказать, что содержание этой книги объявлялось с крыш домов. Эта книга использовалась в школах и университетах, среди гитлеровской молодежи, в СС и СА и вообще среди германского народа, вплоть до того, что один экземпляр этого издания вручался в качестве подарка всем молодоженам. В 1945 году уже было распространено шесть с половиной миллионов экземпляров этой книги. Общее ее содержание хорошо известно. Снова и снова Гитлер проповедовал в ней свое убеждение в необходимости применять силу в качестве средства разрешения международных проблем, как это выражено в следующей цитате:

«Земля, на которой мы сейчас живем, не была даром небес нашим предкам. Они должны были завоевать ее, рискуя жизнью. Точно так же и в будущем наш народ не получит территорий и тем самым средств к существованию как благодеяние от какого-нибудь другого народа; он должен будет завоевать их силой торжествующего меча».

«Майн кампф» содержит много таких заявлений и открыто превозносит силу как орудие внешней политики.

Конкретные цели этой политики силы также подробно изложены в этой книге. Уже на первой странице утверждается, что «Германо-Австрия должна быть воссоединена с великой германской матерью-родиной» и не на экономической основе, а потому, что «народы одной крови должны жить в пределах одной империи».

Восстановление германских границ 1914 года объявляется недостаточным, и говорится, что, если Германия вообще хочет существовать, она должна существовать в качестве мировой державы и обладать необходимыми для этого обширными территориями.

В «Майн кампф» совершенно ясно указывается, где именно следует искать эти территории для расширения пространства Германии:

«Поэтому мы, национал-социалисты, совершенно намеренно зачеркнули линию поведения, которой следовала предвоенная Германия в своей внешней политике. Мы положили конец вечному германскому продвижению на Юг и Запад Европы и обратили наши взоры к землям на Востоке. Мы, наконец, положили предел колониальной политике и торговой политике предвоенных времен и перешли к территориальной политике будущего. Но когда мы говорим о новых территориях в Европе сегодня, мы должны, главным образом, думать о России и о пограничных государствах, подчиненных ей».

«Майн кампф» не должна рассматриваться как простое литературное упражнение или как изложение неизменной политики или плана, который не может быть модифицирован. Важное значение этой книги заключается в безусловной ее агрессивной тенденции, которая ясно проходит через все ее содержание.

ПЛАНИРОВАНИЕ АГРЕССИИ

Доказательства, содержащиеся в захваченных документах, показывают, что Гитлер провел четыре секретных совещания, на которых Трибунал намеревается специально остановиться в силу того, что они проливают особый свет на вопрос об общем плане и агрессивной войне.

Эти совещания состоялись 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г., 22 августа 1939 г. и 23 ноября 1939 г. На этих совещаниях Гитлер сделал важные заявления о своих целях, которые в самых своих формулировках совершенно исключают возможность ошибки.

Эти документы, излагающие содержание совещаний, были подвергнуты некоторой критике со стороны защиты. В сущности, их аутентичность не отрицается, но заявляется, например, что они не являются точными стенограммами речей, которые в них записаны, что документ, относящийся к совещанию 5 ноября 1937 г., датирован числом на пять дней более поздним, чем дата совещания, и что два документа, относящиеся к совещанию от 22 августа 1939 г., отличаются друг от друга и не подписаны.

Полностью учитывая критику такого рода, Трибунал придерживается мнения, что эти документы являются документами очень большого значения и что их аутентичность и достоверность их содержания являются установленным фактом.

Они с очевидностью представляют собой тщательную запись событий, которые в них изложены, и именно в качестве таковых они хранились в архивах германского правительства, где они и были захвачены. Такого рода документы никогда не могут быть оспорены как выдуманные или даже неточные и искаженные. Они

просто излагают события, которые в действительности имели место.

Совещания 23 ноября 1939 г. и 5 ноября 1937 г.

Быть может, будет более целесообразно прежде всего рассмотреть совещание от 23 ноября 1939 г., на которое Гитлер созвал своих высших командующих. Протокол того, что говорилось, был записан одним из присутствовавших. К тому времени, когда происходило совещание, Австрия и Чехословакия уже были включены в состав Германской империи, Польша была захвачена германскими армиями, а военные действия против Англии и Франции все еще находились в статическом состоянии. Наступил подходящий момент для обзора истекших событий. Гитлер информировал командующих, что целью совещания являлось дать им представление об образе его мыслей и сообщить им о его решениях. Он затем сделал обзор политических задач, начиная с 1919 года, напомнил о выходе Германии из Лиги Наций, об уходе с конференции по разоружению, о приказе о перевооружении, о введении обязательной воинской повинности, об оккупации Рейнской области, захвате Австрии и операциях против Чехословакии.

Он заявил: «Через год пришла очередь Австрии; этот шаг тоже рассматривали как сомнительный. Он принес с собой значительное усиление империи. Следующим шагом были Богемия, Моравия и Польша. Это тоже было невозможно осуществить в течение одной кампании. Прежде всего нужно было закончить строительство укреплений на Западе. Невозможно было достигнуть этой цели одним усилием. Для меня было ясно с самого начала, что я не могу довольствоваться Судетской территорией, принадлежавшей ранее Германии. Это было только частичное решение. Тогда было принято решение вступить в Богемию. Затем последовало создание протектората и тем самым была создана основа для действия против Польши; но в то время мне было еще не совсем ясно, должен ли я выступить сначала на Востоке, а потом на Западе или наоборот. В основном я создал вооруженные силы не для того, чтобы не наносить удара. Решение нанести удар всегда существовало во мне. Рано или поздно я хотел разрешить эту проблему. По необходимости было решено, что сначала будет произведено нападение на Востоке».

Это сообщение, в котором приводится обзор прошедших событий и вновь подтверждаются агрессивные намерения, существовавшие с самого начала, не оставляет никаких сомнений относительно характера операций против Австрии и Чехословакии и войны против Польши, потому что эти операции были проведены в соответствии с планом, и характер этого плана должен быть теперь рассмотрен несколько более подробно.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер оглядывается на уже завершенные мероприятия. На более ранних совещаниях, которые будут нами рассмотрены теперь, он смотрел вперед и раскрывал перед своими сообщниками новые планы. Весьма поучительно сравнить эти совещания.

На совещании, состоявшемся в Берлине в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г., присутствовал подполковник Госсбах, личный адъютант Гитлера, который составил длинную запись совещания, датировав ее 10 ноября 1937 г., и подписал ее.

На совещании присутствовали: Гитлер, подсудимые: Геринг как главнокомандующий военно-воздушными силами, фон Нейрат

как имперский министр иностранных дел и Редер как главнокомандующий военно-морским флотом, а также генерал фон Бломберг — военный министр и генерал фон Фрич — главнокомандующий сухопутными силами.

Гитлер начал с заявления о том, что тема совещания является настолько важной, что в других государствах она была бы подвергнута обсуждению на заседании кабинета. Затем он заявил, что содержание его речи является результатом его долгих размышлений и его опыта за четыре с половиной года пребывания в правительстве. Он требовал считать заявления, которые он собирался сделать, его последней волей и завещанием на случай его смерти. Лейтмотивом выступления Гитлера явился вопрос о жизненном пространстве, причем он рассматривал несколько возможных решений лишь с тем, чтобы отклонить их. Затем он заявил, что захват жизненного пространства на европейском континенте является поэтому необходимым, и изложил свои мысли следующим образом: «Речь идет не о захвате народов, а о захвате пространства, пригодного для сельского хозяйства. Будет также рациональнее искать территории, производящие сырье, в Европе, в непосредственной близости к империи, а не за океаном, и это решение должно быть проведено в жизнь одним или двумя поколениями... История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территорий без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем».

Он заключил свою речь следующим замечанием:

«Вопрос для Германии заключается в том, где возможны наибольшие завоевания при наименьших затратах».

Ничто иное не могло более ясно раскрыть агрессивные намерения Гитлера; последующие события доказали реальность этих намерений. Невозможно принять точку зрения, что Гитлер, по существу, не имел в виду войну, потому что после того, как он заявил, что Германии следует ожидать противодействия со стороны Англии и Франции, и проанализировал силу и слабость этих держав при определенных обстоятельствах, он продолжал: «Проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой, а это никогда не может быть сделано без риска. Если мы сделаем решение применять силу и идти на риск основой наших стремлений, тогда нам останется лишь ответить на вопросы "когда" и "как". В этой связи мы должны рассмотреть три различных случая».

В первом из этих трех случаев проводилось гипотетическое международное положение, при котором он должен был начать действовать не позже чем в 1943—1945 гг., причем он говорил: «Если фюрер все еще будет жить в то время, его непоколебимым решением явится разрешить германскую проблему пространства не позже чем в 1943—1945 гг. Необходимость действовать до 1943—1945 гг. будет рассмотрена в случаях втором и третьем».

Второй и третий случаи, на которых остановился Гитлер, обнаруживают явное намерение захватить Австрию и Чехословакию, и в этой связи Гитлер заявил:

«Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну является завоевать Чехословакию и Австрию одним ударом

для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного продвижения на Запад». Далее он добавил:

«Аннексия этих двух государств Германией в военном и политическом отношении даст нам значительное облегчение, благодаря тому, что мы получим более короткие и более удобные границы, освободив войска для других целей, и получим возможность создать новые армии, численностью примерно до 12 дивизий».

Это решение захватить Австрию и Чехословакию обсуждается довольно подробно и принимается решение провести эту операцию сразу же после того, как представится благоприятный момент.

Военная мощь, которую Германия создавала начиная с 1933 года, должна была теперь быть направлена против двух определенных стран — Австрии и Чехословакии.

В своих показаниях подсудимый Геринг заявил, что он в то время не считал, что Гитлер в действительности имел в виду напасть на Австрию и Чехословакию, и что целью совещания было лишь оказать давление на фон Фрича с тем, чтобы ускорить перевооружение армии.

Подсудимый Редер показал, что ни он, ни фон Фрич, ни фон Бломберг не верили, что Гитлер в действительности имел в виду войну, причем подсудимый Редер утверждает, что он придерживался этого убеждения до 22 августа 1939 г. Основанием для такого рода убеждения была надежда на то, что Гитлер добьется «политического решения» проблем, стоящих перед Германией. Однако, если вникнуть в смысл, эти слова означают лишь уверенность в том, что позиция Германии будет столь хорошей, а военная ее мощь столь подавляющей, что желаемые территории будут получены без борьбы. Следует также помнить, что высказанные Гитлером намерения в отношении Австрии были фактически осуществлены через четыре с лишним месяца после совещания, а менее чем через год была захвачена первая часть Чехословакии, а еще через несколько месяцев — Богемия и Моравия. Если в ноябре 1937 года у некоторых из его слушателей могли еще быть сомнения, то после марта 1939 года уже не могло оставаться никаких сомнений в том, что Гитлер был абсолютно серьезен в своем решении прибегнуть к войне.

Трибунал считает доказанным, что в своем существе отчет подполковника Госсбаха об этом совещании является правильным и что присутствовавшие знали, что Австрия и Чехословакия будут аннексированы Германией при первой представившейся возможности.

ЗАХВАТ АВСТРИИ

Вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран.

В результате фланги Германии были прикрыты, а фланги Чехословакии значительно ослаблены. Это был первый шаг по пути захвата «жизненного пространства». Было получено много новых дивизий обученных солдат, и после захвата резервов иностранной валюты была значительно укреплена основа для выполнения программы перевооружения.

21 мая 1935 г. Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия не имеет намерения ни нападать на Австрию, ни вмешиваться в ее внутренние дела. 1 мая 1936 г. он в открытом выступлении объединил Чехословакию и Австрию, заявив о своих мирных намере-

ниях в отношении как одной страны, так и другой. И еще 11 июля 1936 г. он договором признал полнейший суверенитет Австрии.

Австрия была фактически захвачена Германией в марте 1938 года. В течение многих лет до этого национал-социалисты в Германии сотрудничали с национал-социалистами в Австрии для того, чтобы добиться конечной цели — включения Австрии в состав Германской империи. Путч 25 июля 1934 г., приведший в результате к убийству канцлера Дольфуса, имел своей целью захват Австрии. Но путч не удался и имел своим последствием объявление национал-социалистской партии в Австрии вне закона.

11 июля 1936 г. между двумя странами было заключено соглашение, статья 1 которого гласит:

«Германское правительство признает полный суверенитет федерального государства Австрии в духе заявления германского фюрера и канцлера от 21 мая 1935 г.».

Статья 2 декларировала: «Каждое из двух правительств рассматривает внутренний политический порядок (в том числе вопрос об австрийском национал-социализме), существующий в другой стране, как внутреннее дело этой другой страны, на который оно не будет оказывать ни прямого, ни косвенного влияния».

Однако национал-социалисты в Австрии продолжали свою подпольную деятельность втайне, а национал-социалисты в Германии оказывали партии активную поддержку; возникавшие в результате «инциденты» подхватывались германскими национал-социалистами как повод для вмешательства во внутренние дела Австрии. После совещания 5 ноября 1937 г. количество этих «инцидентов» стало быстро увеличиваться. Отношения между двумя странами постоянно ухудшались, и в конце концов подсудимый фон Папен и другие убедили австрийского канцлера Шушнига добиваться встречи с Гитлером, которая в действительности произошла в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Подсудимый Кейтель присутствовал на совещании, на котором Гитлер угрожал доктору Шушнигу немедленным вторжением в Австрию. Шушниг в конце концов согласился на политическую амнистию в отношении различных категорий нацистов, осужденных за преступления, и на то, чтобы назначить нациста Зейсс-Инкварта министром внутренних дел и безопасности и передать ему контроль над полицией.

9 марта 1938 г., пытаясь сохранить независимость своей страны, доктор Шушниг решил провести плебисцит по вопросу о независимости Австрии и назначил его на 13 марта 1938 г. Через два дня Гитлер направил Шушнигу ультиматум, в котором требовал отмены плебисцита.

В течение дня и вечера 11 марта 1938 г. подсудимый Геринг предъявил целый ряд требований австрийскому правительству, причем каждое из них подкреплялось угрозой вторжения. После того как Шушниг согласился на отмену плебисцита, было выдвинуто новое требование о том, чтобы Шушниг ушел в отставку, а подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен канцлером. В результате Шушниг вышел в отставку, а президент Миклас, сначала отказавшийся назначить Зейсс-Инкварта канцлером, впоследствии уступил и назначил его на этот пост.

В то же самое время Гитлер отдал окончательный приказ германским войскам пересечь границу на рассвете 12 числа и дал инструкцию Зейсс-Инкварту использовать военизированные формирования австрийских национал-социалистов для того, чтобы сместить Микласа и захватить контроль над австрийским правительством. После того как германским войскам был отдан приказ вступить в Австрию, Геринг позвонил по телефону в германское

посольство в Вене и продиктовал текст телеграммы, которую по его настоянию Зейсс-Инкварт должен был послать Гитлеру с тем, чтобы оправдать военные действия, приказ о которых был уже отдан. Телеграмма гласила:

«Временное правительство Австрии, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установить мир и порядок в Австрии, направляет германскому правительству настойчивую просьбу поддержать его в выполнении этой задачи и помочь ему предотвратить кровопролитие. С этой целью оно просит германское правительство как можно скорее прислать германские войска».

Кепплер, один из сотрудников германского посольства, ответил:

«Отряды СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно».

После дальнейшего обсуждения Геринг сообщил: «Прошу Вас показать текст этой телеграммы Зейсс-Инкварту и сообщить ему, что мы просим... что уже ему нет даже необходимости посылать телеграмму. Все, что он должен сделать, это сказать «согласен».

Зейсс-Инкварт никогда не посылал этой телеграммы, он даже никогда не телеграфировал: «согласен». Оказывается, что как только он был назначен канцлером, в течение дня после 10 часов утра он посетил Кепплера и просил его позвонить Гитлеру и передать ему протест против оккупации.

Этот шаг привел в ярость подсудимого Геринга, потому что это нарушило бы покой фюрера, который собирался поехать в Австрию на следующий день.

В 11 час. 15 мин. вечера чиновник министерства пропаганды связался по телефону с германским посольством в Вене, и Кепплер сказал ему: «Сообщите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен».

На рассвете 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, не встретив сопротивления. В германской прессе было объявлено, что Зейсс-Инкварт был назначен преемником Шушнига, и телеграмма, текст которой предложил Геринг, но которая никогда не была послана, цитировалась с тем, чтобы показать, что Зейсс-Инкварт просил о присылке германских войск для предотвращения беспорядков. 13 марта 1938 г. был издан закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Зейсс-Инкварт требовал, чтобы президент Миклас подписал этот закон, но последний отказался сделать это и ушел в отставку. Его место занял Зейсс-Инкварт, подписавший закон от имени Австрии. Этот закон затем был принят как имперский закон декретом имперского кабинета, изданным в тот же день и подписанным Гитлером и подсудимыми Герингом, Фриком, фон Риббентропом и Гессом.

Перед Трибуналом было выдвинуто утверждение, что аннексия Австрии была оправдана сильным стремлением к союзу между Австрией и Германией, которое высказывалось во многих кругах. Утверждалось также, что у этих народов было много общих черт, которые делали этот союз желательным, и что в результате цель была достигнута без кровопролития.

Эти утверждения, даже если они являются правильными, фактически не существенны потому, что факты с определенностью доказывают, что методы, применяемые для достижения этой цели, были методами агрессора. Решающим фактором была военная мощь Германии, которая готова была вступить в действие в том случае, если бы она встретила какое-нибудь сопротивление. Более того, ни одно из этих соображений, как явствует из отчета Госсбаха о совещании 5 ноября 1937 г., не являлось мотивом дей-

ствий Гитлера. Как раз наоборот, в этом документе подчеркивается прежде всего то преимущество, которое приобретает Германия в военном отношении в результате аннексии Австрии.

ЗАХВАТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Совещание 5 ноября 1937 г. с полной очевидностью показало, что захват Чехословакии Германией был окончательно предрешен. Единственным нерешенным вопросом было подыскание удобного момента для осуществления этого захвата. 4 марта 1938 г. подсудимый Риббентроп написал подсудимому Кейтелю о предложении, сделанном Риббентропу венгерским послом в Берлине, что возможные цели войны против Чехословакии должны быть обсуждены германской и венгерской армиями. В этом письме Риббентроп писал:

«У меня возникло много сомнений в отношении таких переговоров. Если же мы будем обсуждать с Венгрией возможные военные цели против Чехословакии, то существует опасность, что другие страны также смогут узнать об этом».

1 марта 1938 г. Геринг сделал два отдельных заявления господину Мастны, чехословацкому полномочному министру в Берлине, о том, что развитие действий в Австрии в то время ни в коей мере не окажет губительного влияния на отношения между Германской империей и Чехословакией, и подчеркнул постоянное искреннее стремление со стороны немцев к улучшению отношений между обеими странами. 12 марта Геринг попросил господина Мастны посетить его и повторил вышеупомянутые заверения.

Замысел успокаивать Чехословакию, пока осуществлялся захват Австрии, является типичным маневром со стороны подсудимого Геринга, который он позже повторил в случае с Польшей, когда прилагал все усилия для того, чтобы изолировать Польшу в приближающейся борьбе. В тот же день, 12 марта, подсудимый фон Нейрат говорил с господином Мастны и заверил его от имени Гитлера, что Германия все еще считает себя связанной германо-чехословацкой конвенцией об арбитраже, заключенной в Локарно в октябре 1925 года.

Доказательства устанавливают, что после оккупации Австрии германской армией 12 марта и аннексии Австрии 13 марта Конрад Генлейн, который был руководителем партии судетских немцев в Чехословакии, встретился с Гитлером в Берлине 28 марта. На следующий день на заседании в Берлине, на котором присутствовал Риббентроп вместе с Генлейном, было обсуждено общее положение, и позднее подсудимый Иодль сделал в своем дневнике следующую запись:

«После аннексии Австрии Гитлер заявляет, что нет надобности спешить для того, чтобы разрешить чешский вопрос, так как Австрия должна быть сначала переварена. Однако приготовления к проведению «Зеленого плана» (то есть плана против Чехословакии) должны проводиться энергично; они должны быть заново подготовлены с учетом изменившихся стратегических позиций в результате аннексии Австрии».

21 апреля 1938 г. состоялось совещание между Гитлером и подсудимым Кейтелем в отношении «Зеленого плана», которое показало совершенно ясно, что приготовления для нападения на Чехословакию являлись предметом подробного рассмотрения. 28 мая 1938 г. Гитлер приказал, чтобы были сделаны приготовления для начала военных действий против Чехословакии 2 октября, и на-

чиная с этого времени план нападения на Чехословакию постоянно находился в процессе рассмотрения.

30 мая 1938 г. Гитлер подписанной в этот день директивой объявил о своем «неуклонном решении разгромить Чехословакию с помощью вооруженных сил в ближайшем будущем».

В июне 1938 года, как видно из документа, захваченного в архиве СД в Берлине, был предложен тщательно разработанный план для использования СД в Чехословакии. Этот план предусматривал, что «СД будет следовать по мере возможности непосредственно за передовыми частями армии и возьмет на себя обязанности, сходные с теми, которые она выполняет в Германии...».

Представителям гестапо предписывалось взаимодействовать с СД в проведении некоторых операций. Специальные агенты должны были пройти предварительную подготовку с тем, чтобы предотвращать диверсии. Эти агенты должны были быть осведомлены «заблаговременно до нападения... с тем, чтобы дать им возможность скрыться и избежать ареста и высылки...».

«В начале можно ожидать партизанской войны, поэтому необходимо оружие...».

Должны были быть составлены справочные картотеки со следующими пометками: «арестовать...», «ликвидировать...», «конфисковать имущество...», «лишить паспорта...» и т.д.

План предусматривал временное деление страны на большие и малые территориальные единицы и рассматривал так называемые «предложения» всякого рода о включении в Германскую империю районов Чехословакии с проживающим в них населением. Окончательное «предложение» включало всю страну, вместе со Словакией и Закарпатской Украиной, с населением примерно в 15 миллионов человек. План был изменен в некоторых отношениях в сентябре после Мюнхенской конференции, но тот факт, что такой план существовал, был так детально разработан и был изложен в таком воинственном духе, указывает на существование заранее обдуманного намерения прибегнуть к силе.

31 августа 1938 г. Гитлер утвердил меморандум Йодля от 24 августа 1938 г. о времени издания приказа о вторжении в Чехословакию и по вопросу оборонительных мероприятий. Этот меморандум содержал следующее:

«Зеленый план» будет приведен в действие при помощи инцидента в Чехословакии, который даст Германии повод для военной интервенции; установление точного момента для совершения этого инцидента имеет первостепенное значение».

Эти факты свидетельствуют о том, что оккупация Чехословакии планировалась детально, задолго до Мюнхенской конференции.

В сентябре 1938 года совещания и беседы с военными руководителями продолжались. Ввиду создавшегося исключительно критического положения британский премьер-министр господин Чемберлен полетел в Мюнхен, а потом отправился в Берхтесгаден для того, чтобы встретиться с Гитлером. 22 сентября господин Чемберлен встретился с Гитлером для дальнейших переговоров в Бад-Годесберге. 26 сентября 1938 г. Гитлер заявил в речи, произнесенной в Берлине по поводу упомянутой беседы, следующее:

«Я заверил его и, более того, повторяю это здесь, что, когда эта проблема будет разрешена, для Германии не останется больше никаких территориальных проблем в Европе. Я далее заверил его, что с того момента, как Чехословакия разрешит свои другие проблемы, то есть когда чехи урегулируют свои отношения с другими нацменьшинствами мирно и без принуждения, я больше не

буду заинтересован в чешском государстве, и в той мере, в какой это касается меня, я даю в этом полную гарантию. Нам не нужны чехи».

29 сентября 1938 г. после совещания между Гитлером, Муссолини, британским и французским премьер-министрами в Мюнхене было подписано Мюнхенское соглашение, по которому Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии. «Клочок бумаги», который британский премьер-министр привез с собой в Лондон, подписанный им самим и Гитлером, выражал надежду на то, что в будущем Великобритания и Германия смогут жить в мире. Тот факт, что вскоре после подписания соглашения Гитлер запросил у подсудимого Кейтеля сведения о вооруженных силах, которые, по его мнению, будут необходимы для преодоления всякого сопротивления чехов в Богемии и Моравии, является доказательством того, что Гитлер никогда не намеревался придерживаться Мюнхенского соглашения. Кейтель дал свой ответ 11 октября 1938 г. 21 октября 1938 г. Гитлер издал, а подсудимый Кейтель скрепил своей подписью директиву вооруженным силам в отношении их дальнейших задач, в ней говорилось: «Ликвидация остальной части Чехословакии. Следует обеспечить возможность раздавить в любой момент остальную часть Чехословакии, если ее политика станет враждебной по отношению к Германии».

Нет необходимости пересматривать события последующих месяцев. 14 марта 1939 г. чешский президент Гаха и его министр иностранных дел Хвалковский приехали в Берлин по предложению Гитлера и встретились с ним. При этом также присутствовали подсудимые Риббентроп, Геринг, Кейтель и другие. Гахе было предложено подписать соглашение, предусматривающее немедленное включение чешского народа в состав Германской империи, и было обещано, что в этом случае Богемия и Моравия будут спасены от уничтожения. Он был поставлен в известность, что германские войска уже получили приказ выступить и что любое сопротивление будет сломлено физической силой. Подсудимый Геринг добавил к этому угрозу полностью уничтожить Прагу с воздуха. Поставленные перед этой страшной альтернативой Гаха и его министр иностранных дел подписали соглашение, которое от них требовали, в 4 час. 30 мин. утра; со стороны Германии соглашение было подписано Гитлером и Риббентропом.

15 марта германские войска оккупировали Богемию и Моравию, и 16 марта был издан германский декрет, включавший Богемию и Моравию в империю в качестве протектората. Этот декрет был подписан подсудимыми Риббентропом и Фриком.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ

К марту 1939 года план аннексии Австрии и Чехословакии, который обсуждался Гитлером на совещании 5 ноября 1937 г., был осуществлен. Наступило время для руководителей Германии рассмотреть вопрос о дальнейших актах агрессии, которые было легче провести благодаря осуществлению предыдущего.

23 мая 1939 г. было созвано совещание в кабинете Гитлера в новой имперской канцелярии в Берлине. Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу, изложил свои причины для этого и рассмотрел вопрос о том, каково будет воздействие такого решения на другие страны. С точки зрения времени это было вторым из важнейших совещаний, на которые уже делались ссылки. Для того чтобы полностью оценить значение сказанного и сделан-

ного, необходимо кратко изложить некоторые главные события из истории германо-польских взаимоотношений.

Еще в 1925 году был заключен договор об арбитраже в Локарно между Германией и Польшей, предусматривавший разрешение всех споров между этими двумя странами. 26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о ненападении, подписанная от имени германского правительства подсудимым фон Нейратом. 30 января 1934 г. и вновь 30 января 1937 г. Гитлер выступил с речами в рейхстаге, в которых высказал свою точку зрения относительно того, что Польша и Германия могут жить в мире и согласии. 20 февраля 1938 г. Гитлер в третий раз выступил с речью в рейхстаге, во время которой сказал следующее в отношении Польши:

«Таким образом, был успешно проложен путь к дружескому взаимопониманию — взаимопониманию, которое, начавшись с Данцига, сегодня, вопреки попыткам некоторых интриганов, в конце концов устранило фактор, отравлявший отношения между Германией и Польшей, превратило их в искреннее и дружественное сотрудничество. Полагаясь на свои дружественные отношения, Германия не остановится ни перед чем для того, чтобы спасти тот идеал, который создает базу для выполнения стоящей перед нами задачи — установления мира».

26 сентября 1938 г., в разгар судетского кризиса, Гитлер произнес в Берлине речь, которая уже цитировалась, и заявил, что он сообщил британскому премьер-министру, что после разрешения чехословацкой проблемы для Германии не будет более существовать территориальных проблем в Европе. Тем не менее 24 ноября того же года была издана директива ОКВ германским вооруженным силам, касающаяся подготовки нападения на Данциг. В ней говорилось:

«Фюрер приказал:

1. Подготовка должна также производиться для внезапной оккупации свободного города Данцига германскими войсками».

Несмотря на приказ о военных приготовлениях к оккупации Данцига, Гитлер 30 января 1939 г. в речи в рейхстаге заявил:

«В период тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из успокаивающих факторов политической жизни Европы».

За пять дней до этого, 25 января 1939 г., Риббентроп в речи в Варшаве заявил:

«Таким образом, Польша и Германия могут смотреть в будущее с полной уверенностью в прочность своих взаимоотношений».

После оккупации Германией 15 марта 1939 г. Богемии и Моравии, что являлось явным нарушением Мюнхенского соглашения, Великобритания 31 марта 1939 г. заверила Польшу в том, что в случае любого действия, которое явно будет угрожать независимости Польши и которому польское правительство сочтет необходимым оказать сопротивление своими вооруженными силами, Великобритания будет считать себя обязанной немедленно оказать Польше всю возможную помощь. Французское правительство заняло аналогичную позицию. Интересно отметить в этой связи, что один из доводов, часто выдвигавшихся защитой на данном процессе, заключается в том, что именно согласие других держав побуждало подсудимых думать, что их действия не являются нарушением международного права. Декларации Великобритании и Франции показывают, по крайней мере, несостоятельность этой точки зрения.

3 апреля 1939 г. была издана новая, измененная директива ОКВ, предназначенная для вооруженных сил, в которой после освещения вопроса о Данциге говорилось о варианте «Вейс» (военное кодовое обозначение германского вторжения в Польшу) следующее:

«Фюрер добавил следующие указания к варианту "Вейс":

1. Вести приготовления таким образом, чтобы операция могла быть предпринята в любое время начиная с 1 сентября 1939 г.

2. Верховному командованию вооруженных сил было поручено составить точное расписание для операций варианта "Вейс" и путем совещаний согласовать во времени взаимодействие трех составных частей вооруженных сил».

11 апреля 1939 г. Гитлером была подписана другая директива вооруженным силам, и в одном из приложений к этому документу имеются следующие слова:

«Необходимо избегать возникновения трений с Польшей. Однако, если Польша займет угрожающую позицию по отношению к Германии, необходимо будет окончательно разделаться с ней, несмотря на имеющийся договор с Польшей. В таком случае наша цель будет заключаться в том, чтобы сокрушить польскую военную мощь и создать на Востоке положение, которое будет отвечать требованиям обороны. Свободный город Данциг будет включен в состав Германии сразу же после начала военных действий. Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши, и это считается возможным ввиду внутреннего кризиса Франции и вызванной этим обстоятельством сдержанности Англии».

Несмотря на содержание этих двух директив, Гитлер 28 апреля 1939 г. произнес в рейхстаге речь, в которой он, осветив вопрос о нежелании польского правительства якобы принять сделанное ему предложение относительно Данцига и Польского коридора, заявил следующее:

«Я глубоко сожалею об этой непонятной позиции, занятой польским правительством, но это одно не является решающим фактором. Гораздо хуже то, что Польша, подобно тому как Чехословакия год назад, под давлением лживой международной кампании, поверила в то, что она должна мобилизовать войска, хотя Германия со своей стороны не призвала ни одного человека и даже не помышляла о каких-либо действиях против Польши. Намерение Германии совершить нападение является попросту измышлением международной прессы».

Через четыре недели после этой речи Гитлер 23 мая 1939 г. созвал важное военное совещание, о котором уже говорилось выше. Среди участвовавших были подсудимые Геринг, Редер и Кейтель. Дежурным адъютантом был подполковник Шмундт, который произвел запись всего происшедшего и заверил подлинность записанного своей подписью. Целью этого совещания было дать возможность Гитлеру изложить свои взгляды на политическую ситуацию и ближайшие задачи руководящему составу вооруженных сил и их штабам. Дав оценку политической ситуации, перечислив события, происшедшие в период с 1933 года, Гитлер объявил о своем решении напасть на Польшу. Он признал, что причиной для нападения явились не споры с Польшей о Данциге, а необходимость расширения «жизненного пространства» Германии и обеспечения снабжения продовольствием. Он заявил:

«Для разрешения этой проблемы нужна смелость. Принцип уклонения от разрешения проблемы путем приспособления к обстоятельствам недопустим. Обстоятельства должны быть приспо-

соблены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность».

Позднее в своих обращениях он добавил:

«Поэтому не может быть речи о жалости к Польше, и нам остается лишь напасть на нее при первой подходящей возможности. Мы не можем надеяться, что дело пойдет так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. Успешность изоляции явится решающим фактором... Изоляция Польши — вопрос искусной политики».

Записи подполковника Шмундта на совещании подтверждают, что Гитлер в полной мере осознавал возможность поддержки Польши Великобританией и Францией. Поэтому в том случае, если бы не могла быть достигнута изоляция Польши, Германия, по мнению Гитлера, должна была бы первой напасть на Великобританию и Францию или же взять курс, главным образом, на войну на Западе для того, чтобы быстро разгромить Великобританию и Францию или, по крайней мере, уничтожить их военный потенциал. Тем не менее Гитлер подчеркнул, что война с Англией и Францией будет борьбой не на жизнь, а на смерть, которая может продлиться долгое время, и что поэтому следует подготовиться к ней соответствующим образом.

В течение недель, последовавших за этим совещанием, было созвано еще несколько совещаний и были изданы директивы о подготовке к войне. Подсудимый Риббентроп был послан в Москву для ведения переговоров относительно пакта о ненападении с Советским Союзом.

22 августа 1939 г. имело место то важное совещание, о котором уже говорилось выше. Обвинением были представлены в качестве доказательства два захваченных неподписанных документа, которые, по-видимому, являются записями, произведенными на этом совещании лицами, присутствовавшими на нем. Первый документ озаглавлен «Речь фюрера перед главнокомандующими от 22 августа 1939 г.». Целью речи было объявление решения начать немедленную войну в Польше. Гитлер начал со слов:

«Мне было ясно, что рано или поздно мы подойдем к конфликту с Польшей. Это решение я принял еще весной, но я думал, что сначала через несколько лет я выступлю против Запада и только после — против Востока. Я хотел установить приемлемые отношения с Польшей для того, чтобы иметь возможность выступить сначала против Запада. Но этот вполне приемлемый для меня план не мог быть приведен в исполнение после того, как изменился ряд существенных моментов. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас в случае конфликта с Западом».

Затем Гитлер продолжал объяснять причину, по которой он пришел к заключению, что именно теперь настал удобный момент для начала войны.

«Теперь, — сказал Гитлер, — Польша как раз в таком положении, какого я желал.., я опасаюсь только того, что в последний момент какая-нибудь свинья сделает предложение о посредничестве... ликвидация гегемонии Англии начата».

Этот документ очень сходен с одним из документов, предъявленных в качестве доказательства по делу подсудимого Редера. Упомянутый документ содержит краткий обзор той же самой речи, составленной в день ее произнесения неким адмиралом Бемом по записям, сделанным им во время совещания. Суть документа состоит в том, что настал момент решить спор с Польшей путем военного вторжения; что, хотя конфликт между Германией и Западом когда-нибудь неизбежен, вероятность того, что

Великобритания и Франция придут на помощь Польше, — невелика; и что, если даже завяжется война с Западом, первой задачей будет сокрушение польской военной мощи. Он также содержит заявление Гитлера о том, что будет дан соответствующий пропагандистский повод для вторжения в Польшу, правдоподобность которого не имеет значения, так как «победителей не судят».

Второй неподписанный документ, представленный обвинением и озаглавленный «Вторая речь фюрера от 22 августа 1939 г.», представляет собой изложение основных моментов речи Гитлера. Из них ниже приводятся некоторые:

«Каждый должен ясно представлять себе, что мы с самого начала были полны решимости воевать с Западом. Борьба не на жизнь, а на смерть... Прежде всего уничтожение Польши. Задача — уничтожение живой силы, а не достижение какой-либо определенной географической пинии. Если даже завяжется война с Западом, уничтожение Попьши будет основной задачей... Я дам пропагандистский повод для начала войны — неважно, будет пи он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорип ли он правду. В начале и ходе войны важно не право, а победа... Приказ о начале, по всей вероятности, будет дан утром в субботу» (т.е. 26 августа).

Несмотря на то что это выступление называется второй речью, есть достаточное количество общих мест с двумя ранее упомянутыми документами, дающих возможность считать этот документ отчетом о той же речи, не столько подробным, как дра других, но в сути своей совпадающим.

Эти три документа устанавливают, что окончательное решение относитепьно даты начала уничтожения Попьши, намеченной и обсужденной ранее в том же году, было принято Гитпером незадолго до 22 августа 1939 г. Они показывают, что, хотя он надеялся избежать войны с Великобританией и Францией, он полностью отдавал себе отчет в наличии опасности пойти на этот риск.

События поспедних дней августа подтвердили это решение. 22 августа 1939 г., в тот же день, когда была произнесена эта речь, на которую мы только что ссыпапись, премьер-министр Великобритании обратился с письмом к Гитлеру, в котором писал:

«Таким образом, выяснив наши позиции, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими народами будет вепичайшим из возможных бедствий».

23 августа Гитпер ответил:

«Решение вопроса о разрешении европейских проблем на мирной основе зависит не от Германии, а гпавным образом от тех, кто с момента преступления, совершенного созданием Версальского диктата, упорно и настойчиво противился его мирному пересмотру. И топько после изменения позиции несущих за это ответственность держав могут произойти изменения в отношениях между Англией и Германией».

Затем в адрес Гитпера поспедовал ряд обращений с тем, чтобы предотвратить превращение попьского вопроса в войну, в частности от президента Рузвепьта — 24 и 25 августа, от его святейшества папы римского — 24 и 31 августа и от господина Дападье, премьер-министра Франции, — 26 августа. Однако Гитпер остапся глух к этим призывам.

25 августа Великобритания подписапа пакт о взаимопомощи с Попьшей, подтвердивший обязательства, данные Англией Польше в начале года. Это вместе с известиями о нежепании Муссопини начать войну на стороне Германии заставипо Гитлера некоторое время колебаться. Вторжение в Польшу, начало которого было

запланировано на 26 августа, было отложено до следующей попытки убедить Великобританию не вмешиваться.

Гитлер предложил Великобритании заключить пространное соглашение, как только вопрос будет разрешен.

В ответ на это Великобритания сделала контрпредложение разрешить польский вопрос путем переговоров. 29 августа Гитлер сделал заявление британскому послу о том, что правительство Германии, несмотря на свое скептическое отношение к результатам, будет готово начать непосредственные переговоры с польским представителем, если последний прибудет в Берлин до полуночи следующего числа, 30 августа, и будет облечен чрезвычайными полномочиями. Польское правительство было поставлено в известность об этом, но, помня пример Шушнига и Гаха, решило не посылать такого представителя.

В полночь 30 августа подсудимый Риббентроп бегло прочитал британскому послу документ, в котором впервые приводилось точное изложение германских требований к Польше. Он, однако, отказался дать послу копию документа и заявил, что в любом случае уже слишком поздно, так как полномочный представитель Польши не прибыл.

Трибунал считает, что характер ведения Гитлером и Риббентропом этих переговоров делает совершенно ясным, что они начали их не с честными намерениями и не стремились с их помощью добиться сохранения мира, а руководствовались лишь желанием предотвратить выполнение Великобританией и Францией гарантий по отношению к Польше.

Одновременно с этими переговорами Геринг предпринимал безуспешные попытки изолировать Польшу, стараясь убедить Великобританию не сдержать данного ею слова через посредство некоего Биргера Далеруса, шведа. Далерус, который вызывался в качестве свидетеля защиты по делу Геринга, имел обширные сведения об Англии и о положении вещей в Англии, и в июле 1939 года он был исполнен желания помочь Англии и Германии добиться лучшего взаимопонимания в надежде предотвратить войну между этими двумя странами. Он вошел в контакт как с Герингом, так и с официальными кругами в Лондоне; во второй половине августа Геринг использовал его в качестве неофициального посредника для того, чтобы отговорить правительстао Великобритании от противодействия германским намерениям в отношении Польши. Далерус, конечно, в то время не знал о решении Гитлера, секретно сообщенном 22 августа, а также и о германских военных директивах относительно нападения на Польшу, которые уже существовали. Согласно его показаниям, только после 26 сентября, то есть после того, как захват Польши был в основном закончен, он впервые осознал, что целью Геринга было заручиться согласием Великобритании на захват Польши Германией.

После того как все попытки убедить Германию согласиться на урегулирование спора с Польшей на разумных основаниях провалились, 31 августа Гитлер издал свою окончательную директиву, в которой он отметил, что нападение на Польшу должно начаться ранним утром 1 сентября, и дал указания о необходимых мерах в случае вступления Англии и Франции в войну на стороне Польши.

По мнению Трибунала, события в дни, предшествовавшие 1 сентября 1939 г., свидетельствуют о решимости Гитлера и его приспешников любой ценой осуществить объявленное им намерение захватить Польшу, несмотря на обращения к нему со всех концов света. Имея перед собой все новые и новые доказательства того, что это намерение также приведет к войне с Англией и

Францией, Гитлер бесповоротно решил не отклоняться от взятого курса.

Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 г., была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности.

ВТОРЖЕНИЕ В ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ

Агрессивная война против Польши была только началом. Агрессия нацистской Германии быстро распространялась от одной страны к другой. С точки зрения времени первыми двумя странами, подвергшимися агрессии, были Дания и Норвегия.

31 мая 1939 г. договор о ненападении был заключен между Германией и Данией; он был подписан подсудимым Риббентропом. В нем торжественно провозглашалось, что договаривающиеся стороны «полны решимости поддерживать мир между Данией и Германией при любых обстоятельствах». Несмотря на это, Германия вторглась в Данию 9 апреля 1940 г.

2 сентября 1939 г., после начала войны с Польшей, Германия направила следующие торжественные заверения Норвегии:

«Правительство Германской империи, учитывая дружественные отношения, существующие между Норвегией и Германией, не намерено ни в коем случае нарушать целостность и неприкосновенность Норвегии и будет уважать территориальную неприкосновенность Норвежского государства.

Естественно, правительство империи надеется, делая подобное заявление, что Норвегия со своей стороны будет соблюдать безусловный нейтралитет по отношению к империи и не потерпит никаких возможных нарушений нейтралитета Норвегии какой-либо третьей стороной. Если королевское правительство Норвегии отклонится от этого договора и в результате произойдет подобное нарушение нейтралитета третьей стороной, имперское правительство, очевидно, будет вынуждено охранять интересы империи таким образом, как потребует сложившаяся в результате этого обстановка».

9 апреля 1940 г., согласно своему плану действий, Германия вторглась в Норвегию.

Установлено, что идея нападения на Норвегию исходила от подсудимых Редера и Розенберга. 3 октября 1939 г. подсудимый Редер подготовил меморандум о «захвате баз в Норвегии»; среди рассмотренных вопросов был следующий: «Можно ли против воли Норвегии приобрести базы путем применения военной силы, если невозможно этого достигнуть, не прибегая к войне?».

Несмотря на это, три дня спустя Германия дополнительно заверила Норвегию в том, что «интересы Германии никогда не сталкивались с интересами северных государств и между ними не существовало и не существует спорных вопросов». Три дня спустя подсудимый Дениц составил меморандум на эту же тему о базах в Норвегии и предложил создать базу в Тронхейме или снабжаться топливом из Нарвика. В то же время подсудимый Редер переписывался с адмиралом Карлсом, который указал Редеру на важность оккупации норвежского побережья Германией, и 10 октября Редер доложил Гитлеру о том невыгодном положении, которое создастся для Германии в случае, если Англия оккупирует Норвегию. В октябре и ноябре Редер продолжал разрабатывать планы

возможной оккупации Норвегии совместно с «организацией Розенберга». «Организация Розенберга» представляла собой внешнеполитический отдел НСДАП, и Розенберг в качестве рейхслейтера руководил им. В начале декабря Квислинг, известный норвежский предатель, посетил Берлин и был принят подсудимыми Розенбергом и Редером. Он предложил план государственного переворота в Норвегии. 12 декабря подсудимый Редер и штаб военно-морского флота, совместно с подсудимыми Кейтелем и Иодлем, совещались с Гитлером, и тогда Редер доложил о своей встрече с Квислингом и изложил взгляды Квислинга. 16 декабря Гитлер сам беседовал с Квислингом по этим вопросам.

В докладе о деятельности внешнеполитического отдела НСДАП за период 1933 — 1943 гг., озаглавленном «Политическая подготовка к военной оккупации Норвегии», говорится, что в беседе с Квислингом Гитлер заявил, что он предпочел бы нейтральную позицию Норвегии, так же как и всей Скандинавии, так как он не желал увеличивать театра военных действий или вовлекать в конфликт другие государства. В случае если противник попытался бы распространить войну, он был бы вынужден защищаться против подобных действий. Он обещал Квислингу финансовую поддержку и дал указание специальному военному штабу подготовить связанные с этим вопросы военного характера.

27 января 1940 г. подсудимым Кейтелем был составлен меморандум относительно планов вторжения в Норвегию. 28 февраля 1940 г. подсудимый Иодль записал в своем дневнике:

«Я предложил сначала начальнику ОКВ и затем фюреру, чтобы "вариант Гельб" (то есть операция против Нидерландов) и "вариант Везер" (то есть операции против Норвегии и Дании) были составлены таким образом, чтобы быть независимыми друг от друга в отношении времени и занятых сил».

1 марта 1940 г. Гитлер издал директиву по поводу «варианта Везер», в которой говорится следующее:

«Развитие событий в Скандинавии требует, чтобы велись все приготовления к оккупации Дании и Норвегии частью германских вооруженных сил. Эта операция должна предотвратить британское вторжение в Скандинавию и Балтику. Далее эта операция должна гарантировать безопасность наших рудных баз в Швеции и должна будет дать нашим военно-морским и воздушным силам более протяженный исходный рубеж в борьбе против Англии.

Переход датской границы и высадка в Норвегии должны произойти одновременно... Чрезвычайно важно, чтобы наши мероприятия явились неожиданностью для скандинавских государств и западных противников».

24 марта были изданы приказы о проведении военно-морских операций в соответствии с «вариантом Везер», и 30 марта 1940 г. подсудимый Дениц, главнокомандующий подводным флотом, издал оперативный приказ об оккупации Дании и Норвегии. 9 апреля 1940 г. германские вооруженные силы вторглись в Норвегию и Данию.

Из этого изложения событий явствует, что вопрос о вторжении в Норвегию обсуждался уже в октябре 1939 года. Защита утверждает, что Германия была вынуждена напасть на Норвегию, чтобы опередить вторжение союзников, и поэтому ее действия были превентивными.

Следует помнить, что превентивные действия на чужой территории оправданы только в случае «немедленной и настоятельной необходимости самообороны, когда уже не представляется воз-

можности для выбора средств и для обдумывания» (дело Каролины. 1808. 6. С. Роб. 461).

Трудно с точностью определить, в какой степени влиятельные германские круги разделяли мнение о том, что союзники намеревались оккупировать Норвегию. Квислинг утверждал, что союзники вторгнутся в Норвегию с молчаливого согласия норвежского правительства. Германская миссия в Осло не разделяла этой точки зрения, хотя военно-морской атташе миссии разделял ее.

В дневнике боевых действий военно-морского оперативного штаба 13 января 1940 г. говорится, что начальник военно-морского оперативного штаба считал, что самым благоприятным разрешением вопроса было бы сохранение нейтралитета Норвегии, но он был твердо убежден, что Англия намеревалась оккупировать Норвегию в ближайшем будущем, рассчитывая на молчаливое согласие норвежского правительства.

В директиве Гитлера от 1 марта 1940 г. относительно нападения на Данию и Норвегию говорится о том, что операция «должна предотвратить вторжение Англии в Скандинавию и в Балтику». Однако следует помнить, что в меморандуме подсудимого Редера от 3 октября 1939 г. говорится не о предупреждении действий союзников, а лишь о «цели улучшения наших стратегических и оперативных позиций». Сам меморандум озаглавлен «Приобретение баз в Норвегии». Это же замечание с учетом изменившихся обстоятельств относится к меморандуму подсудимого Деница от 9 октября 1939 г.

Далее, 13 марта подсудимый Иодль записал в своем дневнике следующее:

«Фюрер еще не дает приказа о начале "В" ("вариант Везер"). Он все еще ищет предлога».

14 марта 1940 г. он снова записал:

«Фюрер еще не решил, какой повод найти для осуществления "варианта Везер"».

21 марта 1940 г. Иодль указал в своих записях на опасения, высказанные оперативной группой XXI относительно длительного интервала между объявлением состояния боевой готовности и завершением дипломатических переговоров, и добавил:

«Фюрер отклоняет всякие преждевременные переговоры, так как в этом случае будут обращаться за помощью к Англии и Америке. Если будет оказано сопротивление, необходимо его безжалостно подавить».

2 апреля он записал, что все приготовления уже закончены; 4 апреля был отдан оперативный приказ военно-морскому флоту, и 9 апреля началось вторжение.

Из всего этого ясно, что, когда составлялись планы о нападении на Норвегию, они не были составлены с целью предупреждения грозившей высадки союзников, в лучшем случае в них ставилась цель предотвратить оккупацию союзниками в будущем. В день, когда были даны окончательные приказы о германском вторжении в Норвегию, 23 марта 1940 г., в дневнике военно-морского оперативного штаба было записано: «Не следует ожидать в настоящее время массового вторжения англичан в норвежские территориальные воды».

В записках адмирала Асмана от 26 марта говорится следующее: «Угроза высадки англичан в Норвегии не считается серьезной».

На документах, которые были впоследствии захвачены немцами, основываются для того, чтобы показать, что план союзников по захвату портов и аэродромов в западной Норвегии был вполне

конкретным планом, хотя во всех пунктах он значительно отставал по времени от германских планов, согласно которым фактически было проведено вторжение.

Эти документы показывают, что 20 марта 1940 г. был окончательно принят измененный план, согласно которому конвой должен был отправиться из Англии 5 апреля, минирование норвежских вод должно было начаться в тот же день и что 5 апреля время выхода в море было перенесено на 8 апреля. Но эти планы не были причиной германского вторжения в Норвегию.

Норвегия была оккупирована Германией для того, чтобы обеспечить Германию базами, с которых можно было бы проводить более эффективные налеты на Англию и Францию, согласно планам, подготовленным задолго до того, как появились какие-либо планы у союзников, на которые теперь ссылаются при попытке поддержать теорию самообороны.

Далее утверждалось, что Германия одна могла решить, в соответствии с оговорками, сделанными подписавшимися державами во время заключения пакта Бриана — Келлога, является ли проведение превентивных действий необходимостью, и что при принятии этого решения ее мнение было окончательным.

Вопрос о том, являются ли действия, предпринятые якобы с целью самозащиты, фактически агрессивными или оборонительными, должен быть подвергнут рассмотрению и окончательно решен, если мы вообще хотим, чтобы торжествовали принципы международного права.

Подсудимые не высказывали никакого предположения о том, что имелся какой-либо план у любой воюющей страны, кроме Германии, по оккупации Дании; никогда не выдвигалось никакого оправдания этой агрессии.

Как только германские войска вступили в Норвегию и Данию, германские меморандумы были вручены норвежскому и датскому правительствам; в них содержалось заверение, что германские войска пришли не как враги, что они не намереваются использовать пункты, занятые германскими войсками, в качестве баз для операций против Англии, если их не принудят к этому меры, принятые Англией и Францией, и что они прибыли защищать Север от предполагаемой оккупации норвежских крепостей англо-французскими силами.

В меморандумах также говорилось, что Германия не намеревается нарушать территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни в настоящее время, ни в будущем. Несмотря на это, в меморандуме германского военно-морского флота 3 июня 1940 г. говорилось об использовании Норвегии и Дании и выдавалось на рассмотрение предложение о том, чтобы территории Дании и Норвегии, приобретенные в ходе войны, продолжали оставаться оккупированными и организованными таким образом, чтобы в дальнейшем они могли считаться германскими владениями.

В свете всех доступных доказательств нельзя признать, что вторжение в Данию и Норвегию являлось в каком-либо отношении оборонительным актом, и, по мнению Трибунала, оно, несомненно, представляет собой агрессивную войну.

ВТОРЖЕНИЕ В БЕЛЬГИЮ, НИДЕРЛАНДЫ И ЛЮКСЕМБУРГ

План захвата Бельгии и Нидерландов рассматривался в августе 1938 года, когда планировалось нападение на Чехословакию и рассматривалась возможность войны с Францией и Англией. Подчер-

кивались преимущества, которые может получить Германия от использования этих стран в своих целях, особенно от использования в качестве воздушных баз в войне против Англии и Франции. В мае 1939 года, когда Гитлер принял твердое решение напасть на Польшу, он, предвидя возможность войны с Англией и Францией как результат этого нападения, говорил своим военным командующим:

«Голландские и бельгийские военно-воздушные базы должны быть захвачены... заявления о нейтралитете должны игнорироваться».

22 августа этого же года он говорил своим военным командующим, что Англия и Франция, по его мнению, «не будут нарушать нейтралитет этих стран». В то же время он заверил Бельгию, Голландию и Люксембург, что он будет уважать их нейтралитет, и 6 октября 1939 г., после польской кампании, он вновь повторил эти заверения. 7 октября генерал фон Браухич приказал армейской группе «Б» подготовиться к «немедленному вторжению на голландскую и бельгийскую территории, если такая необходимость будет вызвана политической ситуацией». В ряде приказов, подписанных подсудимыми Кейтелем и Иодлем, дата нападения была намечена на 10 ноября 1939 г., но постоянно откладывалась, вплоть до мая 1940 года, в связи с метеорологическими условиями и трудностями с транспортом.

На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер говорил:

«Наша ахиллесова пята — Рур. Успех войны будет зависеть от того, будет ли нам принадлежать Рур. Если Англия и Франция проникнут в Рур через Бельгию и Голландию, мы окажемся в величайшей опасности. Несомненно, Англия и Франция нападут на Германию, как только они вооружатся.

Англия и Франция смогут оказать влияние на Бельгию и Голландию с тем, чтобы они обратились к Англии и Франции за помощью. Бельгия и Голландия полностью сочувствуют Франции и Англии... Если французская армия вступит в Бельгию для того, чтобы напасть на нас, это будет слишком поздно для нас. Мы должны опередить их... Мы создадим минные поля вдоль побережья Англии, и их нельзя будет разминировать.

Эта минная война в сочетании с воздушной войной требует других предпосылок. Англия не может существовать без импорта. Мы сможем прокормить сами себя.

Беспрерывное минирование вод у английского побережья поставит Англию на колени. Однако это может произойти лишь после оккупации Бельгии и Голландии. Мое решение непоколебимо. Я нанесу молниеносный удар по Франции и Англии и в самый благоприятный момент.

Вопрос о нарушении нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет никакого значения; никто не будет говорить об этом после нашей победы.

Мы не будем нарушать нейтралитет так глупо, как это было в 1914 году. Если мы не нарушим нейтралитета, тогда его нарушат Англия и Франция. Без нападения война не может закончиться победоносно...».

10 мая 1940 г. германские войска оккупировали Нидерланды, Бельгию и Люксембург. В этот же день германские послы вручили правительствам Нидерландов и Бельгии меморандум, в котором говорилось, что британские и французские армии с одобрения Бельгии и Голландии планировали проход через территорию этих стран с тем, чтобы напасть на Рурскую область, оправдывая этим свое вторжение в эти страны. Однако Германия заверила Нидер-

ланды и Бельгию, что она будет уважать неприкосновенность их владений.

Такой же меморандум был вручен Люксембургу в тот же день.

Трибунал не располагает доказательствами, оправдывающими утверждение, что вторжение Германии в Нидерланды, Бельгию и Люксембург было совершено потому, что Англия и Франция планировали их оккупацию. Британский и французский генеральные штабы сотрудничали в составлении некоторых планов военных операций в Нидерландах, но целью этих планов являлась защита этих стран в случае нападения Германии.

Вторжение в Бельгию, Голландию и Люксембург было ничем не оправданным актом. Оно было проведено в соответствии с долго подготовлявшейся и заранее обдуманной политикой и, несомненно, являлось актом агрессивной войны. Решение о вторжении было принято лишь исходя из соображений дальнейшего развития агрессивной политики Германии.

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ И ГРЕЦИИ

12 августа 1939 г. Гитлер имел беседу с Чиано и подсудимым Риббентропом в Оберзальцберге. Он тогда говорил:

«Вообще говоря, самое лучшее, что может случиться, — это ликвидация нейтралов одного за другим. Проведение этого мероприятия может быть значительно облегчено, если в каждом случае одна страна оси будет охранять другую, в то время как она расправляется с ненадежным нейтралом. Италия может вполне рассматривать Югославию как нейтральную страну такого рода».

Это замечание было сделано через два месяца после того, как Гитлер заверил Югославию, что он будет рассматривать ее границы как окончательные и неприкосновенные. По случаю визита принца-регента Югославии в Германию 1 июня 1939 г. Гитлер в публичной речи заявил:

«Твердо установившиеся надежные взаимоотношения Германии с Югославией, поскольку сейчас, благодаря историческим событиям, мы стали соседями и имеем общие границы, установленные навсегда, не только обеспечат длительный мир между нашими двумя народами и странами, но и явятся успокаивающим фактором на нашем континенте, находящемся в состоянии нервного напряжения. Этот мир является целью всех, кто стремится проводить действительно созидательную работу».

6 октября Германия повторила свои заверения Югославии после того, как Гитлер и Риббентроп безуспешно пытались убедить Италию вступить в войну на стороне Германии и напасть на Югославию. 28 октября 1940 г. Италия вторглась в Грецию, но военные операции не были успешными. В ноябре Гитлер писал Муссолини относительно вторжения в Грецию и распространения войны на Балканы и указал, что никакие военные операции не могут проводиться на Балканах до марта следующего года и поэтому Югославия, если это вообще возможно, должна быть завоевана другими средствами и другим путем. Но 12 ноября 1940 г. Гитлер издал директиву о проведении военных действий, в которой говорилось:

«Балканы. Главнокомандующий сухопутными силами должен провести подготовку для оккупации греческого материка севернее Эгейского моря и, в случае необходимости, прохода через территорию Болгарии».

13 декабря он издал директиву, касающуюся операции «Марита» (кодовое обозначение для вторжения в Грецию), в которой говорилось:

«1. Исход боев в Албании еще не решен. Благодаря опасной ситуации в Албании вдвойне необходимо помешать попытке англичан создать воздушные базы под защитой Балканского фронта, что будет угрожать прежде всего Италии и румынским нефтяным районам. 2. Поэтому мой план заключается в следующем:

а) создать постоянно усиливающуюся оперативную группу в южной Румынии в течение следующего месяца,

b) после установления благоприятной погоды, вероятно, в марте, послать оперативную группу для оккупации северного побережья Эгейского моря через Болгарию и, в случае необходимости, занять весь материк Греции».

20 января 1941 г. во время встречи Гитлера и Муссолини, на которой присутствовали подсудимые Риббентроп, Кейтель, Иодль и другие, Гитлер заявил:

«Сосредоточение войск в Румынии преследует тройную цель:

а) операции против Греции,

b) защита Болгарии от России и Турции,

с) обеспечение гарантий по отношению к Румынии.

Желательно завершить это развертывание сил без вмешательства противника. Поэтому следует раскрыть карты как можно позже. Мы должны стремиться к тому, чтобы пересечь Дунай в последний момент и сосредоточиться для наступления как можно раньше».

В директиве ОКВ от 19 февраля 1941 г. относительно операции «Марита» говорится:

«18 февраля фюрер принял следующее решение относительно проведения операции "Марита" — устанавливаются следующие сроки: приступить к строительству моста 28 февраля; пересечь Дунай 2 марта».

3 марта 1941 г. британские войска высадились в Греции для помощи грекам в оказании сопротивления итальянцам; 18 марта во время беседы Гитлера с подсудимым Редером, на которой также присутствовали подсудимые Кейтель и Иодль, подсудимый Редер просил подтвердить, «что вся Греция должна быть оккупирована даже в случае мирного решения». На это Гитлер ответил: «Полная оккупация является необходимой предпосылкой для любого решения».

25 марта по случаю празднования присоединения Югославии к Тройственному пакту на митинге в Вене подсудимый Риббентроп от имени германского правительства подтвердил решимость Германии всегда уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии. 26 марта югославские министры, которые присоединились к Тройственному пакту, по их возвращении из Вены были отстранены от должностей в результате государственного переворота в Белграде, и новое правительство денонсировало этот пакт. Тогда 27 марта на совещании верховного командования в Берлине, на котором присутствовали все время подсудимые Геринг, Кейтель и Иодль и некоторое время подсудимый Риббентроп, Гитлер заявил, что Югославия является ненадежным фактором в предполагаемом нападении на Грецию и еще более ненадежным в отношении нападения на Россию, которое должно начаться несколько позже. Гитлер объявил, что он полон решимости, не дожидаясь возможных деклараций о лояльности нового правительства, сделать все приготовления для уничтожения Юго-

славии в военном отношении и как национальной единицы. Он заявил, что он будет действовать с «беспощадной жестокостью».

6 апреля германские силы вторглись в Грецию и Югославию без предупреждения, и Белград был подвергнут бомбардировке германскими военно-воздушными силами. Это вторжение происходило настолько быстро, что даже не было времени предварительно спровоцировать какие-либо «инциденты», как обычно делалось, или найти и опубликовать подходящие «политические» объяснения. В начале нападения 6 апреля Гитлер объявил германскому народу, что оно являлось необходимостью, потому что наличие в Греции британских войск (которые помогали грекам защищаться от итальянцев) является показателем попытки Великобритании распространить войну на Балканы.

Из этого изложения событий ясно, что агрессивная война против Греции и Югославии давно подготавливалась, по крайней мере, с августа 1939 года. Тот факт, что Великобритания пришла на помощь грекам и в результате смогла бы причинить большой ущерб интересам Германии, был использован для оккупации обеих стран.

АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

23 августа 1939 г. Германия подписала пакт о ненападении с Союзом Советских Социалистических Республик.

Представленные доказательства безошибочно показывают, что Советский Союз со своей стороны придерживался условий этого пакта; и действительно, само германское правительство получало заверения в этом из авторитетных германских источников. Так, германский посол в Москве сообщил правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия, и это заявление зафиксировано в германском дневнике боевых действий от 6 июня 1941 г.

Однако уже в конце лета 1940 года Германия начала подготовку к нападению на СССР, невзирая на пакт о ненападении. Эта операция планировалась секретно под условным названием «план Барбаросса», и бывший фельдмаршал Паулюс показал, что 3 сентября 1940 г., когда он стал сотрудником германского генерального штаба, он продолжал разработку «плана Барбаросса», которая окончательно была завершена к началу ноября 1940 года, и даже тогда германский генеральный штаб не имел никаких сведений о том, что Советский Союз подготавливается к войне.

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, на которой стояли инициалы Кейтеля и Йодля и которая требовала окончания всех приготовлений, связанных с выполнением «плана Барбаросса», 15 мая 1941 г.

Эта директива гласит:

«Германские вооруженные силы должны быть подготовлены, чтобы разгромить Советскую Россию в быстрой кампании, до окончания войны с Англией. Должны быть приняты особые меры предосторожности для того, чтобы не были обнаружены намерения совершить нападение...».

До издания директивы от 18 декабря 1940 г. подсудимый Геринг сообщил об этом плане генералу Томасу — начальнику управления военной экономики ОКВ, и генерал Томас составил обзор экономических возможностей СССР, включая сырьевые ресурсы, энергетические мощности, транспортную систему и его производственную мощь в области вооружений. В соответствии с

этим обзором под непосредственным руководством Геринга был создан экономический штаб по делам восточных территорий со многими военно-хозяйственными учреждениями (инспекциями, командами, группами). Совместно с военным командованием эти учреждения должны были добиться как можно более полной и эффективной экономической эксплуатации оккупированных территорий в интересах Германии.

После совещаний и помощи со стороны подсудимых Кейтеля, Иодля, Редера, Функа, Геринга, Риббентропа, Фрика, Шираха и Фриче или их представителей подсудимый Розенберг в течение трех месяцев разрабатывал основы будущей политической и экономической организации оккупированных территорий. Это явилось предметом очень подробного отчета, составленного немедленно после вторжения.

В этих планах намечалось уничтожение Советского Союза как независимого государства, его расчленение, создание так называемых имперских комиссариатов и превращение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и других территорий в германские колонии.

В то же время Германия вовлекла в войну против СССР Венгрию, Румынию и Финляндию. В декабре 1940 года Венгрия согласилась принять участие в войне, за что Германия обещала ей некоторые территории за счет Югославии.

В мае 1941 года было достигнуто окончательное соглашение с Антонеску — премьер-министром Румынии — по поводу нападения на СССР, согласно которому Германия обещала Румынии Бессарабию, Северную Буковину и право оккупировать советскую территорию до Днепра.

22 июня 1941 г. без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами.

Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную державу, для того чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток, в соответствии с ее стремлениями. В «Майн кампф» Гитлер писал:

«Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом, и таким образом мы обеспечим нации хлеб насущный».

Но существовала еще одна, более непосредственная цель, и в одном меморандуме, изданном ОКВ, указывалось, что эта ближайшая цель заключалась в том, чтобы прокормить немецкие армии за счет советских территорий на третьем году войны, даже если «в результате этого погибнут многие миллионы людей от голода вследствие того, что мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Конечные цели нападения на Советский Союз были сформулированы на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., в котором принимали участие подсудимые Геринг, Кейтель, Розенберг и Борман.

«Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет... Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в

империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправданно, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением.

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия.

ВОЙНА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Через четыре дня после того, как Япония совершила нападение на флот Соединенных Штатов в Перл-Харборе 7 декабря 1941 г., Германия объявила войну Соединенным Штатам.

27 сентября 1940 г. между Германией, Италией и Японией был заключен Тройственный пакт, и начиная с этого времени вплоть до нападения на СССР подсудимый Риббентроп вместе с другими подсуднмыми пытался побудить Японию напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Считали, что это ускорит поражение Англии и предотвратит вступление Соединенных Штатов в войну. Возможность непосредственного нападения на Соединенные Штаты обсуждалась и считалась вопросом будущего. Майор фон Фалькенштейн, офицер связи воздушных сил при оперативном штабе ОКВ, суммируя военные проблемы, которые подлежали обсуждению в Берлине в октябре 1940 года, говорил о возможности «вступления в войну против Америки позднее». Также ясно, что германская политика, заключавшаяся в том, чтобы предотвратить, если возможно, вступление Америки в войну, не мешала Германии обещать поддержку Японии даже против Соединенных Штатов.

4 апреля 1941 г. Гитлер сообщил японскому министру иностранных дел Мацуока в присутствии подсудимого Риббентропа, что Германия «нанесет удар без промедления», если нападение Японии на Сингапур приведет к войне между Японией и Соединенными Штатами.

На следующий день сам Риббентроп настоятельно требовал от Мацуока вступления Японии в войну.

28 ноября 1941 г., за 10 дней до нападения на Перл-Харбор, Риббентроп подстрекал Японию через ее посла в Берлине к нападению на Великобританию и Соединенные Штаты и заявил, что в случае, если Япония будет вовлечена в войну с Соединенными Штатами, Германия немедленно вступит в войну.

Через несколько дней японские представители сообщили Германии и Италии, что Япония ведет подготовку к нападению на Соединенные Штаты, и просили их оказать поддержку. Германия и Италия согласились на это, хотя в Тройственном пакте Германия и Италия давали обязательство помочь Японии только в том случае, если она подвергнется нападению. Когда было совершено нападение на Перл-Харбор, подсудимый Риббентроп, как сообщается, был «вне себя от радости», и позднее, во время церемонии в Берлине, когда японский посол Осима был награжден германской медалью, Гитлер указал на то, что он одобряет японскую тактику

затягивания переговоров с Соединенными Штатами и нанесения затем сокрушительного удара без всякого объявления войны.

Хотя Гитлер и его сообщники действительно вначале не считали, что война с Соединенными Штатами будет выгодной для их интересов, однако вполне очевидно, что в 1941 году эта точка зрения изменилась, и Японию всячески подстрекали проводить такую политику, которая почти без сомнения должна была втянуть Соединенные Штаты в войну. Когда Япония напала на флот Соединенных Штатов в Перл-Харборе и таким образом начала агрессивную войну против Соединенных Штатов, нацистское правительство заставило Германию немедленно вступить в эту войну на стороне Японии, само объявив войну Соединенным Штатам.

НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Устав определяет как преступление планирование или ведение войны, которая является агрессивной войной или войной в нарушение международных договоров. Трибунал установил, что некоторые из этих подсудимых планировали и вели агрессивные войны против 12 государств и поэтому являются виновными в совершении этих преступлений. Это освобождает от необходимости детально обсуждать или даже сколько-нибудь подробно рассматривать, в какой степени эти агрессивные войны являлись также войнами «в нарушение международных договоров, соглашений и заверений». Эти договоры изложены в приложении «С» Обвинительного заключения. Важнейшими являются следующие:

Гаагские конвенции

В Конвенции от 1899 года подписавшиеся державы согласились на том, что «прежде чем обратиться к оружию... следует прибегнуть, насколько это позволят обстоятельства, к добрым услугам или посредничеству одной или более дружественных держав». Подобное положение было включено в Конвенцию о мирном урегулировании международных споров от 1907 года. В Конвенции, относившейся к началу военных действий, в статье 1 имеется та же мысль, изложенная гораздо более точно: «Договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и ясного предупреждения либо в форме объявления войны с изложением мотивов, либо в форме ультиматума с объявлением войны в случае несогласия на его условия». Германия участвовала в этих Конвенциях.

Версальский договор

Обвинение основывалось также на нарушении некоторых положений Версальского договора: не укреплять левый берег Рейна (статьи 42—44), строго соблюдать независимость Австрии (статья 80), отказаться от каких-либо прав в Мемеле (статья 99) и в свободном городе Данциге (статья 100), признать независимость Чехословацкого государства, а также положений, касающихся сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил в Германии, положений, направленных против перевооружения Германии и изложенных в части V. Нет никаких сомнений в том, что германское правительство действовало вопреки всем этим положениям, которые подробно изложены в приложении «С». Что касается Версальского договора, обвинение основывается на следующих положениях:

1. Нарушение статей 42—44 в отношении демилитаризованной зоны в Рейнской области.

2. Аннексия Австрии 13 марта 1938 г. в нарушение статьи 80.

3. Включение в состав империи района Мемеля 22 марта 1939 г. в нарушение статьи 99.

4. Включение в состав империи свободного города Данцига 1 сентября 1939 г. в нарушение статьи 100.

5. Включение в состав империи провинций Богемия и Моравия 16 марта 1939 г. в нарушение статьи 81.

6. Нарушение положений договора, касавшихся военного, морского и воздушного вооружения Германии, в марте 1935 года или до этого срока.

21 мая 1935 г. Германия объявила, что, хотя она отказывается от тех положений Версальского договора, которые касаются разоружения, она все же будет уважать территориальные ограничения и выполнять условия Локарнского пакта. Поэтому в отиошении инкриминнруемых пяти первых нарушений Трибунал считает обвинение доказанным.

Договоры о взаимных гарантиях, арбитраже и ненападении

Нет необходимости обсуждать в деталях различные договоры, заключенные Германией с другими державами. Договоры о взаимных гарантиях были подписаны Германией в Локарно в 1925 году с Бельгией, Францией, Великобританией и Италией с заверением о соблюдении территориального статус-кво. Договоры об арбитраже также были заключены Германией в Локарно с Чехословакией, Бельгией и Польшей.

Статья 1 последнего договора, являющаяся типичной, предусматривает: «Все споры любого рода между Германией и Польшей, которые, может быть, не окажется возможным разрешить дружественно нормальными методами дипломатии, будут представлены арбитражному суду для вынесения им решения...».

Конвенции об арбитраже и согласительной процедуре были заключены между Германией, Нидерландами и Данией в 1926 году и между Германией и Люксембургом в 1929 году. Германия заключила договор о ненападении с Данией и СССР в 1939 году.

Пакт Бриана — Келлога

Парижский пакт был подписан 27 августа 1928 г. Германией, Соединенными Штатами, Бельгией, Францией, Великобританией, Италией, Японией, Польшей и другими странами, а впоследствии еще и другими державами. Трибунал подробно остановится на характере этого пакта и его правовых последствиях в другом разделе этого приговора. Поэтому нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этого вопроса, за исключением того, что необходимо заявить, что, по мнению Трибунала, этот пакт был нарушен Германией во всех случаях агрессивных войн, инкриминируемых Обвинительным заключением. Следует отметить, что 26 января 1934 г. Германия подписала декларацию о поддержании постоянного мира с Польшей, которая была непосредственно основана на Парижском пакте и в которой обращение к силе объявлялось незаконным на период в 10 лет.

Трибунал не считает необходимым рассматривать ни один из других договоров, упоминавшихся в приложении, и ни одно из по-

вторных соглашений и заверений о мирных намерениях Германии, которые были ею сделаны.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ УСТАВА

Юрисдикция Трибунала определена Соглашением и Уставом, и преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность, изложены в статье 6.

Правовые нормы, вытекающие из Устава, являются руководящими и обязательными для Трибунала.

Создание Устава являлось осуществленнем суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром. Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право.

Подписавшиеся державы создали этот Трибунал, определили закон, который он должен был применить, и разработали процедуру для правильного проведения этого судебного процесса и, сделав это, они сделали совместно то, что любая из них могла сделать в отдельности, так как нет никакого сомнения в том, что любая страна имеет право таким образом создавать специальные суды для применения закона. Что же касается организации судебного процесса, то все, что имеют право требовать подсудимые,— это справедливого суда на основании фактов и закона.

Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключения Лондонского соглашения и если являлось таковым, то в какой степени.

Однако, учитывая большое значение затронутых правовых вопросов, Трибунал полностью заслушал доводы обвинения и защиты и выразил свое мнение по этому вопросу.

От имени подсудимых защита настаивала на том, что основным принципом как международного, так и внутригосударственного права являлось то, что преступление не может караться, если ранее не существовало соответствующего закона: «Нуллум кримен сине леге, нуллум пене сине леге».

Далее говорилось, что наказания «экс пост факто» несовместимы с законами цивилизованных наций, что ни одно суверенное государство не объявило агрессивную войну преступлением в то время, когда были совершены эти якобы преступные действия, ни один статут не дал определения агрессивной войны, не было установлено никакой кары за ее ведение и что не было создано никакого суда для преследования и наказания нарушителей.

Прежде всего следует заметить, что принцип «нуллум кримен сине леге...» не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение о несправедливости наказания тех, кто вопреки договорам и гарантиям напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправое дело, и не только

не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло.

Занимая те посты, которые они занимали в правительстве Германии, подсудимые или, по крайней мере, часть из них должны были знать о договорах, подписанных Германией и объявляющих вне закона обращение к войне для урегулирования международных споров; они должны были знать, что действовали вопреки международному праву, когда совершенно преднамеренно осуществляли свои замыслы агрессии и вторжения. Если рассматривать этот вопрос только в свете настоящего дела, то можно сделать вывод, что этот принцип при данных обстоятельствах неприменим.

Правильность этой точки зрения в той степени, в которой это касается агрессивной войны, в значительной степени подтверждается при рассмотрении состояния международного права в 1939 году.

Общий договор об отказе от войны от 27 августа 1928 г., более известный как Парижский пакт, или пакт Бриана — Келлога, к началу войны в 1939 году связал обязательствами 63 страны, включая Германию, Италию и Японию. В преамбуле подписавшиеся стороны объявили, что они, «глубоко осознавая свой торжественный долг содействовать благополучию человеческого рода, убеждены в том, что настало время, когда должен произойти искренний отказ от войны как от инструмента национальной политики с тем, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие сейчас между их народами, были сохранены навсегда... все изменения в отношениях между странами производить лишь при помощи мирных средств.., объединив тем самым цивилизованные государства мира в общем отказе от войны как от инструмента их национальной политики...».

Первые две статьи гласят:

«Статья I. Высокие договаривающиеся стороны торжественно объявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от нее как от инструмента национальной политики в своих отношениях друг с другом.

Статья II. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на том, что урегулирование или разрешение всех споров или конфликтов, какого бы характера или происхождения они ни были, которые могут возникнуть между ними, никогда не будет осуществляться при помощи каких-либо других средств, кроме мирных».

Встает вопрос о том, каковы были правовые последствия этого пакта. Государства, подписавшие пакт или присоединившиеся к нему, безоговорочно осудили использование войны как инструмента политики в будущем и категорически отвергли ее. После подписания пакта любая нация, прибегающая к войне как к инструменту национальной политики, становится нарушителем этого пакта.

По мнению Трибунала, торжественный отказ от войны как от инструмента национальной политики с необходимостью предполагает, что такая война является беззаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление.

Война для разрешения международных противоречий, предпринятая в качестве инструмента национальной политики, с очевидностью включает агрессивную войну. Следовательно, подобная

война в соответствии с пактом является незаконной войной. Как заявил в 1932 году господин Генри Л. Стимсон, бывший тогда государственным секретарем Соединенных Штатов, «стороны, подписавшие пакт Бриана — Келлога, отказались от войны между государствами. Это означает, что она стала практически почти во всем мире... беззаконным действием. С этого времени государства, вступившие в вооруженный конфликт, оба или одно из них, должны были быть названы нарушителями этого закона, установленного общим договором. Мы объявляем их нарушителями закона».

Однако утверждают, что пакт прямо не квалифицирует такие войны как преступление и не учреждает судов для того, чтобы преследовать тех, кто ведет подобные войны. В такой же мере это относится к законам войны, изложенным в Гаагской конвенции. Гаагская конвенция 1907 года запретила обращение к некоторым методам ведения войны. Сюда входили бесчеловечное обращение с военнопленными, применение отравленного оружия, неправильное использование флага о перемирии и другие действия подобного рода. Многие из этих запрещений были введены в силу задолго до подписания Конвенции. Но начиная с 1907 года они стали безусловными преступлениями, наказуемыми как нарушения правил ведения войны. Тем не менее Гаагская конвенция нигде не определяет такие действия как преступные, она также не предусматривает никакого наказания и не говорит ничего об учреждении суда с тем, чтобы судить и наказывать нарушителей. В течение долгих лет в прошлом военные трибуналы, однако, судили и карали отдельных лиц, виновных в нарушении правил ведения войны на суше, изложенных этой Конвенцией.

По мнению Трибунала, те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гаагской конвенции.

При толковании формулировок пакта следует помнить, что международное право не является продуктом международного законодательства и что такие международные соглашения, как Парижский пакт, должны рассматривать общие принципы, а не формальные вопросы процедуры. Законы ведения войны можно обнаружить не только в договорах, но и в обычаях, и в практике государств, которые постепенно получили всеобщее признание, и в общих принципах правосудия, применявшихся юристами и практиковавшихся в военных судах. Это право не является неизменным, но путем постоянного приспособления оно применяется к нуждам изменяющегося мира. В действительности во многих случаях договоры лишь выражают и определяют для большей формальной точности принципы уже существующего права.

Та точка зрения, которой придерживается Трибунал в отношении правильного толкования пакта, подкрепляется историей международных отношений, предшествовавших этому пакту. В 1923 году Лига Наций предложила проект договора о взаимопомощи. В статье I этого договора было объявлено, что «агрессивная война является международным преступлением» и что договаривающиеся стороны «согласились на том, что ни одна из них не будет виновна в его совершении». Этот проект договора был представлен 29 государствам, и около половины из них высказалось в пользу принятия этого текста. Основное возражение, очевидно, заключается в трудности определения тех актов, которые должны составить агрессию, скорее, нежели в каких-либо сомнениях в самом факте преступности агрессивной войны. В преамбу-

ле протокола Лиги Наций от 1924 года о мирном урегулировании международных споров («Женевский протокол») после слов: «признавал солидарность членов международного сообщества» объявляется, что «агрессивная война представляет собой нарушение этой солидарности и является международным преступлением». Далее там объявляется, что договаривающиеся стороны «полны желания облегчить полное применение системы, предусмотренной в статуте Лиги Наций, для мирного урегулирования споров между государствами и для обеспечения проведения борьбы с совершением международных преступлений». Этот протокол был рекомендован членам Лиги Наций в единодушной резолюции, принятой на ассамблее 48 членов Лиги Наций. В число этих членов входили Италия и Япония, но Германия в то время не была членом Лиги Наций.

Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представлявшими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеймить агрессивную войну как международное преступление.

На заседании Ассамблеи Лиги Наций 24 сентября 1927 г. все присутствовавшие делегации (включая германскую, итальянскую и японскую) единогласно приняли декларацию об агрессивных войнах. В преамбуле этой декларации было заявлено:

«Ассамблея, признавая солидарность, объединяющую сообщество народов, вдохновленная горячим желанием поддержать общий мир, убежденная в том, что агрессивная война никогда не может служить средством урегулирования международных споров и вследствие этого является международным преступлением...».

В единогласно принятой на шестой Гаванской конференции 18 февраля 1928 г. резолюции 21 американская республика заявила, что «агрессивная война является международным преступлением против рода человеческого».

Все эти выражения мнений, так же как и другие, которые могли бы быть процитированы, сделанные столь торжественно, усиливают то значение, которое Трибунал придает Парижскому пакту и которое заключается в том, что обращение к агрессивной войне является не только беззаконным, но и преступным. Запрещение ведения агрессивной войны, которого требует совесть мира, находит свое выражение в серии пактов и договоров, на которые Трибунал только что ссылался.

Также необходимо помнить, что статья 227 Версальского договора предусматривала создание специального трибунала, состоявшего из представителей пяти союзных и присоединившихся к ним держав, находившихся в состоянии войны с Германией во время первой мировой войны, для судебного преследования бывшего императора Германии «за грубейшие нарушения в области международной морали и несоблюдение святости договоров».

Назначение этого процесса, как было заявлено, заключалось в том, чтобы «реабилитировать торжественные обязательства международных соглашений и действенность международной морали». В статье 228 договора германское правительство ясно признало право союзных держав «привлекать к суду международных трибуналов лиц, обвиняемых в том, что они совершали действия в нарушение законов и обычаев ведения войны».

Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания

для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства.

По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квирин» (1942, США-317), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно для того, чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права.

Положения статьи 228 Версальского договора, уже упоминавшиеся выше, иллюстрируют и подтверждают эту точку зрения по вопросу об индивидуальной ответственности. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке.

Статья 7 Устава с определенностью гласит:

«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания».

С другой стороны, самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством.

Тот, кто нарушает законы ведения войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву.

От имени большинства подсудимых утверждалось, что в своей деятельности они руководствовались приказами Гитлера и поэтому не могут нести ответственности за действия, совершенные ими во исполнение этих приказов. Устав специально предус-

матривает в статье 8: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания...».

Положения этой статьи соответствуют законам всех наций. То, что солдат убивал или подвергал пыткам по приказу в нарушение международных законов ведения войны, никогда не рассматривалось как защитительный довод против обвинений в подобных жестоких действиях. Как это предусмотрено указанной статьей Устава, сам факт наличия приказа может быть выставлен лишь в качестве смягчающего вину обстоятельства при назначении наказания. Подлинным критерием в этом отношении, который содержится в той или иной степени в формулировках в уголовном праве большинства государств, является не факт наличия приказа, а вопрос о том, был ли практически возможен моральный выбор.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ, ПРИМЕНИМОЕ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕГО ПЛАНА ИЛИ ЗАГОВОРА

Из вышеприведенного изложения фактов, относящихся к агрессивной войне, явствует, что планирование и подготовка войны проводились самым систематическим образом на всех стадиях.

Планирование и подготовка весьма существенны для ведения войны. По мнению Трибунала, агрессивная война является преступлением с точки зрения международного права. Устав определяет это преступление как планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны «или участие в общем плане или заговоре для совершения... вышеупомянутого». Обвинительное заключение следует этому разграничению. Раздел I инкриминирует общий план или заговор. Раздел II инкриминирует планирование и ведение войны. Одни и те же доказательства представлялись для обоснования обвинения, содержащегося в обоих разделах. Поэтому мы будем рассматривать оба раздела вместе, поскольку они по своему существу одинаковы. Подсудимым инкриминируются преступления, предусмотренные общими разделами, и виновность их должна быть определена в соответствии с каждым из разделов.

«Общий план или заговор», инкриминируемый Обвинительным заключением, охватывает период в 25 лет, начиная от образования нацистской партии в 1919 году до конца войны в 1945 году. Партия определяется как орудие сплочения подсудимых для осуществления целей заговора — уничтожения Версальского договора, приобретения территорий, утраченных Германией в последней войне, и «жизненного пространства» в Европе с помощью, если необходимо, вооруженных сил, с помощью агрессивной войны. Захват власти нацистами, применение террора, уничтожение профсоюзов, нападки на христианское учение и церковь, преследование евреев, муштровка молодежи — все это рассматривается как намеренно предпринятые шаги для осуществления общего плана. Он нашел свое выражение, как это утверждается, в программе секретного перевооружения, в уходе Германии с конференции по разоружению и из Лиги Наций, во введении всеобщей воинской повинности и в захвате Рейнской области. Наконец, согласно Обвинительному заключению, в 1936—1938 гг. была запланирована и осуществлена агрессия против Австрии и Чехословакии, за которой последовало планирование и ведение войны против Польши и последовательно против десяти других стран.

Фактически обвинение утверждает, что всякое значительное участие в деятельности нацистской партии и правительства является доказательством участия в заговоре, который по существу своему является преступным. Понятие заговора никак не определяется в Уставе. Но, по мнению Трибунала, заговор должен иметь совершенно точно определенную преступную цель. Он не должен быть слишком отдален от времени решения и действия. Для того чтобы быть преступным, планирование должно не просто покоиться на декларациях партийной программы, таких, какие содержатся в 25 пунктах нацистской партии, объявленных в 1920 году, или в политических утверждениях, высказанных в «Майн кампф» в более поздние годы. Трибунал должен выяснить, существовал ли конкретный план ведения войны, и определить учвстников этого конкретного плана.

Нет необходимости решать вопрос о том, было ли установлено доказательствами наличие единого общего заговора между подсудимыми. Следует, конечно, помнить о захвате власти нацистской партией и о последующем господстве нацистского государства во всех сферах экономической и общественной жизни при рассмотрении позднейших планов для ведения войны. Тот факт, что планы для ведения войны составлялись уже 5 ноября 1937 г., а возможно, и в более ранний период, совершенно очевиден. После этого такого рода приготовления продолжали проводиться во многих сферах и были направлены против мира многих стран. Действительно, угроза войны — и, если необходимо, сама война — являлась неотъемлемой частью нацистской политики. Но доказательства с несомненностью устанавливают существование многих отдельных планов, скорее, чем единого заговора, охватывающего все эти планы. Тот факт, что Германия быстро шла к абсолютной диктатуре с самого момента захвата нацистами власти и постоянно шла к войне, доказан с непреложной убедительностью последовательно совершавшимися агрессивными актами и войнами, уже описанными в данном приговоре.

Трибунал считает, что доказательства достаточно ясно устанавливают факт общего планирования для подготовки и ведения войны определенными подсудимыми. Нет необходимости устанавливать, полностью ли доказано наличие заговора в том масштабе и в тот период, как об этом говорится в Обвинительном заключении. Непрекращавшееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано вне всякого сомнения. Действительное положение очень хорошо изложено официальным переводчиком министерства иностранных дел Германии Паулем Шмидтом в следующих выражениях:

«Главной целью нацистского руководства, очевидной с самого начала, являлось завоевание господства на европейском континенте; это должно было быть достигнуто сначала путем объединения в империи всех народов, говорящих на немецком языке, а затем путем территориальных захватов под лозунгом "Лебенсраум". Однако осуществление этих основных целей характеризовалось импровизированными действиями. Очевидно, что каждый последующий шаг предпринимался по мере того, как создавалась новая ситуация, но все они проводились в соответствии с главной целью, о которой было сказано выше».

Аргумент, что подобное общее планирование не могло существовать там, где господствовала диктатура, несостоятелен. План, в выполнении которого принимала участие определенная группа лиц, продолжает оставаться планом, даже если он был задуман всего лишь одним из них, и тот, кто участвовал в осущест-

влении этого плана, не может избежать ответственности, доказав, что он действовал согласно указанию человека, который замыслил этот план. Один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали. Тот факт, что они получали задания от диктатора, не избавляет их от ответственности за совершенные ими действия. Отношение между руководителем и исполнителем уменьшает ответственность в данном случае не в большей степени, чем это имеет место в подобных случаях тирании при совершении преступлений внутри страны членами одной организованной шайки по приказу главаря.

Однако раздел I вменяет в вину не только заговор для ведения агрессивной войны, но и заговор для совершения военных преступлений и преступлений против человечности. Но Устав не определяет заговор как отдельное преступление, если он не связан с актом ведения агрессивной войны.

Статья 6 Устава предусматривает: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Трибунал считает, что эти слова не добавляют нового и отдельного преступления к преступлениям, уже поименованным. Их назначением является установление ответственности отдельных лиц, участвовавших в общем плане. Поэтому Трибунал не будет рассматривать обвинение подсудимых по разделу I, заключающееся в том, что они принимали участие в заговорщической деятельности для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, а будет рассматривать лишь общий план для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Доказательства относительно военных преступлений были колоссальными по объему и очень подробными. Невозможно в рамках данного приговора соответствующим образом вновь рассмотреть их или перечислить массу документальных и устных доказательств, которые были представлены на Суде. Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождались жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить. Не может быть никакого сомнения в том, что большинство этих преступлений возникло из нацистской идеи «тотальной войны», лежавшей в основе ведения агрессивных войн, поскольку в этой идее «тотальной войны» моральные нормы, на которых основаны конвенции, стремящиеся сделать войну более гуманной, не рассматривались больше как имеющие силу или действующие. Все подчиняется всеподавляющим требованиям войны. Правила, установления, заверения и договоры — все не имеет никакого значения, и, освободившись от ограничива-

ющего влияния международного права, агрессивная война велась нацистскими руководителями самым варварским образом. В соответствии с этим военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета.

В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации, и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение. Уже осенью 1940 года рассматривался вопрос о нападении на Советский Союз. Начиная с этого времени методы, которые должны были быть использованы для уничтожения всякой оппозиции, которой можно было ожидать, постоянно обсуждались.

Точно так же, планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало и организовывало это конкретное военное преступление до последней малейшей детали.

Другие военные преступления, такие как убийство военнопленных, бежавших из лагерей и вновь захваченных в плен, или убийство командиров, или захваченных в плен летчиков, или уничтожение советских комиссаров, были результатом прямых приказов, передаваемых по официальным каналам.

Поэтому Трибунал предполагает на данной стадии рассматривать вопрос о военных преступлениях в общих чертах и обратиться к ним более подробно при рассмотрении ответственности индивидуальных подсудимых в связи с ними. Военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности.

Та же судьба выпала на долю гражданского населения на оккупированных территориях. Все население вывозилось в Германию для рабского труда на оборонительных работах, в промышленности, производящей вооружение, и для выполнения других подобных задач, связанных с военными усилиями. Из числа лиц гражданского населения во всех оккупированных странах гитлеровцы брали в большом количестве заложников и расстреливали их по своему усмотрению. Общественная и частная собственность подвергалась систематическому разграблению и расхищению для того, чтобы увеличить ресурсы Германии за счет остальной Европы. Города, населенные пункты и деревни бесцельно уничтожались, что не оправдывалось никакой военной необходимостью.

УБИЙСТВА ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ

Статья 6 (b) Устава определяет военные преступления следующими словами:

«Военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное

разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления».

За время войны многие сдавшиеся немцам в плен солдаты союзных армий немедленно расстреливались, часто в результате злонамеренной и рассчитанной политики. 18 октября 1942 г. подсудимый Кейтель разослал утвержденную Гитлером директиву, которая предусматривала, что все члены союзных соединений коммандос, часто даже те, кто был одет в военную форму, независимо от того, были они вооружены или нет, должны были «уничтожаться до последнего человека», даже если они пытались сдаться в плен. Далее предусматривалось, что если такие части союзных войск попадали в руки военных властей после того, как они были захвачены местной полицией или каким-либо иным путем, они должны были немедленно передаваться СД. Этот приказ время от времени дополнялся и действовал на протяжении всего остального периода войны, хотя после высадки союзников в Нормандии в 1944 году было дано разъяснение, что этот приказ не относится к коммандос, захваченным непосредственно в зоне военных действий. Согласно положениям этого приказа, отряды коммандос из войск союзников и другие военные части, действовавшие самостоятельно, уничтожались в Норвегии, Франции, Чехословакии и Италии. Многих из членов отрядов коммандос убивали на месте, а тем, кого убивали позднее в концентрационных лагерях, ни в одном из случаев не было предоставлено возможности предстать перед каким-либо судом. Например, американская военная миссия, которая высадилась за германской линией фронта на Балканах в январе 1945 года, насчитывавшая от 12 до 15 человек, одетых в военную форму, была доставлена в Маутхаузен в соответствии с этим приказом, и, согласно письменному показанию, данному под присягой Адольфом Зутте, адъютантом из концентрационного лагеря Маутхаузен, все они были расстреляны.

В марте 1944 года командование сухопутными силами издало декрет «Пуля», согласно которому все бежавшие военнопленные офицеры и унтер-офицеры, за исключением английских и американских военнопленных, в случае если их захватывали вновь, должны были быть переданы ЗИПО и СД. ЗИПО и СД разослали этот приказ своим районным управлениям. Эти бежавшие офицеры и унтер-офицеры должны были посылаться в концентрационный лагерь Маутхаузен, где по прибытии их должны были убивать выстрелом в затылок.

В марте 1944 года 50 офицеров британского королевского воздушного флота, бежавших из лагеря в Сагане, где они находились в качестве пленных, были расстреляны по прямому приказу Гитлера после того, как были пойманы. Их трупы были немедленно подвергнуты кремации, а урны, содержавшие их прах, возвращены в лагерь. Подсудимыми здесь не оспаривалось то, что это являлось явным убийством, совершенным в явное нарушение международного права.

Когда союзные летчики были вынуждены совершать посадку в Германии, гражданское население иногда убивало их на месте. Полиция была инструктирована не принимать мер к предотвращению этих убийств, и у министра юстиции имелись указания не привлекать никого к ответственности за участие в этих убийствах.

Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась ре-

зультатом систематического плана совершения убийств. Более чем за месяц до вторжения Германии в Советский Союз ОКВ подготовило специальные планы того, каким образом следует обращаться с представителями политической власти, находящимися в советских вооруженных силах, которые могли быть захвачены в плен. Одно из предложений в этой связи заключалось в том, что «политические комиссары армии не должны рассматриваться как военнопленные, их следует уничтожать в пересыльных лагерях для военнопленных». Подсудимый Кейтель показал, что германской армии были даны инструкции, включавшие вышеупомянутые предложения.

8 сентября 1941 г. были изданы правила об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях, подписанные генералом Рейнеке — начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании. В этих правилах говорилось:

«Большевистский солдат потерял поэтому право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение, особенно в случае с большевистскими фанатиками, должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии. Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие)... Каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного оклика. Никогда не следует делать предупреждающего выстрела. Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

Советские военнопленные были лишены необходимой одежды, раненые не получали медицинской помощи, они голодали и во многих случаях были обречены на смерть.

17 июля 1941 г. гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма. Приказ гласил:

«Задачей командиров ЗИПО и СД, находящихся в шталагах, является политическая проверка всех заключенных лагеря, устранение и дальнейшая «обработка»: a) всех политически преступных или по каким-либо другим причинам нежелательных элементов, находящихся среди них; b) всех лиц, которые могут быть использованы для восстановления оккупированных территорий... Далее, эти командиры должны с самого начала приложить усилия для выявления среди заключенных тех элементов, которые кажутся надежными независимо от того, являются они коммунистами или нет, для того чтобы использовать их в целях разведки внутри самого лагеря или, если это окажется целесообразным, позднее также на оккупированных территориях. Путем использования таких информаторов и путем использования всех других существующих возможностей должно продолжаться шаг за шагом обнаружение всех элементов среди заключенных, которые должны быть уничтожены...

Прежде всего должны быть обнаружены следующие лица: все крупные деятели государства и партии, в особенности профессиональные революционеры... Все комиссары Красной Армии, руководящие деятели государства, руководящие деятели промышленности и хозяйства, сотрудники службы разведки и контрразведки, все евреи, все лица, в отношении которых будет доказано, что они являются агитаторами или фанатичными коммунистами. Казни не должны иметь место в самом лагере или в непосредст-

венной близости от него... Если возможно, заключенные должны быть вывезены для применения к ним "специального обращения" на территории бывшей Советской России».

Письменные показания под присягой Варлимонта — заместителя начальника штаба вооруженных сил, показания Олендорфа, бывшего начальника третьего управления главного управления имперской безопасности, и Лахузена, начальника одного из отделов контрразведки (абвер) — разведывательной службы вооруженных сил — все указывают на ту тщательность, с которой проводился этот приказ.

Письменные показания, данные под присягой Куртом Линдов, бывшим начальником гестапо, гласят:

«В лагерях для военнопленных на Восточном фронте существовали небольшие оперативные команды, эйнзатцкоманды, возглавлявшиеся младшим офицерским составом тайной полиции (гестапо). Эти команды были приданы начальникам лагерей, и их обязанностью было выделять тех военнопленных, которые являлись кандидатами на казнь, согласно данным им приказам, и докладывать о них в управление тайной полиции».

23 октября 1941 г. начальник концентрационного лагеря Гросс-Розен сообщил Мюллеру, начальнику гестапо, список советских военнопленных, которые были также казнены накануне.

Описание общих условий и обращения с советскими военнопленными в течение первых восьми месяцев после нападения Германии на Россию дано в письме, посланном подсудимым Розенбергом подсудимому Кейтелю 28 февраля 1942 г.

«Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является величайшей трагедией... Большая часть из них умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа.

Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть.

Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали.

Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры».

В некоторых случаях советских военнопленных клеймили специальным стандартным клеймом. В качестве доказательства был представлен приказ ОКВ от 20 июля 1942 г., который гласил:

«Клеймо имеет форму острого угла приблизительно в 45° при длине его сторон в 1 см, направленного вверх, выжигаемого на левой ягодице...

Это клеймо делается с помощью ланцета, имеющегося в каждой воинской части. В качестве краски используется тушь».

За выполнение этого приказа несли ответственность военные власти, однако начальником ЗИПО и СД этот приказ был широко распространен среди чиновников немецкой полиции.

Советских военнопленных делали также объектами медицинских опытов, которые проводились самым жестоким и бесчеловечным образом. В июле 1943 года началась экспериментальная работа, связанная с подготовкой к кампании бактериологической войны. Советских военнопленных использовали для этих медицинских опытов, исход которых в большинстве случаев оказывался для них смертельным. В связи с этой кампанией подготовки бакте-

биологической войны также были сделаны приготовления для разбрызгивания бактериологической эмульсии с самолетов с тем, чтобы уничтожить посевы и вызвать голод. Эти мероприятия никогда не были осуществлены, возможно, в связи с быстрым ухудшением военного положения Германии.

Довод, выдвигаемый в защиту против обвинения в убийстве и жестоком обращении с советскими военнопленными, заключающийся в том, что СССР не являлся участником Женевской конвенции, является совершенно неосновательным. 15 сентября 1941 г. адмирал Канарис протестовал против правил об обращении с советскими военнопленными, подписанных генералом Рейнеке 8 сентября 1941 г. Он заявил тогда:

«Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. Начиная с XVIII века они устанавливались постепенно на той основе, что пребывание в военном плену не является ни местью, ни наказанием, но исключительно превентивным заключением, единственной целью которого является воспрепятствовать данному военнопленному принимать дальнейшее участие в военных действиях. Этот принцип развивался в соответствии с точкой зрения, разделявшейся всеми армиями, о том, что убивать беззащитных людей или наносить им вред противоречит военной традиции... Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными базируются на совершенно противоположной точке зрения».

Этот протест, который правильно излагал положение вещей с точки зрения права, был игнорирован. Подсудимый Кейтель написал в этом меморандуме следующее:

«Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

УБИЙСТВО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С НИМ

Статья 6 (b) Устава гласит, что жестокое обращение с мирным населением оккупированных территорий или на оккупированных территориях... убийство заложников... бесцельное разрушение городов или деревень будут рассматриваться как военное преступление.

В основном эти положения являются лишь выражением существующих законов ведения войны, сформулированных в Гаагской конвенции в статье 46, которая гласит:

«Честь и права семейные, жизнь людей и частная собственность, так же как и религиозные убеждения и отправление религиозных культов, должны быть уважаемы».

Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 декабря 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и переда-

че в руки ЗИПО и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того как эти гражданские лица привозились в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда, их семьям не сообщали об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Даже те, которые хотя бы подозревались в том, что они противились каким-либо политическим мероприятиям германских оккупационных властей, подвергались аресту, при аресте подвергались допросу гестапо и СД самыми постыдными методами. 12 июня 1942 г. начальник полиции безопасности и СД через Мюллера, начальника гестапо, издал приказ, санкционировавший применение методов «третьей степени» при допросах в тех случаях, когда предварительное следствие установило, что допрашиваемый мог бы дать показания по важным вопросам, например о подрывной деятельности, хотя и не с целью вынудить заключенного признаться в собственных преступлениях. Этот приказ гласит:

«Методы третьей степени могут применяться только против коммунистов, марксистов, свидетелей еврейской национальности, диверсантов, террористов, членов движения Сопротивления, агентов-парашютистов, асоциальных элементов, польских и советских бездельников или бродяг; во всех остальных случаях следует предварительно испрашивать моего разрешения... Методы третьей степени применительно к обстоятельствам состоят, наряду с другими методами, из сокращенного рациона (хлеб и вода), жесткой постели, темной камеры, запрещения спать, изматывающих упражнений, а также порки (в случае, если назначается более 20 ударов, следует консультироваться с врачом)».

Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации не только сводилась к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению Сопротивления, но и распространялась также на членов их семей. 19 июля 1944 г. командир ЗИПО и СД в Радомском районе в Польше издал приказ, распространенный через посредство высших руководителей СС и полиции, о том, что во всех случаях убийства немцев, или покушения на их жизнь, или при попытке диверсантов разрушить важные объекты следовало расстреливать не только виновных, но и всех их родственников мужского пола, родственники же женского пола в возрасте свыше 16 лет должны направляться в концентрационный лагерь. Летом 1944 года эйнзатцкоманда ЗИПО и СД в Люксембурге отправила людей в заключение в концлагерь Саксенхаузен[1] только потому, что они являлись родственниками дезертиров и поэтому могли «представить опас-

[1] Так в тексте. Правильнее «Заксенхаузен». — **Прим. сост.**

ность для интересов Германской империи, если они останутся на свободе».

Для предупреждения различных видов беспорядков среди гражданского населения и для борьбы с ними немцы прибегали к системе взятия заложников. Приказ, изданный подсудимым Кейтелем 16 сентября 1941 г., предлагал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. В приказе говорилось: «Следует помнить, что человеческая жизнь в странах, где еще не установлен порядок, часто ничего не стоит, и устрашения можно добиться только чрезвычайной суровостью». Точное число убитых в результате этой политики неизвестно, много было убито во Франции и в других оккупированных районах Запада, в то время как на Востоке массовое уничтожение проводилось в еще больших масштабах. Кроме убийства заложников, в некоторых случаях уничтожались целые города; массовые убийства, подобные тем, которые имели место в Орадур-сюр-Глане во Франции и Лидице в Чехословакии, описанные в деталях Трибуналу, представляли собой примеры организованного террора, применявшегося оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству.

Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря. Они впервые были организованы в Германии в момент захвата власти нацистским правительством. Первоначальным их назначением являлось заключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей.

В системе управления оккупированными территориями концентрационные лагеря являлись орудием подавления всех оппозиционных элементов. Лиц, арестованных гестапо, как правило, направляли в концентрационные лагеря. Они перевозились в лагеря в большинстве случаев без элементарной заботы о них; очень многие умирали в дороге. Те, которые прибывали в лагеря, систематически подвергались жестокому обращению. Их принуждали к тяжелому физическому труду, им не давали достаточного количества пищи и одежды; им не предоставляли помещений, пригодных для жилья; режим, которому они должны были постоянно подчиняться, был бездушным и бесчеловечным; они были жертвами прихотей отдельных охранников. В донесении отдела военных преступлений военной прокуратуры третьей армии США от 21 июня 1945 г. сообщаются результаты обследования условий в концентрационном лагере Флоссенбюрг; можно привести следующий отрывок из донесения:

«Флоссенбюргский концентрационный лагерь можно лучше всего описать как фабрику смерти. Хотя на первый взгляд основным назначением лагеря являлось использование массового рабского труда, он имел другое назначение — уничтожение людей путем применения специальных методов при обращении с заключенными. Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживание, вынужденные самоубийства, расстрелы и т.п.— все это играло главную роль в достижении их цели[1]. Заклю-

---

[1] То есть цели гитлеровцев. — **Прим. сост.**

ченных убивали без разбора; преднамеренные убийства евреев были обычны; впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро».

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса. Большинство заключенных неевреев использовалось на работе, причем условия, при которых они работали, делали эту работу почти равносильной смерти. Тех заключенных, которые заболевали и не были больше в состоянии работать, либо уничтожали в газовых камерах, либо посылали в специальные изоляторы, где они не получали никакого медицинского обслуживания, а их пища была еще хуже, чем у работавших заключенных, и таким образом они были обречены на смерть.

Убийства гражданского населения и жестокое обращение с ним достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза и Польши. Примерно за четыре недели до начала вторжения в Россию части специального назначения ЗИПО и СД, называемые эйнзатцгруппами, были созданы на основании приказа Гиммлера, и их назначением было следовать за германскими армиями в Россию, ведя борьбу с партизанами и членами групп Сопротивления, уничтожать евреев и коммунистов-руководителей, а также другие группы населения. Вначале были созданы четыре такие эйнзатцгруппы: одна из них действовала в Прибалтике, другая — на Московском направлении, третья — на Киевском и последняя — на юге России. Олендорф, бывший начальник третьего управления РСХА, руководивший четвертой группой, заявил в своем письменном показании:

«Когда немецкая армия вторглась в Россию, я командовал эйнзатцгруппой "D" в южном секторе, и в течение года моего пребывания на этой должности эйнзатцгруппа "D" уничтожила приблизительно 90 000 мужчин, женщин и детей.

Большинство уничтоженных были евреи, но имелись также среди них партийные работники-коммунисты».

В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г., по проекту подсудимого Иодля, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Из доказательств явствует, что этот приказ безжалостно проводился в жизнь на территории Советского Союза и в Польше. В документе, который был направлен в 1943 году подсудимому Розенбергу имперским комиссаром по делам восточных террито-

рий, содержатся важные иллюстрации тех мер, которые в действительности применялись. Он писал:

«Можно было бы избегать зверств и хоронить тела тех, кого ликвидировали. Сжигать в сараях запертых там мужчин, женщин и детей — вряд ли это подходящий метод, даже если желательно уничтожать население. Этот метод недостоин дела Германии и чрезвычайно вредит нашей репутации».

Трибунал располагает письменными показаниями некоего Германа Гребе от 10 ноября 1945 г. с описанием массовых убийств, свидетелем которых он был. Он являлся управляющим и главным инженером, возглавлявшим филиал фирмы Иосифа Юнга (Золинген) в Здолбунове на Украине с сентября 1941 года по январь 1944 года. Сначала он описывает нападение на еврейское гетто в Ровно:

«Затем были включены мощные электрические фонари, установленные по всей территории гетто. Члены СС и полиции группами от 4 до 6 человек входили или по крайней мере пытались войти в дома. Там, где двери и окна были закрыты и жители не открывали их после стука, члены СС и полиции врывались в окна и взламывали двери с помощью балок и ломов и входили в жилище. Жильцов вытаскивали на улицу в том виде, в каком они были, независимо от того, были ли они одеты или спали... Наполнялась одна машина за другой. Крики женщин и детей, щелканье кнутов и ружейные выстрелы наполняли гетто».

Далее Гребе описывал массовую казнь в Дубно 5 октября 1942 г.:

«...Затем из-за насыпи послышались выстрелы в быстрой последовательности один за другим. Люди, которые сходили с грузовиков, мужчины, женщины и дети всех возрастов, должны были раздеваться согласно приказаниям одного эсэсовца, который имел в руках хлыст... Без крика и плача эти люди раздевались, собирались в маленькие группы по семьям, целовались и прощались друг с другом, а затем ожидали приказания от другого эсэсовца, который стоял около ямы также с хлыстом в руке... В этот момент эсэсовец, стоявший у ямы, крикнул что-то своему товарищу. Последний отсчитал около 20 человек и приказал им идти на насыпь... Я перешел на другую сторону насыпи и оказался перед огромной могилой; тесно прижавшись друг к другу, люди лежали один на другом так, что были видны только их головы. Яма была уже наполнена на 2/3; по моим подсчетам там находилось около тысячи человек... Теперь подошла следующая группа людей, они спустились в яму, легли на предыдущие жертвы и были расстреляны».

Изложенные выше преступления против гражданского населения являются чудовищными. Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда последний писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким зако-

нам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

В августе 1942 года один из подчиненных Розенберга следующим образом суммировал политику в отношении восточных территорий, которая была ранее сформулирована Борманом:

«Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным».

В октябре 1943 года Гиммлер вновь заявил:

«Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту здоровую кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. Вопрос о том, процветает ли данная нация или умирает с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку представители данной нации нужны нам в качестве рабов для нашей культуры; в остальном их судьба не представляет для меня никакого интереса».

Еще в сентябре 1938 года польская интеллигенция была предназначена к уничтожению; в мае 1940 года подсудимый Франк писал в своем дневнике об «использовании того обстоятельства, что внимание общественного мнения всего мира приковано к Западному фронту, для массовой ликвидации тысяч поляков, прежде всего ведущих представителей польской интеллигенции». В более ранний период Франку было поручено довести состояние «всей польской экономики до абсолютного минимума, необходимого лишь для поддержания самого скудного существования жителей страны. Поляки должны стать рабами Великой Германской мировой империи». В январе 1940 года Франк писал в своем дневнике, что «дешевые рабочие должны вывозиться из генерал-губернаторства сотнями тысяч. Это предотвратит биологическое размножение польского народа». Германия проводила эту политику в Польше настолько успешно, что к концу войны треть населения была убита, а вся страна предана опустошению.

То же самое происходило на оккупированных территориях Советского Союза. В начале германского нападения — в июне 1941 года Розенберг заявил своим сотрудникам:

«Цепь, заключавшаяся в снабжении продуктами питания германского народа, стоит в этом году, несомненно, первой в числе тех требований, которые Германия предъявляет Востоку; в этом отношении южные территории и Северный Кавказ должны будут восполнить дефицит в продуктах питания для германского народа... Необходимо будет весьма интенсивно вывозить продукты, и, без сомнения, в будущем русским предстоят очень тяжелые годы».

Через три или четыре недели после этого Гитлер обсуждал с Розенбергом, Герингом, Кейтелем и рядом других лиц план эксплуатации советского народа и советских территорий[1]; этот план среди прочих вопросов включал эвакуацию населения Крыма и заселение его немцами.

Подобная же судьба была уготована для Чехословакии подсудимым фон Нейратом в августе 1940 года; интеллигенция страны должна была быть «изгнана»; однако остальное население предлагалось не изгонять или истреблять, а подвергнуть германизации,

[1] Речь идет о совещании 16 июля 1941 г. — **Прим. сост.**

так как ощущался недостаток в немцах, которые могли бы занять их место.

На Западе жертвой германской «операции по высылке» стало население Эльзаса. Между июлем и декабрем 1940 года 105 тысяч эльзасцев были изгнаны из домов или были лишены возможности вернуться в них. Захваченный германский отчет от 7 августа 1940 г. предусматривал в отношении Эльзаса следующее:

«Прежде всего будет обращено внимание на расовую проблему; этот вопрос должен быть разрешен таким образом, чтобы лица, представляющие ценность в расовом отношении, вывозились в Германию, а представители низшей расы отправлялись во Францию».

РАЗГРАБЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Статья 49 Гаагской конвенции предусматривает, что оккупирующие державы имеют право взимать денежную контрибуцию с оккупированных территорий для оплаты расходов на содержание оккупационной армии и издержек по управлению данной территорией. Статья 52 Гаагской конвенции разрешает оккупационным властям производить реквизицию в натуре только для нужд оккупационных войск, и размеры подобной реквизиции должны соответствовать ресурсам страны. Эти статьи вместе со статьей 48 о расходовании средств, собранных в форме налогов, и статьями 53, 55 и 56 об общественной собственности делают совершенно ясным, что согласно правилам ведения войны от экономики оккупированной страны можно требовать лишь оплаты расходов по оккупации данной страны, причем размеры этих расходов не должны превышать возможностей, разумно допустимых для экономики данной страны. Статья 56 гласит:

«Собственность муниципалитетов, религиозных и благотворительных обществ, учебных заведений, культурных и научных учреждений, хотя она и принадлежит государству, должна рассматриваться как частная собственность. Преднамеренный захват, разрушение и повреждение подобных заведений, исторических памятников, произведений науки и искусства запрещаются и должны преследоваться».

Однако из доказательств по данному делу ясно, что территории, оккупированные Германией, были подвергнуты эксплуатации для военных усилий Германии, причем эксплуатации жестокой, без учета масштабов местной экономики, явившейся следствием заранее обдуманного плана и политики. Фактически это являлось «систематическим ограблением общественной и частной собственности», что является преступлением согласно статье 6 (b) Устава. Немецкая политика оккупации была с исчерпывающей ясностью охарактеризована в речи, произнесенной подсудимым Герингом 6 августа 1942 г. перед различными представителями немецких оккупационных властей.

«Всевышний знает — вас послали туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии людей, над которыми вы поставлены; вы посланы для того, чтобы получить от них все, что возможно, с тем чтобы немецкий народ мог жить. Именно этого я ожидаю от вас. Эти вечные заботы об иностранцах должны быть прекращены раз и навсегда. Передо мной лежат доклады о том, что вы должны собрать. Это ничто по сравнению с размерами ваших территорий. Поэтому для меня совершенно безразлично, если вы в связи

с этим скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

Методы, применявшиеся для эксплуатации ресурсов оккупированных территорий в максимально возможных пределах, были различными при применении их в разных странах. В некоторых оккупированных странах на Востоке и Западе подобная эксплуатация ресурсов проводилась силами существовавшего хозяйственного аппарата. Местная индустрия была передана под германский надзор, а распределение военных материалов строго контролировалось. Отрасли промышленности, которые имели значение для военной экономики Германии, в принудительном порядке продолжали работать, а большинство из остальных предприятий было закрыто. Сырье и готовая продукция конфисковывались в одинаковой мере для нужд немецкой промышленности. Еще 19 октября 1939 г. подсудимый Геринг издал директиву, содержавшую подробные указания по управлению оккупированными территориями, в которой говорилось:

«Назначение экономических мероприятий в различных районах различно, и они зависят от того, является ли данная страна страной, которая будет политически воссоединена с Германской империей или генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет сделано частью Германии. На территории первой группы цель должна заключаться в том, чтобы сохранить все их производственные возможности и систему снабжения, а также в том, чтобы в возможно более короткий срок добиться полного слияния их с немецкой экономической системой. С другой стороны, с территорий генерал-губернаторства должны быть вывезены все сырье, утиль, машины и т.п., которые могут быть полезными для немецкой военной экономики. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком большого периода времени и если не будет более выгодным эксплуатировать эти предприятия на их прежнем месте расположения, давая им заказы из Германии».

В результате этой директивы сельскохозяйственные продукты, сырье, необходимое для немецких фабрик, машины, транспортное оборудование, другие готовые изделия и даже вклады в иностранной валюте и иностранные ценные бумаги подлежали реквизиции и отправке в Германию. Подобная реквизиция ресурсов проводилась без учета экономических ресурсов данных стран, и впоследствии она привела к голоду, инфляции и возрастающей активности «черного рынка». Сначала германские оккупационные власти пытались бороться с «черным рынком», потому что это был канал, по которому местные продукты уходили из германских рук. Когда подобные попытки провалились, было организовано немецкое закупочное агентство для производства закупок для Германии на «черном рынке» и, таким образом, было проведено в жизнь заверение Геринга о том, что «необходимо, чтобы все знали, что если где-нибудь будет голод, то только не в Германии».

Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество. Эта хитро задуманная видимость оплаты лишь скрывала тот факт, что товары, посылавшиеся в Германию из этих оккупированных стран, оплачивались ими самими либо под предлогом чрезмерных расходов по оккупации, или путем принудительных займов в форме кредитного расчета «по клирингу», который существовал только номинально.

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление. Эта политика прежде всего была введена в действие аппаратом генерал-губернаторства Польши. Эксплуатация сырья на Востоке главным образом касалась сельскохозяйственных продуктов, и очень большое количество продовольствия было отправлено из генерал-губернаторства в Германию.

Доказательства о широко распространенной смертности от голода среди польского населения генерал-губернаторства свидетельствуют о том, с какой безжалостностью и жестокостью проводилась эта политика эксплуатации.

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом. Перед нападением на Советский Союз был создан специальный экономический штаб — «Ольденбург» — для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации территорий Советского Союза. Немецкие армии должны были находить продовольствие на советской территории, даже если «многие миллионы людей будут обречены на голодную смерть».

Директива ОКВ, изданная перед нападением, гласила:

«Обеспечение возможности получения максимального количества продовольствия и сырой нефти для Германии является главной экономической целью данной кампании».

Таким же образом подсудимый Розенберг 20 июня 1941 г. выступал за использование сельскохозяйственной продукции южной части России и Северного Кавказа для обеспечения немецкого населения продовольствием. Он заявил:

«Мы не видим никаких оснований для того, чтобы мы кормили также и русское население за счет продуктов, полученных на этих дополнительных территориях. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, далекой от каких-либо чувств».

Когда советская территория была оккупирована, эта политика была проведена в жизнь: проводилась в широких масштабах конфискация сельскохозяйственных продуктов без всякого учета нужд населения оккупированной территории.

Наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства, мебели, текстильных товаров и т.п. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. подсудимый Розенберг был назначен Гитлером главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «эйнзатцштаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из этих учреждений, точно так же, как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить.

Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на Востоке — как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на все оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось:

«За период с марта 1941 года по июль 1944 года специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженных 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержавших наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка. 39 томов, подготовленных эйнзатцштабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатцштаб Розенберга, особый батальон Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильде-Шредену, в котором говорилось о том, что в течение лишь октября 1943 года было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями.

Необходимо сказать несколько слов в отношении утверждения, что целью захвата сокровищ искусства были их охрана и сохранение. 1 декабря 1939 г. Гиммлер в качестве имперского уполномоченного по «укреплению германской нации» издал декрет, адресованный районным офицерам тайной полиции на присоединенных восточных территориях и начальникам службы безопасности в Радоме, Варшаве и Люблине. Этот декрет содержал административные указания по проведению программы захвата сокровищ искусства, и в первом пункте его говорилось:

«С целью укрепления германской нации, ради защиты империи все предметы, упомянутые в разделе 2 настоящего декрета, подлежат конфискации... Они конфискуются для блага Германской империи и передаются в распоряжение имперского уполномоченного по укреплению германской нации».

Тот факт, что скорее существовало намерение обогатить Германию в результате этих захватов, нежели сохранить захваченные предметы, явствует из недатированного отчета доктора Ганса Несса, директора Дрезденской государственной картинной галереи:

«Я имел возможность получить некоторые сведения относительно государственных и частных коллекций точно так же, как и относительно церковной собственности в Кракове и в Варшаве.

Правильно, что мы не можем слишком рассчитывать на возможность обогатиться за счет приобретения великих произведений живописи и скульптуры, за исключением алтаря Вита-Ствоша, гра-

вюр Ганса фон Каульнбаха из церкви Св. Марии в Кракове... и нескольких других работ из Национального музея в Варшаве...».

ПОЛИТИКА РАБСКОГО ТРУДА

Согласно статье 6 (b) Устава жестокое обращение с населением и угон на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированных территорий или с оккупированных территорий считается военным преступлением. Законы, касающиеся принудительного труда населения оккупированных территорий, изложены в статье 52 Гаагской конвенции, которая предусматривает:

«От органов местного самоуправления и населения не следует требовать поставок в натуре и трудовой повинности, кроме случаев, когда это необходимо для оккупационных войск, причем это должно производиться в соответствии с ресурсами данной страны и таким образом, чтобы не заставить население принимать участие в военных действиях против его собственной страны».

Политика немецких оккупационных властей находилась в явном противоречии с положениями этой конвенции. Об этой политике можно получить некоторое представление из заявления Гитлера в речи от 9 ноября 1941 г.:

«Население территорий, которое в настоящее время работает на нас, равняется 250 миллионам человек, а население территорий, которое косвенно служит нашим интересам, равняется 50 миллионам человек. Что касается мер, проводимых на немецкой территории, то есть в той области, которой мы правим, то они, безусловно, поведут к тому, что мы сумеем запрячь в работу на нас все население до последнего человека».

Правда, это полностью осуществлено не было, но все же немецким оккупационным властям удалось заставить большую часть населения оккупированных территорий помогать военным усилиям Германии и насильственно угнать по меньшей мере 5 миллионов человек в Германию для работы в ее промышленности и сельском хозяйстве.

На ранних стадиях войны рабочая сила на оккупированных территориях находилась под контролем различных оккупационных властей, и практика использования этой рабочей силы была различной в каждой стране. На всех оккупированных территориях очень скоро была введена трудовая повинность. Население оккупированных территорий заставляли работать по месту жительства на германскую военную экономику. Во многих случаях жителей заставляли работать по возведению германских укреплений и военных сооружений. По мере того, как местные ресурсы сырья и возможности местной промышленности перестали удовлетворять запросы Германии, начал практиковаться насильственный угон рабочей силы в Германию. В середине апреля 1940 года в генерал-губернаторстве был отдан приказ о насильственном угоне рабочей силы в Германию, аналогичный порядок вводился и в других восточных странах по мере их оккупации. В апреле 1941 года Гиммлер описал, как происходил этот насильственный угон из Польши. В своей речи перед офицерами СС он вспоминал, как при 40-градусном морозе им приходилось «вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч». В другом случае Гиммлер заявил: «Если десять тысяч русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Мы должны понять, что в Германии 6 или 7 миллионов ино-

странцев. Они не представляют никакой опасности до тех пор, пока мы принимаем суровые меры по каждому пустяку».

В течение первых двух лет немецкой оккупации Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, однако, делались попытки получить необходимую рабочую силу на основе добровольного набора. Насколько безуспешным являлся этот набор, можно увидеть из отчета о заседании центрального управления по планированию 1 марта 1944 г. Представитель подсудимого Шпеера, некто Керрль, говоря о положении во Франции, заявил: «За этот период большое число французов было набрано и добровольно направлено в Германию». Его прервал подсудимый Заукель:

«Не только добровольно, — некоторые были набраны принудительно». На что Керрль ответил:

«Принудительный набор начался после того, как добровольный призыв перестал давать достаточные результаты».

На что подсудимый Заукель ответил: «Из 5 миллионов рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыли туда добровольно».

И Керрль ответил ему:

«Давайте теперь забудем, было или не было оказано некоторое незначительное давление. По крайней мере формально они были добровольцами».

Были созданы специальные комитеты содействия вербовке и проводилась усиленная кампания по пропаганде среди рабочих, чтобы сагитировать их добровольно поступить на службу Германии. К числу методов этой пропаганды относится, например, обещание, что за каждого добровольца, уезжающего работать в Германию, будет освобождаться один военнопленный. Помимо этого, в некоторых случаях тех рабочих, которые отказывались ехать в Германию, лишали продовольственных карточек или увольняли с работы, лишали пособий по безработице и возможности работать в другом месте. В некоторых случаях тем рабочим и их семьям, которые отказывались ехать в Германию, полиция угрожала репрессиями. 12 марта 1942 г. подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями распоряжаться «всей наличной рабочей силой, включая рабочих, набранных за границей, и военнопленными».

Подсудимый Заукель был поставлен в непосредственное подчинение подсудимому Герингу как уполномоченному по четырехлетнему плану, и согласно декрету Геринга от 27 марта 1942 г. все его полномочия в отношении рабочей силы были переданы Заукелю. Согласно инструкциям Заукеля иностранные рабочие должны были набираться на основе добровольности, но в них предусматривалось, что «однако, там, где на оккупированных территориях призыв добровольцев окажется недостаточным, при всех обстоятельствах следует прибегать к обязательной трудовой повинности и к принудительному набору». Правила, предусматривавшие отбывание трудовой повинности в Германии, были опубликованы на всех оккупированных территориях. Заукель установил число рабочих, которые должны были быть предоставлены местными властями, и последние получали инструкции, в случае необходимости, выполнять эти требования путем принудительного набора. Однако тот факт, что принудительный набор был скорее правилом, нежели исключением, подтверждает уже цитировавшееся заявление Заукеля от 1 марта 1944 г.

Подсудимый Заукель часто утверждал, что с рабочими из иностранных государств обращались гуманно и что условия, в которых они жили, были хорошими. Но каковы бы ни были намере-

ния Заукеля и как бы он ни хотел, чтобы с иностранными рабочими обращались гуманно, представленные Трибуналу доказательства устанавливают, что во многих случаях набор рабочей силы осуществлялся насильственными и решительными методами. «Ошибки и промахи» имели место в очень широких масштабах. За людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквах, а в ночное время — в частных домах. Иногда дома сжигались, а семьи забирались в качестве заложников, — действия, которые были описаны подсудимым Розенбергом, как берущие начало в «самых темных периодах работорговли». Методы, использовавшиеся при наборе рабочей силы на Украине, явствуют из приказа офицерам СД, который гласил:

«Не всегда будет возможно воздержаться от применения силы... При облавах в деревнях, в особенности когда возникает необходимость сжигать деревни, все население в принудительном порядке должно передаваться в распоряжение уполномоченного.

Как правило, более не следует расстреливать детей. Если настоящим приказом мы на время ограничиваем применение суровых мер, это делается лишь по следующей причине: самое важное теперь — набор рабочих».

При проведении этой политики абсолютно не принимались во внимание ресурсы и нужды оккупированных стран. При обращении с рабочими руководствовались инструкцией Заукеля от 20 апреля 1942 г., где говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилище и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в самой высокой степени при самых минимальных затратах».

Доказательства устанавливают, что рабочие, предназначенные для империи, посылались под стражей в Германию, причем их часто грузили в поезд без соответствующего отопления и не давали им необходимой пищи, одежды и санитарного обслуживания. Доказательства далее устанавливают, что обращение с ними в Германии во многих случаях было жестоким и унизительным. Доказательства, относящиеся к заводам Круппа, показывают, что рабочие подвергались самым зверским наказаниям. По крайней мере теоретически рабочие получали зарплату, жилище и пищу от ДАФ («Германский трудовой фронт»), им даже было разрешено пересылать свои сбережения и посылать письма и посылки в свою родную страну. Но ограничивавшие их правила по существу отнимали часть их зарплаты; лагеря, в которых они были размещены, отличались антисанитарными условиями, а количество пищи часто было даже ниже минимума, необходимого для того, чтобы дать рабочим силу для работы.

В отношении поляков, работавших в крестьянских хозяйствах в Германии, нанимателям было разрешено применять телесные наказания; им было также приказано расселять рабочих по возможности в конюшнях, а не в своих домах.

Рабочие постоянно подвергались надзору со стороны гестапо и СС, и, если они пытались уйти от работы, их посылали в исправительно-трудовые или концентрационные лагеря. Концентрационные лагеря использовались для увеличения поставок рабочей силы. Начальникам концентрационных лагерей было приказано заставлять заключенных работать до предела их физических возможностей. В течение последних стадий войны концентрационные лагеря оказались столь продуктивными в некоторых видах работ, что гестапо получило инструкции о проведении арестов определенных категорий рабочих с тем, чтобы они могли быть использованы таким

образом. На военнопленных союзных стран также смотрели как на возможный источник рабочей силы. Давление оказывалось на унтер-офицеров — их пытались заставить согласиться работать и переводили в дисциплинарные лагеря тех из них, которые на это не соглашались. Многих военнопленных назначали на работу, непосредственно связанную с военными операциями, что является нарушением статьи 31-й Женевской конвенции. Их заставляли работать на военных заводах, заставляли даже снаряжать бомбардировщики, переносить боеприпасы и рыть окопы, очень часто в чрезвычайно опасных условиях. Это в особенности относится к советским военнопленным. 16 февраля 1943 г. на заседании центрального управления по планированию, на котором присутствовали подсудимые Заукель и Шпеер, Мильх заявил:

«Мы потребовали, чтобы был издан приказ, согласно которому известный процент зенитчиков составляли бы русские; всего мы возьмем 50 000 человек. 30 000 уже служат в орудийных расчетах. Забавная вещь, что русские должны обслуживать пушки».

4 октября 1943 г. в Познани Гиммлер, говоря о русских военнопленных, захваченных в первые дни войны, сказал:

«В то время мы не ценили массы людей так, как мы ценим их сейчас, — как сырье, как рабочую силу. То, о чем в конечном счете, с точки зрения будущих поколений, нам нечего жалеть, в настоящее время должно вызывать сожаление, что пленные умирали от истощения и голода, и из-за этого происходила потеря рабочей силы».

Общая политика, лежавшая в основе мобилизации рабского труда, была сформулирована Заукелем 20 апреля 1942 г. Он сказал:

«Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продовольственной базы нашей страны. Сырье, так же как плодородные земли, на покоренных территориях и их ресурсы рабочей силы должны быть использованы полностью и самым добросовестным образом на благо Германии и ее союзников... Все военнопленные с территорий Запада, а также Востока, которые уже находятся в Германии, должны полностью влиться в германскую промышленность вооружения и ее пищевую промышленность. Следовательно, нам необходимо немедленно использовать человеческие резервы покоренной советской территории в максимальных пределах. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию или принудительный труд... Полное использование всех военнопленных так же, как и использование гигантского количества новых иностранных рабочих — мужчин и женщин, стало бесспорной необходимостью для разрешения вопроса о мобилизации рабочей силы в этой войне».

Следует также остановиться на политике, которая проводилась в Германии уже в 1940 году, согласно которой все престарелые, душевнобольные и неизлечимо больные — «лишние рты» — переводились в особые учреждения, где их убивали, а их родственникам сообщали, что они умерли естественной смертью.

Жертвами были не только немецкие граждане, но также и иностранные рабочие, потерявшие трудоспособность и ставшие поэтому бесполезными для военной машины Германии. Согласно подсчетам в больницах, госпиталях и домах для душевнобольных, находившихся под юрисдикцией Фрика как министра внутренних дел, было убито около 270 000 человек. Невозможно определить, сколько именно иностранных рабочих входило в это число.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Подобные доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это — история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах.

Олендорф, являвшийся начальником третьего управления главного управления имперской безопасности с 1939 года по 1943 год и командовавший одной из эйнзатцгрупп во время войны с Советским Союзом, в своих показаниях описал методы, применявшиеся при истреблении евреев. Он заявил, что он использовал боевые отряды для расстрела жертв с тем, чтобы уменьшить сознание моральной ответственности у своих людей, и 90 000 мужчин, женщин и детей, которые были убиты этой группой в течение одного года, являлись в основном евреями.

Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили, как могло случиться, что Олендорф, как он признал, с находившимися под его командой людьми убил 90 000 человек, он ответил:

«Я лично считаю, что, когда в течение долгих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен».

Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на Суде:

«Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее:

«Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы».

В других пунктах программы констатировалось, что с евреями нужно обращаться, как с чуждым элементом, что им нельзя разрешать занимать государственные посты, что их нужно изгнать из империи, если невозможно прокормить все население государства, что им нужно отказать в дальнейшей иммиграции в Германию и что им нужно запретить издание немецких газет. Нацистская партия проповедовала эти доктрины в продолжение всей своей истории. «Штюрмеру» и другим изданиям разрешалось пропагандировать ненависть к евреям, а в выступлениях и в публичных заявлениях нацистских вождей над евреями открыто насмехались и выражали презрение к ним.

С захватом власти преследование евреев усилилось. Был опубликован ряд законов, дискриминирующих евреев, которые ограничивали должности и профессии, разрешаемые евреям; вводились всевозможные ограничения в их семейной жизни и в их

гражданских правах. К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии, принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигали и уничтожали синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские дельцы — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Обвинение утверждало, что некоторые стороны этой антисемитской политики были связаны с планами агрессивной войны. Жестокие меры, принятые против евреев в ноябре 1938 года, проводились под предлогом расплаты за убийство одного чиновника германского посольства в Париже. Но решение о захвате Австрии и Чехословакии было вынесено за год до этого. Был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев; это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды создали трудное положение для германского казначейства и когда обсуждался вопрос о снижении этих расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и который являлся ярым защитником расширенной программы перевооружения, невзирая на финансовые трудности.

Далее говорится[1], что связь между антисемитской политикой и агрессивной войной также не ограничивалась лишь экономическими вопросами. Бюллетень министерства иностранных дел Германии в номере от 25 января 1939 г. в статье под заголовком «Еврейский вопрос как фактор внешней политики Германии в 1938 году» описывает новую фазу в нацистской антисемитской политике следующим образом:

«То, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса одновременно с осуществлением идеи Великой Германии, конечно, не является совпадением, так как еврейская политика была и основой и результатом событий 1938 года. Рост влияния евреев и пагубный еврейский дух в политике, экономике и культуре парализовал силу и волю германского народа к тому, чтобы снова подняться, возможно, даже в большей степени, чем оппозиция политике силы со стороны бывших вражеских союзных держав в мировой войне.

Поэтому излечение народа от этой болезни было, без сомнения, одной из наиболее важных задач, требовавших применеиия силы, и это в 1938 году привело к объединению Великой Германии вопреки всему миру».

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны в оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для раб-

---

[1] Речь идет о доводах обвинителей. — **Прим. сост.**

ского труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела Б-4.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, созданные для того, чтобы сломить сопротивление населения территорий, лежащих в тылу германских армий на Востоке, получили задание уничтожить евреев в этих областях. Эффективность деятельности эйнзатцгрупп видна из того, что в феврале 1942 года Гейдрих был в состоянии доложить, что Эстония уже очищена от евреев и что в Риге число евреев снизилось с 29 500 до 2500 человек. Всего эйнзатцгруппы, оперировавшие в прибалтийских странах, убили свыше 135 000 евреев за 3 месяца.

Эти специальные отряды не действовали независимо от германских вооруженных сил. Имеются явные доказательства того, что руководители эйнзатцгрупп сотрудничали с армейскими командирами. В одном случае взаимоотношения между эйнзатцгруппой и военными властями описывались как «очень близкие, почти дружеские», в другом случае успешный ход операций эйнзатцкоманды был приписан «пониманию проводимых мероприятий» военными властями. Части полиции безопасности и СД на оккупированных территориях Востока, находившиеся в ведении гражданской администрации, получили аналогичное задание. Обдуманный и систематический характер преследования евреев лучше всего иллюстрируется докладом бригадного генерала СС Штропа, на которого была возложена ответственность за уничтожение гетто в Варшаве, фактически проведенное в жизнь в 1943 году. Этот отчет был представлен Трибуналу в качестве доказательства и был иллюстрирован фотографиями, и на его первой странице была сделана надпись: «Еврейское гетто в Варшаве больше не существует». Этот том содержит ряд отчетов, посланных Штропом высшему руководителю СС и полиции на Востоке. В апреле и мае 1943 года в одном из отчетов Штроп писал:

«Сопротивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть подавлено лишь в результате сильных боев наших отрядов, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Поэтому рейхсфюрер СС приказал 23 апреля 1943 г. очистить гетто, применяя крайнюю жестокость и проявляя беспощадное упорство. Было решено уничтожить и сжечь все гетто, невзирая на то, что там имелись военные заводы. С этих заводов мы систематически вывозили оборудование, а затем сжигали их. Обычно евреи выходили из тех мест, в которых они скрывались, но часто они оставались в горевших зданиях и выпрыгивали из окон только тогда, когда жара становилась невыносимой. Тогда они пытались, несмотря на переломы костей, переползать по улице в те здания, которые еще не были охвачены огнем. Жизнь в канализационных трубах не была приятной. Мы не раз слышали громкие голоса в канализационных трубах... Мы стали бросать туда в отдушины слезоточивые бомбы и таким образом выгнали евреев из канализационных труб и захватили их. Бесчисленное количество евреев было ликвидировано в канализационных трубах и бункерах во время взрывов, и чем дольше продолжалось сопротивление, тем более жестокими ста-

новились члены войск СС, полиции и вооруженных сил, всегда образцово исполнявшие свои обязанности».

Штроп говорит в своем отчете, что в результате его мероприятий в Варшаве уничтожено 56 065 человек. К этому мы должны добавить тех, которые были убиты во время взрывов, при пожарах и т. д., количество которых учесть невозможно.

Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. Все эти зверства были присущи политике, начатой в 1941 году, и нет ничего удивительного в том, что, согласно показаниям, один или два немецких чиновника тщетно пытались протестовать против тех зверских методов, которыми проводилось умерщвление. Но методы, к которым прибегали, никогда не были схожи один с другим. Резня в Ровно и Дубно, о которой говорил немецкий инженер Гребе, представляла собой один метод, систематическое истребление евреев в концентрационных лагерях явилось другой частью «окончательного разрешения проблемы», выражавшейся в том, что со всей оккупированной немцами Европы евреев сгоняли в концентрационные лагеря. Их физическое состояние решало для них вопрос жизни или смерти. Всех трудоспособных людей использовали для рабского труда в концентрационных лагерях; все неспособные работать уничтожались в газовых камерах, после чего их трупы сжигались. Для этой цели были специально выделены некоторые концентрационные лагеря, как например, Треблинка и Освенцим.

По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. являвшегося комендантом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 500 000 человек, помимо того, что 500 000 погибли от болезней и голода.

Гесс на Суде в следующих словах рассказал о том, каким образом отбирались те люди, которых предполагалось уничтожить:

«В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно направляли на установки для уничтожения.

Дети раннего возраста непременно уничтожались, так как слабость, присущая детскому возрасту, не позволяла им работать. Мы ввели еще одно усовершенствование по сравнению с Треблинкой: в этом лагере жертвы почти всегда знали о том, что их собираются истребить, в то время как в Освенциме мы пытались обманывать заключенных, заставляя их думать, что они должны пройти санобработку. Они, конечно, нередко разгадывали наши действительные намерения, и в связи с этим нам приходилось иметь дело с беспорядками и различными затруднениями. Очень часто женщины прятали детей под свою одежду, но, конечно, когда мы их находили, мы отбирали детей и истребляли».

Он в следующих словах описывает процесс убийства:

«На убийство людей в газовых камерах обычно уходило от 3 до 15 минут в зависимости от климатических условий. Мы знали, когда люди умирали, так как со смертью прекращались их крики. Перед тем, как открыть двери и удалить тела, мы обычно выжидали в течение получаса. После того как тела выносили из камер,

наши специальные команды снимали с них кольца и извлекали золото с зубов, выдранных у трупов».

Избиения, голод, истязания и убийства были всеобщим явлением. Заключенных подвергали жестоким экспериментам. В августе 1942 года в Дахау жертвы погружались в холодную воду и оставлялись там до того, пока температура их тел не понижалась до 28° по Цельсию, после чего они немедленно умирали.

Остальные эксперименты включали опыты по определению условий на больших высотах, когда жертвы помещались в камеры с пониженным давлением, опыты, целью которых служило определить, сколько времени человеческое существо может прожить в ледяной воде, опыты с отравленными пулями, опыты с заразными болезнями, опыты по стерилизации мужчин и женщин рентгеновскими лучами и путем применения других методов. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

В показаниях было указано, что у женщин перед тем, как их убить, обрезали волосы, которые отправлялись в Германию, где они использовались для производства матрацев. Одежда, деньги и драгоценности заключенных также присваивались и направлялись в соответствующие отделы для дальнейшего распределения. После того как жертвы умерщвлялись, у трупов вынимали золотые зубы и пломбы, которые пересылались в рейхсбанк. После кремации трупов зола использовалась в качестве удобрения, а в некоторых случаях делались попытки использовать жировой слой, имевшийся на телах жертв, для выработки мыла, предназначенного для продажи. По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавшие евреев для так называемого окончательного разрешения вопроса. В некоторые страны-сателлиты, как Венгрия и Болгария, были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 года 400 000 евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 000 евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ К РАЗДЕЛУ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Статья 6 Устава гласит:

«b) *военные преступления*, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

c) *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым пре-

ступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Как здесь указывается, Устав не выделяет тот или иной заговор в отдельное преступление, за исключением заговора, упомянутого в статье 6 (а) и касающегося преступлений против мира.

Трибунал, несомненно, связан теми определениями, которые дает Устав как в отношении военных преступлений, так и в отношении преступлений против человечности. Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (b) Устава, уже признавались как военные преступления международным правом. Они предусматривались статьями 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 года и статьями 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 года. Тот факт, что нарушение этих норм являлось преступлением, за которое отдельные лица подлежали наказанию, слишком хорошо известен для того, чтобы допустить хоть тень сомнения.

Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в статье 2 Гаагской конвенции 1907 года. Этот пункт предусматривал:

«Положения, содержащиеся в правилах ведения войны на суше, упомянутых в статье 1, так же как и правила настоящей Конвенции, распространяются только на подписавшиеся стороны и только в том случае, если все воюющие стороны являются участниками данной Конвенции».

Некоторые воюющие стороны в последней войне не были участниками этой Конвенции.

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в Конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но Конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы и обычаи войны», которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в Конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии. По мнению Трибунала, в настоящем деле нет необходимости решать вопрос, является ли эта «доктрина покорения», в какой бы мере она ни зависела от военных завоеваний, применимой в тех случаях, когда покорение возникает в результате агрессивной войны. Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не

были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат.

Что касается преступлений против человечности, то не допускает никаких сомнений тот факт, что политические противники умерщвлялись в Германии до войны и что многие из них содержались в заключении в концентрационных лагерях в условиях жестокости и террора. Политика террора, несомненно, проводилась в широких масштабах, и во многих случаях она была организованной и систематической. До войны 1939 года в Германии самым безжалостным образом проводилась политика преследования, подавления и убийства всех лиц из числа гражданского населения, о которых можно было предположить, что они настроены враждебно по отношению к правительству. Также несомненно является установленным факт преследования евреев в течение того же периода. Действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом.

Однако с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности.

ОБВИНЯЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 9 Устава предусматривает:

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

После получения Обвинительного акта Трибунал сделает такое объявление, какое он найдет нужным, о том, что обвинение намеревается ходатайствовать перед Трибуналом о вынесении определения о признании организации преступной. Любой член организации будет вправе обратиться в Трибунал за разрешением быть выслушанным Трибуналом по вопросу о преступном характере организации. Трибунал будет вправе удовлетворить или отклонить эту просьбу. В случае удовлетворения такой просьбы Трибунал может определить, каким образом эти лица будут представлены и выслушаны».

Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций.

Статья 10 гласит:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию». Последствия признания Трибуналом преступного характера организаций со всей ясностью иллюстрируются в Законе № 10 Контрольного Совета в Германии, принятом 20 декабря 1945 г., который предусматривает:

«Каждое из следующих действий рассматривается как преступление:

... (d) Членство в определенных категориях преступных групп или организаций, преступный характер которых будет признан Международным Военным Трибуналом.

...3. Любое лицо, признанное виновным в любом из упомянутых выше преступлений, может быть в случае осуждения наказано таким образом, как Трибунал это сочтет справедливым. Такое наказание может соответствовать одному или нескольким из следующих пунктов...:

(a) Смертная казнь...

(b) Пожизненное тюремное заключение или заключение на определенный срок с каторжными работами или без каторжных работ.

(c) Штраф или тюремное заключение с каторжными работами или без каторжных работ вместо этого штрафа.

(d) Конфискация имущества.

(e) Изъятие (реституция) незаконно присвоенного имущества.

(f) Лишение некоторых или всех гражданских прав» [1].

Поэтому член организации, которую Трибунал признает преступной, может быть впоследствии осужден за преступление, заключавшееся в принадлежности к этой организации, и наказан за это преступление смертью. Это не предполагает, что международные или военные суды, которые будут судить этих лиц, не будут применять соответствующих правовых норм. Это новая процедура, предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости.

Следует отметить, что статья 9 содержит следующие слова: «Трибунал может признать». Таким образом, Трибунал облечен полномочиями решать по своему усмотрению вопрос, объявит ли он ту или иную организацию преступной. Однако это право решать по своему усмотрению основывается на правовых нормах и не позволяет прибегать к произвольному суждению; оно должно применяться в соответствии с прочно установившимися правовыми принципами, самый важный из которых заключается в том, что преступная виновность является индивидуальной и следует избегать массового наказания. Если Трибунал считает доказанной преступную виновность любой организации или группы, он должен без колебания признать ее преступной, не опасаясь того, что теория «преступность группы» является новой, или того, что она может

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8 т. Т.1. С. 161. Некоторое разночтение текстов связано с разницей в переводе «Закона № 10», опубликованного в «Ведомостях Контрольного Совета в Германии» за 1946 год, № 3. — **Прим. сост.**

быть несправедливо применена в последующих судебных разбирательствах трибуналами. С другой стороны, Трибунал должен вынести решение о преступности по возможности таким образом, чтобы не были наказаны невиновные.

Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения.

Поскольку решения о преступности, принятые Трибуналом, будут использоваться в других судах в процессах против отдельных лиц за их членство в организациях, которые будут признаны преступными, Трибунал считает уместным сделать следующие рекомендации:

1. Поскольку это возможно, классификация преступлений, санкции и мера наказания должны быть однообразными на всех четырех зонах оккупации Германии. Основной целью в той мере, в какой это практически возможно, должно быть соблюдение единообразия при рассмотрении дел. Это, конечно, не означает, что суды должны быть лишены права решать дела по своему усмотрению, однако это право действовать по усмотрению должно быть ограничено рамками, соответствующими характеру преступления.

2. Закон № 10, на который мы уже ссылались, оставляет решение вопроса о наказании полностью на усмотрение суда, разбирающего дело, вплоть до предоставления ему права выносить смертный приговор.

Однако закон о денацификации от 5 марта 1946 г., изданный для Баварии, Гросс-Гессена и Вюртенберг-Бадена, предусматривает определенное наказание для каждого вида преступлений. Трибунал рекомендует, чтобы ни в коем случае наказание, предусмотренное Законом № 10 в отношении любого члена группы или организации, признанной Трибуналом преступной, не превосходило по своим размерам наказания, установленного законом о денацификации. Никто не должен быть наказан по обоим законам.

3. Трибунал рекомендует Контрольному Совету внести поправку в Закон № 10 с тем, чтобы предусмотреть ограничение в наказании, которое может быть вынесено за членство в преступной группе или организации, таким образом, чтобы это наказание не превосходило наказания, предписываемого законом о денацификации.

Обвинительное заключение требует, чтобы Трибунал признал преступными следующие организации: руководящий состав нацистской партии, гестапо, СД, СС, СА, имперский кабинет, генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил.

РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Структура и составные части

Руководящий состав нацистской партии назван в Обвинительном заключении как группа или организация, которая должна быть объявлена преступной. Руководящий состав нацистской партии фактически состоял из официальной организации нацистской партии и возглавлялся Гитлером в качестве фюрера. Фактическое руководство руководящим составом нацистской партии осуществлялось начальником партийной канцелярии (Гессом, а затем Борманом) с помощью имперского партийного директората, или рейхслейтунга, который состоял из рейхслейтеров, руководителей функциональных организаций, так же, как и из руководителей различных главных управлений и учреждений, примыкавших к имперскому партийному директорату. Начальнику партийной канцелярии подчинялись гаулейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над главными административными партийными единицами — гау.

Гаулейтерам помогал партийный директорат по делам гау, или гаулейтунг, который по своей структуре и характеру деятельности соответствовал имперскому партийному директорату. Ниже гаулейтеров в партийной иерархии стояли крейслейтеры, осуществлявшие территориальную юрисдикцию над крейсами, обычно состоявшими из одной общины; им помогал партийный директорат по делам крейса, или крейслейтунг. Крейслейтеры стояли на самой нижней ступени партийной иерархии и являлись партийными работниками, получавшими заработную плату. Непосредственно ниже крейслейтеров стояли ортсгруппенлейтеры, затем целленлейтеры и, наконец, блоклейтеры.

Директивы и инструкции исходили из имперского партийного директората. Задачей гаулейтеров являлась интерпретация этих директив и передача их в нижестоящие инстанции. Крейслейтеры располагали некоторой свободой в толковании этих директив, но ортсгруппенлейтеры не обладали этой свободой и действовали по определенным инструкциям. Инструкции передавались в письменном виде только до ортсгруппенлейтера. Блок- и целленлейтеры обычно получали инструкции в устной форме. Принадлежность ко всем рангам руководящего состава являлась добровольной.

28 февраля 1946 г. обвинение исключило из требуемого им признания виновными всех сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров и всех помощников целленлейтеров и блоклейтеров. Решение Трибунала, которого требует обвинение в отношении признания виновным руководящего состава нацистской партии, таким образом, должно включать фюрера, рейхслейтеров, гаулейтеров и сотрудников их аппарата, крейслейтеров и сотрудников их аппарата, ортсгруппенлейтеров, целленлейтеров и блоклейтеров, то есть группу общей численностью по меньшей мере в 600 000 человек.

Цели и характер деятельности

Основной целью руководящего состава с самого начала являлась помощь нацистам в приобретении, а затем, после 30 января 1933 г., в сохранении контроля над германским государством. Механизм руководящего состава использовался для широкого распространения нацистской пропаганды и для тщательного контроля над политическими настроениями германского народа. В этой деятельности особенно важную роль играли низшие слои по-

литических руководителей. Партийный справочник инструктировал блоклейтеров сообщать ортсгруппенлейтерам обо всех лицах, распространяющих вредные слухи или критикующих режим. Ортсгруппенлейтеры на основе информации, получаемой ими от блоклейтеров и целленлейтеров, вели картотеку на всех жителей, входивших в ортсгруппу, содержащую данные, которые могли быть использованы при вынесении решения относительно их политической благонадежности. Руководящий состав был особенно активен в период плебисцитов. Все члены руководящего состава очень активно действовали для обеспечения голосования и наиболее высокого процента голосов «за». Ортсгруппенлейтеры и политические руководители высших рангов часто сотрудничали с гестапо и СД в мероприятиях по установлению тех лиц, которые отказывались принять участие в голосовании или голосовали «против», а также в принятии соответствующих мер против них, применяя даже арест и заключение в концентрационный лагерь.

Преступная деятельность

Эти действия, которые связаны только с консолидацией контроля нацистской партии, не являются преступными с точки зрения заговора для ведения агрессивной войны, который был уже выше изложен. Однако руководящий состав также использовался для аналогичных действий в Австрии и в тех частях Чехословакии, Литвы[1], Польши, Франции, Бельгии, Люксембурга и Югославии, которые были включены в состав империи и в гау нацистской партии. На этих территориях механизм руководящего состава использовался для германизации населения при помощи уничтожения местных обычаев и выявления и ареста лиц, противодействовавших германской оккупации. Это являлось преступным в соответствии со статьей 6 (b) Устава в отношении тех территорий, где действовали Гаагские конвенции о ведении сухопутной войны, и преступным в соответствии со статьей 6 (с) Устава в отношении остальных территорий.

Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, и далее в подробностях излагалось официальное объяснение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говори-

[1] Имеется в виду Мемельская область, захваченная гитлеровцами. — Прим. сост.

лось, что их направляли в трудовые лагеря, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость. Таким образом, даже на первый взгляд этот бюллетень указывал на то, что механизм руководящего состава использовался для того, чтобы удержать немецкое общественное мнение от протестов против программы, которая, как утверждалось, включала в себя осуждение евреев в Европе на пожизненное рабство. Эти сведения все время поступали к политическим руководителям. В августовском выпуске «Ди лаге» за 1944 год, являвшемся изданием, которое распространялось среди политических руководителей, описывалась депортация 430 000 евреев из Венгрии.

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в их соответствующих гау с полномочиями координировать деятельность всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Так, например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 000 женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политических руководителей, причем гаулейтеры были специально проинструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий».

В число вопросов, связанных с обращением с рабочими, которыми должны были заниматься политические руководители, входило составление крейслейтерами отчетов о случаях беременности среди женщин, использовавшихся для рабского труда; эти отчеты имели своим результатом производство аборта, если родители ребенка не соответствовали расовым требованиям, установленным СС, и обычно вели к заключению в концлагерь матери ребенка. Доказательства устанавливают, что под наблюдением политических руководителей промышленные рабочие расселялись в лагерях в ужасных антисанитарных условиях, работали много часов и не получали достаточного питания.

Под наблюдением тех же политических руководителей сельскохозяйственным рабочим, с которыми обращались несколько лучше, было запрещено пользоваться транспортом, посещать места развлечения и отправлять религиозные обряды; для них не был установлен нормированный рабочий день и были введены правила, которые давали нанимателю право прибегать в отношении их к телесным наказаниям. Политические руководители, по крайней мере до ортсгруппенлейтеров, несли ответственность за руководство этими вопросами. 5 мая 1943 г. всем политическим руководителям, до ортсгруппенлейтеров, был разослан меморандум

Бормана, содержавший инструкции о прекращении жестокого обращения с угнанными в рабство рабочими. Подобным же образом 10 ноября 1944 г. Шпеер циркулярно разослал директиву Гиммлера, предусматривавшую, что все члены нацистской партии в соответствии с указаниями крейслейтера должны быть предупреждены ортсгруппенлейтерами о том, что их долгом является внимательное наблюдение за иностранными рабочими.

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал директивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало завертывать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями».

17 октября 1944 г. директива ОКВ предписывала офицеру, отвечавшему за военнопленных, советоваться с крейслейтером по вопросу производительности труда. Использование военнопленных, особенно военнопленных с Востока, сопровождалось нарушением Конвенции о ведении сухопутной войны в широких масштабах. Доказательства устанавливают, что руководящий состав, до крейслейтеров включительно, участвовал в этом незаконном обращении с военнопленными. Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые[1] гласили, что вражеские парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться».

30 мая 1944 г. Борман разослал циркулярное письмо всем гау- и крейслейтерам с сообщением о случаях линчевания союзных летчиков штурмовой авиации, в которые полиция не вмешивалась. Было предложено информировать ортсгруппенлейтеров устно о содержании этого письма. Это письмо сопутствовало пропагандистской кампании, начатой Геббельсом с тем, чтобы поощрять эти линчевания или, по крайней мере, в нарушение Женевской конвенции, запрещать полиции вмешиваться. Ряд линчеваний был проведен в соответствии с этими указаниями, однако нет данных о том, что они проводились по всей Германии. Тем не менее существование этого циркулярного письма показывает, что верхушка политического руководства использовала его для целей, которые были явно незаконными и требовавшими использования аппарата политического руководства, по крайней мере, до ортсгруппенлейтеров.

---

[1] Инструкции. — **Прим. сост.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическое руководство использовалось для целей, которые согласно Уставу являлись преступными и включали германизацию присоединенных территорий, преследование евреев, проведение программы рабского труда и жестокое обращение с военнопленными. Подсудимые Борман и Заукель, являвшиеся членами этой организации, были в числе тех, кто использовал ее в этих целях. Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии также ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение.

Трибунал объявляет преступной в том смысле, как это определено Уставом, группу, состоящую из тех членов политического руководства, которые занимали посты, перечисленные в предыдущем параграфе, или тех, которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений. Основой для вынесения настоящего приговора является участие организации в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов, перечисленных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

ГЕСТАПО и СД

Структура и составные части

Обвинением названы государственная тайная полиция (гестапо) и служба безопасности рейхсфюрера СС (СД) как группы или организации, которые должны быть объявлены преступными. Обвинение представило дело против гестапо и СД вместе, заявив, что это было необходимо благодаря тесному сотрудничеству в работе между ними. Трибунал разрешил СД представить свою защиту отдельно, в связи с заявлением о противоречивости их интересов. Однако, ознакомившись с доказательствами, Трибунал решил рассматривать дело гестапо и СД вместе.

Впервые гестапо и СД были объединены 26 июня 1936 г. назначением Гейдриха, являвшегося начальником СД, на пост начальника полиции безопасности, которое имело целью объединить гестапо и уголовную полицию. Еще до этого СД представляла собой разведывательную агентуру сначала СС, а затем, после 4 июня 1934 г., всей нацистской партии. Гестапо состояло из различных подразделений политической полиции нескольких немецких федеральных государств, которые были объединены под личным руководством Гиммлера с помощью Геринга. Гиммлер был назна-

чен начальником немецкой полиции в министерстве внутренних дел 17 июня 1936 г. и, будучи рейхсфюрером СС и начальником германской полиции, он 26 июня 1936 г. издал декрет, который включил уголовную полицию (КРИПО) и гестапо в состав полиции безопасности и объединил полицию безопасности и СД под руководством Гейдриха.

Объединение полиции безопасности — государственной организации и СД — партийной организации под руководством Гейдриха было оформлено декретом от 27 сентября 1939 г., объединявшим различные государственные и партийные учреждения, подведомственные Гейдриху как начальнику полиции безопасности и СД, в одно административное целое — главное управление имперской безопасности (РСХА), которое одновременно являлось одним из главных управлений СС, подведомственных Гиммлеру как рейхсфюреру СС, и управлением министерства внутренних дел, подведомственного Гиммлеру как начальнику немецкой полиции.

Внутренняя структура РСХА показывает, как оно осуществляло объединенное управление полицией безопасности и СД. РСХА подразделялось на семь управлений (амт), два из которых (амт-I и амт-II) занимались административными вопросами. Полиция безопасности была представлена амт-IV — главным управлением гестапо и амт-V — главным управлением уголовной полиции. СД было представлено амт-III — главным управлением по деятельности СД внутри Германии, амт-VI — главным управлением по деятельности СД вне Германии и амт-VII, занимавшимся исследовательскими вопросами идеологического характера.

Вскоре после создания РСХА, в ноябре 1939 года, полиция безопасности была «координирована» с СС путем производства всех чиновников гестапо и уголовной полиции в звания СС, соответствовавшие занимаемым ими постам. Созданием РСХА достигались координация деятельности всей полиции и разграничение функций среди высших полицейских чиновников. В этом разграничении СД служила разведывательной агентурой полиции безопасности.

Аналогичная координация существовала и в местных управлениях. В Германии и во включенных в империю районах с целью облегчения гражданского управления местные органы гестапо, уголовной полиции и СД формально существовали отдельно. Однако их координация осуществлялась инспекторами полиции безопасности и СД из аппарата местных высших руководителей СС и полиции, и одной из основных функций местных частей СД являлась служба в качестве разведывательной агентуры для местных частей гестапо. На оккупированных территориях взаимоотношения между местными частями гестапо, уголовной полицией и СД были несколько теснее. Они были организованы в местные отряды полиции безопасности и СД и находились под контролем как РСХА, так и высшего руководителя СС и полиции, который назначался Гиммлером в аппарат оккупационных властей.

Органы полиции безопасности и СД на оккупированной территории состояли из отделов, соответствовавших различным управлениям РСХА. На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, или там, где формально немецкий контроль еще установлен не был, структура органов полиции безопасности и СД была несколько иной. Члены гестапо, КРИПО и СД объединялись вместе в организации военного типа, известные под названием эйнзатцкоманд и эйнзатцгрупп, в которых основные должности были заняты членами гестапо, КРИПО и СД, в то время как члены полиции порядка, «ваффен СС» и даже личный состав вооруженных сил Германии использо-

вались для вспомогательных цепей. Эти организации находились под общим контропем РСХА, но в районах, прилегающих к линии фронта, поступали под оперативное руководство соответствующего командующего армией.

Таким образом, можно видеть, что с точки зрения их функций как гестапо, так и СД представляли собой важные, тесно связанные между собой группы в составе организации попиции безопасности и СД. Полиция безопасности и СД находились под единоначапием сначала Гейдриха, а потом Кальтенбруннера как начальника попиции безопасности и СД; у нее[1] имелся единый штаб РСХА; у нее имелась собственная система субординации, и ее деятельность была деятельностью единой организации как в Германии, так и на оккупированных территориях и в прифронтовой полосе.

В течение периода, рассмотрением которого в основном занимается Трибунал, кандидаты на допжности в полиции безопасности и СД проходили подготовку по линии всех составных частей полиции безопасности: гестапо, уголовной попнции и СД. Некоторая путаница быпа вызвана тем фактом, что часть организации являлась организационным подразделением нацистской партии, в то время как другая часть организации явпялась управлением в правитепьстве, но это не имеет никакого особого значения ввиду закона от 1 декабря 1933 г., который объявил единство нацистской партии и германского государства.

Полиция безопасности и СД явпяпись добровольной организацией. Верно то, что большое чиспо гражданских спужащих и административных чиновников было переведено в попицию безопасности. Утверждение о том, что перевод был принудительным, является не чем иным, как утверждением о том, что они должны были или согласиться с таким переводом, или уйти в отставку со своих постов, что могпо вызвать недовольство по спужебной линии. В течение войны члены полиции безопасности и СД не имели свободного выбора при назначениях внутри организации, и отказ принять какое-либо назначение, особенно на оккупированной территории, мог привести к серьезному наказанию. Однако остается явным тот факт, что все члены полиции безопасности и СД вступапи в организацию добровопьно, не побуждаемые ничем иным, кроме жепания сохранить свою официапьную допжность.

Организация полиции безопасности и СД включает также три специальные части, которые должны быть рассмотрены в отдельности.

Первая из них — пограничная полиция (гренцполицей), которая была передана в ведение гестапо в 1937 году. В ее функцию входило осуществление контропя над проездом через границы Германии. Она производила арест лиц, незаконно пересекающих границу.

Из представленных доказательств также явствует, что она попучала директивы гестапо об отправке задержанных иностранных рабочих в концентрационные лагеря. Она также могпа ходатайствовать перед местными отдепениями гестапо о разрешении заключить арестованных пиц в концентрационные пагеря.

По мнению Трибунала, обвинение в преступлении, выдвинутое против гестапо, должно также распространяться и на пограничную полицию.

[1] То есть у СД и попиции. — **Прим. сост.**

Таможенная пограничная охрана (цоллгренцшутц) вошла в состав гестапо летом 1944 года. Функции этой организации были аналогичными функциям пограничной полиции и заключались в проверке соблюдения правил при переезде через границу и особенно в предотвращении контрабанды. Однако нет данных, что ее включение было полным, около половины ее общего состава, насчитывающего 54 000 человек, осталось в ведении имперского финансового управления или полиции порядка. За несколько дней до конца войны вся организация была вновь включена в имперское финансовое управление. Включение организации в гестапо произошло так поздно и она так мало участвовала в общей деятельности гестапо, что Трибунал считает, что не следует включать ее при рассмотрении преступности гестапо.

Третьей организацией являлась так называемая тайная полевая полиция, которая первоначально была подчинена армейскому руководству, но которая в 1942 году была переведена военным приказом в полицию безопасности. Тайная полевая полиция занималась вопросами безопасности армии на оккупированной территории, а также предотвращением нападения гражданского населения на военные сооружения и части и совершала в широких масштабах военные преступления и преступления против человечности. Однако не было доказано, что эта организация являлась частью гестапо, и Трибунал считает, что на нее не распространяются обвинения в преступности, содержащиеся в Обвинительном заключении, за исключением тех ее членов, которые, возможно, были переведены в амт-VI РСХА или являлись членами организаций, признанных преступными настоящим приговором.

Преступная деятельность

Первоначально одной из основных функций гестапо являлось предотвращение какой-либо политической оппозиции нацистскому режиму — функция, которую гестапо выполняло с помощью СД. Основным орудием, которое использовалось для осуществления этой функции, являлись концентрационные лагеря. Гестапо не имело административного контроля над концентрационными лагерями, но, действуя через главное управление имперской безопасности, несло ответственность за содержание под арестом политических заключенных в этих лагерях. Чиновники гестапо обычно отвечали за допрос политических заключенных в этих лагерях.

Гестапо и СД также занимались рассмотрением дел, связанных с государственной изменой, прессой, церковью и евреями. По мере того как нацистская программа антисемитских преследований усиливалась, роль, которую играли эти группы, становилась все более важной. Ранним утром 10 ноября 1938 г. Гейдрих послал телеграмму всем управлениям гестапо и СД, в которой давались инструкции об организации погромов в тот день и об аресте такого количества евреев, которое способны вместить тюрьмы, «особенно богатых» евреев, обращая при этом внимание на то, чтобы арестовывались только здоровые и не слишком старые.

К 11 ноября 1938 г. 20 000 евреев были арестованы и многие были посланы в концентрационные лагеря. 24 ноября 1939 г. Гейдриху, начальнику полиции безопасности и СД, было поручено дальнейшее проведение эмиграции и эвакуации евреев из Германии и 31 июля 1941 г. ему было поручено полнейшее разрешение еврейского вопроса в находившихся под господством Германии европейских государствах.

Был организован специальный отдел управления гестапо главного управления имперской безопасности под начальством штандартенфюрера Эйхмана, и в его ведение были переданы вопросы, касающиеся евреев; это управление использовало своих собственных агентов для «разрешения» еврейской проблемы на оккупированной территории. Управления гестапо на местах были использованы сначала для осуществления надзора над эмиграцией евреев, а затем для депортации их на Восток как из Германии, так и с территорий, оккупированных во время войны. Эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, действовавшие в тылу на Восточном фронте, осуществляли массовое убийство евреев. Специальная часть из управления гестапо в РСХА использовалась для организации депортации евреев из стран — сателлитов держав оси в Германию для «окончательного разрешения».

Местные управления полиции безопасности и СД играли важную роль в германской администрации на оккупированных территориях. Участие в этой администрации характеризуется мероприятиями, проведенными летом 1938 года по подготовке к нападению на Чехословакию, которое тогда подготовлялось. Эйнзатцгруппы гестапо и СД были организованы для того, чтобы следовать за армией в Чехословакию и обеспечить безопасность политической жизни на оккупированных территориях. Были подготовлены планы для проникновения членов СД на эту территорию до начала вторжения и для создания системы карточек на этой территории для того, чтобы указать, какие жители должны находиться под наблюдением, кто должен быть лишен паспорта и кто должен быть уничтожен. Эти планы были значительно изменены в результате отмены нападения на Чехословакию, но в военных действиях, которые действительно имели место, в особенности в войне против СССР, эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД были использованы и применяли зверские меры по усмирению гражданского населения и проводили массовые убийства евреев. Гейдрих отдал приказы инсценировать инциденты на польско-германской границе в 1939 году, которые бы дали Гитлеру достаточный предлог для нападения на Польшу. Личный состав как гестапо, так и СД принимал участие в этих операциях.

Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа «Мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими.

Управления полиции безопасности и СД использовались в проведении в жизнь программы рабского труда. На некоторых оккупированных территориях они помогали местным организациям по набору рабочей силы выполнять план, установленный Заукелем. Управления гестапо внутри Германии несли функцию надзора над рабочими, вывезенными в Германию для рабского труда, и отве-

чапи за привлечение к ответственности тех, кто отсутствовал на месте работы.

Гестапо также ведало так называемыми лагерями трудовой подготовки. Хотя в эти лагеря заключались как немецкие, так и иностранные рабочие, гестапо играло значительную роль в принуждении иностранных рабочих к работе для германских военных усилий. На последних стадиях войны, по мере того как СС занялась своей собственной программой рабского труда, гестапо было использовано для ареста рабочих с целью обеспечения достаточного снабжения рабочей силой концентрационных лагерей.

Местные управления полиции безопасности и СД также принимали участие в совершении военных преступлений, заключавшихся в убийстве военнопленных и жестоком обращении с ними. Советских военнопленных, находившихся в лагерях для военнопленных в Германии, проверяли эйнзатцкоманды, которые действовали в соответствии с указаниями местных управлений гестапо. Комиссары, евреи, представители интеллигенции, «коммунисты-фанатики» или даже те, кого считали неизлечимо больными, рассматривались как «нетерпимые элементы» и уничтожались. Местные управления полиции безопасности и СД участвовали в проведении в жизнь приказа «Пуля», вступившего в силу 4 марта 1944 г., согласно которому определенные категории военнопленных, которые пытались бежать и были пойманы, не рассматривались далее как военнопленные и посылались в секретном порядке в Маутхаузен, где их расстреливали. Члены полиции безопасности и СД обвиняются также в проведении в жизнь приказа о расстреле парашютистов и коммандос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись согласно Уставу преступными и включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их. Подсудимый Кальтенбруннер, являвшийся членом этой организации, относился к числу тех, кто использовал ее для этих целей.

Рассматривая дело гестапо, Трибунал имеет в виду всех оперативных и административных чиновников четвертого управления главного управления имперской безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо, в других отделах главного управления имперской безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось выше.

По предложению обвинения Трибунал не включает лиц, находившихся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы. Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII главного управления имперской безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись они формально членами СС или нет.

Трибунал признает преступной согласно Уставу группу, состоящую из тех членов гестапо и СД, занимавших посты, перечислен-

ные в предыдущем параграфе, которые вступили в организацию или оставались в ней, зиая о том, что оиа использовапась для совершения действий, объявленных преступиыми в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации лично принимали участие в совершеиии подобных преступлеиий. Основой для вынесения настоящего приговора является то, участвовала ли организация в совершеиии военных преступлений и преступлений против человечности, связаиных с войной; поэтому эта группа, признаниая преступной, не может включать лиц, которые более ие занимали постов, перечислеиных в предыдущем параграфе, после 1 сентября 1939 г.

СС

Структура и составные части

Обвинение назвало охраиные отряды национал-социапистской рабочей партии Германии (общеизвестиые под названием СС) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. Тот раздел обвинения, в котором говорится об СС, включает также и службу безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестную под названием СД). Последняя организация, бывшая первоначально разведывательным отделом СС, впоследствии стала важной частью оргаиизации полиции безопасности и СД, которые рассматриваются в приговоре Трибунала в разделе, посвящеином гестапо.

Организация СС была сформирована впервые Гитлером в 1925 году как отборная группа СА для политических целей под предлогом охраны ораторов, выступающих иа открытых собраииях нацистской партии. После того как иацисты захватили власть, СС стала использоваться для поддержания порядка и наблюдения за присутствующими иа массовых демонстрациях, и по указу фюрера ей была поручена дополнительная функция по охране «внутренней безопасиости». СС играпа важную роль во время «чистки Рема», 30 июня 1934 г., и вскоре после этого за свои заслуги была сделана самостоятельиой организацией нацистской партии.

В 1929 году, когда Гиммлер был впервые назначеи рейхсфюрером, организация СС состояла из 280 человек, которых считали особеино благонадежными. В 1933 году она состояла из 52 000 человек, набраниых из самых различиых слоев общества. Первой организацией СС были «общие СС», которые к 1939 году выросли в корпус, построеиный на военной основе, с подразделеиием на дивизии и полки, общей численностью в 240 000 человек. Во время войны эта организация умеиьшилась почти до 40 000 человек.

СС первоначально состояпа из двух отдельных организаций — военных отрядов СС, состоявших из членов СС, добровопьно согласившихся иа четырехлетиюю военную спужбу вместо обязательной службы в армии, и соедииений СС «Мертвая голова» — специальных войск для охраны концентрациониых лагерей, которые с 1934 года перешли в ведеиие СС. Военные отряды СС были сформированы в военные подразделения, которые должны были использоваться вместе с армией в случае мобилизации. Летом 1939 года военные отряды были превращены в моторизоваиную дивизию, образовавшую ядро вооруженных сил, которые в 1940 году стали известиы под названием войск СС. В то время войска СС состояли из 100 000 человек, 56 000 из них пришли из военных отрядов СС, а остальиые — из «общих СС» и соединений «Мерт-

вая голова». К концу войны в них насчитывалось около 580 000 человек и 40 дивизий. Войска СС в тактическом отношении подчинялись армии, но получали все свое снабжение и экипировку через административные отделы СС и находились под их дисциплинарным контролем.

Центральная организация СС имела 12 главных управлений. Наиболее важными из них были следующие: главное управление имперской безопасности, о котором уже говорилось выше; главное административно-хозяйственное управление, которое наряду с остальными своими функциями ведало концентрационными лагерями, и управление по вопросам расы и поселений совместно с вспомогательными управлениями по репатриации расовых немцев («фольксдейчмиттельштелле»).

Центральная организация СС имела также правовой отдел, имела свою собственную правовую систему, и ее личный состав подлежал юрисдикции специальных судов.

К главным управлениям СС были также присоединены исследовательские институты, известные под названием институтов по вопросам наследственности (аненэрбе). Утверждалось, что ученые этой организации в основном были почетными членами СС. Во время войны к институтам по вопросам наследственности был присоединен институт военных научных изысканий, который проводил опыты в широких масштабах, используя в качестве объектов живых людей. Сотрудником этого института был некий доктор Рашер, который проводил свои эксперименты с полного ведома института по вопросам наследственности; эти опыты субсидировались и проводились под покровительством рейсхфюрера СС, который был инициатором создания этого института.

С 1933 года началось постепенное, но всестороннее слияние полиции и СС. В 1936 году Гиммлер, рейхсфюрер СС, стал начальником германской полиции и получил в свое ведение регулярную полицию и полицию безопасности.

Гиммлер установил систему, согласно которой высшие руководители СС и полиции, назначаемые для каждого военного округа, были его личными представителями для координирования деятельности полиции порядка, полиции безопасности и СД и «общих СС» в пределах их юрисдикции. В 1939 году действия СС и полиции были скоординированы путем приема всех должностных лиц полиции порядка и полиции безопасности в СС, причем чины, которые они имели в полиции, соответственно сохранялись и в СС.

До 1940 года СС была организацией, основанной исключительно на добровольных началах. После же образования войск СС в 1940 году число мобилизованных в войска СС стало постепенно возрастать. По-видимому, около трети всего числа вступивших в войска СС были мобилизованы, причем пропорция мобилизованных возросла к концу войны по сравнению с началом войны; но все же до конца войны продолжался приток добровольцев в значительных размерах.

Преступная деятельность

Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 году, а «фольксдейчмиттельштелле» финансировало там деятельность «пятой колонны».

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД.

Другие отделы СС были также в равной степени причастны к этой преступной программе. Имеются доказательства того, что расстрел невооруженных военнопленных был обычным явлением в некоторых дивизиях войск СС. 1 октября 1944 г. охрана военнопленных и интернированных лиц была передана в ведение Гиммлера, который, в свою очередь, передал дела о военнопленных обергруппенфюреру СС Бергеру и обергруппенфюреру СС Попю.

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с «фольксдейчмиттельштелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц ненемецкой национальности.

Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов. Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях. Под предлогом борьбы с партизанскими отрядами подразделения СС уничтожали евреев и лиц, которых СС считала политически нежелательными; их отчеты свидетельствуют об уничтожении огромнейшего числа людей. Дивизии войск СС ответственны за множество убийств и зверств на оккупированных территориях, как, например, за резню в Орадуре и Лидице.

Начиная с 1934 года СС была ответственна за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав батальонов охраны постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 года, когда концентрационные лагеря были переданы в ведение ВФХА[1], они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции[2], по которому все антиобщественные элементы, отбывшие срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом.

Полиция безопасности и СД и даже войска СС постоянно использовались для обеспечения работ, проводимых СС в концентрационных лагерях, нужной для этого рабочей силой. В связи с

---

[1] ВФХА — главное административно-хозяйственное управление СС, ведавшее всеми концлагерями.— **Прим. сост.**

[2] Речь идет о соглашении Гиммлера — Тирака.— **Прим. сост.**

тем, что концентрационные лагеря находились в ведении СС, она начала целую серию экспериментов над людьми, используя для этого военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти эксперименты включали замораживание до смерти и убийства отравленными пулями. СС сумела получить правительственные фонды для исследований подобного рода на том основании, что члены этой организации имели доступ к человеческому материалу, который не был доступен другим организациям.

СС играла особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимала непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г. Вывоз евреев с оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС.

Эйнзатцгруппы принимали участие в массовой резне евреев. В этих мероприятиях были замешаны также полицейские части СС. Например, резня евреев в Варшавском гетто проводилась под руководством бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Штропа. Специальная группа, выделенная из центральной организации СС, распоряжалась вывозом евреев из различных государств — сателлитов стран оси; истребление евреев проводилось в концентрационных лагерях, находящихся в ведении ВФХА.

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. «Общие СС» являлись активным участником преследования евреев и использовались для охраны концентрационных лагерей. Части войск СС непосредственно участвовали в убийствах военнопленных и зверствах, совершавшихся в оккупированных странах. Из личного состава частей СС создавались эйнзатцгруппы; части СС осуществляли командование над охраной концентрационных лагерей после того, как в их состав были включены части «Мертвая голова», под контролем которых первоначально находилась система охраны.

При совершении зверств в оккупированных странах и истреблении евреев там также широко использовались различные части полиции СС.

Центральная организация СС осуществляла верховное руководство над деятельностью этих различных соединений и несла ответственность за планы специального характера, как, например, эксперименты над людьми и «окончательное разрешение» еврейского вопроса.

Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить в тайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высокодисциплинированную ор-

ганизацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что он не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации». Гиммлер также излагал свою точку зрения, заключавшуюся в том, что на обязанности СС лежало увековечение отборных элементов расы в целях превращения Европы в германский континент; СС были переданы инструкции, заключавшиеся в том, что ей поручается оказывать содействие нацистскому правительству в окончательном установлении господства над Европой и в уничтожении всех низших рас.

Эта мистическая и фанатическая вера в превосходство нордических немцев превратилась в заученное презрение и даже ненависть к другим расам, приведшие к преступной деятельности такого типа, как это описано выше, что рассматривалось не только как само собой разумеющееся явление, но было даже предметом гордости.

Действия одного солдата войск СС, который в сентябре 1939 года, действуя исключительно по собственной инициативе, убил 50 еврейских рабочих, которых он охранял, следующим образом объясняются в заявлении одного эсэсовца: он был «особенно чувствительным к виду евреев» и действовал «необдуманно, побуждаемый юношеским духом авантюризма»; трехлетнее заключение, к которому был присужден этот человек, было отменено в результате амнистии.

Гесс правильно писал, что войска СС являлись более подходящей организацией для осуществления специфических задач, которые должны быть разрешены на оккупированных территориях, благодаря их обширной подготовке в вопросах расы и национальности.

В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, и жестокое обращение с военнопленными и их убийства. Подсудимый Кальтенбруннер являлся членом СС и замешан в этой деятельности.

Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерий-

ские соединения СС. Вопрос о службе безопасности рейхсфюрера СС (общеизвестной под названием СД) рассматривается в приговоре Трибуиала по делу гестапо и СД.

Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе[1], которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или тех лиц, которые были лично замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений, исключая, однако, тех лиц, которые были призваны в данную организацию государственными органами, причем таким образом, что они не имели права выбора, а также тех лиц, которые не совершали подобных преступлений.

Настоящее решение основывается на участии этой организации в военных преступлениях и преступлениях против человечности, связанных с войной; эта группа, признаваемая преступной, не включает поэтому лиц, которые перестали быть членами организаций, перечисленных в предыдущем параграфе, до 1 сентября 1939 г.

СА

Структура и составные части

Обвинение назвало штурмовые отряды национал-социалистской немецкой рабочей партии (общеизвестные под названием СА) в качестве организации, которая должна быть признана преступной. СА была организована в 1921 году для политических целей. Эта организация была построена по военному принципу. Члены ее носили форму этой организации и имели собственные правила поведения и дисциплины.

После того как нацисты захватили власть, количество членов СА значительно возросло в связи с включением в ее состав нескольких организаций ветеранов. В апреле 1933 года в состав СА был включен «Стальной шлем» («Штальхельм»), организация, состоявшая из полутора миллионов членов, за исключением тех ее членов, которые были старше 45 лет, а также некоторых других; это включение было произведено в соответствии с соглашением между руководителем «Стального шлема» Зельдте и Гитлером. Другая организация ветеранов, так называемый Киффхойзербунд, была включена в СА подобным же образом, вместе с целым рядом сельских кавалерийских организаций.

До 1933 года не вставал вопрос о том, что членство в СА может быть недобровольным. После 1933 года гражданские служащие подвергались известному политическому и экономическому нажиму с тем, чтобы заставить их вступить в СА. Члены «Стального шлема», Киффхойзербунда и сельские кавалерийские ассоциации были включены в состав СА без их ведома; однако Трибунал не считает доказанным, что члены этих организаций в общей массе пытались протестовать против этого включения или что имелись какие-нибудь данные, за исключением отдельных случаев, о последствиях отказа. Поэтому Трибунал считает установленным, что членство в СА, как правило, добровольное.

[1] Имеется в виду предыдущий абзац. — **Прим. сост.**

К концу 1933 года СА состояла из четырех с половиной миллионов членов. В результате изменений, имевших место после 1934 года, в 1939 году число членов СА равнялось полутора миллионам человек.

Деятельность

В первые дни существования нацистского движения бойцы штурмовых отрядов СА являлись «сильной рукой партии». Они принимали участие в стычках в пивных и использовались для уличных боев против политических противников. СА использовалась также для распространения нацистской идеологии и пропаганды и уделяла особенное внимание антисемитской пропаганде, доктрине «жизненного пространства», пересмотру Версальского договора и возвращению Германии колоний.

После прихода нацистов к власти и в особенности после выборов 5 марта 1933 г. СА играла важную роль в установлении нацистского режима террора в Германии. СА участвовала в насилиях против евреев и использовалась для ареста политических противников и для охраны концентрационных лагерей, где она зверски обращалась с заключенными.

30 июня, 1 и 2 июля 1934 г. имела место чистка руководства СА. Эта чистка, которая привела к убийству Рема, начальника штаба СА, и многих других руководителей СА, была проведена под предлогом существования заговора против Гитлера. Эта чистка привела к значительному уменьшению влияния и мощи СА. После 1934 года политическое значение СА быстро пошло на убыль.

После 1934 года СА начала проводить некоторые виды военной и полувоенной подготовки. СА продолжала заниматься распространением нацистской пропаганды. Отдельные части СА были даже причастны к действиям, которые привели к агрессивной войне и к совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Части СА были в числе первых при оккупации Австрии в марте 1938 года. СА дала большую часть личного состава и значительную часть вооружения для «свободного корпуса» Генлейна в Судетской области, хотя этот корпус находился в сфере юрисдикции СС во время операций в Чехословакии.

После оккупации Польши Судетская группа СА использовалась для транспортировки военнопленных. Части СА использовались для охраны пленных в Данциге, Познани, Силезии и в Прибалтийских государствах. Некоторые части СА были использованы для взрывов синагог во время еврейских погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Группы СА были причастны к жестокому обращению с евреями в гетто Вильнюса и Каунаса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До чистки, начавшейся 30 июня 1934 г., СА представляла собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, которые участвовали в нацистских эксцессах того периода. Однако не было доказано, что эти зверства являлись частью конкретного плана ведения агрессивной войны, и Трибунал поэтому не может считать, что эта деятельность является преступной в соответствии с Уставом. После чистки СА превратилась в группу малозначащих нацистских прихлебателей. Хотя в отдельных случаях некоторые части СА использовались для совершения военных преступлений и преступлений против человечности, нельзя сказать,

что члены этой организации в общей массе участвовали в преступных действиях или даже знали о них. На этом основании Трибунал не объявляет СА преступной организацией в том смысле, как это предусмотрено статьей 9 Устава.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ

Обвинение назвало как преступную организацию правительственный кабинет (рейхсрегирунг), состоявшую после января 1933 года из членов самого кабинета, членов совета министров по обороне империи и членов тайного совета. Трибунал считает, что решение о признании преступного характера правительственного кабинета не должно быть вынесено по двум причинам:

1) потому, что не доказано, что после 1937 года он фактически действовал в качестве группы или организации;

2) потому, что группа лиц, против которой здесь выдвинуто обвинение, является настолько малочисленной, что без каких-либо затруднений члены ее могут предстать индивидуально перед судом без вынесения решения о том, что кабинет, членами которого они были, являлся преступной организацией.

В отношении первой причины, на основании которой мы выносим наше решение, следует заметить, что, начиная с того времени, с которого можно считать существовавшим заговор для ведения агрессивной войны, правительственный кабинет не представлял собой руководящего органа, но являлся лишь группой должностных лиц, подчиненных абсолютному контролю Гитлера. После 1937 года не было ни одного заседания правительственного кабинета, но законы принимались от имени одного или более членов кабинета. Тайный совет вообще ни разу не собирался. Некоторое число членов кабинета было, несомненно, замешано в заговоре для ведения агрессивной войны, но они были замешаны в нем как отдельные лица, и не имеется никаких доказательств того, что кабинет как группа или организация принимал какое-либо участие в этих преступлениях. Следует помнить, что когда Гитлер раскрыл свои цели преступной агрессии на совещании Госбаха[1], это раскрытие планов имело место не перед кабинетом и с кабинетом даже не консультировались по этому вопросу, но, наоборот, это было сделано тайно перед небольшой группой, на которую Гитлер должен был неизбежно опираться при ведении войны. Точно так же вторжение в Польшу не было санкционировано каким-либо распоряжением кабинета. Напротив, подсудимый Шахт заявил в своих показаниях, что он пытался остановить это вторжение путем обращения к главнокомандующему армией с жалобой на то, что приказ Гитлера был отдан в нарушение конституции, потому что он не был санкционирован кабинетом.

Однако оказывается, что различные законы, разрешающие действия, которые согласно Уставу являются преступными, циркулярным порядком распространялись среди членов правительственного кабинета, издавались от его имени и были подписаны членами тех министерств, которых данные законы касались. Это, однако, не доказывает, что правительственный кабинет после 1937 года когда-либо фактически действовал в качестве организации.

---

[1] Речь идет о совещании 5 ноября 1937 г., запись которого была оформлена адъютантом Гитлера Госбахом. — **Прим. сост.**

Что касается второй причины, то ясно, что те члены правительственного кабинета, которые виновны в совершении преступлений, должны предстать перед судом и некоторые из них находятся сейчас перед Судом этого Трибунала. Считают, что всего имеется 48 членов этой группы, что 8 из них нет в живых, а 17 находятся сейчас перед Судом. И, таким образом, остается самое большее 23 человека, для которых это решение могло бы иметь какое-либо значение. Любые другие лица, которые являются виновными, также должны предстать перед судом, но эти судебные процессы не будут ни ускорены, ни облегчены, если правительственный кабинет будет признан преступной организацией.

В тех случаях, когда для подобных целей используется организация с большим количеством членов, решение Трибунала исключает необходимость вновь ставить вопрос о ее преступном характере на последующих судах над ее членами, обвиняемыми в связи с их членством в участии в ее преступных целях, и таким образом достигается большая экономия времени и труда. Такого преимущества нет в данном деле небольшой группы, подобной правительственному кабинету.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Обвинение также просило, чтобы генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил были признаны преступной организацией. Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого обвинением. Но еще более убедительной причиной является то, что, по мнению Трибунала, генеральный штаб и верховное командование не представляют собой ни «организации», ни «группы» согласно определению этих терминов в статье 9 Устава.

Необходимо сделать некоторые замечания о характере этой так называемой группы. Согласно Обвинительному заключению и доказательствам, которые представлены Трибуналу, эта группа состоит примерно из 130 офицеров, живых и мертвых, которые в то или другое время, начиная с февраля 1938 года, когда Гитлер реорганизовал вооруженные силы, и до мая 1945 года, когда Германия капитулировала, занимали определенные посты в военной иерархии.

Эти люди являлись высшими офицерами в трех составных частях вооруженных сил: ОКХ — армия, ОКМ — военно-морской флот и ОКЛ — военно-воздушные силы. Над ними стояло единое руководство вооруженными силами — ОКВ — верховное командование германских вооруженных сил во главе с Гитлером — верховным главнокомандующим.

Офицеры ОКВ, включая подсудимого Кейтеля — начальника верховного командования, были в некотором роде личным штабом Гитлера. В более широком смысле они координировали действия трех составных частей вооруженных сил, в особенности в области планирования и в вопросах оперативного характера, и руководили ими.

Отдельные офицеры этой так называемой группы в то или другое время принадлежали к одной из четырех категорий:

1) главнокомандующий одной из трех частей вооруженных сил;

2) начальник штаба одной из трех частей вооруженных сил;

3) «обербефельсхаберы», главнокомандующие действующими армиями одной из трех частей вооруженных сил, которые составляли, конечно, наибольшую группу из числа этих лиц; или

4) офицеры ОКВ, их было 3: подсудимые Кейтель и Иодль и заместитель Иодля — Варлимонт. Именно в таком смысле употребляет Обвинительное заключение термин «генеральный штаб и верховное командование».

Здесь обвинение делает разграничение. Обвинение не обвиняет стоявших ниже на одну ступень военной иерархии командующих армейскими корпусами и лиц соответствующих им рангов во флоте и в воздушных силах, и еще ниже стоявших — командиров дивизий или лиц соответствующих им рангов в других составных частях вооруженных сил. Не включаются сюда также штабные офицеры любого из четырех штабов — ОКВ, ОКХ, ОКМ и ОКЛ, а также прошедшие специальную подготовку специалисты, которых обычно называли офицерами генерального штаба.

Таким образом, в действительности перечисленные в Обвинительном заключении лица представляют собой высших военных руководителей Германской империи. Не делалось серьезной попытки утверждать, что они составляли «организацию» в смысле определения статьи 9 Устава. Скорее утверждалось, что они представляли «группу» — термин, который является более широким по значению и масштабам, чем «организация».

Трибунал не считает, что это так. Согласно доказательствам разработка ими планов в штабах, постоянные совещания между штабными офицерами и армейскими офицерами, их оперативная тактика на поле боя и в штабах были очень сходными с теми, которые практиковались в армиях, флотах и воздушных силах всех других стран. Систему единого руководства ОКВ в вопросах координации и управления можно сравнить с похожей, хотя и несколько отличной системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством.

Говорить о существовании ассоциации или группы, исходя из такого метода их действия, по мнению Трибунала, нелогично. По этой теории верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты.

Много доказательств и аргументов сконцентрировалось вокруг вопроса о том, было ли членство в этих организациях добровольным или нет; в данном случае Трибуналу кажется, что этот вопрос не является вопросом по существу. Эта так называемая преступная организация имеет одну черту, которая является главной и которая резко отличает данную организацию от пяти других, поименованных в Обвинительном заключении. Когда кто-либо становился, например, членом СС, он делал это добровольно или не добровольно, но, безусловно, зная, что он вступает в какую-то организацию.

Что же касается генерального штаба и верховного командования, то такой человек не мог знать, что он вступает в группу или ассоциацию, потому что таковой не существовало, пока она не была объявлена существующей Обвинительным заключением. Такой человек лишь знал, что он достигал какого-то высокого положения в одной из трех частей вооруженных сил, и не мог отдавать себе отчета в том, что он становился членом некоего кон-

кретного целого, которое могло быть определено как «группа» в обычном значении этого слова. Его отношения со своими собратьями-офицерами в своей части вооруженных сил и его общение с офицерами двух других частей вооруженных сил в основном были похожи на те, которые существуют на военной службе во всем мире.

Трибунал поэтому не объявляет генеральный штаб и верховное командование преступной организацией.

Хотя Трибунал и считает, что термин «группа» в статье 9 должен означать нечто большее, чем собрание офицеров, он все же заслушал много показаний об участии этих офицеров в планировании и ведении агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Эти доказательства в отношении многих из них ясны и убедительны.

Они были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными. Хотя они не составляли группу, подпадающую под определение Устава, они, безусловно, представляли собой безжалостную военную касту. Современный германский милитаризм расцвел на короткое время при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений.

Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались. Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано.

В тех случаях, когда факты требуют этого, эти люди должны быть преданы суду с тем, чтобы те из них, которые повинны в совершении этих преступлений, не избегли кары.

* * *

В соответствии со статьей 26 Устава, требующей, чтобы приговор Трибунала в отношении виновности или невиновности подсудимых был мотивирован, Трибунал приводит следующие основания, по которым он выносит приговор о виновности или невиновности подсудимых.

Геринг

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушным флотом, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере до 1943 года, когда их взаимоотношения ухудшились и закончились его арестом в 1945 году. Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным и политическим вопросам.

Преступления против мира

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу» — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 году и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря, которые передал Гиммлеру в 1934 году; в том же году провел так называемую чистку Рема и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фрич были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырехлетнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что он в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г., а также присутствовал на других важных совещаниях, о которых уже упоминалось в настоящем приговоре. Во время аншлюса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он заявил на Суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля, усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии на совещании с Гитлером и президентом Гаха он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на Суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 г., когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Поэтому не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского дельца Далеруса как посредника в переговорах с Англией; как показал Далерус на Суде, для того чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше. Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он это утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на Суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно

положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «план Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что непосредственной аоенной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией. Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

Военные преступления и преступления против человечности

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга о его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне». И далее: «Рабочие принудительно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, на обязанности которого лежала вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандующего военно-воздушными силами он требовал от Гиммлера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного аооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномочеиного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуется, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории. Для этой цели Геринг создал зкоиомический штаб. Он был рейхсмаршалом Великой Германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим отраслям, включая пищевую промышлен-

ность и сельское хозяйство». В его так называемой «Зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где не хватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелось в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что «это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 г., когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т.д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок, как это указывалось выше, но также и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того как эти страны захватывались германской армией, он распространял иа них имперские антиеврейские законы. «Рейхсгезетцблатт» за 1939—1941 гг. содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гиммлера, Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на Суде. Декретом от 31 июля 1941 г. он предложил Гиммлеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны в качестве как политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей. Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Гесс

Гесс обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1920 году и принимал участие в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 г.; отбывал тюремное заключение вместе с Гитлером в 1924 году в Ландсбергской крепости, где стал ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, оставаясь таковым вплоть до своего отлета на Британские

острова. 21 апреля 1933 г. он был назначен заместителем фюрера и 1 декабря 1933 г. — имперским министром без портфеля. Он был назначен членом тайного совета 4 февраля 1938 г. и членом совета министров по обороне империи 30 августа 1939 г. В сентябре 1939 года Гесс был официально объявлен Гитлером преемником фюрера после Геринга. 10 мая 1941 г. он вылетел на самолете из Германии в Шотландию.

Преступления против мира

В качестве заместителя фюрера Гесс принадлежал к верхушке нацистской партии, нес ответственность за разрешение всех партийных вопросов и был облечен полномочиями принимать решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства. В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов. Занимая эти посты, Гесс активно поддерживал подготовку к войне. Его подпись имеется на законе от 16 марта 1935 г., вводившем обязательную воинскую повинность. В течение ряда лет он во многих своих речах поддерживал гитлеровскую политику энергичного перевооружения.

Он говорил народу о том, что каждый должен приносить жертвы для вооружения, повторяя при этом лозунг: «Пушки вместо масла». Хотя в период с 1933 г. по 1937 год Гесс произносил речи, в которых он высказывал желание сохранить мир и пропагандировал идею международного экономического сотрудничества, однако ничто в этих речах не может изменить того факта, что из всех подсудимых никто лучше, чем Гесс, не знал, насколько непоколебима была решимость Гитлера осуществить свои цели, каким фанатиком и убежденным сторонником необузданной грубой силы он был и как маловероятно было, что он воздержится от обращения к силе, если это явится единственным путем, при помощи которого он сможет достичь своих целей.

Гесс был осведомленным и добровольным участником германских агрессий против Австрии, Чехословакии и Польши. Он поддерживал контакт с подпольной нацистской партией в Австрии в течение всего периода между убийством Дольфуса и аншлюсом и инструктировал ее в течение этого периода. Гесс был в Вене 12 марта 1938 г., когда туда вошли германские войска, а 13 марта 1938 г. он подписал закон о воссоединении Австрии с Германской империей. Закон от 10 июля 1939 г. предусматривал его участие в управлении Австрией. 24 июля 1938 г. он произнес речь в память неудачного путча австрийских национал-социалистов, попытка проведения которого имела место за четыре года до этого, восхваляя меры, приведшие к аншлюсу, и защищая захват Австрии Германией.

Летом 1938 года Гесс поддерживал постоянный контакт с Генлейном — руководителем партии судетских немцев в Чехословакии. 27 сентября 1938 г. во время мюнхенского кризиса он организовал вместе с Кейтелем проведение в жизнь инструкций Гитлера, согласно которым аппарат нацистской партии предоставлялся для целей секретной мобилизации. 14 апреля 1939 г. Гесс подписал декрет о введении системы управления Судетской областью как неотделимой частью империи, а 10 июня 1939 г. был издан указ, предусматривающий участие Гесса в управлении Судетской областью. 7 ноября 1938 г. Гесс включил партию судетских не-

мцев, руководимую Генлейном, в состав нацистской партии и произнес речь, в которой подчеркнул, что Гитлер готов прибегнуть к войне в случае, если это окажется необходимым для того, чтобы получить Судетскую область.

27 августа 1939 г., когда временно было отложено нападение на Польшу в связи с попыткой склонить Великобританию отказаться от ее гарантий Польше, Гесс публично восхвалял «великодушное предложение» Гитлера Польше и нападал на Польшу, обвиняя ее в агитации за войну, и на Англию, как на страну, ответственную за эту позицию Польши. После вторжения в Польшу Гесс подписал декреты, в силу которых Данциг и некоторые польские территории были включены в империю и было учреждено генерал-губернаторство (Польша).

Эти конкретные меры, которые предпринял подсудимый для поддержки гитлеровских планов агрессивных действий, не определяют полную степень его ответственности. До своего отлета в Англию Гесс был ближайшим личным доверенным лицом Гитлера, отношения были такими, что Гесс должен был быть информирован об агрессивных планах Гитлера тогда, когда они возникали, он действовал для проведения этих планов там, где это действие было необходимым. Улетая в Англию, Гесс вез с собой некоторые мирные предложения, которые, как он утверждал, Гитлер был готов принять. Примечательно, что этот полет произошел всего лишь через десять дней после того, как Гитлер назначил точную дату для нападения на Советский Союз — 22 июня 1941 г.

В беседах, которые он вел по прибытии в Англию, Гесс искренне поддерживал все агрессивные действия Германии, которые имели место до того времени, и пытался оправдать действия Германии в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии и Нидерландов, возлагая на Англию и Францию ответственность за войну.

Военные преступления и преступления против человечности

Имеются доказательства, показывающие, что партийная канцелярия под руководством Гесса принимала участие в распространении приказов, связанных с совершением военных преступлений, что Гесс, даже если он не принимал участия в преступлениях, которые были совершены на Востоке, мог быть осведомлен о них, что он предложил дискриминирующие законы против евреев и поляков и что он подписал декреты, принуждавшие некоторые группы поляков принять германское подданство. Трибунал, однако, не считает, что эти обстоятельства определенно указывают на причастность Гесса к этим преступлениям, для того чтобы можно было признать его виновным в них.

Как указывалось ранее, Трибунал после тщательного медицинского освидетельствования и доклада о состоянии подсудимого решил, что он должен предстать перед судом без какой-либо отсрочки слушания его дела. С того времени были поданы дальнейшие ходатайства о том, чтобы он был снова подвергнут медицинскому освидетельствованию. Трибунал отклонил эти ходатайства после получения доклада тюремного психиатра. Тот факт, что поведение Гесса является ненормальным, то обстоятельство, что он страдает потерей памяти, и то, что его психическое состояние ухудшилось за время этого процесса, возможно, является пра-

вильным. Но ничто не указывает на то, что он не осознает характера выдвинутых против него обвинений или что он не способен защищать себя. Его интересы были должным образом представлены на этом процессе защитником, назначенным Трибуналом для этой цели. Ничто не указывает на то, что Гесс не находился в здравом рассудке в период совершения тех действий, которые ему инкриминируются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает подсудимого Гесса виновным по разделам первому и второму и невиновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Риббентроп

Риббентроп обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1933 году был назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики и в том же году — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики. В 1934 году он был назначен специальным уполномоченным по вопросам разоружения, а в 1935 году — полномочным министром с чрезвычайными полномочиями; именно в этой должности он вел переговоры об англо-германском морском соглашении в 1935 году и антикоминтерновском пакте в 1936 году. 11 августа 1936 г. он был назначен послом в Англию, 4 февраля 1938 г. он стал преемником фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел, что явилось частью общей перетасовки кабинета, которая сопровождала увольнение фон Фрича и фон Бломберга.

Преступления против мира

Риббентроп не присутствовал на «совещании Госсбаха», созванном 5 ноября 1937 г., но 2 января 1938 г. он, будучи все еще послом в Англии, направил Гитлеру меморандум, в котором изложил свою точку зрения относительно того, что изменение статус-кво на Востоке так, как этого хочет Германия, может быть достигнуто только путем применения силы, и внес свои предложения относительно методов, которые могут помешать Англии и Франции вмешаться в европейскую войну, ведущуюся с целью достижения этого изменения. Когда Риббентроп стал министром иностранных дел, Гитлер сообщил ему, что Германии все еще предстоит разрешить четыре проблемы: Австрия, Судетская область, Мемель и Данциг, и указал на возможность «своего рода раскрытия карт» или «разрешения военным путем» этих проблем.

12 февраля 1938 г. Риббентроп присутствовал на совещании между Гитлером и Шушнигом, на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил Шушнига сделать целый ряд уступок, предназначенных для того, чтобы укрепить положение нацистов в Австрии, в том числе назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности и внутренних дел с передачей ему контроля над полицией. Риббентроп находился в Лондоне в тот момент, когда фактически осуществлялась оккупация Австрии, и на основе сведений, полученных им от Геринга, информировал британское правительство, что Германия не предъявляла Австрии ультиматума и ввела свои войска в Австрию лишь для того, чтобы предотвратить гражданскую войну. 13 марта 1938 г. Риббентроп подписал закон, согласно которому Австрия включалась в Германскую империю.

Риббентроп принимал участие в агрессивных планах против Чехословакии. Начиная с марта 1938 года он поддерживал тесный контакт с партией судетских немцев и инструктировал их с тем, чтобы судето-немецкий вопрос оставался актуальным, что могло послужить предлогом для нападения, которое Германия планировала против Чехословакии. В августе 1938 года он принял участие в совещании, имевшем своей целью получение поддержки Венгрии на случай войны с Чехословакией.

После Мюнхенского пакта он продолжал оказывать дипломатическое давление с целью оккупации остальной части Чехословакии. Он играл решающую роль в побуждении словаков к тому, чтобы они объявили свою автономию. Он присутствовал на совещании 14—15 марта 1939 г., на котором Гитлер, угрожая вторжением, вынудил президента Гаха согласиться на оккупацию Чехословакии Германией. После того как германские войска вступили в страну, Риббентроп подписал закон, учреждавший протекторат Богемия и Моравия.

Риббентроп играл особенно значительную роль в дипломатической деятельности, которая привела к нападению на Польшу. Он принимал участие в совещании 12 августа 1939 г., имевшем своей целью получение поддержки Италии в том случае, если это нападение приведет к всеобщей европейской войне. Риббентроп обсуждал с британским послом требования Германии в отношении Данцига и Польского коридора в период с 25 по 30 августа 1939 г., когда ему уже было известно, что германские планы нападения на Польшу лишь временно отложены с тем, чтобы попытаться побудить Британию отказаться от ее гарантий Польше. Те методы, которыми он вел эти переговоры, делают совершенно ясным тот факт, что он не начал их добросовестно с целью добиться урегулирования трудностей, возникших между Германией и Польшей.

Риббентроп был заранее информирован о нападении на Норвегию и Данию, а также о нападении на Нидерланды и подготовил официальный меморандум министерства иностранных дел, являвшийся попыткой оправдать эти агрессивные действия.

Риббентроп присутствовал на совещании 20 января 1941 г., на котором Гитлер и Муссолини обсуждали предполагавшееся нападение на Грецию, а также на совещании в январе 1941 года, на котором Гитлер получил от Антонеску разрешение германским войскам на проход через территорию Румынии для осуществления этого нападения. 25 марта 1941 г., когда Югославия присоединилась к Тройственному пакту стран оси, Риббентроп заверил Югославию, что Германия будет уважать ее суверенитет и территориальную целостность. 27 марта 1941 г. он присутствовал на совещании, состоявшемся после государственного переворота в Югославии, на котором были разработаны планы осуществления объявленного намерения Гитлера уничтожить Югославию.

Риббентроп присутствовал в мае 1941 года вместе с Гитлером и Антонеску на совещании, на котором обсуждался вопрос об участии Румынии в нападении на СССР. Он также консультировался с Розенбергом по вопросу о предварительном планировании политической эксплуатации советских территорий и в июле 1941 года, после начала войны, убеждал Японию напасть на Советский Союз.

Военные преступления и преступления против человечности

Риббентроп принимал участие в совещании 6 июня 1944 г., на котором было решено начать проведение программы, согласно которой союзные летчики, производившие атаки на бреющем по-

лете, должны были подвергаться линчеванию. В декабре 1944 года Риббентроп был поставлен в известность о планах убийства одного из французских генералов, находившегося в плену, и дал указание своим подчиненным следить за тем, чтобы подготовка к совершению этого акта проводилась таким образом, чтобы помешать странам, представлявшим интересы воюющих сторон, узнать об этом факте.

Риббентроп также ответствен за военные преступления и преступления против человечности в результате своей деятельности в отношении оккупированных стран и сателлитов стран оси. Высшим должностным лицом Германии как в Дании, так и во Франции Виши был представитель министерства иностранных дел, и поэтому Риббентроп несет ответственность за общий экономический и политический курс, осуществлявшийся при оккупации этих стран. Он настаивал на том, чтобы итальянцы проводили безжалостную оккупационную политику в Югославии и Греции.

Риббентроп сыграл важную роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса, проводившемся Гитлером. В сентябре 1942 года он приказал германским дипломатическим представителям, аккредитованным при правительствах сателлитов стран оси, ускорить депортацию евреев на Восток. В июне 1942 года германский посол в Виши потребовал у Лаваля передачи 50 000 евреев для депортации на Восток. 25 февраля 1943 г. Риббентроп заявил Муссолини протест против медлительности итальянцев в депортации евреев из зоны итальянской оккупации во Франции. 17 апреля 1943 г. он участвовал на совещании между Гитлером и Хорти по вопросу о депортации евреев из Венгрии и информировал Хорти о том, что «евреи должны быть либо истреблены, либо заключены в концентрационные лагеря». На том же совещании Гитлер сравнил евреев с «туберкулезными бациллами» и сказал, что, если они не будут работать, их нужно расстрелять.

В качестве защитительного довода в ответ на выдвинутые против него обвинения Риббентроп ссылается на то, что все важнейшие решения принимались Гитлером и что он, Риббентроп, настолько преклонялся перед Гитлером и был таким его верным последователем, что никогда не подвергал сомнению неоднократные заявления Гитлера о том, что он хочет мира, равно как и не сомневался в правдивости оснований, выдвигавшихся Гитлером в оправдание своих агрессивных действий.

Трибунал не считает это объяснение соответствующим действительности. Риббентроп участвовал во всех нацистских актах агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной стороне этих актов, его дипломатические усилия были настолько тесно связаны с войной, что он не мог оставаться в неведении относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп также оказывал содействие в проведении преступной политики и при управлении территориями, над которыми вследствие незаконного вторжения Германия получила контроль, в частности в проведении политики истребления евреев.

Более того, имеются многочисленные доказательства, устанавливающие, что Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистского кредо и что его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно пото-

му, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Риббентропа виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кейтель

Кейтель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он был начальником штаба с 1935 года по 4 февраля 1938 г. при фон Бломберге, когда тот был военным министром; в этот день Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, назначив Кейтеля начальником верховного командования вооруженных сил. Кейтель не имел командных прав над тремя видами вооруженных сил, командующие которыми пользовались прямым доступом к верховному командующему. Верховное командование вооруженных сил являлось по существу военным штабом Гитлера.

Преступления против мира

Кейтель вместе с двумя другими генералами присутствовал на совещании с Шушнигом в феврале 1938 года. Их присутствие, как он признал, было «военной демонстрацией», но, поскольку он был назначен начальником ОКВ только за неделю до того дня, он не знал, зачем он был вызван. Затем Гитлер и Кейтель продолжали оказывать давление на Австрию при помощи ложных слухов, радиопередач и военных маневров. Кейтель провел все военные и иные мероприятия, и в дневнике Иодля по этому поводу записано: «Они подействовали быстро и сильно». Когда Шушниг назначил плебисцит, Кейтель в ту же ночь сообщил об этом Гитлеру и его генералам, и Гитлер издал директиву «план Отто», под которой Кейтель поставил свои инициалы.

21 апреля 1938 г. Гитлер и Кейтель обсудили вопрос об использовании возможного «инцидента», как, например, убийства германского посла в Праге, в качестве предлога к нападению на Чехословакию. Кейтель подписал много директив и меморандумов по «плану Грюн», включая директиву от 30 марта, содержавшую заявление Гитлера: «Моим неизменным решением является разгромить Чехословакию вооруженными силами в ближайшем будущем». После Мюнхена Кейтель поставил свои инициалы под директивой Гитлера о нападении на Чехословакию и издал два дополнения к ней. Во втором дополнении говорилось, что это нападение должно предстать перед внешним миром «лишь как акт умиротворения, но не как мероприятие военного характера». Начальник ОКВ присутствовал при переговорах Гитлера с Гаха, когда последний уступил требованиям Гитлера.

Кейтель присутствовал 23 мая 1939 г., в день когда Гитлер объявил о своем решении «напасть на Польшу при первой удобной возможности». К этому времени он же подписал директиву, предписывавшую вооруженным силам представить ОКВ к 1 мая плановую таблицу проведения «варианта Вейс». 12 декабря 1939 г. он обсуждал с Гитлером, Иодлем и Редером вопрос о вторжении в Норвегию и Данию. Директивой от 27 января 1940 г. проведение плана в отношении Норвегии было передано под «непосредственное личное руководство» Кейтеля. Гитлер заявил 23 мая 1939 г., что он будет игнорировать нейтралитет Бельгии и Нидерландов, и Кейтель под-

писал приказы о нападении на эти страны 15 октября, 20 ноября и 28 ноября 1939 г. Все 17 последовательных приказов об отсрочке этого нападения, изданных до весны 1940 года, были подписаны Кейтелем или Иодлем.

Составление конкретных планов действий в отношении Греции и Югославии началось в ноябре 1940 года. 18 марта 1941 г. Кейтель слышал, как Гитлер сказал Редеру, что полная оккупация Греции является предпосылкой общего урегулирования; он также слышал, как 27 марта Гитлер распорядился о разгроме Югославии «с безжалостной суровостью».

Кейтель показал, что противился вторжению в Советский Союз по военным соображениям и также потому, что это было бы нарушением пакта о ненападении. Тем не менее он поставил свои инициалы под «планом Барбаросса», подписанным Гитлером 18 декабря 1940 г., и участвовал на совещании ОКВ с Гитлером 3 февраля 1941 г. В приложении, изданном Кейтелем 13 марта, устанавливался порядок взаимоотношений между представителями армии и политическими работниками. Он издал плановую таблицу по вторжению 6 июня и участвовал 14 июня в инструктивном совещании, на котором генералы представляли свои окончательные доклады перед нападением. Он назначил Иодля и Варлимонта представителями от ОКВ по вопросам, касающимся восточных территорий, при министерстве Розенберга. 16 июня он распорядился о том, чтобы все соединения армии проводили экономические директивы по эксплуатации русской территории, эксплуатации продовольствия и сырьевых материалов, изданные Герингом в так называемой «Зеленой папке».

Военные преступления и преступления против человечности

4 августа 1942 г. Кейтель издал директиву о том, что парашютисты должны передаваться СД. 18 октября Гитлер издал приказ о коммандос, который в нескольких случаях был проведен в жизнь. После высадки в Нормандии Кейтель подтвердил этот приказ и позднее распространил его на специальные отряды союзных коммандос, сражавшихся вместе с партизанами. Он признает, что не считал этот приказ законным, но утверждает, что не мог помешать Гитлеру издать его.

Когда 8 сентября 1941 г. ОКВ издало свои жестокие правила в отношении советских военнопленных, Канарис написал Кейтелю, что в соответствии с международным правом СД не должна иметь к этому никакого отношения. На этом меморандуме рукой Кейтеля сделана пометка, датированная 23 сентября, под которой он поставил свои инициалы: «Возражения возникают из военного представления о рыцарском ведении войны. Это является разрушением идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры». Кейтель в своих показаниях заявил, что на самом деле он был согласен с Канарисом и спорил с Гитлером, но безуспешно. Начальник ОКВ распорядился о том, чтобы военные власти сотрудничали с эйнзатцштабом Розенберга в разграблении культурных ценностей на оккупированных территориях.

Лахузен показал, что 12 сентября 1939 г. Кейтель, в то время как они находилось в штабном поезде Гитлера, заявил ему, что польская интеллигенция, дворянство и евреи должны быть ликвидированы. 20 октября Гитлер сказал Кейтелю, что нельзя допускать, чтобы интеллигенция могла стать руководящим классом, что жизненный уровень должен оставаться низким и что Польша будет ис-

пользована только как источник принудительного труда. Кейтель не помнит этого разговора с Лахузеном, но признает, что такая политическая линия существовала и что он заявлял свои протесты Гитлеру по этому поводу, но безрезультатно. 16 сентября 1941 г. Кейтель приказал в качестве ответной меры, в случаях нападения на солдат на Востоке, казнить от 50 до 100 коммунистов за каждого немецкого солдата, добавив, что человеческая жизнь на Востоке не имеет никакой цены. 1 октября он приказал, чтобы военные командующие всегда имели в своем распоряжении заложников для того, чтобы казнить их в случае нападений на солдат. Когда Тербовен, имперский уполномоченный в Норвегии, написал Гитлеру, что предложение Кейтеля о привлечении к ответственности родственников лиц, виновных в совершении диверсионных актов, окажет действие только тогда, если будет санкционирован расстрел, Кейтель написал на этом меморандуме: «Да, это — лучшее решение».

12 мая 1941 г., за пять недель до вторжения в СССР, ОКВ настойчиво требовало от Гитлера издания командованием сухопутных сил директивы о ликвидации политических комиссаров армии. Кейтель признал, что эта директива была передана командирам в действующую армию. 13 мая Кейтель подписал приказ о том, что лица из числа гражданского населения, подозреваемые в преступлениях против войск, должны расстреливаться без суда и что судебное преследование германских солдат за преступления против гражданского населения не является необходимым. 27 июля был издан приказ о том, чтобы все копии этой директивы были уничтожены. Но, несмотря на это, она оставалась в силе. За четыре дня до этого он подписал другой приказ о том, что вынесение наказаний в результате судебного разбирательства не отвечает требованиям обстановки и что войска должны применять террор.

7 декабря 1941 г., как уже указывалось в данном приговоре, за подписью Кейтеля был издан так называемый декрет «Мрак и туман», который предусматривал, что на оккупированных территориях лицам из гражданского населения, обвинявшимся в преступлениях по оказанию сопротивления оккупационным войскам, может быть предоставлено право предстать перед судом только в тех случаях, если предполагалось вынесение смертного приговора; во всех других случаях лица из числа гражданского населения должны были передаваться гестапо для отправки в Германию.

Кейтель распорядился о том, чтобы русских военнопленных использовали в германской военной промышленности. 8 сентября 1942 г. он приказал, чтобы французские, голландские и бельгийские граждане работали на строительстве Атлантического вала. Он присутствовал 4 января 1944 г., когда Гитлер приказал Заукелю добыть четыре миллиона новых рабочих с оккупированных территорий.

Перед лицом этих документов Кейтель не отрицает своей связи с этими действиями. Он, скорее, строит свою защиту на том, что он был солдатом, и на доктрине «выполнения приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована в качестве защитительного довода.

Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства там, где сознательно, безжалостно, без всякой воен-

ной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Кейтеля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Кальтенбруннер

Кальтенбруннер обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию Австрии и в СС в 1932 году. В 1935 году он стал руководителем СС в Австрии. После аншлюса он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в Австрии и, когда в 1941 году эта должность была упразднена, он был назначен высшим руководителем СС и полиции. 30 января 1943 г. он был назначен начальником полиции безопасности и СД, руководителем главного управления имперской безопасности (РСХА), — должность, которую раньше занимал Гейдрих до его убийства в июне 1942 года. Кальтенбруннер имел чин обергруппенфюрера СС.

Преступления против мира

В качестве руководителя СС в Австрии Кальтенбруннер принимал активное участие в подрывной деятельности нацистов, направленной против правительства Шушнига. В ночь на 11 марта 1938 г., после того как Геринг приказал национал-социалистам Австрии захватить контроль над австрийским правительством, 500 австрийских эсэсовцев под командой Кальтенбруннера окружили государственную канцелярию, а специальный отряд под командой его адъютанта ворвался в здание этой канцелярии в то время, когда Зейсс-Инкварт вел переговоры с президентом Микласом.

Однако нет никаких доказательств о причастности Кальтенбруннера к планам ведения агрессивной войны на каком-либо другом фронте. Аншлюс, хотя он и был актом агрессии, не инкриминируется как агрессивная война, и доказательства против Кальтенбруннера по первому разделу не указывают, по мнению Трибунала, на его непосредственное участие в каких-либо планах ведения подобной войны.

**Военные преступления
и преступления против человечности**

Когда Кальтенбруннер 30 января 1943 г. стал начальником полиции безопасности и СД и главой РСХА, он возглавил организацию, которая включала главные отделы гестапо, СД и уголовной полиции. В качестве начальника РСХА Кальтенбруннер имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. Приказы такого характера были обычно скреплены его подписью. Кальтенбруннер был осведомлен об условиях содержания в концентрационных лагерях. Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций.

Кальтенбруннер лично отдавал приказы о казни заключенных в этих лагерях, и его управление обычно использовалось для передачи в эти лагеря приказов о казнях, исходивших из отдела Гим-

млера. В конце войны Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных с тем, чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Во время пребывания Кальтенбруннера на должности начальника РСХА эта организация была занята выполнением обширной программы по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Эти преступления включали и жестокое обращение с военнопленными, и их убийство. Эйнзатцкоманды, действовавшие под контролем гестапо, производили отбор советских военнопленных. Сведения о евреях, комиссарах и других лицах, которые считались идеологическими противниками нацистской системы, передавались в РСХА, которое направляло этих лиц в концентрационные лагеря, где они умерщвлялись.

Приказ РСХА о введении в действие декрета «Пуля» был издан в период правления Кальтенбруннера; по этому приказу некоторые военнопленные, совершавшие побег и захваченные вновь, направлялись в Маутхаузен и там расстреливались. Приказ о казни бойцов отрядов коммандос был распространен гестапо на парашютистов в тот период, когда Кальтенбруннер был начальником РСХА. Приказ, подписанный Кальтенбруннером, предлагал полиции не вмешиваться в расправы над союзными летчиками, выбросившимися с парашютами.

В декабре 1944 года Кальтенбруннер принимал участие в убийстве одного из французских генералов, который содержался в качестве военнопленного.

В тот период, когда Кальтенбруннер возглавлял РСХА, гестапо и СД на оккупированных территориях продолжали жестоко обращаться с населением и совершать убийства, используя методы, которые включали пытки и заключение в концентрационные лагеря; обычно это делалось согласно приказам, подписанным именем Кальтенбруннера.

Гестапо несло ответственность за введение жестокого режима трудовой дисциплины для лиц, используемых для рабского труда, и Кальтенбруннер организовал для этой цели ряд исправительно-трудовых лагерей. Когда СС приступила к выполнению своей программы рабского труда, гестапо использовалось в качестве поставщиков необходимой рабочей силы путем отправки рабочих в концентрационные лагеря.

РСХА играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. Для обеспечения выполнения этой программы был создан специальный отдел РСХА, входивший в ведение амт-IV[1]. По его указаниям было убито приблизительно 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннера информировали о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они[2] продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА.

Убийство примерно 4 миллионов евреев в концентрационных лагерях было описано ранее.

---

[1] Амт-IV — это гестапо. — **Прим. сост.**

[2] То есть эйнзатцгруппы.— **Прим. сост.**

Эта часть программы осуществлялась также под наблюдением РСХА, когда Кальтенбруннер возглавлял эту организацию, и специальные команды РСХА рыскали по оккупированным территориям и различным государствам — сателлитам держав оси, обеспечивая отправку евреев в эти «фабрики уничтожения». Кальтенбруннер был осведомлен об этих мероприятиях. В своем письме от 30 июня 1944 г. он описывал отправку с этой целью 12 000 евреев в Вену и давал указания о том, что все нетрудоспособные должны были содержаться в готовности для «применения к ним специальной меры», означавшей убийство. Кальтенбруннер отрицал, что он поставил свою подпись под этим письмом, так же как и еще под многими приказами, на которых его подпись была напечатана на машинке или факсимилирована и лишь в редких случаях написана от руки. Невероятно, чтобы при разрешении вопросов такой важности его подпись могла появиться столько раз без его ведома.

Кальтенбруннер заявлял, что, когда он взял на себя обязанности начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА, он сделал это согласно договоренности с Гиммлером, по которой его деятельность сводилась к вопросам, касающимся иностранной разведки, а не к всестороннему контролю над деятельностью РСХА. Он заявил, что преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение. Правильно, что он проявлял особый интерес к вопросам, связанным с иностранной разведкой. Однако он осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Кальтенбруннера невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Розенберг

Розенбергу предъявляется обвинение по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он стал членом нацистской партии с 1919 года, принимал участие в Мюнхенском путче, имевшем место 9 ноября 1923 г., и пытался предотвратить распад нелегальной нацистской партии в то время, когда Гитлер находился в тюрьме. Будучи признанным идеологом партии, он развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах «Фелькишер беобахтер» и «Национал-социалистише монатсхефте», а также в многочисленных книгах, которые были им написаны. Его книга «Миф двадцатого столетия» была издана и распространена тиражом более чем в 1 000 000 экземпляров.

В 1930 году Розенберг был избран в рейхстаг и стал представителем партии по вопросам внешней политики. В апреле 1933 года он был назначен рейхслейтером и заведующим управлением внешней политики НСДАП (АПА). В январе 1934 года Гитлер назначил Розенберга своим заместителем по вопросам всесторонней духовной и идеологической подготовки членов НСДАП. В январе 1940 года ему было поручено создать «Хоэ Шуле» — центральный научно-исследовательский институт национал-социалистской идеологии и воспитания; в связи с этой задачей им был орга-

низован «эйнзатцштаб Розенберга». 17 июля 1941 г. он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

Преступления против мира

В качестве руководителя АПА Розенберг стоял во главе организации, агенты которой активно участвовали в нацистских интригах во всех частях света. Он в своих собственных отчетах утверждает, например, что АПА в большой степени ответственно за присоединение Румынии к странам оси. В качестве главы АПА он играл важную роль в подготовке и планировании нападения на Норвегию.

Розенберг вместе с Редером являлся одним из авторов плана нападения на Норвегию. Розенберг стал проявлять интерес к Норвегии еще в июне 1939 года, когда он совещался с Квислингом. Квислинг указывал на важное значение Норвежского побережья в случае конфликта между Германией и Великобританией и высказал свои опасения по поводу того, что Великобритания может добиться поддержки со стороны Норвегии. В результате этого совещания Розенберг разработал такую систему, согласно которой Квислинг тесно сотрудничал с национал-социалистами и получал поддержку с их стороны по политическим вопросам.

Когда началась война, Квислинг начал выражать опасения по поводу возможности вторжения Британии в Норвегию. Розенберг поддерживал эту точку зрения и передал Редеру план использования Квислинга для совершения переворота в Норвегии. Розенберг оказал содействие при созыве совещаний, имевших место в декабре 1939 года между Гитлером и Квислингом, которые привели к подготовке нападения на Норвегию и во время которых Гитлер обещал Квислингу финансовую поддержку. После этих совещаний Гитлер поручил Розенбергу организовать политическую эксплуатацию Норвегии. Через две недели после оккупации Норвегии Гитлер сообщил Розенбергу, что его решение напасть на Норвегию основывалось «на неоднократных предостережениях со стороны Квислинга, о которых ему сообщал рейхслейтер Розенберг».

Розенберг несет главную ответственность за создание и проведение в жизнь оккупационной политики на оккупированных восточных территориях.

2 апреля 1941 г. Гитлер сообщил ему о предстоящем нападении на Советский Союз, и Розенберг изъявил согласие оказывать содействие этому мероприятию в качестве «советника по политическим вопросам».

20 апреля 1941 г. он был назначен уполномоченным по центральному контролю над проблемами, связанными с восточноевропейским районом. При подготовке планов проведения оккупации Розенберг провел многочисленные совещания с Кейтелем, Редером, Герингом, Функом, Риббентропом и другими высшими руководителями различных имперских ведомств. В апреле и мае 1941 года он подготовил ряд проектов инструкций по вопросам создания администрации на оккупированных восточных территориях. 20 июня 1941 г., за два дня до нападения на СССР, он обратился к своим ближайшим помощникам с речью по вопросам о проблемах и политике, связанных с оккупацией. Розенберг участвовал на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., на котором рассматривались вопросы администрации и оккупационной политики. 17 июля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга имперским министром по делам оккупированных восточных территорий и возложил на него полномочия по руководству гражданской администрацией на этих территориях.

Военные преступления и преступления против человечности

Розенберг несет ответственность за систему организованного грабежа как общественной, так и частной собственности во всех захваченных немцами странах Европы. Действуя по приказу Гитлера от января 1940 года о создании «Хоэ Шуле», он организовал «эйнзатцштаб Розенберга» и руководил им; этот штаб грабил музеи и библиотеки, конфисковывал произведения искусства и коллекции, грабил частные дома. Его собственные отчеты отражают размеры произведенных конфискаций. По мероприятию «М» («мебель»), проведенному в декабре 1941 года по предложению Розенберга, было разграблено на Западе 69 619 еврейских домов, из которых 38 000 было разграблено лишь в одном Париже. Потребовалось 26 984 железнодорожных вагона для того, чтобы перевезти в Германию конфискованную мебель. Начиная с 14 июля 1941 г. «эйнзатцштабом» на Востоке было захвачено более 21 903 предмета искусства, включавшие знаменитые картины и музейные редкости.

С назначением Розенберга 17 июля 1941 г. имперским министром по делам оккупированных восточных территорий он стал высшим должностным лицом в этих районах. Он помогал формировать основные положения политики германизации, эксплуатации, насильственного труда, истребления евреев и противников нацистского режима и создал управление, которое проводило эту политику в жизнь. Он принимал участие в совещании от 16 июля 1941 г., на котором Гитлер заявил, что они стояли перед задачей: «Разрезать этот огромный пирог в соответствии с нашими потребностями для того, чтобы иметь возможность, во-первых, господствовать над ним, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его». Гитлер указал, что предусматривается применение безжалостных мер. На следующий день после этого совещания Розенберг принял это назначение.

Розенберг был осведомлен о зверском обращении и терроре, которые применялись по отношению к народам восточных территорий. Он указывал, что на оккупированных восточных территориях Гаагские правила ведения сухопутной войны неприменимы. Он был осведомлен об опустошении восточных территорий и принимал в нем деятельное участие, отсылая в Германию захваченные на этих территориях сырье и продукты питания. Он заявил, что первой в списке тех требований, которые Германия предъявила Востоку, стояла необходимость кормить германский народ и что советский народ от этого будет страдать. Его декреты предусматривали окончательную изоляцию евреев в гетто. Подчиненные ему лица принимали участие в массовых убийствах евреев, а его гражданская администрация на Востоке считала необходимым очистить восточные территории от евреев.

В декабре 1941 года он внес предложение Гитлеру о том, что при расстреле 100 заложников[1] следует отбирать только евреев. Розенбергу было известно о вывозе рабочих с восточных территорий, о методах «набора» рабочих и об ужасах, имевших место при транспортировках, о том, как обращались с восточными рабочими в империи. Он сообщал представителям гражданской администрации,

[1] Речь идет о казни 100 заложников за каждого убитого гитлеровца. — **Прим. сост.**

какое количество рабочих необходимо было доставить в империю, и выполнение этой разверстки должно было обеспечиваться любыми мерами, которые оказывались необходимыми. Его виза имеется на приказе от 14 июня 1944 г., касавшемся «акции Сено», которая заключалась в захвате 40—50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет для отправки их в империю.

В отдельных случаях Розенберг возражал против эксцессов и зверств, совершавшихся его подчиненными и особенно Кохом; однако эти эксцессы продолжали иметь место, и Розенберг оставался на своем посту до конца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Розенберга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Франк

Франк обвиняется по первому, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения. Франк вступил в нацистскую партию в 1927 году. В 1930 году он стал членом рейхстага, в марте 1933 года — баварским министром юстиции, и, когда функции последнего в 1934 году перешли к имперскому правительству, Франк стал имперским министром без портфеля. В 1933 году Франк был назначен рейхслейтером нацистской партии по правовым вопросам и в том же году — президентом академии германского права. Франку было также присвоено почетное звание обергруппенфюрера СА. В 1942 году у Франка обнаружились временные разногласия с Гиммлером по вопросу о характере правовой системы, которая должна применяться в Германии. В том же году он был освобожден от обязанностей рейхслейтера нацистской партии и президента академии германского права.

Преступления против мира

Представленные доказательства не убедили Трибунал, что Франк в достаточной степени был связан с общим планом ведения агрессивной войны, для того чтобы Трибунал мог признать Франка виновным по первому разделу.

Военные преступления и преступления против человечности

Франк был назначен главой гражданской администрации оккупированной польской территории. 12 октября 1939 г. он был назначен генерал-губернатором оккупированной польской территории. 3 октября 1939 г. он следующим образом описывал политику, которую намеревался проводить на практике:

«Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами Великой Германской мировой империи».

Доказательства устанавливают, что в основе этой оккупационной политики было полное уничтожение Польши как национального целого и беспощадная эксплуатация ее человеческих и экономических ресурсов в интересах германских военных усилий. Всякая оппозиция подавлялась с крайней жестокостью. Был создан режим террора, поддерживавшийся полицейскими судами, которые предписывали проводить такие мероприятия, как публичные расстрелы групп, состоявших от 20 до 200 поляков, и широко распространенные расстрелы заложников.

Система концентрационных лагерей была введена в генерал-губернаторстве учреждением и созданием получивших печальную известность лагерей Треблинка и Майданек. Еще 6 февраля 1940 г. Франк своим циничным замечанием корреспонденту одной газеты по поводу вывешенного фон Нейратом плаката о казни чешских студентов дал представление о масштабах, в которых осуществлялся этот террор: «Если бы я хотел вывешивать плакаты по поводу расстрела каждых семи поляков, то не хватило бы лесов в Польше для того, чтобы производить бумагу для этих плакатов». 30 мая 1940 г. Франк на совещании чиновников полиции заявил о том, что он использует преимущество наступления на Западе, которое отвлекло внимание всего мира от Польши, для того, чтобы «уничтожить тысячи поляков, которые, вероятно, будут оказывать сопротивление господству Германии в Польше, включая ведущих представителей польской интеллигенции».

В соответствии с этими инструкциями началось проведение жестокой акции АБ, согласно которой полиция безопасности и СД проводили это истребление, лишь изредка прибегая к методу судебного преследования. 2 октября 1943 г. Франк издал декрет, согласно которому лица негерманского происхождения, препятствующие мероприятиям Германии, проводимым в генерал-губернаторстве, должны были подвергаться уголовному преследованию в специальных судах полиции безопасности и СД и приговариваться к смертной казни.

Экономические требования, предъявленные генерал-губернаторству, далеко превосходили потребность оккупационной армии и были вне всякого соответствия с ресурсами страны. Продовольствие, изымавшееся в Польше, направлялось в Германию в столь значительных размерах, что норма питания населения оккупированных территорий была сокращена до голодного минимума. Широко распространены были эпидемические заболевания. Были предприняты некоторые меры для обеспечения питанием сельскохозяйственных рабочих, которые использовались для уборки урожая, но потребности остального населения оставались без внимания.

Несомненно, справедливым является заявление защиты, что некоторые лишения в генерал-губернаторстве были неизбежными как результат опустошений, вызванных войной и экономической разрухой, явившейся следствием этого. Но эти лишения были увеличены преднамеренной политикой экономической эксплуатации.

Систему вывоза людей для рабского труда в Германию Франк ввел на самых ранних стадиях своего управления. 25 января 1940 г. он выразил свое намерение вывезти в Германию один миллион рабочих, предложив 10 мая 1940 г. для выполнения этой разверстки устройство полицейских облав. 18 августа 1942 г. Франк сообщил, что 800 000 рабочих он уже дал империи, и предполагает, что до конца года сумеет направить туда еще 140 000 человек.

Преследование евреев началось в генерал-губернаторстве немедленно. Первоначально на этой территории жили от двух с половиной до трех с половиной миллионов евреев. Их насильственно загнали в гетто, подвергли действию дискриминирующих законов, лишили пищи, необходимой для того, чтобы избежать голодной смерти, и, наконец, систематически уничтожали со зверской жестокостью. 16 декабря 1941 г. Франк заявил правительству генерал-губернаторства: «Мы должны уничтожать евреев, где бы мы

ни находили их, и во всех случаях, когда это возможно, для того, чтобы сохранить империю как таковую».

25 января 1944 г. Франк подсчитал, что в генерал-губернаторстве осталось всего лишь 100 000 евреев.

В начале своих показаний Франк заявил, что он испытывает чувство «своей величайшей вины» за зверства, совершенные на оккупированных территориях. Однако этот защитительный довод главным образом объясняется попыткой доказать, что фактически он не является ответственным лицом, что он отдавал лишь приказания о необходимых мероприятиях для умиротворения, что эксцессы следует отнести за счет деятельности полиции, которая ему не подчинялась, и что он даже никогда не знал о том, что происходило в концентрационных лагерях. Также выдвигалось утверждение о том, что смертность от голода объяснялась последствиями войны и политикой, проводившейся в соответствии с четырехлетним планом, утверждалось также, что политика рабского труда проводилась под руководством Заукеля и что уничтожение евреев осуществлялось полицией и СС по прямым указаниям Гиммлера.

Совершенно несомненно, что бо́льшая часть преступных действий, инкриминируемых Франку, осуществлялась через полицию, что у Франка возникли разногласия относительно сферы юрисдикции с Гиммлером по вопросу о контроле над полицией и что Гитлер решил многие из этих споров в пользу Гиммлера. Поэтому весьма возможно, что некоторые из преступлений, совершенных в генерал-губернаторстве, были совершены без ведома Франка и даже в отдельных случаях несмотря на его противодействие. Возможно также, что некоторые из преступных планов, осуществлявшихся в генерал-губернаторстве, не исходили от Франка, а проводились в соответствии с приказами из Германии. Однако также несомненно, что Франк был добровольным и сознательным участником применения террора в Польше, в экономической эксплуатации Польши, которая привела к голодной смерти большое число людей, в угоне в Германию на рабский труд более чем миллиона поляков и в осуществлении программы, приведшей к убийству по меньшей мере трех миллионов евреев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Франка невиновным по разделу первому и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фрик

Фрик обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Будучи признан главным нацистским бюрократом и специалистом в области администрации, он был назначен имперским министром внутренних дел в первом кабинете Гитлера. Он оставался на этом важном посту до августа 1943 года, когда он получил назначение имперского протектора Богемии и Моравии. В связи с тем, что он стоял в центре всего внутреннего и хозяйственного управления страны, он стал прусским министром внутренних дел, имперским уполномоченным по проведению выборов, генеральным уполномоченным по имперской администрации, членом имперского совета обороны, членом совета министров по обороне империи и членом «коллегии трех». После того как многие страны, присоединенные к империи, были оккупированы, он

был назначен главой центрального управления, ведающего их присоединением.

Хотя Фрик официально не вступал в нацистскую партию до 1925 года, он еще до этого был связан с Гитлером и делом национал-социализма во время Мюнхенского путча, в бытность свою ответственным сотрудником мюнхенской полиции. Будучи избран в рейхстаг в 1924 году, он стал рейхслейтером, поскольку являлся руководителем национал-социалистской фракции в рейхстаге.

Преступления против мира

Фрик как ярый нацист ответствен в значительной степени за то, что немецкий народ оказался в полной власти НСДАП. После того как Гитлер стал канцлером империи, новый министр внутренних дел немедленно начал подчинять местные правительства суверенитету империи. Многочисленные законы, которые он разрабатывал, подписывал и проводил в жизнь, ликвидировали все оппозиционные партии и подготовили почву для того, чтобы гестапо и его концентрационные лагеря могли уничтожать всякое сопротивление со стороны отдельных лиц. Он в значительной степени несет ответственность за законодательство, направленное на подавление профсоюзов, церкви и евреев. Он безжалостно и эффективно осуществлял эту задачу.

Перед началом агрессии против Австрии Фрик занимался лишь вопросами внутреннего управления империи. Доказательства не свидетельствуют о его участии в каких-либо совещаниях, на которых Гитлер намечал свои агрессивные планы. На основании этого Трибунал придерживается того мнения, что Фрик не был участником общего плана или заговора для ведения агрессивной войны, как это определяется в настоящем приговоре. Через шесть месяцев после захвата Австрии в соответствии с законом об обороне империи от 4 сентября 1938 г. Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. На него была возложена ответственность за администрацию во время войны во всех областях, за исключением чисто военных и экономических вопросов, в том случае, если Гитлер объявит осадное положение. Ему были подчинены имперские министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Выполняя возложенные на него обязанности, Фрик разработал систему администрации в соответствии с требованиями военного времени. Согласно его собственному заявлению, все это фактически было претворено в жизнь после того, как Германия решила вступить на путь войны.

Фрик подписал закон от 13 марта 1938 г., согласно которому Австрия была присоединена к империи, и был ответственным за осуществление этого закона. Учреждая германскую администрацию в Австрии, он издал декреты, которые вводили германские законы, нюрнбергские декреты, закон о воинской повинности; он также при содействии Гиммлера занимался вопросами полицейской безопасности.

Он также подписал законы, по которым к империи присоединялись Судетская область, Мемель, Данциг, восточные территории (Западная Пруссия и Познань), Эйпен, Мальмеди и Морено. На него была возложена ответственность за фактическое присоединение этих территорий и за учреждение на этих территориях германской администрации. Он подписал закон об учреждении протектората Богемия и Моравия.

Как главе центрального управления Богемии и Моравии, гене- рал-губернаторства и Норвегии ему было поручено установить тесные связи между немецкими официальными лицами в этих оккупированных странах и высшими представителями имперской администрации. Он снабжал административный аппарат на всех оккупированных территориях германскими гражданскими служащими, консультируя Розенберга по вопросам о назначении их на работу в восточных оккупированных территориях. Он подписал указы, по которым Тербовен назначался имперским уполномоченным в Норвегии, а Зейсс-Инкварт — в Голландии.

Военные преступления и преступления против человечности

Ярый антисемит, Фрик постоянно разрабатывал, подписывал и осуществлял бесчисленные законы, направленные на устранение евреев из общественной жизни и экономики Германии. Его деятельность послужила основой «нюрнбергских законов», и он активно участвовал в их осуществлении. Он несет ответственность за декреты, запрещающие евреям заниматься различными профессиями, и за конфискацию их имущества; последний декрет он подписал в 1943 году после массового уничтожения евреев на Востоке; этот декрет поставил их «вне закона» и предусматривал передачу их гестапо. Эти законы расчистили путь для «окончательного решения» еврейского вопроса и были распространены Фриком на присоединенные и на некоторые оккупированные территории.

В тот период, когда он был имперским протектором Богемии и Моравии, тысячи евреев были переведены из гетто Терезиенштадта (Чехословакия) в Освенцим, где они и были убиты. Он издал декрет, предусматривавший специальные уголовные законы в отношении евреев и поляков в генерал-губернаторстве.

Полиция официально входила в юрисдикцию имперского министра внутренних дел, но Фрик фактически в незначительной степени контролировал Гиммлера и мало касался полицейских вопросов. Однако он подписал декрет, назначавший Гиммлера начальником германской полиции, а также декреты, устанавливавшие юрисдикцию гестапо над концентрационными лагерями и регулировавшие выполнение приказов о превентивном заключении. Из многочисленных жалоб, которые получал Фрик, и на основании показаний свидетелей Трибунал делает вывод, что он знал о зверствах, совершавшихся в этих лагерях. Будучи осведомленным о методах Гиммлера, Фрик подписал декреты, дававшие последнему[1] полномочия принимать необходимые «меры безопасности» на некоторых присоединенных территориях. Чем оказались эти «меры безопасности», уже говорилось выше.

Как высший представитель имперской власти в Богемии и Моравии Фрик несет общую ответственность за политику угнетения на этой территории после 20 августа 1943 г., за террор в отношении населения, угон на рабский труд и депортацию евреев в концентрационные лагеря для уничтожения. Верно, что обязанности Фрика в качестве имперского протектора были гораздо более ограниченными, чем обязанности его предшественника, и что он не пользовался законодательной властью и имел лишь ограниченные полномочия оперативного характера в протекторате. Тем не

[1] Речь идет о Гиммлере. — **Прим. сост.**

менее Фрик очень хорошо знал, какова была в то время нацистская оккупационная политика в Европе, в особенности в отношении евреев, и, приняв пост имперского протектора, он принял на себя ответственность за осуществление этой политики в Богемии и Моравии.

В то время как он был министром внутренних дел, вопросы германского подданства в оккупированных странах, так же как и в империи, входили в его юрисдикцию. Создав систему расовой регистрации лиц германского происхождения, Фрик разрешил перейти в немецкое подданство определенным группам граждан из других стран. Он несет ответственность за онемечивание Австрии, Судетской области, Мемеля, Данцига, восточных территорий (Западной Пруссии и Познани), а также Эйпена, Мальмеди и Морено. Он насильственно вводил для граждан этих территорий немецкие законы, немецкие суды, немецкую систему образования, немецкую полицию безопасности и обязательную военную службу.

Во время войны в его юрисдикцию также входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась система предания «легкой смерти», уже описанная в этом приговоре. Ему было известно, что душевнобольные, больные и старики — «лишние рты» — систематически подвергались насильственному умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства. Согласно отчету чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений, 275 000 душевнобольных и стариков, за благополучие которых он отвечал, стали его жертвами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Фрика невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделам второму, третьему и четвертому.

Штрейхер

Штрейхер обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Один из первых членов нацистской партии, вступивший в нее в 1921 году, он принимал участие в Мюнхенском путче. С 1925 года по 1940 год он был гаулейтером Франконии. Он был избран в рейхстаг в 1933 году и был почетным генералом СА. Он приобрел позорную славу в связи с преследованием евреев. Он был издателем «Дер штюрмер» — еженедельной антисемитской газеты с 1933 года по 1945 год и ее редактором до 1933 года.

Преступления против мира

Штрейхер был убежденным нацистом и поддерживал основной политический курс Гитлера. Нет доказательств, которые бы указывали на то, что он когда-либо принадлежал к близкому кругу советников Гитлера; за время своей деятельности он никогда не был тесно связан с разработкой программы, которая привела к войне. Так, например, он никогда не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, во время которых Гитлер излагал свои решения подчиненным ему руководителям. Хотя он и являлся гаулейтером, нет никаких доказательств, которые свидетельствовали бы о его осведомленности об этой программе. По мнению

Трибунала, доказательства не устанавливают его причастности к заговору или общему плану для ведения агрессивной войны, как этот заговор ранее был определен в данном приговоре.

Преступления против человечности

За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как «антисемит № 1». В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев. Каждый номер газеты «Дер штюрмер», тираж которой достиг в 1935 году 600 000, был наполнен такими статьями, которые часто действовали растлевающе и были отвратительны по своему характеру.

Штрейхер руководил бойкотом евреев 1 апреля 1933 г. Он выступал за «нюрнбергские законы» в 1935 году. Он несет ответственность за разрушение синагоги в Нюрнберге 10 августа 1938 г. Он открыто выступал 10 ноября с поддержкой еврейских погромов, которые происходили в то время.

Но не только в Германии этот подсудимый проповедовал свои доктрины. Уже в 1938 году он начал призывать к уничтожению еврейской расы. В качестве доказательства были представлены 23 статьи из газеты «Дер штюрмер» за период с 1938 года по 1941 год, в которых проповедовалась доктрина уничтожения и содержались призывы «вырвать с корнем» еврейскую расу. Характерным примером его «учения» была передовая статья в сентябрьском номере за 1938 год, в которой евреи назывались чумой и микробами, не человеческими существами, а «паразитами, врагами, злоумышленниками, распространителями болезней, которые должны быть уничтожены в интересах человечества». В других статьях утверждалось, что еврейский вопрос будет решен лишь тогда, когда будет уничтожено мировое еврейство, и предсказывалось, что через 50 лет еврейские могилы «оповестят весь мир о том, что этот народ убийц и преступников, наконец, постигла заслуженная им судьба».

Штрейхер в феврале 1940 года опубликовал письмо одного из читателей «Дер штюрмер», который сравнивал евреев с тучами саранчи, которые должны быть окончательно истреблены. Этим ядом Штрейхер отравлял умы тысяч немцев, и в результате они последовали за национал-социалистами в их политике преследования и уничтожения евреев. Передовая статья в «Дер штюрмер» за май 1939 года ясно формулирует его цели:

«Необходимо направить карательную экспедицию против евреев в России, — карательную экспедицию, которая принесет им ту же участь, какой должен ожидать каждый убийца и преступник. Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем».

По мере того как война, вначале развиваясь успешно, привела к приобретению все новых территорий для империи, Штрейхер даже увеличил свои усилия в подстрекательстве немцев против евреев. В протоколе Суда имеется 26 статей из газеты «Дер штюрмер», опубликованных между августом 1941 года и сентябрем 1944 года, 12 из них написаны рукой Штрейхера; он в самых недвусмысленных выражениях требовал истребления и уничтожения. Он написал и опубликовал 25 декабря 1941 г.: «Если действительно мы положим конец этому воспроизведению проклятия божьего в еврейской крови, то это может быть сделано только одним путем — уничтожением этого народа, рожденного дьяволом».

В феврале 1934 года в своей статье он заявил: «Тот, кто делает то, что делает еврей, — негодяй и преступник, а тот, кто повторяет его действия и хочет подражать ему, заслуживает той же судьбы — уничтожения, смерти».

Зная об истреблении евреев на оккупированных восточных территориях, этот подсудимый продолжал писать и опубликовывать свою пропаганду смерти. Давая показания перед этим Судом, он яростно отрицал хоть какую-нибудь свою осведомленность о массовом уничтожении евреев. Однако из доказательств явствует, что он постоянно получал текущую информацию о проведении «окончательного решения». Его фотокорреспондент был направлен в гетто на Востоке весной 1943 года в период уничтожения Варшавского гетто. Еврейская газета «Израилитишес вохенблатт», которую Штрейхер получал и читал, содержала в каждом номере сообщение о зверствах против евреев на Востоке и приводила цифры количества евреев, которые были угнаны и убиты. Так, например, за лето и осень 1942 года сообщалось о смерти 72 729 евреев в Варшаве, 17 542 — в Лодзи, 18 000 — в Кроатии[1], 125 000 — в Румынии, 14 000 — в Латвии, 85 000 — в Югославии и 700 000 — в Польше. В ноябре 1943 года Штрейхер цитировал дословно статью из «Израилитишес вохенблатт», в которой говорилось, что евреи буквально исчезли из Европы, и комментировал ее заявлением: «Это не еврейская ложь». В декабре 1942 года, ссылаясь на статью «Лондон таймс», касавшуюся зверств, имевших своей целью уничтожение, Штрейхер заявил, что Гитлер предупреждал в свое время, что вторая мировая война приведет к уничтожению еврейства. В январе 1943 года он написал и опубликовал статью, в которой говорилось, что пророчество Гитлера сбылось — мировое еврейство искореняется; он также сказал, что «его радует сознание, что Гитлер освобождает мир от его еврейских мучителей».

В свете доказательств, представленных Трибуналу, Штрейхеру бесполезно утверждать, что разрешение еврейского вопроса, за которое он стоял, строго ограничивалось классификацией евреев как чуждого элемента и принятием дискриминирующих законов, таких, как нюрнбергские, по мере возможности дополняемых международным соглашением о создании в какой-то части света еврейского государства, куда должны были эмигрировать все евреи.

Подстрекательства Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись самым ужасным образом, несомненно, являются преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и являются, таким образом, преступлением против человечности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает, что Штрейхер не виновен по разделу первому, но что он виновен по разделу четвертому Обвинительного заключения.

---

[1] Имеется в виду Хорватия. — **Прим. сост.**

Функ

Функ обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Функ — в прошлом журналист по финансовым вопросам — вступил в нацистскую партию в 1931 году и вскоре после этого стал одним из личных советников Гитлера по экономическим вопросам.

30 января 1933 г. он был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, 11 марта 1933 г. стал заместителем министра пропаганды и вскоре после этого занял руководящее положение в различных нацистских организациях, которые контролировали прессу, кино, музыку и работу издательств. Он занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике в начале 1938 года и президента Имперского банка в январе 1939 года. Он был преемником Шахта на всех этих трех постах. В августе 1939 года он был назначен членом совета министров по обороне империи и в сентябре 1943 года — членом центрального управления по планированию.

Преступления против мира

Функ начал свою деятельность в области экономики после того, как ясно определились нацистские планы ведения агрессивной войны. Один из его представителей присутствовал на совещании, имевшем место 14 октября 1938 г., на котором Геринг объявил о гигантском увеличении вооружения и дал задание министерству экономики увеличить экспорт с тем, чтобы получить необходимую валюту. 28 января 1939 г. один из подчиненных Функа направил ОКВ меморандум по вопросу об использовании военнопленных с тем, чтобы компенсировать недостаток в рабочей силе, который мог возникнуть в случае объявления мобилизации. 30 мая 1939 г. заместитель министра экономики присутствовал на совещании, на котором был разработан детальный план финансирования войны.

25 августа 1939 г. Функ написал Гитлеру письмо, в котором выражал свою благодарность за то, что он имел возможность участвовать в таких потрясающих мир событиях, и сообщал, что его план «финансирования войны», контроля над заработной платой и ценами и укрепления Имперского банка был осуществлен, что он незаметно превратил в золото всю наличную иностранную валюту, находившуюся в распоряжении Германии. 14 октября 1939 г. после начала войны он произнес речь, в которой констатировал, что экономические и финансовые учреждения Германии, работающие для выполнения четырехлетнего плана, уже свыше года вели тайную экономическую подготовку к войне.

Функ принимал участие в экономическом планировании, которое предшествовало нападению на СССР; его заместитель ежедневно совещался с Розенбергом по экономическим проблемам, которые могли возникнуть в связи с оккупацией советской территории. Функ лично участвовал в планировании печатания в Германии советских денежных знаков до нападения на СССР с тем, чтобы использовать их для денежного обращения на оккупированной территории СССР.

После нападения он произнес речь и в ней описывал разработанные им планы экономической эксплуатации «обширных территорий Советского Союза», которые должны были быть использованы как источники сырья для Европы.

Функ не принадлежал к числу руководящих лиц, создавших нацистские планы агрессивной войны. Его деятельность в области экономики в качестве агента генерального уполномоченного по четырехлетнему плану протекала под контролем Геринга. Он, однако, участвовал в экономической подготовке некоторых из агрессивных войн, особенно против Польши и Советского Союза, но его вина в связи с этим охватывается разделом вторым Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Занимая пост заместителя министра пропаганды и вице-президента имперской палаты культуры, Функ принимал участие в первоначальной нацистской программе экономической дискриминации евреев. 12 ноября 1938 г. после ноябрьских погромов он присутствовал на совещании под председательством Геринга, на котором обсуждалось решение еврейской проблемы и на котором он предложил декрет, запрещающий евреям участие в экономической жизни страны; этот декрет Геринг опубликовал в тот же самый день от имени управления по четырехлетнему плану. Функ показал, что он был потрясен событиями 10 ноября, но 15 ноября он произнес речь, описывая эти эксцессы как «бурный взрыв негодования немецкого народа, вызванного преступным наступлением евреев на немецкий народ»; он также сказал в этой речи, что устранение евреев из экономической жизни является логическим продолжением их устранения из политической жизни.

В 1942 году Функ заключил соглашение с Гиммлером, согласно которому Имперский банк должен был получить известное количество золота, драгоценностей и валюты от СС, причем он предложил своим подчиненным, которые должны были разрабатывать детали соглашения, не задавать лишних вопросов.

В результате этого соглашения СС послала Имперскому банку личное имущество, отобранное у жертв, которые были уничтожены в концентрационных лагерях. Имперский банк оставил у себя монеты и банкноты, а драгоценности, часы и личные вещи послал берлинским муниципальным ломбардам. Золотая оправа от очков, золотые зубы и пломбы хранились в сейфах Имперского банка. Отрицая это, Функ заявлял, что он не знал, что Имперский банк получал вещи подобного рода. Трибунал придерживается того мнения, что Функ или знал о том, что поступало в банк, или же он умышленно закрывал глаза на происходившее.

Функ, будучи министром экономики и президентом Имперского банка, участвовал в экономической эксплуатации оккупированных территорий. Он был председателем континентальной нефтяной компании, в ведении которой находилась эксплуатация нефтяных ресурсов оккупированных восточных территорий. Он осуществлял захват золотых фондов Чехословацкого национального банка и ликвидацию Югославского национального банка. 6 июня 1942 г. его заместитель послал ОКВ письмо с требованием выделить в его распоряжение для покупок на «черном рынке» денежные суммы из фонда издержек на оккупацию Франции.

Осведомленность Функа о немецкой оккупационной политике явствует из факта его присутствия на совещании 6 августа 1942 г., на котором Геринг обратился к представителям германской администрации оккупированных районов, сообщил им о разверстке на поставку продуктов с их территорий, причем добавил: «Мне со-

вершенно безразлично, если вы заявите в связи с этим, что люди у вас будут умирать с голоду».

Осенью 1943 года Функ стал членом центрального управления по планированию, которое определяло общее число рабочих, необходимых для промышленности Германии, и которое требовало от Заукеля, чтобы он их дал, обычно путем угона их с оккупированных территорий. Вероятно, Функ не был особенно заинтересован в этом аспекте программы принудительного труда, и он обычно посылал на совещания своего заместителя, часто генерала СС Олендорфа, бывшего начальника СД в самой Германии и бывшего командира эйнзатцгруппы «D». Но Функ знал, что управление, членом которого он являлся, требовало ввоза рабочих для рабского труда и распределения их по различным отраслям промышленности, находившимся под его контролем.

Будучи президентом Имперского банка, Функ также был косвенно причастен к использованию труда заключенных концентрационных лагерей. Под его руководством Имперский банк открыл для СС текущий счет в 12 000 000 рейхсмарок для постройки фабрик, на которых должен был использоваться труд заключенных концлагерей.

Несмотря на то что Функ занимал важные официальные посты, он никогда не играл доминирующей роли в проведении различных программ, в которых он принимал участие. Это является смягчающим обстоятельством, которое Трибунал принимает во внимание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал не признает Функа виновным по первому разделу, но признает его виновным по второму, третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

Шахт

Шахт обвиняется по разделу первому и второму Обвинительного заключения. Шахт был уполномоченным по вопросам валюты и президентом Имперского банка с 1923 по 1930 год. Он был снова назначен президентом банка 17 марта 1933 г., министром экономики в августе 1934 года и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики в мае 1935 года. Он ушел в отставку с последних двух постов в ноябре 1937 года и был назначен министром без портфеля. Он был снова назначен на пост президента Имперского банка на годичный срок 16 марта 1937 г. и на четырехгодичный срок 9 марта 1938 г., но был освобожден с этого поста 20 января 1939 г. Он был освобожден от обязанности министра без портфеля 22 января 1943 г.

Преступления против мира

Шахт активно поддерживал нацистскую партию до ее прихода к власти 30 января 1933 г. и поддерживал назначение Гитлера на пост канцлера. После этой даты он играл важную роль в интенсивной программе перевооружения, которая была принята, и использовал возможности Имперского банка в наивеличайшей степени для германских усилий в области перевооружения. Имперский банк выполнял свои, ставшие традиционными, обязанности финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные правительственные займы, а собранные в результате фонды использовались для перевооружения. Он разработал систему, со-

гласно которой выпущенные на пять лет векселя, известные под названием векселей «МЕФО», гарантированные Имперским банком и обеспеченные фактически лишь его положением как эмиссионного банка, использовались для приобретения крупных сумм на перевооружение за счет краткосрочных денежных операций.

В качестве министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики он активно участвовал в организации германской экономики для войны. Он разработал детальные планы промышленной мобилизации и координации деятельности промышленности с армией на случай войны. Он был особенно озабочен дефицитом в области сырья и начал проводить в жизнь программу накопления запасов и системы контроля над валютой, которая была предназначена к тому, чтобы помешать слабости положения Германии в области иностранной валюты, препятствовавшей приобретению за границей сырьевых материалов, необходимых для перевооружения. 3 мая 1935 г. он послал меморандум Гитлеру, в котором говорилось, что «выполнение программы вооружения в количественном отношении и в наикратчайший срок является задачей германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели».

В апреле 1936 года Шахт начал терять свое влияние в качестве центральной фигуры в области германского перевооружения, когда Геринг был назначен на пост уполномоченного по координации вопросов сырья и иностранной валюты. Геринг выступал за очень широкую программу производства синтетического сырья, против которой Шахт возражал на том основании, что вызванное этой политикой финансовое напряжение может привести к инфляции. Влияние Шахта далее уменьшилось, когда 16 октября 1936 г. Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана с заданием «привести всю экономику в состояние готовности к войне в течение четырех лет».

Шахт протестовал против объявления этого плана и назначения Геринга на пост руководителя по проведению этого плана, и совершенно ясно, что предпринятый Гитлером шаг означал решение, что экономическая политика Шахта была слишком консервативной для решительной программы перевооружения, которую Гитлер хотел провести в жизнь.

После назначения Геринга Шахт и Геринг часто вступали в многочисленные споры. Хотя в этих спорах имелся и элемент личных разногласий, Шахт был не согласен с Герингом по некоторым основным политическим вопросам. Шахт, исходя из финансовых соображений, выступал за сокращение программы перевооружения, возражал против предполагавшегося расширения производственных возможностей, считая это неэкономным, в особенности в области синтетического производства, и настаивал на решительном сокращении государственного кредита и на осторожной политике в области германских запасов иностранной валюты.

В результате этих споров и жестокого спора, в котором Гитлер обвинял Шахта в срыве его планов с помощью финансовых методов, Шахт 5 сентября 1937 г. ушел в отпуск из министерства экономики, а 16 ноября 1937 г. вышел в отставку с поста чрезвычайного министра экономики и уполномоченного по вопросам военной экономики.

В качестве президента Имперского банка Шахт все еще вступал в разногласия. На протяжении 1938 года Имперский банк продолжал выполнять функцию финансового агента германского правительства и выпускал долгосрочные займы для финансирования вооружения. Однако 31 марта 1938 г. Шахт прекратил практику

выпуска краткосрочных векселей, гарантированных Имперским банком, на расходы по вооружению. В конце 1938 года, пытаясь получить контроль над фискальной политикой через Имперский банк, Шахт отказался выполнить срочное требование имперского министра финансов на специальные кредиты для выплаты заработной платы государственным служащим, которая не могла быть покрыта за счет существующих фондов. 2 января 1939 г. Шахт совещался с Гитлером и во время этого совещания убеждал его сократить расходы на вооружение. 7 января 1939 г. Шахт представил Гитлеру отчет, подписанный правлением Имперского банка, в котором настоятельно требовал решительного сокращения расходов на вооружение и создания сбалансированного бюджета в качестве единственного средства для предотвращения инфляции. 19 января Гитлер освободил Шахта с поста президента Имперского банка. 22 января 1943 г. Гитлер освободил Шахта с поста министра без портфеля в связи со «всей его линией поведения во время решительной борьбы, которую вел немецкий народ». 23 июля 1944 г. Шахт был арестован гестапо и заключен в концентрационный лагерь, в котором он находился до конца войны.

Совершенно ясно, что Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой. Но перевооружение как таковое не является преступным актом в соответствии с Уставом. Для того чтобы оно явилось преступлением против мира, как оно предусматривается статьей 6 Устава, должно быть доказано, что Шахт проводил это перевооружение как часть нацистского плана для ведения агрессивных войн.

Шахт утверждал, что он принимал участие в программе перевооружения лишь потому, что хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение и равное положение с другими европейскими странами; он утверждал, что, когда он обнаружил, что нацисты перевооружаются с агрессивными целями, он пытался замедлить темпы перевооружения, а также что после отставки фон Фрича и фон Бломберга он принимал участие в заговоре, направленном на то, чтобы избавиться от Гитлера сначала путем смещения его, а позднее и путем убийства.

Уже в 1936 году Шахт начал выступать за сокращение программы перевооружения по финансовым соображениям. Если бы политика, за которую он выступал, была проведена в жизнь, Германия не была бы подготовлена к общеевропейской войне. Его настойчивые попытки провести эту политику привели впоследствии к его отставке со всех постов, имевших экономическое значение для Германии. С другой стороны, Шахт, будучи прекрасно осведомленным в германских финансах, находился в особенно выгодном положении для того, чтобы понять подлинный смысл сумасшедшего перевооружения, которое проводил Гитлер, и осознать, что принятая экономическая политика могла иметь своей целью только войну.

Более того, Шахт продолжал участвовать в германской экономической жизни и даже, в меньшей степени, в некоторых из ранних нацистских агрессий. Перед оккупацией Австрии он установил обменный курс марки и шиллинга. После оккупации Австрии он организовал включение австрийского национального банка в систему Имперского банка и произнес горячую пронацистскую речь, в которой заявил, что Имперский банк останется нацистским до тех пор, пока он с ним будет связан, восхвалял Гитлера и за-

щищал оккупацию Австрии, осмеивая возражения против того, как она была проведена, и закончил свою речь возгласом: «Нашему фюреру, троекратное зиг-хайль». Он не оспаривал, что эта речь являлась выражением его взглядов в тот период.

После оккупации Судетской области он организовал валютную конверсию и включение в Имперский банк местных эмиссионных чешских банков. 29 ноября 1938 г. он произнес речь, в которой с гордостью ссылался на свою экономическую политику, которая обеспечила высокий уровень германского вооружения, и добавил, что это вооружение сделало возможной германскую внешнюю политику.

Шахт не был причастен к планированию ни одной из агрессивных войн, которые инкриминируются разделом вторым. Его участие в оккупации Австрии и Судетской области (ни одно из этих действий не вменяется в вину как агрессивная война) было столь ограниченным, что оно не является участием в общем плане, инкриминируемом в разделе первом. Он, несомненно, не принадлежал к кругу приближенных Гитлера, который был очень тесно связан с общим планом. Он рассматривался этой группой с нескрываемой враждебностью. Показания Шпеера указывают на то, что арест Шахта 23 июля 1944 г. в той же мере основывался на враждебности Гитлера к Шахту, выросшей из его поведения до войны, как и из подозрений в его причастности к покушению. Поэтому обвинение против Шахта покоится на предположении, что Шахт фактически был осведомлен о нацистских агрессивных планах.

По этому важнейшему вопросу были представлены доказательства обвинением и значительное количество доказательств — защитой. Трибунал рассмотрел с величайшим вниманием все эти доказательства и пришел к заключению, что представленные доказательства не позволяют с несомненностью прийти к указанному выше выводу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Шахта невиновным в преступлениях, перечисленных в Обвинительном заключении, и предлагает коменданту Суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Дениц

Дениц обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. Будучи офицером с 1918 года, в 1935 году он стал командующим первой флотилией подводных лодок, в 1936 году он стал командующим подводным флотом, в 1940 году получил чин вице-адмирала, в 1942 году — адмирала и 30 января 1943 г. стал главнокомандующим германским военно-морским флотом. 1 мая 1945 г. он сменил Гитлера на посту главы государства.

Преступления против мира

Хотя Дениц создал и обучил германский подводный флот, доказательства не устанавливают его причастности к заговору для ведения агрессивных войн или факта его участия в подготовке и развязывании таких войн. Он был кадровым офицером, занимавшимся исключительно тактическими вопросами. Он не присутствовал на важных совещаниях, на которых объявлялись планы агрессивных войн, и нет доказательств того, что он был осведомлен от-

носительно решений, принятых на этих совещаниях. Однако Дениц вел агрессивную войну в том смысле, как это определено в Уставе. Ведение подводной войны, которая началась немедленно после начала военных действий, было полностью координировано с действиями остальных составных частей вооруженных сил. Совершенно ясно, что его подводные лодки, в то время немногочисленные, были полностью подготовлены для ведения войны.

Правильно, что до его назначения в январе 1943 года главнокомандующим он не был командующим (обербефельсхабер). Однако такого рода утверждение недооценивает значения поста, который занимал Дениц. Он не был просто командующим армией или командиром дивизии. Подводный флот был важнейшей частью германского флота, а Дениц был его руководителем.

В первые годы войны надводный флот совершил немного рейдов, хотя они и были эффективными, а основной ущерб противнику был нанесен почти исключительно подводными лодками Деница, как об этом свидетельствуют факты потопления кораблей союзных и нейтральных стран, общим водоизмещением в миллионы тонн. Этими военными операциями ведал исключительно Дениц. Командование военно-морскими силами оставляло за собой право решать, сколько подводных лодок должно действовать в каждом отдельном секторе. При вторжении в Норвегию, например, он в октябре 1939 года составил предложения в отношении баз для подводного флота; он утверждает, что эти предложения были лишь штабной разработкой; в марте 1940 года он составил оперативные приказы для поддержки операций подводных лодок, как об этом говорилось выше в настоящем приговоре.

Тот факт, что роль Деница в германских военных усилиях рассматривалась таким образом, красноречиво доказывается тем, что Редер рекомендовал Деница в качестве своего преемника, а также тем, что Гитлер 30 января 1943 г. назначил его главнокомандующим военно-морским флотом. Гитлер также знал, что подводная война являлась существенной частью германской морской войны.

Начиная с января 1943 года Гитлер почти непрерывно консультировался с Деницем. Есть доказательства того, что они совещались по морским вопросам примерно 120 раз в течение войны.

Уже в апреле 1945 года, когда, как он признает, Дениц знал, что борьба стала безнадежной, он в качестве главнокомандующего убеждал личный состав флота продолжать борьбу. 1 мая 1945 г. он стал главой государства и в качестве такового приказал вооруженным силам продолжать войну на Востоке, закончившуюся капитуляцией 9 мая 1945 г. Дениц объяснил, что он издал такие приказы для того, чтобы обеспечить для германского гражданского населения возможность эвакуации, а для армии — возможность упорядоченного отступления с Востока.

По мнению Трибунала, доказательства устанавливают, что Дениц активно участвовал в ведении агрессивной войны.

Военные преступления

Деницу инкриминируется ведение неограниченной подводной войны в нарушение Морского протокола 1936 года, к которому присоединилась Германия и который вновь подтверждал правила ведения подводной войны, изложенные в Лондонском морском соглашении 1930 года.

Обвинение утверждает, что 3 сентября 1939 г. германский подводный флот начал вести неограниченную подводную войну в отно-

шении всех торговых судов, как вражеских, так и нейтральных, цинично пренебрегая правилами Протокола; оно также утверждало, что сознательно предпринимались усилия в течение всей войны скрыть этот факт лицемерными ссылками на международное право и нарушения его, якобы совершавшиеся союзниками.

Дениц настаивает на том, что в течение всего времени военно-морской флот соблюдал ограничения международного права и Протокола. Он показал, что, когда война началась, руководством для ведения подводной войны был принятый Германией порядок взятия призов, почти буквально заимствованный из Протокола, что, следуя принятой в Германии точке зрения, он приказал подводным лодкам атаковать все торговые суда в караванах и все те суда, которые отказывались остановиться или использовали радиосигнализацию при появлении подводной лодки.

Когда полученные им отчеты показывали, что британские торговые суда использовались для передачи информации по радио, вооружались и нападали на подводные лодки при их появлении, он приказал своим подводным лодкам 17 октября 1939 г. нападать на все вражеские торговые суда без предупреждения на том основании, что ожидалось сопротивление с их стороны. Уже 21 сентября 1939 г. были изданы приказы о нападении на все суда, в том числе нейтральные, плавающие ночью без огней в Английском канале.

24 ноября 1939 г. германское правительство издало предупреждение нейтральным судам о том, что в связи с частыми стычками, происходящими у берегов Британии и у Французского побережья между подводными лодками и союзными торговыми судами, которые были вооружены и имели инструкции применять оружие, а также таранить подводные лодки, безопасность нейтральных судов в этих водах не может быть более гарантирована.

1 января 1940 г. командование германского подводного флота, действуя по указаниям Гитлера, приказало подводным лодкам атаковать все греческие торговые суда в зоне вокруг Британских островов, которая была по распоряжению правительства Соединенных Штатов запрещенной для их судов, а также торговые суда всех национальностей в запретной зоне Бристольского канала. Через пять дней после этого был издан еще один приказ по подводному флоту о «немедленном и неограниченном применении оружия против всех судов» в одном из районов Северного моря, границы которого были указаны.

Наконец, 18 января 1940 г. подводные лодки получили право топить без предупреждения все суда «в тех водах у вражеского побережья, в отношении которых можно сослаться на то, что они были минированы». Следовало делать исключение лишь для судов Соединенных Штатов, итальянских судов, японских судов и судов советского флота.

Вскоре после начала войны Британское адмиралтейство в соответствии с руководством и инструкциями торговому флоту от 1938 года вооружило все торговые суда, во многих случаях выделило для сопровождения их вооруженный конвой и дало приказания о передаче оперативных донесений в случае появления подводных лодок, включив, таким образом, торговые суда в систему сигнализации военно-морской разведки. 1 октября 1939 г. Британское адмиралтейство объявило, что британские торговые суда получили указание таранить подводные лодки, когда это возможно.

Рассматривая конкретные обстоятельства данного дела, Трибунал не намерен считать Деница виновным в ведении подводной войны против вооруженных британских торговых судов.

Однако объявление зон военных действий и потопление нейтральных торговых судов, зашедших в эти зоны, представляет иную проблему. Такая практика была принята в войне 1914—1918 гг. Германией и, в порядке контрмеры, — Великобританией. Вашингтонская конференция 1922 года, Лондонское морское соглашение 1930 года и Протокол от 1936 года были подписаны с полным сознанием того, что такие зоны были введены в той войне. Однако Протокол не делал исключения для зон военных действий. Приказ Деница топить нейтральные суда без предупреждения в том случае, если они будут находиться в пределах этих зон, по мнению Трибунала, является поэтому нарушением Протокола.

Утверждается также, что германский подводный флот не только не выполнял правил о предупреждении и спасении утопающих, содержащихся в Протоколе, но и что Дениц преднамеренно приказал убивать людей, спасшихся после потопления судов, независимо от того, были ли они вражескими или нейтральными. Обвинение представило множество доказательств в связи с двумя приказами Деница — оперативным приказом № 154, изданным в 1939 году, и так называемым приказом «Лакония» от 1942 года.

Защита утверждает, что эти приказы и подтверждающие их доказательства не доказывают существования такой политики, и представила много доказательств, свидетельствующих об обратном. Трибунал придерживается мнения, что доказательства не устанавливают с несомненностью, требуемой в данном случае, того факта, что Дениц намеренно приказал убивать людей, спасшихся с потопленных судов. Приказы были, несомненно, двусмысленными и заслуживают серьезнейшего осуждения.

Доказательства далее устанавливают, что правила о спасении утопающих не выполнялись Германией и что подсудимый приказал не выполнять их. Утверждение защиты сводится к тому, что безопасность подводной лодки — что является основным правилом на море — стоит выше, чем спасение людей, и что развитие воздушного флота сделало спасательные операции невозможными. Это, возможно, и правильно, но Протокол весьма точен в формулировках. Если командир не может проводить спасательных операций, он в соответствии с условиями Протокола не может топить торговое судно и должен дать ему возможность безопасно пройти перед перископом. В таком случае эти приказы доказывают, что Дениц виновен в нарушении Протокола.

Учитывая все доказанные факты и в особенности приказ Британского адмиралтейства, объявленный 8 мая 1940 г., о том, что все суда, появившиеся в Скагерраке ночью, должны быть потоплены, а также ответы адмирала Нимица на опросный лист, которые гласят, что Соединенные Штаты вели в Тихом океане неограниченную морскую войну с первого дня вступления этого государства в войну, мера наказания Деницу не определяется на основании нарушения им международного права в области подводной войны.

Деницу также инкриминировалась ответственность за приказ Гитлера относительно коммандос от 18 октября 1942 г. Дениц признал, что он получил этот приказ и знал о нем, когда был командующим подводным флотом, однако он отрицал свою ответственность. Он указывал, что в приказе было точно сформулировано, что он не распространяется на лиц, захваченных в ходе морской войны, что у флота не было морской пехоты и что команди-

ры подводных лодок не имели возможности столкнуться с коммандос.

В одном случае, когда он был главнокомандующим военно-морским флотом, в 1943 году, команда союзного торпедного катера была захвачена германскими военно-морскими силами. Команда была допрошена в разведывательных целях по поручению адмирала, командовавшего этими судами, и затем по его приказу передана в СД и расстреляна. Дениц заявил, что, если бы эти лица были захвачены флотом, их расстрел явился бы нарушением приказа о коммандос, что сообщения о казни в оперативной сводке вооруженных сил не было и что его никогда не информировали об этом случае. Он подчеркнул, что адмирал, о котором шла речь, не подчинялся ему по команде, а был подчиненным армейского генерала, руководившего операциями по оккупации Норвегии. Однако Дениц оставил этот приказ в силе, когда он стал главнокомандующим, и в такой степени он несет за него ответственность.

Дениц на совещании 11 декабря 1944 г. сказал: «12 000 заключенных концентрационных лагерей будут использованы в доках в качестве вспомогательной рабочей силы». В этот период строительство судов не входило в сферу его юрисдикции, и он утверждает, что это было лишь предложение, сделанное им на совещании, о том, чтобы руководящий офицерский состав содействовал строительству судов, что он не предпринимал никаких шагов, чтобы получить этих рабочих, поскольку этот вопрос не входил в его ведение, и не знает, были ли они вообще когда-нибудь получены. Он признает, что знал о существовании концентрационных лагерей. Человек, занимавший его положение, должен был обязательно знать о том, что большое количество жителей оккупированных стран подвергалось заключению в концентрационные лагеря.

В 1945 году Гитлер запросил мнение Иодля и Деница относительно того, следует ли отказаться от Женевской конвенции. Заметки о совещании между двумя военными руководителями 20 февраля 1945 г. показывают, что Дениц высказал свою точку зрения, сводившуюся к тому, что недостатки такой меры перевесят ее преимущества. Резюме мнения Деница, содержавшееся в заметках, сделанных одним из офицеров, содержит следующую фразу:

«Будет лучше проводить меры, которые мы сочтем необходимыми, без предупреждения, и любой ценой сохранить реноме в глазах внешнего мира».

Обвинение настаивало на том, что «меры», о которых здесь говорится, означали, что от Конвенции не следует отказываться, но что ее следует нарушать по усмотрению. Защита объясняет, что Гитлер хотел нарушить Конвенцию по двум причинам: лишить германские войска защиты Конвенции, тем самым предотвращая дальнейшие попытки сдаваться большими группами в плен британцам и американцам, а также дать возможность проводить репрессалии против союзных военнопленных в качестве контрмеры против бомбардировок союзников. Дениц утверждает, что под словом «меры» он понимал дисциплинарные меры против германских войск с тем, чтобы предотвратить их сдачу в плен, и не имел в виду мер против союзников; он утверждает, что это было всего лишь предложение и что в любом случае никакие меры такого рода никогда не предпринимались ни против союзников, ни против немцев. Трибунал, одна-

ко, не считает это объяснение правдивым. Германия все же не отказалась от соблюдения Женевской конвенции. Защита представила несколько письменных показаний для того, чтобы доказать, что британские военнопленные из числа личного состава флота в лагерях для военнопленных, входящих в сферу юрисдикции Деница, подвергались обращению в строгом соответствии с Конвенцией, и Трибунал принимает этот факт во внимание и рассматривает его как смягчающее вину обстоятельство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Деница невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделам второму и третьему.

Редер

Редер обвиняется по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения. В 1928 году он стал начальником главного морского штаба и в 1935 году — командующим военно-морскими силами (ОКМ); в 1939 году Гитлер произвел его в звание гроссадмирала. Он являлся членом имперского совета обороны. 30 января 1943 г. по его собственной просьбе его сменил Дениц, а он стал адмирал-инспектором военно-морского флота без занятия какой-либо должности.

Преступления против мирв

За 15 лет, в течение которых Редер командовал германским военно-морским флотом, он строил его и руководил его операциями; он принимает на себя полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году. Он признает, что военно-морской флот нарушал Версальский договор, и настаивает на том, что «поступать таким образом было делом чести каждого моряка»; он утверждает, что нарушения были большей частью незначительными и что Германия построила меньше, чем ей было разрешено. Эти нарушения, так же как и нарушения англо-германского морского соглашения от 1935 года, уже обсуждались ранее в этом приговоре.

Редер получил директиву от 24 июня 1937 г. от Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии. Он был одним из пяти руководителей, участвовавших на «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г. Он заявлял, что Гитлер созывом этого совещания хотел лишь побудить армию к тому, чтобы ускорить темпы перевооружения, и настаивает на том, что он верил, что австрийский и чехословацкий вопросы будут разрешены мирным путем, как это и случилось, и указывает на только что подписанное новое морское соглашение с Англией. Он не получал никаких приказов об ускорении темпов строительства подводных лодок, что указывало на то, что Гитлер не планировал войны.

Редер получал директивы о «плане Грюн» и «плане Вейс», начиная с директивы от 3 апреля 1939 г.; последняя предлагала военно-морскому флоту поддержать армию путем высадки с моря. Он также был одним из немногих главных руководителей, которые присутствовали на совещании 23 мая 1939 г. Он присутствовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 г.

Идея вторжения в Норвегию впервые возникла у Редера, а не у Гитлера. Несмотря на желание Гитлера обеспечить нейтралитет

Скандинавии, что подтверждается его директивой от октября 1939 года, еще в октябре в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. Первоначально адмирал Карлс указал Редеру на преимущества, вытекающие из получения баз в Норвегии. В главном морском штабе был циркулярно разослан вопросник, датированный 3 октября 1939 г., в котором предлагалось высказать соображения по поводу желательности приобретения таких баз. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером; запись, сделанная в этот день в его «дневнике боевых действий», гласит, что Гитлер намеревался «рассмотреть этот вопрос». Несколько месяцев спустя Гитлер беседовал с Редером, Квислингом, Кейтелем и Иодлем; ОКВ начало составление планов, и военно-морской оперативный штаб работал совместно с офицерами штаба ОКВ. Редер получил директиву Кейтеля по поводу Норвегии 27 января 1940 г. и последующую директиву от 1 марта за подписью Гитлера.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова подвергать обсуждению этот защитительный довод, который довольно подробно рассматривался ранее, когда был сделан вывод, что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «Операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

Редер получал директивы, в том числе указания о бесчисленных отсрочках в отношении нападения на Западе. На совещании 18 марта 1941 г., на котором присутствовал Гитлер, он призывал к оккупации всей Греции. Он заявляет, что это произошло только после того, как англичане произвели высадку и Гитлер отдал приказ о наступлении, и указывает, что военно-морской флот не был заинтересован в Греции. Он получил директиву Гитлера в отношении Югославии.

Редер пытался отговорить Гитлера от намерения предпринять нападение на Советский Союз. В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море вместо нападения на Россию. 14 ноября 1940 г. он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага» — и к продолжению строительства подводных лодок и воздушных сил военно-морского флота. Он выдвинул «серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии», согласно записям в делах германского морского оперативного штаба. Он заявляет, что его возражения были основаны на том, что это является нарушением пакта о ненападении, а также на соображениях стратегического характера. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря и оправдывает эти действия тем, что они пытались «разведать», какие маневры на море предпринимали немцы. Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны.

Военные преступления

Редер обвиняется в военных преступлениях, совершенных в открытом море. 3 сентября 1939 г. был потоплен невооруженный британский пассажирский пароход «Атения», направлявшийся в Америку. Два месяца спустя немцы обвинили господина Черчилля

в преднамеренном потоплении «Атении» с тем, чтобы возбудить враждебность американцев против Англии. В действительности этот корабль был потоплен германской подводной лодкой У-30. Редер заявляет, что командир этой подводной лодки потопил этот корабль по ошибке, приняв его по своей неопытности за вспомогательный крейсер, и что этот факт стал известен лишь по возвращении подводной лодки из плавания через несколько недель после опровержения его Германией и что Гитлер затем дал указание военно-морскому флоту и министерству иностранных дел продолжать отрицание этого факта. Редер отрицает, что он что-либо знал о пропагандистской кампании, направленной против господина Черчилля.

Наиболее серьезным обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая сюда потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств, и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов, что противоречит условиям Лондонского соглашения от 1936 года. В отношении этого обвинения против Редера, охватывающего период до 30 января 1943 г., то есть до момента отставки Редера, Трибунал приходит к тому же заключению, к какому он пришел в отношении Деница, о котором уже говорилось.

Приказ о коммандос от 18 октября 1942 г., который не имел прямого отношения к ведению войны на море, был передан через посредство военно-морского оперативного штаба нижестоящим военно-морским начальникам с указанием о том, что командующие флотилиями и командиры соединений кораблей должны устно довести его до сведения своих подчиненных. Именно моряками военно-морского флота, а не СД 10 декабря 1942 г. были казнены два человека из состава отрядов коммандос в Бордо. Военно-морской оперативный штаб ответил по этому поводу, что это было сделано «в соответствии со специальным приказом фюрера, но тем не менее является чем-то новым в международном праве, поскольку солдаты были одеты в военную форму». Редер признает, что он передал этот приказ по команде своим подчиненным и не высказал Гитлеру никаких возражений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Редера виновным по разделам первому, второму и третьему Обвинительного заключения.

Фон Ширах

Фон Ширах обвиняется по разделам первому и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в нацистскую партию и СА в 1925 году. В 1929 году он стал руководителем национал-социалистского студенческого союза. В 1931 году его назначили имперским руководителем молодежи нацистской партии, причем под его контролем были все нацистские юношеские организации, включая организацию «гитлеровской молодежи». В 1933 году после того как нацисты взяли в свои руки контроль над правительством, фон Ширах был назначен руководителем молодежи в Германской империи; первоначально это был пост в министерстве внутренних дел, а после 1 декабря 1936 г. он перешел в ведение имперского кабинета. В 1940 году фон Ширах ушел с поста руководителя «гитлеровской молодежи» и руководителя молодежи Германской империи, но сохранил свое положение рейхслейтера, предусматривавшее

контроль над воспитанием молодежи. В 1940 году он был назначен гаулейтером Вены, имперским наместником Вены и уполномоченным по обороне империи на данной территории.

Преступления против мира

После того как нацисты захватили власть, фон Ширах, используя физическое насилие и легальный нажим, уничтожал или брал под свой контроль все молодежные группы, которые прежде соперничали с «гитлеровской молодежью». Согласно приказу Гитлера от 1 декабря 1936 г. вся молодежь Германии была включена в организацию «гитлеровской молодежи». К тому времени, когда в 1940 году была официально введена мобилизация в эту организацию, 97 процентов подлежащей мобилизации молодежи были уже членами организации.

Фон Ширах использовал «гитлеровскую молодежь» для воспитания немецкой молодежи «в духе национал-социализма» и проводил в ее рядах широкую программу нацистской пропаганды. Он сделал «гитлеровскую молодежь» источником пополнения организаций нацистской партии. В октябре 1936 года он вошел в соглашение с Гиммлером, в соответствии с которым члены «гитлеровской молодежи», отвечавшие требованиям, установленным СС, рассматривались как главный источник пополнения рядов СС.

Фон Ширах также использовал «гитлеровскую молодежь» для допризывной подготовки. Были организованы специальные подразделения, главной целью которых была подготовка специалистов для различных родов войск. 11 августа 1939 г. он вошел в соглашение с Кейтелем, по которому «гитлеровская молодежь» обязалась проводить свою допризывную подготовку в соответствии с требованиями, установленными в вооруженных силах, а армия взяла на себя обязательство ежегодно подготавливать 30 000 инструкторов для «гитлеровской молодежи». «Гитлеровская молодежь» уделяла особенно большое внимание воспитанию боевого духа, ее программа военного обучения подчеркивала важность возвращения колоний, необходимость «жизненного пространства» и «благородное» предназначение германской молодежи — умереть за Гитлера.

Однако, несмотря на такой военный характер деятельности «гитлеровской молодежи», нельзя сказать, что фон Ширах был вовлечен в развитие гитлеровского плана территориальной экспансии путем агрессивной войны или что он участвовал в планировании или подготовке какой-либо агрессивной войны.

Преступления против человечности

В июле 1940 года фон Ширах был назначен гаулейтером Вены. В то же самое время он был назначен имперским наместником Вены и имперским уполномоченным по обороне сначала 17-го военного округа, включая гау Вены, Верхнего Дуная и Нижнего Дуная, а после 17 февраля 1942 г. только гау Вены. Будучи имперским уполномоченным по обороне, он контролировал гражданскую экономику военного времени. Занимая пост имперского наместника, он являлся главой муниципальной администрации города Вены и под руководством министра внутренних дел ведал правительственной администрацией рейха в Вене.

Фон Ширах не обвиняется в совершении военных преступлений в Вене, а только в совершении преступлений против человечности. Как это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупи-

рована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой «преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала», как этот термин употребляется в статье 6-й Устава. Поэтому «убийства, уничтожение, порабощение, высылки и другие бесчеловечные акты» и «преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

Поскольку фон Ширах был гаулейтером Вены, на него распространялось действие декрета Заукеля, датированного 6 апреля 1942 г., согласно которому гаулейтеры назначались уполномоченными Заукеля по набору рабочей силы и получали полномочия контролировать использование рабочих и обращение с ними в пределах своих гау. В соответствии с директивами Заукеля лица, используемые на принудительных работах, должны были получать такое питание, кров и обращение, при котором была бы возможна их наибольшая эксплуатация при наименьших затратах.

Когда фон Ширах стал гаулейтером Вены, высылка евреев уже началась, и в Вене осталось лишь 60 000 евреев из прежних 190 000. 2 октября 1940 г. фон Ширах присутствовал на совещании у Гитлера, где он сказал Франку, что у него в Вене имеется 50 000 евреев, которых генерал-губернаторство должно будет забрать у него. 3 декабря 1940 г. фон Ширах получил письмо от Ламмерса, в котором говорилось, что после докладов фон Шираха Гитлер решил из-за недостатка жилых помещений в Вене выслать в генерал-губернаторство 60 000 евреев, все еще остававшихся в ней. Тогда и началась высылка евреев из Вены, которая продолжалась до начала осени 1942 года. 15 сентября 1942 г. фон Ширах в своей речи оправдывал произведенную по его распоряжению высылку «многих десятков тысяч евреев в гетто на Восток», оценивая эту меру «как вклад в европейскую культуру».

В то время как евреев высылали из Вены, канцелярия фон Шираха получала доклады, адресованные ему по служебной линии от начальника полиции безопасности и СД, которые содержали описание деятельности эйнзатцгрупп по уничтожению евреев. На многих из этих докладов стояли инициалы одного из главных заместителей фон Шираха. 30 июня 1944 г. в канцелярии фон Шираха также было получено письмо от Кальтенбруннера, в котором последний информировал фон Шираха о том, что 12 000 евреев уже находятся на пути в Вену для использования их на важных работах военного значения и что все те, которые окажутся непригодными для работы, должны быть подготовлены для «специального обращения».

Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что самое большее, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии.

Будучи гаулейтером Вены, фон Ширах продолжал выполнять обязанности рейхслейтера по воспитанию молодежи, и, как таковой, он был информирован об участии «гитлеровской молодежи» в плане, осуществленном осенью 1944 года, согласно которому 50 000 молодых людей в возрасте от 10 до 20 лет были эвакуиро-

ваны в Германию из областей, вновь отвоеванных советскими войсками, и использовались как ученики в германской промышленности и на вспомогательных работах в соединениях германских вооруженных сил. Летом 1942 года фон Ширах телеграфировал Борману и настаивал на том, чтобы английский культурный центр был подвергнут бомбардировке в качестве ответной меры за убийство Гейдриха, организованное, по утверждению Шираха, англичанами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает фон Шираха невиновным по разделу первому Обвинительного заключения и виновным по разделу четвертому.

Заукель

Заукель обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Заукель вступил в нацистскую партию в 1923 году и стал гауляйтером Тюрингии в 1927 году. Он был членом Тюрингского ландтага с 1927 года по 1933 год, был назначен имперским наместником в Тюрингии в 1932 году и тюрингским министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии в мае 1933 года. Он стал депутатом рейхстага в 1933 году. Он имел формальное звание обергруппенфюрера как СС, так и СА.

Преступления против мира

Доказательства не убедили Трибунал в том, что имя Заукеля в достаточной степени связано с общим планом для ведения агрессивной войны или что он был в достаточной степени причастен к планированию и ведению какой-либо из агрессивных войн для того, чтобы дать Трибуналу основания считать его виновным по разделам первому или второму Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

21 марта 1942 г. Гитлер назначил Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с полномочиями подчинить унифицированному контролю «использование всей наличной рабочей силы, включая иностранных рабочих и военнопленных». Заукель получил указания вести деятельность в рамках управления по четырехлетнему плану, и 27 марта 1942 г. Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану издал декрет о передаче всех подчинявшихся ему отделов по использованию рабочей силы Заукелю. 30 сентября 1942 г. Гитлер дал Заукелю право назначать уполномоченных в различные оккупированные области и «принимать все необходимые меры для проведения в жизнь» декрета от 21 марта 1942 г.

Основываясь на полномочиях, данных ему этим декретом, Заукель разработал программу мобилизации всех имевшихся ресурсов рабочей силы для империи.

Одним из важных моментов этой мобилизации была систематическая насильственная эксплуатация ресурсов рабочей силы оккупированных территорий. Вскоре после того как Заукель получил назначение на свой пост, он отдал распоряжение руководящим

инстанциям в различных оккупированных областях издать декреты о введении трудовой повинности с отбытием ее в Германии. В соответствии с этими декретами уполномоченные Заукеля, поддерживаемые полицейскими властями оккупированных территорий, набирали и посылали в Германию рабочих, необходимых для выполнения разверсток, данных им Заукелем. Он сам предписывал так называемый добровольный набор, проводившийся целой сворой агентов мужского и женского пола, точно таким же образом, как это делалось при обманной вербовке в далеком прошлом. На самом деле добровольная вербовка была, скорее, исключением, чем правилом, как об этом свидетельствует заявление Заукеля от 1 марта 1944 г. о том, что «из 5 000 000 иностранных рабочих, прибывших в Германию, даже 200 000 не прибыло сюда добровольно». Несмотря на то, что он сейчас утверждает, что это заявление неправильно, обстоятельства, при которых оно было сделано, так же как и доказательства, представленные Трибуналу, не оставляют никакого сомнения в том, что оно по существу было правильным.

Способ, которым несчастных рабочих, угоняемых на рабский труд, отбирали и транспортировали в Германию, и то, что происходило с ними после их прибытия, уже были описаны выше.

Заукель утверждает, что он не несет ответственности за эксцессы, сопровождавшие выполнение программы. Он говорит, что общее количество рабочих, подлежащих набору, устанавливалось на основании потребностей сельского хозяйства и промышленности; ответственность за набор рабочих возлагалась на оккупационные власти, транспортировка их в Германию — на управление железных дорог, а забота о них в Германии — на министерство труда и сельского хозяйства, «Германский трудовой фронт» и на различные заинтересованные в этом отрасли промышленности. Он показал, что в той степени, в которой он имел какие-либо полномочия, он всегда требовал гуманного обращения.

Не подлежит сомнению, однако, что Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. В тот период, когда происходили рассматриваемые события, он не преминул учредить свой контроль над теми сферами деятельности, которые, как он сейчас утверждает, входили исключительно в ведение других лиц. Согласно его распоряжениям, его уполномоченные были облечены властью набирать рабочих, и он постоянно контролировал меры, которые в то время принимались. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и энергично поддерживал эти методы на том основании, что они были необходимы для выполнения разверсток.

Распоряжения Заукеля также предусматривали, что он нес ответственность за транспортировку рабочих в Германию, за распределение их по местам работы и за заботу о них и что другие заинтересованные в этих вопросах ведомства подчинялись ему. Его ставили в известность о существовавших тяжелых условиях. Нет никаких данных о том, что, выступая за применение жестокого обращения, он рассматривал его как самоцель или что он выступал за какую-нибудь программу, подобную плану Гиммлера, предусматривавшему истребление путем непосильного труда. Его точка зрения была выражена в распоряжении:

«Всех людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимально возможных затратах».

Доказательства свидетельствуют о том, что Заукель руководил осуществлением программы, которая предусматривала угон

на рабский труд более чем 5 миллионов человек, причем многие из них подвергались при этом жестокостям и терпели величайшие страдания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Заукеля невиновным по разделам первому и второму Обвинительного заключения и виновным по разделам третьему и четвертому.

Иодль

Иодль обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. С 1935 года по 1938 год он был начальником отдела обороны страны при верховном командовании. После года командования войсками он в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил. Хотя его непосредственным начальником был подсудимый Кейтель, он докладывал непосредственно Гитлеру по всем оперативным вопросам. В строго военном смысле Иодль фактически планировал войну и является в большой степени ответственным за стратегию и ведение операций.

Иодль строит свою защиту на том, что он был солдатом, давшим клятву в повиновении, а не политиком, и что в связи с его штабной работой и работой по планированию у него не оставалось времени для других вопросов. Он заявляет, что, когда он подписывал приказы, меморандумы и письма или ставил под ними свои инициалы, он делал это вместо Гитлера и часто за Кейтеля, когда тот отсутствовал. Хотя он утверждает, что, будучи солдатом, он должен был подчиняться Гитлеру, он заявляет, что он неоднократно пытался помешать проведению некоторых мер путем промедления, что часто оказывалось успешным, как, например, тогда, когда он противостоял требованию Гитлера об издании директивы о линчевании союзных «летчиков-террористов».

Преступления против мира

Записи в дневнике Иодля от 13 и 14 февраля 1938 г. показывают, что Гитлер инструктировал его и Кейтеля продолжать оказывать начавшееся на совещании с Шушнигом военное давление на Австрию путем проведения ложных военных маневров и что эти маневры достигли своей цели. Когда Гитлер решил «не допускать» плебисцит Шушнига, Иодль представил на совещании «старый проект» — уже существовавший штабной план. Его запись в дневнике от 10 марта показывает, что Гитлер затем приказал готовиться к «операции Отто» и под этой директивой Иодль поставил свои инициалы. 11 марта Иодль издал дополнительные инструкции и в тот же день поставил свои инициалы под приказом Гитлера о вторжении.

Согласно папке Шмундта, Иодль принимал активное участие в планировании нападения на Чехословакию. Он поставил свои инициалы под документами № 14, 17, 24, 36 и 37, содержавшимися в папке Шмундта. Иодль признает, что он согласился с ОКХ, что «инцидент», который должен был послужить поводом для вмешательства Германии, должен был произойти не позднее 14 часов в икс день — в день перед нападением, и сказал, что он должен произойти в установленное время при наличии хорошей летной погоды. Иодль совещался с экспертом по пропаганде о «неотложных общих проблемах», таких, как нарушения Германией между-

народного права, использование этих нарушений врагом и опровержение их Германией. Иодль считал последнюю проблему «особо важной».

После Мюнхена Иодль писал:

«Чехословакия как государство больше не существует. Гений фюрера и его решимость не остановиться даже перед мировой войной снова завоевали победу без применения силы. Можно надеяться, что скептически настроенные, слабые и сомневающиеся теперь обращены в нашу веру и останутся таковыми».

Вскоре после оккупации Судетской области Иодль занял командную должность и лишь в августе 1939 года стал начальником штаба оперативного руководства ОКВ.

Иодль обсуждал вторжение в Норвегию с Гитлером, Кейтелем и Редером 12 декабря 1939 г. Его дневник полон более поздними записями о его деятельности по подготовке этого нападения. Иодль объясняет, что своим замечанием о том, что Гитлер все еще искал «предлога» для начала операций, он хотел сказать, что Гитлер ожидал надежных разведывательных данных о британских планах, и оправдывает вторжение как необходимый шаг для того, чтобы предотвратить осуществление этих планов. Из его показаний видно, что с октября 1939 года Гитлер планировал нападение на Запад через Бельгию, но колебался в отношении вторжения в Голландию до середины ноября. 8 февраля 1940 г. Иодль, его заместитель Варлимонт и Иешонек, осуществлявшие планирование действий военно-воздушного флота, обсуждали «новую идею» нападения на Норвегию, Данию и Голландию при обеспечении нейтралитета Бельгии. Многие из 17 приказов, откладывавших нападение на Западе до мая 1940 года по различным причинам, в том числе в связи с условиями погоды, были подписаны Иодлем.

Он принимал активное участие в планировании действий против Греции и Югославии. Приказ Гитлера от 11 января 1941 г. об интервенции в Албанию был подписан инициалами Иодля. 20 января, за четыре месяца до нападения, Гитлер заявил на совещании германских и итальянских генералов в присутствии Иодля, что войска, сконцентрированные Германией в Румынии, предназначались для использования против Греции. Иодль был в числе присутствовавших 18 марта, когда Гитлер сказал Редеру, что вся Греция должна быть оккупирована, прежде чем сможет быть достигнуто какое-либо урегулирование создавшегося положения. 27 марта, когда Гитлер сказал германскому верховному командованию, что разгром Югославии должен быть осуществлен с «безжалостной суровостью» и было принято решение бомбить Белград без объявления войны, он также присутствовал.

Иодль дал показание о том, что Гитлер опасался нападения со стороны России и поэтому напал первым. Эта подготовка началась почти за год до вторжения. Еще 29 июля 1940 г. Иодль предложил Варлимонту подготовить планы, так как Гитлер решил произвести нападение. Позднее Гитлер сообщил Варлимонту, что он планировал начать наступление в августе 1940 года, но по военным соображениям отложил начало этого нападения. Он[1] поставил свои инициалы под директивой Гитлера от 12 ноября 1940 г. о том, что подготовка, приказ о проведении которой был передан устно, должна продолжаться, и также поставил свои инициалы под «планом Барбаросса» 18 декабря. 3 февраля 1941 г. Гитлер, Иодль и Кейтель обсуждали

[1] Имеется в виду Иодль. — **Прим. сост.**

это вторжение, и он присутствовал 14 июня, когда были сделаны окончательные доклады по «плану Барбаросса».

Военные преступления и преступления против человечности

18 октября 1942 г. Гитлер издал приказ о коммандос, а днем позже дополнительное разъяснение, предназначенное только для командующих. Сопроводительный меморандум был подписан Иодлем. Более ранние проекты приказа были составлены штабом Иодля с его ведома. Иодль дал показание о том, что он усиленно противодействовал этому приказу по мотивам морального и правового характера, но не мог отказаться от издвния его. Он настаивает на том, что практически он пытался смягчить его жестокость, не информируя Гитлера в тех случаях, когда он не проводился. Он поставил свои инициалы под меморандумом ОКВ от 25 июня 1944 г., подтвердив тем самым еще раз приказ после высадки в Нормандии.

Директива об уничтожении советских комиссаров была изложена в «плане Барбаросса», она предусматривала, что решение о том, подлежат ли они уничтожению без суда, должен был принимать офицер. Проект содержит написанное рукой Иодля предложение о том, что это действие должно явиться ответной мерой; он также показал, что с его стороны это была попытка обойти этот приказ.

Когда в 1945 году Гитлер рассматривал вопрос об отказе от соблюдения правил Женевской конвенции, Иодль выступил со своим мнением, заявив, что ущерб, который будет нанесен таким действием, перевесит его преимущества; 21 февраля он сказал, что соблюдение Гитлером правил Конвенции нисколько не помешает ведению войны, и привел как пример потопление британского госпитального судна в качестве репрессалии, которое было впоследствии объяснено ошибкой. Он заявил, что он сделал так, поскольку это было единственным соображением, которое Гитлер мог принять во внимание, так как моральные или правовые доводы не оказывали на него никакого воздействия, и он также утверждает, что таким образом он предотвратил отказ Гитлера от соблюдения правил Конвенции.

Имеется мало доказательственного материала о том, что Иодль был непосредственно связан с проведением программы рабского труда, и он, очевидно, сосредоточил свое внимание на стратегическом планировании. Но в своей речи 7 ноября 1943 г. гаулейтерам он сказал, что было необходимо действовать «решительно и твердо, ни в чем не раскаиваясь» в Дании, Франции и Нидерландах для того, чтобы обеспечить работу на строительстве Атлантического вала.

Телеграммой от 28 октября 1944 г. Иодль приказал провести эвакуацию всех жителей Северной Норвегии и сжечь их дома с тем, чтобы они не могли оказывать помощь русским. Иодль заявляет, что он был против этой меры, но что таков был приказ Гитлера; он также утверждает, что эта мера не была полностью проведена в жизнь. Документ норвежского правительства показывает, что такая эвакуация имела место в Северной Норвегии и что 30 000 домов были повреждены. 7 октября 1941 г. Иодль подписал приказ о том, что Гитлер не примет предложения о капитуляции со стороны Ленинграда или Москвы, но, наоборот, он настаивал на том, чтобы эти города были полностью уничтожены. Он сказал, что это было сделано потому, что немцы опасались, что эти города могут быть ми-

нированы русскими так, как это имело место в Киеве. Никакого предложения о капитуляции никогда не поступало.

По существу его защита строится на доктрине «выполнение приказов сверху», которая в соответствии со статьей 8 Устава не может быть использована как защитительный довод. Смягчающих вину обстоятельств нет. Участие в совершении преступлений, подобных этим, никогда не требовалось ни от какого солдата, и он сейчас не может прикрываться этим мифическим требованием солдатского повиновения при всех условиях в качестве оправдания за совершение этих преступлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Иодля виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фон Папен

Фон Папен обвиняется по первому и второму разделам Обвинительного заключения. 1 июня 1932 г. он был назначен канцлером империи, а 2 декабря 1932 г. его сменил фон Шлейхер. 30 января 1933 г. он был назначен вице-канцлером в кабинете Гитлера и 13 ноября 1933 г. чрезвычайным уполномоченным по вопросам Саара. 26 июля 1934 г. он был назначен посланником в Вену и был отозван оттуда 4 февраля 1938 г. 29 апреля 1939 г. он был назначен послом в Турцию. Он возвратился в Германию, когда Турция порвала дипломатические отношения с Германией, в августе 1944 года.

Преступления против мира

Фон Папен активно помогал Гитлеру в 1932 и 1933 гг. в формировании коалиционного кабинета и способствовал его назначению канцлером 30 января 1933 г. В качестве вице-канцлера в этом кабинете фон Папен принимал участие в утверждении нацистского контроля в 1933 году; 16 июня 1934 г., однако, фон Папен выступил с речью в Марбурге, которая содержала осуждение нацистских попыток подавить свободную прессу и церковь, осуждение существовавшего господства террора, а также «150% нацистов», которые принимали «жестокость за жизненную необходимость». 30 июня 1934 г. во время волны жестокостей, сопровождавшей так называемую чистку Рема, фон Папен был арестован органами СС. Аппарат его учреждения также был арестован, а два его помощника, в том числе человек, который помогал ему составить марбургскую речь, были убиты. Фон Папен был освобожден в июле 1934 года. Несмотря на убийство его помощников, фон Папен принял обязанности посланника в Австрии 26 июля 1934 г., через день после того, как был убит Дольфус. Его назначение было объявлено ему письмом Гитлера, в котором ему предлагалось направить взаимоотношения между двумя странами «в нормальное и дружественное русло», и его заверяли «в полном и неограниченном доверии» Гитлера. В качестве посланника в Австрии фон Папен принимал активное участие в попытках укрепить позиции нацистской партии в Австрии для того, чтобы добиться аншлюса. В начале 1935 года он участвовал в совещании в Берлине, на котором был принят политический курс, направленный к тому, чтобы избегать всего, что может создать впечатление о германском вмешательстве во внутренние дела Австрии. Однако он добился ежемесячной дотации в 200 тысяч марок для «мучеников

национал-социализма, преследуемых в Австрии». 17 мая 1936 г. он доложил Гитлеру о результатах своего совещания с капитаном Леопольдом, руководителем австрийских нацистов, и настойчиво убеждал Гитлера выступить с заявлением о признании национальной независимости Австрии, предсказывая, что это поможет формированию коалиции против Штаркемберга между христианскими социалистами Шушнига и австрийскими нацистами. 27 июля 1935 г. фон Пален доложил Гитлеру, что союз между Австрией и Германией не может быть осуществлен в результате давления извне, а лишь путем укрепления национал-социалистского движения. Он призывал к тому, чтобы австрийская нацистская партия изменила свой характер и, перестав быть централизованной партией Германской империи, собрала под свое знамя всех лиц немецкого происхождения.

Фон Папен принимал участие в происходивших время от времени политических демонстрациях нацистов, содействовал распространению нацистской пропаганды и составлял подробные отчеты о деятельности нацистской партии и регулярные доклады о состоянии оборонительных средств Австрии. Проводимая им в Австрии политика привела к соглашению от 11 июля 1936 г., которое номинально восстанавливало взаимоотношения между Германией и Австрией и придавало им «нормальную и дружескую форму», однако соглашение имело секретное приложение, предусматривавшее амнистию австрийским нацистам, снятие цензуры с нацистских газет, возобновление политической деятельности нацистов и назначение людей, дружески настроенных по отношению к нацистам, в кабинет Шушнига.

После подписания этого соглашения фон Папен подал в отставку, но его отставка не была принята. После этого он постоянно продолжал оказывать давление на австрийское правительство с тем, чтобы добиться введения нацистов в кабинет Шушнига и получить для них влиятельные посты в «Отечественном фронте», единственно легальной партии Австрии. 1 сентября 1936 г. фон Папен писал Гитлеру о том, что антинацисты в австрийском министерстве безопасности препятствовали проникновению нацистов в правительство Австрии, и предлагал придерживаться политики «постоянно нарастающего нажима, направленного к изменению режима».

4 февраля 1938 г. фон Папен был уведомлен, что он отзывается с поста посланника в Австрии; это произошло одновременно со смещением фон Фрича, фон Бломберга и фон Нейрата с занимаемых ими постов. Он выразил Гитлеру сожаления по поводу своего отзыва, ссылаясь на то, что с ноября 1937 года он старался убедить Шушнига встретиться для беседы с Гитлером, и Шушниг дал понять, что он согласен на это. Действуя в соответствии с указаниями Гитлера, фон Папен затем возвратился в Австрию и договорился об этой встрече, которая и состоялась в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Фон Папен сопровождал Шушнига на это совещание и в конце его посоветовал Шушнигу согласиться на требования Гитлера. 10 марта 1938 г. Гитлер приказал фон Папену возвратиться в Берлин. 11 марта фон Папен уже находился в канцелярии[1], когда был отдан приказ об оккупации Австрии. Не было представлено никаких доказательств того, что фон Папен был за

---

[1] Имеется в виду Имперская канцелярия. — **Прим. сост.**

принятие решения оккупировать Австрию силой, но сам он показал, что убеждал Гитлера не делать этого шага.

После аннексии Австрии фон Папен удалился в отставку и перешел на положение частного лица. Нет никаких доказательств того, что он принимал какое-либо участие в политической жизни. Он принял пост посла в Турции в апреле 1939 года, однако не было представлено никаких доказательств того, что его деятельность на этом посту делает его причастным к преступлению.

Доказательства не оставляют никакого сомнения в том, что основной целью фон Папена в качестве посланника в Австрии являлся подрыв режима Шушнига и укрепление позиции австрийских нацистов с тем, чтобы добиться аншлюса. Для осуществления этого плана он прибегал как к интригам, так и к запугиванию. Но Устав не определяет эти нарушения норм политической морали как преступные действия, какими бы дурными они ни были. Согласно Уставу Папен может считаться виновным только в том случае, если он принимал участие в планировании агрессивной войны. Нет никаких доказательств того, что он был причастен к планам, рассматривавшим оккупацию Австрии как этап на пути к дальнейшим агрессивным действиям, или даже того, что он был причастен к плану оккупации Австрии и при помощи агрессивной войны, если бы в таковой возникла необходимость. Нельзя считать несомненно установленным фактом, что именно это было целью его деятельности. И поэтому Трибунал не может считать, что он принимал участие в общем плане, инкриминируемом в разделе первом, или участвовал в планировании агрессивных войн, как это инкриминируется в разделе втором Обвинительного заключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает фон Папена невиновным в предъявленных ему обвинениях и предлагает коменданту Суда освободить его из-под стражи после перерыва в заседании Трибунала.

Зейсс-Инкварт

Зейсс-Инкварт обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Зейсс-Инкварт, австрийский адвокат, был назначен государственным советником в Австрии в мае 1937 года в результате нажима со стороны Германии. Он был связан с нацистской партией Австрии начиная с 1931 года, но часто не ладил с партийным руководством и фактически не являлся членом партии до 13 марта 1938 г. Он был назначен австрийским министром безопасности и внутренних дел с правом контроля над полицией в соответствии с одним из условий, навязанных Гитлером Шушнигу на Берхтесгаденском совещании 12 февраля 1938 г.

Деятельность в Австрии

Зейсс-Инкварт принимал участие в последних этапах развития нацистских интриг, предшествовавших германской оккупации Австрии, и был выдвинут на пост канцлера Австрии в результате того, что Германия угрожала вторжением.

12 марта 1938 г. Зейсс-Инкварт встретился с Гитлером в Линце и произнес речь, приветствуя вступление германских войск и оправдывая воссоединение Германии и Австрии. 13 марта он добился издания закона, согласно которому Австрия должна была стать провинцией Германии, и сменил Микласа на посту президента Австрии, когда Миклас предпочел отставку подписанию этого

закона. Титул Зейсс-Инкварта был заменен новым — титулом имперского наместника Австрии — 15 марта 1938 г., и в этот же день ему было присвоено звание генерала СС. Он был назначен имперским министром без портфеля 1 мая 1939 г.

11 марта 1939 г. он посетил словацкое правительство в Братиславе и побуждал его объявить свою автономию таким путем, который точно соответствовал бы агрессивным намерениям Гитлера в отношении независимости Чехословакии.

В качестве имперского наместника Австрии Зейсс-Инкварт ввел в действие программу конфискации еврейской собственности. В период его правления евреев заставляли эмигрировать, посылали их в концентрационные лагеря, они являлись жертвами погромов. В конце своего пребывания у власти он сотрудничал с полицией безопасности и СД по депортации евреев из Австрии на Восток. В то время, когда он являлся наместником Австрии, гестапо направляло в концентрационные лагеря политических противников нацизма, где с ними жестоко обращались и часто убивали.

Преступная деятельность в Польше и Нидерландах

В сентябре 1939 года Зейсс-Инкварт был назначен начальником гражданской администрации в Южной Польше.

12 октября 1939 г. Зейсс-Инкварт был назначен заместителем генерал-губернатора в польском генерал-губернаторстве и поставлен в непосредственное подчинение Франку. 18 мая 1940 г. Зейсс-Инкварт был назначен имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам. Занимая эти посты, он нес ответственность за управление территорией, которая была оккупирована в результате агрессивных войн и управление которой имело первостепенное значение для успеха агрессивных войн, которые вела в то время Германия. В качестве заместителя генерал-губернатора в генерал-губернаторстве Польши Зейсс-Инкварт поддерживал проводившуюся там жестокую оккупационную политику. В ноябре 1939 года, находясь в инспекционной поездке по генерал-губернаторству, Зейсс-Инкварт заявил, что Польшей следует управлять таким образом, чтобы эксплуатировать ее экономические ресурсы в пользу Германии. Зейсс-Инкварт также выступал за преследование евреев и был информирован о введении в действие акции АБ, в результате чего было убито большое число представителей польской интеллигенции.

Будучи имперским уполномоченным по оккупированным Нидерландам, Зейсс-Инкварт был безжалостен в применении террора для подавления всяческой оппозиции германской оккупации согласно программе, которую он сам описал как «уничтожение» своих противников. В сотрудничестве с высшими местными руководителями СС и полиции он был замешан в расстрелах заложников за преступления, совершенные против оккупационных властей, и в отправке в концентрационные лагеря всех лиц, подозреваемых в противодействии оккупационной политике, в том числе священников и педагогов. Многих сотрудников голландской полиции принуждали принимать участие в этой программе под угрозой репрессий против их семей. Голландские суды также принуждались к участию в проведении этой программы, но, когда они выразили свое нежелание выносить приговоры о тюремном заключении, потому что очень часто заключенных фактически убивали, большое значение было придано использованию полицейских судов.

Зейсс-Инкварт осуществлял управление экономикой Нидерландов, не обращая внимания на правила Гаагской конвенции, которую он называл устаревшей. Вместо этого он проводил политику, направленную на максимальное использование экономического потенциала Нидерландов, мало обращая внимания на то, как это отражалось на населении. Было широко распространено разграбление общественной и частной собственности, причем этому была придана видимость законности указаниями Зейсс-Инкварта, которому помогали своими манипуляциями финансовые учреждения Нидерландов, находившиеся под его контролем.

Став имперским уполномоченным по Нидерландам, Зейсс-Инкварт сразу же начал отправку принудительно набранных рабочих в Германию. До 1942 года работа в Германии теоретически была добровольной, но фактически имело место принуждение путем сильного экономического и административного нажима. В 1942 году Зейсс-Инкварт оформил декретом принудительный труд и прибегал к помощи полиции безопасности и СД для предотвращения уклонений от выполнения этого приказа. За период оккупации свыше 500 000 человек были высланы из Нидерландов в империю в качестве рабочей силы, и только очень небольшая часть из них фактически отправилась добровольно.

Одним из первых шагов Зейсс-Инкварта в качестве имперского уполномоченного по Нидерландам было введение в силу ряда законов, утверждавших экономическую дискриминацию евреев. Это сопровождалось рядом декретов, требовавших регистрации евреев, декретов, заставлявших их жить в гетто и носить «звезду Давида», декретов о самовольных арестах и направлении евреев в концентрационные лагеря и, наконец, по предложению Гейдриха, о массовой депортации около 120 000 голландцев и 140 000 евреев в Освенцим и об «окончательном разрешении» еврейского вопроса. Зейсс-Инкварт признает, что он знал о том, что они направлялись в Освенцим, но он заявляет, что он слышал от людей, побывавших в Освенциме, о том, что евреев там содержали сравнительно хорошо и что он считал, что их держали там с целью переселения после войны. В свете доказательств и в связи с его официальным положением невозможно поверить этому утверждению.

Зейсс-Инкварт утверждает, что он не несет ответственности за многие преступления, совершенные при оккупации Нидерландов, потому что они либо совершались согласно приказам из империи армией, которая не находилась под его контролем, либо германским высшим руководителем СС и полиции, который, согласно его заявлению, отчитывался непосредственно перед Гиммлером. Правда, за некоторые из эксцессов отвечают армия и высший руководитель СС и полиции, который, хотя находился в распоряжении Зейсс-Инкварта, мог всегда докладывать непосредственно Гиммлеру. Правильно также и то, что в некоторых случаях Зейсс-Инкварт выступал против крайних мер, к которым прибегали эти организации, например, в том случае, когда ему удалось весьма успешно предотвратить проведение армией политики «выжженной земли» и убедить высших руководителей СС и полиции уменьшить число подлежащих расстрелу заложников. Но остается фактом, что Зейсс-Инкварт был осведомленным и добровольным участником в военных преступлениях и преступлениях против человечности, которые были совершены во время оккупации Нидерландов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Зейсс-Инкварта виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного заключения и невиновным по разделу первому.

Шпеер

Шпеер обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Шпеер вступил в нацистскую партию в 1932 году. В 1934 году он был назначен архитектором Гитлера и стал близким ему человеком и доверенным лицом. Вскоре после этого он был назначен начальником отдела в «Германском трудовом фронте» и официальным главой отдела по вопросам капитального строительства в аппарате заместителя фюрера. Эти посты он занимал до 1941 года. 15 февраля 1942 г., после смерти Фрица Тодта, Шпеер был назначен главой организации Тодта и имперским министром вооружения и боеприпасов (после 2 сентября 1943 г. — министром вооружения и военной промышленности). В дополнение к этим должностям в марте, а затем в апреле 1942 года он был соответственно назначен генеральным уполномоченным по вопросам вооружения и членом центрального управления по планированию; обе эти должности входили в систему четырехлетнего плана. Шпеер был депутатом рейхстага с 1941 года до конца войны.

Преступления против мира

Трибунал придерживается мнения, что деятельность Шпеера не может квалифицироваться как развязывание, планирование или подготовка агрессивных войн или как заговор, предназначенный для этой цели. Он возглавил промышленность вооружения уже много позже того, как войны были начаты и велись. Его деятельность в качестве главы германской промышленности вооружения являлась в той же мере помощью военным усилиям, в какой все другие отрасли промышленности помогали в ведении войны.

Однако Трибунал не намерен считать, что такая деятельность включает в себя участие в общем планировании для ведения агрессивной войны, как это предусмотрено разделом первым, или ведение агрессивной войны, как это предусмотрено в разделе втором Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Доказательства, представленные по делу Шпеера по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения, относятся исключительно к его участию в проведении программы рабского труда. Сам Шпеер не нес непосредственной административной ответственности за осуществление этой программы. Хотя он высказывался за назначение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, потому что он хотел создания единого центрального руководства, с которым он мог бы иметь дело по вопросам рабочей силы, он лично не добился права административного контроля над деятельностью Заукеля. Заукель был назначен непосредственно Гитлером декретом от 21 марта 1942 г., который предусматривал непосредственную ответственность Заукеля перед Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану.

В качестве имперского министра вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по вооружению в системе четырехлетнего плана Шпеер пользовался широкими полномочиями в области контроля над производством. Первоначально его полномочия охватывали строительство и производство вооружения для ОКХ. Затем его полномочия были постепенно расширены таким образом, что они стали включать морское вооружение, продукцию гражданской промышленности и, наконец, с 1 августа 1944 г. вооружение для ВВС. Как руководящий работник центрального управления по планированию, располагавший верховными полномочиями в области планирования германской промышленности и распределения и разработки сырьевых ресурсов, Шпеер придерживался мнения, что управление имело право давать указания Заукелю о поставках рабочей силы для тех отраслей промышленности, которые оно контролировало, и ему удалось добиться проведения своей точки зрения в жизнь вопреки возражениям Заукеля. Была установлена практика, согласно которой Шпеер передавал Заукелю заявки на общее число необходимых ему рабочих, а Заукель набирал рабочую силу и распределял ее между различными отраслями промышленности в соответствии с инструкциями, которые он получал от Шпеера.

Шпеер, направляя заявки Заукелю, знал, что они будут удовлетворены за счет иностранных рабочих, работавших по принуждению. Он принимал участие в совещаниях, на которых обсуждались вопросы расширения программы рабского труда с тем, чтобы удовлетворить его нужды. Он участвовал в совещаниях от 10 и 12 августа 1942 г. вместе с Гитлером и Заукелем, на которых было решено, что Заукель должен был насильственным порядком привозить рабочих с оккупированных территорий в том случае, когда это было необходимо для удовлетворения потребностей в рабочей силе тех отраслей промышленности, которыми ведал Шпеер. Шпеер также участвовал в совещании в ставке Гитлера 4 января 1944 г., на котором было принято решение, согласно которому Заукель должен был набрать «по меньшей мере 4 миллиона новых рабочих с оккупированных территорий» с тем, чтобы удовлетворить требования Шпеера на рабочую силу, хотя Заукель указывал, что он может сделать это лишь с помощью Гиммлера.

Заукель постоянно информировал Шпеера и его представителей о том, что иностранные рабочие набираются принудительным порядком. На совещании 1 марта 1944 г. заместитель Шпеера очень подробно расспрашивал Заукеля о том, почему ему не удалось выполнить требование на 4 миллиона рабочих, которые должны были быть доставлены с оккупированных территорий. В некоторых случаях Шпеер требовал рабочих из определенных зарубежных стран. Так, на совещании 10—12 августа 1942 г. Заукелю было поручено доставить Шпееру «еще миллион русских рабочих для германской промышленности вооружения до истечения октября 1942 года». На заседании центрального управления по планированию 22 апреля 1943 г. Шпеер обсуждал планы набора русских рабочих для использования их в угольных шахтах и категорически отклонил предложение пополнить дефицит в рабочей силе на этих предприятиях за счет немецких рабочих.

Шпеер утверждал на Суде, что он выступал за реорганизацию программы использования рабского труда с тем, чтобы обратить большее внимание на использование немецких рабочих в военной промышленности Германии и на использование рабочих на оккупированных территориях в местной промышленности по

производству предметов широкого потребления, которые прежде производились в Германии. Шпеер предприняп шаги в этом направлении, создав на оккупированных территориях так называемые предприятия закрытого типа, которые использовались для производства изделий, предназначенных для отправки в Германию. Лица, работавшие на этих предприятиях, не подлежали отправке в Германию на рабский труд, и всякий рабочий, получивший приказ отправиться в Германию, мог избежать депортации, если он поступал на работу на предприятия закрытого типа.

Эта система, хотя она несколько менее бесчеловечна, чем угон в Германию, все же является незаконной. Система предприятий закрытого типа играла лишь незначительную роль во всей системе программы рабского труда; хотя Шпеер и настаивал на ее проведении в дополнение к программе рабского труда, будучи осведомлен о способах, которыми она проводилась в жизнь, официально он был основным потребителем рабочей силы и постоянно требовал расширения этой программы.

Шпеер был также непосредственно причастен к использованию принудительного труда в качестве главы организации Тодта. Организация Тодта действовала преимущественно в оккупированных районах и ведала такими объектами, как Атлантический вал и строительство военных автострад, и Шпеер признал, что он использовал ресурсы принудительно набранной рабочей силы для комплектования этой организации рабочими. Он также использовал заключенных из концлагерей на предприятиях, находившихся под его контролем. Первоначально он предполагал использовать этот источник рабочей силы на небольших фабриках, отдаленных от центров, однако позже, опасаясь задеть ведомственное самолюбие Гиммлера, он старался как можно реже прибегать к использованию рабочей силы из концентрационных лагерей.

Шпеер также был причастен к использованию военнопленных в промышленности вооружения; однако он утверждает, что использовал советских военнопленных лишь на предприятиях, предусмотренных Женевской конвенцией.

Шпеер занимал такое положение, что он не был непосредственно причастен к жестокостям, имевшим место при проведении программы рабского труда, хотя он и знал о том, что они имели место. Так, например, на совещаниях центрального управления по планированию его информировали, что его заявки на рабочую силу столь велики, что они вызывают необходимость в применении насильственных методов при наборе рабочих. На заседании центрального управления по планированию 30 октября 1942 г. Шпеер высказал мнение, что многие из угнанных рабочих, которые заявляли, что они были больны, на самом деле были симулянтами. Он заявил: «Нельзя ничего возразить против того, что СС и полиция предпринимают решительные меры и направляют увиливающих от работы в концентрационные лагеря».

Однако Шпеер настаивал на том, чтобы угнанные рабочие получали достаточное питание и необходимые условия работы с тем, чтобы они могли работать эффективно.

В качестве смягчающего вину обстоятельства следует признать, что создание Шпеером института предприятий закрытого типа дало возможность многим рабочим остаться дома, на родине, и что на последних стадиях войны он был одним из тех немногих, кто имел смелость говорить Гитлеру, что война проиграна, и предпринимать шаги с тем, чтобы предотвратить бессмысленное уничтожение производственных мощностей как на оккупированных территориях, так и в самой Германии. Он также противодейство-

вал гитлеровской политике «выжженной земли» путем преднамеренного саботирования ее, подвергаясь при этом значительному риску.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Шпеера невиновным по разделам первому и второму и виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного заключения.

Фон Нейрат

Фон Нейрат обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Он профессиональный дипломат, находившийся на посту германского посла в Великобритании с 1930 года по 1932 год, 2 июня 1932 г. был назначен на пост министра иностранных дел в кабинете фон Папена; этот пост он сохранил за собой в кабинетах фон Шлейхера и Гитлера. Фон Нейрат ушел в отставку с поста министра иностранных дел 4 февраля 1938 г. и был назначен имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. 18 марта 1939 г. он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и оставался на этом посту до 27 сентября 1941 г. Формально он являлся обер-группенфюрером СС.

Преступления против мира

В качестве министра иностранных дел фон Нейрат давал советы Гитлеру в отношении ухода с конференции по разоружению и из Лиги Наций 14 октября 1933 г., о возобновлении вооружения, об издании 16 марта 1935 г. закона о всеобщей воинской повинности и секретного закона о защите империи 21 мая 1935 г. Он был одной из главных фигур при переговорах о заключении морского соглашения между Германией и Англией 18 июня 1935 г. Он играл большую роль при принятии Гитлером решения о реоккупации Рейнской зоны 7 марта 1936 г. и предсказал, что оккупация может быть осуществлена без противодействия со стороны Франции. 18 мая 1936 г. он сообщил американскому послу во Франции, что политика германского правительства заключалась в том, чтобы ничего не делать в области внешней политики до тех пор, пока «Рейнская зона не будет освоена», и что, как только укрепления в Рейнской зоне будут воздвигнуты и страны Центральной Европы поймут, что Франция не сможет вторгнуться в Германию, когда ей это вздумается, «все эти страны начнут вести совершенно иную внешнюю политику и создадутся новые коалиции».

Фон Нейрат принимал участие в «совещании Госсбаха» 5 ноября 1937 г. Он показал, что высказывания Гитлера произвели на него такое впечатление, что с ним случился сердечный припадок. Вскоре после этого он подал в отставку, и его отставка была принята 4 февраля 1938 г., в то же самое время, когда были смещены фон Фрич и фон Бломберг. Несмотря на то, что он знал об агрессивных планах Гитлера, он сохранял формальные связи с нацистским режимом, будучи имперским министром без портфеля, председателем тайного совета министров и членом имперского совета обороны. Он руководил министерством иностранных дел во время оккупации Австрии, заверял британского посла, что эта оккупация не явилась следствием германского ультиматума, и информировал чехословацкого посла, что Германия намеревается соблюдать соглашение об арбитраже с Чехословакией. Фон Ней-

рат принимал участие в последней стадии переговоров, предшествовавших Мюнхенскому пакту, но заявляет, что он принял участие в этих переговорах лишь для того, чтобы убедить Гитлера приложить все усилия к тому, чтобы разрешить эти вопросы мирным путем.

Преступная деятельность в Чехословакии

Фон Нейрат был назначен имперским протектором Богемии и Моравии. 18 марта 1939 года Богемия и Моравия были оккупированы вооруженными силами. Согласие Гаха, полученное под принуждением, не может быть рассмотрено как момент, оправдывающий оккупацию. В декрете Гитлера от 16 марта 1939 г., в котором он объявлял об учреждении протектората, говорилось, что эта новая территория «впредь принадлежит к территории Германской империи», что предполагало, что Чехословацкая республика прекратила свое существование.

Но это предположение также основывалось на концепции, заключавшейся в том, что Богемия и Моравия сохранят свой суверенитет при том условии, что этим не будут затронуты интересы Германии, требующие дальнейшего сохранения протектората. Вследствие этого, даже если полагать, что доктрина покорения может быть применена в отношении территорий, оккупированных в результате агрессии, Трибунал не считает, что этот декрет в действительности означал присоединение этих областей, которое было достаточным для применения этой доктрины. Оккупацию Богемии и Моравии поэтому следует рассматривать как военную оккупацию, предусмотренную правилами ведения войны. Хотя Чехословакия не была участником Гаагской конвенции 1907 года, правила ведения сухопутной войны, установленные этой Конвенцией, фиксировали существовавшие нормы международного права, и с того времени они вступили в силу.

В качестве имперского протектора фон Нейрат учредил администрацию в Богемии и Моравии, аналогичную той, которая существовала в Германии. Свободная пресса, политические партии и профсоюзы были ликвидированы. Все группы, которые могли выступить с оппозиционными взглядами, были объявлены вне закона. Чехословацкая промышленность была включена в систему германской военной промышленности и использовалась Германией в военных целях. Нацистская антисемитская политика и антисемитские законы были также введены в действие. Евреи были изгнаны с руководящих постов в правительстве и деловом мире.

В августе 1939 года фон Нейрат издал воззвание, содержавшее предупреждение относительно диверсионных актов, и заявил, что ответственность за все диверсионные акты будет возлагаться не только на отдельных исполнителей, но и на все чешское население. Когда началась война, 1 сентября 1939 г. 8000 известных чешских деятелей были арестованы полицией безопасности в Богемии и Моравии и помещены в превентивное заключение. Многие из этой группы умерли в концентрационных лагерях в результате жестокого обращения. В октябре и ноябре 1939 года чехословацкие студенты провели ряд демонстраций. Следствием этого был приказ Гитлера о закрытии всех университетов, 1200 студентов были брошены в тюрьмы и 9 руководителей демонстраций были расстреляны полицией безопасности и СД.

Фон Нейрат показал, что он не был заранее информирован об этом приказе, но последний был объявлен в обращении за подписью Нейрата, и плакаты с этим обращением были расклеены

по всему протекторату, хотя, как он утверждает, это было сделано без его ведома.

31 августа 1939 г. фон Нейрат направил Ламмерсу подготовленный им меморандум по вопросам, связанным с будущностью протектората, и одобренный им меморандум по тому же вопросу, подготовленный Карлом Германом Франком. Оба рассматривали вопрос о германизации и высказывали мнение, что большинство чехов может быть ассимилировано в расовом отношении германской нацией.

Оба защищали необходимость ликвидации чехословацкой интеллигенции и других групп, которые могли бы в будущем оказать сопротивление германизации, причем фон Нейрат предлагал выслать их, а Франк — выслать или подвергнуть «специальному обращению».

Фон Нейрат утверждал, что фактическое применение репрессивных мер осуществлялось полицией безопасности и СД, которые находились под контролем его статс-секретаря Карла Германа Франка, назначенного на этот пост по предложению Гиммлера. Как высший руководитель СС и полиции Франк докладывал обо всем непосредственно Гиммлеру.

Далее фон Нейрат заявил, что антисемитские мероприятия и мероприятия, имевшие своим следствием экономическую эксплуатацию, проводились в протекторате в результате политики, продиктованной империей. Как бы то ни было, он являлся высшим германским должностным лицом в протекторате в то время, когда управление этой территорией играло важнейшую роль в агрессивных войнах, которые Германия вела на Востоке, причем он знал, что военные преступления и преступления против человечности совершались его именем.

Смягчающим вину обстоятельством должно быть признано то, что он вмешался в действия полиции безопасности и СД, требуя освобождения большого количества чехословаков[1], арестованных 1 сентября 1939 г., и освобождения студентов, арестованных в конце осени того же года. 23 сентября 1941 г. его вызвал Гитлер и сообщил, что он слишком либерален и что Гейдрих направляется в протекторат для борьбы с чехословацкими группами Сопротивления. Фон Нейрат пытался отговорить Гитлера от назначения Гейдриха, и когда ему это не удалось, он подал в отставку. Когда его отставка не была принята, он уехал в отпуск — 27 сентября 1941 г. и с этого дня отказался выполнять обязанности протектора. Его отставка формально была принята в августе 1943 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает фон Нейрата виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения.

Фриче

Фриче обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он был более всего известен как радиокомментатор, выступавший еженедельно с обзором текущих событий в своей собственной передаче «Ганс Фриче гово-

---

[1] Так в тексте. Имеются в виду чехи и словаки. — **Прим. сост.**

рит». Он начал выступать по радио с сентября 1932 года; в том же году он был назначен руководителем отдела известий по радио, представлявшего собой государственное имперское агентство. Когда 1 мая 1933 г. это агентство было включено национал-социалистами в имперское министерство народного просвещения и пропаганды, Фриче стал членом нацистской партии и перешел в вышеупомянутое министерство. В декабре 1938 года он стал возглавлять отдел внутренней прессы этого министерства; в октябре 1942 года он получил чин министериаль-директора. Прослужив недолгое время на восточном фронте в роте пропаганды, он в ноябре 1942 года был назначен главой отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченным по политической организации германского радиовещания.

Преступления против мира

В качестве главы отдела внутренней прессы Фриче возглавил всю германскую прессу, насчитывавшую 2300 ежедневных газет. В его обязанности на этом посту входило проведение ежедневных пресс-конференций для передачи этим газетам директив министерства пропаганды. Однако он подчинялся Дитриху, руководителю имперской прессы, который, в свою очередь, подчинялся Геббельсу. Именно Дитрих получал от Геббельса и других имперских министров директивы, предназначенные для прессы, излагал их в виде инструкций и затем передавал Фриче для информации прессы.

Время от времени «ежедневные информации главы имперской прессы», как кратко назывался этот инструктаж, давали указания прессе осветить в газетах вопросы, как, например, о принципе фюрерства, еврейскую проблему, проблему «жизненного пространства» и другие основные вопросы нацистской идеологии. Перед каждым большим актом агрессии проводилась энергичная пропагандистская кампания. В то время, когда Фриче возглавлял отдел внутренней прессы, он инструктировал представителей печати по поводу того, каким образом следует интерпретировать в печати операции и войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза. Фриче не осуществлял никакого контроля над формулированием этой политики и пропаганды, он являлся лишь передатчиком в прессу тех инструкций, которые ему давал Дитрих.

Так, например, в феврале 1939 года и перед присоединением Богемии и Моравии он получил от Дитриха приказ обратить внимание печати на попытки Словакии добиться автономии, на антигерманскую ориентацию и политику существовавшего в то время пражского правительства. Этот приказ Дитриха исходил из министерства иностранных дел.

Отдел радиовещания, который Фриче возглавил в ноябре 1942 года, был одним из 12 отделов министерства пропаганды. В первое время Дитрих и другие начальники отделов оказывали влияние на политику, проводившуюся по радиовещанию. Однако к концу войны Фриче стал единственным лицом в министерстве, ведавшим радиовещанием. В качестве такового он составлял и издавал ежедневные «информации» по радиовещанию для всех имперских управлений пропаганды; эти «информации» составлялись в соответствии с общим политическим курсом нацистского режима, на основании указаний отдела политического контроля над радиовещанием министерства иностранных дел и подлежали лишь личному контролю Геббельса.

Фриче вместе с другими чиновниками министерства пропаганды присутствовал на ежедневных совещаниях у Геббельса. На этих совещаниях они получали указания по вопросам текущих событий и линии пропаганды. После 1943 года Фриче сам иногда проводил эти совещания, но делал это лишь в тех случаях, когда Геббельс и его заместители отсутствовали. Но даже в подобных случаях его единственная задача заключалась в передаче директив Геббельса, которые сообщались ему по телефону.

Таковы краткие данные относительно положения Фриче и того влияния, которым он пользовался в «третьей империи». Ему не удалось достигнуть положения, достаточно значительного для того, чтобы присутствовать на совещаниях, на которых обсуждались планы, приведшие к агрессивной войне; в действительности, согласно его собственным показаниям, которые не были опровергнуты, он даже никогда не разговаривал с Гитлером. Не имеется также никаких доказательств, свидетельствующих о том, что его информировали о решениях, принимаемых на этих совещаниях. Его деятельность не может быть отнесена по своему характеру к деятельности, которая подходит под определение общего плана для ведения агрессивной войны, как уже было сказано в настоящем приговоре.

Военные преступления и преступления против человечности

Обвинение утверждает, что Фриче подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели его к совершению зверств, указанных в разделах третьем и четвертом. Однако его положение и официальная должность не были достаточно значительными для того, чтобы можно было прийти к заключению, что он принимал участие в организации или разработке планов пропагандистских кампаний.

Выдержки из его речей, представленные в качестве доказательства, с определенностью указывают на антисемитизм в его речах. Он заявлял по радио, например, что война была вызвана евреями и что их судьба оказалась «такой неприглядной, как это предсказывал фюрер». Однако эти речи не призывали к преследованию или истреблению евреев. Нет доказательств того, что ему было известно об истреблении евреев на Востоке. Более того, имеющиеся доказательства показывают, что он дважды пытался добиться запрещения издания антисемитской газеты «Дер штюрмер», что ему, однако, не удалось.

В своих передачах по радио Фриче иногда распространял ложную информацию, однако не было доказано, что он знал о ее недостоверности. Например, он сообщил, что в районе местонахождения «Атении» в то время, когда судно было потоплено, не находилось ни одной немецкой подводной лодки. Эта информация не соответствовала действительности, однако у Фриче, получившего ее от германского военно-морского флота, не было оснований считать ее ложной.

Есть данные, что Фриче иногда во время своих выступлений по радио делал решительные заявления, носившие пропагандистский характер. Однако Трибунал не намерен считать, что они были направлены к тому, чтобы побудить немецкий народ к совершению зверств над побежденными народами, и поэтому Фриче не может быть признан участником тех преступлений, в

которых он обвиняется. Он скорее ставил своей целью возбудить у народа стремление оказывать поддержку Гитлеру и германским военным усилиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает Фриче невиновным в преступлениях, предъявленных ему Обвинительным заключением, и предлагает коменданту Суда освободить его из-под стражи после окончания настоящего заседания Трибунала.

Борман

Борман обвиняется по разделам первому, третьему и четвертому Обвинительного заключения. Он вступил в национал-социалистскую партию в 1925 году. С 1928 по 1930 год он являлся членом штаба высшего руководства СА и с 1933 года по 1945 год возглавлял фонд помощи партии и был рейхслейтером. С 1933 года по 1941 год он являлся начальником штаба в управлении заместителя фюрера, а после отлета Гесса в Англию 12 мая 1941 г. он стал главой партийной канцелярии, 12 апреля 1943 г. стал секретарем фюрера. Он политически и организационно руководил фольксштурмом и был генералом СС.

Преступления против мира

Борман вначале не был видным нацистом, постепенно достиг власти и, особенно в последние дни, достиг большого влияния на Гитлера. Он принимал активное участие в приходе партии к власти и особенно в укреплении гитлеровской власти. Он уделял много времени преследованию церкви и евреев в Германии.

Нет доказательств того, что Борман знал о планах Гитлера по подготовке, развязыванию или ведению агрессивных войн. Он не присутствовал ни на одном из важнейших совещаний, где Гитлер последовательно развивал свои планы агрессии. И нельзя предполагать, что то положение, которое он занимал, давало ему возможность быть осведомленным об этих планах. И только тогда, когда он стал главой партийной канцелярии в 1941 году и позднее, в 1943 году, секретарем фюрера, он стал присутствовать на многих совещаниях, проводившихся Гитлером, куда он получил нужный для этого доступ благодаря занимаемому им положению. Согласно уже изложенной точке зрения, которой решил придерживаться Трибунал в отношении заговора для ведения агрессивной войны, представленных доказательств недостаточно для того, чтобы признать Бормана виновным по первому разделу Обвинительного заключения.

Военные преступления и преступления против человечности

Борман согласно декрету от 29 мая 1941 г. принял должность и полномочия Гесса; декретом от 24 января 1942 г. эти полномочия были расширены, и он получил право контроля над исполнением всех законов и директив, издававшихся Гитлером. Таким образом, он нес ответственность за законы и приказы, издававшиеся с этого момента. 1 декабря 1942 г. все гау были преобразованы в районы имперской обороны и гаулейтеры партии, подчинявшиеся Борману, были назначены комиссарами имперской обороны. В результате они фактически возглавили военные усилия всего граж-

данского населения. Так было не только в Германии, но и на тех территориях, которые были включены в состав империи из захваченных и побежденных территорий.

Посредством этого механизма Борман осуществлял безжалостную эксплуатацию покоренного населения. Своим приказом от 12 августа 1942 г. он подчинил все партийные агентства делу выполнения проводившейся Гиммлером программы принудительного переселения и германизации населения оккупированных стран. Через три недели после вторжения в Советский Союз он присутствовал на совещании 16 июля 1941 г. в полевом штабе Гитлера, где также присутствовали Геринг, Розенберг и Кейтель; согласно отчету Бормана, там обсуждались и развивались подробные планы порабощения и уничтожения населения этих территорий. 8 мая 1942 г. он совещался с Гитлером и Розенбергом по вопросу о принудительном переселении голландцев в Латвию, а также о проведении в Советском Союзе программы уничтожения и об экономической эксплуатации восточных территорий. Он был заинтересован в конфискации предметов искусства и другой собственности на Востоке. В письме от 11 января 1944 г. он призывал к созданию огромной организации по вывозу товаров с оккупированных территорий для германского населения, пострадавшего от бомбардировок.

Борман развил чрезвычайно активную деятельность по преследованию евреев не только в Германии, но и в завоеванных и побежденных странах. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к вывозу 60 000 евреев из Вены в Польшу, в сотрудничестве с СС и гестапо. Он подписал декрет от 31 мая 1941 г., который распространял «нюрнбергские законы» на аннексированные восточные территории. В приказе от 9 октября 1942 г. он заявил, что проблема окончательного устранения евреев с территории Великой Германии не может больше разрешаться путем эмиграции, а лишь путем применения «грубой силы» в специальных лагерях на Востоке. 1 июля 1943 г. он подписал указ, лишавший евреев защиты судов и передававший их исключительно в ведение гиммлеровского гестапо.

Борман сыграл видную роль в программе рабского труда. Партийные руководители осуществляли надзор над рабским трудом в своих гау, включая наем рабочих, условия их труда, питание и расквартирование. В своем циркуляре от 5 мая 1943 г. по корпусу руководителей, разосланном до ортсгруппенлейтеров включительно, он дал инструкции об обращении с иностранными рабочими, указывая на то, что по вопросам безопасности они находились в ведении СС, и приказывал прекратить существовавшее до этого жестокое обращение с ними. Отчет от 4 сентября 1942 г. в отношении вывоза с Востока в Германию 500 000 женщин для работы в частных хозяйствах показывает, что контроль должен был осуществляться Заукелем, Гиммлером и Борманом. Декретом от 8 сентября Заукель дал указание крейслейтерам осуществлять надзор над распределением и назначением этих женщин на работу.

Борман также издал целый ряд приказов партийным руководителям относительно обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. он запретил хоронить русских военнопленных достойным образом. 25 ноября 1943 г. он дал указание гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. он приказал крейслейтерам установить связь с комендантами лагерей по вопросу использования военнопленных для принудительного труда. 29 января 1943 г. он передал подчиненным ему руководителям инструкции ОКВ, в которых разрешалось

применение огнестрельного оружия и телесных наказаний к провинившимся военнопленным в нарушение правил ведения войны на суше. 30 сентября 1944 г. он подписал декрет, по которому военнопленные изымались из-под юрисдикции ОКВ и передавались в ведение Гиммлера и СС.

Борман несет ответственность за линчевание союзных летчиков. 30 мая 1944 г. он запретил полиции предпринимать какие-либо меры или возбуждать уголовное преследование против лиц, которые принимали участие в линчевании союзных летчиков. Это сопровождалось пропагандистской кампанией Геббельса, подстрекавшей немецкий народ к действиям подобного рода. Борман также присутствовал на совещании 6 июня 1944 г., где обсуждались положения о применении линчевания.

Его защитник, которому пришлось столкнуться с рядом трудностей, не смог опровергнуть эти доказательства. Перед лицом документов, на которых имеется подпись Бормана, трудно представить себе, как бы он мог сделать это, если бы даже подсудимый присутствовал на Суде. Защитник выдвигал довод о том, что Бормана нет в живых и что Трибунал не должен прибегать к статье 12 Устава, которая дает право судебного преследования в отсутствие подсудимого. Но доказательства о смерти не являются убедительными, и Трибунал, как это уже отмечалось ранее, решил судить его заочно. Если Борман жив и будет арестован впоследствии, Контрольный Совет в Германии, согласно статье 29 Устава, может рассмотреть любые смягчающие обстоятельства и изменить или ослабить вынесенный ему приговор, если он это найдет нужным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал не признает Бормана виновным по первому разделу, но признает его виновным по третьему и четвертому разделам Обвинительного заключения.

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым признаны виновными подсудимые, и на основании ст. 27 Устава Международный военный трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

1. Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение.
2. Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению.
3. Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение.
4. Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение.
5. Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение.
6. Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение.
7. Ганса Франка — к смертной казни через повешение.
8. Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение.
9. Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение.

10. Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению.

11. Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет.

12. Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению.

13. Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.

14. Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение.

15. Альфреда Иодля — к смертной казни через повешение.

16. Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение.

17. Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет.

18. Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет.

19. Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение 4-х дней после оглашения приговора через Генерального секретаря Трибунала.

Приговор составлен в 4-х экземплярах — на русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного трибунала:	Их заместители:
От Великобритании — Председательствующий	
Джеффри ЛОРЕНС	Норман БИРКЕТТ
От Союза Советских Социалистических Республик	
Иона НИКИТЧЕНКО	Александр ВОЛЧКОВ
От Соединенных Штатов Америки	
Фрэнсис БИДДЛ	Джон ПАРКЕР
От Французской Республики	
Анри ДОННЕДЬЕ де ВАБР	Робер ФАЛЬКО

Нюрнберг, 1 октября 1946 г.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

ЧЛЕНА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ОТ СССР ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ЮСТИЦИИ И.Т. НИКИТЧЕНКО НА ПРИГОВОР В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМЫХ ШАХТА, фон ПАПЕНА, ФРИЧЕ И ГЕССА И ОБВИНЯЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КАБИНЕТ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ [1].

Трибунал принял решение:

а) об оправдании подсудимых Гельмара Шахта, Франца фон Папена и Ганса Фриче;

б) о применении пожизненного заключения в отношении подсудимого Рудольфа Гесса и

в) об отказе в признании преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил.

В этой части с решением Трибунала я не могу согласиться, так как оно не соответствует фактической стороне дела и покоится на неправильных выводах.

I. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ШАХТА

Доказательства, представленные Трибуналу в отношении подсудимого Шахта, подтверждают следующие факты:

а) Шахт установил контакт с Герингом с декабря 1930 года и с Гитлером — с начала 1931 года. Затем он установил контакт между руководством нацистской партии и крупнейшими представителями германского промышленного и финансового мира. Это, в частности, подтверждается показаниями свидетеля Зеверинга (стенограмма вечернего заседания от 21 мая 1946 г. и документ США-615).

б) В июле 1932 года Шахт потребовал от Папена, чтобы тот уступил пост рейхсканцлера Гитлеру. Этот факт подтверждается показаниями Папена во время предварительного допроса и показаниями Шахта на Суде (стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г.).

---

[1] После оглашения приговора председательствующий сделал следующее объявление: «Член Трибунала от Союза Советских Социалистических Республик желает занести в протокол свое несогласие с решением Трибунала по делам подсудимых Шахта, фон Папена и Фриче. Он придерживается мнения, что они должны быть осуждены, а не оправданы. Он также не согласен с решением в отношении имперского кабинета, генерального штаба и верховного командования, придерживаясь мнения, что они должны быть объявлены преступными организациями. Он также не согласен с решением о мере наказания в отношении подсудимого Гесса и считает, что Гесс должен быть приговорен к смертной казни, а не к пожизненному заключению.

Это особое мнение будет изложено в письменном виде и приобщено к приговору. Оно будет опубликовано, как только это станет возможным» (из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 1 октября 1946 г.).

в) В ноябре 1932 года Шахт собирал подписи германских промышленников, побуждая их выступить за назначение Гитлера рейхсканцлером. 12 ноября 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Я не сомневаюсь в том, что развитие нами событий может привести только к вашему назначению рейхсканцлером. Мы стремимся собрать большое число подписей в промышленных кругах, чтобы обеспечить ваше назначение на этот пост» (документы ЕС-456, США-773; ПС-3901, США-837).

г) В феврале 1933 года Шахт организовал финансирование предвыборной кампании, проводившейся нацистской партией, потребовал на совещании Гитлера и Геринга с промышленниками, чтобы последние предоставили для этого 3 миллиона марок (документ Д-203). Шахт признал на Суде, что он указал на необходимость предоставления этой суммы нацистским руководителям (стенограмма вечернего заседания 3 мая 1946 г.), а подсудимый Функ и бывший член правления «И.Г. Фарбениндустри» Шницлер, участвовавшие в этом совещании, подтвердили, что именно Шахт являлся инициатором финансирования предвыборной кампании (стенограмма заседания от 4 июля 1946 г. и документ ЕС-439, США-618).

д) Используя свой престиж, Шахт, как он сам признал в своих неоднократных публичных выступлениях, призывал оказывать поддержку нацистской партии и Гитлеру на выборах (документы США-615, США-616, стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г.).

29 августа 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела меня в близком будущем, даже если Вы меня когда-нибудь увидите в крепости, Вы всегда можете надеяться на меня, как на надежного помощника» (документ ЕС-457, США-619).

Таким образом, Шахт сознательно и преднамеренно поддерживал нацистскую партию и активно содействовал захвату фашистами власти в Германии.

Еще до назначения на пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики Шахт сразу же после захвата нацистами власти возглавил руководство по планированию и созданию германских вооружений:

а) 17 марта 1933 г. Шахт был назначен президентом рейхсбанка (документ ПС-3021, США-11), который, как он сам заявил в речи перед сотрудниками рейхсбанка 21 марта 1938 г., не был под его руководством «иным учреждением, нежели национал-социалистским» (стенограмма вечернего заседания от 3 мая 1946 г.).

б) В августе 1934 года Шахт был назначен имперским министром экономики (документ ПС-3021, США-11). Его министерство «получило задание проводить экономическую подготовку к войне» (документ ЕС-128, США-623). Специальным декретом Шахту как министру экономики были предоставлены неограниченные полномочия в области экономики («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, страница 565).

в) Используя полученные полномочия, Шахт приступил в 1934 году к осуществлению разработанного им «нового плана» («Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1, страница 826), который, как отметил сам Шахт в своей речи 29 ноября 1938 г., сыграл колоссальную роль в деле вооружения Германии (документ ЕС-611, США-622).

г) В целях наиболее эффективного проведения «нового плана» Шахт использовал средства политических противников на-

цистского режима, которые явились жертвой террора или же были вынуждены эмигрировать (меморандум Шахта Гитлеру от 3 мая 1939 г. — документ ПС-1168, США-137).

Шахт прибегал к мошенническим операциям и принуждению «в целях приобретения сырья и иностранной валюты для вооружения» (письменные показания вице-президента рейхсбанка Пуля — документ ЕС-437, США-624).

д) С первых же дней после своего прихода в рейхсбанк Шахт издал серию декретов (от 27 октября 1933 г., 23 марта 1934 г., 19 февраля 1935 г.), позволивших в дальнейшем осуществить широкую программу финансирования вооружения, которая им была разработана и с помощью которой, как он показал, он «нашел путь для финансирования вооружения».

В своей речи в Лейпциге 4 марта 1935 г. Шахт, подводя итоги своей предшествующей экономической и финансовой деятельности, заявил: «...Все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера, и я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера» (стенограмма вечернего заседания от 3 мая 1946 г., страницы 1—2).

Став генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, Шахт объединил в своих руках руководство всей германской экономикой, и его усилиями было обеспечено создание гитлеровской военной машины:

а) В секретном законе от 21 мая 1935 г., которым Шахт был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, указывалось: «Задача генерального уполномоченного по вопросам военной экономики заключается в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войны». «Генеральному уполномоченному по вопросам военной экономики в пределах его компетенции предоставляется право издавать правовые распоряжения, которые могут отступать от действующих законов». «Он ответственно возглавляет финансирование войны и по линии имперского министерства и рейхсбанка» (документ ПС-2261, США-24).

б) Шахт финансировал вооружения с помощью системы векселей «МЕФО», являвшейся не имеющей прецедента мошеннической авантюрой в государственном масштабе, благоприятный исход которой зависел от реализации агрессивных планов гитлеровской Германии. Именно поэтому Шахт указал на 1942 год как на срок покрытия векселей «МЕФО» и отметил в речи 29 ноября 1938 г. связь между «смелой кредитной политикой» рейхсбанка и целями гитлеровской внешней политики (документ ЕС-611, США-622).

в) Полностью использовав свои полномочия, Шахт тщательно разработал и проводил в жизнь широкий план экономической мобилизации, позволявшей гитлеровским руководителям в любой момент, который они сочтут благоприятным, развязать агрессивную войну. В частности, из доклада заместителя Шахта Вольтата «Подготовка к мобилизации, проводимая уполномоченным по вопросам военной экономики» явствует, что Шахт предусмотрел до мельчайших подробностей систему эксплуатации германской экономики в военное время, начиная с использования промышленных предприятий, сырьевых ресурсов и рабочей силы и кончая распределением 80 миллионов продуктовых карточек (документ ЕС-258, США-625). Показательно, что этот доклад был составлен месяц спустя после выступления Гитлера на совещании 5 ноября 1937 г., на котором Гитлер изложил конкретные планы агрессии (документ ПС-386, США-25).

Резюмируя проделанную работу, Шахт писал в январе 1937 года: «Я занимался подготовкой в военном отношении в со-

ответствии с тем принципом, что наша военная экономическая организация должна быть построена таким образом в мирное время... чтобы не было необходимости в каких-либо преобразованиях в случае развязывания войны». Шахт подтвердил это заявление на Суде (стенограмма заседания от 2 мая 1946 г.).

Шахт сознательно и преднамеренно готовил Германию к войне.

г) Бывший военный министр фон Бломберг показал: «Шахт знал очень хорошо о планах развития и увеличения германских вооруженных сил, так как ему постоянно сообщали... обо всем финансировании германских вооруженных сил» (документ США-838).

31 августа 1936 г. фон Бломберг сообщил Шахту, что «создание всех авиационных частей должно быть закончено к 1 апреля 1937 г., поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты...» (документ ПС-1301, США-123).

Весной 1937 года Шахт принимал участие в военной игре в Годесберге (документ ЕС-174).

д) В меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. под названием «Финансирование вооружений» Шахт писал: «Быстрое выполнение программы вооружения в массовых масштабах представляет собой основу германской политики, и поэтому все остальное должно быть подчинено именно этой задаче; завершение этой задачи, достижение этой цели не должно иметь никаких препятствий...» (документ ПС-1168, США-37).

В своей речи 29 ноября 1938 г. Шахт заявил, что политика рейхсбанка позволила Германии создать «непревзойденную машину, а эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение цели нашей политики» (документ ЕС-611, США-622).

Следует совершенно исключить предположение, что Шахт не был осведомлен, какой политике должны служить эти вооружения, учитывая их беспрецедентные масштабы и явное предпочтение наступательным видам вооружения (тяжелые танки, бомбардировщики и т.п.). Помимо этого, Шахт прекрасно видел, что ни одна страна не собирается воевать с Германией и не имеет к этому причин:

а) Шахт использовал растущую под его руководством германскую военную мощь как предпосылку для того, чтобы выдвигать территориальные требования, которые возрастали пропорционально увеличению вооружений.

Шахт показал на Суде, что «сначала ограничивался (в своих требованиях) колониями, ранее принадлежавшими Германии» (стенограмма утреннего заседания от 3 мая 1946 г.).

В сентябре 1934 года Шахт в беседе с американским послом Доддом указал, что «желает аннексий, если возможно, без войны, и с войной, если США будут держаться в стороне» (документ ЕС-461, США-58).

В 1935 году Шахт заявил американскому консулу Фуллеру: «Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы их приобретем путем переговоров, если нет, мы их захватим» (документ ЕС-450, США-629).

Шахт показал на Суде, что оказание военного давления на Чехословакию было «в некотором отношении результатом, плодом его работы» (стенограмма утреннего заседания от 3 мая 1946 г.).

б) Шахт лично участвовал в разграблении частной и государственной собственности стран, явившихся жертвой гитлеровских агрессий.

В протоколе совещания военно-экономического штаба от 11 марта 1938 г., в котором участвовал Шахт, сказано, что собравшимся были сообщены последние директивы Гитлера о вторжении в Австрию. Далее в протоколе говорится: «После этого по предложению Шахта было решено, что... все финансовые расчеты будут производиться в рейхсмарках по курсу: два шиллинга за одну рейхсмарку» (документ ЕС-421, США-645).

Шахт признал на Суде, что лично руководил захватом Чехословацкого национального банка после того, как Чехословакия была оккупирована (стенограмма утреннего заседания от 3 мая 1946 г.).

в) В начале 1940 года Шахт предложил Гитлеру свои услуги для ведения переговоров в Соединенных Штатах Америки о прекращении помощи Англии, о чем он сообщил Герингу (документ ПС-3700, США-780).

г) Шахт счел своим долгом публично приветствовать и поздравить Гитлера после подписания им перемирия с Францией, хотя захватническая сущность этого перемирия была ясна Шахту в большей степени, чем кому-либо другому (немецкий документальный фильм — документ США-635).

д) В письме к Функу от 17 октября 1941 г. Шахт высказал предложение о более эффективной эксплуатации оккупированной территории. И в данном случае Шахт действовал по собственной инициативе (документ ЕС-504, США-830).

Шахт принимал участие в преследовании евреев:

а) Шахт показал на Суде, что он «в принципе продолжал политику преследования евреев» (стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г.), хотя, как заявил Шахт, в этом «в некоторой степени» был замешан вопрос совести, что, однако, «не было настолько серьезным, чтобы вызвать разрыв» между ним и фашистами (та же стенограмма и документ США-616).

б) Шахтом в качестве министра экономики был подписан ряд декретов, в соответствии с которыми имущество евреев в Германии было подвергнуто безнаказанному разграблению (документы США-832 и США-616). Шахт подтвердил на Суде, что им был подписан ряд антисемитских декретов (стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г.).

О причинах ухода Шахта с поста министра экономики и генерального уполномоченного военной экономики в ноябре 1937 года, а также с поста президента рейхсбанка 20 января 1939 г. и с поста министра без портфеля в январе 1943 года предъявленные Суду доказательства устанавливают следующее:

а) Этой причиной не являлось несогласие Шахта с экономической подготовкой к агрессивным войнам.

За три недели до своего ухода из министерства экономики и с поста генерального уполномоченного военной экономики Шахт писал Герингу: «...Я также не считаю, что мое мнение может расходиться с вашей экономической политикой» (документ ЕС-497, США-775).

В ответном письме Геринга говорится: «...Вы обещали мне Вашу поддержку и сотрудничество... Вы много раз повторяли это обещание, даже после того, как между нами возникли первые разногласия во мнениях» (документ ЕС-493, США-642).

Шахт показал на Суде, что между ним и Герингом существовало «расхождение в ведении дел» (стенограмма утреннего заседания от 3 мая 1946 г.).

Во время предварительного допроса Геринг показал, что уход Шахта из рейхсбанка «не имел никакого отношения к программе перевооружения» (документ США-648).

Вице-президент рейхсбанка Пуль подтвердил, что уход Шахта из рейхсбанка объясняется «желанием выпутаться из опасного положения», которое создалось у Шахта «в результате проведения им мошеннических финансовых операций» (документ ЕС-438, США-646).

б) Этой причиной не являлось несогласие Шахта с массовым террором, осуществлявшимся гитлеровцами.

Свидетель защиты Гизевиус показал, что он постоянно информировал Шахта о преступной деятельности гестапо, которое было создано Герингом, и тем не менее вплоть до конца 1936 года Шахт «искал поддержку Геринга» (стенограмма утреннего заседания от 26 апреля 1946 г.).

В письме к фон Бломбергу от 24 декабря 1935 г. Шахт предлагал, чтобы гестапо применяло «более осторожные методы», так как открытый террор гестапо «мешает цели, которая заключается в вооружении» (стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г.).

30 января 1937 г. Шахт был награжден Гитлером золотым партийным значком (документ ЕС-500 и стенограмма вечернего заседания от 2 мая 1946 г., страница 44). Как говорилось об этом в германском официальном издании, «он смог помогать ей (партии) гораздо лучше, чем если бы он был официальным членом партии» (документ ЕС-460, США-617).

Только в 1943 году Шахт, поняв ранее, чем многие другие немцы, неизбежность краха гитлеровского режима, установил связь с оппозиционными кругами, ничего, однако, не сделав для свержения этого режима. Не случайно поэтому Гитлер, узнав об этих связях, сохранил Шахту жизнь.

Таким образом, бесспорно установлено: 1) Шахт активно содействовал захвату власти нацистами; 2) Шахт на протяжении 12 лет тесно сотрудничал с Гитлером; 3) Шахт обеспечил экономическую и финансовую базу для создания гитлеровской военной машины; 4) Шахт подготовил экономику Германии для ведения агрессивных войн; 5) Шахт принимал участие в преследовании евреев и в разграблении оккупированных немцами территорий.

Следовательно, доказана руководящая роль Шахта в подготовке и осуществлении общего преступного плана.

Решение об оправдании Шахта находится в явном противоречии с имеющимися доказательствами.

II. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО фон ПАПЕНА

В приговоре не оспаривается то обстоятельство, что фон Папен проложил Гитлеру путь на пост рейхсканцлера и активно способствовал захвату власти нацистами.

Сам Папен в речи, произнесенной 2 ноября 1933 г., по этому поводу заявил:

«Так же, как, став канцлером (это было в 1932 году), я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же, как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко

мне доверие: милостивый бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя» (документ ПС-3375).

Папен отменил декрет Брюнинга о роспуске СС и СА и тем самым предоставил нацистам возможность осуществлять массовый террор (документ Д-631).

Подсудимый путем применения грубой силы устранил социал-демократическое правительство Брауна — Зеверинга (показания Зеверинга, стенограмма вечернего заседания от 21 мая 1946 г., страница 11).

4 января 1933 г. Папен совещался с Гитлером, Гессом и Гиммлером (документ Д-632).

Папен принял участие в чистке государственного аппарата от всех «неблагонадежных», с точки зрения нацистов, чиновников, подписал 21 марта 1933 г. декрет о создании особых судов по политическим делам, подписал декрет об амнистии всех лиц, совершивших уголовные преступления в ходе «национальной революции», участвовал в разработке декрета «об обеспечении единства партии и государства» и т. д.

В последующем Папен преданно служил гитлеровскому режиму.

После путча 1934 года Папен приказал своему сотруднику Чирскому явиться в гестапо, заведомо зная, какая участь его ожидает (документ Д-684). Папен способствовал тому, что кровавая расправа была сохранена в тайне от общественного мнения (документ Д-717 и Д-718).

Подсудимый сыграл огромную роль в реализации гитлеровских планов по захвату Австрии.

Спустя три недели после убийства Дольфуса 26 июля 1934 г. Гитлер сообщил Папену о назначении его посланником в Вену, специально отметив в письме: «Вы обладали и продолжаете обладать моим полным и неограниченным доверием» (документ ПС-2799).

В этой связи нельзя игнорировать показания американского посла Мессерсмита о высказываниях Папена по поводу того, что «захват контроля над Австрией является первым шагом» и что он, Папен, находится в Австрии для того, чтобы «ослабить австрийское правительство» (документ США-57).

Подсудимый был основным советником Гитлера в реализации планов захвата Австрии. Именно он предлагал различные тактические приемы, которые должны были, с одной стороны, усыпить бдительность мирового общественного мнения, а с другой — дать возможность Германии завершить военные приготовления. Это с бесспорностью вытекает из заявления Папена австрийскому министру Бергер-Вальденеггу (документ ПС-1760), доклада гаулейтера Рейнера от 6 июля 1939 г. (документ США- 61), доклада Папена Гитлеру от 21 августа 1936 г. (документ Д-706), доклада Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 г. (документ ПС-2246, США-67) и ряда других документов, представленных в качестве доказательств.

Папен вел эту игру до тех пор, пока не был отдан приказ о подготовке германских вооруженных сил к вторжению в Австрию (документ США-69). Он принял участие в созыве совещания Гитлера с Шушнигом 12 февраля 1938 г. (документ США-69).

Папен в письме к Гитлеру настоятельно рекомендовал оказать финансовую поддержку австрийской нацистской организации

«Союз свободы», особенно «в связи с продолжением ее борьбы против еврейства» (документ ПС-2830).

Неоспоримым является факт захвата нацистами Австрии и бесспорным является участие Папена в осуществлении этого акта агрессии. После захвата Австрии Гитлер наградил Папена золотым значком нацистской партии (документ Д-632).

При оценке деятельности Папена на посту германского посла в Турции нельзя не принять во внимание провокационную деятельность Папена как дипломата. В то время пост посла в Турции имел большое значение для осуществления гитлеровских планов агрессии.

Официальный нацистский биограф писал о Папене: «Вскоре (после захвата Австрии) фюреру снова понадобились его (Папена) услуги, и 18 апреля 1939 г. он назначил фон Папена германским послом в Анкаре» (документ Д-632).

Следует отметить, что за свою деятельность в Турции Папен был награжден Гитлером «рыцарским крестом» за «боевые заслуги» (документ Д-632).

Таким образом, имеющиеся доказательства бесспорно устанавливают:

1) Папен весьма активно способствовал захвату власти нацистами;

2) Папен использовал все свои силы и связи для установления и укрепления гитлеровского террористического режима в Германии;

3) Папен принимал активное участие в осуществлении агрессивных планов гитлеровцев по захвату Австрии;

4) Папен верно служил Гитлеру до самого конца, используя свои силы и дипломатическую изворотливость для осуществления нацистских агрессивных планов.

Следовательно, на подсудимого фон Папена ложится весьма большая доля ответственности за преступления гитлеровского режима.

По этим мотивам я не могу согласиться с оправдательным приговором в отношении подсудимого фон Папена.

III. НЕОБОСНОВАННОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ

Оправдательный приговор в отношении подсудимого Ганса Фриче исходит из того, что Фриче якобы не достиг в фашистской Германии служебного положения, делающего его ответственным за преступления гитлеровского режима, а его непосредственная деятельность не является преступной. Он характеризуется в приговоре как второстепенная фигура, осуществлявшая директивы Геббельса, Риббентропа и имперского руководителя прессы Дитриха.

При этом упускается из виду, что именно Фриче был тем человеком, который до 1942 года практически осуществлял руководство имперской прессой, а с 1942 года стал, по его собственному выражению, «главнокомандующим германским радио» (стенограмма утреннего заседания от 23 января 1946 г.).

Для правильного уяснения роли подсудимого Ганса Фриче необходимо исходить из того, что служба пропаганды вообще и в особенности служба радиопропаганды всегда расценивались Гитлером и его ближайшими сподвижниками (например, Герингом) как один из важнейших и основных факторов ведения агрессивной войны.

В гитлеровской Германии пропаганда неизменно являлась весьма важным орудием подготовки и проведения актов агрессии и воспитания послушных исполнителей преступных планов германского фашизма.

Этим целям служил очень большой, строго централизованный пропагандистский аппарат. С помощью полицейской системы и цензуры были полностью упразднены свобода печати и слова.

Основным средством пропагандистской деятельности гитлеровцев являлось ложное освещение фактов. Это весьма откровенно высказано Гитлером в «Майн кампф»: «При помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай» (документ США-276, страница 302).

Распространение провокационных измышлений и систематический обман общественного мнения были необходимы гитлеровскому режиму для осуществления его замыслов в такой же степени, как производство вооружения и разработка военных планов. Без пропаганды, основанной на полном упразднении свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы претворить в жизнь планы агрессии, подготовить и осуществить массовые военные преступления и преступления против человечности.

В пропагандистской системе гитлеровского государства наиболее важными элементами являлись ежедневная печать и радио.

В показаниях на Суде, определяя три фактора, обусловливающие возможность успешного ведения войны, подсудимый Геринг выделял: 1) собственно военные усилия вооруженных сил, 2) экономическую войну и 3) пропаганду, причем говорил: «Пропаганда имеет очень большое значение, в особенности пропаганда, которая ведется по радио.., и Германия по опыту это знает лучше, чем кто-либо другой» (стенограмма вечернего заседания от 15 марта 1946 г., страница 56).

При таком положении нельзя предположить, что высшее имперское руководство считало возможным поставить второстепенного человека на пост руководителя радиослужбы, осуществлявшего надзор за работой всех радиовещательных компаний и оперативное руководство пропагандистской деятельностью этих компаний.

Подобная точка зрения противоречит представленным доказательствам и фактическому положению вещей.

Начиная с 1942 года по 1945 год Фриче был не только главой отдела радио в имперском министерстве пропаганды, но и «уполномоченным по политической организации радио Великой Германии». Это обстоятельство вполне доказано письменными показаниями самого Фриче, данными под присягой (документ ПС-3469, США-721). Таким образом, Фриче являлся отнюдь не просто «одним из начальников двенадцати отделов министерства пропаганды», который только к концу войны приобрел роль лица, ответственного за имперское радиовещание, как это утверждает приговор.

Политическое руководство немецким радио оставалось за Фриче до 1945 года, то есть до момента разгрома и капитуляции фашистской Германии. Поэтому Фриче несет ответственность за лживую и провокационную деятельность германского радио в годы войны.

В качестве главы отдела прессы страны Фриче возглавил всю германскую прессу, включавшую 2300 газет, выходивших ежедневно. Он создал и значительно усовершенствовал отдел информации, добившись с этой целью от имперского руководства деся-

тикратного увеличения денежных субсидий, предоставляемых газетам нацистским правительством — с 400 тысяч до 4 миллионов марок. В последующем Фриче принял энергичное участие в развертывании пропагандистских кампаний, подготовлявших акты агрессии против Чехословакии и Польши (стенограмма утреннего заседания от 23 января 1946 г.). Столь же активная пропагандистская деятельность, подготовлявшая акты агрессии, была развернута Фриче перед нападением на Югославию, что также признано самим подсудимым в показаниях, данных под присягой (стенограмма утреннего заседания от 23 января 1946 г.).

Перед нападением на Советский Союз Фриче на совещании у Розенберга был предварительно осведомлен о планах военного вторжения (документ ПС-1039, США-146 — письменный отчет Розенберга Гитлеру по поводу подготовительной разработки восточноевропейских вопросов).

Фриче возглавил кампанию германской прессы по лживому освещению агрессивной войны Германии против Франции, Англии, Норвегии, Советского Союза, США и других государств.

Не соответствует действительности утверждение о том, что Фриче не был осведомлен о военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершавшихся гитлеровцами в оккупированных районах. Из показаний Фриче на Суде видно, что уже в мае 1942 года, в бытность его в отделе пропаганды 6-й армии, он был ознакомлен с приказом Гитлера об убийствах советских политических работников и интеллигенции, так называемым приказом о комиссарах (стенограмма вечернего заседания от 28 июня 1946 г.). Также установлено, что еще в начале войны Фриче был осведомлен об осуществлявшемся немецким фашизмом уничтожении евреев в Европе. Так, комментируя слова Гитлера: «Результатом войны явится уничтожение еврейской расы в Европе» (стенограмма вечернего заседания от 22 ноября 1945 г., страница 38), — Фриче заявил: «Судьба еврейства в Европе оказалась весьма печальной, как это и предсказывал фюрер на случай войны в Европе» (стенограмма утреннего заседания от 23 января 1946 г., страница 25). Установлено, что подсудимый систематически пропагандировал человеконенавистническую расовую теорию, характеризуя народы, населявшие страны, сделавшиеся жертвами агрессии, как «недочеловеков» (стенограмма утреннего заседания от 28 июня 1946 г., страница 83, вечернего — страницы 1—2).

В тот период, когда судьба фашистской Германии была уже предрешена, Фриче выступил с энергичной поддержкой подсудимого Мартина Бормана и других наиболее фанатичных гитлеровцев, организовавших подпольную террористическую организацию фашистской партии, так называемый «Вервольф».

Так, 7 апреля 1945 г. Фриче в своем последнем выступлении по радио проводил агитацию за активное участие гражданского населения Германии в этой подпольной террористической организации гитлеровцев.

Он заявил: «Пусть никто не удивляется, если кое-где в только что оккупированных районах в борьбе принимает участие гражданское население и даже после окончательного проведения оккупации продолжает вестись борьба людьми в гражданском платье. Если без подготовки и без организации из самого инстинкта жизни возникло это исключительное явление, — мы сегодня назовем его "Вервольф"» (документ СССР-496).

В своих выступлениях по радио Фриче приветствовал применение Германией новых террористических методов ведения войны, в частности применение ракетных снарядов «Фау». Получив пред-

ложение о введении в действие средств биологической войны, он немедленно направил его для реализации в ОКВ (документ СССР-484, доказательства, предъявленные на вечернем заседании от 28 июня 1946 г.).

Считаю виновность Фриче полностью доказанной. Его деятельность имела весьма существенное значение в подготовке и проведении агрессивных войн и других преступлений гитлеровского режима.

IV. О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОМУ РУДОЛЬФУ ГЕССУ

Приговор Суда дает правильную и полную характеристику того особого положения, которое занимал в системе руководства гитлеровской партии и государства подсудимый Рудольф Гесс. Он действительно был «ближайшим доверенным лицом Гитлера». Гессу были предоставлены исключительно большие полномочия. В этой связи достаточно указать на декрет Гитлера о назначении Гесса своим заместителем. Там было сказано: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства» (стенограмма вечернего заседания от 7 февраля 1946 г.).

Но компетенция Гесса отнюдь не ограничивалась вопросами партийного руководства.

В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник на 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает далеко идущими полномочиями в области государства. Этими полномочиями являются:

во-первых, участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, утверждает концепцию партии...

во-вторых, заместитель фюрера одобряет предполагаемые назначения официальных лиц и лидеров трудовой службы;

в-третьих, он обеспечивает влияние партии на самостоятельные правительства объединенных провинций» (документ США-255, ПС-3163).

Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера. Совершенные им преступления против мира достаточно полно отражены в приговоре Суда. Последним из этих преступлений следует считать миссию, принятую на себя Гессом при отлете в Англию, рассчитанную на то, чтобы облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией.

Неудача этой миссии привела к изоляции Гесса, и он не принимал непосредственного участия в планировании и совершении последующих преступлений гитлеризма.

Однако не подлежит сомнению то, что Гесс сделал все зависящее от него для подготовки этих преступлений.

Гесс наряду с Гиммлером выступил в роли создателя тех эсэсовско-полицейских организаций германского фашизма, которые впоследствии осуществили наиболее жестокие преступления против человечности.

Подсудимый прямо указывал на «особые задачи», которые должны быть выполнены эсэсовскими формированиями на оккупированных территориях.

При создании войск СС («ваффен СС») Гесс издал через партийную канцелярию специальный приказ, в котором обязывал ор-

ганы гитперовской партии всемерно содействовать набору в эти войска членов партии. Он следующим образом формупировал тогда задачн, стоящие перед «ваффен СС»:

«Соединения войск СС, состоящие из национап-социапистов, благодаря их усиленной национап-социапистской подготовке в отношении пробпем расы и национальности, бопее подходят, чем другие вооруженные соединения, для специальных задач, которые допжны разрешаться на оккупированных восточных территориях» (документ ВБ-267, ПС-3245).

Еще в 1934 году подсудимый выступип в качестве инициатора предложения, чтобы так называемая СД при рейхсфюрере СС (спужба безопасности) приобрепа исключитепьные попномочия, став главенствующей силой в фашистской Германии. 9 июня 1934 г. Гесс нздал декрет, согласно которому «СД прн рейхсфюрере СС» была объявпена «единственной организацией спужбы политической информации и защиты партии» (документ ВБ-257).

Таким образом, подсудимый принимап непосредственное участие в создании и укрепплении системы специальных попицейских органов, подготовляемых для совершения преступлений на оккупированных территориях.

Гесс всегда выступап как последовательный сторонник чеповеконенавистнической теории «высшей расы».

В речи, произнесенной еще 16 января 1937 г., он, говоря о воспитании немецкого народа, указывал: «Они допжны быть воспитаны таким образом, чтобы ставить немцев выше людей других наций, независимо от их социального попожения или происхождения» (документ ВБ-253, ПС-3124).

Гессом был подписан так называемый Закон о защите крови и чести от 15 сентября 1935 г. (документ США-200, ПС-3179). В тексте этого Закона было указано, что «заместителю фюрера поручается издать необходимые декреты и постановления» для практического проведения в жизнь «нюрнбергских законов».

14 ноября 1935 г. Гессом был издан указ согласно Закону об имперском гражданстве, по которому евреи пишапись права голосовать при выборах и занимать общественные посты (документ ВБ-258, ПС-417).

20 мая 1938 г. декретом за подписью Гесса действие «нюрнбергских законов» было распространено на Австрию (документ ВБ-259, ПС-2124).

12 октября 1939 г. Гесс подписап декрет «Об учреждении администрации польских оккупированных территорий» («Рейхсгезетцблатт», № 210, 1939 год, страница 2077). Статьей 2 этого декрета подсудимому Франку были предоставлены в Польше права диктатора.

Имеются веские доказательства того, что подсудимый не ограничился этим общим распоряжением, вводившим на территориях оккупированной Попьши режим произвопа. Как видно из письма имперского министра юстиции к начапьнику имперской канцелярии от 17 апрепя 1941 г., Гесс явипся инициатором создания особых «уголовных законов» для попяков и евреев на оккупированных восточных территориях. Ропь подсудимого в создании этих «законов» характеризуется министром юстиции следующим образом:

«В соответствии с мнением заместитепя фюрера я исходип из той точки зрения, что поляк менее чувствителен к обычному тюремному заключению...». Согпасно этим новым видам наказания «заключенные допжны содержаться вне тюрем в пагерях и допжны быть принуждены к тяжепейшему труду...». «Введение тепесного наказания, которое заместитепь фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим

видом наказания...» «Судопроизводство, включавшее предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно невыносимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинительное заключение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или привлекаться на стороне обвинения». «С самого начала имелось намерение, в случае нужды, увеличить "особые условия". Когда эта нужда через некоторое время стала явной, был издан... дополнительный указ, на который имелась ссылка в письме заместителя фюрера» (документ ВБ-268, Р-96).

Таким образом, не подлежит сомнению, что Гесс наряду с другими главными военными преступниками виновен в совершении преступлений против человечности.

Учитывая, что Гесс был третьим по значению политическим руководителем в гитлеровской Германии, что он играл решающую роль в преступлениях фашистского режима, я считаю единственно правильной мерой наказания для него смертную казнь.

V. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ КАБИНЕТЕ

Комитет обвинителей поставил перед Трибуналом вопрос о признании преступной организацией правительственного кабинета фашистской Германии. Приговор необоснованно отвергает предложение обвинителей, не признавая гитлеровское правительство преступной организацией. С этим решением я согласиться не могу.

Трибунал признал установленным, что гитлеровцами совершены бесчисленные и чудовищные преступления.

Трибунал признал установленным, что эти преступления, как правило, совершались преднамеренно и организованно, по заранее разработанным планам и директивам («план Барбаросса» и др.).

Трибунал признал преступными несколько массовых организаций гитлеровского режима, которые были созданы гитлеровцами для выполнения их планов.

При этих условиях представляется тем более необоснованным и принципиально неправильным отказ в признании преступной организацией гитлеровского правительства, которое являлось руководящим штабом, принимавшим прямое участие в разработке этих преступных планов. Члены этого штаба были наделены большой властью, руководили соответствующими ведомствами, каждое из которых по своей линии участвовало в составлении и претворении в жизнь этих планов. В подтверждение уместно привести несколько фактов. Немедленно после захвата фашистами власти — 24 марта 1933 г. был издан закон «О защите народа и государства», которым имперскому правительству, помимо рейхстага, было предоставлено право законодательства.

26 мая 1933 г. имперское правительство издает указ о конфискации собственности коммунистических организаций, а 14 июля того же года конфискует собственность социал-демократических организаций. 1 декабря 1933 г. имперское правительство публикует Закон «Об обеспечении единства партии и государства».

Продолжая ликвидацию демократических институтов, имперское правительство в 1934 году законом «О реконструкции империи» отменяет демократические выборы в центральные и местные представительные учреждения. Рейхстаг превращается в учреждение, не имеющее реального значения (стенограмма вечернего заседания от 22 ноября 1945 г., страницы 23—25).

Законом от 7 апреля 1933 г. и другими все государственные служащие, в том числе и судьи, замеченные когда-либо в антифашистских настроениях или в принадлежности к левым организациям, а также евреи, были уволены со службы и заменены фашистами. Согласно «Основным положениям немецкого закона о чиновниках» от 26 января 1937 г. «внутренняя связь чиновника с партией является предпосылкой для его назначения на должность... Чиновник должен быть исполнителем воли национал-социалистского государства, руководимого НСДАП» (документ защиты № 28, страница 59).

1 мая 1934 г. создается министерство образования, которому поручается воспитание учащихся в духе милитаризма, расовой непримиримости и извращенного фашистскими бредовыми идеями представления о действительности (документ ПС-2078).

Уничтожаются свободные профсоюзы, собственность их конфискуется, а большинство руководителей заключается в тюрьмы.

Для подавления всякого сопротивления правительством создаются гестапо и концентрационные лагеря. Без всякого суда и предъявления какого-либо конкретного обвинения арестовываются и истребляются сотни тысяч людей по одному подозрению в антифашистских настроениях.

Были изданы так называемые «Нюрнбергские законы» против евреев. Члены имперского правительства — Гесс и Фрик издали дополнительные декреты в развитие этих законов.

Деятельность гитлеровского правительства привела к войне, унесшей миллионы человеческих жизней и причинившей неисчислимый материальный ущерб и неизмеримые страдания народам.

4 февраля 1938 г. Гитлер создал тайный совет министров, в следующих словах определив его назначение: «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики я создаю тайный совет» («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 112, документ ПС-2031). Внешняя политика гитлеровского правительства была политикой агрессии. Поэтому члены тайного совета должны быть признаны ответственными за эту политику.

На процессе были попытки представить тайный совет как фиктивный, никогда практически не функционировавший. Однако с этим согласиться нельзя. Достаточно вспомнить письмо Розенберга к Гитлеру, в котором Розенберг настойчиво добивается назначения в качестве члена тайного совета министров, чтобы оценить значение этого совета.

Еще большее значение в практической подготовке агрессивных войн имел имперский совет обороны, возглавляемый Герингом. Членами совета обороны, как известно, являлись: Гесс, Фрик, Функ, Кейтель, Редер, Ламмерс (документы ПС-2194, ПС-2018).

Значение совета обороны и его роль в подготовке войн были охарактеризованы Герингом на заседании от 23 июня 1939 г.: «Совет обороны империи является решающим центром в империи по вопросам подготовки к войне» (документ ПС-3787, США-782).

Тогда же Геринг подчеркнул, что «заседания совета обороны созываются для принятия самых важных решений». Из представленных обвинением протоколов заседаний имперского совета обороны видно, что совет действительно принимал очень важные решения. Из этих протоколов также видно, что в обсуждении мероприятий по подготовке к войне наряду с членами совета обороны участвовали и другие министры. Так, на заседании 23 июня 1939 г. приняли участие министры: труда, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, путей сообщения и другие, а протокол заседания был разослан всем министрам (документ США-782).

Приговор Трибунала справедливо отмечает некоторые особенности гитлеровского правительства как руководящего государственного органа: отсутствие регулярных заседаний кабинета, издание в некоторых случаях законов отдельными министрами, пользовавшимися необычной самостоятельностью, огромная личная власть Гитлера. Эти особенности, однако, не опровергают, а лишь подтверждают вывод, что гитлеровское правительство — не обычное правительство, а преступная организация.

Конечно, Гитлер обладал весьма значительной личной властью, но это ни в коей мере не снимает ответственности с правительственного кабинета, члены которого были убежденными приверженцами Гитлера, наиболее приближенными к нему руководящими лицами, практически осуществлявшими и одобрявшими все его мероприятия, пока не пришлось за них отвечать.

Я считаю, что имелись все основания признать гитлеровское правительство преступной организацией.

VI. НЕПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ О ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ И ОКВ

В приговоре неправильно отвергается обвинение в преступной деятельности генерального штаба и высшего командования германских вооруженных сил (ОКВ).

Отказ в признании преступной организацией генерального штаба и ОКВ противоречит фактическому положению вещей и доказательственным материалам, предъявленным в ходе судебного следствия.

Не подлежит сомнению, что руководящий состав вооруженных сил фашистской Германии наряду с партийно-эсэсовским аппаратом являлся важнейшим органом по подготовке и осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов. Это со всей определенностью признавалось и подчеркивалось самими гитлеровцами в их официальных изданиях, предназначенных для офицеров вооруженных сил. В фашистском партийном издании «Политика и офицер Третьей империи» прямо говорилось о том, что фашистский режим поддерживают и возглавляют «два столпа: партия и вооруженные силы. Они являются формами выражения той же философии жизни...», «задачи партии и вооруженных сил находятся в неразрывном единстве и в общей ответственности... они зависят от успеха или неуспеха друг друга» (документ ПС-4060, США-928, страница 4).

Эта органическая взаимосвязь между гитлеровским партийно-эсэсовским аппаратом и фашистскими вооруженными силами была особенно крепка на той верхней ступени военной иерархии, которую Обвинительный акт объединяет понятием преступной организации — генеральный штаб и ОКВ.

Самый подбор представителей верховного командования в гитлеровской Германии подчинялся критериям преданности режиму со стороны офицеров и их готовности сочетать осуществление агрессии с выполнением преступных директив в отношении обращения с военнопленными и мирным населением на оккупированных территориях.

Руководители германских вооруженных сил были отнюдь не просто офицерами, достигшими определенных ступеней военной иерархии. Они являлись, прежде всего, сплоченной группой, которой были доверены наиболее засекреченные планы гитлеровского руководства. Представленные доказательства полностью подтверждают, что военные руководители вполне оправдали это до-

верие и были убежденными сторонниками и ревностными исполнителями гитлеровских планов.

Не случайно во главе верховного командования военно-воздушных сил стоял «второй человек» фашистского «рейха»— Геринг; верховное командование военно-морских сил возглавлял Дениц, впоследствии назначенный Гитлером своим преемником; верховное командование вооруженными силами было сосредоточено в руках Кейтеля, подписавшего большую часть директив об уничтожении военнопленных и мирного населения оккупированных территорий.

Поэтому не могут быть признаны уместными параллели с построением высшего военного командования в союзных государствах.

В демократической стране ни один уважающий себя военный специалист не будет подготавливать одновременно с разработкой чисто военных планов мероприятия по осуществлению массовых репрессий в отношении мирного населения или заранее санкционировать безжалостное обращение и убийство военнопленных.

Между тем именно этим занимались высшие руководители генерального штаба и ОКВ фашистской Германии. Факт совершения ими тягчайших преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не только не отрицается, но специально подчеркивается в приговоре Суда. Однако из этого факта не сделано надлежащего вывода. В приговоре сказано:

«Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными...» И далее:

«Многие из этих людей сделали насмешкой солдатскую клятву повиновения военным приказам. Когда это в интересах их защиты, они заявляют, что должны были повиноваться. Когда они сталкиваются с ужасными гитлеровскими преступлениями, которые, как это установлено, были общеизвестны для них, они заявляют, что не повиновались.

Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений или были безмолвными и покорными свидетелями совершавшихся преступлений в более широких и более потрясающих масштабах, чем мир когда-либо имел несчастье знать. Об этом должно быть сказано».

Все эти утверждения приговора справедливы и основываются на многочисленных достоверных судебных доказательствах. Непонятно только, почему «эта сотня высших офицеров», причинившая миру и своей собственной стране столько страданий, не признана преступной организацией.

В обоснование этого в приговоре приводятся противоречащие фактам утверждения:

а) что указанные преступления были совершены представителями генерального штаба и ОКВ как отдельными личностями, но не как членами преступного сообщества и

б) что генштаб и ОКВ были лишь орудием в руках заговорщиков и простыми интерпретаторами их воли.

Многочисленные доказательства опровергают эти выводы.

1. *Руководящие представители генерального штаба и ОКВ наряду с узким кругом высших гитлеровских чиновников привлекались заговорщиками к разработке и осуществлению планов агрессии не как пассивные исполнители, но как активные участники заговора против мира и человечества.*

Без их советов и активного содействия Гитлер вообще не мог бы разрешать эти вопросы. В большинстве случаев их мнение было решающим.

Невозможно представить себе, как могли осуществляться агрессивные планы гитлеровской Германии, если бы основной руководящий состав вооруженных сил их полностью не поддерживал.

Гитлер менее всего скрывал свои преступные планы и движущие их мотивы именно от руководящих представителей военного командования. Так, готовя нападение на Польшу, он еще 29 мая 1939 г. на совещании с высшими военачальниками в новой имперской канцелярии заявлял им:

«Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке».

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности» (документ Л-79).

Задолго до момента захвата Чехословакии в директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер, обращаясь к представителям военного командования, цинично заявлял:

«Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности» (документ ПС-388).

Перед захватом Югославии в директиве, датированной 27 марта 1941 г., Гитлер, обращаясь к представителям верховного командования, писал:

«Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно» (документ ПС-1746).

Готовя нападение на СССР, Гитлер привлек представителей генштаба и ОКВ к разработке связанных с этим планов и директив отнюдь не как простых военных специалистов.

В «Указаниях о применении пропаганды в районе "Барбаросса"», изданных ОКВ в июне 1941 года, указывалось:

«Пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение Советского Союза» (документ СССР-477).

Уже 13 мая 1941 г. ОКВ предписало войскам применение любых террористических мер против гражданского населения временно оккупированных районов Советского Союза.

Там же специально оговаривалось: «Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства» (документ С-50).

2. ОКВ и генеральным штабом были изданы наиболее жестокие постановления и приказы о беспощадных мероприятиях против безоружного мирного населения и военнопленных.

В «Распоряжении об особой подсудности в районе "Барбаросса"» ОКВ, подготавливая нападение на Советский Союз, заранее отменило действие военных судов, предоставив право расправы с мирным населением отдельным офицерам и солдатам. Там говорилось, в частности: «Преступления враждебных гражданских лиц изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов... заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны... категорически запрещается сохранять заподозренных для предания их суду». Там же предусматривались «самые крайние меры», в частности «массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников».

В этом же распоряжении ОКВ заранее гарантировало безнаказанность военным преступникам из числа военнослужащих германской армии.

Там говорилось: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...».

В ходе войны верховное командование последовательно проводило эту линию, усиливая террор в отношении военнопленных и мирного населения оккупированных стран.

В директиве ОКВ от 16 сентября 1941 г. говорилось:

«Следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости» (документ ПС-98).

ОКВ 23 июля 1941 г., обращаясь к командующим армейскими группировками, прямо ориентировало их на то, что «не в истребовании дополнительных охранных частей, но в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства для содержания в порядке своих районов безопасности» (документ ПС-459).

В директиве ОКВ от 16 декабря 1941 г. говорилось:

«Войска... имеют право и обязаны применять... любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху...» (документ СССР-16).

К числу наиболее жестоких директив ОКВ об обращении с военнопленными нужно отнести приказ под названием «Кугель» («Пуля»).

Основанием для применения смертной казни к военнопленным служили проступки, которые, согласно международным конвенциям, вообще не могли влечь за собой применения наказания (например, побег из лагеря).

В другом приказе — «Мрак и туман» — говорилось:

«За проступки такого рода кара, заключающаяся в лишении свободы и даже в пожизненном заключении, является признаком слабости. Добиться действительной эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обусловливают незнание населения о судьбе виновных» (документ Л-90, США-224, стенограмма вечернего заседания от 25 января 1946 г.).

В процессе судебного следствия были широко представлены доказательства применения этих приказов. Одним из примеров подобного рода преступлений является убийство 50 английских офицеров-летчиков. То обстоятельство, что это преступление было инспирировано верховным командованием, не вызывает сомнения.

ОКВ был также разослан приказ об уничтожении отрядов коммандос. Суду представлен оригинал этого приказа (документ ПС-498, США-591). Входившие в отряды коммандос солдаты и офицеры союзных армий согласно этому приказу должны были быть расстреляны, за исключением тех случаев, когда был необходим допрос, после которого их все равно расстреливали.

Приказ неуклонно выполнялся командующими армейскими группировками. В июне 1944 года Рундштедт — главнокомандующий немецкими войсками на Западе докладывал, что приказ Гитлера «об обращении с группами коммандос противника до настоящего времени выполняется» (документ ПС-531, США-550).

3. Верховное командование наряду с СС и полицией ответственно за все наиболее жестокие полицейские действия в оккупированных районах.

В инструкции «об особых областях», изданной ОКВ 13 марта 1941 г., предусматривалась необходимость согласования действий на оккупированных территориях между командованием армии и рейхсфюрером СС. Как видно из показаний начальника третьего управления РСХА и одновременно начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа и начальника шестого управления РСХА Вальтера Шелленберга, во исполнение указаний ОКВ между генеральным штабом и РСХА было заключено соглашение об организации специальных «оперативных групп» полиции безопасности и СД — эйнзатцгрупп, придаваемых соответствующим армейским группировкам.

Преступления, совершенные эйнзатцгруппами на территории временно оккупированных районов, неисчислимы. Эйнзатцгруппы действовали в тесном контакте с командующими соответствующими армейскими группировками.

Весьма характерен для доказательства этой связи следующий отрывок из отчета эйнзатцгруппы «А»:

«... В наши задачи входило установить личный контакт с командующим и начальником тыла. Нужно отметить, что отношения с армией сложились самые лучшие, в некоторых случаях близкие, почти сердечные, как, например, с командующим танковой группой генерал-полковником Гепнером» (документ Л-180).

4. Представители верховного командования действовали во всех звеньях как члены преступной группы.

Директивы ОКВ и генштаба, несмотря на явные нарушения международного права и обычаев ведения войны, не только не вызывали протеста со стороны высших штабных офицеров и командования отдельных армейских групп, но неуклонно претворялись в жизнь и дополнялись изданными в развитие этих директив еще более жестокими приказами.

В этом отношении характерна обращенная к солдатам директива командующего армейской группировкой фельдмаршала фон Рейхенау: «Солдат на восточных территориях является не просто воином в соответствии с искусством ведения войны, но также является носителем беспощадной национальной идеологии». И далее, призывая к истреблению евреев, Рейхенау писал: «Таким образом, солдат должен иметь полное понимание необходимости в жестоком и справедливом мщении против недочеловеков — евреев» (документ США-556).

В качестве примера можно также сослаться на приказ фельдмаршала фон Манштейна, адресованный солдатам. В этом приказе, исходя из «политических целей войны», фельдмаршал цинично призывал солдат вести ее, нарушая «установленные правила ведения войны в Европе» (документ США-927).

Таким образом, в ходе предъявления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию.

* * *

Я счел своим долгом судьи написать особое мнение по тем важным вопросам, по которым я разошелся с решением членов Трибунала.

Член Международного военного трибунала от СССР

Генерал-майор юстиции *И.Т. НИКИТЧЕНКО*

1 октября 1946 г.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК РУКОВОДЯЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ[1]

Абец Отто (1903 — 1958) — штандартенфюрер СС. С 1935 г. сотрудник «бюро Риббентропа», организатор во Франции прогерманского комитета «Франс-Аллемань». С ноября 1940 г. по июнь 1944 г. официальный представитель («посол») Германии в Париже, сотрудничавший с коллаборационистским правительством Виши. Опираясь на гестапо и немецкие войска, руководил оккупационной политикой во Франции, эксплуатацией ее экономики и трудовых ресурсов в интересах ведения войны «третьим рейхом». В 1949 г. приговорен французским военным трибуналом к 12 годам каторжных работ, в 1954 г. освобожден.

Аксман Артур (род. в 1913 г.). В 1928 г. в Вестфалии создал первую группу нацистской организации «гитлеровская молодежь» (гитлерюгенд); в 1932 г. включен в состав имперского руководства НСДАП в качестве ответственного за организацию ячеек гитлерюгенд; с 1933 г. возглавлял отдел в управлении «имперская молодежь»; с августа 1940 г. по май 1945 г. занимал пост «фюрера немецкой молодежи». После войны организовал и возглавлял в Германии подпольную нацистскую организацию. Арестован в декабре 1945 г. С мая 1949 г. на свободе.

Аман Макс (1891 — 1957). С 1922 по 1932 год директор нацистского издательства «Эгер ферлаг», издатель «Майн кампф»; с 1933 по 1945 год рейхслейтер по вопросам прессы, президент имперской ассоциации немецких издателей. Поставил под нацистский контроль почти всю прессу Германии. В 1948 г. приговорен судом по денацификации к 10 годам заключения в трудовом лагере.

Бакке Герберт (1896 — 1947). С октября 1933 г. статс-секретарь министерства продовольствия и сельского хозяйства, один из помощников Геринга по четырехлетнему плану военно-экономической подготовки к войне, активный участник подготовки нападения на СССР и разграбления его экономики. В конце 1943 г. назначен «имперским фюрером крестьянского сословия», в начале 1944 г. — имперским министром продовольствия. Покончил жизнь самоубийством в нюрнбергской тюрьме.

Бах-Зелевский Эрих (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Начальник СС и гестапо в Восточной Пруссии. В 1941 — 1944 годах руководил массовым уничтожением мирного населения и борьбой с партизанами на временно оккупированной части территории СССР и расправой над восставшим против оккупантов в 1944 г. населением Варшавы. В 1945 г. был арестован, выступал как свидетель обвинения на Международном процессе в Нюрнберге. Привлекался как военный преступник к суду в 1951, 1961 и 1962 годах. Приговорен к пожизненному тюремному заключению. Умер в тюрьме.

Бек Людвиг (1880 — 1944) — генерал-полковник. С 1933 по 1935 год начальник «войскового управления», фактически являвшегося тайным генеральным штабом при министерстве рейхсвера; с 1935 по 1938 год начальник генерального штаба сухопутных войск. Из-за разногласий с Гитлером уволен в отставку. Участвовал в заговоре 20 июля 1944 г. Покончил жизнь самоубийством.

Бергер Готлиб (1895 — 1975) — обергруппенфюрер СС. В 1940 — 1945 годах начальник главного управления СС, начальник управления по руководству «общими СС» и начальник штаба войск СС. С июля 1942 г. личный офицер связи Гиммлера с имперским министром по делам оккупированных восточных территорий Розенбергом. В 1944 г. руководил опе-

[1] В список включены деятели, фигурирующие в томах 1 — 8 данного издания.

рациями по подавлению словацкого народного восстания. В 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 25 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Берендс Герман (1907 — 1946) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции. С 1937 г. занимал руководящие посты в главном управлении СД. С 1943 г. возглавлял службу СС и полиции в оккупированной Сербии. В 1946 г. казнен по приговору югославского суда.

Бест Вернер (1903 — 1989) — обергруппенфюрер СС. В 1939 — 1940 годах начальник 1-го управления главного управления имперской безопасности (РСХА); в 1940 — 1942 годах начальник немецкой гражданской администрации в оккупированной Франции; с 1942 г. имперский наместник в оккупированной Дании. В 1947 г. приговорен американским военным трибуналом к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением, в 1951 г. освобожден.

Бласковиц Иоганн (1883 — 1948) — генерал-полковник. Во время польской кампании командовал 8-й армией, затем оккупационными войсками в Польше; с октября 1940 г. — командующий 2-й армией в оккупированной Франции; с мая 1944 г. — группой армий «Г»; с декабря 1944 г. — группой армий «Х» на Западноевропейском театре военных действий. В 1945 г. был арестован войсками западных союзников; в 1948 г. покончил жизнь самоубийством.

Бломберг Вернер (1878 — 1946) — генерал-фельдмаршал. С 1933 г. министр рейхсвера, с 1935 г. военный министр и главнокомандующий вооруженными силами. Из-за разногласий с Гитлером в 1938 г. уволен в отставку. Арестован американскими войсками. Умер во время следствия.

Боденшатц Карл (род. в 1890 г.) — генерал авиации. В 1933 — 1934 годах личный адъютант Г. Геринга; в 1935 — 1937 годах старший адъютант главнокомандующего военно-воздушными силами (люфтваффе); в 1938 — 1944 годах начальник управления делами имперского министра авиации. В мае 1945 г. арестован войсками западных союзников. В 1947 г. освобожден.

Бок Федор (1880 — 1945) — генерал-фельдмаршал. В войне против Польши командовал группой армий «Север», при наступлении на Францию — группой армий «Б», при нападении на СССР — группой армий «Центр». В декабре 1941 г. за поражение под Москвой отстранен Гитлером от должности. В 1942 г. командовал группами армий «Юг» и «А» на южном участке советско-германского фронта. Затем находился в распоряжении верховного командования вермахта. Погиб во время налета английской авиации.

Борман Мартин (1900 — 1945) — нацистский рейхслейтер. В 1941 — 1945 годах начальник партийной канцелярии; с апреля 1943 г. секретарь Гитлера. Использовал ключевой пост в аппарате власти и личную связь с Гитлером для всемерного укрепления нацистского режима в Германии и достижения внешнеполитических целей. Погиб при попытке бегства из Берлина в мае 1945 г. В связи с отсутствием об этом точной информации приговорен заочно Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни.

Боулер Филипп (1889 — 1945) — нацистский рейхслейтер. С 1925 по 1934 год управляющий делами НСДАП. С 1934 г. начальник полиции в Мюнхене и одновременно начальник комитета по цензуре национал-социалистской литературы. В 1939 — 1941 годах проводил в жизнь нацистскую программу эвтаназии. Покончил жизнь самоубийством.

Брандт Карл (1904 — 1947) — генерал-лейтенант войск СС. В годы второй мировой войны являлся генеральным комиссаром санитарной службы и здравоохранения, наделенным высшей властью над всеми (военными и гражданскими) медицинскими учреждениями Германии. По поручению Гитлера активно участвовал в реализации нацистской программы эвтаназии, в ходе которой в 1939 — 1941 годах было уничтожено от 80 до 100 тыс. больных немцев. С санкции Гиммлера под его руководством немецкими врачами проводились различные медицинские эксперименты, в которых в качестве подопытных широко использовались узники концлагерей и военнопленные. После войны арестован и казнен по приговору американского военного трибунала.

Браухич Вальтер (1881 — 1948) — генерал-фельдмаршал. В 1938 — 1941 годах главнокомандующий сухопутными войсками Германии. Руководил военными действиями вермахта против Польши, стран Западной и Юго-Восточной Европы. Один из разработчиков плана нападения Германии на Советский Союз. 19 декабря 1941 г. был уволен в запас. В 1945 г. сдался в плен английским войскам. Умер в лагере для военнопленных.

Буле Вальтер (1894 — 1985) — генерал пехоты. В 1939 — 1942 годах начальник организационного отдела главного командования сухопутных войск (ОКХ); в 1942 — 1944 годах начальник отдела сухопутных войск ОКВ; с 1945 г. начальник управления вооружения сухопутных войск ОКВ. В мае 1945 г. арестован войсками западных союзников. В 1948 г. освобожден.

Буш Эрнст (1885 — 1945) — генерал-фельдмаршал. С 1939 по 1942 год командовал 16-й армией, участвовавшей в наступлении на Францию и нападении на СССР. С 1943 г. командовал группой армий «Центр». После разгрома немецких войск в Белоруссии отстранен от должности. В конце войны командовал немецкой группировкой войск в Шлезвиге и Дании. Умер в английском плену.

Бюркель Йозеф (1894 — 1944) — нацистский гаулейтер. В 1935 г. назначен имперским комиссаром в Сааре, в 1938 г. гаулейтером Вены и имперским комиссаром в Австрии, в 1940 г. имперским комиссаром в Сааре. Покончил жизнь самоубийством.

Варлимонт Вальтер (1894 — 1977) — генерал артиллерии. В 1939 — 1944 годах заместитель начальника штаба оперативного руководства ОКВ и начальник отдела этого штаба «Оброиа страны», занимавшегося вопросами комплектования вермахта личным составом. Активный участник разработки стратегических планов ведения войны, в том числе плана нападения на СССР. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к пожизненному заключению, в 1957 г. освобожден.

Везенмайер Эдмунд (род. в 1904) — генерал-майор СС. Один из ведущих нацистских дипломатов. Участник подготовки аншлюса Австрии, расчленения и ликвидации Чехословакии и Югославии. В 1944 — 1945 годах эмиссар «великогерманского рейха» в Венгрии. В 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 20 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Вейцзекер Эрнст (1882 — 1951) — дипломат. С 1939 по 1943 год статс-секретарь министерства иностранных дел; с 1943 по 1945 год посол в Ватикане. В 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 7 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Венк Вальтер (род. в 1900) — генерал танковых войск. В 1939 — 1941 годах офицер штаба 1-й танковой дивизии, участник польской кампании, наступления на Францию и нападения на СССР; в сентябре — ноябре 1942 г. начальник оперативного отдела штаба 57-го танкового корпуса, наступавшего на Кавказ; во время Сталинградской битвы начальник штаба 3-й румынской армии; в 1943 — марте 1944 г. начальник штаба 1-й танковой армии; в апреле — июле 1944 г. начальник штаба группы армий «Южная Украина»; с августа 1944 г. по январь 1945 г. начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск; в феврале — апреле 1945 г. начальник штаба группы армий «Висла»; в мае 1945 г. командующий 12-й армией. Сдался в плен американским войскам. Освобожден по окончании войны.

Витцлебен Эрвин (1881 — 1944) — генерал-фельдмаршал. При наступлении вермахта на Францию командовал 1-й армией, с октября 1940 г. по март 1942 года — группой армий «Д» (с марта 1941 г. — «Запад»); затем генерал для особых поручений в ставке Гитлера. Участвовал в заговоре 20 июля 1944 г. Казнен по приговору нацистского трибунала.

Гальдер Франц (1884 — 1972) — генерал-полковник. С 1938 по 1942 год начальник генерального штаба сухопутных войск. Из-за разногласий с Гитлером в сентябре 1942 г. отправлен в запас. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. был заключен в концлагерь, освобожден американскими войсками. До 1961 г. сотрудничал с военно-исторической службой США в изучении опыта второй мировой войны.

Гаусгофер Карл (1869 — 1946) — один из основателей теории геополитики, профессор Мюнхенского университета (в 1921 — 1939 годах). В ряде своих работ пытался подвести рациональную базу под экспансионистские замыслы нацистского руководства. Перед началом второй мировой войны дистанцировался от него, поскольку не разделял многие аспекты нацистского мировоззрения. Его сын Альбрехт за участие в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. был тайно расстрелян в апреле 1945 г. После смерти сына покончил жизнь самоубийством.

Геббельс Йозеф (1897 — 1945) — один из высших руководителей нацистской Германии. С 1933 по 1945 год «имперский руководитель пропаганды НСДАП» и «имперский министр народного просвещения и пропаганды». Проповедью расизма и геноцида вместе с Гитлером инициировал беспрецедентные по своим масштабам преступления против человечности, способствовал втягиванию Германии в «тотальную войну». Покончил жизнь самоубийством.

Гейдрих Рейнгард (1904 — 1942) — обергруппенфюрер СС. В 1931 г. под руководством Гиммлера создал службу безопасности (СД), которую возглавлял до 1942 г. Одновременно занимал посты: в 1933 г. начальник баварской политической полиции, в 1934 г. начальник гестапо в Пруссии, в 1936 — 1942 годах начальник полиции безопасности (гестапо и уголовная полиция) в имперском министерстве внутренних дел, в 1939 — 1942 годах начальник главного управления имперской безопасности (РСХА), в 1941 — 1942 годах заместитель имперского протектора Богемии и Моравии. Казнен бойцами чешского движения Сопротивления.

Генлейн Конрад (1898 — 1945) — обергруппенфюрер СС, основатель и «фюрер» Судето-немецкой партии. Принимал активное участие в аннексии Германией Судетской области. С 1939 г. имперский комиссар протектората Богемия и Моравия. После освобождения Чехословакии арестован американскими войсками. Покончил жизнь самоубийством.

Гепнер Эрих (1884 — 1944) — генерал-полковник. Участник военных кампаний против Польши и Франции. При нападении Германии на СССР командовал 4-й танковой группой. В декабре 1941 г. за самовольный приказ войскам отойти с занимаемого ими рубежа во время битвы под Москвой уволен Гитлером в отставку. Участвовал в заговоре 20 июля 1944 г. Арестован и замучен гестапо.

Геринг Герман (1893 — 1946) — рейхсмаршал. В 1923 — 1924 годах начальник штурмовых отрядов (СА). В 1933 г. учредил гестапо и концлагеря. В 1934 г. премьер-министр Пруссии. С 1935 г. главнокомандующий ВВС (люфтваффе). С 1936 г. уполномоченный по четырехлетнему плану военно-экономической подготовки Германии к войне. С 1937 г. глава государственного промышленного концерна «Рейхсверке Герман Геринг». Участвовал в развязывании второй мировой войны, в организации зверств и грабежей на оккупированных вермахтом территориях. Приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни. Покончил жизнь самоубийством.

Гесс Рудольф (1894 — 1987) — один из высших руководителей нацистской Германии. С 1933 г. заместитель Гитлера по руководству нацистской партией, имперский министр без портфеля; с 1938 г. член тайного совета и с 1939 г. член «совета министров по обороне империи», объявлен преемником Гитлера после Геринга. В мае 1941 г. вылетел на самолете в Шотландию с целью достижения с руководством Англии договоренности о прекращении войны на Западе перед нападением на СССР. Интернирован. Приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению. Умер в тюрьме.

Гесс Рудольф Фердинанд (1900 — 1947). С 1940 по 1943 год комендант системы концлагерей в Освенциме; с ноября 1943 г. по 1945 г. начальник центрального отдела инспекций концлагерей, заместитель главного инспектора концлагерей Р. Глюкса. После войны скрывался под фамилией Ланге. В 1946 г. обнаружен и передан Польше. В 1947 г. казнен по приговору Верховного трибунала Польской Республики.

Гиммлер Генрих (1900 — 1945) — рейхсфюрер СС, глава войск СС. С 1926 г. заместитель руководителя, а с 1929 г. руководитель СС (охранные отряды нацистской партии), сыграл важную роль в установлении нацистской диктатуры в Германии (1933 г.) С 1933 г. возглавил политическую полицию в Мюнхене, а затем в Баварии, с 1936 г. стал начальником

полиции Германии. Как рейхсфюрер СС и начальник полиции направлял и контролировал деятельность созданного им в 1939 г. главного управления имперской безопасности (РСХА), в состав которого входило руководство уголовной полиции, гестапо и СД. С 1943 г. министр внутренних дел, в 1944 г. одновременно возглавлял «Армию резерва», командовал армией «Верхний Рейн» на Западном фронте, а в январе —марте 1945 г. — группой армий «Висла» на советско-германском фронте. Являлся одним из главных организаторов нацистского террора, системы концлагерей, насильственного угона в Германию и массового истребления мирного населения оккупированных немецкой армией территорий. После капитуляции нацистской Германии в мае 1945 г. пытался скрыться, но был арестован. Покончил жизнь самоубийством.

Гинденбург Пауль (1847 — 1934) — генерал-фельдмаршал. В 1925 и 1932 годах дважды избирался на пост президента Веймарской Республики. 30 января 1933 г. назначил Гитлера рейхсканцлером Германии, содействовал ликвидации демократических свобод и установлению нацистской диктатуры в Германии.

Гитлер Адольф (1889 — 1945). С 1920 г. «фюрер» НСДАП. С 1933 г. рейхсканцлер, с 1934 г. глава государства и верховный главнокомандующий вооруженными силами. Под его руководством осуществлялись германская военная интервенция в Испании (1936 — 1938 гг.), аннексия Австрии и ликвидация Чехословацкой Республики (1938 — 1939 гг.), нападение на Польшу (1939 г.), положившее начало второй мировой войне, готовилась и была развязана «война на уничтожение» против СССР (1941 г.), проводилась политика, направленная на массовое уничтожение мирного населения оккупированных вермахтом территорий и военнопленных, творились чудовищные военные преступления и преступления против человечности. В 1943 — 1944 годах под влиянием поражений вермахта на советско-германском фронте и других фронтах второй мировой войны среди части представителей германской буржуазии и офицерского корпуса созрело убеждение, что Гитлер ведет Германию к неминуемому краху, что необходимо его устранить от власти и тем самым проложить путь к заключению мира. 20 июля 1944 г. группа немецких офицеров совершила неудачное покушение на Гитлера, которое послужило поводом для усиления террора против недовольных нацистским режимом. Однако к тому времени позорный конец политической карьеры Гитлера и его преступного окружения был уже предрешен. С вступлением советских войск в Берлин Гитлер перед лицом неизбежно надвигавшегося возмездия 30 мая 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

Глюкс Рихард (1889 — 1945) — обергруппенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС. С 1939 г. главный инспектор концлагерей и частей «Мертвая голова». С 1942 г. начальник управления «Д» (инспекция концлагерей) в главном административно-хозяйственном управлении (ВФХА). Основатель концлагеря в Освенциме — центра массового уничтожения евреев. Покончил жизнь самоубийством.

Госбах Фридрих (1894 — 1980) — генерал пехоты. В 1934 — 1938 годах адъютант Гитлера, начальник центрального отдела ОКВ. Автор известного «протокола Госбаха» — записи выступления Гитлера 5 ноября 1937 г. на секретном совещании с главнокомандующими видами вооруженных сил и министром иностранных дел, в котором были изложены замыслы развязывания Германией войны в Европе. В начале 1938 г. освобожден от должности адъютанта Гитлера. С конца 1943 г. по июль 1944 г. командовал 16-м танковым корпусом, с 20 июля 1944 г. по 29 января 1945 г. — 4-й армией на советско-германском фронте. Снят Гитлером с занимаемой должности в связи с отступлением его войск в Восточной Пруссии.

Гугенберг Альфред (1865 — 1951). В 1919 — 1933 годах возглавлял праворадикальную шовинистическую Немецкую национальную партию. В 1933 г. временно занимал пост министра по вопросам экономики, сельского хозяйства и продовольствия. До 1945 г. депутат нацистского рейхстага.

Гудериан Хейнц (1885 — 1954) — генерал-полковник. В начале второй мировой войны командовал танковым корпусом. Активный участник подготовки к нападению на СССР. С июня 1941 г. командовал 2-й танковой группой, с октября — 2-й танковой армией. В декабре 1941 г. отправ-

лен в резерв. В 1943 г. генерал-инспектор танковых войск. В 1944 — 1945 годах начальник генерального штаба сухопутных войск. В марте 1945 г. уволен в запас.

Далюге Курт (1897 — 1946) — обергруппенфюрер СС. В 1926 — 1928 годах организовал и руководил СА в Берлине, затем до 1932 г. — отрядами СС. С 1933 по 1936 год начальник полиции в Пруссии. С 1936 г. командир германской полиции по поддержанию порядка и начальник тайной полиции в главном управлении СД. В 1942 — 1945 годах помощник имперского протектора Богемии и Моравии. Казнен по приговору чехословацкого суда.

Даннекер Теодор (1913 — 1945) — гауптштурмфюрер СС. Сотрудник отдела IV Б4 РСХА. Организатор депортации евреев в лагеря уничтожения из Франции (1942 г.), Болгарии (1943 г.) и Италии (1944 г.). Арестован американскими войсками. Покончил жизнь самоубийством.

Дарре Рихард Вальтер (1895 — 1953) — обергруппенфюрер СС. С 1931 г. начальник управления расовой и поселенческой политики СС; с 1933 г. уполномоченный по разработке аграрной программы НСДАП, «рейхсбауернфюрер», министр продовольствия и сельского хозяйства. Разработал и провел в жизнь «закон о наследственных дворах». Из-за разногласий с Шахтом и Гиммлером в области сельскохозяйственной политики в 1942 г. лишился всех постов. Арестован в 1945 г. американскими войсками и приговорен американским военным трибуналом к 5 годам тюремного заключения.

Дениц Карл (1891 — 1980) — гросс-адмирал. В 1936 — 1943 годах командующий подводным флотом германских ВМС; в 1943 — 1945 годах главнокомандующий ВМС. В мае 1945 г. сменил Гитлера на посту главы государства, продолжая безнадежную войну против СССР вплоть до капитуляции 9 мая. Приговорен Международным военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения.

Дитрих Зепп (1892 — 1966) — обергруппенфюрер и генерал-полковник войск СС. С 1928 г. возглавлял личную охрану нацистского руководства. Под его командованием лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» участвовал в нападении на Польшу, в наступлении на Францию, в нападении на Югославию, Грецию и Россию. На советско-германском фронте в 1941 г. командовал дивизией СС «Адольф Гитлер», в 1943 г. — 1-м танковым корпусом СС. В 1944 — 1945 годах командующий 6-й танковой армией СС, принимавшей участие в контрнаступлениях на Западном фронте в р-не Арденн и на советско-германском фронте в р-не оз. Балатон. В мае 1945 г. сдался в плен американцам, в 1946 г. был осужден американским военным трибуналом к 25 годам тюремного заключения, в 1958 г. освобожден.

Дитрих Отто (1897 — 1952) — обергруппенфюрер СС. В 1931 — 1936 годах руководитель прессы НСДАП; в 1937 — 1945 годах статс-секретарь министерства народного просвещения и пропаганды, имперский руководитель прессы. В 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 7 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Заукель Фриц (1894 — 1946) — генерал СС и почетный генерал СА. С 1927 г. гаулейтер Тюрингии, с 1933 г. тюрингский министр внутренних дел и премьер-министр Тюрингии, с сентября 1939 г. уполномоченный по обороне империи в округе Кассель. В марте 1942 г. назначен Гитлером генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Руководил насильственной депортацией из оккупированных вермахтом территорий в Германию более 5 млн. человек, издавал приказы, предписывавшие эксплуатировать их в качестве рабов. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Зейсс-Инкварт Артур (1872 — 1946) — генерал-лейтенант СС. С марта 1938 г. по октябрь 1939 г. имперский наместник в Австрии; с октября 1939 г. по май 1940 г. заместитель генерал-губернатора в Польше; с мая 1940 г. по май 1945 г. — имперский наместник в Голландии. Под его руководством осуществлялся террор против польского и голландского народов. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Иешонек Ганс (1899 — 1943) — генерал авиации. С 1939 г. начальник генерального штаба германских ВВС (люфтваффе). Наряду с этим с апреля 1942 г. начальник штаба оперативного руководства люфтваффе. Непосредственно участвовал в планировании большинства наступательных операций вермахта. В связи с поражением люфтваффе в битве под Курском и утратой ими господства в воздухе в августе 1943 г. покончил жизнь самоубийством.

Ильмер Иоахим (род. в 1909) — оберштурмбаннфюрер СС. С июля 1939 г. заместитель начальника гестапо в Праге; 1942 г. начальник гестапо в Дортмунде; с августа 1943 г. командир полиции безопасности и СД в Радоме.

Иодль Альфред (1890 — 1946) — генерал-полковник. С 1939 по 1945 год начальник штаба оперативного руководства ОКВ. Самый близкий советник Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам. Играл ведущую роль в разработке планов захватнических походов вермахта. 7 мая 1945 г. по поручению Деница подписал в Реймсе капитуляцию германских вооруженных сил перед западными союзниками. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Иост Хейнц (1904 — 1978) — оберштурмбаннфюрер СС. В 1939 — 1941 годах начальник 6-го управления РСХА; в 1942 г. командир эйнзатцгруппы «А», осуществлявшей массовое уничтожение населения на временно оккупированной территории СССР. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к пожизненному заключению, в 1951 г. освобожден.

Кальтенбруннер Эрнст (1903 — 1946) — обергруппенфюрер СС. До аннексии Австрии играл видную роль в австрийской нацистской партии. С 1938 г. руководитель австрийских СС и полиции. С января 1943 г. возглавлял главное управление имперской безопасности (РСХА). Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Канарис Фридрих Вильгельм (1887 — 1945) — адмирал. В 1935 — 1938 годах начальник управления разведки и контрразведки министерства рейхсвера; в 1938 — 1944 годах начальник управления разведки и контрразведки верховного командования вермахта (ОКВ). С февраля 1944 г. в отставке. Арестован гестапо и казнен за причастность к заговору против Гитлера.

Кейтель Вильгельм (1882 — 1946) — генерал-фельдмаршал. С 1938 по 1945 год начальник штаба верховного командования вермахта (ОКВ). Один из ближайших военных советников и исполнитель воли Гитлера. Участвовал в разработке и издании декретов и приказов, на основе которых вермахтом совершались военные преступления и преступления против человечности. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. входил в состав назначенного Гитлером офицерского суда над участниками заговора. 8 мая 1945 г. подписал Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Кепплер Вильгельм (1882 — 1960) — обергруппенфюрер СС. Советник Гитлера по вопросам экономики, помощник Геринга в реализации «четырехлетнего плана». В 1938 г. советник германского посольства в Вене, активный участник аншлюса Австрии. В 1939 г. статс-секретарь по особым поручениям министерства иностранных дел, играл важную роль в подготовке ликвидации независимости Чехословакии и захвата Данцига. В 1941 — 1944 годах по поручению Гиммлера управлял предприятиями, захваченными СС на оккупированной части территории СССР. В конце войны арестован и в 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 10 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Кессельринг Альберт (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал. В 1936 — 1937 годах начальник генерального штаба ВВС (люфтваффе). В войне против Польши командовал 1-м воздушным флотом; против Франции и СССР — 2-м воздушным флотом; с декабря 1941 г. главнокомандующий группировкой немецких войск «Юго-Запад» (Средиземное море и Италия); с марта 1945 г. главнокомандующий Западным фронтом. В 1947 г. приговорен английским военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению, в 1952 г. освобожден.

Клейст Эвальд (1881 — 1954) — генерал-фельдмаршал. Во время войн против Польши, Франции и Югославии командовал корпусами и танковой группой. В войне против СССР с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. командовал 1-й танковой армией, с ноября 1942 г. — группой армий «А». В 1944 г. из-за разногласий с Гитлером уволен в отставку. В конце войны взят в плен английскими войсками, передан Югославии, где был приговорен к 15 годам лишения свободы. В 1949 г. отправлен в СССР. Умер в тюрьме.

Клюге Ганс Гюнтер (1882 — 1944) — генерал-фельдмаршал. С 1939 г. командовал 4-й полевой армией, принимавшей участие в войне против Польши, Франции и СССР. С декабря 1941 г. командовал группой армий «Центр», потерпевшей поражение под Москвой. С ноября 1943 г. в резерве ставки Гитлера. Летом 1944 г. командовал группой армий «Д» на Западном фронте. Был связан с участниками заговора против Гитлера. Покончил жизнь самоубийством.

Кнохен Гельмут (род. в 1910 г.) — обергруппенфюрер СС. В 1937 — 1940 годах сотрудник управления внешней разведки СД (с октября 1939 г. — 6-е управление РСХА); с июня 1940 г. по август 1942 г. командир полиции безопасности в оккупированной Северной Франции и Бельгии; с сентября 1942 г. по август 1944 г. начальник полиции безопасности и СД в оккупированной Франции. Один из организаторов террора против французского движения Сопротивления, насильственной депортации французов на работу в Германию и евреев в лагеря уничтожения. После войны пытался скрыться. В 1946 г. приговорен английским военным трибуналом к пожизненному заключению. В 1963 г. освобожден.

Кох Эрих (1896 — 1986) — обергруппенфюрер СС, почетный генерал-лейтенант войск СС. С 1927 г. гаулейтер Восточной Пруссии; с 1941 по 1944 год начальник гражданской администрации в Белостоке и имперский комиссар Украины. По окончании войны скрывался в Западной Германии. С 1950 г. находился в заключении в Польше. В 1959 г. приговорен варшавским судом к смертной казни, которая затем была заменена пожизненным заключением. Умер в тюрьме.

Крупп фон Болен унд Гальбах Густав (1870 — 1950) — крупный германский промышленник, владелец «концерна Круппа». С 1931 г. возглавлял «Имперский союз немецкой промышленности», содействовал установлению нацистской диктатуры, приветствовал курс гитлеровского правительства на отказ от соблюдения военных ограничений, наложенных на Германию Версальским мирным договором. В мае 1933 г. по его предложению «Имперский союз немецкой промышленности» был преобразован на основе «принципа фюрерства» в «Имперское сословие немецкой промышленности», что способствовало укреплению позиций руководителей крупнейших промышленных трестов, заинтересованных в наращивании выпуска военной продукции. Сам Крупп стал руководителем «Имперского сословия немецкой промышленности» с диктаторскими полномочиями. В июле 1933 г. он вошел в состав образованного гитлеровским правительством «Генерального совета немецкого хозяйства», членами которого, наряду с ведущими нацистами, являлись владельцы крупнейших промышленных трестов. Задача этого органа состояла в выработке рекомендаций для правительства по вопросам хозяйственной политики. Играл важную роль в военно-экономической подготовке Германии к ведению захватнических войн. В годы войны заводы Круппа работали на полную мощность, снабжая немецкую армию танками, орудиями и снарядами, а флот — подводными лодками. Одновременно шло наращивание мощностей и прибылей концерна за счет присоединения к нему металлургических заводов и широкого использования рабского труда граждан других стран. От 70 до 80 тыс. из них умерли из-за жестокой эксплуатации. Был привлечен в качестве обвиняемого к суду Международного военного трибунала, но по состоянию здоровья избежал приговора.

Крюгер Фридрих-Вильгельм (1894 — 1945) — обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. С 1939 по ноябрь 1943 года высший руководитель СС и полиции генерал-губернаторства в Польше; одновременно с 1942 г. являлся статс-секретарем по вопросам безопасности при генерал-губернаторе Франке; с 1944 г. командовал 5-м горнострелковым корпусом СС на Балканах. В 1945 г. погиб.

Кубе Вильгельм (1887 — 1943) — нацистский гаулейтер. С 1933 по 1936 год обер-президент Бранденбургской области (включая Берлин) и член рейхстага. В июле 1941 г. назначен Гиммлером генеральным комиссаром Белоруссии. В сентябре 1943 г. за совершенные преступления был казнен партизанами.

Кюхлер Георг (1881 — 1963) — генерал-фельдмаршал. В войне против Польши командовал 1-м армейским корпусом; при наступлении на Францию и нападении на СССР — 18-й армией; в 1942 — 1943 годах командующий группой армий «Север» на советско-германском фронте. С 1944 г. в запасе. В мае 1945 г. взят в плен войсками западных союзников. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к пожизненному заключению. В 1953 г. освобожден.

Ламмерс Ганс Генрих (1879 — 1962) — почетный генерал СС. Один из ближайших помощников Гитлера. С 1937 г. рейхсминистр без портфеля и начальник имперской канцелярии. С 1943 г. все распоряжения, подписывавшиеся Гитлером, предварительно визировались Ламмерсом, Борманом и Кейтелем. Приговорен в 1949 г. американским военным трибуналом к 20 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Лахузен Эрвин (1897 — 1955) — генерал-майор. В 1936 — 1938 годах сотрудник разведывательного отдела австрийского генерального штаба; в 1939 — 1943 годах руководитель 2-го отдела контрразведки (саботаж, диверсии) управления разведки и контрразведки ОКВ; в 1944 г. командир 41-го егерского полка, командир разведывательной службы 17-го военного округа (Вена).

Лееб Вильгельм Йозеф Франц (1876 — 1956) — генерал-фельдмаршал. В 1938 г. командовал 12-й армией, которая оккупировала Судетскую область. Во время агрессии против Франции в 1939 — 1940 годах командовал группой армий «Ц»; при нападении Германии на СССР — группой армий «Север». По его приказам Ленинград подвергался варварским артиллерийским обстрелам и ударам с воздуха. 16 января 1942 г. после провала наступления его войск на Ленинград был отстранен от командования и уволен в отставку. 2 мая 1945 г. арестован американской военной полицией. В 1948 г. осужден американским военным трибуналом на 3 года, но был досрочно освобожден.

Лей Роберт (1890 — 1945). С 1932 г. нацистский рейхслейтер, играл ведущую роль в разгроме германских профсоюзов; с 1933 г. возглавлял «Германский трудовой фронт». После войны пытался скрыться, но был арестован американскими войсками, включен в число обвиняемых на Нюрнбергском процессе, но еще до суда покончил жизнь самоубийством в нюрнбергской тюрьме.

Лёр Александр (1885 — 1947) — генерал-полковник. В 1939 — 1942 годах командующий 4-м воздушным флотом; в 1943 — 1945 годах командующий группой армий «Е» и главнокомандующий войсками на Юго-Востоке Европы (Балканы). Казнен за свершенные преступления по приговору югославского суда.

Линдеман Георг (1884 — 1963) — генерал-полковник. В 1936 — 1940 годах командир 36-й пехотной дивизии, участвовавшей в наступлении на Францию; в 1940 — 1941 годах командир 50-го армейского корпуса, участвовавшего в нападении на СССР; в 1942 — 1944 годах командующий 18-й армией, блокировавшей Ленинград; в марте — июле 1944 г. командующий группой армий «Север»; с января 1945 г. командующий оккупационными войсками в Дании. В мае 1945 г. сдался в плен английским войскам. В 1948 г. освобожден.

Лист Вильгельм (1880 — 1971) — генерал-фельдмаршал. Во время нападения на Польшу командовал 14-й армией; в период французской кампании и агрессии против Югославии и Греции — 12-й армией. В 1942 г. командовал группой армий «А», действовавшей на южном крыле советско-германского фронта. Из-за разногласий с Гитлером в 1944 г. уволен в отставку. В 1948 г. за свершенные преступления был осужден американским военным трибуналом к пожизненному заключению, в 1953 г. освобожден.

Лозе Генрих (1896 — 1964) — группенфюрер СА. С 1925 г. нацистский гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна; с 1941 по 1944 г. имперский комиссар «Остланда». Проводил крайне жестокую оккупационную политику по

отношению к народам Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии. При отступлении немецких войск бежал на Запад. В 1948 г. приговорен английским военным трибуналом к 10 годам каторжных работ, в 1951 г. освобожден.

Лоренц Вернер (1891 — 1974) — обергруппенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС. В 1937 — 1945 годах заместитель Г. Гиммлера как имперского комиссара по консолидации германской расы, руководитель эсэсовской организации «Фольксдейче Миттельштелле». Руководил созданием нацистских «пятых колонн» в других странах, сыгравших большую роль в подготовке аншлюса Австрии и отторжения от Чехословакии Судетской области. В годы второй мировой войны занимался переселением («возвращением») в Германию немцев, проживавших на оккупированных вермахтом территориях, вербовкой граждан других национальностей в войска СС. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к 12 годам тюремного заключения. В 1955 г. освобожден.

Лютце Виктор (1890 — 1943) — обергруппенфюрер СА. В 1933 — 1941 годах начальник полиции Ганновера, оберпрезидент провинции Ганновер, член прусского государственного совета; в 1934 — 1943 годах начальник штаба СА; одновременно с апреля 1941 г. оберпрезидент земли Вартеланд (оккупированные районы Западной Польши). Погиб в автокатастрофе.

Макензен Георг (1883 — 1947) — немецкий дипломат. В 1933 — 1935 годах посланник в Венгрии; в 1936 — 1937 годах статс-секретарь министерства иностранных дел; в 1938 — 1943 годах посол в Италии.

Манштейн Эрих (1887 — 1973) — генерал-фельдмаршал. В 1935 — 1938 годах начальник оперативного управления и 1-й квартирмейстер генштаба сухопутных войск. Участвовал в нападении на Польшу. В 1939 — 1940 годах начальник штаба группы армий «Юг», затем — группы армий «А». При наступлении на Францию командовал корпусом, после нападения на СССР — танковым корпусом, наступавшим на Ленинград, затем — 11-й армией, действовавшей в Крыму; во время Сталинградской битвы — группой армий «Дон», во время Курской битвы — группой армий «Юг». С марта 1944 г. в резерве. В 1950 г. приговорен английским военным трибуналом к 18 годам тюремного заключения, в 1953 г. освобожден.

Мейснер Отто (1883 — 1955). С 1919 по 1934 год начальник канцелярии президента Германской Республики; с 1934 по 1937 год начальник имперской канцелярии Гитлера. По окончании войны арестован. В 1949 — 1952 годах его дело рассматривалось американским военным трибуналом. Освобожден без вынесения приговора.

Мильх Эрхард (1892 — 1972) — генерал-фельдмаршал. С 1933 по 1945 год статс-секретарь министерства авиации. В начале второй мировой войны назначен генеральным инспектором германских ВВС (люфтваффе). В 1940 г. руководил действиями немецкой авиации в операции по захвату Норвегии. С 1942 г. занимал также пост начальника управления по снаряжению и снабжению министерства авиации. В 1947 г. приговорен американским военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению, в 1954 г. освобожден.

Модель Вальтер (1891 — 1945) — генерал-фельдмаршал. Участвовал в нападении на СССР в должности командира танковой дивизии; с октября 1941 г. командовал корпусом; с 1942 по 1944 год — 9-й армией; с февраля 1944 г. — группой армий «Север», с апреля — группой армий «Северная Украина», с июня — группой армий «Центр» на советско-германском фронте; с сентября 1944 г. — группой армий «Б» на Западном фронте. В апреле 1945 г. после разгрома его войск покончил жизнь самоубийством.

Мюллер Генрих (1901 — 1945?) — обергруппенфюрер СС. С 1939 по 1945 год начальник 4-го управления (гестапо) РСХА. Один из ближайших подручных Гиммлера и Гейдриха в организации политического террора в Германии и на оккупированных территориях. Последний раз его видели в Берлине в бункере Гитлера 28 апреля 1945 г. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Небе Артур (1884 — 1945) — группенфюрер СС. В 1940 г. начальник 5-го управления РСХА; в 1941 г. командир эйнзатцгруппы «Б», осуществлявшей массовое уничтожение населения на временно оккупирован-

ной территории СССР. За причастность к заговору против Гитлера 20 июля 1944 г. арестован гестапо и казнен.

Нейрат Константин (1873 — 1956) — обергруппенфюрер СС. С 1932 по 1938 год занимал пост министра иностранных дел в правительственных кабинетах Папена, Шлейхера и Гитлера. С 1938 по 1945 год министр без портфеля, председатель тайного совета министров и член имперского совета обороны. С марта 1939 г. до конца 1941 г. имперский протектор Богемии и Моравии, проводил политику террора против чешского народа. Приговорен Международным военным трибуналом к тюремному заключению сроком на 15 лет, в 1954 г. освобожден.

Олендорф Отто (1907 — 1951) — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. С 1936 г. сотрудник центрального отдела главного управления СД. Участвовал в подготовке к нападению на Польшу в «штабе Гейдриха». С 1939 по 1944 год начальник 3-го управления РСХА. Одновременно с июня 1941 г. по июль 1942 г. командовал эйнзатцгруппой «Д», осуществлявшей массовое уничтожение мирного населения на временно оккупированной части территории СССР. С 1943 г. руководил отделом министерства экономики, являлся членом центрального управления по планированию, определявшего потребности германской промышленности в рабочей силе. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к смертной казни. В 1951 г. приговор приведен в исполнение.

Остер Ганс (1888 — 1945) — генерал-майор. В 1938—1943 годах начальник штаба управления разведки и контрразведки ОКВ. С июня 1943 г. в резерве верховного командования вооруженных сил, с марта 1944 г. в отставке. За участие в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. казнен в апреле 1945 г. в концентрационном лагере во Флоссенбюрге.

Папен Франц (1879 — 1969) — рейхсканцлер в 1932 г., в 1933 — 1934 годах вице-канцлер в правительстве Гитлера. В 1934 — 1938 годах германский посол в Вене, активный участник подготовки аншлюса Австрии. В 1939 — 1944 годах германский посол в Турции. Арестован в конце войны американскими войсками. Оправдан Международным военным трибуналом. В 1947 г. был осужден за военные преступления германским судом по денацификации и приговорен к 8 годам заключения в трудовом лагере, в 1949 г. освобожден.

Паулюс Фридрих (1890 — 1957) — генерал-фельдмаршал. Участвовал в нападении на Польшу и наступлении на Францию в должности начальника штабов 4-й и 10-й армий. С 1940 по 1942 год начальник оперативного управления генштаба сухопутных войск, участник разработки плана нападения на СССР. С 1942 г. командовал 6-й армией, разгромленной Красной Армией под Сталинградом. С 1943 по 1953 год в советском плену. В 1944 г. вступил в антифашистский «Союз немецких офицеров» и Национальный комитет «Свободная Германия». В 1946 г. выступал свидетелем обвинения на Нюрнбергском процессе. С 1953 г. проживал в ГДР.

Поль Освальд (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС. С 1934 г. начальник административного отдела в главном управлении СД; с 1939 г. министериаль-директор в министерстве внутренних дел; с 1942 по 1945 год начальник главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА), ведавшего использованием узников концлагерей в качестве рабской силы. В 1947 г. приговорен американским военным трибуналом к смертной казни. В 1951 г. приговор приведен в исполнение.

Пютц Карл (род. в 1922 г.) — оберштурмбаннфюрер СС. В 1942 — 1943 годах командир полиции безопасности и СД в Ровно; одновременно правительственный советник командующего полицией безопасности и СД на оккупированной территории Украины; с ноября 1943 — 1944 год командир полиции безопасности и СД в Люблине.

Редер Эрих (1876 — 1960) — гросс-адмирал. В 1935 — 1943 годах главнокомандующий военно-морскими силами. С января 1943 г. в отставке. Приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению, в 1955 г. освобожден.

Рейнеке Герман (род. в 1889 г.) — генерал пехоты. В 1938 — 1944 годах начальник центрального отдела ОКВ; с 1944 — 1945 годах начальник штаба национал-социалистского руководства ОКВ, председатель офицер-

ского суда над участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. В мае 1945 г. сдался в плен войскам западных союзников. В 1948 г. приговорен американским военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению. С середины 50-х годов — на свободе.

Рейхенау Вальтер (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал. При нападении на Польшу командовал 10-й армией; с октября 1939 г. — 6-й армией, участвовавшей в наступлении на Францию и нападении на СССР; с декабря 1941 г. — группой армий «Юг» на советско-германском фронте. Среди генералов вермахта отличался особой жестокостью по отношению к мирному населению оккупированной территории и военнопленным. Умер от инфаркта.

Рем Эрнст (1887 — 1934) — начальник штаба СА. Активно способствовал приходу нацистов к власти. В 1934 г. пытался создать из СА подчиненные лично ему милицейские войска и включить их в состав вооруженных сил Германии. Для достижения этой цели использовал недовольство рядовых членов СА своим положением при нацистском режиме, которые требовали «второй революции». 30 июня 1934 г. убит по личному приказу Гитлера вместе с тысячами его приверженцев из СА.

Риббентроп Иоахим (1893 — 1946) — один из высших руководителей нацистской Германии. В 1933 г. назначен советником Гитлера по вопросам внешней политики, в 1934 г. возведен в ранг «уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителя фюрера Р. Гесса» и «полномочного посла третьего рейха». Создал подчиненное ему внешнеполитическое ведомство — «бюро Риббентропа», располагавшее сетью агентов во многих странах. В 1936 — 1938 годах германский посол в Лондоне; в 1938 — 1945 годах министр иностранных дел. Активно участвовал в подготовке развязывания второй мировой войны и нападения на СССР, в создании блока агрессивных государств и углублении их сотрудничества. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Рихтгофен Вольфрам (1895 — 1945) — генерал-фельдмаршал. В 1939 — 1942 годах командовал 8-м авиационным корпусом, действовавшим во время войны против Польши, Франции, Югославии и Греции, а затем на советско-германском фронте; в 1942 г. — 4-м воздушным флотом, поддерживавшим наступление вермахта на Сталинград и Кавказ; в 1943 — 1944 годах — 2-м воздушным флотом в Италии. С ноября 1944 г. в отставке.

Розенберг Альфред (1893 — 1946) — один из идеологов НСДАП, рейхслейтер. В 1933 г. назначен начальником «внешнеполитического управления НСДАП». Играл важную роль в духовной и идеологической подготовке Германии к войне. В 1940 г. возглавил «эйнзатцштаб Розенберга», осуществлявший захват культурных ценностей в оккупированных странах. С июля 1941 г. «имперский министр оккупированных восточных областей», проводил в жизнь жесточайшую оккупационную политику Германии на временно захваченной вермахтом территории СССР. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Роммель Эрвин (1891 — 1944) — генерал-фельдмаршал. В 1940 г. при наступлении на Францию командовал 7-й танковой дивизией; в 1941 — 1944 годах — немецкими экспедиционными силами в Северной Африке, затем группами армий «Б» в Северной Италии и во Франции. Был связан с руководителями антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. Покончил жизнь самоубийством.

Рундштедт Карл (1875 — 1953) — генерал-фельдмаршал. При нападении на Польшу командовал группой армий «Юг»; при наступлении на Францию — группой армий «А»; в июне—ноябре 1941 г. при нападении на СССР — группой армий «Юг»; за поражение под Ростовом-на-Дону направлен в резерв. В 1942 — 1944 годах командовал немецкими войсками на Западе. С 1945 г. в отставке. После войны до 1949 г. находился в английском плену.

Тербовен Йозеф (1898 — 1945) — обергруппенфюрер СС. С 1940 по 1945 год имперский комиссар оккупированной Норвегии. После капитуляции Германии покончил жизнь самоубийством.

Типпельскирх Курт (1891 — 1957) — генерал пехоты. В 1938 — 1942 годах начальник разведывательного управления генерального штаба сухопутных войск. В 1942 г. советник при командовании 8-й итальянской армии

на советско-германском фронте. В 1943 г. командовал корпусом, в 1944 г. — 4-й армией, затем — армиями во Франции и Италии; в конце войны — группой армий «Висла» на советско-германском фронте. Сдался в плен западным союзникам. Избежал суда за совершенные военные преступления.

Тирак Отто (1889 — 1946) — генерал-майор СС и группенфюрер СА. С 1936 по 1942 год председатель «народной судебной палаты» — трибунала, выносившего смертные приговоры по обвинению в государственной измене; с 1942 по 1945 год имперский министр юстиции. Тесно сотрудничал с Гиммлером в осуществлении нацистского террора, в разработке планов порабощения народов Польши и СССР. Арестован войсками западных союзников. Покончил жизнь самоубийством.

Тодт Фриц (1881 — 1942). Один из организаторов военной экономики Германии, военный инженер. В 1940 — 1942 годах руководил министерством вооружения и боеприпасов. Названная его именем и подчиненная ему «организация Тодта» занималась сооружением военных объектов, в том числе «Атлантического вала». Погиб в авиакатастрофе.

Томас Георг (1890 — 1946) — генерал пехоты. С 1928 по 1938 год возглавлял штаб артиллерийско-технического снабжения в управлении вооружения сухопутных войск, с 1938 по 1942 год — управление вооружения и военной экономики ОКВ. По подозрению в причастности к подготовке покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. был арестован гестапо и заключен в концлагерь. В 1945 г. был освобожден американскими войсками.

Фалькенхаузен Александр (1878 — 1966) — генерал пехоты. С 1934 по 1939 год военный советник в Китае; с 1940 по 1944 год военный губернатор оккупированной Бельгии и Северной Франции. В связи с подозрениями в причастности к покушению на Гитлера 20 июля 1944 г. арестован гестапо и заключен в концлагерь. В 1945 г. был освобожден американцами, затем арестован и отправлен в Бельгию. В 1951 г. приговорен бельгийским военным трибуналом за депортацию евреев в лагеря уничтожения к 12 годам тюремного заключения, но уже через три недели освобожден.

Фалькенхорст Николаус (1885 — 1968) — генерал-полковник. В апреле 1940 г. во главе 21-го армейского корпуса руководил оккупацией Дании и Норвегии. С 1940 по 1944 год командующий армией «Норвегия», с 1942 по 1945 год генерал-губернатор Норвегии. В 1946 г. приговорен англо-норвежским военным трибуналом к смертной казни, которая была заменена 12-ю годами тюремного заключения. В 1953 г. освобожден.

Фегелейн Герман (1906 — 1945) — группенфюрер СС. Офицер связи Гиммлера в ставке Гитлера. В последние дни войны в гражданской одежде пытался бежать из окруженного советскими войсками Берлина, но был опознан и доставлен в имперскую канцелярию. Расстрелян 28 апреля 1945 г. как пораженец и изменник.

Фёглер Альберт (1887 — 1945) — ведущий германский промышленник. В 1926 — 1935 годах генеральный директор треста «Ферейнигте Штальверке АГ» (Дюссельдорф); в 1930 — 1933 годах один из германских промышленников, оказывавших финансовую поддержку НСДАП и способствовавших назначению Гитлера на пост рейхсканцлера. После установления в Германии нацистской диктатуры играл важную роль в переводе германской экономики на военные рельсы, наращивании темпов выпуска военной продукции. Являлся имперским уполномоченным по социализации Рейнско-Вестфальских каменноугольных шахт, председателем и членом советов директоров ряда трестов, в том числе «Энергивиртшафт АГ» (Берлин), «Электрицитет АГ» (Нюрнберг), «Дейче Эдельштальверке АГ» (Крефельд), «Руршталь АГ» (Виттен), «Рейниш-Вестфалише Электрицитетсверке АГ» (Эссен) и др. В апреле 1945 г. был арестован американскими войсками. Покончил жизнь самоубийством.

Франк Ганс (1900 — 1946). В 1933 — 1942 годах рейхслейтер нацистской партии по правовым вопросам и президент академии германского права; в 1939 — 1942 годах начальник гражданской администрации и генерал-губернатор оккупированной польской территории. Проводил в жизнь политику массового истребления польского народа и евреев. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Франк Карл Герман (1898 — 1946) — обергруппенфюрер СС. С октября 1938 г. гаулейтер Судетской области, с марта 1939 г. статс-секретарь и высший начальник СС и полиции протектората Богемия и Моравия. В августе 1943 г. возведен в ранг имперского министра Богемии и Моравии. В 1946 г. казнен по приговору чешского суда.

Фрик Вильгельм (1887 — 1946) — рейхслейтер. В 1933 — 1943 годах министр внутренних дел, член «совета министров по обороне империи». Принимал активное участие в ликвидации демократических свобод в Германии, преследовании церкви, евреев, в проведении политики эвтаназии. В 1943 — 1945 годах имперский протектор Богемии и Моравии, осуществлял террор против чешского населения, угон мирных граждан на рабский труд в Германию, массовые депортации евреев из протектората. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

Фрич Вернер (1880 — 1939) — генерал-полковник. В 1934 — 1938 годах главнокомандующий сухопутными войсками. Один из активных участников строительства вооруженных сил нацистской Германии. Из-за тактических разногласий с Гитлером 2 февраля 1938 г. был снят с занимаемой должности и уволен в отставку. Перед нападением на Польшу был снова призван на военную службу в должности командира 12-го артиллерийского полка. Погиб в боях под Варшавой.

Фриче Ганс (1900 — 1953) — ближайший сотрудник Й. Геббельса. В 1932 г. возглавлял службу новостей германского радио. В 1933 г. возглавил службу новостей в отделе прессы имперского министерства народного просвещения и пропаганды. В 1940 — 1942 годах начальник отдела внутренней прессы в министерстве Геббельса; с ноября 1942 г. глава отдела радиовещания при министерстве пропаганды и уполномоченный по политической организации германского радио. В качестве радиокомментатора культивировал в немцах чувство ненависти к другим народам, преданности нацистским фюрерам. Международный военный трибунал оправдал Фриче при особом мнении члена МВТ от СССР И.Т. Никитченко.

Функ Вальтер (1890 — 1960). Один из руководителей военной экономики нацистской Германии. В январе 1935 г. назначен руководителем прессы в имперском правительстве и статс-секретарем министерства народного просвещения и пропаганды. В 1938 г. занял пост министра экономики и генерального уполномоченного по военной экономике, а в январе 1939 г. — и пост президента рейхсбанка. В том же году введен в состав «совета министров по обороне империи», в 1943 г. в состав Центрального управления по планированию, определявшего потребности германской промышленности в рабочей силе. Принимал активное участие в экономической эксплуатации оккупированных территорий и их разграблении. Приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению, в 1957 г. освобожден.

Хауссер Пауль (1880 — 1972) — обергруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС. В 1936 — 1940 годах главный инспектор частей СС особого назначения. Во главе моторизованной дивизии СС (впоследствии 2-я танковая дивизия СС «Дас рейх») участвовал в наступлении на Францию, нападении на Югославию и СССР. С июня 1942 г. командовал 1-м танковым корпусом СС, участвовавшим в сражении за Харьков (январь — март 1943 г.) и в битве под Курском (июнь — июль 1943 г.). С июня по август 1944 г. командовал 7-й армией во Франции, с конца января по март 1945 г. — группой армий «Г» на юго-западе Германии. В апреле 1945 г. снят с занимаемой должности. В мае 1945 г. сдался в плен американским войскам. На Нюрнбергском процессе выступал в качестве свидетеля защиты СС.

Хойзингер Адольф (1897 —1982) — генерал-лейтенант. В 1940 — 1944 годах начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск. 21 июля 1944 г. арестован по подозрению в участии в заговоре против Гитлера. В октябре 1944 г. освобожден и переведен в резерв верховного командования вооруженных сил. В мае 1945 г. арестован войсками западных союзников. В 1948 г. освобожден.

Шахт Гельмар (1887 — 1970). С 1933 по 1939 год президент рейхсбанка; с 1934 по 1937 год министр экономики; с 1935 по 1937 год генеральный уполномоченный по вопросам военной экономики. Оставался в

правительстве Гитлера министром без портфеля до 1943 г. За связь с участниками заговора 20 июля 1944 г. был арестован гестапо, отправлен в концлагерь Равенсбрюк, а затем во Флоссенбюрг. Международный военный трибунал оправдал Шахта при особом мнении члена МВТ от СССР И.Т. Никитченко. В 1948 г. осужден германским судом по денацификации к 8 годам заключения в трудовом лагере, в том же году выпущен из тюрьмы.

Шверин фон Крозигк Лутц (1887 — 1952). С 1932 по 1945 год имперский министр финансов. Обеспечивал финансирование программы вооружения Германии. В мае 1945 г. был назначен министром иностранных дел в правительстве Деница. В 1949 г. за военные преступления приговорен к 10 годам тюремного заключения, в 1951 г. освобожден.

Ширах Бальдур (1907 — 1974) — рейхслейтер. В 1929 г. возглавил «Национал-социалистский студенческий союз»; спустя два года — нацистскую организацию «Имперская молодежь». В 1933 — 1940 годах руководитель организации «Молодежь Германской империи». В 1940 г. назначен гаулейтером и имперским наместником Вены. Приговорен Международным военным трибуналом к 20-летнему тюремному заключению. В 1966 г., отбыв наказание, вышел из тюрьмы.

Шелленберг Вальтер (1910 — 1952) — бригадефюрер СС. В 1935 — 1939 годах сотрудник главного управления СД; в 1939 — 1941 годах помощник начальника, а в 1942 — 1945 годах начальник 6-го управления РСХА. В 1944 — 1945 годах начальник объединенной разведки СД и абвера. В 1949 г. приговорен американским военным трибуналом к 6 годам тюремного заключения, в 1950 г. освобожден.

Шлейхер Курт (1882 — 1934) — генерал и консервативный политический деятель. В 1929 — 1931 годах начальник управления делами министра рейхсвера; в 1932 г. министр рейхсвера; с декабря 1932 г. по январь 1933 г. рейхсканцлер. Несмотря на личное соперничество с Гитлером, тесно сотрудничал с командованием СА и тем самым способствовал установлению в Германии нацистской диктатуры. 30 июня 1934 г. убит по приказу Гитлера одновременно с начальником штаба СА Ремом.

Шпеер Альберт (1905 — 1981) — один из руководителей военной экономики Германии. С 1933 по 1942 год архитектор Гитлера и уполномоченный НСДАП по городскому строительству в «Германском трудовом фронте»; после смерти Ф. Тодта назначен его преемником на посту министра вооружения и боеприпасов; с сентября 1943 г. до конца войны министр вооружения и военной промышленности. Подчинил всю экономику Германии и оккупированных ею областей ведению тотальной войны. Приговорен Международным военным трибуналом к 20 годам тюремного заключения, после отбытия наказания вышел на свободу.

Шперле Гуго (1885 — 1953) — генерал-фельдмаршал. В 1936 — 1937 годах командир легиона «Кондор», действовавшего на стороне мятежных войск в Испании; в 1938 г. командующий 3-й авиагруппой; в 1939 — 1944 годах командующий 3-м воздушным флотом, участвовавшим в наступлении на Францию в 1940 г. и последующих варварских бомбардировках Британских островов. В мае 1945 г. взят в плен английскими войсками, в 1948 г. освобожден.

Штрассер Грегор (1892 — 1934). В 1919 г. командовал одним из батальонов «добровольческого корпуса» полковника Ф. Эппа, участвовавшего в ликвидации Баварской Советской Республики. Затем вступил в НСДАП. В ноябре 1923 г. при неудачной попытке нацистского переворота в Мюнхене («пивной путч») командовал отрядом СА. В связи с временным запретом НСДАП создал вместе с генералом Э. Людендорфом в январе 1924 г. «Национал-социалистскую партию свободы» и вступил на путь соперничества с Гитлером в руководстве германским нацистским движением. После снятия в 1925 г. запрета на деятельность НСДАП Гитлеру все же удалось восстановить единство партии и закрепить свое положение в качестве ее «фюрера». Несмотря на тактические разногласия с Гитлером, Штрассер с 1926 г. до второй половины 1932 г. являлся «имперским руководителем пропаганды НСДАП», а с июня по декабрь 1932 г. — «имперским организатором НСДАП». В 1933 г. он отказался от всякой политической деятельности, возглавил одно из химических предприятий. 30 июня 1934 г. убит гестаповцами по приказу Гитлера.

Штрекенбах Бруно (род. в 1902 г.) — группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС и полиции. В 1939 г. командир 1-й эйнзатцгруппы полиции безопасности и СД, участвовавшей в нападении на Польшу; в 1939 — 1940 годах командующий полиции безопасности и СД в генерал-губернаторстве Польши; с 1941 по 1942 год начальник 1-го управления главного управления имперской безопасности (РСХА), с июня 1942 г. по январь 1943 г. начальник РСХА; в 1943 г. командир 8-й кавалерийской дивизии СС; 1944 г. командир 19-й латышской дивизии СС. Осужден за преступления советским военным трибуналом и передан в Западную Германию для отбытия тюремного заключения, однако там освобожден.

Штрооп Юрген (1875 — 1951) — генерал СС. В 1939 — 1943 годах руководил операциями эсэсовских частей по уничтожению евреев в Польше и на оккупированной части территории СССР. В апреле — мае 1943 г. руководил расправой с восставшими в Варшавском гетто. Затем в качестве высшего руководителя СС и полиции в Греции осуществлял террористическую политику в этой стране. По его приказам уничтожались взятые в плен англо-американские военные летчики. В 1947 г. приговорен американским военным трибуналом к смертной казни и передан Польше. В 1951 г. казнен в Варшаве.

Штюльпнагель Карл Генрих (1886 — 1944) — генерал пехоты. С 1938 г. по июнь 1940 г. генерал-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск, затем в течение шести месяцев возглавлял германо-французскую комиссию по перемирию. С февраля по октябрь 1941 г. командовал 17-й армией, участвовавшей в нападении на СССР. С марта 1942 г. по июль 1944 г. командовал оккупационными войсками во Франции. Жестоко расправлялся с участниками французского движения Сопротивления. Активно участвовал в подготовке заговора 20 июля 1944 г. против Гитлера; после его провала пытался покончить жизнь самоубийством, казнен гестапо.

Эйке Теодор (1892 — 1943) — генерал СС и генерал войск СС. В 1934 г. назначен «инспектором концентрационных лагерей и охранных частей СС». Под его руководством для заключенных концлагерей был введен каторжный режим и начали создаваться части СС «Мертвая голова» для охраны концлагерей. В ноябре 1939 г. был назначен командиром дивизии СС «Мертвая голова», которая участвовала в войне против СССР. Убит в 1943 г. на советско-германском фронте.

Эйхман Карл Адольф (1906 — 1962) — оберштурмбаннфюрер СС. С 1934 г. возглавлял в СД отдел, занимавшийся вопросом выселения евреев из Германии. С ноября 1941 г. возглавлял отдел IV Б4 РСХА, руководивший «окончательным решением» еврейского вопроса. После войны скрывался в Аргентине. В 1960 г. арестован израильской разведкой. Казнен по приговору окружного суда в Иерусалиме.

792
Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми т.
Н97 Т. 8. — М.: Юрид. лит., 1999. — 792 с.
ISBN 5-7260-0923-1

Восьмой том сборника содержит материалы, относящиеся к заключительной стадии работы Международного военного трибунала. Это выступления защитников подсудимых, заключительные речи главных обвинителей, последние слова подсудимых, приговор Международного военного трибунала и особое мнение члена Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко. Некоторые документы впервые публикуются на русском языке полностью.

В него включены также указатель имен и аннотированный список руководящих деятелей нацистской Германии.

Для юристов, историков, широкого круга читателей.

УДК 341.64(093.2)
ББК 67.412.1

Редакторы *Л.А. Могусева, В.В. Титов*
Художник *В.И. Пантелеев*
Художественный редактор *П.В. Ивaщенко*
Технический редактор *Н.Д. Коваленко, Г.И. Заблоцкая*
Компьютерная верстка *Н.В. Шестовой, А.Ю. Карелова*
Корректоры *Е.Н. Зоткина, М.В. Косарева*

Лицензия ЛР № 010152 от 30 декабря 1996 г.
Сдано в набор 28.10.98 г. Подписано в печать 11.02.99 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура Гельветика. Печать офсетная
Объем: усл. печ. л. 49,5; учет.-изд. п. 59,81
Тираж 3000 экз. Заказ № 152

Издательство "Юридическая литература"
Администрации Президента Российской Федерации
121069, Москва, ул. Малая Никитская, д. 14

Отпечатано в ГУП ИПК
"Ульяновский Дом печати"
432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

